

ОПЕРА

ЗВУК И СМЫСЛ

ЭТИМОЛОГИКА

Вяч. Вс. Иванов
Труды
по этимологии
индоевропейских
и древнепереднеазиатских
языков
Том 2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

I

- О возможности этимологического отождествления слов, относящихся к одинаковым словообразовательным типам, в родственных языках (праслав. **dblg-ostb* = хет. *dalugašti*)
О соотношении этимологии и реконструкции текста.....

II

- К индоевропейским названиям колеса и колесницы
Социальная организация индоевропейцев по лингвистическим данным
Индоевропейские этимологии.....

III

- Разыскания в области анатолийского языкознания. 1а—2
Разыскания в области анатолийского языкознания. 3—8
Разыскания в области анатолийского языкознания. 9—16
Разыскания в области анатолийского языкознания. 17—19 83
Разыскания в области анатолийского языкознания. 15а, 18а, 19а, 20—24
Материалы для сравнительного-этимологического словаря анатолийских языков. Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса в древней Малой Азии. Часть I..... 103
Материалы для сравнительного-этимологического словаря анатолийских языков. Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса в древней Малой Азии. Часть II 163
Хеттское словообразование в сравнительно-историческом освещении..... 216

Русское <i>молить</i> и хеттское <i>malda(i)</i> -.....	226
<i>J. Tischler. Hethitisches etymologisches Glossar. Mit Beiträgen von Günter Neumann. Lief. 1 (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Bd. 20). Innsbruck, 1977; Lief. 2. Innsbruck, 1979</i>	232

IV

Микенское и гомеровское греческое название Соленого моря в свете сравнительного языкознания.....	238
Микенское греческое <i>wa-na-ka</i> и его индоевропейские соответствия.....	
Древнебалканские названия священного царя и символика царского ритуала.....	
О происхождении др.-греч. <i>ἐλέφας</i> ‘слоновая кость, слон’	
Названия слова в языках Евразии. 1—3	

V

Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазиатского (анатолийского) ареалов	
К балкано-балто-славяно-кавказским параллелям.....	317

VI

Лингвистические материалы к реконструкции погребальных текстов в балтийской традиции	347
И.-е. <i>*sont</i> в балтийском и предыстория Modus Relativus	349
К проблеме лтш. <i>jumis</i> и балтийского близнечного культа.....	
О некоторых архаизмах прусского суффиксального словообразования	
Прус. <i>emnes, emmens</i> ‘имя’ : иерогл. лув. <i>atlmaza</i> : хет. <i>laman</i>	

VII

Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен	
К реконструкции <i>мокоши</i> как женского персонажа в славянской версии основного мифа	
К типологическому анализу внутренней формы праслав. <i>*čelověkь</i> ‘человек’	
К этимологии русского <i>насти</i>	458
К проблеме ‘лютого зверя’	
Ранние коптские заимствования в славянском.....	
Поздне(вульгарно)латинские и раннероманские заимствования в славянском	
Славяно-арийские (= индоиранские) лексические контакты.....	

VIII

К истории значений санскритскую *mleccha*

IX

К определению названия «тохарского В» языка

Тохарская параллель к славянским уменьшительным формам

Еще о славяно-тохарских изоглоссах

Из заметок о тохарских буддийских текстах

Тибетские кальки в тохарских текстах

К проблеме тохаро-алтайских лексических связей

Van Windekens. Le tokharien confronte avec les autres langues indo-européennes.

V. 1. La phonétique et le vocabulaire (Travaux publiés par le Centre

International de Dialectologie Générale de l'Université catholique

néerlandaise de Louvain, fasc. XI). Louvain, 1976

X

Происхождение имени Кухулина567

Кельтские обозначения взаимных обязательств

XI

Интерпретация текста хаттско-хеттского строительного ритуала
(в свете данных внешнего сравнения).....

К проблеме соотношения древнегреческой и хаттской традиций

Хурритские и хаттские этимологии.....

Урартск. *mari*, хурритск. *marianne*, хайасск. *marija*-

О некоторых переднеазиатских параллелях к картвельским лексемам.....

Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса
в Древней Малой Азии. III

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий том включены работы, посвященные этимологическим исследованиям главным образом в области индоевропейских языков и некоторых других языков Древнего Ближнего Востока и Кавказа. Стремительное развитие их изучения нередко делает необходимой ревизию принимавшихся ранее объяснений. Только в части случаев можно быть уверенным в большей или меньшей достоверности высказываемых предположений. В целом остается в силе принятое в естественных науках положение об ограниченной достоверности предлагаемых гипотез. Там, где это казалось возможным, автор стремился соотнести напечатанные ранее этимологии с современным состоянием знаний, сопровождая старые статьи постскриптумами. Это представлялось нецелесообразным применительно к некоторым языкам, в отношении которых, как, например, лувийских и анатолийских позднего (античного) времени, интерпретации непрерывно пересматриваются. В этих случаях, в особенности при перепечатке совместных с другими соавторами трудов, я считал нужным сохранить исходный текст для истории науки (тем более, что первоначальные издания по условиям публикации не всегда были широко известны). Тексты первых публикаций и их заглавия иногда были сокращены или изменены для прояснения смысла.

Автор возвращался к одной и той же теме в разное время. Это сделало неизбежным наличие повторов, создающих известную цельность тома и поэтому нередко сохраненных.

Хотелось бы отметить вклад, внесенный в разработку многих публикуемых этимологий покойными друзьями и коллегами, прежде всего В. Н. Топоровым и С. А. Старостиным, щедро делившимися с автором встречными мыслями и советами.

**О ВОЗМОЖНОСТИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО
ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ СЛОВ,
ОТНОСЯЩИХСЯ К ОДИНАКОВЫМ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ТИПАМ,
В РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ
(ПРАСЛАВ. **DЪLG-OSTЬ* = ХЕТ. *DALUGAŠTI*)***

Одной из важнейших задач сравнительно-исторического исследования словообразования является выяснение того, в какой мере словоформы при этимологическом родстве корней и деривационных аффиксов могут быть признаны исторически тождественными. В последнее десятилетие многократно высказывался в этом отношении скептицизм, связанный с альтернативной возможностью объяснения таких слов конвергентным параллельным образованием. Представляется, однако, что могут быть сформулированы критерии, по которым идентичные производные, засвидетельствованные порознь в ряде родственных языков в ранних памятниках, могут быть надежно признаны унаследованными словообразовательными архаизмами. Для формулирования соответствующих закономерностей полезно использовать возможности, предоставляемые генеративными и компьютерными методами. Составленный для данного языка или праязыка (например, для праславянского в последних этимологических словарях, материалы которых широко использованы ниже) большой словарь словоформ может быть эквивалентен сложной системе их порождения, состоящей из набора трансформационных правил, превращающих сочетание корня с аффиксом (или несколькими аффиксами) в основу,

* Издано в: Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / Отв. ред. д. филол. н. Г. П. Нешименко. М.: Наука, 1987.

оформляемую далее словоизменительными элементами. При этом могут быть заданы таблицы корневых морфов и аффиксов, используемых в правилах порождения основ и словоформ. Можно оценить количественно величину словаря (или микрословарей для отдельных словообразовательных классов и/или семантических групп) и сложность правил порождения. Хотя при малом (микро)словаре его, казалось бы, легче задать списком (перечнем), тем не менее именно в этом случае лучше иметь правила порождения, т. е. они позволяют гипотетически заполнить случайно отсутствующие словоформы, которые теоретически возможны. При большой величине словаря можно придать на статистическом основании «веса» отдельным словообразовательным типам и относящимся к ним словоформам. Продуктивность (статистически оцениваемая в системе парадигм и в текстах, включая реконструируемые) связана обратной зависимостью со степенью архаичности, определяющей вероятность «выживания» данной формы, унаследованной от предшествующего состояния языка. Иначе говоря, предполагается, что в словообразовательной системе, как и в языке в целом¹, направление времени («стрелка времени», если пользоваться терминологией физики²) определяется статистически понимаемой энтропией: чем чаще данный словообразовательный тип встречается в парадигме (и в тексте), тем выше его продуктивность и соответственно тем менее вероятно его отнесение к архаическим слоям словообразования. Чем больше количество информации (обратное по знаку энтропии) содержится в словообразовательном правиле порождения, тем вероятнее отнесение его к предшествующим этапам истории языка. В качестве примера рассмотрим тип основ с суф. **os-ti*, служащим для образования отвлеченных производных от прилагательных. С самого начала исследования хеттского языка высказывалось предположение об изначальном тождестве хет. *dalugašti* 'длина' и польск. *dlugość*. Однако это не раз повторявшееся сопоставление, чаще всего формулировавшееся как относящееся к двум языкам, не считалось достоверным; Бенвенист 20 лет назад выступил с категорическим отрицанием возможности родства этих двух слов и самих содержащихся в нем суффиксов, которые он признавал только результатами параллельного развития³.

Новейшие этимологические словари праславянского⁴ не позволяют сомневаться в принадлежности **dǫlg-ost-* = *dǫlg-ostь*⁵ к праславянскому. В каж-

¹ Вяч. Вс. Иванов. Вероятностное определение лингвистического времени // Вопросы статистики речи. Л., 1958.

² Вяч. Вс. Иванов. Категория времени в искусстве и культуре XX века // Structure of texts and semiotics of culture. The Hague; Paris, 1973.

³ E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Études comparatives. P., 1962.

⁴ Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1978. Вып. 5; Słownik prasłowiański. Wrocław, etc., 1979. Т. III. Davънь—dobъtatis.

дой из подгрупп славянских языков слова, восходящие к этому общеславянскому, представлены, начиная с ранних текстов: в лехитских диалектах (в польском *dhugość* 'rozciągłość liniowa w przestreni, w czasie' [жен. р.], с XIV в.), также в диалектах (Zaręba, Siołkowice, Szymczak, Domaniewek, Górnowicz, Malbork), в кашубском *dhugosć*, словинском — *dleg^uosc*, *dl^ugosc* по Лоренцу, в лужицких (н.-луж. *dhugosć* 'пространственная протяженность', жен. р., засвидетельствовано с XVI в. современное *dhujkosć*, в.-луж. *dothosć*, жен. р. 'продолжительность, длительность'), в чешском (сущ. жен. р. *dlouhost* 'продолжительность, длительность', начиная с древних текстов; ст.-чеш. *dlúhost*) и словацком (*dlhost'* только как грамматический термин), словенском (*dolgôst* с XVI в.) и сербохорватском (*duȓocm*, *duȓost* в старых текстах с XVII в.), в старославянском (древнеболгарском) *длъгост*, в русском изводе церковнославянского (*дългостъ*, *длъгостъ*), в русском (*дѳлгостъ* — 'долгота как свойство, продолжительность'), в староукраинском (*дѳвгистъ*, род. п. *дѳвгосту*, с XV в.), в белорусском (*дѳвгосць*).

Продолжаемая во всех формах этих языков основа образована от праслав. **dǫlgъ* 'долгий, длинный', представленного в большом числе общеславянских словосочетаний, сложных слов и производных типа **dl'g-ačь* 'высокий человек', **dl'g-ajь*, значение, близкое к предыдущему, **dl'g-al'* то же значение, **dl'g-ul'a* с близким значением, в восточнославянском и западно-южнославянском, **dl'g-unь* 'что-либо продолговатое', **dl'g-anь*/**dl'g-anь*, значение, близкое к предыдущему, **dl'g-astь* 'длинноватый' соотношение с суфф. *-osti* у прилагательных этого типа заслуживали особого исследования в силу наличия индоевропейских параллелей: **dlg-avь* значение, близкое к предыдущему, **dl'g-okь*/**dl'g-očьkь* 'очень, необыкновенно длинный, долгий', **dl'g-osь* 'длинный человек, нечто длинное' (с вариантами огласовки суффикса по отдельным славянским языкам, русск. диал. *долгуша*, *долгишѳм* 'волоком' и т. п.), **dl'g-uni* 'длина' в западно-южнославянском и восточнославянском, **dl'go-grivь* 'долгогривый' — древний коневодческий термин, вторая половина принадлежит к числу коневодческих терминов, общих для индоарийского и праславянского (см. ниже об изоглоссах этого типа в специальной статье), **dl'go-nogь* (ю.-слав. **dlgo-korkь* 'длинноногий'), **dl'go-nosь* 'длинноносый'; **dl'go-pole* 'длинное поле', **dl'go-prstь* 'длиннопалый', **dl'go-rokь* 'длиннорукий', **dl'go-rьtь* 'с длинным острием', **dl'go-šьjь* 'длинношей', **dl'go-uchь* 'длинноухий', **dl'go-vezь* 'долговязый', **dl'go-vekь* 'долговечный', **dl'go-volkь* 'с длинными волосами', **dl'go-volsь* южно-слав. **dlgo-kosь* 'длинноволосый' (Słownik 1979, с. 257—269). Часть их восходит к диалектным индоевроп. архаизмам (**dǫlg-ota*, др.-инд. *dirgh-atā*, которые, одна-

⁵ Об ударении см.: В. А. Дыбо. Славянская акцентология. М., 1981.

ко, Майрхофер⁶ считает без достаточных на то оснований независимыми друг от друга, **dġgo-bordь*, ср. имя лангобардов и т. п.). Деривационный суффикс *-ostь* представлен значительным числом праславянских производных от прилагательных типа **stār-ostь*, **mōdr-ostь*, **svĕt-ostь*, **dobr-ostь*, **div-ostь* (: **div-ota*), **pol-ostь* (: **polь* 'полюй'), **bolg-ostь*, **dorg-ostь* 'драгоценность' > 'радость' **rad-ostь* (засвидетельствовано в древненовгородском, представляющем собой архаический северо-восточный диалект праславянского), **dik-ostь* (представлено в восточнославянском и лехитском), о.-слав. **blĕd-ostь*, **bliz-ostь* (в южнославянском и восточнославянском), **dbrz-ostь*, **dur-ostь* (засвидетельствовано в восточнославянском), **bĕl-ostь*, **břz-ostь*, **bystr-ostь*, **debel-ostь*, **dġžn-ostь*; ср. также фонетический вариант суффикса **bol-estь* (от **bolь*), **divġj-estь* (: **div-ostь*) и т. п. Поэтому, в принципе, *dblġ-ostь* могло бы (как и **dblġ-ota*) быть и собственно праславянским новообразованием. Но формы других родственных языков заставляют отодвинуть дальше вглубь время возникновения этого производного, как и других, с ним связанных.

Хет. *dalug-ašti* 'длина' к *daluk-i-* 'долгий' представлено вместе с *palġ-astġ* 'широта' (= слав. **pol-ostь* к хет. *palġ-i-* 'широкий') в новохеттских копиях, архаизирующих эпические тексты, переложенные с хурритского (около середины II тыс. до н. э.), поэм об Улликумми (*na-aš da-lu-ga-aš-ti* 3 KAS. GID *pal-ġa-aš-ti-ma-aš-x* KAS. GID 'и она в длину 3 версты, в ширину (...) верст' о скале-матери героя Güterbock 1952) и Хедамму DUMU. SAL-LA *da-lu-ga-aš-ti-ia* (...) (*pal-ġ)a-aš-ti-ma-aš* DANNA 'дочь моя в длину (...), в ширину 1 верста' — о дочери моря Шертапшухури⁷. При образовании *dalug-ašti-* (*palġ-ašti*) от *daluk-i-* (*palġ-i-*) использовалась основа без суффикса прилагательного *-i-*, как у архаичных глаголов *dalugnu* 'удлинять'; ср. модальное производное на **-l-* *dalugnu-la* 'должное быть удлиненным' (в древнехеттском ритуале)⁸, *daluk-ešš-* 'стать длинным'; ср. также *park-u-* 'высокий' (и.-е *b^hġg^h-u*, др.-арм. *barjr*): *park-ašti* 'высота' по Гютербоку⁹ рядом с *palhašti* в поэме об Уликумми: *barg-(a)nu(la)* 'который надо сделать высоким': *park-es-* 'возвышаться' при позднейшем *park-au-eš-* с тем же значением, где присутствует суф. *-au-*, в

⁶ M. Mayrhofer. Kurzgefaßtes Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1963. S. 47. Bd. II.

⁷ J. Siegelová. Appu-Märchen und Hedammu-Mythus // Studien zu den Bogazköy. Texten. Wiesbaden, 1971. S. 38. H. 14.

⁸ О точных морфологических соответствиях в славянском и об употреблении данной хеттской формы см.: Вяч. Вс. Иванов. Происхождение славянских глагольных форм на *-l-* // Сов. славяноведение. 1981. № 6. С. 91—102, там же приводится дальнейшая литература вопроса.

⁹ См.: H. G. Güterbock. The Song of Ullikummi // Journal of cuneiform studies. 1952. № 4.

park-eš отсутствующий. Соответствующая основа прилагательного на *-u-* от корня *daluk-*, предполагаемая древним производным *dalug-nu-*, где *-n-u* некогда образована инфиксацией глагольного носового аффикса в основу прилагательного **dalug-u-*, может быть засвидетельствована в форме дат. пад. мн. ч. *da-a-lu-ga-u-wa-aš* KUB XXVII 67 II 40 (иногда форма вслед за Кронасером объясняется как вторичная¹⁰). В таком случае и для праславянского не только при использовании сравнения с хеттской формой¹¹, но и на основании форм типа **dl'govь*, **dl'govatь*, **dl'go-vitь*¹² можно было бы предположить наличие древней основы на **-u-* того же типа, что и в других индоевропейских названиях признаков-прилагательных на *-u-*, относящихся к той же семантической группе¹³ и специально выделяемых в качестве общих для анатолийского, балтийского и славянского¹⁴. При архаичности контекстов, в которых встречаются данные формы на *-ašti*, они не являются в хеттском продуктивными. Поэтому совпадение хет. *dblug-ašti* = слав. **dɫg-ostь*; хет. *palḫ-ašti* = слав. **pol-ostь* свидетельствует о происхождении их от одинаковых индоевропейских праформ. Употребление *dalugašti* ⟨...⟩ *palḫašti* в хеттском в двух приведенных текстах сходно с ст.-слав. (др.-болг.) **длъгостъ же** и **широстъ** (Богословие св. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского, с. 126) и допускает реконструкцию *N-*osti*, ⟨...⟩ *N-*osti* как приема. Для *dalug-ašti* можно думать о развитии **dlHgh-* > *doluk-* с особым рефлексом группы **-lH-* (ср. греч. *δολυχο-*, для которого и родственного др.-инд. *dlrgha* восстанавливалось **dlx.gho-*¹⁵); в таком случае хеттская и славянская формы восходят к и.-е. **dlHgh-ošti*. Хеттские формы однозначно указывают на индоевропейское суффиксальное ударение в отличие от славянских, ср. к акцентологическому противопоставлению хет. *da-a-lu-ki-eš-zi*, где ударение явно на корне.

Засвидетельствованные в хеттском параллельные глагольные формы с начальным *z-* вместо *d-* (*zalug-nu-*, написание *za-lu-ug-nu-zi*, *zaluk-ešš-* = *za-lu-ki-iš-zi*) свидетельствуют о неустойчивости *d-* в позиции перед **-lH-* после редукции корневого гласного. Анлаутное чередование *d-/z-* в этой хеттской основе объясняют ассибиляцией, происходившей из-за палатализации, оче-

¹⁰ J. J. S. Weitenberg. Die hethitischen U-Stämme // Academisch Proefschrift. Amsterdam, Rodopi, 1984. § 731. P. 272.

¹¹ Słownik prasłowiański... S. 262—265.

¹² Этимологический словарь славянских языков... С. 207, 209.

¹³ Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2. С. 782.

¹⁴ J. Puhvel. Balto-Anatolian lexical isoglosses // Investigations Philologicae et Comparativae. Innsbruck, 1982.

¹⁵ K. Strunk. Verkannte Spuren eines weiteren Tiefenstufentyps im Griechischen // Glotta. 1969. Bd. 47. H. 3—4.

видно, в позиции перед редуцированным гласным переднего ряда *e* в субморфе **d_el-* > *zal-*, тогда как в позиции перед **o* > *a* в субморфе *dal-* (по огласовке сопоставимым с греч. *δολιχός*)¹⁶ палатализации не происходит, это, однако, чрезвычайно проблематично¹⁷, потому что, во-первых, нулевая степень редукции корневого гласного делает палатализацию сомнительной, во-вторых, палатализация **d* в хеттском обычно давала *š*: *šiu* 'бог' < **deiu-/diu-*. Кажется, однако, возможным сопоставить чередование *d-/z-* в начале этого слова с аналогичным чередованием *l-/z-* в начале слова *laman-/zaman-* (дат. п. *zamn-i*, род. п. *zamnus*)¹⁸ при первой смычной *-t-* в лув. *atimaza* 'имя' и начальном спиранте в семитском слове (финик. *šm* и т. п.; в других ностратических языках — уральских — представлена последовательность *n...m* в возможном древнем индоевропейском заимствовании при обратном порядке *m...n* в сино-тибетском). В этом последнем случае наблюдаемое соответствие между чередованием *l-/z-* ~ *t-* в анатолийском и семитском анлауте заставляет вспомнить о предлагаемом в последнее время сближении с сем. **²-r-k* для и.-е. **delg^hH-*¹⁹, хотя фонетическая сторона этого сближения и остается неясной. Более существенно другое: и в слове, обозначающем 'имя' (прус. *emmens*, *emens* < **nmen-s*, сопоставимое с лид. *ētams* 'имя', возводится соответственно к **etamaⁿ-s*, ср. иерогл. лув. *átimaⁿza* = *atimāza*²⁰; слав. **jьme* рус. *имя*, болг. *име*, с.-хорв. *име*, словен. *imé*, чеш. *jméno*, ст.-чеш. *jmě*, слвц. *meno*, польск. *imię*, в.-луж. *tjeno*, н.-луж. *mě*, полаб. *jeima*), балтийский (к которому в этом случае примыкает славянский и албанский) отражает основу с деформацией анлаута. В этом отношении название 'имени' сопоставимо с обозначением 'долготы, длины' как признака, где в хеттском обнаруживается явная неустойчивость начального согласного (можно было бы задаться вопросом, не следует ли здесь, как и в названии 'имени', видеть отражение какой-то позднее исчезнувшей особой древней фонемы; фонетически более вероятно сближение сем. **²-r-(k)* с основой лув. *ara-i*, иерогл. лув. *ara*, тох. А *aryu-*²¹,

¹⁶ F. Josephson. Assibilation on Anatolian // Hethitisch und Indogermanisch. Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Bd. 25. Innsbruck, 1979; N. Oettinger. Das hethitische Verbum. Göttingen, 1979. S. 249, примеч. 23, S. 447.

¹⁷ J. J. S. Weitenberg. Op. cit. S. 72, 441, примеч. 424.

¹⁸ Chicago Hittite Dictionary by H. Hoffner, H. G. Güterbock. Chicago, 1980. V. III. L—M. S. 39; Вяч. Вс. Иванов. Прус. *emnes*, *emmens* 'имя': иерогл. лув. *atimaza*: хет. *laman* // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 104—108 (см. ниже в этом томе).

¹⁹ S. Levin. Indo-European descriptive adjectives with «Oxytone» accent and Semitic stative verbs // General linguistics. 1984, V. 24. № 2.

²⁰ O. Carruba. Der Casus auf *-sa* des Luwischen // Investigationes Philologicae et Comparativae. I. 1982; В. Н. Топоров. Прусский язык. Словарь. Е—Н. М., 1979. С. 28—29; Вяч. Вс. Иванов. Прус. *emnes*...

²¹ J. Puhvel. Hittite etymological dictionary. Berlin, 1984. S. 178.

ареальная основа, сближающаяся с *dalug-n-u-* только типом основы на носовой *aranuwa-* ‘удлинять’. Отсюда позднейшее полное исчезновение **d-* в родственных словах западноиндоевропейских языков и в балтийских диалектах, засвидетельствованных письменными текстами: лит. *ilga-s*, латыш. *ilg-s*, прус. наречие *ilga*. Тем больший интерес представляет лит. *ilg-asti-s*, употребление которого до настоящего времени сохраняет черты сходства с хеттским, ср. параллелизм: *Kaip išbristi man, vargdieni, tokį platų platumelį, tokį gilų ilgastelį?* (Balys Sruoga) ‘Как выбраться мне, горемыке, на такой широкий широтушке, на такой глубокой долготушке?’, где *platumà* ‘ширь’ (: *platus* ‘широкий’) сохраняет связь с хет. *palḥ-i* (лат. *plānus*), слав. **polь*, *ilgastis* — с хет. *dalugašti*, слав. *dlgostь*.

Новообразование и в литовском, где группа производных существительных на *-asti-s* не очень продуктивна²², представляется крайне маловероятным, хотя в балтийских языках слово не представлено в ранних текстах разных традиций в отличие от славянского. Но при редкости данного суффикса в балтийском он представлен такими уникальными в семантическом отношении образованиями, как прус. *et-nī-sti-s* ‘милость’, ‘Gnade’²³. Поэтому кажется вероятным, что и часть восточнобалтийских, в том числе литовских, слов с этим суффиксом могла быть достаточно древней.

Таким образом, кажется надежным предположение об отражении в хеттском и балто-славянском деривационного суффикса, известного и в других индоевропейских диалектах (др.-арм. — *-(a)st-* < **(o)sti* в сочетании с основами глаголов и прилагательных и т. п.). Хотя с точки зрения общеиндоевропейской морфологии суффикс был сложным (**-os + *-ti-*), в рассматриваемых производных он функционировал уже как единое целое.

В древнеармянском производное с суф. *-st-* (с синхронной точки зрения *-ast*, *-est*, *-ist*, *-ust*) образуется от основ прилагательных и глаголов: *gov-est* ‘похвала’ : *gov-em* ‘хвало’, *kor-ust* ‘потеря’ : *kor-n-čim* ‘пропадаю’ и т. п. Древним является суффикс **(e)s-ti-* в прилагательных, судя по соответствию архаического типа представленного, с одной стороны, в латинских прилагательных (*agr-esti-s* ‘деревенский’, *cael-esti-s* ‘небесный’), с другой — в санскрите, хотя этимологии таких прилагательных, предположительно содержащих этот суффикс, как др.-инд. *pal-asti* ‘седовласый’, *pul-astí* ‘с прямыми, невьющимися волосами’²⁴,

²² О типе литовских имен существительных на *-(a)-sti-* см.: P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943. S. 366 (§ 212); J. Otrębski. Gramatyka języka litewskiego. T. 2. Nauka o budowie wyrazów. Warszawa, 1965. S. 248 (§ 414).

²³ См. к анализу этого слова: В. Н. Тоноров. Указ. соч. С. 108, а также: W. P. Schmalstieg. An Old Prussian grammar: the phonology and morphology of the three catechisms. University. Park; London, The Pennsylvania University Press, 1974. S. 75.

²⁴ Т. Барроу. Санскрит. М., 1976. С. 155.

остаются не до конца ясными. В ведийском очень отчетливо видны функции вторичного суффикса *-ti-* в сочетании с предшествующим *-a-tā-* синонимичным **-osti* с общиндоевропейской точки зрения в таких производных, как *-sárva-atāti* 'полнота, благополучие': *sárva* 'весь целый', *ariṣṭātati* 'невредимость': *áriṣṭa-* 'невредимый'²⁵. Поэтому можно думать, что в индоевропейском диалекте, к которому восходит индоарийский, и в суф. **-esti-* еще отчетливо выделялись обе составные части из которых вторая — вторичный суффикс **-ti* отождествлялась с тем же суффиксом в таких сочетаниях, как **(o)toH-ti* > др.-инд. *-tāti*.

Суффикс, родственный рассматриваемому, был представлен и в ряде древнеевропейских западноиндоевропейских диалектов.

О древности *-st-* в некоторых суффиксальных образованиях могут свидетельствовать такие этимологии, как др.-в.-нем. *vrost* 'мороз' (нем. *Frost*), др.-исл. *frost*, др.-англ. *forst*, *frost*, англ. *frost* (если *-s-* здесь не принадлежит глагольной основе, что может иметь место и в некоторых других случаях; др.-в.-нем. *vrist* 'срок', др.-исл. *frest*, др.-англ. *first* 'отсрочка', тох. А *prašt*, В *preçciya* 'время' где можно видеть след *-i-* в **-sti-*). В некоторых других древнегерманских производных этого типа не всегда легко отделить общегерманское индоевропейское наследие от достаточно ранних латинских заимствований: ср. лат. *angustia* 'узость' (этимологически тождественно слав. **qz-osti*): др.-в.-нем. *angust* (нем. *Angst*).

Приведенный материал и другие аналогичные формы позволяют предположить, что исходные данные для образования сложного суффикса **-es-ti-* были во многих группах древних индоевропейских диалектов. Но только в некоторых, как в балто-славянском и хеттском, были образованы полностью этимологически совпадающие производные, позволяющие думать об одинаковом лексическом заполнении хотя бы части функционально совпадающих словообразовательных классов.

1987

Корректирующее примечание

Упомянутая выше индоевропейско-семитская этимология более подробно обсуждена в книге: *S. Levin. Semitic and Indo-European: The Principle Etymologies. With Observations on Afro-Asiatic* (Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science, general ed. E. F. K. Koerner, vol. 129). Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 188, 280—281, 289, 450.

²⁵ Т. Я. Елизаренкова. Грамматика ведийского языка. М., 1982. С. 169.

О СООТНОШЕНИИ ЭТИМОЛОГИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ ТЕКСТА *

Надежность этимологии существенно увеличивается при расширении контекста, в котором можно отождествить сопоставляемые морфы и слова. При максимальном увеличении контекста можно ждать, что целые тексты могут быть отождествлены в двух разных традициях. В этих случаях этимологическое исследование оказывается достаточно близким к выполнению задачи реконструкции текста; при этом иногда большие фрагменты удается отождествить этимологически, другие — хотя бы на синтактико-семантическом уровне. Ниже предлагаются иллюстрации из нескольких разных традиций.

1. Индоевропейские мифопоэтические и ритуальные тексты. В хеттском ритуале царского погребения оборот =*kan ḫaštai dai*= 'кости положить (в)' совпадает с лат. *ossa condere (terrā)* 'спрятать (похоронить) кости (в земле)' (Виргилий, Энеида, V. 48), причем особенно показательно совпадение хеттского сочетания глагола с видовой частицей и латинского приставочного глагола. Исходное ⟨...⟩ **kom* **Host(h)* (= *i*) *dheH*= с тем же значением с надежностью возводится к общеиндоевропейскому описанию погребального ритуала. Многочисленные аналогичные примеры относятся к так называемому индоевропейскому (или греко-арийскому) поэтическому языку.

2. Классич. тибет. *kha.lčags.kyi.mchu* 'железный клюв' (буквально *kha* 'рот' + *lčags* 'железо') как мифологическое название ворона, обитающего в аду,

* Издано в: Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Москва. 21—26 мая 1984 г. Тезисы докладов / Отв. ред. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачев. АН СССР. Ин-т русского языка. Советский комитет славистов. М.: Наука, 1984; также: Этимология 1984. М., 1986. С. 66—70.

отождествимо с кет. *кыл' аңеқо° дьіроқ* 'ворон с горячим железом во рту летит' (загадка с отгадкой *ат'эн' 'клещи'*). Отождествление кет. = *қо°* : тиб. *kha* 'рот' (: шумерск. *ka* 'рот') делает вероятной древность словосложения (возможно, восходящего либо к периоду возникновенияковки или плавки железа, либо к еще более древним представлениям, связанным с метеоритным железом).

3. При сравнении терминологии хаттского мифа о луне, упавшей с неба, с родственными северокавказскими словами удается не только восстановить словарь исходного мифопоэтического текста, но и предложить именно на основании этимологического отождествления глаголов и относящихся к ним существительных интерпретацию всего текста как мифологического описания лунного затмения, ср. совпадения контекстов, в которых употребляется хаттск. = *kuwa* 'хватать (луну)', убых. *q'°a* = 'хватать' (в сочетании *andya q'°aq'a* 'он схватил солнце'), аварск. *baq* = *kkvej* 'затмение (солнца)', *baq kkun bugo* 'солнце затмилось', *mozž kkvej* 'лунное затмение'. Выступающие в качестве субъекта при хаттском глаголе хаттск. *tauwaa tupi* 'Страх и Ужас (= хет. *Nahšarateš Weritemaš* 'Страхи и Ужасы', греч. *Δεῖμος τε Φόβος τε*) соответствуют кабардин. *итэлэ* = *итаблагэ* 'робость', *итэл* = *итаблэ* 'робкий', ст.-адыгейск. *итауо*, *итанхе* 'боязливый', *итмэ* 'испуг'. Хаттск. *Zu-du-(han)* 'опустилась' (на землю о луне в том же мифе) соответствует убых. *z°a=l°a* = 'опускаться' в контекстах *andya z°at°aq'a* 'солнце опускается', *aš'x'az°anāt°aq'ayta* 'все вещи, которые Он (Бог) спустил с неба для нас'. Астрономическое значение для глаголов этого текста оказывается общим для хаттской и других северокавказских традиций, что позволяет возвести весь реконструируемый мифологический текст о затмении, включающий праформы приведенных слов, к обще-северокавказскому²⁶.

Представляется, что продолжение исследований в этом направлении может поставить на более твердую почву как реконструкцию семантической стороны этимологизируемых слов, так и восстановление текстов (в частности, ритуальных, мифологических, поэтических) для отдельных родственных традиций.

1984

²⁶ Как показано ниже в статье о соотношении хаттской традиции с древнегреческой, соответствующая пара названий Страха и Ужаса объединяет эти культуры. Греческая пара обратила на себя внимание С. Кьеркегора, использовавшего соответствующие два датских синонима. Таким образом передача семантического сочетания растянулась на несколько тысячелетий, причем вначале эстафета касалась и плана выражения, а потом ограничилась планом содержания. О хат. *taruwa* и *tupi* см. теперь *O. Soysal. Hattischer Wortschatz in hethitischer Textüberlieferung // Handbook of Oriental Studies. Section One. The Near and Middle East. Vol. 74. Leiden, 2004. P. 312, 317.*

II

К ИНДОЕВРОПЕЙСКИМ НАЗВАНИЯМ КОЛЕСА И КОЛЕСНИЦЫ*

Общеиндоевропейская и диалектная индоевропейская лексика, обозначающая колесные повозки, в последнее время привлекает особое внимание исследователей, справедливо видящих в этих словах недостававшее ранее звено, которое позволяет связать выводы сравнительно-исторического индоевропейского языкознания с замечательными археологическими открытиями, удостоверяющими распространение колесных повозок в III—II тысячелетиях до н. э. во всем ареале миграций индоевропейских племен — от Центральной Азии до Кавказа, Восточной, Юго-Восточной и Западной Европы¹.

* Издано: В чест на акад. В. Георгиев. Езиковедски проучвания. *Studia Linguistica in Honorem V. I. Georgiev*. София, 1980. С. 112—117; ср.: К истории коневодства и колесных повозок у иранских и индоиранских племен // *Annali della Facoltà di lingue e letterature straniere de Ca'Foscari*. XVIII. № 2 (Serie Orientale, 10). P. 47—60.

¹ *T. Sulimirski*. Najstarsze wozy w Europie a probleme indoeuropejskie // *Liber Josepho Koslzewski octogenario a veneratoribus dicatus*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968; *К. П. Кузьмина*. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории южнорусских степей // *Вестник древней истории*. 1974. № 4. С. 68—87 (с указанием предшествующей литературы, см. на с. 79 о значимости теорий акад. Вл. Георгиева); *Н. Калиц*. Новая находка модели повозки эпохи энеолита из окрестности Будапешта // *Советская археология (СА)*. 1976. № 2. С. 106—116; *В. Ф. Геннинг*. Могилиник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // *СА*. 1977. № 4. С. 59, рис. 3 (отпечаток колеса колесницы в древнем захоронении в Южном Зауралье, где засвидетельствованы и ритуальные захоронения коней) и др. Ср. также ниже сн. 25—28.

1. Общее хетто-тохарское название колеса

Хет. *hurki-* ‘колесо’ (например, в контексте, где речь идет о Большой Медведице как Повозке и ее 4 колесах *-hu-ur-ki-uš²*) несомненно родственно тох. *A wärkänt* ‘круг, колесо’ (ср. *niḫsānirä ši wärkänt* ‘звездный круг’ 214 в 7, *spārtwšā märkampal ši wärkänt* ‘я повернул³ колесо религиозного закона’ 270 а 6), тох. В перл. мн. ч. *yerkwantantsa* ‘колесам(и)’. Хет. *hurki-* ‘колесо’ в законах обнаруживает несомненную связь с названием ‘чудовищного преступления’ *hurkel*, ср. показательное следование друг за другом упоминаний *hu-u-ur-ki-il* в § 187—191, 195, 196, и формулы *ta hu-ur-ki-in (!)ha-l[i]-en-zi* ‘тогда они ста[н]ут на колени перед колесом’ в 198, 14 (в контексте, где речь идет о смертной казни). Чередование в выражении *A. NA^{GIŠ}DUB. BIN lamanija-* — ‘приговорить (наименовать) к колесу’ детерминатива деревянных предметов *GIŠ* с детерминативом бога *d* в варианте автобиографии Хаттусилиса III говорит в пользу гипотезы, по которой *hurki-* могло быть обозначением ритуального диска (Солнца — воплощения трона царя⁴), что увеличило бы семантическое сходство хеттского слова с родственным ему тохарским. Кажется возможным, что хет. *hurki-* могло обозначать колесо как верхнюю часть ритуального мирового столба. В этом случае хет. *hurki-* ‘колесо’, *hurkel-* ‘чудовищное преступление’⁵, *LÚ^{MEŠ}hurkilas* ‘люди-чудовища, люди чудовищного преступления’ (в гротескном древнехеттском ритуале KUB XII 63 со многими исключительно архаическими индоевропейскими формами⁶), лув. *hur-ki-la-aš-ši-in-za LÚ^{MEŠ}-m-za* ‘преступные люди’⁷ (в лувийском варианте того же анатолийского мифологического текста) можно отождествить с первой частью древнегерманского сложного слова — др.-исл. *varg-tré* ‘волчье дерево,

² *H. Ehelolf* — *H. Offen* // KUB. Hft. XXXIV. Berlin, 1944. S. 11. № 16. V. II, 10.

³ 1 л. ед. ч. кауз. имперф. IX класса: *W. Krause, W. Thomas*. Tocharisches Elementarbuch. Bd. I. Grammatik. Heidelberg, 1960. S. 220. § 397.4, о типе склонения тох. *A wärkänt*, В ед. ч. косв. п. *yerkwantaī*, мн. *yerkwanta* см. там же, с. 95, § 90, с. 135, § 192 (именной класс VI, 2).

⁴ *F. Imparati*. ‘Ruota’ designazione del trono reale ittita // *La parola del passato*. LXV. 1959. P. 117—123; *F. Imparati*. *Le leggi ittite* (Incunabula graeca. V. VII). Roma, 1964. P. 321—324.

⁵ К случаям употребления этого слова в упомянутых параграфах законов близко также КВо XXI 35 I 4: *H. Otten*. Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa (Studien zu den Boğazköy-Texten. Heft 17). Wiesbaden, 1973. S. 36.

⁶ *C. Watkins*. Hittite *ga-nu-ut* and related forms // *Indo-European Studies*. Cambridge (Mass.), 1972. P. 87 ff.

⁷ *E. Laroche*. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959. P. 48; *P. Meriggi*. Testi luvii. Athenaeum. V. XXXV. 1957. F. 1—II. P. 68.

дерево преступника' (в «Эде»), др.-англ. *warh-treo* 'виселица' (буквально 'дерево преступника'), др.-сакс. *uuargtre* 'дерево преступника' («Хелианд», 5563)⁸, а также возможно и с рус. диал. *ворожейка* 'флюгарка, состоящая из длинного вкопанного в землю шеста, на вершине которого прикреплена палочка горизонтально, на конце последней пучок кудели', ср. *ворог*, *ворожить*, словацк. *vrah* 'убийца'⁹. Вместе с тем вполне возможным остается и давно уже предполагавшееся (по отношению к тохарскому названию 'колеса') сопоставление с такими производными от и.-е. **uer-*, как др.-инд. *várjati* 'поворачивает', лат. *vergo* 'клонюсь', 'склоняюсь, обращаюсь'. Но при возможности этих и других подобных этимологических сближений анатолийского (хеттского) и тохарского названий 'колеса' в этом последнем значении слово известно только в двух последних индоевропейских диалектах. В этом смысле слово можно сопоставить с другими хеттско-тохарскими лексическими изоглоссами: хет. *kašt* — 'голод', тох. А *kašt*, В *kest*; хет. *šarku* 'выдающийся, герой', тох. А *šark-*, В *šark-*, *sārk-* 'выделяется, превосходит', хет. *tarna-* 'отпустить' (в частности, грех — хет. *uāštul*), тох. А, В *tark-*, А *tārna* 'отпустить, освободить'¹⁰ (в частности, в сочетании с *mānk* 'отсутствие, лишение'), хет. *tarna* 'череп', тох. В *tarne* 'верхняя часть головы'¹¹. Некоторые из таких общих лексических сходств можно считать архаизмами, сохранными только в этих двух диалектах, ср., в частности, хет. *eku-*, *aku-* 'пить', лув. *aku*, пал. *aḥu*, тох. А, В *yok-* 'пить' (при лат. *aqua* 'вода', удостоверяющем вместе с др.-исл. *Aeger* < **Ēgwiaz* 'морской бог', др.-англ. *ēz-strēam* 'морской поток', *æz-weard* 'прибрежные воды' и т. п. общеиндоевропейский характер корня); хет. *pai-*, *pija-* 'давать', лув. *pija-*, иер. лув. *pia-*, лик. *pije-*, пал. *pi-ša-* (с древней приставкой **pe-* еще в общеанатолийском), тох. А *e-*

⁸ M. Jacoby. *Wargus, vargr* 'Verbrecher', 'Wolf'. Eine Sprach- und rechtsgeschichtliche Untersuchung (Acta Universitatis Upsaliensis // Studia Germanistica Upsaliensia. 12). Uppsala, 1974. P. 57, 58, 98. Сопоставление древнегерманских слов с хеттским, намеченное в кн.: R. Schmitt-Brandt. Die Entwicklung der indogermanischen Vokalsystem. Heidelberg, 1967. S. 85, развито в статье: J. Puhvel. Hittite *hurkiš* and *hurkel* // Die Sprache. Bd. XVII. 1971. S. 42—45, ср. ту же этимологию без ссылок на предшественников: A. R. Bomhard. Some Anatolien etymologies // Revue hittite et asianique. T. 31. 1973. (Paris, 1976). P. 112.

⁹ В. В. Иванов. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. XXXIV. 1975. 5. С. 404—405.

¹⁰ Об этих и некоторых других изоглоссах см.: A. J. van Windekens. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. V. 1. La phonétique et le vocabulaire (Travaux publiés par le Centre International de Dialectologie Générale de l'Université catholique néerlandaise de Louvain. Fasc. XI). Louvain, 1976. P. 189, 451, 452, 503, 618.

¹¹ M. Poetto. Una corrispondenza eteo-tocaria // Scritti in onore di Giuliano Bonfante. II. Prescia 1976. P. 717—721.

(<*ai-), В ai- (при греч. *αἶσα* ‘жребий’, *αἶνυμαι* ‘взять’ и т. д.). Представляется, что таким же архаизмом, вытесненным (возможно, в связи с изменением техники) синонимами в других индоевропейских диалектах, могло быть и название ‘колеса’. Важнейшие из вытеснивших его слов принадлежат к двум другим корням. От архаического *k^wel- ‘вертеться, поворачиваться’ (др.-инд. *carati* ‘двигаться’, мик. греч. *qe-ro-te-no* ‘πελάμενος’¹² и т. п.), откуда, с одной стороны, редуцированное название ‘колеса’ (др.-инд. *cakra* — ‘круг, колесо’, авест. *čaxra-*, др.-исл. *huél* < *hwehla-, др.-англ. кент. *hweozul* ‘колесо’ с огласовкой *e; греч. *κύκλος* ‘круг, колесо’ с нулевой огласовкой; все три традиции сходятся в употреблении слова как метафоры Солнца) и ‘колесницы’ (в частности, и как Большой Медведицы: фриг. *κύκλην τὴν ἄρκτον τὸ ἄστρον*; тох. А *kukäl* ‘колесница’, В *kokale*, формально совпадающее с греч. *κύκλος*), с другой стороны, нередуцированное название колеса и колесницы (прус. *maluna-kelan* ‘мельничное колесо’, ст.-слав. *коло* ‘τροχός, ἀμαξία’, болг. *кола* ‘телега’, ср. рус. *колесо* как метафора Солнца в фольклоре и обрядовых текстах), которое ввиду его диалектной ограниченности следует признать новообразованием. Поскольку в тохарском этот термин существует параллельно с *Hwerǵ^[h] — ‘колесо’, кажется вероятным, что тохарский (как, видимо, и фригийский) сохраняет древнее распределение значений (табл. 1).

Табл. 1

	Значение	‘колесо’	‘колесница’
Язык			
Общеиндоевропейский		*Hwerǵ ^(h)	*k ^w (e)k ^w l-
Тохарский А		<i>wärkant-</i>	<i>kukäl</i>
Тохарский В		<i>yerkwant-</i>	<i>kokale</i>

Связанный с вытеснением старого названия ‘колеса’ сдвиг значений ‘колесница’ > ‘колесо’ (греч. *κύκλος*) может объяснить появление в греческом целого ряда новых названий ‘колесницы’¹³, одно из которых *σάρσαι ἄμαξαι*

¹² Эквивалент *πλημνόμετον* ‘круг, благодаря которому спицы прикрепляются к ступице колеса’, ср. гомер. *πλήμνη* ‘ступица колеса’, см. R. Plath. *Pferd und Wagen im Mykenischen und bei Homer // Die Indogermanen und das Pferd. Festschrift für B. Schlerath* (Archaeologica 4). Budapest, 1994. Относительно возможных ностратических параллелей, которые удостоверили бы древность слова в значении ‘круглый’, ‘вертеть’, см.: В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (b—Қ). М., 1971. С. 326, 327 (там же литература).

¹³ См. детальный анализ: V. Bănăţeanu. *Noten zur griechischen Terminologie des Wagens // Revue des Etudes Européennes*. 1943. 3 Jahrg. Heft I—II. S. 132—150.

(Гесихий), этимологически отождествляемое с лат. *currus* < **k̑rsus*, др.-ирл. *carr* ‘повозка’ (с внутренней формой ‘бегущая’¹⁴), представляется «догреческим» в том смысле, в каком этот термин был введен Вл. Георгиевым. Приблизительно той же внутренней формой характеризуется другое название ‘колесницы’ (от корня др.-ирл. *rethim* ‘бегу’, ср. лит. *ritù* ‘качусь’), ср. хет. *-rit* в *ti-ja-ar-ri-it* ‘тяжелая повозка’ (?), семантически соотносящееся с **k^w(e)k^wl-* ‘колесо’ в индоиранском (др.-инд. *ratha-*, авест. *raθō* — ‘боевая колесница’) и сохраняющее следы значения ‘колесница’ также и в некоторых западноиндоевропейских языках — латинском (*rota* ‘колесо’, поэтич. ‘колесница, повозка, экипаж’, ср. др.-ирл. *roth* ‘колесо’) и восточнобалтийских (лит. мн. ч. *ratai* ‘телега, повозка, экипаж, колесница’, *Grigo Ratai* ‘Большая Медведица’, латыш. *greizie rati*, ср. такую же семантическую разницу между ед. ч. *коло* ‘колесо’ и мн. ч. *кола* ‘колесница’ в старославянском), хотя в остальных древнеевропейских языках (кельтских и германских: др.-в.-нем. *rad*, др.-фриз. *reth* ‘колесо’) слово имеет только значение ‘колесо’. Представляется существенным, что значение ‘колесо’ слово приобретает в тех языках, где в этом значении не употребляется **k^wek^wl-*, по-видимому, вытесняемое производным от **rot(H)-*. Окончательной реконструкции древнего названия ‘колесницы’ для общеиндоевропейского препятствует неясность этимологии хет. *huluganni* ‘повозка’ (в том числе царская¹⁵, связываемая в ритуале KUB XXIX 1 I 23 с приходом из-за моря), заимствованного и в язык староассирийских табличек на рубеже III и II тысячелетий до н. э. в форме *hu(i)lukannum*, напоминающей хурритские заимствования, а также и то, что окончательное чтение двух хеттских шумерограмм (^{GIS}GIGIR, ^{GIS}MAR-GID.DA — *tijarrit?*) со значением ‘колесница’ остается неизвестным¹⁶.

2. Производные от **ueḡ^h*- и **uert-* в качестве названия ‘колесницы’, способа передвижения, пути

Производное от корня **ueḡ^h*- на *-*no-* в значении ‘колесница’, ‘повозка’, общее для кельтского (др.-ирл. *fēn*, валл. *gwain* < **ueḡ^h-no-*, галл. *co-vinnus* ‘боевая колесница’) и древнегерманских языков (др.-исл. *vagn*, др.-англ. *wægn*, др.-в.-нем. *wagan*), восходит к периоду, предшествующему развитию каждого из этих языков в отдельности, потому что этот глагол в соответствующем значении уже не используется¹⁷. Вывод об архаизме этого слова

¹⁴ В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964. С. 154.

¹⁵ См. к переводу формы ^{GIS}*hu-lu-ga-an-ni-en*: E. Neu. Der Anitta-Text (Studien zu den Boğazköy-Texten. Heft 17). Wiesbaden, 1974. S. 125.

¹⁶ В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 2001 (2-е изд.). С. 15, 232.

¹⁷ В. Порциг. Указ. соч. С. 180.

подтверждается и благодаря совпадению его с др.-инд. *vāhana* — ‘животное или колесница, на котором по небу движутся боги’, ср.-инд. *vāhana* ‘повозка, корабль’, хинди *bāhan*, гуджарати *vāhan* ‘корабль’, сингал. *vahanaya*, *vahalaaya*. Предположение о генетическом тождестве древнеиндийского слова с кельто-германским¹⁸, которое вело бы к выводу об общеиндоевропейском характере слова, представляется возможным подтвердить сравнением мифологического употребления др.-инд. *vāhana* с аналогичным использованием др.-герм. **wagna-* — в сочетаниях (обозначавших Большую Медведицу) типа др.-шв. *karlvagn* ‘повозка Человека (Одина или Тора)’, дат. *karlvogn*, англ. *carles væn* (XVIII в.), ср.-голл. *woenswaghen*, *woons-waghen* ‘повозка Водана’¹⁹. Внутри индоиранского наряду с архаическим значением ‘колесница’ эта основа имеет и значение ‘стадион’: митаннийское арийское *uśanna-*, родственное второй части согд. **nχ#r-wzn* ‘дорога звезд’²⁰. Соотношение между этими двумя значениями можно сопоставить со сходным семантическим различием между согд. *wrtn* ‘колесница’, осет. *wærden* ‘арба’, авест. *vāša-*, др.-инд. *vartani-* ‘ободья колес’ и ‘колея, путь, прокатывание’, митаннийск. арийск. *uarta-* ‘поворот’ (при тренировке лошади), сравнение которого с осет. (*bæx*) *æwwærdyn* ‘тренировать лошадь’²¹ можно в настоящее время подтвердить сближением с др.-ир. **Varta-aspa* ‘тренирующий, буквально поворачивающий лошадь’ (в клинописной передаче *Ú-MAR-TA-AS-PA* в позднеавилонских текстах²² (PBS 2/1, 70 Lo E., Ниппур, 421—420 г. до н. э.). Доказываемое благодаря сопоставлению с производным от **uert-* с тем же суффиксом **-no-*, что и в **ueĝ^h-no-*, закономерное развитие типа ‘колесница, повозка’ > ‘дорога, по которой едет колесница’, может быть отражено и в тох. А *wkām*, В *yakne* ‘способ’, для которого предполагается дальнейшее развитие типа англ. *way* ‘путь’ > ‘способ’; в этом случае тохарское слово также возводится (вслед за Якобсоном) к **ueĝ^h-no-* и удостоверяет общеиндоевро-

¹⁸ V. V. Ivanov. Aryen du Mitanni *aika(-)vartanna* et védique *ekavṛt* // Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste (Collection linguistique publiée par la Société de linguistique de Paris. LXX). Paris, 1975. P. 288.

¹⁹ A. Scherer. Gestirnnamen bei den Indogermanischen Völkern. Heidelberg, 1953. S. 140.

²⁰ E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Paris, 1962. P. 9, к семантике ср. выше тох. А. *nikš-āntrā ši wärkant* ‘звездный круг’.

²¹ H. W. Bailey. A problem of the Indo-Iranian vocabulary // Rocznik Orientalistyczny. 21 (1957). P. 64; V. V. Ivanov. Op. cit. P. 283, 284 (с дальнейшей литературой). Сочетания **uert-* с предшествующим числительным типа митан. ср. *aika-uarta-* представлены как в древнеиндийском, так и в иранском.

²² R. Zadok. Iranian names in Old Babylonian documents // Indo-Iranian Journal. XVII. 1975. № 3/4. P. 247. Автор ограничился сближением с авест. *varət-*, не указав других индоиранских параллелей, гораздо более существенных.

пейский характер этой именной основы²³, хотя остаются неясными факты хеттского языка, где шумерограммы 'повозки' окончательно не раскрыты фонетически, а в значении 'ехать на колеснице' используется глагол *īa-*, ср. тох. А *uā* 'кататься, идти, путешествовать'.

Постскрипtum

Исследование древних языков Малой Азии открывает новые перспективы в исследовании проблемы названий колесных повозок. Обнаружение в лувийском глагола *wiza-* 'ехать на колеснице'²⁴ установило изоглоссу, в которой наряду с южно-анатолийским участвует восточно-индоевропейский (др.-инд. *vahati* 'ехать на колеснице', авест. *vazite*, др.-греч. памфилийск. *εχέτο*), балто-славянский и из западно-индоевропейских италийский: лат. *ueho*, умбр. *aveitu* 'aduehit', *kuveitu* 'conuehit'. От корня **weǵh-*, сохраненного в приведенных глагольных формах, образованы рассмотренные именные основы на **-n*, так же как и основы на тематический гласный *-o-* (др.-греч. гомеровск. *όχος*, *pluralia tantum* 'колесницы', микен. *wo-ka* в Пилосе, отличное от *i-qi-ja* в Кноссе²⁵; праслав. **vozь* с вероятными индоиранскими соответствиями), восточноиндоевропейские основы на *-s-* (др.-греч. глосса *εχεσφι·αρμασιν*, Hes.; др.-инд. *vahas-* 'плечо тяглогового животного'), *-i-* (др.-прус. *kelle-wesze* 'возница', свидетельствующее о сочетаемости данного глагольного корня с именем существительным от корня **k^wel-kelle-wesze* 'driver', *wessis* 'сани для езды' с литовскими соответствиями²⁶, *wessis* 'сани для езды') **and** **-tlo-* (др.-инд. *vahitra-* 'четырёхугольная колесница со столбом' в словарных списках: 'корабль', др.-греч. *όχετλα·οχήματα*, Hes., и лат. *uehiculum*²⁷).

²³ A. J. van Windekens. Op. cit. P. 575.

²⁴ P. Meriggi. Hieroglyphisch-Hethitisches Glossar. 2 ed. Wiesbaden, 1962. S. 147 (с чтением первого знака, которое с тех пор пересмотрено); F. Starke. Untersuchung zur Stammbildung des keilschriftluvischen Nomens. Studien zu den Boğazköy-Texten. Heft 30. Wiesbaden: Otto Harrassowitz 1990. S. 126. Поскольку звонкий придыхательный в лувийском исчезал, морф. *-z(z)-* следует возвести к суффиксу **-sk-*.

²⁵ Предположительно (см. R. Plath. Op. cit.) из прагреч. **ikk^wiy *wok^h-* 'повозка, запряженная конями'.

²⁶ V. Mažiulis Prūsų kalbos etimologijos žodynas. T. II. Vilnius, 1988. С. 160; R. Eckert. Wagen und Pferd in Sprache und Kultur der alten Preussen // Baltistica. XXX (1). 1995.

²⁷ О времени (по Мейду позднеиндоевропейском или постиндоевропейском) образования слова и его морфологии: В. Vine Studies in archaic Latin Inscriptions. Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Bd. 75. Innsbruck, 1993. S. 122—125; W. Meid. Das Terminologie von Pferd und Wagen im Indogermanischen. Die Indogermanen und das Pferd / Ed. Hänsel and Zimmer. Budapest, 1994.

Более подробно производные от **wert-* в индоиранском, в частности митаннийском арийском, и славянском рассмотрены ниже в статье «Разыскания в области анатолийского языкознания. 20» в особой второй части статьи об славяно-иранских лексических контактах.

Как показали разыскания покойного С. А. Старостина²⁸, изученное выше индоевропейское название колеса, общее у хеттского с тохарским, связано с прасеверокавказским названием колеса **hwalkw* > диалектное (чадоколобское) аварское *hogk* ‘повозка’, лакск. *hark*^w ‘колесная ось у повозки’, даргв. *ʔark*^w ‘ось, повозка’ > акуш. диалект даргв. *ark*, зап.-кавк. **k^w:ə* > адыгск. **k^wə* ‘повозка, телега’. В этой форме (как в названии жеребенка *kurka-*, тоже общим для индоевропейского и северокавказского²⁹) **-r-* соответствует **-l-*, сохранным в хеттском слове *huluganni*³⁰, вероятно из хурритской формы с

²⁸ С. А. Старостин. Культурная лексика в обще-северокавказском культурном фонде // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 88—89; *Он же*. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 130 (обе статьи перепечатываются в посмертном сборнике статей С. А. Старостина, который находится в печати); S. Nikolaev, S. Starostin. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow, 1994. С. 498. Старостин предполагал заимствование из северокавказского в индоевропейский. Обратное направление заимствования нельзя считать исключенным.

²⁹ Vyacheslav V. Ivanov. Comparative Notes on Hurro-Urartian, Northern Caucasian and Indo-European // Languages and their Speakers in Ancient Eurasia. Dedicated to prof. A. Dolgoplosky on his & 0th birthday / Ed. V. Shevoroschkin, P. Sitwell. Association for the History of Language. Monograph Series 1. AHL Studies in the Science and history of Language. Vol. 5. Canberra, 2002. P. 143—234. Там же об этимологии других слов этого семантического поля.

³⁰ См. это слово в др.-хет. ритуале Kbo XX 18 + Kbo XXV 65 Rs. 7', E. Neu Althethitische Rituale in Umschrift. Studien zu den Boğazköy-Texten. Heft 25. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1983; Ibid. Glossar zu den althethitischen Ritualtexten. Studien zu den Boğazköy-Texten. Heft 26. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1980. S. 140; 1983. S. 69—70, примеч. 291. Особенно интересен ритуал KUB XXIX 1 I 23—24 (поздняя копия др.-хет. текста), в котором царь говорит, что божественный Трон принес ему власть и повозку (^{G1}*hu-lu-ga-an-ni-en*), см. об интерпретации: В. С. Ардзинба. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М., 1982. С. 88—89, 194—195 (с библиографией). Ср. также роль этого символа в грозовом ритуале: Kbo XII 74 + Kbo XXI 25 + AboT 9 Vs. I 28; в обряде хеттских женщин *zintuhi* Kbo XI 73 Vs. 14', 21'; фрагмент относительно хаттского бога Zithariya KUB X 61 II 6 5; отрывок о царской поездке в священный город Нерик Bo 2691 Rs. VI 5'; праздник Antahum KUB X 17 I 21, 22, 27; осенний сезонный обряд перехода; Kbo XXI 78 III 13; фрагмент обряда VAT 7474 Vs. II 2', отрывок о Боге защиты Bo 3339 Vs. II 9'; фрагмент обряда, касающегося царя и царицы Bo 2689 Rs. V 8' : S. Alp. Beiträge zur Erforschung des hethitischen Tempels. Kultanlagen im Lichte der Keilschrifttexte, neue Deutungen. Türk Tarih Kurumu Basmevi. VI. Dizi-Sa.23. Ankara, 1983. S. 210, 239—240, 252, 286, 290, 296, 358; как и другие названия повозки,

суффигированным артиклем *huluga-nni-*. Возможно, что к этому же слову восходит и иероглифическое лувийское ^{CURRUS}wa/i + -ra/i-za-ni/n-na 'колесница'³¹ (Karkamis A 11b, 3; A 12,2) с развитием палатального по типу *satəm* и исчезновением начального ларингального.

В отличие от хеттского (северно-анатолийского) тохарский и лувийский (южно-анатолийский) обладали и другим названным выше существительным, обозначавшим «повозку» (тох. А *kukäl*, В *kokale*). Оно в части диалектов представлено редуцированным термином, общим для тохарского, германского (ср. упомянутое выше др.-исл. *hvél* < *k^wek^w_el-[on] > *hwe[h]wlaz > др.-англ. *hwol/hweogol*³²) и восточно-индоевропейского, включающего индоиранский: кроме др.-инд. и авест. слов, указанных выше, можно привести ср.-перс. *chr/cxr*, парф. *cxr*, совр. перс. (фарси) *čarx*, вост.-иранск. осет. *calx*, хорезм. *cxr* 'колесо', согд. *cyr/cry* = санскрит. 'cakra')³³, древнегреческий (с

слово упоминается в связи с воротами дворца: царская колесница (*huluga-nni-*) выезжает из дворцовых ворот (*kakatipa-*): I Bo T I 36 I 8, 67; II 26—28; IV 27, L. Jakob-Rost. Beiträge zur hethitischen Hofzeremoniell (I BoT I 36) // Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. XI. 1965. S. 182—184; B. C. Ардзинба. Указ. соч. 1982. С. 143, 147, 219, примеч. 191;

³¹ F. Starke. Op. cit. 1990. P. 126.

³² Среди спорных, но возможных соответствий ср. также названия месяца (декабря—января) в древнеанглийском и 12-дневного языческого праздника в древнеисландском, родственные гот. *fruma jiuileis* 'перед Юльским месяцем' (см. о фонетических трудностях: W. P. Lehmann. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden, 1986. P. 211; речь идет об обобщении звонкой — с точки зрения глоттальной теории древней глоттализованной-интервокальной фонемы, повторяемой в первом слоге редупликации с); ср. др.-греч. *Κυκλαίος*, название месяца, названного по празднику *τα Κύκλ(ε)ια*.

³³ В вахан. *cətr* 'веретено' предполагается другой корень (И. М. Стеблин-Каменский. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999. С. 118) или контаминация с другой основой (А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык (тексты, словарь, грамматический очерк. М., 1976. С. 318). О приведенных словах других иранских языков см.: В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958. С. 287—288; И. М. Оранский. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979. С. 140—142, примеч. 16; Д. И. Эдельман. Сравнительная грамматика восточно-иранских языков. Фонология. М., 1986. С. 157—158; E. Benveniste. Essai de grammaire sogdienne. Mission Pelliot en Asie Centrale. Serie petit in-octavo. Т. III. Hfris, 1929. P. 91. Иранское название «колеса» в его мифологическом значении было заимствовано в сев.-зап.-кавк. варианты нартовского народного эпоса, см. об этом мотиве: G. Dumézil. Romans de Scythie et d'alentour. Bibliothèque historique Payot. Paris, 1978. P. 95—122; о заимствовании иранского названия «колеса» (через тюркские языки) в языки Кавказа ср.: Г. А. Климов, М. Ш. Халипов. Словарь кавказских языков. Сравнение основной лексики. М., 2003. С. 143—144. К возможным месопотамским арийским терминам этого

цитированным выше *κύκλος* в гомеровском греческом связан производный глагол *κυκλέω* 'увожу прочь', а также прилагательные *έυ-κύκλος* 'хорошо снабженный колесами', *τετρά-κύκλος* 'четырёхколесный', в микенском греческом личное собственное имя *Κυκλέυς* = *ku-ke-re-u*³⁴) и упомянутый выше фригийский *κίκλην · την άρχτον το άστρον. Φρύγες* (Hes.)³⁵.

Нередуплицированное производное от этого корня обозначает «колесо» в западно-балтийском (др.-прус. *kelan* и производные словосложения *kellewese* 'возница', *kele-ranco* 'столб в колесной повозке'), а в восточно-балтийском сохранилось только в архаическом производном *du-celis* < **d^wi-k^wel-*'двухколесная повозка two-'³⁶) = рус. *дву-кол-ка*. Намеченный выше

корня может относиться возможное касситское заимствование в аккадском ^{LÚ}*šakruma* 'офицер, занятый колесницами и конями; военачальник, распоряжающийся на поле боя двумя колесницами' (= др.-егип. *jdhw n tj-n-tr*, *E. Edel. Die ägyptisch-hethitische Korrespondenz aus Boghazköi in babylonischer und hethitischer Sprache* (Abhandlung. d.Rhein. Westfal. Akad. D.Wissenschaft., 77). Opladen, 1994. Bd. II. S. 24, 30, примеч. 7): возможно сравнение с др.-инд. *cakra-*.

³⁴ Представляется возможным предположить сравнение с именем митанийского специалиста по коневодству *Kikkuli-*, известного по составленным им коневодческим хеттским текстам, включающим месопотамские арийские и хурритские глоссы. По этой гипотезе его имя отражает фонетическую форму слова, свойственную диалектам *centum* (в том числе и северно-анатолийскому). Имя кажется возможным связать и с хуррит. *Kiklip-atal* (*E. Laroche. Les noms des Hittites. Paris, 1966. P. 92. № 572*) и со сходными именами кутийской (по Хеннингу пратохарской) династии. Во всех этих случаях индоевропейское происхождение возможно, но пока не доказано.

³⁵ Несмотря на скептическое замечание Шантрена (*P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1990. P. 597*) данное истолкование глоссы не вызывает сомнений из-за наличия ряда точных семантических параллелей к подобной внутренней форме названия Большой Медведицы (см. выше о германских и восточно-балтийских названиях созвездия, ср.: *Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984. С. 686, примеч. 2, с. 721, 735, 936; Вяч. Вс. Иванов. Параллели к «Сеновалу» Мандельштама: Сб. ст. памяти М. Л. Гаспарова. М., 2006*); древнерусское нередуплицированное название этого типа образованно от того же корня, что и редуплицированное фригийское. При всей скудости данных о фригийском существуют и другие изоглоссы, связывающие его с тохарским. Ср. также о греческо-тохарских изоглоссах: *Э. Бенвенист. Тохарски и индоевропейский // Тохарские языки. М., 1959; A. J. van Windekens. Op. cit.* представляется несомненным, что фригийский входит в такую *centum*-ную ветвь восточно-индоевропейской (индо-ирано-греческо-армянской) диалектной подгруппы к которой принадлежали также греческий и македонский.

³⁶ *В. Н. Топоров. Прусский язык. Словарь. М., 1980. С. 305—307; 310; V. Mažiulis Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Т. II. Vilnius, 1988. P. 157—158, 160; R. Eckert. Wagen und Pferd in Sprache und Kultur der alten Preussen // Baltistica. XXX (1). 1995. С. 50—53* (согласно Буге в латышском старое куршское заимствование, что — при

процесс вытеснения этого архаичного корня синонимичным названием «повозки» можно предположить, сравнивая западно-балтийское словосложение с эквивалентным по смыслу восточно-балтийским: лит. *dvi-ratis* 'двухколесная повозка' = латин. *birotus*, которое представляется синонимом аналогичного сложного слова, вероятно более архаичного, которое сохранено в латышском. Нередуцированная форма отражена также в праслав. *kolo* 'колесо', мн. ч. **kola* 'колесница' (в др.-рус. «большая Медведица») и кельтском (др.-ирл. *cul* 'повозка'). Синоним, который мог быть нововведением нескольких диалектов, известен наряду с восточно-балтийским, германским и итало-кельтским (см. формы, указанные выше³⁷) из восточно-индоевропейских языков только в индоиранском (кроме приведенных выше древнеиндийской и авестийской форм с ср.-перс. турфан. *ghu* 'колесница', др.-перс. *u-raθa-* 'имеющий хорошие колесницы', согд. *rδδ-*, хотано-сакск. *raha* 'колесница', осетин. *raetaenad* 'оглобля'³⁸). Отсутствие его в хеттском, лувийском и тохарском укрепляет предположение о его меньшей древности в сопоставлении с **k^wel-*³⁹.

Кажется возможным предположить, что лувийское иероглифическое *zal-al-* 'повозка', клинописное *zal-war/n-* 'езда в повозке' происходит от того же корня, претерпевшего в южно-анатолийском раннюю палатализацию начального лабиовелярного: **k^wel-* > **zel-* > **zal-*⁴⁰. Давно замеченное сходство предполагаемого шумерского заимствования из индоевропейского GIGIR 'повозка' со словами этого корня с нормальной редупликацией и отражением

принятии по Топорову западно-балтийского характера куршского — скорее бы говорило о недостаточности данных для реконструкции восточно-балтийской основы этого типа).

³⁷ Суффикс причастия в лат. *rotundus* может быть следом исчезнувшего глагола, формы которого в других диалектах указаны выше, см. об этом: A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Retirage de la 4-ème éd. Paris, 1994. P. 578.

³⁸ В. И. Абаев. Указ. соч. Т. II. М., 1973. С. 383, ср. там же о скифском.

³⁹ A participle element in Latin may be a trace of a verb that had disappeared: Ernout, Meillet 1994, 578. B. Vine suggests the identity of *-H-* in Latin *rota* < *rot-H₂* and of the element reflected in the aspirated voicelles stop in Indo-Iranian **rt-H₂-o-*.

⁴⁰ О значении см.: F. Starke. Op. cit. P. 337; с синхронной точки зрения Штарке предполагает производное с суффиксом *-al-*, но в истории лувийского возможна и трансформация исходного удвоения (интенсивной редупликации **zal-zal-* или нормальной **zazal-*). Развитие лабиовелярного этого рода в позиции перед гласным переднего ряда представляется характерным для лувийского, как и для других диалектов *satəm* (Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Указ. соч.), см. о других лувийских словах с такой же предполагаемой палатализацией: Vyacheslav Ivanov. Palatalization and Labiovelars in Luwian. Proceedings of the Tenth annual UCLA Indo-European Conference // Journal of Indo-European Studies Monograph Series. № 32. Washington, 1999.

лабиовелярного без палатализации может быть связано с реконструируемым Виттакером индоевропейским «евфратским» диалектом, который фонетически отличался от южно-анатолийского⁴¹. Соответствующий глагол⁴², упомянутый выше в связи с его ностратической этимологией, может быть реконструирован и для более раннего времени, чем изобретение тех технических устройств, сопряженных с вращением (колеса, колесной повозки, веретена), с которыми он и производные от него существительные позднее связываются.

Новые открытия показывают, что (в отличие от северно-анатолийского хеттского, то ли утратившего соответствующие слова и их заменившими другими, выше приведенными, то ли отделившегося от всех диалектов, включая и южно-анатолийские, еще в то время, когда эти термины не использовались) лувийский имеет несколько слов данного семантического поля, общих с другими диалектами (с хеттским его объединяет только приведенное выше иероглиф. лув. *wali* + *-ra/i-za-ni/n-na* 'колесница'). Эти результаты представляют интерес и для вопросов хронологии распада индоевропейского (раннего индо-хеттского) единства и первоначального расселения индоевропейцев.

1979—2006

⁴¹ Ср.: Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Указ. соч. Т. II. С. 717, 737; Вяч. Вс. Иванов. Балто-южноанатолийские изоглоссы // Балто-славянские исследования. XV. М., 2002. С. 238.

⁴² J. Pokorny. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959. S. 639. Судя по ностратическим параллелям глагол обозначал круглую форму как зрительный архетип.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ*

Расшифрованные в XX веке памятники древних индоевропейских языков Малой Азии и Эгейского мира позволяют изучить социально-экономическую структуру обществ, говоривших на этих языках. Вместе с тем сравнительно-исторический анализ новых лингвистических фактов, обнаруженных благодаря расшифровке этих текстов, может способствовать изучению социальной организации племен, говоривших на индоевропейском языке. В этом отношении особенно ценными являются данные, относящиеся ко II тысячелетию до н. э. клинописных хеттских текстов и греческих памятников крито-микенского линейного письма Б¹. В настоящей статье рассматриваются некоторые существенные проблемы, возникающие благодаря изучению этих новых данных. Особое внимание уделяется фактам хеттского языка, которые до настоящего времени в недостаточной степени использовались для исследования древнейшей истории индоевропейских племен.

1

В крито-микенских текстах линейного письма Б засвидетельствован термин *ke-ke-me-na ko-to-na*. Он обозначает землю, находящуюся в общест-

* Издано в: АН СССР. Отд. исторических наук. Вестник истории мировой культуры. № 1. январь—февраль 1957. 1. Большая Советская энциклопедия, 1957. Фр. пер.: L'organisation sociale des tribus indo-européennes d'après les données linguistiques // Cahiers d'histoire mondiale. V. 5. № 4. Neuchatel. P. 789—800.

¹ Значение крито-микенских текстов линейного письма Б для исследования политической и экономической индоевропейской терминологии подчеркивается в ряде новейших работ проф. Л. Р. Палмера (ср. ниже).

венной собственности². Как показал проф. Л. Р. Палмер, употребление в древнейших греческих текстах слова *ke-ke-me-na* для обозначения общественной собственности находит точное соответствие в употреблении родственных слов германских языков, образованных от **kei-m*³; близкие значения имеют и производные от **kei-w-* в латинском и от **kei-m-* в балто-славянском⁴. Помимо фактов, уже приведенных в исследованиях проф. Л. Р. Палмера, следует отметить сходство значений архаичных производных от основы **kei-m-* в славянских языках со значениями родственных германских и греческих слов. Согласно новейшим исследованиям⁵, наиболее древнее значение славянских слов, восходящих к корню **kei-*, сохранено в славянском **sebrь* ‘член общины’⁶ (в русских диалектах слова, связанные с этим термином, часто выступают в значении ‘община, член общины’). Полное семантическое тождество этого славянского термина, обозначающего общину и ее членов, с германскими названиями общины (готское *haims* ‘деревня’, древневерхненемецкое *heimingi* и т. п.) и с греческим (микенским) *ke-ke-me-na* не позволяет сомневаться в том, что все эти слова отражают древнюю индоевропейскую терминологию, характерную еще для того периода, когда существовало общинное землевладение.

В качестве пережитка общественное землевладение наряду с частным сохранялось еще в микенском и хеттском обществах. При исследовании данной проблемы в научной литературе уже указывалось на сходство между крито-микенским общественным землевладением и аналогичными явлениями в хеттском обществе⁷. Однако при этом не обращалось внимания на хеттскую

² Такое понимание данного термина в настоящее время является наиболее распространенным, см.: В. Георгиев. Словарь крито-микенских надписей. София, 1955. С. 39. Ср., однако, другую интерпретацию, предложенную в статье проф. С. Я. Лурье. Опыт чтения пилосских надписей // Вестник древней истории. 1955. № 3. С. 31, 35.

³ L. R. Palmer. Mycenaean Greek Texts from Pylos // Transactions of the Philological Society (1954). Hertford, 1955, особенно p. 27—33; L. R. Palmer. Achaeans and Indo-Europeans. Oxford, 1955. P. 6—8.

⁴ Чередование **-w-* : **-m-* в **kei-w-* : **kei-m-* можно связать с аналогичными чередованиями в суффиксах **-w-ent-* : **-m-ent-*, в глагольных окончаниях 1-го лица множественного числа (хеттское *-weni* : *-meni*) и в личных местоимениях 1-го лица множественного числа.

⁵ См. диссертацию: О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1956.

⁶ Об этимологической связи этого термина с произв. от **kei-* см. работу: Б. Ляпунов. Семья, сябр-шабёр. Этимологическое исследование. Л., 1926 (отдельный оттиск).

⁷ L. R. Palmer. Mycenaean Greek Texts form Pylos. P. 39; L. R. Palmer. Achaeans and Indo-Europeans. P. 11. Для доказательства наличия общинной собственности у носителей индоевропейского праязыка значительный интерес представляют наблюде-

терминологию, обозначающую общинную собственность. Между тем эта терминология имеет большое значение для сопоставления с данными других индоевропейских языков.

В значении «община» в хеттских текстах употребляется слово *ḫappira-*, соответствующее идеограмме URU 'селение'⁸. Связь этого термина с обозначением экономических отношений делается совершенно очевидной при сопоставлении хеттского *ḫappira-* 'община, селение' с родственным *ḫap-par* 'цена, сделка' и *ḫapparai-* (*ḫappirai-*, *ḫappariya-*) 'продавать'. Между этими словами в древнехеттском языке существовала живая связь, о чем свидетельствует § 146 хеттских законов, в котором термины URU (= *ḫappira-*) и *ḫappar* (а также форма винительного падежа множественного числа от *ḫappari-ḫappariuš*) следуют друг за другом. На основании этого параграфа хеттских законов можно высказать предположение, что термин *ḫappar* первоначально относился только к сделкам, касавшимся всей общины (*ḫappira-*).

В словах *ḫapp-ar* и *ḫapp-ir-a-* выделяется суффикс *-ar-* (*-ir-*) (из более древнего **-er-*), чередующийся с суффиксом *-in-* (из более древнего **-en-*) в основе *ḫapp-in-*, от которой образованы слова *ḫappin-ant-* 'богатый', *ḫappineš-* 'богатеть', *ḫappin-aḫḫ-* 'делать богатым'⁹. Чередование суффиксов **-er / *-en-*, наблюдаемое в данной группе слов, характерно для архаичных индоевропейских именных основ гетероклитического типа. Поэтому можно с уверенностью признать данные термины словами индоевропейского происхождения (с начальным индоевропейским ларингальным), даже если исходить только из словообразовательных особенностей этих слов в хеттском языке. Сравнение с другими индоевропейскими языками подтверждает эту теорию. Хеттская основа *ḫappin-* (в *ḫappin-ant-*, *ḫappin-eš-*, *ḫappin-aḫḫ-*) родственна древнеиндийскому *áṇ-n-aḥ* 'богатство, имущество'¹⁰ и догреческому индоевропейскому (пеласгскому) *ἄφ(ε)νος* 'богатство', *αφειός* 'богатый'¹¹, где представлен тот же

ния *O. Szemerényi*. Proceedings of the Seventh International Congress of Linguists. London, 1956. P. 516—517.

⁸ Доказательства правильности интерпретации термина *ḫappira-* как «община» см. в труде: Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // Вестник древней истории / Под ред. И. М. Дьяконова. 1952. № 4. С. 286. Примеч. 1. О хеттском селении см. также акад. *B. В. Струве*. К вопросу о специфике рабовладельческих обществ древнего Востока // Вестник Ленинградского университета. 1953. № 9. С. 86—87.

⁹ См. об указанных выше хеттских словах: *J. Friedrich*. Hethitisches Wörterbuch. 1 Lieferung. Heidelberg, 1952. S. 55 (с библиографией).

¹⁰ Эта этимология была установлена Э. Ларошем (*E. Laroche*. *Revue hittite et asiatique*. 11. P. 41 f.).

¹¹ Эта этимология, соответствующая концепции догреческого языка проф. В. Георгиева, является несомненной. Ср.: *M. Mayrhofer*. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. 1 Lieferung. Heidelberg, 1953. S. 40 s. v. *áṇaḥ*.

суффикс **-en-*, что и в хеттском (но в другой ступени чередования гласных), ср. также латинское *ops*, множественное число *opes* 'имущество, состояние, богатство'.

На основании приведенных выше данных хеттского языка можно предположить, что производные от данного корня первоначально обозначали общинную собственность, богатство общины. Это значение сохранилось лишь в хеттском языке, тогда как в других индоевропейских языках получило преобладание значение «имущество, богатство», уже не связанное с общинной собственностью, которая постепенно исчезала по мере развития новых экономических отношений¹².

2

Рассмотренные выше факты показывают, что в древнейших памятниках индоевропейских языков сохранились архаичные термины, унаследованные еще от эпохи, характерной чертой которой была общинная собственность. Данные древнехеттских текстов позволяют реконструировать особенности социальных установлений этой эпохи. В этом отношении исключительный интерес представляют данные хеттских текстов, относящиеся к хеттскому собранию (*panku-*). Древнейшие сведения о хеттском собрании содержатся в аккадско-хеттском завещании Хаттусилиса I (XVII в. до н. э.), которое является обращением к собранию и должностным лицам Хеттского государства по поводу назначения наследника (преемника) Хаттусилиса. Из текста видно, что собрание обладало большими полномочиями. Царь должен был советоваться с собранием по поводу преступных действий (в том числе провинностей перед божеством) и преступных речей своих подданных. Обсуждение провинностей происходило перед собранием. Вместе с тем царь сообщал собранию свое решение о назначении наследника.

Билингва Хаттусилиса I позволяет определить не только функции, но и состав древнехеттского собрания. Для изучения этого вопроса особенно важным является перевод хеттского термина *panku-* посредством аккадского *nagbatu* в аккадском тексте этой билингвы. Во всех известных случаях употребления этого аккадского слова оно используется в качестве определения обширного войска. О древности такого употребления семитских слов этого

¹² Высказываемая гипотеза о семантической истории данной группы слов исходит из предположения о первоначальности значения «община», отраженного в хеттском *ḫappira-*. Этим предлагаемое объяснение отличается от принятого некоторыми хеттологами предположения, согласно которому хеттское *ḫappira-* первоначально имело значение «рынок» (*J. Friedrich. Op. cit. S. 55*). Это последнее предположение не подтверждается непосредственными данными хеттских текстов.

корня свидетельствует родственное угаритское *ngb*¹³, выступающее в качестве определения войска в эпосе о Керете¹⁴. Аккадское *nagbatu* чаще всего встречается в предсказаниях в стереотипной фразе: *umman* ⟨...⟩ *i-na na-ak-ba-ti-ša i-ma-aq-qu-ut*¹⁵ ‘войско ⟨...⟩ падет в своей совокупности’. В хеттском тексте астрологического предсказания KUB VIII I (III 6), являющемся переводом с аккадского¹⁶, имеется хеттский эквивалент этой аккадской стереотипной фразы: *pa-an-ga-u-i ERÍN^{MEŠ}-ti ma-uš-zi* ‘целому войску суждено пасть’. Сличение этих текстов позволяет установить, что аккадское *nagbatu* являлось эквивалентом хеттского прилагательного *panku-* ‘совокупный, целый’ в тех случаях, когда *panku-* выступало в качестве определения войска в употребительном сочетании *pankuš ERÍN^{MEŠ}* ‘целое войско (обширное войско)’¹⁷.

В начале завещания Хаттусилиса *nagbatu* употребляется в сочетании *ERÍN^{MEŠ} na-ag-pa-ti* (HAB I 1), которое является эквивалентом хеттского *pankuš ERÍN^{MEŠ}*. В дальнейшем в том же документе *nagbatu* выступает в качестве аккадского эквивалента хеттского существительного *panku-* ‘собрание’ (HAB IV/III, 61—62). Из этого следует, что значение существительного (субстантивированного прилагательного) *panku-* ‘собрание’ было очень близко к значению прилагательного *panku-* в сочетании *pankus ERÍN^{MEŠ}* ‘целое (обширное) войско’. Таким образом, выбор аккадского эквивалента хеттского социального термина *panku-* показывает, что обозначаемый этим термином государственный орган являлся совокупностью воинов. В этой связи необходимо отметить то, что Хаттусилис, обращаясь к собранию и должностным лицам, призывает их беречь в битве будущего царя (Мурсилиса) и помогать ему при подавлении восстаний и в случае войны. Следовательно, содержание памятника подтверждает то, что он является обращением царя к собранию воинов или всех свободных взрослых мужчин, способных носить оружие¹⁸.

¹³ Родство аккадского *nagbatu* и угаритского *ngb* впервые установил *T. Gaster*. *The Sanaanite Epic of Keret* // *Jewish Quaterly Review*. 1947. V. 37. № 3. P. 290. Интерпретация этих терминов в статье Т. Гастера отличается от толкования, предлагаемого в настоящей статье.

¹⁴ *Mission de Ras-Shamra. T. II* // *La legende de Keret, publiée par Ch. Virolleaud*. Paris, 1936. P. 38, 44.

¹⁵ *W. von Soden*. *Zum akkadischen Worterbuch. II. nakbatu* // *Orientalia. Nova Series*. V. 16. f. 1. 1947. S. 78.

¹⁶ О переводном характере этого текста см.: *G. Furlani*. *La religione degli hittiti*. Bologna, 1936. P. 169, 179 (с библиографией вопроса).

¹⁷ В сходном значении в сочетании с *ERÍN^{MEŠ}* ‘войско’ употребляется и архаичная форма *pangarit*, родственная *panku-*.

¹⁸ Ср. определение состава собрания в эпоху Хаттусилиса в работе Р. Харди: «the totality of men capable of bearing arms» («совокупность мужчин, способных носить оружие»), *R. Hardy*. *The Old Hittite Kingdom. A Political History* // *The American Jour-*

Зависимость хеттского царя от народного собрания доказывается как текстом завещания Хаттусилиса I, так и более поздним документом Телепинуса, который тоже является обращением к собранию (*panku-*)¹⁹. Судя по этому последнему документу, собрание не только обладало правом судить высших должностных лиц, но и могло созывать суд для наказания самого царя в случае, если бы он попытался причинить зло своим ближайшим родственникам.

Для исследования истории хеттского собрания большое значение имеет связь названия социального органа (*panku-*) со словом *pankur* 'род'. Как убедительно показал в своем замечательном исследовании Э. Бенвенист, связь между словами *panku-* и *pankur* соответствует древнейшим закономерностям индоевропейского словообразования²⁰. Хеттское *panku-*, родственное греческому *παχύς* 'толстый' и древнеиндийскому *bahú-* 'многочисленный'²¹, принадлежит к числу индоевропейских основ на *-u-*. Хеттское *pankur* (родительный падеж *pankunaš*) является архаичным производным гетероклитического типа, суффикс которого может быть сопоставлен с суффиксом родственного древнеиндийского *bahulá-* 'широкий' и греческого *παχυλός*²². Образование таких гетероклитических основ на **ur/ *-un-* от основ на **-u* было характерной чертой многих индоевропейских диалектов, в том числе древнеармянского, во многих отношениях близкого к хеттскому. Однако в хеттском языке этот тип образования не был продуктивным. Все остальные хеттские основы на *-ur/ n* (за исключением *pankur*) не имеют соответствующих основ на *-u* в хетт-

nal of Semitic Languages and Literatures. V. LVIII. № 2. April. 1941. P. 214; ср.: Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // Вестник древней истории / Под ред. И. М. Дьяконова. 1952. № 4. С. 291.

¹⁹ К этому же жанру обращений древнехеттского царя к собранию принадлежит документ, фрагменты которого недавно обнаружены Ф. Зоммером: *F. Sommer. Zu den letzten Publikationen hethitischen Keilschrifttexte aus Berlin // Orientalistische Literaturzeitung. 18 Jahrgang. № 1/2. Januar—Februar. 1953. S. 5.*

²⁰ *E. Benveniste. Origines de la formation des noms en indoeuropéen. Paris, 1935. P. 37 (Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955. С. 62).*

²¹ Случай употребления *bahú-*, особенно близкий к употреблению хеттского прилагательного *panku-*, встречается в ведийских гимнах: ведийское *baháve jánāya* 'многочисленной совокупности людей' (= «воинов» в данном контексте; *Ṛg-Veda. X. 102, 8*) близко к хеттскому *pangaqi ERIN^{MES}-ti* 'целому (обширному) войску'.

²² Следует отметить, что задолго до установления принадлежности хеттского *pankur* к этому корню А. Кюни предположил (на основании *bahulá-*) существование индоевропейской основы **bhṅghu-ró-*: *A. Cuny. Études prégrammaticales sur le domaine des langues Indo-Européennes et Chamito-Sémitiques. Paris, 1924. P. 50.* В данном случае, как и во многих других, факты хеттского языка подтвердили правильность гипотетической реконструкции, т. к. *pankur* восходит к **bhṅghu-r.*

ском языке. Поэтому образование основы *pankur/ -n-* на основании лингвистических данных можно отнести к древнейшему периоду истории хеттского языка, далеко отстоящему от эпохи создания первых памятников хеттской клинописи. Однако связь между словами *panku-* ‘собрание’ и *pankur* ‘род’ оставалась живой вплоть до XVII в. до н. э., как об этом свидетельствует завещание Хаттусилиса. В этом тексте царь, обращаясь к собранию, говорит: *šur-me-en-za-na ú-e-it-na-aš ma-a-an pa-an-ku-ur-še-me-it I^{EN} e-eš-du <...> ši-i-e-el ÍR^{MEŠ} -ŠU I.NA I AMA ḫa-aš-ša-an-te-eš* ‘Ваш род (*pankur*) да будет единым как волчий²³ <...> его (Мурсилиса) подданные от одной матери рождены’ (НАВ II 46—47).

Таким образом, царь называет собрание своих подданных (*panku-*) родом (*pankur*). Эта мысль развивается в следующем предложении: все подданные царя, входящие в *panku-* (собрание), рождены (*ḫašš-anteš*) от одной матери и поэтому входят в один род (*pankur*). В этой связи необходимо напомнить, что, согласно правдоподобной гипотезе Ф. Зоммера, хеттское *ḫašš-u-* ‘царь’ может быть связано с *ḫašš-atar* ‘семья, род’ так же, как германское название ‘царя’ (**kunningaz*) связано с названием ‘рода’²⁴.

Приведенный выше текст является несомненным доказательством того, что *pankur* ‘род’ и *panku-* ‘собрание’ были первоначально очень близки по значению. Близость этих слов подтверждается также и тем, что они чередуются в однотипных текстах оракула KIN: если чаще всего в тексте этого оракула в стереотипной формуле употребляется *panku-* (например, KBo II 6 III 25), то в тексте KUB VI 3 13 в той же функции употребляется *pankur* «род». Анализ различных случаев употребления термина *panku-* в архаичных ритуальных текстах позволяет предположить, что это слово обозначало собрание членов определенной общественной группы (первоначально рода, а затем и больших общественных единиц), обладавшее известными религиозными и юридическими функциями²⁵.

²³ Ф. Зоммер, блестяще реконструировавший это место на основании сличения с параллельным текстом 2 BoTU 10 B 15—16, считает это «чисто пластическим сравнением» (*F. Sommer und Fankelstein. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I [Labarna II]. München, 1938. S. 75*). Однако можно предположить, что в упоминании «волчьего рода» отражаются следы называния рода по имени животного-тотема. Вместе с тем не исключена и связь с хеттскими текстами, где упоминаются «волчьи люди» (KUB VII 19 I 15) и люди, говорящие «по-волчьи» во время магических церемоний (KUB IX 31 II 9).

²⁴ *F. Sommer. Hethitisches. 2. Leipzig, 1922. S. 9, fn. 2.*

²⁵ Анализ хеттских текстов, в которых употребляется слово *panku-*, составляет предмет специальной статьи автора, опубликование которой предполагается в «Вестнике древней истории». См. также диссертацию автора: Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры. М., 1955.

Лингвистическое исследование терминов *panku-* и *pankur* и данные архаичных хеттских текстов неопровержимо доказывают происхождение хеттского собрания из органа родового строя. Вместе с тем эти наблюдения согласуются с теми выводами относительно индоевропейского названия «собрания», которые были сделаны О. Шрадером еще до расшифровки хеттских текстов. О. Шрадер считал, что индоевропейское название «собрания» отражено в термине, сохранившемся в германских языках в значении 'род' (готское *sibja*, немецкое *Sippe*), а в древнеиндийском — в значении 'собрание' (древнеиндийское *sábhā*, ср. также *sábhyas* 'принадлежащий к собранию сельских общин'²⁶). В соответствии с этой этимологией индоевропейское «собрание» Шрадер считал «собранием родов (*Sippen*)». Если этимология, на которой основывалась гипотеза Шрадера, не является бесспорной²⁷, то соотношение хеттского *pankur* 'род (*Sippe*)' и *panku-* 'собрание' не вызывает сомнений и поэтому весьма важно для подтверждения идеи Шрадера.

Семантическое соотношение немецкого *Sippe* 'род' и древнеиндийского *sábhā* 'собрание' не является единственной параллелью к развитию значений слов *pankur* и *panku-*. Как уже отмечалось в научной литературе, связь хеттского прилагательного *panku-* 'совокупный, целый' и существительного *panku-* 'собрание' аналогична связи латинского *totus* 'целый' и оскско-умбурского названия «собрания» **toutā*²⁸. Это правильное наблюдение следует продолжить посредством анализа слов других индоевропейских языков, родственных **toutā*. Согласно новейшим исследованиям²⁹, в западных индоевропейских диалектах **teutā* первоначально имело значение «община». Следовательно, если италийские слова этого корня могут быть сопоставлены по своему значению с *panku-*, то **teutā* в значении 'община' может быть сопоставлено с хеттским *pankur* 'род', т. к. оба слова являются названиями замкнутых социальных единиц, характерных для родового строя. В некоторых индоевропейских диалектах **teutā* позднее получило значение «народ»³⁰. В свете

²⁶ O. Schrader-A. Nehring. Reallexikon der Indogermanischen Altertumskunde. Bd. II. S. 407—408, 610.

²⁷ Ср.: S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache. Leyden, 1939 (3 Auflage). S. 417.

²⁸ L. R. Palmer. Achaeans and Indo-Europeans. P. 14.

²⁹ W. Porzig. Die Gliederung des Indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954. S. 200; H. Krahe. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954. S. 65—67, 88. Ср. также статью автора: Новая литература о диалектном членении общиндоевропейского языка // Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 114. Ср. о персидском: O. Szemerényi. Proceedings of the Seventh International Congress of Linguists. London, 1956. P. 715.

³⁰ Возможно, что аналогичной была семантическая история греческого *δήμος* < *δαμός* (микенское *da-mo*) 'народ', ср. об этом термине: L. R. Palmer. Mycenaean Greek Texts from Pylos. P. 44.

приведенных выше данных, показывающих, что хеттское собрание было собранием воинов, значительный интерес представляет принятая некоторыми лингвистами гипотеза о связи с **teutā* хеттского существительного *tuzzi-* ‘войско’³¹.

В эпоху, когда важнейшие дела решаются собранием воинов и верховным военачальником, социальная терминология оказывается тесно связанной с военной терминологией. Об этом свидетельствуют как рассмотренные выше данные хеттских текстов, так и факты, которые можно извлечь из микенских источников, ср., например, характерное сочетание параллельных выражений *pa-ro da-mo* ⟨...⟩ *pa-ro ra-wa-ke-si-jo* ‘от народа, ⟨...⟩ от военачальника’ в пилосском тексте Eq 03.4.³² Роль микенского *ra-wa-ke-ta* ‘воевода, военачальник’ (λαφαγέτας, где λαφ- сравнивается с хеттским *lahḫa-* ‘война, поход’) может быть сопоставлена с ролью военного предводителя у древних германцев³³ и с ролью хеттского царя, являвшегося прежде всего верховным военачальником. Хеттские документы позволяют проследить постепенное усиление власти верховного военачальника и уничтожение последних следов выборного характера его власти³⁴.

О наличии у собрания в древности особых полномочий при назначении наследника царя свидетельствует и содержание документа Хаттусилиса, и то, что Телепинус (как до него Хаттусилис) обращается именно к собранию с распоряжением о порядке наследования власти. Но в самом законе Телепинуса о престолонаследии собрание (*panku-*) не упоминается, что следует понимать как коренное изменение древних обычаев.

3

Изучение порядка наследования очень важно для анализа пережитков родового строя. До сих пор в исторической литературе не было обращено

³¹ H. Pedersen. Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. København, 1938. S. 35.

³² Ср.: A. Furumark. Ägäische Texte in griechischer Sprache // Eranos. LII. 1954. S. 36; С. Я. Лурье. Указ. соч. С. 19, 21; В. Георгиев. Указ. соч. С. 64—65.

³³ См.: R. L. Palmer. Mycenaean Greek Texts from Pylos. P. 35—36.

³⁴ Относительно вызвавшей большую дискуссию гипотезы о выборности царя у хеттов см.: A. Götzе. Das Hethiter-Reich. 1928. S. 17; Götzе. Kleinasien. 1933. S. 80; Götzе. Hethiter, Churriter und Assyrer. 1936. Oslo, S. 60—61; R. Dussaud. Les religions des hittites et des hourrites, des phéniciens et des syriens // Mana Les anciennes religions orientales. 2 ed. Paris, 1949. P. 350—351; G. Peruzzi. Storia e civiltà' degli hittiti. Napoli, 1950. P. 77; O. R. Gurney. The Hittites. London, 1952. P. 63—64; J. L. Myres. Kleinasien // Historia Mundi. Bd. II. Bern, 1953. S. 467.

внимания на то, что в аккадско-хеттской билингве Хаттусилиса речь идет не только о частном случае назначения преемника царя, но и о порядке наследования. На это ясно указывают следующие слова царя: DUMU SAL + KU *ma-am-ma-a-an ú-ul u-ra-ab-ba-a* (аккадский текст) = *nam-ma-az* DUMU SAL+KU⁷¹-*šU* (поврежденный хеттский текст; НАВ § 2 I/II 9) ‘пусть впредь никто не возвеличивает (в качестве своего наследника, будущего царя³⁵) сына своей сестры’. Это распоряжение было бы бессмысленным, если бы у хеттов в предшествующий период не существовал обычай, по которому наследником назначался сын сестры царя. О существовании такого обычая свидетельствует то, что Хаттусилис, имевший несколько сыновей, назначил, тем не менее, своим наследником сына своей сестры и лишь спустя некоторое время переменял свое решение (причем он должен был дать собранию подробное объяснение причин, по которым было принято новое решение). Для объяснения этого обычая необходимо принять во внимание то, что наличие более тесной связи между дядей и племянником по женской линии (со стороны сестры), чем между отцом и сыном, является установленным фактом для родового общества. При материнском счете родства сын принадлежал к другому роду (в отличие от сына сестры, входившего в тот же род, что и его дядя со стороны матери). По отношению к обществу древних германцев наличие подобных обычаев доказывается свидетельством Тацита о «более священной и тесной» кровной связи между дядей с материнской стороны и племянником, чем между отцом и сыном (*Tacitus. Germania*, 20). В связи с тем, что этот обычай обнаруживается и в древне-хеттском обществе, следует напомнить, что следы материнского права уже отмечались исследователями и в хеттских законах, относящихся к семье и браку, и в исключительном положении, занимаемом хеттской царицей³⁶ (*Tawananna-*, **ḫaššuššara-*³⁷). В этой связи следует обратить внимание и на характерную для древнейшей хеттской надписи царя Аниттаса, иероглифических хеттских и лувийских текстов последовательность «мать-отец»³⁸. Следует также отметить, что в хеттском языке и

³⁵ В пользу предлагаемого перевода формы *u-ra-ab-ba-a* (от *rubbu*) говорит то, в хеттском тексте того же документа в разделе, где идет речь об отношении к будущему царю (НАВ II. 44), употребляется хеттский глагол *šallanu* — ‘возвеличивать’, являющийся эквивалентом *rubbu*.

³⁶ См., например, *H. G. Göterbrock. Authority and Law in the Hittite Kingdom (Authority and Law in the Ancient Orient // Supplement to the Journal of the American Oriental Society. № 17. April—September. 1954). P. 17.*

³⁷ Относительно слова **ḫaššuššara-* см. *J. Friedrich. Zu einigen luwischen Wörtern // Lingua Posnaniensis. V. 1955. S. 3.*

³⁸ См.: *H. Otten. Zur Grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen. Berlin, 1953. S. 52 (n. 155); H. T. Bossert. Oriens. I. S. 180, II. S. 99, о других ин-*

других индоевропейских языках Малой Азии отсутствуют соответствия тем индоевропейским терминам родства, которые характерны для патриархальной семьи. Те индоевропейские термины родства (за исключением слов датского языка типа *atta-*), которые отражены в древних индоевропейских языках Малой Азии, были характерны для более древнего этапа в развитии индоевропейской терминологии родства, когда отчетливо обнаруживался счет родства по матери. В частности, это относится к латинскому *avunculus*³⁹, *avus* и словам других индоевропейских языков, родственным клинописному хеттскому *huhha-* 'дед', иероглифическому хеттскому *huha-*, ликийскому *χуга-* 'дед с материнской стороны'.

4

Выше были рассмотрены факты, подтверждающие гипотезу о том, что древнейший период истории индоевропейских племен характеризовался наличием общественной собственности и родовыми учреждениями, на основе которых позднее возникает народное собрание (собрание воинов). Вместе с тем явственно обнаруживаются следы материнского счета родства, характерного для архаичного родового общества.

Деление общества на сословия, различающиеся в имущественном отношении и по социальному положению, происходит в гораздо более позднюю эпоху, так же как и усиление власти военачальника, становящегося царем. Сравнивая известную по письменным памятникам социальную структуру обществ, говоривших на древних индоевропейских языках, можно установить, что все эти общества уже характеризовались социальным расслоением. Как справедливо отметил проф. Палмер в своей недавней работе, это социальное расслоение нашло отражение и в религиозных представлениях, согласно которым боги выступают в роли наиболее могущественных правителей⁴⁰.

индоевропейских языках см.: *A. Scherer*. Proceedings of the Seventh International Congress of Linguists. 1956. P. 504—505.

³⁹ О семантике имен родства типа *avunculus* см.: *E. Benveniste*. Bulletin de la Société de Linguistique de Paris. T. 46. 1950. f. 1 (№ 132). P. XXI; *A. В. Исаченко*. Slavia. 22. 1953. Суффикс **-nt-* в *avunculus* и бретонском *eontr* может быть сопоставлен с аналогичным суффиксом в хеттском *huhant-*, которое, по П. Мериджи, соответствует иероглифическому хеттскому *huhat(a)-*, см.: *P. Meriggi*. Schizzo della destinazione nominale dell'eteo geroglifico // Archivio gittologico italiano. V. XXVII. F. II. Firenze, 1952. P. 115.

⁴⁰ *L. R. Palmer*. The concept of social obligation in Indo-European // Hommages à Max Niedermann. Collection Latomus. V. XXIII. Bruxelles, 1956. P. 205, 269. К фактам, приведенным в этой статье, можно было бы прибавить ссылку на концепцию боже-

Но при изучении этих фактов необходимо обращать особое внимание на проблемы относительной хронологии, потому что сходство подобных явлений, обнаруживаемых в истории различных народов, говоривших на индоевропейских языках, отнюдь не позволяет возвести эти явления к одному источнику. В данном случае мы имеем дело с результатами параллельного развития, никак не связанного с исторической общностью языков.

Сравнительно-исторический анализ позволяет установить, что термины, позднее выступающие в качестве названий отдельных социальных групп, первоначально не имели этого специального значения. В этом отношении очень показательна история древнеиранского (авестийского) термина *vāstrya-*, который в поздних частях «Авесты» выступает в качестве названия представителя одного из трех основных сословий — «крестьянина». Но в одном из наиболее архаичных мест «Авесты» (*Yasna*, 53, 4) термин *vāstrya-* употребляется для обозначения всей массы скотоводческого населения без расчленения его на социальные группы⁴¹. Можно предположить, что такое употребление этого термина было наиболее древним.

Существительное *vāstrya-* является производным от существительного *vāstar* 'пастух', родственного хеттскому *weštara-* 'пастух' (имя деятеля, образованное от корня *weš-* посредством суффикса имен деятеля **-tor*). В «Авесте» это архаичное слово, общее для хеттского и иранских языков, встречается в гимне, излагающем жалобы «души скота». В этом гимне, чрезвычайно характерном для мировоззрения древних иранцев-скотоводов⁴², охрана скота изображается высшим благодеянием и занятием богов. «Душа скота» (*gāus urva*), обращаясь к богам, восклицает: *nōiṭ moi vāstā xšmat anyo* 'нет у меня никакого пастуха кроме вас (= богов)' (*Yasna*, 29, 1). Этот авестийский текст обнаруживает разительное сходство с хеттской молитвой KUB XXIX I, в которой главному хеттскому божеству — богу Грозы — воздается хвала за то, что он охраняет и пасет скот (*wešiya-* 'пасти', глагол, родственный хеттскому *weš-tara-* и авестийскому *vās-tar*). В известной молитве хеттского царя Мхвталлиса бог именуется «пастухом» (*weš-tara-*, KUB VI 46 III 52⁴³). Этот термин понимается в значении, близком к буквальному, так как, по словам Му-

ства у хеттов, всего отчетливее выраженную в известных молитвах Мурсилиса, см.: A. Götze. Die Pestgebete des Mursilis // Kleinasiatische Forschungen. Bd. I. Heft 2. 1930.

⁴¹ E. Benveniste. Les classes sociales dans la tradition avestique // Journal asiatique. T. CCXI. 1932. P. 129.

⁴² См. статью В. П. Абаев. Скифский быт и реформа Зороастра // Arhiv Orientalni. XXIV. I. Praha, 1950.

⁴³ Согласно объяснению лувийского *waštaraḫi-*, предложенному Х. Оттенем (H. Otten. Op. cit. S. 85), употребление основы, родственной авестийскому *vāstar*, по отношению к богам наблюдается не только в хеттском, но и в лувийском языке.

ваталлиса, бог осуществляет правосудие над человеком, собакой, свиньей и дикими полевыми зверями⁴⁴. С этим можно сравнить место в указанном выше авестийском гимне, где душа скота обращается к богам относительно «судьи для скота» (*gavoi ratiš*, *Yasna*, 29, 2).

Показательно, что в указанных текстах боги изображаются не в качестве могущественных правителей, а как скотоводы, пасущие скот и охраняющие его от всех опасностей. Представляется совершенно несомненным, что именно в таких архаичных текстах можно найти отражение социальной действительности, характерной для древнейшего периода истории скотоводческих индоевропейских племен.

1957

Постскрипtum

Более подробный анализ других хеттских слов, родственных *ḫappar*, в частности, корневого глагола *ḫap*, и его соответствий в других индоевропейских языках, см. в кн.: Вяч. Вс. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: индоевропейские истоки. М., 1981. С. 118. Формы, родственные хет. *ḫappar*, *ḫappinant-*, разъясняются благодаря сопоставлению с хеттским корневым атематическим глаголом спряжения на *-mi ḫap-* 'быть в изобилии' (3 л. ед. ч. наст. вр. *ḫap-zi*), родственном лат. *Op-s* 'Божество Плодородия' (корневое атематическое имя существительное, родственное лат. *op-ul-ent-us* 'богатый', диссимилиация из **op-en-ent-* = **Hop-en-ent-* > хет. *ḫappinant-* 'богатый', лат. *op-es* 'имущество, изобилие, богатство', др.-инд. *ap-na-* 'имущество, богатство, работа', авест. *afnah-vant-* 'богатый имуществом', ср. об этих и других соответствиях: Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. II. С. 746, см. в этой же книге детальнее о лат. *avunculus* : хет. *ḫuhḫa-* и других вопросах индоевропейской социальной организации, затронутых в этой статье, начинавшей круг работ автора по данным проблемам).

Проблемы, связанные с этимологией хет. *panku-* 'собрание', подробно рассмотрены в специальном разделе в т. I (приложение 1). Альтернативная этимология хет. *panku-*, многократно обсуждавшаяся в последние десятилетия, предполагает возможную связь этого слова с индоевропейским обозначением «всего» (др.-греч. *παντ-*, тох. А, В *pont-*), «пяти» (**penk^we* > др.-инд.

⁴⁴ См. об этом тексте F. Sommer. *Hethiter mid Hethitisch*. Stuttgart, 1947. S. 1—2. Следует отметить, что, согласно Ф. Зоммеру, именно в этой архаичной молитве сохранился отзвук древних переселений индоевропейцев-хеттов.

paṁsa '5'), «пятерни» (англ. *fist* и т. п.), см. ниже статью «Разыскания в области анатолийского языкознания. 17». При всем остроумии этих гипотез, поддержанных именами известных ученых, их выдвинувших, для истории семантики хеттских слов они ничего не дают. Поэтому анализ контекстов употребления хеттских слов заставляет предпочесть прежнюю этимологию, проясняющую пути развития значений в раннем древнехеттском.

Сохраняется немало трудностей вокруг синхронного истолкования значений хет. *pankur*. Значение «род», существенное для толкования приводимого места из Завещания царя Хаттусилиса I, остается бесспорным. Но в важных и для этого контекста, и для других подобных, случаях применения слова не к людям, а к животным, остается в силе предложенное Гютербоком (см. *CHD, s. v. *pankur*) понимание термина как относящегося к части тела (при этом выходящей вовне и поэтому определяющей ранимость или уязвимость животного). Если не принимать предположения о наличии омонимов, из которых для одного нужно предположить это последнее значение, а для другого — значение 'род' или ему подобное, то необходимо наметить возможные пути развития контекстуальных употреблений слова. Приемлемым кажется допущение, по которому по отношению к животному слово означает не одну часть тела, а их «совокупность» на подобие более поздних обозначений «организма» в целом. На важность употребления термина как социального указывают тексты оракулов, где *pankur* выступает в контекстах, сходных с теми, где действует *panku-* 'собрание', 'царь' и другие социально значимые институты.

Соответствие хеттского и авестийского названий «пастуха» было рассмотрено позднее Э. Бенвенистом: *E. Benveniste. Hittite et indo-européen*. Paris, 1962. О других формах, образованных от корня **wes-*, в хеттском и древнеиранском ср.: *Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы*. 1984. Т. II. С. 695, 824; *Вяч. Вс. Иванов. Хеттский язык*. 2-е изд. М., 2001. С. 38, 210.

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ *

1. Лит. *lópeta* 'лопата' : рус. *лопата* : хет. *lappa*

Лит. *lópeta* 'лопата, лопатка, заступ; лемех'¹ нередко используется в контекстах, связанных с похоронным обрядом и смертью, как и родственное рус. *лопата* и другие славянские слова того же корня в фольклорной традиции. Поэтому представляется обоснованным сравнение с хеттским обозначением ранее точно не отождествленного предмета (вслед за Зоммером предлагался перевод 'щипцы, ложка'²), на который (и с помощью которого) кладут кости умершего царя в архаическом ритуальном обряде, сохранившем многие лексические сочетания индоевропейской древности³: *ni ḫa-aš-ta-i IŠ-TU la-ap-ra KUBABBAR da-aš-kán-zi* 'и кости они берут на серебряную лопату' (директив), KUB XXX 15 + KUB XXIX 19 Vs. 4. Наряду с древнехеттской формой директива (направительного падежа на *-a* < и.-е. **-ō* из ступени растяжения тематического гласного) в среднехеттских и архаических новохеттских текстах засвидетельствована форма твор. п. *la-a-ap-pí-it* (1961/c obv. 6⁴), функцию которой в цитированном тексте, быть может, отчасти выполняет (непронесившийся, т. е. игравший роль чисто графического уточнения при древ-

* Издано в: Этимология 1983. АН СССР. Ин-т русского языка. М.: Наука, 1985.

¹ Значение засвидетельствовано в старолитовском (в Библии Бреткунаса), см. LKŽ VII. 648 (там же см. контексты, относящиеся к смерти и похоронам).

² *H. Otten. Nethitische Totenrituale.* В., 1958. P. 66, 67, 142, 145; *H. Hoffner, H. Güterbock. Hittite Dictionary.* Chicago, 1980. V. III. L—M. 40.

³ Ср. в данной связи: *В. В. Иванов.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981. С. 149—150, примеч. 5.

⁴ *H. Otten.* Op. cit. 142. Толкование Оттенем формы как не собственно хеттской не выдерживает критики и объясняется тем, что в то время функция директива в древнехеттском не была изучена.

ней падежной форме, возможно, уже с трудом воспринимавшейся) акадский предлог *IŠ.TU* 'с, посредством' (очевидно, директив в древнехеттском мог передавать и это графическое локальное значение наряду с собственно направительным). Контекст *la-a-ap-pi-it da-a-aš* 'лопатой взял' (1961/c obv. 6) совпадает по лексическому составу с цитированной формой из древнехеттского царского обряда (дошедшего в более поздней копии среднехеттского или, возможно, новохеттского времени), отличаясь только видо-временными морфологическими характеристиками (*dāš* 'взял' : *dāšk-anzi* 'они берут' при возможности древней генетической связи между сигматической формой пр. вр. на *-š* и итеративным суффиксом *-šk-* < и.-е. **-sk-*'). Давно предполагаемая связь пережитков обрядовой роли лопаты в восточнославянских фольклорных текстах с ритуалом инициации юноши⁵ находит подтверждение в новохеттском тексте предсказания новорожденному, где говорится (KUB VIII 35 obv. 4—5): *TUR-aš ID!-az x-x-an-ta-za IZI-za la-ap-pa-za i-ya-at-ta-ri* 'ребенок пройдет через реку (...), огонь и (испытание) лопатой'. Парадигма существительного, судя по цитированным написаниям, была баритонированной: *lāpa[š]* (предполагаемое восстановление *la-ap-pa-a[š]*, им. п. ед. ч. или род. п. ед. ч., KUB XVI 42 obv. 20, текст новохеттского периода), *lāpa* (директив), твор. п. ед. ч. *lāppit*, отл. п. ед. ч. *lāppaza*.

Семантическое сходство хеттских, славянских и балтийских текстов делает этимологию несомненной. Представляется, что общепринятое членение форм типа лит. *lóp-eta*, рус. *лон-ата* (при параллельных формах без суф. **-elōt-* типа лит. *lāpa*, лтш. *lāpa*) может представить интерес и для выяснения предыстории форм типа хет. твор. п. ед. ч. *lappit*, где можно было бы видеть древний нулевой падеж⁶ (в локативной функции) от основы типа **lop-et-*, представленной в балтийском и славянском. Анатолийское соответствие исключает предполагавшуюся ранее принадлежность слова к общему балтославяно-германскому слою лексики⁷ и заставляет возводить его к общеиндоевропейскому.

2. К проблеме производных от основ 'связывать, шить'

Индоевропейский глагол со значением 'связывать' восстанавливается в виде **seH₂-ye/o-* > лит. *siėja*, **sH₂-ye/o-* > хет. *išhiya-*, ср. др.-инд. *sināti* 'при-

⁵ В. Н. Топоров. Хеттская ^{SAL}ŠU.GI и славянская баба-яга // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 38. 1963.

⁶ Ср.: E. Neu. Einige Überlegungen zu den hethitischen Kasusendungen // Hethitisch und Indogermanisch / Hrsg. von E. Neu, W. Meid. Innsbruck, 1979.

⁷ Chr. S. Stang. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slawischen, Baltischen und Germanischen. Oslo, 1972. P. 33.

вязывает'⁸. Архаичное производное от этой основы с суффиксом медиопассивного причастия **-me/ono-* представлено в хет. *išhi-mana-* 'веревка, ремень', и в прус. *schumeno* 'толстая смолянистая нить' (в Эльбингском словаре 'Drot'⁹), которое Эндзелин правильно отождествил с др.-инд. *syū-man* 'нить' и с суффиксом *-mana-* в прус. *poklausī-mana-s* 'услышанный'¹⁰. По-видимому, прусская и древнеиндийская формы восходят к производному с этим суффиксом от основы **sH₂-y-u-*, тогда как в хеттском представлена основа **sH₂-y-* без суф. *-u-* в отличие от другого хеттского производного *išhi-u-l* 'договор': лит. *siūlas* 'нить, нитка'. Различие между **sH₂-y-ú-meno-* > прус. *schumeno* [šūmenā]¹¹, др.-инд. *syūman* и **sH₂-y-mono-* > хет. *išhimana-*, по-видимому, отражает достаточно древнее диалектное различие внутри словоформы, которую потенциально можно было бы признать общеиндоевропейской, ср. отчасти аналогичное различие между лат. *sūtus* < **syūtos* и прус. *saytan* 'сеть' от тех же двух основ (на *-u-* и без этого суффикса), сосуществовавших при не всегда четком различии значений в ряде индоевропейских диалектов.

3. К индоевропейским названиям 'бороды'

Выявленное в индоевропеистике диалектное различие между древним индоевропейским названием 'бороды, подбородка' и инновацией группы «древнеевропейских» (западноиндоевропейских) диалектов¹², по-видимому, может получить в настоящее время удовлетворительное семантическое истолкование. Древнее название реконструируется на основе соответствия хет. *zamankur*, др.-инд. *śmaśru*, алб. *mjekrë* (с закономерной утратой начального **s-*), др.-арм. *morukh* (*mauruk*) 'борода', лит. *smākras* 'подбородок', др.-ирл. *smech* 'подбородок' (ср.-ирл. *smeig*), др.-англ. *smāeras* 'губы', др.-исл. *smaéra* (*smári*, швед. диал. *smäre*). Вероятна также принадлежность к этой группе слов о.-вост.-кавк. **moć'orV* (реконструкция С. А. Старостина), о.-даг. **mVč'Vr/*mVž'Vr* 'борода', где можно видеть древнее заимствование из диалекта *satəm-*ного типа (но, возможно, уже утратившего **ś-* на собственно ин-

⁸ В. В. Иванов. Указ. соч. С. 165, 166, 217.

⁹ V. Mažiulis. Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1981. Т. II. Р. 35 (строка 507), 310.

¹⁰ J. Endzelins. Darbu izlase. Rīgā, 1979. Т. III. D. 2. Идея Эндзелина осталась незамеченной в последующей литературе, посвященной этому суффиксу в прусском, см.: E. P. Hamp. On Baltic, Luwian and Albanian participles in **-m-* // Baltistica. Т. 9. 1973. Р. 49; W. R. Schmalstieg. An Old Prussian grammar: the phonology and morphology of the three catechisms. University Park and London, 1974. Р. 223, 224, 345.

¹¹ V. Mažiulis. Op. cit. Р. 310.

¹² В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964. С. 302.

доевропейской почве, как в древнеармянском и албанском) или же из формы типа индоиранской¹³ (где в др.-инд. *ś-* могло бы указывать на особый характер спиранта, в хеттском находящего соответствие в *z-*, а не *š-*). На основании хеттской и древнеиндийской форм исходную праформу можно восстановить как **s'mon-k'r-u-* (ср. др.-инд. *śman* < **s'mon* 'кожа'+ *śr-* 'украшать', хотя предлагаемое осмысление в древнеиндийском и может быть результатом народной этимологии). Закономерное развитие **k'* во второй части слова осуществилось только в древнеиндийском; в албанском, как и в литовском, слово преобразовалось фонетически в связи с наличием *-r* после палатального.

И.-е. **s'monk'ru-* использовалось как обозначение 'бороды' бога: Индры, трясущего (*dhū-* 'трясти' бороду, ср. др.-исл. *dýja* 'трясти' в аналогичном контексте о боге грозы Торе в «Эдде»¹⁴) бородой в «Ригведе», хеттского бога Солнца в гимнах ему, где говорится о его 'бороде' (*zamankur*) из лазурита¹⁵ (KUB XXXI 127 I 11 и др.), древнеармянского Ва(х)агна в конце гимна, переданного Моисеем Хоренским, где борода бога описывается как 'пламенная' (что напоминает рыжий «медный» цвет бороды Тора). В аналогичных контекстах говорится и о 'бородатых змеях', в частности в хеттском заговоре, где их связывают, а потом развязывают: *šamankurwašuš* MUŠ^{H1.A} 'бородатых змей'¹⁶, KUB VII 1 III 1 + KBo III 8 III 1—35. Мифологический контекст может прояснить и причину, по которой древнее название бороды рано начинает заменяться другими.

Древнеевропейское диалектное название бороды, заменившее общеиндоевропейское, уже по его фонологическим особенностям с несомненностью должно оцениваться как сложное слово **bhar-dhā-* (> лат. *barba*, ст.-слав. **брада**, прус. *bordus*¹⁷, лит. *barzdà*, лтш. *bārda*, др.-исл. *barða*, др.-англ. *barda*, др.-фриз. *berd*, др.-в.-нем. *barta*). Особый интерес представляет образованное

¹³ В. В. Иванов. Праязыки как объекты описания в издании «Языки мира» // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980. С. 201, 202. См. также детальное обсуждение: T. L. Markey. IE 'beard' and related matters. The University of Michigan (Pre-print). 1983 (пользуюсь случаем выразить благодарность проф. Марки за присланный им препринт).

¹⁴ R. Schmitt. Dichtung und Dichtersprache der indogermanischen Zeit. Wiesbaden, 1967. P. 34, 35; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 16.

¹⁵ В. В. Иванов. К архаическим формулам в хеттских гимнах // АО 1978. V. 46. № 1. С. 69—71.

¹⁶ Ср. к интерпретации: H. Kronasser. Fünf hethitische Rituale // Die Sprache. Bd. 7. 1961. P. 161.

¹⁷ В. Н. Топоров. Прусский язык. Словарь. М., 1975. Т. 1. А—D. 240—242, там же литература.

от него прилагательное типа лат. *barbātus* 'бородатый', ст.-слав. **брадатъ**, лит. *barzdōtas*, прус. *Bardoayts* как имя бога, интерпретируемое как **bardāts*¹⁸.

По собственно лингвистическим соображениям первый член сложения **bhar-* интерпретируется как древнее индоевропейское название 'ячменя' (*Hordeum sativum*)¹⁹, заимствованное в древнеевропейские диалекты (лат. *far*, гот. *barizeins*) из семитского (др.-евр. *bar* 'обмолоченное зерно', араб. *burr* 'пшеница', южноарав. сокотри *bor*, мехри *barr* 'зерно, пшеница'²⁰); время заимствования датируется периодом общеиндоевропейского диалектного состояния.

Исходное значение словосложения **bhar-dhā* может быть реконструировано на основании широко засвидетельствованных славянских аграрных обрядов завивания бороды богу (Велесу—Волосу, Илье) или другому мифологическому существу («житному деду»). Суть обряда заключалась в том, что на поле оставляли несжатым небольшой кусочек колосьев, который посвящали богу, объявляя эти колосья его бородкой²¹. Обряд сохранил суть того же древнего представления, которое отражено и в поверьях, касающихся 'бороды' бога, и в новом диалектном древнеевропейском названии бороды.

В архаической мифологии древних пруссов три основных бога, описанных Симоном Грунау, противопоставлялись по признаку 'безбородый' («*ane bardt*»), которым был Потримпс, и 'бородатый', который характеризовал Перконса (функционально соответствовавшего другим названным выше индоевропейским грозным божествам Индре, Тору, Вахагну, чья борода фигурирует в их описаниях) и Патолса (функционально соответствовавшего славянскому Велесу—Волосу). Это противопоставление позволяет поставить вопрос о том, что новое название 'бороды' могло возникнуть в тех индоевропейских диалектах, где распространился обычай бритья бороды, известный у древних литовцев²², западных славян²³, римлян. Не только боги, но и люди

¹⁸ Там же. С. 196; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. *Бардóйтс*. Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. 162; Они же. К проблеме лтш. *jumis* и балтийского близнечного культа // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 170 (см. ниже в этом томе).

¹⁹ T. L. Markey. Op. cit.

²⁰ P. Fronzaroli. Studi sul lessico comune semitico // Accademia nazionale dei Lincei, Rendiconti della classe di scienze morale, storiche e filologiche. Ser. VIII. V. XXIV. 7—12. 1969. P. 29.

²¹ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 62—63; А. В. Гура, О. А. Терновская, С. М. Толстая. Материалы к полескому этнолингвистическому атласу // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. 95—99.

²² Z. Gloger. Encyklopedia staropolska ilustrowana. Warszawa, 1978. Т. IV. P. 449. Пользуюсь случаем принести благодарность Т. М. Судник за помощь, оказанную при изучении данного вопроса.

²³ Там же. С. 447, 449—453, 81—85.

могли противопоставляться по признаку 'бородатый' — 'безбородый' (не только 'юный', но и 'бритый'). Ритуальная же борода (в том числе в обряде и у человека или антропоморфного образа) могла изображаться пучком колосьев, что и отражено во внутренней форме словосложения **bhar-dhā-*.

4. Индоевропейские сложения типа числительное + **pod-* 'нога'

Многолетние изыскания, касающиеся предыстории загадки Эдипа, дают основание думать, что в ее греческо-индоиранском (т. е. диалектном индоевропейском) прототипе было противоположение **dwi-pod-* 'двуногого' и **k^weturo-pod-* 'четвероногого' существа, отразившееся в греч. *δίπουν — τέτραπον*²⁴, связываемом с разными возрастами живого существа. Эта реконструкция исходной языковой структуры загадки Эдипа сближает ее и с давно уже восстановленным индоевропейским противоположением **dwi-pod-* 'двуногого' и **k^weturo-pod-* 'четвероногого' как символического различия людей и крупного рогатого скота. Поскольку это последнее проводится с помощью данных числовых сложений в итальянской и древнеиндийской традициях (что и позволяет удостоверить его общеиндоевропейский характер)²⁵, представляется особенно важным наличие в тех же традициях точного соответствия рассматриваемому языковому аспекту загадки Эдипа. Речь идет о загадке, которая была богом Фавном загадана римскому царю Нуме в год, когда плодородие в стране исчезло. Божество посоветовало царю умиловить божество Земли «посредством смерти двух коров, но так, чтобы одна только корова была принесена в жертву, но притом такая, что она отдает две жизни» (*P. Ovidius Naso. Fasti. IV. 641—672*); разгадку содержит римский ритуал *Fordicidia* (принесение в жертву стельной коровы) и древнеиндийское название приносимой в жертву стельной коровы *aṣṭāpadi*²⁶ < **ok'to-pod-(i)-* 'восьминогая'. В последнем словосложении противопоставление двух живых существ (не людей, принадлежащих к 'четвероногим' — крупному рогатому скоту) по возрасту снимается благодаря включению одного из них во второе. Следовательно, и по своей семантике, и по языковому строению загадка Нумы продолжает загадку Эдипа и позволяет восстановить исходный индоевропейский ряд числовых сложений с вторым элементом **-pod-*: **dwi-pod-*,

²⁴ *W. Porzig. Rätsel der Sphinx // Indogermanische Dichtersprache / Hrsg. von R. Schmitt. Darmstadt, 1968, P. 172—176; В. В. Иванов. Пространственные структуры раннего театра и асимметрия сценического пространства // Театральное пространство. Материалы научной конференции (1978). М., 1978. С. 15, 30; Г. Г. Хомерики. Мудрость фиванской Сфинкс // Сообщения АН ГрузССР. 1982. № 3. С. 649—650.*

²⁵ *R. Schmitt. Op. cit. (с указанием предыдущих работ).*

²⁶ *G. Dumézil. La religion romaine archaïque. P., 1966. P. 365.*

**k^weturo-pod-*, **ok'tō-pod-*. Общеиндоевропейский характер обряда принесения в жертву стельной коровы, из чрева которой вырывают плод, подтверждается метафорической ссылкой на этот обряд в древнехеттском тексте Заветания хеттского царя Хаттусилиса I.

5. Греческо-арийское название 'моря' как 'соленого'

Открытие в др.-инд. *sal-ila* 'море' производного от общеиндоевропейского названия 'соли'²⁷ имело существенное значение прежде всего потому, что этим было опровергнуто бытовавшее до тех пор представление об отсутствии у индоиранцев этого названия (из чего делались неоправданные дальнейшие культурно-исторические выводы). Однако едва ли не больший интерес представляет то, что обозначение 'моря' как 'соленого' является общим греческо-арийским. В микенском греческом *a₂-ro* = **halos* означает 'море', **haro-udopi* 'аквамарин' (где **halos* **udophi* понимается как сочетание с твор. п. мн. ч. от ἕδωρ); собственное имя *a-pi-ha-ro* толкуется как Ἀμφιάλος; *o-pi-ha-ra* сопоставляется с гом. греч. ἐπίαλα 'стоящий на берегу моря' (В 538, 589)²⁸. В послегомеровском греческом слово многократно засвидетельствовано в лирической поэзии, ср. у Сапфо производные со значением 'соленое' (море) (55а, 7—8): ἄβραν Ἀνδρομάχην ἐνὶ ναῦσιν ἐπ' ἄλμυρον πόντον 'ведет Андромаху на корабли на соленой пучине'; (98, 10) θάλασσαν ἐπ' ἄλμύραν 'на соленое море'; у Алкея то же сочетание ἄλμυρον (...) πόντον (51, 2). Кажется несомненным, что в поэтическом языке отражены здесь архаичные черты.

6. Лув. *kuwaya-* 'бояться' : и.-е. **dw-* > арм. *erk-*

В лувийско-ликийской группе индоевропейских языков Малой Азии осуществилось развитие **dw-*, **d^hw-* > **kw-*, о чем свидетельствует лик. *kbatru* 'дочь' < **d^hug^hHter*; лик. *kbi* : мил. *tbi* 'два'; лик. *Ikkwemi* : Ἐνδομις²⁹. Подобно этому лув. *kuwaya-* 'бояться' (иерогл. лув. *hwa-s-* с изменением *k* > *h* уже в самом иероглифическом лувийском) соответствует и.-е. **dw-* 'бояться' (вероятно, производному от **dw-* 'два' согласно семантической закономерности, выявленной Бенвенистом³⁰). Данное соответствие существенно потому,

²⁷ P. Thieme. Die Heimat der Gemeinsprache. Mainz, 1954.

²⁸ C. Camera. Il mare nei documenti micenei // Kadmos. Bd. XX. Hft. 1. 1981. P. 26—37.

²⁹ Г. Нейман. Ликийский язык // Древние языки Малой Азии. М., 1980. С. 336.

³⁰ Э. Бенвенист. Семантические проблемы реконструкции // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.

что оно прояснит фонетическую предысторию группы **dw- > erk-* в родственных древнеармянских словах. Можно думать, что начальный этап развития **dw- > *kw-* был общей лувийско-протоармянской изоглоссой. Для более поздней истории собственно армянского специфично развитие, при котором **d- > *r-* (ротацизм, сходный с позднейшим диалектным лувийским иероглифическим), а **-w-* в этой группе фонем выпадает: **dw- > *kw- > *(e)rkw- > *erk-*. Таким образом, армянский перестает быть изолированным языком по этой фонетической черте, вызывавшей сомнения у многих индоевропеистов.

1983

Постскрипtum

Структура производных от глагола «шить» в разных индоевропейских диалектах более подробно рассмотрена в кн.: Вяч. Вс. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981. С. 164—166.

Мифопоэтическое использование словосложений со вторым элементом **-pelod-* изучалось автором в статье о кеннингах: Вяч. Вс. Иванов. Изб. тр. III. М., 2003.

Древнегреческому названию «моря» посвящена особая статья, публикуемая ниже.

III

РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ АНАТОЛИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ 1А—2*

1а. Еще раз об этимологии хеттского названия вечнозеленого дерева *eja-*

В первой из статей настоящей серии предлагалась такая этимология хеттского названия вечнозеленого дерева *eja-* — культового символа бога плодородия, которая связывала его с общеиндоевропейским названием «вечности» (лат. *ae-u-om* 'век', гот. *ai-w-s* 'время, вечность' и т. п.)¹. Не отказываясь от возможности такой связи на древнейшем преиндоевропейском уровне, автор в дальнейшем, учитывая и сделанные по поводу семантической стороны предложенной этимологии критические замечания², предложил более

* Издано: Этимология 1971. М., 1971. С. 298—300.

¹ В. В. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания. 1. Возможное отражение индоевропейского названия «вечности» в хеттском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 40—44; см. также: *Он же*. Хеттский язык. М., 1963. С. 28. В сходном контексте, хотя и значительно более осторожно, это название вечности в связи с *eja-* упоминает в своей недавней книге П. Фридрих: P. Friedrich. Proto-Indo-European trees. Chicago, 1970. P. 125, примеч. 25 (указанная статья автора П. Фридриху оставалась неизвестной). Автор приносит благодарность П. Фридриху и Т. В. Гамкрелидзе, познакомившим его с этой книгой. Об индоевропейском характере *eja* ср.: B. Rosenkranz. Zu einigen landwirtschaftlichen Termini des Hethitischen // Jahrbuch van het Vooraziatisch-Egyptisch Genootschap «Ex Oriente lux». № 19 (1965—1966). Leiden, 1967. S. 500, примеч. 3.

² V. Pisani. Relitti «indomediterranei» e rapporti greco-anatolici // AION. VII. 1966. P. 47. Предложенное самим Пизани сравнение с русск. *ель* и т. п. фонетически трудно обосновать; с семантической же стороны Пизани, вероятно, имел в виду (хотя бы и бессознательно) то типологическое сравнение функций дерева *eja-* и рождественской

точное для значительно более поздней диалектной индоевропейской эпохи сопоставление с тем общеиндоевропейским названием дерева, к которому восходит русск. *ива*, с.-хорв. *ìва*, чеш. *jíva*, лит. *ievà* ‘черемуха’³, лтш. *iēva*, ирл. *éó*, ср.-валл. *uwen* ‘тисс’, греч. *ῥα, ῥή* ‘рябина’, арм. *aigi* ‘виноградник’. При этом особый интерес для сопоставления с *eja* имеют древнегерманские слова этого корня⁴. С семантической стороны, как это отметил П. Фридрих, предложивший эту же этимологию независимо от автора, особенно существенно то, что тисс, обозначавшийся др.-в.-нем. *îwa* и родственными словами, участвовал в различных церемониях в качестве материала, из которого изготовлялся судебный жезл, а также использовался для защиты от колдовства; тисс сажали на кладбищах⁵; наконец, из тисса изготовляли лук, который, судя по многочисленным параллелям, мог быть культовым символом у германцев так же, как у кельтов⁶, название тисса или изготовлявшегося из него лука использовалось в ритуальном смысле как обозначение руны: др.-англ. *eoh, ih*, др.-исл. *ýr*, которое в руническом норвежском поэтическом тексте определяется как *vetrgrønstr víða* ‘самое зеленое из деревьев в течение зимы’⁷, что со-

ели, на которое автор указывал как в упомянутых выше работах, так и в некоторых других (см.: Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. В. В. Струве. М., 1963. С. 326). Но это сходство является чисто функциональным и не может быть привлечено для исторических сопоставлений, так как религиозная роль рождественской ели в славянских областях объясняется как вторичное нововведение, см. описание механизма эволюции этого символа: П. Г. Богатырев. Рождественская елка в Восточной Словакии // П. Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 387—392, ср.: Там же. С. 26—27, примеч. 3.

³ Первоначально **ieva*: В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963. С. 68, ср. о славянском: Там же. С. 149—150.

⁴ Данная этимология предложена впервые в статье: В. В. Иванов. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // Труды по знаковым системам. IV. (Учен. зап. Тартуского гос. унта. Вып. 236). Тарту, 1969 (в дальнейшем сокращенно: Зам.). С. 66, см. об этом и других названиях деревьев также в статье автора: В. В. Иванов. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* ‘конь’ (жертвоприношение коня и дерево *aśvattha* в древней Индии) — печатается в сборнике памяти В. С. Воробьева-Десятовского.

⁵ P. Friedrich. Op. cit. S. 124—125.

⁶ О древнеирландской символике (и ее возможном влиянии на позднейшую английскую поэзию) см. в особенности: E. O’Higgins. Blake’s *Joy of the Yew* // The Dublin magazine. Vol. XXXI. 1956. № 1. P. 27, где предположена двоичная система классификации «мужских» и «женских» деревьев в огамической традиции, имеющая многочисленные типологические параллели.

⁷ R. I. Page. The Old English rune *eoh, ih* ‘yew-tree’ // Medium aevum. Vol. XXXVII. 1968. № 2. P. 126, см. там же об исландском *bendr bogi* ‘согнутом луке’.

ответствует наиболее характерному признаку дерева *eja-*, которое, судя по архаическому хеттскому ритуальному тексту KUB XXIX 14, 17—21, «вечно зеленеет (*ukturi iġatniġan*) и листьев прочь не сбрасывает»⁸. Обряд сажания тисса, связанного у германцев с культом и со сверхъестественным⁹, точно соответствует такому же обряду, символизирующему в § 50 хеттских законов освобождение жителей жреческого культового города Аринна (центра поклонения Солнечной богине) от повинностей: *nu apel É. ZU kuēla^{GIŠ} eġan ašk-išši šakuġan arauġan* 'и дом того, у которого в воротах¹⁰ виднеется¹¹ дерево *eja-*, свободен'. В документе среднехеттского периода, составленном от имени царицы Асмунигал, тот же обряд символизирует освобождение от повинностей «привратников» (*LU^{MES} ħilammeš*, образовано от *ħilammar* 'ворота') Каменного дома (ритуального установления, связанного с усыпальницей хеттских царей): *nu-šmaš-kan pian (= piran)^{GIŠ} eġan artaru para-ma-(a)š-kan le kuiški tarnai GUD^{HI.A}-ġa-šmaš UDU^{HI.A} le kuiški appatriġazi nat-kan ħumantaza arauġeš ašandu* 'перед ними¹² пусть дерево *eja-* будет воздвигнуто, никто не

⁸ См.: В. В. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания, 1. С. 40. Текст считается древнехеттским: A. Kammenhuber. Die Sprachstufen des Hethitischen // KZ. Bd. 83. 1968. Н. 2. S. 260—261. Относительно связи вечнозеленого *eja-* с богом грозы и царем ср.: В. Г. Ардзинба. Хаттские истоки социальной организации древнехеттского общества: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 15.

⁹ C. L. Wrenn. Magic in Anglo-Saxon cemetery // English and medieval studies... presented to J. H. R. Tolkien. London, 1962. P. 309; *Idem*. Some earliest Anglo-Saxon cult symbols // Franciplegus. Medieval and linguistic studies in honour of F. P. Magoum / Ed. by J. B. Bessinger, R. P. Creed. L.; N. Y., 1965. P. 45.

¹⁰ О форме локатива в этом месте законов см.: V. Souček. Zur Sprache der hethitischen Gesetze // АО. Т. 38. 1970. Ф. 3. S. 273. Хетт. *aška*, вероятно, заимствовано из хаттского, ср. *kaškaštīpa* 'ворота' при *kaštīp* в хатти.

¹¹ В точности аналогичный контекст, окончательно доказывающий этот перевод, указан по отношению к оливковому дереву (*^{GIŠ}šamana*): H. G. Güterbock. Oil plants in Hittite Anatolia // Journal of Near Eastern Studies. Vol. 88. 1968. № 1. P. 67—68 и примеч. 10 — *šaku an eštu* 'да будет видимым, заметным', KUB XVII 10 II 16 (характерно, что *šamana* в KUB XVII 13 II 1—13 упомянуто в связи с царем и царицей, как это обычно для *eja-*).

¹² Предположение Гетце (A. Goetze. On § 163, 164/5 and 176 of the Hittite Code // JCS. Vol. XX. 1966. № 3—4. P. 131, примеч. 31), что здесь следовало бы ждать формулы 'перед их домами' едва ли верно: в параллельном месте законов речь идет не о доме, а о воротах дома. В данном же тексте ворота являются основным лейтмотивом, т. к. особая функция привратников определяется именно тем, что они находятся при вратах или при дверях, ср. «Наставления служителям храма» (KUB XIII 4 III 13 и сл., с дубликатом: P. Hulin. A new duplicate fragment of the Instructions to temple officials // Anatolian studies. Vol. XX. 1970. P. 156—157): *namma-ma kuiēš^{LU^{MES}} SANGA nu-za kuiēš Š A K [Á] É DINGIR^{LIM} ešdu nu-za É DINGIR^{LIM} paḫšari* 'потом же, из тех, которые являются

должен требовать от них (повинностей или платы), никто не должен привязывать быков (крупный рогатый скот) или овец (мелкий рогатый скот), пусть они будут ото всего свободны' KUB XIII 8 obv. 9—11. Обряд символизирует то, что от «привратников» никто ничего не может требовать вовне — *para* 'наружу'; это же слово дальше в тексте употребляется и по отношению к запретам таких брачных связей, при которых из привратников наружу — *para* — брали бы «юношу или девушку как невесту или как зятя», входящего внутрь чужого дома (там же, 13—15), иначе говоря, брачные отношения должны быть асимметричными, как и повинностные: разрешается только брать невест извне внутрь каменного дома¹³. Но вместе с тем из приведенного текста следует, что и на само дерево *eja*- наложены ритуальные запреты: к нему нельзя привязывать скот. Точную типологическую параллель хеттским обычаям представляет воздвижение дерева *gewe* у дома арауканской шаманки¹⁴. При этом согласно сведениям старых испанских хроник и грамматикам старинного арауканского языка, некогда дерево *rewe* было знаком подразделений племени, воздвигавшимся наподобие флага¹⁵. Поэтому здесь, как и в

жрецами, тот кто да будет при дверях (вратах) храма, храм он будет охранять'. Типологические параллели обнаруживаются не только в древнееврейской литературе (что указано в работе: *J. Milgron. The shared custody of the Tabernacle and a Hittite analogy // JAOS. Vol. 90. 1970. № 2. P. 205 и далее*), но и в других древнеближневосточных текстах, в частности, угаритское *tgr* обозначало социальный ранг привратников, получавших земельный надел за исполнявшиеся ими службы: *М. Л. Гельцер. Социальное деление свободных слоев населения в Угарите XIV—XIII вв. до н. э. // Проблемы социально-экономической истории древнего мира: Сб. памяти А. И. Тюменева. М.; Л., 1963. С. 70; J. F. A. Sawyer, F. R. Stephenson. Literary and astronomical evidence for a total eclipse of the sun observed in Ancient Ugarit on 3 May 1375 B. C. // Bulletin of the School for Oriental and African Studies» (далее сокращенно BSOAS). Vol. XXXIII. Pt. 3. L., 1970. P. 471. Из индоевропейских параллелей ср. др.-инд. *dvārapālakatva* 'служба стража ворот' и греч. *ψύλακες* 'стражи' в качестве названия одного из 4 социальных рангов в предании, сохраненном Страбоном: *E. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. 1. Économie, parenté, société. Paris, 1969. P. 289.**

¹³ К типологии таких «асимметричных обменов брачными партнерами» при наличии социальных рангов ср.: *C. Lévi-Strauss. Les structures élémentaires de la parenté. 2 éd. The Hague; Paris, 1967; E. P. Leach. Political systems of highland Burma. 2 ed. Boston, 1965. P. 83 и далее; N. Yalman. Under the Bo Tree. Berkeley; Los Angeles, 1967. P. 177 и след.; J. van Baal. The part of women in the marriage: objects or behaving as objects // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde, deel 126. 3e Aflevering. 1970. P. 301 и след.*

¹⁴ *A. Métraux. Religions et magies indiennes d'Amérique du Sud. Paris, 1967. P. 191—192 et suiv.*

¹⁵ *P. P. J. Augusta. Diccionario Araucan-Español y Español-Araucano. Santiago de Chile, 1916. P. 197.*

других подобных случаях, можно видеть переосмысление символа подразделения племени в качестве позднейшего знака социального ранга (шаманского или жреческого). Другую аналогию представляют обряды Бенина, где перед домом сажали дерево икхими — символ женского божества Земли Отау¹⁶.

В свете данной этимологии привлекает внимание то, что и в других индоевропейских традициях деревья, обозначаемые словами этого корня, были связаны с ритуальными функциями. Это относится не только к лат. *īua*, если оно действительно принадлежит к этой же группе слов¹⁷, но и к славянскому названию ивы. Описывая культовое использование деревьев у славян, Потебня отмечал, что ивовые прутья, например, у чехов могут заменить вербовые, образуя культовый символ — *pomlázka*¹⁸. Ритуальная роль является общим функциональным признаком всей данной индоевропейской группы слов.

Хеттское *eja-* и его германские соответствия имеют, по-видимому, решающее значение для установления древнейшего морфологического членения этого названия. В германских языках представлены дублеты с заднеязычным и **w*, которые чаще всего объясняли праформой с лабиовелярным типом **iχwaz*, **igwaz*¹⁹. Однако Шпехт²⁰, а вслед за ним и де Фриз²¹, предполагает наличие двух вариантных форм, образованных от корня **ei-* посредством суффиксов **-u-* и **-k*. Поскольку в хеттском языке нельзя ожидать исчезновения **-u-* после **-i-* или дифтонга на **-i-*, *eja-* следует признать производным от того же корня, что и все перечисленные имена, но без суффикса **-u-*; но при этом тип основы в хеттском и других языках совпадает: конечное *-n-* в древнехеттских формах типа *ejan* напоминает одну из приведенных кельтских форм — на **-n-*, другие же хеттские формы могут соответствовать основе на **-ā* в балтийском, славянском, греческом.

¹⁶ Ср. о священных деревьях в ритуале: *H. Melzian. Zum Festkalender von Benin // Afrikanistische Studien. Berlin, 1955. S. 105.*

¹⁷ *P. Friedrich. Указ. соч. С. 121, 125.*

¹⁸ *А. А. Потебня. О купальских огнях и сродных с ними представлениях // А. А. Потебня. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. С. 185. Этимология названия этого символа в статье Потебни неверна, ср.: Holub — Kopečny. С. 286; Machek¹. С. 383 (pomladiti, zmladiti). Автору на культовую значимость ивы в славянском фольклоре в связи с обсуждением данной этимологии указал В. Н. Топоров.*

¹⁹ См. подробную библиографию в статье: *R. I. Page. Указ. соч. С. 122.*

²⁰ *F. Specht. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944. S. 63. Ср. др.-инд. eka < *oi-ko- при др.-перс. aiva < *oi-vo- 'один': W. P. Schmid. [рец. на кн.] W. Brandenstein, M. Mayrhofer. Handbuch des Altpersischen // IF. 69 Bd. 1964. 3 Heft. S. 204.*

²¹ *de Vries, s. v. út.*

2. Лувийское *kaši* и ст.-слав. *господь*, лув. *arijatali-* и др.-инд. *arí*

В ритуальном употреблении лув. *kaši* в ритуале Туннави в сакральной формуле, обращенной к богу Грозы — Тархунтасу, уже приходилось отмечать возможное соответствие первому элементу славянского **gos-* в **gos-podь* и в других родственных словах в других индоевропейских языках²². Для подтверждения этой гипотезы следует привести следующие дополнительные аргументы. В этом же обращении к Тархунтасу к нему применен эпитет *arijattališ*, видимо, содержащий тот же именной суффикс, что и лувийские прилагательные типа *muca-tali* ‘могущественный’ (эпитет, приложимый к богу и царю), *huḫa-tali* ‘дедовский’. Основа *ari(ja-)*, скорее всего, представляет собой типичное для лувийского образование на *-i-* при хеттской основе на *-a-* в *ara*, *Ara*, которое, как показал Бенвенист²³, по своему значению точно соответствует др.-инд. *arí*, *ārya-*. Особый интерес представляет использование хеттского имени бога *^dAra* (с детерминативом имени бога) в начале и конце восьмисложного метрического ритуального текста той же структуры, которая устанавливается и для других древнехеттских метрических текстов²⁴:

kuit-ṽa-šši kuit eššaṽeni
nu-ṽar-at-ši aza ešdu
 ‘Что мы для него ни делай,
 Все ему на благо будет’.

В самом этом тексте слово *ara* использовано в значении ‘благо’, являющемся в хеттском языке основным. Но в хеттском, как и в индоиранском, это слово было связано с обозначением взаимности, как это убедительно показано Бенвенистом на основе сочетания *araš aran* ‘друг друга’; сравнивая хеттское сочетание со славянским, Бенвенист отмечает, что славянские обозначения «друга» и «другого» связаны точно так же, как хеттские и индоиранские образования типа хетт. *ara-*, др.-инд. *arí*-. Развивая более детально свою интерпретацию др.-инд. *arí* в недавно изданных лекциях об индоевропейских древностях, Бенвенист отмечает, что в согласии с выводами П. Тиме значения ‘друг’ и ‘враг’ у *arí* (которое в «Ригведе» может относиться и к бо-

²² См. об этом лувийском тексте и его переводе: В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965. С. 39; *Он же*. Зам. С. 46 и примеч. 6.

²³ E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Paris, 1962. P. 108—110.

²⁴ В. В. Иванов. Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике // For Roman Jakobson. The Hague, 1967. Цитируемый текст приводится по изданию: H. Otten. Hethitische Totenrituale. Berlin, 1958. S. 98. (Неслоговость в *kuit* следует из метрических соображений и подтверждается диахроническими данными.)

гам, например к Индре, RV, X, 28, 1, ср. также индоиранское имя бога (*Arya-man*) следует связывать друг с другом так же, как значения лат. *hostis* ‘хозяин’ и ‘враг’²⁵ и других родственных слов типа русск. *гость*.

В своей книге, впервые наметившей путь к пониманию этого термина как обозначения взаимности, П. Тиме указал, что вед. *aridhāyas* ‘чествующий чужого — гостя’ можно сопоставить с греч. гомер. *ἐριθιλήης* ‘пышный, роскошно распускающийся, в полном цвете’, Е 90 (из ‘предоставляющий гостю сень, усладу, освежение?’)²⁶; гипотезы Тиме относительно греческих слов с начальным *ἐρι* были подтверждены обнаружением микенского греческого собственного имени *e-ri-ke-re-we*, правдоподобно истолкованного как **Ἐρικλές*, родственного составным частям вед. *aryáḥ... śravām śi*²⁷; разительную аналогию этому сочетанию внутри собственного имени представляет славянское сочетание **gostь* + *slavь* внутри собственного имени²⁸ типа *Гостеслав(ъ)*, последний элемент которого этимологически, а первый — семантически тождествен греческо-арийскому. Более проблематичным представляется полное тождество греч. *ἐριθιλήης* и *arijattališ*, т. к. в последнем случае при сохранении этимологии Тиме пришлось бы это слово, встречающееся только в одном месте ритуала Туннави, скорее всего, считать не лувизмом, а результатом взаимодействия хеттского языка с языком греческого населения Малой Азии или шире — эгейского мира в целом (если, отказавшись от этой этимологии Тиме, не предположить, что вторая половина греческого слова не явилась сама результатом народно-этимологического переосмысления более древнего производного, структура которого была забыта после изменения древнего значения **ἐρι*). В производных типа гомеровского эпитета богинь *ἐρι-κῶδής* ‘преславная, прекрасная’ (λ 576) можно видеть подтверждение более несомненного тождества первых половин греч. *ἐρι-θιλήης* и лув. *arija-talli* в качестве эпитета бога. Особый интерес представляет *ἐρι-ούνης* ‘раздаятель благ’ в качестве эпитета Гермеса (Ω 360), по Тиме²⁹ соответствующего вед. *riśādes* — ‘пекущийся о госте’. Наименование бога как «раздаятеля благ» было бесспорно характерно для целого ряда индоевропейских диалектов — не только индоиранских, где, судя по согд. *Vay*, видимо, в некоторых текстах функцио-

²⁵ E. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. 1. Économie, parenté, société. P. 370—373. Ср.: В. И. Абаев. Из истории слов // ВЯ. 1958. № 2. С. 113—115.

²⁶ P. Thieme. Der Fremdling im Ṛgveda. Leipzig, 1938. S. 165; этимология не является общепризнанной: Mayrhofer. I. S. 49.

²⁷ R. Schmitt. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967. S. 132—133, § 242.

²⁸ См.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание. М., 1963. С. 127, 129 (табл. 4, № 5, 64).

²⁹ P. Thieme. Указ. соч. С. 158.

нально соответствующему др.-инд. *Bhaga*³⁰, это употребление основы *bag-* сохранялось достаточно долго (что важно и для датировки соответствующих фактов славянских языков, объясняемых иранским воздействием), но и для армянского³¹ и греческого³². Для хеттского языка обозначение бога как доли следует из прилагательного *a-šičant* ‘бедный’, типологически совпадающего со слав. *ne-bogъ u-bogъ*³³. В свете современных этнологических представлений о процессе обмена в архаических обществах³⁴ для индоевропейского взаимность дарений была доказана на материале соответствующих терминов типа хетт. *da-* ‘братъ’ — лат. *dō* ‘давать’³⁵ и т. п. Поскольку одним из главных терминов, обозначающих взаимный обмен, был тот, к которому восходит ст.-слав. *гостъ*, лат. *hostis*, не должно вызывать удивления и то, что этот же термин мог выступать в качестве обозначения ‘бога’, как в др.-исл. *gestr* в качестве обозначения Одина (*Odinn*)³⁶ и в ст.-слав. *господь*. Приводя типологические параллели, касающиеся божественного характера *гостя* на Фиджи³⁷,

³⁰ *W. Henning*. A Sogdian god // BSOAS. Vol. XXVIII. 1965. Pt. 2. P. 249 и след.; о совмещении этого значения с более общим значением согд. *by* ‘бог’ см.: *С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц*. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971. С. 133—134, примеч. 18. Ср. также: *P. Ramat*. I problemi della radice Indoeuropea *bhâg-* // AION. 5. 1963. P. 48 и след. Относительно ирано-славянского соответствия в основе слав. **pora*, ир. *پَر*, синонимичной **bogъ*, **baga*, см.: *В. В. Иванов*. Зам. С. 50—51 (там же о греческом).

³¹ *V. Pisani*. Der Gott als «Verteiler» und armenisch *astuac* // *Handes Amsorya*. Vienne, 1961. № 75. S. 562.

³² *L. P. Palmer*. The Indo-European origin of Greek justice // *Transactions of the Philological Society*. 1950. P. 165; *В. В. Иванов, В. Н. Топоров*. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 68—69.

³³ *E. Laroche*. Les noms anatoliens du «dieu» et leur dérivés // *JCS*. Vol. 21 (1967). New Haven, 1969. P. 174. Ср. **ŋ > a* в *kuašk-* < **g^whŋ-sk-* и в дат.-род. п. мн. ч. *-as* < **ŋs*; *hašš-u-* < **Hŋs-é/ou-*, *dašš-u-* и т. п.

³⁴ См. изложение современного состояния вопроса в книге: *А. Я. Гуревич*. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 66—82; *Он же*. Богатство и дарение у скандинавов в раннем Средневековье // *Средние века*. Вып. 31. М., 1968.

³⁵ *E. Benveniste*. Don et échange dans le vocabulaire indo-européen // *E. Benveniste*. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966; *Idem*. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. 1. P. 81—86; *L. R. Palmer*. Achaeans and Indo-Europeans. Oxford, 1955; *Idem*. The concept of social obligation in Indo-European // *Hommages à Max Niedermann*. Bruxelles, 1956.

³⁶ *G. Dumézil*. Mythes et dieux des Germains. Paris, 1939. P. 29, 142. О сопоставлении со славянским см.: *V. Machek*. Sl. *gospodъ*, lat. *hospes* et lit. *viešpats* // *Slavica*. VIII. Debrecen, 1968. P. 156; *В. В. Иванов*. Зам. С. 35. Работа Махека вполне согласуется с современной этнологической концепцией обмена, хотя ее и не учитывала.

³⁷ *A. M. Hocart*. The divinity of the guest // *A. M. Hocart*. The life-giving myth and other essays. London, 1970.

Хокарт в своей работе, впервые опубликованной еще в 1927 г., но оставшейся тогда незамеченной, предвосхитил идеи Тиме и Бенвениста³⁸, дав истолкование обычая гостеприимства, совпадавших в гомеровской Греции и в Индии. При этом Хокарт подчеркнул то, что *гость* в наиболее архаических греческих и ведийских текстах наделен божественными атрибутами; общим оказывается мотив бога-гостя (иногда вовремя неузнанного). Этот же мотив недавно отчетливо установлен и в южнославянской фольклорной традиции³⁹, сохранившей столько общеславянских архаизмов. Сквозь иногда христианизированное обличье соответствующих рассказов о неузнанном боге-госте отчетливо проступает более древний мотив, общий для гомеровской и ведийской традиций.

В южнославянских и соответствующих им восточнославянских фольклорных текстах отчетливо выражается и роль угощения при приеме божественного гостя (в формулах типа «сыт и я и мой гость» и т. п.). Для рассматриваемого лувийского текста особенно существенно то, что в системе отношений внутри архаического коллектива, как и в системе ритуала, обмен регулировался прежде всего с помощью пиров типа потлача (ср. характерное словообразовательное сходство трех славянских терминов — **pirь*⁴⁰, **darь*, **mirь*⁴¹, связанных с данной системой отношений). Поэтому и для понимания рассматриваемой группы слов важно наличие такого термина, как лат. *hostia*,

³⁸ В частности, с одной из основных идей цитированных выше лекций Бенвениста совпадает предложенное Хокартом объяснение этих отношений из более древних дуально-эзогамных, что согласуется и с такими современными индийскими данными, как обозначение свойственника как гостя, ср.: *L. Dumont. Les manages Nayag comme faits indiens // L'homme. Vol. I. 1961. № 1. Относительно реконструкции дуальных отношений для общеиндоевропейского ср.: В. В. Иванов. Зам. (там же литература).*

³⁹ *B. Krader. Hospitality customs as reflected in Balkan folk narratives // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Т. VI. М., 1969. P. 336—340.*

⁴⁰ Ср. к семантике: *R. Eckert. Zur slawischen Hochzeitterminologie // ZfS. X. 1965. S. 185—191; о связи пиров с взиманием дани и древними социальными отношениями см.: Р. С. Линец. Эпос и древняя Русь. М., 1969. С. 124—141, 239—246 и др.*

⁴¹ О последнем термине и его иранских связях (не препятствовавших позднему вхождению его в указанный круг, к которому семантически примыкала и основа **žirь*, ср. производные типа *мировой*, *даровой*, *жировой* и т. п., в том числе в архаических контекстах: *на мировую* и т. п.) см. в особенности: *V. N. Toporov. Parallels to ancient Indo-Iranian social and mythological concepts // Pratiḍānam. The Hague, 1969. P. 110—113; ср. возможные аналогичные связи и для основы *syрь: иран. *sūr. О корне *mei в связи с обменом см. в указанных выше, примеч. 35, работах Бенвениста. Подробнее данный вопрос в связи с семантикой и древним типом основ на *-ru типа *жирь* будет рассмотрен особо.*

обозначавшего жертву при обмене благами с богами, ср. также лат. *Dea Hostilina*. Так следует объяснить и *kaši* в связи с приглашением бога на землю в лувийском тексте.

Во втором из гибридных хетто-лувийских текстов — КВо II, 11 Rs. 8, где упоминается это слово (в винительном падеже *kašin*, с глоссовым клином), видимо, в значении 'посещение', также рядом с ним слово 'бог' (бог назван здесь термином *antari* из египетского *ntr* 'фараон, царь')⁴². Поэтому для лувийского в обоих случаях вероятен тот же контекст, что и для славянского **gos* в **gos-podь*. Со стороны морфологической лув. *kaši* остается не вполне ясным: ввиду развития **st > šš*, как в лув. *hašša* 'кость' при хетт. *hašta* — вероятно происхождение из **kašši-* < **gašti-* < **ghos-ti*. Но в виду неудвоенного написания *-s-* нельзя полностью считать исключенным и более архаическое образование на *-i* (типа хетт. *eši-* 'пастбище' при хетт. *eš-tara-* 'пастух', авест. *vāstar*) от корня **ghos-* без элемента *-t-*, ср. лат. *hospēs*: ст.-слав. **гос-подь**, где отсутствие *-ti-* при словосложении можно объяснить такими же правилами морфологической трансформации первого компонента сложного слова, как в архаических индоевропейских сложениях с первой основой на **-ter*.

1971

Постскриптум

Подробнее вопросы дара и обмена освещены в специальной статье о славянских терминах, их, обозначающих, ниже в этом же томе.

⁴² F. Sommer. Die Aḫḫiyavā—Urkunden. München, 1932. S. 245—246 и след.; но ср. B. Rosenkranz. Beiträge zur Erforschung des Luvischen. Wiesbaden, 1952. S. 19.

РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ АНАТОЛИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

3—8*

3. Хатт. *ḫa-prašš-* ‘леопард’ как источник хетт. *paršana-* и евразийск. названий барса, тигра

Благодаря хатти-хеттской билингве 412/b (GTH 726) Vs 30 a, b устанавливается тождество хатт. *ḫaprašš-un* и хеттского логографического написания *ŠA UG. TUR* ‘леопарда, леопардово’¹. В хаттском слове выделяется не только суффикс *-(u)n*, но и префикс *ḫa-*, как и в формах типа *ḫa-p/wi-wuna-n* ‘среди людей’ (в смысле ‘на языке людей’), *ḫa-palkiy-an* ‘из железа, железный’ (в сочетаниях *ḫapalkiyan tetekuzzan* ‘железный очаг’, *ḫapalkiyan kurkupal* ‘железные гвозди’ и т. п.), а также в параллельных вариантах *ḫa-zuliya-n* (KUB XXVII 80. I. 5) и *ḫa-zuliya-* (Там же, I. 20, 32) и в форме *ḫa-šahḫašk-in*². Именной префикс *ḫa-*, иногда определяемый как локативный (*ḫa-i-waib* ‘в наш дом’³), в наиболее ясных примерах имеет собирательно-притяжательное зна-

* Издано в: Этимология 1976. М.: Наука, 1978. С. 153—162.

¹ *A. Kammenhuber. Das Hattische // Handbuch der Orientalistik. Abt. 1. Bd. 2. Abschnitt 1 und 2. Lief. 2. Kleinasiatiscche Sprache. Leiden; Köln, 1969. S. 479* (в транслитерации идеограммы опечатка). Камменхубер не выделила префикса *ḫa-* (ср. о нем там же, с. 473, 491) в этой хаттской основе, которая пропущена и в индексе к книге, видимо, поэтому это слово до сих пор не обратило на себя внимания лингвистов.

² *И. М. Дунаевская. Протохеттский именной суффикс косвенного дополнения // ВДИ. 1964. № 1. С. 104.*

³ *H. S. Schuster. Die hattisch-hettitischen Bilinguen I. Einleitung Texte und Kommentar. T. 1. Leiden, 1974. S. 96, 97.* Ср. локативное *ḫa-* в отглагольных формах типа хатт. *ḫa-n-wa-šwit* (хетт. *Ḫalmašwitt-*) ‘престол’, ‘то, на чем сидят’.

чение (*ḥa-wa-šḥap* ‘среди богов’ в смысле ‘на языке богов’), чем, видимо, и объясняется наличие *ḥa-* в форме *ḥa-prašš-un* ‘леопардово’, которая могла относиться ко множеству из двух (или более) леопардов, при отсутствии этого префикса в параллельной форме *takeḥa-un* ‘льва, львиное’ (возможно, от слова другого именного класса) в той же билингве (29 a, b, хеттское логографическое написание ŠA UR. MAḤ). Почитание леопарда в культуре хатти непосредственно продолжает значительно более древнюю туземную малоазиатскую традицию, засвидетельствованную еще в VII—VI тысячелетиях до н. э. в Чатал-Гююке, где культ этого животного — чаще всего двух леопардов — отмечается в качестве одной из наиболее характерных черт, отраженных на значительном числе храмовых фресок и скульптур⁴; культовые изображения двух леопардов известны и на более поздних памятниках западной Малой Азии, хронологически соотносимых с Троей II⁵. Собирательный характер хеттской формы *ḥa-praššun* ‘принадлежащий к леопардам’, засвидетельствованной в мифе о строительстве домов (храмов) Богом Солнца, согласуется с этой древнемалоазиатской традицией почитания двух (и более) леопардов.

Специфической чертой культовых изображений в Чатал-Гююке является мотив пляски человека в леопардовой шкуре. Наиболее близкие аналогии можно обнаружить в таких африканских культурах, где в ритуальных танцах

⁴ *J. Mellaart*. Excavations at Chatal Hüyük. AS. V. XII—XVI. London, 1962—1966; *Idem*. Earliest civilizations of the Near East. London, 1965. См. также популярное изложение и воспроизведение некоторых существенных иллюстраций: *Б. Брентъес*. От Шанидара до Аккада. М., 1976. С. 76, 77, 82, 83, 84, 85, 87, 97, 120, 212 и рис. 33 (где животные обычно интерпретируются как леопарды), 34. Связь религии хатти с древнеанатолийской традицией, представленной в Чатал-Гююке, отмечается как в центральном образе богини плодородия (иногда изображаемой с двумя леопардами как ее атрибутами), так и в ритуальной роли пчел как ее символов, см. о позднейших продолжениях как этой древнемалоазиатской мифологемы, так и связанной с теми же мифологическими именами (типа хат. *Talipin*, *Talipinu*) традиции ритуального почитания мышей и землероек (характерного уже для Чатал-Гююка, где они связывались с погребениями жриц): *В. Н. Топоров*. К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями // Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975. С. 28—44.

⁵ См. изображения железного меча III тысячелетия с головами двух леопардов на рукоятке: *J. Mellaart*. The royal treasure of Dorak a first and exclusive report of a clandestine excavation which led to the most important discovery since the royal tombs of Ur // Illustrated London News. 18. XI. 1959; *Y. Yadin*. The art of warfare in biblical lands. London, 1963. P. 145; *Г. Е. Арешян*. Первые железные изделия Ближнего Востока и Балканского полуострова // Вестник общественных наук. АрмССР. Ереван, 1975. № 12. С. 94 (и рис. 1).

выступает человек, наряженный леопардом⁶. Напротив, для Древнего Ближнего Востока танец людей-леопардов настолько нехарактерен, что встречающееся в хеттском ритуале КВо X 23 III 3 предложение *ni par-ša-ni-li tar-ú-i-eš-kán* [-zi] ‘и они пляшут по-леопардовски’ заставили такого специалиста, как Гётце, усомниться в правильности понимания хетт. *paršana-* ‘леопард’⁷. Но в свете сравнения с древнемалоазиатской традицией представляется необходимым вернуться к этому переводу, подтверждаемому и чередованием *paršana-* с логограммой UG.TUR ‘леопард’ в совпадающих частях ритуала КВо III 8 III 9 и 27, и соответствием *mni-ib* = AZ x KAL ‘леопард’ — *ni-im-ru* = *pár-š[a-na-aš]* в шумеро-аккадско-хеттском словаре КВо I 562 8⁸. Хетт. *paršana-* несомненно заимствовано из хатт. (*ha-*)*prašš-*, причем весьма ранняя дата заимствования представляется вероятной именно ввиду отсутствия передачи хаттского префикса *ha-*, что было возможно в период хаттско-хеттского двуязычия (приблизительно до рубежа III и II тысячелетий до н. э.).

С гипотезой о заимствовании названия леопарда из хатти в хеттский согласуется ритуальная значимость этого животного, свидетельствуемая уже древнейшей хеттской надписью царя Анитты (KUB XXVI 71, 9), где леопард (UG.TUR) назван рядом со львом (UR.MAH), как и в хатти-хеттской билингве и в уже цитированном ритуале КВо III 8 (где участники обряда танцуют «по-леопардовски»). Два альтернативных объяснения соответствующего места надписи Анитты — как описания охоты или создания зверинца и как перечисления «животных богов»⁹ — могут быть объединены благодаря типоло-

⁶ J. H. Driberg. The Lango. 1923. P. 243 ff.; A. M. Hocart. Kings and councillors. Chicago, 1970 (2 изд.). P. 54—55, 257, примеч. 21. К африканской символике леопардов ср. «о вождях в леопардовых шкурах» (из стихов Н. С. Гумилева об Африке): E. E. Evans-Pritchard. The Nuer. New York, 1940. Ср. о божестве-леопарде: W. D. Hambley. Serpent worship in Africa. Chicago, 1931. P. 13; M. Ruel. Leopards and Leaders. Constitutional politics among a Cross River People. London, 1969.

⁷ A. Goetze. [Рец.]: H. G. Güterbock und N. Otten // КВо X. JCS. V. XVI. 1962. № 1. P. 29.

⁸ B. Landsberger. Die Fauna des alten Mesopotamien nach der 14. Tafel der Serie HAR, RA = *hubullu* (Abh. d. Sächs. Akad. d. Wiss. Phil-Hist. Kl. Bd. 42. № 6). Leipzig, 1934. S. 76, примеч. 4; Friedrich. P. 163 (там же о связях с другими языками). Предположение о субстратном характере слова высказывается также в: H. Kronasser. Etymologie der hethitischen Sprache. I. Wiesbaden, 1962. S. 183, но хаттское слово оставалось неизвестным обоим исследователям. Суффикс *-na-* может быть либо хеттской передачей хатт. *-(u)n*, либо (что более вероятно) собственно хеттским, ср. *ullip-ana-* ‘волк’ (из **wl̥k^w/wl̥p-*) и т. п.

⁹ Г. Г. Гуоргадзе. «Текст Анитты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов // ВДИ. 1965. № 4. С. 98. Само выражение «животный мир богов» (хетт. *šiu-naš hūitar*) аналогично *gimraš hūitar* ‘животный мир полей’, которое имеет источник в аккадской

гическому сравнению с теми же африканскими ритуалами, предусматривающими наличие у царя ритуальных леопардов, хранимых при дворце особыми должностными лицами¹⁰.

Ритуальное истолкование последовательности животных в надписи Анитты подтверждается совпадением с ритуалом КВо III 8 III 9—11, где повторяется та же последовательность леопард — лев, а горный козел или дикая овца (DÀRA.MAŠ) не следует за ними (как в надписи Анитты), а предшествует им¹¹.

Из архаичных хеттских текстов с вероятным хаттским оригиналом сочетание культовых символов леопарда и льва, сходное с хаттско-хеттской билингвой, встречается в царском ритуале XXIX I в обряде, где кладут вместе зуб льва и леопарда (II 28—30), и в предшествующем обращении к деревьям (I 28—30): UR.MAḤ-*aš kat-ta-an še-eš-ki-it* UG.TUR-*aš-ma-aš kat-ta-an še-eš-ki-it har-tág-ga-aš-ma-aš-ma ša-ra-a ar-ki-iš-ki-it-ta* ‘Лев/львица спала как наложница. Леопард спал с вами как наложница. А медведь на вас вскочил’ (хетт. *ark-* родственно греч. ὄρχις ‘яичко’, русск. *ёрзать*)¹². Символика плодородия, выраженная в этом месте ритуала, сравнима с системой образов, реконструируемых историками культуры по археологическим данным для Чатал-Гююка, с тем существенным отличием, что у хеттов (как, вероятно, уже и у хатти) вместо пары леопардов часто выступает образ двух разных животных — леопарда и льва, в свою очередь включаемых в ряд мифологических животных. Широкое распространение этой ритуальной и мифологической схемы в областях, сопредельных с Малой Азией, свидетельствуется древнеармянским текстом Моисея Хоренского, где говорится о трех близнецах, рожденных из мифологических животных, — льве (др.-арм. *ariwcu*), барсе (др.-арм. *әнси, inz*, родственное др.-инд. *simha-* ‘лев’¹³) и драконе и отпра-

и шумерской религиозной литературе, но употребление *šiu-na-* в значении ‘дикий’ соответствует балтийскому и славянскому, см. об этом подробнее в особой работе.

¹⁰ N. Melzian. Zum Festkalender von Benin // *Afrikanistische Studien* / Hrsg. von J. Lukas. Berlin, 1955. S. 103, там же см. о титуле ‘леопард дома’, относимом к правителю.

¹¹ См. перевод в кн.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 131. — Как установил В. Г. Ардзинба, третьим текстом, в котором в ритуальном контексте сочетается дикая овца и лев, является мифологический отрывок в ритуале KUB XII 62 I 16—17: В. Г. Ардзинба. Заметки к текстам хеттских ритуалов // ВДИ. 1977. № 3. С. 122.

¹² J. Puhvel. Lexical and etymological observations on Hit. *ark-* // JAOS. V. 95. 1975. № 2. P. 263—264; C. Watkins. The Indo-European family of Greek ὄρχις: linguistics, poetics, and mythology // *Indo-European Studies II*. Cambridge (Mass.), 1975. P. 508, 518.

¹³ Ачарян П. С. 243. Мнение о заимствовании этого слова в армянский из индийского (Г. А. Капанцян. Историко-лингвистические работы, II. Ереван, 1975. С. 237; В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964. С. 240, ср.:

вившихся соответственно в разные части света — на запад, север и к границам Мидии¹⁴.

Соотнесение мифологических животных, одним из которых был леопард (тигр или барс), с четырьмя сторонами света и соответственно с четырьмя членениями временных циклов объединяет такие системы символов, как упомянутые выше африканские, с южноазиатскими, в частности, древнейшей протоиндийской (в Мохенджо Даро), для которой характерна четверная система тигр — носорог-слон-буйвол¹⁵. К подобным классификационным системам восходит и та система обозначений годов в составе двенадцатилетнего (12—4.3) животного цикла, в которую в древне-тюркском ее варианте входит др.-тюрк. *bars (jil)* 'год тигра'¹⁶. Др.-тюрк. *bars, bārs* 'тигр' (откуда и русск. *барс*), обычно рассматриваемое (как и монг. *bar, bars* 'тигр', 'барс') в качестве древнего иранского заимствования¹⁷ (перс. *pārs, fārs* 'пантера'), через

В. В. Иванов. Новая литература о диалектном членении общеиндоевропейского языка // Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 116): ставится под сомнение ввиду обнаружения иранских соответствий.

¹⁴ *C. Watkins.* Op. cit. P. 519 и сл. Мотив трех близнецов, скорее всего, является индоевропейским, так как он повторяется в древнеирландском мифе о трех братьях, для которого обнаруживается параллель и в индийском (*G. Dumézil.* Mythe et épopée. Types épiques indo-européens; un héros, un sorcier, un roi. Paris, 1971. P. 346 и сл.), а также в восточноиранском (осетинском) и общекавказском мифе о 100 (10.10) братьях-нартах и в хеттском мифе о 30 (3.10) близнецах-детях царицы Несы, см.: *В. В. Иванов.* К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений // Труды по знаковым системам. VIII. Тарту, 1977. Образ бога на животном напоминает символику хуррито-урартской религии и древнеиндийских вахан. С рассматриваемым кругом представлений могут быть связаны и ранние истоки мотива «Витязя в барсовой шкуре» (груз. *vepxis iqaosani*), ср. в этой связи *G. Charachidzé.* Le système religieux de la Géorgie païenne. Paris, 1968. P. 537—543 (предлагаемая в этой работе этнографическая интерпретация позволила бы дать типологическое сравнение с африканскими тайными обществами людей-леопардов, ср.: *R. Pearson.* Introduction to Anthropology. New York, 1974. P. 252); *О. М. Фрейденберг.* Поэтика сюжета и жанра. М.; Л., 1936.

¹⁵ *В. В. Иванов.* Бинарные структуры в семиотических системах // Системные исследования. М., 1972. С. 231; *Он же.* Найдавнішні форми людської культури та їх відображення у первісному мистецтві // Всесвіт. 1976. № 6 (570). С. 195; *Ю. В. Кнорозов.* Классификация протоиндийских надписей // Сообщения об исследовании протоиндийских текстов. Proto-Indica; 1973. М., 1975. С. 11.

¹⁶ Древнетюркский словарь. С. 84—85.

¹⁷ *Н. К. Дмитриев.* Строй тюркских языков. М., 1962; *Б. Я. Владимирцов.* Mongolica // ЗКВ. С. 331—332 (5); *Он же.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929. С. 341. Ср. также: *Н. Н. Понте.* Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. Ч. I—II. М.; Л., 1938. С. 402, 433; Фасмер I. С. 128 (с дальнейшей литературой).

иранский должно восходить к тому же западно-азиатскому источнику (в конечном счете древнемалоазиатскому), что и хетт. *paršana-* ‘леопард.’ Но при западноиранском *pārs-* в восточноиранском представлена, как и в индийском и греческом, параллельная форма того же миграционного термина с *-d-* (а не с *-s-*) после *-r-*: согд. *pwrδvk* ‘леопард, пантера’, афг. *prāng*, др.-инд. *pr̥dāku* (у лексикографов¹⁸), греч. *πόρδαλις* (*πάρδαλις*), *πάρδος*¹⁹. По-видимому, источник этого слова содержал фонему (передаваемую сдвоенным *-šš-* в клинописной передаче хатт. *ḫapraššun*), которая в равной мере могла быть передана как посредством *-s-* (в хеттском и западно-иранском, откуда и другие евразийские формы, а в конечном счете и русская), так и посредством *-d-*; возможно, что речь идет о межзубном щелевом типа [θ] или [ð].

4. Лик. *ḫḫḫa* из хурр. *kate* ‘зерно’

Лик. *ḫḫḫa* < *ḫadahi* возводится Г. Нейманом к той же основе *ḫad(a)* ‘злаки, зерно’, которая ранее была им же установлена на основании лик. *ḫadawati* ‘богатый зерном’ и топонима *Κάδρεμα*, толкуемого как *σίτου ὄρυγμός*²⁰ (ср. распространенное этимологическое объяснение первой части названия Клайпеды²¹ со сходной внутренней формой и т. п.). Это ликийское название зерна может быть возведено к хурр. *kate* ‘зерно’, известному из угаритского словаря (II 10)²², из чего следует, что население позднейшей Ликии заимствовало этот хурритский термин в свой лувийский диалект еще в период хуррито-лувийского симбиоза времени Новохеттского царства. Хурритский термин, как недавно установлено²³, обнаруживает несомненное сходство с хатт. *kait* ‘зерно’, в хеттско-хаттских обращениях к богам выступающим в качестве слова, равнозначного хетт. *ḫalki-* ‘зерно’²⁴ (для последнего предполагается

¹⁸ *Mayrhofer* II. С. 301. Персидская форма того же термина *palang* ‘барс’ заимствована в ряде восточно-иранских языков: осет. *færank/fælanck* ‘барс’, ‘леопард’ (Абаев I, 450), вахан. *pəlang*, ишкашим. *pəlang* (*Т. Н. Пахалина*. Ваханский язык. М., 1975. С. 242). Напротив, сар. *pis* ‘барс’, ‘леопард’ (*Т. Н. Пахалина*. Сарыкольско-русский словарь. М., 1971. С. 130) должно восходить к форме типа перс. *pars*.

¹⁹ *Frisk* II. С. 473; *E. J. Furnée*. Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague; Paris, 1972. S. 252, 64, 65, примеч. 267, 277.

²⁰ *G. Neumann*. Beiträge zum Lykischen V // Die Sprache. Bd. 20. 2. 1974. S. 113—114.

²¹ *Buga* I. С. 551; II. С. 231; III. С. 855.

²² *E. Laroche*. Teššub, Ḫebat et leur cour // JCS. V. 2. 1948. № 2. P. 117, примеч. 24.

²³ *V. Haas*. Die Stellung der Hurritologie innerhalb der altorientalischen Philologien // Das Hurritologische Archiv. Berlin, 1975. S. 23.

²⁴ *E. Laroche*. Hattic deities and their epithets // JCS. V. 1. 1947. № 4. P. 213. Прямое сопоставление ликийского слова с хаттским исключается ввиду отсутствия преемственности между этими традициями. То обстоятельство, что божество ^d*Ḫalki* может

фонетически спорная²⁵ индоевропейская этимология, основанная на сближении со славянским названием злака, русск. диал. *зелок* ‘молодая трава’). Продолжение в позднеанатолийской традиции хурритского, а не хеттского названия зерна, может представить интерес и для сопоставления с данными египетских источников о нехватке зерна в Малой Азии перед крушением Новохеттского царства²⁶. Зерно в голодающую Малую Азию направлялось в конце XIII в. до н. э. как из Египта, так и из Угарита, часть населения которого была хурритской.

5. Хетт. *šarpa-* и индоевропейские названия серпа

Хетт. *šarpa-* является названием сельскохозяйственного орудия, называемого рядом с плугом и в некоторых случаях обожеествлявшегося вместе с этим последним, как это показывает упоминание названий обоих орудий в списке божеств (KUB X 92 V 13). О сельскохозяйственной функции может свидетельствовать упоминание ^{GIS}*šarpa-* в контексте перечисления, где говорится о вспаханном поле (V BoT. 24 III 14 сл.). Орудие состоит из деревянной части (на что указывает детерминатив), которую в ритуале сжигают, и части

называться хаттским именем (*kait*), объясняет, почему в KUB XX 99 III 3 сл. его поют хаттские певцы, ср.: *H. Otten. Beiträge zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luwischen. Berlin, 1953. S. 118, примеч. 5.* Это же, очевидно, в мифе о Телепинусе, в котором *halki-*, как и собственно хетт. *Mayanda-zipa-* ‘Божество урожая’ (где *zipa*, родственное русск. *особа*, переводит хатт. *kattaḥ-* ‘царица’, ср. хетт. *Kamrušepa* = хатт. *Kattaḥ-zifuri*), вставлена в перечисление хатт. божеств (ср. также сочетание ‘зерно и вино’ (*halkes GESTIN^{HLA}*) в наставлениях XXVI 8). Согласно богазкейским текстам 2463/c Vs. 15 и Bo 2879 II 25 (*H. Otten. Pirva — der Gott auf dem Pferde // JKF. Bd. II. H. 1. 1951. S. 66, 73, примеч. 28*), *Halki* принадлежит к числу хеттских богов. Поэтому гипотеза Зоммера и Фридриха (*Friedrich. P. 47, ср. также: R. Gusmani. Il lessico ittito. Napoli, 1968. P. 29—30*) о хурритском происхождении слова (в хурритском имеющего совершенно другой смысловой эквивалент — *kate*) не может быть принята. Ср. также с хетт. *halu-u-eššar* ‘урожай’: *E. Laroche. [Рец.]: Friedrich // RA. V. XLVII. № 1. P. 41.*

²⁵ См. о подобных этимологиях, предполагающих соответствие хетт. *h-* и начального заднеязычного (в данном случае палатального **g^h*) в других индоевропейских языках: *T. В. Гамкрелидзе. Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке // Переднеазиатский сборник. М., 1961. С. 240—243. О русск. зелок см.: О. Н. Трубачев. Славянские этимологии, 29—39 // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II. М., 1962. С. 36—37.*

²⁶ *G. A. Wainwright. Menephtah's aid to the Hittites // The Journal of Egyptian Archaeology. V. 46. December 1960. P. 24—26* (хронология части хеттских источников, упоминаемых автором, подверглась пересмотру).

металлической. Разные случаи, где встречается название этого сельскохозяйственного орудия, согласуются с таким его пониманием²⁷. Наибольшие трудности в объяснении смысла слова вызывала архаическая ритуальная формула, встречающаяся уже в среднехеттской молитве во время чумы (ок. XV в. до н. э.) и повторяемая в аналогичной новохеттской молитве Мурсилиса II (XIV в. до н. э.). После просьб о прекращении в стране смерти, уносящей все население, автор молитвы рисует картину будущего: *našta*^{URUD} ZI. KIN. BAR-aš (^{URUD}šepikkuš-taš)^{GIŠ}šarpaz kunkueni ‘И мы серпом навесим бронзовые замки (или пряжки)’²⁸. В согласии с хеттологами, предполагающими здесь наличие метафоры, в этих словах можно видеть отдаленный прообраз позднейшего символа косы в руках у Смерти; конец чумы знаменуется тем, что серпом вешают замки (ср. ритуальную роль серпа в славянских сельскохозяйственных обрядах).

Согласно вышеизложенному, в хетт. *šarpa-* ‘серп’, ‘коса’ (?) можно видеть точное соответствие таких названий серпа в других индоевропейских языках, как праслав. **srpъ*²⁹, русск. *серп*, болг. *срѣн*, чеш. *srp*, лтш. *sirpis*³⁰, греч. *ἄσπρη* ‘серп’, осет. *æxsyrf* ‘серп’ при дальнейших родственных основах в других индоевропейских языках (с несколько отличным значением лат. *sarpiō*, *sarpō* ‘режу’, др.-в.-нем. *sarf* ‘режущий, острый’; с другой суффиксацией — др.-инд. *ṣṛṇī* ‘серп’). Хеттский язык, по-видимому, еще сохранял внутреннюю форму этого существительного, соотносившегося с глаголом *šarra-* ‘разделять, разламывать’, так же как *was-pa* ‘одежда’ соотносилась с *weš-* ‘одевать(ся)’.

Предлагаемая этимология согласуется со значительным числом выявленных в последнее время хеттских терминов сельского хозяйства, имеющих индоевропейские этимологии³¹.

²⁷ O. R. Gurney. Hittite prayers of Muršiliš II // University of Liverpool. Annals of archaeology and anthropology. V. XXVII. P. 90—91 (отмечаемое там же использование орудия, выложенного золотом, объясняется ритуальной его ролью); L. Jakob-Rost // Mitteilungen des Institute für Orientforschung. Bd. IV. Berlin, 1956. S. 338—340.

²⁸ O. R. Gurney. Op. cit. P. 28, C II 23 // К пониманию грамматической структуры ср. также: F. Josephson. The sentence particles of Old and Middle Hittite. Uppsala, 1972. P. 293, 298.

²⁹ Ср. о группе слов, в которую входит этот термин: O. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966. С. 383; В. Шаур. К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев // Этимология. 1971. М., 1973. С. 96.

³⁰ Buga II. P. 564; Mühlenbach-Endzelin III. P. 847; Pokorny. P. 911, 912; Фасмер III. С. 610.

³¹ В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965. С. 87—88, примеч. 101, 102; B. Rosenkranz. Zu einigen landwirtschaftlichen Termini des Hethitischen // Jaarbericht von het Vooraziatisch-Egyptisch Ge-

6. Хетт. *šamal-w-ant* — ‘яблоня’ и индоевропейское название яблока

Чередование логограммы ^{GIŠ}𐎠𐎢𐎣𐎠𐎶𐎠𐎶𐎠𐎶𐎠𐎶𐎠𐎶 *lu-wa-an-za* ‘яблоко’ и фактического написания *ša-ma-lu-wa-an-za* в КВо XVI A 16/C 18 позволяет установить значение хетт. *šamalu(w)-ant-* ‘яблоня’ (форма одушевленного рода, ср. также ^{GIŠ}𐎠𐎢𐎣𐎠𐎶𐎠𐎶𐎠𐎶 *an-za* в KUB XXXIII), которая образована посредством «активизирующего» суффикса *-nt-* от формы среднего рода (др.-)хетт. *šamluwa-* ‘яблоко’³² (KUB XXVIII 8 Ro 2b36, КВо III 46 Ro 12). Соотношение формы среднего рода названия плода и производной от него формы несреднего (одушевленного рода) соответствует общеиндоевропейскому принципу, сформулированному еще Мейе, что согласуется с обнаружением именно в хеттском языке лексического противопоставления среднего рода (древнего инактива) и несреднего (древнего актива) типа *watar* ‘вода’ и *ḫap-* ‘река’, ‘поток’ (в том числе как божество Реки, решающее судьбу человека при ордалиях)³³.

Хетт. *šamluw-(a)-* ‘яблоко’, вероятно, объяснимо при допущении развития *-bl-* < *-ml-* (ср. параллели в греческом и т. п.) из формы с начальным *s-* mobile, соотносящейся с древнеевропейским (славянским, балтийским, германским, кельтским, итальянским)³⁴ названием яблока (праслав. **āblu-*), так же как хетт. *šanguiš* ‘коготь’ относится к лат. *unguis*, а хетт. *šakuwa* ‘глаза’ к лат. *oculus*, лит. *akis* ‘глаз’ и т. п.

Форма, возводимая к корню **mal-* > ир. *mar-* (*na-*) представлена в памирских языках: шугн. *mīn*, рушан. *tawn*, язг. *tawn*, ишкашим. *meṇd*, сангл. *meḷ*, мундж. *amiṅga* при афг. (пуш.). *maṅa*. Вместе с тем структура иранских форм без суффикса — пехл. *mur*, перс. *mul*, заза *meroe*; вахан. *m̄ir* < **māl* — ‘яблоко’³⁵ позволяет предположить родство этого слова в конечном счете и с

nootschap «Ex Oriente lux», № 19 (1965—1966). Leiden, 1967; C. Watkins. An Indo-European agricultural term: Latin *ador*, Hittite *ḫat* // Harvard Studies in Classical Philology. V. 77. 1973. P. 187—193; *Idem*. Latin *ador*, Hittite *ḫat*- again // Indo-European Studies II. Cambridge (Mass.), 1975. P. 367—378.

³² E. Laroche. [Рец.]. — КВо XVI // OLZ. Jahrgang 66. 1971. № 3/4. P. 149.

³³ A. Meillet. Linguistique historique et linguistique générale. I. Paris, 1948; E. Laroche. Fleuve et ordalie en Asie Mineure hittite // Festschrift Heinrich Otten. Wiesbaden, 1973. P. 186 ff.

³⁴ Фасмер IV. С. 539; Mülenbach—Endzelin I. P. 234; детально — P. Friedrich. Proto-Indo-European Trees. Chicago, 1970. P. 57—64; ЭССЯ. Вып. 1. С. 45—46.

³⁵ Т. Н. Пахалина. Ваханский язык. М., 1975. С. 224. — Фонетически возможным кажется возведение к основе типа **amlu* — ‘яблоко’ и вахан. *amrūd* ‘груши’ (см. об этом слове и значимости у ваханцев священного грушевого сада, аналогичной роли яблоневого сада в других индоевропейских традициях: И. М. Стеблин-Каменский.

греч. *μήλον*, лат. *mālum*, что позволило бы объединить все известные индоевропейские формы ‘яблока’, ‘яблоки’, объясняемые из **(s)m(ā)l-*. В свою очередь эта форма находит аналогии в ряде языков смежных ареалов (хатти *šauat*, картв. **cašl-*), которые с этой точки зрения рассматриваются в особой работе Т. В. Гамкрелидзе и автора.

7. Хетт. *anašša-* ‘задний проход’, лат. *ānus*

В ритуале Цуви KUB XXXV 148 (+ VII 57) III 24 в перечислении частей тела (человека и собаки) *anašša-* следует за *iškiša* ‘спина’, предшествует *arraš* ‘зад, ягодицы’³⁶. Однозначно определяемое этим значение ‘задний проход’ позволяет предположить гибридное хетто-лувийское образование с суффиксом *-ašša-* (ср. *ḫakuwašša-* ‘Богиня Глаз’³⁷ при *šakuwa* ‘глаза’) от основы, этимологически тождественной лат. *ānus* с тем же значением.

8. Хетт. *ma(r)mara* ‘болото’, лит. *mārės*

Для хетт. *marmar(r)a-*, ^{Glš}*mammarra-*, встречающегося в мифе о Телепинусе (KUB XVII 10 I 12), устанавливается значение ‘болото’, ‘топь’³⁸, что позволяет отождествить корень этой редуцированной основы (с интенсивным удвоением в *marmar-*, с нормальным удвоением в *mammarr-*) с основой лит. *māres* (с тем же значением), гот. *marei*, лат. *māre* ‘море’, др.-ирл. *muir*, русск. *море*. Этот вывод представляет интерес как для уточнения ареальной принадлежности слова, ранее относившегося к лексике «западных» диалек-

Повседневная и ритуальная пища ваханцев // Страны и народы Востока. Вып. XVI. М.: Памир, 1975. С. 194), язг. *marád* ‘вид груши’ (Д. И. Эдельман. Язгулямско-русский словарь. М., 1971. С. 153). Другой (отчасти сходный) перенос значения можно было бы предположить в др.-инд. *amra-h* ‘манговое дерево’, *amra-m* ‘плод мангового дерева’, если это слово, как и ему родственные новоиндоарийские, возводится к **aml-o* ‘яблоко’. Заимствованием из приведенных памирских форм объясняется и название яблока в бурушаски, в котором некоторые лингвисты вслед за Бергером (H. Berger. Mittelmeerische Kulturpflanzen aus dem Burischaski // MSS. 9. München, 1956. S. 27—34) видели источник индоевропейского.

³⁶ Friedrich—Kammenhuber. P. 79.

³⁷ H. Otten. Die Gottheit Lelvani des Bogazköy-Texte // JCS. V. IV. 1950. № 2. P. 125; к типологии божества ср.: M. Riemschneider. Augengott und Heilige Hochzeit. Leipzig, 1953; O. G. S. Crawford. The Eye Goddess. London, 1957; В. В. Иванов. Категории видимого и невидимого в тексте: еще раз о восточнославянских фольклорных параллелях к гоголевскому «Вию» // Structure of text and Semiotics of culture. The Hague; Paris, 1973.

³⁸ P. Friedrich. 3 Ergänzungsheft. Heidelberg, 1966. S. 24.

тов³⁹, так и для выяснения времени расхождения между диалектным значением ('болото', 'топь', 'пруд', 'озеро' в германских и балтийских языках, как и в хеттском, при значении 'море' в других языках и в части германских); с этой точки зрения существенна этимология хетт. *aruna* 'море'⁴⁰, родственного др.-инд. *arṇava* 'море'. Более раннее значение отражено также в осет. *mal* 'глубокая стоячая вода'⁴¹, арм. *tavr* 'болото'⁴², удостоверяющими сохранение в хеттском общеиндоевропейского семантического архаизма.

1976

Постскрипtum

Этимологии названий 'барса' и 'яблока' обсуждаются далее в кн.: Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984. С. 867, 882, 639—642, 881—882.

³⁹ Chr. S. Stang. Lexikalische Sonderüberstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo; Bergen; Trømse, 1972. S. 68 и сл. (с литературой); А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. С. XIII, примеч. 2.

⁴⁰ Ср.: В. В. Иванов. Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках // Балто-славянский сборник. М., 1972.

⁴¹ Абаев II. С. 69.

⁴² М. Poetto. Due note lessicale etee // Paideia 28. 1973. P. 177—178. С этой статьей, по выводам совпадающей с последним из разделов настоящей статьи, автор познакомился уже после ее написания благодаря любезному указанию О. Н. Трубачева.

РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ АНАТОЛИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ 9—16*

9. Лув. *parta* / *i*- 'сторона': лат. *pars*

В лувийских ритуалах часто встречается существительное *parta* / *i*- 'сторона'¹, 'часть', чаще всего в сочетании 'четыре стороны' ('части' человека: спина, живот, левая сторона, правая сторона): *lalaiddu-tta rapradu-tta IV-ti partati* 'Пусть он их возьмет, пусть он их прогонит с четырех сторон', KUB XXXV 43 II, 12; *mauwati partati* 'с четырех сторон' KUB XXXV 54 III 10. Семантически, фонетически и морфологически несомненным представляется сравнение с лат. *pars* < **parts*, род. п. *partis*, отлож. п. *partī* (у Плавта, *Persa* 72) 'часть'. Слово может быть отнесено к числу особых анатолийско-латинских сходств в древней ритуальной лексике.

10. Хетт. *appina* 'пламя очага': др.-исл. *ofn* 'очаг'

В архаичных по словоупотреблению хеттских текстах обрядов военной присяги форма направительного падежа *ḥappina* означает 'в пламя очага'², что делает возможным этимологическое отождествление этого слова с др.-исл. *ofn*, др.-англ. *ofen* 'очаг, печь', др.-в.-нем. *ovan* (герм. **ōfna*-, огласовка *o* кор-

* Издано в: Этимология 1976. М.: Наука, 1978. С. 153—162.

¹ К определению значения см.: *E. Laroche. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959. P. 80, 148, 154.*

² *N. Oettinger. Die Militärischen Eide der Hethiter (StBo T, Heft 22). Wiesbaden, 1976. S. 8, 9, 29.*

ня) и греч. *ἰπνός* ‘печь, кухонный очаг’ (микен. *i-ro-no*), *ἰπνίτης* (*ἄρτος* ‘хлеб, выпеченный в печи’, *ἰπνεύω* ‘пеку в печи’, прусск. *wimprnis* ‘хлебная печь’ (со ступенью редукции, давшей балт. *и* в позиции между **Н* и согласным, ср. лит. *upė* ‘река’: хетт. *ḫar-³*).

11. Хетт. *dandukeššar* ‘смертные’

Хетт. *dandukeššar* ‘смертные’, ‘люди’ представляет собой собирательную форму с суффиксом *-eššar*, по функции соответствующую хеттскому префиксу *ḫa-* в *ḫafifun(an)* ‘люди’ в билингвах, относящихся к числу характерных для хаттской (и переведенной с хаттского древнехеттской) поэзии обращений на «языке людей и на языке богов»⁴, например, хатт. *ut-ḫu-ru-u le-e-^dUTU ḫa-ḫa-aš-ḫa-_a-ui_i ka-aš-ba-ru-u-ḫa-aḫ* ‘Будь милостиво, Солнце! Среди людей ты — богиня Солнца, среди богов ты — сияющий лучезарный (небесный) свет’, KUB XXVIII 75 II 20—23, др.-хетт. *tu-ḫa-at-tu ^dUTU-i [da-an-du-ki-eš-ni] ^dUTU-uš zi-i-ik DINGIR^{MES}-na-ša iš-tar-na la-lu-u [k-ki-ma-aš zi-ik]*, 205/S + Vs II 11—12⁵ (текст написан древним пошибом и относится, следовательно, к эпохе Древнего Царства). Подобно тому, как хатт. *kašbaruḫaḫ* передано исключительно архаичным образованием индоевропейской древности хетт. *lalukkima-* ‘лучезарность, лучезарный’ (ср. др.-инд. вед. *rukta-* ‘блестящий’),

³ Chr. S. Stang. Ergänzungsband. Register, Addenda und Korrigenda zur Vergleichenden Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1975. S. 45. — Более подробно данное фонетическое соотношение рассматривается автором в специальном исследовании.

⁴ E. Laroche. Hattic deities and their epithets // Journal of Cuneiform Studies. Vol. I. 1947. P. 87—216; J. Friedrich. Göttersprache und Menschengsprache in hethitischen Schrifttum // Sprachgeschichte und Wortbedeutung. Festschrift A. Debrunner. Bern, 1954, S. 135—139.

⁵ Напечатано впервые: E. Neu. Der Anitta-Text (St. Bo T, Heft 18). Wiesbaden, 1974. S. 126. С хатт. *le-e-^dUTU* явно связано хатт. *le-eštan (li-iš-ta-an)* ‘Его — День (Солнце)’ ср.: A. Kammenhuber. Das Hattische // Handbuch der Orientalistik. 1 Abt. Bd. 1. 2 Abschnitt. Lieferung 2. Kleinasiatiscche Sprachen. Leiden; Köln, 1969. S. 472, ср. к такому построению имени бога отчасти синонимичное ему др.-хетт. *Šiu-šummiš* ‘Бог (Солнца—Неба) — Наш’ (E. Neu. Op. cit. S. 119 и сл.). Согласно Камменхубер (A. Kammenhuber. Op. cit. S. 447) *kašbaruḫaḫ* связано с (*i*)*ḫaḫ* ‘небо’, но ср. о возможности предположенного Ларошем выделения суф. жен. р. *-aḫ* в этом слове (ср. *katt-aḫ* ‘царица’ по отношению к хаттской Солнечной Богине *Eštan*, к которой прилагаются оба эти слова): Sh. R. Bin-Nun. The Tawananna in the Hittite Kingdom (Texte der Hethiter, herausgegeben von A. Kammenhuber, Heft 5). Heidelberg, 1975. S. 36.

тох. В *lyuketo*⁶), хатт. *ḥafifunan* ‘людей, смертных’ передано производным на *-eššar* от архаической основы др.-хетт. *danduki-* ‘смертный, человек’. Эта последняя восходит к основе с редупликацией типа др.-ирл. *con-ro-deda* ‘исчез’⁷ от индоевропейского *d^hew-* ‘исчезать, умирать’ (ср. гот. *diwans* ‘смертный’, семантически совпадающее с хетт. *danduki-*). Данное соответствие представляет значительный интерес для сопоставления с синонимичными производными от корня *mer-* ‘умирать’ в другом диалектном ареале.

12. Хетт. *ḥurki-* ‘колесо’: тох. А *wärkänt-*

Хетт. *ḥurki-* ‘колесо’ в техническом значении имеет соответствие только в тохарском: тох. А *wärkänt-* ‘колесо’, В *yerkwantai* ‘колесо’, *yerter* < **wärkter* ‘обод’. Возможные соответствия этому хеттскому слову в ритуальных употреблении в других языках⁸, скорее всего, следует истолковать как свидетельство архаизма этого (как и других недавно обнаруженных⁹) хетто-тохарского лексического сходства. Наличие общего хетто-тохарского названия колеса весьма существенно с культурно-исторической точки зрения.

13. Хетт. *karatan dai-* ‘вложить внутренность’: лат. *crēdō*

Многолетние споры относительно возможности возведения лат. *crēdō* ‘верю’, др.-инд. вед. *śrad dhā-* и авест. *zrazdā*, пехл. *srād* ‘ставка = залог’¹⁰ к сочетанию индоевропейского названия сердца с глаголом ‘ставить, класть’ можно считать решенными благодаря обнаружению в чрезвычайно архаиче-

⁶ См.: В. В. Иванов. К типологии инфинитива в балканских языках // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М., 1976. С. 227—229. Ср. также редупликацию, сходную с хеттской, в архаических древнеиндийских формах от основы *roruc-* < **louluk-*.

⁷ См. о формах этого глагола: R. Thurneysen. A grammar of Old Irish. Dublin, 1946. P. 475. § 772; Г. Льюис, Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. С. 417, § 533.

⁸ В. В. Иванов. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. Т. XXXIV, 5. С. 404; Он же. Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М., 1976. С. 34, 35, 38, примеч. 35.

⁹ M. Poetto. Una corrispondenza eteo-tocaria // Scritti in onore di Giuliano Bonfante II. Brescia, 1976. P. 717—721. Обзор предшествующих этимологий: A. J. Van Windekens. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Louvain, 1976. P. 618.

¹⁰ А. Г. Периханян. Сасанидский судебник «Книга тысячи судебных решений» (Mātakdān ī hazār dātastān). Ереван, 1973. С. 522.

ском хеттском тексте о детях царицы Каниша (Несы) именно такого сочетания. В том месте повествования, где боги не хотят, чтобы сыновья царицы узнали своих сестер, сказано: *nu-uš-ma-aš DINGIR^{DIDL1}-eš ta-ma-i-in ka-ra-ta-an da-i-ir* (A Vs 16) 'И им боги другую внутренность вложили'¹¹. Как в этом древнем тексте, так и в ряде других¹², *karat-* имеет значение 'внутренность, вместилище мыслей'. Сочетание этого слова с глаголом *dai-* < **d^heH-* 'класть, ставить' могло относиться как к подлинному, изначально присущему состоянию (откуда «верить» с дальнейшим развитием типа рус. *поверить в долг*), так и к состоянию необычному, вызванному «подменой» истинной сущности (как в рассказе о детях царицы). В древнехеттском языке существительное в этом сочетании еще могло изменяться по падежам, в древнеиндийском оно могло отделяться другими словами от глагола, тогда как в авестийском и латинском (как и в др.-ирл. *cretid*) сочетание стало неразложимым.

14. Хетт. *peda-* 'принести': прусск. *pīdai*

Хетт. *peda-* 'нести, принести', иногда толкующееся как сложение с приставкой *pe-* (в хеттском означающей, однако, движение прочь от говорящего), семантически тождественно прусск. *pīdai* 'приносить', *perpīdai* 'принесли'. Этимологическая связь этих глаголов возможна при допущении развития хетт. *e* в этом слове из дифтонга *ei*, другая ступень огласовки которого может быть отражена в прусск. *pīdai*. Характерна постоянная передача основы посредством написаний типа *pé-e-ta-* (1 л. ед. ч. наст. вр. *pé-taḥ-ḥé*) в древнехеттском¹³. Альтернативным фонетическим истолкованием этой этимологии могло бы быть принятие чередования **pēd-* / **pōd-* в балтийском¹⁴.

15. Лув. *arma-* 'месяц'

В свете данных анатолийских языков диалектология индоевропейских названий месяца и луны предстает в новом свете. По способу образования

¹¹ H. Otten. Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa (St Bo T. Heft 17). Wiesbaden, 1973. S. 6, 7, 33.

¹² P. Meriggi. Zu einigen Stellen hethitischer historischer Texte // Festschrift H. Otten. Wiesbaden, 1973. S. 207.

¹³ Основные контексты употребления древнехеттского глагола см.: F. Josephson. The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite (Acta Universitatis Upsalensis, Studia Indoeuropaea Upsalensia, 2). Uppsala, 1972. P. 141—144.

¹⁴ См. обзор разных точек зрения на фонетическую предысторию прусского глагола: W. R. Schmalstieg. An Old Prussian Grammar; the phonology and morphology of the three catechisms. Pennsylvania, 1974. P. 171, также p. 162.

этих названий противопоставались индоиранские языки, образующие название месяца посредством суффикса от корня **meH-* ‘мерить’, ‘измерять время’ и сохраняющие при этом древнее тождество значений ‘месяц’ — ‘луна’, и другие индоевропейские языки, использующие основу **meH-n-* и вводящие при этом словообразовательную (как в германском, литовском, части славянских) или лексическую дифференциацию названий месяца и луны¹⁵. Хеттский язык сохраняет свидетельство использования корня *meH-* в архаичном значении в хетт. *meḫur* ‘время’, но название луны — месяца во всех анатолийских языках образовано от другой основы: хетт. *arma-* (ср. *armahḫ-* ‘быть беременной’), лув. *arma-*, лик. *arma-*, *erme*. Представляется возможным предложить сравнение первой части слова с первой же частью др.-исл. *ár-tali* ‘месяц’ (буквально ‘считающий годы’), выступающей в качестве кеннинга в архаическом поэтическом языке¹⁶. Исчезновение начального **i-*, предполагаемого индоевропейской праформой, в хеттском встречается и в ряде других слов (*eḫa-* ‘ячмень’, *ekuna-* ‘холодный’). Значительно менее ясной является семантика второго компонента. Заманчиво было бы предположить здесь не суффикс *-ta*, как в упомянутом выше *lalukkima-* ‘лучезарность’, а след древнего сложения, семантически сходного с древнеисландским: **i-ar-meH-* ‘годов измеритель’, но этому как будто противоречат фонетические особенности формы (не только утрата конечного ларингального, допустимая в конце слова, но и огласовка *a* корня).

16. Хетт. *aniššan* «тогда, в то время»

Хетт. *anniššan* ‘прежде, раньше, тогда, во время оно, в то время’ (ср. в хеттских договорах *an-ni-ša-an-ta ku-it A.NA¹ Maš-ḫu-lu-ya IBILA NU.GÁL e-eš-ta* ‘Но поскольку в то время у Масхуилува не было наследника’¹⁷) принадлежит к числу местоименных наречий типа часто употребляемого *kiššan* ‘таким образом, вот так’. Его основа *an(i)-*, в древнехеттском встречающаяся (хотя и редко) самостоятельно и засвидетельствованная в других анатолийских языках (в лувийском), представляет значительный интерес для удостове-

¹⁵ Š. Ondruš. Die ursprüngliche morphematische Struktur der indoeuropäischen Benennung des Mondes und des Monats // Recueil linguistique de Bratislava. Vol. II. Bratislava, 1968. S. 192.

¹⁶ Исключительный семантический архаизм древнеисландского кеннинга, ставящий его на одну ступень с общеиндоевропейским названием месяца, был пронципально отмечен Шерером: A. Scherer. Gestirnnamen bei der in-dogermanischen Völkern. Heidelberg, 1953. S. 63.

¹⁷ J. Friedrich. Staatsverträge des Hatti-Reiches in Hettitische Sprache, I (MVAeG 31/1). Leipzig, 1926. S. 112. § 7. S. 13.

верения древности временного значения у и.-е. *en-/on-* (ср. напр., соответствующие значения у родственного местоимения в славянском).

Принятые сокращения

MVAeG — Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft
StBo T — Studien zu den Boğazköy — Texten.

1977

Постскрипtum

Этимология хет. *ḫappina-* ‘пламя очага’ была детально рассмотрена в статье: Вяч. Вс. Иванов. Проблема происхождения *и* в начальном слоге в балтийском в свете этимологических данных // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 77—90. О названии ‘колеса’ в хеттском и тохарском см. в статье о терминах для ‘колеса’ и ‘колесницы’. К этимологии лат. *crēdō* ср.: Вяч. Вс. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: Индоевропейские истоки. М., 1981. С. 143—148.

**РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ
АНАТОЛИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
17—19***

**17. Хетт. *tulīya-* ‘собрание’ :
др.-исл. *bulr* ‘произносящий культовую речь’**

В древнехеттских текстах отражено два разных обозначения собрания. Одно из них — *panku-* — обозначает всю совокупность воинов, участвующих в собрании, и представляет собой субстантивированное прилагательное *panku-* ‘целый, совокупный’, родственное в свою очередь существительному *pankur* ‘род’¹ (гетероклитический тип склонения), что делает возможным исходное значение типа «собрание всего рода» (всей социальной группы, ср. прилагательное *panku-* в частом сочетании с существительным EREM^{MES}; *pankuš* EREM^{MES} ‘целое войско’). Ранее предлагались две этимологии этого слова — сопоставление с таким же прилагательным на *-(e)u- *b^hṛā^h(e)u-, отраженным в др.-инд. *bahú-* ‘многочисленный’ (в «Ригведе» также ‘густой’), греч. гомер. *παχύς* ‘густой’², и сближение с числительным *penk^we- ‘пять’³

* Издано: Этимология 1978. М., 1979. С. 170—177.

¹ Связь двух этих слов доказывается контекстами, приведенными в кн.: *N. Oettinger. Die militärischen Eide der Hethiter // Studien zu den Boğazköy-Texten* (далее — St BoT). Heft 22. Wiesbaden, 1976. S. 39

² *В. В. Иванов. Происхождение и история хеттского термина *panku-* ‘собрание’ // ВДИ. 1957. № 4; 1958. № 1* (ср. ниже в настоящем томе).

³ *E. Polomé. The Indo-European numeral for ‘five’ and Hittite *panku-* ‘all’ // Pratiḍānam. Indian, Iranian and Indo-European studies presented to F. B. J. Kuiper / Ed. by J. G. Heesterman. The Hague; Paris, 1968. P. 98—101.* Эта этимология была поддержана также Леманом: *W. P. Lehmann. Linguistic structure as diacritic on Proto-culture // Indo-*

(в хеттском в фонетическом написании не засвидетельствованном) и далее с греч. *πῶντ-*, тох. А *pont-* ‘весь’⁴. По семантическим причинам первая этимология представляется более вероятной, так как она позволяет объяснить и историю таких семантически связанных с *panku-* хеттских слов, как *pangarit* ‘целиком, во множестве, целой массой’ (о войске), *pangariya-* ‘увеличиваться, умножаться’. Но в любом случае представляется несомненным, что *panku-* в хеттском языке первоначально было прилагательным (оно принадлежит к прилагательным и по типу склонения с аблаутом дифтонга суф. *-u-* : *-aw-*) и поэтому значение ‘собрание’ развилось у него вторично (хотя оно уже представлено в древнехеттский период).

Напротив, судя по данным древнехеттских текстов, весьма архаическим является значение ‘собрание’ у второго слова с этим значением — *tuliya-*. Наиболее ранним текстом, в котором встречается это слово, является древнехеттский стихотворный гимн богу Пирва (**Perwa-*, родственно слав. **perumь*, основа **pe-ru-r/n-* гетероклитического типа⁵), где встречается целый ряд индоевропейских архаизмов и в анаграмматическом построении всего гимна и его частей⁶, и в метрической структуре, отражающей принципы общеиндоевропейского стихосложения, и в упоминаемых в нем собственных именах (город *Ḥaššuwa-*, буквально ‘царский’, ср. хетт. *ḥaššu-* ‘царь’, родственное др.-исл. *ǣsir* ‘асы, боги’⁷, др.-инд. *asura-* ‘демон’, авест. *ahura-* ‘повелитель’; ср. упоминаемое в анналах Хаттусилиса I древнехеттское имя города *Šallahšuwa*, буквально ‘великоцарский’, *šalli-* ‘большой, великий’, словосложение архаического индоевропейского типа с «соединительным» **-o-* > хетт. *-a-*, как в *šallakart-*, буквально ‘великосердый’). Этот гимн можно отнести к древней литературе города Несы (Канеса), сохранившейся в немногих позднейших копиях в клинописном архиве хеттских царей⁸. В этом клинописном гимне писец отделял двустиишия друг от друга горизонтальной чертой. Одно из двустииший (шестое — предпоследнее) гласит (Bo 6483, 12—13):

European and Indo-Europeans / Ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald, A. Senn. Philadelphia, 1970. P. 1—10.

⁴ N. Van Brocq. De *πῶξ* à *πᾶς* // Melanges de linguistique et de philologie grecques offerts à P. Chantraine (Études et commentaires, 79). Paris, 1972. P. 263—276.

⁵ См.: В. В. Иванов, В. Я. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974; Н. Eichner. Hethitisch *meḥur* // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 31. München, 1973. S. 266; К. Hoffman. Ved. *dhanuṣ-* und *paruṣ-* // Die Sprache. Bd. 20. Heft 2. 1974. S. 24, 25.

⁶ В. В. Иванов. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976. С. 266.

⁷ E. Polomé. Approaches to Germanic mythology // Myth in Indo-European antiquity / Ed. by G. J. Larson, C. S. Littleton, J. Puhvel. Berkeley; Los Angeles, 1974. P. 60, n. 18.

⁸ См.: Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии / Пер., вступит. ст. и коммент. В. В. Иванова. М., 1977. С. 6, 7, 41, 58.

da-a-ir-wa tu-li-ya-an a-az-za
*wa-lu-uš-ki-u-wa-an ti-i-e-er*⁹
 'И они собрание взяли,
 Славить начали его'¹⁰.

В гимне речь идет о воинах царской дружины, к ним относится и возвратная частица *-z(a)* в начале второго предложения: прославляя собрание (*tuliya-*), воины прославляют и себя самих — его членов. Из текста следует, что речь идет о весьма архаическом термине. Это подтверждается и словоупотреблением древнехеттской таблицы Телепинуса (ок. XVI в. до н. э.). В ней данное слово употреблено дважды. В первом случае говорится об уже происшедшем событии: *nu* ¹*Te-li-pi-nu-uš* ^{URU}*Ha-at-tu-ši tu-li-ya-an ḫal-zi-iḫ-ḫu-um* 'и я, Телепинус, в городе Хаттусе созвал собрание' (II, 34, § 27). Во втором случае речь идет об ответственности царя за совершенное преступление. Телепинус предписывает для наказания преступного царя собрать собрание: *nu tu-li-ya-an ḫal-zi-iš-tin* 'и собрание (вы) созовите' (II, 51, § 31). В обоих случаях выражение 'созвать собрание' (*tuliyān ḫalzai-*) употребляется, когда речь идет о пресечении и наказании убийств внутри царского рода. Телепинус возрождал древние обычаи, поэтому нужно думать, что он использовал и традиционную терминологию. С юридическим использованием *tuliya-* в таблице Телепинуса можно сравнить и хетт. *ŠA DI. NIM tu-li-ya-aš* 'суда собрание' (НТ 6 I 16).

Примерно к эпохе Телепинуса относится и упоминание собрания (*tuliya-*) в архаичном варианте хеттских законов (A, 1 табл. 12—23, § 55)¹¹: *ma-a-an DUMU*^{MEŠ URU}*Ha-at-ti LU*^{MEŠ}*IL. KI ú-e-ir A. NA A. BI LUGAL a-ru-wa-a [n-zi] nu tar-aš-kán-zi ku-ú-ša-an-na-aš-za Ú. UL ku-iš-ki i-e-iz-zi nu-wa-an (na-aš-za) me-im-ma-an-zi LÚ*^{MEŠ}*IL.KI-wa šu-me-eš nu A. BI LUGAL tu-li-ya: a[n-da ti-ya-at] nu an-da ši-it-ta-ri-it i-it-te-en ma-aḫ-ḫa-an a-ri-eš-me-eš šu-me-eš-ša a-pi-e-ni-iš-ša-an e-eš-ten* 'Когда сыновья города Хатти — люди, несущие повинность, пришли (и) просят отца царя, они говорят (ему): «Никто не платит за нас платы, нас отвергают, говоря: вы — (всего лишь) люди, несущие повинность». И отец царя на собрание (*tuliya-*) пришел и на нем объявил о (следующем) решении, скрепленном печатью: «Идите! Вы должны быть такими

⁹ H. Otten. Pirva- der Gott auf Pferde // JKF. 1951. Bd. II. Heft 1. S. 59 (там же автография клинописного текста); E. Laroche. Textes mythologiques hittites en transcription // Revue hittite et asianique. 1965. T. XXIII. Fasc. 77. P. 114.

¹⁰ К грамматической интерпретации текста см.: F. Josephson. The functions of the sentence particles in Old and Middle Hittite (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Indoeuropea Upsaliensis, 2. Scriv Service AB). Uppsala, 1972. P. 155.

¹¹ Ср.: H. Freydank. Zu den § 54/55 der Hethitischen Gesetze // Beiträge zur sozialen Struktur der Hethitischen Gesellschaft / Hrsg. von H. Klengel. Berlin, 1972. S. 108—109.

же, как ваши товарищи!»'. Из этого видно, что в эпоху «отца царя» (составителя первого свода законов, возможно, Телепинуса) собрание (*tuliyā-*) регулировало и экономическое положение держателей земельных наделов, несших повинность, и их взаимоотношения с царем.

В хеттском переводе хурритского эпоса об Улликумми *tuliyā-* относится к собранию богов: *na-at du-li-ya-aš pi-di an-da e-ri-ir* 'и они (боги) на место собрания пришли' (3 табл. IV, 18); *du-li-ya-za ar-ḥa u-[it]* 'с собрания уш[ел]' (III A 5), ср. аналогичный первому из этих контекстов оборот *tuliyāš peda-* 'место собрания' в другом аналогичном тексте: *tu-li-ya-aš pi-e-da-aš* DINGIR^{MEŠ} *ku-e-da-ni pi-di tu-li-ya ti-iš-kán-zi* 'место собрания, к которому (месту) боги обычно ходят (= хаживают) на собрание'¹², а также-фрагментарные: DINGIR^{MEŠ}-*za* GIŠ^{GIŠ} *ḥa-tal-ki-iš-ni kat-ta-an tu-li-y[a]* 'боги под деревом хаталкес на собрание [собрались]'¹³; в переводе Гильгамеша: *nu* DINGIR^{MEŠ} *ḥu-u-m [a-an-te-eš] tu-li-ya-aš* 'и все боги на место собрания [пришли]' и т. п. В новохеттских текстах государственных договоров к собранию богов, призываемых в качестве свидетелей при совершении клятвы, применяется тот же оборот *tuliyā(n)* *ḥalzai-* 'на собрание созвать', что и в древне-хеттской таблице Телепинуса. Разница заключается только в том, что имя существительное стоит не в вин. пад. ед. ч. (*tuliyān*), а в направительном падеже (*tuliyā*): *nu-ut-ta ki-i ku-it TUP. PU iš-ḥi-ú-la-aš i-ya-u-un nu ka-a-ša a-pi-e-da-ni me-mi-ni LI. IM DINGIR^{MEŠ} tu-li-ya ḥal-zi-ya-an-te-eš nu uš-kán-du iš-ta-ma-aš-kán-du-ya na-at ku-ut-ru-e-eš a-ša-an-du* 'И так как я тебе эту таблицу договора сделал, смотри! по этому случаю тысяча богов созвана на собрание, пусть они видят и пусть они слышат и пусть они будут свидетелями' (К Во IV 10 I 50); *LI. IM DINGIR^{MEŠ} tu-li-ya ḥal-zi-ú-en* 'тысячу богов мы созвали на совет' (договор Суппилулиумаса I с Хукканасом, § 61, 40; договор Мурсила II с Таргасналисом, § 15, II 55); *LI. IM DINGIR^{MEŠ} dUTU^{ŠI} 1La-ba-ar-na 1NIR. GAL LUGAL GAL tu-ú-li-ya ḥal-zi-iḥ-ḥu-un* 'тысячу богов я, солнце, лабарна Муваталлис, великий царь, призвал на собрание' (договор Муваталлиса с Алаксандусом, IV 38—40¹⁴); аналогичный оборот использован и в начале первой молитвы Мурсила во время чумы, когда царь обращается к богам, созванным им на собрание.

Это мифопоэтическое употребление хетт. *tuliyā-* делает хеттское слово точным семантическим соответствием аккад. *puḥrum* 'собрание' (богов)¹⁵;

¹² F. Sommer. Hethitisches II (Boghazköy-Studien, 7). Leipzig, 1922. S. 114. Anm. 14.

¹³ Реконструкция значения отбитого слова по: A. Goetze. The Hittite ritual of Tun-nawī (American Oriental Series, 14). New Haven, 1938. P. 91.

¹⁴ J. Friedrich. Staatsverträge des Hatti-Reiches. Bd. I. Leipzig, 1926. S. 68; Bd. II. Leipzig, 1930. S. 19, 110.

¹⁵ E. Cassin. Note sur le «puḥrum» des dieux // La voix de l'opposition en Mésopotamie. Colloque organisé par l'Institut des Hautes études de Belgique, 19 et 20 mars 1973.

это соответствие признавалось и самими хеттами, что видно из сочетания глагола *ḫalzai-* с аккадограммой *A.NA PU. U4.RI* ‘на собрание’ для передачи хетт. *tuliya* в KUB XXVI 12 III 29. Но это отождествление стало возможным потому, что хетт. *tuliya* использовалось в сходном значении и до начала воздействия аккадских мифологических образцов, о чем позволяют судить такие архаические тексты, как цитированный гимн богу Пирве.

Этот вывод подтверждается и сравнением с лувийскими текстами, в которых употребляется слово *tuliya-*. Это слово, как и производное от него *tuliyašša/i-* (с суффиксом принадлежности *-ašša-*), употребляется в конце стандартных перечислений членов семьи, рабов и изгоев, занимавших низшее общественное положение на социальной лестнице: АМА-*ya-an ta-a-ti-ya-an ŠEŠ-ya-an SAL+KU-ya-an ÌR-ya-an GEME-ya-an*^{LU}*lu-u-la-ḫi-an*^{LU}*ḫa-pi-ri-ya-an kur-ša-aš-ša-an tu-u-li-ya-an* ‘мать, отца... сестру, раба, рабыню, изгоя из области Лулу, изгоя из числа хабиру, ... (всех вместе) собрание’ (KUB XXXV 45 Vs. II 2—4, ср. там же 43, Rs. III 32; 49 I 6—9; KUB IX 6 I 30+ и др.). В весьма близком среднехеттском контексте в военных наставлениях Тудхалияса речь идет о последовательности сходных понятий, включающих и *panku-* ‘собрание’ (здесь, видимо, в том же смысле, что и лув. *tuliya-*): *ŠA É.ŠU ŠA ŠEŠ. ŠU DAM. ŠU ḫa-aš-an-na-aš-ši pa-an-ku-wa-aš-ši* ‘его дома, его брата, его жены, его рода, его собрания’ KUB XIII 20 I 33 (в подобных контекстах *panku-* ‘собрание членов социальной группы’ семантически близко к *pankur* ‘род’). Правильность отождествления лув. *tuliya-* ‘собрание’ и хетт. *tuliya-* подтверждается также и тем, что как лувийский перечень социальных состояний, завершаемый словом *tuliya-*, так и хеттские перечни богов, созываемых на *tuliya-*, завершаются изгоями (или богами изгоев) хабиру. Продолжение лувийского употребления можно видеть и в ликийском В (милиийском), хотя соответствующее место ксанфской надписи остается не вполне ясным.

Сравнение хеттских контекстов с лувийскими заставляет предположить древность значения *tuliya-* ‘собрание’, восходящего к общехетто-лувийскому. Поэтому в этом слове можно было бы ожидать продолжения индоевропейской социально-религиозной терминологии¹⁶. Эту гипотезу подтверждает

Bruxelles, 1975. P. 111—118. О влиянии этих аккадских представлений на хеттские ср.: H. G. Güterbock. Authority and law in the Hittite kingdom // Authority and law in the Ancient Orient (Journal of the American Oriental Society, Supplement N 17). 1954. P. 19. Относительно аккад. *nagbatum* как соответствия хетт. *panku-* см.: В. В. Иванов. Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 1 (см. выше в этом томе).

¹⁶ На основании строения слова его склонен был отнести к древней индоевропейской лексике Ф. Зоммер: F. Sommer. Hethiter und Hethitisches. Stuttgart, 1948. S. 42.

сближение с др.-исл. *þulr* (древняя основа на *-i* без умлаута¹⁷) ‘произносящий культово-значимую речь’¹⁸, которое часто относится к богу Одину (носящему эпитет *fimbulþulr* ‘могучий произноситель культово значимых речей’), к тем, кто его воплощает или ему служит¹⁹. В особенности примечательна история любимца Одина Старкадра, которого товарищи прозвали этим прозвищем после того, как он принес в жертву Одину царя Викарра, произнеся формулу *Nú gef ek þik Oðni* ‘Теперь даю я тебя Одину’. Благодаря этим словам жертвоприношение, задуманное как игровое, превратилось чудесным образом в подлинное: тростник, которым Старкадр ударяет царя, превращается в копье и пронзает царя, повисающего на дереве²⁰. Этот миф наглядно свидетельствует о силе культового слова, связываемой с чудесной способностью *þulr*’а, ср. родственное др.-англ. *þyle* ‘вития, оратор; шут, шутник’ (в частности, в «Беовульфе», 1456). Но кажется возможным поставить и вопрос о том, не является ли самый мифологический мотив *þulr*’а, приносящего в жертву царя, наследием индоевропейского времени. Оба известных индоевропейских названия царя связываются с обозначением священной плодоносной силы, маны. Приведенное выше хетт. *ḫaššu* = ‘царь’ (авест. *ahura-*, др.-инд. *asura-*, др.-исл. *ásir*) родственно хетт. *ḫašawa-* ‘жрица’ («Старая Женщина»), *ḫaš-* ‘рождать’, *ḫaššatar* ‘род’, *ḫašša ḫanzašša* «внуки; и правнуки», лув. *ḫamša-* «внук», иер. лув. *ham(a)sa-*, лик. *ḫahba* «дитя, внук»; основа на *-u-*, тождественная *ḫaššu-*, представлена в др.-инд. *asu-*, авест. *aṇhu* «жизненная сила». Другое название царя, сохранившееся в индоиранском и кельто-италийском диалектных ареалах (др.-инд. *rājā*, др.-ирл. *rí*, лат. *rēx*), связывается с корнем **reH₁s-*, для которого реконструируется значение ‘иметь волшебную силу, ману’²¹. Понимание индоевропейского названия царя как обозначения священной силы плодородия согласуется со свидетельствами древнейших индоевропейских традиций²² и подтверждается этнографическими параллелями, касающимися очень большого числа обществ, находящихся на типологически

¹⁷ W. Krause. Abriss der Altwestnordischen Grammatik. Halle (Saale), 1948. S. 61. § 90.2.

¹⁸ W. H. Vogt. Stilgeschichte der eddischen Wissensdichtung. I. Der Kultredner (*þulr*) (Schriften der Baltischen Kommission zu Kiel. 4. H. 1). Breslau, 1927.

¹⁹ B. S. Phillpotts. The elder Edda and the Ancient Scandinavian Drama. Cambridge, 1920. P. 183.

²⁰ Die Gautrekssaga / Hrg. vori W. Ranisch. Berlin, 1900. S. 28—32; E. O. Turville-Petra. Myth and religion of the North. New York, 1964. P. 43—45; J. L. Baird. Unferth the þyle // Medium aevum. 1970. V. XXXIX. № 1. P. 6.

²¹ A. L. Sihler. The etymology of PIE **reǵ-* ‘king’ // Journal of Indo-European studies. 1977. V. 5. № 2 & 3. P. 221—346.

²² D. Dubuisson. Le roi indo-européen et la synthèse des trois fonctions // Annales. Economie, Sociétés. Civilisations. 1978. 33e année. № 1. P. 21—34.

сходных ступенях социального развития. По данным этнографии, священный царь не столько связан с управлением обществом, сколько с символизацией плодородия и благополучия племени²³. Такого царя должны были периодически умерщвлять по мере того, как он терял эту свою магическую силу. Поэтому кажется возможным предположить, что отраженный и в германской и в анатолийской традициях обряд принесения в жертву царя (у германцев) или (у хеттов) суда над царем²⁴, в обеих традициях связываемый с основой **tuli-*, дает основание для проекции сходного обряда в общеиндоевропейский. Можно указать и на некоторые частные детали, подтверждающие предлагаемое сравнение: хетт. *tuliyas peda-* 'место собрания' семантически сходно с др.-исл. *þular stoli* 'сидение произносящего культово значимые речи'²⁵. Предлагаемая этимология кажется семантически более обоснованной, чем предлагавшиеся ранее сближения древнегерманского слова (с хетт. *talliya-* 'торжественно призывать бога' по Поломэ²⁶, с неясным ритуальным термином — лат. *tullii* по Левенталю²⁷ и с рус. *толока*, лит. *talkà* 'толока; крестьяне, работающие сообща' по Триру²⁸ или со ст.-слав. *тлѣкъъ*, рус. *толк* по Бланкенштейну²⁹).

18. Хетт. *galgalturi-* «цимбалы», слав. **golgol-*

Разыскания последних лет в области названий музыкальных инструментов в хеттских ритуальных текстах, основанные на сопоставлении фонетических написаний с идеографическими и с иконографией хеттских ритуалов, позволили определить значение *galgalturi* как 'цимбалы, трещотки'³⁰. В этом

²³ A. M. Hocart. Kings and councillors. Chicago, 1970 (2 ed.); *Idem*. Kingship. Chicago, 1969 (2 ed.); La regalità sacra; contributi al temo dell' VIII Congresso Internazionale di storia delle religioni. Leiden; Brill, 1959.

²⁴ Хеттские обряды замещения царя, предназначенного к принесению в жертву, отражают и позднейшее месопотамское влияние: H. M. Kümmel. Ersatzrituale für den hethitischen König (St. BoT, H. 3). Wiesbaden, 1967.

²⁵ J. de Vries. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. I. Berlin, 1956. S. 402, 403.

²⁶ E. Polomé. Old Norse religious terminology in IE perspective. P. 11.

²⁷ J. Loewentgal. Zur germanischen Wortkunde. 115. An. *þulr* // Arkiv för nordisk filologi. 1919. B. 35 (NF 31). S. 236.

²⁸ J. Trier. Pflug // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1944. Bd. 67. S. 119.

²⁹ M. van Blankenstein. Etymologien, 5. Aisl. *þulr* // IF. 1909. Bd. 23. S. 134, ср.: Фасмер, IV. С. 71.

³⁰ J. Danmanville. Iconographie d'Istar-Šaušga en Anatolie ancienne // Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale. 1962. V. 56. № 3. P. 178—181; O. R. Gurney. Some aspects of Hittite religion (The Schweich lectures of the British Academy). Oxford, 1977. P. 34—35.

хеттском слове выделяется архаический суффикс *-turi*, ср. *ukturi* ‘вечный огонь, место кремации трупов’, ритуальный индоевропейский термин, объясняемый из **ug-turi-* с нулевой ступенью огласовки корня **weg-*, представленного в близких значениях в др.-инд. *úpavājayati* ‘добывать огонь’, авест. *ātrə.vasana-* ‘орудие для добывания огня’³¹. Первая часть названия сохраненного в хеттском древнего инструмента для производства звуков *galgal-* в точности соответствует слав. **golgol-* (ст.-слав. **ГЛАГОЛЖ**), где давно уже была предположена архаическая глагольная интенсивная редупликация³² того же типа, что в аналогичном глаголе на **-yo-* — ст.-слав. **МРЪМЪРЖ** (лат. *mur-muriō*), а также в слав. **tor-tor-* (чеш. *tratořiti*, рус. *тапаторуть*), соответствующем хетт. *tar-* ‘говорить’, лув. *tatar-iya-* ‘проклинать’, лид. *tatro-* ‘приказывать’³³. В глаголах этого типа в анатолийском сохранялись следы того же типа редупликации, что и в древнеиндийских глаголах, сопоставленных Стангом по огласовке со славянскими глаголами звукопроизводства типа **gādā*. Хетт. *pariprai-* ‘дуть’ (в рог), по форме близкое древнеиндийским редуплицированным глаголам типа *saniṣvanat* ‘звучит’ (о музыкальном инструменте³⁴), представляет собой удвоение к *parai-* ‘дуть, раздувать’, также ‘дуть в рог’ (в частности единократно³⁵), ср. родственное греч. гомер. *ἔπρησον*, аттич. *πίπτρημι* (вторичное образование с другим типом удвоения³⁶), др.-инд. *prāṇa-* ‘дыхание, жизненное дуновение’, и.-е. **proH-* ‘дуть, воздух’ (ср. также в хетт. *paripriškanzi* ‘они дуют’ KUB XXV 39 I 25—26), мед. *paripreškatarī*, 3 л. ед. ч., соединение редупликации с суф. *-šk-* (выражающим сходное с редупликацией значение).

³¹ F. Bader. Emploi recessifs d'un suffixe indo-européen, **-tu-* // BSL. 1977. T. LXXII. Fasc. 1. P. 117, ср.: Ibid. P. 116—122. § 16, о других свидетельствах архаичности и.-в. **-tur-i*, среди них лат. *uulturos*, ср. греч. гомер. *βλοσυρός* и т. п.

³² A. J. Buning. De indogermanische Gonjugatie in het Slavisch. Amsterdam, 1927. С. 56 (иначе: J. M. Kořinek. Pjesentní tvary kořene *dō-* ‘davati’ v jazycích slovanských a baltských // LF. 1938. Roč. 65. Seš. 6. С. 446); Chr. S. Stang. Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942. S. 38.

³³ В. В. Иванов. Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Докл. советской делегации. М., 1968. С. 248. — Относительно слов других индоевропейских языков, сопоставлявшихся с хетт. *tar-*, см.: J. de Roos. A new root **TER-* ‘speak clearly’? Some comments on Greek *τορός* and Hittite *tar-* // Miscellanea tragica in honorem J. G. Kamerbeck. Amsterdam, 1976. P. 223—231.

³⁴ C. Watkins. Indo-European origins of the Celtic verb. I. The sigmatic aorist. Dublin, 1962. P. 130, n. 7; Idem. Indogermanische Grammatik. Bd. III. T. 1. Geschichte der Verbal-flexion. Heidelberg, 1969. S. 31. § 7 (там же сопоставление с типом слав. **golgol-yo-*).

³⁵ N. Van Brock. Les thèmes verbaux à redoublement du hittite et le verbe indo-européen // Revue hittite et asianique. 1964. T. XXII. Fasc. 75. P. 155. § 38.

³⁶ N. Oettinger. Op. cit. S. 46, 47. Anm. 111.

Древность славянской редуцированной основы **golgol-*, ранее предполагавшаяся на основании структурных соображений³⁷, в настоящее время оказывается возможным подтвердить этимологией слова.

19. Хетт. *šawitar* ‘рог’ : и-е. **sew-* ‘принимать жидкость’

Хетт. *šawitar* (вариант написания *šawitra*, видимо, передача в клинописи конечного слогового /r/) является названием рога как музыкального инструмента³⁸. В слове, по-видимому, выделяется гетероклитический суффикс отглагольных имен *-tar*, в хеттском продуктивный (в типе на *-atar*), но включающий (при суффиксе в форме *-tar*) и архаизмы типа хетт. *itar* (производное от исчезнувшего в хеттском, кроме изолированных форм повел. накл., корневого глагола *i-* ‘идти’, засвидетельствованное только в одном тексте), лат. *iter*, род. п. *itin-er-is* (гетероклитический тип, ср. оск. *eituns* ‘проезды, дороги’³⁹, тох. А *ytār*, В *ytārye*, *itari* ‘дорога’). Представляется возможным предположить архаизм и в ритуальном термине (*sawity*). В качестве возможной внутренней формы слова можно предположить тождество названия рога как музыкального инструмента и рога как сосуда (для вина), известное не только в индоевропейском, но и во многих других языках. В этом случае корень **selow-*, выделяемый в этом слове, можно было бы предположительно сблизить с и-е. **sew-* ‘принимать жидкость, пить’⁴⁰ (ср. производные типа лат. *sūgere*, *sūcus* и т. п.).

1978

Постскриптум

Вопрос о древнебалканском (фракийском) названии царя и его индоевропейских синонимах рассмотрен ниже в специальной статье.

³⁷ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938. С. 197; *Он же*. Общеславянский язык. М., 1951. С. 300.

³⁸ Н. М. Кюммел. Horn // *Reallexikon der Assyriologie*. Bd. IV. Berlin, 1975. S. 469, 470; О. R. Gurney. *Op. cit.* P. 34. Слово обычно сочетается с глаголом *parai-* ‘дуть’, рассмотренные выше.

³⁹ J. Whatmough. *Epigraphica* // *Language*. 1953. V. 29. № 3. P. 198, 199.

⁴⁰ Pokorny. S. 912.

РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ АНАТОЛИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ 15А, 18А, 19А, 20—24*

15а. Еще к этимологии хетт. *arma-* 'луна' и *irman-* 'болезнь'

Предположенное в одной из предшествующих публикаций настоящей серии (в заметке 15) сопоставление хетт. *arma-* 'луна, месяц' с др.-исл. *ár-tali* 'месяц' = 'считающий годы' может быть истолковано либо (что предлагалось автором ранее) как генетическое (в этом случае, однако, известные трудности вызывает долгота гласного в других индоевропейских языках¹), либо как чисто типологическое, дополнительно подчеркивающее роль измерения для названия месяца, очевидную и в производных от **meH-* в других диалектах. В свете этого типологического сближения представляется возможным предположить этимологическое отождествление хетт. *arma-* 'месяц' прежде всего с

* Издано: Этимология 1979. М., 1981. С. 130—138.

¹ На это обстоятельство, как и на возможность сближения хетт. *arma-* с русск. *ярмо* (ср. ниже), мое внимание при обсуждении предшествующего сообщения обратил О. Н. Трубачев, которому приношу благодарность. Относительно предыстории индоевропейской группы слов, к которой возводится др.-исл. *ár* 'год', ср.: В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь (*l—ž*). Указатели. М., 1976. С. 83—85; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 181—184, 215. Формы типа авест. *ayar* (при *uār*), как и брет. *iar*, могли бы указывать на позднейшую факультативность долготы, что облегчило бы сравнение с анатолийской формой, в которой нет следов ларингального перед *-r* (для предположения ступени растяжения в других диалектах нет оснований).

тох. В *yārm* ‘мера’, др.-исл. *rītm* ‘счет’, др.-ирл. *rīm* ‘число’, а также др.-греч. *ἀρμός* ‘связь’ (при *ἀριθμός* ‘число, счет’)², гом. *ἀρμόζω* ‘прилаживать, пригонять (перекладины одну к другой), сколотить’, ст.-слав. **гарьмъ**, рус. *ярмо*, лат. *arma* ‘оружие, снаряжение, защита, опора’. В таком случае высказанная еще Гетце гипотеза о суффиксальном характере *-ma*³ в хетт. *arma-* окажется доказанной.

Однако остается выяснить возможность связи этого анатолийского названия ‘луны, месяца’ с обозначением ‘болезни’: хетт. *irman*, др.-хетт. *erman*, *irmala(nt)*- ‘больной’, которое представляется родственным названию беды, несчастья — в др.-герм. **armaz* ‘бедный, несчастный, нецелый, нездоровый’ (антоним др.-герм. **haila-* > др.-исл. *heill* ‘здоровый, целый’), относящемся к людям (как и хеттские слова со сходным значением), др.-инд. *armaka-* ‘развалины’ (Ригведа, I, 133, 3), относящемся к поселению⁴. Промежуточным семантическим звеном между хетт. *arma-* ‘месяц’ и *irmala-* ‘больной’ можно было бы считать архаическое производное от первого существительного с суфф. *-ahh-* *armahh-* ‘заболеть’ (в древних текстах спряжение на *-hi* в отличие от более поздних глаголов на *-ahh-*, изменяющихся по типу на *-mi*⁵). В более общем плане обозначение ‘меры, связи, лада, гармонии’ (отсюда ‘счета’ и ‘измерителя’ > ‘месяца’) **(a)rma-* можно было бы сопоставить с названием ‘разлада’, ‘беды, неудачи’ по типологическим закономерностям мифопоэтической дуалистической мысли, для которой характерно и связывание ‘луны’ с отрицательным рядом символов⁶, и раздвоение антонимических смыслов. В

² О других сближениях и семантике (в частности юридической) ср.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. О языке древнего славянского права (К анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 232.

³ J. Tischler. Hethitisches etymologisches Glossar. Lief 1. Innsbruck, 1977. S. 62—63 (однако этимология корня у Гетце неверна).

⁴ H. Beck, K. Strunk. Germ. **armaz* und Vedisch *arma-*. Festschrift für H. Eggers zum 65. Geburtstag // Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur. Bd. 94. / Hrsg. von H. Backes. Tübingen: Sonderheft, 1972. S. 40.

⁵ Ср.: В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965. С. 117; F. Bader. La structure thématique aux présents hittites // Revue hittite et asianique. 1975. Т. XXXIII. P. 5—29; B. Rosenkranz. Hethitisch *armahhu-* // Revue hittite et asianique. 1957. Т. XV. F. 61. P. 105—106. След спряжения на *-hi* остается чаще всего в 3 л. ед. ч.: V. I. Georgiev. Morphologische Untersuchungen II. Die Entstehung der ältesten indoeuropäischen Verbalsuffixe // БЕЗ XXII. 2. София, 1979. С. 19.

⁶ О представлениях, связанных с *arma-* в анатолийской мифологии, ср.: E. La Roche. Divinités lunaires d’Anatolie // Revue de l’histoire des religions. 1955. V. 148. № 1. P. 1—24; H. M. Kümmel. Ersatzrituale für den hethitischen König (Studien zu den Boğazköy Texten. H. 3). Wiesbaden, 1967.

таком случае, если речь идет о первоначально связанных антонимах (а не омонимах), хетт. *-ir-*, *-er-* скорее свидетельствовало бы о наличии первоначальной ступени редукции в ряде других форм корня. В пользу неслучайности связи двух омонимов-антонимов могло бы говорить их диалектное распределение в индоевропейском.

**18a. Хетт. *galgal-turi* : др.-инд. *gargara*-
19a. Хетт. *šauitra* ‘рог’: др.-инд. *sūtra-kaiṇa***

В предшествующей публикации из этой серии (в заметке 18) архаическое название музыкального инструмента (цимбал) хетт. *galgal-turi* рассматривалось только в связи с о.-слав. *gol-gol-iti*. Однако, поскольку для о.-слав. *gol-golъ* точное соответствие обнаруживается и в др.-инд. *gargara* ‘определенный музыкальный инструмент’⁷, оказывается возможным и прямое сопоставление хетт. *galgal-turi* и др.-инд. *gargara*. Древнее значение этого последнего отражено в сочетании *ava svarāti gargara* (Ригведа, VIII, 58, 9) ‘звучит музыкальный инструмент под названием гаргара’⁸, напоминающем хеттские ритуальные формулы, в которых упоминается *galgalturi*. Несмотря на явно звукоподражательный характер этого слова, совпадение хеттского, древнеиндийского и общеславянского делает достоверной реконструкцию общеиндоевропейского «идеофона» с интенсивной редупликацией.

Представляется существенным то, что *galgalturi* не является единственным хеттским обозначением музыкального инструмента индоевропейского происхождения. К этой лексической группе принадлежит и рассматривавшееся в предшествующей публикации из данной серии (в заметке 19) хетт. *šauitra-* ‘рог — музыкальный инструмент’, где выделяется тот же суффикс **-tr(o)-*⁹, что и в др.-инд. *sūtra-kaiṇa* ‘вид барабана’.

⁷ ЭССЯ 6. С. 205 (там же предшествующая литература и те слова славянских языков, где может быть отражено близкое значение ‘звучания’).

⁸ Ср. к интерпретации: *O. Böhtlingk, R. Roth. Sanskrit-Wörterbuch*. Т. 2. Bogen 11—20; St.-Pb., 1856. С. 696; Т. 7. St.-Pb., 1875. С. 1440. Значение ‘струнный инструмент’, ‘арфа’, принимавшееся Грассманом (*H. Grassmann. Wörterbuch zum R̥g-Veda*. Leipzig, 1873. С. 387), не кажется оправданным по контексту.

⁹ *N. Oettinger. Šauitra- ‘Horn’, eine hethitische *tro-Bildung // Hethitisch und Indogermanisch (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Bd. 25). Innsbruck, 1979. С. 197—203* (с определением суффикса как тематического в отличие от предшествующего сообщения автора, где предполагалась форма **-t̥*). Сопоставление с др.-инд. *sūtra-* ‘шнур, связь’ и образованными от него названиями инструментов предполагало бы отделение этого слова от группы хетт. *išhija-* ‘связывать’, др.-инд. *syati*; к *-i-* в хетт. *šaii-tra-* при долготе *ī* в др.-инд. *sūtra-* ср. многочисленные хеттские глаголы с *-i-* при ларингальном в других формах.

20. Месопотам. арийск. *aika-uartanna* как архаизм индоевропейской древности

Месопотамское арийское *aika-uartanna* встречается в двух местах трактата по коневодству, написанного по-хеттски с хурритскими и арийскими специальными терминами, в одинаковых контекстах: *nam-ma-aš 20 KU^{III.A} a-i-ka-ua-ar-ta-an-na rár-ḫa-i* 'потом их (коней) он заставляет бежать галопом 20 'полей' одного «поворота» — «круга» (II, 1, 17 и 22; во втором случае слова *aika uartanna* написаны раздельно, что показывает осознание их писцом как раздельных частей сложного целого). Вторая половина сложного слова *-uartanna* в том же трактате переведена хетт. *uḫ-ni^uar* 'поворот' (от *uḫni-*, каузатив от *ueḫ-* 'поворачивать'). Все сложное слово в целом можно отождествить по форме с др.-инд. вед. *eka-vṛt-* 'единственный' (в «Атхарваведе») и с исходной формой производного с суфф. *-ta*: ассам. *eṭa-* < **eka-vṛt-ta*-¹⁰. Аналогичным образом построенное др.-инд. *tri-vṛt-* 'трижды повернутый', 'катящийся на трех колесах' (в «Ригведе»), формально отождествляемое (как отметил в свое время Вюст) с месопотам. арийск. *terauartanna-* 'три «поворота» — «круга»', находит точно такое же соответствие в форме с суфф. *-ta*: др.-инд. *tri-vārt-ta-*. Сопоставление с прус. *aina-wārst* 'один раз'¹¹ позволяет реконструировать для диалектной индоевропейской общности, включавшей во всяком случае балтийский и индоиранский, словосложение типа *(**oi-* + суфф. числительного [**-no-* в балтийском, **-ko-* в индоарийском и месопотамском арийском, **-uo* в иранском]) + (**ue/ort-* + суфф. имени [-*θ-* или **-to-* в индоарийском и балтийском, **-no-* в месопотамском арийском]). Особый интерес представляет вторая основа в сложении. Для древнеиндийского коневодческого значения этого термина в сочетании с числительными установлено в самое последнее время благодаря изучению позднейших санскритских трактатов по коневодству, где упоминаются десять *āvarta* 'завитков гривы лошади'¹².

¹⁰ V. V. Ivanov. Aryen du Mitanni *aika(-)wartanna* et védique *eka-vṛt-*. // Mélanges linguistiques offerts à E. Benveniste (Collection linguistique publiée par la Société de linguistique de Paris, LXX). Paris, 1975 (там же дальнейшие индоиранские параллели).

¹¹ Ср.: В. А. Дыбо. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балтославянской акцентологии. 1. Именная акцентуация // Балто-славянские исследования. М., 1974. Представляется, что баритонеза (если она не автоматически связана со словосложением) в подобных древнеиндийских производных на **-to-* (как и в некоторых других типа *sīta-* 'борозда', *akta-* 'умощенный') может быть архаизмом, отражающим акцентные противопоставления в общеиндоевропейских глагольных парадигмах.

¹² A. O. Flaherty. Contributions to an equine lexicology with special reference to frogs // JAOS. 1978. V. 98. № 4. P. 476. Приведенная в этой статье новая сводка детальных

Кажется вероятным, что этот древнеиндийский коневодческий термин отражает специализацию (по отношению к подготовке коня к праздничным скачкам, когда ему особым образом расчесывали гриву) того общеарийского термина, который в иранском отражен в осет. *æwwárdyn* 'тренировать, готовить лошадь к скачкам'¹³ и в собственном имени: **Vart(a)-aspa* (др.-иран. *Ú-MAR-TA-AS-PA* в позднеавилонском тексте PBS 2/1, 70 Lo E, Ниппур, 421—420 гг. до н. э.¹⁴), буквально 'поворачивающий или тренирующий коня'.

В свете этих бесспорных иранских параллелей особый интерес представляет то, что именно в древнеиранской традиции находится точный аналог другому месопотамскому арийскому сложению с числительным (обозначающим нечетное число), такому же, что и *aikaqartanna, teraqartanna*: месопотам. арийск. *na(ца)-qartanna* 'девять «поворотов» — «кругов»'. При описании в «Авесте» (Yašt 5, 50) состязания на колесницах, запряженных конями, царя Хаосраваха и Нереманаха описывается, как первый проскакал по дороге, состоящей из *nava.fravwrsam 'rzuram* 'девяти кругов леса'. Сопоставив это место с описанием скифского Ахиллесова ристалища *δρόμος*), «покрытого гус-

санскритских наименований частей тела коня имеет большое значение для доказательства, во-первых, индоевропейского значения некоторых слов (ср. др.-инд. *manū* 'край уха лошади', др.-в.-нем. *mana* 'грива', лат. *monile* 'ожерелье, конская грива' при первом значении в ст.-слав. **МОНИСТО**, месопотам. арийск. *mani-nni* 'ожерелье', известном в хурритизированной форме с артиклем *-ni* из хеттских текстов, ср.: *M. Mayrhofer. Ein neuer Beleg zu der indogermanischen Sippe für «Halsschmuck» // Antiquitates Indogermanicae. Innsbruck, 1974. S. 289—291; S. Kosak. The inventory of Man-inni // Linguistica. 1978. V. XVIII. P. 107*), во-вторых, для обнаружения целого ряда специальных сходств арийской и балто-славянской коневодческой терминологии (в дополнение к давно уже установленным в индоевропейской лингвистической географии типам названий некоторых конских мастей, см.: *В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964. С. 247*), ср. др.-инд. *grīvā* 'грива на шее коня', русск. *грива* и т. п. (слово и ранее отмечалось как арийско-балто-славянская изоглосса, но без указания на связь с коневодством, см.: Там же, а также с. 255); др.-инд. *muṣkau* 'testicles' (о коне, буквально 'две мыши'), ср. семантически преобразованное отражение того же исконно коневодческого сочетания в русском фразеологическом единстве *мышинный жеребчик* (подробному рассмотрению этого и некоторых других сопоставлений славянской и арийской коневодческой терминологии автор посвящает отдельную работу).

¹³ *В. Ф. Миллер. Осетинско-русско-немецкий словарь / Под ред. и с доп. А. А. Фреймана. Т. 1. Л., 1927. С. 233; В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 216; Н. В. Bailey. A problem of the Indo-Iranian vocabulary // RO. 1957. Т. XXI. P. 64.*

¹⁴ *R. Zadok. Iranian names in Late Babylonian documents // Indo-Iranian Journal. 1975. V. XVII. № 3/4. P. 247* (другие индо-иранские соответствия в этой статье не приведены).

тым лесом разной породы деревьев», у Геродота (IV, 76), Р. Хаушильд пришел к выводу, что в «Авесте» речь идет о длинной беговой дорожке в «девять кругов», обсаженных палисадом¹⁵. Не подлежит сомнению, что авест. *nava. frawrsam* ('*rzuram*) с точностью до префикса (*fra-* < **pro*) совпадает с месопотам. арийск. *na(ua)-uart-*. В таком случае в авестийском тексте можно видеть ключ к тому, что означали архаические арийские сочетания числительных с производными от основы **uert-*: речь шла о счете определенных интервалов между столбами «палисада», которыми была обсажена беговая дорожка на ристалище.

Поэтому особый интерес представляет давно уже предложенное отождествление прус. *-wārst* в *ainawārst* (восходящем к тому же индоевропейскому прототипу, что и в месопотам. арийск. *aikauartanna* и формально соответствующем др.-инд. *vārt-ta-*) с лит. *vařstas* 'расстояние, пропахиваемое за один раз', оск.-умбр. *vorsus* 'мера пашни, оборот', лат. *versus*¹⁶ (к семантике ср. параллель в рус. диал. *гон* 'расстояние, которое пахарь проходит, не поворачивая плуга', с.-хорв. *гѡн* 'расстояние, пробегаемое лошастью за один раз', ср. рус. *гнать* лошадей). К этой группе слов (первоначально обозначавшей, скорее всего, пахоту на быках с позднейшим переносом на коней) принадлежит и др.-рус. *вьрста, врьста, верста* 'ряд, мера длины или пространства'¹⁷ (оба значения отражены и в ст.-серб. *вр#ста* 'ряд, мера'). Представляется, что в значении древнерусского (и позднейшего русского) слова соединялось значение расстояния, пробегаемого лошастью, и верстового столба («палисада» вдоль дороги, как в авестийском), которым это расстояние отмерялось. Одна из любопытных особенностей древнерусского измерения длины, хорошо всем известная и по русской литературе XIX в., описывающей столбовые версты вдоль дороги, по которой едут колесные повозки, запряженные конями, тем самым может быть возведена ко времени, предшествующему праславянскому. Свободное сочетание типа «7 версть» (Псковская первая летопись, 6749 г., ср. «в верстах семи мѣрных», Петр I, 1695 г.) по происхождению близко к основанному на подобном сочетании сложном слове: месопотам. арийск. *šatta-uar-tanna* 'семь «поворотов» или «кругов» — «(про)гонов», ес-

¹⁵ R. Hauschild. Die Tirade von Wagenwetifahrt des Königs Haosravah und des Junker Neremanah (Yašt 5, 50) // Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. VII. H. 1. Berlin, 1959. S. 43. К символике числа '9' в этом и других сходных текстах ср.: Г. И. Довгяло. Становление идеологии раннеклассового общества (на материале хеттских клинописных текстов). Минск, 1980.

¹⁶ Топоров. Прус. яз. А—Д. С. 60 (там же библиография).

¹⁷ Ср.: П. Г. Бутков. Объяснение русских старинных мер — линейной и путевой // Журнал Министерства Внутренних дел. 1844. № 8. С. 261; СлРЯ XI—XVII вв. 2. С. 93.

ли воспользоваться в расширительном смысле диалектной терминологией, приводящейся выше.

21. Еще о хетт. *hardu-*, лув. *hartu-* ‘потомок’ : ст.-слав. *родъ*

Существенное открытие О. Н. Трубачева, указавшего более 20 лет назад на соответствие хетт. *hardu-* и ст.-слав. *родъ*¹⁸, к сожалению, до сих пор не получило известности в хеттологии, где слово числится среди не имеющих этимологии¹⁹. Между тем семантические исследования анатолийских слов этой группы позволяют с уверенностью утверждать, что эта этимология (фонетически безупречная) теперь является несомненной. Для иероглифического лувийского выявлено достоверное чтение *hartu-* (*há + rali + tu-sa*) ‘потомок’²⁰; для клинописного лувийского — производное на *-att-* *harduṭ-att* ‘потомство в следующих поколениях’²¹, используемое в итеративном сочетании *har-tu-u-ṭa-har-tu-ṭa-ti = hartuua-hartuṭati* в ритуальном контексте (ритуал Туннави IV 13), представляющем особый интерес для сопоставления с сакральным значением др.-рус. *Родъ*²², *рожаница*, с.-хорв. *roђеница*, словен. *rojenica*. Для клинописного хеттского значение ‘потомок’, по-видимому, можно считать более достоверным, чем ‘правнук’ (ср. хетт. *hašša hanzašša* ‘внуки и правнуки’, соответствующее иер. лув. *hamasa*, четко отличному от иер. лув. *hartu*). Следовательно, слово по своему значению близко именно к славянскому²³: для общеанатолийского, как и для праславянского, восстанавливается **Hordʰ*- применительно к обозначению ‘потомства’, ‘порождения’.

¹⁸ О. Н. Трубачев. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства // ВЯ. 1957. № 2. С. 88; *Он же*. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959. С. 152.

¹⁹ J. Tischler. *Op. cit.* S. 189.

²⁰ J. D. Hawkins, A. Morpurgo-Davies, G. Neumann. Hittite hieroglyphs and Luwian: new evidence for the connection // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philologisch-historische Klasse. Jahrgang, 1973. № 6. Göttingen, 1974. S. 148. В списке имен родства слово *hartu* ‘потомок’ идет последним после конкретных обозначений потомства, например, в надписи из Мараша: P. Meriggi. Manuale di eteo geroglifico, parte II: Testi—1^a serie. I. Testi neo-etei piu o meno completi. Roma, 1967. P. 130 (fr. 1, g) и др.

²¹ E. Laroche. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959. P. 43 (ср. там же о форме им. п. мн. ч. [h]artuwattinzi ‘потомки’).

²² В. Л. Комарович. Культ Рода и Земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДЛ. Т. XVI. М.; Л., 1960.

²³ По этой причине, как и по фонетическим критериям (отсутствие *h-* в армянском), принимавшееся вслед за Педерсеном сопоставление с арм. *ordi* ‘сын’ кажется менее обязательным.

22. Хетт. *nega-* ‘сестра, дочь’

После того, как недавние открытия позволили окончательно установить значение др.-хетт. *nega-* ‘сестра, дочь, младшая родственница поколения его и поколения младше его’, оказалось возможным предположить в этом слове след более древнего термина, характерного для системы омаха-кроу (с обозначением возраста одновременно в двух поколениях), реконструируемой для общеевропейского²⁴. Общеанатолийская форма может быть реконструирована благодаря отождествлению хетт. *annaneka-* ‘двоюродная сестра’ (‘младшая родственница по матери’, ср. *anna-* ‘мать’) и лув. *anniija(mi-)* с тем же значением, что указывает на обычное для лувийского исчезновение **ǵ^h*- и развитие интервокального глайда: анат. **neǵ^ho-* > **ne(i)o* > **nija-* (ср. **d^heǵ^hom* ‘земля’ > лув. *tijam(i)-* при хетт. *tegan* ‘земля’).

Уже приходилось отмечать вероятность сопоставления хетт. *nega-* с негидал. *naxi(n)* ‘младшая сестра; младший брат = младший сиблинг’²⁵. Для тунгусских языков с достаточным вероятием восстанавливается значение ‘младший сиблинг’ (ср. эвенк. *nekī-n* ‘младший брат, сестра’, солон. *nexī*, эвен. *nō* ‘младший брат или сестра; двоюродный брат или сестра по материнской линии, младше говорящего’, негидал. *naxi* с теми же значениями, ороч. *neku*, ульч. *neku*, нан. *neu*). Специализированное значение чжурчж. *niēh-hūn-wen* ‘младшая сестра’ (при маньчж. *non* ‘младшая сестра’, ‘младшая двоюродная сестра’, мн. ч. *no-ta* с суф. *-ta*, характерным для имен родства²⁶) может быть архаизмом, поддержанным наличием в тех же языках инновации — монгольского заимствования, приобретшего в этих языках коррелятивное значение ‘младший брат’ (чжурчж. *tèu-wūh-wēn*, маньчж. *deo*, мн. ч. *deote* при исходном монг. *degün* ‘младший брат или сестра’). Фонетическое и семантическое

²⁴ В. В. Иванов. Из этимологических наблюдений над балтийской лексикой // ZfSl. 1974. Bd. XIX. 2 (Beiträge zur Baltistik). S. 192—195; Он же. К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений // Труды по знаковым системам. 8. Тарту, 1977. С. 58, примеч. 41 (там же библиография).

²⁵ В. В. Иванов. Рец. на кн.: В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидский, алтайский). Сравнительный словарь (I—J). Указатели // Этимология 1977. М., 1979. В негидальской транскрипции следую статье: К. М. Мыльникова, В. И. Цинциус. Материалы по исследованию негидальского языка // Тунгусский сборник. 1. Л., 1931. С. 150.

²⁶ E. Haenisch. Mandschu-Grammatik mit Lesestücken und 23 Textafeln. Leipzig, 1961. S. 41. См. обо всех тунгусо-маньчжурских словах этой группы: Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. 1. А—Н. Л., 1975. С. 617—618, ср. с. 217 о названии ‘младшего брата’. Слова типа маньчж. *non*, образованные от той же праформы, могут быть свидетельством в пользу возможной вторичности и лув. *nana* ‘брат’, внешне с ним совпадающего.

соответствие хетт. *nega-* < и. е. **neĝ^ho-* и тунгусо-маньчжурского слова представляется возможным, хотя ряд проблем (в особенности характер начального сонанта и интервокального согласного) требует специального решения.

Гипотеза о ностратическом происхождении этого имени родства делается особенно вероятной благодаря установленной Б. Чопом возможности этимологического отождествления хетт. *nega-* и урал. **ńiñä* ‘женщина, молодая женщина’²⁷ (саам. *ñiñña-lâs* ‘женщина, самочка’, морд. *ñi* ‘жена, супруга’, мар. *ñö* ‘женщина’; венг. *ńő, né* ‘супруга; взрослая женщина, женоушка’, манс. *ñi* ‘женщина’, хант. *ne(ñ) ~ ni*²⁸) при сохранении древнего значения в самодийском: ненец. *ńē* ‘жена, молодая женщина’ и др., где в особенности существенны производные, семантически и фонетически весьма близкие к хеттским²⁹. Остается выяснить возможности наличия следов того же слова в других ностратических языках, кроме индоевропейских, алтайских и уральских.

23. Хетт. *lupanni* ‘шапка, диадема’: ст.-слав. лѢВЪНЪ

Основу *lup-* в хетт. ^{úg}*lup-anni* ‘шапка, диадема’³⁰ (как, возможно, и суффикс, если он не должен считаться постпозитивным артиклем, характерным для хурритизованных часто лувийских, а не собственно хеттских имен существительных новохеттского времени) представляется возможным сопоставить со ст.-слав. лѢВЪНЪ ‘*κεφάλιον*’ и в особенности с с.-хорв. *лубина* ‘череп’, словен. *lubánja* ‘череп’, рус. диал. (новгор.) *лыбонь* ‘верхняя часть головы животного’ (последнее слово со ступенью растяжения **i* тождественно хеттскому при условии, что суффикс в последнем — не хурритского происхождения).

²⁷ B. Čop. Indogermanisch-Anatolisch und Uralisch // Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979. S. 21.

²⁸ Отмеченное В. Штейницем аномальное чередование *e ~ i*, возможно, относимое в этом слове к прахантыйскому (*W. Steinitz. Geschichte der Ostjakischen Vokalismus. Berlin, 1950. S. 108—109*), может быть архаизмом, отражающим след **i (> e)*, как и рассмотренное выше соотношение хетт. *e* : лув. *i* в этом слове (где лув. *ñiña* < **ñiña* не обязательно через **e!*), но при современном состоянии разработанности ностратической сравнительной фонологии древними можно признать только те явления, которые никак нельзя вывести из развития в диалектах.

²⁹ A. Castrén. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St.-Pb., 1855. S. 20, 278 u. a.

³⁰ H. M. Kümmel. Op. cit. S. 30, 136; S. Košak. Op. cit. P. 100—107, ср. в том же тексте хеттского инвентаря наряду с явно хурритизованными формами типа *mannini* ‘ожерелье’ (арийское заимствование) и такие формы как (лув.?) *arma-ñni* ‘полумесяц’, допускающие, как и *lupanni-*, двойное толкование (заимствование из арийского и в данном случае не полностью исключено, но маловероятно ввиду отсутствия родственных форм с *u* в словах других индоиранских диалектов).

24. Хетт. *šakuṣa-* : лув. *taṣi* 'глаз'

Соответствие хетт. *šakuṣa* 'глаза' : лув. *taṣi* 'глаз' фонетически объясняется развитием **-k-* > **-h-* > \emptyset в лувийском и специфическим лувийским отражением той индоевропейской фонемы, которая наличествует в качестве *š* в начале слова в хеттском и в некоторых изолированных словах других индоевропейских языков (германских, кельтском, албанском³¹: ср. хетт. *šakuṣai-* 'видеть'; гот. *sailvan*, др.-исл. *sjá* 'видеть', др.-в.-нем. *sehan*, др.-англ. *sēon*, др.-фриз. *siā*; ср.-ирл. *ar-secha* 'он должен вас видеть'; хетт. *šakuišk-* 'смотреть'; алб. *shoh* 'вижу' — глагол на **-sk-*, длительный характер которого сохраняется в супплетивном образовании аориста) при отражении ее в качестве \emptyset (начального нуля) в других диалектах: лат. *oculus*, лит. *akis* 'глаз' при хетт. *šakuṣa* 'глаза'. В большинстве других случаев начальное *š-* обнаруживается только в хеттском при нуле в других диалектах: хетт. *šankui-* 'ноготь', лат. *unguis*; хетт. *šamluwa-* : «др.-европ.» **a(m)blu-* 'яблоко' (сообщение в настоящей серии); хетт. *šuwai-* 'птица': лат. *avis*³²; следы интервокального соответствия хетт. *-š-* : лув. *-t-* обнаруживаются и в лув. *šahuidara-* 'правомерный, нормальный' при хетт. *šakuṣaššara-*; лув. *huitṣali-* 'живой' : хетт. *hūišṣant-*.

1979

Постскрипtum

Месопотамские арийские коневодческие термины, образованные от корня **wert-*, изучаются также в статье «Славяно-арийские (индо-иранские) лексические контакты» в настоящем томе и в статье в сборнике к юбилею В. Шмальштага. Негидальское *нэхун* кроме указанных выше значений переводится также как 'двоюродный младший брат, двоюродная младшая сестра, племянник, племянница, деверь, шурина, золовка, невестка — брат или сестра мужа или жены, младше говорящего; младший, младшая' (В. И. Цинциус. Негидальский язык. Л., 1982. С. 248). О дальнейших алтайских сопоставлениях, предполагающих значение 'родственник, друг'. см.: S. A. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak. Etymological Dictionary of the Altaic languages. Leiden, 2003. P. 968.

³¹ Это исключает предложенное недавно объяснение хеттского и лувийского развития палатализацией начального ларингального: F. Josephson. Assibilation in Anatolien // Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979. S. 101 (там же, s. 94, не учтена бесспорная связь слова с хетт. *ša-kui-* 'источник', подтверждаемая типологическими параллелями).

³² F. Josephson. Op. cit. P. 100.

Хет. *šakuwa* соотносится с лувийским *tawa* ‘глаза’ с закономерной утратой велярного в лувийском и с соответствием начального хет. *š-* / лув. *t-* фонеме *s mobile*, которая в одних индоевропейских диалектах пристствует в имени (хет. *šakuwa* ‘глаза’, *šaku-ni* ‘источник’, ср.-ирл. го-*sc* ‘взгляд’) и/или глаголе (хет. *šakuwai-* ‘увидеть’, *šakuwišk-* ‘долго смотреть’, албан. *shoh* < **sok*^w- + **sk*’- (Вяч. Вc. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. М., 1981. С. 205—106); ср.-ирл. *ar-secha* ‘он должен вас видеть’, гот. *saihvān*, др.-исл. *sjá*, др.-фриз. *sīa*, др.-англ. *sēon*, др.-в.-нем. *sehan* ‘видеть’) или же отсутствует (тох. А *ak*, Б *ek*, др.-инд. *akṣi*, авест. *aši*, арм. *akn*³³, др.-греч. ὄσσε, лат. *oculus*, лит. *akis* ‘глаз’. ст.-слав. **око**, праслав. **okn-* ‘источник’). Такие же фонетические соотношения начального хет. *š-* / лув. *t-* / *s-mobile* повторяются в хет. *šanku(wa)i-* ‘ногти’: лув. *tammuga-* ‘остриженные части ногтей’: тох. В *mekwa* ‘ногти’, А *taku*: лат. *ungui-s*; др.-греч. ὄνυξ; лит. *nāgas*, латыш. *nags* ‘ноготь’, рус. *ноготь* (подробнее о словах этого корня см.: Вяч. Вc. Иванов. Балто-южноанатолийские изоглоссы // Балто-славянские исследования. XV. М., 2002. С. 219—221). Приведенные соответствия делают возможной реконструкцию особой индоевропейской фрикативной фонемы (судя по единственному языку, где эта фонема нашла себе особое выражение — лувийскому, она могла быть близка к типу [θ], ср. произношение начального согласного в англ. *thin*). Помимо интереса, который может вызвать принципиальная возможность обнаружения новой праиндоевропейской фонемы и увеличение числа реконструируемых для индоевропейского праязыка фонем следует особо отметить возможный вклад в понимание истории индоевропейского корня. Приведенные слова показывают, что в праязыке существовали такие типы корневых морфем с начальным шумным согласным, которые в большинстве позднейших диалектов теряли эту фонему и переходили в тип с начальным гласным. Если Кюни и Бенвенист (а следом за ними и многие другие сторонники ларингальной теории) правы в предположении, что корень обязательно начинался не с гласного, то из этого еще не следует, что (как это было принято в большинстве опубликованных в последние десятилетия реконструкций) каждому традиционно восстанавливаемому начальному гласному можно добавить стоявший перед ним ларингальный (предложенное покойной Хилл объяснение данного хетто-лувийского соответствия воздействием третьего ларингального в контексте лабиальных фонем не кажется достаточно аргументированным).

³³ Архаическая метафора «глаза-источника», восходящая к индоевропейской мифологической поэтике, отражена также в конце древнеармянской Песни о Вахагне, переданной Моисеем Хоренском, и в древнеисландском мифе о глазе Бога Одина, из которого течет вода источника Мимир под деревом Иггдрозиль.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНО- ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ АНАТОЛИЙСКИХ ЯЗЫКОВ. ЧАСТЬ I*

Малая Азия с древнейших времен была заселена хетто-лувийскими народами, говорившими на языках индоевропейской семьи. Близость к древним месопотамским и закавказским центрам цивилизации, с одной стороны, и раннее взаимодействие с эгейским миром, с другой, обусловили своеобразие культурно-исторического процесса в этом ареале.

Многочисленные исторические события, связанные с Анатолией II тыс. до н. э., стали известны благодаря прочтению текстов из огромного клинописного архива, найденного в древнем городе Хаттусасе (совр. Богазкей, в 100 км к востоку от Анкары) — столице Хеттского царства, одного из наиболее могучих государств тогдашнего цивилизованного мира¹. Об историко-лингвистической преемственности в Малой Азии свидетельствует письменная традиция I тыс. до н. э., представленная лувийскими иероглифическими памятниками и надписями на хетто-лувийских языках античного времени — ликийском и лидийском². Что касается периода, предшествовавшего созда-

* В соавторстве с А. Ю. Айхенвальд и Л. С. Баюн. Издано впервые под вынужденным обстоятельствами публикации условным названием: *Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса в древней Малой Азии // Эпиграфические памятники Древней Малой Азии и Причерноморья как исторический источник*. М., 1985. С. 4—97.

¹ См., в частности: *A. Götz*. *Kleinasiens*. 2. Aufl. München, 1957; *O. R. Gurney*. *The Hittites*. L., 1970; *Г. Г. Гюргадзе*. *Очерки по социально-экономической истории Хеттского государства*. Тб., 1973.

² См., например: *G. Neumann*. *Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit*. Wiesbaden, 1961.

нию письменных памятников, наиболее достоверным источником наших знаний о нем являются сведения, полученные косвенным образом, а именно — восстановленные путем сравнения известных языковых фактов.

Настоящая работа посвящена исследованию словаря хетто-лувийских (иначе — анатолийских) языков на всем протяжении их письменной истории от клинописных древнехеттских текстов, датируемых XVIII—XVII вв. до н. э., до лидийских памятников античной эпохи, продолжающих языковую традицию, близкую к хеттской, и от лувийских клинописных (XIV—XIII вв. до н. э.) и иероглифических (преимущественно X—XIII вв. до н. э. по новым датировкам) текстов до ликийских и милийских («ликийских Б») памятников периода античности, отражающих более поздний этап развития одного из лувийских диалектов; учтены также данные стоявшего особняком палайского языка, письменные памятники которого датируются приблизительно древнехеттским временем, и, кроме того, свидетельства о некоторых позднеанатолийских языках, относящихся к той же эпохе, что лидийский и ликийский³.

Задачей исследования было проследить развитие значений и употреблений слов в широком культурно-историческом контексте, начиная от дописьменной эпохи (прахеттской и пралувийской, которая, однако, может и не отличаться существенно от праиндоевропейской ок. V—IV тыс. до н. э.), о которой можно судить на основании сравнения анатолийских языков между собой и с другими индоевропейскими языками. Благодаря длительности письменной традиции и обилию текстов, принадлежащих к достаточно разнообразным жанрам, хетто-лувийские языки представляют особый интерес для исследования истории словарного фонда; этимологический анализ лексики, исходящий из сравнительно-исторического восстановления дописьменных периодов развития, позволяет существенно удлинить историю каждой из изучаемых основ. Возможность проследить историю слов, среди которых есть важные экономические, социальные и культурные термины, представляется существенной не только для лингвистов, занятых анализом эволюции словаря, но и для тех специалистов по смежным историческим дисциплинам, которые в своей работе опираются на тексты, как на анатолийских языках, так и на других, с ними контактировавших. Совершенно очевидно, что появление настоящей работы было бы невозможным без многолетних исследова-

³ Еще более глубокая хронологическая перспектива может открыться при сравнении праиндоевропейского с другими западностратическими (афразийскими и картвельскими), а также с восточностратическими языками (дравидийскими, уральскими, алтайскими), что дает возможность реконструировать общенстратические формы, датируемые временем до неолитической революции. Но столь глубокие реконструкции лежат вне хронологических границ настоящего исследования.

ний зарубежных и советских ученых (И. Фридриха, Э. Стертеванта, А. Камменхубер, Х. Педерсена, Л. А. Гиндина, Т. В. Гамкрелидзе и мн. др.), посвященных изучению всех аспектов хетто-лувийского языкового строя.

Для целей настоящего исследования выбрана группа слов, начинающихся с губных смычных фонем (см. ниже). Внутри этой группы слов обнаруживается достаточно большое разнообразие семантики, поэтому можно считать предлагаемую выборку представительной для изучения лексики анатолийских языков в целом.

Необходимо вкратце остановиться на принятом нами способе представления лексического материала. Общеанатолийская лексика описывается посредством словарной статьи, в начале которой приводятся сведения этимологического характера — данные хетто-лувийских языков, позволяющие восстановить ту или иную основу, а после знака // — родственные формы индоевропейских языков, дополняющие или уточняющие анатолийские реконструкции.

За этимологической частью словарной статьи следует общелингвистическая часть, в которой хетто-лувийские лексические единицы рассматриваются в характерных контекстах; здесь же исследуются фонетико-морфологические особенности слов, восходящих к данной праанатолийской основе.

При записи реконструированных хетто-лувийских основ мы исходили из фонологической системы, восстанавливаемой для общеанатолийского с помощью традиционных методов диахронической лингвистики. В этой системе смычные согласные противопоставлены по некоторому признаку, условно определяемому как «глухость/звонкость»⁴; в ряду заднеязычных предполагаются равные рефлексy для простого и палатального звонкого смычного (старых звонких придыхательных); противопоставленный ему глухой палатальный отражается в позиции перед **u* особым образом, что заставляет считать его отдельной фонемой. В интервокальной позиции и в позиции палатализации могут различаться не два, а три типа смычных — третий тип в хеттской клинописной графике передается удвоенным написанием (возможно, напряженные из старых глухих или глухих придыхательных). Восстанавливается один ларингал **h*, который в исторических хетто-лувийских языках выступает как велярный спирант.

⁴ Из последних работ см.: Т. В. Гамкрелидзе. Вопросы консонантизма клинописного хеттского языка // ПС. 1979. С. 71—78. Согласно глоттальной теории хеттские и анатолийские «глухие» восходят к глоттализированным **p*ʰ, **t*ʰ, **k*ʰ, «звонкие» — к звонким (придыхательным), «напряженные» — к глухим (придыхательным); подробнее см.: Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I. Тбилиси, 1985. С. 5—80; Т. II. Тбилиси, 1985. С. 959—963, 1317—1322.

Система общехетто-лувийских согласных

	смычные		спиранты		сонанты	«ларингал»
лабиальные	<i>b</i>	<i>p</i>			<i>m</i>	
дентальные	<i>d</i>	<i>t</i>	?	<i>s</i>	<i>n</i>	
велярные	<i>g</i>	<i>k</i>			<i>r</i>	
палатальные	<i>ǰ</i>	?			<i>l</i>	
						<i>h</i>

Общехетто-лувийский вокализм характеризуется четырехугольной системой гласных:

<i>a</i>	<i>e</i>
<i>u</i>	<i>i</i>

В некоторых случаях долгие гласные отражаются, видимо, иначе, чем краткие (в частности, **ē*), однако для утверждения о их самостоятельном фонологическом статусе необходимо исследование гораздо большего объема хетто-лувийской лексики. Из дифтонгов представлен **ai*, в котором, вероятно, совпали старые дифтонги на **i*. В слогаобразующей функции могли выступать также сонанты (в традиционной записи **r*, **l*, **ŋ*).

Обозначения языков и диалектов

авест. — авестийский; аккад. — аккадский; алб. — албанский; англ. — английский; арм. — армянский; брет. — бретонский; валл. — валлийский; герм. — германский; гомер. — греческий гомеровский; гот. — готский; греч. — греческий; др.-в.-н. — древневерхненемецкий; др.-инд. — древнеиндийский; др.-ирл. — древнеирландский; др.-исл. — древнеисландский; др.-перс. — древнеперсидский; др.-русск. — древнерусский; др.-хет. — древнехеттский; и.-е. — индоевропейский; иер. — лувийский иероглифический; ирланд. — ирландский; кар. — карийский; картв.- кавказский; кимр. — кимрский; корн. — корнуэльский; кучан. — кучанский; лат. — латинский; латыш. — латышский; лид. — лидийский; лик. — ликийский; лит. — литовский; лув. — лувийский клинописный; мил. — мильский; ностр. — ностратический; оскск. — оскский; пал. — палайский; прусск. — прусский; русск. — русский; саам. — саамский; сван. — сванский; серб.-хорв. — сербохорватский; слав. — славянский; ст.-лат. — старолатинский; ст.-слав. — старославянский; тохар. — тохарский; укр. — украинский; умбр. — умбрийский; хет.-лув. — хетто-лувийский; хет. — хеттский; чан. — чанский; чешск. — чешский; шумер. — шумерский; (др.-)яп. — (древне)японский.

Обозначения источников и словарей

АВоТ — Ankara Arkeoloji Müzesinde bulunan Boğazköy Tabletleri. Istanbul, 1948.
(2)BoTU — Porrer P. Die Boghazköy-Texte in Umschrift. Bd. 2. Lpz., 1926.

- HAB — *Sommer F., Palkenstein A.* Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I. München, 1938.
- IBoT — Istanbul Arkeoloji Müzelerinde bulunan Boğazköy Tabletlerinden seçme metinler. Istanbul. I — 1944, II — 1947, III — 1954.
- KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi. Leipzig; Berlin, 1916 ff.
- KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi. Berlin, 1926 ff.
- LTU — *Otten H.* Luvische Texte in Umschrift. B., 1953.
- TL — *Kalinka E.* Tituli Lyciae lingua Lycia conscripti // Tituli Asiae Minoris I. Wien, 1901.
- VBoT — *Götze A.* Verstreute Boghazköy-Texte. Marburg, 1930.
- DLL — *Laroche E.* Dictionnaire de la langue louvite. P., 1959.
- HW — *Friedrich J.* Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954.
- LW — *Gusmani R.* Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964.
- Meriggi, Glossar — *Meriggi P.* Hieroglyphisch-hethitisches Glossar. Wiesbaden, 1962.
- Pok. — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Wien, 1959.

1. ***ba-(t)**, усилительно-противительная частица: хет. *pat* 'даже, ведь, же'; лув., иер. *-pa-*, усилительно-противительная частица; пал. *-(p)pa*, усилительная частица; мил. *bale* 'а, но, же'; лид. *buk* 'или (же)' // и.-е. **bhe/*bho*, усилительная частица: авест. *bā, bē, bāt* (выделительная частица, структурно может быть тождественна хет. *pat*); арм. *ba*, усилительная частица; гот. *ba* (частица, употребляющаяся в условных предложениях; лит. *bà* частица «сильного утверждения»; ст.-слав. бо «ибо».

X. Педерсен⁵ предложил для хет. *pat* сопоставление с и.-е. **poti* 'сам', ср. др.-перс. *patiy* 'также', лат. *pte* 'же', др.-инд. *pāti-* 'хозяин', греч. *πόσις* 'супруг, хозяин', лат. *potis* 'могущественный', тохар. А *pats*, лит. *pàts* 'сам', *pàt* 'же'. Такая этимология предполагает более сложное объяснение противительного значения у хет. *pat* и исключает этимологическую близость хет. *pat* с перечисленными выше частицами в анатолийских языках, сопоставимыми с *pat* по семантике и выступающими в сходных синтаксических конструкциях⁶.

В хеттском языке частица *pat* употребляется преимущественно как частица с усилительным и противительным значением. Указанные значения являются основными; при учете всех контекстно обусловленных оттенков мож-

⁵ *H. Pedersen.* Zum Lautwert des Zeichens — im Hittitischen // Ar Or 7. 1934. S. 80—90.

⁶ Ср. против сближения хет. *pat* с лит. *pat*: *O. Szemerényi.* Syncope in Greek and Indo-European and the nature of indo-european accent. Naples, 1964. P. 334 f. В пользу сближения хет. *pat* с лит. *pat* 'же' и тохар. А *pat* в функции частицы говорит, однако, сходство др.-хет. *kuiš pat* 'какой бы ни' с тохар. А *kus pat* при функционально сходном лит. *jis pats*, латыш. *tàs pats*. Кроме того, позиция хет. *pat* (а оно присоединяется обычно к энклитике или другому слову) отличает его от других энклитик. Внутри хеттского никаких свидетельств о наличии границы между *pa-* и *-t* не удается найти. Поэтому проблема членности слова и его этимологии остается гипотетичной.

но предложить более 10 значений, как это сделано у Хеффнера⁷, где выделяются такие самостоятельные значения, как ‘только’, ‘даже’, ‘очень’, ‘ведь, непременно’, ‘тот же самый’, ‘сам’ и др. (см. ниже).

Хет. *pat* обладает рядом синтаксических особенностей: в цепочке энклитик во второй позиции в предложении *pat* занимает первое место; *pat* может присоединяться к любому выделяемому члену предложения независимо от его позиции; в конструкции глагола с превербом *pat* присоединяется к превербу⁸; в сочетании глагола с отрицательной частицей *pat* присоединяется к отрицательной частице. Возможно, что в силу своей усилительной функции частица *pat* могла участвовать в маркировке компонентов актуального членения предложения в хеттском языке⁹.

Ср. употребление *pat* в значении усилительной частицы: tak-ku mi-im-ma-i-ma nu IR-an-pat šu-u-ūi-iz-zi ‘если же он откажется, он лишится раба же (т. е. именно этого раба)’ (Законы, § 95) (ср. перевод Хеффнера: ‘the aforementioned slave’). Ср. еще др.-хет. текст 2 BoTU 23 A II 36: LUGAL-uš-ša-an ḫa-an-te-ez-zi-ja-aš-pát DUMU LUGAL DUMU. RU ki-ik-ki-it-ta-ru ‘пусть царский сын первый же (именно) станет царем!’ (перевод Хеффнера: ‘only’); анналы Мурсилиса II: ANA ABI-KA-ma-ца ??? ERÍN.MEŠ.ANŠE KUR.RA.MEŠ me-ik-ki-pát e-eš-ta ‘твой отец имел много ведь войска и лошадей’ (KUB XIX 29 IV 19—20) (перевод Хеффнера: ‘very’). В конструкции с отрицательными частицами: Ú-ÚL-pát, li-e-pát ‘вовсе не’, ‘совсем не’. Пример из др.-хет. текста KUB I 16 50 (= НАВ): li-e-pát ku-iš-ki me-ma-i ‘пусть никто совсем не говорит!’. Ср., однако, возможность присоединения частицы *pat* не к отрицательной частице в отрицательной конструкции: ku-uš-du-ца-a-ta li-e ḫa-an-da-an-pát e-eš-du ‘и пусть не будет злобы же (именно злобы)’ (НАВ I 16 51).

Частица *pat* в противительном значении: uk-ца pa-a-un-pát ‘я же ушел’ (KUB XIV 3 II 20) (перевод Хеффнера: ‘also, but’), LÚ.MEŠ ḫa-ar-pi-na-an-te-eš-pát Ú-UL a-ši-ца-an-te-eš-ka-an-ta-ri ‘но (разве) богатые не беднеют?’ (КВо IV 14 II 52—53) (перевод Хеффнера: ‘even’).

Ср. также употребление *pat* в значении, близком к уступительному: nu-za-kan ir-ma-la-aš-pát ŠA DINGIR^{lim} ḫa-an-da-an-da-tar še-ir uš-ki-nu-um ‘хотя я был болен, я видел божественную силу бога’ (Автобиография Хаттусилиса, I 44—45).

Частица *pat* в значении, близком к сочинительному: nu-mu ḫu-ца-ar-pi-ir nu-mu ar-pa-ša-at-ta-pat ‘они оклеветали меня, да еще мне сопутствовала не-

⁷ См.: L. Höffner. The Hittite particle *pat* // Festschrift H. Otten. München, 1971. P. 99—117.

⁸ Höffner. Op. cit. P. 101.

⁹ Ср.: C. Justus. Topicalization and Relativization in Hittite // Subject and Topic. N. Y., 1976. P. 217 ff.

удача' (Автобиография Хатусилиса, I 35); ср. типологически близкое совмещение сочинительного и усилительного значений у рефлексов и.-е. **k^we*, лат. *que*, хет. *ki, kku* (?).

В палайском частица *-(p)pa*¹⁰ представлена в значении, близком к усилительному. В цепочке энклитик *-(p)pa* занимает первую позицию. Как и хет. *-pat*, пал. *-(p)pa* может выступать в сочетании с отрицательной частицей, ср. пал. *ma-ar-ḥa-aš a-ta-an-ti ni-ip-ra-ši mu-ša-a-a-an-ti a-ḥu-ú-an-ti ni-ip-ra-aš ḥa-ša-a-an-ti* 'боги едят и не наедаются, пьют и не напиваются' (фрагмент «Мифа», KUB XXXII 18 § 2). Ср., однако, отсутствие каких-либо усилительных частиц в параллельном хеттском тексте мифа о Телепинусе: DINGIR^{MES} *e-te-ir na-at-ta iš-pi-er e-ku-e-ir ne-za na-at-ta ḥa-aš-ši-ik-ki-ir* (KUB XVII 1 10—11). Такое соотношение может указывать на то, что в плане синхронии палайского языка конструкция *nippa-* 'не' рассматривалась как нечленимое слово (типа хет. *natta-* 'не', *nāui* 'не же'). В то же время отрицательная частица *ni-* встречается в сочетании с энклитикой *-t*, ср. пал. *nīt* 'не (?)', а частица *pa* представлена в самостоятельном употреблении, ср. («Формула хлебов», § 5A Vs 25—26): *ḥi-in-mu-[d]u ku-iš ku-iš ma-ri² -iš-ši ma-aš-ra-ši mu-ú-ši a-ra-ni-du ku-iš ma-ri-eš-ši ma-aš-ra-ši mu-ú-ši* 'пусть *h*. (3 л. императ.), кто бы ни сломал (?), насытится (же?); пусть *a*. (3 л. императ.), кто бы ни сломал (?), насытится (же?)'. Там же, § 17 Rs 9: *la-a-la-an-ta ku-iš ta-ar-ta-an ma-ri-iš-ši ma-aš-ra-ši mu-ú-ši* 'кто *l*. уничтожит (?)..., насытится (же?)'.

Лув. частица *pa* и иер. *pa* имеют усилительно-противительное значение. Лув. *pa* может выступать в первой позиции в предложении; в цепочке энклитик во второй позиции в предложении *pa* предшествует остальным энклитикам. Как и хет. *pat*, лув. *pa* может присоединяться к любому выделяемому члену предложения. Лув. *pa* часто выступает в сочетании с частицей *tar* (усилительной?), ср. *pa-a-tar a-ap-ra za-aš-ta-an-za aš-tu-um-ma-an-ta-an-za-(ta) at-tu-ṣa-la-ḥi-ti ni-iš da-a-ad-du-ṣa-ar* 'но вот *z*., *a* (вин. мн.) злу не давайте (?)' (KUB IX 31 II 25); *ma-an la-la-an-ti-pa-a u-za-aš(?) a-da-ri-ta-an* 'если возьмут же, накормите их (?)' (KUB IX 31 II 32); URUDU-*pa-tar* 'медь же...' (KUB XXXII 8 + KUB XXXII 5 Vs IV 24).

Мил. *bale* употребляется в качестве усилительно-противительной частицы, чаще присоединяясь не к другой частице, но к имени, акцентируя его значение, например, 44 d 25—26: *25:tr̥m̥mile-be te keri : trei xali pise : xu[di]₂₆ qrb̥bli* : 'ликийцам же в к (и) святилище 3 дня *p*. (глагол)'; ср. еще мил. *wixsa-bala-ba* 'Виксабале же' при хет. (Законы) *ÍR-an pat* 'раба же' и др.

¹⁰ Вариант *-ppa(-)* выступает после гласного, *-pa-* после согласного. О возможности альтернативного соотношения с хет. *-apa*, *-ap*, *-pa* ср.: *J. Puhvel. Hittite etymological dictionary. Vol. 1. Words beginning, with A (Trends in linguistics. Documentation 1). Berlin; N. Y.; Amsterdam, 1984. P. 86.*

Лид. *bu-k* (из **ba-k*; лид. *u* может передавать звук типа шва) ‘или (же)’ регулярно занимает первое место в цепочке энклитик.

24, 5: *bukmlad amu bitocv bidv* ‘или же (ему это) я участок передал’.

1, 4—5: *esl mruł buk esl vanal buk eslav laqiri-sav ...* ‘этой стеле или этой гробнице или этим стенам...’. Структурную параллель лид. последовательности *bu-k* находим в мил. цепочке энклитик с обратным расположением частиц *ki-be* ‘или, даже’, например, *grijeduledi kibe miredi* ‘даже знатными мужами’.

2. *b^oda-/*bed-* ‘копать, рыть’: хет. *peda-/padda-pidda-* ‘копать, рыть’; лув. *padu-* (XXXV 49 6) ‘idem’ // и.-е. **bhedh-* ‘хоронить, рыть’: лат. *fodio* ‘копаю’; лит. *bedù* ‘idem’.

Иная этимология была предложена¹¹ Х. Педерсеном¹², сопоставившим хет. *padda-*, *patteššar* (см. ниже) с лат. *patio* ‘открывать’, *pator* ‘отверстие’ и, соответственно, считавшим хет. *padda-* рефлексом общеи.-е. **pet-*, **pot-* ‘открывать, расширять’ (см. ниже, хет. *pattar* ‘поднос и др.’). Более вероятной представляется этимологическая связь анатол. **bed-*, **b^oda-* с и.-е. **bhedh-*, согласующаяся с консонантным составом и семантикой хет. *peda-*, др.-хет. обычно *pè-da-* (1 раз *pi-e-da-*): Puhvel J.—FS Neumann. S. 317 (автор обосновывает чтение *pè* для знака *pít/pád*); лув. *padu-*. Ср. примеры употребления хет. *peda-*, *padda-*: КВо IV 2 II 36 *te-kán pad-da-an-zi* ‘(они) копают землю’; KUB XII 44 III 3—4 *te-e-kán pad-da-ah-ḫi na-aš-ta ki-e-iz ki-e-iz-zi pat-te-eš-ni an-da 3^{GLS} ḫa-ri-ki-iš ti-it-ta-nu-um-mi* ‘я копаю землю и кладу в отверстие три белых деревянных предмета’.

В хеттском представлено отглагольное имя *patessar*, образованное посредством сложного суффикса **s + *er/*en* и относящееся к гетероклитическому типу. Значение ‘дыра, отверстие, нечто выкопанное’ (заставляющее считать слово рифмующимся дублетом к *ḫat-(t)eššar/n-*)¹³ засвидетельствовано в словарном списке КВо I 42 III 7, где хет. *pateššar* приводится в качестве эквивалента аккад. *peššu* дыра, отверстие.

3. **bak-* ‘бить, дробить’: хет. *pakku-š-* ‘дробить, измельчать’; лид. *vc-baqēn-* ‘бить, разбивать’ (лик. *puke-* ‘бить, разбивать’ сомнительно из-за корневого *-u-*, вероятно, из **eu*) // и.-е. (?) **b^ok-/bek-* ‘бить; палка’: лат. *baculum* ‘палка’; англ. *peg* ‘затычка’¹⁴.

¹¹ Об этом хеттском слове см.: J. Puhvel. Hittite words with initial *pít/pát* sign // Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979. P. 209—217.

¹² Pedersen. Zum Lautwert des Zeichens — ... S. 87.

¹³ Существительное *ḫateššar* ‘дыра, нора’ встречается в хеттской передаче архаичного мифа о демоне-змее, КВо III 7 Vs. I 30—37.

¹⁴ Предлагается также праформа **pe-g/k-* (N. Oettinger. Die Stammbildung des hethitischen Verbuns. Nürnberg, 1979. S. 212).

Хет. *pakku(š)-* засвидетельствовано формами инфинитива *pakkuššuar*, ^{GIŠ}*pakkušuar* ‘толчение (в ступе)’ (например, в ритуале очищения дома, КВо Х 45 III 7), произведенными от **pakkušša-* ‘дробить, толочь’¹⁵, и глагола *pakkušk-* (с итеративно-интенсивным значением) ‘дробить, разбивать’, который известен из др.-хет. строительного ритуала KUB XXIX 1 III 9—12: *nu (...) e-u-ua-an-na šu-uḫ-ḫa-ir nu ra-ak-ku-uš-kán-zi ku-iš LUGAL-i i-da-a-lu ša-an-ḫa-az-zi a-pu-u-un-na DINGIR^{MEŠ} i-da-al-u-e pi-eš-še-ja-an-du nu a-pu-un-na ra-ak-ku-uš-kán-du* ‘и ...ячмень высыпали, и дробят (его); который царю зла ищет, того боги в зло да повергнут (букв. ‘бросят’) и да раздробят его!’.

Лид. *vcbaqēn-* (глаголу с префиксом *vc-* и суффиксом *-ēn-*, ср. хет. *-anija-*) в лидийско-арамейской билингве соответствует араб. *ibdrunh* ‘sie sollen zerstreuen’ (LW, S. 223). Обычно этот глагол обозначает действие, направленное против разрушителя стелы, осквернителя гробницы либо их домов и т. п. Субъектом к *vc-baq-ēn-* выступает божество (*levs* ‘Зевс’: 3,5; *artimús* ‘Артемиды’: 5,5 и др.).

Лик. *puke-* может восходить к тому же корню с долгой ступенью корневого гласного¹⁶. Ср. TL 44 с. 46—47: *ñte ne puketi : xbidewñni : u laxadi : zḡtēni* ‘и бьет боем (букв. ‘походом’) кавнского врага’. Более вероятно, однако, предположить для лик. *puke-* праформу **peuk-* (см. х.-л. **puk-*).

4. **banḡ-/*bḡ(u)-* ‘весь, целый; множество’: хет. *panku-* ‘весь, целый’, *pankur* ‘сообщество, род, множество’; лик. *pñni-* ‘многочисленный’ // и.-е. **bhḡgh-* ‘обширный, густой’: др.-инд. *bahú-* ‘многий’; греч. *παχύς* ‘толстый, крепкий’; ст.-лит. *biḡgti* ‘увеличиться’, лит. *bingùs* ‘откормленный’¹⁷, видный¹⁸.

¹⁵ Хет. итеративно-интенсивный суффикс *-šš-*, параллельный *-šk-*, отмечается у глаголов, связанных со второй серией форм (*ḫalzešša-* ‘звать’, *pupušša-* ‘измельчать, размалывать’ и др.).

¹⁶ В лик. старые долгие гласные приобретают более узкий характер, чем соответствующие краткие; так, **ē >* лик. *i*, но **ě >* *e*, *a*; **ō >* лик. *u* (ср. *dutu < *dōntu* ‘пусть они дадут’), но **ō >* *a*.

¹⁷ Лик. *qidra-* восходит к хет.-лув. **het-* ‘бить, рубить’, с суффиксальным *-r-*, ср. лув. *ḫatt-ari-* ‘дубинка’ (хет. *ḫattalla-*), лик. *qidri-* ‘бить’. Лик. *qidra-* в принципе может означать ‘оружие’.

¹⁸ Согласно альтернативной этимологии (*E. Polomé. The Indo-European numeral for «five» and Hittite panku- «all» // Pratiḍānam. The Hague; Paris, 1969. P. 98 ff.*), принятой У. Леманом, Н. Ван Брок и некоторыми другими учеными, хет. *panku-* родственно и.-е. **penk^we-* ‘пять’, ср.: *W. P. Lehmann. Linguistic structure as diacritic on Proto-Culture // Indo-European and Indo-Europeans, Philadelphia, 1970. P. 3—9*; в этом случае сюда же относят и греч. *πᾶς* ‘весь’, тох. *A pont-* ‘весь’, см.: *N. Van Brock. De πύξ ἄ πᾶς // Mélanges de linguistique et philologie grecques offerts à P. Chantraine (Etudes et*

В хеттском представлены следующие образования, однокоренные хет. *panku* : *pankur* ‘сообщество, род, множество’, *pangari(t)* ‘множество, масса’, *pangariija-* ‘быть во множестве’, *pankue š-* ‘быть многочисленным’. Значение *pankur* ‘род, племя, общность лиц, связанных родственными отношениями’ вопреки высказывавшимся сомнениям¹⁹ представляется надежно установленным, ср. в среднехеттской военной присяге (КВо VI 34 III 9): na-an-kan DUMU.LÚ.ULÙ.^{LÚ} QA.DU D[AM^{MEŠ}.ŠU DUMU^M]^{ES}. ŠU, pa-an-kur-ši-it iš-tar-n[a ar-ḫa ḫar-ni]-in-kán-du ‘и его, этого человека, с его ж[енами, его сыновьями и всем его родом да уничтожат’; значение слова видно из его места в последовательности в наставлениях Тудхалияса (KUB XIII 20 I 32) *DI.NAM*^{HLA} KUR-ti ku-e ḫa-an-ni-iš-kat-te-e-ni na-at SÍG₅-in a-an-ni-iš-ki-it-ten na-at-za-kán a-pé-e-el ŠA É.ŠU ŠA ŠEŠ.ŠU DAM.ŠU ḫa-aš-ša-an-na-aš-ši pa-an-ku-na-aš-ši^{LÚ} ka-e-na-an-ti^{LÚ} a-ri-eš-šI... le-e ku-iš-ki i-ja-zi ‘те судебные дела, которые ты судишь в стране, суди их хорошо, и никто да не использует их

Commentaires. Vol. 79). P., 1972. P. 263—276; Гамкрелидзе, Иванов. Индоевропейский... Т. 2. С. 849. С формальной стороны слабость этой этимологии заключается в том, что не объяснено отсутствие конечного гласного *-e, обязательного в индоевропейском **penk^ve* (ср.: J. J. S. Weitenberg. Die hethitischen U-Stämme. Amsterdam, 1984. S. 129, 425, где обсуждены доводы против каждой из предложенных этимологий). Вместе с тем эта этимология не объясняет явно древних значений, связанных с «увеличением», у хеттских слов этого корня. Это же возражение можно выдвинуть и против этимологии Сильвестри (*D. Silvestri*. Lat. cunctus, iff, pankus // Euroasiatica. Folia philologica. AION-SE. Suppleta 1970: 6. P. 3—16) и Хэмпса (*E. Hamp*. American Journal of Philology. 1973. Vol. 94. P. 169—170, также *H. Hoenigewald* // Journal of Indo-European Studies. 1973. Vol. I. № 3. P. 325), которые предлагают отождествление *panku-* с лат. *cunctus* ‘весь’, наталкивающееся на фонетические трудности (ожидалось бы лат. *-nt-, как в *quintus*). Обе альтернативные этимологии не учитывают явно суффиксального характера -u- в *pank-u-*: *pang-aṣ-*. Постоянное написание *panku-* через -g...- скорее говорит в пользу праформы со звонким придыхательным. Семантика и словообразовательные особенности всех хеттских производных также скорее говорят в пользу возведения к и.-е. **bh(e)nGh-(u-)*.

¹⁹ Гютербок предположил значение ‘молоко’, основанное в сущности только на одном неясном ритуальном контексте: *H. G. Güterbock*. Lexicographical notes II // RHA. 1964. Т. XXII. Fasc. 74. P. 102—103; *Idem*. A Hurro-Hittite hymn to Ishtar // Journal of the American Oriental Society. 1983. Vol. 103. № 1. P. 162 («предположительное толкование»). Однако вся масса известных примеров говорит в пользу значения ‘род’, см.: *N. Oettinger*. Die Militärischen Eide der Hethiter. Wiesbaden (Oho Harrassowitz), 1976. S. 39. Поэтому и в сочетании с названиями домашних животных (‘козла’, KUB XXIV 14 I 15 и ‘свиньи’, KUB VII 55 Vs 6) скорее всего речь должна идти о сходном значении, может быть, физиологическом. Относительно формального соотношения *panku* : *pankur* ср.: *F. Bader*. BSL. 1977. Т. 72. P. 108; *J. J. S. Weitenberg*. Die hethitischen U-Stämme. Amsterdam, 1984. S. 75, 116, 128.

на пользу своего дома, своего брата, своей жены, своей семьи, своего рода (или: своего рода, своего племени), свойственника, своего дольника...'; ср. также случаи, где *pankur* предшествует (как в КВо XIX 42 15') *ḫašša ḫanzašša* 'внук и правнук' (от того же корня *ḫaš-* 'рождать', что и *ḫaššatar* 'семья, род', сочетающееся с *pankur* в приведенном выше тексте) и следует (как в KUB XXIII 76 17 и в некоторых фрагментированных контекстах) за NUMUN 'семья'; последние сочетания явно говорят в пользу обозначения с помощью термина *pankur* общности кровных родственников.

Ср. *pankur* в значении 'род' в древнехеттском тексте (фрагмент билингвы Хаттусилиса, КВо III 27: НАВ, § 2 15—16): UR.BAR.RA-aš ta-a-an pa-an-gu[r-še-me-it] I-EN e-eš-tu 'и род наш, как род волчий, пусть будет единым'.

Хет. *pankur* восходит к производному от основы *panku-* с суффиксом *-r/-n-*, которое, можно непосредственно сблизить с др.-инд. *bahulá-*²⁰ (ср. греч. *παχυλός* с индоевропейским чередованием *-u-r/-u-l-*, известным и в хеттской суффиксации). За исключением *pankur*, остальные хеттские основы на *-ur* не имеют соответствующих основ на *u* (ср. хет. непроизводную основу *paḫḫur* 'огонь'). Сохранение производной основы *pankur* является архаизмом. По поводу соотношения хет. *panku* и *pangar-* можно отметить, что связь суффиксов **/e/u* и **/e/r* отражается в других индоевропейских языках, ср. хет. *tepu* 'мало', др.-инд. *dabh-ra-*; хет. *parku*, тохар. В *parkär*. В хет. *pangar(i)-* представлен суффикс *-r(i)-*, ср. *-ri-* в хет. *eš-ri* 'существо', *kiš-ri* 'гребень'. Образование глаголов на *-rija-* типа *etrija-* 'кормить', *pangarija-* 'увеличиваться, быть во множестве' характерно для дописьменного языка: ср. суффикс *-(a)rija-* в образованиях типа *gimantarija-* 'зимовать'. В хеттском существует очень ограниченное число глаголов на *-(a)rija-*. Некоторые из них являются явно пережиточными, как *šupparija-* 'видеть сны' (от незасвидетельствованного в текстах имени существительного на *-r-*, родственного лат. *sopor* 'глубокий сон', греч. *ῥπαρ*; соответствующая гетероклитическая основа на *-n-*, чередовавшаяся с *-r-*, в тематизированной форме отразилась в лат. *somnu-*, греч. *ῥπνος*, ст.-слав. **сѣнь**, русск. *сон* и т. п.²¹): *šupp-* 'спать'; *ginuššarija-* 'идти на согнутых коленях': *ginušša-* 'коленный сустав'²². Ситуация в хеттском аналогична соотношениям в древнеиндийском, где только в редких случаях наряду с глаголами на *-arya-* сохранились имена на *-ar*, от которых они обра-

²⁰ Возводится к и.-е. **bhngḥur-(ó)-*: А. Cuny. Etudes prégrammaticales sur le domaine des langues indo-européennes et chamito-sémitiques. Paris, 1924. P. 50.

²¹ М. Mayrhofer. Indogermanische Wortforschung seit Kriegsende // Studien zur Indogermanischen Grundsprache. Wien, 1952. S. 42—43.

²² О значениях этих слов и данных именных и глагольных суффиксах см.: Н. Eichner. Hethitisch *gemuššuš*, *ginušši*, *ginuššin* // Н u I. S. 53—54, 56.

зованы: *vadharyāti* ‘поражает оружием’, ср. *vadhar* ‘оружие’. В то же время имеется ряд отыменных глаголов, соответствующие именным основам которых утрачены: *śratharyāti* ‘ослабляется’, *saparyāti* ‘прислуживает, поклоняется’, *ratharyāti* ‘едет на колеснице’, *adhvaryāti* ‘совершает жертвоприношение’, *vithuryāti* ‘по трясает’²³.

Наибольшее число производных глаголов от несохранившейся основы на **r* образовано в хеттском от старых имен с суффиксом *-nt-*: *huntariija-* ‘pedere’ : *huṣant-* ‘ветер’ (исторически — причастие на *-nt-* от глагола *huṣai-* ‘бежать, лететь’, ср. тохар. А *want*, В *yente* ‘ветер’, гот. *winds*, брет. *gwent*, лат. *ventus* ‘ветер’ при вероятном сохранении старого производного на *-r-* в том же значении, что и хет. *huntariija-*, *venter* ‘брюхо, чревоугодие’, которое до сих пор не имело удовлетворительной этимологии²⁴); *nekumandariija-* ‘обнажаться’ : *nekumant-* ‘нагой’ (авест. *maṛənt-* от *maṛə*, и.-е. **neg^w*- ‘нагой’ : русск. *нагой*, англ. *naked*, лат. *nudus*, греч. *γύμνος λύμνος* с метатезой, ср. авестийский; *gimmandariija-* ‘зимовать’ : *gimmant-* ‘зима’ (др.-инд. *hem-anta* ‘зима’, архаическое имя существительное, в котором суффикс **-nt-* сохраняет следы связи с гетероклитическим типом на *-r-/nt-*); *šakuṣant-ariija-* ‘пропустить’ : *šakuṣant-* ‘медлительный (?)’; *punt-ariija-* (ср. лув. *puntariija-lli-š* ‘упрямый(?)’) : **puṣant-* ‘сокрушенный’²⁵ от *puṣa-* (см. ниже об этой основе), хет.-лув. **usant-ariija-* : *uṣantari-* ‘плодоносный’ и т. п. Весьма ограничено число глаголов на *-riija-*, при которых сохраняются параллельные формы на *-ri-*: *etri-* ‘еда, корм’ : *etriija-* ‘кормить скот’ (в Хеттских законах, § 100), лув. *atari-* (*a-da-ri-ta-an* ‘накормите’), ср. лит. *ėdroti* ‘есть (о скоте)’, греч. гомер. *ἔϛδαο* ‘еда, корм’ (**ēd-r̥* > **ḗδαο* > *ἔϛδαο*), позволяющие возвести основу на *-r-* к общиндоевропейскому. По-видимому, к основе на *-ri-* (а не на *-r-*, в последнем случае ожидали бы твор. пад. **pangar-ta*) восходит и др.-хет. *pangarit* ‘всей массой’ (о войске), встречающееся уже в древнейшей хеттской надписи царя Анитты.

Хет. *panku-* выступает в исторических (др.-хет. и др.) и ритуальных текстах в значениях ‘целый, весь’, ‘собранный вместе’, откуда при субстантивации прилагательного образуется значение ‘сообщество’, ‘собрание’. Ср. среднехеттский текст KUB XXXVI 109 5—7 *ka-a-ša A-NA DUMU^{MES} LUGAL iš-tar-na [LUGAL] u-iz-ni lam-ni-iz na-an za ŠEŠ^{MES} — ŠU [N]IN^{HI.A} — ŠU[pa-a-]*

²³ Т. Барроу. Санскрит. М., 1976. С. 337.

²⁴ Встречающееся объяснение посредством табуистической деформации и.-е. **udero-* ‘вымя’ не кажется удачным ни с фонетической, ни с семантической точки зрения.

²⁵ Oettinger. Die Stammbildung... S. 352.

n-ku-uš-ša LÚ^{MEŠ} URU Һа-at-ti še-ik-ka-an-du 'из числа детей царя... назвали на царствование, и пусть его признают его братья, сестры, и собранные вместе люда города Хатти!'; KUB XXXVI 114 и II 18' LU^{MEŠ URU} Һа-at-ti pa-an-ku-uš^{URU} Һа-a[t-tu-ša-aš] 'люди Хатти, весь (целый) город Хаттуса'.

В билингве древнехеттской Хаттусилиса, как и в астрологических предсказаниях, хет. pa-an-ga-u-ца-aš ERIN^{MEŠ} 'целое войско, множество' соответствует аккадским ERIN^{MEŠ} na-aq-ba-ti²⁶. Др.-хет. *panku* часто выступает в сочетании с ERIN^{MEŠ} 'войско', в силу чего можно говорить о появлении у *panku*- в этом контексте дополнительного значения 'собрание (всех) воинов', ср. КВо XVI 7I + Vs.II 9 [p]a-an-gu-uš-ša ERIN^{MEŠ} tar-na-at-ta-al-la-aš²⁷ 'и все воины, получающие довольствие'.

В среднехеттских и новохеттских текстах *panku*- широко используется как культовый термин, ср. KUB XXVI 2 Rs 19: nu pa-an-ku-uš a-ra-a-at e-eš-du Һal-za-a-i 'и хор (т. е. все, участвующие в обряде) восклицает: «да будет так!»'.

Наряду со значением 'совокупность' *panku* в хеттских текстах сохраняет значение, близкое к значению слова *humant*- 'весь, целый', ср. обычное сочетание *pangauas EME* 'язык совокупности людей' и параллельное KUB XII 11 6—7 nu-kán u-u-ma-an-da-aš EME-an ANA KUBABBAR ku-ца-an-na-aš an-da-an gul-ša-an-zi 'для них всех они вырезают язык на серебре (и бусах)'. Значение 'весь, общий': KUB XIV 13 § 5 I 49—50 nu a-pi-it pa-a [n-ku]-uš KU-R^{URU} Һа-at-ti ak-ki-iš-ki-it-ta-a-ri 'и от нее (от чумы) умирает вся страна Хатти'.

Глагол *pangarija*- встречается в контексте КВо 2 31, 33: pa-an-ga-gi-ja-at-ta-ti 'был во множестве, преобладал'. Ср. употребление формы *pangarit* (застывшая форма творительного падежа ед. числа от **pangari*-) 'много, во множестве, множество' (анналы Суппилулиумы, 2 ВоTu 34 § 3 16): nu^{LU} KU-R^{URU} Һа-at-ti pa-an-ku-un-ERIN^{MEŠ} SU.TI ku-en-ta 'и все войска врагов Хатти

²⁶ НАВ. S. 30. Детали употребления прилагательного *panku*- 'целый, весь' и его субстантивации в качестве обозначения древнехеттского собрания, установленные в статье: Вяч. Иванов. Происхождение и история хеттского термина *panku*- «собрание» // ВДИ. 1957. № 4; 1958. № I, повторены и подтверждены в двух недавних статьях, использующих в основном те же древнехеттские тексты (при привлечении целого ряда новых среднехеттских и новохеттских) и получающих сходные выводы: G. Beckman. The Hittite assembly // JAOS. 1982. Vol. 102. № 3. P. 435—442; C. Mora. Il ruolo politica-sociale di *pankuš* e *tulijaš*: revisione di un problema // Studi orientalistici in ricordo di F. Pintore (Studia Mediterranea, 4). Pavia, 1983. P. 160—180. Некоторые контексты заново обсуждены (без менее четкой формулировки, но со сходными результатами) также и в книге: J. J. S. Weitenberg. Die hethitischen U-Stämme. Amsterdam, 1984. S. 124—128 (там же см. и об аналогичных выводах других новых работ).

²⁷ K. Neu. Althethitische Ritualtexte in Umschrift (StBoT. Hft 25). Wiesbaden, 1980. S. 38; ср.: Beckman. Op. cit. P. 436, n. 19.

убил’, ср. I 8—9 nu^{LÚ} KUR pa-an-ga-ri-it BA.UG₆ ‘и множество врагов погибло’; ср. 2 BoTU 37 I 5—6 nu-kán uni pa-an-ku-un ŠU.TI ku-en-ta «и он всех убил»; I 8=I 10 nu ERIN^{MEŠ.LÚ} KUR pa-an-ga-ri-id BA.UG₆ ‘и войска врагов во множестве погибли’. Ср. параллельные места: *humant-* вместо *panku-* ~ *pangarrit*: 2 BoTU 41 I 27 na-aš-za hu-[u-m]a-an-du-uš tar-aḫ-ḫi-ir nu^{LÚ} KUR pa-an-ga-ri-id BA.UG₆ ‘и всех победили и во множестве враги погибли’.

Для установления живой словообразовательной связи хет. *pangarrit* и *panku-* в контексте, где речь идет о войске, показательное совпадение сочетания *pangaṣi* ERIN^{MEŠ}-ti mauš- ‘целому войску (суждено) пасть’ (в астрологическом предсказании KUB VIII I III 6 соответствует аккад. *ina nakbati-ša* ‘в своей целостности’, угарит. *ngb* о войске в эпосе о Керете)²⁸ и *pangarrit mauš-* (KUB XXXIV 17,7; KBo VIII 47 I II) с тем же значением²⁹; в древнехеттско-аккадском Завещании Хаттусилиса I в том же смысле (что удостоверяет аккадский эквивалент *nagbatu*) употреблено хет. *panku-*). Следовательно, значение *panku-* и *pangarrit* оставалось тождественным.

Лик. *pīna-* (< **bhngḥo-*) ‘множество’, по-видимому, отражает бессуффиксальное тематическое образование от анат. **bang-*. Ср. TL 55,2: Ixruese *pīnasi strīmmi sebe pasbā* ‘...многочисленное s... (и) воинство’. Лик. *pīnasi... pasbā* ‘многочисленное... воинство’, видимо, параллельно хет. ‘собранию всех воинов’ (см. выше). Возможно, образование с суффиксальным *-u* отражено в лик. имени собственном *Pīnute*³⁰.

5. **barḡ-/*brḡu-* ‘чистый’: хет. *parkan* ‘покаяние, искупление; очищение’, *parkuṣa-* ‘очищаться’, *parkui-* ‘чистый’; лув. *parkuṣaimi-* ‘чистый’, *parkuṣa-* ‘чистить’; мил. *pruwa* ‘чистый’ (?) // и.-е. **bherḡ-/*bhrēḡ-* (**bherHḡ-/*bhreHḡ-*) ‘блестеть, сиять’: др.-инд. *bhrāj-* ‘idem’, гот. *bairhts* ‘glänzend’, ‘светлый, блестящий’³¹.

В хет. данная основа засвидетельствована в трех суффиксальных формах: с суффиксом (вероятно, гетероклитическим) *-n* в *parkan* из **b(h)arḡ-n*, с суффиксом *-u-* в большинстве глагольных и отглагольных образований, ср.

²⁸ Иванов. Происхождение и история... С. 30—31; Weitenberg. Die hethitischen U-Stämmen, S. 3, 127, 424, 425.

²⁹ B. Neu. Der Anitta-Text (StBoT. Hft 18). Wiesbaden, 1974. S. 64.

³⁰ Известна другая точка зрения, связывающая лик. *pīnute* с и.-е. **penk^we-* ‘пять’ (On the Hittite-Luwian Numerals // JBS. 1980. P. 188, 195). Подтверждением ее могло бы быть обнаружение других числительных в составе хет.-лув. антропонимов (ср. лат.); в настоящее время надежные примеры отсутствуют. Обе точки зрения можно было бы примирить при принятии сближения хет. *panku-* с и.-е. **penk^we ‘5’* (см. выше).

³¹ Относительно возможных сближений со словами **bherHā(u-*) ‘береза, березовый’ ср. Гамкрелидзе, Иванов. Индоевропейский... Т. 2. С. 621.

parkueš- ‘становиться чистым’, *parkueššar* ‘очищение’, и с вторичным суффиксом *-i* в прилагательном *parkui* и его производных. В лув. представлены только две последние формы — на *-u-* в тематическом глаголе *papparkuца-*³² и *-u-i-* в причастном деривате *parkuцаими-*.

С этой анат. основой предположительно связывается мил. *pruwa* в TL 44 d 2—4: *sebedēnē : slātu : xbadiz t qrb[b]ledi : ali kemlē mire kemlē tñqrisñte : wisidi pruwa*) ‘и пусть убогаторят³³ подданные благими *q.* род *a.* и род *m.* для чистых молитв/почитания’³⁴. С фонетической точки зрения сопоставление мил. *pruwa* : хет., лув. *parku-* выглядит проблематичным, так как заставляет предположить, что в милыйском исчезал не только старый придыхательный **gh* (что является давно установленным фактом)³⁵, но и старый звонкий **g̃*, сохранявшийся в лувийском. В мил. этот процесс мог затронуть **g̃* в определенной позиции, а именно — перед *u* (ср. поведение **k̃* перед *u* в ряде и.-е. диалектов, в том числе и в милыйском, где, например, находим *esbe-* ‘конь’ : др.-инд. *aśva-*)³⁶. Проблема отражения и.-е. заднеязычных в лувийских языках заслуживает специального рассмотрения, в ходе которого может выясниться, что в некоторых лув. диалектах достаточно рано имело место «склеивание» двух рядов заднеязычных взрывных в один (ср. в этой связи особый рефлекс и.-е. **gh* в иер. *takama* ‘земля’, которое фонетически трудно объяснить как хет. заимствование, при лув. *tijammi-* ‘земля’).

Хет. и лув. *parku-* использовалось в значении как ‘чистый, незагрязненный’, так и ‘ритуально чистый’; его производные могли означать и ‘чистить, убирать’, и ‘очищать, делать ритуально чистым’, ср. лув. LTU 103 II 15—16: *a[n-ni-iš-ku-ца-ti par-na-an-za ma-ad-du-ú [xx]₁₆ p]a-ap-par-ku-ца-at-ti* ‘(подобно тому) как мать... дома/помещения убирает’.

Хет.-лув. основе **b(h)arġ-* с широким значением ‘чистый’ в анатолийском противопоставлены слова, означающие ‘ритуально чистый’: хет. прилагательное *šurpi-*, лув. *halal(i)-*, глаголы хет. *šurpiaḥḥ-* лув. *halala-nušša-* ‘делать ритуально чистым’. В ликийском узкое значение ‘ритуально чистый’ из-

³² Редуцированный глагол со значением хабитатива.

³³ Мил. *sla-* : и.-е. **sel(H)-* ‘благоприятствовать’ (А. А. Королев. Хетто-лувийские языки // Языки Азии и Африки. I. Индоевропейские языки. М., 1976 (далее — ХЛЯ). С. 86.

³⁴ Мил. (*t*) *tñqrisñt-* содержит гетероклитическую основу *tñqr* < **nahr/n-* ‘страх, почитание’ (ср. хет. *naḥḥan* ‘idem’), которая выделяется также в мил. *tñqrē*, лик. А *ñhra-*, *āxr-*.

³⁵ См.: В. В. Иванов. К изучению лексики лувийского языка // Исследования в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958. С. 141 и сл.; В. Џор. *Indogermanica minora*. Ljubljana, 1971.

³⁶ См.: В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963. С. 90.

вестно у основы *kum-* (ср. лик. *kumaza-* ‘жрец или какое-то другое ритуальное лицо’, *kumeze-* ‘очищаться, приносить искупительную жертву’ и др.) при лув. *kummai-* ‘pur’(?)³⁷. Хет. *šuppi-* (< **kubh-*, общелув. **kuma-* (< **keu-mo-*) восходят к и.-е. корням со значением ‘сиять; яркий, блестящий’³⁸.

Э. Ларош иначе истолковывает оппозицию *parkui-*: *šuppi-* в хеттском (FS. Neumann. P. 130 ss.); по его мнению, *parkui-* означает ‘чистый в результате чистки’, *šuppi-* ‘чистый по своей природе’», отсюда развитие ‘ритуально чистый’. Точке зрения Лароша противоречит употребление хет. *park(u)-i-* и его дериватов в значении ‘sacré’ ср. еще семантику хет. *parkan-* ‘(ритуальное) очищение’. Видимо, анат. **brġu-*, как мы уже отмечали, могло использоваться в обоих смыслах, применительно к физической и ритуальной чистоте.

6. **barg-* ‘высокий’, в производных **brġu-/i-*: хет. *parku-* ‘высокий’, лув. *parrai-* (*par-ra-(i)-a-*) ‘idem’³⁹ // и.-е. **bherġh-/bhreġh-* ‘высокий’: др.-инд. *brh-ant-* ‘большой, высокий’, ст.-лат. *fortus* (< **bhrġh-to-*) ‘сильный’, тохар. А *pärk-ant-* ‘восходящий’, тохар. В (кучан.) *park-i*⁴⁰, арм. *barjr* < **bhrġhu-r* ‘высокий’⁴¹ (армянская основа на *-u-* точно совпадает с хеттской).

В хеттском эта очень древняя основа⁴² представлена многочисленными производными: *park(i)a-* ‘возвышаться, становиться высоким’, *pargaqeš-*, *parkeš-* ‘стать высоким’, *parg/qašti* ‘высота’ и др. Хеттская клинописная графика однозначно указывает на окситонезу (конечноударность) основы на *-u-* (показательно, что гласный никогда не удваивается в написании): ед. ч. им. пад. *pärku-uš*, вин. п. *pär-ku-un*. Следует отметить, что основа на *-u-* за-

³⁷ 37. DLL. P. 56. Основа *kum-* со сходным значением есть в хурритском, поэтому она может быть заимствованной.

³⁸ Pok., s. v.

³⁹ Значение лув. слова с очевидностью вытекает из контекстов, где оно является определением к существительному ‘гора’, например, KUB XXXV 45 II 5 (TK. 49 I 10): *par-ra-ja-an-za* HUR.SAG^{MES}-*za* ‘высокие горы’ (DLL, s. v.: «épithète de montagnes»); ср. хет. *par-ga-mu-uš* HUR.SAG^{MES}-*uš* (KUB XXXIII 9 Vs IV 30).

⁴⁰ Pok. S. 140—141; J. J. S. Weitenberg. Die Hethitischen U-Stämme. S. 130 ff. О тохар. см.: W. Krause. Westtocharische Grammatik. 1, Das Verbum. Heidelberg, 1951. S. 49, 259.

⁴¹ A. Meillet. Altarmenische Elementarbuch. Heidelberg, 1913. § 51c. S. 51.

⁴² Она обнаруживается, помимо индоевропейского, в афразийском (**brg* ‘высокий’), картвельском (**brg-* ‘idem’), уральском («*p/e/r-k* ‘idem’), возможно, в дравидийском (*pēr* ‘idem’). Все перечисленные формы, включая индоевропейскую, сводимы к ностр. **berg/il* ‘высокий’, см.: В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. I. М., 1971. С. 177. О древности этой основы свидетельствует, помимо внешних данных, и тот факт, что на и.-е. уровне она содержит суффиксы с гетероклитическим чередованием *-i-/u-/r-/n(t)-* (F. Specht. Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947. S. 125—126).

свидетельствована только у прилагательного *parku-* и его деривата *pargaueš-*; остальные имена и глаголы восходят непосредственно к корневому глаголу *park-* < и.-е. **bherǵh-*⁴³.

Отражение хет.-лув. **b(h)arǵ-(h)-* в позднеанатолийском проблематично. С этим корнем можно попытаться связать мил. *prijāmi*⁴⁴ в TL 55,4: ...xbase... sepedes: qajā wes : ṅteli : prijāmi [:se] qrbllali 'окопил... и место, и храм (?) антифеллосский высокий (?), и алтарь'.

В мил. надписи из Ксанфа (TL 44 с 32 ff.) обнаружены формы *prije-*, *pri-jeli-*, выступающие в качестве определений к *meri* 'муж, мужчина'⁴⁵, *qñza* 'род', *-duli-* 'совет' (хет., лув. *tulija-*)⁴⁶, и для которых нельзя исключить значение 'передний, первый; знатный', связываемое с хет.-лув. **per-*, **pra-* '(в)перед' (см.; ср. также иер. *pa-r-ja-na-za* 'знать'). Ср. другие лик. производные на *-li* от старых адвербов: *ṅte-li* 'внутренний' < **anda* 'в, внутрь', возможно, и *(e)re-li* 'наружный, вне (дома)' < **arha* 'прочь'⁴⁷. Независимо от интерпретации приведенных здесь мил. форм наличие лув. *parrai-* с закономерным рефлексом и.-е. **ǵ/h* позволяет говорить об общеанатолийском характере данной основы.

7. **pad-/ped-* 'нога; место': хет. *pata-* 'нога', *pēdan* 'место'; лув. *pata-* 'нога'; иер. *pata-* 'idem', лик. *pede-* 'нога', *pdi* 'место' // и.-е. *p d/*p d* 'нога' : греч. *πους*; др.-инд. *pad*; лат. *pes*; тохар. *A pe*, кучан. *pai* 'нога'.

[Возможно, возникновение производного значения место, почва является также древним, ср. греч. *πέδον* равнина, почва, др.-инд. *padām* след, авест. *paḍan* 'след', структурно эквивалентные хет. *pēdan* 'место'⁴⁸.]

Для общеанатолийского неясно, насколько **ped-* и **pad-* можно считать различными корнями. В плане синхронии хеттского языка **ped-* и **pad-*, по-

⁴³ Огласовка хет. основы обусловлена морфологически: у хет. прилагательных на *-u*, *-i* тяжелые корни типа CVRC из и.-е. **CṚC-* реализуются со ступенью *-aR-* сонанта.

⁴⁴ Об и.-е. **gh* > общелув. \emptyset см. примеч. 23. Соответствие лув. \emptyset : хет. *k* впервые отмечено Э. Ларошем (*E. Laroche. Etudes lexicales et étymologiques sur le hittite // BSL. 1963. T. 8. F. 1. P. 79*).

⁴⁵ Основа *mari-* (с которой связывается лик. *meri*) рассматривается в статье: В. В. Иванов. Урартск. *mari*, хурритск. *marianne*, хайасск. *Marija-* // ПС. III. М., 1979. С. 101—113. Ср. также мил. *prije: meri* в TL 55, I.

⁴⁶ О хет.-лув. **tulija-*, относящемся к сфере и.-е. социально-религиозной терминологии, см. В. В. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания. 17—19 // Этимология 1978. М., 1980. С. 170—176.

⁴⁷ 47. Ср. еще лид. *serli* 'верхний, верховный' < **s r-li*.

⁴⁸ Согласно современным представлениям о морфологии общеиндоевропейского, хет. *pedan* < **ped-om* 'след > место, почва' рассматривается как инактивная основа при активном **ped-s-*, **pod-* 'нога': Гамкрелидзе, Иванов. Индоевропейский... Т. I. С. 276.

видимому, разошлись; см. ниже о вторичных глагольных образованиях от корня **ped-(pid-)*. Ср. сходное противопоставление греч. *πούς, πόδος* 'нога', *πέδον* 'почва' и передвижение ударения в др.-инд. *padám* 'след' в соотношении с *pad* 'нога'⁴⁹. Вероятно, противопоставление двух основ **ped*, **pad* в анатолийских и, в частности, в хеттском языке отражает общеиндоевропейское явление редукции гласного первого слога, связанной с регулярным переносом ударения на тематический гласный в производном среднего рода (о древности производных форм рассматриваемого типа свидетельствует сохранение гласного *a* в первом слоге древнеиндийского *padám*), ср. окситонезу в др.-хет. *pa-ta-a-n* 'ног'. В некоторых языках противопоставление **ped* и **pad* не представлено в силу отсутствия образования среднего рода типа хет. *pēdan*, например, в лувийском *pata-* из **pad-*. В ликийском представлены только образования от корня **ped-*, причем семантическая дифференциация образований со значением 'нога' и 'место' не соответствует формальной.

В хеттском языке представлены следующие слова, образованные от корня **pad-*: *patalla* 'обувь' (ср. этимологически тождественное греч. *πέδιλον* 'подвязная подошва, сандалия' из **pad-l-*, *patallḥa* 'подошва' из **pad-i-* + *ha*; ср. ларингальный суффикс в *palḥi*; (*katta*) *patallija-* 'сковывать (ноги)?)'.

Следующие слова образованы от корня **ped-*: *pitta* (мн. ч.) 'долг'; *piddāi-* 'оказать, оплатить; правильно учредить'; ^{LU}*pitta-* (должность чиновника), ^{LU}*pidduri-* 'комендант, наместник города', *pittaurija-* (должность? титул?). В хеттском и ликийском (см. ниже) представлено сходное семантическое развитие для образований от корня **ped-*: 'место' → 'установление, устанавливать, располагать' → 'служба, должность'.

Возможно, образование от корня **pad-* представлено в хет. *paddāi-/pid-dāi-* 'бежать', ср. *pittenu-* 'заставлять бежать', *pittiiali-* 'тонкий, изящный', ^{LU}*pit-tijanti-* 'беглец'. Этот корень сопоставлялся Стертевантом с рефлексам индоевропейского **pet-*, **pot-* 'летать' (см. в наст. работе об общеанатолийском **pat-*), однако в таком случае остается неясным семантическое развитие 'бежать' из 'летать, падать'. Напротив, семантическое развитие 'нога' → 'бежать' находит параллели в афразийских языках, ср. соотношение общеафразийск. **pad* 'сустав' и **pVd* 'идти, бежать'⁵⁰, например, бербер. шауйа *afud*

⁴⁹ В древнеиндийском в тематических образованиях такого типа ударение регулярно падает на тематический гласный, ср. *padám* 'след', *yugán* 'игро' (*Барроу*. Санскрит. С. 164). Окситонеза в др.-хет. род.п. мн. ч. *pa-ta-a-n(a)* '(и) ног' (КВо II. 81), дат. п. мн. ч. *pa-ta-a-aš(-ša-aš)* 'ногам их' (КВо XVII 15 obv. 10) соответствует тону греч. *πέδ-ᾶν*, др.-инд. *pad-* *m*, см.: В. В. Иванов. Новый источник для установления индоевропейских акцентуационных парадагм (Клинописные написания с гласным) // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982. С. 200.

⁵⁰ См.: Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. М., 1981. С. 12.

‘колени, сустав’, *s-ifəd* (каузативная порода с префиксом *s-*) ‘впустить, дать войти’. Противопоставление *paddāi-* ‘бежать’ и *piddāi-* ‘оказать’ в различных словоформах этих лексем реализуется также в разном написании дентального смычного корня, ср. 3 л. ед. ч. през. от *piddāi-* ‘оказать’: *piddāizzi*, 3 л. мн. ч. *piddānzi*; от *paddāi-/piddāi-* ‘бежать’ 3 л. ед. ч. през. *pittaizzi*, мн. ч. *piddānzi*, *pittiānzi*. Возможно, что эти колебания объяснимы за счет изменения места ударения в словоформах (если принять их этимологическое тождество).

Хет. *pata-* ‘нога’ образовано при помощи тематического суффикса **-a-*; в родственных языках это слово представляет собой атематическое образование, однако суффикс **-e/o-* выступает в некоторых формах косвенных падежей. Тематический суффикс *-a-* сохраняется в производных от *pata-*, ср. выше *patalli*, *patelḥa*. Ср. употребления *pata-* в хеттских текстах (идеографическое написание: GÌR, 256/e I 3) GÌR^{HL.A}-na^{GIS} GÌR. GUB^{MEŠ} ti-an-zi и параллельное место 114/d I 18: pa-ta-a-na^{GIS} GUB-iš da-an-zi ‘для ног они ставят скамейку’.

Хет. *pēdan* является тематическим производным среднего рода (см. выше) и входит в целый ряд устойчивых сочетаний⁵¹, например, *šalli pēdan* ‘трон’ (букв. ‘большое место’), *ḥaruāši pēdan* ‘тайник, тайное место’. Архаичной является конструкция с притяжательным местоимением *peda-šši* ‘вместо, на месте’ (букв. ‘на его месте’), построенная по типу древнехеттских конструкций с энклитическим притяжательным местоимением. Возможно, процесс слияния *pēdan* со вторым компонентом устойчивого фразеологического сочетания представлен в выражении *tān pēdaš* ‘второго ранга; второй по месту’. Эта конструкция встречается в древнехеттских памятниках (например, в указе Телепинуса, см. ниже); по-видимому, в дальнейшем она превратилась в сложное слово, благодаря чему стало возможным образование сложного отыменного глагола *tān pēdašahḥ-* ‘делать второразрядным’⁵². Иная трактовка словосочетания (или сложного слова?) *tān pēdašahḥ-* представлена у Г. Оттена⁵³, который выделяет самостоятельное значение для глагола *pedašahḥ-* ‘ставить, располагать’ и считает ошибочным объединение конструкции *tān pēdašahḥ-* (Маддувата I 57, 67) в одну лексему. По его мнению, в этих контекстах *tān* имеет значение ‘снова, второй раз’, ср. представленную в том же тексте конструкцию *nammātān* ‘уже снова’.

Приведем примеры, иллюстрирующие различные случаи употребления хет. *pēdan*. Тел. II 36—38: *tāk-ku DUMU LUGAL ḥa-an-te-iz-zi-uš NÚ.GAL nu ku-iš ta-a-an pí-e-da-as DUMU^{RU} nu LUGAL-uš a-ra-a-aš* ‘если нет первого сына царя, кто сын второго разряда, тот царь’.

⁵¹ Подробно об этом см.: F. Sommer. Hethitisches II. Stuttgart, 1924. S. 36—45.

⁵² Ср.: J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. H. 4. Heidelberg, 1955. S. 209.

⁵³ H. Otten. Sprachliche Stellung und Datierung des Madduwatta-Textes. Wiesbaden, 1969. S. 20.

Туннави (ритуальный текст), II 51: na-at-kán kat-ta I e-da-ni pí-di da-a-i 'и она (жрица) кладет это в одно место'.

Хет. глагол *piddāi-* 'оказать, (правильно) установить' употребляется преимущественно в ритуальных текстах, текстах законов и договоров⁵⁴, например, Законы, § 29, § 30: ku-ú-ša-ta pí-d-a-iz-zí '«он дает (исполняет, платит) плату (за женщину)»; ar-kam-ma-an pí-d-a-a-iz-zí 'он платит налог'. Ср. употребление *piddāi-* в ритуальном тексте KUB XII 40 11: [píd]-da-a-iš-ki-u-an ti-i-ja-at 'я совершил жертвоприношение'; там же, 7: pí-d-a-a-iš-ki-u-an ti-an-zí 'они совершают жертвоприношение'.

Лув. *pata-* представлено в следующих контекстах: им. п. ед. ч., KUB XXV 37 II 28: za-an-da pa-ta-a-aš ḫar²-ra-u-²i-Ja-ta 'и... нога разбила (?)'⁵⁵. Дат.-вин. пад. мн. ч., KUB IX 6 + KUB XXXV 39 III: 29: an-na-a-an pa-a-ta-an-za du-u-ṣa-an-du 'пусть положат под ноги'; род. пад. мн. ч. KUB XXXII 8 III 17 iš-ša-ra-an-za-pa-ti-ta pa-a-at-ta-aš-ša-an-za ta-am-mu-ug-ga la-at-ta 'он взял руки и ноги...'. Возможно, отсутствие *scriptio plena* в корневой морфеме лув. *pa-ta-a-aš* (см. выше) указывает на изменение места удара или на чередование типа хет. *pat-* (*pad-*) / *péd-*.

Архаическая форма двойственного числа представлена в лув. *GİR^{MES}-ta = pata : GİR^{MES}-ta-du tar-ú-e-ja iš-ša-ra-d[u... (KUB XXXV 103 Vs. III 12) 'ноги твои (букв. 'тебе') из дерева, руки твои...]*. В лидийском языке не представлено общеанатолийского названия ноги **pad-*, однако, существует этимологическая связь между хет. *piddāi-* 'оказывать, устанавливать' и лид. *bid-* 'давать, удовлетворять, оказывать' (это сопоставление было предложено Г. Нойманом⁵⁶). Ср. лид. *bid-*; 24,6: bukm²lad amu bitoc² bid² 'или же ему я участок передал'; 50,6: akml [?] aśaā² bill 'и ему он/они оказал/и благодеяние'.

В ликийском языке, как и в хеттском, представлены слова со значением 'нога', 'место', в отличие от хеттского, не различающиеся формально: *pdda-* 'послать на административную службу', причастие *pddēnehīm̄mis* 'служащий, эмиссар'; *padr-* 'основать', *pidritēni* 'основатель'. Ср. лик. *pede-* в значении 'нога' в TL 44 а 34—35: *izredi pededi* '...руками (и) ногами'; в значении 'место' в TL 55,4: *se pedes : qajā : wes : ḫteli : prijāmi* : 'и место, и высокий (?) антифелосский алтарь'.

⁵⁴ О хет. *piddāi-* (в частности, о возможном чтении его как *paddāi-* в отличие от *peda-* 'уносить') см.: *Pederdsen. Zum Lautwert des Zeichena — ... S. 87*. Автор ошибочно возводит хет. *piddāi-* к и.-е. *(s)ta-, сопоставляя этот глагол с лат. *praestare* 'совершать, исполнять, платить'.

⁵⁵ Лув. *ḫarra i-*, возможно, исторически связано о хет. *ḫar-š-* 'дробить, разбивать, пахать'.

⁵⁶ *G. Neumann. Untersuchungen... S. 48.*

Лик. *padr-* употреблялся в значении 'учреждать, устанавливать' (этот корень отражает, по-видимому, рефлекс общеанатолийск. **pad-* с комплементом *-r-*), ср. TL 44 с 51 *tuwi-pe-ne padrete xeriga* 'постановление же, его установил (?) Кэрига'.

8. **pahur/n-* 'огонь': хет. *paḥḥu(a)r*, род. пад. *paḥḥuenāš*; лув. *paḥur* 'огонь' // и.-е. **peH₂-r/n-* 'огонь': тохар. А *por*, кучан. *puwar*, *pwār*; прусск. *panno* 'огонь' и др.

В и.-е. эта основа относилась к числу гетероклитических. Во всех и.-е. языках, кроме хеттского (где сохранилось гетероклитическое склонение), в родственных словах была обобщена основа на *r* или *n*. Одновременное сохранение обеих основ наблюдается только в древнеармянском, где это явление характерно не для словоизменительных, но для словообразовательных форм: др.-арм. *hur* 'огонь', *hn-x#* 'горнило' (где *hn-* из *hun-*). Обобщение основ на *r* и *n* происходило неравномерно не только в различных группах и.-е. языков, но и в различных языках в пределах одной группы, ср. герман. основа на *r* в др.-в.-н. *fīur*, др.-англ. *fȳr*, но основа на *n* в гот. *fōn*⁵⁷; основа на *r* в тохар. А *por*, кучан. *puwar*, *pwār*, греч. *πῦρ*, ирланд. *ur*, умб. *pure*, оскск. *pur-* (*asiai*), основа на *n* в прусск. *panno*⁵⁸.

Хет *paḥḥur*, лув. *paḥur* входят в набор и.-е. названий огня среднего рода, противопоставленных названию огня несреднего рода в и.-е. языках: лат.

⁵⁷ Ср. лексическое варьирование форм *fīrr*, *býrr* 'огонь' и *fūni* в древнеисландском.

⁵⁸ Известны балтийские заимствования в прибалтийско-финско-волжские языки: финск. *puni* 'огонь', мордов. мокша *pāna-(kud)* 'печь'. Возможно, и.-е. название огня (с обобщением *r*-основы) было заимствовано в алтайские языки в форме *pür* (ср. также корейск. *пул*), что может свидетельствовать о древних индоевропейско-алтайских (или более поздних тохаро-протокорейских) контактах.

По ностратической гипотезе и.-е. **peH₂-* 'огонь' родственно картв. **pxw-* 'теплый' (грузин. *za-pxu-l-* 'лето', сван. *lu-pxw-* 'лето'), афразийскому **p'w* 'огонь' (др.-егип. *p'w*; чадск.: логоне *fū*, котоко *fū*, музгу *afu*, гидер *afa*); уральскому **piwe* 'теплый, горячий' (саам. *bivvâ-* 'разгорячиться', селькуп. *pö* 'теплый, горячий'); алтайскому **p'ebl-* ~ **p'ägl-* 'горячий, палить' (среднемонгольск. *he'üsije-* 'страдать от жары', монгол. *xē-* 'сушить, греться', калмыцк. *ē-* 'палить, жарить') из общеностратического **piḡw* 'огонь' (В. М. Илич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков // Этимология 1965. М., 1967. С. 352; Он же. Соответствия смычных в ностратических языках // Этимология 1966. М., 1968. С. 339 сл.).

Некоторые трудности, однако, представляет разграничение ностратических (в частности, алтайских) форм и созвучных с ними австронезийских (и шире — австротайских): индонез. **(w)apu*, прототайск. **way*, австротайск. **[sə]piu* (на основании вост.-австронез. **sapuy*): Р. К. Benedict. Vocalic transfer: a Southeast Asia areal // BSL. 1980. Т. I. Р. 208 f., ср. др.-яп. **apuj*, яп. *çl(hi)*.

ignis 'огонь', латыш. *uguns*, лит. *ugnis*, др.-инд. *agnih*, ст.-слав. **огнь**, русск. *огонь*. Данные хет. языка заставляют пересмотреть концепцию А. Мейе, трактовавшего оппозицию названий огня среднего и несреднего рода как оппозицию огня — пассивного предмета и огня — божества, активно действовавшего⁵⁹. Этому противоречит употребление в хет. ^D*paḥḫur* в качестве обозначения бога огня (KUB III 21 9 и др., см. ниже; там же о роли культа огня в хет. религии). В архаичных сакральных формулах используются и другие производные от и.-е. **peH₂-*: кучан. *puwar*, осск. *purasiai*; ср. еще прусск. имя бога огня *Panike*.

Идея Мейе о наличии в индоевропейском противопоставления обожествляемого имени огня (откуда др.-инд. *Agni-h*) одушевленного (в диалектах — мужского) рода и другого имени неодушевленного рода в недавнее время была поддержана Э. Ларошем, который предположил, что хет. ^D*Akni-* отражает первую и.-е. форму, хет. *paḥḫur* — вторую⁶⁰. Однако относительно ^D*Akni-* можно только предполагать равнозначность этого имени месопотамскому богу Нергалу⁶¹ в контексте, где речь идет о пожирании им людей (что можно было бы сравнить с ролью Агни в заговорах от лихорадки). Фонетически (отсутствие *h* < **H* в анлауте) ^D*Akni-* скорее является арийским, чем унаследованным и.-е. словом в хеттском.

Хотя наличие гетероклитического чередования *paḥḫu-* *-(a)r*, *paḥḫu-en-* позволяет выделить основу *paḥḫu-*, хет. *paḥḫur/n-* в словообразовательном отношении представляет собой целостную основу (в отличие от хет. *panku-r*, см. настоящую работу s. v. **bang-*). Об этом свидетельствуют производные образования: ^{GIS}*paḥḫurui(i)* 'дерево для добывания огня', ^{GIS(NA)}*paḥḫu(i)nalli*, ^{DUG}*paḥḫu(i)nalli* 'жаровня'. Хет. *paḥḫu(i)nalli* образовано посредством суффикса *nomina instrumenti -alli* от основы *paḥḫun-* (ср. сходную модель в хет. *kutta-nalli-* 'ожерелье' от *kuttar*, род. пад. *kuttanaš* 'плечо'). Это слово упо-

⁵⁹ A. Meillet. Linguistique historique et linguistique générale. P., 1955. P. 215 ff.; P. Chantraine. Etudes sur le vocabulaire grec (Etudes et commentaire XXIV). P., 1956. p. 22 f.; C. A. Mastrelli. Le innovazioni nel mondo indoeuropeo // Archivio Glottologico Italiano. 1958. Vol. XLIII. P. 1—7; V. Pisani. Obiter scripta. 4. A proposito di «ignis» e πῦρ // Paideia. 1959. Vol. XIV. P. 173—174 (обсуждается проблема инновации, приводящей к распространению термина второго типа, родственного хет. *pa ur*); ср.: Idem. Alcune parole ie. per 'fuoco' e affini // Rendiconti Lincei. 1927. Ser. VI. Vol. III. P. 411—423; Гамкрелидзе, Иванов. Индоевропейский... Т. I. С. 274; Т. 2. С. 699—700.

⁶⁰ E. Laroche. Fleuve et ordalie en Asie Mineure Hittite // Festschrift H. Otten. Wiesbaden, 1973.

⁶¹ K. Riemschneider. Babylonische Geburtsomina in hethitischer Übersetzung // StBoT 9. Wiesbaden, 1970. S. 43—48; J. Friedrich, A. Kammenhuber. Hethitisches Wörterbuch. Lief. 1. Heidelberg, 1975. S. 53.

требуется при описании ритуальных церемоний (ср. ритуал Туннави Т 20 II 23, 26); *paḥḥurul(i)* образовано от основы именительного падежа на *-r-* (KUB XX 1 19).

В хеттском ритуале вызывания исчезнувших божеств (в том числе «великой матери богов» = шумер. МАḪ), в котором находили аналогии с римскими мифами и обрядами, посвященными Magna Mater⁶² (и который в этом случае ввиду давно предполагавшихся малоазиатских истоков этого римского культа⁶³ может иметь не общеиндоевропейские, а, скорее всего, общеэтрusco-фригийско-малоазиатские корни), содержится формула: nu-kán EGIR-an-da^{GIS} pa-aḥ-ḥu-ru-la-az pa-aḥ-ḥur ʕa-ar-pa-an-zi nu pa-aḥ-ḥur ʕa-ar-nu-an-zi 'и потом они добывают посредством трения огонь⁶⁴ с помощью дерева, предназначенного для добывания огня, и огонь они разжигают' (KUB XV 31 I 18—20), дубликат (KUB XV 32 I 19—21). Если этот перевод верен, то в термине^{GIS} *paḥḥurul* отражена древняя ритуальная практика архаического способа добывания огня, о котором идет речь и в ведийских гимнах⁶⁵. Лингвистическое доказательство возможности прямого сопоставления хет. обрядов добывания огня с индоиранскими дает семантическое отождествление корня **uḡ-* в хет. *ukturi* 'место кремации; постоянно горящий огонь' < **uḡ-tur-i* с авест. **ueg-* > *vaz-* в *atrə.vazana* 'орудие для разжигания огня', др.-инд. *vaj-* в *upa- vājayati*

⁶² F. Sommer. Рец. на: *Besprechung von Keilschrifturkunden aus Boghazköi*. Hft. XIV—XVII // KF. 1927. В. I. Hft. 1. S. 342.

⁶³ См. в этой связи о Magna Mater: G. Dumézil. *La religion romaine archaïque*. P., 1966. P. 467—472.

⁶⁴ Буквально 'трут огонь': Oettinger. *Die Stammbildung...* S. 234, § 142); другой перевод — 'моют' (= 'очищают в культовом отношении'), ранее предложенный Элольфом, допускавшим наличие индоевропейских, в том числе индийских, параллелей (H. Ehelolf. *Zum hethitischen Lexikon* // KF. 1930. В. I. Hft. 3. S. 159 f.), представляется менее удовлетворительным, хотя следует заметить, что игра словами, обозначающими ритуальное очищение и образованными от корня *pu-* 'очищать' < и.-е. **pe/oHu-* (др.-инд. *pāvaka ḥ* 'чистыми', *puṅāti* 'очищает'), в гимне Агни в Атхарваведе (XII, 2, II, см. Атхарваведа. Избранное / Пер., коммент. и вступит. ст. Т. Я. Елизаренковой. М., 1976. С. 388) представляет интерес потому, что и.-е. **poHu-* 'огонь' и **pe/oHu-* 'чистый' могли быть связаны если не этимологически, то анаграмматически. Ср. также к анализу текста указанного хет. ритуала: L. Zunz. *Un testo ittito di scongiuri* // *Atti del istituto Veneto di Scienze. Lettere ed Arti*. Venezia, 1937. P. 96, 2.

⁶⁵ К истории и типологии культа огня на древнем Ближнем Востоке ср.: Le feu dans le Proche Orient antique. Aspects linguistiques, archéologiques, littéraires. Actes de colloque de Strassbourg 9 et 10 juin 1971 // *Travaux du Centre de recherche sur le Proche-Orient et la Grèce Antique*. V. I. Об Индии ср. Уже: Д. Н. Овсянко-Куликовский. К истории культа огня у индусов в эпоху Вед. Одесса, 1887 (особенно с. 1, 3, 9 об огнях общины).

‘разжигает огонь’, *vājay-* ‘возбуждать’ (о боге огня Агни)⁶⁶. Но в соответствующих ведийских гимнах, обращенных к Агни, там, где говорится о ритуальном добывании огня посредством трения, дерево, используемое при этом, называется либо метафорически, либо словами, образованными от названия кусков дерева и древесины (в том числе и обожествляемой вместе с Агни — *Vānā*)⁶⁷.

Хет. *paḥhur* часто появляется в ритуальных текстах, например в ритуалах «вызывания богов» при перечислении стихий (KUB XV 34 I. 2 и др.): *pa-aḥ-ḥu-e-na-az* [ne-p]i-ša-az tag-na-a-az ‘из огня, неба, земли’.

В древнехеттском фрагменте 2 BoTU β 22—27, примыкающем к билингве Хаттусилиса I, встречается сакральная формула о поддержании огня в очаге (HAB III 22—27): *ma-a-an ud-da-a[r-me-it p]a-aḥ-ša-[nu-ut-te-ni n]u-kán ut-ni-im-me-it-t[a ца-ar-ša-nu-]ut-te-ni (...)*ḥa-aš-ši-[i] pa-aḥ-ḥu-ur* pa-ra-iš-[te-ni] (...)* [n]a-at-ta-at u[d-d]a-ar-me-i [t] šar-ra-at-tu- ma m[a-a-an]- ša-an *ḥa-aš-ši-i p[a-aḥ-] ḥu-ur* na-at-ta pa-ra-iš-te-ni ta ú-iz-zi UR[U Ḥa-at]-tu-uš-ša-an MUŠ-aš ḥu-la-a-li-az-zi ‘Когда вы слово мое сохраните, тогда страну мою спокойной/мирной сделаете (...); **в очаге огонь** раздувать будете.(...) Слово же мое да не будет нарушено. Когда же **в очаге огонь** не будете раздувать, тогда придет (змея) и город Хаттусас змея оплетет’. Формула *ḥašši paḥhur* ‘огонь в очаге’ употребляется и в других хет. ритуальных текстах и связана с культом очага (последний в ряде хет. текстов выступает как обожествляемый предмет). Она находит соответствие в оскской сакральной формуле *aasai purasiai* ‘in aga igniaria’ (Агнонская надпись 16, В 44), что свидетельствует об индоевропейских истоках культа огня и о принадлежности и.-е. обозначения огня среднего рода **poHu-* к культовой терминологии.

Правила ритуального обращения с огнем содержатся в тексте наставлений служителям храма (KUB XIII 4 44—46): *an-d[a-m]a-z[a p] a-aḥ-ḥu-[u]-u-e-na-aš-[š]a ud-da-ni-i me-ik-ki na-aḥ-ḥa-an-te-eš e-eš-tin na-aš-ta [m]a-a-an ANA É DINGIR-LIM ENENxŠE nu [Z] me-ik-ki pa-aḥ-ḥa-aš-tin ma-aḥ-ḥa-an-[m]a MI-[a]n-za ki-i-ša na-aš-ta pa-aḥ-ḥur ku-it ANA GUNNI a-aš-zi na-at-kán u-e-da-an-da SIG₅-in ki-eš-ta-nu-ut-tin ‘Затем будьте очень осторожны в деле огня. Если в*

⁶⁶ F. Bader. Emplois recesaifs d’un suffixe indo-europeen, **-tu-* // BSL. 1977. Т. LXXXII. F. 1. P. 117. Менее вероятно сближение хет. *uk-* в *uk-turi* с др.-инд. *ukha* ‘горшок’ (в Ригведе сосуд для огня Агни).

⁶⁷ См.: Ригведа. Избранные гимны / Пер., коммент. и вступит. ст. Т. Я. Елизаренковой. М., 1972. С. 275 (ср. о метафорических обозначениях с. 274, 276). В гимне III, 29, 6, целиком посвященном ритуальному добыванию огня посредством трения (см. его перевод: Там же. С. 101—103, коммент. на с. 276 сл.), упоминаются куски дерева (мест. пад. мн. ч. *vaneṣu*), среди которых разгорается огонь; другое название кусков дерева для трения в Ригведе — *arani*.

храме (совершается) торжественный обряд, то огонь тщательно охраняйте. Когда наступает ночь, старательно погасите водой тот огонь, который остается в очаге’.

Представляет интерес выражение *paḥḥur paḥš-* ‘хранить огонь’, которое встречается (с трансформацией *paḥš-* → *-paḥša-nu*) в аналогичном противопоставлении сочетанию *paḥḥur kešta-nu* ‘гасить огонь’ в среднешет-тском тексте наставлений, служителям храма (КВо XIII 58 III 14’-17’): *an-da-ma-kán^{LÚ} NIMGIR ku-iš^{URU} Ḥa-at-tu- ši še-er ma-aḥ-ḥa-an LÚ^{MES}.EN.NU.UN a-ú-ri ḥal-za-a-i pa-aḥ-ḥur-ца ki-iš-ta-nu-ut-ten iš-tar-ni-ja-kán ḥa-a-li an-da ḥal-za-a-i pa-ḥur-ца-ца pa-aḥ-ša-nu-ца-an e-ēš-du* ‘и (тот) сторож, который в верхней части города, когда сторожей он призывает к их сторожевой службе, то во время первой стражи он взывает: «Погасите огонь!», а во время средней стражи он взывает: «Огонь да будет сохранен!»’. Учитывая архаизм ритуала поддержания постоянного огня, сочетание *paḥḥ-ur paḥ(h)-š-* можно рассматривать либо как характерную для индоев ропейских ритуальных текстов анаграмму, либо как *figura etymologica*, так как не исключено, что *paḥḥur* и *peḥš-* отражают один и тот же общий и.-е. корень **poH-*.

В текстах эпохи Нового царства содержится упоминание об особой должности «людей огня», ср. КВо V II Vs I 21 : *LÚ.NI.DU₈LÚ^{MES} pa-aḥ-ḥu-e-na-aš EGIR-an kar-ru-u-iz-zi* ‘привратник выкликает по очереди (= пересчитывает) «людей огня»’.

Лув. *pa-a-ḥu-u-ur* (hapaḥ) встретилось в KUB XXXV 107 III 4: ₃[ḥa-a-aš]-ša a-an-na-an pa-a-ḥu-u-ur ₄pa-al-pa-ti-it-ta-ri a-na-a-it-ta-ri ‘3 [в оча]ге внизу огонь 4(он?) р. (3 л. ед. ч. медиопассива), горит (?)’⁶⁸. Если наша реконструкция начала предложения верна, то стк. 4 лув. текста может содержать формулу, аналогичную хет. *ḥašši paḥḥur parai-šteni* ‘огонь в очаге охраняйте’, — хотя конец стк. 4 не сохранился, но там могло быть около шести-семь знаков, т. е. вполне достаточно для глагольной формы. Единственная трудность состоит в необходимости допущения в лувийском непроизводной основы **hassa* ‘очаг’⁶⁹ (при обычном *ḥaššanitti-*). Это допущение вполне реально, если принять во внимание, что лув. *ḥaššanitti-* часто появляется в ритуальных фраг-

⁶⁸ Лув. *anaittari*, вероятно, связано с хет. *inu-* (< **enu*) ‘жарить, сушить (на огне)’; что касается и.-е. параллелей, они требуют специального рассмотрения. Иная интерпретация отрывка у П. Мериджи, см.: P. Meriggi. Schizzo grammaticale dell’Anatolico // Atti della Accademia nazionale dei Lincei, anno CCCLVII. 1980. Memorie Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Serie VIII. V. XXIV. F. 3. P. 356, § II. 249; ср. p. 271, p. I. 62; P. 312, § II. 119.

⁶⁹ Восстанавливаемая нами форма **hassa* является, видимо, локативом на *-a* (при обычном окончании дат.-мест. пад. *-i*; показатель *-a* известен в этом падеже у лув. *i-* основ типа *tarḡali-* ‘танцор’ (?), дат. *tarḡaliJa*).

ментах рядом с именами «активной семантики»⁷⁰, и не исключено, что суффикс *-nit*-исторически восходит к и.-е. **-n-t-*, который в анатолийском мог формировать «активные» имена среднего рода⁷¹.

9. **pahs-* ‘защищать’: хет. *paḥš-/paḥḥaš-* ‘защищать, охранять’; лув. *paš-* ‘idem’; лик. (мил.) *pssa-* (< **phs-o-*) ‘idem’; лид. *faṭa* ‘защита’ (?) // и.-е. **poH-s/sk-* ‘защищать; пасти’; лат. *pasco, pāvi* ‘пасти, кормить, содержать’; ст.-слав. **пасти**; др.-инд. *pā-ti* ‘бережет, защищает’; тохар. А *pas-*, тохар. В (кучан.) *pask-* ‘защищать’⁷².

Хет. *paḥš-* часто встречается в древних текстах, в частности, в контекстах, где речь идет о защите или охране слова, клятвы, которые оказывается возможным возвести к общеиндоевропейскому на основании отождествления с аналогичными формулами, в которых употребляется тохар. А *pas-*, кучан. *pask-* ‘защищать, охранять’, слав. *pasti* ‘беречь, охранять’ (в частности, по отношению к клятве во Фрейзингенских отрывках, отражающих вариант старославянского, близкий к древнесловенскому)⁷³. Восходящее к этому древнему и.-е. сакрально-юридическому словоупотреблению сочетание *uttar paḥš-* ‘слово хранить’ несколько раз встречается в др.-хет. Завещании Хаттусилиса I⁷⁴ (раздел III, стк. 28, 29, 47 хет. текста) и в примыкающем к нему фрагменте 2 ВоТУ 10. Ср. еще KUB XLIII 38 Rs 29—30: *ma-a-an-ṣa ki-i-ma NI-IŠ DINGIR-LIM pa-aḥ-ḥa-aš-te-ni ṣa-a[š-ma aš]₂₉ uk-tu-u [ri-eš]ṣu-me-eš-ša-ṣa-az-QA-TAM-MA uk-tu-u-ḡ[i-eš]e-eš-te-ni* ‘если (же) эту клятву будете соблюдать и для них будете твердыми/ крепкими, то для себя вы также будете твердыми’. Ср. еще KUB XXIX I I 18—19: *GUNNI-me-it É-ir mi-it* ₁₉*pa-aḥ-ḥa-aš-mi* ‘мой очаг и мой дом я охраняю’.

⁷⁰ Например, *adduṣalza utarša* ‘злое слово’ (слово, которое может причинить зло) с «активизирующим» показателем имен ср. р. *-ša* (см. о нем: *J. Arbeitman. Cuneiform and Hieroglyphic Luwian -za* // KZ. 1976. В. 90. Н. 1—2; *Л. С. Баюн. Об одном случае морфологической интерференции (лувийский падеж на -ša)* // Исследования по фонологии и грамматике восточных языков. М., 1978).

⁷¹ О суффиксе *-nt-* в анатолийском см.: *B. Laroche. Un «ergatif» en indo-européen d’Asie Mineure* // BSL. 1962. V. 57. F. 1. Очень возможно, что широкое использование суффиксальной формы *ḥaššanitti* было вызвано стремлением избежать совпадения с лув. *ḥašša/i* ‘кость’ < **hasti*, хет. *ḥaštai*.

⁷² К этой же основе Ф. Бадер возводит и греч. *πατέομαι* ‘есть, питаться’: *F. Bader. Persée, ΠΕΡΘΩ et l’expression archaïque du temps en indo-européen* // BSL. 1974. Т. 69. f. 1. Р. 8 f.

⁷³ *В. Н. Топоров. Slovenica* // Вопросы славянского языкознания. М., 1959. Вып. 4. С. 92 сл.

⁷⁴ НАВ. S. 76.

С этим же глаголом в хет. могут быть связаны именные производные ^{GIS}*paḥ(h)iša-* ‘палка, прут’⁷⁵, *paḥ-šiul/paššiul* ‘Kraftfutter für Pferde’. Во всех хет. формах за исключением не очень ясного *paššiul* присутствует ларингальный элемент и старый суффикс *-š-*, обнаруживаемый у ряда хет.-лув. глаголов второй серии⁷⁶. Очевидно, что у хет. глаголов типа *paḥš-* ‘защищать’, *pašš-* ‘ломать’ этот суффикс вычленяется только исторически, однако о наличии морфемного шва между *ḥ* и *š* свидетельствует регулярная запись глагольных форм посредством знаков *pa-aḥ-ḥa-aš-* перед флексией, начинающейся с согласного, но ср. *pa-aḥ-ša-* перед флексией на гласный^{77–78}.

В лувийско-ликийской группе те немногочисленные примеры, которые с большой степенью вероятности относятся к данному корню, синхронно представляют собой формы без ларингала. В лувийском это непроемный атематический глагол *paš-* и, видимо, суффиксальный глагол *pa/ušurija-*, ср. XXXV 133 II 2—5 (ритуал для бога Грозы): ₂ša-la-ца-aš-ša tu-u[r-]₃ ku-i-pa-kun-i-ja-aš ku-i[.]₄ za-ar-ti-pa-du-ti-ta a[-]₅za-an-da pa-aš-ta DINGIR^{MES} ḪU [L] s. t. ‘...k. ...z. ...это защитил от злых богов’. Для лув. *pa/ušurija-* комбинаторно можно вывести значение, близкое к ‘защищать, охранять’⁷⁹. Ср. XXXV 103 Vs II 15—17: ₁₅[a]n-ni-iš-ku-ца-ti pág-na-an-za ma-ad-du-u[xxx]₁₆ [p]a-ap-pár-ku-ца-at-ti ta-a-ti-iš-pa-a-ti-ja [xxxxx]₁₇ [.]ti-ja-ti pu-šu-ri-ja- (ibid., 10: pa-šu-ur-i-ja-ti) ‘₁₅(подобно тому) как мать дома/помещения...₁₆ чистит, отец же...₁₇ охраняет’.

Для лик. *pssa-* с надежностью предполагается значение ‘охранять, защищать’ в TL 44 d 23—24: ((-)lejerpi tere kere : sxxaija) kuti pssati₂₄ zajala : me te ne mrssxati : urtuwās : mar[āz] ‘₂₃(...) стену охраняет₂₄ z. (nomen auctoris), чтобы не повредил (враг) великие предписания’⁸⁰. Возможно, мил. *pasb(b)a*

⁷⁵ Иная точка зрения у Х. Кронассера (Etymologie der hethitischen Sprache. Wiesbaden, 1966. S. 189): ‘ohne Grundwort’. Отсутствие итератива на *-sk-* у *paḥš-* (см.: G. Bechtel. Hittite verbs in *-šk-*. Ann Arbor, 1936) может служить доводом в пользу связи *-š-* в этом глаголе с итеративным суффиксом *-šš-*.

⁷⁶ Не совпадает с суффиксом итеративов *-šš-*, хотя в конечном счете различие между ними оказывается прежде всего хронологическим. О расширителе **-s-* атематических глагольных основ см.: Bader. Persée... 52 et passim, где он соотносится не с какой-либо серией глагольных форм, но с временными характеристиками.

⁷⁷ О наличии произносимого гласного между *ḥ* и *š* в этом глаголе см.: J. Friedrich. Hethitisches Elementarbuch. Teil II. Heidelberg, 1946. S. 95; H. Otten. Zur grammatischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen. B., 1953. S. 23.

⁷⁸ См. предыдущую сноску.

⁷⁹ Ср. лик. А личное имя *pssure-* в надписи из Ксанфа TL 48, 5, буквально ‘защитник’.

⁸⁰ Сюда же, возможно, относится и мил. *pssesi (keri)* ‘охраняемый (?) (участок)’ в TL 44 d 26.

‘воины; мужская часть населения’⁸¹ содержит общелув. основу **pahs-* и суффикс *-ba-*⁸² (другую интерпретацию лик. *pasbba* см. ниже, s.v. **pes-/ *pas-*). Отсутствие ларингала в лув.-лик. можно было бы объяснить фонетически, а именно — наличием контактного *s* (ср. лик. *asāna-/esēna-*, сопоставляемое с хет. *ešhar/ešhan-* «кровь», но лув. *ašhana-* с сохранением ларингала).

Лид. существительное *faṭa* ‘Schutz o.dgl.’⁸³ и глагол *fasjo-* ‘охранять (?)’ (ср. LW 44, 14: edtin kum-lolλ .b[i]r sfantuš fasʷod ‘и там же для *K.* дом *S.* (nomen auctoris) охраняет’ содержат согласный *s/τ* не вполне ясного происхождения. Как следует из других примеров, лид. *s* (в отличие от *ś*) могло обозначать как палатализованный дентальный спирант, так и аффрикату [ts]; лид. *τ* чаще передавало палатальный смычный [tʰ], но в некоторых случаях, возможно, и [ts].

Сопоставление лид. *faṭa* и *fasjo* с основой **pahs-* можно выдвинуть лишь в порядке гипотезы, так как оно предполагает наличие в анатолийском непроизводной основы **pah-* с последующим расширением на *-s-* (лув.-лик.) и дентал (лид.)⁸⁴.

Древнейшим значением, восстанавливаемым для анат., является ‘охранять, защищать’; в качестве объектов выступают лексемы ‘дом’, ‘очаг’, ‘слово’ и т. п. Значение ‘пасти’ < ‘охранять (скот)’ в ряде и.-е. языков можно было бы считать вторичным, однако в таком случае неясно, как интерпретировать данные, получаемые при более глубокой реконструкции, ср. уральск. *puña* ‘пасти; присматривать за скотом’ (саам. *binnje* ‘содержать, присматривать’; энецк. Хантай *foneje* ‘пасти, присматривать’) : и.-е. **poHj-* ‘пасти’⁸⁵.

⁸¹ В своем первом значении лик. *pasbba* противопоставляется слову *xītaba* ‘руководство’ (44 с 32—33: *pasbā... sebe xītabu* ‘(рядовых) воинов ... и руководство’); во втором — словам *ali wijedri* ‘женщины, женская часть населения’ (TL, 44 с 45—46: *wijedri... sebe pasbā*; TL 44 с 55—56: *ali... sebe pasbā*).

⁸² К значению суффикса ср. лик. *A xahba* ‘зять’ из **has-bo-*.

⁸³ *Gusmani*. LW. S. 123.

⁸⁴ Основа без *-s-* представлена также в ин.-иран. *pā-* ‘охранять, защищать (часто скот)’, генетически связанном с хет.-лув. **pah-s-*. Об ин.-иран. формах см.: *Chr. Bartholomae*. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904. S. 888. Ср. еще кучан.-тохар. В *pāsk-*: тохар. *A pās-* с соотношением, аналогичным лат. *pāsko: pāstum*. И. -е. **pā-* рассматривается в ряде работ Ф. Бадер, см., в частности: *F. Bader*. De «protéger» à «razzier» au néolithique indo-européen: phraséologie, étymologies, civilisation // BSL. 1978. T. 73. F. 1.

⁸⁵ *Илич-Свитыч*. Соответствия смычных... С. 342. По мнению Ф. Бадер, у этого глагола уже в и.-е. выделяются две семантические изоглоссы: ‘защищать’ в восточном ареале и ‘пасти’ — в западном (*F. Bader*. **pā-* ‘veiller sur’ // *Studies in Greek, Italic and Indo-European Linguistics Offered to L. R. Palmer*. Innsbruck, 1976).

10. **pal-* ‘хлопать, толкать’: хет. *paluāi-* ‘хлопать’; лув. *palahšan* ‘щит (?)’⁸⁶ // и.-е. **pel-*, **pelə-* : **plā-* ‘stoßend und schlagend in Bewegung setzen, treiben’ : лат. *Pellō* ‘толкать, гнать’ (Pok. S. 801—802); (сюда же греч. *πόλεμος* ‘сражение, битва; война’?)⁸⁷.

Хет. *paluāi-* является производным с суффиксом *-ua-* от незасвидетельствованной основы **pal(a)-*, возможно, со значением ‘ладонь’⁸⁸. Известно также хет. название *pomen auctoria*^{LÚ/SAL} *paluātalla-*, выполняющего определенные функции в ритуале⁸⁹.

В автобиографии Хаттусилиса III (KUB I 57) встречается форма с глоссовым клином *palahša-* ‘Schirm; Schutz’⁹⁰, которая, судя по всему, связана с корнем **pal-*: *nu-mu DĪSTAR-pāt GAŠAN.IA hu-u-ma-an-da-za pa-la-aḥ-ša-an še-ir ḥar-ta* ‘и надо мной Иштар, моя госпожа, от всех щит держала’.

В лув. (?) *palahša-* элемент *-hš-* можно считать суффиксом, учитывая запись слова посредством знаков *pa-la-aḥ-* (а не *-ḥa-*), свидетельствующую о наличии морфемного шва между *-l-* и *-ḥ-*. Поэтому возведение X. Кронассером *palahša-* к хет. *palḥi-* «широкий», где *ḥ* — корневой согласный, представляется неправомерным — ни одна из форм хет. *palḥi-* и его дериватов не передается с помощью знаков *-ai/-la-aḥ-*, но только *-al-ḥi/ḥé-*⁹¹.

И.-е. глагол **pel-* ‘бить, гнать’ получил в хет.-лув. более узкое значение ‘бить (в ладоши), хлопать’, вероятно, не без влияния со стороны основы **palh-* ‘широкий’, давшей в ряде языков название ‘ладони’.

Возможно, с хет. *paluāi-* связан лик. глагол с редуцированным презентом *pabla-* (основа претерита *pla-*)⁹², который встречается в надписях из

⁸⁶ H. Güterboock. Kumarbi. Mythen vom churritischen Kronos. Zürich, 1946. S. 79 f.: ‘in die Hände klatschen’.

⁸⁷ О греч. *πόλεμος*, см.: V. Pisani // Studien zur allgemeinen und vergleichenden Sprachwissenschaft. Karl Ammer zu Gedenken. Jena, 1976, где предполагается его связь с лат. *bellum* и др. Неясным при этом остается характер начального губного.

⁸⁸ Ср. греч. *παλάμη*, др.-инд. *prtha-* ‘ладонь’, хет. *paltana-* ‘плечо’, которые сопоставляются с хет.-лув. **palh-* ‘широкий’. Не исключено смещение основ **pal-* и **palh-* в истории отдельных и.-е. языков; обусловленное фонетическим развитием (исчезновением конечного ларингала).

⁸⁹ Güterboock. Kumarbi... S. 80.

⁹⁰ A. Götze. Hattušiliš. Der Bericht über seine Thronbesteigung nebst den Paralleltexten. Lpz., 1925; 5. 75; H. Otten. Die Apologie Hattusilis III. Das Bild der Überlieferung (StBoT. Hft. 24).

⁹¹ Ср. трактовку лув. *palahša-* А. Бомхардом (Some Anatolian etymologies // RHA. 1973 (1976), T. 31 P. 111—113), который сравнивает его с др.-инд. *phálakam* ‘щит, доска’, др.-исл. *fföl* ‘доска’ (общегерман. **felō*). Герман. параллели представляются вполне убедительными и не противоречат нашему объяснению. Что касается др.-инд., здесь возникают сложности в связи с интерпретацией начального *ph-*.

⁹² Противопоставление редуцированной основы презенса нередуцированной основе претерита было характерно для лик. глаголов, восходящих ко второй серии

Миры в составе стандартной формулы, заключающей текст, ср. TL 89, 2—4: *adi mejē* : *₃tik* : *ε* : *xṭbā* : *tisñke* : *mē ne* : *i* [t] *leni* : *qāti* : *trīmili* : *₄seipm* : *pablāti* *tijāi* ‘если же причинит кто-то ущерб какой-нибудь, то его осудит ликийская община и затем того вытолкнет/изгонит любой’. Если лик. *xṭbā* ‘ущерб’ могло иметь специальное значение, связанное с нарушением чужой гробницы, то значение *pabla-* становится вполне определенным, приближаясь к лат. *pellō*. В то же время наличие других возможностей толкования⁹³ оставляет наше предположение на уровне гипотезы.

11. *pal(h)- ‘широкий’, ‘ровный’: хет. *palḫi-* ‘широкий’, *palḫanu-* ‘erweitern’: лув. *palḫami* ‘широкий’⁹⁴; мил. *palaraima-* ‘площадка’, ‘ровное место’ // и.-е. **pel(H)-*, *pl(H)-* (IEW: **pelə-*, *plā*) : лат. *palam* ‘открыто’; русск. *полюй*⁹⁵, алб. *shpall* ‘открываю’.

Значение мил. *palaraima-* комбинаторно устанавливается на основании контекста TL 44 d 7—9: *albm ubē* : *ti* : *zawa qttid₃e ziti* : *qñnātba* : *xuzrñta xerigasa* : *tu* [k] *a-ḡdrala palaraima* ‘белого быка’⁹⁶ тот⁹⁷ человек принес в жертву

форм (см.: Л. С. Баюн. Некоторые вопросы реконструкции общелувийского глагольного строя // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1984. Ср. еще хет.-лув. **par(h)-* ‘гнать; осквернять’.

⁹³ Так, Х. Оттен относит хет. *paluāi-* к числу глаголов высказывания. Такая интерпретация, поддерживаемая и.-е. **bhel-* ‘говорить’, могла бы соответствовать и лик. *pabla-*. Контекст также не препятствует подобному пониманию (ср.: ‘и затем ему (об этом) сообщат...’).

⁹⁴ *Laroche*. DLL, s. v.: ‘étalé’ как эпитет неба *pal-ha-a-ma-an-za*, лув. в хет. тексте); *O. Carruba*. Der Kasus auf -*ša* des Luwischen // *Investigationes philologicae et comparativae*, Gedenkschrift für H. Kronasser. Wiesbaden, 1982. S. 5 (‘herabgesetzt/gesenkt (?)’).

⁹⁵ Сопоставление хет. *palḫi-* : русск. *полюй* см. уже у Стереванта (The Indo-Hittite Laryngeals. Baltimore, 1942. P. 42). Здесь следует еще раз подчеркнуть, что данная точка зрения находит подтверждение в семантике рассматриваемых слов. Хет. *palḫi-* описывает, по определению Лароша, ‘large, wide-open objects’ (Hattic Deities and their Epithets // JCS. V. 1. 1947. P. 206); русск. *полюй* в диалектах и старых текстах имеет значение ‘открытый, растворенный настежь’. Лат. *palam* не содержит расширения на ларингал (но ср. лат. *plānus* **plH-no-*). См. ниже о мил. *palarai-*.

⁹⁶ Мил. *albmubē* (вин. пад. ед. ч.) ранее переводилось как ‘оба обета’ (*alb-* : хет. *alça-* ‘заклинание, молитва’; **ubel/a:* и.-е. **o/u-bho*): *Mitteilungen des Institute für Orientalforschung*. В. XVII. Hft. 2. 1971. S. 217. Этот перевод, однако, не учитывает требований числового согласования (мил. *alb-* должно стоять во мн. числе). С другой стороны, напрашивается параллель мил. **uba* : общелув. *wawa* (о лик. *iva* как варианте *wawa* см.: *B. Laroche*. *Comparaison du louvite et du lycien* // BSL. T. 62. 1967—1968. P. 46 ff; чередование интервокального смычного со спирантом — обычное явление в лик.); мил. *alb-* сопоставимо с хет. *alpu-*, и.-е. **lbho-* ‘белый, светлый’. В таком случае конструкция принимает вид «определение + определяемое» с нормальным для хет.-

12 богам на площадках *x*. Кериговых для статуй'. Отсутствие общепанат. ларингала в ликийском, где он обычно сохраняется, может быть вызвано контактом с *r*: лик. *palara-* < **pləhra-* < **p̄lhiro-*⁹⁸.

Форма с распространением на *r* и значением, близким к лик., обнаруживается в кельтском, ср. кимр. *llawr* 'solum, pavimentum'.

В то же время некоторые хет. факты могут свидетельствовать о существовании параллельной основы без ларингала. Уже высказывалась идея о связи хет. *palhi-* и *paltana-* 'плечо'⁹⁹, последнее же сопоставляется с греч. *πλάτη* 'лопатка весла', *ὠμοπλάτη* 'лопатка', ирл. *leithe* 'плечо' и др. В кельтском и армянском известны слова с суффиксом **-eno-*, по своей структуре аналогичные хет. *paltana-*, а по значению — хет. *palhi-*: ирл. *lethan* 'широкий' (валл. *llydan*, корн., брет. *ledan*), арм. *layn* 'idem', ср. еще греч. *πλάτανος* 'платан'. Корень без ларингала содержится, видимо, и в хет. ^{GIS}*palzah(h)a-/palzašha-* 'постамент, основание', образованном от **p̄lt-* с отыменными суффиксами *-ha-*, *šha-*¹⁰⁰. [Наличие ларингального элемента в хет.-лув. постулируется для целого ряда именных и глагольных корней (**par(h)-* 'гнать, бить', **paHs(h)-* 'защищать', **tar(h)-* 'побеждать' и др.), где он вычленяется на анатолийском уровне либо при внешних сопоставлениях. У глаголов элемент *-h-* является показателем первоначальной принадлежности ко второй серии форм.]

12. **par-* 'делать ритуально нечистым, осквернять': хет. *paprāi-* 'осквернять(ся)', *paprātar* '(ритуальная) нечистота'; лув. *paratta-* '(ритуальная) не-

лув. порядком слов. Наконец мил. *qtti-* 'забывать (жертвенное животное)' едва ли означает 'высекать (на камне)' (Mitteilungen... S. 217) — это значение известно у мил. *zaza-*. Мил. *qtti-*, лик. *A xttā-* и их производные связаны в ликийском с семантикой жертвоприношения; этимологически они восходят к хет.-лув. **het-/hot-* 'бить, рубить'.

⁹⁷ Лик. *ti-* относительное местоимение 'который'. Если попытаться в переводе отразить особенность его употребления в лик., то предложение должно звучать следующим образом: (d 7—9) 'который человек принес в жертву белого быка... (d 9—10), то затем он (же) установил в... храме (?) ...ритуальный шест (?)'. Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что лик. *tī* часто используется в функции именного идентификатора. Этой проблеме будет посвящено специальное исследование.

⁹⁸ Ср. исчезновение ларингала в лик. *erei* 'из, вне, прочь' < **erhei*, хет.-лув. **arha* 'прочь, вне'. В ряде работ уже высказывалось мнение, что хет.-лув. ларингал в последовательности **-rh-* мог ассимилироваться *r*, если последний был увулярным (а об этом может свидетельствовать чередование *r/h* в хеттском).

⁹⁹ E. Laroche. Hittitica // Revue de philologie. 1949. № 1. P. 38.

¹⁰⁰ Kronasser. Etymologie... S. 166—7.58, где хет. *palza-* связывается с корнем **pelt-/plet-/plt-* и хет. *palhi-* со ссылкой на Хааса (Sprache 7, 1961, p. 88 f.). О других возможных связях хет. *palza(h)ha-*, *palzašha-*, см. ниже, хет.-лув. **pel(t)-* 'часть статуи, гробницы'.

чистота'; иер. *par(a)ta(n)zi* 'проклятия'; мил. *pubra-* 'осквернять' (< **po-pr-*) // и.-е. *(s)*per-*: лит. *spiriu* (< **s-prH-*), *spirti* 'топтать ногами, теснить, нажимать'; лат. *spernō, sprēvi* 'отталкивать, унижать, пренебрегать'; слав. **ръzniti* 'осквернять' (< **per-g-*): русск. (южн.) (с)*порзный* 'жирный; порочный, богохульный, грязный', чеш. *przniti* 'осквернять' и т. д.¹⁰¹

Структура др.-хет. *papri-zzi* (3 л. ед. ч. наст. вр.) соответствует типу индоевропейских атематических презенсов от редуцированных основ, нередуцированная форма которых образует корневые аористы в греко-армяно-арийской диалектной области. По этому формальному признаку кажется возможным сравнить его с др.-инд. *spr-* 'побороть, завоевать, защитить', от которого в «Ригведе» образуются корневые аористические формы.

В хет. и мил. основа **par-* представлена в редуцированном виде, ср., помимо указанных, хет. *papra* «осквернять», *papreš-* «становиться (ритуально) нечистым», причастие *paprant-* и др. Хет. и мил. редупликация может иметь в этом глаголе экспрессивный характер.

В лув. и иер. обнаружены только именные производные от **par-*. Лув. *paratta-* выступает как активная основа на *-nt-*, ср. XXXV 54 III 22—24: ₂₂[a]d-du-ца-al-za-pa-at-ta u-[tar-ša ḫa]l-li-iš-ša ₂₃[pa-r]a-at-ta-an-za a-ap-pa za-(ti par)-ni ₂₄[zi-l]a ni-iš a-ú-i-t [i] 'а злое дело, чистота — нечистота вновь в этот дом отныне да не войдет'. [Для изучения структуры ритуального текста важно отметить частое обращение в лувийском к парным понятиям типа «отец — мать», «чистота — нечистота», «мертвый — живой», образующим дихотомические модели, которые, судя по всему, не включают каких-либо оценочных характеристик. Вопрос этот требует дополнительного исследования, выходящего за рамки настоящей работы.]

Очень вероятна связь хет.-лув. **par-* со следующим корнем.

13. **par(h)-* 'гнать, бить': хет. *parḫ-* 'гнать, травить, охотиться'; лув. *para-*, *papra-* 'гнать, изгонять'; иер. *par(a)-*¹⁰², *paranu-* 'гнать'; лик. *pre-*, *pabra-* 'бить, гнать' // и.-е. **per-* 'бить, наносить удары': слав. **per-ti* «колотить, стирать»; лит. *peĩti, periũ* «бить, сечь банным веником» (< **per-*); см. также хет.-лув. **par-* «делать ритуально нечистым, осквернять».

Распространение на ларингал обнаруживается только в хеттском; в лув. языках — корень с исходом на сонант. Лув. редуцированные и нереду-

¹⁰¹ Славянский материал приводится по Фасмеру: Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971. С. 329.

¹⁰² Иер. (*arha*) *parha* 'я (прочь) изгнал' морфологически членится на основу *rag-* и показатель 1 л. претерита *-ha*. Но эту же форму можно понимать и как императив 'изгони!', и в таком случае надо допустить наличие ларингального элемента в этом иер. корне.

лицированные формы этого глагола употребляются параллельно. Ср. KUB XXXV 43 Vs II 12—13 (многократное действие, лув. *papra-*): [la-la-i-du-u]t-ta pa-ap-ra-ad-du-ut-ta IV-ti pa-pa-ar-ta-a-ti¹³ [] -ti za-ar-ца-ni-ja-ti ar-pu-ца-na-a-ti ... 'пусть он их возьмет, пусть их изгонит с 4 сторон, из z., a...' (далее перечисляются части тела и органы, из которых надо изгнать зло/болезни). В том же тексте (Vs II 10 f.) нередуцированный императив pa-ra-ad-du употребляется при множестве объектов, аналогично мн. ч. императ. pa-ra-an-du в LTU 88 III 7.

Иное соотношение между основами *pre-* и *pabra-* выявляется в ликийском. Редуцированная основа встречается только в презенсе, нередуцированная — в претерите. Ср. TL 44 a 50—52: ska : herikle₅₁ se haxlaza : pabratl : xbite : hri xñtawa-₅₂ tahl : ese tabāna : terñ : ijānā : 'Подобно Гераклу и Ахиллу *гоним* Кавн царский (?) к t. ионийское войско'. Но TL 44 c 51—52: sede kerī trisu : qñhātbisu : prete₅₂ laxadi : srētēni : 'и в k. трижды двенадцать раз он *знал/бил* боем врага'. Оба действия — *papratī* и *prete* обладают сходными видовыми характеристиками (интенсивность, многократность), поэтому объяснение редупликации надо искать вне сферы экспрессивности. Соотнесение мил. глагольных основ, противопоставляющих редуцированный презенс нередуцированному претериту (мил. *xixba-/xba-* 'окроплять', *pibi(je)-/pije* 'давать' и др.) с и.-е. материалом, приводит к выводу о том, что отмеченная в мил. оппозиция релевантна у глагольных основ, восходящих ко второй серии форм¹⁰³. Противопоставление длительных и аористических корней в греческом, индоиранском, выражающееся сходным образом, может быть развитием одной и той же структурной тенденции, общей для аугментного ареала и его периферии.

Нельзя исключить связь между хет.-лув. **par-* 'осквернять' и **par(h)-* 'гнать, бить'¹⁰⁴. В качестве ситуации, способствовавшей пересечению обоих значений, можно рассматривать определенный круг ритуалов, в частности, символику изгнания 'нечистоты'.

14. **parV-* 'дуть': хет. *parā-* 'воздух', *parāi-* 'дуть, надувать, раздувать', *pariparāi-/pariprisk-* 'дуть (в рог или другой музыкальный инструмент)'; пал. *parai-/pari* 'дуть' // и.-е. **proH-* 'дуть; воздух' : греч. *πρήσω* 'надувать', *πίπτειμι* 'зажигать, раздувать огонь'; др.-инд. *prāṇa-* 'дыхание, жизненное дуновение' и др.

¹⁰³ См. подробно: Л. С. Баюн. Хетто-лувийский глагольный строй (Проблемы реконструкции) // Древняя Анатолия. М., 1985.

¹⁰⁴ Наличие данной устойчивой ассоциации (возможно, вторичной) наблюдается в целом ряде и.-е. традиций.

Хет.-лув. **par-* относится к наиболее архаичной части общего лексического фонда. В хеттском глагол *parāi-* встречается в дворцовой хронике времен Хаттусилиса I, в др.-хет. отрывках о хурритских войнах, в военной клятве хеттов и других древних текстах. Ср. КВо IV Rs III 30—32: ₃₀[ца-a-lu]-u-la-an ra-ri-ja-an-zi na-an GİR-it ₃₁[iš-par]-ra-an-zi na-aš-ta ra-ra-a-aš ra-ra-a ₃₂[tar]-na-at-ta-ri 'пузырь надуют и его ногами ₃₁ распластывают и воздух ₃₂ выходит (из него; букв. 'выпускается')'.

С хет. *parāi-* мы вслед за А. Камменхубер¹⁰⁵ связываем пал. *parait, pariparai*. Первый из этих глаголов появляется в контексте KUB XXXV 165 15'—16', который понятен лишь отчасти, но представляет, видимо, фрагмент ритуала: 15' ...n(a: -an š) i-it ni-it-ku-ца-at ra-ra-i-it a-ku-an 16'...(na-an-ši-i-) it nu ša-a-ú- i-da-a-ar ku-it-ku-ца-ar 'и его s. (императ. 2 л. ед. ч.), (чтобы) ни во что не дул; выпито; 16' ... и его s., и рог (музыкальный инструмент) всякий...'.

Редуцированный глагол *pariparai* в последовательности *pariparai ijanpai* 'он дует в рог и идет' может быть в принципе не палайской, а хеттской формой¹⁰⁶.

В анатолийском данный глагол относится ко второй серии форм. О его принадлежности к этой серии в индоевропейском свидетельствует греческая форма с презентной редупликацией и носовым инфиксом¹⁰⁷.

[Связь понятий 'дуть' ~ 'разжигать', прослеживаемая в др.-хет. ḫa-aš-ši-[i] ra-aḫ-ḫu-ur ra-ra-iš-[te-ni] 'в очаге огонь раздувать будете' (2 ВоТУ 10β 23—24, см. выше), обнаруживается отчетливо и на греческом материале и является, вероятно, отражением устойчивой и.-е. (возможно анаграмматической, ср. *r...r...r) формулы, обозначающей разжигание огня (гомер. *πίπος ἔπρησον*; ср. еще развитие семантики греч. *πίμπρημι*: 'дуть' → 'раздувать (огонь)' → 'сжигать'). Что же касается анатолийского, то здесь сочетание 'жечь огонь' может передаваться и посредством **pahur ɥar-*¹⁰⁸.]

15. **pars-* 'разбивать, разделять, разламывать': хет. *parš-* 'разбивать, разламывать' (переходн.); 'бежать' (непереходн.)¹⁰⁹, *paršāi-/ija-* 'разбивать, раз-

¹⁰⁵ А. Камменхубер. Das Palaische // RHA. 1959. Т. 64. S. 54. О хет. *parāi-* см. еще: van Brock. Les thèmes verbaux à redoublement... P. 155.

¹⁰⁶ Лувийские и палайские тексты ритуального характера часто содержат вкрапления (иногда довольно значительного объема) на хеттском языке, описывающие поведение участников действия и выполняющие таким образом роль авторских ремарок.

¹⁰⁷ О связи этих двух морфологических моделей со второй серией форм см., в частности: В. В. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981. Гл. III.

¹⁰⁸ Родственно арм. *vařet* 'зажигаю', *vařim* 'горю', др.-русс. *варити* и др. (Пок. S. 1166).

¹⁰⁹ О связи значений 'разрывать' и 'бежать' у хет. *parš* см.: Bader. Persée... P. 5 f.

делять, разламывать (о хлебе)»; лув. *parš-* 'ломать', *paršul-* 'крошка'¹¹⁰ // и.-е. **(s)per-* 'разрезать, делить, ломать': греч. *σπαράσσω* 'разрывать'; герм. **sper-* 'рвать' (др.-исл. *spjorr* 'лохмотья'); лит. *spùrti* 'обтрепываться (об одежде)'; русск. *пороть* (одежду).

В хеттском представлены следующие производные от *parš-*: ^{NINDA}*parša-* 'крошка (хлеба)', *paršiul* из *parš* + *i* + *u* + *l* 'кусок, ломоть (хлеба)', (*arḫa*) *paršulāi-* 'ломать на куски'; *paršulli-* 'кусок, ломоть'; *paršur-* 'рагу (?)'¹¹¹; кушанье, подаваемое нарезанным на куски (?).

Ср. примеры употребления хеттск. *parša-* «разбивать, разделять, разламывать (о хлебе)». Ритуал Туннави I 27: *na-aš ma-a - a-an ɥa-ar-ru-i a-ri nu 1 NINDA.SIG. ɥa-ar-ru-ɥa-aš* ^DМАḤ *pár-ši-ja* 'И когда она (жрица) выходит на берег, она ломает 1 тонкий хлеб для духа реки/берега'; там же, III 57: *nu ɥa-ar-ru-ú-i 1 NINDA.SIG. pá-r-ši-ja* 'на берегу она (жрица) ломает 1 тонкий хлеб (для духа реки/берега)'.

Примеры на однокоренные образования. Хет. *parša-* 'крошка (хлеба)' (Туннави I 48): *ŠA NINDA ɥa-ak-ki-šar pá-r-ša-aš* 'от завтрака (?) — крошки'; хет. *paršur-* 'рагу' (?) (билингва Хаттусилиса III, 50—51): *nu NINDA KUR₄RA^{HIA}-ŠU iš-pa-an-du-uz-zi-iš-me-it pá-r-šu-ur-še-me-it-ta me-ma-al-še-me-it ša-ra-a ar-ta-ru* 'Ваш хлеб и ваше вино, ваше рагу (?) и каша должны быть поданы!'.

Таким образом, хет. *parš-* и однокоренные образования выступают в текстах преимущественно со значением 'ломать, крошить (о хлебе, пище)'.

Лув. *parš-* представлено формой *par-ša-an-da-an-za* (им. пад. ед. ч.) в XXXV 88 Vs II 8 (заклинание от болезни): *ṛ[] .ŠU^{MES} -an-ta zi-i-la...-am-mi-ti-[]₈ (GĪR^{MES} -an) -ta si-i-la par-ša-an-da-an-za...* 'ṛ[] руках теперь... , []₈ (в ногах) теперь перелом (?)'¹¹². В данном тексте лув. *paršandanza* (с «активизирующим» суффиксом **-nt-*) обозначает, очевидно, какой-то недуг как активное начало¹¹³.

Лув. *paršulza* 'крошка' (КВо VII 68 II 9) содержит показатель им.-вин. пад. ед. ч. имен среднего рода *-za*, однако суффикс *-ul* может указывать на хет. происхождение слова (в лув. обычно *-(u)ɥal*).

В хет.-лув. **pars-* исторически выделяется элемент *-š-*, характерный для архаичных хет. глаголов типа *karš-* 'резать', *ḫarš-* 'разрывать, пахать' и др.

¹¹⁰ См.: DLL. P. 80.

¹¹¹ НАВ. 3. 30; 173.

¹¹² В реконструкции начала стк. 8 мы исходили из того, что наиболее вероятным в подобных перечнях частей тела, различных категорий населения и т. п. будет появление «парного» понятия; сочетание 'руки — ноги' часто встречается в текстах различных анатолийских традиций.

¹¹³ Ср. аналогичные примеры из хеттского, собранные в кн.: В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965. Гл. II.

Основа **par-s-*, видимо, связана с и.-е. **per-/*por-* ‘бить, ударять’, к которому может непосредственно восходить хет.-лув. **par(h)-* ‘гнать’ (см.).

16. **pars-* (ср. *ṽarš-*) ‘брызгать’: хет. *papparš-* ‘брызгать, поливать’ (ср. лув. *ṽarša* ‘капля’) // и.-е. **pers-* (ср. **huers-*) ‘брызгать, течь’: др.-инд. *pr̥ṣ-* ‘обрызгивать’ (причастие *p̥ṣat-* в Ригведе), *p̥ṣat* ‘капля’; тохар. А *pārs-*, каузатив. причаст. *rapārs-* ‘обрызгивать, опрыскивать’; чешск. *prýskati* ‘брызгать, прыскать; трескаться’, серб.-хорв. *pr̥-porošiti(ce)* ‘моросить’ (ср. др.-инд. *várṣati* ‘идти’ (о дожде), греч. *ἔεργη* ‘дождь’).

И.-е. **(po)pe/or-s-*, по-видимому, основа с длительно-интенсивным значением, связывавшимся с суффиксом **-s-* (вероятно, уже в общеиндоевропейском) и с редупликацией (последнее — в анатолийском, где редупликация в этой аспектоидной функции позднее вытесняется суффиксом *-s-*; в исторический период хеттского языка основа *rap-parš-*, очевидно, уже становится неразложимой).

[В индоевропейском или праанатолийском можно предположить существование «рифмующегося» (ономатопозитического или «дескриптивного»?) глагола **(yo)ṽe/ors-* < *Ḥe/ors-*¹¹⁴ с теми же неформальными особенностями¹¹⁵. Возможность сведения анлаута к некоторой единой общей фонеме в общеиндоевропейском или анатолийском опирается в целесообразность и необходимость реконструкции спيرانта типа **f* (в хуррито-хаттско-лувийском варианте клинописи передававшегося знаками для *p-* и *ṽ-* попеременно), ср. позднейшие чередования *p ~ f* в хаттских и хурритских заимствованиях в

¹¹⁴ Возможность реконструкции в этой основе лабиоларингального **N^w(*N^ч)* зависит от принимаемой общей схемы числа ларингальных.

¹¹⁵ Существует точка зрения, согласно которой вариативность начальных элементов объясняется наличием древнейших «преформативов» в структуре и.-е. корня (Л. Г. Герценберг. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972. Гл. IV).

Не исключено, что *-s-* в **Huers* является расширением исходного корня, вычленимого в хет. *ḥurnā-* < **ḥer-nə-*, каузатив с формантом **na/*nə* ‘окроплять’, пал. *ḥeri*: и.-е. **Heur-/*Ḥer-* ‘жидкость, влажный’ (о последнем см.: *Иллич-Свитыч. Соответствия смычных...* С. 337). Об архаичности **Ḥer-s-* говорят данные внешнего сравнения: этот корень известен в афразийском (араб. *gwr* ‘погружаться, впитываться, уходить в землю — о воде’; сомал. *hūr* ‘озеро’), алтайском (монгол. *urus* ‘течь’, хакас. *iry* ‘лить’), картвельском (груз. *ṽwar-* ‘лить(ся) обильно’, чан. *ṽwar-* ‘промокать’), а также в северокавказском, где он может представлять собой древнее ностратическое (индоевропейское) заимствование. Восстанавливаемая праформа содержит начальный поствелярный (ностратич. **j*), который во многих ностратических языках обнаруживает тенденцию к спирализации с последующей утратой (*Иллич-Свитыч. Соответствия смычных...* С. 333, 337).

хеттском, где можно было бы видеть и след развития типа $*p > f$ в исторический период хеттского.]

Все древние написания хет. *papparš-* свидетельствуют в пользу того, что в древнехеттском ударение могло падать на первый слог, но не на второй ($*pe/oprš-$): 3 л. ед. ч. *pa-ar-pár-aš-zi* (КВо XXI 34 II 30; КВо VI 34 IV 4, среднехет. ритуал), 3 л. мн. ч. *pa-ar-pár-ša-an-zi* (КВо XXIII 23 Vs 61', KUB XLIV 46 Rs 16'). Альтернативным объяснением написания первого слога посредством *pa-ar-* могло бы быть стремление передать сдвоенное *-pp-* (из $*-p-$, но характерно регулярное написание второго слога посредством знака *-pár-*; почти никогда *-pa-ar-*).

Хет. *papparš-* встречается в архаичных текстах ритуального характера, где речь идет об окроплении водой «дома бога» (=храма) или его «путей»: *nu-kán É DINGIR^{LIM} ša-an-ḥa-an-zi pa-ar-pár-ša-an-zi* 'и дом бога они скребут и опрыскивают' (KUB XXXI 113 I 12—13): *ka-a-ša IŠ-TU ¼À.DÜG.GA ŠA, ^DTe-le-bi-nu KAS^{HIA} KA pa-ra-ar-aš-ḥu-un nu-uš-ša-an ^DTe-le-bi-nu-uš ¼À.DÜG.GA-it pa-ar-par' -aš-ša-an-ta* 'Смотри! Твои пути, (пути) Телепина благовонным маслом я окропил; и они благовонным маслом окроплены, о Телепин' (KUB XVII 10 II 28—29). Эти хеттские обряды, в которых окропление водой, обозначаемое глаголом *papparš-*, соединяется с умощением благовониями, близки к индоиранским (в том числе древнеиндийским), где говорится об окроплении земли¹¹⁶. Это сопоставление находит поддержку в использовании тохар. *pärš-* в сакральной формуле *pärsästär tkaṃ ṅkät* 'окропляется земля-бог'.

В Ригведе архаическое причастие *pr̥ṣat* от глагола *pr̥ṣ-* 'обрызгивать' встречается применительно к облакам в сочетании *pr̥ṣantam ūrvám* 'обрызгивающее облако' (вин. п.). По-видимому, след аналогичного словоупотребления сохранен в славянском, где глагол типа серб.-хорв. *п̣порошити(се)* (с интенсивной редупликацией в отличие от нормальной редупликации в хеттском и тохарском) относится к «порошению» дождя и его распылению, а производное от него имя (серб.-хорв. *п̣поруша, п̣пеперуша*) обозначает участника ритуала вызывания дождя, которого обливали водой (магия уподобления). Отчасти сходное употребление хет. *papparš-* сохранилось в среднехеттском ритуале заклинания от семейной ссоры (KUB XXII 115 III 20—21 + КВо II 3 II 28—29): *nu ^{SAL}ŠU.GI A-[N]A 2 BE-EL SISKUR.SISKUR ¼a-a-tar ša-ra-a* (вариант *še-er ar-ḥa*) *pa-ra-ar-aš-zi na-aš par-ku-nu-zi nu ^{SAL}ŠU.GI ¼a-a-tar [i] š-na-an-na da-i na-[aš-(ma-aš-kán ¼a-a-tar)] ša-ra-a pa-ar-par-aš-zi na-aš šu-up-ri-ia-a- (ḥ-ḥ) i* 'И (жрица) Старая Женщина обрызгивает сверху водой двух людей, ради которых совершается обряд (букв.: двух господ ритуала) и их

¹¹⁶ См. об этом сопоставлении: *H. Ehelolf. Zum hethitischen Lexikon // KF. 1927. B. I. Hft. 1. S. 149.*

очищает. И Старая Женщина их обрызгивает водой и делает их чистыми (в ритуальном отношении)'. К тому же архаическому кругу обрядовых хеттских текстов, имеющих дословные параллели в цикле, связанном с Телепину¹¹⁷ (первоначальная версия которого бесспорно восходит к древнехеттским переводам с хаттского), принадлежит и использование *papparš-* в связи с магией уподобления, например в среднехеттской военной клятве (КВо VI/34 Rs IV 4—8): ₄nu-uš-ša-an pa-aḥ-ḥu-e-ni ца-a-tar pa-ap-pár-aš-zi ₅nu-uš-ma-aš kiš-an te-iz-zi ki-i-ja-aš-ta ₆ца-ra-a-an pa-aḥ-ḥur GIM-an ki-iš-ta-ti ₇na-aš-ta ku-iš ku-u-uš NI-IŠ, DINGIR^{MEŠ} šar-ri-iz-zi ₈na-an ki-e NI-IŠ DINGIR^{MEŠ} ap-pa-an-du 'И он огонь обрызгивает водой и им так говорит: «Так же как это (т. е. вода) горящий огонь гасит, так (и тот) который клятву нарушит, его боги клятвы схватят»'¹¹⁸.

Лув. (*u*)*uarsa-* также связано со сферой ритуальной лексики, ср. XXXV 54 Rs III 25—26 (ритуал очищения дома): ₂₅[ца-a] -ar-ša ku-ца-ti-i-in ha- [I]a-a-al₂₆ [a-] ta ḥa-la-a-al a-aš-du '(так же) как чиста капля, пусть это будет чистым'. Дальнейшее развитие хет.-лув. **p/uars* в позднеанатолийских языках проследить не удастся, так как в лидийском этот корень не обнаружен, а в ликийском он оказался вытесненным глаголом (*xi*)*xba-* 'брызгать, окроплять' исторически связанным с хет.-лув. и и.-е. названием воды **Hop-*.

17. **parsna-* 'часть ноги, пятка': хет. *paršna-* 'пята (?)', 'бедро (??)'¹¹⁹ // и.-е. **pe/orсно-* 'пята, часть ноги': др.-инд. *párṣni*, гот. *fairzna*, греч. πτέρον 'пята', 'пятка'; тохар. В *portsaisa* 'щиколотка' < **porsno-*¹²⁰.

Хет. *paršna-* встречается в мифе о Кумарби (KUB XXXIII 120 I 25, где речь идет о части тела взлетающего бога, которую сумел схватить его преследователь (по контексту, скорее всего, часть ноги¹²¹), в форме *pár-ši-nu-uš-šu-uš* 'его *p.*'. Значение *parš(i)na* выводится и из сопоставления с родственными словами в других и.-е. языках. Хет. *paršna-*, как и родственные слова и другие названия частей тела в и.-е. языках, образовано при помощи суффикса

¹¹⁷ N. Oettinger. Die militärischen Eide der Hethiter (StBoT. 22). Wiesbaden, 1976. S. 49.

¹¹⁸ Интересно отметить здесь употребление относительного местоимения *kui-* 'который' в выражениях *ki-e NI-IŠ DINGIR^{MEŠ}* 'которые/эти божества клятвы', *ku-u-uš NI-IŠ DINGIR^{MEŠ}* 'этих божеств клятвы'. В этих и подобных случаях местоимение *kui-* выступает в качестве артиклеобразного именного идентификатора.

¹¹⁹ И. Фридрих (HW. Erg. Heft 3. 1955. S. 26) предполагал для хет. *parš(i)na-* значение 'скула, щека', которое плохо согласуется с семантикой глагола *paršnāi-* (см. ниже).

¹²⁰ D. Q. Adams. Studies in Tocharian vocabulary. II. Words pertaining to the lower limbs in Tocharian B // JAOS. 1983. V. 103. № 3. P. 612.

¹²¹ F. Sommer. Hethitisch *paršnā-* und *paršna* // Ar Or. 1949. V. XVII. P. 2. P. 374 ff.

-n-, ср. хет. *paltana* ‘плечо’ и др. Возможна связь основы **parsna-* с хет. *parš-* ‘разбивать, разламывать; бежать’.

В хеттском засвидетельствован также отыменной глагол *paršnā(i)* ‘сидеться на корточки’¹²², который мог обозначать некоторое ритуальное действие, чаще все го связываемое с кравчим (^{LÜ}SILA.ŠU.DU₈), ср. ритуал AN.TAḤ.ŠUM, KUB XXV 1 VI 11 слл.: nu ^{LÜ}SILA. ŠU.DU₈. A ku-iš ḥa-aš-ši-i ta-pu-uš-za pá-r-aš-na-an ḥar-zi ta-aš ša-ra-a ti-i-ja-zi ta-aš LUGAL-i UŠ-KE EN ‘и кравчий, который у очага присел на корточки, встает и царю кланяется’.

18. **parstu-* ‘почки, сочные побеги’: хет. *paršdu* // и.-е. **b^hrs-dhu-* : лит. *brazdù-* ‘сочный’, *brāzdas*, *brazdà* ‘сок под древесной корой, время весны, когда у деревьев много сока’, ср. др.-исл. *brod-dur* ‘коровье и овечье молоко в первые дни после отела’¹²³ (соотношение со слав. **brъstь* ‘нежная почка на дереве’¹²⁴, укр. *бросць* ‘почка на дереве’, фонетически менее ясно).

Хет. *paršdu-* (сущ. одуш. р.) встречается в архаическом мифологическом контексте, где речь идет о засухе после исчезновения бога плодородия — Телепину (KUB XVII 10 I 16—17, ср. вариант KUB XXIII 24 14—15): GIŠ^{III.A}-ru-ḥa-a-az-ta ḥa-aš-ta pá-r-aš-du-uš Ú.UL ú-e-iz-zi ‘Дерево высохло, и побег (почка из него) не выходит’. В медицинских текстах говорится о *paršdu-n* (вин. п., ед. ч. общ. рода) почке растения, из которой выдавливается сок для приготовления зелья (KUB XLIV 63 Vs. II 9’). Менее ясен древнехеттский фрагмент, где речь идет о том, что «в побеге зажигает (ся)...» pá-r-aš-tu lu-uk-ki-iz-zi... (КВо XXV 14 II 7; в этом фрагменте древнехеттского дукта, скорее всего, использован локатив с нулевым окончанием).

Повторяющееся в хеттских формах им. и вин. п. ед. ч. в об. р. написание со сдвоенным гласным *-du-u...* в этом слове может быть истолковано как след индоевропейской окситонезы (парадигмы с конечным или подвижным

¹²² Об этом глаголе см.: *H. Pedersen. Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. København, 1938. S. 158. Abb. 1; E. Neu. Studie über den Gebrauch von Genitivformen auf -uas des hethitischen Verbal-substantivs -uar // Gedenkschrift Kronasser. Wiesbaden, 1982. S. 118 ff.*

¹²³ *J. Hilmarsson. Lithuanian brāzdas, Hittite pá-r-aš-du-uš (and Icelandic broddur) // Baltistica. 1984. XX (1). S. 40—44.*

¹²⁴ *J. Knobloch. Kratylos. 1959. Bd. IV. S. 34; ЭССЯ. Вып. 3. М., 1976. С. 58.* Трудность состоит в объяснении корневого вокализма, который обычно связывался с корнем **bhr(e)u-s-*, что исключало бы прямое сопоставление с хеттским. Поскольку в некоторых контекстах хет. *paršdu* может иметь отношение к виноградной лозе (KUB XII 44 II 30), известные семантические основания есть и у этимологии, сближающей с арм. *ort* ‘виноградная лоза’, греч. *πρόρδος* ‘побег’: *J. J. S. Weitenberg. Armenisch. ort* ‘Weinstock, Rebe’, griechisch *πρόρδος* und hethitisch *paršdu* // *KZ. 1975. Bd. 89. Hft. 1. S. 66—75; Idem. Die hethitischen U-Stämme. Amsterdam, 1984. S. 236, 461.*

акцентом-тоном)¹²⁵, что согласовалось бы с ударением лит. *brazdūs, birzdūklis* ‘деревяшка, пришитая вместо пуговицы’).

19. *part- ‘часть’: хет. *partāi-* ‘(Wolle) aufzupfen (?), entwirren (?)’ (HW¹. S. 164); лув. *parta/i-* ‘часть’; лик. *partta-* ‘idem’ (?) // и.-е. **pṛt-/p^ort*: лат. *pars* (< **parts*) ‘часть’.

Хет. *partāi-* известно из ритуала Туннави (KUB XII 54—55): *nam-ma SAL.ŠU.[GI SÍG.ZA.GÌN] SÍG.SA₅ da-a-i₅₅ na-at pá-r-ta-a-iz-zi* ‘затем жрица «Старая женщина» берет синюю шерсть (и) красную шерсть и разматывает / разделяет ее’. Очевидно, что значение ‘раздирать (шерсть) на части’ появилось в результате сужения первичного значения ‘делить’¹²⁶. Сюда же относятся хет. итератив *partipartišk-* (KUB XVII 3 III 8), см. DLL., p. 80, а также лув. обозначение хлеба *NINDA pá-r-ta-an-ni-in-zi* (ibid., p. 80).

Лув. *parta-* ‘сторона, бок’ представлено только в сочетании с числительным ‘четыре’. В текстах встречаются формы отложит.-творит. падежа ед. и множ. числа. Ср. KUB XXXV 43 II 12 *la-la-id-du-ut-ta pa-ap-ra-ad-du-ut-ta IV-ti pá-r-ta-ti* ‘пусть возьмет их и изгонит с четырех сторон’; KUB XXXV 54 III 10 *a-ta-at-ta pa-ri pat-za-du MAŠ.GAL-iš IV-ti pá-r-ta-ti* ‘пусть он их отгонит, козел, с четырех сторон’; KUB XXXII 14 + XXXII 5 62: *la-la-id-du-ut-ta pa-ap-ra-ad-du-ut-ta IV pá-r-ta-ti* ‘пусть возьмет их и гонит их с четырех сторон’¹²⁷.

Лик. *partta-*, которое, вероятно, восходит к тому же корню, засвидетельствовано производными *parttulaimi-* (причастие от **parttulai-* ‘делить, отделять’) и *partta-la-* ‘часть, доля’¹²⁸, ср. TL 35 14 слл.: *se kbi parttalā xzuna si₁₅di ddalidi se tamas xñtatas₁₆ se kbi parttalā azi se ikuwaz [i]* ‘и две¹²⁹ части для

¹²⁵ К интерпретации Pleneschreibung как обозначения акцента — икта или тона см.: *G. R. Hart. Some observations on plene-writing in Hittite // Bulletin of the Oriental and African Studies. 1980. Vol. 43; O. Carruba. Pleneschreibung und Betonung im Hethitischen // KZ. 1981. Bd. 95. Hft. 2. S. 232—248; Иванов. Новый источник...*

¹²⁶ Ср. соотношение в лат. *pars* ‘часть’ и *partio* ‘делить, разделять’.

¹²⁷ О лув. *parta-*: лат. *pars* см.: *В. В. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания. 9—16. С. 145.*

¹²⁸ Степень *-ar-* лик. основы указывает на ее баритонированность (иначе следовало бы ожидать **pṛtta-*). Эта же полная огласовка сохраняется во всех лик. производных от данной основы.

¹²⁹ Лик. *A kbi* (мил. *tbi*) обычно возводится к и.-е. **ḍwo-* ‘2’ (лик. *A kb-* является рефлексом и.-е. сочетаний «дентальный + *ḍ*»). Ед. число лик. *A parttala-* нормальная форма существительного при любом числительном в этом диалекте (ср. лик. *A* вин. пад. ед. числа *kñmasñta wawā se kñmasñta xawā* ‘*X*. быков (вин. ед.) и *X*. овец (вин. ед.)’, *wawā trisñni* ‘быков (вин. ед.) тридцать (?)’), в отличие от миллийского, где существительное в таких конструкциях стоит во множ. числе, ср. дат. пад. мн. числа *zawa qñnātba* ‘12 богам (дат. мн.)’.

жертвоприношения¹³⁰ оставляет, и (также) *t.x.* (вин. п. мн. ч.), и две части для *a* и *i*¹³¹.

Отношение хет.-лув. и лат. **part-* ‘часть’ к сфере ритуальной лексики находит, таким образом, подтверждение в ликийском материале, где термин *parttala* появляется в непосредственной связи с ситуацией жертвоприношения.

Не очень ясно, как соотносятся с хет.-лув. **part-* лидийские глагольные корни *farto-* и/или *fratini-*. Глагол *farto-*, по всей вероятности, означает ‘выделять, давать’; этот корень представлен формой претерита 3 л. ед. мн. ч. Ср. LW 14, 13 ff: *fam qiraλ [...] trol dumvit [] otrav ađaly fartol [...] ś [] tartas fakmis col* ‘и владеет же имуществом, а когда Артемиде¹³² выделил (*fartol*) *otra-* (вин. ед.), (и) он его посвятил (*col*)...’.

Лид. *fratini-* — производная глагольная основа с суффиксом *-ni-* (семантика его неясна). Этот глагол выступает в сочетании с *bidē* (*v*) ‘вред’ и имеет значение ‘причинить, нанести’ (в семантически сходных конструкциях рядом с *bidē-* стоит глагол *i-* ‘делать’), ср. LW, 46, 2: *aład dētnid fasabid qi[s]bidēv fratimid buvas fīsfid [i] st* ‘чужое имущество не (f.)ет, кто вред причинит или что-либо (другое) сделает’.

20. **pas-* ‘глотать’: хет. *paš-*; лув. *paš(š)-* ‘idem’ // и.-е. **poH-* ‘пить’ (?) со старым формообразующим суффиксом **-s-*.

Хет. *paš-* встречается в составе глагольных форм (3 л. ед. наст. *pa-a-ši*, претер. *pa-aš-ta*, императ. *pa-a-šu*) и именных производных: ^{LU}*pašandala-* (работник дворцовой кухни, ‘дегустатор’?), *pašattar* ‘глоток’?

Лув. инфинитив *pa-aš-šu-u-na* является единственным достоверным нехетским свидетельством; известен из текста KUB XXIV 7 III 31¹³³, ср. также форму с глоссовым клином *pa-aš-ki-iz-zi*.

Предположение о связи хет.-лув. **pas-* с и.-е. **poH-*, **pō(i)-* ‘пить’¹³⁴ основано на сближении с формами без *-i-* типа др.-инд. *a-pā-s* ‘он выпил’. Менее вероятно сопоставление с и.-е. **poh-s-* ‘пасти; защищать, охранять; питать’ (последнее без натяжек связывается с хет. *paḥš-* и др., см. хет.-лув. **pah-s-*), если только эта основа сама не связана (как каузатив) с и.-е. **poH-(s-)* ‘пить’,

¹³⁰ Лик. инфинитив *xzzuna* связан с хет.-лув. **hat/*het-* ‘бить; приносить в жертву’, ср. мил. *qtti-* ‘забивать (жертвенное животное)’, лик. *A xta-* ‘бить, высекать’, *xṭba* ‘жертва’. Лик. *xzz-* из **hat-s-* содержит, вероятно, хет.-лув. суффикс итеративов *-s-*.

¹³¹ Имя собственное? Ср. лик. *A ikkwēmi* при греч. *Ἐυδωμῆς*.

¹³² О лид. *adal-* как эпитете Артемиды см., в частности: П. Н. Ушаков. Эпиграфические памятники Лидии // ВДИ. 1940. № 3. С. 52 (этимологические сближения автора не выдерживают критики).

¹³³ Об этом глаголе см.: J. Friedrich // RHA. 47. 18.

¹³⁴ Oettinger. Die Stammbildung... S. 435 (с дальнейшей библиографией).

но различное отражение ларингального нуждалось бы тогда в объяснении. Никаких других приемлемых гипотез нет.

21. **pat-r* ‘блюдо; покрывало’: хет. ^(G1)*pattar* ‘табличка; поднос; покрывало; (тростниковое) блюдо / корзина (?)’, ^{G1S}*paddur* ‘блюдо’ // и.-е. **pet(ə)*- ‘распространяться, быть широким’: др.-инд. *patra* ‘чаша’, авест. *paθana* ‘широкий’; лат. *patera*, греч. *πατάνη* ‘чаша для возлияний’ (но визант. *πατάρα ἄγγος*); сюда же греч. *πετάλλωμι* ‘распространять’, лат. *pateo* ‘открывать’, *pator* ‘отверстие’¹³⁵.

Хет. *pattar* относится к гетероклитическому типу склонения. В родственных языках, где гетерокритический тип не сохранился, обобщена одна из основ (на *-r-* в древнеиндийском и латинском и на *-n-* в греческом, ср. выше др.-инд. *patra*, лат. *patera*, но греч. *πατάνη*). Такое распределение может свидетельствовать о сравнительно поздней утрате гетероклитических форм и.-е. **pet-r*/**pət-en-*.

Хет. *pattar* часто появляется в ритуальных текстах; в некоторых случаях затруднительно разграничить употребление хет. *pattar* ‘крыло’ и ^{G1}*pattar* ‘блюдо; покрывало’; ср. типологически сходное вторичное семантическое сближение: рус. *крыло* (этимологически тождественное лит. *skriėti* ‘летать’, др.-исл. *skriða* ‘уходить’) и *крыть* (этимологически тождественное лит. *kraūti* ‘покрывать’, греч. *κρύπτω* ‘скрывать’, др.-исл. *hraukr* ‘куча’).

Примеры употребления *pattar* в хеттских текстах: Во 2357 I 9—10: *na-at-kán hu-m[a(?)]-na-at-kán GAL-li pad-da-ni te-eḫ-ḫi* ‘и это все я беру и кладу на большое блюдо’. KUB XXIV 11 II 23—24: *nu-uš-ša-an KAR-aš ḫal-ki-in te-pu NINDA pa-aš-šu-uš* ^{G1S}BAN 3 ^{G1S}G1^{HI.A}-ja pad-da-ni an-da da-a-i ‘и он кладет немного хлебов, хлебá *p.* и 3 стрелы для лука на поднос (блюдо)’. Ритуал Туннави I 51: *nu-uš-ša-an ki-i hu-u- ma-an* ^{G1}pad-da-ni-i kat-ta ḫa-an-da-iz-zi ‘И все это она (жрица) кладет на (тростниковое) блюдо’; там же, II. 40: *nam-ma-aš-ša-an SÍG ZA.GÌN. SfG.SA₅ pad-da-ni kat-ta da-a-i* ‘потом она (жрица) кладет синюю шерсть и красную шерсть на поднос (блюдо)’; там же, III.11—14: *nu-kán* ^{G1S}GA.ZUM. ^{G1S}ḫIA ^{G1S}šar-ra-an pat-tar TÙG.GÙ É[A.GE₆] [TÙG.GAD.DA] M GE₆ *ku-it-ši-iš-ša-an ku-it an-da e-eš-ta na-at EGIR-an ÍD-i tar-na-i* ‘И гребни, щетку, покрывало, черную рубаху, черные гамашы (?), что бы на ней/нем ни было, она (жрица) это вновь несет к реке’ (Гетце предлагает в данном случае

¹³⁵ К этому же и.-е. корню может восходить хет. *pittalqa-* ‘свежий, первоклассный; простой (о зерне)’ (*H. Puhvel* The Hittite Words with initial *pīt/pát* Sign. P. 209 ff.), происходящее в таком случае из сочетания **pet-* с суффиксами *-l-* и *-w-*, ср. греч. *πταλος* ‘распростертый’, лат. *petilus* ‘скудный, простой’ (к соотношению понятий *плоский, распростертый: простой* ср. англ. *plain*); возможно, сюда же относится русск. *пеклеванный*, где *кл* из **tl*. Этот же корень может содержаться и в хет. ^{SIG}*pittula* ‘петля, повязка’, сопоставляемом Пухвелом с гот. *faða* ‘ограда’ (Op. cit. P. 209).

переводить *pattar* как 'крыло'; но поскольку речь идет о предметах туалета и одеяниях, более подходящим представляется перевод *pattar* как 'покрывало').

22. **pat-r* 'крыло': хет. *pattar* (род. пад. *pattanaš*) 'крыло' // и.-е. **pet-/ptē-* 'падать; летать': греч. *πέτομαι* 'летать; падать; бежать'; др.-инд. *pát(ati)* 'летать; падать'.

Хет. *pattar* относится к гетероклитическому склонению. В его парадигме основа субъектно-объектных падежей на *-r-* (*pattar* из **pát-r-*, ср. написание *pa-at-tar*: Во 26 50 II 51, передающее ударный гласный) противопоставлена основе косвенных падежей на *-n-* (*pattan-* из **pat-án-*, ср. передачу ударения на окончании в формах косвенных падежей: ед. ч. мест. пад. *píd-da-ni-i* (ритуал Туннави I 51, ритуал Аннивианни VBoT 24 I 19, 24? KUB IX 6 + XXXV 39 I 12, 14), отложит. пад. *píd-da-na-az*, мн. ч. род. пад. *pít(-ta)-na-aš*, Во 2650 I 13, 26). Гетероклитические формы у этого образования сохранились только в хеттском языке. В большинстве других индоевропейских языков обобщена основа на *-r-*, ср. арм. *pter* 'полет', греч. *πτέρον*, др.-инд. *patra* 'крыло', др.-англ. *feðer*, новоангл. *feather*, нем. *Feder*, др.-исл. *fjoðr* 'перо'; в др.-ирл. *én* — основа на *-n-*. По-видимому, утрата гетероклитических форм этого слова — явление древнее, ср. переосмысление в др.-инд. *patra* 'крыло' как слова с суффиксом *-tra* и позднее вторичное образование *patatra* 'крыло'.

Стертевант¹³⁶ предложил сопоставление хет. *pattar* (или *pittar*?) 'крыло' с *paddāi-* 'бежать, спешить' (см. в настоящей статье о сопоставлении *paddāi-* с *pad-* 'нога'); ср. точку зрения Бехтеля, связывающего хет. *paddāi-* с и.-е. **ptē-* 'летать'¹³⁷. Однако в данном случае остается неясным семантическое развитие 'летать' → 'бежать'.

Принадлежность *pattar* к древнейшему лексическому фонду хеттского языка подтверждается его вхождением в состав сложного слова *pattarpalhi-* 'ширококрылый' (название птицы, используемой при гадании)¹³⁸. Это архаичное образование, отражающее древний тип словосочетаний с постпозицией определения по отношению к определяемому слову, ср. распространенную препозицию определения в хеттском, например, *kunnaz keššeraz* 'правой рукой'¹³⁹. Эта препозиция отражается в сложных словах более позднего образования, ср. хет. *šallakarta-*, *šalla-karteššar* 'высокомерие, гордыня' (из *salli-*

¹³⁶ См.: E. Sturtevant, A. Hahn. Comparative Grammar of the Hittite Language. 2 ed. New Haven, 1951. P. 59, 63.

¹³⁷ L. Bechtel. Hittite Verbs in *-šk-* // Ann Arbor, 1936. P. 24.

¹³⁸ О хет. *pattarpalhi* в связи с семантикой этого слова и параллельными образованиями в кельтских языках см.: F. Sommer. Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 59.

¹³⁹ И. Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1953. § 229 а.

‘высокий’ + *kart(a)*- ‘сердце’) ¹⁴⁰. Ср. сходное по структуре с *pattarpalḫi*- образование (сложное слово типа бахуврихи) *uezapant*- ‘старый’ (букв. ‘год прошедший’: *uez-* + *pant-*). В хеттском постпозитивное употребление имеют обычно определения, выраженные неопределенными местоимениями *kuiški*, *kuitki* ‘кто-то, что-то’ или словом *ḫumant*- ‘весь’, ср. хет. *LÚ-aš ku-iš-ki* ‘какой-то человек’, *KUR-aš ḫumandaš* ‘все страны’. О древности сложных слов, отражающих постпозицию определения, свидетельствует наличие в каппадокийских табличках слов типа *niwaššu* (*aššu* этимологически тождественно хет. *aššu*- ‘благой, хороший’); ср. постпозицию приложения в родственных и.-е. языках, где, как и в хеттском, определение чаще предшествует определяемому слову: греч. *ζεύς πατήρ*, лат. *Jupiter*.

Хет. *pattar* ‘крыло’ широко употребляется в ритуальных текстах. В некоторых случаях возникают сложности с переводом в связи с наличием в хеттском омонимичного слова *pattar* ‘поднос, блюдо, покрывало’; омонимия, как правило, разрешается в контекстах. Ср. примеры употребления хет. *pattar* ‘крыло’. Во 2383 Vs 21—22: D x ḫal-zi-ja ALAM GUŠKIN ZU GUB-an-sa ZAG.DIB-za tari-pati(=pattar) u-ца-an ‘Бог Грозы молитвы, золотая статуя, из лопатки стоящего человека выходящее крыло’; Во 2383 Vs I 13—14: a-ú-i-ti-ja-aš-ma-kán [p]at-ta-na-aš ZA [G-za GUB-za] ^DNi-na-at-ta-aš ^DKu-li-it-ta-aš ‘Справа же и слева от крыльев льва (крылатого) (стоят) боги Нинатта и Кулитта’; ритуал Туннави, I 46: A.MUŠEN-aš *pattar* ‘крыло орла’.

23. *pe/pa, частица с исходным отдалительным значением: хет. *pē(-)* ‘от, у-’; лув. *pa(-)* (вводящая частица); лик. *-pe* ‘idem’; лид. глагольный префикс *bi* (< **pē*), вводящая частица *fa-* (< **po*) // и.-е. **po/pe* : слав. **po-*, лит. *pa-*; лат. глагольный префикс *p(e/o)-*; префикс **pe/o* в тохарском и иранском императиве и т. д.

Рефлексом хет.-лув. **pe/pa* является хет. глагольная частица *pē* (где долгота связана с местом ударения), образующая сочетание с глаголом *ḫark-* ‘иметь, держать’: *pē ḫark-* ‘держат, протягивать, подавать’; обычно с други-

¹⁴⁰ Об этом образовании см.: *H. Güterbock. Zu einigen Komposita // Corolla linguistica. Wiesbaden, 1955. S. 63—68.* к этому же типу принадлежат и такие древнехеттские названия городов, как *Šal(l)a-ḫaššu(ḫ)a* (букв. ‘Велико-Царский’), лув. *Sala-tiḫata* (< **sala-tiḫat-a* ‘Велико-бога Солнца’ с типичным для лувийского сохранением *t* палатализуемого и ассибилируемого в *s-* в хет. *šičat* ‘день’: лув. *Tiḫat-* ‘бог Солнца’, с дальнейшим изменением интервокального *-t-* с ротацизмом, характерным для иероглифического лувийского: *-t-* > *-r-*; менее вероятно, хотя и возможен исходный суффикс *-r-*; ср. лув. *tiḫarija* ‘растение, цветок солнца — подсолнух?’, ср. глоссу В КВо II 3 III 39 of. nu ^{SAL}ŠU.GI ^DUTU-ца-aš ú-e-el-ku da-a-i na-at-za ti-ца-ja hal-zi-iš-ša-i ‘и Старая Женщина берет цветок бога Солнца и его называет tiḫarija-’.

ми превербами: *arḫa pē ḫark-* ‘взять у одного и передать другому’, *piran pē ḫark-* ‘держат перед кем-либо’, *šara pē ḫark-* ‘достать и принести’. Сочетание **pe/o HVrk-* восходит к общеиндоевропейскому, что доказывается отождествлением с лат. *arceo* ‘запирать, заключать, сдерживать’, *porceo* ‘задерживать’¹⁴¹. В хеттском порядок составных частей был еще свободным, как показывает тмезис в *pē-pat ḫarkanzi* ‘они держат’ (АВоТ 25 I 26). В общехеттолувийском данная частица имела широкое употребление при глаголах направленного действия. В прахеттском она рано утрачивает самостоятельность и сливается с глагольным корнем, ср. *pai-* ‘идти’ < **po-* + *i-*, *penna-* ‘гнать’ < *pe-* + **neH-/nai-*, *peda-* ‘уносить, доставлять’ < *pe-* + **doH-* и др.¹⁴² Сочетания **pe/o eḷ-*, **pe/o doH-* отражены также в славянском (ср. русск. *по-йт-и* : хет. *pai-*, русск. *по-да-ть* : хет. *peda-*, где, однако, *pai-* (в соотносительной паре с **e/o -u-* > слав. **u-*) получило противоположное (не центробежное, а центростремительное) значение, ср. хет. *pai-* ‘идти’ : *ица-* ‘приходить’ при русск. *пойти* : *уйти*).

Частица **pe/pa* продолжает существовать как самостоятельное слово в лувийско-ликийском, где обнаруживаются разительные параллели между лув.-лик. сочетаниями частицы *pa/pe* с глаголом и хеттскими или другими и.-е. глагольными основами с приставкой **pe/po*.

Лувийский (цитируется по LTU).

103 III I: *pa-ṣa i-ja-an-du* ^DEN.ZU-in-zi ‘пусть-де пойдут/придут божества Луны’ (лув. *pa... ija-* ~ хет. *pai-* ‘идти’).

IX 31 Vs II 25—26: *25pa-a-tar za-aš-ta-an-za aš-tu-um-ma-an-ta-an-za-ta 26at-tu-ṣa-la-ḫi-ti ni-iš-da-a-ad-du-ṣa-ar* ‘и затем/опять *z.as.* (вин. п. мн. ч.) (к) злу да не направьте!’ (лув. *pa ... daddu-* ~ хет. *peda-* ‘уносить, доставлять’).

103 Rs III 5—6: *pa-ṣa-an-tar a-an-ni 6ti-i-ta-ni du-u-ṣa-an-du* ‘его-де матери на грудь пусть положат’ (лув. *pa ... du(u)-*, как и в предыдущем примере).

В связи с и.-е. параллелями заслуживает внимания контекст 54 Vs II 42—43: *42pa-a-ti ku-ṣa-a-ti-in [...] ša ti-ja-am-mi-iš 43na-a-ṣa a-a-ja-ri* ‘⁴²(так же) как ...земля ⁴³не станет’ (лув. *pa ... (ti) aḷa-* ‘становиться’ при *aḷa-* ‘делать’ сопоставимо с греч. *ποισω*, медиал. ‘делаться, становиться’)¹⁴³.

¹⁴¹ F. Bader. Lat. *nempe, porceo* et les fonctions des particules pronominales // BSL. 1973. Т. 68. F 1. P. 22 ff.

¹⁴² Oettinger. Die Stammbildung... S. 347 f., 389—392, 492, 468. Слияние частицы **pe/*pa* с корнем было, видимо, тенденцией, общей для всех хет.-лув. языков. Об этом свидетельствуют слитные формы типа лув. *paidu* ‘пусть он пойдет’, лик. *pdura-* < **pe-do-r-* ‘направлять (?), наделять’). Но при этом в лув.-лик., в отличие от хет., рассматриваемая частица активно употребляется и как самостоятельное слово (см. ниже).

¹⁴³ Ср. еще лик. 44 в 33 *pe-j-adi* ‘(с)делает’. Бесприставочный глагол **ḫei-* ‘делать’ известен, помимо анатолийских языков, еще в тохарских.

Из лув.-лик. соответствий следует отметить сочетание **pe/pa* с глаголом *a/es-* ‘быть’.

Лув. 103 Rs III 6—7: *pa-aš pu-u-ца₇ ku-ца-ti a-aš-ta na-ni-un-ħa-aš a-ra-ti a-aš-du* ‘каким он был прежде, таким (же) пусть будет и сейчас’.

Лик. TL 44 b 50—51: *sewe ne pe : astte : trīm-is : se dde tuwetē : kumezija* ‘и (где) были ликийцы¹⁴⁴, и (там) поставил святилище’.

Сочетание **pe/pa* + **ħedh-* ‘вести’ засвидетельствовано лув. *pa ... ĩida(i)-*, лик. *-pe ... ute-*¹⁴⁵:

Лув. 39 Rs III 28: *ú-i-it-pa-ni-im-pa-an ú-i-dai a-in-du* ‘на *u*. пусть его отведут’.

Лик. (мил.) TL 44 c 56—57: *nepe ki wisiu utetu ĩtelija : pidritē-₅₇ni* ‘пусть основатель (?) ответит/доставит во внутреннюю часть (страны ?) этого *w.*’.

Ср. еще лик. *-pe sttāh(i)*, букв. ‘постановить’ в TL 44 d 13—14: *mere stt-₁₄[ā]ni : trqiz* ‘и устанавливает Тархунт’ и прусск. *postanai* (с несколько иной семантикой).

Лув. *-pa- ... ĩalli-* в 103 Ra III 4 предлагается интерпретировать как ‘завернуть’ [*ĩalli-* из **ħuel-*, ср. хет. *ħulħuliĳa-* ‘заворачивать (в частности, при погребении)’¹⁴⁶ и лув. обозначение рода ткани^{TUG} *ruĳaliĳau* (в DLL не переведено); возможно, ‘пеленка’]: *za-am-pa-ku-ца DUMU-ni-in ĩa-al-ĳi-in-du* ‘этого (= его) как ребенка пусть завернут’.

В лув. и лик. используется также частица *-pa* (лик. *-pe*), всегда энклитическая, с противительным значением, которая, вероятно, исторически связана с *pe/po*, ср. лув. 54 Rs III 22 слл.: *22[a]d-du-ца-al-za-pa-at-ta ú [-tar-ša ha] l-ĳi-iš-ša 23[pa-r]a-at-ta-an-za a-ar-pa-za-. [x x]. -ni 24[zi-l]a ni-iš a-ú-i-t[ĳi]* ‘а злое дело, чистота-нечистота вновь в это[т до]м отныне да не войдет!’.

¹⁴⁴ В лик. — собирательная форма ед. ч., букв. ‘ликиец’.

¹⁴⁵ Представляется очевидным, что к этому сочетанию восходит и хет. *peħute-* ‘уводить, угонять’, где *-ħute-* — тематическая форма основы **(h)ħedh-*, которую, судя по хет. данным, надо восстанавливать с начальным ларингалом. (О хет. *ħu(e)it-* см.: J. Tischler. Nethitisches etymologische Glossar // Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. 1978. Bd. 20. Lief. 2. S. 272—273).

¹⁴⁶ Значение «заворачивать в саван» для хет. *ħu-ħuliĳa-* впервые предложено и обосновано Н. ван Брок (Les thèmes verbaux à redoublement du hittite et le verbe indo-européen // RHA. 1964. T. XXII. F. 75); прежний перевод этой формы — ‘сражаться’ основывался на значении исходного глагола *ħullāi-* ‘bekämpfen, bestreiten’: HW. S. 73). Не исключено, что оба значения соотносятся в конечном счете с одним и тем же корнем **ħuel-* (с закономерным отражением сочетания **ħu-* в виде хет. *ħu-*, ср. хет. *ħurnā(i)-* ‘окроплять’ < **ħuer-*, *-ħute-* ‘вести’ < **ħedh-* и др.), ср. еще русск. *валить*, др.-в.-нем. *wiulōn* ‘рыть, копать’ и т. д. В различных и.-е. традициях с этим корнем связаны слова, относящиеся к сфере заупокойного культа.

В лидийском **pe/pa* выступает и в качестве вводящей частицы, и как глагольный префикс; оба употребления подтверждаются многочисленными примерами. Ряд глагольных форм представлен как с приставкой **po-*, так и без нее (при наличии вводящего *fa-*), ср. лид. *fa-...o-* и *fao-* 'объявлять', *fa-...ēnslibi-* и *fēnslibi-* 'повреждать, разрушать' и др.

23, 7—8: *fakud* 8amu *ovv* akit qed fašfēnu... 'как я сообщил и то, что я устанавливаю...'

24. 17—19: *nak* amu mitridastaλ¹⁸*katosy faov* akit amu nāqid¹⁹ faafēnu 'также Я Митридасту¹⁸ распоряжение объявляю и (если) я что-либо¹⁹ постановляю...'

Изложенные факты свидетельствуют о наличии двух тенденций в функционировании частицы **pe/pa*: 1) почти полная утрата самостоятельности и переход в разряд глагольных префиксов (хеттский тип, сопоставимый со слав., балт., лат., тохар., иран. и др.); 2) сохранение самостоятельности (за исключением отдельных случаев, где слияние **pe/po* с корнем имело место в общеанатолийский период, ср. **pai-* 'идти', **penəh-* 'гнать', см. ниже) с выделением особой функции противопоставления (лувийско-ликийский тип). Промежуточное положение занимает лидийский, где широко представлены обе функции **pe/pa*.

23-а. **pai-* 'идти' (< **po-fi-*): хет. *pai-* 'идти, проходить'; лув. *pai-* 'идти' // и.-е. **hei-* 'идти': др.-инд. *é-mi* (1 ед. наст.), *i-más* (1 мн. наст.); греч. *εἶμι ἰ-μεν*; лат. *i-t* (3 ед. наст.) и др.

Хет. *pai-*, глагол *mi*-спряжения, соотносится с беспрефиксальным актив. *i-* 'идти' и медиал. *iḫa-* 'идти, шагать; ехать на колеснице'. Частая утрата *-i-* (ср. хет. 1 л. ед. ч. наст. вр. *pa-a-mi* и *pa-i-mi*, 2 л. *pa-a-ši* и *pa-i-ši* и др.), обусловленная позицией, указывает на исходную безударность глагола в сочетании с частицей (позднее — префиксом) **po*. В лув. частица *pa-*, не утратившая самостоятельности, встречается как в виде префикса в форме *paidu* 'пусть идет', так и в последовательности *pa-...iḫa-* 'пойти/прийти' (см. хет.-лув. **pe/pa* и **eḫ-i*)¹⁴⁷.

23-б. **penəh-* (**pe + *neh-*) 'гнать, вести': хет. *penna-* 'гнать, вести, уводить'; мил. *pina-* 'направлять' // и.-е. **nei(h)-* 'вести'; др.-инд. *nayati* и др.

¹⁴⁷ Об и.-е. **hei-* из последних работ см.: N. R. Schmalstieg. Indo-European Linguistics. A new synthesis // University Park and London, 1980. P. 130 ff.; Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол... С. 97 и след. (там же лит.-ра). И. -е. **hei-* находит соответствие в целом ряде языковых семей, где глаголы, восходящие к ностратическому *ʔeɟ*, обозначают движение, направленное к говорящему: афраз. *ʔ* 'приходить', дравид. *ej-* 'прибывать, подходить', алтайск. *ṭ-* 'приходить, входить' и др. (Иллич-Свитыч. Опыт сравнения... Т. I. С. 265 и след.). Развитие семантики 'приходить — идти', аналогичное индоевропейскому, обнаруживается в чадском и отчасти в кушитском (Там же. С. 266).

Общанат. основа представляет собой сложение префикса **pe* о корнем **neh-/hai-*, **niĵa-* ‘вести’. Мил. *-i-* указывает на наличие ступени *e* в частице¹⁴⁸ которая в подобных случаях несла на себе ударение.

Представляется вероятной связь с рассматриваемой основой лув. глагола *nana-* с частицей *pa* в 65 Rs III. 13 ff.:¹³ [] *na-a-nu-um-pa na-na-a-at-ti* [] *pa-al a-ar-pa ħa-ra-at-na-an-ti-iš*¹⁵ []-*ti-iš ni-iš*¹⁶ [*ma-a*]- *ħa-aš-ša-aš-ši-in EN-an* ‘¹³... теперь же гонит; ¹⁴ а оскорбление/обида ¹⁵... да не ¹⁶... господина ритуала (вин. пад.)’¹⁴⁹.

Тот факт, что хет. *penpa-* известно уже в древних текстах (ср., напр., дворцовую хронику времен Хаттусилиса I, КВо III 34: *ri-en-ni-iš*, 3 л. ед. ч. претер.), и наличие родственного ему *pina-* в милийском — архаичном ликийском диалекте (при том что в лик.-мил. частица *pa-* крайне редко выступает в качестве префикса) позволяет отнести процесс слияния **pe* с рядом глагольных корней к общанатолийскому периоду.

24. **pe(H)-/pai-*, **piĵa-* ‘давать’: хет. *pai-/pe-*, *piĵa-* ‘давать’, *piĵanāi-* ‘одачивать, подносить’, пал. *piša-* ‘давать’, лид. *bi-* (< **pi-*)¹⁵⁰, лув. *pi(ĵa)-*, *pipiš-*, иер. *pi(ĵa)-*, лик. *pi(je)-*, *pibi(je)-*, кар. *-b*¹⁵¹.

Традиционно этот глагол относился к числу приставочных образований и выводился из **pe + (a)i-*, ср. тох. А *-e-*, кучан. *ai-* ‘давать’¹⁵². При такой интерпретации хет.-лув. **pai-* смущает одно обстоятельство. Префикс *pe-* у глагола *pai-* во всех хет.-лув. языках уже настолько сросся с корнем, что внутри этой группы глагол не имеет смысла рассматривать как приставочный. В хет.-лувийском восстанавливается глагол с исходом на гласный (соответствующий и.-е. основам на гласный + ларингал, **peH-*) и чередованиями, типичными для определенного класса глаголов спряжения на *-hi*, ср. **d(h)e(H)-/d(h)ai*, **d(h)iĵa-* ‘ставить, класть’, **ne(H)-/hai-*, **niĵa-* ‘вести’, **me(H)-/*mai-*, **miĵa-* ‘расти, увеличиваться’.

¹⁴⁸ Соответствие и.-е. **ē* : лув.-лик. *i* выводится на основании ряда примеров. И.-е. **ē* > лик. *e/a* лув. *a*.

¹⁴⁹ Ларош (DLL. P. 73) дает ссылку на параллельное место в LTU 68, 15, где стоит форма *la-la-a-at-ti* ‘он берет’. Однако сравниваемые фрагменты не являются в полном смысле слова дубликатами — те части, которые следуют за *nanatti/lalatti*, по содержанию совершенно разные, поэтому *nana-* и *lala-* могут обозначать различные действия.

¹⁵⁰ Р. Гусмани (LW. S. 79) с этим корнем связывает лид. *bid-* ‘geben, gewähren’, но последний находит более точную аналогию в хет. *piddāi-* ‘bezahlen’ (см.: G. Neumann. Untersuchungen zum Weiterleben hethitisohen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit. Wiesbaden, 1961. S. 129).

¹⁵¹ В теонимах типа *msn-b*, букв. ‘бог-дан’ (Королев. ХЛЯ. С. 61 и след.).

¹⁵² См. впервые: A. Goetze, H. Pedersen. Muršiliš Sprachlähmung. Kopenhagen, 1934. S. 63.

Все три типа основы обнаруживаются в хет. парадигмах презенса и претерита со следующим распределением:

1) **pe(H)-*: 1 л. ед. ч. (др.-хет. през. *pí-e-eḫ-ḫi* также *pí-e-eḫ-ḫé*, прет. *pí-e-eḫ-ḫu-un*); 2) **pai-*: 2, 3 л. ед. ч., 2 л. мн. ч. (прет. 2 л. ед.ч. *pa-iš-ta*; часто *pa-a-i-*); 3) **pija-*: 1, 3 л. мн. ч. (*pi-a-*, *pi-ja-*). Можно видеть, что в хет. представлены как атематические (1, 2), так и тематические (3) формы данного глагола. В других анат. языках основа содержит ступень *-i-* (отражение старой тематической основы в лув., пал. и др.)¹⁵³; в пал. и лув. она присоединяет суффикс *-š-* в значении, тождественном хет. *-šk-* (итеративное, дистрибутивное и др.). В хет. элемент *-š-* у глагола *pai-* появляется в отдельных архаичных формах, ср. 2 л. ед. ч. през. *paišti*, 3 л. ед. ч. прет. *paiš(ta)*¹⁵⁴.

Представляет интерес форма хет. императ. 3 л. ед. ч. *pa-a-u* 'пусть он даст' (2 л. ед. ч. *pa-a-i*): едва ли она восходит к **pai-* (трудно объяснить исчезновение *-i-*¹⁵⁵); скорее всего, перед нами другой вариант корневой основы на ларингал с аблаутом: **pa(H)-/*pe(H)-* (ср. аналогичное соотношение форм в парадигме старых глаголов *ḫi-* спряжения **dhe(H)-/dhai-*, **dhⁱja-* 'ставить', **ne(H)-/hai-*, **nⁱja-* 'вести' и т. д.). Налицо уже отмечающаяся для ряда форм связь элемента *-i-* с ларингальным показателем¹⁵⁶.

Глагол **pai-* дает в анатолийском ряд производных активной и инактивной семантики. К их числу относятся: лик. *nomen auctoris ppebēntti* < **pirijant-*, дериват с собирательным значением *pijanuwa* 'дары, приношения' (ср. хет. *pijanāi-* 'одаривать, подносить'), *pijata* 'дар', хет. *pitta/pidda*, *pi(i)etta* 'дар'¹⁵⁷.

¹⁵³ И.-е. **ǵ* в лув. и пал. должно дать *a*.

¹⁵⁴ Связь суффикса *-š-* со старыми глаголами *ḫi-* спряжения отмечена уже А. Камменхубер (Esquisse de grammaire palaite // BSL. 1959. F. 1).

¹⁵⁵ В хет. **i* перед *u* обычно сохраняется, ср. (-) *ju(n)* 'ярмо' и др.

¹⁵⁶ Для прахеттского парадигма глагола *rai-* восстанавливается в следующем виде: ед. ч. 1 л. **peHói* > *peḫhé*, 2 л. **róH-s-t-oi* > *paišti*, 3 л. **róH-oi* > *pai*; мн. ч. 1 л. **pH-óceṇi* > *pijaṇeni*, 2 л. **róH-s-teni* > *paišteni*, 3 л. *pH-ónti* > *pijanzi*. Не вполне ясно, как интерпретируется символ **H* на прахет. уровне; очевидно, что можно говорить о палатализации и исчезновении **H* для гораздо более ранней стадии хет.-лув. глагольной парадигматики. Ср. еще реконструкцию В. Шмальштигом парадигмы хет. глаголов 2-й серии типа *dāi-* (*W. Smalstieg. Indo-European linguistics. A new synthesis. University Park and London, 1980. P. 158 f.*; см. также: *Idem. A note on hittite da-aḫ-ḫi // Linguistica (Ljubljana), 1978. XVII. P. 3 ff.*

¹⁵⁷ Представляет интерес общая для хет. и лик. *figura etymologica* **pijat- pai-* с исходным значением 'давать дар' (позднее — применительно к земельному наделу), ср. хет. KUB XXVI 43 Vs 6—7: [p]id-da-Ja-kán 'Saḫururuṣaš... pešta 'и Сахурурувас (земельный) дар (т. е. участок, надел) ... дал' и лик. A TL 57 4—5: sei rijetē rijatu : miñti 'и ему дали (земельный) дар/надел (члены коллегии) минти'. Ср. еще лид. 24

И.-е. параллели хет.-лув. **pai-* представляют наибольшую сложность. Закономерно встает вопрос: почему в хет.-лув. языках, хорошо сохранивших древнейшие и.-е. глаголы типа «ставить», «есть», «быть» и др., глагол **doH-* оказался вытесненным¹⁵⁸? Единственный из хет.-лув. языков — мидийский, где основа *da-/du-* ‘давать’ сосуществует с *pije-*, возможно, содержит ответ этот вопрос¹⁵⁹, однако понимание соответствующих мест в ксанфской надписи затруднительно. Цитируем контексты. *pije-*. TL 44 37 сл.: *pejerē : pijeti : iēne* : ₃₈ *qezīmī* ‘*p.* (вин. пад.) дает *i.* (дат. пад.) (на-) род’. Не исключено, что в мил. *iēne* (< **ileni*) выделяется та же основа, что и в лик. А названии божеств *elijāna*¹⁶⁰. В 38—39 объектом к служит *alba* ‘молитва’¹⁶¹: *me kedije : qelideli : albāpe* : (39) *kupttle : mukssa : pijelu mlez* : ñ ‘и там им (т. е. *iēne*) *q.* (определение, вин. пад.) молитву, а *k.* (дат. пад.)¹⁶² моление/прошение (на-) рода да направлю!’¹⁶³ *da-*.

TL 44 d 36+37: *alasi dadupe : sebe pasb-* (37) *asi esēnēmla* ‘а женское и мужское пусть даст (кровно) род ственной знати’¹⁶⁴. [Ср. ‘женское’ — ‘мужское’ в лув. ритуалах, где это соединение понятий непосредственно связано с идеей благосостояния субъекта: *a-du-ut-ta zi-da-ḫi-ša aš-ru-la-ḫi-ša la-at-ta* ‘и у него мужское, женское взял’ (KUB XXXV 125 3—4).]

d 58: *ēne : māmre kebure me dutu lusalija* ‘матерям, людям *m.* и *e.* (дат. пад.) пусть же дадут!’¹⁶⁵.

5—6: *bukmlad amu bitocv* ₆ *bidv* ‘и если я ему надел/участок (?) дал’, хотя *bid-*, возможно, является соответствием хет. *piddāi* (Neumann. Untersuchungen... S. 129).

¹⁵⁸ Этот же вопрос правомерно задать и по отношению к тох. А *ai-*, кучан. *e-* ‘давать’, но тохар. материал требует специального исследования.

¹⁵⁹ К и.-е. **doH-* возводится иногда и лид. причастие (?) *dāv*, но оно может быть связано с хет.-лув. **d(h)e(H)-* ‘ставить’ (этому не противоречат контексты).

¹⁶⁰ Ларош (La stèle trilingue récemment découverte au Létôn de Xanthos : le texte lycien // CRAI. 1. 1973): «nymphes lyciennes».

¹⁶¹ Хет. *alçanz-* (с различными суффиксами): ‘колдовство, волшебство’.

¹⁶² Предполагаемое значение — ‘заговорщики’ (ср. хет. *kupijātalla-*: Королев. ХЛЯ. С. 85). Возможно, в этой строке надписи в качестве косвенного объекта выступают ‘свои’ и ‘неприятельские’ боги.

¹⁶³ Мил. императив 1 л. ед. ч. *pijelu* сопоставим с хет. аналогичными и лув. формами на *-lu*. Сходные образования (в частности, в значении опатива) обнаруживаются в балтийском: В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963. С. 166; Он же. К происхождению славянских глагольных форм на *-l-* // Советское славяноведение. 1981. № 6; В. Н. Топоров. О специфике балтийского **lai* и его и.-е. параллелях: на стыке морфологии и синтаксиса // Балто-славянские исследования 1983. М., 1984; Он же. Прусский язык. Словарь. I: К—L. М., 1985.

¹⁶⁴ О мил. *esēnēmla* см.: Королев. ХЛЯ. С. 88.

¹⁶⁵ Мил. *dutu* < **dā(H)-ntu*; корень *lu-* в милийском встречается в некоторых производных, для которых комбинаторно устанавливается значение ‘благо’, ‘процветание’.

Приведенные контексты свидетельствуют, как будто, о том, что мил. *pīje-* теснее, чем *da-* связано со сферой ритуальной символики. В качестве прямого объекта выступают слова со значением 'молитва', 'заклинание' и т. п., косвенным объектом может быть обозначение божества. Мил. *da-*, со своей стороны, означает 'вручение' чего-либо лицу или группе лиц (например, каких-нибудь благ). Вероятно, в виде гипотезы можно предположить исходное распределение значений внутри ситуации «дарения» (целостного социального акта по Леви-Строссу), которому соответствуют реальные языковые единицы: а) хет.-лув. **pai-*: 'давать, направлять (божеству)', собств. 'приносить жертву'; б) хет.-лув. **da(H)-* 'давать, направлять, вручать (лицу)', собств. 'давать'. В большинстве хет.-лув. языков (кроме милийского, который, как и в ряде других случаев, проявляет особый консерватизм) глагол **pai-* вытесняет **da(H)-* (но последний сохранен в хет. *da-* 'брат' ¹⁶⁶), и первичное значение **pai-* проявляется лишь в некоторых ритуальных контекстах, ср., например, лув. ритуал (KUB XXXV 133 Rs III 14), где перечисляются дары, предназначенные богу Грозы (в их числе GEŠTIN 'вино' и др.) и говорится (Ibid. 17): an-za-ta ^DU-an-za rí-rí-iš-ša 'их богу Грозы давай (т. е. приноси в жертву)' ¹⁶⁷. Можно ли на основании всего сказанного допустить, что хет.-лув. **pai-* формально и функционально соотносимо с и.-е. **pōi-/pī-* 'поить, пить', восходящим к сфере ритуально-культовой терминологии ¹⁶⁸, — пока остается неясным из-за наличия тохарских и некоторых других менее очевидных параллелей, дающих иные возможности интерпретации. Не исключено, что перестройке всего семантического поля обозначений дара — обмена в анатолийском могли кроме собственно языковых факторов способствовать и культурно-исторические, в частности, перестройка всей той системы взаимных дарений между богами, царем, его непосредственными вассалами и другими подданными, на которой в историческое время была основана как социально-экономическая жизнь хеттского общества, так и система регулировавших ее ритуальных предписаний. Термины типа **pai-* хет. *pai-* 'давать', *pīj-att* 'дар' (с архаическим суффиксом отглагольных производных *-att*) становятся главными способами обозначения взаимных дарений, в том числе и жертвоприношений, ср., например, глагол *pai-* в древнехеттской (переведенной с хеттского и потому отражающей собственно анатолийскую, а не унаследо-

¹⁶⁶ О древнейшей корреляции понятий типа 'брат' : 'давать' см.: E. Benveniste. Indo-European language and society. Section II. L., 1973.

¹⁶⁷ Эквивалентность выражений 'давать (богу)' ~ 'приносить в жертву' прослеживается во многих и.-е. традициях. См.: В. В. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания // Этимология. М., 1960, где приводится (в другой связи) древнеисландский материал.

¹⁶⁸ О. Н. Трубачев // ВСЯ. 1959. № 4. С. 135 и сл.

ванную индоевропейскую терминологическую традицию) молитве о царе: KUR-e ^DU-aš-pat ne-pí-eš te-kan-na ERÍN.MEŠ ^DU-aš-pat nu-za ^{LÚ}la-ba-ar-na-an LUGAL-un ^{LÚ}ma-ni-ja-aḥ-ḥa-[al-] la-an i-ja-at nu-uš-ši URU KU.BABBAR-as KUR-e ḥu-u-ma-an ra-i [š] ‘Страна принадлежит только богу Грозы, небо и земля, люди (= воины) принадлежат только богу Грозы, и лабарну — царя он сделал своим правителем и ему всю страну Хаттусу дал’ (I Вот 30 Vs 2—5).

25. *pens-/pḥs- ‘песок, гравий, камень’: хет. ^{NA}paššilla- ‘гравий, щебень’, paššu- ‘камень, каменная глыба’ (< *pḥsu-); лид. bista- ‘каменная стела’ (? < *pi(n)s-to-?) // и.-е. *pens- ‘песок’ др.-инд. pāṃṣús ‘пыль, песок’, авест. paṣnu- ‘idem’: др.-русск., ст.-слав. пѣськъ.

Сопоставление хет. paš(š)ila- и ст.-слав. пѣськъ (основа на *-u-k-o) предложено уже В. Пизани¹⁶⁹, который допускал чередование в этой основе суффиксов i/u¹⁷⁰. Хет. paššila- и paššu- содержат в корне нулевую ступень сонанта *n — хет. a¹⁷¹. В то же время в хеттском известна форма с корневым i (piš-šu-) в тексте времени Тудхалии IV, KUB XXV 23 Rd. a 1, которая может указывать на прототип *pis-/*peis-. В этом случае хет. форму можно было бы непосредственно связать с и.-е. *peis- ‘дробить, толочь, давить’ (IEW. S. 796)¹⁷².

К образованиям с корневым i относится, видимо, и лид. bista- ‘каменная стела’ в надписи из некрополя в Сардах, LW 2, 12: aktin nāqis fēnlibid fakataṽ ebad₁₂ [aa]ra bista taqaṽaṽ sišīrorṽ sṽfēndakmlin₁₃, [.v]cbuqid ‘a (если) кто-нибудь причинит ущерб f. на этом участке, стелам t., то s. (nomen auctoris) ему его собственность разрушит’¹⁷³. Комбинаторное истолкование лид. bista- исходит

¹⁶⁹ V. Pisani. Hittitisch pašilaš // ЖКЕ. В. 11. Нфт. 2. S. 217. К слав. пѣськъ: ср. др.-инд. pā sukās (мн. ч.) ‘прах, песок’.

¹⁷⁰ Sturtevant H. Comparative Grammar... § 86. P. 64.

¹⁷¹ Ср. хет. ḥaššu- ‘царь’ < *hḥs-eu- и ряд других форм, указывающих на относительно позднее (уже собственно хеттское) время развития *ns- > a-š (a-ši-ṽat- ‘нищий, обездоленный’ < *ḥ-eiṽat < *ḥ-diṽat- ‘без покровительства бога’; kuṽašk- < *g^{wh}ḥ-sk-, производное на -sk- от *g^{wh}n-, нулевая ступень от *g^{wh}en- ‘бить, уничтожать’).

¹⁷² Сближение слав. пѣськъ с этим и.-е. корнем считается сомнительным у Фасмера (III. С. 250); в любом случае в слав. надо отметить отсутствие носового (пѣс- < *peis-, если не из *pēs-, находящемся в вариативном чередовании с *pēns- или *pēms-: Weitenberg. Die heth. U-Stämme. S. 198). Что касается и.-е. *peis-, то о древности его свидетельствует его наличие во многих ностратических языках, ср. афразийск. bṣ-/bd# ‘ломать, дробить, давить’, картв. bič- ‘ломать, крошить’, дравид. pič- ‘дробить, лущить; месить’: Иллич-Свитыч. Опыт сравнения... Т. I. С. 179.

¹⁷³ Лид. предложение начинается с комплекса энклитик aktin ‘и вот (?) это/его’, где ak- вводящая частица типа хет. nu(-) (Gusmani. LW. S. 52 ff.), t-энклитическая частица, связываемая Р. Гусмани с хет. ta- ‘и’, лик. -de ‘а, же’ (Ibid. S. 206). Лид. -in в слове определяется как энклитическая частица, не имеющая параллелей внутри

из того, что в запретительных формулах, аналогичных 2, 12 сл., обычно перечисляются предметы/строения, которые нельзя повреждать, и в первую очередь гробница и стелы. Так, в лидийско-арамейской билингве (надпись I из того же самого некрополя в Сардах) последние строки построены сходным образом; глагол *fěnslibid* 'причинит ущерб, повредит' управляет существительными, обозначающими гробницу или ее части (*vāna-*, *laqirisa*) и стелу (*mru-*). Фонетически лид. *bista-* может объясняться из **pis-/pejs-* (с закономерным переходом лид. **pī < bi*). С другой стороны, лид. графика не позволяет различать между *ī* и *i*, поэтому нельзя исключить возможность того, что данная основа отражает **pens-* (> **pins-* > *bi(n)s-*), хотя семантически более вероятно первое.

Представляется очевидным, что к и.-е. **pejs-* восходит лик. *pzzi-* 'разбивать, ломать'. Прежний перевод этого слова — 'бросать, сбрасывать, ниспровергать'¹⁷⁴ основывался на сопоставлении с хет. *peššija/āi-* 'бросать' (но *peššija-*, скорее всего, является древним образованием с префиксом *pe-*, см. выше, от глагола, родственного др.-инд. *ásyati* 'бросает', авест. *aṇhya-*). Однако лик. *pzzi-* употребляется не только применительно к стелам, памятникам (см. с. 41: *sebe sbirte : pzziti : lelebedi* 'и памятник разрушает посредством I.') но и применительно к святилищу, ср. последние строки ликийско-арамейско-греческой трилингвы: *me hri gla asñne pzziti ti* 'верхнее же святилище/алтарь не разрушит он/который'. Соотношение между лик. *pzzi-* 'ломать, разрушать' и лид. *bista-* 'каменная стела' эквивалентно соотношению между лув. *laqar-* 'briser' и мил. *laβra* 'стела'.

26. **per-/parV-* 'из, от; перед': хет. *parā* 'вперед', *parranda* 'через, вне', *parijan* 'idem', *parijanda* 'сверх этого', *parijaṣan* 'по ту сторону, там', *pilēran* 'перед; вперед; впереди'; лув. *parran* 'перед', *pari* 'pro-'; иер. *par(a)n* 'впереди'; лик. *pere* 'вперед; перед' // и.-е. **pero-* 'ferner' (Pok. S. 891): др.-инд. *pra-* 'перед, за', слав. *per* и др.

Древнейшая функция **per-/parV-* засвидетельствована в др.-хет. притяжательных конструкциях типа *perazmit *peran smit* 'впереди их', букв. 'перёд их'¹⁷⁵, где *peran* выступает как служебное имя. Это употребление находит

анатолийской группы. С последним едва ли можно согласиться. Анализ контекстов свидетельствует о том, что лид. *-in* выступает в функции, аналогичной др.-хет. *-(a)n*, лик. *-ne/-V̄*, которые являются показателями транзитивности глагола (при этом объект как общего, так и среднего рода может отсутствовать во фразе). Подробно этот вопрос рассматривается в другом месте.

¹⁷⁴ ХЛЯ. С. 86.

¹⁷⁵ H. Otten, V. Souček. Ein althethitische Ritual für das Königspaar // StBoT. 8. Wiesbaden, 1969. S. 71 ff.

параллели в славянских и других и.-е. языках, где также отмечается функционирование пространственных имен в качестве предлогов/послелогов, часто в притяжательных конструкциях ¹⁷⁶.

Следы корневого имени **par* сохранились в хет. *appa parza* (т. к. *par-aš-za*) 'назад', букв. 'от переда назад'. Форма старого отложительного падежа на *-za* обнаружена в ряде наречных образований, содержащих старые корневые имена, нигде более не засвидетельствованные, типа *arḫza* 'снаружи'.

Данная основа используется в анатолийском в качестве наречия и предлога/послелого. Первую функцию можно проиллюстрировать др.-хет. примером KBo IV Rs III 2—3: $\text{ḫnu-uš-ma-aš-kán SA}[(L^{LU}IGI.NU.)] GÁL^{LU}Ú.ḫUB. \text{ḫri-ra-an ar-ḫa} [(pí-e)] -ḫu-da-an-zi$ 'и для них слепую и глухую женщину вперед выводят'. Ср. еще мил. адverb *pere* в *perepñ* (хет. *piran appa*) 'туда и обратно'.

В качестве послелогов эта основа регулярно появляется в хеттском и лувийском: хет. DINGIR^{MES}-as *pí-ra-an*, лув. *ma-aš-ša-na-an-za par-ra-an* 'перед богами'; иер. (№ 24, Karatepe) $\text{k}^a\text{-mu} \text{k}^QU\text{-zi}^k \text{par-n á-s}^2\text{-ta}$ 'которые были передо мной'. В индийском находим предлог *pere* в *pere medije* 'перед/для *m.*'.

27. **per-/par* 'летать': хет. *pera-* 'ein Vogel' ¹⁷⁷, *partauar* 'крыло, опахало'; лув. *parzašša* 'относящийся к стрелам' ('колчан'?) // и.-е. **per-/por-* 'летать': др.-инд. *parṇám* 'перо, крыло; опахало; сень', авест. *parəna*, лит. *spar̃nas* 'крыло; сень'; русск. *перо, парить*.

Хет. *partauar* (гетероклитический тип, род. пад. *partaunaš*) содержит суффиксы **teu-/tu-* и **r-/n-*. В большинстве родственных языков этимологически и семантически тождественное образование включает суффикс *-n-*, характерный для названий частей тела в и.-е. языках ¹⁷⁸.

Ср. употребление хет. *partauar* в тексте мифа о Телепину (KUB XVII 10 I 38) [pá] *ḫ-ta-u-ḫa-na-aš-še-it-ḫa a-mi-ḫa-an-ta* 'крылья ее (пчелы) малы'.

Лув. *par-za-aš-ša* (KUB XIII 35 III 46) — форма с глоссовым клином, которую Ларош понимает как 'эпитет стрел или колчана (?)' ¹⁷⁹. В этом слове

¹⁷⁶ См. подробно: В. В. Иванов. Типология развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973. С. 51—61. В анатолийском свидетельством «именного прошлого» наречий, образованных от основы **per-/parV-*, являются застывшие адвербиальные формы, которые образуют «парадигматические ряды», сопоставимые с именными: имен.-вин. хет. *peran*, лув., иер. *parran*; дат.-мест. хет. *pariḫa*, лув. *-pari*; направит. хет. *parā*; отложит.-твор. хет. *parranda*, иер. *par(a)ti*.

¹⁷⁷ См.: HW¹. S. 167; ZA NF. 15. S. 254.

¹⁷⁸ Первоначально эти имена относились, видимо, к гетероклитическому типу, но затем обобщили *n*-основу во всех формах.

¹⁷⁹ DLL. P. 80.

предположительно выделяется основа **parsa-* ‘стрела’, которая по правилам лув. морфонологии преобразуется в *parza-*, и суффикс относительных прилагательных *-šš-*.

28. **peru-na-*, ‘скала’ ****per-ṣ-*** ‘бог, связанный с конем’: хет. *peru-* ‘скала’, *peruna* ‘скала’, *Pirṣa-* < **Perṣo-* ‘Бог, изображаемый на коне’ // и.-е. **per-u-n(t)* ‘скала как атрибут Бога-Громовержца, разбивающего камни’ (также **perk^w-u-* ~ **perg^w-*): др.-инд. *parvata* ‘скала, гора (разбиваемая Индрой)’, слав. *perunъ* ‘Бог-Громовержец; камни Громовержца — перуны’, др.-рус. *Перунъ* ‘Перун, Громовержец’, гот. *fairguni* ‘гора’, др.-исл. *Fjörgyn* ‘Мать Бога-Громовержца — Тора’, лит. *Perkūnas* ‘бог грозы’, *Perkūnya* — название возвышенности¹⁸⁰.

Бог Пирва (Перва), изображаемый на лошади (появление которой в Анатолии достоверно связывается с индоевропейцами), по этой своей функции отождествляется с индоевропейским (в том числе балто-славянским) Богом-Громовержцем. Пирва входил в число первоначальных богов древнейшего хеттского индоевропейского пантеона Несы и упоминается в архаическом стихотворении, где говорится, что ‘царю Пирва дает богатство’ (LUGAL- i^D *pí-ir-ṣa-aš ḥa-ap-pí-na-aḥ-(zi)*).

29. **pes-/pas-* ‘мужчина’: хет. *pašna-* ‘мужчина’, *pešnatar* ‘мужественность’; лик. *pasb(b)a* ‘мужская часть населения, воинство’ // и.-е. **pes-*, **pesos* ‘das männliche Glied’ (Pok. S. 823): др.-инд. *pásas*, греч. *πσος*, суффиксальное образование на *-n-*, аналогичное хет., представлено в лат. *pēnis* < **pes-n-i-s*.

Хет. *[p]í-iš-na-a-aš* встречается в архаичном ритуале для царской четы (КВо XVII 1 17 б); значение этой основы установлено благодаря наличию параллельных мест, содержащих в одном случае форму *pi-iš-na-*, а в другом — *LÚ-na-*¹⁸¹.

¹⁸⁰ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974; В. В. Иванов. Очерки истории семиотики в СССР. М., 1976. С. 266; Гамкрелидзе, Иванов. Индоевропейский... Т. 2. С. 792—798. Гипотеза о гетероклитическом чередовании **perur/perun-* (K. Hoffman. Ved. *dhanuṣ-* und *páruṣ-* // Die Sprache. 1974. Bd. 20. № 2; Eichner Hettitisch *meḥur* // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1973. 31) не получила поддержки из-за неясности формы хет. *pirulu-* (ср.: J. J. S. Weitenberg. Hett. U-Stämme. S. 170, 214).

¹⁸¹ Шумерская идеограмма *LÚ* = ‘человек’; о ее чтении (см.: М. Попко. Notes on Hittite Vocabulary // JCS. 1974. V. 26. № 3. P. 182) в статье не приводится этимология слова. Не исключено, что с той же основой исторически связано слово *paššari-* с не вполне ясным значением (‘обрезанный; тот, над которым совершили обряд обрезания’? По: С. Burde. Hethitische Medizinische Texte // StBoT. Heft. 19. S. 24—25) в контексте, где речь идет о лечении *IŠARUUZU* ‘Penis’ (амиадиограмма). Морфологически *pašš(a)-ri-* могло бы быть производным с суффиксом *-ri-* (как в *et-ri-*, см. выше) от

С этой хет. основой связано, по-видимому, мил. *pasb(b)a* ‘мужская часть населения, воинство’. Вокализм а мил. корня вместо ожидаемого *e может объясняться влиянием губных согласных в корне (p-) и суффиксе (-b-). Но ср. еще лик. А *pisba* (< **pēsba?*) в 44b 30: [a]rñna : pinale : tlawa : wedre : pisba[s] ‘конфедерации (дат. пад.) (городов) Ксанфа, Пинары, Тлосса войска’. Связь мил. *pasb(b)a* с хет. *peš-na-* представляется более вероятной, чем с хет. *paḥš* ‘охранять, защищать’ и в фонетическом отношении, и в плане семантики.

Для вопроса о социальной структуре древних индоевропейских обществ небезынтересно проследить на милийском материале отражение определенной дифференциации понятий (и соответственно функций), соотносимых с различными слоями мужского населения.

Так, мил. *pasb(b)a* обозначает, судя по всему, мужское население, несущее военную службу. В первых строках мил. части надписи из Ксанфа, например, сообщается о том, что *natri* после удачной кампании ‘славит воинство (*pasbbā*, вин. ед.) и руководство’; в других случаях *pasba* противопоставляется *ali* ‘женская часть населения’.

Мил. *ziti* ‘человек, мужчина’, сопоставимое с лув. *ziti-* (идеограмма LÚ-i-) ‘idem’ относится к сакральной сфере и связано с выполнением некоторых ритуальных функций, ср. TL 44 d 7—8: *albmubē : ti : zawa : qttid₈e ziti : qñhātba* ‘белого быка принес муж в жертву двенадцати богам’.

Наконец, мил.-лик. **miri/meri* ‘мужчина’, с одной стороны, засвидетельствовано в сочетании *ali ke mlē mire ke mlē* (44 d 3) ‘потомство женщин и потомство мужчин’, с другой — в сочетании с определениями типа *prije-meri* ‘знатный муж’, *mire trelewñne* ‘мужам из Тралл’, ср. еще *qzze mireñne* ‘род (происходящий от знатных?) мужей’. Этот термин обозначал, видимо, разряд людей, занимавших достаточно высокое место в социальной иерархии¹⁸², но, в отличие от и.-е. **mer-(merjo-)* ‘молодой мужчина’, не был связан с возрастными категориями¹⁸³.

30. **pata-* «бежать, спешить»: хет. *pittāi-*, *piddāi-* ‘бежать, спешить’; лув. (W) (клинопись) *pittanummi* ‘обращаю в бегство’; лик. *pddēne* ‘бегство’ // и.-е.

основы *peš/paš-*. В таком случае суффикс -n- в хет. **pes-n-*, лат. *pēnis* мог бы быть героклитическим, в древнем морфологическом соотношении с -r-.

¹⁸² Не случайно поэтому регулярное появление данного термина в контекстах с «положительным» значением, например, ‘знатный meḡi’, ‘доблестный meḡi’ и т. п. К числу функций людей — *me/iri* относились, возможно, и административные. Ср. юридический термин *tara* ‘закон, постановление’ и название административного органа *tarazija*, которое может быть исторически связано с основой *me/ir*.

¹⁸³ Об и.-е. **mer-* с возможными ностратическими соответствиями см.: *Иллич-Свитыч*. Опыт сравнения... Т. II. С. 39—41. См. еще: *Иванов*. Урартское *marī*...

**pet-* ‘бежать; лететь’: греч. *πέτομαι* ‘лететь, бежать, спешить’; лат. *peto* ‘устремляться, спешить’; др.-инд. *pat-* ‘лететь; падать’.

Хет. *pittāi-/piddāi-* засвидетельствовано начиная с древнехеттского периода, ср. *pittāizzi* ‘он бежит’ (дворцовые хроники Хаттусилиса I, ВоТУ 12А I 12). Производные хет. *pittāi-* : *pittiḫali-* ‘живой, проворный, ловкий’, ^{LU} *pitiḫant-* ‘беглец, беженец’, *pittinu-/pittenu-* ‘обращать в бегство’.

Лик. *pddēne* встречается в ликийской части надписи из Ксанфа, TL 44 а 45 : *pddēne ke* : *xbānije* : *izredi* ⁴⁶ *ehbijedi* : *hātahe* : *tlāñ nele* : *nele* : *tarbide* ‘в бегство к Кавну обращали тлосцы (здесь им. пад. ед. ч. *tlāñ*, полная форма *tlāñna*) ежедневно (? : о выражении *nele nele* см.: *Carter Ch. Some unusual Hittite expressions for the time of day* // JAOS. 94. № 1), своей рукой (оружием?)’.

В анатолийском глагол **pata-* содержит редуцированный корневой гласный с переносом ударения на тематический элемент. На это указывает как ликийская-форма *pddēne*, так и древнехеттская графика, по которой этот глагол обычно записывался о помощью знака *pit/pid* : *pit-ta-*, *pid-da-*, и очень редко — *pi-it-ta-* (*Puhvel J.* // FS Neumann. P. 318).

31. **pu-/puḫa-* ‘растолочь, растереть’: хет. *puḫā(i)-* ‘раздавить, растоптать’, *puḫšša-* ‘давить’, *puššāi-/puḫaššija-* ‘измельчать’, *puḫulli-* ‘развалины’; лув. *puḫa-* ‘разбивать’ ¹⁸⁴; лик. *puwe-* ‘писать’ (< *‘выбивать на камне’) // и.-е. **pēu-/pū* : лат. *pavīre* ‘утрамбовывать’, лит. *piáuti* ¹⁸⁵.

Хет. *puḫāi-* ‘растолочь’ родственно лат. *pavīre* ‘утрамбовывать’, лит. *piáuti* и соответственно возводится к и.-е. **pēu-/pū*- (по-видимому, с апофонической долготой, не объясняемой ларингальным в корне). Хет. *puḫāi-* (3 л. ед. ч. *pu-u-ḫa-iz-zi*, *pu-u-ḫa-a-iz-zi*) может быть возведено к архаическому глаголу с редуцированной основой и формами на *-š(š)-*, имеющими параллели в лувийском: хет.-лув. *puḫššatari* ‘он размельчает, толчет’, хет. *puššaizzi*, *puḫaššijaddu* при лув. *pu-ḫa-a-ti*. От той же основы образовано хет. *puḫant-*, лежащее в основе старого глагола *puḫ- tarrija-* (ср. лув. *puntarija-lli-š* ‘упрямый’) того же типа, что *ḫuntarija-*, *pangarija-* и т. д. (см. выше), чем удостоверяется наличие многочисленного слоя производных от этого корня в дописьменный период истории хеттского и других анатолийских языков.

Лук. *puwe-* известно из трилингвы, где оно имеет значение ‘graver’ ¹⁸⁶: *sejerpñade kumaha ñti stali puweti (...kñmē) xñtawatahi xbideñnehi sejar*

¹⁸⁴ *Oettinger. Die Stammbildung...* S. 385.

¹⁸⁵ *G. Neumann. Indogermanische Sprachwissenschaft 1816 und 1966. 2. Zum Stand der Hethitologie. Innsbruck, 1967. S. 32; Oettinger. Die Stammbildung...* S. 385, 387.

¹⁸⁶ *Laroche. Stèle trilingue...* P. 112. Лик. А *pu-* не относится к этому корню, а означает, как следует из контекстов, ‘помещать’. Точно так же к другому корню относится лув. *puḫatil* ‘прошлое’ (= хет. *karuiliḫatt* ‘idem’), *puḫa* ‘давно, раньше’ (к суф-

ККазумahi ‘и вот, сделали, — Кумаха на стеле пишет, — этот алтарь (?), принадлежащий кавнскому правителю и Арказуме’. Там же: *ñti stali ppuweti me ebehî* ‘и на стеле записывает этой’. Э. Ларош вычленяет в лик. *puwe-* префикс *pe-* и основу *uwe-* ‘писать’, что нельзя полностью исключить из-за наличия мил. *uwe-* ‘(писать) ‘повествовать’. Однако частица *pe-* в лик., как и во всех хет.-лув. языках, имеет значение направленности к дальнему объекту, ‘hin-’, тогда как здесь следовало бы ожидать значения направленности внутрь чего-л., ‘ein-’. Более того, предлагавшийся ранее перевод мил. *uwe* как ‘писать’¹⁸⁷ едва ли точен (это значение известно у мил. *zaza-*, букв. ‘бить, высекать (на камне)’); видимо, *uwe-* относится к семантическому классу глаголов высказывания¹⁸⁸. Для лик. именной формы *puwa* (TL 102, 3) комбинаторно выводится значение ‘доля’.

32. *p(e)uk- ‘бить, отталкивать’: хет. *pukk-*, *pugg-*, *puqq-* ‘отвратительный, ненавистный’; лик. *puke-* ‘бить, разбивать’ // и.-е. **peuk-* ‘бить’: кучан. *pak-wāre* ‘плохой’.

В хеттском встречается ряд производных этой основы: *puggant-* ‘отвратительный’, *puqqanu-/pukkanu-* ‘делать отвратительным’, *pukkanzatar* ‘отвращение’.

В ликийском (милийском) сохранилось старое значение ‘бить’: TL 44 с 46—47 : *ñte ne puketi: xbidewñni: u laxadi: zrētēni* ‘и бьет боем кавнского врага’; TL 44 d 17—19: *me [pd]urade: eriklebe: trqqñti: p[u]kidi [t]i: qi[dras]* (восстановление наше) ‘и Гераклу божественному, который бьет (врага), предназначал (букв. ‘подарил’) *qidras*’ (вин. пад. мн. ч., см. примеч. 17). (Далее в надписи сообщается о некоторых других благодарственных действиях (после победы над врагом) по отношению к *zusi* = *Zeusi* и др., так что комбинаторно наше восстановление и толкование этого фрагмента, вполне оправданны.)

[(33) **puru-t* ‘глина, грязь’: хет. *purut* ‘глина, штукатурка’ // (??) и.-е. **prvo-* ‘грязь’, лит. *puĩvas* ‘грязь’, латыш. *purvs* ‘болото, топь’¹⁸⁹.

фиксу ср. лув. *han-til-*?), по-видимому, из и.-е. **bhuH-* ‘быть’, ср. аналогичные значения в таких производных, как рус. *былое*; если *рица* < **bhuH-*, то здесь (при структуре *-*uw-*, сходной с рус. *бывать*, *бывальи* и т. п.) представлено развитие **H* > *a*, известное и в случаях типа лик. *kbatra* ‘дочь’, иер. *tu-wa/i-tara/i-* ‘idem’ < **dhughHtr-* ‘дочь’ (ср.: *J. Hawkins* // *KZ.* 1978. S. 112 ff.).

¹⁸⁷ Королев. ХЛЯ. С. 86.

¹⁸⁸ Ср. мил. *mrbbas uwēti* ‘слова повествуют’. Мил. *uwe* < **huc-* восходит, вероятно, к тому же корню, что и общеслав. **vě-*, ср. др.-русск. *вѣтъ* ‘совет’, *вѣче* и др., общеслав. **vějati*, ст.-слав. *вѣцати* ‘говорить, объявлять’ (Miklošič, 387—8; SA. 330); авест. *vaēv* ‘устанавливать по суду’. Данный термин относится, вероятно, к общеевропейской правовой терминологии.

¹⁸⁹ Это сопоставление предложено в статье: *A. R. Bomhard. Some Anatolian etymologies* // *RHA.* 1973 (1976). Т. 31. Р. 112.

Данное слово представлено только в хеттском в формах им.-вин. пад. ед. ч. *pu-ru-ut*, отлож. пад. *pu-ru-ut-da-za*, твор. пад. *pu-m-ut-ti-it*¹⁹⁰.

И.-е. этимология, выдвинутая Бомхардом, могла бы быть еще одним примером развития слогового **r > ur* аналогично тому, как это имеет место в балтийском.

Более вероятно, однако, что это слово заимствовано из какого-то неиндоевропейского языка древней Передней Азии, и хеттские факты довольно определенно указывают на источник этого заимствования. В хеттском известен целый ряд слов, содержащих морфему *-pru-* (вариант *-pūru-*: KUB XXXII 137, 15) с начальным элементом *hu-* которые относятся к гончарной терминологии: ^{DUG} *huppar* 'ваза, миска', ^{DUG} *huprušhi-* 'миска', ^{DUG} *hūpūrušhi-* 'сосуд', ^{IU} *huprala-* 'гончар', ^{DUG} *hupurni-* 'сосуд'. Последнее слово возводилось Ларошем (JGS 2. P. 118) к хуррит. *ḥabur-/ḥubur* 'земля', но, судя по форме, перед нами в обоих случаях — хаттское заимствование (с распространенным в этом языке префиксом *h(a)-*), причем в хеттский это слово могло проникнуть из хурритского, тогда переход хатт. *ḥa- > hu-* мог осуществиться еще в хурритском под влиянием корневого *b/p*. Видимо, данный круг слов относился к особому рода гончарной технике, перешедшей вместе с соответствующими обозначениями к хеттам от неиндоевропейцев-хаттов в процессе длительных этнокультурных контактов.]

* * *

Сравнительно-исторический анализ фрагмента лексической системы хетто-лувийских языков позволяет сделать некоторые предварительные выводы, которые могут в дальнейшем иметь важное значение для характеристики доисторического периода существования их носителей. В первую очередь обращает на себя внимание сравнительно большое количество общих терминов, связанных с культовой сферой, терминов, определяющих отдельные стороны общественной жизни (т. е. относительно более поздних) при полном отсутствии общей производственной лексики. Едва ли это случайно; более того, анализ развития семантики конкретных языковых единиц показывает, что нередко специфическое значение типа 'пахать' одного хетто-лувийского языка в другом языке имеет более широкое значение 'бить, разрывать'. Отмеченная ситуация может указывать на то, что с периода выделения из индоевропейской диалектной общности хетто-лувийские языки не составляли единой и монолитной группы. Часть общей лексики (например, обозначения

¹⁹⁰ Наличие формы **puruteššar* (*Kammenhuber*. MIO 2. S. 436) отрицается исследователями (*Kronasser*. Etymologie... S. 291).

частей тела, социальная терминология) восходит к индоевропейской эпохе, другая же — ко времени контактного существования в пределах ограниченного ареала древней Передней Азии. Этот вывод не вступает в противоречие с археологическим материалом, свидетельствующим о наличии по меньшей мере двух волн хетто-лувийцев, продвигавшихся с северо-востока Малой Азии в южном направлении в IV—III тыс. до н. э. Привлечение более полного объема хетто-лувийской лексики позволит в будущем пролить свет на многие вопросы древнеанатолийского прошлого; этому предполагается посвятить отдельное исследование.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНО- ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ АНАТОЛИЙСКИХ ЯЗЫКОВ. ЧАСТЬ II*

Настоящей публикацией продолжается издание предварительных материалов для сравнительно-этимологического словаря хетто-лувийских (анатолийских) языков. Предварительность настоящего издания определяется рядом причин. Во-первых, основной целью было сведение воедино анатолийского материала по отдельным языкам. Что же касается общехетто-лувийской (общееанатолийской) реконструкции, в той мере, в какой она окажется возможной (при значительности лексических расхождений между хеттским и лувийско-ликийскими языками), она пока еще остается весьма приблизительной, так как не выяснен ряд существенных вопросов исторической фонетики и фонологии (характер трех серий смычных в анатолийском, число спирантов, характер долгот и акцентуационных парадигм), без решения которых восстановление общехетто-лувийских форм представляется достаточно условным. В особенности это касается серий смычных, где, в отличие от [Материалы 1], реконструкция приближена к традиционной индоевропейской.

Во-вторых, для части рассматриваемых форм могут быть предложены и альтернативные не индоевропейские этимологии, допускающие их заимствованный (в отдельных случаях северокавказский или картвельский) или ареальный характер. Окончательная интерпретация этих и других возможных объяснений откладывается до издания более полного историко-этимологическо-

* Издано под условным вынужденным заглавием: Материалы и реконструкции культурно-исторического процесса в древней Малой Азии // Надписи и языки древней Анатолии, Кипра и Античного Причерноморья. М., 1987. С. 106—191. Первую часть, содержащую основы на губные смычные, см. в работе: Часть 1.

го словаря анатолийских языков, в котором найдут место и сопоставительные оценки различных объяснений одного и того же слова. Цель настоящей серии публикаций — подготовить создание такого словаря, но не заменить его.

Обозначения языков и диалектов

авест. — авестийский; акк. — аккадский; алб. — албанский; англ. — английский; арм. — армянский; брет. — бретонский; валл. — валлийский; герм. — германский; гомер. — греческий гомеровский; гот. — готский; греч. — греческий; др.-в.-н. — древневерхненемецкий; др.-инд. — древнеиндийский; др.-ирл. — древнеирландский; др.-исл. — древнеисландский; др.-перс. — древнеперсидский; др.-русск. — древнерусский; др.-хет. — древнехеттский; и.-е. — индоевропейский; иер. — лувийский иероглифический; ирланд. — ирландский; кар. — карийский; картв. — картвельский; кимр. — кимрский; корн. — корнуэльский; кучан. — кучанский; лат. — латинский; латыш. — латышский; лид. — лидийский; лик. — ликийский; лит. — литовский; лув. — лувийский клинописный; мил. — милийский; ностр. — ностратический; оскск. — оскский; пал. — палайский; прусск. — прусский; русск. — русский; саам. — саамский; сван. — сванский; серб.-хорв. — сербохорватский; слав. — славянский; ст.-лат. — старолатинский; ст.-слав. — старославянский; тохар. — тохарский; укр. — украинский; умбр. — умбрский; хет.-лув. — хетто-лувийский; хет. — хеттский; чан. — чанский; чеш. — чешский; шумер. — шумерский.

Обозначения источников и словарей

- ABoT — Ankara Arkeoloji Müzesinde bulunan Bogazköy Tabletleri. Istanbul, 1948.
(2)BoTU — *F. Forrer*. Die Boghazköy-Texte in Umchrift. Bd. 2. Lpz., 1926.
HAB — *F. Sommer, A. Falkenstein*. Die hethitisch-akicadische Bilingue des Hattusili I. München, 1938.
IBoT — Istanbul Arkeoloji küzelerinde bulunan Bogazköy Tabletlerinden seçme metinler. Istanbul. I—1944, II—1947, III—1954.
KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi. Leipzig; Berlin, 1916 ff.
KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi. Berlin, 1926 ff.
LTU — *Otten H.* Luvische Texte in Umschrift. B., 1953.
TL — *Kalinka E.* TituliLyciae lincia Lycia conscripti // Tituli Asiae Minoris I. Wien, 1901.
VBoT — *Götze A.* Verstreute Boghazkoy — Texte. Marburg, 1930.
DLL — *Lariche E.* Dictionnaire de la langue louvite. P., 1959.
EHS — *Kronasser H.* Etymologie der hethitischen Sprache. Wiesbaden, 1966.
HW — *Friedrich J.* Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954.
LW — *Gusmani R.* Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964.
Pok. — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Wien, 1959.
Материалы I — *Айхенвальд А. Д., Баюн Л. С., Иванов Вяч. Вс.* Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса в древней Малой Азии // эпиграфи-

ческие памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический лингвистический источник. М., 1965.

da-* ‘брат, давать’: хет. *dā-* ‘брат’, лув. *da-* ‘давать’, иер. *ta-* ‘брат’, лик. *da-* ‘давать’; лид. *dav* ‘даю’ (?) // и.-е. **dō-* : **də*, **do-u-* : **dəu-* : *du-* ‘давать’ (Пок. 223 ff.); др.-инд. *dá-dāti* (аор. *á-dā-m*) ‘дает’; арм. *ta-m* ‘даю’; греч. *δίδομι* ‘даю’, алб. *dashë* ‘(я) дал’ (də-sm*), лат. *dō* ‘даю’, лит. *diūmi* ‘даю’, *daviai* ‘(я) дал’, ст.-слав. *-davati* ‘(раз)давать’.

Семантика глагола *dā-* в хеттском отражает вторичное развитие значения, входящего в понятийный круг архаичного дарообмена. Как и хет. *dai-* ‘класть, ставить’, глагол *dā-* относится к *hi*-спряжению. Почти обязательное наличие scriptio plena в корне (ср. 1 л. ед. ч. наст. вр. *da-a-aḫ-ḫi*, 2 л. *da-a-at-ti*, 3 л. *da-a-i*, 1 л. мн. ч. *da-a-ḫ-e-ni* и т. д.) характеризует парадигму этого глагола как баритонированную¹.

Хет. *dā-* несколько раз встречается уже в древнейшем тексте Анитты и в других древнехеттских текстах в значении ‘захватить, взять (город и т. п.)’, ср. КВо III 22 VS 6: [nu^{UR-U}] *Ne-e-ša-an iš-pa-an-di na-ak-ki-it da[-a-aš]* ‘и город Несу ночью он приступом взял’. *Da-* часто встречается в памятниках Средне-го и Новго царств. Пример из биографии Хаттусилиса (Ḫatt. A. 17): *nu-tu A-BU-IA TUR-an ša-ra-a da-a-aš* ‘и меня. маленького, отец мой взял’.

Глагол *dā-* входит в состав некоторых сочетаний, которые можно рассматривать как фразеологические. 1) *-za dā-* ‘взять (себе) в жены’ в др.-хет. тексте о Цальпе (КВо XXII 2VS 19):]*x-uš-za ni-e-ku-šum-mu-uš da-aš-ke-e-ḫ-e-n [i-n]u le-e ša-li-ik-tu-ma-ri* ‘не возьмем их, наших сестер, в жены, и не совершим проступка’; 2) *IGI^{HL.A}-ḫa (šakuḫa) dā-* ‘взглянуть, обратить взор’, ср. в Первой военной присяге (КВо VI 34 VS I 42—43): *nu-za-an A-NA KUR^{URU} HAT-TI^{LU} KUR-li IGI^{HL.A}-ḫa da-a-i* ‘и на страну Хатти взор подобно врагу обратим’².

¹ О распределении и.-е. глаголов на парадигматические классы в зависимости от типа акцентной парадигмы см.: С. Л. Николаев, С. А. Старостин. Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования. 1961. М., 1982. С. 261 сл. Не исключено, что парадигма хет. *dai-*, который первоначально должен был относиться к тому же классу, что и *da-* (глаголы на гласный/ларингал: Там же. С. 335), была перестроена по подвижному типу (ср. балтийские языки), что способствовало лучшему различению форм этих глаголов. Некоторые формы, однако, совпадают. Среди них высокоупотребительные формы 3 л. ед. ч. наст. врем. *da-a-i* ‘берет’, ‘ставит’, мн. ч. *da-a-ir* ‘берут’, ‘ставят’. Перечень форм обоих глаголов см. в книге: H. Kronasser. Etymologie der hethitischen Sprache. Wiesbaden, 1966. S. 535, 539.

² О принадлежности формы *da-a-ik* к парадигме глагола *dā-* ‘брат, давать’ (ср. омонимичное *da-a-i* < *dai-* ‘ставит, класть’) см.: H. Oettinger. Die militärischen Eide

К сфере правовой терминологии относится, вероятно, выражение **ešhar dā-* ‘взыскать (за пролитую) кровь’, ср. др.-хет. 2BoTU 23 A II 48—49: *ka-ru-ú-ца e-eš-ḥar*^{URU} *Ḥa-at-tu-ši na-ak-ki-eš-ta nu-ца-ra-ta-pa DINGIR*^{MEŠ} *šal-la-i ḥa-aš-ša-an-na-i da-a-ir* ‘прежде в городе Хатусе кровопролития (букв. крови) было много, и боги взыскали за это (букв. взяли ее, т. е. кровь) у царского рода’. В индоевропейском, как уже отмечалось³, ‘возмещение за кровь’ входило в круг терминов с ритуально-правовой семантикой, обозначающих ‘возмещение’, ‘плату’ вообще.

Вероятно, реликтом первоначальной недифференцированности понятия ‘платы’, ‘возмещения’ является употребление одного и того же глагола *dā-* в выражениях типа *ešhar dā-*, с одной стороны, и *ḥappar dā-*, букв. ‘взять цену’, т. е. ‘согласиться на сделку’, с другой.

В функции вспомогательного глагола в составе сложных глагольных форм хет. *dā-* передает значение инхотатива, ср. KBo XVI 50 14—16: *nu-za-kan*^{LU} *KUR-aš ua-al-ḥu-ца-an-zi da-me-e-da pé-e-di da-a-i* ‘и враг начинает нападать в другом месте’.

Значение ‘давать’ у глагола *dā-* отмечается в лувийском в форме *da-a-ad-du-ца-ar* 2 л. мн. ч. наст. вр. среднего залога⁴ (но лув. иер. *ta-* ‘брат’), где присутствует *scriptio plena* корневой морфемы: напр., KUB IX 31 II 25—26: *pa-a-tar a-ap-pa sa-aš-ta-an-sa aš-tu-um-ma-an-ta-an-sa-ta at-tu-ua-la-ḥi-ti n-iš da-a-ad-du-ца-ar* ‘а з.а. (вин. пад. мн. ч.) ‘злу вы не отдадите’ (ср. хет. медиальные формы от глагола *dā-* типа 3 л. ед. ч. наст. вр. *da-at-ta-ri* ‘[он] берет’, 2 л. претер. *da-(a)-at-ta* ‘[ты] взял’). Однако следует иметь в виду, что в лувийско-ликийской группе значение ‘давать’ передается обычно глаголом *pi(ia)*, ср. хет. *pe-*, *pat-/pija-* ‘id.’. И в клинописном лувийском лишь один раз встретилась форма от **da-* в специфически ритуальном контексте в таком значении.

Несколько иная ситуация наблюдается в ликийском. При том что в надписях широко употребляется глагол *pije-* ‘давать’, известны и случаи появления глагола *da-* с тем же значением. В ликийском А оба глагола как будто взаимозаменяемы, ср. TL 78 1—2: *ebēnnē test me ne prīnawatē xuprija sei*

der Hethiter. Wiesbaden, 1976. S. 114. В то же время известны примеры, когда в этом выражении используется глагол *dai-* ‘ставить, класть’, ср. Kum. 1 2: *nu-kán LUGAL*^{URU} *Kum-mi-ia IGI*^{HL.A} *-in ti-iš-ki-iz-zi* ‘и царь города Кумми взор обращает’ (*tiškizzi* — форма с суффиксом *šk-* от *dai-* ‘ставить’).

³ См.: Гамкрелидзе—Иванов. С. 809 и сл. Кровной мести у индоевропейцев специально посвящена недавно вышедшая статья: В. Э. Орел. Об одном институте индоевропейского права // ВДИ. 1986. № 1.

⁴ DLL. P. 88, со ссылкой на: Г. Оттена. Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung der Luvieschen. В., 1953. S. 47.

neṗṗne pijete esedeṗṗnewe naxa[h] ‘эту гробницу построил Куприя и (пере)дал ее потомству Маки’; TL 84, 1, 3—4: *ebēṗṗne prṗawā me ti prṗnawatē misretije* ⟨...⟩ *se dadē krṗmā ijase atlahi* ‘это строение построил Мизретийе ⟨...⟩ и (пере)дал памятник своим *i*.’

В милийском, как мы уже писали об этом ранее⁵, глагол *da-/du-* ‘давать’ сосуществует с *pije-* ‘ид.’, но используется для обозначения передачи чего-либо какому-то лицу, тогда как *pije-* обозначает как «передачу вообще», так и приношение божеству и часто появляется в ситуациях, описывающих ритуальные действия.

Наконец, лид. *dā-* ‘давать’ (LW, 5, 96—97) (назализация объясняется соседством с *N) представлено 1 л. наст. вр. или прет. *dāv*, ср. 23, 6: *q^λ dēt amu dāv* ‘которому имуществу я (пере)дам/л’. По мнению Мериджи, лид. *dēt* ‘состояние, имущество’ восходит к этому же корню⁶, что вполне вероятно: причастие на *-nt-, *dā-, средний род которого *dāv* (омонимичный 1 л. ед. ч.) — сохранился в лидийских датировочных формулах типа 3, I: *brvāv* III II *aliksāntrul dāv* ‘в год ⟨...⟩ Александра дано’.

**dalug(h)-* ‘длинный’: хет. *d/talugi-* ‘длинный, долгий’, *taluganu-* (тк. *saluganu-?*⁷) ‘удлинять’ // и.-е. **delīgh-*, **dīghó-* ‘длинный’: др.-инд. *dīrghá-*, авест. *darəga-*, *darəga-* ‘длинный’; греч. *δολιχός* ‘длинный’; лит. *ilgas* ‘длинный’; ст.-слав. *dlъgъ* ‘длинный, долгий’ (Рок. 197).

Хет. *dalug(i/a)* выступает в различных производных как тематическая основа *daluga-*, ср. *daluganu-* ‘удлинять’; *i*-основа, ср. прилагательное *dalugi-* ‘длинный, долгий’; дат.-мест. пад. мн. ч. *da-a-lu-ga-u-ua-aš* (KUB XXVII 67 III 40; III 44) свидетельствует о появлении вторичной *u*-основы⁸, т. е. **dalugu-*; атематическая основа *dalug-*, ср. *dalug-ašti* ‘длина’ (с соответствием в ст.-слав. **dlъg-ostъ*, тот же суффикс *-ašti* в *palh-ašti* ‘ширина’ и др.), *dalug-n(u)-ula* ‘надо удлинить’ (< *daluganu-*), ср. параллельное употребление *parganula* ‘надо возвысить’ и *dalugnula* ‘надо удлинить’ в KUB XII 63 Vs 30 f.

Хет. *dalugi-* часто встречается в ритуальных текстах, образуя устойчивое сочетание ‘долгие годы’ (с МУ.Ц.А), которые, наряду с другими благами, призваны обеспечить исполнение ритуала. Ср. КВо XXI 22 Vs 18—19: *ka-a-ša^{GlS} ERIM kar-pi-i-e-mi nu la-ba-ar-na-aš ta-lu-. ga-uš* МУ.^{III.A.} *-uš uš-ne-eš-ki-mi* ‘Смотри! Я поднимаю весы и взвешиваю долгие лета лабар-

⁵ См.: Материалы I. С. 57 сл.

⁶ P. Meriggi. Die erste Person singularis im Lydischen // RHA. 1935. 5/19. S. 69 ff.

⁷ Чередование *d-/z-* в анлауте глагола *daluganu-* объясняется наличием в хеттском палатализованных дентальных, вызывающих также чередование *d/l*: Weitenberg. U-Stämme. S. 471 (ср. еще: P. Josephson // Huidg. S. 91 f.).

⁸ Weitenberg. U-Stämme. S. 272.

ны⁹. Особого внимания заслуживает передача хеттского веллярного посредством знака *-q(a)*, чередующегося в других формах этой основы с *k* и *g*. Сходное варьирование наблюдается также в хет. *mekki-* ‘большой’ (< **megh-/meg-*) и некоторых других случаях, что позволяет предположить особый характер хеттского веллярного, восходящего к и.-е. **gh*.

В других анатолийских языках основа **dalug(h)-* не обнаружена. В лувийском клинописном ее вытеснило синонимичное прилагательное *a(r)rai-* (иер. *ara-*), имеющее соответствие в тох. А *aryu-*, ср. *a-ar-ra-ia-ti* MU.^{HLA}-*ti* ‘долгими годами’, *aranu-* ‘удлинять’ (хет. *daluganu-*: DLL. P. 30).

**dam(a/e)-* ‘давить; присоединять’: хет. *dltamaš-*, *dameš-* ‘подчинять силой; давить, теснить’, *tamenk-* ‘прижиматься, присоединяться»; лув. *damaš-* ‘доминер; господствовать’, (?) лик. *esi-tīmāta* ‘присоединенный, совместный’ // и.-е. *(*demə-*), **domə-*, **d^omə-* ‘приручать, укрощать’: др.-инд. *dāmyāti* ‘приручает»; греч. *δαμνάμι*, ион. *-ημι* ‘укрощает»; лат. *domō* ‘укрощаю, приручаю’¹⁰, др.-ирл. *damnaim* ‘завязываю, укрощаю (коней)’, гот. *ga-tamjan* ‘приручать, укрощать’ (Рок. 199 f.).

Хет. *dltamaš-* употребляется как для обозначения конкретного действия ‘жать, давить’, так и в переносном смысле — ‘теснить, покорять’, ‘дрессировать’ (применительно к лошадям в тексте, связанном с коневодством)¹¹. Из др.-хеттских примеров сошлемся на фрагмент о войнах с хурритами (2 Во TU 21 КВо III 60), где засвидетельствована форма *ta-me-eš-šu-en* ‘мы покорили (страну)’. Применительно к веществу ср. *an-da da-ma-aš-zi* ‘выдавливает, втирает?’ (КВо IV 21 42 ff., ритуальный текст); о враге, неприятеле: *-kán da-ma-aš-šu-un* ‘я теснил/покорил’ (Нат. II. II 23)¹². Когда в качестве субъекта

⁹ См.: перевод в В. Г. Ардзинба. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. С. 107.

¹⁰ Иное объяснение лат. *domō*, гр. *δαμνάω* и др. получают в статье: Ю. Б. Откупщиков. Словообразование — семантика — этимология (о происхождении лат. *dominus*) // Античная культура и современная культура. М., 1985. С. 176 сл.

¹¹ Представляет интерес гипотеза Бенвениста об отражении в осетинском (скифском) *домын* ‘укрощать’ специального коневодческого значения корня, которое не представлено в других индоиранских языках (E. Benveniste. Homophones radicales en indo-européen // BSL. 1955. 51. I). Это свидетельство важно потому, что с исторической точки зрения вполне вероятны связи скифских коневодческих племен с месопотамскими (арийскими). Об особом положении осетинского и скифского языков среди других иранских см.: E. Benveniste. Notes avestiques // Asiatica. Festschrift F. Weller. Lpz., 1954.

¹² В связи с семантическим анализом хет. *damš-* в свете индоевропейских параллелей интересно отметить, что значение ‘покорять, побеждать’ у этого глагола находит прямые аналогии в ведийском и греческом. См.: E. Benveniste // BSL. 1955. Vol. 51. F. 1. P. 23.

действия выступает некоторое отвлеченное понятие типа 'смерть', соответствующее слово принимает суффикс активных имен $-(a)nt-$ ¹³: *GIG-an-za pa-ra-a ta-ma-aš-ta* 'болезнь давила', ср. еще *-at ħinganza ta-wa-aš-ta* ⟨...⟩ *kururanza ta-ma-aš-ta* 'смерть ее (т. е. страну Хатти) постигла (букв. 'давила'), ⟨...⟩ враг притеснял'¹⁴. В подобных случаях *damaš-* нередко выступает в форме среднего залога (как депонентный глагол, ср. EHS, S. 396): *nIa-an GIG-an-za ta-ma-aš-ta-at* 'и его болезнь одолела' (KUB XXIV 4 I 15).

Индоевропейские параллели хет. *damaš-* позволяют исторически выделить в нем корневую часть *dam-* и суффикс, который, исходя из наличия др.-хет. *tameš-*, производного *dammīšsar* 'тяжесть, притеснение', а также *dammešha-* 'насилие'¹⁵, реконструируется в виде **-es-* и может быть сопоставлен с аналогичным суффиксом глаголов типа *lukkeš-* 'становиться светлым', *parkeš-* 'возвышаться' и др.

К хет.-лув. **dam(a/e)-* предположительно возводится хет. *t/damenk-* 'прижиматься, прикрепляться; присоединяться' с последовательностью суффиксов *-n-* и *-k-* (по семантике ср. др.-ирл. *damnaim* 'завязываю'), ср. причастие *da-me-in-kán-za* 'прикрепленный, склеенный, соединенный', *-ši-kán ta-me-ik-ta-ru* 'пусть к нему присоединится' (KUB IX 4 II I f.)¹⁶.

В ликийском известна причастная форма (*esi*) *tīmāta* (TL 35, 18), для которой комбинаторно выводится значение 'присоединенный; совместный' (< **dam-*; ликийские глухие в позиции рядом с сонантом часто отражают старые звонкие согласные, ср. лик. *ñte* ~ хет. *anda* 'в, внутри'). Отсутствие явной семантической близости этой ликийской формы к рассмотренным выше хеттским делает это сближение крайне гипотетичным.

**daru-*, **dru-* 'дерево': хет. *taru(-)* 'id.', лув. *dāru(š)* 'статуя' (первонач. деревянная?); иер. *tarus-*; лик. *truwe* 'сильный, крепкий' // и.-е. **deru-*, **dōru-*,

¹³ Об этом суффиксе в связи с переводом инактивных имен среднего рода в семантически активный класс см. уже: Вяч. Вс. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1985. Гл. 11; См. также: E. Laroche. Un 'ergatif' en indo-européen d'Asie Mineure // BSL. 1962. Vol. 57. F. 1; E. Benveniste. Les substantifs enant du hittite // BSL. 1962. Vol. 57. F. 1.

¹⁴ Иная интерпретация этого фрагмента у Герни (O. Gurney. Hittite Prayers of Mursili II // AAA. 1940. 27. S. 1 ff.), который видит в формах на *-nza* отложительно-творительный падеж ед. ч. Подобное объяснение неприемлемо как по морфологическим, так и по синтаксическим соображениям.

¹⁵ О возможности членения этого слова на **dameš-šna* см.: A. Goetze. Die Pestgebete des Muršiliš. S. 172.

¹⁶ Обсуждение хет. *damenk-* с попыткой его этимологии см. в работе: N. van Brock. 1961. P. 52 f.

dr(e)u*, **drū-*, 'дерево' (Pok. 214 f.) : др.-инд. *dāru* 'дерево', *dhruvá-* 'твердый, крепкий' (*dh-* в анлауте у Pok. объясняется как «volksetym. Anschluss an dhar- 'halten, stützen'») — S. 214), авест. *dr(u)vō*, др.-перс. *duruva* 'здоровый, невредимый', арм. *tram* 'сильный'; гот. *triu* 'дерево' (dreu-*), лит. *su-drus* 'пышный, разросшийся' (о кроне деревьев), балт. **drūta-* 'сильный, крепкий', праслав. **druca-* 'дерево'.

Хет. *taru(-)* 'дерево' входит в число архаичных основ среднего рода (типа *geni* 'колено') и прямо соотносится с греч. *δῶρον*. Родственные этой основе формы древнеиндийского и греческого содержат старые суффиксы *-*n/ -r* + *-*t*, ср. греч. *δούρατος* (эп.-ион. род. пад. к *δῶρον*), вед. род. пад. *dru-ṅ-aḥ*.

Известны хеттские производные от *taru(-)*: *taru-ūāi* 'прикреплять к дереву'; причастие *GIŠ-ruṣant* (= *taruṣant-*) встречается рядом с *išihijant-* 'связанный' в магических ритуалах. Кронассер связывает с этой основой ^{GIS}*allantaru* 'какое-то дерево' (EHS, S. 250), хотя Вайтенберг (U-Stämme, s. v.) квалифицирует эту интерпретацию как 'volksetymologisch'. В пользу этого, казалось бы, говорит обычная запись второй части слова посредством идеограммы *GIŠ* 'дерево' : дат.-мест. ед. (*GIŠ*)*al-la-an-an GIŠ-ru-i*, им.-вин. ср. (*GIŠ*)*al-la-an-an GIŠ-ru*.

Значительный интерес представляет форма *tara-uara* 'обеденный стол', обнаруженная Боссертом в иероглифическом дунайском. Эта форма может свидетельствовать об общелувийском характере основы *daru-*, которая присутствует в лув. *da-a-ru-uš-sa* (ALAM-ša) 'статуя, изображение' (первоначально деревянная?)¹⁷. Вероятно, к этой же основе восходит и лув. прилагательное *tar-ú-e-ia* (в поврежденном контексте), где речь, вероятно, идет о статуе божества (KUB XXXV 108 III. 12): *GIR*^{MES}*-ta-du tar-ú-e-ia* 'ноги твои (букв. 'тебе') из дерева'.

Наряду со значением 'дерево' большинство индоевропейских языков развивают у данной основы и ее производных особую семантику, связанную с качественной характеристикой объекта как 'твердого', 'прочного' и т. п. Это же мы находим в ливийском (TL 44 в лат. 33): *truwe-pe-j-adi teru* 'делает войско сильным', что дает, с учетом общелувийских данных, картину, сходную с той, что наблюдается в индоиранском, славянском и других индоевропейских языках.

**des(u)i* 'сильный, мощный': хет. *daššu-* 'сильный, крепкий, мощный', *daššes-* 'укрепляться', лик. *ddeze-* 'укреплять', мил. *dezi* 'мощный, сильный'; (??) лид. *tavša* 'сильный' (с неясным развитием в анлауте) // и.-е. **dens-*

¹⁷ О лув. *dārušša* см.: H. Otten. Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung die Luvischen. Berlin, 1953. S. 103.

‘густой, плотный’ (Рок. 202 f.), греч. *δαρύς* ‘плотный, толстый’, лат. *dēnsēō*, *-ēre* ‘делать плотным, крепким’ (деноминатив от *dēnsus* ‘плотный’).

Семантика хет. *daššu-* (идеогр. *DUGUD*) в основе своей содержит представление о высокой степени силы, тяжести, крепости применительно к физическим объектам и к абстрактным понятиям, ср. *DUGUD-un ar-pa-an* (оракул, KUB V I III 67) ‘тяжелое бедствие’, *NA₄ <...> d[a-aš-šu-uš]* (военная присяга, KUB XVII 26, см. ниже) ‘камень <...> крепок’; как определение к богу DINGIR означает ‘сильный, могущественный’ (синоним — *nakki-*), при ANŠU.KUR.RA ‘лошади’ — ‘сильные’ (антоним — *melišku-* ‘слабый’).

Производные формы, как правило, не содержат суффиксального элемента *-u-*; это глаголы *daššanu-* ‘укреплять’ (ср. отглагольное имя *ta-aš-nu-mar* ‘усиление, укрепление’), *daššiia-* ‘быть сильным, крепким’ (*da-aš-ši-ia-tar* ‘сила’, ср. [*tu-*] *ik-ga-aš da-aš-ši-ia-tar* ‘физическая сила’, букв. ‘сила тела’ — текст заклинания КВо XVII 54 I II), *daššeš-* ‘становиться сильным’¹⁸.

Прямое и переносное значения *dašš(u)-* используются параллельно в ритуальном контексте второй военной присяги хеттов (KUB XLIII 38 Rs 25—28):
₂₅[*EGIR-an*]-*ma-aš-ša-an NA₄ ŠU-it kat-ta ap-pa-n-zi nu [an-da]*₂₆ [*ki-iš-š*]*a-an me-mi-an-zi ka-a-aš-ua NA, ma-ah-ḫa-an d[a-aš-šu-uš]*₂₇ [*EGIR-an-d*] *a-ḫa-aš-ša-NI-IŠ DINGIR^{LIM} i-na-an-na I-NA[SA-KU-NU]*₂₈ [*QA-TAM-MA*]*da-aš-ši-iš-da*
 ‘Затем камень рукой подхватывают и так говорят: Смотрите! Как тверд этот камень, клятвы и сила¹⁹ в вас (букв. ‘внутри вас’) да станут так же тверды!’.

Продолжение хет.-лув. **des(u/i)-* обнаруживается в ливийском. мил. *dezi* (< **desi-*) ‘могущий, могучий’ выступает в качестве определения к апеллативу *mutala* (< хет.-лув. *muṭalli-*) (?) ‘завоеватель (?)’. В лик. А известен глагол *ddeze-* (~ хет. *daššiia-*) с каузативным значением, ср. надгробную надпись из Лимиры (TL 107 в) *ḫi [?] unumezē: se te ni ḫd [d] ezedu: tike* ‘это (вин. пад.) [.]унумезе (построил). И пусть никто не увеличит’ (т. е. не пристроит гробницу?). Ликийские формы сохраняют старый корневого вокализм **-e-*, отражающий и.-е. **e* (при *a* в других хет.-лув. языках²⁰).

¹⁸ Соотношение основ на *-u-*, *-i-* и тематической основы у *daššu-*, *daššu-ia-* и *dašša-nu* аналогично тому, что отмечается у хет. *aššu-* ‘хороший, добрый’ *-ašši-ia-* ‘быть расположенным’, *ašša-nu-* ‘делать добрым, хорошим’ и в ряде других форм.

¹⁹ Хет. *inan* переводится Н. Эттингером как ‘Krankheit’ (*N. Oettinger. Die milit. Eide. S. 21*). Однако, судя по контекстам, это слово означало нечто положительное, что должно ‘укрепиться’ в войнах вместе с присягой. Более вероятной представляется связь этого слова с хет. *uinar(-)* ‘сила’ (ср. *in(n)arauatar* ‘жизненная сила’, лув. *an(n)arumahi(-)* ‘id.’, содержащим другой вариант гетероклитического суффикса. Переосмысление исхода основы *inar(-)* как суффиксального элемента (ср. и.-е. **Hher:* Рок. S. 765) и появление «гетероклитического» варианта *inan(-)* могло произойти в какой-то период доисторического развития хеттского языка.

²⁰ Ср. еще лик. *ebe-*, хет., лув. *apa-* ‘он, этот’ (*A. A. Королев. ХЛЯ. С. 86*).

Что касается лид. *tavśa-*, семантически и функционально сходного с хет. *daššu-* (ср. лид. *qlđānā tavśaś* 'могучий/великий Аполлон' — LW 23, 3), то, очевидно, следует принять его сопоставление с др.-инд. *taviti* 'ist stark, hat Macht', греч. (Нес.) *ταῦς μέγας, πολύς*; ст.-слав. *tyju, tyti* (к и.-е. **tēu-* 'achwellen' Pok., S. 1080 ff.)²¹.

**diu-* 'бог, божество': хет. *šiu-*, *šiu-*, *šiu-*, *šiu-*, *šiu-* 'бог' и ряд др., *šiu-* 'день'; лув. *ti-ya-ri-* 'Soleil' (plante): DLL, p. 98, лув. *^dTiuat* (теоним бога грозы); пал. *tiuna-* 'бог', *^dTiiaz* (теоним); лид. *civ-*, *tiv-* 'бог'; лик. *ziwi* (ед. ч.), *zawa* (дат. мн. ч.) 'бог' // и.-е. **dej-*, **ejə-*, **dī-*, **dīa-* 'сиять, светить': др.-инд. *^ddīdē-i* 'светит' и т. д.; с расширителем **-u-*: **deju-*, *dieu-*, *diu-*: 'ясное (обоженное) небо, день'; др.-инд. *dyauh(diyāuh)* 'небо'; др.-гр. *Ζεύς* (< *dyāuh*), лат. *Ju-piter*, умбр. *Jupater*, лат. *diēs, di* 'день', др.-ирл. *dīe*, прокл. *dīa* 'день'; с расширителем *-n-*: ст.-слав. *днь*, лат. *nundinae* 'ярмарка в каждый девятый день', др.-ирл. *denus* 'временной промежуток', алб. *gdhinj* 'светает', лит. *dienà*, лтш. *diena* 'день' (Pok. 183 f.).

В хеттском языке основа *šiu-* 'бог' засвидетельствована в древнехеттской надписи царя Анитгаса, одном из древнейших памятников хеттского языка, ср. 2 ВоТУ 7 30, 39: *ud-ne-e hu-u-ma-an-da^{URU} Za-al-pu-az an-da a-ru-na-aš k[u-e-mi-un] ka-ru-ú IU-uh-na-aš LUGAL^{URU} Za-a-al-pu-ца^d Si-ú-šum-m[i-in]^[URU] Ne-e-ša-az^{URU} Za-a-al-pu-ца pi-e-d [a-aš]* 'Все страны от города Цалпувы (по направлению ?) моря разбил я; прежде Ухна, царь (из) города Цалпувы бога Сиусумми (букв. 'Нашего бога') из города Несы в город Цалпуву унес'. В этой надписи *šiu-* встречается в сочетании с архаичным притяжательным местоимением: *^dšī-i-us-mi-is* 'наш бог' (2 ВоТУ 7 30, 47), *^dšī-u-šum-mi-in* 'нашего бога' / *šiušum-min* < **siun-smin*, где *siunī* — вин. пад. ед. ч. от *šiu-* (2 ВоТУ 7 30, 39, 41, 47). Слово *DINGIR-uš-šī-uš* (вин. пад. pl. *DINGIR-mu-uš šiušuš*) встречается и в некоторых других текстах (форма им. пад. ед. ч. — KUB XXIV 2 Vs. 3 1 13, KUB XXXIII II III 18; форма вин. пад. мн. ч. — KUB X 5 VI 5, KUB XXX 35 IV). Написания *DINGIR-uš* наряду с *DINGIR^{LIM-}aš*, *DINGIR^{LIM-}iš* могут отражать чередование основ *a/i*, ср. это чередование в лексеме *šiu-na/i*, для которой также засвидетельствовано двойное склонение²². Основа *šiu-na/i* 'бог' встречается уже в древнейших текстах: в надписи царя Анитгаса наряду с *šiu-* в аналогичной конструкции употребляется и равнозначное *šiu-na-* (*^dšī-u-na-šum-mi-iš*, 2 ВоТУ 7 30, 57). Основа на *-n(a)* выступает и в некоторых архаичных выражениях, ср., в частности, *šiu-na huitar* 'жи-

²¹ H. L. Gusmani. LW. S. 81 f.

²² См. о возможности иной трактовки: H. Kronasser. Das hethitische Wort für gott // Sprache. 1959. 5. S. 55—70.

вотный мир богов' = 'дикие звери' с тем же использованием *šiu-*, что и в общиндоевропейских оборотах, отразившихся в лтш. *dieva suns* 'собака бога' = 'волк' и т. п. Архаично также выражение *ši-u-na-an an-tu-uh-ši-iš-ša* 'люди богов/прорицатели', встречающееся в древнехеттском документе Телепинуса (BoTU 23 A II, 33); засвидетельствованная в этом сочетании архаичная форма род. пад. мн. ч. на *-an* встречается в нескольких текстах: *šiuṇan* (Bo 2544 III 18), *DINGIR^{MES}-nan* (KUB XXXI 143, Rs. 4)²³. От основы с расширителем *-n*-представлен целый ряд образований²⁴: прилагательное *ši-u-n-i-an-* 'божественный', употребляющееся в некоторых текстах в конструкциях, синонимичных конструкциям с формой родительного падежа *šiuṇan* в древнехеттском языке; *šiuannant-* 'бог' (KUB XIII 4 1 27); отыменной глагол *šiuṇiahh-* 'быть пораженным богом' (Законы, § 163; древнехеттский текст BoTU 23 B IV 15); *^{MINDA}šiuṇandananni* 'хлеб; божественная еда (?)' (KUB XVII 24 11 19 и др.), *^{SAL}šiuansanna* 'мать бога' (жрица) (KUB XIII 2 II 32 и др.)²⁵ (здесь представлено сложное слово, состоящее из двух именных морфем, связанных между собой атрибутивной связью).

Интересно образование хеттской лексемы *šiuṇat-* 'день' от основы *šiu-* (ср. параллелизм хет. *šiuṇat* 'день' ~ *šiu-* 'бог', лат. *dies* ~ *divus/deus* и др.). Гетце²⁶ отметил аналогию в образовании хет. *šiuṇat(ti)* 'день, днем' и хет. *lukat(ti)* 'утро, утром'; и в том и в другом случае представлены старые локативные образования с наречным формантом *-at*, ср. тот же формант в готск. *mēnō s*, д.-в.-н. *mēnōt*, ср. употребление лексемы *šiuṇat*: 2 BoTU 7 60 *ša-ni-ia ši-ua-at* 'в тот же день', KUB XX 4 VI I *ḥa-an-te-ez-zi-ia ši-i-ua-at* 'в первый день', *ši-ú-ua-at-ta* 'днем'. Вместе с тем *šiuṇat* близко по структуре с лувийским теонимом *^dTiṇatt-*, палайским *^dTiṇas*; ср. тот же формант *-at* в *Ašijāt-*²⁷. Возможно, что этимологически тождественная основа представлена в хет. *šija-* 'показываться'.

Древнехеттские основы *šiu-*, *šiuṇ-* присутствуют в составе апеллятивов на каппадокийских табличках, ср. такие имена, как *šiwāšmi*, *Šiwanala*, *Šiuri*, *Šimnuman* < **Šiu-n-uman*.

В лувийском общепанатолийский корень **tiu-* сохранился в апеллятиве вин. мн. *ti-ua-ri-ia* (с ротацизмом *-t- > -r-* или с суффиксом *-r-*), а также в со-

²³ См. об этой форме: Й. Фридрих. Краткая грамматика... § 68. С. 69; F. Sommer. Nethiter und Hethitisch. S. 48—49.

²⁴ См. подробный анализ истории слов с этим корнем в статье: Вяч. Вс. Иванов. Из истории индоевропейской лексики клинописного хеттского языка // Хеттологический сборник. М., 1960.

²⁵ См.: F. Sommer, H. Pedersen. *Muršiliš Sprachlähmung*. København, 1934.

²⁶ См.: A. Götte. *On the Hittite Words for year, seasons, night, day* // *Language*. 1951. V. 27. 4. P. 467—476.

²⁷ См.: Ibid.

ставе теонима ^dTi^uatt- (^dUTU ‘Солнце’, иер. СОЛНЦЕ -wat); что касается форм *ti-u-li-ia* ^DIŠ^TAR (KUB XV 35 I 21), *ti-u-li-ia* D_V (КВо VIII 69, 5), то это, вероятно, лувийские формы в хеттском тексте. Лувийская основа *ti^uara* входит в состав древнеанатолийского топонима *Šalati^uara*; это сложение того же типа, что и ТП *Šallaḥašš^uu^a* (‘Велико-царский’, ср. хет. *šalli-* ‘большой’ в ряде фразеологических сочетаний в смысле ‘царский’).

Основа *tiuna-* ‘бог’ (наряду с *marḥa-* ‘бог’, см. ниже) в палайском: КВо XIX I 53 III 16’—17’: [nu-ú ^DZa-pár-u] a-a ti-ú-na-aš ti-ú-na[-aš] [ḥa-la-iš-ta] ni-i pur-ta-ḥi-iš-ta ni-[i] ‘Бог Цапарва, бог (Цапарва)! Колдовство с тобой да не (будет)! Магия с тобой не (будет)!’.

В позднеанатолийский период основа **diu-* широко представлена в миллийском и лидийском, но отсутствует в ливийском А, где в значении ‘бог’ используется лув.-лик. **masa(na)-* (лик. А *mahāna(-)*, *māni* и др.). В миллийском заовидетельствованы обе основы *-ziu/siw-* (< **diu-i-*) и *masa(-)* (< **masa-n-*); ср. 44 d 50 *ziu: sukredi: kibe: pasbu:* ‘или же бога он чтит/ перевозит (?) и войско’, 44 d 7 *sawa* ⟨...⟩ *qñnātba* ‘двенадцати богам’. Однако в сочетании ‘общинные боги’ регулярно появляется мил. *Masa-*, ср. 44 d 13—14: *mepe: stt-₁₄ [ā]ni: trqiz sebuwedriz: mlat [·] masaiz:* ‘и постановляют Тархунт и ⟨...⟩ общинные боги’²⁸. Не исключено, что в милейском *ziu* употребляется применительно к основным богам понтеона, а *masa-* к божествам, связанным с местными культами. Определенную параллель можно видеть в палайском, где термин *tiuna-* характеризует главного бога Цапарву, а ‘множество богов’ обозначается словом *marḥa-*, ср. KUB XXXII 18 Vs. 1 6’—7’: *ma-a [-ar-ḥa-aš] [a-]ta-a-an-ti ni-ip-pa-ši tu-ša-a-an-ti a-ḥu-u-an-ti ni-ip-pa-aš ḥa-ša-n-ti* ‘боги едят и не насыщаются, пьют и не утоляют жажду’.

К и.-е. **dei-* с суффиксом **-n-* возводится мил. *zini* ‘день’ (44 d 15): *ēke neu: zini* ‘когда (наступает) новый²⁹ день’. Сходное с миллийским распределение семантики форм с суффиксами **-u-* и **-n-* отмечается в прусск. *deuw-* ‘бог’: *dein-* ‘день’, лат. *divus*: (*nun)dinae* и др. и, возможно, восходит к общепалеоиндоевропейскому.

В лидийском сохраняется атематическая основа *civ-ś* ‘бог’ (= хет. *šiu-š*)³⁰, дат. пад. мн. ч. *civav* (23, 12) (об Аполлоне — лид. *qldān-* и Артемиде — лид. *Artimu-*). С этой же основой связано производное *civar-d* ‘божество; оракул’,

²⁸ Ср. лик. А (TL 88 5—6): *me ne tubeiti* ⟨...⟩ *trqqas: se māhāi huwedri* ‘то его покарают ⟨...⟩ Тархунт и общинные боги’.

²⁹ Лик. *neu/newe*; хет. *neua-* ‘новый’.

³⁰ Большой процент атематических основ в лидийском обусловлен не особым архаизмом этого языка, но, главным образом, характером лидийского ударения, которое имело тенденцию сдвига к начальному слогу, а это, в свою очередь, приводило к редукции гласных в исходе слова.

которое может быть интерпретировано как аблатив-инструменталь³¹: (Ю, Ю) *fakmšad amu kov civard* 'и вот, это я узнал с помощью божества'. Лид. адъектив *civvalli-* 'божественный' сопоставим с хет. *šiumal(i)-*³². В некоторых лидийских именах, восходящих к **diu-*, анлаут передается посредством дентала *t-* (а не аффрикаты *c*), ср. посессив *tivdali-* < Ли **Tivda-*, ср. еще лув. ЛИ *Tiḡata-para*, *Tiḡata-uiḡa*³³. Отмеченная нерегулярность может объясняться тем, что эти имена являются не лидийскими по происхождению, но, скорее всего, раннелувийскими.

**du-sk-* 'радоваться': хет. *dušk(ija)-* 'радоваться, веселиться' // и.-е. **taus-* 'спокойный, довольный' (Рок. 1056 f): др.-инд. *túṣyati* 'успокаивается, радуется', авест. *tušni-* 'спокойный, молчаливый'; др.-ирл. *tūae* 'спокойствие, молчание', др.-швед. *thyster* 'спокойный', др.-прус. *tusnan*; слав. **tušiti* 'успокаивать'.

Хет. *dušk-* 'веселиться' является употребительным культовым термином³⁴. Исследователями отмечалось, что в хеттских ритуальных текстах 'веселье' выступает в качестве признака, благоприятного для человека и божества, способствующего благополучию и процветанию³⁵. Ср. KUB XX 92 VI (?) 14—15 (описание праздника для бога Грозы города Ципланды; текст архаизированный): *ta-at I-NA^E ar-za-na-aš pa-a-an-zi ta-az du-uš-kán-zi* 'и в дом-арцану они идут и веселятся'; KUB XXXII 137 II 2—3 (ритуал при основании храма (?); цитируемые ниже строки следуют за описанием возлияния божеству): *an-da-ma-kán ki-iš-ša-an me-ma-i pí-e-ta-an-ti e-it-za nu-za du-uš-ki-iš-ki* 'и он (служитель) так говорит (божеству): «На своем месте ты ешь и веселись!»'.

В древнехеттском часто появляются медиопассивные формы этого глагола: *(-za) du-uš-kán-ta-ri* 'они радуются' (др.-хет. строительный ритуал, KUB XXIX I III 50), *(-za) du-uš-kat-ta* 'он радовался' (НАВ 148).

Образование глагола *dušk-* (в котором исторически выделяется суффикс *-šk-*) относится к дописьменной эпохе развития хеттского языка. В письменный период этот глагол выступает уже в качестве непроизводного, поэтому становится возможным образование итеративной основы *duškišk-* с архаичными медиопассивными *du-uš-ki-iš-ki-it-ta* 'ты радуешься, веселишься' (ми-

³¹ Гусмани понимает эту форму как им.-вин. пад. ср. р. (LW. S. 92), но комбинация это менее вероятно.

³² См.: Werner. BiOr. 1961. 18. S. 83.

³³ E. Laroche. Cat. P. 723 suiv.

³⁴ Об этом глаголе и его производных см.: НАВ. S. 83, 148, 247; H. Güterbock. Religion und Kultus der Hethiter // Historia. 1964. Hft. 7. S. 72.

³⁵ См.: В. Г. Ардзинба. Ритуалы и мифы древней Анатолии. С. 78.

вместное появление в др.-хет. гимне Ададу производных от *dušgarauant-* и *nahšarijauant-*): *ibreñ[ne] abrala: uteñneri: rñpaimi: mñqriti: zñpra: ielei: puna-madijedi: āala: tuxaradi*) ‘⟨...⟩ Абрала-жрец чтит/воздаст почитание ⟨...⟩ в святилище ⟨...⟩ посредством р. благосклонности’ (несколько слов не поддаются интерпретации). Трудности возникают при объяснении инлаута *-xar* — в мил. *tuxar(a)-*: развитие группы **-sk-ar-* или уже собственная ликийская последовательность суффиксов **-h-* и **-r-*?

**du-a-/*du-i-* ‘2’: хет. *du(ia)-* ‘2’, *dltā-* ‘двух-’, *dan* ‘второй’; лув. *ducan* ‘два; по два’(?), мил. *tbi-* ‘2’, *tbišu* ‘дважды’, лик. А *kbi* ‘два’ // и.-е. **duō(u)* ‘2’ (Рок. 228 ff.): др.-инд. *dvāu, dvā*; греч. гомер. *δύ(ε)ω*; др.-ирл. *dāu, dō* : с суффиксом **-no-*: лат. *bini* ‘по два’; русск. *двойня*; с суффиксом **is-* + **u* ‘дважды’; авест. *bižvat*, др.-сев. *tysuar, tuisuar*, д.-в.-н. *zwiro*.

Основа *du(ia)-* в хеттском входит в состав термина *du-ia-na-al-li-iš* ‘(военачальник) второго ранга’³⁷. Что касается хет. *dltā-a-an* ‘второй’, то это — нефлектируемая форма, используемая и как наречие. В древнехеттской таблице Телепинуса (BoTU 23 A II 37) встречается выражение *da-a-an pi-da-aš* ‘второй по месту’ (о царском сыне). Основа *dltā-* ‘два, двух-’ обнаружена в обозначении ‘двухгодовалого животного’ *ta-a-i-u-ga-aš* (Зак. § 57, 60 — чередуется с идеограммой MU.2 ‘двух лет’) и находит параллель в лит. *dveigys* ‘двухгодовалое животное’³⁸. Начальная группа **du-* в хеттском подверглась упрощению с утратой сонанта (**duo-* > **d^oo-* > **dā-*), ср. тох. А **wi, we*, тох. В *wi*, где утрачен первый элемент последовательности **du-*, а также формы типа греч. *δι-, δω-*.

В ликийской группе комплекс **du-* сохраняет оба элемента, хотя и в несколько преобразованном виде. В милийском основа *tb-* выделяется в сложном числительном *qñnātba* (дат. пад. мн. ч.) ‘12’ лик. А *qñnākša*; известно также количественное наречие *tbišu* ‘дважды’ (< **dui-s-u*), ср. еще *qñnātbišu* ‘двенадцать раз’ (44 с 51). Этот же корень обнаружен в составе прилагательного *tbiplē* ‘двойной’ (вин. пад. ед. ч., определение к *qirze* ‘доля, часть’: 44 с 53).

В ликийском А, где группа ‘дентал + u’ обычно переходила в **ku* и затем в *kb*³⁹, мы находим числительное *kbi* ‘2; во второй раз’, широко употребительное в формулах, запрещающих повторное использование гробницы, ср. TL IOI, 3: *kbi : tike : ti ñtepi tadi* : ‘(если) во второй раз кто-нибудь похоронит (букв. ‘внутри поместит’), ср. еще лик. А *kbihu* ~ мил. *tbišu*.

³⁷ См. обсуждение этой формы: H. Kronasser. EHS. S. 362 f.

³⁸ Рок. S. 229; В. Н. Топоров. Прусский словарь. А—Д. С. 395.

³⁹ Второй элемент последовательности *kb-* был, вероятно, смычным (или лабиальным спирантом?), в любом случае, он как-то отличался от лабио-дентального ликийского спиранта *w*.

[Не исключено, что к этому же корню восходит лув. клин. *duḫali-*, ср. KUB XXXV 109 Vs. II 6: *-a]n KI.MIN KI.MIN du-ú-ḫb-an* ‘⟨...⟩ (вин. пад.) так же (делает) дважды/по два (раза)’, где повторение (дважды) идеограммы *KI.MIN*, обозначающей любое указанное выше действие, может быть неслучайным. Это сопоставление потребует пересмотра идеи о том, что в лувийском клинописном старое сочетание ‘*dentat + u*’ регулярно давало *ku*⁴⁰; последнее, возможно, имело место лишь в части лувийских диалектов (к одному из которых восходит, вероятно, ликийский А), тогда как в других группа **Tu* могла сохраняться, ср. мил. *tbi-* ‘2’, а также лув. иер. *tu-wa-ta-ra* ‘дочь’ при лик. А *kbatra* ‘id.’⁴¹.

Приняв это допущение, мы не можем не коснуться лув. клин. *duḫini-*, которое используется как теоним (KUB XXXV 71 III 2’: рядом с именем Иштар): *^DIŠTAR-aš ^Ddu-ú[-i-ni-]* и как апеллатив 5KUB IX 31 Vs. II 26—28: ритуал Царпии, «когда в стране эпидемия»: *a-az-za-aš-ta-an UDU-in-za GUD-in-za DUMU.NAM.ULU^{LU}-in za-ga²-ni-in du-ú-i-ni-in ni-iš az-tu-u-ḫa-ri* ‘поедайте овец (и) быков; (а) людей, з. ⁴² (и) близнецов (?) не поедайте!’ Одно из косвенных подтверждений семантики лув. *duḫini-* можно видеть в предшествующих строках ритуала, где говорится, что боги надевают ‘окровавленные’ (= ‘красные’) одежды, а красный цвет, как установлено, — это один из устойчивых символов, соотносимых с близнецным культом⁴³.]

**dhab-* ‘весь; целый’: хет. *dapi(ia)-* ‘целый, весь’; лув. *t/dapa(nt)-* ‘id.’ // и.-е. **dheb-* ‘толстый, большой, крепкий’ (Рок. 239): д.-в.-н. *tapfar* ‘тяжелый’, ср.-в.-я. *tapfer* ‘крепкий; полный, целый’; др.-прусск. *debica* ‘большой’; тох. А *tsopats* ‘большой’, *tpär*, тох. В *tapre, täpr-* ‘высокий’.

Хет. *dapi(ia)-*, *dapiiant-* ‘целый, весь’ обычно определяет предмет или понятие, взятые в полном своем объеме. В тексте законов (I § 46) *dapiant-* применительно к полям означает ‘все (поля), целиком’ и противопоставляется *tepu* ‘часть, частично (о полях)’. Хет. *dapi-* иногда заменяет *humant-* ‘весь’, хотя последнее, как правило, употребляется в количественном значении. Флексия *dapi-* (ср. отл. пад. ед. ч. *da-pi-za* /*da-pi-da-az*, род. пад. мн. ч. *da-pi-aš* /*da-pi-di-aš*) содержит в отдельных формах местоименный компонент *-eda-*⁴⁴.

⁴⁰ См., например, о лув. клин. *kuḫai-* ‘бояться’ (к **duei-*): Н. Güterbock // *Orientalia* 25. P. 139.

⁴¹ Вообще следует отметить, что различия между отдельными лувийскими диалектами в области исторической фонетики были весьма значительны, ср. наиболее показательный пример лув. клин. *tiam(m)i-* ‘земля’ ~ иер. *takama* (к **dheghom*).

⁴² Возможно, из хуррит. /*zug-an/* (< /*zuge/* ‘маленький’)? См.: М. Л. Хачикян. Хурритский и урартский языки. Ереван, 1985. С. 69, 113.

⁴³ D. Ward. *The Divine Twins*. Berkeley; Los Angeles, 1968. P. 21.

⁴⁴ Ср. *ammedaz* ‘от меня’ (им. пад. *uk/ammuk*), *tamēdaz* ‘от другого’ (< *tamai-*) и т. п.

Лув. *t /dapa(nt)-* используется в том же значении, что и хет. *dapi-*, ср. KUB XXXII 5 8 IV 25 [*t]a-pa-an KIN-an* 'всю работу'. В плохо сохранившемся фрагменте Во 4869, 74⁴⁵ *1 da-pa-an-za GUŠKIN* означает '1 предмет целиком из золота'.

Семантика хет. и лув. *dapi-* позволяет вознести его к и.-е. **dheb-* 'толстый, крепкий'. Существенно, что в хетто-лувийском мы находим разные продолжения и.-е. **dheb-* 'толстый, крепкий' и **dhebh-* 'вредить', к которым восходят соответственно хет. *dapi-* 'целый' и *tepu-* 'маленький', лув. *t /dapa-* 'весь, целый' и лик. *tebe-* 'умалить, унижить' и др.⁴⁶

**dhe-*, **dhai-*, **dhi(ja)-* 'ставить': хет. *te-*, *t /dai-*, *tija-* 'ставить, устанавливать', *tittanu-* 'поставить', *tittija-* 'основывать'; иер. *tamu-* 'устанавливать; основывать'; лид. *ca-*, *ces-* 'устанавливать', лик. *ta-*, *tī-* 'ставить, класть', мил. *tidñta* 'поставленные' // и.-е. **dhē-*, **dh-i-* 'класть, ставить' (Рок. 235 ff.), др.-инд. *dā-dhati*, авест. *dadāiti* 'ставит', арм. *ed* '(он) поставил' (= др.-инд. *á-dhat*), греч. *τίθημι* 'ставлю', лат. *condere* 'основывать, вкладывать', галл. *dede* 'положил', лит. *dėti* 'класть, ставить', ст.-слав. *děti* тж., тох. А *tā-*, *tās-*, *tas-*, тох. В *tes-* 'класть, ставить'.

Глагол *te-/dai-* принадлежит к числу и.-е. корней, представленных в хеттском корневыми глаголами спряжения на *-hi*. Интерпретация графического изображения форм глагола *dai-* в хеттской клинописи и связанные с этим вопросы фонетического характера вызывают большие затруднения, вследствие чего в ряде случаев неясно, отражается ли в хеттском языке корневая основа или основа на **-i(o)-*. В частности, остается невыясненным, можно ли видеть в написании *ai* в *dai-* особый графический способ передачи гласного переднего ряда⁴⁷, или же здесь отражается дифтонг *ai* (как в глаголе *nai* 'вести'). Вместе с тем неясно, можно ли основу *tij(a)-* в некоторых формах этого глагола объяснить только как результат фонетического развития корневого глагола⁴⁸; возможно, что в таких формах, как *ti-ija-ḫ-e-ni* '(мы) ставим, кладем' отражена производная основа с суффиксом **-iō-*, засвидетельствованная в ряде других и.-е. языков⁴⁹, ср. ст.-слав. **-iō-*. В целом распределение огласо-

⁴⁵ A. Götze. Kizzuwatna and the problem of hittite Geography. New-Haven, 1940.

⁴⁶ Совпадение их в ряде и.-е. языков (в частности, балтийских и славянских) допускается В. Н. Топоровым, см.: Прусский язык. А—D. С. 312.

⁴⁷ Такое предположение вполне оправданно применительно к хет. формам типа *a-ip-ta epta* '(он) взял' (< *ep-* 'брат'). Другая интерпретация *i* в глаголах *dai-*, *nai-* и др. как отражения старого ларингала представлена в книге: J. Puhvel. Laryngeals and the Indo-European Verb. Berkeley; Los Angeles, 1960. P. 53—61.

⁴⁸ Эта идея принадлежит Р. Вернеру: A. Werner. OLS. 1953. 5—6. S. 243.

⁴⁹ Интерпретация Х. Педерсена (Hittitisch und die anderen indo-europäischen Sprachen. København, 1938. S. 113). Это объяснение принимает и Стертевант (Comp. Gr².

вок данного глагольного корня подчиняется определенной закономерности. 1) *te-* (позднее *ti-*): 1 л. ед. ч. презенса *te-iḫ-ḫi* (др.-хет. *te-iḫ-ḫé*), *ti-iḫ-ḫi*; 1 л. ед. ч. претерита *te-iḫ-ḫu-un*, *te-e-ḫu-un*, *ti-iḫ-ḫu-un*; 2) *d/tai-*: 2 л. ед. ч. наст. врем. *da-it-ti*, *ta-it-ti*, 3 л. ед. ч. наст. врем. *da-a-i*; 2 л. мн. ч. наст. врем. *d /ta-a-it-te-ni*; *ta-a-iš-te-ni*, 3 л. ед. ч. претерита *da-(a)-iš*, *da-a-iš-ta*, *ta-it-ta* 3 л. мн. ч. претерита *da-a-ir*, *da-(a)-i-e-ir*, *da-i-ir*; 3) *tija-*: 1 л. мн. ч. презенса *ti-(i)-ia-u-e-ni*; 3 л. мн. ч. презенса *ti-(ia)-an-zi*, *ti-i-ia-an-zi*, *ti-en-zi*, 1 л. мн. ч. претерита *ti-ia-u-en*, 3 л. мн. ч. претерита *ti-i(-e)-ir*.

Вероятно, указанные три группы форм соотносятся с тремя типами основ: (1) основой на долгий гласный (resp. ларингал), и.-е. **dheH-* > хет. *tē-*; (2) основой на долгий гласный /ларингал с суффиксальным **-i-*, и.-е. **dheH-i-* > хет. *d /tai-*; (3) основой с нулевой ступенью корневого вокализма + суффикс **-io-*, и.-е. **dhH-io-* > хет. *tija-*.

Хет. *dai-* относится к числу наиболее употребительных глаголов. Приведем некоторые примеры. Др.-хет. текст о Цальпе; КВо XXII 2 Vs. 16—17: *nu-uš-ma-aš DINGIR^{DIDL}-eš ta-ma-i-in ka-ra-a-ta-an da-i-ir nu AMA-ŠU-NU [x x-uš]-na-at-ta ga-ni-eš-zi* 'и им боги другую внутренность (т. е. внутреннюю сущность) вложили, и их мать их не узнала'; КВо XXI 10 Vs. I 31—34 (1-я военная присяга хеттов): *nu GIM-an ŠA KUR^{URU} AR-ZA-U-UA tu-zi-uš li-in-ki-ia-aš DINGIR^{MEŠ} ŠU^{ME.EŠ}-ŠU GIR^{MEŠ}-SU iš-hi-i-e-ir nu-uš har-pu-uš da-a-i-e-ir a-pi-el-la tu-z-uš QA-TAM-MA iš-hi-ia-an-du nu-uš har-pu-uš ti-an-du* 'и подобно тому как божества Клятвы войскам страны Арцава руки и ноги связали и их толпой поставили, также и эти войска (они) пусть свяжут и их толпой поставят!'

Хет. *dai-* (хет.-лув. **dhe-*) входит в устойчивые сочетания, отражающие древние и.-е. формулы.

1. И.-е. **k'red- dheH-* 'внутри (в сердцевину) ставить' (= 'верить'): хет. **karat- dai-* (ср. пример выше); в и.-е. традиции в качестве субъекта действия обычно выступает божество, объекта — люди, ср. гомер. (Θ 218) *ἐπι φρεσὶ θεῆκ' Ἀγαμέμνονι πόντια ἦεν* 'в сердце (= в глубину) вложила (мысль) Агамемнону повелительница Гера'.

2. И.-е. **kom- dheH-* 'положить' (с видовым значением)⁵⁰: хет. **-kan dai-* 'положить'. Появление глагола **dheH-* с частицей **kom-* в специфических контекстах позволяет реконструировать и.-е. ритуальную формулу, связанную с погребальным обрядом: хет. *-kan ḫaštai dai-* 'кости положить {...}'.

Р. 121), но в другом месте своей грамматики (р. 137) говорит о «корневом у» в древнеиндийских формах этого глагола, что с исторической точки зрения не может быть признано правильным.

⁵⁰ О видовом значении частицы *-kán* см.: F. Josephson. The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite. Uppsala, 1972.

формально и семантически параллельную лат. *ossa condere (terrā)*: Virg. En. V 48 ‘спрятать (похоронить) кости (в земле)’⁵¹.

3. И.-е. **(o)n(o)men dheH-* ‘установить имя’: иер. *á-ti-ma-za-ni TUWA-ha* (Keraterpe, fr. XXXIX): ‘имя я установил’; др.-хет. *ŠUM (laman) <...> te-iz-zi* ‘имя <...> назовет’ (BoTU 10 7—8) показывает, что в этот архаический контекст был вовлечен глагол *te- < *deH-* ‘говорить’. Сходное смешение двух формально близких глаголов предполагается и для родственного общеславянского сочетания **jime děti*⁵². Данное устойчивое выражение хорошо представлено в языках аугментного ареала — греческом, индо-иранском, старофригийском⁵³. Из новых материалов заслуживает внимания фрагмент так наз. мизийской надписи⁵⁴, где в третьей строке сообщается: *lamn lavaj dokses* ‘имя народу устанавливает’; миз. *lamn*, очевидно, заимствовано из позднихет. (диалект.) *laman* ‘имя’, ср. еще старофриг. *ovevin onoman daiet* ‘то имя установил/-ит’⁵⁵.

Хет. *dāi-* ‘ставить’, в составе некоторых сочетаний выступает в качестве юридически-правового термина: *linkija kattān dāi-* ‘поставить под присягу’, *ḥappar dāi-* ‘согласиться на сделку’ (?) *ḥappar arha dāi-* ‘отказаться от сделки’ (?) (если в последнем случае это не формы глагола *dā-* ‘брать’, см. выше, s. v. **dā-*). Пример на *linkija kattān dāi-*: *nu li-ik-ta nu-za ki-e ud-da-a-ar ŠA-PAL NI-IŠ DINGIR^{LIM} da-iš* (Madd. VS 27) ‘и он поклялся, и эти слова он произнес под клятвой’ (букв. ‘поставил эти слова под присягу’).

В сочетании с супином II на *-цан* глагол *dai-* выступает в качестве вспомогательного и имеет следующие значения: (а) намерение совершать какое-либо действие, ср. KUB V 6 1 23: *EZEN^{Hl.A.} e-eš-šu-ца-an ti-ḫa-an-zi* ‘они собираются праздновать (< *ešša-* ‘делать’) праздники’; (б) осуществленное намерение в прошлом, ср. др.-хет. BoTU 4A III 5: *^l[N]a-ra-am^D Šin-na-aš-kán A-NA^D IsTAR ú-e-eš-ki-u-ца-an da-a-iš* ‘Нарамсин стал жаловаться Иштар’.

К наиболее употребительным производным от *dāi-* относится итератив на *-šk-*, известный в двух вариантах: *zik(k)* и *ti/ešk-*. Первая основа характеризуется нулевым вокализмом; графическая запись *zi-ik-ki-iz-zi* ‘(он) ставит’, *zi-kán-zi* ‘(они) ставят’ и т. п. позволяет восстановить форму типа **t-s²k-*. Во второй основе гласный перед суффиксом *-šk-* сохранялся; вероятно, это было связано с переносом ударения на основу под воздействием аналогии с фор-

⁵¹ Лат. *ossa* (архаическая собирательная форма) = хет. *haštai*, им.-вин. пад. ед. мн. ч.

⁵² Вяч. Вс. Иванов. Глагол... С. 142.

⁵³ Там же. С. 140 сл.

⁵⁴ См. ее публикацию: Сох-Cameron // Klio. 1932. XXV 1—2.

⁵⁵ И. М. Дьяконов, В. П. Нерознак. Очерк фригийской морфологии // Baltistica. II. Priedas. P. 185—195.

мами без *-šk-*. Ср. КВо XV 2 Rs 8: (ритуальный текст) [*nu-uš-*] *ši II-ŠU VII et-ri HI.A. UD-ti-li ti-iš-kán-zi* 'и ему дважды по 7 блюд ежедневно ставят'.

Хет. *tittanu-* 'ставить, помещать' (с редукцией: *titnu-*) образовано от *dāi-* с помощью редупликации и каузативного суффикса *-nu-*, см. Madd. Rs 33: [*nu-za a-pi-el ANŠU.KUR.RA^{HL.A}-ŠU A-NA^{GIS}A[PIN ti-]*] *it-nu-uš-ki-it* 'и их лошадей в плуг он запряг' (здесь *tittanu-* синонимично хет. *turija-* 'запрягать', ср. семантическую параллель из лат. *sub iugum mittere*⁵⁶).

Родственные лидийские формы содержат начальный *c-* (< **dh*). Известна основа *ca-/ce-*, обычно появляющаяся с различными префиксами и суффиксами: *da-ca-*, *f-ēn-ca-*, *kan-ca-* (ср. хет. *-kan dāi-*), *fa-ca-ti-*, *ces-* и др. (LW. s. v.); все эти образования имеют широкую семантику 'ставить; посвящать'. Как и хет. *dāi-*, производные лид. *ca-* могут употребляться как юридические термины, ср. 13, 4: *kotiin ašfāk oeavv aštrkot midāiād* 'когда же право собственности мы установим за патроном Мидаса' (*ces-* содержит суффикс *-s-*, варианты *-si/-ti-*, ср. *cati-* 'посвящать', *fa-ca-si-* и *fa-ca-ti-* 'id.').

Лик. *ta-* 'ставить, класть, помещать' является одним из самых частотных ликийских глаголов. Его высокая употребительность связана с тем, что большинство ликийских надгробных надписей (число которых в целом очень велико) содержат предостережение против повторного использования гробниц, ср. традиционную формулировку: *hrppiije mei tadi tike me ne tubeiti māhāi huwedri* 'сверху же если кто поместит (другое погребение), то его покарают общинные боги' (TL 57, 8—9 и др.). В ликийском наблюдается чередование гласных в этой основе: *ta-* в ед. ч. презенса и претерита, в инфинитиве: *te-/ti-/ta-* во мн. числе. Последнее графически передается как *ttiti* (= [*tinti*]), *tēti*, *tāti*.

Редулицированная основа засвидетельствована мил. *tidīta* 'поставленные', которое идентично хеттскому причастию *tittiānt-* (< *dāi-*): *pijanuwa* ⟨...⟩ *tidīta xbade* (TL 55, 4) 'он окропил поставленные / установленные приношения', ичень возможно, что с этим же глагольным корнем связано мил. *kātdqe* (< пралик. **kandhe-T hi-*), встречающееся в эпитафии из Антифелоса, для которого комбинаторно устанавливается значение 'захоронение': *ētu-we-te qlaxa zpplide kātdqē* 'я-де очистил семикратно(?)⁵⁷ место захоронения', в таком случае перед нами яркая параллель хет. *-kan dāi-* со сходной обрядовой семантикой.

Сложности возникают в связи с объяснением анлаута лик. *ta-*. В этой основе, как и в ряде других, и.-е. звонкий придыхательный передается в ликийском знаком для глухого смычного. В то же время немало примеров на соответствие «и.-е. звонкий придыхательный: лик. звонкий» (ср. лик. *dew/daw-*

⁵⁶ Goetze. Medduwataš. S. 137.

⁵⁷ О значении мил. *zppli* см.: Л. С. Баюн. Некоторые вопросы реконструкции общепанатолийского глагольного строя // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 17.

‘(совершать) жертвоприношение’ < **dheu-*, греч., мил. *tidh̄ta* < **dhedh-nt-* и др.). Так как в последнем случае лик. звонкий нередко обнаруживается в середине слова, чаще всего в интервокальной позиции, нельзя исключить возможности его вторичного озвончения. В целом же, вероятно, эволюция старой придыхательной серии взрывных шла в направлении утраты звонкости (ср. греческий).

Несколько в стороне от рассмотренных форм стоят формы с суффиксальным *-u-*, распространенные во всем лувийском ареале. В лувийском клинописном это глагол *du(ua)-* ‘класть, ставить’ ср. KUB XXXV 39 III 29: *a-du-ua-an an-na-a-an pa-a-ta-an-za du-ú-ua-an-du* ‘и ему его под ноги пусть положат’ (пример на иер. лув. *tuwa-* см. выше).

В ликийском глагол *tuwe-* ‘устанавливать’ и существительное *tuweli* ‘постановление’ развивают семантику, близкую к административно-правовой терминологической области, ср. TR 32—35: *me te pi tuwēti mara ebeija* ‘и устанавливают эти законы’; TL 44 b 51: *se dde tuwetē kumezija* ‘и учредил культ’.

К формам с суффиксом *-u-* примыкает и лид. *-ou(ve)-* в *fa-cu-ni*, *da-cuve-*, ср. LW 43, 3—5: *es tac maneś bētovlis facunil* ‘эту стелу Манес, сын Бентовса, поставил’. Лид. *dacuveršt* (LW 21, 1) означает ‘поставлен, посвящен’ применительно к памятнику: *eśś syrmaś qldānλ artimulκ dacuveršt* ‘этот храм Аполлону и Артемиде посвящен’. Учитывая, что в хеттском нет никаких следов основы на *-u-*, связанной с глаголом *dāi-*, следует отметить автономность лид. *-cu(ve)-*; эта лидийская форма, помимо всего, отражает то состояние, когда в хетто-лувийском звонкие придыхательные отличались от двух других серий.

**dhebh(u)-* ‘маленький; уменьшать’: хет. *tepu-* ‘малый, маленький’, *tepmi-* ‘уменьшать, умять’; лик. *tebe-* ‘умалить(?)’; лид. *tfi-* ‘уменьшать’ // и.-е. **dhebh-*, **dhebh-eu-* ‘вредить; укорачивать; обманывать’ (Рок. 240): др.-инд. *dabhnóti* ‘вредит, повреждает’, *dabhrá-* ‘малый, маленький’, иран. *dābu-* ‘вводить в заблуждение’, авест. *dab-* ‘обманывать’; греч. *ἀτέμνω* ‘повреждаю; укорачиваю’.

В древнехеттском формы *tepu(-)* довольно часто содержат *scriptio plena* начального слога, ср. X3 KBo VI 3 1 95 (A) *tak-ku te-e-pu ta-a-i-iz-zi te-e-pu-uš-še iš-ḫi-ia-an-zi* ‘если немного украдет, небольшое ему вменяют в вину’⁵⁸. Знак *ti-* на месте *te-* также обнаружен в текстах, выполненных древним дуктом; за этим, несомненно, скрывается какое-то фонетическое явление, на что указывает варьирование форм *t]i-e-pu* (StBoT 25 № 13 III 7).

Глаголы, производные от *tepu-* (*tepmi-*, *tepaḫḫ-* ‘уменьшать’, *tepaḫeš-* ‘уменьшаться, становиться маленьким’ (ср. в рассказе Мурсилиса об афазии,

⁵⁸ Ср.: *F. Imparatti. Legge ittite. P. 48: ‘se poco ruba, poco a lui viene imposto’*. Глагол *išḫi-ia-* буквально означает ‘привязывать’.

Nurs. Sprachl., Vs. 3—4: *nu-mu-kan me-mi-ia-aš KAxU-i an-da te-pa-u-e-ēš-ta* ‘и у меня слов во рту стало меньше’) обычно записываются без *scriptio plena* в анлауте, что связано, очевидно, с изменением места ударения или тона)⁵⁹.

Сопоставление хет. *tepu-* с др.-инд. *dabhrá-* позволяет говорить о принадлежности формы с суффиксальным *-u-* к древнейшему слою: как показал Э. Бенвенист, для индоевропейского реконструируется чередование форм с суффиксом **-ro-* и суффиксом **-u-*⁶⁰.

Известны попытки связать с хет. *tepu(-)* прилагательное *tepšu-* ‘сухой; бесплодный’⁶¹. Исследователи усматривали между этими основами определенную семантическую близость. Видимость этого создавало появление *tepu-* и *tepšu-* и их производных в сходных контекстах, ср. текст предсказаний KUB VIII 6 Vs. 11: *KUR-ia-aš EBUR te-pa-u-e-ēš-zi* ‘урожай страны уменьшится’ и KUB XXIX II II II: *KUR-e-aš EBUR-aš te-ip-ša-u-e-ēš-zi* ‘урожай страны высохнет’. Едва ли, однако, подобное употребление можно считать аргументом в пользу генетического родства хет. *tepu-* и *tepšu-*⁶².

Лид. *tfi-* ‘уменьшать’ (LW 15, 3: *ān-s kocvid qis tfil* ‘каждый, который также уменьшил <...>’; речь идет о земельном участке) выводится из **Tābi-*; перенос ударения на суффикс приводит к редукции корневого гласного и ассимилятивному изменению **b > f*⁶³.

Не ясен вопрос с лик. *tebe-* (<**Tebei-*), которое комбинаторно может быть интерпретировано как ‘умалить, унизить’ и т. п., ср. TL 44a 44—45: *trbbēnimi : tebe : terñ se milasāntrā* ‘Т. «умалил» (= разбил?) войско Милесандра’⁶⁴. Возможно, лик. *tebe-* и лид. *tfi-* свидетельствуют о наличии в анатолийском исходной именной (?) основы **Teb-* (**dheb-*).

**dheghom* ‘земля’: хет. *tekan, tagn-* ‘земля’; лув. *tijammi-* ‘id.’, иер. *takama* ‘id.’, лик. *zā* ‘земля, участок земли’ // и.-е. **dheghom* ‘земля’ (Pok. 414 ff.: **ghōem-*, **ghōm-*): др.-инд. *ksam-*, авест. *za-*^o ‘земля’; греч. *χθών* ‘id.’, алб. *dhe*

⁵⁹ Но едва ли с противопоставлением по долготе-кратности, как это предполагал, например, И. Вайтенберг (U-Stämme. S. 147).

⁶⁰ E. Benveniste. Hittite et indo-européen. P., 1962. P. 117 suiv. Более того, наличие *u-*основы, соотносимой с *dabhrá-*, допускается и для древнеиндийского на основании косвенных свидетельств: известно, что индоиранские глаголы с суффиксом **-nu* (типа др.-инд. *dabhnóti*, авест. *dābēnao-* ‘вредить’) обычно образуются от именных *u-*основ (Koch. Akten VI Facht. 1960. S. 223 ff.).

⁶¹ См.: Sommer—Falkenstein. HAB. S. 141 ff.; A. Kammenbuber. MIO 2. 1954. S. 425.

⁶² Последнее, скорее, к и.-е. **tep-* ‘быть теплым, жарким’, ср. уже: Juret. RHA 1942—43. № 42. P. 52.

⁶³ В лидийском наблюдается и синхронное варьирование *b/f*, также имеющее позиционное объяснение, ср. *fēneli-fi-* и *ēneli-bi-* ‘повреждать’ и др.

⁶⁴ Ср.: A. A. Королев. Хетто-лувийские языки. С. 89 сл.

‘id.’, лат. *humus* ‘id.’, др.-ирл. *dū*, род. пад. ‘место’; лит. *žėme*, др.-прусс. *semme* ‘земля’; ст.-слав. *semija* ‘id.’; тох. А *tkan*, род. пад. *tkanis*, тох. В *kem* ‘id.’ (хет. и тох. формы по Кречмеру к и.-е. **dh(e)ghom*. — Glotta 20, 66 f.).

Хет. существительное *tekan* ‘земля’ (основа косвенных падежей *tagn-*) встречается в текстах начиная с древнейших памятников (ср. НАВ III 73). Особенно часто *tekan* употребляется в сочетании с *nebiš* ‘небо’ (ср. KUB XXI I + XIX 6 IV 26 — договор с Александусом из Вилусы; KUB VII 60 III 18 — ритуальный текст и др.) и с прилагательным *dankui-* ‘темный’, ср. в тексте второй военной присяги хеттов (KUB XIII 38 Vs 14, 15): *da-an-ku-ya-ja-az tak-na-az* ‘из черной земли’, *da-an-ku-i tak-ni-i* ‘в черную землю’. В хеттских памятниках встречается также наречие *tagan* ‘вниз, на землю, к земле’ (например, в ритуале из Кищуватны КВо V 2 II 18: *ta-ga-a-an da-a-i* ‘кладет на землю’), восходящее к форме местного падежа с нулевым окончанием, но ср. в этой же функции дат.-мест. падеж на *-i* (ритуальный текст КВо XI 17 II 14—15): *nu eš-ḥa-ar tag-ni-i kat-ta tar-na-i* ‘и кровь (жертвенного животного) на земли выпускает’.

В художественных текстах хет. *tekan* могло метафорически использоваться в значении ‘смерть’, ‘забвение’, ‘небытие’, ср. заключительные строки завещания Хаттусилиса I (72—73), где царь, обращаясь к женщине по имени Хастаяр, говорит: [*tág-ga-n*]-*i-ja-ta-mu-za-pa an-d[a ḥar-ak] nu-mu tág-ga[-ni-ja-ta] tág-na-az pa-aḥ-ši* ‘В груди своей ты меня схорони и (меня) в груди своей от «земли» (= забвения) охрани’. Здесь же хет. *tekan* образует стилистическую фигуру с *taggani-* ‘грудь’; аллитерации и метрическая структура этого отрывка демонстрируют прекрасный образец древнехеттского поэтического творчества.

От основы *tekan*, которая в хеттском языке выступает в качестве непрямой, образовано сложное имя *dagan-zipa* — ‘земля, дух земли’, отчасти синонимичное *tekan*, ср. *da-an-ku-i da-ga-an-zi-pi* ‘в черную землю’ (KUB XXX 36 II 16) — ритуал очищения города; но также *ya-a-tar ma-aḥ-ḥa-an ta-ga-an-zi-pa-aš kat-ta pa-a-aš-ta* ‘(подобно тому), как Земля воду поглотила (<...>’ (вторая военная присяга хеттов, KUB XI III 38 Rs 9), ср. еще др.-хет. текст о Цальпе (КВо III 38 I 3): ^{[S]AL}*da-ga-zi-pa-aš-ša DUMU.SAL* ^d*UTU* ‘Земля, дочь бога Солнца’.

Прежде чем обратиться к и.-е. параллелям хет. *tekan*, необходимо рассмотреть клинописную передачу различных форм этой основы, дающую ценную грамматическую информацию. Написание формы им. пад. ед. ч. *te-e-kan* ‘земля’ (вариант) делает несомненным чтение *tekan*. В косвенных падежах зафиксирована основа с корневым гласным *a*: род. пад. ед. ч. *tag-na-a-aš*, дат.-мест. пад. ед. ч. *tag-na-a* и *tak-ni-i*, отлож. пад. *tag-na-az*. Все эти формы записаны посредством знака *tag*, который в хеттских текстах употреблялся для обозначения группы ‘переднеязычный смычный + гласный *a* + заднеязыч-

ный смычный'. Иное написание той же основы представлено в производном *da-ga-an-zi-pa-aš* (ср. KUB IV 4 II 13) и в наречии *ta-ga-a-an* (ср. KBo V 2 II 18).

Различие между написаниями *tag-* и *ta-ga-* в хеттской клинописи не было случайным: если знак *tak-* служил для передачи сочетания согласный + гласный + согласный, то сочетание знаков *ta-ga-* использовалось для передачи последовательности двух согласных⁶⁵ (поэтому слог, записываемый посредством клинописных знаков *ta-ga-*, отличается от слога, записываемого как *ta-a-ga-* или *ta-ag-*, что равнозначно *tag-*). Обращает на себя внимание то, что написание, отражающее */tag/*, встречается в тех случаях, когда гласный второго слога редуцирован (*tag-n-*), тогда как написание *ta-ga* (*tga-*) появляется в тех случаях, когда во втором слоге имеется гласный (*ta-ga-a-an*). Поэтому в данных формах следует видеть проявление количественного аблаута: основа *tagn-* с огласовкой *a* корня и редукцией гласного суффикса противостоит основе */tgan/* (*ta-ga-a-an*) с редукцией гласного корня и огласовкой *a* суффикса. Поскольку это соотношение соответствует древнему закону построения индоевропейских основ⁶⁶, соотношение *tagn-* : *tgan* следует признать архаичным. В основе *tagn-* суффиксу в нулевой ступени огласовки предшествует корень в полной ступени огласовки *o* (качественное чередование по отношению к *e* в форме им. пад. ед. ч. *tekan*), тогда как в основе *tgan* суффиксу в ступени *o* предшествует корень с нулевой огласовкой.

Сравнение клинописного хеттского *tekan*, *tagn*, *tgan-da-ga-an*, тохар. А *tkam* и кучанского *kem* позволяет наглядно проследить развитие общеиндоевропейского названия «земли». Только в древних индоевропейских языках Малой Азии сохранилось количественное и качественное чередование в основах, образованных от этого корня. Во всех других языках была обобщена основа на **-em* с нулевой ступенью огласовки корня, ставшая непроемной. Ввиду того что структура этой изолированной основы не соответствовала правилам сочетаний фонем, действовавшим в большинстве древних индоевропейских языков, она подверглась разного рода изменениям: метатезе (греч. *χθών*), упрощению начальной группы согласных (кучанское *kem*, ст.-слав. **земьа** и т. п.) и т. п.

Рассмотрение этих фактов позволяет сделать следующий вывод об относительной хронологии данных явлений: появление группы переднеязычный смычный + заднеязычный смычный произошло в период после омертвления суффикса **om* в архаичных именных основах и после возникновения количе-

⁶⁵ Употребление сочетания *ta-ga* для передачи группы согласных типа *tk* является характерным проявлением того, что Педерсен называет 'die der Keilschrift innewohnende Tendenz, sich dem alphabetischen Prinzip zu nähern: *Pedereen*. Hethitisch. S. 4.

⁶⁶ См.: Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955. С. 178 сл.

ственного (и качественного) аблаута. Никаких оснований для предположения о наличии особой общеиндоевропейской переднеязычной фонемы⁶⁷ в названии земли **dh(e)ġh(e/o)m* найти нельзя.

Значительную трудность для объяснения представляет лув. иер. ^{KI}*ta-ka-ma* 'к земле' (надпись из Султанхана), соответствующая клинописной хеттской форме дат.-мест. пад. ед. ч. *tag-na-a*. Дело в том, что и.-е. **ġh* в лувийских языках регулярно давало \emptyset (через ступень **j*), ср. лув. *iššari-* 'рука' < *ġhesy*⁶⁸. Иер. *takama* (но лув. **tiġam(m)i-* 'земля'), отражающее более древний вид основы на *-m-* (которая в хеттском, греческом и некоторых других и.-е. языках перешла в разряд основ на *-n-*, но ср. греч. *χαμαλός* 'низкий, низменный' и др.), является, скорее всего, лувийской диалектной формой, не охваченной переходом **ġh* > \emptyset . Клинописная лув. *tiġam(m)i-* широко употребительна в ритуальных текстах. Наряду с непроизводной основой встречается образование на *-ant-* (суффикс с «активизирующей» функцией), рядом с *terpašanti* 'небо', ср. KUB IX 6 XXXV 39 VS II 14—16 (ритуал *DUpaduparša*): *tap-pa-ša-an-ti-iš ti-ja-am-ma-an-ti-iš ta-a-i-in-ti-ia-ta-[a]i-ja-ru ma-al-li-ti-ia-ta [a]-i-ia-ru* 'Небо-Земля пусть станет маслом, пусть станет медом'. Как и у хеттов, в лувийской системе представлений определенные отношения связывали «землю» и бога Солнца, ср. хет. *ta-ag-na-aš* ^D*UTU-uš* и лув. *ti-ja-am-ma-aš-ši-iš-ha* ^D*UTU-us-za* 'и земной бог Солнца' (ср. выше — др.-хет. упоминание о Земле как дочери бога Солнца).

Рефлекс общелувийского **Teġam-* 'земля' находим в ликийском *zā* (где *z-* нормальное отражение **dh*), ср. ликийско-греческо-арамейскую трилингву (Декрет Никсодача), откк. 14—15: *me xbaite : zā : ese xesñtedi : qñtati : se pigrēi* : 'и орошали землю, которую обрабатывают Кесинтеди (греч. *Κεσινδηλις*) и Пигрени (греч. *Πίγρης*)'.

Как уже отмечалось, лувийские языки сохраняют более архаичный тип данной основы, проявив здесь, как и в ряде других случаев, особый консерватизм. В целом же употребление и.-е. **dheġhom* в анатолийских языках отражает комплекс представлений, восходящих к одному источнику.

**dhengu-* 'темный, черный': хет. *dankui-* 'темный', *dankueš-* 'темнеть, чернеть'; (?) лув. *dakkui-* 'темный (?)' // и.-е. **dheN-*, **dheNə-* 'дуть, рассеиваться', с расширением на гуттуральный **dhengu-*.

⁶⁷ Так называемого «спиранта Бругмана», что в реинтерпретации Бенвениста приняло вид особого рода аффрикаты (*E. Benvenist. Le problème de l'indo-européen // BSL. 1937. T. 38. F. 1. P. 139 suiv.*). В настоящее время идея о наличии особых и.-е. фонем типа дорсальных аффрикат не находит сторонников в и.-е. языкознании.

⁶⁸ О переходе и.-е. **ġh* в лув. \emptyset см.: *V. V. Ivanov. On the I. E. voiced palatal aspirate in Luwian // FS Kurylowics. Kraków, 1965.*

**dhengui-* ‘туманный, расплывчатый’ (Рок. 247 f.): др.-сев. *dokkr*, др.-фриз. *diunk* ‘темный’ (герм. **denkva-*), д.-в.-н. *tunkal*, н.-в.-н. *dunkel* ‘темный’, кимр. *dew* (< **dhengues*) ‘туман, дым’.

Хет. прилагательное *dankui-* содержит старый суффикс *-i-/*-ei-, который в родственных основах других и.-е. языков чередуется с *-er- и *-el-, ср. греч. *δουφερός*, ‘темный’ (уже у Гом. *δουφερός νύξ*); обе последних основы представлены в древневерхненемецком, ср. д.-в.-н. *tunker* и *tunkal* ‘темный’. (аналогичные чередования суффиксов -ei-/er-/el- обнаруживаются и у некоторых хет. прилагательных на -i-).

В хеттских текстах часто встречаются устойчивые сочетания типа *dankui tekan* ‘темная земля’ (др.-хет. *da-an-ku-i tag-ni-i* ‘в темную землю’, KUB XVII 10 IV 15), причем не только в текстах поэтического характера, в заклинаниях, но и в государственных договорах (ср. KUB XXI I + XIX 6 IV 36—37). В ряде текстов вместо имени среднего рода *tekan* употребляется соответствующее производное одуш. р. с суффиксом -šepa *daganzipa* ‘земля’, напр., Во 2736 II⁶⁹: *da-an-ku-i da-ga-an-zi-pi* ‘в темной земле’. Та же форма дат.-мест. пад. ед. ч. появляется в идеографическом написании в тексте поэмы «Песнь об Уликумми» (табл. С III 21): NI-i KI-pi *dankui daganzipi* и мн. др. Анализ подобных сочетаний приводит к выводу, что *dankui* выступает в качестве постоянного эпитета при слове ‘земля’. (Данные других и.-е. традиций свидетельствуют об устойчивой ассоциации этих понятий по крайней мере в части и.-е. ареала, ср. сербск. *црна земља*, лтш. *melni zemi* с точным этимологическим соответствием в языке греческой поэзии и т. д.)

Производные от хет. *dankui* образуются от основы без суффикса -i-: *dankunāi-* (итератив *dankunešk-*) ‘делать черным’, *danku(ua)nu-* ‘ид.’, *dankueš-* ‘становиться черным, темным’. Очень вероятно, что та же основа представлена в хет. прилагательном *tagu-* (< **dhngi-*), ср. *ú-i-te-na-aš ta-ga-ua-aš* ‘темной воды’, где нулевая ступень корня объясняется полной огласовкой суффикса (в соответствии с обычной парадигмой прилагательных на -u, -i, которые в косвенных падежах имеют полную ступень суффикса)⁷⁰.

**dhida-* ‘вскармливать’: хет. *titan-* ‘грудь’, лув. *tita(i)* ‘вскармливать’, *titani-* ‘грудь’, *titai(m)mi-* ‘дитя»; лик. *tideimi* ‘сын’ // и.-е. **dhē(i)-*, **dhæi-*, **dhi-* ‘сосать, кормить грудью’ (Рок. 241 f.): др.-инд. *dhāya-h* ‘вскармливаемый’, (редуплиц.) *dadhan-* (им. пад. *dādhi*, род. *dadhnás*) ‘кислое молоко’, арм. *diem*

⁶⁹ Фрагмент опубликован Оттенем в: JCS. Vol. IV. P. 135.

⁷⁰ П. Мериджи (NZKM. 53. 210. Not. 47) связывал с хет. *dankui-* лув. *da-ak-ku-ú-i-iš*, однако Ларош отмечал, что это сопоставление основано на внешнем сходстве (DLL. P. 89).

‘сосать’, греч. (аор.) *θήσατο* ‘сосал’, *θημιον* ‘молоко’, *θηλή* ‘материнская грудь’, алб. *djathë* ‘сыр’, (др.-инд. *dādhi*), лат. *filius* ‘сын’; др.-ирл. *denaid* ‘сосет’, ср.-ирл. *del* ‘сосок’, гот. *dabbjan* ‘вскармливать’, д.-в.-н. *tila* ‘женская грудь’, лтш. *dēju*, *dēt* ‘сосать’, ст.-слав. *dojo* (др.-инд. *dhāyati*).

Из хеттских ритуалов известен апеллатив *tita(n)-*, ^{UZU}*tida(n)-* ‘грудь, вымя’⁷¹. От несохранившегося глагола **titai-* ‘вскармливать’ засвидетельствовано лувийское медиопассивное причастие *ti-ta-i-(im-)me-iš* с глоссовым клином в хеттском ритуальном тексте КВо II I 33, 40) ‘грудной ребенок’. Лув. *titani(-)* ‘грудь’ встречается в ритуальном тексте в выражении *a-an-ni ti-i-ta-ni* ‘матери на грудь’ (см. ниже).

Лик. *tideimi* ‘сын’ — исторически медиальное причастие (= лув. *titaim(m)i-*); старый придыхательный передается ликийским глухим, старый звонкий сохраняется⁷².

Семантика хетто-лувийских производных от и.-е. **dhē(i)-* находит параллели в других и.-е. языках (лак. *tideimi* — лат. *filius-*; лтш. *dēle* ‘сын’, хет., лув. *titan-* — греч. *θήλη*, д.-в.-н. *tila* и др.). При том, что ‘сын’ в большинстве индоевропейских диалектов называется как ‘вскормленный’, для образования термина родства с такой внутренней формой используются два разных глагола — **dhē(i)* и **seu-*. По этой изоглоссе лувийско-ликийская группа объединяется с некоторыми из «древнеевропейских» (западно-индоевропейских) диалектов — латинским, восточнобалтийским. В то же время характерно отсутствие в хетто-лувийском ареале родственного слова со значением ‘молоко’ (хет. *galaktar*)⁷³.

В хетто-лувийском находит отражение индоевропейская символика ‘вымени’, ‘груди’ и т. д. как образов, соотносимых с изобилием, жизненной силой. В этой связи представляет интерес фрагмент лувийского ритуала *Mondbeschwörung* (KUB XXXV 103 Rs III 4—7 = LTU. S. 95), где описывается, как возратить человеку здоровье, силу, прежнее физическое состояние: *za-am-ra-ku-ца DUMU-ni-in ца-al-li-in-du ša-an-na-i-in-du pa-ца-an-tar a-an-ni o[t]i-i-ta-ni du-ú-ца-an-du pa-aš pu-ú-ца [ku-u]a-ti a-aš-ta na-nu-un-ḫa-aš a-pa-ti a-aš-du* ‘Его же как ребенка пусть завернут (и) <...>т, его (же) матери на грудь пусть положат; каким он прежде был, теперь пусть он таким же будет’.

⁷¹ E. Laroche. OLZ. 1959. P. 276.

⁷² Различное отражение и.-е. звонких и глухих придыхательных прослеживается и в хеттском, хотя в клинописной графике этот принцип выдерживался не столь последовательно, как в ликийском. Но некоторые факты, тем не менее, очень показательны; например, анлаут хет. *da-* ‘давать’ (и.-е. **doH-*) регулярно записывался посредством знаков, содержащих *d-*, тогда как у глагола *te-*, *t/dai-* ‘ставить’ (и.-е. **dheH-*) в анлауте отмечается чередование знаков с *d-* и *t-* (последние преобладают).

⁷³ См.: Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. С. 568 сл.

****dhughatra***- ‘дочь’: иер. *tuwatara*, лик. А *kbatra* ‘дочь’ // и.-е. ****dhughater*** ‘дочь’ (Рок. 277): др.-инд. *duhitār*; арм. *dustr*; греч. *θυγάτηρ*; тох. А *skācar*, В *tkācer* ‘дочь’ и др.

Общелув. ****dhughatra*** ‘дочь’ является одним из немногих анатолийских терминов родства индоевропейского происхождения. В хеттском понятие «дочь» всегда передается идеограммой *DUMU.SAL-aš /-iš /DUMU* ‘ребенок’, *SAL* ‘женщина’); судя по фонетическим компонентам, это слово выступало как основа на *-i-* или *-a-*. Иер. *tuwatara* (тематическая основа) восходит к ****tuğhatra*** > ****tu(j)atra*** > ****tuçatra***. В лик. А *kbatra* произошла диссимилиация начальной группы ****tw-*** > ****kw-*** > ***kb-***⁷⁴.

***(-)ta, *te** (сочинительный союз; усилительная (?) частица): хет. *ta-* (союз), лув. *-tta, -tar* (усилительные (?) частицы), пал. *-ta*, иер. *-ta*, лик. *-dde*, лид. *-t* // и.-е. ***-to, *te-** (союз, усилительная/указательная частица, этим. тождественна и.-е. указательному местоимению ***to-**, напр., др.-инд. *tah, tad* ‘это’, греч., алб. *këta*, лат. *istud* ‘то’, *tinc* ‘так’, гот. *ata* ‘это’, д.-в.-н. *der, daz* ‘id.’, лит. *tàs, tà* ‘то же самое’, ст.-слав. *to, ta, тъ*, тох. А, В *täm* ‘это’ и др.; Рок. 1086; др.-инд. *tu, tū* ‘все-таки’, ав. *tū* ‘id.’, гот. *auh, au*, д.-в.-н. *doh*, др.-русск. *тъ* ‘так, а, ну так’, алб. *të* ‘чтобы’, арм. *-d*⁷⁵.

Хеттский союз *ta-* используется для сочинения предложений, преимущественно в текстах эпохи Древнего царства, причем в языке Законов еще отражена архаическая синтаксическая черта: *ta* означает и отсылку к объекту, т. е. явно сохраняет следы генетической связи о местоимением ***to**⁷⁶. В своем прямом значении указательное местоимение ***to-** в хеттском не сохранилось (ср. сохранение и.-е. местоимения ***te** в ликийском указательно-относительном местоимении *ti-(tike)*⁷⁷. Однако, вероятно, именно эта основа в сочетании с указательным местоимением (или этимологически тождественной ему указательной частицей?) **-k** представлена в хет. *taki-* (в конструкции типа *taki* <...> *taki* ‘der eine — der andere’⁷⁸).

⁷⁴ Ср. еще лик. А *kbisu* ‘дважды’ при мил. *tbisu* < ****dui-sō***. Подобная диссимилиация наблюдается и в лувийском клинописном (с которым ликийский А был связан теснее, чем милыйский), ср. лув. клин. *kuuaia-* ‘бояться’ < ****dueio-***.

⁷⁵ См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1973. И.-е. ***-to** (клитика) относится к и.-е. ***to-** (корень) так же, как ***-kwo k *k^uo-**, ***-k^e k *ke** (см. соотв. статьи).

⁷⁶ См.: И. Фридрих. Кр. грамматика хеттского языка. § 249, 319.

⁷⁷ Об относительном местоимении в ликийском см.: R. Gismani. Zur Frage des lykischen Relativpronomeus // IF. 67. 1962. S. 159—176.

⁷⁸ См.: Friedrich. HWb. S. 205; E. H. Sturtevant. The pronoun ***sō-**, ***tā, tōd** ane Indo-hittite Hypothesis // Language. 15. 1939. P. 11—19. Возможно, формант **-t-** сохраняется

Союз *ta-* в сочетании с частицей *-(k)ku* образует подчинительный союз *takku* ‘если’ (< **to* + **ku-*), характерный для древнехеттских текстов, напр., КВо II 3 II 14: *ták-ku LÚ-ša DUMU.SAL na-ú-i da-a-i na-anza mi-im-ma-i ku-ú-ša-ta-ma ku-it pí-d-da-a-it na-aš-kán ša-me-en-zi* ‘Если мужчина не берет женщину и отказывается от нее, он лишается платы за невесту, которую он заплатил’ (ср. праслав. **tak*; лит. *tóks* ‘такой’).

Союз *ta* используется для сочинения предложений, напр., KUB 21, III, 7 *LU^{MES} GIS^{BANŠUR}-kán 2 NINDA^{mit-ga-i-mi-uš da-an-zi ta-aš LUGAL ŠAL.LUGAL-ri pi-an-zi ta par-ši-ja-an-zi}* ‘люди стола берут два хлеба и их царю (и) царице дают и разламывают’. Союз *ta* используется также в той же функции, что союз *nu-* в более поздних текстах, т. е. для введения главного предложения после придаточного относительного, напр. (документ Телепинуса) 2 § 24: *ku-it ku-it ḥar-ak-zi ta-at šar-ni-ik-zi* ‘что бы ни пропало, то (он) возмещает’. Нередко после *ta* опускается местоимение 3 л. вин. п., напр., Законы, § 47 А: *LUGAL-uš GIS^{BANSUR}-az NINDA-an da-a-ai ta-aš-še pa-a-i* ‘царь со стола хлеб берет и ему (его) дает’. Союз *ta* в функции чисто сочинительного союза синонимичен древнехеттскому союзу *šu*; в функции союза/частицы, использующейся при вводе предложений, — хет. *nu*.

Вероятно, формант, этимологически тождественный хет.-лув. **to*, представлен в хеттском сложном отрицании *natta* (из **no -*to-*), в функции, близкой к усилительной частице (ср. лув. отрицание *niš* из **nē-* + **-so*, где на месте, аналогичном хет. **to-* в *natta*, выступает **-so* из и.-е. указательного местоимения/союза **so*, ср. еще лид. отрицание *ni-d*).

В лувийском используются частицы *-tta*, *-tar* в функции, вероятно, близкой усилительным/соединительным частицам, эти частицы, в отличие от хет. *ta-*, не являются опорными словами для клитик (они занимают последнее место в цепочке энклитик в позиции начала предложения)⁷⁹, ср. KUB 9 6 + KUB 35 26 3 26 3 25—26: *ku-iš-tar ma-al-ḥa-aš-ša-aš-ša-an-za-an EN-ia a-ad-du-ṣa-la a-an-ni-ti a-an DINGIR^{MES}-in-zi a-aḥ-ḥa na-a-ta-at-ta ta-ta-ar-ḥa-an-du* ‘кто делает зло жрецу, пусть боги его уничтожат, как тростинку’. В палайском ис-

в хет. *-anta*. Относительно реконструкции **to* в начале индоевропейского предложения см.: Гамкрелидзе—Иванов. Т. 1. С. 359 сл. Там же ссылки на работы Уоткинса, специально рассматривающие эту проблему на хеттском материале в свете открытого Диллоном соответствия хеттскому начальному *ta(-)* в ирландском (*M. Dillon. Celtic and other Indo-European languages // Transactions of the Philological Society. L., 1947. P. 15 ff.*).

⁷⁹ См.: А. А. Королев. Хетто-лувийские языки (Языки Азии и Африки. I. М., 1976. далее ХЛЯ) о функциональной близости хет. *-kan* и лув. *-tta*, хет. *-šan* и лув. *-tar* (с. 43). См. также: O. Carruba. Die satzeinleitende Partikeln in den indogermanischen Sprachen Anatolians. Roma, 1969; P. Meriggi. Anatolische Satzpartikeln // RHA. 18(72). 1961. S. 1—35.

пользуется частица *-ta*, по-видимому, этимологически тождественная хет. *ta-*, лув. *-tta* (также энклитика, как лув. *-tta*), напр., § 17 9—10 (*A. Kammenhuber. Esquisse de grammaire palaite*): *la-a-la-an-ta ku-iš tar-tan ma-ri-iš-ši nu-u-ši* ‘и кто l. t. (вин. ед.) раздробит ⟨...⟩ то себя насыщает’.

В ликийском используется этимологически тождественная сочинительная частица/союз *-dde*⁸⁰, напр., в TL 44 с 9: *se-dde-we : sttati mē urublijē* ‘и (он) ставит памятник’.

Вероятно, этимологически тождественный местоименный элемент содержится в лид. *-t* (указание на субъект предложения среднего рода)⁸¹, напр., LW II, 10: *fakit est inal adalλ* ‘(кто) же зло причинит ⟨...⟩’.

**tāja-* ‘красть, воровать’: хет. *tāja-*, *tāje-*, *dāja-* ‘красть’, *tājazzil* ‘кража’; лик. *tijala* ‘вор’ // и.-е. *(s)tāi ‘утаивать, красть’: др.-инд. *stāyát* ‘тайный, скрытый’; *stāyūtāyū-* ‘вор’; греч. *τητάω* ‘грабить; лишать’; др.-ирл. *tāid* ‘вор’; ст.-слав. *taj* ‘тайный’, *tajo*, *tajiti* ‘скрывать, утаивать’ (Рок. 1010).

Хет. *tāia-* ‘красть’ (ср. др.-хет. *ta-a-ja-az-zi* ‘он крадет’ — Зак. § 57, тк. *t/da-a-i-iz-zi*, *ta-ja/az-zi*) обычно записывается посредством *scriptio plena* начального слога (*ta-a-*, *da-a-*), что находит хорошие соответствия в других индоевропейских языках (ср. детальный анализ этого корня у Бенвениста⁸², отметившего семантическое сходство его со ст.-слав. *tajō*). В текстах Законов часто встречается производное *tājazzil* ‘кража’ в форме род. пад. ед. ч. *tājazilaš*, в значении ‘возмещение за кражу’ (Зак. § 94, 97) и ‘(человек) кражи’ = ‘вор’ (в последнем случае родительный падеж употребляется в предикативной функции). Сопоставление со ст.-слав. *tati* ‘вор’, ирл. *táith*, *taid* ‘id.’ (и особенно производное абстрактное имя ирл. *tá(i)the*, *tá(i)de* ‘сокрытие’, — где видна древняя основа на *-i-s*⁸³) позволяет предположить, что морфемная граница в хет. *tājazil* (ср. еще хет. *ta-i-iz-zi-ia-aš*, где *-i-* не обязательно передает *-ia-*⁸⁴) проходит перед *l*, а не перед *zil*. Выделяемый таким образом суффикс *-l* идентичен суффиксу, который образует отглагольные имена от производных основ на *-u-*, *-i-*, ср. хет. *takšul* ‘договор’, *šuel* ‘нить*’ и др.

Очевидно, что хеттский непроизводный глагол *tāja-* не может быть поставлен в один ряд с такими глаголами на *-ja-* (< **-jo-*), как хет. *an-ija* — ‘де-

⁸⁰ См.: *O. Carruba. Op. cit.*; *P. Meriggi. Op. cit.*, см. там же о лик. *ddey* — другой соединительной частице, по-видимому, не являвшейся клитикой. См. еще: *G. Neumann. Be träge zum Lykischen. VI // Sprache. 1984. Bd. 30. № 2. S. 93 ff.*

⁸¹ См.: *R. Gusmani. Lydischan Wörterbuch; P. Meriggi. Op. cit.*

⁸² *E. Benveniste. Hittite et indo-evropéen. P., 1962. P. 112—117.*

⁸³ *H. Thurneysen. A Grammar of Old Irish. Dublin, 1946. P. 169, 209.*

⁸⁴ Иначе: *H. Kronasser. Etymologie der hethitischen Sprache (EHS). Wiesbaden, 1963. S. 325.*

лать, совершать (обряд)’: лит. *anuoti* ‘делать’, хет. *ueš-ija-* ‘одеваться’; гот. *wasjan* ‘id.’ (слабый глагол I класса) и т. п. Не исключено, что *-i-* в *tāja-* (как и в других аналогичных и.-е. формах) имеет морфонологическое объяснение и может быть интерпретировано как результат развития некоторого элемента, характеризующего глаголы типа хет. *dai-* ‘класть, ставить’, *nai-* ‘вести’ и т. д.

Параллель хет. *taja-* и *tajazil* обнаружена в ликийском, где засвидетельствован апеллятив *-tijala* в надписи на саркофаге TL 9, 4 (в той ее части, где говорится о каре нарушителям гробницы). Лик. *tijal-* *nomen auctoris* с суффиксом *-l-a* (ср. хет.), образованное от тематической основы *tija-* < **taitó-*.

Отсутствие данной основы в других хетто-лувийских языках может объясняться ее ранним включением в сферу юридической терминологии, которая сохранилась главным образом в хеттской культурной традиции.

***tag(a)-** ‘покрывать, окружать’: хет. *taggalija-* ‘окружать, обнимать, накрывать’; лид. *taqala* ‘огороженный участок’ // и.-е. *(s)*teg* ‘покрывать’: др.-инд. *sthagayati* ‘окутывает, покрывает’, греч. *στέγω* ‘покрываю’, лат. *tegō*, *-ere* ‘покрывать’; др.-ирл. *tuigiur* ‘накрываю’, *tech* ‘дом’; др.-ирл. *pekja* ‘покрывать’, лит. *stiegiu*, *stiegti* ‘крыть крышу’, возм. русск., ц.-слав. *stog* ‘стог’ (Pok. 1013 f.)

Хет. 2 л. ед. ч. наст. врем. *ták-ga-li-e-ši* ‘ты обнимаешь’ известно из текста, по ряду признаков отражающего древние языковые нормы (цикл о Нарам-сине, BoTU 4B III 22: *nu-uš-ši me-na-aḥ-ḥa-an-da* ^{GIS}*NA-aš se-es-ki-iš-ki-ši nu-uš-si tak-ga-li-e-ši* ‘du schläfst mit ihr (ihm?) auf dem Bette, du imärmst sie (ihm?)’: НАВ, S. 34). В § 108 Хеттских законов встречается причастная форма *tág-ga-li-ja-an-da* (вар. *tág-ka-li-an-da*) ‘огороженные’ (о виноградниках): ₁₂*ták-ku tág-ga-li-ja-an-da-za* ^{GIS}*ŠAR.GEŠTIN* ^{GIS}*ma-aḥ-la-an ku-iš-ki* ₁₃*ta-a-i-ja-zi* ‘если из огороженного виноградника лозу кто-либо украдет <...>’; *ibid.*, 14—15: [*ták-ku*] *Ú.UL-ma tág-ga-li-ja-an-da nu* ^{GIS}*ma-aḥ-la-an ta-a-i[-ia-zi]* ‘если же не огорожены (им. пад. мн. ч. сред. р.), и лозу украдет <...>’.

Сдвоенное написание велярного смычного в основе *tág-ga* при и.-е. **-g-* является, видимо, графическим способом передачи последовательности ‘согласный + гласный + согласный’ <...>; неудвоенный *-C-* в случаях типа *ta-ga-* мог указывать на стечение согласных, ср. хет. *ta-ga-an* ‘на земле’ = [*tkan*].

Глагол *taggalija* — относится, вероятно, к числу отыменных с суффиксом *-l-*, ср. *ḥurta(I)lija* ‘смешивать’ < *hurtalli-* ‘смесь’ и др., однако исходная именная основа в хеттском нам неизвестна.

Высказывалось предположение, что *taggalija-* содержит ту же основу, что и хет. *takkani* ‘грудь’ (НАВ 198, Anm. 2). В последнее время индоевропейский характер последнего был подвергнут сомнению, для хет. *takkani-* предложены северокавказские параллели. Если, несмотря на трудности семантического

плана и общие соображения, попытаться отнести к этому сопоставлению без предвзятости, это, несомненно, заставит исключить связь *takkani-* с *taggaliija-*, какой бы очевидной (ср. ENS. S. 509) она ни казалась. Принятию сев.-кавк. параллели в данном случае могло бы способствовать обнаружение родственного хеттскому *takkani* слова в хаттском (древнейшее родство которого с северо-западнокавказскими языками, в настоящее время можно считать доказанным, но ограниченность хаттского материала оставляет вопрос открытым).

Хет. *taggali(ian)*, вероятно, родственно лид. *taqaḷa* (LW 2, 12), 'огороженный (участок)': <...> *aktin nāqie fēnelibid fakataḷ ebad [aa]rav bistav taqaḷav sištrorš šfēndakḡlin [.v]cbukid* 'и если кто-либо причинит ущерб, то его здесь [двор, дом (?), (огороженный) участок и (всю) собственность *a*. (эпитет божества?) уничтожит'.

Некоторые расхождения в семантике анатолийских и индоевропейских форм (в основе первых лежит представление об 'окружении', 'огораживании', тогда как в других индоевропейских рефлексах — 'накрывание [сверху]') нейтрализуются в лидийском и хеттском, где в ряде случаев возможна интерпретация, близкая к 'накрывать'.

**tak-s/t-* 'делать; связывать': хет. *takš-*, *tag-gaš-*, *takkeš-* 'делать, мастерить', *takšul-* 'дружественный'; лид. *taqtula-* 'заключать договор, скреплять договором' // и.-е. (А) **tek-* 'прилаживать': др.-инд. *takṣati* 'обрабатывает, обтесывает'; греч. *τέκτων* 'плотник'; лит. *tašaiū*, *-yti* 'обтесывает'; ст.-слав. *tešo*, *tesati* 'тесать'; (В) **tak-s-* 'плести; вязать, ткать'; лат. *texō*, *-ere* 'вязать', 'ткать'; д.-в.-н. *tāht* 'фитиль, веревка' (Пок. 1058 f.).

Глагол *takš* относится к древнейшей хеттской лексике. Он появляется уже в тексте Анитты (КВо III 22 Rs. 7—6: *U.DUMU^{MEŠ} URU^{URU}Ne-e-š[a-š] [i-da]-a-[lu na-at-ta ku-e- da-ni-ik-ki tak-ki-iš-ta* 'а сыновьям города Несы, никому (из них) зла не причинил'⁸⁵. Это же сочетание, которое было, вероятно, устойчивым⁸⁶, встречается в несколько более позднем (среднехеттском) тексте военной присяги (КВо VI 34 + Во 2523 Vs II 47—48): *tu-ḡa-kán A-NA LUGAL ŠAL.LUGAL DUMU^{MEŠ} LUGAL ḤUL-lu tak-ki-iš-zi* 'и царю, царице, царским детям зло причинят'⁸⁷.

⁸⁵ См. перевод этого места: Г. Г. Гуоргадзе. Текст Анитты и некоторые вопросы ранней истории хеттов // ВДИ. 1965. № 4. С. 92.

⁸⁶ В хеттском (и лувийском) известен также глагол *anni(ia)-* 'делать', который в лувийском образовывал сочетание со словом *adduwal* 'зло'.

⁸⁷ См.: N. Oettinger. Die militärischen Eide der Hethiter. Wiesbaden, 1976 (STBoT 22). S. 11.

Варианты записи форм хет. *takš-* (ср. 1 л. ед. ч. наст. вр. *ták-ga-aš-mi*, 3 л. *ták-ga-aš-ši*, *ták-ki-e-eš-zi*, но медиопассив 3 л. мн. ч. наст. вр. *ták-ša-an-da-ri*), определенным образом распределены: графика *-ga-aš-*, *-ki-e-eš-* и т. п. имеет место перед флексией, начинающейся с согласного; это заставило Г. Оттена предположить появление вставочного гласного для устранения стечения согласных. В любом случае важно, что этот гласный элемент возникал на стыке *k* и *š* — очевидно, для носителей языка этот глагол был структурно сходен с другими глаголами на *-š-* типа *ḫarš* ‘пахать’ и т. п.

В хетском данный глагол отличался широкой семантикой, ср. 3 л. ед. ч. претер. *É^{MES} tág-ga-aš-ta* ‘дома он построил’ (HAB 145), инфинитив *I ták-šu-(u)a-an-zi* ‘предпринять’, 3 л. мн. ч. наст. врем. медиопассива *ták-ša-an-ta-ri* ‘они смешиваются, соединяются’ и др. Еще более широкий спектр значений восстанавливается для соответствующего индоевропейского глагола на основании его рефлексов в исторических индоевропейских языках. В индоевропейском этот глагол относился к терминологии ремесленного производства, обозначая процесс производства вообще (конкретно же — ‘изготавливать, плести, обрабатывать’, ‘лепить’ и т. д.⁸⁸, см. ниже).

Одно из наиболее употребительных производных хет. *takš-* — *takšul* ‘дружественный; друг’, ‘договор’, ср. др.-хет. KUB XXXVI 108 2f: *ták-šu-ul i-e-ir* ⟨...⟩ *ki-eš-ša-an ták-še-ir* ‘они договор заключили ⟨...⟩ (и) следующим образом договорились ⟨...⟩’.

Эта же основа с дентальным суффиксом представлена в лидийском глаголе *taqtula-*, который появляется в юридическом контексте (LW 22, 13): *akad sivrālmis artimul ašfāv cēqraλ qiraλ taqtulāt* ‘и жрец (?) Артемиды на священном поле/участке право собственности закрепил (договором)’; к лид. *taqtula-* ср. хет. *takšula(i)-* ‘заключать договор, дружбу’ (напр., Madd. Vs. 75: *-ši* ⟨...⟩ *me-na-aḫ-ḫa-an-ta ták-šu-la-a-eš* ‘ты заключил о нем договор’).

Варьирование в анатолийском двух суффиксальных элементов (*-š-* и *-t-*) у данного глагола может восходить к более раннему периоду и позволит объяснить сложную рефлексацию конечного согласного основы по индоевропейским диалектам, что заставило восстановить в анлауте «спирант Бругмана», **-p*. В действительности же здесь, как и в ряде других случаев, **-p* — есть символ несводимости к одной реконструируемой единице согласных двух различных классов — взрывного и спиранта.

**talāi-*, **talija-* ‘оставлять’: хет. *t/dāla/e*, *dālāi*; *t/dalija-* ‘оставлять, отпустить’; иер. *tala-* ‘оставлять’; лик. *tlei-*, *tli-* ‘оставлять, приносить’ // и.-е. **tel-*,

⁸⁸ Об этом глаголе см.: Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. С. 705 сл., 728.

**telə-*, **tlē(i)-*, **tlā-* ‘поднимать, приносить; терпеть, допускать’: др.-инд. *tuláyati* ‘поднимает, задерживает’; арм. *ʔotum* ‘позволяю, допускаю’; греч. *ταλάσσαι, τλήναι* ‘переносить, терпеть’; лат. *tollō, -ere* ‘поднимать’; гот. *pulan-, aida* ‘переносить, терпеть’; лтш. *iz-tilt* ‘переносить, терпеть’; тох. А, В *täl-* ‘поднимать, приносить’ (Рок. 1060 f.).

Возможно также к и.-е. **tel-* ‘быть спокойным’ (1061) и **stel* ‘ставить; неподвижный, застывший’ (Рок. 1019 f.).

Хет. *dala-* ‘оставлять’ засвидетельствовано начиная с самых ранних текстов, в частности в мифе о Цальпе, ср. А 14’⁸⁹: *Ú.LUGAL ŠU.GI a-pi-ia ta-a-li-iš* ‘и старого царя там оставил’, ср. еще *da-a-la Ú.UL DUMU.ĪA a-p[a-]a-aš* ‘хватит! (= оставь!) Он мне (больше) не сын’ (НАВ II, 14). Сложным для объяснения (в свете и.-е. форм) является вокализм начального слога, который в хеттском регулярно передается посредством *scriptio plena*, ср. 1 л. ед. ч. наст. вр. *da-a-li-ja-mi* (KUB XXIII 93, 5), 3 л. ед. ч. наст. вр. *da-a-la-iz-zi*, также *da-a-la-a-i* (KUB XXXIII 120 III 13), 1 л. ед. ч. прет. др.-хет. *ta-a-la-aḫ-ḫu-un* (Anitta 45), 2 л. ед. ч. повелит. накл. др.-хет. (*arha*) *da-a-la* и др. По наблюдениям, неудоение *a* в начальном слоге отмечается чаще после превербов и некоторых энклитических частиц, ср. *kán da-li-ja-at* (Hatt.) ‘ты оставил’, *-za-kán še-ir da-la-aḫ-ḫu-un* ‘сверху я оставил’ и т. д.

Семантика индоевропейских параллелей также не очень хорошо согласуется с хеттской, что заставляет обратиться к другим сопоставлениям. Одну из возможностей, как нам представляется, можно видеть в славянском материале, ср. др.-русск. *маль* ‘заложник’ (Срезн. III, 922), серб.-хорв. *малац*, словен. *tálac* ‘id.’ — слова, для которых нет хорошей индоевропейской этимологии (Фасм. IV, 16) и не обнаружена соответствующая глагольная основа.

В иероглифической надписи из Мараша (№ 32, фр. 4) содержится форма 1 л. ед. ч. претерита *talaha*, которая близка по значению хет. *t/dala-* : *à-wa-tá^k A-lá-wa-sa-n^{URUK} KAT-ta ta-la-ha* ‘и город Алавасу я оставил’.

Помимо хеттского и иероглифического лувийского (и гипотетичных славянских параллелей) данная основа встречается только в ликийском; ср. достаточно прозрачный фрагмент Ксанфской стелы (TL 44, s. 14—15): *as parza : meñ [na] : t(...)^{mā} : axa se ñtepi kizzaprññā : tli[xa]* ‘и городам персов *t.* я сделал, и внутри Тиссаферна я оставил’, ср. еще TL 131, 3—4: *me tilili : ñni qlahi : ebijehi nuñtāta : aṁm[a] ma : uwa* ‘и оставит/принесет для (богини-) матери этого святилища 90 чистых⁹⁰ быков’. Редукция корневого гласного в ликийском свидетельствует о его устойчивой неударенности.

⁸⁹ Цит. по: *H. Otten. Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa. Wiesbaden, 1973. S. 12 f.*

⁹⁰ Лик. *aṁmāṁta* было сопоставлено Нойманом с греч. *ἀμωμος* ‘безупречный, безукоризненный’.

**tana-* ‘пустой, ровный, тонкий’ хет. **tanna-* ‘пустой, ровный’, ^{NINDA} *dannaš(-)* ‘тонкий хлеб’, *tan-garaht-* ‘тощий’; лув. *danna-tta-* ‘пустой’, иер. *ta-nata-* ‘id.’ // и.-е. **tən(d)-* ‘тянуть’, ‘растягивать’ (Рок. 1065 f.); др.-инд. *tanúṣ* ‘тонкий, плоский, тощий’, *tanōti* ‘растягивать, тянуть’, прич. *tatá-* ‘растянутый, вытянутый’, греч. *ταλύς* ‘длинный’, лат. *tendō, -ere* ‘растягивать, тянуть’, др.-исл. *þenia* ‘растягивать’, лит. *tévas* ‘тонкий, стройный’, праслав. **тънькъ*.

Непроизводная основа прилагательного **tan(n)a-* в хетто-лувийских языках не обнаружена. Встречаются дериваты с суффиксами *-r-* (*dannara-*, *dannarant* ‘пустой, ровный’) и *-tt-* (*dannatta-* ‘пустой, пустынный, ровный’), ср. в тексте 1-й военной присяги хеттов (КВо XXI 10 Rs. III 29): *na[da]n-na-at-ta URU-ja-še-eš-šar i-ja-an-du* ‘и пусть (боги) сравниют город с землей’ (*dannatta ija-* букв. ‘сделать пустым; ровным, гладким’, синоним — деноминатив *dannattahh-*).

Хет. ^{NINDA} *dannaš-* ‘тонкий хлеб’⁹¹ — *s-*основа, ср. твор. пад. ед. ч. *dan-na-ši-it* (ритуал антахшум, KUB II 8 I 34—35): *EGIR-ŠU* ^{NINDA} *dan-na-ši-it me-ma-li-it KAŠ-it GEŠTIN-it AŠ-RI*^{HL.A} *ir-ḫa-a-an-zi* ‘вновь с тонким хлебом, с крупой, с пивом, вином ритуальные места они обходят’⁹².

Сходное с хет. *dannatta* слово было, вероятно, и в лувийском, о чем свидетельствует иер. *tanata*⁹³ и глоссированное (лув.) *dannatta* (Хатт. II, 63, 66).

В то же время нельзя исключить возможность неиндоевропейского происхождения хет.-лув. **tana-* (при его формальном совпадении с и.-е. **ten-*). На это могло бы указывать, помимо неясности семантических связей (основное значение хет. **tana-* — ‘пустой’), также и то, что глагольная основа, сопоставимая с и.-е. **tən(d)-*, не представлена в хет.-лув. языках. Немаловажно, что название хлеба *dannaš(-)* встречается в ритуалах, восходящих к хаттской традиции, наряду с такими хеттскими наименованиями, как хлеб *pu-un-ni-ki-eš*, сосуд *ḫu-ru-ti-el* и др.

**tar-* ‘тереть, натирать’, хет. *tattara-* ‘вытирать’, лув. *taštari-* ‘натирать, растирать’ // и.-е. **ter-, terə-, *teri-* ‘тереть, растирать’ (Рок. 1071 f.); греч. *τέρω* ‘тереть’, *τίτρομι* ‘растирать’, лат. *terō, -ere* ‘тереть, растирать’; ст.-слав. *търо, trěti* (праслав. **търо, *terti*) ‘тереть’.

В хеттском известна форма *ta-at-ta-ra-a-an-zi* (3 л. мн. ч. презенса) ‘они вытирают (пол)’ (магический текст KUB IX 15 III 6, 13, 24), где редупликация

⁹¹ Ритуальный хлеб в хеттском часто назывался по своей форме или составу, ср. NINDA.KUR RA ‘толстый хлеб’, NINDA KU₇ ‘сладкий хлеб’ и т. д.

⁹² См.: В. Г. Ардзинба. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1980. С. 165.

⁹³ Иер. *tanata* встречается рядом с идеограммой ‘ЗДАНИЕ’ (см.: F. Meriggi. He-thitisches hieroglyphisches Glossar. Heidelberg, 1962. S. 121) и, видимо, означает ‘пустой’.

носит, очевидно, экспрессивный характер. Лувийская редуцированная основа *taštari-*, родственная хет. *tattara-*, представлена 3 л. мн. ч. претерита *ta-aš-ta-a-ri-in-ta* 'они растерли'⁹⁴ (коневоодческий трактат, KUB XXIX 44; 48—55 Vs. I 19). Исходная основа *tar-* со значением 'тереть', вероятно, генетически связана с хет. *terip(p)-*, сохранившим узко специальное значение (см. ниже), где исторически выделяется суффикс *-p-*⁹⁵ (< *bh?, ср. слав. *trěbiti* : *trěti*)⁹⁶.

**tar-* 'говорить': хет. *tar-* 'говорить', *tarija-* 'обращаться, заговаривать', *tatrahḫ-* 'подстрекать'; лув. *tatariiaman* 'проклятие', иер. *tatarija-* 'проклинать', лик. *Šri-* 'idem'; лид. *-tro-* 'произносить', *tatro-* 'повелевать' // и.-е. **tor-*, **toró-s-* 'громкий' (Pok. 1088 f.): др.-инд. *tārā-* 'резкий, пронзительный', греч. *τορός*, 'громкий, пронзительный'; ср. ирл. *torm*, *torim* 'шум'; лит. *teriù*, *taṛti*, тк. *taraū*, *taryti* 'говорить', *tarmē#* 'изречение, суждение'; др.-прусс. *tārin* 'голос'; слав. *tortoriti* 'болтать, тараторить'; арм. *t'rtr'ak* 'хороший оратор'.

Хеттский атематический глагол *tar-* выступает в качестве супплетивной основы множественного числа наст. вр. к *tē-* 'говорить': 1 л. мн. ч. наст. вр. *ta-ru-e-ni* 'мы говорим', 3 л. *da-ra-an-zi* 'они говорят' и др.

Любопытно противопоставление основ *tē-* и *tar-* в пределах одного контекста, ср. др.-хет. (HAB III 65—66): *li-e-ma-an-še [LUG]AL-uš ki-iš-ša-an te-iz-zi DUMU^{MES} É.GAL-ša da-ra-an-zi* 'и ей царь пусть так не говорит, и Сыновья дворца пусть не говорят'. Ср. еще 3 мн. императ. *da-ra-an-du* 'пусть они говорят' и 3 ед. наст. *tar-di* 'он говорит' — диалектная лувийская форма, а также *taršik(k)-*, *tarašk-* (тк. и др.-хет.) — итератив с суффиксом *-š-k-*. В других анатолийских языках итеративно-интенсивное значение у данного глагола передавалось посредством редуцированных форм, ср. иер. *tatar(i)a-*, лид. *tatro-*. В этой связи представляют несомненный интерес балто-славянские параллели, где глаголы, обозначающие производство звуков⁹⁷, в интенсивно-итеративном значении образуют дериваты двумя отчасти синонимичными способами — либо с суффиксом **sk-el/o-*, либо с редупликацией, ср. лит. *tarškėti*, русск. *тараторить* и др.

Определенная эмоциональная окраска, присущая интенсивной редукации, способствовала развитию специализированной семантики у форм типа хет. *tatrahḫ-* 'подстрекать' или лув. **tatari-* 'проклинать'.

⁹⁴ Ср. аналогичную модель редукации в лув. *hiš-hija-* 'связывать' < **shi-shija-* и др.

⁹⁵ Ср. еще лув. *ṽali-* и *ṽalip-* 'заворачивать и др.

⁹⁶ Родство этих славянских форм отмечено у Покорного, который возводит их к и.-е. **ter-*, **terə-* и т. д.

⁹⁷ Выделение такой группы глаголов в качестве отдельной категории, согласующаяся с гипотезой Мейе и Станга, подтверждается и типологическими данными.

С глаголом *tar-* связано, вероятно, хет. производное *tar-aš-na-* ‘горло’ (KUB IX 4 III 36: интерпретация Гетце, ТуНН. Р. 42), содержащее тот же суффикс, что и хет. *parš(i)na-* ‘пятка’, используемый в и.-е. для образования названий частей тела.

В лидийском глагол **tar-* засвидетельствован либо в редуцированной форме: *tatro-*, либо с различными префиксами: *kan-tro-*, *kan-tor-* ‘доверять, предоставлять’ (**kom*, **tor-*), *fa-kan-tro-* ‘передавать, доверять’ (ср. 23, 8: *akit qed fásfēnu akat qλ fakantrol* ‘и (все) чем я владею, (если) это кому-либо передам (<...>’). Если придерживаться идеи об особой близости лидийского к кругу хеттских диалектов (хотя многие факты лидийской морфологии не согласуются с этой точкой зрения), то лид. *tatro-* ‘проклинать’ могло бы быть реликтовой редуцированной формой, которая в хеттском была вытеснена образованиями на *-šk-*.

Лик. *šri-* встречается в надписи из Ксанфа (TL 44 в 60) в контексте, где для него очень вероятно значение *verbum dicendi*, близкое к общелув. **tatari-: se xñtawati azzalāi ñtarijeusehe : sejertaxesirazahe : šride : hriha* ‘и предводитель а. проклял кровь (= род)⁹⁸ Дарийеуса (Дария) и Артаксиразы (Артаксеркса) (т. е. персов)’. Отсутствие редупликации в лик. *šride* объясняется внутренними закономерностями распределения редуцированных форм и нередуцированных форм в этом языке, где первые возможны только в презенсе, но не в претерите⁹⁹. Акцентуация лик. *šri-de* хорошо описывается одной из моделей баритонированных основ с редуциацией первого корневого гласного.

**tar(u)-* ‘распростертый; неподвижный’: хет. *tarru-* ‘простирающийся, широкий, обширный’, *tarranu-* ‘простирать’; лув. *taraqi-* ‘сбить, сделать неподвижным’ // и.-е. **(s)tor-*, **(s)terā*, **(s)trē-* ‘быть неподвижным, застывшим’ (Pok. 1022 f.): греч. *στρεβός* ‘неподвижный; крепкий, твердый’; герм. **stara-* ‘застывший’; лит. *starinù*, *-inti* ‘делать жестким, твердым’; ст.-слав. *strada* ‘harte Arbeit, Mühe’, *stradati* ‘leiden’.

Хет. *tarru-*, содержащее старый суффикс *-u-* (ср. *daššu-* ‘сильный’, *tarḫ-u-* ‘могущественный’ и др.). употребляется как прилагательное и как наречие; в первом случае — со значением ‘широкий, раскрытый, простирающийся’ и т. п., ср. в хет.-аккад. билингве XII 70 Rs 12 *tar-ru-un ša-aš-da-an* ‘(на) широкое ложе’, KUB XXXVI 89 Rs. 43 (текст, связанный с культом Нерика) *la-*

⁹⁸ Лик. *hriha* является, видимо, производным с суффиксом *-sa-* от хет.-лув. **eshar* ‘кровь’, пралик. **esri* (начальное *h-* в ликийском восходит обычно к анлауту ‘гласный + s + гласный’).

⁹⁹ См. подробно: Л. С. Баюн. Некоторые вопросы реконструкции общепанатоллийского глагольного строя // Древняя Анатолия. М., 1985.

ba-ar-na-aš KUR. KUR^{HLA} *tar-ra-a-u-ua[li-e]te-pa-u-eš-zi* '(далеко) простирающиеся страны Лабарны пусть не уменьшатся'. Появляясь при глаголах, *tarrū* обозначает 'распростершись (на животе)', как это видно, например, из текста «Ритуала Старой женщины» (KUB IX 4 II 25 сл.), где (*pa-ra-a*) *tar-ru-u še-eš-zi* 'ложится (распластавшись) на живот' противопоставлено (*EGIR-pa*) *pár-aš-za še-eš-zi* 'ложится на спину'. В отдельных случаях значение наречия *tarrū* не вполне ясно из контекста, ср. KUB XXI 6 Vs. 5 («Ритуал Старой женщины»): *[ki-]e-da-ni tar-ru-u pa-ra-a-an is-tap-pí-ir* 'здесь воздух¹⁰⁰ со всех сторон (?) «запирают»'.

Каузатив *tarranu-*, судя по контекстам, сохраняет исходную семантику: 'распространять'¹⁰¹, *tarru-* 'простирающийся', ср. KUB XXIII 9 III 12 (Телеп.): *tar-ra-nu-ut-du* ^{GIS}*HAŠHUR-an-za* 'пусть яблоня распространит (свои ветви)'; 'повергать' *tarrū* 'лежа (на животе)', ср. др.-хет. текст BoTU 23 I 7 f. (Указ. Телеп.): *nu ud-ne-e ḥar-ni-in-ki-iš-ki-it nu ud-ne-e ar-ḥa tar-ra-nu-ut* 'и страны он уничтожил, и поверженными сделал страны'¹⁰².

Лувийские формы, образованные от основы *tar(r) sui-* 'сбить, повергнуть', графически могут отличаться от хеттских: они обычно содержат несдвоенный *-r-*, а в анлауте иногда появляется знак *da-* (при хет. *ta-*); эти особенности, вероятно, свидетельствуют о редуцированном характере первого гласного основы. В тексте KUB XXIV 45 Vs II 25—26 («Ритуал Старой женщины») глагол *taraḫi-* обозначает наказание, которое постигнет нарушителя клятвы: *ma-a-na-aš ḥu-i-du-ua-li-iš šar-ri-ja-an* ^D*UTU-za da-ra-u-id-du* ₂₆ *ma-a-na-aš ú-la-an-ti-iš a-an ti-ia-am-ma-aš-ši-iš* ^D*UTU-za da-ra-ú-id-du* 'Если он живой, пусть его повергнет Бог солнца (который) наверху; если он мертвый, то его пусть повергнет земной Бог солнца'¹⁰³.

Сочетание лув. *tar(r)aci-* с превербом *pa-ri* формально и семантически сопоставимо с хет. *para tarru*, ср. лув. ритуал KUB XXXY 54 Vs 35—56: *a-ta*

¹⁰⁰ О хет. *parā-* 'воздух' см.: N. Oettinger. Die milit. Eide. S. 46, Anm. III; Материалы I. С. 33 сл.

¹⁰¹ Допускавшееся для хет. *tarranu-* значение 'mächtig machen' (Friedrich. NW. S. 213; Sommer—Falkenstein. HAB. S. 192) отрывает его от прилагательного *tarru-*, с которым он, несомненно, связан отношениями деривации.

¹⁰² И. Вайтенберг (U-Stämme. S. 142) справедливо выражает сомнение (в первую очередь по семантическим причинам) в том, что с рассмотренными формами следует связывать хет. *tarra-* 'können, imstande sin' (ср.: E. Neu. Das hethitische Mediopassiv und seine indogermanischen Grundlagen // StBoT. 1968. S. 36), который нам представляется более очевидным соотнести с хет. *tarḥ-* (см. ниже).

¹⁰³ Этот фрагмент, как и многие другие лувийские ритуальные тексты, является метрическим; в пользу этого, помимо количественных характеристик, свидетельствует и употребление параллельных конструкций, обрамляющих переменную часть строки.

im-ra-aš-ša ^D*IŠKUR-u[n-t]i pa-ri* ₃₆ *ta-ra-a-u-i-it-ta* ‘и это для бога Грозы полей он распластал’ (в предшествующих строках описываются некоторые другие ритуальные действия с предметами, которые потом будут «переданы» богу Грозы полей — их ударяют ритуальной палкой, пронзают ритуальным копьем).

В лувийских адъективах *parittaruašši* и *pari(t)tarualli-* преверб *pari-* используется как префикс. Значение этих форм может быть определено только предположительно. В ритуальных текстах они образуют параллельные конструкции с производными от основы *elir(hu)ṽa*¹⁰⁴, ср. KUB XXXV 48 Rs 3 III 8 *ir-ṽa-li-ja-ti pa-ri* [-*ta*] *r-ṽa-al-li-ja-ti* 54 Rs III 4 *ir-ḫu-u-ṽa-aš-ša pa-ri-it-tar-u-ṽa-a-aš-š[a]*, которые могут быть интерпретированы как ‘здоровый, больной (= распростертый?)’¹⁰⁵.

***tarḫ-** ‘побеждать, преодолевать’: хет. *tarḫ-* ‘побеждать, принуждать; мочь, быть в состоянии’, *tarḫuili-* ‘сильный’, *tarḫuilatar* ‘сила’; лув. *tatarḫ-* ‘ломать’; лик. *trq(q)as-*, *trqqñt* ‘бог’, мил. *trqqñtasi* ‘божий’ // и.-е. **ter-*, **terə-*, **tř-*, **tra-* ‘преодолевать, пересиливать’: др.-инд. *tárati* ‘превосходит, преодолевает’ (*tirāti*, *titárti*, *tiryati*, *tarute*, int. *tāráyati*), *-tara* (в сложных словах), авест. *-tara* ‘побеждающий’ (в сложных словах); алб. *sh-tir* ‘перегоняй, переправляйся’, греч. *τέροτρον* ‘вершина, конец’; возможно, сюда же: греч. *τρανος* ‘ясный, определенный’, ср. также *νεκ-τάρο* ‘напиток богов, дающий бессмертие’ (букв. ‘убивающий смерть’) (см. Pok. 1074, 762)¹⁰⁶.

В древнехеттском глагол *tarḫ-* и производный от него *tarḫu-* передаются всегда без *scriptio plena*: *tar-aḫ-zi* (КВо XVII 21 Vs 12), *tar-uḫ-zi* (КВо VI 2 II 58), ср. среднехет. *tar-ḫu-uz-zi* (KUB XVII 10 I 33). Такую особенность можно объяснить либо только нулевой ступенью основы **třH-*¹⁰⁷, либо также и рефлексом нормальной безударности индоевропейского глагола в главном предложении.

Примеры употребления хет. *tarḫ-* в значении ‘побеждать, преодолевать’ (обычно силой оружия): KUB XXIII 13 2: A.VI. A.VI ^D*UTU*^{ŠI}*IŠ.TU* ^{GIŠ}*TUKUL* *ÚL tar-aḫ-ta* ‘нас дед-Солнце оружием не победил’; 2 ВоТУ 23, 2 (указ Телепинуса): *ku-ṽa-at-ta-aš la-aḫ-ma pa-iz-zi nu* ^{LU}*KUR-an ut-ne-e ku-ut-ta-ni-it tar-aḫ-ḫa-an ḫar-ta* ‘Но в какой бы поход он ни пошел, он держал вражескую

¹⁰⁴ Наряду с такими «парными» терминами, как ‘чистый ~ нечистый’, ‘прошлое ~ настоящее’, ‘отец ~ мать’ и др.

¹⁰⁵ Едва ли оправдано мнение, что лув. *parittarua-* и хет. *tarru-* следует разграничивать (J. Weitenberg. U-Stämme. S. 296).

¹⁰⁶ Покорный (см.: Pok. P. 254) возводит хет. *tarḫ-* к и.-е. **dher-*, **dherə-* ‘держат, опираться’ (др.-инд. *dhar-* ‘держат, тащить’, авест. *darə-* ‘держат’, др.-гр. *θράνος* ‘сидение’ и др.); с и.-е. **ter-* он сопоставляет хет. *tar-ma-* ‘гвоздь’.

¹⁰⁷ S. E. Kimball. The Anatolian Reflexes of the IE Syllabic Resonants // IF. 1986. Bd. 91. P. 83—101, esp. P. 86.

страну в подчинении’, **tarḫ-* в значении ‘мочь, быть в состоянии’ обычно не сочетается с частицей *-za*¹⁰⁸, ср. примеры употребления *tarḫ-* в этом значении: KUB XVII 10, I, 33: *nu Ú-ÚL tar-ḫu-uz-zi ḫa-a-ši* ‘и не может (не в состоянии) открыть’, KUB III 119 I 16: *nu-za la-aḫ-[]ḫi-ia-u-ua-an-zi Ú-ÚL nam-ma tar-aḫ-ḫi-eš-ki-it* ‘но ударить не мог’; ср. юридическую формулу в KUB XIII, 20 *ku-it-ma DI-SAR šu-me-el Ú-ÚL tar-aḫ-ḫu-u-ṣa-aš* ‘с каковым (судебным) делом вам не справиться (= не совладать, не сладить)’.

Используется также редуцированный каузатив от *tarḫ-* — *tatraḫ-* ‘заставлять победить’, напр., KUB XXIII 11 III 5—6 (анналы Тулхалияса): *na-aš-ta SA KUR^{URU} A-aš-šu-ṣa 2 SIG ERIN^{MES} Ú 6 ME LÚ^{MES} iš-me-ri-ṣa-aš ta-at-ra-aḫ-ḫa-aš* ‘и он призвал к восстанию (= заставил победить) 10000 воинов и 600 колесничих страны Ассува’.

В текстах встречается вариант глагола *tarḫ-* — *tarḫu-*, ср. наряду с (*-za*) *tar-aḫ-zi*: (*-za*) *tar-ru-uḫ-zi* (*-za*), *tar-aḫ-ḫa-an-zi* и (*-za*) *tar-ru-uḫ-ḫa-an-zi* (здесь *-uḫ-* вм. *-ḫu-* из **h^u*, (*-za*) *tar-aḫ-ḫi-ir* и *tar-ḫu-e-ir*); вопрос о соотношении *tarḫ-* и *tarḫu-* остается не до конца решенным¹⁰⁹; по-видимому, *-u-* в основе *tarḫu-* носит суффиксальный характер (ср. также формант *-u-* суффиксального характера в хет. *lahḫu-* ‘лить’, а также *arra-* ‘мыть’, учитывая такие формы, как *arruizzi*, *arruṣanzi* [3 л. мн. ч.] и др.). По-видимому, этот суффикс потерял продуктивный характер еще в доисторический период развития хеттского языка (см. также ниже). С глаголом *tarḫu-* связано прилагательное *tarḫuili* ‘сильный’¹¹⁰, образованное посредством суффикса *-ili* от основы *tarḫu-*; от *tarḫuili-* образовано отвлеченное существительное *tarḫuilatar* ‘сила’ (употребляется в специфическом значении ‘мужская сила’).

Хеттский корневым глагол спряжения на *-mi tarḫ-* восходит к корню, который представлен в ряде древних и.-е. языков. Значение глагола *tarḫ-* ‘побеждать, покорять’ точно соответствует значению родственного ведийского *táratī* ‘он побеждает’, авест. *titarənt* ‘побеждающий’ и ряда других производных от этого корня в индоиранском¹¹¹. Но в индоиранских языках кор-

¹⁰⁸ См.: *H. Kronasser. Etymologie der hethitischen Sprache. S. 424; Фридрих. Кр. гр. § 253.*

¹⁰⁹ См.: *J. Friedrich // HW. S. 213; Goetze // JAOS. V. 74. 3. 1954. S. 190.* Хет. *tarḫu-*, как и приводимые ниже родственные индоиранские формы с **-u-* после корня, может восходить к **trh^u*. Группа *-hu-* в таком случае развивается из лабиоларингального; уже внутри хеттского языка она могла быть переосмыслена как содержащая суффикс *-u-* (ср. аналогичный процесс, предполагаемый и для *lahḫu-* ‘лить’).

¹¹⁰ О значении этого прилагательного см.: *E. H. Sturtevan. Hittite glossary. 2 ed. Philadelphia, 1936. S. 155.*

¹¹¹ Наличие индоиранских соответствий хет. *tarḫu-* в *tarḫuilatar* было отмечено Гетце, см.: *The linguistic continuity of Anatolia as shown by its proper names // JCS. V. VIII. № 2. P. 80, not. 104.*

новой атематический глагол, соответствующий хеттскому *tarḫ-*, не сохранился, хотя имеется большое число производных основ, относящихся к этому корню. Существование в древности соответствующего корневого глагола и в индоиранском доказываются такими ведийскими формами, как причастие *tīr-na-* и т. п. В ведийском встречается также в качестве второй части сложного слова корневое образование *tur*, напр., *viśva-tur* 'всепобеждающий', *vṛtra-tur* 'побеждающий врага'. Корневое имя *tir* в «Ведах» выступает в качестве инфинитива.

Сравнение с данными индоиранских языков позволяет установить архаичность хеттских отглагольных основ на *-uar*, *-uan*, образованных от корня *tarḫ-*: супина *tarhuuan* и отглагольного существительного *tarhuuar* (см. выше), род. пад. *tarḫuuan* (напр., в KUB XIII 20 I 36). Сравнительная грамматика хеттского языка показывает, что формы на *-uar*, *-uan* восходят к основам гетероклитического существительного на **-uer/-uen*; к этому же типу отглагольных имен возводятся и индоиранские инфинитивы на *-van*¹¹². Поэтому хет. *tarḫuuan* следует признать генетически тождественным индо-иранской именной основе, образованной от *tar-* с помощью суффикса *-van*, ср. др.-инд. инфинитив *turvāne* (в «Ведах» *turvan* означает 'победа'), др.-инд. прилагательное *turvāni-* 'победоносный', авест. *taurvan-* с тем же значением. В индоиранском данные основы являются производными от глагольной основы на *u-* (см. выше о хет. *tarḫ-* и *tarḫu-* и их соотношении). Основа с суффиксом *-u-* засвидетельствована в древнейших памятниках индоиранских языков, ср. ведийское *téru-tra-* 'победоносный', *taru-tr-* 'победитель', ср. глагольную форму *taru-te*, Rv, 902, 2, *turvate* 'он побеждает', авест. *ta^urvayēti* 'он побеждает' и т. п.

Следовательно, первоначальным для ведийского *tur-van* 'победа' следует считать трехчленное деление на морфемы: *tur-v-an*. Аналогичным было и древнее строение родственных хеттских основ; так, в хеттском *tar-ḫuuar* суффикс *-(a)r* присоединялся к основе на *-u-*, как показывает форма род. пад. *tarḫ-u-aš*. В период письменной истории хеттского языка образование отглагольного существительного на *-uuar* (род. пад. *uuaš*) и супина на *-uuan* было возможно от всех глаголов, независимо от того, имелась ли от данного корня параллельная основа на *-u-* или нет. Суффикс супина *-uuan* стал неразложимой морфемой, тогда как относительная членимость *-(u)uar* в отглагольных именах определялась только отсутствием *-r* в формах косвенных падежей, но и эта особенность постепенно утрачивалась¹¹³. Поэтому особый интерес

¹¹² См.: *Sturtevant. Comp. Gr 2. S. 101—102* (с указанием литературы по данному вопросу).

¹¹³ Ср. форму отложит. пад. *iekumarraz*, где обобщен суффикс имен. пад. *-uar(-)i*; в этом отношении показательно также наличие новых форм мн. ч. типа *minumari* при архаичном *minumar*, см.: *Фридрих. Краткая грамматика. § 205. С. 122.*

представляют архаичные основы на **u-er*, **u-en*, образованные от *tarḫ-*. Древнее членение этих хеттских основ удается установить благодаря тому, что основа *tarḫu-* представлена не только в форме род. пад. *tarḫuuaš*, которую можно было бы считать новообразованием ввиду продуктивности данного типа основ, но и других именных производных от основы на *-u-* (см. выше о *tarḫuil-*, *tarḫuilatar*).

Рассмотренные факты показывают, что с основой *tarḫu-* в хеттском связан ряд архаичных производных имен. Поэтому значительный интерес представляет гипотеза Гетце о связи с данным корнем именной основы *tarhunt*, известной из иероглифического и клинописного лувийского, а также из топонимики древней Малой Азии¹¹⁴. Так, в иероглифическом лувийском *tarḫu(n)-ta-a* является именем бога Грозы, в лувийских текстах ^d*tar-ḫu-un-za* (напр., KUB XXXV II 36 = LTU, S. 43) также употребляется в качестве имени бога Грозы, ср. также теонимы *Tarhu-Tarku*, представленные в каппадокийских табличках. Кронассер¹¹⁵ предполагает наличие рефлексов той же основы в греч. *Ταρχων-*, лат. < этр. *Tarcho* (в последнем случае интересно сохранение рефлексов древней *u*-основы).

С этим же корнем связан ликийский теоним *trq(q)as*, *trqḫnti*, мил. *trqqiz* (= лув. ^d*Tarḫunt-*). В милийском известно образованное от той же основы прилагательное *trqḫntasi* 'божий'.

Глагольная основа, генетическая родственная хет. *tarḫ-*, сохраняется только в лувийском, в редуцированном каузативе *tatarḫ-* 'ломать, разбивать', ср. KUB XXXV 39 Rs. III 26—27 (ритуал ^{SAL}*ŠUL.GI a-an DINGIR^{MES}-in-zi a-aḫ-ḫa na-a-ta-at-ta ta-ta-ar-ḫa-an-du* 'его (вин. пад.) боги, словно тростник, ломают').

**tar-k-u-* 'неистовый': хет. *tarku(ua)i-* 'яростный, свирепый', *tarkuūāi-* 'кружиться, танцевать'; (?) лув. **taruua-* 'неистовствовать; танцевать, кружиться', *tar(u)uāli-* 'танцор' // и.-е. **tər-k-*, **tre-k-* 'вертеть, вращать' (Рок. 1077) (также **g^u-*): др.-инд. *tarkú-* 'веретено'; греч. *ἄτρακτος*; лат. *torqueō* 'вертеть, кружить; терзать', *torvus* 'свирепый, дикий'; ирл. *trochal* 'праща'.

Для хет. *ta-ar-ku-iš* (588/v, 1 5) предполагается «негативное» значение, согласно Берману — 'something evil'¹¹⁶. Этому не противоречит интерпретация наречия *ta-ar-ku-ua* как 'яростно, свирепо'¹¹⁷.

¹¹⁴ См.: Götze. The Linguistic Continuity...

¹¹⁵ См.: H. Kronasser. Das hethitische Wort für Gott // Sprache. 5. 1959. S. 55—70.

¹¹⁶ H. Barman. The Stem Formation of Hittite Nouns and Adjectives. University of Chicago. Ph. D. 1972. P. 25.

¹¹⁷ G. Neumann // IP. 1971. 76. S. 262.

Основное значение хет. глагольной основы *tarkuṣ-ai-* (итератив *tarkuišk-*) — ‘кружиться, танцевать’, ср. др.-хет. ритуал с участием жрицы «Сестры бога» (*NIN.DINGIR*) KBo XXI 90 Vs. 22: *ṢIN.DINGIR A-NA DINGIR*^{LIM} *me-na-aḥ-ḥa-an-da tar-ku-iš-ki-iz-xi-pát* ‘Сестра бога перед богом танцует»; ср. еще др.-хет. ритуал KUB XX 38 Vs. 12—13: *ta ka-ru-uš-š[a(?) -an-ti-Ii] tar-ku-ṣa-an-zi* ‘И (они) молча танцуют’¹¹⁸.

Форма *tarṣali-* ‘танцор’ (дат. ед. *tar-u-ṣa-li-ia*, ср. еще *tar-ṣa-a-li*) определена Ларошем как лувийская¹¹⁹. Более вероятно, однако, что основа без велярного суффикса была употребительна в обоих языках, ср. хет. ^{LÜ}*tar-u-eš-ga-la-* ‘танцор’ (= акк. *huppū*) < *tarkuešk-*. Исходное значение хет. и лув. *tar(ku)-ṣa-* — ‘кружиться’ находит многочисленные параллели в индоевропейском, образующие сходный семантический комплекс: ‘вертеть; кружиться; неистовый, свирепый’.

tarma-* ‘колышек, гвоздь’: хет. *tarma-* ‘гвоздь’, *tarmāi-* ‘забывать, прикреплять’; лув. *tarmi* — (= ^{GIS}*GAG*) ‘гвоздь, колышек’, *tarmai-*, *tarmišša-* ‘забывать, прикреплять’ // и.-е. **ter-m-* ‘край, конец’ (Рок. 1075); др.-инд. *tárman* ‘верхушка жертвенного столба’; греч. *τέρμα*, *-ατος*, ‘цель, конечный пункт’, *τέρμων* ‘граница’; лат. *termin*, *termō*, *terminus* ‘пограничный знак’ (первоначально: ‘пограничный столб’), ср.-в.-н. *drum* ‘наконечник, конец’; арм. *t’arm* ‘наконечник’ (tr_{mo-}*).

Хет. *tarmā(i)-* — отыменной глагол (от *tarmali-* ‘гвоздь, колышек’) спряжения на *-ni*. Вероятно, первоначально он входил в парадигму *ḥi*-спряжения, на что указывает появление *-i-* перед окончанием 3 л. ед. ч. наст. врем., ср. KUB VII 13 27 (ритуал очищения дома): *tar-ma-a-iz-zi mi-ta-iz-zi* ‘прибывает (и) связывает’, но *tar-ma-a-ṣe-ni* ‘мы забываем’, *tar-ma-a-nu-un* ‘я прибил’ (*-i-* отсутствует и в производных, ср. хет. *tar-ma-a-tar* ‘укрепление’). Этот же элемент *-i-* может по аналогии распространяться и на другие формы: 1 л. ед. ч. наст. врем. *tar-ma-e-mi* (др.-хет. отрывок о войнах с хурритами, KUB XXXI 4 13) и *tar-ma-a-mi* ‘я вбиваю (колышки)’ (заклинание с фрагментами на хеттском языке, KUB XVII 28 1 8).

Производные от анат. **tarna-* неоднократно появляются в лувийских ритуальных текстах, например, KUB XXXII 8 XXXII 5 23—24 (ритуал ^{ŠAL}*ŠU.GI*): *tar-ma-in-du URUDU-ia-ti [tar]-ma-ti* ‘пусть прибьют медным гвоздем’. (Такого рода *figurae etymologicae* очень часты в лувийском, ср. KUB XXXV 54 II 33—34: ^{GIS}*ḥa-at-ta-ra-a-ti ḥa-at-t[(a-r)]i-it-ta* ^{GIS}*tu-u-ra-a-ti-pa-ta tu-u-r[a-a-a]t-ta* ‘дубинкой ударил, копьем (?) же поразил’.)

¹¹⁸ В. Г. Ардзинба. Ритуалы и мифы древней Анатолии. С. 134, 216.

¹¹⁹ DLL. P. 94; В. Laroche // BSL. 53. P. 197.

Лувийский итератив *taiṁiṣša-* (ср. 3 л. мн. ч. императива *tar-mi-iš-ša-an-du* ‘пусть забивают’) употребляется в том же значении интенсивно-многократного действия, что и хет. *tarma(i)šk-* ‘укреплять, вбивать’.

**tarn-* ‘выпускать’: хет. *tarna-* ‘выпускать, отпускать; позволять’; итеративы *tarnešk-*, *taršik-*, *taršk-*; лув. *tarš-* ‘выпускать’ // и.-е. **ter(n)-*; тох. А *tārnā-*, *tārk-*, прет. тох. А *cārk-*, В *cārk(ā)* ‘оставлять; отпускать; оовобождать’; арм. *t’ornel* ‘пускать; позволять’.

Глагол *tarna-* засвидетельствован в хеттском начиная с древнего периода, ср. 1 л. ед. ч. презенса *tar-na-[aḫ-]hé* ‘(орла) я выпускаю’ (Ритуал для царской четы, IV 37¹²⁰) с архаичным окончанием *-hé* (позднее *-hi*). В качестве объектов хет. *tarna-* в ритуальных текстах часто выступают кровь, масло и т. п., ср. КВо XI 17 II 14—15: *nu e-eš-ḫar tag-ni-i kat-ta tar-na-i* ‘и кровь (жертвенного животного) на землю он выпускает’; KUB XII 5 IV 12: *YA-an še-er tar-na-i* ‘масло сверху он льет’. Значение ‘позволять’ можно проиллюстрировать, например, фрагментом КВо VII Vs 20—21: *tāk-ku-an (...)*^{LU} *a-ra-aš-ši-iš ku-uš-du-ṽa-a-iz-zi zi-ga-an li-e tar-na-at-ti* ‘если его (...) его товарищ причиняет зло, ты ему не позволяй (букв. его не пускай)’.

Хет. *tarna-* образует устойчивое сочетание со словом *ṽastul* ‘грех’, относящееся к сфере сакрально-юридической терминологии, ср. Murš. Pestgeb. 2: *ka-a-š [a] A-NA PA-NI*^{DIM} *ua-aš-túl tar-na-aḫ-ḫu-un* ‘вот, я перед богом Грозы грех (своих предков) признал’. В точности сходном контексте используется и тох. А *tārk-* (*tark-*, *cārk-*, *cārk-*), тох. В *tārk-*, *cārk-*, что делает это хетто-тохарское сравнение, относящееся к древней ритуальной терминологии, бесспорным.

В основе *tarna-* выделяется старый суффиксальный элемент *-n-*, отсутствующий в итеративных формах *taršik-*, *taršk-* (наряду с *tarnešk-*), хотя здесь его отсутствие может иметь чисто позиционное объяснение (ср. хет. *naššan* < **nu-an-šan* ‘и его’), но, с другой стороны, ср. тох. А *tār-k-* ‘отпускать’.

Хеттскому *taršk-* в лувийском должен был бы соответствовать глагол типа *tarš-*. И действительно, такой глагол в лувийском известен, однако он появляется, как правило, в поврежденных либо не интерпретируемых контекстах¹²¹. Исключение составляет ритуал Mond-beschwörung (KUB XXXV 103 Rs III 13—14): *ti-ja-am-mi-in du-ú-pi-[ša-ar-ra [zi-]la tar-ši-i-ta* ‘(...), землю d.,

¹²⁰ См.: H. Otten, V. Souček. Ein althethitisches Ritual für das Königspaar // StBoT. Wiesbaden, 1969.

¹²¹ Но у него всегда есть прямой объект, обозначающий вещество или нечто подобное, поэтому едва ли можно согласиться с толкованием этого глагола как ‘drive (on a chariot)’: H. Güterbock. Orientalia 25. P. 124.

вверх он это выпускал (?). Если знаки *du-ú-pí-*[начинают причастную форму *du-ú-pí-[im-mi-in]*, то *tii-ammin dupimmin* (вин. пад. ед. ч.) можно будет понимать как 'ритуально нечистую землю', а весь контекст сопоставить с хеттским фрагментом ритуала Туннави (KUB VII 53 + KUB XII 58 III 14), где глагол *tarna-* обозначает «освобождение» от ритуально нечистых одежд: *ku-it-ši-iš-ša-an ku-it an-da e-eš-[ta na-a]t EGIR-an ID-i tar-na-i* 'все, что было на ней/на нем, (все) это она затем пускает в реку'.

***tek-** 'течь': пал. *tek-* 'течь' // и.-е. **tek^u*- 'бежать, течь, струиться' (Рок. 1050 f.); др.-инд. *tákti* 'спешить, устремляться', авест. *tačaiti* 'бежит, течет'; алб. *ndjek* 'преследовать'; др.-ирл. *techid* 'бежит, убегает'; лит. *tekù, -eti* 'бежать, течь', *tekmē* 'источник, река', ст.-слав. *teko, tešti* 'течь'; тох. В *cake* 'река'.

Данный глагол, относящийся к древнейшей индоевропейской лексике, из всех хетто-лувийских языков сохранился только в палайском. В заключительных строках гимна, посвященного божеству *tiunaš* (к и.-е. **dieu-*; хет. *šiuana-* 'бог' *Carruba. Das Palaische* ⟨...⟩, S. 42), находим: *ḫa-ap-na-aš ni-i te-ka-an-za* 'река не течет' (букв. 'не текущая'), где *tekanza* — старое причастие на *-nt-*. В других и.-е. традициях известны близкие в формальном и семантическом отношении сочетания: лтш. *strauja upē tek* 'быстрая река течет', авест. *āpō tačinti* 'воды текут' и т. д. Семантика и.-е. **tek^u*- включала представление о быстром, стремительном движении, ср. лит. *tekù, -ėti* 'бежать, течь' и др., что может указывать на характер водных потоков, знакомых индоевропейцам.

***terap-** 'пахать (?), боронить (?)': хет. *terip (p)-* 'пахать', *Á.ŠÁ terippi-* 'вспаханное поле' // и.-е. **ter-*, **tero-*, **teri-*. **trēi-*, **trī-* 'тереть, растирать': греч. *τέιζω* 'тру, мучаю, терзаю'; лат. *terō, -ere* 'тереть, растирать', *tribulum* 'доска с гвоздями, используемая для отделения зерна', *triō* 'волы, запрягаемые в плуг'; ц.-слав. *trěbiti* 'чистить, корчевать', русск. диал. *тереб* 'расчищенная под пашню земля'¹²², ср.-ирл. *trebaid* 'пашет'.

Хет. *terip(p)-* (глагол со старым лабиальным суффиксом) представлен единичными формами: 3 л. ед. ч. наст. врем. *te-ri-ip-zi*, инф. *I te-[ri] -ip-pu-u-ua-an-zi*, итератив 3 л. мн. ч. повелит. накл. *te-ri-ip-pí-iš-kán-du* (инструкция *bēl mādgalti* KUB XIII I IV 24). Интересно, что дважды рядом с хет. *terip(p)-* появляется глагол *ḫarš-* 'пахать'. Исходя из и.-е. материала, можно

¹²² Ср. еще полаб. *tribe* 'he digs, scratches': *V. Kopečny. Základní všeslovaska slovní zásoba*. Praha, 1981. S. 372 (в словаре не учтен ц.-слав. и русск. материал, вследствие чего остается в стороне использование праслав. **terbiti* применительно к обработке земли).

реконструировать исходное значение анат. **terap-*, который связывается не с самим процессом «пахоты» (и.-е. **Har-*), но с одним из видов сопутствующих земледельческих работ (ср. лат., слав.). То, что хет. *tarip(p)*- обычно стоит после глагола *ḥarš-*, позволяет соотнести его с обозначением процесса, следующего за пахотой («боронование»). Последнее в ряде и.-е. языков, как правило, восходит в основном со значением «тереть», «острый» и т. п.¹²³

**tī-*, **tu-* «ты, тебя»: хет. *zi-k* «ты», *tu-k* «тебя», *-(t)ta* «тебе, тебя» (энклит.); лув. *-du* «тебе, тебя» (энклит.) [*tuiš* «ты (?)», твой (?)]; пал. *tī* «ты», *tū* «тебе» // и.-е. **tē*, **tū-* «ты; тебе, тебя»: др.-инд. *t(u)vám* «ты»; греч. дор. *τύ*; гот. *þu-k* и др.

В хеттской парадигме личного местоимения 2 л. ед. ч. отчетливо противопоставлены основа им. пад. *zi-* (графически *zi-(i)-ik*, *zi-ik-ga*, *zi-ik-ga*) и основа косвенных падежей *tu-* (вин. *tu-uk*, *tu-uk-ga*, род. *tu-e-el* и т. д.). Ассибиляция **t > z* перед *i* (ср. еще хет. окончание 3 л. ед. ч. презенса *-zi < *-ti*) характерна только для хеттского (наличие *t-* в древнехеттском притяжательном местоимении 2 л. ед. ч. *-tiš* «твой», *-taš* «твоего» и др. может объясняться аналогическим выравниванием по основе косвенных падежей); в палайском зубной смычной перед *i* сохраняется, ср. пал. *tī* «ты»¹²⁴.

Scriptio plena пал. *tī* отмечается в ударных, синтаксических и семантических значимых формах, ср. KUB XXXV 165 Vs 21—22: *pa-a-pa-az-ku-ar ti-i* [*a-an-na*]-*az ku-ar-ti-i* «ты — словно отец, ты — словно мать», но *ibid.*, 24' — *ti-ku-ar*.

Из форм косвенных падежей известен только дат. пад. пал. *tu-ú* в партитивной аппозиции *t]u-ú* «...» [*k]a-a-ar-ti* (5KUB XXXV 165 Vs 20) «тебе (по сердцу)» (= хет. *kardišaš-taš*, см. **ker*, **kardi-* : Материалы III).

В лувийском надежно засвидетельствована форма дат. пад. *-du* «тебе, у/для тебя» в KUB XXXV 103 III 12: *GĪR^{MES}-ta-du tar-ú-e-ia i-iš-ša-ra-d[u-* «ноги у тебя (сделаны) из дерева, руки у тебя». В качестве местоимения 2-го лица (личного или притяжательного?) можно интерпретировать и лув. *tu-ú-iš* в KUB XXXV 133 Vs II 27, где стоит форма *tu-ú-iš* (*UD^{KAM}-iš* «твой (?)» (день)», им. пад. ед. ч. (о возможных рефlekсах группы **Tu-* в лувийском см. выше, статью **du-*, **dui-* «2»).

¹²³ Ср., например, праслав. **borna* «борона» при лтш. *beržti*, *beržu* «тереть, чистить», лат. *forāre* «сверлить» и др. (Фасмер. I. С. 126 сл.).

¹²⁴ Эйхнер полагал, что пал. *tī < *tei* (H. Eichner. Indogermanische Chronik // Sprache. 1984. Bd. 30. 1. S. 29; о хет.-лув. местоимении 2 л. ед. ч. см. еще: E. Neu. Glossar zu den althethitischen Ritualtexten. Wiesbaden, 1983 // HBoT 25. S. 59). В хетто-лувийском дифтонг **ei* в **tei* перешел в *i* еще до начала диалектного процесса ассибиляции *t* (которое перед дифтонгом обычно сохранялось).

tri-* '3': хет. *t(a)riia-* 'три'; лик. *tri-*, мил. *tr(e)i* // и.-е. **trei-*, **tri-* др.-инд. *tráyas* '3'; греч. *τρεῖς* (treias*), лат. *trēs*; праслав. **trǫje* и др.

Числительное '3', как и все другие, в хеттском записывается в большинстве случаев идеограммой с фонетическими компонентами: *III-es*, *III-uš* и др. В фонетической записи сохранилась форма род. пад. *te-ri-ia-aš* (*UD-aš*) 'трех (дней)' ¹²⁵. Основа *t(a)ri-* присутствует в именных производных ^{LU}*tar-ri-ia-na-al-li-iš* '(военачальник) третьего ранга' и *t(e/a)rijalla* 'напиток (из трех ингредиентов)', ср. *ši-ip-ta-mi-ia te-ri-ia-al-la ši-pa-an-da-an-zi* (КВо V I IV 35) 'они совершат возлияние напитком из семи и из трех ингредиентов'. Сопоставление хет. *tarijanallie* 'третий по рангу' и *dujanalliš* 'второй по рангу' (см. статью **du-*, *dui-*) позволяет выделить основы порядковых числительных *t(a)rijana-* 'третий' и *dujana-* 'второй' ¹²⁶.

В милыйском количественное числительное '3' сохраняет старый дифтонг, ср. 44 d 25: *trei xali* 'три дня'. В других формах выступает основа *tri-* (с редукцией гласного *-tr-*): мил. *trisu* 'трижды', *trpplē* 'тройную (часть)', лик. *A trisñni* '30'.

**tuba-* 'бить, ударять': хет. *dupau-* 'палица (?)'; лув. *dup(a)i-* 'бить, ударять', иер. *tupa/i-* 'ид.'; лик. *tub(e)i-*, *titbe-* 'наказывать; разбивать' // и.-е. *(*a*)*teu-p-* (также *-b-*, *-bh-*) 'бить; палка' (Пок. 1034); др.-инд. *tópati*, *tupáti* 'толкать, ударять'; греч. *τύπτω* 'бить'; лат. *stupeō*, *-ēre* 'застыть, стоять неподвижно'.

Хет. *dupau-*, которое встречается в описании бога Пирвы (KUB XXXVIII 4 Vs 4): *ZAG-za ŠU-za du-pa-u-x*['правой рукой d. (он держит ?)'], — интерпретировалось ранее как 'ein Sohild' ¹²⁷. Более вероятно, однако, учитывая семантику лувийско-ликийских параллелей и типологические соображения, что *nomē instrumenti*, соотносимое с правой рукой, — это орудие, которым наносится удар (например, палица).

В лувийском ареале основа **tuba-* обнаруживается только в составе глагольных форм — 3 л. ед. ч. презенса (*ma-a-ar-da-a-ti du-ú-pi-ti* '(м. — абл.-инстр.) он бьет' (ритуал *šalli aniur*, KUB XXXV 21 Rs 20), 2 л. ед. ч. императ. *zi-i-la du-ú-du-pa* 'бей это' (рит. KUB XXXV 65 Rs III 8: в качестве прямого объекта выступают такие «отрицательные» понятия, как «обида», «зло» и т. п.). В отдельных случаях (обусловленных характером памятников) лувийское причастие *dupaimmin* обозначает некоторый негативный признак

¹²⁵ H. Kronasser. EHS. S. 365.

¹²⁶ Ср. лат. *tertiani* 'солдаты третьего легиона': H. Kronasser. EHS. S. 365.

¹²⁷ Толкование, восходящее к Боссерту (HKS. 1944. S. 57), повторяется Л. Якоб-Рост (MIO 8. 1963. S. 165).

(‘оскверненный’, ‘ритуально нечистый’), например, в ритуале, посвященном избавлению от головной боли (KUB XXXII 8 Rs III 11—14): *ḫar-ma-a-ḫa-ti-ti-ḫa-an-ta tap-pa-a-ni-in la-a-at-ta za-an-da du-ú-pa-i-mi-in iš-ša-ri-in za-an-da du-ú-pa-i-mi-in EME-in* ‘из головы боль она взяла; вот (?), оскверненную руку, вот (?), оскверненный язык’. В заключительных строках этой таблички говорится, что *dupaimmiš iššaris* ‘оскверненная рука’ должна стать подобной (ритуально чистому) маслу, а *dupaimmiš EME-iš* ‘оскверненный язык’ — подобным (ритуально чистому) меду.

В ликийском глагол *tube-* используется в значении ‘наказывать, карать’, ср. TL 101, 4—5: *me ne : ma[h]ši : tubeiti weu[reñ]ni* ‘то его (нарушителя гробницы) покарают общинные боги’; мил. (TL 44 d 12) *me pe ne tubidi urttu mrššxā trqiz* ‘то осквернителя¹²⁸ покарает великий бог’. В милийском известны также редулицированные формы презенса *titbeti* и *tetbeti* (< *te-tub-*, ср. греч. перф. *τέτιμμαί* < **теттμμαί*¹²⁹), последняя — в значении, близком лув. *dupaimmi-*, ср. TL 44 d 33: *nike dezi : mutala : apñtadi : tetbeti laβra : i* ‘пусть могучий завоеватель не осквернит стелу другой надписью¹³⁰’. В лик. А юридических текстах у глагола *tube-* развивается новое значение — ‘приказывать, постановлять’, ср. TR 5—6: *mehñti tubedē : arus : sejepewētlmmēi : Arññāi* ‘и постановил Ксанф и его окрестности (<...>’.

Хет.-лув. **tuba-* восходит к и.-е. основе с детерминативом **-b-* или **-bh-*, ср. германские формы типа др.-исл. *stūpa* ‘выситься’, хотя некоторые из последних и далеки от хетто-лувийских по семантике.

**tueka-* ‘тело’: хет. *tuekka* ‘тело, личность’; др.-хет. *tuellant-* ‘корпорация’; лик. *tukedri-* ‘статуя; изображение’ // и.-е. **t^hek-* ‘тело, части тела; оболочка, шкура’ (Рок. 1099: **t^hakos* ‘кожа’): др.-инд. *tvacas-*, вед. *tvāk-* ‘кожа, шкура, оболочка’; греч. *σάκος* ‘щит’.

Хет. *tuekka-* является обозначением всего тела и в текстах может предшествовать перечислению его частей, ср. KUB XXXIII 66 Vs II 16 (ритуал лечения глазных болезней): A-NA DUMU.LÚ ULÚ.LU-ma *tu-ik-ki-iš-ši* ‘у сына человеческого же в его теле (есть)’ (далее перечисляются части тела).

В большинстве контекстов хет. *tuekka-* выступает именно в таком значении, ср. еще KUB V 2 I 8—9: *na-aš-ma-aš-ši ŠA SAL tu-e-ik-ki-iš-ši e-eš-ḫar a-ku-ḫa-an-na pa-a-i* ‘oder ihm das Blut im Leibe seiner Frau zu trinken gibt’ (Götze. Madd. S. 132). Некоторые случаи употребления *tuekka-* заставили Гетце пред-

¹²⁸ Ср. хет. *maršahh-* ‘делать плохим, портить’ < *marša-* ‘злой, дурной’.

¹²⁹ Ed. Schwyzler. Gr.Gr. S. 212.

¹³⁰ Лик. *apñta-* означает ‘вторичное использование’ (применительно к гробницам, памятникам и т. д.).

положить, что оно означало также 'душа', ср. KUB VII 5 IV 2—3: *nu-za-kán ma-a-an DINGIR^{LUM} za-aš-ḫi-ia tu-e-ik-ki-iš-ši a-uš-zi* 'wenn er dann den Gott im Schläfe in seiner Seele schaut' (*Götze. Magg. S. 133*). Более вероятно, однако (учитывая семантику этой основы в других и.-е. языках), что во всех этих случаях имеется в виду 'тело' или 'телесная оболочка'. Еще менее вероятен перевод 'душа', когда *tuekka-* стоит во множ. числе, например, Madd. Vs 82: [*nu-u*]a ¹*Ma-ud-du-ṽa-at-ta tu-e-ik-ku-uš an-da me-ik-ki a-ar-ḫu-un*; по Гетце — 'in die Seele des Madduwattas bin ich sehr hinein gelangt' (Madd. S. 21); несомненно, здесь имеются в виду какие-то части тела.

Производное *tuekkant-* приобретает отвлеченно-собирательное значение 'объединение, корпорация' (*Hrozny. Code Hittite 45: 'corporation'*). Кронассер считает связь хет. *tuekka-* и *tuekkant-* маловероятной, в частности, по семантическим причинам (EHS, 263), с чем нельзя согласиться.

Лик. *tukedri* употребляется применительно к частям гробничных комплексов и может быть интерпретировано как 'статуя', ср. надпись из Тлоса (TL 25 1—2): *ebeis : tukedris m[...] tuwetē xasbezē* 'Эти статуи поставил X.', ср. еще ликийскую часть большой ксанфской надписи (TL 44 в 55): *se tukedri : ker [i] : ade : urubijē* 'и статую город воздвиг огромную'. В милийском известен адъектив *tukadrala* 'для статуй, изображений (культовых)': TL 44 d 8—9.

**tuli-* 'совет, собрание': хет. *tulija-* 'совет, собрание'; лув. *tulija-* 'idem'; лик. *t/duli-* 'idem' // и.-е. **tul-i-* 'произносить (ритуальные) речи'; др.-исл. *pulr* 'произносящий культово значимую речь', др.-англ. *þyle* 'вития, оратор; шут'¹³¹.

Термин *tulija-* появляется уже в древнехеттский период. В таблице Телепинуса (XVI в. до н. э.: Tel. II, 34, § 27) после указания того, что, по мнению 'людей богов', 'крови в Хаттусе стало много', говорится: *nu¹ Te-li-pi-nu-uš^{URU} ḫa-at-tu-ši tu-li-ja-an ḫal-zi-iḫ-ḫu-un* 'и я, Телепинус, в городе Хаттусе созвал *tulija-*'. За этим следует повеление, чтобы никто не убивал 'сына (царского) рода'. В другом случае термин *tulija-* употребляется в наставлении, которое Телепинус дает панкусу¹³², относительно того, как следует покарать царя, посягнувшего на жизнь брата (т. е. сына царского рода) или сестры. Телепинус предписывает панкусу для наказания преступного царя созвать

¹³¹ См. об этом термине подробно: *Вяч. Вс. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания. 17—19. Этимология 1978. М., 1980. С. 170 сл.*

¹³² О хет. *pankuš* '(государственное) собрание' см.: *Материалы I. С. 74* (литература вопроса). Из последних работ о хет. *panki-* и *tulija-* (существенно не меняющих прежних представлений) см.: *G. Beckman. The Hittite Assembly // JAOS. 1982. 102. P. 432 ff.*

tulija-. Важно, что выражение ‘созвать *tulija-*’ употребляется, когда речь идет о пресечении и наказании за убийства внутри царского рода; созыв *tulija-* мотивируется Телепиномусом оба раза тем, что ‘крови в Хаттусе стало много’¹³³.

Выражение *tulija* (дат.-мест. пад. ед. ч.) *ḫalzai-* ‘созвать на совет’ часто встречается в государственных договорах новохеттского периода, нередко в сочетании с LI-IM DINGIR^{MES} ‘тысяча богов’. В собрании хеттских государственных договоров, изданном И. Фридрихом¹³⁴, в двух случаях богов призывают хеттский царь и его союзник — правитель подвластной хеттскому царю области: LI-IM DINGIR^{MES} *tu-li-ja ḫal-zi-ü-en* ‘тысячу богов мы призвали на/для *tulija-*’ (договор Суппилулиумаса с Хукканасом, § 61, 40; договор Мурсилиса II с Таргасналисом, § 16, 11, 55). В более позднем примере тысячу богов призывает только хеттский царь: LI-IM DINGIR^{MES} ^DUTU^{ŠI} ^ILa-ba-ar-na ^INIR.GAL LUGAL *tu-ú-li-ja ḫal-zi-iḫ-ḫu-un* ‘тысячу богов я, солнце, лабарна Муваталлис, великий царь, призвал на совет’ (договор Муваталлиса с Алаксандусом, IV, 38—40)¹³⁵, причем в этом случае боги не просто являются свидетелями, но и должны в будущем защищать покорного союзника хеттского царя. Такое расширенное толкование функций призванных на совет богов, которые выступают в этом случае в качестве помощников хеттского царя, следует признать результатом позднейшего переосмысления этой формулы в духе позднихеттского обожествления царя (ср. нагромождение царских титулов в приведенной цитате). Первоначальное значение формулы *tulija ḫalzai-*, как показывают более ранние примеры ее употребления в государственных договорах, состояло в том, что ‘тысяча богов’ (т. е. все боги Хеттского царства) призывались в качестве свидетелей при заключении договора.

В то время как в хеттском слово *tulija-* не имеет никаких словообразовательных связей, в лувийском оно занимает совсем иное положение. В этом языке, наряду с *tulija-*, широко употребителен адъектив *tulijaššali-*. Оба эти слова появляются в конце перечисления лиц различного семейного и общественного положения, ср. KUB XXXV 45 Vs II 2—4: *AMA-ja-an ta-a-ti-ḫs-an*

¹³³ Это место, возможно, говорит о том, что Телепинус выступил не столько против мести и убийств вообще (в его документе есть места, показывающие, что и он признавал иногда священное право кровной мести, ср. употребление выражения DINGIR^{MES} *e-eš-har ša-an-hir* ‘боги стремились к крови (= требовали мщения)’ — Tel. I 19—20), сколько против убийств в н у т р и р о д а, именно поэтому тягчайшим преступлением является покушение царя на жизнь его сестры (но включение в эту же категорию преступлений покушения на жизнь брата указывает на иное понимание рода, чем в древности).

¹³⁴ J. Friedrich. Staatsverträge des Hatti-Reiches. I. (MVAG 31, 1). Lpz., 1926; II (MVAG 34, 1). Lpz., 1930.

¹³⁵ J. Friedrich. Staatsverträge... II. S. 82.

ŠEŠ-ja-an SAL + KU-ja-an İR-ia-an GEME-ja-an ^{LU}lu-u-la-ḫi-ja-an ^{LU}ḫa-pi-ri-ja-an kur-ša-aš-ša-ar tu-ú-li-ja-an ‘мать, отца, брата, сестру, раба, рабыню, лулахийца, хапирийца’¹³⁶, k.¹³⁷, *tulija-*’. Если сопоставить такое употребление *tulija-* и производного от него *tulijašša/i-* в лувийском со значением *tulija-* в хеттском, то можно предположить, что в лувийском *tulija-* обозначало совокупность, соединенность всех вместе (ср. употребление хеттского прилагательного *panku-* ‘совет; совокупность, все’ в конце перечислений).

В милийском основа *tuli-* входит в состав производных *tulijeli*, *tulijew[.]*, (*prijedulise*. Первые два слова обычно упоминаются рядом с теонимом или со словом ‘бог’, ср. TL 44 с 36 *sebe leli : pinati : masasi : tulijew[.]*) ‘и слова (?) направляет собранию богов’; 44 d 4—5 *trqqñtasa* ⟨...⟩ *tulijelije* ‘для Тархунтовых собраний’. Что касается мил. *prijedulise* (дат. мн.) ‘относящийся к совету знати’¹³⁸, то это определение встречается в юридическом контексте рядом со словом *qā[t]ā* ‘суд’ в последовательности *prijedulise : trñmile kupr[.]lese* ‘для ликийцев (из рода) Куприлия, из совета знати’, ср. хет. ŠA Di-NIM tu-li-ja-aš (HT 6 I 16) ‘собрание правосудия’. Возможно, что в лувийском термин *tulija-* мог употребляться в значении ‘судебное собрание’, но лувийские тексты юридического содержания до нас не дошли.

В хет.-лув. термине **tuli(ja)-* ‘собрание’, вплоть до милийского сохраняющем старую семантику, можно ожидать продолжения индоевропейской социально-религиозной терминологии. Ближайшей параллелью хет.-лув. **tuli(ja)-* является др.-исл. *pulr* ‘произносящий культовую речь’¹³⁹.

**tuti-* ‘войско’: хет. *tuzzi(ja)-* ‘войско’; лак. *tutali-* ‘id.’ // и.-е. **tēu-*, *təu-*, *teuə-*, **tuō-*, **tū-*, ‘рухнуть, разбухать’ (Рок. 1080); др.-инд. *tavīti* ‘имеет силу, мощь’, *tavás-* ‘сильный, крепкий, могучий’ и т. д.; и.-е. **tautā-* ‘народ’ (Рок. 1084 f.), иллир. Nom. pers. *τεύτα*, *Teutana*, фрак. *Tautomedes*; др.-ирл. *tāth* ‘народ, племя, род’; гот. *iuda*, д.-в.-н. *diot(a)* ‘народ’, лтш. *tàuta* ‘народ’, др.-лит. (*Daukša*) *tautà* ‘idem.’

И.-е. **teu-t* как обозначение широкой социальной группы людей реконструируется на основе хет.-лув. **tuti-* ‘войско’ и герман., итало-кельтск. **teut-*, **tout-* ‘народ, страна’¹⁴⁰. В хеттском это слово обозначает людей, способных

¹³⁶ Лулахи, хабиру — население областей на востоке и юго-востоке Малой Азии.

¹³⁷ Значение лув. *kuršša-* не ясно; это слово появляется обычно рядом с *tulija-* и, возможно, выступает в качестве определения.

¹³⁸ Лик. *prije-* к хет.-лув. **per-/para* ‘перед; передний, первый’.

¹³⁹ В свете старого сопоставления др.-исл. *pulr* с хет. *tallija-* ‘призывать бога’ (E. Polomé. Old Norse religious terminology in IE perspective. P. II) представляет интерес последовательность TL 44 с 62 (мил.) *tali : ermedeleli : tulijei* ‘призывай (?) e. собрания!’.

¹⁴⁰ Гамкрелидзе—Иванов. С. 749, 943, там же более ранняя литература.

носить оружие и составляющих регулярное войско. Сохранились тексты военной присяги хеттского войска, дающие описание архаичной ритуальной церемонии¹⁴¹. В этих текстах, в частности, ед. и мн. число употребляется параллельно. Ср. КВо VI 34: Vs I 24—25 (1-я военная присяга): *na-an ki-e NI-IŠ DINGIR^{LIM} ap-pa-an-[d(u)] nu a-pí-el-la tu-uz-zi-in da-šu-ua-[ah-ḫa-an-du]* ‘и его эти божества Клятвы пусть схватят, и войско его пусть ослепят’, там же, Vs III, 48—49: *na-an NI-IŠ DINGIR^{MEŠ} LÚ-an SAL-an i-en-du tu-uz-zi-uš-šu-uš SAL^{MEŠ} i-en-du* ‘и его божества Клятвы из мужчины в женщину обратят, войска его в женщин обратят’.

В древнехеттском тексте указа Телепинуса (BoTU 23 A II 18) встречается форма *ERIN^{MEŠ} = za = tuzziianza* ‘войско/а’, производное с суффиксом *-ant-* в собирательном значении.

С хет. *tuzzi* мы считаем возможным связать мил. *tuta(-)*, встречающееся дважды в тексте из Антифеллоса, TL 55 6—7¹⁴²: *<...> muwaq[a tu]wēmedi xaba tutasiz neki keḫ ml[u]xra uppluwi [t]uta neki relesi kixrāti ziwalā* ‘я выделил (?) с помощью t. овец (своим) войскам; чтобы я не <...> войску, чтобы они не разрушили внешнее (наружное)¹⁴³ святилище’¹⁴⁴. Вероятно, мил. *tuta-* является диалектным архаизмом, восходящим вместе с хет. *tuzzi-* к общему источнику. В ликийском А мы находим его лишь в составе личного имени *tutinimi* (TL 122: посессив *tutinimeh*, где за вычетом суффикса *-nimi* (ср. еще лик. А личное имя *adunimi*) остается основа *tuti*, сопоставимая с хет. *tuzzi-*).

(s)ṭāi*, **(s)teje-* ‘стоять’: хет. *taištāi-* (редупл.) ‘нагружать’, *ištantāi* (stā-*) ‘медлить’, лув. *dašda(ui)-* ‘ставить’, лик. *stta-* ‘ставить’ // и.-е. **sta-*: **stō-* ‘стоять, ставить’ (в расширенном виде **stāi-*: **stī-*, **stāu-*: **stū*, **st-eu-*): др.-инд. *tiṣṭhati*, авест. *hištaiti* ‘стоит’; греч. ἵστημι, лат. *sistō* ‘ставить’, др.-ирл. *tair-(s) issiur* ‘стою, оставляю стоять’, д.-в.-н. *stān*, *stēn* ‘стоять’, лит. *stójù*, *stóti* ‘ступать’; ст.-слав. **stajo*, *stati* ‘становиться’, тох. В *ste* ‘есть’, *ist* (Pok. 1004 f.).

Возможные рефлексy и.-е. **stā(i)-* в хеттском подверглись морфологическому преобразованию. Первый из них — *taištai-* (3 л. ед. ч. наст. врем.; 3 л.

¹⁴¹ См. издание: *N. Oettinger. Die militärischen Eide der Rethiter // STBoT 22. Wiesbaden, 1976.*

¹⁴² В надписи из Ксанфа засвидетельствованы два синонима мил. *tuta-* мил. *past(b)a* ‘войско; воинство’ (см. об этом слове: Материалы I. С. 64) и лик. А *ter(i)* ‘id.’ (известно и по другим лик. А надписям). За пределами эпитафии TL 55 6—7 мил. *tuta-* не встречается.

¹⁴³ Мил. *rele-si* — прилагательное, восходящее к хет.-лув. **arha-* ‘(вне, снаружи, наружное) окружающее пространство’ (ср. еще лид. *sara-* ‘двор’).

¹⁴⁴ Мил. *ziwalā* содержит корневую морфему *ziw-* ‘божество’ < **diu-*.

мн. ч. *da-iš-te-ia-an-zi*; исторический текст, KUB XXX 79, 13; там же — стк. 9 — 3 л. мн. ч. претерита *da-iš-te-i-e-ir*) появляется в тексте Законов (§ 124) в значении каузатива ‘нагрузить’ (повозку)¹⁴⁵, ср. переходность редуцированных форм в греч., лат. Восстанавливаемая для прахеттского основа *(s)tāi-*, *(s)teje-* соотносится со славянскими и балтийскими формами на **-i-* типа ст.-слав. **стаѣа**, лит. *stója*, *stójo* (но в западнобалтийском только в прошедшем времени, прусск. *postai*)¹⁴⁶.

Второй хеттский глагол, восходящий к и.-е. **stō-*, *-ištantai-*, сложен с точки зрения морфологического состава. Наиболее вероятно объяснение его как вторичного — отпричастного — образования от **stH-ont-* с протетическим *-i-*, которое регулярно развивается в хеттском перед начальной группой *s* + согласный¹⁴⁷, ср. *iš-ta-an-ta-nu-un* ‘я остановился’, *iš-ta-an-da-a-it* ‘он задержался’ (Анналы Мурсилиса). К этой же основе, как полагают, относится хет. *ištanzana-* ‘разум, душа’ — термин, известный уже в древнехеттском и обозначающий некоторую ментальную категорию, помещающуюся в говорящих существах.

Лув. *dašda-* представлен формой 1 л. ед. ч. наст. врем. *dašdau* ср. KUB XXXV 96 4—5, где ему предшествует лув. *lala-* ‘брат’:]*la-la-a-ú-i* [*-i*]n. *da-aš-da-a-u-i* [] ‘я взял [] я поставил[]’. Окончание вин. пад. *-in* перед глаголом *dašdari* указывает на его переходность.

Пожалуй, ни в одном из анатолийских языков мы не найдем формально столь точного соответствия (причем широко употребительного) и.-е. **stoH-*, как в ликийском глаголе *stta-* ‘ставить, устанавливать’ (обычно транзитивном). В ликийской части надписи из Ксанфа (TL 44, с) сообщается о жертвоприношениях и установке памятных стел, ср. с. 4—5: *se utāna : sttati : sttala* ‘и жрец ставит стелу’, с. 6—7: *se xbide sttati mē : sttala* ‘и Кавн ставит стелу’ и т. д. Дважды рядом с глаголом *sttati* появляется имя существительное *teli*: TR 16—17, TL 44 б 35, которое, учитывая соображения комбинаторного порядка, можно считать топонимом¹⁴⁸. Мил. *pe stt ā ni* (глагольная форма, параллельная лив. *sijēni* и др.), сопоставимо с и.-е. формами типа прусск. *postanai*.

¹⁴⁵ Каузативная редупликация в хеттском синонимична глагольным каузативам с суффиксом *-n-u-*, с которым она может сочетаться в пределах одной основы, ср. хет. *tittanu-* ‘устанавливать’, <**dheH*.

¹⁴⁶ Об этом глаголе в связи с суффиксом **-y-* см.: *W. R. Schmalstieg. Indo-European Linguistics. A New Synthesis. University Park; London, 1980. P. 148 ff.*

¹⁴⁷ Это объяснение допускает и Кронассер, см.: *EHS. S. 286. О лат. ištanzana см. еще: A. Kammenhuber. Dis hethitischen Vorstellungen von Seele und Leib, Herz und Leib-innerem, Kopf und Person // ZA NF. 1965. Bd. 23 57. S. 177 ff.*

¹⁴⁸ Из соотношения лик. *teli : wesiteli* (Антифеллос) могло бы следовать, что *teli* было ликийским названием Феллоса.

ХЕТТСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ *

В исследовании хеттского языка, значительно продвинувшемся за 45 лет, которые прошли со времени открытия Б. Грозного, анализ словообразования остается наименее разработанной областью. Решение этой задачи представляется целесообразным строить путем описания отношений между системой хеттского словообразования, выявляемой при анализе языка хеттских текстов, и моделью индоевропейского словообразования, реконструированной благодаря установлению соответствий между словообразовательными системами отдельных индоевропейских языков. Такой подход к изучению хеттского словообразования отвечает пониманию языкознания как науки об отношениях между языковыми системами, в которой описание одной системы производится посредством указания на ее отношение к другой системе, служащей шкалой отсчета для первой. Если при машинном переводе шкалой отсчета может служить система языка-посредника, то в сравнительном языкознании сходную роль играет реконструированная модель, выступающая в качестве абстрактной системы, представлениями которой являются системы отдельных языков.

Анализ соотношения хеттской словообразовательной системы с индоевропейской моделью, во-первых, позволяет исследовать историю хеттского словообразования, восполнив недостающие звенья хеттской системы, во-вторых, дает возможность частично проверить выдвинутые в последнее время гипотезы о характере общеиндоевропейской системы словообразования.

* Издано в: XXV международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. Изд-во вост. лит. М., 1960.

Данные хеттского языка заставляют описывать систему словообразования этого языка как состоящую из двух подсистем: словообразования имени и словообразования глагола; лишь в отдельных (очевидно, наиболее архаичных) частях эти подсистемы пересекаются (это наблюдается в классе корневых атематических имен и корневых атематических глаголов, а также в классе основ с носовым показателем и с аффиксом *-s-*). В общеиндоевропейской модели точек пересечения этих двух подсистем больше, но доказать их полное тождество и для общеиндоевропейского не представляется возможным.

Система имени характеризуется относительной немногочисленностью корневых атематических имен с нулевым суффиксом, что отличает хеттскую систему от греческо-арийской (на основании которой предполагается наличие значительного класса корневых имен в общеиндоевропейском); в этом отношении хеттский язык сопоставим с тохарским и другими языками, по абсолютной хронологии принадлежащими к более позднему этапу развития. Положение в хеттском языке можно считать результатом инновации, так как в хеттском сохранились отдельные пережиточные формы архаичных корневых имен, вытесненных параллельными формами с положительным суффиксом: ср. имя общего рода *uid-* 'вода', встречающееся лишь в двух текстах, но восходящее (как показывает лувийск. *uid-* и вед. *ud-*) к индоевропейскому, при более обычном имени ср. р. *uadar* 'вода'; *kir* 'сердце' (с точными соответствиями в греческом и прусском) при параллельном *kard-* 'сердце', *uitt-* 'год' (соответствующее второй части др.-инд. *par-ut*) при *uittant* (предполагаемом на основе производного *uittantatar*). Исчезающее корневое имя *hant-* представлено главным образом окаменевшими полунаречными формами, имеющими соответствия в других индоевропейских языках. Эти внутренние по отношению к хеттскому языку данные¹ соответствуют гипотезе о наибольшей древности индоевропейских корневых атематических имен с нулевым суффиксом, в которых можно видеть следы праиндоевропейской дофлексивной эпохи. С гипотезой Мейе о древнейшем значении корневых имен² согласуется употребление большинства этих имен в качестве существительных одушевленного рода в хеттском языке.

¹ См. об этих корневых именах работы автора: О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М., 1957. С. 12.—13; К изучению лексики лувийского языка // Исследования в честь на акад. Д. Дечев. София, 1958. С. 149; Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии // Вестник Московского университета. 1957. № 2. С. 30—31.

² *A. Meillet. Sur l'état actuel de la grammaire comparée // Linguistique historique et linguistique générale. T. II. Paris, 1932. P. 165.*

Большинство индоевропейских именных суффиксов, представленных в хеттском языке, входило в систему закономерных морфологических чередований гетероклитического типа (*-r- : -n- : -l- : -i- : -u- : -m-*). Из суффиксов этого класса в хеттском языке древние парадигматические особенности сохранили суффиксы имен, в которых основа именительного падежа на *-r* чередуется с основой косвенных падежей на *-n-*. С именным словообразованием (а не только словоизменением) эти суффиксы связываются потому, что в хеттском языке имеются родственные слова, образованные от тех же корневых морфем посредством других суффиксов (*uadar : uid-* ‘вода’, *pattar* ‘крыло’ : *piddai-* ‘бежать, лететь’). О начале распада этого типа в хеттском языке свидетельствует существительное *haršan-* ‘голова’, наряду с которым засвидетельствована основа на *-r-* *haršar*, и сходное чередование в основах, родственных *happar* ‘цена’ и восходящих к древнему названию общинной собственности. Некоторые имена этого типа исчезли в хеттском языке и могут быть восстановлены только путем внутренней и внешней реконструкции: гетероклитическое название ‘сна’ *šuppar* было вытеснено заимствованием из языка хатти *tešha-* и отразилось лишь косвенным образом в глаголе *šupparija-*³.

Чередование *-r- : -n-* можно рассматривать как осложненный случай более общего чередования — *:-n-*, которое в хеттском языке сохраняется лишь в изолированных трех словах общего рода, где основе косвенных падежей с носовым показателем противопоставлена основа именительного падежа без носового (тип *haraš* ‘орел’ : *haranaš*, род. пад.). Этот тип чередования не только имеет соответствия в древнеиндийском языке⁴, но и определяет структуру тохарской именной парадигмы и поэтому может быть возведен к индоевропейской модели⁵. Его разрушение в хеттском частично может быть прослежено по письменным памятникам.

К той же системе чередований именных суффиксов в индоевропейской модели могут быть отнесены чередования *-i- : -u-*. В хеттском языке связь чередований *-r- : -n-* с суффиксами *-i- : -u-* не может быть выявлена непосредственно; исключение составляет соотношение *pank-u-* ‘целый’ : *pangar(it)*⁶.

³ См. об указанных словах гетероклитического типа цитированную выше работу: Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии. С. 27—28; Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 1. С. 44—45; Из истории индоевропейской лексики клинописного хеттского языка // Переднеазиатский сборник. М., 1960. Ср.: A. Kammenhuber. Zur Genese der hethitischen *-r/-n-* Heteroclitica // Corolla linguistica. Festschrift Ferdinand Sommer. Wiesbaden, 1955. S. 104.

⁴ Э. Бенвенист. Индоевропейское именование словообразование. М., 1955. С. 47—49.

⁵ См. сб.: Тохарские языки. М., 1959. С. 24.

⁶ См. работу автора: Происхождение и история хеттского термина *panku-* ‘собрание’ // Вестник древней истории. 1957. № 4. С. 25 сл.

В изолированных случаях сохранились следы чередования *-i- : -l-* (где *-l-* — вариант индоевропейской плавной фонемы *-l-/-r-*): *ḫašta-ai-* ‘кость, сила сопротивления, стойкость’ : *ḫašt-al-* (основа со значением ‘сильный’, ‘геройский’).

В хеттских именных основах на *-i-*, *-u-* выделяются два разных хронологических слоя: прилагательные на *-u-* и *-i-*, как правило, легко поддаются анализу в отличие от существительных на *-u-* и *-i-*, в которых слияние суффикса с корнем осуществлялось в древний период развития индоевропейских диалектов. Прозрачности морфологической структуры хеттских прилагательных на *-u-*⁷ (типа *parku-* ‘высокий’, *panku-* ‘целый’, *teru-* ‘маленький’, *aššu-* ‘хороший’) *-i-* (типа *dankui-* ‘темный’, *ḫarki-* ‘белый’, *mekki-* ‘многочисленный’, *palḫi-* ‘широкий’) способствует то, что они обычно соотносятся с глаголами, образованными от тех же корней с помощью суффикса *-eš-* или носового аффикса. Существенно отличны от них имена существительные на *-u-* (типа *genu-* ‘колено’, *taru-* ‘дерево’), в которых древняя корневая морфема не может быть выделена по внутренним соотношениям в пределах хеттского языка. Различие между этими разными хронологическими слоями основ на *-u-* и на *-i-* подтверждается и морфонологическими данными: только в прилагательных этих типов (но не в существительных) проводится принцип, по которому легкие корни имеют огласовку *e*, а тяжелые корни — огласовку *a* (и в индоевропейской нулевой ступени сочетания гласного с сонантом). Разграничение двух указанных типов важно для определения относительной хронологии выделения прилагательных в особый класс слов.

Путем сочетания гетероклитических суффиксов *-u-* и *-i-* с суффиксом *-r-* образовались, с одной стороны, суффиксы *-ri-* и *-ru-*, с другой стороны, суффикс *-u-r* (с параллельным *-u-l-*).

Суффикс *-ri-* встречается в архаичных производных от глагольных корней (*eš-ri-* ‘образ, существо’⁸, *ed-ri-* ‘еда’⁹), тогда как суффикс *-r-u-* обнаруживается в образованиях от древнейших гетероклитических основ на *-r* (*ḫat-taru* ‘источник’ от *ḫadar* ‘вода’; *ešḫaḫru* ‘слеза’, родственное *ešḫar* ‘кровь’¹⁰).

⁷ E. Laroche. Etudes de vocabulaire. VII // Revue hittite et asianique. T. XVI. Fasc. 63. 1958. P. 90.

⁸ О значении идеограммы *ALAM* (*-ešri*), ср.: H. Otten. Hethitische Totenrituale. Berlin, 1958. S. 142 (и примеч. 1).

⁹ E. Laroche. Etudes de vocabulaire. V // Revue hittite et asianique. T. XIII. Fasc. 57. 1955. P. 82.

¹⁰ См. статью автора: Древнеиндийское *asram* ‘слеза, кровь’ и хеттское *ešḫaḫru* ‘слезы’. Езиковедски изследования в чест на акад. Стефан Младенов. София, 1957. С. 477—483; об этимологии *ešḫar* см. последнюю работу: R. Stefanini. Itt. ESHAR (sanguis): problemi formali ed etimologici // Archivio glottologico italiano. V. XLIII. Fasc. 1. 1958. P. 18—41.

Суффикс *-u-r* выступает в древних производных от основ на *-u-* типа *pank-u-r* 'род' (от *panku-* 'собрание рода'¹¹); при исчезновении основы на *-u-*, соотносимой с производной основой на *-u-r*, эта последняя становилась неразложимой; так, в *pahh-ur* 'огонь' лишь на основании косвенных данных удастся выделить корень *pahh-*, по-видимому, тождественный тому же корню в *pahh-š-* 'охранять'.

С фонологической точки зрения отличительной чертой гетероклитических суффиксов является то, что каждый из них образован сонорной фонемой (в сочетании с предшествующей гласной, чередующейся с нулем). От этих суффиксов отличаются образованные шумными фонемами суффиксы *-s-* (представленный в хеттском языке изолированными формами типа *ūitašša-* 'годовой', *īugašša-* 'годовалый') и *-t-* (засвидетельствованный с огласовкой *-ot-* в общеанатолийском названии бога дневного света, в имени бога *Ašīiat* = *A-ši-i-et* в каппадокийских табличках, ср. хеттск. *aššīia-* 'любить'¹², и в аналогичных хеттских отглагольных именах; ср. также название оружия *malatt-*, сопоставимое со славянским названием «молота»).

Большинство хеттских именных суффиксов, не охваченных формулой чередования *-r- : -n- : -l- : -i- : -u- : -m-* и не являющихся комбинацией входящих в эту формулу элементов (*-u-r*, *-u-n-*, *-u-l-r-u*, *-r-i-*), может быть описано как сочетания одного из элементов, входящих в эту формулу, с элементами *-s-* и *-t-*¹³. Так строятся суффиксы *-t-ar-*, **-t-n- > -nn-*, *-t-al(la)*, **-t-i > -zi-*, которые могут быть описаны формулой

*t *-er
 *-en
 *-el
 *-ei,

суффиксы *-eš(š)-ar*, *-eš-n-*, тройной суффикс *-aš-t-i* и суффикс *-nt-* (с порядком элементов, обратным по отношению к **-tn- > -nn-*). Сложные суффиксы этих типов по большей части служат для образования отглагольных имен (имена действия на *-tar*, *-eššar*), а также производных от прилагательных (*-ašti*). Особое место по своей семантике занимает суффикс *-nt-*, который является приметой собирательных имен и других отыменных имен (в том числе прилага-

¹¹ См. цитированную выше работу: Происхождение и история хеттского термина *panku-* 'собрание' // Вестник древней истории. 1958. № 1. С. 12—14.

¹² A. Goetze. The theophorous elements of the Anatolian proper names from Cappadocia // Language. V. 29. 1953. № 3. P. 268.

¹³ Ср. сходный метод описания санскритских именных суффиксов в книге: T. Burrow. The Sanskrit language. London, 1955; и в работе: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Очерк санскрита. М., 1960.

тельных, образованных от прилагательных же), а также суффиксом причастий (недифференцированных в залоговом отношении).

С помощью тематизации суффиксов, полученных по порождающим правилам, указанным выше, образуются суффиксы имен деятеля: *-tara-* (из *-tar-a-*), *-talla-* (из *-tal-a-*). Соотношение *šuppeššara-* 'девственница' : *šuppeššar* 'числота' позволяет думать, что соотношение суффиксов *-ššara-* : *-eššar* аналогично соотношению суффиксов *-tara-* : *-tar-*. Это подтверждает сомнительность гипотезы о связи суффикса *-ššara-* с единой неразложимой именной основой, в которой искали индоевропейское название «женщины». С типологической точки зрения наличие в хеттском языке суффикса *-ššara-* для обозначения лиц женского пола при отсутствии грамматического женского рода аналогично наличию в английском языке суффикса *-ess-* (тип *god-ess* 'богиня'). Общеанатолийский характер суффикса *-ššara-* доказывается данными иероглифического хеттского и лувийского¹⁴ языков.

Тематизация в принципе была возможна по отношению ко всем атематическим суффиксам: так, при атематическом **-u-n-* (чередовавшемся с *-u-r-*) засвидетельствовано тематическое образование на *-u-n-o-* *peruna* 'скала', родственное славянскому имени Перуна¹⁵, и т. п.

Путем тематизации атематического аффикса *-l-* (сравнительно редко употребляющегося в хеттском языке) образован суффикс *-la-*, употребляющийся в хеттском, как и в других анатолийских языках, наряду с суффиксом *-li-* для образования многочисленных именных и местоименных форм со значением принадлежности¹⁶. Связь притяжательных форм на *-la-* и *-li-* с наречиями на *-li-* особенно ясно прослеживается в таких случаях, как ^{KUŠ}*E.SIR ḫattileš* 'хаттская обувь'¹⁷ и *ḫattili* 'по-хаттски'. Вместе с тем *-la-* в анатолийских языках используется в функции, аналогичной роли образований на **-lo-* в тохарских, армянском и славянских языках.

Тематизованная форма **-mo-* > *-ma-* в хеттском языке обычно встречается в качестве части «прерывистой морфемы» (с обязательной редупликацией корня); оба эти приема порознь употребляются и в других языках, но их сочетание является специфическим для хеттского (ср. хеттск. *lalukkima-* 'свет',

¹⁴ E. Laroche. Comparaison du louvite et du Lycien // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. Т. 53. Fasc. 1. 1958. P. 193.

¹⁵ См. работу автора: К этимологии балтийского и славянского названий бога грома // Вопросы славянского языкознания. Вып. 3. М., 1958. С. 101—111.

¹⁶ Ср.: A. Kammenhuber. Zur hethitisch-luvischen Sprachgruppe. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Bd. 76. Heft. 1—2. 1959. S. 25—26.

¹⁷ H. Otten. Fußbekleidung bei den Hettitern // Reallexikon der Assyriologie. Bd. 3. Berlin, 1959. S. 124.

‘теплота’, древнеиндийское *rukma-* — и тохарское В *lyukemo* — от того же корня). Суффикс *-ta-* < **-to-*, являющийся тематизованной формой суффикса *-t-*, сохранился только в отдельных производных типа *šašta-* ‘ложе’ (от *ses-* ‘отдыхать’, ‘спать’ с огласовкой *o*, специфичной для индоевропейских именных основ на **-to-*).

Изолированными являются древние тематические основы, в которых тематический гласный следует непосредственно за нулевым суффиксом (тип *pada-* ‘нога’, *jug-an* ‘игло’).

Словосложение является сравнительно редко встречающимся типом образования имен в хеттском языке; за исключением некоторых новообразований позднейшего происхождения¹⁸, сложные слова встречаются лишь в качестве изолированных терминов, относящихся к специальным областям лексики: скотоводческой (*da-juḡa-* ‘двухлетний’), религиозной (*pattar-palhi-*, буквально ‘ширококрылая’, термин, по типу образования имеющий точные соответствия в тохарских¹⁹ и других индоевропейских языках), а также в собственных именах: ср. имя *Šuppi-luli-uma-*²⁰, по своему древнему значению и структуре очень близкое к анатолийскому *Utruḡ-asu* в каппадокийских табличках²¹ (ср., с одной стороны, хеттск. *šuppi-* ‘чистый’, *luli-* ‘источник’, с другой стороны, хеттск. *ḡatt(a)ru-* ‘родник’, *aššu-* ‘хороший’). Хеттское имя божества *Aššu šiḡatt-* ‘благой день’ с этимологической точки зрения тождественно древнеиндийскому сложному слову *su-dyut*.

Редуцированные основы в подсистеме имени представлены продуктивными интенсивными формами типа *Kunkunuzzi*²² и образованиями типа *temal-* ‘крупа’ (от *malla-* ‘молоть’), точно соответствующими по характеру удвоения и огласовке индоевропейскому перфекту.

В отличие от имени хеттский глагол характеризуется обилием корневых атематических форм и относительной бедностью словообразовательных суффиксов. В системе глагола функции корня как морфологической единицы были особенно значительны не только потому, что имелось большое число

¹⁸ H. G. Güterbock. Zu einigen hethitischen Komposita // Corolla linguistica. S. 63—68.

¹⁹ См. сб.: Тохарские языки. М., 1959. С. 21. Тохарское В *kaum-parki* ‘солнцевосходящее — восход’ по семантической структуре является калькой с тибетского, но морфологически построено по индоевропейскому типу.

²⁰ F. Sommer. Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 56; ср. о собственных именах с первым компонентом *šuppi-* в каппадокийских таблицах: A. Goetze. The linguistic continuity of Anatolia as shown by its proper names // Journal of cuneiform studies. V. 7. 1953. № 2. P. 29.

²¹ E. Laroche. Recueil d’onomastique hittite. Paris, 1951. P. 107.

²² Ср.: G. H. Güterbock. The song of Ullikummi // Journal of cuneiform studies. V. 6. 1952. № 1. S. 37. Ср. интенсивные производные от того же корня в индоиранском.

корневых глаголов, но и благодаря наличию ряда самостоятельных глагольных основ, образованных от одного корня, например, с хеттским корневым глаголом *ar-* 'достигать' связано производное на *-nu-* — *arnu-* 'сдвигать', 'доставлять', итератив на *-šk* — *aršk-* и другие производные, подвергавшиеся опрощению (например, *arš-* 'течь'). Сходную картину можно реконструировать и для общеиндоевропейского²³.

Деление хеттских корневых глаголов на два спряжения оказывается возможным сопоставить с отраженным в некоторых индоевропейских языках делением глаголов на два типа: «длительные» и «аористические». «Длительные» глаголы обычно соответствуют хеттским корневым глаголам спряжения на *-mi*, тогда как «аористические» глаголы соответствуют хеттским корневым глаголам спряжения на *-hi*.

Это соответствие дает возможность выяснить пути развития систем аориста и настоящего времени, являющихся результатами инновации в отдельных индоевропейских диалектах. Преобразование индоевропейской глагольной системы оказывается возможным связать с исчезновением ларингального показателя во второй серии глагольных форм, соответствующей хеттскому спряжению на *-hi*. В хеттском языке этот процесс уже начался, о чем свидетельствуют отсутствие ларингального показателя в некоторых формах спряжения на *-hi* и переход глаголов на *-ahh-* в другое спряжение.

Наибольший интерес для сравнительного изучения индоевропейского глагола представляет обнаружение в хеттском языке глаголов на *-s-*, сохранившихся в хеттском (как и в тохарских языках) в качестве особого словообразовательного типа. Этот класс глаголов в хеттском языке распадается на два подкласса, различающихся по принадлежности к двум спряжениям и по морфонологической структуре: 1) глаголы, характеризующиеся нулевой огласовкой корня и ступенью *e* огласовки суффикса (обычно глаголы спряжения на *-mi*: *uešmi* 'я одеваюсь' и т. п.); 2) глаголы, характеризующиеся основной ступенью огласовки корня и нулевой ступенью огласовки суффикса. Соотношение между этими двумя подклассами аналогично соотношениям между двумя состояниями именных основ, которые были установлены Бенвенистом.

Глаголы на *-s-* в хеттском языке представлены несколькими разнородными по функции группами форм (отыменными глаголами на *-eš-*, итеративами

²³ Роль корня в системе, где параллельно существует ряд глагольных основ, образованных от одного и того же корня, по отношению к индоевропейским языкам отчетливо показал Мейе. Интересные типологические аналогии обнаруживаются в языках, где имеется система независимых глагольных основ, соотносимых непосредственно только с корнем, ср. *Johannes Lukas*. Die Sprache der Tubu in der Zentralen Sahara. Berlin, 1953. S. 59—62.

на *-šša-*, полупарадигматическими сигматическими формами прошедшего времени). Сравнительный анализ позволяет выявить их общее происхождение и установить их родство сигматическим формам в других индоевропейских языках. Общеанатолийский характер этого типа глаголов доказывается благодаря вновь открытым данным лувийского и палайского языков²⁴.

Постепенное исчезновение итеративных глаголов на *-š-* в хеттском связано с возрастанием продуктивности параллельного класса глаголов с суффиксом *-šk-*, который может быть интерпретирован как результат слияния *-s-* с суффиксом *-k-*, обнаруживаемым в некоторых хеттских глагольных формах²⁵. Параллелизм суффиксов *-s-* и *-šk-* в хеттском находит соответствие в аналогичных соотношениях между суффиксами *-s-* и *-sk-* в тохарских и других индоевропейских языках. В хеттском языке суффикс *-sk-* превратился в показатель длительного вида, выступавший в качестве маркированного члена морфологического противопоставления, которое нейтрализовалось в определенных лексических и синтаксических условиях²⁶. По своему значению итеративы на *-šk-* (и родственные формы в других анатолийских языках) близки к редуцированным глаголам, чем объясняется, во-первых, частое присоединение хеттского *-šk-* (и лувийского *-šš-*) к редуцированной основе, во-вторых, наличие параллельных редуцированных форм и форм на *-šk-* в двух вариантах одного и того же текста²⁷. Поэтому постепенное исчезновение древних редуцированных глагольных образований можно связать с распространением глаголов на *-šk-*.

Носовой элемент *-n-* используется в хеттском языке в функции инфикса и в качестве составной части целого ряда сложных глагольных суффиксов (*-nnaī-*, *-nu-*, *-nu-šk-*, *-nešk-*); о возможности синхронного выделения *-n-* в этих суффиксах свидетельствуют соотношения типа *tep-u-* 'маленький': *tep-n-u-* 'унижать'²⁸ (ср. *tep-ša-nu-* 'унижать': *tep-ša-ūatar* 'жалкое состояние'), *park-u-*

²⁴ См. цитированные выше статьи: *E. Laroche. Comparaison du louvite et du lycien.* P. 194—197; *A. Kammenhuber. Zur hethitischluvischen Sprach-gruppe.* S. 15. Примеч. 1; *A. Kammenhuber. Esquisse de grammaire palaite // Bulletin de la Société de linguistique de Paris.* T. 55. 1959. Fasc. I. P. 40—41.

²⁵ *H. Kronasser. Gutturale und dentale Erweiterungen beim hethitischen Verbum // Studies presented to Joshua Whatmough on his sixtieth birthday.* S-Gravenhage, 1957. S. 121—129.

²⁶ О маркированном характере длительных форм интенсива на *-šk-* свидетельствуют данные, собранные в монографии *G. Bechtel. The Hittite Verbs in -šk-. Ann Arbor, 1936.*

²⁷ *H. Otten. Ein Beitrag zu den Boğazköy Tafeln im Archäologischen Museum zu Ankara // Bibliotheca orientalis. Jaargang VIII. № 6. 1951. VII. № 6. 1951. S. 227. Примеч. 27.*

²⁸ О параллелях в древнеиндийском см.: *H. Pedersen. Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen.* København, 1938. S. 144.

‘высокий’ : *barg(a)-nu-* ‘делать высоким’. Характерной особенностью носового аффикса как в хеттском языке, так и в тохарских является то, что в инфиксальных глаголах он выступает перед *-k-* (аналогично *-s-* в комбинации *-s-k-*). Это структурное сходство носового аффикса и элемента *-s-k-* подтверждается и функциональным их сходством, благодаря которому в хеттском языке, как и в целом ряде других индоевропейских языков, носовой аффикс сочетается с аффиксом *-sk-* и *-s-* (хеттские глаголы на *-nešk-*, *-nušk-*, имеющие соответствия в других анатолийских языках).

В хеттских глаголах на *-ija-* необходимо разграничивать: а) отыменные глаголы: 1) от основ на *-i* (в том числе глаголы на *-rija-* от имен на *-ri-*), 2) от других видов основ (тип *lamnija-* ‘называть по имени’ — с точными соответствиями в греческом и германских языках) и б) глаголы, образуемые от глаголов и передающие значения видового характера.

Многие глагольные аффиксы в хеттском языке перестали быть живыми, и даже в тех случаях, когда морфологические соотношения позволяют их выделить (например, *tarḫ-u-* : *tarḫ-* ‘побеждать’), их былая функция не восстанавливается. Для модификации глагольных значений все чаще используются сочетания с превербами-наречиями (выступающими также и в функции послелогов, ср. английские *preposition-like adverbs*), хотя полное превращение в приставки наблюдается лишь у соотносительной пары пространственных превербов *u-* : *pe-*, имеющих точное соответствие в балто-славянском.

Можно утверждать, что хеттский язык позволяет воссоздать только часть индоевропейской словообразовательной модели глагола. Степень сохранности словообразовательных подсистем глагола и имени в хеттском языке неравномерна. Изменения в глагольном основообразовании можно сопоставить с той радикальной перестройкой, которой, по гипотезе Куриловича²⁹, подверглась в хеттском языке видо-временная система³⁰.

1960

²⁹ *J. Kuryłowicz. Le hittite // Proceedings of the Eight International Congress of linguists. Oslo, 1958.*

³⁰ Корректирующее дополнение: краткое описание хеттского словообразования дано в кн.: Вяч. Вс. Иванов. Хеттский язык. 2-е изд. М., 2001. Гл. 10. С. 185—203, 239; ср.: *N. Oettinger. Die Stammbildung der hethitischen Verben. Nürnberg, 1979.*

РУССКОЕ *МОЛИТЬ* И ХЕТТСКОЕ *MALDA(I-)**

Основное значение глагола *молить(ся)* в русском языке и родственных глаголов в других славянских языках связано с христианским культом. Сходное значение слова этого корня имеют и в литовском языке, где наряду со значением «совершать молитву» сохранилось также значение «просить»¹. Совершенно очевидно, что значение, связанное с христианским богослужением, должно рассматриваться как вторичное. Поэтому вполне обоснованны попытки опираться при реконструкции древнейшего значения слов этого корня на данные русских диалектов, где слово *молить* употребляется в значении «резать, колоть животных по известному обряду». Восстановленное на основании сравнения с этими диалектными данными значение «просить, умолять приношением жертвы»² хорошо согласуется со значением родственного хеттского глагола *malda(i)-*³. Однако в последнее время против сближения глагола *молить* 'просить' и *молить* 'резать скот' выступил М. Фасмер⁴, возражения которого вынуждают снова вернуться к данной проблеме.

* Издано в: Этимологические исследования по русскому языку / Под ред. П. С. Кузнецова. Вып. I. Изд-во Московского университета, 1960.

¹ Ср. о значении литовского *malda*: Nina Borowska. Wpływy słowiańskie na litewską terminologię kościelną na podstawie «Dictionarium» Szyrwida // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, 2. Warszawa, 1957. S. 325, ср. s. 337.

² А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1910—1914. С. 549; ср.: E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. 1908—1914. S. 65—66 (см. там же о данных других славянских языков, подтверждающих наличие значения «жертва» у этого корня).

³ См.: В. В. Иванов. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М., 1957. С. 26.

⁴ М. Vasmer // REW. В. II. Heidelberg, 1955. S. 149.

М. Фасмер полагает, что гипотеза Преображенского и Бернекера о связи между двумя глаголами *молить* «едва ли может быть принята» лишь потому, что глагол *молить* в русских диалектах употребляется не только в тех случаях, когда речь идет о закалывании скота к определенному времени. Это выражение главным образом относится к взглядам Бернекера, считавшего, что значение «резать скот к определенному сроку» развилось из более древнего значения, связанного с жертвоприношением. Действительно, для ряда диалектов (прежде всего вятских) отмечается употребление *молить* вообще в значении «резать скот»⁵. Как указывал М. А. Колосов, в тех же говорах «употребляется и *резать*. *Резать* можно всё, *молить* — только скот»⁶. Однако в большинстве примеров подобного употребления глагола *молить* речь идет именно о закалывании скота к определенному празднику: «к оспожину дню замолили барашка»⁷, «молить поросенка на Васильев-вечер, или курицу на день Космы-Дамиана»⁸. Большая древность употребления *молить* в значении «закалывать скот к определенному празднику» по сравнению с более общим значением «резать скот» явствует из других случаев аналогичного употребления глагола *молить* и производных от него по отношению к приготовлению кушанья или питья (но не скота) к празднику. В «Дополнении к опыту областного великорусского словаря» указывается в качестве московского и тульского выражения «*молёное пиво* — то, которое варят на Кузьму и Демьяна, к Святой неделе, в складчину»⁹. Сходным образом следует понимать и выражение *моленая кутья*, приводимое Далем¹⁰. Лежащее в основе этого выражения сочетание *молить кутью*, засвидетельствованное в Столовом обиходнике Волоколамского Иосифова монастыря¹¹, имеет структуру, аналогичную структуре сочетаний типа *молить скот*. Очевидно, что исходным для всех этих случаев употребления глагола *молить* (в сочетании с названиями домашних животных, пива, кутьи) является значение «приготов-

⁵ Дополнение к опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858. С. 115; М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия // Сб. ОРЯС. Т. XVII. № 3. СПб., 1877. С. 233; В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1955. С. 341; Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907. С. 133.

⁶ М. А. Колосов. Указ. соч. С. 233. Примеч. 1.

⁷ П. М. Васнецов. Указ. соч. С. 133.

⁸ В. Даль. Толковый словарь. Т. II. С. 341.

⁹ Дополнение к опыту областного великорусского словаря. С. 115, ср. аналогичное объяснение у В. Даля (Там же. С. 342).

¹⁰ См.: В. Даль. Указ. соч. Т. II. С. 341.

¹¹ Ссылки на древние тексты даются в соответствии с картотекой словаря древнерусского языка Института русского языка АН СССР.

лять к празднику»; значение же «резать скот» является результатом преобразования этого исходного значения (обратное предположение исключено, так как оно сделало бы непонятным развитие значений сочетаний «моленое пиво» и «моленая кутья»). Следовательно, возражение М. Фасмера отпадает. Ошибкой М. Фасмера в данном случае было то, что употребление, характерное для вятских говоров, он безоговорочно признал архаичным. Между тем, несомненно, что термин, восходящий к религиозной языческой лексике, должен был претерпеть существенные семантические изменения; реконструкция его древнего значения может быть осуществлена лишь на основании сравнения разных отражений этого исходного значения.

Связь глагола *молить* 'обращаться с молитвой' с глаголом *молить* 'закалывать скот к празднику', поставленная под сомнение М. Фасмером, делается несомненной при анализе употребления производных от этих глаголов. В особенности показательно употребление прилагательных *моленый* и *молебный*. Если первое из них могло быть образовано независимо от каждого из двух глаголов *молить*, то второе по самой структуре не может быть отделено от других производных глагола *молить* 'обращаться с молитвой' (ср. *молебен*, *молебник* и т. п.) и поэтому представляет особый интерес для доказательства связи между всеми словами данного корня. Два названных прилагательных могут встречаться в старинных памятниках в абсолютно тождественном окружении. Один из таких случаев был указан еще Срезневским, обратившим внимание на то, что сочетанию прилагательного *моленый* в значении «жертвенный» с *то брашно* в одном тексте (Паисиевском сборнике) соответствует сочетание *молебное то брашно* в другом тексте¹². Представляется, что с этим следует сопоставить соответствие отмеченного выше диалектного выражения *моленое пиво* и тождественного *молебное пиво* в сочетании *истивъ николского молебного пива* (Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1. 1500—1699. С. 767). Точно так же прилагательному *моленый* в значении «рѣзанный, колотый, битый на пищу (о живности, скоте)»¹³ соответствует *молебный* в сочетании «*Молебная скотина* (Юрьев). Обещанная, ее колют и везут об Рождестве Спасу Колотому»¹⁴. Слово *молебный* уже в памятниках XVII в. употребляется и в специальном значении «относящийся к жертвоприношениям мордвы», ср. у мордвы ⟨...⟩ у *молебного ихъ м ста у ключа* (Нижнего Новгорода приходная книга окладным и неокладным денеж-

¹² См.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. СПб., 1902. С. 165, 172.

¹³ В. Даль. Толковый словарь. Т. II. С. 341.

¹⁴ См.: Д. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию // Сб. ОРЯС. Т. LXXVI. № 2. СПб., 1903. С. 90.

ным расходам. 1646 г.), *была де у нихъ мольба у пяти деревень по своей вѣрѣ (...)* а русскихъ людей къ себе молебново ѣсть не пропускали (Акты Московского государства. Т. I. 1629. С. 297); следует отметить, что в последнем примере в этом специальном значении употреблено и другое производное от *молить* — *мольба*. В специальном употреблении глагола *молить* по отношению к чувашским, марийским и мордовским обрядам Даль видел свидетельство того, что «вероятно, выражение это осталось еще от язычества»¹⁵. Это утверждение в общем виде является правильным, но следует, очевидно, разграничить два пути развития этого старого языческого термина. С одной стороны, он был использован для обозначения русских обрядов, которые постепенно были приспособлены к православным праздникам при сохранении древней языческой формы (в том числе и древнего языческого названия)¹⁶. С другой стороны, он использовался для обозначения чувашских, марийских и мордовских обрядов, которые могли тоже приурочиваться к христианским праздникам, но тем не менее сохраняли откровенно языческий характер вплоть до 20-х годов нашего века¹⁷. Оба эти значения долгое время совмещались в одном и том же слове (*молить*, *молебный*), что свидетельствует, очевидно, о живучести языческой традиции и в русской языковой среде. Следует вместе с тем отметить, что специальное употребление *молить* по отношению к языческим обрядам чувашей и марийцев подтверждает сделанный выше вывод о первоначальном употреблении этого слова по отношению к разного рода обрядам и жертвоприношениям, но обязательно связанным со скотом. Как отмечает Даль, «чувашаи и черемисы *молят* (...), приносят на жертву первый хлеб»¹⁸, ср. выше о выражении *молить кутью*, отражающем (хотя и в преобразованном под влиянием христианского богослужения виде) возможность аналогичного словоупотребления.

Таким образом, анализ употребления слова *молить* и производных от этого слова в русских диалектах и в старинных текстах позволяет установить, что слова этого корня имели значение «совершать жертвоприношение, совершать торжественный религиозный обряд (принося в жертву скот, кушанья, питье и т. п.)». Поскольку вместе с тем эти слова (по согласному свиде-

¹⁵ В. Даль. Толковый словарь. Т. II. С. 341.

¹⁶ Ср. замечание А. И. Емельянова: «(...) в большинстве вотских местностей моления в куале приурочиваются ко времени христианских праздников» (А. И. Емельянов. Курс по этнографии вотяков. Вып. IV // Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань, 1921. С. 60).

¹⁷ Ср., например: А. И. Емельянов. Языческое моление черемис // Известия О.А.И.Э. Т. 31. Вып. 4. С. 7—39.

¹⁸ В. Даль. Толковый словарь. Т. II. С. 341.

тельству славянских языков и литовского) имели значение «обращаться с молитвой, просить у бога», оказывается возможным реконструировать древнее значение, совпадающее с картинным описанием Нидерле: «При жертвоприношении жрец или хозяин — отец семьи, подняв руки кверху, обращался к богам и произносил при этом соответствующую просьбу (древнерусское *моление*, чешское *modlitba*)»¹⁹.

Это древнее значение, как уже приходилось отмечать²⁰, точно соответствует значению хеттского глагола *malda(i-)* — ‘делать обет, просить что-либо у богов, обещая принести им жертву’. Этот глагол засвидетельствован уже в древнейшем памятнике хеттского языка (и индоевропейской семьи языков в целом) — в надписи царя Аниттаса (строка 59). В хеттских текстах, в которых этот глагол употребляется, перечисляются различные предметы, которые должны быть принесены в жертву, согласно обету²¹. Некоторые из этих перечислений напоминают те предметы, названия которых чаще всего могут сочетаться с *молить* в русских диалектах: так, в KUB²² V, 6, I, 31—33 говорится о принесении в жертву быка и шести баранов, в KUB XV, I, III, 9 след. — о принесении в жертву трех ваз, наполненных кушаньями (жиром, медом и плодами). Но рассмотрение всех текстов, где встречается глагол *maldai-*, показывает, что этот глагол употреблялся, когда речь шла о самых разных жертвоприношениях; это согласуется опять-таки с выводами, сделанными выше при анализе восточнославянского материала.

Характерной особенностью хеттского глагола *malda-* является его употребление в сочетании с возвратной частицей *-za* (например, в молитве Пудухепы²³, строки 2—3: ^d*Li-el-ца-ni-za-kán* <...> *ma-al-da-aḫ-ḫu-un* ‘по отношению к богине Лельвани я в свою пользу <...> сделала обет’). Для хеттского языка очень характерно двойное выражение медиопассивного значения: морфологи-

¹⁹ Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956. С. 290.

²⁰ См.: В. В. Иванов. Указ. соч. Родство славянского и хеттского глаголов было открыто Бенвенистом. См.: E. Benveniste. Une racine indo-européenne // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. Т. 33. 1932. Fasc. 2 (99). P. 133—135; ср. также: А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1952. С. 402; E. Polomé. Notes sur le vocabulaire religieux du germanique // La nouvelle Clio. Т. VI. № 1—2. 1954. P. 43.

Семантические вопросы в названных работах специально не разбирались.

²¹ См. анализ и перевод этих текстов в статье: E. Laroche. Le voeu de Puduhepa // Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale. V. 43. Paris, 1949. № 1—2. P. 66. Указанное выше значение хеттского слова, впервые определенное в этой статье Лароша (с. 67), не было учтено в достаточной мере в словаре Фридриха, дающего неточный перевод «geloben». См.: J. Friederich. Hethitisches Wörterbuch. 2 Lieferung. Heidelberg, 1953. S. 134.

²² Сокращенное обозначение серии «Keilschrifturkunden aus Boghazköi».

²³ Издание E. Laroche. Указ. соч. См. об употреблении *maldai-* в сочетании с *-za*: Там же. С. 66.

ческое — с помощью форм среднего залога и синтаксическое — с помощью частицы *-za* (анатолийское возвратное **t-i-*). Поскольку особые хеттские морфологические формы среднего залога являются результатом преобразования древней серии форм, имевших первоначально иные функции (глагольного «среднего рода» или пассивности), синтаксический способ выражения медиопассивного значения может считаться весьма древним. Использование этого синтаксического способа у глагола, связанного со значением «приносить жертву» и поэтому (по нормам грамматики древних индоевропейских языков) тяготеющего к медиопассивному значению, может быть возведено к доисторическому периоду. Это позволяет думать, что использование возвратного местоимения при родственных глаголах в славянских языках, а также в литовском (*meld-žiuosi*) могло быть основано на сходных синтаксических нормах (тем более что для позднего периода древней дописьменной истории славянских и балтийских языков нет оснований реконструировать особые морфологические формы медиопассива). Но в данном случае, как и вообще при анализе синтаксических явлений, следует считаться с большой вероятностью типологического (а не генетического) сходства²⁴. Рассматриваемый случай представляет особый интерес потому, что здесь оказывается возможным реконструировать конкретную ситуацию, определяющую первоначальное значение изучаемого индоевропейского слова и его отличие от противопоставленных ему членов того же семантического поля²⁵. Для хеттского языка эта ситуация с достаточной ясностью раскрывается из самих текстов. Для восточнославянских языков она может быть реконструирована благодаря сохранению некоторых очень архаичных черт семантики данной группы слов, что было отчасти обусловлено контактом носителей русских диалектов с представителями другой культурной и языковой среды. Взаимодействие с носителями другой религии сделало возможным сохранение языческих терминов вплоть до начала XX в. Этим объясняется разительное сходство данных русских диалектов с фактами хеттских памятников, отстоящих от них почти на четыре тысячи лет.

²⁴ Параллельными новообразованиями, очевидно, могут быть и хеттские *malduyar* ‘обет’ (KUB V, 6, I, 31 и сл.) и лит. *maldu-s*, которое, однако, встречается уже в памятниках XVII в. (*P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943. I. 56*). Поскольку суффикс *-u-* был продуктивным в обоих языках, в данном случае нельзя быть уверенным в исконном тождестве этих двух производных. Явно параллельными новообразованиями являются хеттское *maltesar* (основа косвенных падежей *maltesn-*) и прусск. *madlīsna* ‘молитва’, образованное посредством прусского суффикса от основы, являющейся заимствованием из польского (*J. Endzelīns. Senprūšu valoda. Rīgā, 1943. I. 206, 46*).

²⁵ Ср. о задачах подобного рода исследований: *E. Benveniste. Problèmes sémantiques de la reconstruction // Word. V. X. № 2—3. 1954. (Linguistics To-Day); W. Porzig. Boden // Wörter und Sachen. Bd. XV. 1933.*

J. TISCHLER.
HETHITISCHES ETYMOLOGISCHES GLOSSAR

Mit Beiträgen von Günter Neumann. Lief. 1
(Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Bd. 20).
Innsbruck, 1977; Lief. 2. Innsbruck, 1979*

Рецензируемый этимологический словарь хеттского языка по существу является первым опытом этого рода, потому что предпринятая несколько десятилетий назад аналогичная попытка А. Жюре была преждевременной и страдала полной не критичностью, а этимологические замечания в словаре хеттского языка И. Фридриха (и в его втором издании, осуществляемом А. Камменхубер) эпизодичны и излишне кратки. Объявлено о скором начале издания нового словаря И. Пухвеля, который, судя по ряду предварительных публикаций, обещает быть оригинальным. Но пока что словарь молодого хеттолога И. Тишлера, предпринятый при участии выдающегося специалиста в области позднеанатолийских языков Г. Неймана, остается первым серьезным изданием. Хотя он доведен еще только до второго выпуска, о плане всего издания в целом можно судить по статье, в которой автор дает общий обзор всей хеттской лексики, по его мысли поддающейся этимологизации на основе индоевропейского¹.

Основным достоинством словаря является значительная подробность сведений библиографического характера: в нем учтена с достаточной (ино-

* Издано в: Этимология 1981 (отдельный оттиск). АН СССР. Ин-т русского языка. М.: Наука, 1983.

¹ *J. Tischler. Der indogermanische Anteil am Wortschatz des Hethitischen // Hethitisch und Indogermanisch / Hrsg. von E. Nen, W. Meid. Innsbruck, 1979. S. 257—267.*

гда, может быть, даже излишней, если речь идет обо всех упоминаниях и повторениях одной и той же этимологии) детализацией хеттологической и этимологической литературы последних пяти десятилетий, начиная с основополагающих трудов Б. Грозного. К сожалению, достоинство оборачивается недостатком: полнота касается только литературы на западноевропейских языках. Хеттологические и вообще этимологические работы на русском языке игнорируются, о чем уже приходилось писать в связи с этимологией хетт. *ḫardu* 'потомок', давно предложенной О. Н. Трубачевым, но Тишлером, оставляющим слово без объяснения (с. 189)², неучтенной. Число подобных примеров настолько велико, что словарь никак не может претендовать на полноту представления современных знаний хеттской этимологии. Конечно, этот дефект легко мог бы быть устранен (даже и в последующих выпусках), если бы автор привлек к сотрудничеству кого-либо из хеттологов или индоевропейцев, знакомых с соответствующей литературой.

Другая значительно более серьезная трудность заключается в характере и отборе лексического материала. За последние годы настолько продвинулось исследование древнехеттских текстов XVII—XVI вв. до н. э. (с возможным выделением в них значительно более древней литературы города Несы, сохранившейся в копиях) в их отличии от среднехеттских XV в. и новохеттских (XIV—XIII вв. до н. э.), что в настоящее время этимологизировать хеттское слово без учета характера текстов, в которых оно встречается, едва ли целесообразно. По существу любой новый этимологический словарь хеттского языка должен быть историко-этимологическим (если следовать названию замечательного труда В. И. Абаева), причем уже сейчас можно ждать весьма интересных результатов от подобного подхода.

В отдельных случаях этот подход принят и в рецензируемом словаре. В качестве показательного примера стоит отметить глагол *ḫališšiya-* 'оправить (драгоценным металлом)' (с. 28), встречающийся уже в самом раннем датированном хеттском памятнике — надписи Анитты, принадлежащей еще к литературе города Несы (или к ее концу). Но по отношению к столь архаичным терминам следует прежде всего дать точный словообразовательный анализ: сама по себе форма 1 л. ед. ч. пр. вр. *ḫa-liš-ši-ya-nu-un* засвидетельствована только в двух новохеттских копиях надписи (соответствующая часть древнего оригинала разрушена) и уже по графическим причинам (употребление знака *-liš-*, в древнехеттском отсутствующего) должна считаться поздней; возможен более древний вариант **ḫališšienun*³, причем суффикс *-iya-* втори-

² Здесь и далее в тексте в скобках указаны страницы словаря.

³ E. Neu. Der Anitta-Text (Studien zu den Boğazköy-Texten. Heft 18). Wiesbaden, 1974. S. 42, ср. о значении и написании s. 71, 85—86 (основное значение 'украшать предмет').

чен, как показывает первый инфинитив *ḫališšuanzi*⁴. Как давно уже предположено⁵, в глагольной основе *ḫali-šš-* целесообразно видеть один из архаических древнехеттских глаголов с суффиксом *-šš-*, восходящим к общеиндоевропейскому. В таком случае этимология сводится к определению наиболее вероятного соответствия для основы, от которой мог быть в дописьменный период истории языка образован глагол со значением ‘украшать’ (> ‘оправить драгоценным металлом’); с индоевропейской точки зрения естественнее всего предположить связь с цветовыми обозначениями от *al-*⁶ < **H_ael-* (ср. к семантике рус. *украшать* : *красный* и т. п.), ср. в анатолийском же лув. *ḫali-* ‘чистота’, *ḫal-ali-* ‘чистый’ (предполагавшееся ранее Оттенем сближение лувийского слова с семитскими словами типа аккад. *’ellu* относится к числу возможных раннеанатолийско-семитских времени Эблы или скорее еще более древних индоевропейско-семитских сближений⁷).

Таким образом, мало указать относительную хронологию того или иного хеттского слова в хеттских текстах (которые, если принять новую хронологию Меллаарта, простираются почти на тысячелетие). Нужно далее произвести словообразовательный анализ каждой формы и лишь после этого обосновать семантически каждую этимологию.

К положительным чертам рецензируемого словаря относится достаточно широкое привлечение хронологически наиболее древних (если не считать отдельных топонимов и личных имен в открытых за последние годы текстах Эблы середины III тыс. до н. э.⁸) письменных свидетельств о хеттском и лу-

⁴ Тексты (в том числе и неопубликованные), цитируемые Эттингером (*N. Oettinger. Die Stammbildung des hethitischen Verbums // Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kunstwissenschaft. Bd. 64. Nürnberg, 1979. S. 28*), предполагающим в данной связи лувийское влияние (последнее не обязательно, но возможно по отмеченным ниже семантическим причинам), удостоверяют распространенность форм.

⁵ В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965. С. 142, примеч. 13; ср. *Он же*. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981. С. 208—209.

⁶ I. Pokorny. S. 29.

⁷ Ср. к возможному раннему заимствованию семит. **’l-* ‘пламя’ как ритуального термина в индоевропейский: *Илич-Свитыч*. Опыт сравнения. I. С. 277 (соответствие 140). В этом плане особый интерес может представить эблаит. *ḫali* как название первого (новогоднего) месяца древнего календаря Эблы середины III тыс. до н. э.: G. Pettinato. Il calendario semitico del 3 millennio ricostruito sulla base dei testi di Ebla // *Oriens Antiquus*. 1977. V. 16. P. 257—285.

⁸ Из них явно анатолийский характер носит *ḫa-su-wa-an^{KI}* (ТМ. 75. G. 20526, см.: G. Pettinato. Catalogo dei testi cuneiformi di Tell Mardikh—Ebla. Napoli, 1979. P. 245 (№ 5571—5760), бесспорно тождественное по географическому местоположению др.-хетт. *Ḫašuwā* (буквально ‘Царский’ с общепризнанной общеиндоевропейской

вийском языке, которые содержатся не в самих текстах на этих языках (из которых самым ранним датируемым является надпись Анитты, а недатируемыми — возможно, значительно более древние другие образцы литературы Несы, к которым примыкает и упомянутый текст с названием города *Ḫaš(š)uwa* ‘Царский’), а в староассирийских табличках из торговых поселений Малой Азии рубежа III и II тыс. до н. э. (прекрасное собрание части этих весьма многочисленных табличек хранится в Москве в Музее изобразительных искусств им. Пушкина; на некоторых из табличек нашего собрания отчетливо видны самые ранние образцы лувийской иероглифики⁹). Тишлер последовательно сопоставляет найденные в этих табличках ранние анатолийские типы собственных имен с именами, найденными в текстах 1-й половины II тыс. из Нузи (с. 78, 86—88 и др.) (Северная Месопотамия). Смешанный анатолийско-хурритский характер населения Нузи отчетливо проявляется в женских собственных именах, которые Тишлер тщательно собрал, но (при несомненном и им самим программированном стремлении прежде всего выявить индоевропейскую часть хеттского словаря) проанализировал только легко поддающийся этимологическому объяснению суффикс *-šar* < **-sor* в женских именах. Но оставшееся в словаре нераскрытым наибольшее своеобразие этих имен из Нузи состоит в том, что этот анатолийский суффикс присоединяется к хурритским основам: *Ašdua-šar* (хурр. *ašte* ‘женщина’, *ašt-u-ḫhi* ‘женский’, в Нузи собственное имя *Ašdu* при соответствиях во всех северокавказских языках, хаттском и этрусском), *Allie-šar* (хурр. *allai* ‘дама, госпожа, богиня, королева’, также женское собственное имя *Alli* в Нузи и других

этимологией; любопытно, что название встречается как в Летописи Хаттусилиса I, так и в древнейшей хеттской обрядовой песне, содержащей индоевропейское имя бога Пирвы, см.: Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М., 1977. С. 41, 258, 314, а также и в использованных Тишлером староассирийских табличках, с. 87; ср. также в Эбле *bar-ga-u^{KI}* (ТМ. 75. G. 2233): хетт. *barg(a)u-* ‘высокий’; и.-е. **brǵ^h-e/ou-*). К вероятным личным именам анатолийского индоевропейского типа относится в архивах Эблы *ḫaḫuli* (ТМ. 75. G. 1322; возможное сохранение более древней формы с полной редупликацией, ср. хетт., лув. *ḫuḫa-* ‘дед’: лат. *avus* и суффикс *-li*, использующийся в анатолийском при образовании производных от имен родства). Лувийский характер совершенно несомненен по отношению к личному имени *Zi-ti* (ТМ. 75. G. 11118), лув. *zidi* ‘мужчина’ (часто используется в качестве собственного имени, как и в приведенном эблаитском тексте, удостоверяющем, следовательно, бесспорные эблаитско-лувийские связи во 2-й половине III тыс. до н. э.). При предварительности этих (и других подобных, по-видимому, включающих и индоиранский материал) данных они могут иметь существенное значение для определения времени нахождения носителей древних индоевропейских диалектов вблизи Северной Сирии.

⁹ См. об этом подробнее в написанной рецензентом главе: Зачатки исследования языка у хеттов // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.

местах с хурритским населением), ^f*Amt-ašar* (хурр. *ammati* ‘предок, прадед’, ср. по отношению к богам *ammatina* ‘древние, прошлые’, переводимое хетт. *karuillyeš* и греч. *πρωτεροί* у Гесиода в «Теогонии», имеющей хеттско-хурритский источник, ср. там же, строка 17, указание на то, что Эрис рождена ‘раньше, прежде’ — греч. *πρωτέρην* = хетт. *karu*, — чем Ночь). Кроме женских собственных имен, где анатолийский индоевропейский суффикс присоединяется к хурритским основам, в Нузи встречаются и гибридные имена с обратным расположением частей: *Zid-ašdu* (ср. выше о лув. *zidi* ‘мужчина’, хурр. *ašdu* ‘женщина’). Как представляется, детальный анализ подобных имен мог бы пролить свет и на характер смешанных браков и в целом этнической картины тех областей, где, как на Севере Месопотамии и на Юге Малой Азии, осуществлялся интенсивный хуррито-лувийский симбиоз. Любопытно, что этот материал содержится в словаре, автор которого решительно возражает против применения к хеттскому языку понятия «смешения языков».

Особую проблему для словаря (существенно облегченную благодаря деятельному участию в нем Г. Неймана) представляет привлечение постоянно вновь открываемого материала позднеанатолийских языков. При обосновании этимологии хетт. *humant-* ‘весь’, сближаемого Тишлером (с. 285, ср. на с. 87 о *Huma(n)t-ašu* в староассирийских табличках, удостоверяющих древность формы с возможным отражением назализации гласного типа иероглифического лувийского) с лат. *omnis* (как это недавно предложил и Шмальштиг¹⁰), Тишлер предлагает и отождествление хеттского слова с лик. *k̄m̄mēt*. Действительно, в ликийско-греческо-арамейской трилингве, недавно образцово изданной в ликийской части Ларошем, находим соответствия: лик. *se-ñte-ñte-k̄m̄mē seyeti* Σεε sttati-teli = греч. *καὶ ὅσον πρὸς ἀγρῶ τὰ οἰκήματα* ‘и все то, что прибавлено и столь¹¹ построено на поле — дом (домовое хозяйство)’ (16—17); лик. *hāti-k̄m̄mētis* = греч. *ἄσοι ἂν γένωνται* ‘все те, кто будут (освобождены)’ (21); лик. *[k̄m̄]mē* = греч. *ἄσα* ‘все то’ (31). Как поясняет Ларош, «понятие обобщающего относительно-неопределенного местоимения (греч. *ὅσος*) передается *k̄m̄mē-tis*; корень *k̄m̄mēt-* ср. р. *k̄m̄mē*»¹². В качестве историко-фонетического комментария к своему открытию Ларош, обычно отличающийся исключительной краткостью выводов, добавляет, что в лув. **kumant-* > лик. *k̄m̄mēt-* он видит развитие редкой лувийской глухой взрывной фонемы, обо-

¹⁰ W. R. Schmalstieg. Indo-European linguistics. A new synthesis. University Park and London, 1980. P. 40.

¹¹ Попытка передать своеобразную ликийскую синтаксическую структуру (см. о ней: E. Laroche. L’inscription lycienne // Fouilles de Xanthos. T. 5. Paris, 1979. P. 68—70), ср. p. 69, 74.

¹² Ibid. P. 69—70.

значаемой графически посредством *ku*¹³. Чередование *ku-/hu-* в клинописном и иероглифическом лувийском засвидетельствовано большим числом примеров (включая лув. клин. *kuwaya-* ‘бояться’, иер. лув. *hwa-s-*, только начальной сонорной фонемой отличающееся от семантически близкого глагола, дающего арм. *erk-* при следе лабиализации, но другом анлауте в греческом) и может быть возведено к глубокой древности, судя по написанию некоторых анатолийских топонимов в текстах Эблы. Поэтому возникает вопрос: если принять реконструкцию **q^wm-e/ont-*, имплицитно предлагаемую Ларошем, не следует ли видеть в этой форме и ключ к предыстории загадочного соответствия греч. *παλτ-* : тох. А *pont-* (в супплетивном чередовании с *puk-*, давно заставлявшем предполагать исходное **k^w-*), В *po-nt-*, отлож. п. ед. ч. *pot-em*. Представляется возможным, что (как в общеиндоевропейском названии земли) анатолийские и в меньшей степени тохарские языки сохранили следы древнего начального комплекса согласных, возникшего при редукции корневого гласного, тогда как греческий (где древнее **q^w*, очевидно, совпало перед гласными переднего ряда и согласными с **k^w* > -π- в послемикенский период в отличие от тох. *p*, которое объясняется более сложным лексически ограниченным¹⁴ процессом: тох. А *-pe* ‘и’ < **k^we*, *-pi* < **-k^wi* в сложных числительных на **k^wi* типа лат. *quinque*, ср. загадочное соотношение *k^w-p* в целом ряде кельто-италийско-германских слов типа названий волка и числительного ‘пять’) изменяет **q^wm-* > **p-* > π-. В таком случае лат. *om-n-is* восходит к **q^wem-n-*, где тембр гласного *o* зависит от **q^w*, а хетто-ликийские формы (как и греческо-тохарские) отражают нулевую ступень огласовки корня. Можно думать, что сравнительно-историческая фонетика анатолийских языков в целом, когда она будет построена на достаточно надежном этимологическом материале (собрание которого, пусть еще весьма неполное, дает рецензируемый словарь), должна еще сильно повлиять на установившиеся в индоевропеистике представления; по-видимому, это же можно сказать и о тохарском, исследование которого подвигается с недопустимой медленностью; в частности, только сейчас начинает выявляться число и значение тохаро-анатолийских (тохаро-хеттских и тохаро-лувийских) изоглосс, часть которых, как и ряд других открытий самого последнего времени, и в словаре Тишлера еще не были учтены.

¹³ Ibid. P. 84.

¹⁴ См. о роли этого явления (доказанного обработкой большого диахронического материала на ЭВМ): *W. S. Wang. Competing changes as a cause of residue // Language. 1969. V. 45. P. 9—25; Idem. Language change // Origin and evolution of language and speech (Annals of the New York Academy of Sciences. V. 280). New York, 1976. P. 61—72.*

Наибольшее число пробелов словаря, обусловленное его заведомой и заранее автором афишированной индоевропеистической направленностью, касается заимствованной лексики, которая частично была воспринята из семитских языков и из шумерского через аккадский и в некоторых из этих случаев в словаре отмечена, но в наибольшей части проникла в хеттский из большой группы языков, к которой можно отнести современные северокавказские (абхазо-адыгские и нахско-дагестанские)¹⁵, хаттский и хурритский. В последнее время выявлено очень значительное число слов, проникших (большой частью еще в дописьменную эпоху) из этих языков в хеттский; отмечены и любопытные ареальные лексические схождения с армянским и с картвельским (особенно сванским); часть последних, однако, может интерпретироваться и как ностратические архаизмы. Поскольку работа в этой области в основном ведется в нашей стране, представляется правомерным поставить вопрос об издании именно у нас такого подготовленного коллективом авторов историко-этимологического словаря хеттского, лувийского и позднеанатолийских языков, где наряду с гораздо более полным (по сравнению с рецензируемым словарем¹⁶) описанием наличного (и постепенно выявляемого в них) индоевропейского (а, возможно, отчасти и архаического ностратического) лексического фонда были бы полностью отражены все свидетельства многочисленных контактов хеттского и других анатолийских языков с языками смежных ареалов. Словарь Тишлера (как и начавший выходить Чикагский словарь хеттского языка и тезаурус А. Камменхубер) послужит необходимым подспорьем в этом труде, который нельзя откладывать ввиду его важности для индоевропеистики и кавказоведения.

1981

¹⁵ С. Л. Николаев. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия. М., 1985.

¹⁶ Некоторые необходимые дополнения к нему (в плане индоевропеистики) уже отмечались в рецензиях на первые выпуски (в частности, в обстоятельной рецензии М. Поэтто). Однако в действительности словарь в основном лишь суммирует известные к началу его составления этимологии и поэтому нуждается в таких обширных дополнениях, перечисление которых вышло бы за рамки одной статьи.

**МИКЕНСКОЕ И ГОМЕРОВСКОЕ
ГРЕЧЕСКОЕ НАЗВАНИЕ СОЛЕННОГО МОРЯ
В СВЕТЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ***

В микенских греческих текстах выявлено имя существительное $a_2-ro = *halos$ 'море (соленое)'¹, в частности в контексте (PY Та 642, 1), где речь идет о $a_2-ro-[u]-do-pi^2 = *haro-udopi$ ($*halos udophi$, с характерным микенским окончанием косвенных локальных падежей $*-phi = \varphi i^3$), по значению соответствующем греч. диал. ἄλος ὑδάσι 'с аквамаринами' (дат. п. мн. ч. от гетероклитического архаичного ὑδωρ 'вода', $-a- < *-η-$ является нормальным отражением при микенском диалектном $-o- < *-η-$ в приведенной микенской форме, если в ней $udo-$ не от ὑδωρ⁴). Такая семантическая интерпретация соответствует контексту пиловской таблички, где перечисляются драгоценные камни и металлы: в PY Та 642 за $a_2-ro-[u]dopi$ следует $kuwa-no-qe$ 'и лазурит' и $paraqewe$ от $paraku-$, для которого в последнее время предложено значение 'железо', позволяющее отождествить его этимологически с др.-инд. $parśu-$ ⁵ и

* Издано в: Античная балканистика / Отв. ред. д. филол. н. Л. А. Гиндин. М.: Наука, 1987.

¹ C. Camera. Il mare nei documenti micenei // Kadmos. 1981. Bd. 20. S. 26—37.

² Inscriptiones Pyliae ad Mycenaean aetatem pertinentes, quas in usum academicum collectas C. Gallavoti, A. Sacconi recensuerunt. Incunabula Graeca. V. 1. Roma, 1961. P. 119.

³ С. Я. Шарипкин. Значения форм на $-φi$ у мові кріто-мікенських написів // Іноземна філологія. Львів, 1971. Вип. 24. С. 67—71.

⁴ A. Morpurgo. The treatment of $*r$ and $*l$ in Mycenaean and Arcado-Cyprian // Incunabula Graeca. 1968. 25,2. P. 807, n. 68.

⁵ A. Ancillotti. Un antico nome del ferro nel Vicino Oriente // Acme. 1975. V. 28. P. 27—48.

рядом других древних названий железа; к совместному упоминанию драгоценных камней, лазурита, железа и других металлов можно указать такие близкие по пространству и времени параллели, как хеттские⁶. Повторяющееся в пиловских табличках (An 192, 1; Jn 478, 3; On 300, 2; Qa 1297; Ea 922; Ea 109; Ea 270) собственное имя *a-pi-a₂-ro-* = **api-haro*, соответствующее греч. гомер. *Αμφιάλος*, содержит в качестве второй части микен. *haro-*, греч. гомер. *ἄλς*. Микен. *o-pi-ha-ra* (= **opihala*, PY An 667) отождествляется с греч. гомер. *ἐπίαλα* 'стоящий на берегу моря'. Микен. *harisa*, отождествляемое с греч. *ἄλισαν* 'залежи, хранилище соли', образует промежуточное звено между микен. *ha-ro-*, гом. *αλς* 'море' и гомер. *ἄλς* 'соль'. Несомненно, что исторически два эти слова связаны, и, возможно, что связь между ними продолжала ощущаться. В отличие от греч. *θάλασσα* 'море', сопоставляемого с др.-инд. *taṭākam* 'пруд'⁷ (но, возможно, в конечном счете, восходящего к субстрату северокавказского типа, ср. авар. *ralad* 'море' при возможности замены начального **r-* на другой согласный в тех языках, где *r-* невозможно в анлауте, к сино-тибето-кавказскому может восходить и тайск. *tha[?]lé* 'море'?) и другими приводимыми ниже синонимами микен. *ha-ro* = гомер. *ἄλς* обозначало именно 'соленое море'. На это указывает в гомеровской традиции постоянно повторяющийся в «Одиссее» (μ 236, 240, 431 и др.) оборот *θαλάσσης ἄλμυρον ὕδωρ* 'моря соленая вода', *ἄλμυρον ὕδωρ* 'соленая вода' (ι 227, ср. δ 511), где прилагательное *ἄλμυρον* синхронно связано с *ἕλμη* 'соленая морская вода, соленость', ср. также гомер. *ἄλμυρήεις*; 'заливаемый морской водой' (ε 460, Φ 190). Гомеровское словоупотребление непосредственно продолжается в эпосе и в ранней лирике: ср. у Сапфо *θάλασσαν* <...> *ἄλμυραν* (fr. 98, D1 10)⁸ 'море <...> соленое', представляющее собой трансформацию приведенного гомеровского оборота⁹, тогда как *ἄλμυρον πόντον* 'соленый поток = море' у Сапфо (fr. 55 a.b. 7—8) и у Алкея (fr. 51, 2) отождествимо с *ἄλμυρος πόντος* у Гесиода (Theog. 107, ср. гомер. *πόντος ἄλός* (Φ 59)). Согласно новейшей реконструкции¹⁰, у Сапфо (fr. 98, D. 10) отражены и другие гомеровские формулы с *ἄλς*.

Ценность приводимых микенских и позднейших гомеровских и других ранних греческих поэтических свидетельств заключается в том, что традиция

⁶ Вяч. Вс. Иванов. История названий металлов в славянских и балканских языках. М., 1983. С. 91—103.

⁷ P. Lévy. Gr. *thálassa* 'mer' — Sanskrit *taṭaka* 'étang' — Siamois *tha[?]lé* 'mer' // Langues et technique. Nature et Société. V. 1. P., 1972. P. 295—300.

⁸ Тексты даются по изд.: Frühgriechische Lyriker. T. 3. Bearb. von B. Snell. 2 Aufl. B. 1981.

⁹ I. Kazik-Zawadska. De sapphicae elocutionis colore epico. Wrocław, 1958. P. 89; F. Bechet. Marea safica — marea homerica // Studii clasice. 1985. XXIII. P. 7.

¹⁰ F. Bechet. Op. cit. P. 5—11.

обозначения моря как соленого посредством **sal-* > гр. ἄλ- и производных от этого слова может быть возведена к греческо-арийскому¹¹. В древнеиндийском засвидетельствованы *sal-ila-* и его производные в значении 'море', несомненно, восходящем к 'соленому морю'. В недавнее время предположено, что и общедревнеиранский топоним, отраженный в авест. *Harah^vaⁱtī*, 'Арахозия' (область древнеперсидского царства, соответствующая южным областям Афганистана, может быть, и еще более южным приморским), восходит к праиран. **sara-* 'море'. Соответственно и коми-зырян. *саридз* 'море; теплые края, теплое море' (ср. *саридзовьяс* 'перелетные птицы', *Сардор* 'район нижней Печоры' < 'приморский район'), удмурт. *зарезь* 'море', ранее возводившееся к одному источнику с авест. *zrayah*, др.-перс. *drayah*, пехлев. *zreh* 'море, озеро', парф. *zryh* 'море' при др.-инд. *jayas-* 'движение, бег'¹², в настоящее время предлагается истолковать как такое праиранское заимствование (до изменения *s* > *h*), которое связано с тем же названием моря¹³. Любопытно, что в индоиранском отражено только значение 'море (соленое)' при отсутствии древнего термина для 'соли', от которого когда-то слово было образовано.

В некоторых других (западных) индоевропейских диалектах, как и в греческом, отражены оба значения, возводимые к (диалектному) индоевропейскому, ср. лат. *sāl* 'море, морская вода' (*īnsula* 'остров' < 'в море расположенный'), *salum* 'море' (при *sal*, м. и ср. р. 'соль'), валл. *heli* 'море' (при др.-ирл. *salann-* 'соль'), ст.-слав. **сланъ** 'морская вода', др.-рус. *сланьникъ* 'рыболов-моряк' (при ст.-слав. **соль**), норв. *sylt* 'затопленный морской берег' (при гот. *salt* 'соль', др.-в.-нем. *salz*, др.-англ. *sealt*). Как и в древнеиранском (если верно приведенное истолкование названия Арахозии), в кельто-иллирийском и славянском от этого названия соленого водоема образован ряд производных географических имен (чаще всего гидронимов) типа иллир. *Sāl-apia*, кельто-иллир. *Sala*, др.-рус. *Соль Галичская*, ср. также возможно греч. Ἄλις (р. Галис в Малой Азии). Сходство между собой этих гидронимов делает вероятным предположение о том, что хотя бы в части индоевропейских диалектов от названия 'соли' образовывались названия разных соленых водоемов — озер, рек, источников.

¹¹ P. Thieme. Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache. Wiesbaden, 1953. S. 20, 27; Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. II. С. 674, 703; Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейские этимологии. Т. 5. Греческо-арийское название моря как соленого // Этимология 1983. М., 1985. С. 163 (см. выше в настоящем томе).

¹² А. J. Jokі. Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973. S. 310, 349; В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми-языка. М., 1970. С. 249; Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Указ. соч. С. 922.

¹³ K. Rédei. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Wien, 1986. S. 76, 81.

Следовательно, можно было бы предположить схему семантического развития: 1) 'соль' → 2) 'солёный водоем' → 3) 'солёное море'. Из индоевропейских диалектов последний (3-й) этап полнее всего представлен в арийско-греческом, причем в арийском почти не осталось следов двух предшествующих этапов, хотя для др.-инд. *sal-ila-* при значении 'море' у производных ранее обычно предполагалось именно значение '(солёный) водоем'¹⁴. Предшествующий (2-й) этап восстанавливается с наибольшей степенью ясности на основании таких гидронимов, как иллир. *Sal-ap-ia* (позволяющих восстановить более древнее **sal-Hap-* 'солёная река'). Первый этап достоверно отражен почти во всех диалектах (анаатолийские данные не вполне ясны, поскольку название соли в хеттском скрыто под логографическим написанием), ср. кроме приведенных выше свидетельств еще такие, как тох. *A sāle*, им.-вин. п. мн. ч. *sāleyāntu*; В *saliye*, им. п. мн. ч. *salyiñ* 'соль', производное прилагательное тох. *A sāleyu*, В *salyitse* 'солёный', арм. *al* 'соль', прус. *sal* 'соль', *sali* 'соль' = лит. *druska* (Словарь А 60, 39)¹⁵ от и.-е. **sāli-*, отраженного в тохарском **saly-*, прус. *sali* и в греч. ἄλι-ος 'морской' < **sāli-*¹⁶, лтш. *sāls* 'соль', и др. Создается впечатление, что экологические условия обитания носителей многих диалектов (в том числе и греческо-арийского) делали необходимым выделение 'солёного моря (водоема)' в качестве особого термина, типологические параллели чему можно привести из неиндоевропейских языков Ближнего Востока¹⁷.

Вместе с тем для индоевропейского восстанавливаются и некоторые другие диалектные термины в значении 'море', входившие в одно семантическое поле с названием 'солёного моря'. В частности, в хеттском (и, возможно, в палайском) отражено древнее слово с этим значением: хет. *aruna-* 'море, большое (солёное) озеро'. Слово представлено в целом ряде текстов, по дуктусу (пошибу клинописи) и по другим критериям определяемых как древнехеттские: *ud-ne-e hu-u-ma-an-da^{URU} za-al-pu-az an-da a-ru-na-az* 'все страны от города Цальпы (и далее) вглубь от моря'¹⁸ (буквально 'внутри от моря', древнейшая надпись Анитты, КВо III 22 Vs 38; город Цальпа, в названии которого возможно искать корень **sal-* > хет. *zal-*, был расположен на берегу

¹⁴ Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung / Bearb. von O. Böhtlingk. St.-Pb. Т. 7. S. 92—93; C. Cappeller. Sanskrit-Wörterbuch. Straßburg, 1887. S. 486; A. Thumb. Handbuch des Sanskrit. Т. II. Texte und Glossar, 2. Heidelberg, 1953. S. 334.

¹⁵ V. Mažiulis. Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1981. V. 2. S. 53.

¹⁶ G. Nagy. Greek dialects and the transformation of an Indo-European process. Cambridge (Mass.), 1970. P. 152.

¹⁷ В. Я. Бартольд. Коран и море // Зап. Кол. Востоковедов при Азиатском музее Российской Академии Наук. 1925. Т. 1. С. 106—110.

¹⁸ E. Neu. Der Anitta-Text. Wiesbaden, 1974. S. 12—13, 25, 104.

Черного моря в устье реки Марассандас — позднейшее Галис — современное Кызыл-Ырмак); ср. в той же надписи дважды повторяемое (строки 31—32) ^{URU}*za-al-pu-aš a-r[u-(n)a-aš]* ‘м[оре] Цальпы’ (т. е. Черное море). Древние хеттские тексты делают возможным допущение, что для хеттов в начале письменного периода их истории основным морем было именно Черное море¹⁹, с которым связан и древнехеттский близнечный миф о сыновьях царицы Неса-Канеса. Если это предположение верно, то хеттское специфическое употребление названия моря *aruna-* по отношению к Черному морю можно было бы сравнить²⁰ с греческим названием Πόντος ‘Море = Черное море’ (уже у Эсхила, Pers. 878²¹), экстенционально равнозначным (по денотату) Πόντος ἄξεινος ‘негостеприимное море’ (с позднейшей переделкой Πόντος Εὐξεινος ‘гостеприимное море’) из древнеиранского ‘темно-синее море’²², ср. иранское название цвета типа ав. *axšaēna-* ‘темный’, др.-перс. *axšaina* в сочетании *kasaka hya axšaina* ‘синий (?) самоцвет’, ср.-перс. *zray-i-xašēn* ‘Черное море’²³, н.-перс. *xašīn* ‘темно-синий’²⁴. В применении к морю ‘темно-синий = черный’ (в соответствии с общеэвразийской космологической схемой²⁵) символизирует север: ‘черное море’ (ср. у Еврипида Πόντος μέλας, Iphig. Taug. 107) означает ‘северное море’. Полагают, что это название Черного — северного — моря в его противопоставлении Красному, т. е. южному, сформировалось в области расселения древних иранцев, скорее всего в древнеперсидском царстве²⁶. Но до этого, как и у греков и предположительно хеттов, Черное море могло называться в древнеиранском просто морем: др.-перс.

¹⁹ J. Puhvel. The Sea in Hittite texts // J. Puhvel. Analecta Indo-europaea. Innsbruck, 1981. P. 236—238 (далее — Puhvel. Sea); J. Puhvel. Hittite Etymological Dictionary. Berlin; New York; Amsterdam, 1984. V. I. P. 181 (далее — Puhvel. HED).

²⁰ Puhvel. Sea. P. 236, где предположена и связь *aruna-* с соответствующим цветным эпитетом, от чего сам автор позднее отказался — Puhvel. HED. P. 182.

²¹ R. Schmitt. Namenskundlicher Streifzug ums Schwarze Meer // Festschrift für J. Knobloch. Innsbruck, 1985. S. 413.

²² W. Hinz. Iranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975. S. 25.

²³ А. Фрейман. Название Черного моря в домусульманской Персии // Зап. Кол. Востоковедов (...). 1930. Т. 5. С. 647—651; W. S. Allen. The name of the Black Sea in Greek // Classical Quarterly. 1947. V. 41. P. 86—87.

²⁴ M. Vasmer. Osteuropäische Ortsnamen. 1. Das Schwarze Meer // M. Vasmer. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenskunde. B., 1971. Bd. 1. S. 103—105; В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. I. С. 220; Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. С. 397.

²⁵ L. de Saussure. L'origine des noms de la mer Rouge, mer Blanche et mer Noire // Globe. 1924. T. 63. P. 23—36.

²⁶ R. Schmitt. Op. cit. Ibid.; H. Hirt. Schwaizes und Rotes Meer // H. Hirt. Indogermanica. Halle; Saale, 1940. S. 259—260.

drayah 'Море = Черное море', *tayaiy drayahya* 'те (у) моря = поморяне'²⁷, сопоставляемое с греч. τὰ πρὸς θαλάσσην ἔθνη 'народы у моря' (ср. Πόντος как обозначение страны). О сходном представлении у хеттов, отражающем, как и у греков и иранцев, особенности раннего обитания у черноморского берега, может говорить и обозначение *arun-uman-eš* 'поморяне' (KUB VIII 14 I 14) с суффиксом, который обычно образует названия народов и языков. Название южно-малоазиатской области *Kizzuwatna* сейчас часто толкуют как преобразованное хет. **kez wetenaz* 'cisaquinus' (по эту сторону от 'воды = моря', ср. ^DUTU *ú-i-te-ni* 'божество солнца в воде = в море' при греч. ἕδωλ 'вода' в контексте, где речь идет о море, и др.-инд. *sam-ud-ra* 'море' < 'собранные вместе воды').

Приурочение к Черному морю предполагается, в частности, по отношению к архаичному ритуальному тексту KUB XXIX 1 I 23—24, XXIX 3 Vs. I 3—4 (древний пошиб), где сказано: LUGAL-*i-mu-ta-ni-ja-aḫ-ḫa-en* ^{Giš} *ḫu-lu-ga-an-ni-en* ^D *Hal-ma-aš-šu-i-iz a-ru-na-za ú-da-aš* 'мне, царю, Бог Хальмасуит (= хаттско-хеттское божество Престола) из-за моря принес власть (данную богом царю как его наместнику) и повозку', ср. предание о приходе детей царицы из Цальпы (от Черного моря) к Несе (Канесу — древней хеттской столице)²⁸. Менее ясно, связан ли с цитированным ритуальным текстом мифологический образ солнца (ср. общеиндоевропейский и хеттский образ солнца на повозке), в новохеттской царской молитве приходящего 'из-за моря' (*a-ru-na-az*) — Черного или Каспийского²⁹.

Хет. *aruna-* 'море, большое соленое озеро' (и, возможно, пал. *aruna-*) связано, очевидно, с др.-инд. вед. *árna-*, *arṇavá* 'море, бушующие волны', авест. *a^uruna-* 'дикий, свирепый', греч. *ὄρος* < **ǵoFos* 'попутный ветер', др.-исл. *orr* 'скорый'³⁰ и, следовательно, восходит к древнему (мифопоэтическому?) эпитету моря. До сих пор остается возможным многократно обсуждавшееся сопоставление *aruna-* с др.-инд. *Varuṇa-* (имя бога, связанного с морем, в позднейший период богом моря), митан.-арийск. *u-ru-wa-na-aš-ši-el* (интерпретируется как форма двойственного числа, переданного хур. *-šel*, ср. сходную по функциям этрусскую морфему при именах богов). Для интерпретации фонетических соотношений важно наличие форм без **w* в хеттском при начальном *w-* в лувийском: лув. (а также пал.) *wašū-* 'хороший, добро' — хет. *aššu-*; лув. *wa-šḫa-(i)-* 'хозяин' — хет. *ešha-* и пары типа лув. *aḫraš waḫraš*, хет. *aḫin*

²⁷ R. Schmitt. Die achaimenidische Satrapie tayaiy drayahya // Historia. 1972. Bd. 21.

²⁸ E. Neu. Op. cit. S. 125. Ann. 303.

²⁹ F. Sommer. Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947; Puhvel. HED. P. 181.

³⁰ Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Указ. соч. С. 671—672, примеч. 1; Puhvel. Sea. P. 233—234; Puhvel. HED. P. 182.

uwajin, aštaš waštaš, ^D*Atammira* ^D*Watammira* ³¹. Поэтому **waruna-* может быть гипотетическим лувийским источником др.-инд. *Varuṇa-* (и в этом случае доказывает, что индоарийцы соприкасались с хеттами или лувийцами до своего прихода в Индию). Море (*aruna-*) в мифологическом значении встречается уже в древнехеттских текстах и поэтому такое употребление нельзя связывать только с хурритским влиянием ³².

Высказывалось предположение о том, что в хеттском названии моря **mor-* (*mar-*) отсутствует якобы потому, что хетты, как и носители греческо-армяно-индоиранских диалектов, отделились от древнеевропейских диалектов, в которых распространено это последнее название, до выхода к морю ³³. Однако в действительности в хеттском эта основа отражена в более архаическом значении: ^{Giš}*mammara-* ‘болото, заросший растительностью водоем’ ³⁴, ср. арм. *mawr* ‘болото’, осет. *mal* ‘омут’ и т. п., и в гидрониме — названии реки *Mara-šš-anta* (Галис, т. е. Кызыл-Ырмак), что позволяет сравнивать их со сходными гидронимами в Европе ³⁵. Иначе говоря, и в этом термине, как и в арм. *gayr* ‘болото’, алб. *hurd-hë* ‘пруд, болото’ при общепалтийском и диалектном германском названии моря из **ur* ³⁶, прослеживается постепенное развитие значений от ‘мелкий водоем, болото, пруд, озеро’ к ‘море’.

В результате анализа таких вторичных индоевропейских обозначений ‘моря’ можно прийти к выводу об их относительно большей диалектной ограниченности по сравнению с названием ‘соленое море’, сохранение которого в греческо-армяно-индоиранском может быть связано с тем, что в нем основа **mor-* / **mar-* не получила вторичного значения ‘море’. Из слов, позднее в этой последней диалектной группе получивших значение ‘море’, следует отметить параллельное семантическое развитие греч. *ποῦτος* ‘море’ из общиндоевропейского ‘дорога’ (рус. *путь*, ст.-слав. *пѹть*, прус. *pintis, peentis* ‘Weg’ ³⁷, др.-инд. *panthān-* ‘дорога’, авест. *pan-tā*, др.-перс. *paṇī*), в латинском приобретшего значение ‘мост’ (*pons*, ср. *ponti-fēx* ‘жрец’, где отражено, возможно, и древнее значение ‘дороги’ — ‘мост’ к небу), и осет. *fūrd/ford* ‘море’ (древнее значение, отраженное в фольклоре и в нахских заимствованиях: инг.

³¹ *Puhvel*. HED. P. 14, 219.

³² *Puhvel*. Sea. P. 230; *Puhvel*. HED. P. 180.

³³ *Puhvel*. HED. P. 181.

³⁴ Ср.: *M. Poetto*. Due note lessicali etee // *Paideia*. 1973. 28. № 3—4. P. 177—178; *W. Meid*. See und Meer // *Investigationes philologicae et comparativae*. Gedenkschrift für H. Kronasser. Wiesbaden, 1982. S. 95.

³⁵ *Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов*. Указ. соч. С. 673, 862.

³⁶ *В. Н. Топоров*. Прусский язык. Словарь I—K. М., 1980. С. 93—97.

³⁷ *V. Mažiulis*. Op. cit. S. 46, 52.

ford, чеч. *hord* 'море')³⁸ с незакономерными (табуистическими — сакральными?) фонетическими изменениями из общеиндоевропейского 'брод' < 'переход' (авест. *pərətu-* 'переход', 'брод', лат. *angi-portus* 'узкий проход', галл. *ritu-* 'брод', др.-в.-нем. *furt* 'брод'), приобретшего значение 'мост' в части иранских языков (курд. *purd*), 'гавань' в латинском (*portus*), 'небольшая морская бухта, фиорд' в германских языках (др.-исл. *ffjorðr*, др.-англ. *ford*). Внутри восточноиранского соотношение (фонетически безукоризненное) осет. *furd/ford* и скиф. Πόρρατα 'река Прут' вызывает аналогию с другими случаями, где 'море' и 'река (большая)' называются одним словом, как в др.-европ. **mor-* 'море': хет. *Maraššanta* и в др.-инд. *sindhu*. Арм. չօր 'море, большое озеро' представляет северокавказское (хуррито-урартское) заимствование. Особый случай с точки зрения значений представляет греч. πέλαγος 'море', в котором видят вариант (фонетический или диалектный) индоевропейского **plak-* 'быть плоским'³⁹. При всех этих инновациях в синхронном соотношении всех рассмотренных названий 'морья' в греческом и в предшествующем греческо-армяно-арийском диалекте сохраняется противопоставление древнего названия 'солёного моря' его синонимам, не выделяющим именно этого признака.

³⁸ В. И. Абаев. Указ. соч. С. 485—486.

³⁹ С. Watkins. «The American Heritage» Dictionary of Indo-European Roots. Boston, 1985. P. 51.

МИКЕНСКОЕ ГРЕЧЕСКОЕ *WA-NA-KA* И ЕГО ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ*

Микенский греческий термин *wa-na-ka* может быть переведен как 'повелитель (хозяин)', 'господин' с двумя более частными значениями, вытекающими из этого общего: социальным — 'царь — глава государства' и религиозным — 'бог'. Предполагаемое общее значение особенно явственно обнаруживается в социальных контекстах, где *wa-na-ka* противопоставляется другим социальным терминам, в частности, *ra-wa-ke-ta*, которое на основании его этимологии переводится как «воевода», но обозначало высшее должностное лицо (не обязательно военачальника), и *qa-si-re-u* — обозначению местного правителя. В этом семантическом противопоставлении *wa-na-ka* выступает в качестве маркированного члена — единственного в микенском греческом языке обозначения 'повелителя'¹, возможно, наделенного сакральной властью, что допускает возможность объединения социального значения с религиозным²: обозначение царя как обожествляемого повелителя характерно для всех тех обществ, где царь выступал в архаической роли первосвященника³, и пережиточно сохраняется, приобретая отчасти и новые функции,

* Издано: Балканский лингвистический сборник. М., 1977.

¹ *M. Lejeune. A propos de la titulature de Midas // Athenaeum, nuova serie. Vol. XLVII. Studi in onore de Piero Meriggi. Pavia, 1969. P. 180. Вывод был в основном предвосхищен С. Я. Лурье (С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. М.; Л., 1957. С. 211—216).*

² Отмечено уже в кн.: *T. B. L. Webster. From Mycenae to Homer. London, 1958. P. 10*, где в связи с этим предлагается сравнение с типичным для Древнего Востока обожествлением царя.

³ *В. Н. Топоров. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. VI. Тарту, 1973. С. 115 (там же литература).*

в древневосточных традициях⁴ в эпоху, когда Микены входили в ареал древневосточной культуры.

В значительном числе микенских текстов, в частности, в табличках серии Fg и в табличках, относящихся к *Pa-ki-ja-na*, термин *wa-na-ka* обозначает не царя, а бога (вероятно, чаще всего Посейдона⁵). Сопоставление микенского словоупотребления с позднейшей греческой традицией употребления *ἄναξ* в качестве имени бога⁶ заставляет предположить соотнесение термина *Φάναξ* > *ἄναξ* 'повелитель, хозяин' (как обозначение древнейшего городского бога-хозяина⁷, *Φάνασσα* > *ἄνασσα* 'богиня-повелительница, хозяйка, владычица' (ср. микенскую форму *wa-na-so-i*⁸) не с каким-нибудь одним конкретным божеством, а с разными божествами (в том числе с такими парными божествами, как Диоскуры) в зависимости от характера культа данной местности. На основании микенских фактов и архаических случаев в позднейшем греческом употреблении для общегреческого периода можно реконструировать значение 'бог-повелитель, священный царь'. Это позволяет, как представляется, окончательно доказать давно предположенное Лиденом⁹, но не нашедшее общего признания родство греч. *Φάναξ* и кучанского (тохарского В) *ñakte* (род. п. *ñaktentse*), тох А *ñkät*, р. п. *ñaktes* 'бог'. В общетохарском, как и в общегреческом, это слово могло относиться к разным божествам, что подтверждается архаичными тохарскими словосложениями. Для добуддийского периода реконструируются такие сложные слова, повлиявшие на древнетюркский, как обозначения парных божеств: куч. *kaunñakte*, *koññikte* 'солнце-бог',

⁴ R. Labat. Le caractère religieux de la royauté assyro-babylonienne. Paris, 1931; I. Egnell. Studies in the divine kingship in the ancient Near East. Uppsala, 1943; G. Posener. De la divinité du pharaon // Cahiers de la Société asiatique. XV. 1960; J. Zandee. Le Messie. Conceptions de la royauté dans les religions du Proche—Orient ancien // Revue de l'histoire des religions. Т. CLXXX. 1971. № 1. С. 4—5 и след. (раздел «Le roi est un dieu»). Из отдельных показательных совпадений деталей, относящихся к культу царя, можно отметить, в частности, сходства ритуального использования трона в микенских текстах (ср.: E. L. Bennett. Jr. The olive oil tablets of Pylos. Texts of inscriptions found. 1955. Suplementos a «Minos». Núm. 2. Salamanca, 1958. P. 30) и в хеттских ритуалах (ср. KUB XXIX 1).

⁵ Соответственно и для прилагательного *wa-na-ka-te-ro* предполагается исходное значение 'относящийся к богу', 'посвященный богу' (F. R. Adrados. TE-RE-TA WA-NA-KA-TE-RO y los *ἀναχτοτέλεσται* «Minos», N. S., X, fasc.2, Salamanca, 1970, p.138—150).

⁶ B. Hemberg. Anax, Anassa und Anakes als Götternamen. Uppsala, 1955.

⁷ Ср. также наблюдения в кн.: С. Я. Лурье. Указ. соч. С. 304, 213, примеч. 1.

⁸ H. van Brock. Notes mycéniennes // Revue de philologie. Т. XXXIV. Fasc. 11. 1960. P. 230—231.

⁹ E. Lidén. Studien zur tocharischen Sprachgeschichte (Göteborgs Högskolas årsskrift, 1916. Jg. 22. № 3). Göteborg, 1916.

тох. А *koṃ-ñkät* (ср. совпадающее по внутренней форме др.-тюрк. *kün täṃri*, где первая составная часть заимствована из тохарского¹⁰, ср. типологически сходное заимствование другого индоевропейского имени бога Солнца в урартский язык¹¹), куч. *meññäkte*, тох. А *māñ-ñkät* ‘месяц-бог’ (ср. совпадающее по внутренней форме др.-тюрк. *aj täṃri*), ср. соположение обоих сложных слов в тексте А 17 в 1 *koṃñkät māñkät yuknāš* ‘Солнце победило месяц’ при соединении в древнетюркском *küñ aj täṃri* ‘божества солнце и луна’ (в «Покаянной молитве манихейцев», строка 49¹², и *kün aj täṃrilär* ‘божества Солнце и луна’¹³ (в других манихейских текстах из Турфана). Архаичны по своей семантике также сложения типа тох. А *waṣṭim-nkät* ‘бог-покровитель дома’, *tkaṃ-ñkät* ‘богиня Земля’ (ср. греч. *ἄλωσσα* по отношению к Деметре) в отличие от более поздних сложений типа куч. *pūd-ñäkte* ‘Будда’ (буквально ‘Будда-Бог’). Весьма архаическим сложным словом можно считать общетохарское слово, к которому восходит куч. *ylaiñikte*¹⁴, тох. А *wlāñkät*, в исторический период обозначающее в переводных текстах Индру — Бога грома, но возводимое к более древнему сочетанию ‘правитель-бог’ (где первый член родствен тох. А *wäl* ‘царь’, куч. *-walo, yl-*, слав. *Velesъ*¹⁵ и т. п.). Развитие па-

¹⁰ W. Winter. Tocharians and Turks // Aspects of Altaic civilization. Bloomington, 1963. P. 245 и сл. (к рассматриваемому в этой статье этимологическому объяснению тохарского названия ‘солнца’ в связи с авест. *surəm* ‘рано утром’ надо добавить возможность сближения и с хет. *šiucaja-* ‘видеть’ в архаических ритуалах, ср. семантически сходное сближение хет. *aiš* ‘видеть’ и лат. *aurora* и т. п.). Относительно др.-тюрк. *kün täṃri* как парного божества (в Сутре «Золотого блеска») ср.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 297, 176 (§ 617, 5—6) и перевод на с. 183 (‘божественное солнце’), с. 177 (§ 621, 6) и перевод на с. 185 (‘божественное светило’).

¹¹ В. В. Иванов. Функции «тохарских» языков и «тохарской» литературы в Восточном Туркестане и проблема тюркско-«тохарских» контактов // Центральная Азия и Тибет. История и культура Востока Азии. Т. 1. Новосибирск, 1972. С. 170.

¹² С. Е. Малов. Указ. соч. С. 117 и перевод на с. 120.

¹³ См. цитаты и ссылки на источники: Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 24. Ср. частое сочетание *kün aj* в памятниках енисейской письменности, разъясняемое на основании поверья желтых уйгуров, по которому солнце и луна — это переговаривающиеся и переглядывающиеся божества: С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952. С. 27.

¹⁴ Ср. также в тексте 296 и 7 и сл. *ylaiñiktem* — глагольная форма, см.: W. Thomas. Die Infinitive im Tocharischen // Asiatica. Festschrift F. Weller. Leipzig, 1954. S. 715. Anm. 55.

¹⁵ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Этимологическое исследование семантически ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов // Славянское языкознание. М., 1973. С. 166; Они же. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

латализованного **w'* (в частности, в контексте перед **e*) > куч. *y*¹⁶ объясняет не только *y-* в куч. *yl-* < **w'(e)l-*, но и начальное *-i-* в *-iñikte* во второй части этого древнего сложения¹⁷. Для такого фонетического развития на стыке морфем можно указать точные параллели в таких привативных образованиях, как *a-itkatte* 'не имея приказа' (корень *wätk-*, дающий на морфемном стыке *-itk-*), *a-ikatte* 'не удаленный' (корень *wik-*)¹⁸, ср. также формы типа куч. *ikäm* (тох. А *iviki*) '20' < **wikṃti*¹⁹ (при возможных потерях начального *w* в кучанском и перед *o* гласным непоследнего ряда: куч. *ost* 'дом': тох. А *wast*²⁰). Это дает фонетическое обоснование данной этимологии кучанского слова, так как можно предположить отражение в кучанском в позиции после гласного в середине сложного слова **w* (> *y*), исчезавшего перед сонорным в начальной позиции (**wnakte* > *ñakte*), как в основе косвенных падежей *lānt-* < **wlānt-* от куч. *walo*, *yl-* 'царь', тох. А *wäl*. Следовательно, куч. *yla-iñikte* возводится к **wela-w(e)nakte* 'царь-бог', где второй член исторически тождествен микен. *wanaka*. Древность кучанского сложного слова согласуется с сохранением ряда исключительных архаизмов в склонении куч. *ñakte*: следы старого индоевропейского двойственного числа в *ñakte-ne* 'два бога' (в В 88 (Š) в 5 о боге, обитающем в дереве, и его жене) и *Bkomñiktene* (В 550)²¹ 'два солнечных парных божества' (ср. греч. дв. ч. Φάναξ 'господа-Диоскуры'); зват. форма *ñakta* 'боже' в монастырском письме²², ср. греч. гомер. зват. ф. Ζεῦ ἄνα, П 233; возможный архаизм можно предположить и в форме производного на **-i* (< **iH*), ср. дат. *-i*, кельт. *-i*, др.-инд. *-i*), в притяжательном значении — куч. *ñakc(i)ye* 'божественный', тох. А *ñakci*²³. Согласно весьма вероятной гипотезе Палиблэнка, это слово передается посредством среднекитайского *nyâk-tsi* —

¹⁶ A. J. van Windekens. Etudes de phonétique tokharienne. V; VII. «Orbis». Т. XIII. 1963. № 2; Т. XIV. 1965. № 1.

¹⁷ Включение *-i-* в первую часть слова не оправдывается соответствием в тохарском А с исходом на *-a*.

¹⁸ N. van Brock. Le traitement des nasales voyelles en tokharien // KZ. Bd. 85. Hft. 2. 1971. P. 282.

¹⁹ Там же. С. 288.

²⁰ Там же. С. 295.

²¹ W. Winter. Nominal and Pronominal Dual in Tocharian // Language. Vol. 38. 1962. № 2. P. 114—124. — К семантике парного солнечного божества ср. выше о тюркском.

²² См. его текст. в кн.: W. Thomas. Tocharisches Elementarbuch. Bd. II. Heidelberg, 1960. S. 74 (предложение 2).

²³ Возможен и архаизм формы род. пад. на *-eñ* (индоевр. **-on?*) в *ñikteñ-ñikte* 'бог богов', хотя отсутствие конечного *-ts* может объясняться и правилами внешнего сандхи (*-eñ* < *ents*), ср. *ñiktemsaswe* 'господин богов' < **ñiktemts saswe*. К окончанию род. пад. мн. ч. на *-ents* ср. анатolianские (лувийскую и хеттскую) на *-enz-an*.

титул царя малых юэчжи, покорившегося китайцам в 108 г. до н. э.²⁴, ср. позднейший титул царей Кучи *ñakteñts soy* ‘сын богов’ (инд. *devaputra*, в том числе в пракрите текстов из Нийя), связываемый с кушанской титулатурой (бактрийск. *βαγοποτρο*)²⁵. Использование этого титула по отношению к царю в раннем тохарском соответствует семантике греческого *wa-na-ka*, *Φάναξ*. При принятии изложенной гипотезы развитие в тохарском группы **wn > n* — следует датировать временем, предшествовавшим II в. до н. э.

Такое же фонетическое развитие в анлауте недавно предположено и по отношению к тох. *A nātāk* ‘господин’, *nāsi* ‘госпожа’, возводимому к **wnA-tk-* и связываемому с тем же греческим *Φάναξ*²⁶. Хотя эта этимология выдвинута в качестве альтернативной к вышеизложенной, представляется, что оба значения (‘господин’ и ‘бог’) настолько естественно связываются (ср. хотя бы примеры из славянских языков, обычное обращение к богу как к ‘господину’ в хеттской и многих других древних традициях), что при близости фонетических обликов тох. *A nātāk* ‘господин’ и куч. *ñakte* ‘бог’ их едва ли можно разделять (различие в трактовке группы *kt~tk* можно сравнить с соотношением тох. *A tkañ*, куч. *kem* ‘земля’, при хет. *tegan* ‘земля’ < **dheḡ^hom*, греч. *Χθών* < **ḡhd^hom* < **dhḡ^hom* с метатезой акцессивного комплекса согласных, подобной *ἄρκτος* < **ḡrkτος* ‘медведь’, хет. *ḫartakka-*, ср. также тох. *A tkācer* ‘дочь’: куч. *skācar* с палатализацией в кучанском); не исключено, что тох. *A ñkāt* ‘бог’ является заимствованием в мертвый тохарский А из кучанского — языка живой проповеди, тогда как собственно тохарская А форма древнего общетохарского слова отражается в тох. *A nātāk*; долгота *ā* в тохарском А едва достаточна для постулирования ларингального, который в любом случае не мог входить в древний корень.

Если верно возведение тохарских слов к корню **wen-*, то в этом случае и для этих слов, и для греческих терминов, им родственных, оказывается возможным сравнение с корнем др.-англ. *wine* ‘покровитель, хозяин, друг’ (в «Беовульфе», 1418 и в других эпических текстах²⁷) и в мифологических про-

²⁴ E. G. Pulleyblank. Chinese and Indo-Europeans // Journal of the Royal Asiatic Society. 1966. P. 19, ср. о кушанской титулатуре: Там же. С. 20.

²⁵ В. В. Иванов. Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема // Народы Азии и Африки. 1967. № 3. Ср. 117. Но ср. о древности этого титула в буддийской традиции (со ссылкой на Леви): В. А. Лившиц. Кушаны: письменность и язык // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. 1. М. 1974. С. 320.

²⁶ W. Winter. Some widespread Indo-European titles // Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970. P. 53 and following; ср. положительную оценку этой гипотезы в рецензии O. Szemerényi // Journal of linguistics. Vol. 10. 1974. № 1. P. 179.

²⁷ См. контексты в: Sweet's Anglo-Saxon Reader in prose and verse. 13 ed. by C. T. Onions. Oxford, 1954. P. 103, 118 (строки 248 и 250) и др.

изводных, иногда возводимых к тому же корню (др.-исл. *Vanr*, лат. *Venus*, ср. кипр. *Vanasa-Φάνασσα* как титул Афродиты). В этом случае в греческом отражена ступень редукции корня, вызванная присоединением суффикса **-ak-* (или **-atk-* > *-akt-*). Если фриг. *vanaktei* в старофригийской надписи VI в. до н. э.²⁸ является не заимствованием микенского времени²⁹, в пользу чего говорит, совпадение следующего за этим титула *lavaqtaei* с микенским *ra-wa-ke-ta*, а исконно родственным фригийским словом³⁰, то эту изоглоссу следовало бы присоединить к другим диалектным чертам, общим для тохарского, греческого и фригийского³¹. Речь идет, скорее всего, об инновации, вытеснившей другие названия 'покровителя-божества, сакрального царя' и поэтому важной для группировки индоевропейских диалектов.

²⁸ Ср.: *O. Haas*. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966. С. 187. Ср. практически тождественную форму дат. пад. ед. ч. **wanaktei*, реконструированную для микенского на основе написаний *wa-na-ka-te*, *wa-na-ke-te*.

²⁹ *С. Я. Лурье*. Указ. соч. С. 218 (вслед за ним *И. М. Дьяконов*. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. С. 132, примеч. 135); *M. Lejeune*. Указ. соч.

³⁰ См. об обеих этих возможностях: *E. Benveniste*. Le vocabulaire des institutions indoeuropéennes. 2. Pouvoir, droit, religion. Paris, 1969. P. 24, рус. пер.: Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. М., 1995. С. 298, 419—420.

³¹ См. о таких чертах: Э. Бенвенист. Тохарский и индоевропейский // Тохарские языки. М., 1959. С. 103—104; В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964. С. 269—270. О тохарско-греческих лексических изоглоссах ср. также: *H. van Brock*. De $\pi\acute{\upsilon}\zeta$ à $\pi\acute{\omicron}\zeta$, Mélanges de linguistique et de philologie grecques offerts à P. Chantraine // Etudes et commentaires. 79. С. 275—276 (тох. А и куч. *pont-*, греч. $\pi\acute{\omicron}\zeta$). К отмеченной выше бактрийской титулатуре ср. также бактрийское *paozajao* 'царь царей' при пракр. кхар. *rajati rajaja* 'царь царей' в трехязычной надписи из Афганистана, третий язык которой может быть древнетохарским: *A. D. H. Bivar*. The Kusana trilingual // Bulletin of the School for African and Oriental Studies. London, 1976. XXXIX. P. 2. С. 334.

ДРЕВНЕБАЛКАНСКИЕ НАЗВАНИЯ СВЯЩЕННОГО ЦАРЯ И СИМВОЛИКА ЦАРСКОГО РИТУАЛА *

Этимология фрак. Ρησ-, Ρασ-, Ρεσ-, выделяемого в личных именах Ῥῆσος, Ρησκου-πορις, Ράσχος, Ρασκού-πορις, Ρασχύ-πολις, Ρεσκου-πορις, Ρεσκου-βίτοσ, в традиционной фракологии могла считаться общепринятой: фрак. ρησ- как (не только собственное, но и нарицательное) имя царя отождествляется обычно с общеиндоевропейским именем '(священного) царя' *rēǵ' (= **rēk̑')¹. Последнее реконструируется для общеиндоевропейского на основании соответствия др.-инд. *rājan-* 'царь': лат. *rēx* др.-ирл. *ri*, род пад. *ríg* 'царь'. Как и в других случаях, индоиталийско-кельтская изоглосса свидетельствует об исключительном архаизме термина, важного для понимания древнеиндоевропейской социальной структуры². Давно уже Бенвенист обратил внимание на возможность объяснения семантики этого индоевропейского слова, исходя из его вероятных этимологических связей с другими словами того же корня: др.-греч. ῥέγω 'протягивать прямую линию, начиная с того места, которое в данный момент занимает субъект', 'двигаться вперед по прямой линии', лат. *regio* 'область < *место, занятое при движении по прямой линии' (отсюда *e regione* 'напротив < прямо перед чем-либо'), *rectus* 'прямой, как прямая линия' (от-

* Издано в: Палеобалканистика и античность. Сборник научных трудов. АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1989.

¹ Д. Дечев. Характеристика на тракийския език. София, 1952. С. 30, 32, 38, 57, 77, 88, 91, 99, 101, 118; R. Katičić. Ancient languages of the Balkans // Trends in Linguistics. State-of-the-Art Reports. 4. The Hague; Paris, 1976. P. 141.

² Вяч. Вс. Иванов, Т. В. Гамкрелидзе. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2. С. 751.

сюда и производные обозначения 'правила': *regula*), соответствующее гот. *raihits* (переводный эквивалент греч. εὐθύς 'прямой'), др.-перс. *rāsta* 'правильный (прямой) путь' < **rek*^[h]-*t*^[h]*o*- < ***rek*'-*t*^h*o*-. «Нужно исходить из этого понятия, поначалу вполне вещественного, но способного развиваться и в нравственном значении, для того чтобы хорошо понять характер образования *rex* и глагола *regere*. Этот двойственный смысл присутствует в существенном обороте *regere fines*, религиозном действии, которое предшествует строительству; *regere fines* означает буквально 'проводить границы прямыми линиями'. Это — операция, которую совершает великий жрец для того, чтобы построить храм или город, и которая состоит в том, чтобы определить размеры священного пространства на какой-либо территории. Магический характер этой операции очевиден; речь идет о разграничении внутреннего и внешнего, царства священного и царства мирского, своей земли и чужой земли. Это проведение границы осуществляется лицом, наделенным самыми высшими видами власти, — *rex*'ом.

В *rex*'е нужно видеть не столько властелина, сколько того, кто проводит линию, путь, по которому следует идти, кто в то же время воплощает в себе и то, что является правильным: конкретное значение, обозначаемое корнем **reg-*, значительно более живо в *rex*'е, с самого начала, чем мы полагаем. И это понимание природы и власти *rex*'а согласуется с самой формой этого слова. Атематическая форма без суффикса, подобная *rex*, имеет вид тех слов, которые используются в особенности в качестве второго члена словосложения, как *-dex* в *iu-dex*, имя деятеля от **deik-*. Этот вывод доказывается и данными других языков, кроме латыни, в частности галльскими сложными именами на *-rix*, *Dumno-rix*, *Ver-cingeto-rix*. В санскрите *-rix* встречается реже в независимом употреблении, чем в словосложении: *sam-rāj-* 'царь, общий для всех', *sva-rāj-* 'сам себе царь'. В самом деле, и в самой латыни *rex* предстает с особыми определителями, в частности в древнем речении: *rex sacrorum*. *Rex* должен был *regere sacra* в том же смысле, что и в выражении *regere fines*.

Так обрисовывается понятие индоевропейской царской власти. Индоевропейский *rex* в значительно большей степени имеет отношение к религии, чем к политике. Его долг состоял не в том, чтобы распоряжаться, осуществлять власть, а в том, чтобы устанавливать правила, определять то, что в собственном смысле слова называется "правом". В результате *rex*, определяемый таким образом, скорее родствен жрецу, чем властелину. Именно этот характер царствования был сохранен кельтами и италиками, с одной стороны, индийцами, с другой»³.

³ E. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. 2: Pouvoir, droit, religion. Paris, 1969. P. 14—15. См. в подробностях отличающийся русский перевод:

Цитированные идеи Бенвениста (в связи с анализом данного слова упоминавшего и фрак. Ῥῆσος⁴) получили в новой лингвистической литературе двойное развитие. Во-первых, в проницательном и глубоком исследовании⁵ В. Н. Топоров сопоставил принимаемую и подкрепляемую им новыми дополнительными этимологическими сопоставлениями интерпретацию Бенвениста с тем направлением культурно-антропологических исследований, которое, начиная с пионерских работ Хокарта⁶, выявило преимущественно сакральный характер царской власти в архаичных коллективах. Если говорить о более широкой перспективе сравнительного характера, то с привлечением зоопсихологии и зоосемиотики можно было бы считать оправдавшейся гипотезу Вагнера, принятую и развитую его учениками, о преодолении вожацеской тенденции на ранних этапах антропогенеза. Если символ типа священного царя может быть с большим вероятием отнесен к числу генетически передаваемых архетипов, то встраивание соответствующего фенотипа в конкретную культуру осуществлялось чаще всего на уровне его символической значимости. Лишь в части более поздних коллективов, где увеличивалась сложность военных, технологических задач, этот архетип был использован в системе реального (а не символического) управления. Можно думать, что архаические римские структуры, типологически близкие к индоевропейским и отчасти непосредственно их продолжающие, еще относятся к сфере символического (собственно семиотического) осмысления власти священного царя, а не того более позднего ее переосмысления в духе задач управления, которое характерно для более поздних обществ. Сделанная выше оговорка относительно частичности непосредственного продолжения индоевропейской традиции в римской кажется необходимой ввиду несомненности воздействия этрусской социальной системы на римскую. Этр. *lauc-*, *luc-*, *lauxme-*, *luxim* 'царь'⁷ (откуда лат. *Lucito* с соотношением нарицательного и собственного имен, напоминающим фрак. Ῥῆσος), *lucair* 'царствовать' несомненно должны были оказать терминологическое воздействие на соответствующие

Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. М., 1995. С. 252, ср. с. 417.

⁴ «On le retrouve probablement aussi dans le nom royal thrace Rhēsos» (E. Benveniste. Op. cit. P. 11); Э. Бенвенист. Указ. соч. С. 250.

⁵ В. Н. Топоров. Славянские комментарии к некоторым латинским архаизмам // Этимология 1972. М., 1974. С. 12—19.

⁶ А. М. Hocart. Kingship. Oxford, 1927 (2 ed. 1969); *Idem*. Kings and councillors. Cairo, 1936 (2 ed. Chicago, 1970). Ср.: Вяч. Вс. Иванов. Артур Хокарт и сравнительный метод в этнографии // Природа. 1985. № 13. С. 83—87.

⁷ М. Pallotino. Etruscologia. Milano, 1980. P. 423; G. Bonfante, L. Bonfante. Lingua e cultura degli Etrusci. Roma, 1985. P. 189.

римские термины. Поэтому сейчас вопрос об архаизме лат. *rex* (и ряда других терминов, связанных с этим последним) представляется несколько более сложным, чем это казалось, например, Дюмезилю и следовавшим за ним ученым. Лат. *rex*, явившееся эквивалентом названия этрусского священного царя, в силу архаизма римской социальной структуры, отчасти воспроизводившей этрусскую, могло сохранить древнее значение. Но по сути причины этого скорее типологические, чем генетические. Этруская социальная структура сравнительно мало изменилась по сравнению с той, которая за несколько веков до начала этрусско-римского симбиоза была перенесена этрусками из Малой Азии, а в этой последней сложилась благодаря взаимодействию исходных северокавказских компонент этрусского этноса и наложившихся на них древнеближневосточных (хаттских, индоевропейских анатолийских и других). Та жреческая структура общества со священным царем, которая в Риме изумила Дюмезиля своим индоевропейским архаизмом, и сохранилась благодаря вторичному наложению на индоевропейские по происхождению установления более поздних этрусских, типологически с ними совпадавших. Древнеиндийские учреждения, претерпевшие трансформацию при развитии каст из древних социальных фактов (с достоверностью индо-иранских, а отчасти и сформировавшихся уже в пору греческо-индо-иранской общности), также сохранили в преобразованном виде исходные структуры. Но совпадение римского института священного царя, соответствующего этрусскому, с древнеиндийским, очевидное на собственно языковом уровне, в плане семантики социальных установлений не означает прямого отражения древней традиции: на двух географически удаленных друг от друга окраинах — западной и восточной — индоевропейского языкового мира новые институты, частично вобравшие в себя старые, продолжали называть архаическими терминами.

Вопреки высказывавшимся в литературе последних лет соображениям, свидетельствующим о недооценке сложности этих последующих процессов, наличие древнеиндийско-италийско-кельтской изоглоссы *rāja(n) ~ rēx ~ rī* само по себе не говорит ни против, ни за возможность интерпретации рассматриваемого фракийского *Ρῆσος* как родственного этому индоевропейскому названию царя. Но ввиду наличия некоторых ярких тохаро-палеобалканских (фракийских и фригийских) общих языковых черт, отмеченных тем же Бенвенистом⁸, следует остановиться на возможности выделения родственной основы в древних гутийских (кутийских) собственных именах, пратохарский характер которых можно предположить вслед за Хеннингом⁹. В целом ряде

⁸ Э. Бенвенист. Тохарский и индоевропейский // Тохарские языки. М., 1959. С. 102.

⁹ W. B. Henning. The first Indo-Europeans in history // Society and History: Essays in honour of K. A. Wittfogel. The Hague; Paris; New York, 1978. P. 215—230; T. B. Гамкрел

кутийских (гутийских) собственных имен — таких как (А) *šir-lag-*, *Ia(r)-lag-* (где выделяется следующий за *-lag-* суф. *-ant-* ~ *-and-*, сопоставимый с тохарским и восходящий к древнему общеиндоевропейскому) — морф *-lag-* чередуется с шумерским LUGAL, имеющим либо значение ‘царь’, либо значение соответствующего царского титула¹⁰. Структура предполагаемых кутийских сложных имен типа (А) *šar-lag-(ant-)*, *Ia(r)-lag-(ant-)* весьма близка в этом случае к галл. *Dumno-rī#x*, *Orgeto-rī#x*, *Toutio-rī#x*, др.-ирл. *Ruad-rī#* (‘Красный царь’¹¹) *cloth-ri*, род. п. *clathrig* (огам. *Clutari [igas]* ‘Царь-славы’, валл. *Clotri* < **Klūto-rī#ks*, др.-в.-нем. *Hlud-rī#ch*); др.-ирл. *Conrī#*, род. п. *Conrach*, огам. *Cynorix* (**Kuno-rī#x* ‘Волку подобный царь’, др.-валл. *Cynyr*); огам. *Veagri-q* < **Wēk^wo-rī#gas*, др.-ирл. *Fiachrae*, род. *Fiáchrach*¹² (по типу трех кельтских имен моделированы и древнегерманские, такие как ост.-гот. *Ruderic*: гот. *hrops* ‘славный’, *Geberic*, вандальск. *Geise-ric*, *Hildi-rī#x*, зап.-гер. *Erman-rī#ks* и т. п., др.-в.-нем. *Diet-rich-* < др.-герм. *Theodo-rik-*¹³: галл. *Toutio-rix* и т. п.). В древнеиндийском этот же тип представлен такими архаическими мифологическими именами, как *Dharma-rāj-* ‘царь дхармы (закона)’¹⁴, *Naga-rāja-* ‘Царь нагов (змей)’ и т. д. Иначе говоря, согласно предлагаемой гипотезе, тип именования священных царей именами, вторую часть которых образовывало и.-е. ***rēk-*’ или морфы, от него образованные, можно считать общеиндоевропейским: он представлен в кельтском (германский тип объясним из кельтского), древнеиндийском и предположительно в «прото-тохарском» кутийском (гутийском), т. е. в архаическом индоевропейском, зафиксированном в клинописной передаче уже в III тыс. до н. э. Для объяснения форм этого последнего диалекта существенно распределение индоевропейских плавных сонантов внутри слова, на что в связи с данным термином давно обратил внимание Э. Бенвенист: предполагается, что в прото-тохарском кутийском диалекте в словосложении во втором члене используется начальное *-l-*, соответствующее **r-* в аналауте латинского, кельтского и древнеин-

лидзе, Вяч. Вс. Иванов. Первые индоевропейцы в истории: предки тохар в Древней Передней Азии // ВДИ. 1989. № 1.

¹⁰ W. Hallo. Gutium (Qutium) // *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie*. Berlin; New York, 1957—1971. Bd. 3. S. 711.

¹¹ В. П. Калыгин. Язык древнейшей ирландской поэзии. М., 1986. С. 94.

¹² А. А. Королев. Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984. С. 130 (ср. также с. 120, 162, 185); T. Bolleli, E. Campanile. Sur la préhistoire des noms gaulois en *-rix* // *Etudes celtiques*. 1972. Vol. 13. P. 123—140.

¹³ Ср. об именах на *-ric-*: В. М. Жирмунский. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М., 1964. С. 16, 44—99, 108.

¹⁴ См. к смыслу имени: G. Dumézil. Mythe et épopée. L'idéologie des trois fonctions dans les épopées des peuples indo-européens. Paris, 1968. P. 67; Ф. Б. Я. Кёйнер. Труды по ведийской мифологии. М., 1986. С. 37.

дийского слов (данный термин отсутствует в таких диалектах, как хеттский, греческий и армянский, где начальное *r- невозможно; связаны ли в данном случае фонологические и ономазиологические ограничения, пока сказать трудно). Если допущение о широте распространения сложных слов с этим вторым компонентом правильно, то в таком случае во фригийском (где можно было бы видеть след употребления, сопоставимого с прототохарским кутийским) можно было бы видеть отражение близкой традиции, но с заменой сложного имени простым (диахронически — с редукцией первого члена), которое при этом тематизируется: $N_1 + N_2 (-*rēk'-\emptyset-) \rightarrow N_2 (-*rēk'-o-)$.

Во-вторых, в ряде работ последнего времени продолжался поиск внутреннего этимологического объяснения и.-е. $*rēk'$ -. По пути, намеченному Бенвенистом, шел в упомянутом исследовании В. Н. Топоров, отметивший существенность таких параллелей, как латинское же обозначение 'воздвижения' *erigere*, славянское $*rězati$ в значении 'проводить черту', а также и др.-инд. *rājas* как обозначение 'пространства'¹⁵. В словаре индоевропейских корней К. Уоткинса в соответствии с идеей Бенвениста объединены и систематизированы уже и раньше¹⁶ различные слова, которые формально и семантически соотносятся с $*rēg'$ -¹⁷ ($=**rēk'$ -). Укажем важнейшие из них, объединяемые общей идеей 'двигаться по прямой':

I. Основа $*reg-$ ($=**rēk'$): 1. суффиговая форма $*reg-to-$ ($=**rēk'-t^{[h]}o-$) > герм. *rehtaz* 'правый'; 2. лат. *regere* 'вести прямо' (с производными типа лат. *rectus*); 3. греч. *ὀρέγεω* 'протягивать'.

II. Основа со ступенью растяжения $*rēg-$ ($=**rēk'$ -), 'индоевропейское название царя': 1. суффиговая кельтская форма $*rīg-yo-$ > герм. $*rīk-ja-$ (откуда др.-англ. *rī#ce* 'царство'); 2. лат. *rēx*; 3. суффиговая форма $*rēg-en-$ ($=*rēk'-ēn-$) > санскр. *rājan-*.

III. Суффиговая форма $*rēg-olā-$ ($=**rēk'-o-lo-H-$, где $*rēk'-o-$ в принципе сопоставимо с праформой фрак. $Ῥῆσος$) > лат. *reg-ula-*.

IV. Форма со ступенью δ $*rog-$ ($=**roċ-$), отраженная: 1. в герм. $*rakō-$; 2. в герм. $*rak-$; 3. в герм. $*rankaz$ (при разительном формальном сходстве с балто-славянским названием 'руки' и возможными семантическими соотношениями 'правая рука' ~ 'рука'; фонетические соответствия загадочны); 4. в герм. $*rekinaz$; 5. в суффиговом лат. *roga-rē*; 6. в суффиговом $*rog-o-$ (с тем же тематическим $-o-$, что и во фрак. $Ῥῆσος$ > $Ῥῆσος$, но с другой огласовкой) > лат. *rogus*, предполагаемом в *ergō* < $*ērogō$.

¹⁵ В. Н. Топоров. Указ. соч. С. 14—18.

¹⁶ J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1957. Bd. 1. S. 854—857.

¹⁷ C. Watkins. The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots. Boston, 1985. P. XXIII, 54.

V. Форма со ступенью растяжения огласовки *o: 1. герм. *rōkjan*; 2. герм. **rōkja*- и т. п. Как и в других аналогичных случаях, систематизированная сеть аблаутных отношений, дающих связную семантическую картину, представляется более удачной, чем недавно предложенная альтернативная этимология лат. *rēx* (: др.-инд. *rāṣṭi* как старый атематический глагол, *úrj* ‘власть’ и т. п.), допускающая выведение корневого долгого гласного из сочетания с ларингальным¹⁸. Любопытной чертой этой альтернативной этимологии является то, что из нее делаются семантические выводы, в точности совпадающие с теми, которые делал Бенвенист (книга, которая замечательным образом вообще не упомянута в этой статье, вышедшей 8 лет спустя после ее издания); автор предполагает, что исходное значение рассматриваемого имени ‘царя’ означало ‘наделенного священной силой’, что согласуется с семантикой, выявляемой для индийского и германского обществ и для соответствующих терминов¹⁹.

По-видимому (со сделанными выше оговорками, касающимися деталей из сопоставляемых культурных традиций), лингвистические выводы опираются при каждом из принимаемых этимологических объяснений не столько на эти последние, сколько на функционирование соответствующих слов в текстах и потому не противоречат друг другу. По причинам скорее эстетического свойства (наличие полной гармонической картины) точка зрения Бенвениста, развиваемая В. Н. Топоровым и К. Уоткинсом, оказывается предпочтительнее той, которая в качестве альтернативы предлагает не набор индоевропейских слов, группирующихся вокруг данного семантического поля (религиозных функций священного царя), а изолированный ряд этимологий, связывающих друг с другом несколько слов, которые сами по себе недостаточно разъяснены. Заметим также, что теория трех функций Дюмезиля едва ли существенным образом продвигает вперед изучение данной проблемы²⁰.

Согласно предложенным сближениям, данный корень представлен в значительном числе древних диалектов, а его производное в значении ‘священного царя’ — не только в италийско-кельтском и древнеиндийском, но и во фракийском и прототохарском, т. е. в значительном числе диалектных групп

¹⁸ D. L. Sihler. The etymology of PIE **rēg*- ‘King’ etc. // Journal of Indo-European Studies. 1977. Vol. V. № 2—3. P. 221—246.

¹⁹ J. Gonda. Semantisches zu idg. *rēg*- ‘König’ und zur Wurzel *reg*- (sich aus) strecken // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. 1955. Bd. 73. S. 151—167; *Idem*. Ancient Indian kingship from the religious point of view // Numen. 1956. Vol. 3. P. 36—71, 122—155; 1957. Vol. 4. P. 24—58, 127—167.

²⁰ D. Dubuisson. Le roi indo-européen et la synthèse des trois fonctions // Annales. Economie. Sociétés. Civilisations. 1978. 33e année. № 1. P. 21—34.

за вычетом анатолийского. В этом последнем основном хеттском термином является *ḥaššu-* ‘царь’ (: *ḥašša-šara-* ‘царица’, также и в лувийском) < **Hns-u-*, родственное авест. *ahū(-ra-)* ‘господин’; др.-инд. *asu-ra-* ‘бог, дух, высшее существо’; др.-исл. *as-* ‘бог’. От этого анатолийского термина образовано название города ^{uku}*Ḥaššuwa-* (буквально ‘Царский = ‘Царь-град’), известное в древнехеттских текстах наряду с архаическим словосложением *šalla-ḥšua* ‘Велико-царский’, хет. *šall-i-* ‘большой, великий; относящийся ко дворцу’, к типу словосложения с **-o-* > *-a-*, ср. *šall-a-kand-* ‘велико-сердый’. Представляется несомненным, что с хет. *ḥaššuwa-* можно отождествить часто встречающееся в текстах Эблы середины III тыс. до н. э. название города *ha-zu-wa-an-ki* (графический вариант *ha-su-wa-an* ТМ. 25. g. 20526²¹), который признается «центром, более близким к Эблаитской зоне, и в таком случае сравним с ^{uku}*Ḥa-aš-šu-wa-aš* (*hassuw-as*) хеттских источников (вероятная локализация — район Евфрата, к северу от Кархемиша)»²². Кажется несомненным, что в этом топониме уже в середине III тыс. до н. э. засвидетельствовано производное от того индоевропейского названия ‘царя’, которое специфично для анатолийского и отличает его от древнейшего тохарского, отраженного немного позднее в упомянутых прототохарских именах. По этому делению, которое должно было отражать не только языковые, но и социальные различия между группами индоевропейских диалектов и их носителями, прафракийский сближается с прототохарским, праиндоиранским и праиталийско-кельтским. Совсем другую группу на Балканах продолжает фригийский, по одному из названий (обожествляемого) предводителя сближающийся с микенским греческим, о чем уже приходилось писать особо; там же говорилось, однако, и о вероятных тохарских связях этого термина (**wen-₆k-*. Таким образом, данный критерий, разграничивая внутри древних индоевропейских диалектов Балкан две группы, допускает для них обеих связи с тохарским, но не с анатолийским.

1989

Корректурный постскрипtum

Отождествление эблаитского названия города *Ḥaš(š)uwa/Haz(z)uwa* с древнехеттским *Ḥaššuwa*, о котором идет выше речь и по поводу слова-

²¹ П. Фрондзароли. Проблемы Эблаитской фонетики // Древняя Эбла: (Раскопки в Сирии). М., 1985. С 145.

²² П. Фрондзароли. Царское судебное решение из архивов Эблы // Там же. С. 248.

ря Тишлера, становится теперь общепринятым²³. В эблаитском тексте ТМ.75.G.1560 v. VI 14 VI 3 упомянут Бог Хассувы *ḫa-šū-wa-an^{ki}*, что понимают как название медного бога Грозы²⁴.

²³ *A. Tanberg*. Der geographische Horizont der Texte aus Ebla. Untersuchungen zur eblaitischen Toponymie (Münchener Universitätsschriften. Philosophische Fakultät. Altertumskunde und Kulturwissenschaften. Arbeiten zu Text und Sprache im Alten Testament). St. Ottilien, 1994. S. 54, 70; *Вяч. Вс. Иванов*. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из Древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации: Сб. ст. к 75-летию В. И. Сарианиди. М., 2004. С. 47.

²⁴ *F. Pomponio, P. Xella*. Les dieux d'Ebla. Étude analytique des divinités éblaïtes à l'époque des archives royales de IIIe millénaire // *Alter Orient und Altes Testament*. Bd. 245. Münster, 1997. S. 97.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДР.-ГРЕЧ. ἑλέφας 'СЛОНОВАЯ КОСТЬ, СЛОН'*

В результате длительной серии исследований происхождения др.-греч. ἑλέφας 'слоновая кость, слон', недавно подытоженных в подробной историографической монографии К. Валлини¹, наметились две вероятные (и, как мы постараемся показать ниже, с определенными видоизменениями совместимые друг с другом) точки зрения. Согласно первой, изложенной П. Кречмером², это слово восходит к общеиндоевропейской гетероклитической парадигме *lebhy-/ *lbhant-. К той же основе на -nt-, что и др.-греч. ἑλέφας, Кречмер возводил гот. *ulbandus* 'верблюд', имеющее соответствие в балтийских и славянских формах, которые представляют собой, по-видимому, древнее германское заимствование (лит. *velbliūdas*, прусск. *weloblundis*, ст.-слав. **ВѢЛБЪДЪ**, русск. *верблюд* < *vel'bl'udъ и т. п.). В качестве типологической параллели семантическому развитию слова Кречмер ссылаясь на шумер. *AM.SI* 'слон' (*AM.SI.KUR.RA* букв. 'горный', ср. *AN.ŠU.KUR. RA* 'лошадь' = 'горный осел'), 'верблюд' (*AM.SI ĦAR.RA.AN* 'для переездов').

Как представляется, особый интерес в работе Кречмера имеет именно выделение *-nt- (> гот. -nd-) в качестве древнего суффикса, которое по отно-

* Издано в: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья (отдельный оттиск). АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. Ин-т всеобщей истории. Ин-т археологии. М.: Наука, 1984.

¹ *Ch. Vallini*. Gr. ἑλέφας: storia di un'etimologia // *AIQN*. Annali del Seminario di Studi del Mondo Classico. Sezione linguistica. 1/1979. Pisa: Giardini editori e stampatori, 1980 (сокр.: *Annali*). P. 123—186; см. также: *В. В. Иванов*. Рецензия на *Annali* // *Этимология* 1981. М.: Наука, 1983.

² *P. Kretschmer*. Der Name des Elefanten // *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*. 1951. Bd. 88. S. 307—325; *Idem*. Nachträge zum Name des Elefanten // *Ibid.* 1952. Bd. 89. S. 191—193.

шению к др.-греч. ἑλέφας давно было предложено Соссюром в его юношеской работе, где суф. *-nt-* сопоставлялся с функцией причастия³. В настоящее время можно считать установленным, что именной суффикс *-nt-* в индоевропейском имел активное значение, чем и объясняется, с одной стороны, превращение его в суффикс причастия действительного залога (когда этот последний стал противопоставляться медиопассиву), с другой стороны, отражение в хеттском языке (сохранившем древнее противопоставление среднего рода не-среднему — одушевленному или «активному») различия форм имен существительных ср. рода (например, *ḫaštai-* 'кость' как пассивный объект) и образованных от них активных форм одуш. р. на *-ant* (например, *ḫaštiv-ant-s* 'кость' как обозначения субъекта действия переходного глагола⁴).

Здесь следует перейти ко второму возможному объяснению др.-греч. ἑλέφας: его сближению (представляющемуся очевидным) с хет.-лув. *lahpa-* 'слоновая кость'. Уже в первых работах, обсуждавших это сопоставление, предполагалось, что суф. *-nt-* в др.-греч. ἑλέφας может объясняться анатолийским воздействием⁵. В настоящее время сопоставление с хет. *-nt-* представляется возможным подкрепить благодаря уточнению хетто-лувийских форм. Рассмотрим их подробнее.

В архиве Угарита (Рас-Шамры) открыт двуязычный аккадско-хеттский поэтический текст, где обнаруживается соответствие аккад. *[m]akūt šinni quttūtu [š]a ulsa inalât* '(она представляет собой) полированный (букв. 'совершенный, отделанный') столб из слоновой кости (*šinni* букв. 'зуба'); она полна радости' = хет. *la-aḫ-pa-aš-ma-aš kurak-kiš mān zinnanā naš ME.LÁM-az šu[w]anza* 'она же подобна полированному (букв. 'совершенному, отделанно-

³ *F. de Saussure. Le suffixe -T // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. 1877. V. III* (см. также в кн.: *F. de Saussure. Recueil des publications scientifiques. Genève, 1922*).

⁴ См.: *E. Laroche. Un «ergatif» en indo-européen d'Asie Mineure // Bulletin de la Société de linguistique de Paris (сокр.: BSL). 1962. T. 57. F. 1. P. 23—43*; *B. В. Иванов. Общинеоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М.: Наука, 1965. С. 53*; *Cl. Tchekhoff. Le double cas — sujet des inanimés: un archaïsme de la syntaxe hittite // BSL. 1978. T. 73. F. 1. P. 225—241*; *E. Neu. Einige Überlegungen zu den hethitischen Kasusendungen // Hethitisch und Indogermanisch / Hrsg. von E. Neu, W. Meid (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Bd. 25). Innsbruck, 1979 (сокр.: HI). S. 184*; *B. Rozenkranz. Archaismen in Hethitischen // HI. S. 226*; *W. R. Schmalstieg. Indo-European linguistics. A new synthesis. University Park; London, 1980. P. 187*; *B. В. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М.: Наука, 1981. С. 150*.

⁵ *E. Laroche. Le nom hittite de l'ivoire // Revue de philologie et d'histoire anciennes. 1965. V. XXXIX*.

му') столбу⁶ из слоновой кости и она полна сияния' (RS 25.421, 28—29). В этом понимании текста, предложенном Ларошем⁷, в последнее время высказывались сомнения на том основании, что хеттская и аккадская версии поэтического произведения не во всем совпадают⁸. Однако несомненно значение аккад. *šinni* 'слоновой кости' = 'зуба', ср. шумер. KAXUD AM.SI 'зуб = кость слоновая' и хуррит. *-šinibininna* 'слоновой кости'⁹. В цитированной билингве аккад. *šinni* может соответствовать только хет. *lahpaš* (род. п. ед. ч.), поэтому для последнего достоверно устанавливается значение 'слоновая кость' (от основы *lahpa-*). Значение подтверждается и другим поэтическим мифологическим контекстом — хетто-лувийским переводом фрагмента о Солнце и Океане, — входящим в цикл хурритских мифов о Кумарби. В этом фрагменте в строке KUB XXXVI 25 14 встречается сочетание *la-ah-pa-aš ú-nu-wa-an-du* 'слоновой костью (слово с глоссовым клином, вероятно, лувийское) они да украсят' — о столике, на котором один мифологический герой угощает другого¹⁰. Этот фрагмент можно соотнести с многочисленными археологическими данными о столиках из слоновой кости в древнем восточном Средиземноморье, в частности в микенской Греции¹¹, а также в Угарите.

Согласно недавно высказанной гипотезе¹², то же хетто-лувийское слово в написании *lahma-* представлено в нескольких более древних хеттских текстах. В древнехеттском ритуале KBo XVII 43 IV 5—6 (дошедшем в копии, предположительно относимой к среднехеттскому периоду) оно встречается в контексте, где выступает также слово *peri-*, в котором можно было бы видеть древнеближневосточное название слона (аккад. *pīru* ~ *pīllu*, ср. араб. *fil* < **p^hīl-*, заимствовано во многие языки: перс. *pil*, др.-инд. *pīluḥ*, груз. *spili*, слово широко распространилось позднее: оно отражено и в тюркском, и даже в

⁶ Кажется возможным древнее заимствование из хаттского, ср. хат. *kurkup-* 'гвоздь, столбик' (?).

⁷ E. Laroche. Le nom hittite de l'ivoire; Ugaritica V (Mission de Ras-Shamra). P., 1968. P. 772, 773, 775, 777.

⁸ Hittite dictionary by H. Hoffner, H. Güterbock. V. III. Chicago, 1980. P. 12; H. G. Güterbock. Anatolia. 1971. V. 15. P. 1. Note 2.

⁹ Г.-И. Тиль. Хурритский язык. Формальный анализ текста, глоссовый клин и критика текста // Древние языки Малой Азии / Под ред. И. М. Дьяконова, В. В. Иванова. М.: Прогресс, 1980. С. 110, 122, 123.

¹⁰ Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М.: Худ. лит-ра, 1977.

¹¹ В. В. Иванов. Названия слона в языках Евразии // Этимология 1975. М.: Наука, 1977. С. 148—161; Он же. Древние культурные и языковые связи балканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М., 1977 (см. ниже в настоящем томе).

¹² Hittite dictionary by H. Hoffner, H. Güterbock. V. III.

древнеисландском; в афразийском ср. бербер. *lfil* : *ǰállfil*, мн. ч. *idlfil*¹³). Форма, близкая к др.-хет. *peri-*, представлена в аккад. *šenni-pêri* 'слоновая кость'. Судя по хуррит. *Šin-niperuhhe* 'относящийся к слоновой кости'¹⁴, название проникло и в хурритский, где также отдельно засвидетельствовано и *šinni* 'зуб' = 'слоновая кость'¹⁵. Либо непосредственно из аккадского, либо через хурритское и лувийское посредничество (которым могла бы объясняться основа на *-i*) слово проникло и в древнехеттский. В таком случае в строке 5 указанного ритуала сочетание *periš uizzi* предположительно означает 'слон идет'. Это можно понимать буквально, потому что слоны до середины II тыс. до н. э. были известны в Сирии¹⁶, что подтверждается египетскими источниками¹⁷; древнехеттские цари совершали походы в Сирию, откуда, судя по аналам Хаттусилиса I, привозили богатую добычу. К участию животных в царском ритуале можно привести ряд параллелей из древнехеттского.

Не вполне исключается и то, что здесь могла бы идти речь о воспроизведении образа слона участниками ритуала, как в некоторых индийских обрядах, зафиксированных в индийском изобразительном искусстве¹⁸ (ср. в древнехеттских обрядах людей, танцующих, «как леопарды», изображающих волков, и т. п.). Однако первое (буквальное, а не метафорическое) толкование представляется более вероятным из-за продолжения текста (строки 5—6): *⟨...⟩ peran ŠIR-RU la-aḫ-ma-aš paizzi* '⟨...⟩ перед (ним?) поют, слон идет'. Очевидно, *peri-š* 'слон' (слово аккадского или хуррито-лувийского происхождения) и *laḫma-* (хеттское слово?) используются в этом древнехеттском описании праздника в качестве синонимов. Не как название животного, а как название материала — слоновой кости *laḫma* использовано среди перечисляемых изделий из дерева и тканей в списке подношений КВо XXI 87 obv. 4—5 + КВо XX 29 obv. 3 (с дубликатом КВо XXI 30 I 6—8). Для рассматриваемой этимологии особенно важно производное с суф. *-ant-* — *laḫmant-*, встречающееся в архаичном (возможно, древнехеттском, но сохраненном в новохеттской копии) описании праздника KUB II 13 II 34—35: *UGULA*^{LÜ.MEŠ} *MUHALDIM* SAG. DU.^{MEŠ} GÌ[R.^{MEŠ}] *⟨...⟩ la-aḫ-ma-an-du-uš udai* 'старший над поварами (титул, имеющий широкие индоевропейские параллели, ср. старолатинскую посвятельную надпись коллегии поваров; сопоставление важно для выяс-

¹³ E. Destaing. Étude sur le tachelhit du Sous. P., 1920.

¹⁴ E. Laroche. Glossaire de la langue hourrite. Deuxième partie (Revue hittite et asiatique. T. XXXV). P., 1977. P. 235.

¹⁵ Г.-И. Туль. Указ. соч. С. 107—124.

¹⁶ B. Brentjes. Der Elefant in Alten Osten // Klio. 1961. Bd. 39. S. 14.

¹⁷ J. H. Breasted. Ancient records of Egypt. V. II. Chicago, 1906. P. 588.

¹⁸ В. В. Иванов. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976.

нения архаичности текста) приносит подчиненных людей (рабов), кинжалы ⟨...⟩ слоновой кости или слоновую кость (?). Использование формы на *-nt- в функции вин. п. (в данном случае мн. ч.) известно и в других случаях¹⁹ и может быть связано со структурой субъектно-объектных отношений.

Если приведенные толкования хеттских и хетто-лувийских текстов верны, то в таком случае несомненно, что суффикс и значение хет. *lahma-nt-* 'слоновая кость; слон' аналогичны суффиксу и значению др.-греч. ἑλέφας. Возникает вопрос: как объяснить колебания -p-/-m- в хетто-лувийских клинописных передачах слов и как связана фонетическая структура хеттского и лувийского слов с греческой? Следует подчеркнуть, что *lahma-* и *lahma-nt-* встречаются в древнехеттских текстах, тогда как из двух употреблений *lahpa-* одно сопровождается глоссовым клином, делающим правдоподобным лувийский характер формы, а другое засвидетельствовано в Угарите эпохи Новохеттского Царства, где опять-таки возможны лувийские воздействия. Поэтому не исключено соотношение типа хет. *(-h)m-* : лув. *-(h)p-*, которое (как аналогичное хеттское соотношение *-m-* : *-w-*²⁰) может восходить к общеиндоевропейскому, ср. до сих пор не объясненное диалектное индоевропейское различие окончаний периферийных падежей на *-m-* и *-bh-*; древнехеттский, возможно, сохраняет следы форм на *-m-* типа *-š-m-aš* 'вам, им'²¹, *lahhemuš* 'по отношению к походам' (очевидно, от основы *lahha-* 'поход' с архаичным окончанием типа *-imuš*, а не от незасвидетельствованного *lahhema-*²²). На основании написаний типа хат. *lhi-* 'класть': адыг. *лъэ*, где *lh* передает глухой латеральный, можно думать, что посредством группы знаков хет. *-hm-* : лув. *-hp-* передавалась архаичная фонема (или сочетание фонем) типа **^mb^h* (преназализованного), в конечном счете соответствующая греч. *-φ-* < **b^h* в ἑλέφας; (назализация согласных в анатолийском, как гласных в лувийско-ликийском, могла происходить при утрате носового согласного). В таком случае в этих формах *-h-* не следует считать прямым отражением ларингального, и при всей уникальности соотношения др.-греч. ἑλέφας (с греческим развитием начального *é-*) : хет. *lahma-(nt-)* : лув. *lahpa-* можно возвести к праформе, близкой к реконструированной Кречмером: **le/ob^h-(nt)-* ~ **le/o^mb^h-(nt)*. Есть основания думать, что в хеттском в дописьменный период распался древний индоевропейский гетероклитический тип парадигм с основой косвенных падежей на **-nt*²³, ар-

¹⁹ В. В. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. С. 150.

²⁰ Там же. С. 14—18, 22.

²¹ Там же. С. 24, примеч. 9.

²² Вопреки Hittite dictionary by H. Hoffner and H. Güterbock. V. III.

²³ В. В. Иванов. К типологии инфинитива в балканских языках // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков. М.: Наука, 1976. С. 216—230.

хаизм которых удостоверяется внешним сравнением с дравидийским²⁴, где отражен архаичный тип имен неодушевленного класса на *-r*, чередующихся с «инкрементом» *-nt*, ср. также данные внутренней реконструкции глагольных и отглагольных форм на *-r/-nt* в общеиндоевропейском²⁵.

Таким образом, для предложенной Кречмером индоевропейской парадигмы названия слона, верблюда обнаруживаются достаточно серьезные подтверждения в том, что касается архаичности самого типа на *-r/-nt* и реконструкции основы косвенных (активных) падежей на *-nt-*. Что же касается формы им.-вин. п. ед. ч. ср. р. на *-r*, здесь сравнение приведенных форм с лат. *ebur* 'слоновая кость' (при предложенном Кречмером сопоставлении, диссимилиации плавных с *jesur* < **lequr*, др.-инд. *yakṛ-t*, основа гетероклитического типа, при *p ~ *k^w* в германских языках и хет. *l-* в *lišša-* 'печень') может свидетельствовать, казалось бы, в пользу реконструкции Кречмера. Он сам использовал также греческую внутреннюю (народную?) этимологию, соотносящую ἑλέφας с ἑλεφαίροντα 'причиняют вред, вводят в заблуждение, обижают, обманывают'²⁶ ἑξαπατῶντα· βλάπτοντα· ἀδικοῦντα. Этот глагол, в «Теогонии» Гесиода (Th. 330) употребляющийся в контексте, где речь идет о немейском льве, у Гомера в «Одиссее» употреблен в сочетании с ἑλέφας таким образом, что сочетание ἑλέφαντος <...> ἑλεφαίρονται в определенном смысле аналогично такому же употреблению κεράων <...> κραίνουσι²⁷. Эти слова соотносены в том месте, где Пенелопа говорит о двух воротах сна — из слоновой кости и из рога (τ 562 и след.):

δοαὶ γὰρ τε πύλαι ἀμεινῶν εἰσὶν ὀνείρων·
αἱ μὲν γὰρ κεράεσσι τετεύχεται, αἱ δ' ἑλέφαντι·
τον οἱ μὲν κ' ἔλθωσι διὰ πρῆστον ἑλέφαντος,
οἱ ἑλεφαίρονται, ἔπε' ἀκράαντα φέροντες·
οἱ δὲ διὰ ξεστῶν κεράων ἔλθωσι θύραζε,
οἱ ἑ' ἔτμα κραίνουσι, βροτῶν ὅτε κεν τις ἴδῃται.

Присмотримся внимательнее к структуре гомеровского отрывка. Три строки подряд (τ 563—565) кончаются почти одинаково звучащими словами, из которых два первых представляют собой разные падежные словоформы ἑλέφας : ἑλέφαντι — ἑλέφαντος, а третья — φέροντες созвучно одновременно и со второй из этих словоформ и тем самым может свидетельствовать о возмож-

²⁴ В. В. Иванов. Праязыки как объекты описания в издании «Языки мира» // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980.

²⁵ В. В. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. С. 75, 97.

²⁶ А. Goebel. Lexikologus zu Homer und Homeriden. Bd. I. В., 1878. S. 350; H. Diels. Elementum. В., 1899. S. 84.

²⁷ Ch. Vallini. Op. cit. P. 126.

ном оживлении в гомеровском мифопоэтическом сознании связи -ντ- в основе ἑλέφαντ- с причастным -ντ-, например в φέρο-ντ-ες, и с непосредственно следующей за этой второй словоформой и предшествующей φέροντες в той же строке τ 565 в конце синтаксического отрывка глагольной формой ἐλεφαίρονται. Созвучие -ντ- трижды повторяется в строке τ 565, фонема ρ — четырежды, φ — дважды.

οἱ ῥ' ἐλεφαίρονται, ἔπε' ἀκράαντα φέροντες.

Не подлежит сомнению, что строка анаграмматически варьирует фонемы глагольной формы, которые вместе с тем перекликаются и со звуковым составом форм ἑλέφαντος — ἑλέφαντι в концах двух предшествующих строк, причем последовательности ἑλέφαντος — ἐλεφαίρονται предшествует и сходное начало ἔλθωσι. Но при бесспорности изоощренной анаграмматической структуры всего отрывка нельзя утверждать, что из этого гомеровского текста следует предполагаемая Кречмером этимологическая связь ἑλέφας : ἐλεφαίρομαι²⁸.

Основной трудностью при рассмотрении форм типа лат. *ebur* является несомненная вероятность их связей, с одной стороны, с др.-инд. *ibha-*, с другой — с егип. **))#bw** (копт. *εβου, εβω, εβρος*²⁹) 'слон', *irb))#* 'носорог', др.-евр. (*šen-*)*hab-bīm* (к первой половине сложения ср. аккад. *šenni-piri* 'зуб слона = слоновая кость'), общеафразийский характер которых иногда предполагается на основании сближения с котоко **AR(1)PA* 'слон', кушит. **AR(1)B* (с фонетической, но не семантической стороны особенно показательно др.-егип. *irb))#*). При предположении изменения *r- > l-* в начальном слоге, вероятном в греческом и хетто-лувийском, где начальное *r-* вообще отсутствует (ср. также чередование *-l-/r-* в аккад. *rīru, rīlu?*), последние афразийские формы достаточно близки и к др.-греч. ἑλέφας, хет.-лув. *lahpa-, lahma-(nt)-*. Поэтому наряду с гипотезой Кречмера об общеиндоевропейском источнике ἑλέφας (а возможно, и параллельно с этой гипотезой или даже совместно с ней) следует рассмотреть вопрос об отношении между формами индоевропейских диалектов (возможно, даже и общеиндоевропейскими или диалектными индоевропейскими) и афразийских языков (быть может, восходящих хотя бы частично к общеафразийскому). Соотнесение их на (западно)ностратическом уровне исключается как ввиду отсутствия параллелей в других группах (дравидийские названия слона отличны от приведенных), так и ввиду очень больших фонетических трудностей. Остаются две возможности заимствования: из афразийских языков в общеиндоевропейский (в этом случае реконструкция типа той, которая была предложена Кречмером, остается в силе; ср., например,

²⁸ Там же. С. 126, 127, 171, 172.

²⁹ E. A. Budge. An Egyptian hieroglyphic dictionary. L., 1920. P. 4.

включение в хеттском языке древнего миграционного названия дома, егип. *pr* 'дом', в гетероклитическую парадигму: др.-хет. им.-вин.-мест. п. ср. р. *pir*, род. п. *parn-aš* 'дома') или же в отдельные диалекты — в анатолийский (хеттский и лувийский) и древнегреческий. Поскольку слоны до II тыс. до н. э. водились в Сирии к югу от Таврских гор, источником заимствования могли быть афразийские (прежде всего семитские) языки, на которых говорили к тому времени в Сирии. О реальности анатолийско-семитских связей III тыс. до н. э. говорит значительное число названий типа лув. *ziti*, хет.-лув. *Ḫašuwā* в документах архива Эблы³⁰, о древних дописьменных греческо-семитских связях — значительное число семитских заимствований уже в микенском греческом середины II тыс. до н. э.³¹, где представлено уже и ἑλέφας в формах им. п. ед. ч. *e-re-pa*, род. п. *e-re-pa-to*, дат.-твор. п. *e-re-pa-to* и в производном прилагательном *e-re-pa-te-jo*. Следует при этом иметь в виду, что в гомеровском греческом, в частности в «Илиаде», сохраняются отчетливые следы привязывания ἑλέφας (и самого материала — слоновой кости, обозначаемой этим словом) к малоазийским областям³² Мэонии, Карию, Пафлагонию (E 583 — о царе Пафлагонии Пилемене и Мидоне: ἡνιάλεῦν' ἑλέφαντι), ср. в Δ 141:

᾽Ως δ' ὅτε τίς τ' ἑλέφαντα γυνὴ φοίνικι μίγην
Μηονίς ἢε Κάρια, παρ' ἰόν ἔμμεναι ἵππων.

В позднейшей античной традиции использование слоновой кости в мифологических сюжетах связано с такими уроженцами Малой Азии и сопредельных областей, как Пелоп и Пигмалион (царь Кипра). Однако едва ли можно из этого делать вывод о негреческом характере слова и предмета. Если, как это представляется возможным, греки были в Малой Азии до расселения их по островам Эгейского моря и Греции³³, то в таком случае они принесли с собой это название из областей, непосредственно примыкающих к Сирии (вспомним хотя бы о существовании микенского греческого квартала в Угарите). Существенно, что образцы слоновой кости, найденной на Крите, относятся к разновидности индийского типа³⁴, что можно связать и с возможной принадлежностью южносирийского (евфратского) слона к тому же типу³⁵. К

³⁰ G. Pettinato. (in collaborazione con A. Alberti). Catalogo dei testi cuneiformi di Tell Markdikh-Ebla. Napoli, 1979.

³¹ E. Masson. Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en grec. P., 1967.

³² Ch. Vallini. Op. cit. P. 126—128.

³³ Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. II. Тбилиси, 1982.

³⁴ L. A. Stella, O. Carruba. La civiltà micenea nei documenti contemporanei. Roma, 1965. P. 199.

³⁵ Ch. Vallini. Op. cit. P. 147. Примеч. 70.

более позднему времени относятся обозначения слоновой кости как «индийской» в латинской традиции³⁶: *indum* 'слоновая кость' у Вергилия (*Aen.* 12, 67), Петрония (135, 8); *indicum* 'слоновая кость' у Горация (*Hor. Odi* I, 31, 6); *indicum cornu* 'слоновая кость = индийский рог' у Тита Ливия (38, 14, 2), у Марциала (1, 72, 4), обозначение, широко распространенное в античности³⁷, ср. *cornua elephanti* 'рога слона' у Варрона и Плиния, др.-евр. *qarnōt šēn* (Кн. Иез. 27, 15), букв. 'рога зуба' при типологически сходном обозначении бивней мамонта как 'рогов' в языках Сибири³⁸. Лат. *indus* обозначало 'погонщик слонов'. Но эти позднейшие языковые указания на связь представлений римлян о слонах с Индией (как и с Эфиопией, судя по известному месту у Ювенала) относятся ко времени, когда южносирийские (евфратские) слоны давно уже перестали существовать. Между тем ранняя история греч. ἑλέφας объясняется именно отношениями той значительно более древней эпохи. Более того, если принять обсуждаемую гипотезу Кречмера и предположить, что значение 'слон' в общеиндоевропейском (хотя, как показывает все вышеизложенное, возможно, некогда и заимствованном из афразийского) источнике ἑλέφας было первоначальным, а значение 'верблюд' в родственном германском слове возникло позднее, то в этом можно было бы видеть еще одно языковое свидетельство миграций носителей празападноиндоевропейских диалектов через среднеазиатские степи (где они и могли познакомиться с верблюдами) из Передней Азии, в которой в период обитания в ней носителей общеиндоевропейского языка еще водились слоны.

1984

Постскриптум

Афразийский источник слова предположен в последнем разделе следующей статьи. Несколько позднее известный специалист по античности М. Уэст вернулся к старой гипотезе, предполагающей происхождение из семитского (*M. West. Elephant // Glotta. Bd. LXX. 1992. 3—4 Heft. P. 125—128*): из **alap* **Ḥanē* 'бык (большое животное страны Хану)' (народ, живший на Евфрате).

³⁶ Там же. С. 131, Примеч. 21 bis.

³⁷ Там же. С. 135, 170.

³⁸ *V. V. Ivanov. [B. B. Иванов.] The structure of the Ket myth of the «dénicheur des aiglons» and its American Indian parallels (Working Paper). Urbino, 1978.*

НАЗВАНИЯ СЛОНА В ЯЗЫКАХ ЕВРАЗИИ.

1—3 *

1. Русск. *индрик*, *индер*

Фольклорное русское наименование сказочного животного *Индрик-Зверь* нельзя считать достаточно разъясненным. Давно уже предложенное объяснение этого слова и его вариантов (*Вындрик*, *Индрок*, *Индрия*, *Индра*) как результата трансформации др.-русск. *инърогъ*, *инорог* 'единорог'¹ (калька греч. *μονόκερως*, ср. аналогичные кальки типа лат. *unicornis* в литературных западноевропейских языках) не кажется убедительным как ввиду фонетических и словообразовательных трудностей, так и потому, что эта гипотеза не учитывает особенностей семантики этого слова. По поводу девичьей фамилии бабушки героя «Подвига» *Индрикова*, образованной от *индрик*, Набоков писал: «Девичья фамилия бабки, волшебным происхождением разнясь от Волковых, Куницыных, Белкиных, относилась к русской сказочной фауне. Дивные звери рыскали некогда на нашей земле» («Подвиг»). Среди этих дивных зверей Индрик-Зверь был главным действующим лицом: он был матерью всех зверей (по Голубиной книге), что заставляет сразу же предположить наличие влияний тех евразийских мифологий (типа сибирских), для которых (в отличие, в частности, от всех древних индоевропейских традиций, в том числе и древне-

* Издано: Этимология 1975. М., 1977.

¹ *Фасмер* П. С. 132. О. Н. Трубачев указал автору на возможность возведения русск. *Индрик-Зверь* как «полукальки» к греч. *Ἰνδρικοθήριον*, ср. К. Индикоплов при греч. *Ἰνδικοπλέυστης*. Но это последнее восстанавливается только на основе современного палеонтологического термина типа русск. *индрикотерий* (название вымершего носорога). Термин же этот является поздним книжным образованием.

славянской) характерно наличие Матери (хозяйки) зверей. Но особенно существенно то, что у Индрика-Зверя голова и хвост коня, а тело рыбы²: Индрия-Зверь водный (Азбуковник, изданный Сахаровым). Первое обстоятельство несовместимо с прямым возведением имени этого животного к названию единорога. Вместе с тем эта его характеристика позволяет четко очертить круг мифологических источников, из которых могло быть почерпнуто подобное представление. Фантастическое животное, у которого рыбы плавники сочетаются с головой и ногами млекопитающих животных (чаще всего слона, но иногда тапира, носорога и других копытных), в высшей степени показательно для поверий (отраженных и в изобразительном искусстве) Индии и стран индийской культуры (в том числе и для таких областей Средней Азии, как древний Пянджикент). Обычно это животное обозначается санскритским термином *makara* 'макара, морское животное, морское чудище, крокодил, акула, дельфин' и производными от него словами³. Фантастические живот-

² См.: В. Ф. Миллер. О лютом звере народных песен древности // Труды Московского археологического общества. Т. VII. Вып. 1. М., 1877. С. 3 и сл.; Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899. С. 182. — О волшебных славянских средневековых bestiариях, в которых Индрик отсутствует, но отчасти сходную функцию царя всех зверей исполнял исследованный Веселовским Китоврас, см.: Н. Баталин. Сказание об Индейском царстве // Филологические записки. Г. 13. Воронеж, 1874. С. 34 и сл.

³ О первоначальном значении древнеиндийского слова *makara* и характере соответствующего ему образа и изображений ср.: Ph. Vogel. Errors in Sanskrit dictionaries // BSOAS. 1957. Vol. XX. P. 561—562; Он же. Le makara dans la sculpture de l'Inde // Revue des Arts Asiatiques. Vol. VI. Paris, 1929—1930. № 3. P. 133—143 (в частности, о копытных макарах с. 136—137), № 14—17, 21; O. Viennot. Typologie du makara et essai de chronologie // Arts asiatiques. Vol. I. Paris, 1954. Fasc. 3; см. о копытных макарах табл. VII, № 6—9, с. 189 и сл.; Idem // Arts asiatiques. Vol. V. 1958. Fasc. 3; D. K. Bosch. The Golden germ. The Hague; Paris, 1960. P. 21—22; А. М. Беленицкий. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись Пянджикента. М., 1954. С. 73—77. Табл. XXXI—XXXII; Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин. Хотанские древности. Л., 1960. С. 107. № 1613, 1614; Е. С. Семека. Опыт типологического истолкования некоторых символов раннего цейлонского буддизма // IV сессия по Древнему Востоку: Тезисы докладов. М., 1968; B. D. Robins, K. F. Bussabarker. The Makara, a mythical monster from India // Archeology. 23. № 1. New York, 1970. P. 38—43. Ср. также о сложных композициях, включающих макару и сходных образах в искусстве Юго-Восточной Азии: G. de Coral-Remusat. Influences javanaises dans l'art de Roluo#h (IX siècle) et l'influence de l'art de Roluo#h sur le temple de Bantañ Srëi (fin de Xe siècle) // Journal asiatique. 1933. P. 190—192; Idem. Concerning some Indian influences in Khmer Arts // Indian Art and Letters. Vol. VII. Delhi, 1933. P. 110 и сл.; Idem. Animaux fantastiques de l'Indochine, de l'Insulinde et de la Chine // Conférence faite au Musée Louis Fingt le 27 janv. 1936. Bulletin de

ные такого типа, соединяющие черты рыбы и копытного животного, встречаются и в более ранних памятниках культуры народов, испытавших воздействие древнепереднеазиатских культурных традиций: так, для типологии черт, объединяемых в образе Индрика, могут представить особый интерес доэллинистические этрусские изображения коней с рыбьими хвостами⁴. Общую культурно-историческую типологию подобных фантастических «комбинированных» животных-драконов наметил В. Я. Пропп, указавший, что они характерны для мифологии и искусства древних государств: Египта, Вавилона, Индии, Греции, Китая, где дракон обычно состоит из двух, трех, четырех и более животных, чаще всего пресмыкающегося и птицы, но иногда и других животных (пантеры, льва, козла и т. д.)⁵. Наиболее ранние образцы таких комбинированных существ представлены уже в искусстве Верхнего Палеолита, в частности, в известной фигуре «Колдуна» из Труа-Фрер с ногами и головой человека, хвостом лошади, лапами медведя, «бородой» серны, лицом и клювом совы, глазами волка, рогами и ушами оленя⁶. Помимо случаев присоединения звериных (зооморфных) атрибутов к человеческой фигуре в графике Верхнего Палеолита обнаруживаются и другие комбинированные изображения, включающие разных животных, в том числе лошадь. Анализ этих наиболее архаичных комбинированных животных привел крупнейшего исследователя первобытного искусства А. Леруа-Гурана к выводу, что в них обычно соединяются символы, которые служат для передачи близких или поллярных (синонимических или антонимических) значений⁷. Этот вывод представляется верным и по отношению к хронологически более поздним, но по

l'École Française d'Extrême Orient. T. XXXVI. Hanoi, 1937. P. 428; *M. Hallade*. Arts de l'Asie anciennes, thèmes et motifs. II. L'Asie du Sud-Est. Paris, 1924. Tabl. XXIV, 254, 257, 259; XXXIII, 327, 328, 334; XXXVI, 364; *S. B. Deo*. A note on the «Makarika» ornament // Journal of the Oriental Institute M. S. University of Baroda. Vol. XVI. № 2. Baroda, 1968. P. 164—165.

⁴ *G. A. Mansuelli*. Le sens architectural dans les peintures des tombes tarquiniennes, avant l'époque Hellenistique // Revue archeologique. Paris, 1967. Fasc. I. P. 41—74. Многочисленные примеры более поздних переднеазиатских комбинированных фантастических изображений этого типа, см.: *E. Baer*. «Fish-Pond». Ornaments on Persian and Mamluk metal vessels // BSOAS. Vol. XXXI. 1968. Pt. 1. P. 14—27.

⁵ *В. Я. Пропп*. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 226.

⁶ *Б. А. Фролов*. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974. С. 89 (там же о роли числа разных видов, объединяемых воедино) и 221, табл. 48, 6. — Замечание Б. А. Фирсова об отсутствии аналогий «межвидовым» комбинированным комплектам и неизученности этой проблемы не учитывает цитируемой ниже работы А. Леруа-Гурана.

⁷ *A. Leroi-Gourhan*. Le geste et la parole. La memoire et les rythmes. Paris, 1965. P. 247—251 (и p. 151—153).

типу архаическим комбинированным мифологическим животным типа индийской Макары и русск. Индрик-Зверя. Они либо обозначают комбинацию зооморфных символов разных мифологических миров, например, коня — символ среднего мира⁸ и рыбы — символ нижнего мира, либо сочетание зооморфных символов одного мира. Первый случай (комбинация антонимических зооморфных символов) представлен в сочетании коня и рыбы в образе Индрика, причем исполняемая им функция Матери всех зверей согласуется с представлением его как комбинированного животного, объединяющего черты животных среднего и нижнего миров. Второй случай (сочетание синонимических зооморфных символов) представлен в тех образах макары, где объединяются символы рыбы и слона, которые оба понимались как животные нижнего (водного) мира, ср. характерную для древнеиндийского языка многозначность слова *nāga* 'слон-змея'. Соответствующее мифологическое представление о слоне-змее как водном животном не ограничено пределами влияния области индийской культуры, а является общеевразийским. В частности, этим объясняется то, что финские названия *norsu* 'слон' и *norsunluu* 'слоновая кость' связаны с *mursu* 'морж'⁹. Почти все атрибуты слона как мифологического водного и подземного животного нижнего мира встречаются и у Индрика, которого (как и слонов индийской мифологии) считали причиной землетрясений; о нем сообщается, что он живет под землей, с его огромным рогом связывали происхождение рек и колодцев. То, что рассказывают об Индрикe, согласуется и с теми поверьями сибирских народов, в которых в качестве подобного змееобразного животного нижнего (водного) мира выступает не слон, а мамонт. По поверьям ханты, манси, кетов, югов (сымских кетов), селькупов, эвенков, мамонт, подобный лосю или быку, живет под землей в нижнем, водном мире. Согласно эвенкской мифологии, мамонт, живущий в море, представляет собой огромную рогатую полурыбу, полузмея с головой сохатого и туловищем рыбы¹⁰. Сходные представления отражены и в

⁸ Более подробно об этом и других подобных зооморфных символах см.: В. В. Иванов. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva-* 'конь' (Култ коня и дерево *aśvattha* в Древней Индии) // Проблемы истории и культуры народов Индии: Сб. ст. памяти В. С. Воробьева-Десятовского. М., 1974.

⁹ V. Kiparsky. L'histoire du morse // *Annales Academiae Scientiarum Fennicae*. Ser. B. T. 73, 3. Helsinki, 1952.

¹⁰ С. В. Иванов. Мамонт в искусстве народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. IX. М.; Л., 1949. С. 133—134; *Он же*. Скульптура народов Севера Сибири XIX—первой половины XX в. Л., 1970. С. 229—231, рис. 38, 5, с. 157—158, рис. 139—140, с. 103, рис. 92.4. — в связи с вопросом об Индрикe этих сибирских представлений коснулся уже: В. Ф. Миллер. Указ. соч. С. 6.

кетском мифе, где речь идет о 'рогах' (R#o-η) — бивнях мамонта (*t'ēl'*), подобного киту или акуле¹¹. Мамонт изображается в этом мифе как огромная рыба, чьи рога примерзают зимой ко льду (ко дну моря — нижнего мира). По данным О. В. Тыгановой, записанным Г. К. Вернером, который любезно сообщил их автору, кетское сложное слово *qôt-tel'* (буквально 'мамонт-щука', ср. селькуп. *кощар тиччи* с тем же значением) означает 'животное, о котором поют шаманы; крокодил' (вне этого сложения слово *tel'* 'мамонт' в простом тексте мифа та же информантка переводила 'акула', что записавший это значение покойный А. П. Дульзон в письме к автору объяснял наличием у Тыгановой школьного образования). Любопытно, что 'крокодил' и 'акула' представляют собой обычные переводные эквиваленты санскритского *takara*, служащего названием сходного комбинированного мифологического животного нижнего мира.

Приведенные данные древнеиндийской и сибирских мифологических систем позволяют понять и несомненную связь русск. Индрик-Зверя с *индер* 'мамонт в виде змея'¹². Поскольку «мамонт» и «слон» оказываются взаимозаменяемыми мифологическими образами сказочных животных нижнего (водного) мира, в свете указанных фактов кажется возможным искать в общих мифологических русских терминах отражение старого обозначения одного из этих животных (а не единорога). Такое обозначение могло бы быть либо заимствовано из индоарийских языков, либо вторично переосмыслено (в случае если непосредственный источник следует искать в греческом) в связи с Индрой, так как санскр. *Indra* означало бога, чьим священным животным — ваханой (др.-инд. *vāhana* 'животное, на котором ездит соответствующее божество', родственно месопотам. арийск. *yašanna-* 'стадион', согд. *wzn* 'дорога' в *'nhr-wzn'* 'круг Зодиака, дорога звезд'¹³) был слон. Связь бога гро-

¹¹ А. П. Дульзон. Кетские сказки и другие тексты // Кетский сборник. Мифология. Этнография. Тексты. М., 1969. № 57; В. В. Иванов. Восстановление первоначального текста кетского мифа о разорителе орлиных гнезд // Материалы Всесоюзного Симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1 (5). Тарту, 1974. С. 56—57. — Из типологических параллелей ср. выражение 'рог слона' в значении 'слоновая кость' в древней Эфиопии: E. Littmann. Indien und Abissinien // Beitrage zur Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte Indiens. Festgabe Hermann Jacobi zum 75. Geburtstag. Bonn, 1926. S. 414.

¹² Г. Н. Потанин. Указ. соч. С. 300. К отвергнутому Афанасьевым предположению о связи названия *Индрика* (*Индры-Зверя*) с именем бога Индры ср.: В. Ф. Миллер. Указ. соч. С. 3.

¹³ E. Benveniste. Hittite et indo-europeen. Paris, 1962. С. 9; V. V. Ivanov. Aryen du Mitanni *aika(-)vartanna* et védique *ekav t-* // Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste. (Collection linguistique publiée par la Société de linguistique de Paris. LXX). Paris, 1975. P. 287—288. — Первичность значения 'стадион, дорога' в этом индои-

зы Индры со слоном запечатлена, начиная с пуранической литературы, где в разговоре Кришны с царем Нандой в «Брахмавайварте-пуране» (XXI, 102, 117) говорится о слоне, поднимающем хоботом воду из моря и передающем ее облакам, и вплоть до поэмы «Облако-вестник» («Meghadhūta») Калидасы, где речь идет о слоненке-облаке, помощнике бога Индры, изливающим воду вниз и вновь напивающемся из источников¹⁴. Вахана Индры — слон Айравата (др.-инд. *Airāvata* ‘слон, змей, радуга’, возможно, родственно корню хет. *il-luḷanka-* ‘дракон, демон, змей’¹⁵) изображается изливающим поток дождя на землю на восточном фронте храма I Бантеай Срей (X в. н. э.)¹⁶. Слон Айравата считался прародителем слонов и главой мировых слонов. Если принять предположение о том, что слова *Индрик*, *индер* заимствованы из индоарийских языков, то суффикс *-ик* в *Индрике*, вызывавший недоумение исследователей, можно было бы связать с частым суффиксом *-ika* в таких словах, как санскр. *makar-ika* ‘включающий макару’ (орнамент) от *makara* ‘макара’. Подобные образования на *-ka* (ср. вариант *Индрок*) в древнеиндийском часто выступают в качестве названий животных или зооморфных существ: *aśvaka* ‘лошадка’, ‘нечто напоминающее лошадь’; *śaśaka* ‘заяц’; *jambuka-* ‘шакал’, ср. также производные типа *mātṛka-* ‘материнское существо’¹⁷ и т. п. Исходными в равной степени могли быть формы **indrik(a)-* и **indrak(a)-* (хотя предполагавшееся в связи с традиционной этимологией наличие сложения с русским названием «рога» или позднейшее народно-этимологическое установление связи с такими сложениями и получило бы типологическое подкрепление в приведенных поверьях о «рогах» мамонта, оно не кажется фонетически вероятным). Относительно поздняя дата заимствования удостоверяется судьбой начального сочетания гласного с носовым (ср. как пример древнего

ранском слове (родственном др.-англ. *wæ(g)n* ‘повозка’, нем. *Wagen* и т. п.) вытекает из того, что в ведах ваханы еще не представлены, см.: *J. Gonda. Change and continuity in Indian religion. The Hague, 1965. P. 71—114.*

¹⁴ Соответствующее мифологическое представление могло иметь и некоторые реальные основания, ср. о «Слоновых колодцах» в Кении: *D. Holman. The Elephant people. London, 1967. P. 19.*

¹⁵ См. об этом и других возможных этимологических объяснениях: *В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 134 и сл., ср. там же, с. 84.*

¹⁶ *А. Маршалль. Ангкор. М., 1968. С. 121; H. G. Franz. Hinduistische und islamische Kunst Indiens. Leipzig, 1967. S. 265; O. Viennot. Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. Paris, 1954. P. 153. Об Индре и Айравате ср. также: С. Л. Невелева. Мифология древнеиндийского эпоса (Пантеон). М., 1975. С. 65.*

¹⁷ Ср.: *A. Thumb — R. Hauschild. Handbuch des Sanskrit. Т. II. Formenlehre. Heidelberg, 1959. S. 43—44; J. Wackernagel, A. Debrunner. Altindische Grammatik. Bd. II. 2. § 44 и сл.; 194 и сл.; 360 и сл.; P. Hartmann. Nominale Ausdrucksweise. S. 31 и сл.*

слова той же исходной структуры праславянское *jědr-*, возможно, исконно родственное имени Индры¹⁸) и отсутствием параллелей в других славянских языках. Поэтому кажется возможным соотнести хронологически это заимствование, засвидетельствованное в Голубиной книге, с отмеченными именно в этом памятнике русской литературы, как и в некоторых других явлениях старой русской культуры, индийскими влияниями¹⁹.

2. Этимология русск. *слон*

Воздействие индийских и других восточных представлений о сказочном змее-слоне, возможно, контаминировавшееся с общеевропейским (в частности, общесибирским) мифологическим образом змея-мамонта, представляется возможным видеть и по отношению к характерному для восточнославянского фольклора образу Змея²⁰ с несколькими хоботами²¹. С общесибирским образом мамонта как огромного лося-сохатого сближается и представление, отраженное в сочетании «Жили слоны сохатня»²². По фольклорным речениям «Слон — сущее чудище»²³.

Типологическое сходство восточнославянского фольклорного образа чудовищного слона-лося (близкого к Змею с хоботом) и общесибирского мифо-

¹⁸ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Указ. соч. С. 190—191.

¹⁹ В. Н. Топоров. Дхаммапада и буддийская литература // Дхаммапада. М., 1960. С. 9. Ср. также: Н. Баталин. Указ. соч.; Н. В. Водовозов. Былина Кирши Данилова о Волхе и древние русско-индийские отношения // Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской лит-ры. XIV. М.; Л., 1958. С. 212—216.

²⁰ Б. Н. Путилов. Русские и южнославянские эпические песни о змеборстве // Русский фольклор. XV. Исторические связи в славянском фольклоре. М.; Л., 1968. С. 29; ср.: Б. Н. Путилов. Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971.

²¹ А. И. Никифоров. Победитель Змея (из севернорусских сказок) // Советский фольклор. 1936. № 4—5, сказка 7. Ср.: В. Новиков. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974. С. 181, см. там же, с. 192 о Змее в свете изложенного выше типологического вывода В. Я. Проппа о животных; Сказки и предания Самарского Края, собранные и записаны Д. Н. Садовниковым // Записки Русского Географического общества по Отделению этнографии. Т. XII. СПб., 1884. Сказка 1; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. II. М.; Л., 1951. С. 57; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1909. № 24.

²² Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938.

²³ Даль² IV. С. 612. — В том же плане может представить интерес и подпись под старинным русским лубком, изображающим слона, из собрания Д. Ровинского, см.: Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский. Кн. I—V. СПб., 1881. — К евразийским представлениям о чудесном олене-лосе ср.: Г. Г. Шаповалова. Севернорусская легенда об олене // Фольклор и этнография русского Севера. Л., 1973.

логического представления о мамонте-лосе заставляет отнестись с вниманием к недавно предложенному сближению русск. *слон* с сибирскими названиями мамонта. Однако в том виде, в каком эта гипотеза сформулирована Г. Е. Корниловым²⁴, она неприемлема: предположение заимствования (очевидно, достаточно позднего) через болгарско-чувашикий в русский оставляет неразъясненными формы других славянских языков (польск. *ślón*, ср. др.-польск. *wsłón*, чеш. *slon*, словц. *slon*, в.-луж. *slón*, н.-луж. *slon*, словен. *slòn*, болг. *слон*), указывающие на более раннюю дату заимствования. Кроме того, поскольку варианты чуваш. *слун*, *слон* явно заимствованы из русского, представляется, что и форма *сáлан* являлась вторичным результатом преобразования начального сочетания *сл-*, чуждого чувашскому языку, поэтому отпадает и объяснение второй половины слова (*сáл-ан*) на почве чувашского (из *анг* 'зверь' или аффикса причастия). В более раннем чувашском языке в том же значении (слон) использовался переднеазиатский миграционный термин *пил*²⁵.

Г. Е. Корнилов ошибочно указывает кетскую форму названия мамонта, которая ему представляется близкой к чувашскому. В кетском языке это слово представлено в приведенной выше форме *tél'*, тогда как быть может отдаленно родственное ему (и другим сибирским названиям мамонта типа эвенк. *сэли* 'рога мамонта' в якутизированных говорах при обычном *хэли*, ср. якут. *хэли* ~ *сели*²⁶) кетское слово *śel'* < **seli* (курейск. бакланих. ⁴*se: l'i*) имеет значение 'олень'. Различие между анлаутами и конечными плавными двух этих слов должно быть возведено к достаточно древнему периоду, как показывает сравнение с югск. (сымско-кетск.) ⁴*se^h:r* 'олень': ¹*čel* 'мамонт'. Фарингализованный 4-й тон в югском (сымск.-кетском) в данном случае можно связать с исчезновением гласного второго слога и превращением слова в моносиллабическое²⁷; следовательно, как исходное (с учетом обычного для юг-

²⁴ Г. В. Корнилов. Алтайские параллели к чувашским названиям оленя, верблюда и слона // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971. С. 211.

²⁵ Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1955. С. 140; В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 160. — Связь с этим миграционным термином (в анлауте которого начальное *s-* выступает в грузинском) славянского названия слона, предполагавшаяся К. Оштиром (К. Oštir. Slav. *slonъ* 'Elephant' // Slavia. VI. 1. 1927. S. 17), не представляется доказуемой.

²⁶ Г. М. Василевич. Языковые данные по термину *хэл* ~ *кэл* // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XI. М.; Л., 1949. С. 154—155.

²⁷ Ср. о типологических параллелях такому развитию в енисейских языках (в частности, в ливском и тви): В. В. Иванов. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными и фарингализованными тонами // Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975. — Автор признателен Г. К. Вернеру за сообщенные им в письмах акцентуационные и семантические данные о приводимых кетских и югских словах.

ского перехода $l' > -r$) восстанавливается общеенис. **se:l'i* 'олень', фонетически совпадающее с диалектным эвенкским *сэли* и якутским *сели* 'рога мамонта'. Семантическая связь между названием оленя и рогов мамонта может объясняться описанными выше общесибирскими мифологическими представлениями. Поэтому по семантическим причинам вероятна и связь общеенис. **se:l'i* и **te:l* (откуда кетск. *tel'*, югск. *čel* с фонологическим развитием, предполагающим отсутствие конечного **-i*), хотя происхождение различных анлаутов остается неясным и, скорее всего, должно объясняться древними табуистическими преобразованиями. Но для славянского не может быть исходной именно кетская форма названия мамонта. Тем не менее в принципе наличие центральноазиатских источников для названия слона кажется возможным как по указанным данным сравнительной мифологии, так и ввиду наличия недавно открытых изображений слона-номадикуса в Западной Монголии²⁸. Якутский и тунгусо-маньчжурский варианты слова с начальным *x* могут послужить аргументами в пользу связи с этим миграционным термином и таких сибирских названий мамонта, как нганасан. *калайа*, юкагир. *кол-гул* 'мамонт' и ряда других форм с начальным *k*, сопоставленных с приведенными словами Г. М. Василевич²⁹. Поэтому при допущении табуистических замен начального согласного представляется возможным и предложенное Р. О. Якобсоном сопоставление слав. *slon(ъ)* с тохарским названием слона³⁰, которое в этом случае представляет собой одно из недостающих промежуточных звеньев между центральноевразийскими и сибирскими формами этого миграционного термина.

Тох. А *oñkalām*, В (куч.) *oñkolmo* 'слон' Сепир с точки зрения внутренней структуры сравнивал с тибет. Класс. *glan* 'слон', 'бык'³¹. Наибольший инте-

²⁸ А. П. Окладников. Центральноазиатский очаг первобытного искусства (Пещерные росписи Хойт-Цэнкерагуй (Сэнгри-Агуй), Западная Монголия). Новосибирск, 1972. С. 37—38. Ср. о хронологическом несовпадении датировок исчезновения слонов и времени их наскальных изображений: H. G. Bandi. Eiszeitkunst und Zoologie // *Anthropos*. Vol. 63—64. Wien, 1968—1969. О многократно обсуждавшейся сходной проблеме по отношению к древнему искусству Нового Света см. уже: W. Stempell. Die Tierbilder der Mayainschriften // *Zeitschrift für Ethnologie*. 40 Jg. Hft. V. Berlin, 1908. S. 716—719. Археологические данные о слоне и мамонте в Евразии см.: R. Berger, H. Protsch. The domestication of plants and animals in Europe and the Near East // *Orientalia*. n. s. Vol. 42. 1973. F. 1—2.

²⁹ Г. М. Василевич. Указ. соч. С. 155—156.

³⁰ R. Jakobson. Selected Writings. Vol. II. The Hague; Paris, 1971. P. 643 (впервые опубликовано в 1959 г.; тохарская форма приведена неточно). Ср. о возможном сближении с тибетским: В. В. Иванов. Тибетские кальки в тохарских текстах // Краткие сообщения Ин-та народов Азии АН СССР. VII: Сб. памяти Ю. Н. Периха. М., 1961. С. 36.

³¹ E. Sapir. Tibetan influence on Tocharian // Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality / Ed. by D. Mandelbaum. Berkeley; Angeles, 1951 (сра-

рес для выяснения истоков общеслав. **slon*(ъ) представляют родственные этому тибетскому слову архаические кит. **sdaŋ*, бирм. *s^haŋ* < **slaŋ*³², по своей морфологической структуре аналогичные таким названиям животных, как древнеписьмен. тибет. **mraŋ* > *rmaŋ* ‘конь’³³, др.-бирм. *mraŋ*, др.-кит. *mra*³⁴ < **mraŋ* (при алтайских соответствиях и индоевропейских и дравидских формах того же миграционного слова, предполагающих основу **mor-*). По-видимому, форма типа кит. **sdaŋ*, бирм. **slaŋ* послужила (возможно, через промежуточные центральноазиатские формы, еще не выявленные) исходной для славянской, тогда как формы типа тиб. *g(a)laŋ* могли бы быть связаны с приведенными общесибирскими названиями мамонта-лося. Очевидно, к другому варианту того же миграционного термина с анлаутом типа **k’l-* > **šl-* и преобразованным (быть может, по фонетическим причинам) исходом основы восходит лит. *šlėjus* ‘слон’, тогда как лтш. *ziluonis, zīluonis* ‘слон’ (ср. *ziluon-*

тя впервые издана в 1936 г. после смерти Сепира). Семантически сближение названий слона и быка поддерживается приведенным евразийским представлением мамонта как лося и быка. В первой части тохарского слова можно было бы предположить *oŋ-* (в значении типа тюрк. *aŋ-* ‘зверь’). В словах индоевропейского происхождения типа тох. А *oŋkrac*, В (куч.) *oŋkrocce* ‘бессмертный’ группа *oŋ-* может отражать слоговой носовой, см.: *N. van Brock. Le traitement des nasales voyelles en tokharien // KZ. Bd. 85. Hft. 2. 1971. S. 283, 293—295.*

³² *K. Sedláček. Die Frikative *-δ- in Sibilantenreihen des Altchinesischen // ZDMG. Bd. 116. Hft. 1. 1966. S. 164.* Относительно некоторых из слов, рассмотренных в этой статье, в последнее время высказывается допущение о наличии в анлауте **l* (а не **δ-*) в качестве второй фонемы, см.: *Kun Chang. Sino-Tibetan ‘Iron’: q^hleks- // JAOS. Vol. 92. 1972. P. 441.* В этом случае старая китайская форма (как и форма, исходная для бирманской) имеют ту же группу **sl-* в анлауте, что и славянская. Огласовка **o*, а не **a* отражена в среднекитайском (диалектном) варианте *yò* наряду с *ziaŋ* ‘слон’: *E. G. Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese. P. II // Asia Mayor. New series. Vol. IX. Pt. 25. 1963. P. 233.*

³³ *W. S. Goblin. An early Tibetan word for horse // JAOS. Vol. 94. 1974. P. 124—125.*

³⁴ Соответствие китайскому названию лошади в бирм. *mraŋ* и других словах сино-тибетских языков было вслед за Конради указано уже в кн.: *П. П. Шмидт. Опыт мандаринской грамматики с текстами для упражнений. Владивосток, 1902. С. 8; ср.: Е. Д. Поливанов. О происхождении древневосточных орудий письма // Сб. в честь проф. А. Э. Шмидта. Ташкент, 1924; Он же. Введение в языкознание для востоковедных ВУЗ’ов. М., 1928. С. 52—54; Он же. Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка // Проблемы востоковедения. № 3. 1960. С. 175—177; Он же. Избранные работы по общему языкознанию. М., 1968. С. 63 (примеч. 16), 167—168 и комментариев II к этому месту (там же о тамил. *ma*). Относительно возможных связей между родственными словами алтайских языков ср.: *A. Sauvageot. [Рец.]: Bulletin de la Societe de linguistique de Paris. V. 54. 1959. F. 2. P. 316.**

kau̯ls, *ziluonkauls*, *zīluonkauls* ‘слоновая кость’)³⁵ отражает форму, более близкую к славянской, хотя и свидетельствующую об особой трактовке анлаута (со звонким согласным, за которым следовал гласный).

Литовская и латышская формы, сходство которых со славянскими несомненно, говорят против часто предлагавшегося сопоставления славянского названия слона с тюркскими обозначениями льва³⁶ (тур., азерб., чагат., уйгур., карачаев., балкар. *аслан* ‘лев’, чуваш. *арйслан*, ср. арх. чуваш. *услан* в *услан кайак* ‘лев — зверь дикий’, татар. *арслан*, тув. *арзылан*, башк., туркм. *арыслан*, кирг. *арстан*, казах. *арыстан*). Эту гипотезу, вероятно, следует оставить, подобному тому как давно уже признана искусственной (и в лучшем случае остающейся в качестве народной этимологии) предлагавшаяся ранее связь имени существительного *slon(ъ)* с глаголом *sloniti se*.

3. Хет. *lahra* ‘слоновая кость’ и греч. *ἐλέφας*

В качестве миграционного термина следует рассматривать и греческое название слона и слоновой кости. В древнегреческий язык это название было заимствовано еще до микенской эпохи, как показывают многочисленные случаи его употребления в микенских (кносских — KN и пилосских — PY) текстах, ср. им. п. ед. ч. *e-re-pa* (KN Sd 4412, PY 249) = *elephans* (гомер. *ἐλέφας*, Δ 141, δ 73), род. п. *e-re-pa-to* (KN 684, PY 287) = *elephantos* (гомер. *ἐλέφαντος*), дат. твор. пад. *e-re-pa-te* (KN 163, 266, PY 239) — *elephantei*, вин. пад. *e-re-pa-ta* (KN Og 7504). В микенских текстах засвидетельствовано также

³⁵ *Mühlenbach — Edzelin*. IV. S. 721, 739.

³⁶ *Фасмер* III. С. 674—675, там же литература, к которой следует добавить указанную В. И. Абаевым структурную параллель с русск. *слан* из тюрк. *aslam*: В. И. Абаев. Из истории слов. 1. Русское *абрек* // Вопросы языкознания. № 1. 1958. С. 121, ср. там же о переносе значения ‘лев’ → ‘слон’. В качестве семантической параллели В. И. Абаев указывает на осет. *dombaj* ‘лев’ < ‘зубр’ (ср.: В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л., 1949. С. 32; *Он же*. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958. С. 365), иллюстрирующее закономерность, которую можно проследить и на значении этимологически с ним связанного (через исходное *zob-* < *g^homb^h-* > *damb-*, см.: В. В. Иванов. Проблема названия зубра в балканских, славянских и балтийских языках // Первый симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика. Предварительные мат.-лы. М., 1972; V. V. Ivanov. Caucasian parallels to Rumanian *zimbru*, Russian *zubr*, Lituianian *stumbras* ‘aurochs’ // *Revue roumaine de linguistique*. 1975) др.-чеш. *zubr* ‘тигр’ < ‘зубр’ (V. Vondrak. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*. Bd. 1. 1929. S. 558). Однако тюркское слово колеблется в пределах значений ‘лев’ — ‘котёнок’ — ‘дикий зверь’ (Э. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. I. М., 1974. С. 178), от которых значение ‘слон’ отделено достаточно существенным семантическим расстоянием.

производное прилагательное, относящееся к столам и разным другим предметам из слоновой кости: м. р. *e-re-pa-te-jo*³⁷ (KN 265, PY 239) = *elephanteios* (ср. *ἑλεφαντειος*, Diosc.), ж. р. *e-re-pa-te-ja* (PY 240) = *elephanteiā*, твор. пад. мн. ч. м. р. *e-re-pa-te-jo-pi* (KN 276) = *elephanteiophi*, твор. пад. мн. ч. ж. р. *e-re-pa-te-ja-pi* = *elephanteiāphi*³⁸ (PY 242). Несомненно этимологическая связь с основой этих греческих слов хеттского *lahpa-* 'слоновая кость', значение которого удостоверяется благодаря засвидетельствованному в шумеро-аккадско-хеттском трехязычном тексте ряду шумер. *zú*, аккад. *šinnu*, хетт. *la-ah-pa-aš*³⁹. От этого слова в хеттском языке могла быть образована и активная одушевленная форма на *-ant-* **lahp-ant-*, которая по суффиксу совпадала с греч. *ἑλεφαντ-* и поэтому могла бы рассматриваться как источник греческого заимствования, подобного ряду других архаических греческих терминов (исконное родство исключается ввиду соответствия хетт. *-ah-* в греч. *ε*, тогда как в общеиндоевропейских основах этой хеттской группе фонем должен был бы соответствовать долгий гласный). Но при предположении заимствования из хеттского в греческий оставался бы неразъясненным начальный протетический гласный *é* и качество *ε* гласного во втором слоге греческого слова. Поэтому более вероятным представляется независимое заимствование из одного и того же источника в греческий и в хеттский, где наличие группы *-hp-* (в случае если слово не содержит морфемного шва после корневого *-h-* перед суффиксом *-pa* типа представленного в др.-хетт. *uaš-pa* 'одежда': *es-*, ср. корень *lah-* в редуцированном глаголе *lahlah-* 'пускать галопом лошадей' и 'быть озабоченным') и употребление слова *lahpa-* с глоссовым клином позволяет определить его как иноязычное.

Это название слоновой кости с глоссовым клином, отмечавшим чаще всего лувийские слова, встречается в хеттском поэтическом фрагменте, где речь идет о том, как Океан принимает у себя бога Солнца: *la-ah-pa-aš ú-nu-wa-an-du*⁴⁰ 'пусть они украсят слоновой костью' (стол или сиденье, на котором потом сидит Бог Солнца), KUB XXXVI 25. В идеографическом написа-

³⁷ См. об этой форме: G. Nagy. Greek dialects and the transformation of an Indo-European process. Cambridge (Mass.), 1970. P. 149.

³⁸ M. Ventris, J. Chadwick. Documents in Mycenaean Greek / Ed. by J. Chadwick. 2 ed. Cambridge, 1973. P. 545.

³⁹ E. Laroche. Sur le nom grec de l'ivoire // Revue de philologie, de littérature et d'histoire ancienne. 1965. № 1; ср.: E. Masson. Recherches sur les plus anciens emprunts semitiques en grec. Paris, 1967. P. 82; Publication de la Mission archéologique de Ras Shamra. F. XVI. P. 310 et suiv., 773 et suiv.

⁴⁰ E. Laroche. Textes mythologiques hittites en transcription. Deuxième partie. Mythologie d'origine étrangère // Revue hittite et asiatique. T. XXVI. 1968. P. 187; H. Otten. Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950. S. 31 und folg.

нии слоновая кость (в менее ясном контексте) встречается и в другом мифологическом повествовании — о гневе Великого Бога, сохранившемся как в хеттской версии, так и в лувийской⁴¹ (KUB XXXV 41, 107; KBo IX 127).

В некоторых из хеттских описаний богов встречаются такие их атрибуты, как орел из слоновой кости, лев из слоновой кости⁴². Из соответствующих археологических находок следует упомянуть два предмета слоновой кости из Анатолии в собрании Лувра⁴³. В цитированном поэтическом фрагменте хет. *lahpa* относится к праздничному столу из слоновой кости, как и приведенное мик. греч. *e-re-pa-te-jo*. О значении (в том числе ритуальном) подобных изделий для микенской культуры свидетельствуют упомянутые выше тексты⁴⁴, в которых встречаются перечисленные формы, и многочисленные археологические открытия. В частности, недавно обнаруженная в Микенах мастерская мастера-резчика по слоновой кости находилась рядом с алтарем и фреской богини Potnia⁴⁵ («Госпожи»), что удостоверяет сакральную значимость работы мастера⁴⁶, ср. помещение аналогичного мастера в «Доме щитов»⁴⁷, а также находки изделий из слоновой кости в склепе Спаты (XIV — начало XIII в. до н. э.), в гробнице в Афинах, на Делосе и в Кноссе⁴⁸. Эти произведения микенских мастеров всегда предположительно рассматривались как

⁴¹ *H. Otten*. Luvische Texte in Umschrift. Berlin, 1953. S. 99—101; *E. Laroche*. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959. P. 159—162. Может быть, здесь слоновая кость имеет и некоторое мифологическое значение, но это трудно утверждать.

⁴² *G. Brandenstein*. Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen in Keilschrifttexten (MVAG. Bd. 46. Hft. 2). Leipzig, 1943. S. 18; *L.-Jakob-Rost*. Zu dem hethitischen Bildbeschreibungen. T. I—II; Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. Bd. VIII. Hft. 2. 1961; Bd. IX. Heft 2/3. 1963; *B. Г. Ардзинба*. Двоичные символы в хеттских ритуальных текстах и функции хеттских придворных // Древний Восток. Сб. 1. М., 1975. С. 265.

⁴³ № 1067 и 1068: *C. Descamps de Mertzfeld*. Inventaires commentés des ivoires phéniciens et apparentés découverts dans le Proche-Orient. Paris, 1954.

⁴⁴ Ср. также: *P. Chantraine*. Termes mycéniens relatifs au travail d'ivoire // Revue des études grecques. 70. 1958. P. 201—211.

⁴⁵ *W. D. Taylor*. Mycenae. 1968. Antiquity. Vol. 43. 1969. P. 91—92; *Idem*. New light on Mycenaean religion // Antiquity. Vol. 44. 1970. P. 270—280. Ср. о слоновой кости в Угарите: Publications de la Mission archéologique de Ras Shamra dirigées par C. R. A. Schaeffer. F. XIV. Le palais royal d'Ugarit. VIII. Ivoires du palais d'Ugarit suivis d'une étude d'ensemble des ivoires syriens du deuxième millénaire. Paris. Из более ранней литературы ср.: *R. D. Barneil*. Early Greek and Oriental Ivories // JHS. Vol. LXVIII. 1948.

⁴⁶ *M. Ventris, J. Chadwick*. Указ. соч. С. 411, 509.

⁴⁷ *A. J. B. Wace*. Ivory carvings from Mycenae // Archeology. 7. № 2. 1954. P. 149—155; *T. В. Блаватская*. Греция во втором тысячелетии до н. э. М., 1966. С. 118, ср. о склепе Спаты, с. 112.

⁴⁸ О трех последних местах находок см.: *T. В. Webster*. From Mycenae to Homer. London, 1958. P. 27. Tabl. 2. P. 28, 102.

результат обработки привозного материала; несомненно, что привозным материалом слоновая кость была и у хеттов. Для определения вероятных путей заимствования может представить интерес сопоставление с лат. *ebur* 'слоновая кость', возводимым к египет. $\text{)}\#bw$ (на основании коптского восстанавливается $*(j)ebu$ ⁴⁹). Эту последнюю гипотезу можно подтвердить и указаниями на ввоз слонов и слоновой кости в Рим из Эфиопии в «Сатирах» Ювенала (*rursus ad Aethiopum populos aliosque elephantos* 'вплоть до племен Эфиопии и мест, где еще больше слонов!' ⁵⁰, X, 148—55, ср. XI, 124; XII, 103, 104). Вместе с тем возможным представляется в свою очередь и сближение егип. $\text{)}\#bw$ ($*jebu$) с др.-инд. *ibhaḥ*⁵¹, которое, в свою очередь, согласуется с возведением эфиоп. *nagē* 'слон' (мн. ч. *nagēyāt*, *nagayāt*, вариант в книге Еноха, 86, 4, *nāgəyāt*) к др.-инд. *nāga* 'слон'⁵². С предполагаемым египетским источником лат. *ebur* согласуется возможная афроазиатская (семито-хамитская) этимология греч. ἑλέφας. Это слово обнаруживает разительное сходство с котоко $*ar(\lambda)pa$ 'слон', кушит. $*'ar(\lambda)b$ ⁵³. Основным отличием формы котоко (и кушитской) от греческой является соответствие *r* греческому λ , что позволяет думать об устранинии начального *r* при заимствовании. В этом случае преобразование объединяет греческий язык (до микенской эпохи) с хеттским (хотя появление *ḫ* в хет. *lahpa* в этом случае остается необъясненным, поскольку связывать его с начальным кушитским $*'$ не представляется возможным). По-

⁴⁹ E. Masson. Указ. соч. P. 82; E. Laroche. Указ. соч. P. 56—57. Исход лат. *ebur* сопоставим и с мик. греч. *e-re-pa-i-ro* (KN Vc 212), *e-re-pa-ro* (KN Vc 212).

⁵⁰ E. Laughton. Juvenal's other elephants // The Classical Review. № 5. Vol. IV. 1956. № 3—4. P. 201, ср. там же о связи названия Элефантины (упоминаемой Иосифом Флавием в «Иудейской войне», IV, 61) со слонами, о чем также: F. Daumas. La civilisation de l'Égypte pharaonique. Paris, 1967. P. 598—599; ср. о слоне как эмблеме первого нома Верхнего Египта (Элефантины): Г. Чайльд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956. С. 129—130.

⁵¹ M. Mayrhofer. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. 1. Heidelberg, 1956. S. 90. Ср. данные о восточном происхождении (из Индии?) слоновой кости в микенской культуре, ср.: L. A. Stella. La civiltà micenea nei documenti contemporanei. Roma, 1965. P. 199—200.

⁵² J. Helevy. Traces d'influence indo-parsie en Abyssinie // Revue semitique d'epigraphie et d'histoire ancienne. T. IV. 1896. P. 258; E. Littmann. Указ. соч. С. 408—414; M. Mayrhofer. Указ. соч. Lief. 10. Heidelberg, 1958. S. 150—151; J. Vercoutter. Un palais des «Candaces» contemporaine d'Auguste (Fouilles à Wad-ban-Mage, 1958—1960) // Syria. T. 29. 1962. F. 3—4. P. 285.

⁵³ Формы приводятся согласно докладу А. Б. Долгопольского «Новые афроазиатские этимологии» на расширенном заседании Ленинградского городского ассириологического семинара, посвященном 60-летию И. М. Дьяконова, 6 февраля 1975 г. Сближение этих форм с егип. $*jeb$ - не кажется реальным.

этому разбираемые слова⁵⁴ могут относиться к числу древних заимствований из афро-азиатских языков, объединяющих хеттский и греческий.

То обстоятельство, что в южные и юго-западные (лувийские) области Малой Азии в среднехеттскую эпоху изделия из слоновой кости привозили из Египта, доказывается письмом, в котором египетский фараон (Аменхотеп III, именующий себя Нимутрия — Ni-mu-ut-ri-ya) обещает правителю Арцавы прислать среди прочих даров 10 престолов из черного дерева и слоновой кости (10^{GIŠ} GU. ZA ŠA^{GIŠ} EŠI IŠ. TU KA X UD A [M — SI] V⁷ Во Т 1, 37. Это может служить доводом в пользу афроазиатской этимологии лувийского названия слоновой кости.

⁵⁴ К проблеме смешения в словах, этимологически связанных с хет. *lahpa*, название слона и верблюда, существенной для истории обозначения верблюда в славянских языках, значительный интерес представляет шумерский текст, где упоминается сладкое молоко животного *am-si-har-ra-an*, отождествляемого с *i-bi-lu*, что объясняется смешением с *pi-i-lu* 'слон': B. Landsberger. Die Faune des alten Mesopotamien nach der 14. Tafel der Serie HAR. RA-ḫubullu // Abh. d. Sachs. Akad. d. Wiss. XLII. N VI. 1934. S. 92; W. Nagel. Frühe Tierwelt in Südwestasien // Zeitschrift für Assyriologie. Neue Folge. Bd. 21 (55). 1959. S. 193. Согласно гипотезе Клаузона, тюркское название верблюда *arpa* происходит из тохарского (**alpi*), как и двусложное (а потому заимствованное) китайское: G. Clauson. Philology and archeology // Antiquity. Vol. XLVII. 1973. P. 40 (ср. о китайском также: E. G. Pulleyblank. Указ. соч. С. 245). При несомненной важности верблюдов как средства передвижения в древней культуре Средней Азии, что подтверждается и раскопками в Южной Туркмении, достоверным можно считать только наличие древнего общего индоиранского слова для верблюда (др.-инд. *uṣra-*, авест. *uštra-*).

**ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ
ЮЖНОБАЛКАНСКОГО, ЭГЕЙСКОГО
И МАЛОАЗИЙСКОГО (АНАТОЛИЙСКОГО)
АРЕАЛОВ***

Целый ряд данных, обнаруженных благодаря лингвистическому и историческому исследованию клинописных хеттских и лувийских, иероглифических лувийских и микенских греческих текстов, новым археологическим открытиям в Эгейском мире, сравнительному изучению хеттского и хурритского мифологического эпоса и поэм Гомера и Гесиода, свидетельствует о вхождении материковой Греции, островов Эгейского моря и Малой Азии в единый языковой и культурно-исторический комплекс во всяком случае уже к началу II тыс. до н. э. К этому времени на Пелопоннесский полуостров уже пришли носители древнегреческого языка, несколькими веками спустя засвидетельствованного документами линейного письма В¹. Не позднее XVI в. до н. э. греческое (ахейское) поселение отмечается археологами в Милете на юго-западе Малой Азии, где в XVI в. создается мощная крепость, и вплоть до XIII в. обнаруживаются превосходные образцы микенской керамики (чаша с изображением морских животных)². С этими археологическими находками

* Издано: Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 3—39.

¹ *J. Chadwick. The Prehistory of the Greek Language // Cambridge Ancient History. 2 ed. Vol. II. Cambridge, 1973 (chapter 39); ср.: M. Ventris, J. Chadwick. Documents in Mycenaean Greek. 2 ed. by J. Chadwick. Cambridge, 1973 (ссылки на микенские тексты далее даются по этому изданию в тексте с указанием названия — D и страниц).*

² *C. Weickert. Neue Ausgrabungen in Milet // Neue Deutsche Ausgrabungen in Mittelmeergebiet und im Vorderen Orient. Berlin, 1959. S. 181—186, рис. 1—8; A. Mallwitz, W. Schiering. Der Alte Athena-Tempel von Milet // Istanbuler Mitteilungen (далее — IM). 18 (1968). 1970. S. 87—180; G. Kleiner. Stand der Forschung von Alt-Milet // IM. 19—20*

согласуется обнаружение в пилосских табличках этнического обозначения женщин *mi-ra-ti-ja* (PY Aa 798, Ab 573) = *Milātiai* (им. п. мн. ч. ж. р., ср. позднейшее *Μιλῆσιος*)³, *mi-ra-ti-ja-o* (PY Ad 380) = *Milātiāōn* (род. п. мн. ч., D, p. 410), так же как аналогичные обозначения *ze-pu₂-ra₃* (PY Aa 61), *ze-pu₂-ra-o* (PY Ad 664) = *Zepuraon* (род. п. мн. ч.), *ze-pu₂-ro* (PY Ea 56, мужское имя), относящиеся, видимо, к Галикарнасу (Зефирии у Страбона, XIV, 659), согласуются с археологическими открытиями микенской культуры в Мюстеби около Галикарнасса⁴. Археологи уже сопоставляли эти и другие аналогичные им открытия (в Иасосе и Эфесе) с позднейшими свидетельствами греческой традиции, по которым такие герои, как Пелопс, переселялись из Малой Азии в Грецию⁵ (Thuc. 1, 9, 2) и обратно. К этническим обозначениям женщин в пилосских табличках относятся и такие эпитеты, связанные с островами Лемнос и Книдос у западного малоазиатского побережья, как *ra-mi-ni-ja* (PY Ab 186) = *Lāmniai*, ср. *ra-mi-ni-jo* (PY An 209, Ch 328, 719) = *Lāmnios* (D, 578); *ki-ni-di-ja* (PY 5 = Aa 792, Ab 189, 26 = An 292) = *Knidiai*, *ki-ni-di-ja-o* (PY Ad 683) = *Knidiāōn* (род. пад. мн. ч., D, 554), что также согласуется с археологическими свидетельствами господства ахейцев над островами Эгейского моря (Делосом, Кеосом, Паросом, Наксосом, Мелосом) уже с XV в. до н. э.⁶ Наконец, к указанному ряду этнических эпитетов принадлежат и формы *a-*64-ja* (PY Aa 701, Ab 515) = *Aswiai* 'женщина из Азии', *a-*64-ja²* (PY Vn 1191) = *Aswiā* (им. п. ед. ч.), *a-*64-ja-o* (PY Ad 315) = *Aswiāōn* (род. п. мн. ч.), *a-si-wi-ja* (PY Fr 1206) = *Aswiāi* (дат. пад. ед. ч. ж. р., эпитет богини Potnia), ср. также *a-*64-jo* (KN Se 261, PY Cn 1287, Fr 324), *a-si-wi-jo* (KN Df 1469, PY Cn 285, MY Au 653) = *Aswios*⁷

(1969—1970). S. 113—123; *J. H. Muhly*. Hittites and Achaeans: *Ahhi-jawā* redomitus // *Historia*. Bd. XXIII. 1974. H. 2. S. 136.

³ О сохранении *-tij-* (не **-sij-*) в этих формах см.: *G. Nagy*. Greek Dialects and the Transformation of an Indo-European Process. Cambridge, 1970. P. 149.

⁴ *G. F. Bass*. Mycenaean and Proto-geometric Tombs in the Halicarnassus Peninsula // *American Journal of Archaeology* (далее — *AJA*). Vol. 67. 1963. P. 357—361, табл. 81—84; ср.: *M. J. Mellink*. Archaeology in Asia Minor // *AJA*. Vol. 68. 1964. P. 161—181; ср. о микенской керамике в Галикарнассе: *Y. Boysal*. Katalog der Vasen des Museums in Bodrum. I. Ankara, 1969; об аналогичных находках в 12 разных местах Западной Малой Азии: *K. Bittel*. Kerabel // *Mitteilungen der Deutschen Orientalistischen Gesellschaft*. 98. 1967. S. 5—23; *D. H. French*. Protohistoric Sites in North-West Anatolia. II. The Balikesir and Akhisar/Manira Areas // *Anatolian Studies*. 19. 1969. P. 41—98.

⁵ *T. В. Блаватская*. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н. э. М., 1966. С. 164. — О новых микенских находках в Иасосе см.: *M. J. Mellink*. Archaeology in Asia Minor // *AJA*. Vol. 77. 1973. № 2. P. 177—178.

⁶ *E. H. Gellet de Santerre*. Délos primitive et archaïque. Paris, 1958.

⁷ *J. Chadwick*. New Fragments of Linear B Tablets from Knossos // *Ann. Brit. Sch. Athens*. 52. 1957. P. 125; *Idem*. The Group *sw* in Mycenaean // *Minor*. 9. 1969. P. 62—65; D, 534—576.

(*Ἄσιος*, ср. П 717, М 95 и *Ἄσιω* В 461 в значении 'на азийской поляне — *λειμῶνι*', 'в Лидии'). Сопоставление всех указанных обозначений в микенских табличках⁸ привело Чедвика в его последней книге к выводу об отражении в них «картины торговых колоний, разбросанных вдоль западного побережья Малой Азии» (D, 410). Последний из указанных терминов в форме *Aššūwa* засвидетельствован и в хеттском тексте анналов царя Тудхалияса⁹, где он относится к области Лукка (хет. *Lukka*, вероятно, соответствует Ликийи) на западе Малой Азии, примыкавшей к хеттскому царству и, возможно, включавшей в свой состав Трою (*Ta-ru-i-ša*, вероятное производное от **Ta-ru-i-ya*¹⁰, гипотетической формы, лежащей в основе мильйского — «ликийского В» *trujeli* 'потруйски'¹¹ в Ксанфской стеле). Поэтому происхождение женщин, упоминаемых в пилосских табличках, из Азии, вполне согласуется с предполагаемым историческим фоном гомеровских преданий о пленении женщин, уводившихся из восточных областей Эгейского мира такими героями, как Ахилл¹².

По гипотезе Мелларта заселение Греции в начале II тысячелетия до н. э. осуществилось с северо-запада Малой Азии, в соответствии с чем следы первой волны миграции, еще не дошедшей до Греции, можно видеть в малоазийских ахейцах¹³. С точки зрения представлений о локализации первоначальной территории распространения индоевропейского праязыка в Анатолии и к востоку от нее (вплоть до Иранского плоскогорья)¹⁴ может считаться архаи-

⁸ Название *ki-ma-ra* (PY Aa 63) в том же ряду (D, 554) можно было бы гипотетически связать с хет. *gimra* 'степь', откуда, возможно, и позднейшее наименование 'киммерийцев', ср. В. В. Иванов. [Рец.]: В. Сор. *Indogermanica minora* // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. XXXIII. 1974. № 2. С. 172, примеч. 1.

⁹ H. Th. Bossert. *Asia*. Istanbul, 1946. P. 27 ff.

¹⁰ O. Gurney. *The Hittites*. London, 1954. P. 56—57, ср.: T. K. Bryce. *The Lukka problem and a possible solution* // *Journal of the Near Eastern Studies*. Vol. 33. 1974. № 4. P. 395—404.

¹¹ См. об аргументах в пользу этой гипотезы: В. В. Иванов. *Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы*. М., 1965. С. 51, примеч. 24, там же литература вопроса. Связь Трои с Лидией (язык которой ближе всего стоит к хеттскому из всех позднеанатолийских) и Хеттским царством была намечена уже; см.: J. Garstang. *The Hittite Empire*. London, 1929. P. 171—172, 178—179, отчасти в развитие наблюдений: W. Ramsay. *Asiatic Elements in Greek Civilisation (Gifford Lectures, 1915)*. London, 1927. P. 70; 145—160 (упоминание хеттского имени Муваталлис в связи с памятниками вдоль лидийской дороги у Гиппонакта: *καὶ στήλην καὶ μνήμα Τῶτος Μιτάλιδι πάλιμδος*, ср. соединение того же имени в форме *Μοταλος* с легендой о Елене и Парисе у Стефана Византийского).

¹² T. B. L. Webster. *From Mycenae to Homer*. London, 1958 (далее — W).

¹³ J. Mellart. *The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean* // *AJA*. Vol. 62. 1958. № 1.

¹⁴ Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. *Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общеиндоевропейского*

ческим расположением не только первоначальных хеттских (а также и палайских) поселений на востоке Малой Азии и лувийских на юге и юго-западе, но и ахейских поселений на ее западе. Носители этих языков могли соприкасаться в течение достаточно долгого времени, причем контакты XIV—XIII вв. до н. э. зафиксированы в хеттских документах, относящихся к ахейскому царству — Аххияве, мощной морской державе, простиравшей свое влияние до Сирии (что согласуется с наличием микенского квартала в Угарите¹⁵ — портовом городе, структура которого напоминала «международный селтльмент» в таких торговых центрах, как Шанхай между двумя мировыми войнами).

Хеттское название этого государства *Aḫḫiyawa-* совпадает с именем, зафиксированным в кносской табличке (KN 78 = C 914) в форме *a-ka-wi-ja-de*¹⁶, интерпретируемой как сочетание падежной формы *Akhaiwīān* с аллативной энклитикой *-de* (D, 209, 436—437, 529, 539).

Для отождествления Аххиявы с археологическим ареалом греческой культуры микенской эпохи существенным представляется текст хеттского оракула KUB V 6, упоминающего в качестве равных хеттского царя и человека из Аххиявы (видимо, ее правителя) по имени *An-ta-ra-wa*, ср. мужские имена типа *a-ta-ro-we*, *a₃-ta-ro-we* в микенских табличках (D, 535, 537). В этом тексте дважды (II 57 и 60)¹⁷ упоминаются отдельно 'божество Аххиявы и божество Лазпы (Laz-ра)' (*DINGIR^{LUM URU} aḫ-ḫi-ja-ur-kán ku-iš DINGIR^{LUM}*

языка // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков: Предварительные мат-лы. М., 1972. С. 23; В. В. Иванов. Язык как один из источников этногенетических исследований и проблематика славянских древностей // Советское славяноведение. 1973. № 4. С. 68—69.

¹⁵ C. F.-A. Schaeffer. Syria. V. 31. 1954. P. 63; O. Masson. Ugaritica. III. P. 227.

¹⁶ P. B. S. Andrews. The Mycenaean Name of the Land of Achaiens // Revue hittite et asianique. T. XIII. Fasc. 56. 1955. P. 1—19; A. Tovar. Nochmals Ionier und Achaeer im Lichte der Linear-B-Tafeln // ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ. Gedenkschrift Paul Kretschmer. II. Wien, 1957; В. В. Иванов. Ахейцы; Ахиява // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 1000—1001; 1006; *Он же*. Ахиява // БСЭ. 3-е изд. Т. 2. М., 1970. С. 1368; J. Hermatta. Die Aḫḫijawa-Frage // Studia Mycenaea. Proceedings of the Mycenaea Symposium Brno, 1966. Brno, 1968. S. 117—124; G. Steiner. Die Aḫḫijawa-Frage heute // Saeculum. 15. 1964. S. 369—392; A. Sacconi. Gli Achei in età micenea ed in Omero // Živa Antika. 19. 1968. P. 13—19; J. D. Muhly. Op. cit. С. 128—145.

¹⁷ См. последнее клинописное издание: J. Friedrich. Hethitisches Keilschrift-Lesebuch. T. I. Lesestücke. Heidelberg, 1960; транскрипция, перевод и комментарий: F. Sommer. Die Aḫḫijawa-Urkunden (Abh. d. Bayr. Akad. d. Wiss., Phil. // Hist. Abt. HF 6). München, 1932. S. 275 ff.; G. P. Carratelli. Ahhijawa, Lazpa et leur divinités dans KUB V, 6 // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. I. 1950. P. 156—163; ср.: A. Götze. Kleinasien. 2. Aufl. München, 1957. S. 183.

^{URU} *La-az-pa-ia*), то есть, очевидно, Лесбоса (гом. Λέσβος, γ 169, Ω 544, ср. 1 129 и 664). Это хорошо согласуется с археологическими данными, по которым до X в. до н. э. Лесбос не входил в область микенской греческой культуры¹⁸, иначе говоря, не принадлежал к Аххияве. В том же тексте оракула можно видеть и след лексического влияния греческого языка Аххиявы на хеттский: слово *dammara*, обозначающее особых культовых служителей, сопоставимо с микенским греческим *da-ma-te* (PY 114 = En 609), им. п. мн. ч. 'служители' (D, 538), при позднейшем специализированном значении греч. гом. *δαμαρ* 'жена, супруга' (Г 122, δ 126). В тексте этого оракула, как и в другом подобном хеттском тексте гадания по печени (*kuš*)¹⁹, слово чаще относится к женщинам (KUB V в. II 16 и 46; KUB XVI, 16 I 13, II 19), но в одном случае — к служителю-мужчине (KUB V 6 и 16). Лувийская форма *dammaranza* (им. пад. ед. ч., KUB V II 26) в оракуле, содержащем хурритскую терминологию гаданий²⁰, указывает на то, что слово проникло в хеттский язык через посредство хурритско-лувийских культовых центров юга Малой Азии, что согласуется и с данными текста KUB XVI 16, по которым женщины *dammara* сожительствовавали с мужчинами из Арцавы²¹, т. е. с лувийцами. Другим гипотетическим примером воздействия греческой лексики на хеттские тексты, связанные с лувийско-хурритской культурой юга Малой Азии, может быть хеттское слово *dammanaššara*- 'женщина-демон, богиня, женский дух', встречающееся, в частности, в хеттском переложении хурритской легенды об охотнике Кесси (KUB XXXIII 121, Cat. N 361)²². За вычетом хеттского суффикса обозначений

¹⁸ P. H. Stubbings. *Mycenean Pottery from the Levant*. Cambridge, 1951. P. 22; Desborough. V. *Protogeometric Pottery*. P. 81, 213; W. P. 144—145.

¹⁹ В каталоге Э. Лароша оба текста объединены: E. Laroche. *Catalogue des textes hittites*. Paris, 1971 (далее — Cat.). P. 98. № 570.

²⁰ Характерные для этой терминологии клинописные сокращения, расшифрованные Ларошем (*ni = nipešwu*, *ši = šentuhi*), типологически сходны с широко распространенными слоговыми сокращениями в микенском линейном В письме (Д, 528, 549, 563, 567, 571, 575 и др.), но (в отличие от указываемого ниже специфического сходства в значении идеограммы) это совпадение, скорее всего, объясняется принципами экономного кодирования наиболее частых сочетаний, общих для разных систем письма.

²¹ P. Sommer. Рецензия на KUB XIV—XVII // *Kleinasiatische Forschungen*. Bd. I. Hft. 1. Weimar, 1927. S. 344. Относительно возможной связи с греч. *δαμαρ*, мик. *dama*- ср.: A. Morpurgo. *Parola del passato*. 13. 1958. P. 322 (где не учтен явно заимствованный характер слова в хеттских текстах); G. Neumann. *Untersuchungen zum Weiterleben hethitische end luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit*. Wiesbaden, 1961. S. 37; R. Gusmani. *Il lessico ittito*. Napoli, 1968. P. 86. Ср. о микенском термине: G. Maddoli. Le 40 «DA-MA-TE» di Pakijanija e le classi parallele Eo/Er // *Minos*, 1972. Fasc. 2. P. 161—172.

²² См. последнее клинописное издание: J. Friedrich. *Op. cit.* P. 54 (№ 17a), II 13. Ср. перевод: J. Friedrich. *Churritische Märchen und Sagen in hethitischer Sprache // Zeit-*

существ женского пола *-šara* в этом слове выделяется основа *dammana* 'демон', которая могла быть заимствована из прообраза греч. гом. *δαίμων* 'deus, dea' (A 222, ф 195), ср. мик. греч. *e-u-da-mo* (KN 799, V 57, TH Z 853), одно из возможных толкований которого предполагает его связь с позднейшим *Eḏdaimon*²³ (D, 547).

В свете указанных греческо-южноанатолийских (лувийских) сближений особый интерес приобретает сходство греч. гом. *ἑρατώων* в значении 'товарищ-заместитель' (Патрокл по отношению к Ахиллу) с позднейшим развитием в 'соратник, возница' (ср. *ἑραπέύω* «услуживаю», v. 265) с лувийской основой, широко представленной в хеттских текстах в словах с глоссовым клином, обычным для лувийских слов или с явно лувийским суффиксом: дат.-м. п. *tar-pa-aš-ša-ḫ* [*i = ti*] 'замене', КВо XV 13, 3 *tarpalli-* 'человек-заместитель' (КВо XV 7, 8), *tarpalli-* 'личная замена', *tarpanalla-* 'заместитель, соперник' (в частности, о герое хурритского эпоса Улликумми как сопернике бога Грозы), *tarpanallaššatti-* 'он встал на (мое) место' (KUB XXIV 5 R s 6)²⁴. Фонетически возможным является и в данном случае заимствование из греческого в лувийский (где древнее *ē* закономерно изменяется в *a* во всех словах общеанатолийского происхождения), хотя семантика греческого слова позднее меняется (что объяснимо отсутствием ранних свидетельств).

Роль лувийского населения юго-запада Малой Азии в осуществлении контактов между ахейцами и Хеттским царством подтверждается совпадением типа имени *Piyama-radius* (человек из *Millawanda*-^{URU}*Mi-el-la-ṣa-an-da*, со-

schrift aür Assyriologie. Bd. XLIX. 1950. Другие хеттские тексты, упоминающие это название божества, указаны и проанализированы в статье: *H. G. Güterbock*. The Cod Suwaliyat reconsidered // *Revue hittite et asianique* (сокращенно RHA). Т. XIX. Fasc. 68. 1961. P. 15, 18, примеч. 21 (где предполагается значение 'сфинкс' для этого слова).

²³ Древность подобных микенских и гомеровских сложений с *e-*, *u-* = *ev-* доказывається их противоположением сложенным с *δσ-*, совпадающим с индо-иранской опозицией типа авест. *hu-* : *duz-* : *R. Schmitt*. *Dichtung und Dichtersprache der indogermanischer Zeit*. Wiesbaden, 1967. S. 118, § 208; *B. В. Иванов, В. Н. Топоров*. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 303—304.

²⁴ *H. G. Güterbock*. Notes on Luwian studies // *Orientalia*. Vol. 25. Nova series. Fasc. 2. 1956. P. 124; *E. Laroche*. *Dictionnaire de la langue louwite*. Paris, 1959. P. 93—94; *N. van Brock* // RHA. Fasc. 65. 1959. P. 117 и сл.; *R. Gusmani*. Op. cit. P. 86. Приводимые лексические данные о взаимодействии греческого и лувийского языка хорошо согласуются со сделанным на основании хеттских исторических документов выводом (см.: *A. Götze*. *Kleinasiens*. S. 5, 183) о том, что связи между хеттами и Аххивой не были прямыми, а всегда шли через Арцаву (новохеттское название области, которой в древнехеттском варианте хеттских законов соответствует Лувия) и страну Лукка (ср. выше о возможном соответствии Ликии, что приобретает особый интерес ввиду непосредственной связи лувийского с лидийским языком).

гласно Ларошу²⁵, соответствует греч. *Μιλυαδ-*, если не название Милета), многократно упоминающегося в новохеттских текстах, где говорится об Аххияве, с типом личных собственных имен *pi-ja-ma-so* (PY Fr 324), *pi-ja-tu-nu* (KN Ar 5748), *pi-ja-se-me* (KN 38 = 1516), *pi-ja-si-ro* (KN 38 = As / 516) в кносских и пилосской табличках (ср. D, 571). Первая часть сложных слов типа *Piyama-radus* представляет собой, очевидно, лувийское медиопассивное причастие от глагола *pai-* 'давать'²⁶. К другим именам в микенских (кносских и пилосских) табличках, разъясняемым на основе хеттских и лувийских текстов, принадлежит *mo-qa-so* (KN De 1381), род. пад. *mo-qa-se-jo* (PYSa 774), отождествляемое с именем *Mukšuš* в хеттских текстах об Аххияве, с лувийским именем *Mu-k(a)-sa-* основателя лувийской династии («дома») Киликии (судя по надписи начала I тысячелетия до н. э. из Каратеппе, 112, где он финикийски назван *mṣš*) и с легендарным Мопсом (*Μόψος*, ср. *Μόξα* в Лидии), чей отец Ракий жил на Крите; по греческой легенде Мопс переселился из Колофона (на западе Малой Азии), где известно захоронение микенской эпохи, в Киликию за год до конца Троянской войны²⁷. Следовательно, в этой легенде можно видеть отзвук того реального передвижения центра лувийской культурной области в Киликию, которое произошло после крушения Хеттского царства и миграции народов моря. Если некоторые другие возможные хетто-лувийские интерпретации микенских имен можно считать еще слишком гипотетической²⁸, то все больший интерес приобретает давно уже обна-

²⁵ E. Laroche. Etudes de toponymie anatolienne // RHA. T. XIX. 1961. F. 69. P. 67.

²⁶ Обсуждение трудностей этой интерпретации, подтверждаемой полудиографическим написанием некоторых имен, см. в кн.: E. Laroche. Les nom des hittites // Etudes linguistiques. IV. Paris, 1966. P. 317—319; о контекстах, в которых имя *Piyama-radu* встречается в КВо XIX 78—81, см.: A. Kammenhuber. [Рец.] КВо XIX // Orientalia. Vol. 43. 1974. Fasc. 1. P. 123.

²⁷ K. D. Barnett. Mopsos // Journal of Hellenic Studies. 73. 1953. P. 140—143; Б. В. Казанский. Историческое значение хеттского (иероглифического) и финикийского текстов надписей Кара-Тепе // Древний мир. М., 1962. С. 274—275.

²⁸ К таким гадательным толкованиям можно отнести возможное понимание мужского имени *u-wa-ta* (KN Dd 1286, PY Jn 605), сравниваемого с *Ἰάντες* в связи с хет. *huhant-*, иер. лув. *huhat-* 'дед' или др.-хет. *uwa-* 'предок' (ср. об этом слове: В. В. Иванов. Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике // For Roman Jakobson. The Hague, 1967; C. Watkins. A Latin-Hittite etymology // Language. Vol. 45. 1969. № 2. P. 241; P. Josephson. The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite. Uppsala, 1972. P. 318, n. 6), ср. кносское *pa-ro u-wa-si-jo ko-wo* 'от сына Увата' (KN Ai 115) и еще более проблематичное объяснение *a-tu-ko* (EN Dg 1102, X 1052, PY 114, 118, 131, 255) на основании сравнения с хет. *antuhša-* 'человек' (с началом, совпадающим с греч. *ἄνθρωπος*, мик. *a-to-ro-qa*, PY 246, ср. об этом слове и его этимологии, предположительно «субстратной»: P. Kuiper. The etymology of *ἄνθρωπος*

руженный²⁹ хетто-лувийский характер имени Муртила — возницы на колеснице Эномая, ср. пилосское женское имя *tu-ti-ri* РУ Ер 212, D, 562 (с характерным лувийским суффиксом -i-). Поскольку хеттский текст письма о Тавагалаве делает несомненным, что знатные люди и представители царского рода Аххиявы и Хеттского царства вместе ездили на колеснице, не кажется неоправданной гипотеза, по которой Муртил был хеттским или лувийским знатоком, посланным для обучения ахейцев искусству езды на колесницах³⁰. Распространение легких двухколесных боевых колесниц, запряженных лошадыми, осуществлявшееся к середине II тысячелетия до н. э., по-видимому, происходило в направлениях на запад и северо-запад и на восток от области, лежавшей между северной Месопотамией и Закавказьем³¹. Поэтому представляется вероятным, что этот тип колесниц, который известен по памятникам микенской эпохи и микенским табличкам³², мог испытать воздействие

MNHMHΣ XAPIN. Gedenkschrift P. Kretschmer. Bd. II. Wien, 1957. P. 211—216; E. P. Hamp. Anthrōx^wos // Atti e memorie del I Congresso Internazionale di Micenologia. Roma, 1969. P. 768—790, *Idem*. Two Mycenaean Notes // Studi Micenei ed Egeo-Anatolico 11. Roma, 1970. P. 60—62; R. S. P. Beekes. The development of the Proto-Indo-European laryngeals in Greek. The Hague, 1969. P. 194.

²⁹ N. R. Hall. Mursil and Myrtilos // Journal of Hellenic Studies. XXIX. 1909. P. 19—22. Ср. об имени Мурсила: В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. С. 49—50.

³⁰ R. D. Barnett. Oriental Influences on Archaic Greece // The Aegean and the Near East. Studies presented to H. Goldman. New York, 1956. P. 215—216.

³¹ S. Piggott. The Beginnings of the Wheeled transport // Sc. Am.; *Idem*. The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence // Proceedings of the Prehistoric Society. 34. February 1969. P. 266—318; *Idem*. Chariots in the Caucasus and in China // Antiquity. Vol. XLVIII. 1974. № 189. P. 16—24. — Особый интерес может представить обычай захоронения в повозках, сохраняющийся в Малой Азии с конца III до I тыс. до н. э.: J. Mellart. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia. Berlin, 1966. P. 155; M. J. Mellink. Excavations at Karataş, Semayük and Elmali, Lycia, 1972 // AJA. Vol. 77. 1973. № 3. P. 300; ср.: В. М. Массон. Древние гробницы вождей на Кавказе (Некоторые аспекты социологической интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 108—109.

³² P. Chantraine. Termes mycéniens relatifs aux chars // Minos. Vol. IV. 1956. P. 50—65; П. М. Кожин. Кносские колесницы // Археология Старого и Нового Света. М., 1966. С. 76—81; M. Lejeune. Chars et roues à Knossos; structure d'un inventaire // Minos. 9. 1969. С. 9—61. К сравнительному изучению ср. также иконографию в статье: R. Hauschild. Das Selbstlob (Atmastüti) des somaberauschten Gottes Agni // Asiatica. Leipzig, 1954. S. 259—278. О хронологии вытеснения колесниц наездниками после Микенской эпохи ср.: P. A. L. Greenhalgh. Early Greek Warfare: horsemen and chariots in the Homeric and Archaic ages. Cambridge, 1973; ср. [Рец.]: A. M. Snodgrass // The Journal of Hellenic Studies. V. XCIV. 1974. P. 225—226; D. K. Hill. Chariots of early Greece // Hesperia. Vol. XLIII. 1974. № 4. P. 441—446.

хеттских и хурритских (или митанийских арийских) образцов, а соответствующие хеттские (или лувийско-хурритские) наставники могли выезжать в Аххияву, то есть в области микенской культуры, в частности в Кносс, в тот период, когда там (примерно 25 лет спустя после грандиозного извержения вулкана Феры, разрушившего жизнь на «минойском» Крите³³ и позднее отраженного у Гомера) была создана централизованная система ахейского греческого управления. В этой связи обращает на себя внимание разительное сходство специфического хеттского употребления идеографического написания ANŠU. KUR. RA^{MEŠ} 'лошади, кони' (из шумерского 'горные ослы') в значении 'боевые колесницы' (как часть хеттского войска) с кносским использованием слова *i-qi-ja* (KN 265, 267, 273, сравнивается с ἵππιος, D, 548) в значении 'колесница' (в сочетании с соответствующей идеограммой, чтением которой на Кноссе было это слово, D, 548), отражение этого словоупотребления сохраняется в гом. ἵππιό-χάρμις 'боец с колесницы', λ. 259, Ω 257³⁴ и в позднейшем употреблении ἵππιος (как эпитета различных богов, выезжавших на колеснице). Здесь кажется возможным видеть след влияния хеттской клинописи на кносское письмо и язык официальных канцелярий ахейского Крита; в этой связи стоит отметить, что наиболее явные примеры хетто-лувийских собственных имен отмечены именно в кносских текстах.

С распространением двухколесных боевых колесниц была связана и новая техника коневодства³⁵, что достаточно отчетливо видно по хеттским коневодческим текстам, составленным преимущественно хурритом Киккули.

³³ J. Chadwick. Aegean History 1500—1200 B. C. // Studi classici. XI. București, 1969. P. 14—15. Для хронологии может быть существенной новая датировка текста Маддуватаса, предполагающая связь хеттов с Аххиявой уже в среднехеттский период.

³⁴ H. Mühlestein. Museum Helveticum. 12. 1955. S. 123; W. 103. Маловероятно, что на это употребление мог оказать влияние специальный технический термин *i-qi-e-qi* (KN 269), обозначавший часть упряжи колесницы (D, 515—516, 548). Относительно позднейшего знания клинописи у греков см.: J. Friedrich. Ἀσσύρια γράμματα // Aus Antike und Orient. Leipzig, 1950. S. 48—53. В связи со сказанным следует обратить внимание и на сходство микенской идеограммы, обозначающей конскую голову, с аналогичной лувийской иероглифичеркой идеограммой. Для исследования происхождения этих идеограмм могут представить интерес также данные о ритуальном значении головы коня в разных индоевропейских традициях, см.: В. В. Иванов. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva-* 'конь' // Вопросы истории культуры и филологии Древней Индии. М., 1974. С. 92—110.

³⁵ О разных точках зрения на пути распространения лошади в древней Европе ср.: A. Azzaroli. Il cavallo domestico in Italia dall'età del bronzo agli etruschi // Studi etruschi. Vol. XL (seria II). Firenze, 1972. P. 273—306; P. М. Мунчаев. Бронзовые псалмы майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ — Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 71—77.

С хуррито-лувийской культурой юга Анатолии соотносятся и соответствующие культовые тексты, упоминающие лошадь³⁶. С этим же кругом представлений можно было бы соотнести и упоминание в пиловских табличках конской богини *po-ti-ni-ja i-ge-ja* (PY 312), что интерпретируется как *Potnia hiqqeiai* (= ἵππεια, 483, 548); параллелизм этого и другого эпитета той же богини *a-si-wi-ja* 'азийской' (PY Fr 1206)³⁷ позволяет думать о возможности влияния на микенскую религию малоазиатского культа богини на лошади (что можно сопоставить как с данными о диффузии колесниц, запряженных лошадьми, так и с путями распространения лошади в Европе). Но в этом последнем случае нельзя исключить и возможность того, что обе контактировавшие традиции (малоазиатская хетто-лувийская и микенская греческая) продолжали общендоевропейское представление о богине «хозяйке коней», еще до расшифровки микенских текстов, восстановленное на основе сравнения греч. Πότνια ἵππων и кельт. *Erona*³⁸.

Изображение этой микенской богини, сидящей на лошади, найденное в Хорватии³⁹, допускает непосредственное сопоставление с хет. *Pirwa-* — бо-

³⁶ H. Otten. Zum grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischon. Berlin, 1953.

³⁷ Этот параллелизм позволяет высказать и еще более смелое предположение о том, что само хеттское название области *Aššuwa* могло быть образовано от лувийского названия 'лошади' (иер. лув. *ašūwa*, лик. *esbe*, ср. о названиях лошади: A. Goetze. [Рец.] A. Kammenhuber. Hippologia hethitica // Journal of Cuneiform Studies (сокращенно JCS). Vol. XVI. 1962. № 1. P. 34—35), что согласовалось бы и с позднейшими сведениями (Геродота, хорошо знавшего Лидию) о значении конницы для Лидии (Древней Азии, см. выше), ср. также изображения лидийских всадников на рельефе из Бинтепе. Ритуальное значение лошади в Трое свидетельствуется легендой о троянском коне, на что обратил внимание Дж. Бонфанте. Но загадочное *a* в пиловском *a-qi-ja-i* (PY 324, D, 533, 548) едва ли может быть связано с анатолийской формой индоевропейского названия лошади, тем более что в одной из микенских форм начальное **e* не менялось (ср. мик. греч. *e-ge-o*, PY 43, B, 544).

³⁸ J. Przyluski. Les ašvins et grande déesse // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. I. 1936. С. 132. Ср.: В. В. Иванов. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *ašva-* 'конь'.

³⁹ D. Levi. La Dea Mecenea a Cavallo // Studies Presented to D. M. Robinson. Vol. I. Saint-Louis, 1951. P. 108—125, табл. 4а. В свете археологических свидетельств распространения влияния микенской культуры на север Балкан (N. Tasić. The Problem of «Mycenean Influences» in the Middle Bronze Age Cultures in the Southeastern Part of the Carpathian Basin // Balcanica. IV. Beograd, 1973) следует отметить, что и более новое название Карпат (см.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Указ. соч. С. 176) явилось, видимо, результатом распространения южнобалканского и эгейского топонима, в пиловских табличках представленного в форме *ka-pa-ti-ja* (PY 141, 135; Un 443) = *Karpathia* (ср. у Гомера остров подле Родоса Κάρπαθος), ср. D, 550.

жеством на лошади⁴⁰, соответствия которому обнаруживаются в разных частях балканского ареала⁴¹. Учитывая, что в греческих словах иноязычного происхождения нередко чередуются гласные *i* и *u* типа мик. греч. *to-ri-wo-do* (КН 259), *μόλιβδος*, гом. *μόλιβος* 'свинец' (Λ 237), *μόλιβδος*, мик. греч. *u-ta-no* = (D, 562, 589, ср. хурритск. *Ušhara* — *Išhara* и т. п.), с хеттским именем божества на лошади *Pirwa*- можно отождествить коринфское имя мифологическо-

⁴⁰ *H. Otten. Pirwa — der Gott auf dem Pferde // Jahrbuch für klein asiatische Forschung. Bd. II. Hft. 1. 1951.* Для обоснования индоевропейского характера этого хеттского божества и его этимологической связи с гот. *fairguni* 'скала', слав. *Perunъ* 'Бог Грома' кроме фактов, приводившихся ранее (*В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Указ. соч. С. 10, 84*), следует особенно подчеркнуть то, что теофорное имя *Pirwa*, совпадающее с названием горы, является самым частым именем Канеса (*E. Laroche. Les noms des hittites. P. 146, 288, 294; N. Gonnet. Les montagnes d'Asie Mineure d'après les textes hittites // RHA. T. XXII. 1968. F. 63. P. 132. № 109*), который, как окончательно доказано благодаря новым находкам древнехеттских текстов, тождествен древней столице Неце (*N. Otten. Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa, Studien zu den Boğazköy — Texten. 17. Wiesbaden, 1973*) — центру распространения древнехеттского (неситского или несийского, то есть канесийского) языка. Предполагаемое рядом авторов (ср.: *O. Cornil et R. Lebrun. La tablette KBo XVI 98 (=2211/c) // Hethitica. 1 / Ed. par G. Jucquois. Louvain, 1972. P. 13—14*) синкретическое отождествление этого божества с образом Иштар на коне (*J. Leclant. Astarté à cheval // Syria. V. 37. 1960. P. 60 et suiv.*) может представлять особый интерес для выяснения корней греческого мифа об амазонках, давно уже связываемых с хеттами (*W. Leonhard. Hettiter und Amazonen. Berlin-Leipzig, 1911, ср.: И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. С. 114*), в частности, в связи с хеттским изображением женского божества-воительницы (*J. Garstang. Op. cit. P. 96*; разбираемый Гарстангом символ руки связан с подобными изображениями в хетто-лувийской традиции и смежных ареалах, см.: *В. В. Иванов. Об одном типе архаичных знаков искусства и пиктографии // Ранние формы искусства. М., 1972*). Истолкование этого божества как двуполого (амбивалентного) хурритского образа Иштар — Sausga подтверждается хурритскими текстами, где в качестве атрибутов этого божества указаны *aštašhi taḥašhi* 'женственность-мужественность': *E. Laroche. Etudes de linguistique anatolienne. III, II, Bilingues hourro-hittites // RHA. XXVIII. 1970. P. 61. Ср. также в этом плане об амазонках: E. Cavai-gnac. Népat de Comana et les Amazones // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. I. 1950. Heft 1. S. 48—55, и обширную литературу, указанную в статье: В. Н. Топоров. К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями // Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975. С. 28 и след. (там же см. о Телефосе и Телепине). См. об отражении образа хурритской Иштар на лошади: *M. Weippert. Über den asiatischen Hintergrund der Göttin «Asiti» // Orientalia. Vol. 44. 1975. Fasc. 1. S. 12—21.**

⁴¹ *Д. Николић. Коњ у веровањима нашег народа // Жива Антика. IX. 1—2. Скопје, 1959. С. 279 и след.; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Указ. соч. С. 210—211, 81—85 и др.*

го конца Πυρφοϛ⁴², сопоставленное с кносскими именами быка *pu-wo*⁴³ и мужчины *pu-wo* (KN 38, C 912, MY 106) = *Purwos*, с кносским женским именем *pu-wa* (KN Ap 639) = *Purwā*, *pu-wi-no* (P 61, 62) = Πύρρινοϛ.

Историческую преемственность между Хеттским царством и микенскими ахейцами можно проследить на примере острова Кипра (хет. *Alašiya*, акк. *Alaši-*, ср. кносское мужское имя *A-ra-si-jo* KN D f 1229, Fh 369, X 1463), который был завоеван хеттами⁴⁴, по данным хеттского текста Маддуватаса испытал набег Аттарияса — «человека из Аḫḫiya» и был заселен микенскими греками в основном после крушения Хеттского царства — в XII в. до н. э.⁴⁵, когда микенские поселения обнаруживаются в Энкоми, Синде и Китионе. Позднее ахейская традиция микенского времени сохраняется на Кипре очень устойчиво: показательна близость позднейшего кипрского греческого диалекта к языку микенских табличек линейного письма В, сходство принципов (и даже отдельных знаков) кипрского слогового письма с микенским линейным письмом В; отражение на кипрской терракоте VI в. до н. э. критского мотива человека в маске быка⁴⁶ и т. п. Сопоставление данных о морском мо-

⁴² E. Schwyzer. Dial. P. 123, 15.

⁴³ См. сопоставление кносских имен быков с позднейшими именами коней: M. Lejeune. Mémoire de philologie mycénienne. Deuxième Série (1953—1963). Roma, 1971. Chapitre XXXIV. Noms propres des bœufs à Cnossos. P. 382—384. Допущение *-s- после -r-, нужное только для объяснения -qq- в позднейших формах, не принимается Чедвиком (D). См. о культе Πύρροϛ: J. Fontenrose. The Cult and Myth of Pyrrhos at Delphi (University of California Publications in Classical Archeology). Berkeley; Los-Angeles, 1960. Ср. также имя города Πύρρα на Лесбосе.

⁴⁴ H. G. Güterbock. The Hittite Conquest of Cyprus Reconsidered // Journal of Near Eastern Studies. Vol. 26. 1967. № 2. Ср. также договор хеттского царя с Кипром КВ0 XII. 39: O. Otten. Mitteilungen der deutschen Orient-Gesellschaft. 94. Berlin, 1963. S. 10 und folgende. Относительно археологических свидетельств контакта Кипра с Киликией ср.: K. Bittel. Bogazköy III. 1957. S. 39, примеч. Anm. 12; G. Neuman. Op. cit. P. 36, примеч. 2. О иероглифической лувийской печати, найденной на Крите, см.: P. Meriggi. Alasia, 1 p. // Mission archéologique d'Alasia, IV. Paris, 1971. P. 147 и сл.; ср. [Рец.]: E. Laroche // RHA. T. 30. 1972 (1973). P. 134.

⁴⁵ P. E. Pecorella. I micenei nel mediterraneo orientale // Studi micenei ed egeo-anatolici. Fasc. XV (Incunabula Greca. Vol. LV). Roma, 1972. P. 203—208. В Китионе обнаружено микенское поселение XIII в. до н. э.: Karageorghis. Fouilles de Kition // Bulletin de correspondance hellénique. Vol. LXXXIII. 1963. P. 303—370; K. Nikolaou. Archeological News from Cyprus // AJA. Vol. 77. 1973. № 1. P. 53; № 3. P. 427.

⁴⁶ W, 56, n. 1. Предположение о том, что на минойском Крите «царь носил маску быка», высказано еще в кн.: Дж. Пендлбери. Археология Крита. М., 1950. С. 250. Ср. также о связи сюжета кносской фрески, изображающей женщину, которая выглядывает из окна, с подставкой из Энкоми: P. Aström. The Middle Cypriote Bronze

гуществе (*Δαλασσοκρατία*) Кипра в IX в. до н. э. в античной хронике со свидетельством о кораблях Кипра (Киттима), которые должны прийти и смирить Ассура и Евера, в ветхозаветной книге Числа (24, 24) позволило сравнить киприотов IX в. с «народами моря» XII в.⁴⁷, к которым, судя по позднететским текстам, примыкала и Аххиява, отторгшая Кипр от поверженного Хеттского царства⁴⁸. Самое название Кипра *kittim*, употребляемое в этом месте книги Числа, соответствует частому в кумранских текстах термину *Kty'um*, *kyum*, в поздней еврейской традиции обозначавшему «полчища врагов, приходящих преимущественно с Запада, с моря»⁴⁹. Для выяснения происхождения этого названия острова существенны данные Иосифа Флавия, который, ссылаясь на название кипрского города *Κίτιον*, писал: «Хетимос (*Χέτιμος*) завладел островом Хетима (именуемым теперь Кипром), по имени которого евреи называли все острова и большую часть прибрежных районов Хете» (Иосиф Флавий. Древности иудейские, I, 6, 1, § 128)⁵⁰. Представляется возможным поставить вопрос о сохранении в самом этом названии острова и в соответствующей легенде следов его былой принадлежности царству хеттов — *Hatti*⁵¹, ср. с именем *Χέτιμος* суффикс *-(u)-ma* в хеттских именах типа *Šuppiluliuma*, лув. В *Piya-ma-* и т. п.

Age. Lund, 1957 (там же указаны хеттские параллели другой кипрской подставки со финксами).

⁴⁷ P. Dornseiff. Antike und Alter Orient. Interpretationen (Kleine Schriften, I). Leipzig, 1956. S. 283—286 (впервые написано в 1936 г.). В более ранней литературе это место понималось расширительно, см. обзор сведений древнееврейских текстов Ветхого Завета и их традиционных толкований: J. Macpherson. Kittim // A Dictionary of the Bible / Ed. by J. Hastings. Vol. III. New York, 1911. P. 6—7; T. G. Pinches. Kittim // The International Standard Bible Encyclopedia. Vol. III. Grand Rapids. Mich. 1955. P. 1314—1315.

⁴⁸ Позднее, однако, и сама микенская культура гибнет в связи с движением народов моря, если принять гипотезу Чедвика: J. Chadwick. Aegean History 1500—1200 B. C. P. 17—13.

⁴⁹ Тексты Кумрана. Вып. 1. Пер. с древнееврейского и арамейского, введ. и коммент. И. Д. Амусина // Памятники письменности Востока. XXXIII, 1. М., 1971. С. 166.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Для объяснения передачи начального согласного (*Kittim* в отличие от *hittim*) существенно то, что это название вошло в древнееврейский из кипрской греческой традиции, ср. гипотезу о происхождении из слова *Hatti*, **Kātē* гомеровского имени *Κήτιον* (λ 521) 'кетейцы, племя в Мизии': P. B. Andreus. Op. cit. P. 18; E. Laroche. Bulletin de la Société de linguistique de Paris (далее — BSL). 1963. P. 71, аналогична передача *Κίτιμος* при *Hilakku*, *Káppou* при *Harran*, а также ниже о *Hazzi* = *Κάσιον*, *Κε* в *Χέτιμος*, ср. аналогичные передачи имени хеттов в древнееврейских текстах при параллельном *i* в *hittim*.

Предполагаемый длительный контакт носителей хетто-лувийских языков с ахейцами был непосредственно связан с ранним вхождением их в сферу воздействия всего переднеазиатского комплекса древних цивилизаций, влиявшего уже и на общеиндоевропейский праязык, как показывает выявленный В. М. Иллич-Свитычем пласт семитских заимствований в общеиндоевропейском. Недавно обнаружен большой слой слов семитского происхождения в греческом⁵², который может датироваться временем до середины II тысячелетия до н. э., так как значительное число таких слов встречается уже в микенских текстах, ср., например, *ki-u-ro-i* (PY, 324) при др.-евр. *kiuūr* 'горшок, сосуд' (D, 555), *ku-ru-so* (KN 231, PY 224, 247) = *krusoi* 'с золотом' (гом. *Χρυσός*) или *k^hrusijo* 'золотой' (W. 53), др.-евр. угарит. *harūš* (D, 558), *ku-mi-no* (M 105), греч. *κῦμνον* (Hipp.), угар. *kmn*, др.-евр. *kammōn*, акк. *kammuna* (D, 557), *ka-no-ni-pi* (KN 229, PY 244) 'перекладины', вав. акк. *qanu* и т. д. Поэтому⁵³ представляется возможным объяснить как древние кальки семитских оборотов такие специфические конструкции гомеровского языка, по самой семантике возводимые к более ранней микенской ахейской традиции, как *υἱεῖς* 'Ἀχαιῶν' 'сыны ахейцев' = 'ахейцы', *κοῦροι* 'Ἀχαιῶν' 'сыны ахейцев'⁵⁴ (A 473, Г 339), в точности совпадающее с типом др.-евр. *Isr'l umzr* 'сыновья Израиля' (Дан. I, 1 и след.), акк. *mār Bābili* 'сыны Вавилона' = 'вавилоняне'⁵⁵ при возможном более отдаленном источнике в шумерском обороте типа *dumu lagaš^{ki}* 'сын Лагаша' в смысле 'жители Лагаша'⁵⁶. По этому же типу построено и хеттское *DUMU^{MES URU} Hat-ti* 'сыновья Хатти', которое засвидетельствовано уже в древнехеттских текстах, см. НАВ, II, 68 и 76, и в то же время может быть прообразом для обозначения «сыновей Хета» — хеттов, книга Бытие, 23, 3. Не исключена возможность того, что в греческом калькировался не

⁵² E. Masson. Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en grec. Paris, 1967. Результаты этого труда учтены также в кн.: P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. I—II. Paris, 1968—1970. Ср. о культурно-исторических связях: M. C. Astour. Helieno-semitica. Leiden, 1965. Детальные библиографические данные о новой литературе (в том числе и касающейся греческо-анатолийских лексических связей) см.: O. Szemerényi. The origins of the Greek lexicon: Ex Oriente Lux // The Journal of Hellenic Studies. Vol. XCIV. 1974. P. 144—157.

⁵³ G. Nagy. Op. cit. P. 143.

⁵⁴ См. о значении этих оборотов: H. P. Gates. The Kinship Terminology of Homeric Greek (Supplement to «International Journal of American Linguistics»). Vol. 37. № 4. October 1971). P. 66, 67, примеч. 28, 30.

⁵⁵ P. Delitzsch. Assyrisches Wörterbuch. Leipzig, 1896 (2 изд. 1968). S. 391.

⁵⁶ А. П. Рифтин. Из истории множественного числа // Учен. записки ЛГУ. Серия филологич. наук. Вып. 10. 1946. С. 38. Типологическую параллель представляет эве *eβe-vi* 'человек (буквально ребенок) народа эве': D. Westermann. Wörterbuch der Ewe-Sprache. Berlin, 1954. S. 720.

непосредственно семитский тип обозначения, а хеттский, в свою очередь являвшийся калькой семитского (а в конечном счете шумерского). Сходство внутренней формы обширной семантической группы выражений, связанных с заключением и нарушением договоров, в языках Древнего Востока (в частности, аккадском и древнееврейском), включая хеттский, с одной стороны, и в греческом языке, с другой⁵⁷, позволяет думать о возможной посреднической роли хеттского языка в калькировании этих оборотов, связанных с международной юридической практикой.

Некоторые из древних семитских и египетских заимствований являются общими для хеттского языка (где семитские заимствования могли иметь место уже в эпоху контакта с жителями староассирийских торговых колоний в Каппадокии) и микенского греческого, ср., в частности, хет. *šam(m)am(m)a* 'вид орехового дерева', 'маслина' (?)⁵⁸, греч. мик. *sa-sa-ma* (M 105-Ge 602, 605, 606) *-sasama* 'кунжутное семя' (им. п. мн. ч. ср. р.), греч. *σῆσαμα*, акк. *šamtašammi*, угарит. *ššmn* (D, 582). Особый интерес представляет греческое название 'канала' *ἀμάρρα*, несомненно, заимствованное из египет. *mr* 'канал', 'оросительный водоем' и поэтому относящееся к уже значительному числу ранее выявленных египетских заимствований в греческом⁵⁹. Но в то же время

⁵⁷ M. Weinfeld. Covenant Terminology in the Ancient Near East and its Influence on the West // Journal of the American Oriental Society (далее — JAOS). Vol. 93. 1973. № 2. P. 190—199. В этой связи представляет интерес и заимствование хетт. *išhiul* 'договор' в староассирийский язык торговых колоний в Малой Азии начала II тыс. до н. э.

⁵⁸ H. G. Güterbock. Plants in Hittite Anatolia // JAOS. Vol. 88. 1968. № 1. P. 68. № 10 (KUB XII 26 III 14; KUB XVII 10 II 13 и др.). Ср. также ⁶¹⁸*šešan(n)a* 'миндальное дерево (?)': O. R. Gurney. Annals of Archaeology and Anthropology. 27. Liverpool, 1940. P. 112 ff.

⁵⁹ См. о них: П. В. Еришмедт. Египетские заимствования в греческом языке. М.; Л., 1953; Он же. «Море» и «мореплаватели» в словарных египтизмах ахейской речи // Древний мир. М., 1962. С. 513—519. Египетские источники о Крите микенской эпохи (J. Vercoutter. L'Égypte et le monde égéen préhellénique. Cairo, 1956; ср. также: M. C. Astour. Aegean Place-Names in an Egyptian Inscription // AJA. Vol. 70. 1966. P. 313—317) и археологические свидетельства связей в области материальной культуры (Дж. Пендлберу. Указ. соч. С. 249 и сл.; R. S. Merillees. Aegean Bronze Age Relations with Egypt // AJA. Vol. 76. 1972. P. 286 и сл.), в свете которых становятся реальными и ранее отмеченные черты сходства духовной культуры, см. уже: P. Dornseif. Op. cit. Ср. также: E. Iversen. The canonical tradition // The legacy of Egypt / Ed. by J. R. Harris. 2 ed. Oxford, 1971. P. 55—82; A. A. Barb. Mysbery, Myth and Magic // Ibid. P. 138—169. В частности, для интерпретации божества Ветра (*aneton*) в микенское время (ср. о почитании ветра — *aneton ijereja* в микенское время и позднее: D. Page. Folktales in Homer's Odyssey. Cambridge (Mass.), 1973. P. 75 ff.) представляются существенным совпадающее с ним терминологически позднейшее (древнеорфическое, отраженное в «Птицах» Аристофана и косвенно у Аристотеля) греческое обозначение мирового яйца, оплодотворенного ветром (*ἰπνύμιον*), связанное с воздействием египетских мифов:

как для Египта характерно ранее развитие искусственного орошения, определившего ирригационный («гидравлический») характер всей социальной структуры⁶⁰, для Греции и островов Эгейского моря (как и для Малой Азии) в силу экологических условий искусственная ирригация не играла столь существенной роли. Но и в Греции искусственное водоснабжение (в частности, города) развивалось под влиянием соответствующей техники древнего Востока, ср. значения *ἀμάρα* 'водовод для наводнения лугов или высушивания их, для отведения нечистой воды из города', производные *ἀμαρέω* 'стекать, отводиться', *ἀμάρεμα* 'отводимая вода', 'отведенная нечистота', *ἀμαριάς* (*ἕδωρ*) ('вода'), проведенная через ров. Производное от этой основы имя *Ἀμάριδος* относилось к одному из водных каналов, снабжавших водой Эретрию на острове Евбея⁶¹ (в восточной части Эгейского моря, ср. также имя *Ἀμαριάτιος* в Египте); именно это форма засвидетельствована для микенской эпохи⁶² в пи-

S. Morenz. Ägypten und altorphanische Kosmogonie // Aus Antike und Orient. Leipzig, 1950. S. 64—103. Более широкие типологические параллели в Африке см.: В. Н. Топоров. К реконструкции мифа о мировом яйце // Труды по знаковым системам. Т. 3. Тарту, 1967.

⁶⁰ «Здесь находился ключ к государственной организации»: *H. Kees. Das alte Ägypten. Eine kleine Landeskunde. Berlin, 1955. S. 21.* Ср. в этой связи типологические наблюдения о роли искусственного орошения в бассейнах таких великих рек, как Нил: *Metchnikoff. La civilisation et les grandes fleuves historiques. Paris, 1889. P. 365—366* (ср. пер.: *Л. И. Мечников. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. Пг., 1918*); эта специфическая проблема не затронута при новом критическом рассмотрении теории: *В. П. Алексеев. География человеческих рас. М., 1974. С. 41; В. Г. Тан-Богораз. Распространение культуры на земле. Основы этнографии. М., 1928; К. Wittfogel. Oriental Despotism. New York, 1957; Сб. Irrigation Civilizations. A Comparative Study // Pan-American Union Social Science Monographs. № 1. Washington, 1955; В. В. Струве. Некоторые аспекты социального развития древнего Востока // Вопросы истории. 1965. № 5. С. 102—104; И. М. Дьяконов. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // Вестник древней истории. 1968. № 4. С. 23; Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969; М. К. Гегешидзе. Ирригация и орошение как факторы социального развития (VII Международный социологический конгресс. Варна, 1970. Болгария). М., 1970; *J. Needham. The Grand Tradition. Science and Society in East and West. London, 1969. P. 204, 209; 181—182; 28th International Congress of Orientalists. Canberra, 1971. West-Asia. Seminar A.**

⁶¹ *W. Merlingen. Linguistique balkanique. V. 2. P. 14; Ср. p. 11, 18, 40; Ibid. IV. P. 30.* Употребление гом. *ἀμάρα* Φ 259 является образным, ср. об ирригации в материале образных уподоблений Гомера W, 222.

⁶² К проблематике искусственных сооружений типа плотин в микенское время ср.: *J. M. Balcer. The Mycenaean Dam at Tiryns // AJA. Vol. 78. 1974. № 2. P. 141 ff.* (там же ср. об отражении и позднейших традициях, связанном с подвигами Геракла).

лосских текстах: *a-ma-ru-ta* (PY 119) = *Amarunthai* (дат. пад.), *a-ma-ru-ta-o* (PY 114) род. пад., ср. также сочетание вин. пад. с аллативной энклитикой *-de*: *a-ma-ru-to-de* (ТН Of 25), которое может относиться к тому же каналу на Евбее (D, 530). Эта микенская форма важна для установления древности фонетического облика греческого слова, более сходного с египетским источником, чем заимствованное из последнего же хет. *amiyara* 'канал'⁶³, представленное уже в древнехеттских текстах (в частности, в хеттских законах, § 109, где оно чередуется с идеограммой PA₅ в дубликате KUB XXIX 23, 12) и поэтому относимое к числу древних слов, общих для египетского и хеттского⁶⁴ (в последнем терминология искусственного орошения, которое и в Малой Азии не было определяющим для всей социальной структуры, почти целиком является заимствованной).

Не менее существенные фонетические расхождения, заставляющие предположить либо независимое общее заимствование из какого-либо (еще не отождествленного) языка Древнего Востока, либо очень раннее заимствование из хеттского в греческий, предшествующее микенской эпохе, можно обнаружить и в названии 'слоновой кости', общем для обоих языков (и в каждом из них являющемся заимствованным) мик. греч. *e-re-pa* (KN Sd 4412, PY 249) = *elephans*, им. п. ед. ч., гом. ἐλέφας (Δ 141, δ 73), род. пад. *e-re-pa-to* (KN V 684, PY 287) = *elephantos* (гом. ἐλέφαντος), дат.-твор. пад. *e-re-pa-te* (KN 163, 266, PY 239) = *elephantei*, вин. пад. *e-re-pa-ta* (KN Og 7504), ср. также производное прилагательное (относящееся к столам и частям коллекции из слоновой кости) *e-re-pa-te-jo* (KN 265, PY 239) = *elephanteios* (ἐλέφαντειος, Diosc.),

⁶³ О сходстве хеттского слова с греческим (без учета их общего египетского происхождения) и об объяснении хет. *-iy-* см.: G. Neumann. Op. cit. P. 91—92 (там же обсуждение фонетических трудностей и предшествующая литература вопроса). Другие предлагавшиеся сопоставления (в том числе с алб. *amë* 'русло реки', где вызывает трудности фонетическая трактовка исхода слова) суммированы в словаре: P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. I. P. 70.

⁶⁴ О других таких словах см.: В. В. Иванов. О возможном отражении одного литературного термина в хауса (хауса *birni* «город») // Языки Африки. М., 1966. — В частности, егип. *šdm* 'слышать', хет. *ištamaš-* 'слышать', *ištamana-* 'ухо' может рассматриваться как особенно архаическое ввиду параллели последнему в сван. *šdim* 'ухо' (< общекартв. **s₁tim-*). О реальности древних хетто-египетских связей говорит также явная связь клинописного написания названия города Хатти посредством идеограммы KÜ.BABBAR «серебро» с египетским *ḥd* 'серебро' (**-ḥad*, судя по позднему коптскому чтению), что согласуется и с тем, что в хеттском ритуале K Vo IV 1 сообщается о происхождении серебра из Куша (хет. *Kuzza*). Относительно ранних свидетельств египетско-хеттских связей в изобразительном искусстве см. V. Wilson. The iconography of Bes with particular reference to the Cypriote evidence // Levant. Vol. VII. 1975. P. 83.

e-re-pa-te-ja (P 240) = *elephanteiā* (ж. р.), *e-re-pa-te-ja-pi* (PY 242) = *elephanteiāphi*, твор. пад. мн. ч. ж. р., *e-re-pa-te-jo-pi* (KN 276) = *elephanteiophi*, твор. пад. мн. ч. (D, 545), при хет. *lahpa-* 'слоновая кость' (ср. в шумеро-аккадско-хеттское словарное соответствие шум. *zú* = акк. *šinnu* = хетт. *la-aḫ-pa-aš*)⁶⁵. От этого слова в хеттском языке была теоретически возможна и активная одушевленная форма **lahpant-*, совпадающая с суффиксом греческого слова. Хет. *lahpa-* встречаются в шумеро-аккадско-хеттском трехязычном тексте мифологического содержания KUB XXXVI 25 I 4, где оно относится к праздничному столу из слоновой кости, как и приведенное мик. греч. *e-pe-pa-te-jo*. О значении (в том числе ритуальном) подобных изделий для микенской культуры свидетельствуют как перечисленные выше тексты⁶⁶, так и многочисленные археологические открытия, в частности, недавно обнаруженная в доме-цитадели в Микенах мастерская мастера-резчика по слоновой кости рядом с алтарем и фреской богини Potnia⁶⁷, что удостоверило сакральную значимость работы мастера (D, 411, 509), ср. помещение аналогичного мастера в «Доме щитов»⁶⁸ а также находки изделий из слоновой кости в склепе Спаты (XIV — начало XIII в. до н. э.)⁶⁹, в гробнице в Афинах (W, 28), на Делосе (W, 27, table 2), в Кноссе (W, 102).

Эти произведения микенских мастеров всегда предположительно рассматривались как результат обработки привозного материала; несомненно, что привозным материалом слоновая кость была и у хеттов, что согласуется с тем, что слово *lahpa*, судя по своей фонетической структуре (группа *-hp-*, если *-pa* не суффикс типа представленного в *цаḫpa-* 'одежда': *ues*) и по его употреблению с глоссовым клином определяется как иноязычное. Для определения вероятных путей заимствования может представить интерес сопоставление с лат. *ebur* 'слоновая кость', возводимым к егип. *bw* (на основании коптского восстанавливается **(j)ebu*)⁷⁰, что можно подтвердить и указаниями

⁶⁵ E. Laroche. Sur le nom grec de l'ivoire // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. 1965. № 1. — *e-re-pa-te-jo* ср.: G. Nagy. Op. cit. P. 191. См.: Publications de la Mission archéologique de Ras Shamra. F. XVI. P. 310 et suiv., 773 et suiv.

⁶⁶ Ср. также: P. Chantraine. Termes mycéniens relatifs au travail d'ivoire // Revue des études grecques. 70. 1958. P. 201—211.

⁶⁷ W. D. Taylor. Mycenae, 1968 // Antiquity. Vol. 43. 1969. P. 91—92; Idem. New Light on Mycenaean Religion // Antiquity. Vol. 44. 1970. P. 270—280.

⁶⁸ Т. В. Блаватская. Указ. соч. С. 118. Ср. также: A. J. B. Mace. Ivory carvings from Mycenae // Archaeology. 7. 1954. № 2. P. 149—155.

⁶⁹ Т. В. Блаватская. Указ. соч. С. 112.

⁷⁰ См.: E. Masson. Op. cit. P. 82; E. Laroche. Sur le nom grec de l'ivoire. P. 56—57. Исход латинского слова сопоставим и с мик. *e-re-pa-i-ro* (KN Vc 212), *e-re-pa-ro* (KN Vc 212). В южные и юго-западные (лувийские) области Малой Азии в средне-хетт-

на ввоз слонов и слоновой кости в Рим из Эфиопии в «Сатирах» Ювенала — «*rursus ad Athiopum, populos aliosque elephantos?*» ‘вплоть до племен Эфиопии и мест, где еще больше слонов!’⁷¹ (X, 148—15; ср. XI, 124; XII, 103—104), но ср. также и возможное сближение егип. *zbw* с др.-инд. *ibhaḥ*⁷², которое в свою очередь согласуется с возведением эфиоп. *nagē* ‘слон’ (мн. ч. *nagēyāt*, *nagayāt*, вариант в книге Еноха 86, 4, *nāgəyāt*) к др.-инд. *nāga* ‘слон’⁷³.

Но конкретный источник хет. *lahpa* и мик. *e-re-pa-* = ἐλέψας; (с утратой согласного перед *ph* и появлением протетического *e* перед начальным *λ* — еще в период до появления микенских текстов) остается загадочным.

Несомненным является заимствование из хеттского по отношению к другому микенскому термину, важному для соотнесения с памятниками материальной культуры: мик. *ku-wa-no* (PY 239, 244) = *kuanoi*, твор. пад., ‘(выложенному) стеклом синего цвета’⁷⁴, ср. *ku-wa-no-wo-ko-i* (MYOι 703) = *kuanoworghoihi* (дат. пад. мн. ч.) ‘мастерам, работающим над стеклом синего цвета’, происходит из хет. *kuanna-* ‘драгоценный камень’ (в частности, в хеттском пере-

скую эпоху изделия из слоновой кости привозили из Египта; это доказывается письмом, в котором египетский фараон (Аменхотеп III, именующий себя *Ni-mu-ut-ri-ya*) обещает правителю Арцавы прислать среди прочих даров 10 престолов из черного дерева и слоновой кости, что может служить доводом в пользу сближения *lahpa* с афро-азиатскими терминами типа котоко **ar(a)ra* ‘слон’, кушит. **ʼar(a)b-* (по А. Б. Долгопольскому, см. его доклад «Новые афразийские этимологии» на конференции в честь И. М. Дьяконова в Ленинграде 6 февраля 1975 г.).

⁷¹ Ср.: *E. Laughton*. Juvenal’s Other Elephants // *The Classical Review*. NS. Vol. VI. 1956. № 3—4. P. 201, ср. там же о связи названия Элефантины (упоминаемой Иосифом Флавием в «Иудейской войне», IV, 61) со слонами, о чем также: *P. Daumes*. *La civilisation de l’Égypte pharaonique*. Paris, 1967. P. 598—599; ср. о слоне как эмблеме первого нома Верхнего Египта (Элефантины): *Г. Чайльд*. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956. С. 129—130.

⁷² *M. Mayrhofer*. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Bd. 1. Heidelberg, 1956. S. 90. Предполагавшееся для **jebu* дальнейшее сближение с др.-инд. *ibhaḥ* показательно в свете данных о восточном происхождении (из Индии?) слоновой кости в микенской культуре, см.: *L. A. Stella*. *La civiltà micenea nei documenti contemporanei*. Roma, 1965. P. 199—200.

⁷³ *J. Halevy*. Traces d’influence indo-parsie en Abyssinie // *Revue sémitique d’épigraphie et d’histoire ancienne*. T. IV. 1896. P. 253; *E. Littmann*. *Indien und Abissinien // Beiträge zur Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte Indiens*. Festgabe H. Jacobi. Bonn, 1926. S. 408, 414; *M. Mayrhofer*. *Op. cit.* Lief. 10. Heidelberg, 1958. S. 150—151; *J. Vercoutter*. Un palais des «Candaces» contemporaine d’Auguste (Fouilles à Wad-ban-Nage 1953—1960) // *Syria*. T. 29. 1962. P. 3—4, 235.

⁷⁴ *R. Halleux*. Lapis-lazuli, azurite ou pâte de verre? A propos de *kuwano* et *kuwanoko* dans les tablettes mycéniennes // *Studi micenei ed egeo-anatolici*. Fasc. 9. (Incunabula graeca. Vol. XXXIX). Roma, 1969. P. 47—66; D, 559.

ложении хурритского эпоса «Песнь об Улликумми», KUB XXXIII 96 I 9—10), ‘купоросно-синий, медь’⁷⁵, лув. *kuṣanzu* ‘медь’, прилагат. *kuṣanzuna/i-* при возможных дальнейших сближениях с шум. KU.AN ‘металл (цвета?) неба’ (‘железо?’) или акк. *iqnu* ‘ляпис-лазурь’, угарит. *iqnu*. Значения хет. *kuwanna* позволяют объяснить и семантическое соотношение между микенскими терминами и гомеровскими словами, которые отчасти сохраняют следы значения ‘синий’ (позднее ‘темный’ *κλάσος*, соответствующее *ku-wa-ni-jo*, PY 244 ‘с синим стеклом’, *κλαν-ῶπις* ‘синеглазый’, μ 60), отчасти же обнаруживают развитие значений ‘медь’ > ‘сталь’, объясняемое изменением характера металлургии между микенским временем и гомеровским⁷⁶, в связи с чем употреб-

⁷⁵ A. Goetze. Contributions to Hittite Lexicography // Journal of Cuneiform Studies. Vol. I. 1947. P. 307—310; E. Laroche. Mots grecs d’origine anatolienne // BSL. T. 51. 1955. P. XXXI—XXIV; Idem. RHA. Fasc. 79. 1966. P. 180 ff.; G. Neumann. Op. cit. P. 19 (в двух последних работах см. и о других словах, заимствованных в греческий язык через посредство анатолийских); упомянутое в кн. G. Neumann. Op. cit. P. 20, сопоставление греч. ὀβρύξη ‘чистое золото’ и хурр. (u хет.) *hubrušihhi* ‘сосуд’, предложенное Бенвенистом, согласуется с возможностью объяснения из хурр. *ušhu* ‘серебро’, лат. *aurum* и др. названий золота. Ср. также с хетт. *kuwanna-*: R. Halleux. [Рец.] J. D. Muhly. Copper and tint. The Distribution of Mineral Resources and the Nature of the Metal Trade in the Bronze Age // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. XVII. 1974. Pt. 1. P. 103. H. Gusman. Op. cit. P. 8 (ср. там же о проблеме соответствия гр. *σόλος* и хет. *šulai*). Анатолия в древности была одним из главных производителей меди. Ср. также в этой связи о древней роли Кипра (Alašim): A. R. Millard. Cypriot Copper in Babylonia, с. с. 1745 В. С. // JNES. 1973. № 4. P. 211—212. К проблематике распространения металлов и металлургии на древнем Ближнем Востоке ср. также: J. D. Muhly, T. A. Wertime. Evidence for the sources and use of tin during the Bronze Age of the Near East // World Archaeology. Vol. 5. 1973. P. 111—122; J. D. Muhly. Tin Trade Routes of the Bronze Age // American Scientist. Vol. 61. 1973. P. 404—413; T. A. Wertime. Pyrotechnology: man’s first industrial uses of fire // American scientist. Vol. 61. 1973. P. 670—682; Idem. The Beginnings of metallurgy: a new look // Science. 182. 1973. P. 875—887. Проблема связи хет. *kuwanna-* со славянским и балтийским названием ‘свинца’ сложна фонетически, так как **ku-* должно быть хет. *šu-*, но ср. формы типа хет. *zanankur* ‘борода’ и т. п.

⁷⁶ См. о Гомере: B. Neumann. Die ältesten Verfahren der Erzeugung technischen Eisens // Freiburger Forschungshefte. Kultur und Technik. D 6. Berlin, 1954. S. 48, 55; H. Wilsdorf. Historische und archäologische Quellen zur Geschichte des Eisens // Ibid. S. 72—75 (синхроническая таблица), 76 (ср. о хеттах: Ibid. S. 78—79); D. P. H. Gray // Journal of Hellenic Studies. V. 74. 1954; W. P. 105, 140, 166, 222, 290. Возможная связь значений ‘медь’ и ‘железо, сталь’ позволяет с большей определенностью высказаться в пользу гипотезы (H. Frisk. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Lief. 22. Heidelberg, 1970. S. 1071); о возможности возведения греч. гом. *χαλκός* ‘медь, изделие из металла’ (мик. *kako* ср. *kakeu* ‘кузнец’), в котором всегда предполагается заимствование, к одному источнику с хет. *hapalki* ‘железо’ (из хатти), ранее сравнивавшемся с

ление слова *κάλος* и его производных в гомеровских описаниях (в частности, щитов Ахилла и Агамемнона) отличается от микенского (W, 29, 212, 219), хотя в описании стола (*τράπεζαν*) Нестора с ножками, выложенными синим стеклом (*κινάνο-πέξα*, Λ 628—629), можно еще видеть прямой след словоупотребления микенской эпохи (W, 112), совпадающего с хеттским.

К числу хетто-лувийских заимствований, связанных с обозначениями предметов материальной культуры (в том числе и ритуальных) в языке микенских текстов, по-видимому, следует отнести мик. *di-pa* KN 232, P) = *dipas* 'сосуд' (ср. аналогичное архаическое употребление гом. *δέπας*, имеющего со-

греч. *χάλυβες*; H. Wilsdorf. Op. cit. P. 78—79. Ср. о хеттском и хаттском слове, проникшем в аккадский и хурритский: В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1967. С. 19—20; E. Laroche. Etudes hourrites // Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale. V. LXVII. № 2. 1973. P. 130, примеч. 2. Отсутствие рефлекса *-p-* (*-b-*) в *χάλκος* можно связать с известным чередованием *-p-*, *-w-* в хатти. К историческим причинам заимствования: ср. C. Zaccagnini. KBo I 14 e i1 «monopolo» hittita del ferro // Rivista degli studi orientali. V. 45. 1970. № 1—2. P. 11—20. Вместе с тем следует учесть и вероятные (скорее всего более поздние в свете хеттской формы) восточноазиатские связи этого миграционного термина. Kun Chang. Sino-Tibetan «iron»: *q^hleks // JAOS. Vol. 92. 1972. P. 436—446 (представляется весьма вероятным, что славянское название «железа» также связано с этим миграционным термином; вопреки высказывавшимся в последнее время сомнениям ср.: О. Н. Трубачев. Славянские этимологии. 2 // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М., 1957. С. 31—34, ср. также: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. II. М., 1967. С. 43; следует вернуться к той точке зрения, которую защищал Мейе, см.: А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951. С. 408, § 578. Происхождение греческого (как и других индоевропейских и евразийских вплоть до тибето-китайских) названий металла стали из хатти *ḫapalki* 'железо' кажется вероятным в свете недавно установленной древности производства железа в Анатолии, см.: T. A. Wertime. Pyrotechnology. P. 674, 676, 682, примеч. 17; Idem. The beginnings of metallurgy; a new look. P. 875, 882; R. Mowell-Hyslop. The metals *amūtu* und *aši'u* in the Kültepe texts // Anatolian studies. Vol. XXII. London, 1972. P. 158. В греческом языке хатти (и хет.) *ḫapalki* (фонетически [*xaflk-*]) отразилось в нескольких фонетически преобразованных формах, объясняемых разной хронологией заимствования, связанного с восточным происхождением греческой металлургии железа (см. библиографию: R. Pleiner. Iron working in Ancient Greece // Sborník národního technického Muzea u Praze. 7. Praha, 1969): в названии стали (*χάλυψ*), производившейся народом халибы (*χάλυβες*), обитавшим на черноморском берегу Малой Азии, в более раннем общем названии металла (и основного металла века меди), мик. *ka-ko*, греч. *χάλκος*, и — с закономерной диссимиляцией по закону Грассмана (ср. о ее действии в древних заимствованиях: W. Dressler. Zur Rekonstruktion phonologischer Prozesse in Altgriechischen. Grassmans Gesetz // Bereiche der Slavistik. Festschrift zu Ehren von Josip Hamm. Wien, 1975. S. 64—65) — в обозначении колхов и Колхиды, в названии изобретателей кузнечного дела тельхинов, допускающем сближение с именем адыгского бога Глепса (Глепша) — покровителя кузнецов и железа.

ответствие и в некоторых более поздних текстах, в Λ 632, κ 316, D, 540, W, 112), мн. ч.⁷⁷ *di-pa* (KN 230), им. п. дв. ч. *di-pa-e* (PY 236); ритуальное употребление этого слова могло бы объяснить и гипотетическую его связь с дат. пад. мн. ч. *di-pi-si-ji-i* (PY 307) в качестве обозначения сосуда для масла с возможной позднейшей народно-этимологической внутренней формой 'для жаждущих' (духов мертвых)⁷⁸ (греч. гом. *δίψα* 'жажда', Λ 642, *δίψάων* 'жаждущий' λ 584). Чередование *i/e*⁷⁹, наблюдаемое в мик. *di-pa*, гом. *δέπας*; уже ранее приводилось как аргумент в пользу иноязычного происхождения этого слова, которое можно сопоставить с хеттским названием сосуда *tapišana-* (к суффиксу ср. также *δέπαστρον*) и, по-видимому, со сходным лувийским иероглифическим словом⁸⁰. К тому же кругу ритуальных предметов, обозначения которых могли быть заимствованы греческим из хетто-лувийских языков, принадлежит греч. *Σύρσος* ('тирс, жезл вакханок, увитый плющом', возводимое к иер. лув. *tuwarsa* 'виноградная лоза'⁸¹). Аномальное фонетическое развитие

⁷⁷ M. Lejeune. Essais de philologie mycénienne. XII Les neutres en *-as-* // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. 1968. P. 230—232. У Гомера *δέπας* обычно означает кубок, который держат в руках. Но в указанном месте XI песни «Илиады» это сосуд, в котором изготавливается напиток, причем сосуд этот с четырьмя ушками (см. мик. *di-pa te-wi-jo qe-to-ro-we* = *δέπας μεΦιον 2^ο ετροΦες*). Сравнение со сходным местом в «Одиссее» (X песня), где речь идет о приготовлении Цирцеей питья для Одиссея, позволяет думать, что *δέπας* — у Гомера явно традиционный микенский штамп, возможно, реликт прогомеровского микенского эпоса. Как обнаружил Коллиндж, следы такого употребления (по отношению к солнцу и Гераклу) обнаруживаются и у Стесихора.

⁷⁸ W. K. G. Guthrie. Early Greek Religion in the Light of Decipherment of Linear B // Bull. London Inst. Classical Studies. 6. 1959. P. 45; другое объяснение ср.: S. Marinatos. Πολυδίψιον Ἄρσος // Proc. Cambr. Coll. on Myc. Stud. Cambridge, 1965. P. 265—84; F. K. Adreos. di-pi-si-jo-i u el mas dipsio de Farsalo // Minos. 9. 1969. P. 187—191 (сопоставление с фессалийским названием месяцев *Δίψιος* D, 546, 479).

⁷⁹ Ср. О других микенских примерах: D. A. Hester. The *i/e* Alternation in Mycenaean Greek // Minos. 1960. P. 24—36.

⁸⁰ P. Meriggi. Listes des hiéroglyphes hittites // RHA. F. 27. 1937. P. 93, n. 8; B. B. Иванов. Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии // Вестник московского университета. 1957. № 2. С. 24—25, примеч. 6; E. Laroche. Les hiéroglyphes hittites. 1. Paris, 1960. P. 96, 97; V. Pisani // Annali dell'Istituto Orientale di Napoli. 7. 1966. P. 44 ff.; R. Gusmani. Op. cit. P. 33, 84 (там же о других названиях сосудов и некоторых других предметов, общих для анатолийских языков и греческого); G. Neumann. Op. cit. P. 20. Археологическое подтверждение наличию связей между соответствующими малоазиатскими и эгейскими типами керамики дает P. Spanos. Untersuchung über bei Homer *δέπας ἀμφικύπελλον* genannten Gefäßstypus. Tübingen, 1972.

⁸¹ I. Gelb. Hittite Hieroglyphs. I. Chicago, 1931. P. 10, 86; H. Th. Bossert. Die phönizisch-hettitische Bilinguen vom Karatepe // Jb. Kl F. Bd. II. Hft. 2. 1952. S. 177—181. Ср.

-*q*с- объединяет это греческое слово с греч. *βύρσα* 'шкура, кожа', предположение о том, что оба они заимствованы из одного источника⁸², подтверждается сравнением *βύρσα*- с хетт. *kursa*- 'кожа, шкура, руно, щит'⁸³ (как хеттское заимствование обычно рассматривается и староассирийское *kursannum* 'меха, кожаный сосуд для жидкости' в текстах из колоний в Малой Азии XX—XVIII вв. до н. э., ср. угарит. *krsn* с тем же значением⁸⁴). Датировка этого заимствования микенской эпохой подтверждается трактовкой начала (греч. мик. **qursa* > *βύρσα*), сходной с именем города *βύβλος*, время заимствования которого относится к периоду до 1200 г. до н. э., после которого исходная форма *Gubla* изменяется в *Gubál*⁸⁵.

также: *G. Neumann*. Op. cit. S. 86—87 (сопоставляется также с *τύβαρις* — вид винограда); *A. Heubeck*. *Prægreca. Sprachliche Untersuchungen zum vorgriechisch-indogermanischen Substrat* (Erlanger Forschungen. Reihe A. Geisteswissenschaften. Bd. 12). Erlangen, 1961. S. 80. См. также: *E. Laroche* // BSL. 1963. P. 71 ff. (приводимое там же греч. *ἄφεινος* при хетт. *ḫappinant-* 'богатый' является скорее «догреческим», а не хеттским заимствованием, так как иначе необъяснимо было бы отсутствие передачи начального *ḫ*-).

⁸² *K. Forbes*. Medial Intervocalic -*q*с-, -*λ*с- in Greek // *Glotta* 19. Bd. 36. 1956. Hft. 3—4. P. 271—272. Ср. о диалектном (неаттическом) характере *βύρσις*: *P. Chantraine*. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire de mots*. T. 1. P. 202.

⁸³ *E. Laroche*. *Recherches sur les noms des dieux hittites*. Paris, 1947. P. 75, n. 4; *J. Friedrich*. *Hethitisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1952. S. 119. Если для лув. *kūršaše*- правильно определено значение 'военный' (*P. Meriggi*. *Testi luvii* // *Athenaeum*. Nova Serie. Vol. XXXV. 1957. Fasc. I—II. P. 63—64; *E. Laroche*. *Dictionnaire de la langue louvite*. P. 60), то это слово может иметь первоначальную внутреннюю форму 'относящийся к щиту' и этимологически связано с хетт. *kurša*-. Последнее слово часто встречается в сакрализованном контексте, который может быть важен для интерпретации причин заимствования. В частности, бог-защитник руна (^dLAMA ^{kus}*kur-ša-aš*) постоянно упоминается в списках хеттских богов в государственных договорах, а также в ритуалах типа КВо XVII 105 (см. транслитерацию и перевод: *B. В. Иванов*, *В. Н. Топоров*. Указ. соч. С. 51, ср. с. 35, где разбирается использование слова *kuršaš* в ритуале Телепинуса).

⁸⁴ *I. J. Gelb*. *Cappadocian Tablet supposedly from the Neighborhood of Carchemish* // *Athenaeum*. N. s. V. XLVII. Fasc. I—IV. 1969 («Studi in onore di Piero Meriggi»). Pavia, 1968. P. 122—123; Ср. *Gusmani*. Op. cit. P. 32.

⁸⁵ *W. P. Albright*. *Some Oriental Glosses on the Homeric Problem* // *AJA*. Vol. 54. 1950. P. 165—166. Предположенная в этой статье ранняя датировка усвоения греками семитского алфавита в настоящее время может быть сопоставлена с эпиграфическими данными, на основании которых высказывается гипотеза о дате этого усвоения около 1100 г. до н. э. (т. е. во время возможных контактов греков на Эгейских островах с семитами уже после утраты микенского письма В). *J. Naveh*. *Some Semitic Epigraphical considerations on the Antiquity of the Greek Alphabet* // *AJA*. Vol. 77. 1973. № 1. P. 1—8. Ср. о происхождении *ἡ βύβλος* в связи с вопросом происхождения письменности у греков: *F. Dornseif*. Op. cit. P. 32. Ср. также: *J. D. Muhly*. *Homer and the Phoenicians* // *Berytus*. 19. 1970. P. 19—64.

Доказываемое всеми приведенными фактами (и рядом других, им подобных) положение, согласно которому Греция и весь Эгейский мир составляли по существу часть культурно-языкового ареала Древнего Ближнего Востока, имеет исключительное значение не только для истории греческого языка и материальной культуры, но и для исследования истоков греческой мифологии и эпоса, испытавших глубокое воздействие хурритских мифологических поэм (видимо, через хеттские переводы).

Как и по отношению к некоторым приведенным лексическим фактам, при сравнительном изучении древнегреческой мифологии и эпоса наряду с хеттским и хурритским влиянием допускается и воздействие других переднеазиатских традиций, в частности опосредованной шумеро-аккадской и непосредственно угаритской⁸⁶. Поэтому особое значение могут иметь возможные лингвистические доказательства, что именно хеттский язык (или другие анатолийские) мог оказать влияние на язык раннего греческого эпоса. В этом отношении особый интерес представляет гомеровское название крови богов *ἰχώρ* (Е 340 и 416), которое самим Гомером разъясняется как *ἄμβροτον αἶμα θεοῖο* 'кровь бессмертных богов' (Е 339), что можно рассматривать как своего рода глоссу к этому слову. Сопоставление этого слова с хет. *ešhar* (др. хет. *e-eš-ḫar*), *ishar* свидетельствует с несомненностью о заимствовании этого слова в греческий язык из анатолийских (скорее всего, из хеттского ввиду *a* в родственной лувийской основе *ašhar-*), причем *e* (вероятно, закрытое) передано как *i* (ср. позднехеттское *i* < *e*, что, быть может, позволяет уточнить время заимствования, отнеся его ко 2-й половине II тысячелетия до н. э.), тогда как хет. *h* соответствует греч. *χ*, как и в названии *Aḫḫiyawa*⁸⁷.

⁸⁶ *F. Dornseif*. Op. cit. P. 35 ff. (где допущение египетского влияния согласуется с приведенным выше, см. 59, данными, ср. также ниже); *A. Heubeck*. Mythologische Vorstellungen des alten Orients im archaischer Griechentum // *Gymnasium*. 62; *A. Lesky*. Saeculum. 5. 1955; *G. Steiner*. Griechische und orientalische Mythen // *Antike und Abendland*. 6. 1957. W, особенно раздел 3 (Eastern Poetry and Mycenaean Poetry). P. 64—90; *P. Walcot*. Hesiod and the Near East, University of Wales. Cardiff, 1966; *W. L. West*. Early Greek Philosophy and the Orient. Oxford, 1971. Ср.: *G. Steiner*. Die Unterweltbeschwörung des Odysseus im Lichte hethitischer Texte // *Ugarit-Forschungen*. Bd. 3. 1971. S. 265—283; *O. Szemerényi*. Op. cit. P. 157 (с дальнейшей литературой). Особый интерес представляет допущение влияния недавно дешифрованной древнехурритской музыки (и лирики) Угарита на греческую: *A. D. Kilmer*. The cult song with music from Ancient Ugarit; another interpretation // *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale*. Vol. LXVIII. 1974. № 1. P. 82.

⁸⁷ *В. В. Иванов*. Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии. С. 24—25, там же предшествующая литература вопроса; *P. Kretschmer*. Hettitische Relikte im kleinasiatischen Griechisch (Abh. d. Österreichisch. Akad. d. Wissensch, № 25). Wien, 1951. Указанные Г. Нейманом трудности, связанные

Это заимствование из хеттского в древнегреческий представляет интерес потому, что гомеровское *ἰχῶρ* относится к особым словам, отличающим «язык богов» от «языка людей»⁸⁸; аналогии подобного противопоставления были обнаружены Фридрихом в хаттских текстах, Дорнзейфом в египетских⁸⁹. Но в настоящее время параллели различению словаря богов и людей найдены и в других индоевропейских традициях, в частности древнеирландской⁹⁰. Поэтому по отношению к языку Гомера само это различие может быть объяснено не только воздействием хеттской традиции (вероятнее всего, через посредство хеттской) на греческую, так как последняя, как и сходная древнеирландская, может восходить к общеиндоевропейским истокам. Но и в некоторых других отношениях вероятно влияние туземной анатолийской (хаттской) традиции на греческую. В частности, давно уже обращалось внимание на параллелизм Телепинуса и Телефа⁹¹ и на разительное сходство мифа о борьбе Зевса с Тифоном и известного в хеттской передаче хаттского мифа о схватке бога Грозы с демоном-змеей (хет. *illuyan-kaš*)⁹².

Но, как установлено в целой серии работ, для использования последнего греческого сюжета существенны и другие древнеближневосточные параллели, прежде всего хурритский эпос об Улликумми, дошедший в новохеттском переложении⁹³, которое можно с определенностью датировать эпохой Нового

с наличием группы фонем *šh* в хеттском слове (*G. Neumann*. Op. cit. S. 18), не представляются непреодолимыми ввиду того, что в самом хеттском языке эта группа в данном слове, вероятно, заменяется одной фонемой, если с ним связан как его вариант *eššar*, наряду с которым вполне реально предположение варианта **eḫḫar > *iḫḫar* (где *a* может быть графическим отражением *o*), ср. также развитие *šh > ḫh* в хурр. *ḫi-ya-ru-uh-ḫé* 'золото': *E. Speiser*. Introduction into Hurrian. New Haven, 1940. S. 46.

⁸⁸ *K. Güntert*. Die Sprache der Götter und der Geister. Halle, 1921.

⁸⁹ Дорнзейф в цикле своих статей, существенных для темы настоящей статьи, ссылается на наличие особой крови богов как на черту, параллельную наличию у них особого языка: *E. Dornseif*. Op. cit. P. 66—67, 210.

⁹⁰ *C. Watkins*. Language of Gods and Language of Men: Remarks on Some Indo-European Metalinguistic Traditions // *Myth and Law among the Indo-Europeans*. Studies in Indo-European Comparative Mythology. Berkeley; Los Angeles, 1970.

⁹¹ *W*, 67. Ср., в частности, широко проведенное исследование *В. Н. Топорова*: *В. Н. Топоров*. Указ. соч.

⁹² *W. Porzig*. Illujankaš und Typhon // *Kleinasiatischen Forschungen*. Bd. I. Hft. 3. 1930. S. 379—387. Об этимологии *illuyankaš* и сравнительном объяснении всего змееборческого сюжета см.: *В. В. Иванов*, *В. Н. Топоров*. Указ. соч. С. 134—135 и др.

⁹³ *E. G. Güterbock*. The Song of Ullikummi // *JCS*. Vol. V. 1951. № 4; Vol. VI. № 1. 1952, см. также комментированный перевод эпоса, выполненный автором, в издании: *Поэзия и проза Древнего Востока* (Библиотека всемирной литературы. Серия первая, 1). М., 1973. С. 234—245, 684—686; *J. Fontenrose*. Python: A Study of Delphic Myth

Царства, когда особенно велико было число хурритских рапсодов в хеттской столице⁹⁴.

Для отождествления двух версий — греческой и хеттской особенно существенно то, что в поздней греческой традиции (у Аполлодора) сохраняется приурочение битвы с Тифоном к горе *Κάσιον ὄρος* (в северной Сирии угаритская гора Цафон⁹⁵ — местопребывание богов в угаритском мифологическом эпосе), почитавшейся в качестве священного места бога Грозы (Зевса). Та же гора (*Hazzi*) как местопребывание бога Грозы, куда он переходит под натиском чудовища Улликумми, упомянута в «Песне об Улликумми» (ср. также хурритский ритуал этой горы в Богазкейском архиве Kbo VIII 86, 88, Cat. № 785). К числу отдельных важных совпадений, объединяющих греческий вариант мифа с хеттским, принадлежит мотив резака, который отделил небо от земли. Последний мотив в «Песне об Улликумми» связывается с гигантом Упеллури, держащим на своем плече небо и землю и представляющим собой точное соответствие греческого Атласа⁹⁶. Отрезав с помощью резака подножье Кункунуцци (Улликумми) от плеча Упеллури, держащего на себе Небо и Землю, Эа лишает Кункунуцци его силы (что также имеет параллели в греческой мифологии, в частности в мифе об Антее). В греческой мифологии такое же орудие выступает как способ отделения от Земли (Гайи) Неба (Урана) и оскопления последнего — главного бога второго поколения главным богом третьего (следующего) поколения (Кроном), что (по их ролям в аналогичном эпизоде и по синтагматическому месту в ряду из четырех поколений⁹⁷) позволяет отождествить с Кроном и Ураном соответственно хетто-хурритских Кумарби и Ану (в конечном счете от шумер. *An* 'Небо', что по внутренней

and its origins. Berkeley; Los Angeles, 1959. Ср. также об отражении хеттского змеборческого мира в иконографии: *H. G. Güterbock*. Narration in Anatolian, Syrian and Assyria Art // *AJA*. Vol. 61. 1967. № 1. P. 64.

⁹⁴ Характерно, что, согласно списку лиц, обслуживавших один из храмовых центров литературной и музыкальной деятельности в Хаттусай, из общего числа 208 служителей 10 (4,8%) были «певцами, певшими по-хурритски» (т. е. рапсодами, исполнявшими хурритские поэтические сочинения): *K. Bittel*. Boğazköy. The excavations of 1967 and 1963 // *Archeology*. Vol. 22. 1969. № 1. P. 278.

⁹⁵ Ср. уже: *O. Eissfeld*. Baal Zaphon, Zeus Kasios usw. Halle, 1932.

⁹⁶ Ср.: *A. Lesky* // *Anzeiger für Altertumswissenschaft*. 1950. S. 148; *Idem*. Zum hethitischen und griechischen Mythos // *Eranos*. 52. 1954; *Idem*. Gesammelte Schriften. S. 369; *M. L. West*. Op. cit. P. 369; *Idem*. Hesiod. Theogony. 1966. P. 517.

⁹⁷ Ср.: *E. Forrer*. Göttergeschichte als Weltgeschichte im alter Orient // *Forschungen und Fortschritte*. 11. 1935. S. 398 ff.; *H. G. Güterbock*. Kumarbi. Mythen vom churritischen Kronos. Zürich; New York, 1946; *P. Meriggi*. Miti di Kumarpī, il Kronos currico // *Athenaeum*. N. S. Vol. XXXI. 1953; ср.: *P. Walcot*. Op. cit. P. 1—16 (глава 1. «Theogony and the Hittite Material»).

форме совпадает с греч. гом. *οὐρανός* 'Небо'). В хеттско-хурритском цикле о царствовании на небесах Ану, спасаясь от Кумарби, его оскопляющего, взлетает к небу (возвращаясь в свою стихию), тогда как в предшествующем эпизоде Алалу, спасаясь от Ану, бежит в Нижний мир. Предлагаемая интерпретация хеттско-хурритского мифа⁹⁸ дает окончательное (недостававшее ранее)⁹⁹ доказательство тождества главных богов первого поколения — Алалу и океана, которые оба представляют Нижний мир (ср. об *᾽Οκεανός* и 512 и др.). Наконец, в четвертом поколении богов главный из них — бог Грозы Тешуб совпадает по своей функции с громовержцем Зевсом (греческое имя, которого, впрочем, первоначально восходило к имени бога ясного неба), в связи с чем особое значение приобретает отождествление Зевса с *Ζάς Ζαυτός* и лув. *Šantaš* (богом Грозы)¹⁰⁰, что и в данном случае позволяет предположить лувийское посредничество между греческой и хеттской традициями. Поскольку в этих последних, следовательно, совпадает не только мотив различения поколений богов и мотивы оскопления главного бога старшего поколения (Ану, Урана) главным богом, приходящим ему на смену, и мотив проглатывания одним из старших богов (Кроном, Кумарби) других богов (или семени, от которого зачаты другие боги), потом из него выходящих, но и семантическая значимость и синтагматические функции в соответствующих сюжетах каждого из четырех главных богов, исключительный интерес представляет то, что эпитет титанов у Гесиода — *πρότεροι θεοί* 'прошлые боги'¹⁰¹

⁹⁸ См. комментированный русский перевод, выполненный автором: *Поэзия и проза Древнего Востока*. С. 246—247, 686—687. Намеченная там же в комментарии параллель с египетским мифом о Горе и Сете независимо от автора развита в более новой статье: *E. S. Meltzer*. Egyptian Parallels for an Incident in Hesiod's Theogony and an Episode in the Kumarbi Myth // *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 33. 1974. P. 156. Ср. литературу о влияниях египетских мифов, указанную выше, сн. 59 и 86 и ниже, сн. 100.

⁹⁹ См.: *F. Vian*. [Рец.] *J. Rudhardt*. Le thème de l'eau primordiale dans la mythologie grecque // *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*. Т. 56. 1972. F. 2. P. 285. Можно думать, следовательно, о греческом четырехчленном ряде: Океан (ср. Нижний мир — Темная земля у хеттов) — Небо — Время (*Χρόνος*) — Гром.

¹⁰⁰ *M. L. West*. Early Greek Philosophy and the West. P. 51. Однако отождествление Зевса не с Тешубом, а с Кумарби можно предположить на основании эпизода в хеттской Теогонии (KUB XXXIII 120 II 37—38), где божество, подобно Афине, выходит из головы (*tarna* 'череп', возможно, лувийское существительное, имеющееся в шумеро-акадско-хеттских словарях) Кумарби, см.: *E. Laroche*. Etudes de linguistique anatolienne. II-RNA. Vol. XXIV. Fasc. 79. 1966. Ср. также египетскую параллель: *J. Kaster*. Wings of the falcon. New York, 1963. P. 250—251.

¹⁰¹ *M. L. West*. Hesiod. Theogony. Oxford, 1966. P. 301; *J. P. Vernant*. Mètis et les mythes de souveraineté // *Revue de l'histoire des religions*. Т. CLXXX. 1971. № 1. P. 39, n. 6.

является точной калькой хет. *Karuilieš šimeš* (идеограмма DINGIR^{MEŠ}), выступающего в различных хеттских текстах религиозного содержания (в частности, в гимнах богу Солнца).

Можно отметить также и некоторые повторяющиеся в древнегреческом эпосе поэтические приемы, совпадающие с хеттскими (и с египетскими), в частности, разговор человека с душой¹⁰² как обозначение размышлений героя (регулярно используемое в «Песне об Улликумми» и в то же время давшее название известному египетскому папирусу).

С хурритскими литературными произведениями, известными в хеттских переводах, совпадают и некоторые другие мотивы гомеровских поэм: победа хурритского героя Гурпанцаху над соперниками в стрельбе из лука (KUB XXXVI 67) очень близка к эпизоду столкновения Одиссея с женихами Пенелопы, причем роль мужа в микенский период позволяет достаточно точно определить время этого заимствования¹⁰³.

В свете указанных языковых и сюжетных свидетельств влияния хеттской эпической литературы на древнегреческую представляется возможным допустить влияние метрической формы хеттского, лувийского или хурритского эпоса (в частности, таких поэм, как «Песнь об Улликумми») на греческий эпический гекзаметр. Еще Мейе, реконструируя древнейшие индоевропейские истоки греческого стиха, предположил, что гекзаметр мог быть формой заимствованной¹⁰⁴. Намеченные в классической филологии (в частности, Бергком) более века назад характерные черты греческого «прастиха» (Urvers), отраженного в позднейшем паронимическом стихе пословиц, обнаруживают общие черты с такими индийскими метрами, как гаятри, и с аналогичными семи- и восьмисложными размерами в других индоевропейских традициях (славянской, ирландской, латинской, хеттской), позволяющими реконструировать общеиндоевропейский семи- и восьмисложник¹⁰⁵, структурно близкий

¹⁰² Ср. о разговорах с душой (Ψυχή) в греческом эпосе: *J. Lang. The Concept of Psyche: its Genesis and Evolution // Acta ethnographica. T. 22. Budapest, 1973. № 1—2. P. 190.*

¹⁰³ *L. A. Stolla. Il poema di Ulisse. P. 146; W. P. 84; ср. об этом хеттском тексте: H. G. Güterbock // Zeitschrift für Assyriologie. NF. Bd. 44. 1939. S. 84 ff.*

¹⁰⁴ *A. Meillet. Origines indo-européennes des metres grecs. Paris, 1923.*

¹⁰⁵ *R. Jakobson. Slavic Epic Verse. Studies in Comparative Metrics // Selected Writings. IV. Slavic Epic Studies. The Hague; Paris, 1966; C. Watkins. Indo-European Metrics and Archaic Irish Verse // Celtica. Vol. VI. 1962; B. B. Иванов. Заметки по индоевропейской поэтике // To Honor Roman Jakobson. Vol. 2. The Hague, 1967; T. Cole. The Saturnian Verse // Studies in Latin Poetry (Yale Classical Studies. Vol. XXI). Cambridge, 1969; M. L. West. The Indo-European Metre // Glotta. LI Bd. 3—4 Hft. 1973 (ср.: Ibid. P. 169, о возможных объяснениях вторичного происхождения гекзаметра).*

к общецарत्वельскому¹⁰⁶. Выводы сравнительно-исторического стиховедения о вторичном характере гекзаметра на греческой почве подтверждаются метрическим исследованием языка микенских табличек линейного письма В. Заголовки некоторых из них (KN Og о467; PY An, 1, 35) могут быть интерпретированы как паронимический стих (*ἐρέται πλευράναδ' ἰόντες; τοιχοδόμοι δεμῶντες* = *to-ko-do-mo de-me-o-te*) или как ему подобные формы¹⁰⁷. Еще более существенно то, что метрика микенского времени, по-видимому, несовместима с теми правилами, которые необходимы для функционирования гекзаметра, объяснимого из языковых правил значительно более поздней эпохи¹⁰⁸. Не исключено, что греческая метрика испытала влияние как восточных образцов II тысячелетия, включивших и литературу на анатолийских индоевропейских языках, так и их продолжения (в частности, в лидийском стихе, продолжавшем хеттскую и в конечном счете общеиндоевропейскую традицию¹⁰⁹). В этой связи значительный интерес представляет греческое гомеровское название 'песни, воспевания' *οἴμη* сопоставляемое с хет. *išhamai* 'песнь'; это греческое слово рассматривается «как доказательство малоазийского влияния на греческую поэтику, так как греч. *οἴμη*, как хет. *išhamai*-, является обозначением, исходящим из образа 'связывания воедино' разных частей песни»¹¹⁰, ср. хет. *išhamina* 'шнур', родственное *išhamai*. — Здесь, как и в некоторых других случаях¹¹¹, плодотворности контакта анатолийской тради-

¹⁰⁶ Г. В. Церетели. Метр и рифма в поэме Руставели «Витязь в барсовой шкуре» (на груз. яз.). Тбилиси, 1973. С. 19, 52—53, 99—100. Ср.: Г. В. Церетели // Контекст, 1973. М., 1974.

¹⁰⁷ T. B. L. Wabster. Homer and the Mycenaean Tablets // *Antiquity*. № 113. 1955. P. 10; O. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Kraków, 1956. P. 283.

¹⁰⁸ См.: J. Kuryłowicz. Op. cit. P. 273—285; C. Gallavotti. Tradizione micenea e poesia greca Arcaica // *Atti e memorie del Congresso Internazionale di micenologia*, 1. Roma, 1969.

¹⁰⁹ D. G. Müller. Traces of Indo-European Metre in Lydian // *Studies Presented to Professor Roman Jakobson by his Students*. Cambridge (Mass.), 1968; M. L. West. *Kadmos*. 11. 1972. P. 165—175, ср.: W. Brandenstein. *Metrisches in epiohorischen Texten des gross-ägäischen Raums* // *Europa. Festschrift für E. Grumach*, B. 1967. S. 23—31.

¹¹⁰ K. Lazzaroni. [Рец.] K. Schmitt. *Dichtung und Dichtersprache der indogermanischen Zeit* // *Studi e saggi linguistici*. VII (supplemento alla rivista «L'Italia dialettale»). Vol. XXXI. NS VIII. 1968. P. 228.

¹¹¹ Ср., в частности, о сходстве употребления в одинаковых ритуальных контекстах, связанных с тождественными жертвоприношениями, хет. *špant-* 'совершать жертвенное возлияние' и греч. *σπέυδω* у Гомера в комбинации с названием вина: В. В. Иванов. О методах изучения истории индоевропейского праязыка и его диалектов // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960. С. 141—142. Последнее в обоих языках является, видимо, если не общеиндоевропейским наследием, древним заимствованием праязыкового времени, дающим одинако-

ций с греческой могла способствовать первоначальная общность их индоевропейских истоков.

Из особенно разительных гомеровско-анатолийских сходов следует указать на совпадение мотива Цирцеи, запирающей в 'свиной хлев' (συφείος) спутников Одиссея (ῥάβδος πεπλεγυῖα κατὰ συφείσιν ἐσγυῖ 'заперла в свином хлеву, коснувшись жезлом', κ 238), и богини Иштар, запирающей (хет. *ištar-*) как свинью 'в хлеву' (*hitma*) Урхитешупа («Автобиография Хаттусилиса», IV 26). Название 'свиного хлева' *ŠAḪ -aš hu-um-ma-aš* встречается в хеттских текстах с глоссовым клином и фонетически напоминает образование на *-ma-* от и.-е. названия свиньи **su-* с развитием **su- > hu-* (ср. греч. ὑ-).

1977

вые производные (ср. о топонимах хет. *Wiyawanda-*, гр. Οἶνοσσα: *E. Laroche. Etudes de toponymie anatolienne.* P. 62), ср.: *J. P. Brown. The Mediterranean vocabulary of the vine // Vetus Testamentum.* 19. 1969. P. 146—170. Кроме других сходств, рассмотренных выше, следует обратить внимание на многократно отмечавшееся совпадение хеттских царских погребальных обрядов с гомеровскими греческими, в частности, описанными в «Илиаде», см.: *L. Christmann-Franck. Le rituel des funérailles royales hittites // RHA.* Т. XXIX. 1971. P. 60—64 et autre. — Из отдельных возможных сближений социальных терминов можно отметить возможную связь мик. греч. *do-e-ro* 'раб', гомер. δούλος 'раб' (δούλιον ἡμαρ 'день рабства'), для которого уже Бенвенист предполагал малоазиатское происхождение; с малоазиатской «истанувийской» формой *hutarla-* (KUB XXXV 136 Verso IV 16), лув. *hutarli-* 'раб' (*-rl-* может быть передачей одной плавной фонемы, как в хеттской передаче имени хурритов *hurla-*, тогда форма [*hutar-*] отличается от δούλ- только наличием *h* и начальным *u-*, из метатезы которого могло произойти δού-).

К БАЛКАНО-БАЛТО-СЛАВЯНО-КАВКАЗСКИМ ПАРАЛЛЕЛЯМ *

Обсуждаемый во многих работах последнего времени вопрос о балкано-балтийских и балкано-кавказских связях в настоящей статье рассматривается на примере двух таких явлений, связанных с древней фауной этих областей — названия зубра и комплекса представлений, относящихся к волку (и отчасти к медведю), которые в той или иной мере характеризуют как эти ареалы, так и примыкающий к ним славянский (а отчасти и германский).

1. Согласно традиционной точке зрения, часто повторяющейся до недавнего времени¹, славянское название зубра заимствовано из фракийского. Однако определение формы *ζόμβρος* в качестве фракийского вызывает обоснованные сомнения². Ср.-греч. *ζόμπρος* и *ζομπρος* (в известии византийского историка, согласно которому в XII в. византийский принц Андроник Комнин охотился вместе с галицким князем Ярославом и другими князьями на зубров³) заим-

* Издано в: Балканский лингвистический сборник (отдельные оттиски). АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1977.

¹ См. например, *B. Rosenkranz. Historische Laut- und Formenlehre des Altbulgarischen. Heidelberg, 1955. S. 16.*

² Ср., в частности, отсутствие этой формы в таких руководствах последних лет по фракийскому языку, как: *I. I. Russu. Limba traco-dacilor. București, 1959.*

³ *Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. VI. М.; Л., 1948. С. 116—117; Д. С. Лихачев. Археографический комментарий. // Слово о Полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 391. — В древнерусской летописи говорится в этой связи о турах, на что обратил внимание Д. Шарлемань, отсюда выводится предположение, что название выбитых туров (*Ros primigenius*) было перенесено на зубров (*Bison bonasus*); ср. сочетание названий зубра и тура в контексте, приведенном в словаре древнерусского языка Срезневского. С точки зрения палеозоологии трудность окон-*

ствованы из слав. *zabru*; можно думать, что из двух греческих форм более древней является форма, отражающая славянский **ǫ* в виде группы *ou* + носовой⁴. Это фонетическое развитие объясняется либо из сербо-хорватской формы (как полагал Капидан), либо из соответствующей ему диалектной болгарской (как думал Младенов, не соглашавшийся с гипотезой Капидана; с этой точки зрения, однако, вызывает трудности то, что **ǫ* в этой форме было в ударной позиции). В любом случае, южнославянский источник этих греческих форм не вызывает сомнения⁵, хотя до настоящего времени слово известно только из восточнославянских и западнославянских языков. Из южнославянского объясняется и румынское (мунтянское — валашское) *zimbru* (при молдавском *bour*), употреблявшееся также и в качестве метонимического обозначения княжества Молдавии, в гербе которого изображалась голова зубра, ср. описание этого герба страны у А. Руссо: «In fruntea porții, pe din afară, este sôpată piatră stema țării: cap de zimbru, purtînd o coroană pe coarne și între coarne o stea»⁶. С этим последним употреблением слова в румынском следует сопоставить и данные о находках зубра в Молдавии, относящихся к периоду начиная с раннего железа (две особи в поселении Лукашевка 2) и к более поздним периодам⁷.

С ролью зубра как герба княжества Молдавии и как ее метонимического названия связано, во-первых, использование слова *zimbru* в топонимике⁸, во-

чительного решения вопроса усугубляется тем, что «отличать тура от зубра в костных остатках нелегко» (В. И. Цалкин. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии [Материалы и исследования по археологии СССР]. М., 1966. С. 58); ср.: В. И. Бибикова. О некоторых отличительных чертах в костях конечностей зубра и тура // Бюллетень Моск. общ-ва испытателей природы. Отдел биологический. 1958. № 5. Но во всяком случае, в эпоху раннего железа в лесостепной полосе туры отсутствуют; данные о Черкасской и Сумской областях неясны, так как найденные там кости с равным успехом могли принадлежать как туру, так и зубру; I. Г. Підолличко. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР. Вип. II. Київ, 1956.

⁴ Т. Capidan. [Рец.] М. Vasmer. Die Slaven in Griechenland // Langue et littérature. V. II. № 1, 2. Bucarest, 1943. P. 280 и сл. (с библиографическими указаниями).

⁵ О фонетической стороне вопроса ср. также: Т. Capidan. Les éléments roumains dans les langues slaves méridionales // Langue et littérature. V. 1. С. 205. N. 2.

⁶ А. Russo. Palatul lui Duca-Voda // А. Russo. Scrieri, publicate de P. Haneș. București, 1908. P. 197.

⁷ И. И. Соколов, И. А. Рафалович. О зубре в Молдавии // Бюллетень Моск. общ-ва испытателей природы. Отдел биологический. 1961. № 3; В. И. Цалкин. Указ. соч. С. 58—59, 67; Он же. Млекопитающие древней Молдавии // Бюллетень Моск. общ-ва испытателей природы. Отдел биологический. 1962. № 5.

⁸ Е. Petrovici. Daco-slava // Dacoromania. V. X. Partea II. Sibiu, 1943. P. 240. — Ср. также кашуб. *Zębrze* как топоним, чеш. *Zubří* (см. о его связи с *zubr*: V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovaneského. Praha, 1957. С. 589).

вторых, переносное значение 'герой' — в применении к владыке-богатырю, в частности владыке Молдавии, ср., в частности, это слово в таком значении у Александри («intra Zimbrului Domnie», Maghiara строка 49; ср. также «Dragoș» и др., и у Эминеску в строфе стихотворения «Erigonii», посвященной Александри). Сравнение вариантов того полустипа стихотворения, где в последнем варианте появляется слово *zimbru* («Domnitorul triumfal» → «leul sombru și regal» → «zimbrul sombru și regal»), позволяет предположить как воздействие фонетических связей⁹, так и возможное влияние лексики Александри при выборе этого метафорического обозначения Стефана Великого (Ștefan cel Mare). Но вместе с тем такое употребление *zimbru* в значении 'герой' при эквивалентности южнославянского обозначения зубра и восточнославянского тура представляет интерес и для сопоставления с частым употреблением восточнославянского *тур* в том же метафорическом значении¹⁰. Достаточно широкий круг значений славянского слова (возможно, связанный уже и с исчезновением самого обозначаемого животного в области расселения части западных славян) заставляет предположить и др.-чеш. *zubr* 'тигр'¹¹ при современном чеш. *zubr* 'зубр', слов. *zubor*.

Археологические и палеозоологические исследования, согласующиеся со свидетельствами письменных источников, свидетельствуют об очень большой значимости зубров для славянских и балтийских племен, обитавших в северо-западных областях Восточной Европы. По словам Матвея Меховского, в этих областях «диких зверей больше, чем во всем христианском мире (...). Так как леса там большие, то во множестве попадают и ловятся крупные звери: буйволы и лесные быки, которых они на своем языке зовут турами или зубрами»¹². Роль зубров в области Киева видна из раскопок XI—XII вв.¹³, но далее на юг и к востоку от Черкасской и Сумской областей роль зубров заметно уменьшается¹⁴.

⁹ Ср. об этом: В. В. Иванов. Лингвистические вопросы стихотворного периода // Машинный перевод. Тр. Ин-та точной механики и вычислительной техники. П. М., 1960.

¹⁰ Ср., в частности: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 91—92.

¹¹ Ср. V. Vondrak. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen // Bd. I. 1924. S. 558. — Польск. *zubr* (в отличие от ст.-польск. *zqbrz*, см. о нем: F. Slawski. Slavia occidentalis. 10. С. 281, ср. там же с. 31) считают восточнославянским заимствованием.

¹² Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 11.

¹³ В. И. Зубарева. Фауна Киева 1000 лет назад // Природа. 1940. № 8; В. И. Цалкин. Мат-лы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси (Мат-лы и исслед. по археологии СССР. № 51). М., 1956. С. 33, ср. на с. 227 о названии тура и зубра.

¹⁴ О находках костных остатков зубра в Черкасской области в раскопках городища Субботова и городища Собковка см.: I. Г. Підопличко. Указ. соч. См. детальный

Относительно культур эпохи раннего железа в Белоруссии, в частности Зарубинецкой (Чаплинское городище, Лоевский район Гомельской области), значимость зубров свидетельствуется археологическими находками: найдено 202 кости зубров или туров (21 особь) при 364 костях лося (19 особей), 323 — благородного оленя (36 особей), 142 — косули (21 особь) (ср. для первых трех видов дичи следующие числа для археологической культуры той же эпохи из Горошкова, Речицкий район Гомельской области: 4 и 1, 51 и 9, 3 и 1)¹⁵. В древнем Гродно кости зубра составляют 10% всех находок остатков животных (всего 106 особей); это объясняют тем, что зубр давал мяса больше, чем крупный рогатый скот¹⁶.

В Прибалтике отмечается широкое распространение зубра во всех средневековых городах Латвии, хотя количество костей в каждом городище невелико; больше всего их находят в северо-западной Латвии и бассейне Лиелупе (28), меньше (18) в долине Даугавы¹⁷. «Охота на зубра, как можно судить по результатам изучения костных остатков, была сильно развита у замгалов (особенно в бассейне р. Лиелупе) и у куршей. У латгалов зубр составляет всего 7,2 особей диких копытных, т. е. в три раза меньше, чем в памятниках других племен»¹⁸.

Эти данные хорошо согласуются с языковыми свидетельствами, позволяющими реконструировать название зубра как для праславянского, так и для общебалтийского, хотя детали фонетических соответствий оказываются дос-

анализ этого вопроса в кн.: *В. И. Цалкин. Древнее животноводство...* С. 58—59, 101. (приложения VIII и IX). В этой последней книге показано, что на юго-востоке рассматриваемой территории в изученный В. И. Цалкиным период охота играла значительно меньшую роль, чем скотоводство (что, в свою очередь, может быть соотнесено и с экологическими факторами). Есть основания думать, что облавная охота на зубров отражена уже в палеолите в Амвросиевском костеце (см.: *П. И. Борисковской. Палеолит Ураины (Мат-лы и исслед. по археологии СССР). М., 1953; I. Г. Підопличко. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности // Краткие сообщения Ин-та археологии АН УССР. 2. Киев, 1953), но «число особей слишком велико, чтобы все эти животные могли поместиться в не столь уж большом овражке, вскрытом раскопками» (*Г. П. Григорьев. Начало Верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968. С. 152).**

¹⁵ Ср.: *В. И. Цалкин. Древнее животноводство...* С. 128; *Он же. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке. (Мат-лы и исслед. по археологии СССР. № 107). М., 1962. С. 77, табл., прил. 4.*

¹⁶ *В. И. Цалкин. Материалы...* С. 128. *Н. Н. Воронин. Древнее Гродно (Материалы и исследования по археологии СССР). М., 1954. С. 226.*

¹⁷ *В. И. Цалкин. Материалы...* С. 116, 129; ср.: *Доклады АН СССР. Т. 77. 1951. № 2; Н. Н. Воронин. Указ. соч.*

¹⁸ *В. И. Цалкин. Материалы...* С. 124.

таточно сложными. Общеславянскому *zǫbrь (отраженному в др.-рус. зубрь, рус. зубр, укр. зубр, чеш. zubr, ст.-пол. zǫbrz, в.-луж. zubr и в румынской и среднегреческих формах, заимствованных из южнославянского), соответствуют лит. *stuṁbras* 'зубр' (уже в XVII в. Ширвида), *stumbris* (ср. также названия мест *Stuṁbriai*, *Stuṁbriskis*, *Struṁba-galvė* < *Stuṁbra-galvė*, представляющее ввиду известных балкано-балтийских сходств значительный интерес как параллель представлению о роли головы зубра в Молдавии, *Stumbra-kie-miai*¹⁹), ср. *stumbre*²⁰, лтш. *sumbrs* 'зубр', *stumbrs* — диалектный вариант первого слова наряду с *subrs*, ср. в латышских народных песнях параллельные формы с уменьшительным суффиксом *-itis*²¹:

*Nuosacies tu, subriti,
Nu jāj tavi medenieki;
Nu bus tavi balti rāgi
Bajaram alus dzert
BW 30493*

*Nuomaujies tu, stumbriti,
Rita naks medinieku (...)*²².

В свете приведенных литовских топонимов и таких славянских топонимов, образованных от имени 'зубра', как кашуб. *Zębrze*, чеш. *Zubří* (и топонимы, связанные с рум. *zimbru*), значительный интерес представляет латыш. *Subris*²³.

Соотношение начальной группы *st-* в лит. *stuṁbras*, латыш. *stuṁbrs* и начального *s-* в латыш. *stumbre*, *subrs* (при звонком *z-* в славянском) еще Эндзелин²⁴, а за ним и другие лингвисты сравнили с аналогичным соотношением между ст.-сл. *стѣна*, лит. *siena* 'стена', лтш. *siēna*; лит. *stirna* 'серна', лтш. *stirna*, ст.-лтш. *sirna*²⁵, ст.-сл. *сръна*. В этом последнем слове в начальном согласном или группе согласных можно видеть различные отражения (балтий-

¹⁹ *K. Būga. Rinkiniai raštai. T. I. Vilnius, 1958. S. 358—359, ср.: T. II. Vilnius, 1959. S. 678—679.*

²⁰ *P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943. S. 73.*

²¹ См. о производных с этим суффиксом: *V. Rūķe-Draviņa. Diminutive im Lettischen. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Études de philologie slave. 8). Lund, 1959. S. 232.*

²² Параллелизм отмечен в: *K. Būga. Rinkiniai raštai. T. III. Vilnius, 1961. S. 632.*

²³ См. подробный анализ этого латышского топонима: *V. Rūķe-Draviņa. Place names in Kauguru county, Latvia. A synchronic-structural analysis of toponymes in an ancient Indo-European and Finno-Ugrian contact area. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies. 6). Stockholm, 1971. P. 98—99, 118, 133, 137.*

²⁴ *Я. М. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911. С. 5, 195 и 44.*

²⁵ См.: *K. Būga. Rinkiniai raštai. T. II. S. 671—679*, а также *J. Holub—P. Kopečny. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952. S. 410*, и литературу об этимологии лит. *stuṁbras*, данную в: *E. Fraenkel. Litauisches Etymologisches Wörterbuch. Lief 12. S. 932.*

ские или славянские, если вслед за О. Н. Трубачевым считать слова с *-st-* < **-k-* славянскими заимствованиями в балтийском²⁶) начального индоевропейского палатального смычного²⁷. Существенный вклад в рассмотрение этой проблемы вносит открытие В. М. Иллич-Свитыча, согласно которому чередование индоевропейского **st-* ~ **s-* наблюдается в морфемах, содержащих некогда единую фонему **č-* > **st-*²⁸. Это чередование возможно и в анлауте, ср., например, *st-* в хет. *ištark-* 'болеть', ст.-сл. *сѣрѣжъ* 'стерегу', чередующееся с *s-* в тох. *A sārka-* 'болезнь', В *sarka-*, лит. *sérgti* 'охраняет, стережет'²⁹. Если развитие палатального смычного в языках *satəm* в фонологических терминах описывается обычно как совпадение (фонологическое склеивание или конвергенция) этой фонемы со спитантом **s-*, то в некоторых словах типа лит. *stirna-* можно предположить конвергенцию древнего палатального смычного с рефлексом фонемы **č-* > **st-*. В случае если такое объяснение принимается для балтийского названия зубра, представляется возможным связать это с двумя основными особенностями фонетических соответствий, которые до настоящего времени вызывали сомнения. Во-первых, в славянском в анлауте звонкая фонема, но поскольку **č-* в принципе не имеет звонкого коррелята (по общefonетическим причинам: не существует звонких глоттализированных), позднейшая вариация **st-* ~ **s-* ~ **z-* не кажется невозможной. Во-вторых, с этой точки зрения находит объяснение и загадочное соответствие между литовским и латышским словами, с одной стороны, и прусским *wissambris*, где *-s-* чередуется с лит. *st-*, согласно той именно закономерности, которую Иллич-Свитыч предположил для рефлексов **č-*. Можно, следовательно, полагать, что в прусском слове то же название зубра находилось в срединном положении из-за словосложения. Первая часть прусского сложного слова, очевидно, тождественна с **weis-* в др.-исл. *visundr* 'зубр', др.-в.-нем. *wisunt*, где первый элемент совпадает с тем, который представлен

²⁶ О. Н. Трубачев. Лексикография и этимология // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. М., 1973. С. 310—311. Возможности, открываемые ностратической гипотезой, здесь не рассматриваются.

²⁷ Ср.: В. В. Иванов. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М., 1957. С. 9 (табл.); Он же. Проблема языков *centum* и *satəm* // ВЯ. 1958. № 4. С. 21.

²⁸ В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь. М., 1971. С. 149, 209—211.

²⁹ См. о семантических и фонетических соотношениях в свете ностратической гипотезы: Там же. С. 210—211; В. В. Иванов. Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Прага, август 1968 г. М., 1968. С. 249—250.

в названиях некоторых других пахучих животных, выделяющих ароматические вещества, ср. др.-англ. *weosule* 'ласка' < герм. *wisulon*³⁰.

На основании всего вышеизложенного можно предположить, что для балтийского и славянского восстанавливается ранняя диалектная праформа с начальным палатальным смычным, который затем был отождествлен с рефлексом *ǰ-, соответственно глухим *s-* (*st-*) в балтийском и звонким *z-* в славянском. Поскольку для всех перечисленных языков общей является фонологическая схема корня названия зубра типа «переднеязычный шумный (исконный) смычный согласный (звонкий в славянском) + гласный + носовой согласный», вероятным представляется тождество с исконным кавказским ареальным названием зубра. Это последнее представлено, в частности, в иранском языке — осетинском *dombaj* 'зубр', также 'лев' (ср. выше о значении 'тигр' в др.-чеш. *zubr*), 'мощный, сильный'³¹, в ряде северо-западных кавказских языков — абхазском — бзыбск. диал. *a-downpèu* 'зубр'³² абжуйск: диал. (*a-*)*dombej*³³, адыгейском — *dombaj*, кабардинском — *dombej*³⁴, в тюркских языках Кавказа — балкар. *donmaj* (*dombej*), карач. *dommaj*, в картвельских языках — сван. *dombaj* 'бык мощного и крупного сложения', груз. *dombai* 'зубр' (по глоссарию Чкония) и в одноименном топониме (название горной местности *Dombaj*). Как справедливо отмечает по поводу этого слова В. И. Абаев, «Кавказ, наряду с Беловежской Пущей, был местом, где до недавнего времени водились зубры (всего дольше в заповеднике Клухорского района). Отсюда понятно существование общего названия для этого животного у ряда кавказских народов»³⁵. Встречающиеся в кавказоведческих работах в этой связи указания на наличие зубров до недавнего времени в нагорьях Западного Кавказа³⁶ следует дополнить палеозоологическими и археологическими данными, согласно которым уже в устье в стоянке Ильской на Кубани обнаруживается много зубров³⁷, следовательно, в этом можно видеть постоянную черту древнекавказской фауны.

³⁰ *C. Watkins*. Indo-European roots // The American Heritage Dictionary of the English language. Boston; New York, 1971. P. 1548. О дальнейшем фонетическом развитии *-s-* > *-z-* в английском см.: *W. Horn, M. Lehnert*. Lauf und Leben. Bd. II. Berlin, 1954. P. 784.

³¹ *В. И. Абаев*. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 365; — о развитии значения 'лев' ср.: *В. И. Абаев*. Осетинский язык и фольклор. 1. М.; Л., 1949. С. 32.

³² *Н. Я. Марр*. Русско-абхазский обратный словарь / Под ред. Дондуа. Л., 1928. С. 22.

³³ *К. С. Шакрыл*. Очерки по абхазско-адыгейским языкам. Сухуми, 1971. С. 101.

³⁴ *Н. Ф. Яковлев*. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.; Л., 1948. С. 231.

³⁵ *В. И. Абаев*. Историко-этимологический словарь... С. 365.

³⁶ *Н. Ф. Яковлев*. Указ. соч. С. 231.

³⁷ *С. А. Семенов*. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968. С. 289; ср.: *Homage à H. Breuil*. Ariège, 1956. С. 22, 30—32, 41.

Приведенные слова разных кавказских языков бесспорно представляют собой заимствование из одного общего источника, на что указывает их значительное фонетическое сходство. В качестве источника этого заимствования предполагались тюркские языки Кавказа³⁸, но эта гипотеза по существу осталась ничем не подтвержденной (в частности, не найдено других тюркских и алтайских соответствий для этого слова). Значительно более вероятным представляется индоевропейское происхождение этого названия зубра. Связь между всеми приведенными формами можно было бы объяснить при допущении древнего индоевропейского (возможно, иранского) источника заимствования с еще не спирантизовавшимся звонким (как в славянском названии зубра) начальным согласным, ср. развитие типа $*\hat{g} > *d\hat{z} > d$ (видимо, в результате деаффрикатизации) в древнеперсидском³⁹. В осетинском языке был уже найден ряд слов, в которых отражение индоевропейского палатального отвечает тому же типу, который наблюдается в древнеперсидском⁴⁰. Некоторые из таких форм с начальным d - распространились во всех иранских языках кроме авестийского, ср., в частности, название руки, где из $*\hat{g}h$ (греч. $\chi\epsilon\iota\kappa$ 'рука', др.-инд. *hasta*) в авестийском развивается z -, в других иранских языках d -. Отражение такого же типа, сходное с обычными рефлексами палатальных в албанском (ср. алб. *dhemb*- 'зуб' < $*\hat{g}ombos$ и т. п.), можно предполагать и в языке, из которого в осетинский (а затем и другие кавказские языки) было заимствовано название зубра.

Существенным отличием осетинского и других кавказских названий зубра от балтийского и славянского является суффиксация: суф. $-r$ - ($-o$ -, $-i$ -) противостоит суф. aj (что, возможно и дало основание предполагать тюркский источник). Но суф. $-r$ - выделяется и в других индоевропейских, в том числе славянских названиях животных, в частности вепря⁴¹; остающаяся после его

³⁸ Н. Ф. Яковлев. Указ. соч. С. 231; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. С. 84, 297. Напротив, К. С. Шакрыл (Указ. соч. С. 101) относит слово к общеабхазо-адыгейским, не указывая соответствий в других языках Кавказа.

³⁹ Относительно др.-перс. d (по Хинцу δ) в формах, где отражается индоевропейский палатальный, ср.: Д. И. Эдельман. К типологии индоевропейских гуттуральных // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. XXXII. 1973. Вып. 6 (с дальнейшей литературой вопроса).

⁴⁰ В. И. Абаев. Древне-персидские элементы в осетинском языке // Иранский язык. 1. М.; Л., 1945. С. 7—12; *Он же*. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. С. 138—143; *Он же*. О перекрестных изоглоссах. «Мидийские» элементы в персидском // Этимология. 1966. М., 1968. С. 250—254.

⁴¹ При расхождениях в анлаутах суффикс $-i$ - в названии вепря является общим для балтийских, славянских, германских и латинского языков. Ср. о существенной роли вепря в некоторых из этих западноиндоевропейских («древнеевропейских») мифологических систем: В. Н. Топоров. Об одной «ятвяжской» мифологеме в связи

отсечения корневая структура типа **g*^(h)*emb*^(h) представляется вполне соответствующей индоевропейским закономерностям.

Таким образом, можно думать, что данный термин был миграционным на разных этапах языковой истории ареалов, примыкающих к Черному морю: славянский термин был заимствован в некоторые языки Балкан, тогда как другой язык типа *satəm* (скорее всего, иранский) оказался источником для миграции термина на Кавказе. Приведенные факты представляют интерес и для общетеоретической постановки вопроса об интерпретации наблюдаемых лексических сходств между славянскими, балканскими и балтийскими языками (к которым, как показывают слова типа др.-исл. *visundr*, могут примыкать и германские), с одной стороны, кавказскими — с другой⁴².

2. Такие сложные пути распространения языковых и культурных влияний, предполагающие целый ряд промежуточных звеньев, можно вскрыть в целом ряде случаев, когда в разных перечисленных ареалах обнаруживаются подобные или даже тождественные явления. В качестве одного из наиболее ярких примеров можно привести комплекс языковых, ритуальных и мифологических представлений, связанных с культом волка и с представлением о людях, которые благодаря магической силе превращаются в оборотней. На территории Балкан наиболее ранние проявления такого комплекса обнаруживаются в Греции, что в свое время раскрыл в замечательной статье Жерне, показавший, что представление об изгое, превращающемся в волка, и князе, который может оборачиваться волком, образуют единое целое, существенными языковыми проявлениями которого являются названия городов типа *Λυκοσόρα* (Павзан. VIII, 4, 5); следы соответствующих обрядов и связанной с ними терминологии (*λυκάνθρωπος*, *λυκοάντζαρος*) прослеживаются и в современных греческих народных обычаях⁴³. Сходные славянские обычаи и поверья, восходящие, как показывают новейшие изыскания, к общеиндоевропейской традиции⁴⁴, были выявлены в сербохорватских эпических песнях, срав-

со славянской параллелью // *Acta Baitico-Slavica*. III. 1966; *H. Beck*. *Das Ebersignum im Germanischen*. Ein Beitrag zur Germanischen Tier-Symbolik. Berlin, 1965.

⁴² *V. Polák*. «Kavkazské» lexikální prvky o starých jazycích balkanských // *Studia balkanica bogemoslovaca*. Brno, 1970. S. 202—211. — Определение конкретного источника общекавказского слова затрудняется качеством гласного: при допущении иранского источника следовало бы думать о вторичном изменении вокализма **a* > *o* (под влиянием, последующего губного *m*?).

⁴³ *L. Gernet*. *Dolon le loup* // *L. Gernet*. *Anthropologie de la Grece antique*. Paris, 1968. P. 159 ff.

⁴⁴ *M. R. Gerstein*. *Warg: the outlaw as werwolf in Germanic myth, law, and medicine* // *Dissertations abstracts international*. 33. 1972. P. 1681 A; *V. V. Ivanov*. *On the interpretation of the § 37 of the Hittite laws in the light of other Indo-European traditions* // *Linguistica*. XIII. Ljubljana, 1973.

ненных с этой точки зрения с восточнославянским эпосом о Всеславе⁴⁵. Упоминаемые в этом цикле 'вочьи волосы' на голове князя-волка — сербохорв. *koce vučje* и слов. *volčja dlaka* (ср. семантически тождественное др.-исл. *vargshar* 'волчьи волосы'⁴⁶) позволяют разъяснить славянское название вурдалака-оборотня, ставшее общеславянским, ср., в частности, болг. *вълколак*, *върколак*, *вълкодлак*, *вукодлак*, греч. *βουρκόλακας*, *βουρδόλακας*, *βουρδόλακας*, рум. *vîrcolac*, *vîrgolac*, *vîrgolag*⁴⁷. Предположенное ранее на основании сравнения с балтийским названием медведя (лит. *lokys*, латыш. *lācis*, прус. **tlok* 'медведь', ср. хет. *hartagga* 'медведь' и греч. *ἄρκτος*, др.-ирл. *art* и другие родственные индоевропейские названия медведя, табуированной трансформацией которого может быть балт. **tlak-*, слав. **diak-*) толкование древнейшей внутренней формы славянского названия вурдалака-оборотня как 'волк-медведь'⁴⁸ представляется возможным подтвердить сопоставлением с семантически тождественными древнегерманскими именами типа др.-исл. *Ulfbiorn*, *Biornolfr*, др.-нем. *Wulfbero*, *Berulf*, вестгот. *Berulfus*⁴⁹. Древнейшая форма со-

⁴⁵ R. Jacobson. Selected writings. V. IV // Slavic epic studies. The Hague; Paris, 1966.

⁴⁶ Ср.: Там же. С. 344 и след.; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 344 и сл.; M. Jakobý. Wargus, vargr 'Verbrecher', 'Wolf'. Eine Sprach- und rechtsgeschichtliche Untersuchung (Acta Universitatis Upsalensis, Studia Germanistica Upsalensia, 12). Uppsala, 1974. S. 57; (ср.: В. В. Иванов. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 34. 1975. № 5. — См. там же о кавказских параллелях таким волчьим символам, как пара собак-волков, сопутствующих Одину и подобных груз. *мцеварни*, ритуальный шест Одина, связанный с волком и напоминающий сванский *лем*, и как образ волкоглавого князя-Вахтанга; в связи с хет. *hurkilaš* 'люди-изгой', обсуждаемым в той же статье, особый интерес представляет упоминание этих людей в мифологическом архаичном тексте, где излагается диалог этих людей с храмом Бога Грозы: H. Pedersen. Hittite *daluginula* and *barganula* // Journal of Cuneiform Studies. V. 1. 1947. № 1).

⁴⁷ R. Bernard. Le vocabulaire du dialecte de Razlog // Linguistique balkanique. III. 2. 1961. P. 82, примеч. 1. Ср. также о румынских вариантах *vâlcolac*, *svîrcolak*, арум. *vurculác*, *vurcolac*: A. I. Ionescu. A propos de l'influence slave dans la terminologie roumaine // Revue roumaine de linguistique. T. XX. 1975. № 6. P. 674. Румынские данные представляют интерес для выяснения вопроса о продолжении предполагаемого дакского культа волка, см.: M. Eliade. Les Daces et les loups // Numen. 6. 1959. P. 15—31; A. Closs. Der Schamanismus bei den Indoeuropäern // Innsbrucker Beiträge zur Linguistik und Kulturgeschichte. Bd. 14. 1974. P. 301.

⁴⁸ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание. М., 1963. С. 139.

⁴⁹ A. Scherer. Zum Sinngehalt der germanischen Personennamen // Beiträge zur Namenforschung. 4. 1953. S. 12. Ср. также такие имена воинов и героев, как др.-англ. *Bēowulf* (букв. 'пчелиный волк' = 'медведь') при обычном для древнеанглийского назывании воина 'медведем'.

ответствующего обряда, связанного с представлением о человеке-оборотне, становящемся волком или медведем, была связана с переодеванием в волчью или медвежью шкуру или надеванием соответствующей маски. По отношению к древнегреческим обрядам и основанным на них мифах это четко показал Жерне: ритуальной основой мифа о Долоне у Еврипида служило настоящее переодевание волком, о котором свидетельствует как упоминание раскрытой 'пасти зверя' (*χάσμα θηρός*) на голове героя в тексте Еврипида, так и более древнее изображение на чаше, где Долон представлен закутанным в волчью шкуру⁵⁰. Следы этого обычая можно реконструировать и по его пережиткам в современных греческих поверьях о *λυκοάντ'ζαροι*, приуроченных к тому времени, когда, согласно Дюмезилю, в разных индоевропейских традициях осуществляется переодевание в животных⁵¹. Сходный вывод, согласно которому представление о воине-оборотне вторично по отношению к переодеванию в волчью шкуру, делается на основании археологических свидетельств о германских изображениях V—IX вв. н. э. воинов, одетых волками⁵², что согласуется и с известиями, содержащимися в древнегерманских текстах, о волках-воинах (др.-англ. *heorowulfas*, *waelurilfas*) и воинах в волчьих шкурах (др.-исл. *bersekir*), кричащих 'как собаки' (*sem hundar*), а также с рассказом о пляске германских воинов в волчьих и медвежьих шкурах в Византии во время праздника при Константине Багрянородном⁵³. Разительное совпадение с упомянутыми древнегерманскими фактами обнаруживается и в хеттских ритуальных текстах, где описываются 'люди-медведи', 'люди-волки' и 'люди-собаки'⁵⁴ (обозначаемые соответственными идеограммами), и выступает также человек в бараньей шкуре, кричащий 'по-волчьи'⁵⁵. Суще-

⁵⁰ L. Gernet. Op. cit. P. 155—156.

⁵¹ Ibid. P. 159—160, ср.: J. C. Lawson. Modern Greek folklore and ancient Greek religion. P. 203 ff., 239 ff.

⁵² O. Höfler. Kultische Geheimbunde der Germanen. Bd. I. Frankfurt am Main, 1934. Taf. 1, II; B. Haugen. Osebergfunnets Billedvev // Viking. Tidskrift for norrøn arkeologi. Bd. IV. Oslo, 1940. P. 104; E. Graf Oxenstierna. Die Goldhörner von Gellehus, Ledingö. 1956. S. 150. Рис. 171; H. Jankuhn. Ein Handelsplatz aus der Wikingerzeit. 4 Aufl. Neumünster. 1963. S. 258; P. O. Ringquist. Två vikingatida upplandska människofigurer i brons // Fornvännen. Tidskrift för Svensk antikvaris Forskning. 64. 1969. S. 287 ff.

⁵³ C. Kraus. Das gotische Weihnachtsspiel // Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur. Bd. 20. 1895. S. 224—257. J. de Vries. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. 1 // Grundriss der germanischen Philologie. Bd. 15. Berlin, 1956. S. 452; M. Jakob. Op. cit. P. 82—83.

⁵⁴ L. Jakob-Rost. Zu einiger hethitischen Kultfunktionären // Orientalia. V. 35. n. ser. 1966. Fasc. 4. S. 417—422. О танце людей-волков см.: H. S. Schuster. Die hattisch-hethitische Bilinguen. I. Einleitung. Texte und Kommentar. T. 1. Leiden, 1974. S. 26—27, fn. 86.

⁵⁵ F. Sommer. Die Aḥḥijava-Urkunden. München, 1932. S. 115; H. Otten. Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luwischen. Berlin, 1953. S. 59.15.

ственным представляется то, что в обеих указанных индоевропейских традициях (проявляющихся в разные эпохи, но на смежных территориях) символика волчьего культа переплетается с символикой медвежьего культа, что представляется еще одним аргументом в пользу предлагаемой интерпретации славянского названия вурдалака. Это можно подтвердить и другими балканскими параллелями. Культ волка в Древней Греции сосуществовал с культом медведя⁵⁶, для которого можно найти ареальные параллели на Балканах, во Франции и в смежных областях Малой Азии⁵⁷, и типологические — в представлениях о 'медвежьем сыне' во всем евразийском ареале вплоть до айнов, образующих промежуточное звено, соединяющее этот ареал с областью америндейского медвежьего культа⁵⁸ (ср. характерное отражение того же культа в табуировании древнего общеиндоевропейского названия медведя у славян и германцев при его возможном пережиточном сохранении в анализируемом названии вурдалака).

При исследовании географического распространения культа волка (часто соотносящегося с собакой и с нею отождествляемого⁵⁹, ср. характерные древние термины типа др.-ирл. *cu* 'собака, волк'⁶⁰ с ностратическими параллелями⁶¹, удостоверяющими древность второго из этих значений, тогда как в большинстве древних индоевропейских языков возобладало первое, ср. др.-инд. *ś(u)vā*, греч. *κύων* 'пес' и т. п.) отмечается существенное совпадение данных, относящихся к древним Балканам, Анатолии и Кавказу. В частности, во всех этих трех ареалах совпадает мотив волка как символа вождя боевой дружины или предводителя. Для южнославянского (сербохорватского) Вука Огненного змея этот образ предводителя дружины проецируется и в общеславянский ввиду совпадения его с мотивами восточнославянского эпоса о Всеславе⁶².

⁵⁶ R. Carpenter. Folk tale, fiction and saga in the Homeric epics. Berkeley, 1946. К германским параллелям ср. в особенности: F. Panzer. Studien zur germanischen Sagen-geschichte. I. Beowulf. München, 1910. S. 1—245.

⁵⁷ P. N. Boratav. Les histoires d'ours en Anatolie // FF Comm. № 152. 1955.

⁵⁸ Ср.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста. С. 139—140; J. Puhvel. Filies du Soleil: Folklore Estonien et Mythologie Indoeuropéenne // Estonian poetry and language. Studies in honor of Ants Oras. Stockholm, 1965. P. 169; Е. А. Алексеевко. Культ медведя у кетов // Советская этнография. 1960. № 4; Е. А. Крейнович. Медвежий праздник у кетов // Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969; L. Roberts. Curious legend of the Kentucky Mountains // Western Folklore. 16. 1957. P. 48—51.

⁵⁹ Ср. о сходстве символов собаки и волка: H. Beck. Op. cit. P. 77. Anm. 37; M. Jacobson. Op. cit. P. 31, 81, 102.

⁶⁰ В. В. Иванов. Происхождение имени Кухулина // Проблемы сравнительной филологии. М.; Л., 1964. С. 458—459.

⁶¹ В. М. Иллич-Свитыч. Указ. соч. С. 361.

⁶² R. Jacobson. Указ. соч.

Для Греции сходный образ мифологического царя-Волка (с именем, этимологически совпадающим с именем сербского героя) реконструируется на основании преданий об основании таким царем города, также носящего 'волчьей' имя⁶³. Разительным соответствием на Кавказе является имя родоначальника нартов — *Warxag*, в котором, по В. И. Абаеву, сохраняется древнее иранское название 'волка'⁶⁴ (в таком случае это имя этимологически тождественно имени сербского Вука и греческого Ликаона). В то же время сходные представления отражены в грузинских и сванских поверьях о параллелизме волчьей стаи и рода⁶⁵, которые совпадают с древне-хеттской формулой — обращением царя [*šu-*] *mi-in-za-na* IR^{MES}-*am-ma-an* UR. BAR. *Ra-aš ta-a-an pa-an-gur* <...> I^{EN} *e-eš-tu* (2 ВоТУ 10β, 15 и след.) 'И ваш род, род моих подданных, да будет единым как волчий'. В параллельном месте древнехеттского завещания Хаттусилиса I вместо идеограммы 'волка' употреблено фонетическое написание *ú-e-it-na-aš*⁶⁶, которое этимологически можно отождествить с др.-исл. *vitnir*, встречающимся в качестве одного из синонимов *ulfr* 'волк' и в «Старшей Эдде» (Grimnismal, 23) и у Снорри⁶⁷. Предлагаемое этимологиче-

⁶³ L. Gernet. Указ. соч. P. 157—158. К 'волчьим' антропонимам параллели обнаруживаются также и в древнеиндийской и древнегерманской традициях. В свете фактов, приводимых в настоящей статье, особого внимания заслуживает имя Вульфилы, ср.: A. Kock. Zur Frage nach dem Namen des gotischen Bibelübersetzers // Arkiv för nordisk filologi. N.F. 27. 1924 (ср. любопытные сходства готского и древнегрузинского письма и названий букв).

⁶⁴ В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965. С. 95. К приводимым В. И. Абаевым данным о кузнеце и волке следует добавить, что согласно старой германской традиции кузнецы могли ставить на мече знак волка, ср. также названия меча — др.-исл. *vargr*, *ulfr* 'волк': H. Beck. Op. cit. P. 49—50. С этим следует сопоставить то, что куски железного шлака назывались 'волками' (нем. *Luppe* из лат. *lupus*, см.: B. Neumann. Die ältesten Verfahren der Erzeugung technischen Eisens // Freiburger Forschungshefte, Kultur und Technik. 6. Berlin, 1954. S. 13). Ср. также о связи волка (= пса) и кузницы в мифе ниже, сн. 83.

⁶⁵ В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957; G. Charachidzé. Le système religieux de la Géorgie païenne. Paris, 1968. P. 482. Соответствующий лингвистический материал был исследован в связи с вопросом о древнем названии Грузии в еще ненапечатанном труде покойного акад. Г. В. Церетели.

⁶⁶ F. Sommer, A. Falkenstein. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I (Labarna II). München, 1938. S. 75, 77.

⁶⁷ Ср. об этой синонимии в древнеисландском: M. Jacoby. Op. cit. P. 112, 120. Др.-исл. *ulfr* может быть родственно другому хеттскому названию 'волка', предположенному Гетце — *ulippana*: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 131. Предлагаемая этимология хет. *uetna-* и др.-исл. *vitnir* требует возведения их к индоевропейскому **ueid-n-*, что согласуется с от-

ское сближение древнехеттского и древнегерманского терминов представляется существенным ввиду совпадения отмеченных выше деталей культа волка в обеих традициях.

Сходство с приведенными индоевропейскими фактами на Кавказе обнаруживается также и в наличии 'волчьих' антопонимов — убых. *к''а* : *bášóá* (буквально 'волчонок')⁶⁸, абх. *k^oəž* (от *ak^ožma* 'волк')⁶⁹. Особый интерес представляют хевсурские имена типа *Mgelika*, *Mgela*, принадлежавшие особенно знаменитым шаманам⁷⁰ и образованные от древнего названия волка⁷¹ (груз. *mgel* — 'волк').

Параллелизм кавказских и индоевропейских (в том числе германских) представлений о волке виден в синонимии культовых символов волка и собаки, которая проявляется в поверьях о сванских мифологических «собаках» — волках⁷² и в представлении о волках как собаках нартов в абхазском фольклоре⁷³. Поэтому с кругом кавказских представлений о волке обоснованно связывают и данные об абхазском божестве *Алышкыкы(н)тыр*, представляемом в виде двух собак, в частности, в храме близ Ткварчели, специально посвященном этому божеству и называемом его именем⁷⁴. Такие же двойные изображения собаки давно уже отмечались на Кавказе⁷⁵, причем в свете всех других приведенных выше сближений большой интерес представляет то, что они практически совпадают с такими же двойными изображениями, связываемыми с волчьими символами в древнегерманском искусстве⁷⁶.

сутствием ассимиляции, обычной в хеттском для сочетания с другим глухим **-tr- > *-nn-* (в частности, в гетероклитических именах существительных).

⁶⁸ *H. Vogt. Dictionnaire de la langue oubykh. Oslo, 1963. S. 131.*

⁶⁹ *Е. М. Малия. Народное изобразительное искусство Абхазии. Тбилиси, 1970. С. 75.*

⁷⁰ *G. Charachidzé. Op. cit. С. 151, 206, 209, 219 (детально рассмотрены данные об этих шаманах, но вопрос об этимологии имени не ставится).*

⁷¹ *В. В. Бардавелидзе. Указ. соч.*

⁷² Там же. С. 243—244.

⁷³ *Е. М. Малия. Указ. соч. С. 75; Ц. И. Бжания. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973. С. 125, 217.*

⁷⁴ *Ц. И. Бжания. Указ. соч. С. 219; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 52. Примеч. 47; М. М. Трапи. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Т. 4. Сухуми, 1975. С. 184—186 и рис. 77; Ю. Н. Воронов. Туристические тропы. Лашкендар // Советская Абхазия. 1969.*

⁷⁵ *А. А. Миллер. Изображения собаки в древностях Кавказа // Известия Российской академии материальной культуры. Т. II, II г. 1922. С. 294, 305. Ср. там же о типологических параллелях двойным изображениям, число которых в настоящее время может быть существенно умножено, см.: F. Voas. Primitive art. Oslo, 1927; C. Lévi-Strauss. Anthropologie structurale. Paris, 1958.*

⁷⁶ *O. Holzapfel. Stabilität und Variabilität einer Formel // Mediaeval Scandinavia. 6. 1973. Osense, 1974. S. 32—33, рис. 15. С изображением Алышкыкытыр в храме на горе*

Сдвоенный характер этого парного абхазского божества, которое в храме возле Ткварчели изображено как единое целое, позволяет истолковать его как аналог двойных или близнецных индоевропейских божеств⁷⁷. Представляется, что это типологическое сближение позволяет разъяснить загадочное, на первый взгляд, наименование абхазских боевых судов-лодок *laškendari*, сообщенное Вахушти в его «Географии Грузии»⁷⁸. Это название лодок, с одной стороны, напоминает древнегерманские зооморфные кеннинги (в том числе и соответствующие названия судов типа др.-англ. *sāe-mearh* 'морской конь' — 'корабль' и т. п.), с другой — связь лодок с близнецным мифом во всех индоевропейских традициях. Из них в данном контексте особый интерес представляет римская, по которой у устья Тибра стоял челн Ромула и Рема⁷⁹ — близнецов — основателей города, вскормленных волчицей (ср. выше о названии городов, основанных царем с 'волчьим' именем, в греческом мифе). Представляется, что типологическое сопоставление может помочь установить связь между названием абхазских лодок и сдвоенным божеством — двумя псами, которых можно возвести к мифологическим волкам.

близ Ткварчели (где, осматривая его осенью 1965 г., автор обнаружил следы недавних приношений даров храму) эта стандартная схема совпадает потому, что между двумя зооморфными символами (собак или волков) находится связывающее их соединительное звено (в храме круглое).

⁷⁷ Ср. о таких божествах в связи с символами волка и собаки: *O. Plasamann. Agis. Eine Untersuchung an Wörtern, Sachen und Mythen // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Bd. 82. Sonderband E. Karg. Gasterstädt zum 75. Geburtstag am 9. Februar 1961 gewidmet. 1961. S. 112—118.* Предлагаемое сближение позволило бы объяснить как подобное близнецное зооморфное божество и двух собак-волков — символы Одина, типологически сопоставимые с грузинскими парными собаками-мцеварни божеств, аналог которым можно усмотреть и на известной чаше из Триалети.

⁷⁸ Правильный анализ этого места см.: *Ц. Н. Бжания. Указ. соч. С. 224.*

⁷⁹ *L. Czer. Der mythische Lebensbaum und die Ficus Ruminalis // Acta antiquae Academiae scientiarum Hungaricae. T. X. Fasc. 4. Budapest, 1962. S. 198. Ср.: В. В. Иванов. Отражение индоевропейской терминологии близнецного культа в балтийских языках // Балтославянский сборник. М., 1972. С. 197—198; Он же. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* 'конь' // Проблемы истории языков и культуры народов Индии: Сб. ст. памяти В. С. Воробьева-Десятовского. М., 1974. С. 128—129. Ср.: *J. Puhvel. Op. cit. P. 173.* Уже после того как была выявлена связь индоевропейского близнецного мира с морем и лодкой (ср.: *D. Ward. The Divine Twins. An Indo-European Myth in Germanic tradition // University of California Folklore Studies. 19. Berkeley; Los Angeles, 1968. P. 14*), был открыт наиболее древний индоевропейский текст, содержащий архаический вариант этого мифа, — древнехеттская повесть о тридцати сыновьях царицы Канеса — близнецах, которых после их рождения сплавляют по реке к морю, см.: *H. Otten. Eine althethische Erzählung um die Stadt Zalpa // Studien zu den Boğazköy-Texten. 17. Wiesbaden, 1973.**

Связь абхазского культа собаки с культом волка особенно наглядно выступает в рассказе о том, как собаки три дня и три ночи лизали великана Аслана, убитого дэвами, и вернули ему жизнь и зрение⁸⁰.

Н. Я. Марр уже указал на аналогичную роль собаки в сказании об Амيرانе и армянских божеств (*Arlez'ob*) (генеалогия которых возводится к собакам), лизавших раны и тем воскресивших героя Арая⁸¹. В нартовском эпосе этому отвечает, с одной стороны, мотив волка, приставляющего к телу Саскрыквы его незакаленную ногу («ахиллесову пяту»), с другой — мотив волка, который лижет текущую из раны Саскрыквы кровь, за что герой его прокликает⁸². Эта деталь полностью совпадает с одним из вариантов ирландской саги о смерти Кухулина, согласно которому истекающий кровью Кухулин видит, что выдра (др.-ирл. *doborchú* 'собака воды', в саге далее *cú* 'собака, пес, волк') пьет его кровь: «и когда Кухулин увидел, что собака пьет кровь, текущую из тела, он нанес собаке такой удар, что она от него подохла»⁸³.

⁸⁰ И. С. Джанашиа. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960. С. 29.

⁸¹ Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. М.; Л., 1938. С. 113 (обещанная в этой статье специальная работа Марра об абхазском и армянском божествах не была опубликована).

⁸² Е. М. Магия. Указ. соч. С. 75. По другим вариантам мифа Саскрыква перед смертью бьет волка по спине, чтобы уменьшить силу волков, или же Саскрыква убил «адауы» (дэва), которого четыре собаки лизали четыре года и оживили его, но сами остались с неподвижными головами, после чего адауы проклял их и они стали волками, см.: Ц. И. Бжания. Указ. соч. С. 218—219 (в последнем варианте соединены оба мотива мифа).

⁸³ С. J. Guyomarc'h. La maladie de Cuhulainn et l'unique jalousie d'Emer // *Ogam*. Т. X. F. 4—5. 1958. P. 298. N. 60; В. В. Иванов. Происхождение имени Кухулина. С. 453—454. Особенно разительную аналогию к ирландскому циклу саг о Кухулине представляет абхазский рассказ о «Ала зшьиз» — кузнице, которая уничтожила пса (абх. *ала*): И. А. Аджинджал. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969. С. 363. Поскольку древний Волк (= пес) уподобляется Змею, в свете этой ирландско-кавказской мифологемы может быть разъяснен и славянский миф о кузнецах, усмиривших и взнуздавших Змея: А. А. Потебня. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. II. Рождественские обряды // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1865. Кн. 2. Апрель—июнь. М., 1865. С. 8—15; В. В. Иванов. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. Т. I. Асвины-Диоскуры. М., 1876; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Этимологическое исследование семантически ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М., 1963. С. 151—158. Высунутый язык Змея, характерный для этого мифа в его славянском варианте, позволяет предложить сравнение с мифологемой чудовища с высунутым языком, имеющей широкое распространение в тихоокеанском ареале: А. Salmony.

Совпадение с нартовским эпосом представляет особенно большой интерес ввиду того, что кельтское название 'выдры' как 'собаки воды' по внутренней форме совпадает с грузинскими⁸⁴, а кавказские фантастические изо-

Antler and Tongue, an essay of Ancient Chinese symbolism and its implications // *Artibus Asiae. Supplement.* Ascona, 1964; *Shung-sheng Ling.* Human figures with protruding tongue // *Bulletin of the Institute of Ethnology, Academia Sinica.* 1956. 2; *M. Badner.* The protruding tongue and related motifs in the art styles of the American Northwest Coast. New Zealand and China // *Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik.* 15. Wien, 1966; *C. Lévi-Strauss.* La voie des masques. II. Geneve, 1975. P. 93—95 (там же см. о связи всего этого круга представлений с «идеологией меди», что важно и для типологии мифа о кузнеце, умиротворяющем или убивающем Змея-Волка); *E. Lips.* Bemerkungen zu einigen Stücken von der nordwestamerikanischen Nordwestküste // *Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig.* Bd. XIV. Berlin, 1955. S. 10—30; *L. Vajda.* [Рец.]: *H. und U. Himmelhaber.* Die Dan // *Afrika und Übersee.* Bd. 45. 1962. Heft 4; *C. Hentze.* [Рец.]: *A. Salmony.* Antler and tongue // *Anthropos.* Bd. 50. 1955. Ввиду наличия аналогичного мотиву кузнеца, убивающего пса, в кельтском материале, существенны ритуальные кельтские архаизмы, связанные с той же культовой ролью языка: *Th. Köves.* La coutume de la langue tirée chez les Gaulois // *Latomus.* 17. 1958. S. 212—238.

⁸⁴ См.: *Н. Я. Масс.* Postface // Яфетический сборник. Т. III. М.; Л., 1925. С. 168 (там же о баскском, ср. с латинским: *E. Schwentner.* Irisch *doborchú* 'Biber' // *KZ.* Bd. 76. 1/2 Hft. 1959. P. 77). Вероятно, что к выдре относится и аналогичный оборот *ÍD-as* UR. *ZÍR* [Н. А.] 'воды собак [и]' в хеттском, переводе хурритского стихотворного мифологического рассказа о чудовище Хедамму, входящем в эпический цикл Кумарби, см.: *E. Laroche.* Textes mythologiques hittites en transcription. 2 Partie. Mythologie d'origine étrangère // *Revue hittite et asianique.* T. XVI. F. 82. 1968. P. 55; *J. Friedrich.* Der churritische Mythos vom Schlangedämon Hedammu in hethitischer Sprache // *Archiv Orientalni.* V. XVII. 1949. S. 1, 233. Fn. 8, 5.248; *J. Siegelova.* Appu-Märchen und Hedammu-Mythus (Studien zu den Boğazköy-Texten. 14). Wiesbaden, 1971. S. 34 ff.; ср. из более далеких типологических параллелей кит. *шуй-гоу* 'выдра' = 'собака воды' с возможной калькой в маньчж. *хажхун* 'выдра', *хажлун* 'бобр, выдра': Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. А—Н. Л., 1975. С. 369. К типологии Выдры как животного бога Дождя Тлалока в Древней Мексике и параллелях в других америндеиских культурах см.: *C. Lévi-Strauss.* La voie des masques. T. II. Geneve, 1975. P. 57, ср.: *Ibid.* P. 17, о связанном с подземным (нижним) миром «парадоксальном приурочении земного или морского существа к противоположной природной стихии», что объясняет не только структуру оборотов типа «собака воды», но и соответствующих оборотов типа «рыбы полей» (в том же хеттско-хурритском тексте о Хедамму). Представляется, что сербохорв. *дәбер* 'бобр', обычно объясняемое как результат диссимилиации общеславянского названия 'бобра', могло бы отразить и форму типа первой части кельтского названия 'выдры' др.-ирл. *do-bor-chú* 'воды-собака' при допущении предполагавшихся многими учеными кельто-славянских контактов, ср., например, синтагматическое соединение символов бобра и выдры в связи с переодеваниями близнецов-детей бога в латышской народной песне — *Dieva dēli danci veda Udņa, bebra kazakos* 'Сыновья Бога танцевали, одетые в шкуры выдры

бражения (типа упомянутых выше сдвоенных) на кобанских бронзовых топорах и пряжках толковались как изображение водяной и собаки-волка⁸⁵.

С культовой ролью собаки-волка связывается одновременно миф об убийстве такой собаки-волка героем (в частности, кузнецом — в кельтской и, возможно, славянской традиции, с одной стороны, абхазской — с другой) и приношение в жертву собак герою-противнику мифологического Пса-Волка (ср. сходную двоякую роль волка по отношению к Одину: Один — враг мифологического Волка, но в то же время ему приносят в жертву собак и волков и два Волка служат «псами» Одина, типологически подобными груз. *мцеварни*- волкам-псам, «есаулам» Св. Георгия). Оба эти мифологических представления отчетливо в их взаимосвязи сохраняются в лидийской традиции, где наряду с мифом о Кандавле (душителе-убийце пса, ср. значение соответствующего корня 'умерщвлять' в балто-славянско-германской группе⁸⁶ и лат. *Faunus*) широко представлен обычай принесения в жертву собак, по видимому, именно этому герою Кандавлу⁸⁷. Древность анатолийских истоков этого лидийского обряда подтверждается наличием соответствующих ритуалов у хеттов уже в среднехеттский период (о чем свидетельствует ритуал *Maštigga*), а также в новохеттский период, что подтверждается особым заклиниванием щенка (*ŠA UR. TUR hukmai-*) в ритуале Туннави (I 61, 62, ср. сожжение щенка в III 17—18)⁸⁸.

и бобра' (*A. Švābe, K. Stranbergs, E. Hauzenbergasturma. Latviešu tautas dziesmas. V. XI. Kōbenhavn, 1956. S. 382. № 33924*).

⁸⁵ *И. И. Мецанинов*. Змея и собака на вещевых памятниках архаического Кавказа // Записки Восточного Отдела Русского Археологического Общества. XVI; *И. Е. Урушадзе*. Опыт семантического анализа бронзового пояса из Мцхета-Самтавро // Советская этнография. 1971. № 6. С. 129 и сл.; *Она же*. Зооморфные мотивы раннехристианских храмов Грузии // Мацне. 1974. II. С. 130. К образу змеи-собаки (змеи-волка), ср. типологические параллели: *O. Plassmann*. Op. cit. О предполагаемом индосредиземноморском происхождении мифологемы 'убийцы пса' и ее отражении в древнеиндийской, греческой и лидийской традициях ср.: *V. Pisani*. Due comparazioni indolatine // Rivista degli studi orientali. V. XXXII. 1957; *Idem*. Roma e Sparta // Saggi di linguistica storica. Torino, 1959. P. 224 (в связи с лат. *Faunus*).

⁸⁶ *Ch. S. Stang*. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanisohen, Oslo; Bergen; Tromsø, 1972.

⁸⁷ Эта идея Ханфмана (см.: *A. Hanfmann*. The fifth campaign ab Sardis // Bulletin of the American schools of Oriental Research. № 170. April 1963. P. 10, ср.: *В. В. Иванов*. Происхождение имени Кухулина. С. 461, примеч. 54) в недавнее время развита Педли (*J. G. Pedley*. Carians in Sardis // The Journal of Hellenic Studies. V. XCIV. 1974. P. 98—99), который, однако, не учел наличия древнеанатолийских параллелей этому ритуалу и поэтому ошибочно истолковал его происхождение.

⁸⁸ *A. Goetze*. The Hittite Ritual of Tunnawi. New Haven, 1938. P. 10—11, 17—18. Ср. о жертве собаки: *Idem*. Kleinasien. München, 1957. S. 164. Соответствующий хетт-

Хотя некоторые из приведенных сближений могут быть объяснены чисто типологическим совпадением, вся их совокупность при тождестве отдельных деталей (типа собаки-волка, пьющего кровь умирающего героя, который проклинает волка или убивает собаку) слишком значительны для того, чтобы можно было отрицать наличие ареальных связей, объясняющих сходные проявления культа волка на всей рассмотренной выше территории. Дальнейшее рассмотрение этих проблем может представить интерес и для решения вопросов, относящихся к ранним контактам и путям миграции перечисленных народов.

1977

ский ритуал с одновременным принесением в жертву собаки и военнопленного (КВо XV 3, КУВ XVII 17, 10 и др.) сходен, с одной стороны, с обрядом приношения в жертву Одину людей, волков и собак, с другой — с древнекитайскими иньскими обрядами времени, когда отмечается в качестве нововведения принесение собаки в жертву божеству (С. Л. Васильев. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976. С. 283, 284, 316); индоевропейское влияние в этом случае особенно вероятно ввиду индоевропейского происхождения древнекитайского *kiwen*.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ В БАЛТИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ*

Лексика, относящаяся к смерти, обнаруживает существенные различия внутри словаря балтийской диалектной области, как и внутри общеиндоевропейского словаря. Восточнобалтийские языки принадлежат к той группе индоевропейских диалектов, в которых 'умирание' и 'смерть' обозначались производными от индоевропейского корня **mer-* 'умирать, исчезать', ср. лит. *mīrti*, *mīršta*, *mīra*, *mīrė* 'умирать' (с многочисленными приставочными производными глаголами: *apmīrti*, *atmīrti*, *įmīrti*, *išmīrti*, *paišmīrti*, *numīrti*, *panumīrti*, *ramīrti*, *rapamīrti*, *pėrmirti*, *primīrti*, *užmīrti* и с целым рядом суффиксальных именных производных, часть которых может быть весьма архаичной: ср., напр. *māras* 'мор, чума'; *mūris* 'смерть, кончина'; *mirtis* 'смерть'; *martuvė* 'чума, смерть'; *mirtybė*, *mirtinà*, *mīrtinas*, *mirtynas*, *mirtinis* и т. п., см. также ниже), лтш. *mīrt*, *mīrstu*, *miru* (также с рядом производных глаголов и имен). Многочисленными исследованиями по морфологии и акцентологии индоевропейского глагола за последние полвека выявлено развитие в акцентуационной флективной парадигме балтийского глагола (как и его славянского соответствия) древнего соответствия ранней общеиндоевропейской форме¹, наиболее ранний тип спряжения которой отражен в древнехеттском. В одном из наиболее древних хеттских текстов — «Повести о Цальпе», скорее всего, отражающей устное предание и поэтому возводимой к рубежу III и II тысячеле-

* Издано в: Балто-славянские исследования 1985 / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1987.

¹ Ср. из новейших работ: С. Л. Николаев, С. А. Старостин. Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.

тий до н. э., засвидетельствован глагол *mer-* ‘исчезать’: *DUMU.NITA*^{MEŠ} *me-ri-ir* (A Vs 13) ‘сыновья исчезли’. Написание этого глагола может интерпретироваться как отражение словоформы, имеющей конечное ударение или тон: [*merír*]² (возможна и долгота \bar{i} , но последняя интерпретация не обязательна, так как долгота, если она и имела место, могла быть сопутствующим явлением по отношению к ударению или тону). Конечнударной форме 3 л. мн. ч. наст. вр. [*merír*] = *me-ri-ir* противостоят формы 3 л. ед. ч. наст. вр. [*mérzi*] = *me-er-zi*, 3 л. ед. ч. пов. накл. [*mértu*] = *me-er-du*: ^{LU}*MEŠEDI-ma ar-ḫa mi-ir-zi* ‘когда человек мешеди исчезает’ ИВоТ I 36 I 53; [*ku-e-d*] *a-ni-ik-ki me-er-zi* ‘кому-нибудь (суждено) исчезнуть’ = ‘кто-нибудь исчезает’ (безличная конструкция с дат. пад. субъекта), КВо XVI 25 I 43, *na-at-ta-kán me-er-du* ‘и тебе (надлежит) исчезнуть’ = ‘и да исчезнешь ты’ (такая же конструкция), КУВ XVII 105 IV 24³.

Можно думать, что в основе хеттской парадигмы лежит общеиндоевропейская с чередованием формы 3 л. ед. ч. инъюнктива **mért* (откуда соответственно при присоединении частиц или агглютинативных прилеп *-i* и *-u* формы 3 л. ед. ч. наст. вр. **mért-i* > хет. *mérzi* = *me-er-zi*, 3 л. ед. ч. медиума **mért-o* > хет. *me-ir-ta* ‘исчез’ и 3 л. ед. ч. пов. накл. **mért-u* > хет. *mértu* = *me-er-du*) и 3 л. мн. ч. с конечным ударением (хотя детали образования последней формы в хеттском сильно изменились из-за перестройки древней парадигмы). Формы других индоевропейских языков подтверждают наличие чередования огласовок корня и суффикса в глагольных формах типа аориста др.-инд. *ámṛta* ‘он умер’, который Станг сравнил с нулевой ступенью слав. аор. *mrěť*; наст. вр. *mrǫ*. По отношению к балтийскому глаголу Станг показал древность нулевой огласовки и ударения (тона) инфинитива (при метатонии в презенсе)⁴; по фонетическим причинам (*-š-*) он признал древней (именно в этом глаголе в отличие от многих других, ему отчасти подобных) форму на *-š-(ta)* (из и.-е. суф. **-s-* с изменением в позиции после *-r-*, указывающим на достаточно раннюю дату образования восточнобалтийской формы).

Исключительно архаичным по типу образования следует признать ст.-лит. *merdmi* ‘incipio mori’ (атематический глагол в старолитовском), *mėrdėti*, лтш. *mėrdēt* ‘морить голодной смертью’ (*es tev[i] badu nemėrdėšu* ‘я тебя не застав-

² При различиях в деталях толкование Pleneschreibung как обозначения тона (ударения), предложенное Харт, Уоткинсом, Каррубой, автором этих строк и принятое многими хеттологами, может опираться и на аналогичные интерпретации старовавилонских написаний, на которые ориентировались хеттские писцы.

³ Ср.: *H. Otten. Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa // Studien zu den Boğazköy — Texten. Wiesbaden, 1973. Hf. 17. S. 32.*

⁴ *Chr. Stang. Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942. S. 33—34; Idem. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966. S. 161, 342, 343, 348, 379.*

лю голодать'; BW 15614, 1). Суфф. **-d(ē)-* в этом глаголе, как и в глаголах типа лит. *véřda*, лтш. *veřdu*, возводится к архаическому и.-е. **-dh-*⁵ в том медиальном значении, которое было впервые в связи с типом, названным им *causalia passiva*, охарактеризовано Яунисом, писавшим: «Таких глаголов, как *skél-dē-ti*, *svér-dē-ti*, в литовском очень немного, но они очень распространены в греческом: ср. *ἐνεχ-θη-ναι* 'ferri'. Греческому суффиксу пассивных глаголов *-θη-* в литовском правильно соответствует *-dē(j)-*»⁶. Это наблюдение Яуниса по существу предваряет выводы целой главы известной книги Бенвениста, показавшего на основе греческих фактов медиальный характер и.-е. **-dh-*⁷; и работа Яуниса, и соответствующие литовские архаизмы Бенвенисту так и остались неизвестными (он ошибочно полагал, что у него почти не было предшественников: «подготовительной работы по данному вопросу проделано не было»⁸). Позднее под влиянием Бенвениста, отметившего тип ст.-сл. **ндж**, **ѣдж**⁹, на глаголы с суффиксом **-d-* < **-dh-* в славянском и балтийском обратил внимание Станг¹⁰, но пионерская роль Яуниса (в данной связи, сколько можно судить, впервые отмеченная Эндзелином) до сих пор не выявлена полностью.

Именно немногочисленность глаголов с элементом **-dh-* > балт. *-d-* в литовском и латышском и делает тип. лит. *mėrdėti*, лтш. *merdēt* особенно значимым: речь идет о сохранении остатка такого древнего медиопассивного типа, который, скорее всего, существовал в балто-славянском еще до преобразования всей категории глагольной медиопассивности в парадигме. Конкретно данная лексема может восходить к весьма древней эпохе существования прабалтийского.

В свете хеттских фактов по-новому ставится вопрос об исходном древнем значении и.-е. **mer-*. Весьма вероятным в свете цитированных хеттских текстов и ряда других, им подобных, представляется отражение в древнехеттском древнего общеиндоевропейского значения глагола 'исчезнуть'. Значение 'умереть', в хеттском выражаемое глаголом *ak-* с неизвестной этимологией (северокавказское субстратное заимствование возможно, но сравнение с похожими по значению северокавказскими глаголами наталкивается на ряд фонетических трудностей), либо некогда (до усвоения глагола *ak-* из неиз-

⁵ Вяч. Вс. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: Индоевропейские истоки. М., 1981. С. 174; ср. об этом типе также: Там же. С. 99.

⁶ К. О. Явнис. Грамматика литовского языка. Пг., 1916. С. 201. — Несомненно глубоким прозрением является и *-(j)*, поставленное Яунисом в конце его морфологической реконструкции, имеющей и синхронный, и диахронический смысл.

⁷ Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование / Пер. с фр. М., 1955. С. 219—241.

⁸ Там же. С. 219.

⁹ Там же. С. 227.

¹⁰ Chr. S. Stang. Das slavische und baltische Verbum. S. 51—52, 140—143.

вестного источника) имелось и в хеттском языке наряду со значением 'исчезнуть', либо это последнее было вообще единственным значением, представленным в хеттском. Обратное допущение о развитии значений 'исчезать' < *'умереть' кажется семантически весьма трудно обосновываемым. Что же касается развития значений 'исчезать' > 'умереть', его легко объяснить как древний эвфемизм. В свете новейших исследований Р. Диксона о лексических табу и эвфемизмах, связанных с трауром в австралийских языках, представляется типологически весьма вероятным, что племена, говорившие на индоевропейских диалектах, скорее всего, тоже должны были изменять свою лексику под действием траурных табуистических запретов. Очевидным образом такой траурный запрет мог коснуться слова, ранее (на наиболее древнем достижимом этапе истории общеиндоевропейского) обозначавшего смерть и умирание. Для замены этого слова были использованы эвфемистические обозначения типа **mer-* 'исчезнуть' > 'умереть'.

В качестве примера отчасти подобного развития в самом хеттском языке можно было бы указать на принятие в нем обозначения смерти царя, сакральный характер которого накладывал (как и во многих других обществах, по этническому и социально-культурному типу соотносимых с хеттским) определенные ограничения и на языковой узус. Об умершем царе обычно говорилось 'стал богом' = 'умер'; так, о своем отце Мурсилисе II Хаттусилис III пишет в своей автобиографии (I 22) *ma-aḫ-ḫa-an-ma-za A.BU.ḪA^mM(ur-š)i-li-iš DINGIR^{LIM}-iš ki-ša-at* 'Когда же отец мой Мурсилис стал богом' (буквально: 'стал бог' — имен. п. ед. ч. *šiumiṣ*, написанный шумерограммой с двумя окончаниями: аккадским *LIM* от *ILIM* 'бога' и *-iš* от хет. *šiumiṣ* 'бог'). Этот оборот понимается как обычное языковое обозначение 'умер' (о царе)¹¹, но вместе с тем упоминание в хеттских текстах статуй (идолов) умерших царей, становившихся посмертно предметами религиозного почитания, заставляет думать, что у этого оборота (уже использующегося в таких текстах конца древнехеттского периода, как двуязычное завещание Телепинуса) была и реальная обрядовая основа: царь, умирая, из области повседневной жизни и придворной практики попадал в сферу культа. Точно так же и употребление глагола 'исчезать' в значении 'умирать' могло быть связано с некоторым представлением о взаимоотношении посюстороннего и потустороннего миров, которое способствовало проникновению именно этого эвфемизма (а не других возможных, с ним связанных) в лексику таких диалектов, как восточнобалтийские.

В некоторых других диалектах, преимущественно в греческо-армяно-арийском ареале, этот корень послужил для образования производных, кото-

¹¹ H. Otten. Die Apologie Hattusilis III: Das Bild der Überlieferung. Wiesbaden, 1981. S. 7, 106.

рые обозначают различие между богами — ‘бессмертными’ (др.-инд. *amṛta-*, авест. *aməša-*, греч. *ἄμβροτος* ‘бессмертный’) и людьми — ‘смертными’ (др.-инд. *márta-* ‘человек’, *mártya-* ‘смертный’, авест. *maša-* ‘человек’, *marəta-* ‘смертный’, др.-перс. *martiya-*, греч. *μортός* (у Гесихия), арм. *mard* ‘человек’; сюда же можно отнести и лит. *miřtas* ‘мертвый’, ‘относящийся к смерти’ (диалекты *Surviliškis, Vabalninkas*¹²)), ср.: *Kai parejau į tėvynę, tetušėlį radau mirtą dėl mañ mažą dalį skirtą* (Pasvalys); *Mirtoji diena (Toji diena, kada tėvo <...> neteko neišeina jai iš galvos* (Jonas Jablonskis)). В случае если (как это представляется вероятным) прилагательное *miřtas* не образовано вторично к глаголу, а унаследовано от более древней эпохи, можно было бы предположить, что восточнобалтийский мог примыкать к той области, где отглагольное прилагательное **mř-to-* (возможно, с достаточно ранней баритонезой, ср. одно из возможных толкований ударения др.-инд. *már-ta-* как архаизма, что предполагало бы вторичность ударения *μортός*, если не наличие некоторых вторичных факторов, на ударение воздействующих по-разному в греческом и арийском) достаточно рано использовалось, в частности, в специализированном значении по отношению к человеку. К области, где корень **mer-* получил значение ‘умирать (о человеке в отличие от богов)’, принадлежали кроме восточнобалтийского и славянского и греческо-армяно-арийского также некоторые западноиндоевропейские («древнеевропейские») языки — часть италийских, кельтских и германских (лат. *morior*, валл. *marw*, гот. *maúrþr* ‘убийство’). Хотя ни в одной из групп этих последних языков корень не представлен широко, его семантика может дать одно из возможных объяснений. В то же время наличие некоторых точных словообразовательных параллелей, объединяющих арийский с латинским и литовским, делает вероятной значительную древность данных форм: ср. возможную праформу **mř-ti-* для форм др.-инд. *mř-ti-ḥ* ‘смерть’: лит. *mirtis* (засвидетельствовано в ряде старолитовских текстов и в диалектах; ср. лтш. *miřte*, возводимое к той же основе по Эндзелину, чеш. *mrt* ‘помертвевшее мясо на ране’), лат. *mors*, род. пад. *mortis* ‘смерть’. Формы **mř-to-* : **mř-ti-* возможно предполагают исходную **m(e)r-t-*, объединяющую при (последующем исторически?) развитии ударения и огласовки указанные именные формы с глагольными, возводимыми к инфинитиву; реальность такой внутренней реконструкции остается тем не менее проблематичной, так как каждая из форм могла возникнуть и позднее параллельно.

В связи с проблемой диалектного распространения индоевропейских названий ‘смерти’ представляет интерес также и термин, встречающийся в славянской и германской областях, но в балтийском пока не обнаруженный: Станг относил к лексике, специфичной для двух этих областей, древнегер-

¹² Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1970. VIII. P. 269.

манские названия 'смерти' (гот. *daubus*), 'мертвого' (гот. *daups*), 'умирания' (гот. *af danips*, понимаемое как каузатив к глаголу 'умирать'¹³) и славянский глагол со значением 'давить', ср. слав. *dav-* в производных типа рус. *волкодав*, где видно значение этого корня 'умерщвлять'. Самый корень, судя по родственным древнеирландским формам, мог иметь значение 'исчезать', как и корень *mer-*, ср. др.-ирл. *ru-deda* (прош. вр. *-ro-deda-*) 'исчезать': *duine* 'человек' (< * 'смертный' по Мейду, хотя возможно и альтернативное объяснение как производного от 'земли', ср. прус. *smuni*, лит. *žmuõ*), хет. *danduki* 'человек', 'смертный'; с этими редуцированными формами соотнесены нередуцированные типа лат. *fūnus* 'погребение', арм. 'труп'. Корень представлен в славянском, германском, латинском, кельтском, тохарском (в архаическом обозначении 'бессмертия', построенном как привативное того же типа, что **n-my-to-*), анатолийском, поэтому его общеиндоевропейский характер значительно более вероятен, чем в случае **mer-*, хотя ирландский указывает на изначальную принадлежность и этого корня к обозначениям 'исчезновения', а не собственно 'смерти'. С большими оговорками можно было бы допустить, что с основой на *-n-* того же морфологического типа, что и лат. *fūnus*, можно сравнить лит. *dunėti* 'выдыхаться, терять постепенно от выдыхания крепость, вкус, запах; лтш. *dunēt* 'портиться (о зерне, луке)', но в обоих восточнобалтийских глаголах отсутствует характерная для большинства других языков связь с человеком как субъектом обозначаемого действия (переходного или непереходного). Поэтому остаются и другие возможности этимологизации литовского и латышского слов.

К балто-славяно-германской лексической общности может восходить прус. *aulaūt* 'умирать': лит. *lavónas* 'труп', *liavonas*, рус. диал. *лунá* 'смерть', *лунуть*, хотя в словах других диалектов этого же ареала значение, связанное со смертью, не прослеживается¹⁴. Подчеркнем значимость диалектного различия восточнобалтийского и западнобалтийского по изоглоссе глагола со значением 'умирать'. Лит. *šeĩmens*, *šeĩmenys* 'поминки, ритуальная еда после похорон; торжественная церемония бдения перед похоронами' (ср. *šermenĩ giesmės* 'похоронные песни'; *šermeninis* 'имеющий отношение к похоронному бдению', *šermeninès giesmės* 'песни, которые поют во время бдения перед похоронами') в первом своем значении точно соответствует прус. *sirmen* 'Leichenmahl', что позволяет с достоверностью возвести термин к общевосточнобалтийской лексике погребального обряда.

¹³ Chr. S. Stang. Lexikalische Sonderübereinstimmungen Zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo, 1971. S. 18.

¹⁴ В. Н. Тоноров. Прусский язык. М., 1975. А—D. С. 154—156. По-видимому, допущение переосмысления старого **wel-* 'умирать', известного в лувийском и тохарском, требовало бы слишком радикальных народно-этимологических трансформаций основы и малореально.

Исконность значения именно ритуальной 'еды', а не бдения (соответственно первоначальность приурочения ко времени после похорон, а не перед похоронами), внутри самого литовского языка подтверждается соотносением с глаголом *šerti* (*šeriù, šeriau, šersiu*) 'кормить, питать, давать есть (о человеке и домашних животных — коровах, собаках, свиньях)', ср. сочетания типа *árklį avižomis, šienù šerti* 'давать коню овес, сено', *gerai šeria-mi gyvuliai* 'хорошо откормленная скотина', *paršiukas nešertas* 'поросенок некормлен', *šeriamasis laikas* 'время кормить (скотину)', поговорки типа *arklį stāčias šersi, gulōms važiūosi, gulōms šersi, stāčias važiūosi* 'если ты коня кормишь стоя, можешь ехать лежа, а коли кормишь (его) лежа, можешь ехать стоя'; от глагола *šerti* в этом специальном скотоводческом значении образовано существительное *pāšaras* 'корм для скота', *šerė* 'корм для скота'.

Из других западноиндоевропейских («древнеиндоевропейских») языков ритуальные значения, связанные с плодородием и земледелием, у слов этого корня засвидетельствованы в италийском: лат. *Cerēs* род. п. *Cereris* 'Церепа, богиня плодородия (и плодородной земли)'¹⁵, *Cerus manus* 'creator bonus', оск. *kerri, 'Cereri, caria* 'хлеб', умбр. *Šerfe* (зват. ф.). Латинские глаголы (*creō, creāre* 'творить', 'создавать', предполагается отыменным глагол от **crēiā* 'рост'; *crē-scō, crēvī* 'расти') и отглагольные образования (*crē-ber < *kredhro-s* 'густо растущий = густой, полный, частый') от этого корня указывают на значения, связанные с ростом (прежде всего растительности). Иначе говоря, ритуальная функция Цереры, скорее всего, связана с тем же кругом значений, что и другие италийские производные от этой основы.

В том же направлении, вероятно, указывают др.-в.-нем. *hirso* 'просо' и целый ряд других производных в албанском и некоторых прочих языках.

Скорее всего, объединение погребальной семантики и функции плодородия объяснимо из известных соотношений 'смерти' и 'рождения', детально рассматриваемых в культурно-антропологической и литературоведческих трудах (ср. работы М. М. Бахтина). Лит. *laidoti* '(по)хоронить, погребать, предавать земле' с многочисленными производными именами существительными (*laidotuvė* 'погребение' с суф. *-tuvė, laidosena* 'похоронное шествие; похороны; церемония погребения'; *laidojimas* 'погребение') засвидетельствовано начиная с ранних памятников: ср. *kalnų plyšėse gyventojai gebėjo savo numirėlius laidoti* (M. Valanč); *Laidokit mane jauną į rūtų darželį* (Klvd 40); *Duobė laudojamų* (R 352); *Laidojamasis vežimas, lavonvežimis* (LL 55); *Serga, serga — prieina nedėlia, nėra ko laidosi* (Sim); *Gailiai verkė, kaip motulę laidodama* (KrvP [Mrk.]) и т. п.

Несомненно, что глагол типа лит. *lėisti*, лтш. *lai#st* сыграл роль в формировании некоторых терминов погребального обряда в балтийском, таких как

¹⁵ См. подробно: G. Dumézil. La religion romaine archaïque. Paris, 1966.

прус. *palayde* 'Nachlass eines Verstorbenen'. Однако не вполне ясно, следует ли соотносить каждое из этих производных друг с другом или же считать их параллельно произведенными от исходной основы со значением 'отпускать' (такое же значение предполагается и для корня прус. *aūlaut*).

Слово *laidoti* родственно лат. *lētum* 'смерть, уничтожение', что теоретически делало бы возможным предположение о наличии «древнеевропейской» основы, относившейся к погребальному обряду (как и в других рассмотренных случаях и им подобных, наличие сакрального или ритуального значения именно в латинском или вообще в италийском можно было бы рассматривать как сохранение архаизма в социальном контексте жреческого общества, предельно близкого по своему типу и функционированию к древнему индоевропейскому).

Из терминов, которые (в случае если правильно предлагаемое их ритуальное истолкование) важны для понимания раннего балто-славяно-германского ритуала погребения, особенно следует отметить лтш. *nāve* 'смерть', лит. *nōvē* 'смерть, мучение', *novies kauls* 'навья кость'¹⁶, *nōvyti* 'мучить, убивать', прус. *nowis* 'Pumpf' (= обозначение тела мертвого, трупа?), др.-рус. *навь*, гот. *naus*, др.-исл. *nár* 'тело мертвеца, мертвец'. Слово, как и ряд других указанных выше, ограничено балто-славяно-германским ареалом, что явственно указывает на общность представлений о смерти и соответствующих обрядов у этих именно групп индоевропейцев (думается, что это обстоятельство должно всячески учитываться при этнической интерпретации захоронений в областях возможного древнейшего расселения именно этих трех групп). Но вместе с тем известные данные о роли лодки или корабля в погребальном обряде у тех же племен делают весьма вероятным сопоставление с общеиндоевропейским названием 'судна', звучавшим практически так же. Если эта гипотеза верна, то превращение 'судна, корабля, лодки' **nāu-* в один из важнейших элементов погребального обряда могло бы считаться существенным этнолингвистическим признаком всего балто-славяно-германского ареала, выделяющего его из других зон. Следовало бы с большей целеустремленностью собрать весь археологический материал, который можно интерпретировать в этом плане.

Отдельную увлекательную проблему представляет прус. *kaperne* как обозначение места погребения, соотносимое с восточнобалтийскими основами: лит. *kāpas*, *kapūrnas* и т. п. и с латинскими терминами на *-r-na* типа *cisterna*¹⁷. Поскольку последние, скорее всего, соотносятся прежде всего с этрусскими формами, где *-n(a)* может по функции во многих случаях соответство-

¹⁶ Подробно о представлениях этого типа ср.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

¹⁷ В. Н. Топоров. Прусский язык. М., 1980. I—К. С. 214—215.

вать хурритскому постпозитивному артиклю *-nn(i)-* с вероятным северокавказским объяснением, здесь можно было бы видеть еще один след тех связей (возможно, прямо или косвенно соотносимых с путями древней торговли янтарем), которые следовало бы объяснить и для известного лтш. *er#ns* 'обезьяна', тождественного этр. *'αρῳος*, и для ряда других подобных балто-этрусских вероятных сближений.

При реконструкции вероятных балтийских (восточных и западных) текстов погребального обряда можно ориентироваться как на древние описания его, так и на позднейшую фольклорную традицию. В качестве одного из возможных косвенных свидетельств последней можно было бы рассматривать и те современные тексты, в том числе и литературные, где сохраняется, пусть иногда и в новых контекстах, древняя терминология погребального обряда. В качестве примера приведем недавний текст М. Мартинайтиса:

Kukutis savo laidotuvėse

Pabudo rytą Kukutis ir mato —
jis pats guli šalia nebegyvas.
Troba atšalusį, o pro duris mato —
ant snieguoto kalnelio šermenims skerdžia kiaulę.
Prie stalo moterys duonriekiui
ieško kažko atverstuos plaučiuos.
Pro vieną langą mato Kukutis: leidžiasi aeroplanas,
pakyla išgašdintos varnos.

Pro kitą langą nosis prie stiklo priploję
žiūri buriatų vaikai. O pro virtuvės langą
po Niagaros krioklių giminės verkia Kukučio
atsirėmę į mašinas ir labai ryškiai fotografuodamiesi.
Galvoja Kukutis: kaip gražiai viskas vyksta,
kaip manęs gailis, kaip ge'rai apšneka —
tikriausiai duos man kokią premiją,
ranką paspaus arba pagirs visuotiniam narių susirinkime ¹⁸.

Текст примечателен тем, что в нем фольклористическая направленность не исключает и вполне новых семантических обертонов. Но слова рассмотренного семантического круга в нем использованы все же в своих первоначальных восточнобалтийских значениях. Это лишний раз подтверждает устойчивость изучаемой традиции, которую можно привлекать и для решения задач реконструкции.

¹⁸ М. *Martinaitis*. Kukučio baladės. Vilnius, 1986. P. 86—87.

И.-Е. **SONT* В БАЛТИЙСКОМ И ПРЕДЫСТОРИЯ *MODUS RELATIVUS* *

Методы реконструкции фрагментов индоевропейских текстов представляются существенными для выяснения истории индоевропейской и балтийской именной формы (позднее причастия действ. зал.) с суффиксом *-*nt* от корня **es-* 'быть'. Для общеиндоевропейского реконструируется делокутивное использование формы *(*e/o*)*sónt-* в качестве перформативного (ритуально-юридического) высказывания, отраженное согласно В. Порцигу и К. Уоткинсу в значении лат. *sōns* 'виновный', др.-исл. *sannr*, в др.-инд. вед. *yád satyám*, 'которое (из двух слов) правдивое' и в архаической хеттской формуле признания в грехе (в молитвах во время чумы и в государственных договорах) *ašan-at* 'это истинно так' (синонимично *ešziy-at* 'это так и бывает', ст.-лит. *ėsti*). Косвенные следы аналогичного употребления именных производных от **sont* (рус. *суть*) обнаружены и в языке древнего славянского права. Назначение реконструируемого индоевропейского перформативного высказывания заключается в объявлении некоторого факта истинным, а человека — виновным. В подобных конструкциях представлен прототип тех именно восточнобалтийских употреблений форм типа *Modus Relativus*, восходящих к причастию на *-nt*, в которых Эндзелин видел главную причину отсутствия 3 л. мн. ч. на *-*nt* в балтийском. В старолитовских текстах обращает на себя внимание широкое распространение предикативного и абсолютного употребления причастных форм на *-nt*, (в частности, от глагола бытия). Их превращение в *Modus Relativus* может датироваться значительно более поздним исто-

* Издано в: Конференция: Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом, 11—15 декабря 1978 г; предварительные материалы. АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1978.

рическим временем, но сама тенденция к построению предложений типа ст.-лит. *netik diewa santi* 'non credunt deum esse' (Бреткунас) при наличии согласования причастных форм с косвенным объектом может восходить к тому времени, когда использовались в том же контексте именные обороты с **(e/o)sont*. Как показали исследования В. Амбразаса, в дальнейшем в части литовских диалектов и в латышском развитие *Modus Relativus* привело к формированию особой глагольной категории, сопоставимой с аналогичным употреблением форм со значением «засвидетельствованности» в ряде балканских (в том числе и некоторых южнославянских) языков. Эта грамматическая категория как таковая может считаться относительно поздним результатом развития, охватывающего не весь восточнобалтийский ареал, а только его часть. Но истоки такого употребления формы на **-nt-* восходят не только к общебалтийскому, но и к общеиндоевропейскому предикативному употреблению причастий (а на более раннем этапе — отглагольных имен) на *-nt-*. Это употребление могло послужить (на значительном ареале, охватывающем почти все индоевропейские диалекты) причиной вовлечения **-nt* в глагольную парадигму. Невключение **-nt* в парадигму глагола (предполагаемое гипотезой об исконном отсутствии дифференциации чисел в 3-м лице в балтийском) лучше согласуется с гипотезой об архаическом использовании причастия на **-nt* как предикатива (ср. параллелизм хет. *ašant* и *ešzi*, с одной стороны, лат. *sōns* и *sunt* в контекстах типа архаического — у Варрона — *Tanti, sunt mi emptae? Sunt*, с другой). Поэтому это употребление причастия может отражать черты, предшествовавшие вовлечению его в глагольную парадигму (в балтийском так полностью и не осуществившемуся).

К ПРОБЛЕМЕ ЛТШ. *JUMIS* И БАЛТИЙСКОГО БЛИЗНЕЧНОГО КУЛЬТА*

Многочисленные исследования проблемы близнечества в мифологическом, ритуальном и социально-антропологическом аспектах, опирающиеся на материалы самых разных традиций Старого и Нового Света, не только установили бесспорную важность этой проблемы и ее глубоко разветвленные связи с целым комплексом других проблем, о чем раньше обычно даже не подозревали, но и позволили вскрыть такие завуалированные отношения близнечной мифологии и соответствующего культа, что возникла необходимость снова обратиться к проблеме близнечества в индоевропейской перспективе с тем, чтобы дать ее синтетическое исследование, которое свело бы воедино разнородные данные и предполагало бы реконструкцию исходных форм близнечного мифа и культа. Для осуществления этой задачи необходимо предварительное изучение в свете новых идей и достижений данных отдельных индоевропейских традиций. Но именно в этом отношении исследователь сталкивается с большими лакунами, причем, как это ни странно, в связи с теми мифопоэтическими традициями, которые можно отнести к числу живых, во-первых, и наиболее богатых, во-вторых. Прежде всего речь идет о балтийской и славянской традициях, которые сохраняют большой и разнообразный (многоуровневый) материал по близнечному культу, но этот материал собран далеко не полностью и, главное, не проанализирован надлежащим образом. В результате недостаточного внимания к этой проблеме сложилось представление о том, что балто-славянские данные существенно уступают материалам таких хорошо изученных тради-

* Издано в: Балто-славянские исследования. 1982. М.: Наука, 1983. Совместно с В. Н. Топоровым.

ций, как древняя индоиранская, древнегреческая, древнеримская, древнегерманская. Одна из целей настоящей работы — демонстрация балтийских данных, не только подтверждающих известное из других древних традиций, но и вносящих немало принципиально нового в круг уже известных фактов, и интерпретация этих данных, сопровождаемая, где это возможно, реконструкцией более древнего состояния.

Ядро работы составляет исследование о латышском Юмисе — юмисе. Предпочтение, оказанное этой теме как введению в весь круг проблем близнечества в балтийской традиции, было вызвано рядом важных соображений (наличие большого количества достаточно хорошо организованного материала — тексты дайн и описания этнографического типа; отражение в нем как ритуального, так и мифологического аспектов; связи с аналогичными мотивами уже описанных традиций; интерес, проявляемый в последнее время в науке к этой теме, и т. п.). Тем не менее, тема Юмиса никак не исчерпывает проблему близнечества в балтийской мифологии и культе. Поэтому в заключение предлагается краткое обозначение некоторых других типов отражения близнечного культа, зафиксированных прежде всего в литовской и прусской традициях (при этом следует иметь в виду, что славянскому близнечному культу, как он отразился в образе Спорыша, Рая и т. п., авторы уделили внимание в работе, появившейся в печати десять лет назад). Во многих местах настоящей работы обсуждается вопрос о соотношении и связях между близнечным мифом и основным мифом, реконструируемым в ряде исследований авторов. Разумеется, предлагаемая статья не может претендовать на решение всей проблемы близнечества в балтийской мифологии, но обозначение основных черт ее и указание индоевропейских основ балтийской близнечной схемы, несомненно, входит в ее задачи.

Тема латышского Юмиса сложна, но вместе с тем и весьма перспективна вследствие органического сочетания в ней как ритуально-мифологических и фольклорно-поэтических, так и чисто языковых аспектов. При этом, учитывая существующее сейчас в науке соотношение факторов, связанных с Юмисом, целесообразно считать, что именно языковые данные открывают кратчайший путь к введению в избранную тему.

В круге проблем, связанных с лтш. *Jumis-jumis*, можно выделить такие, которые так или иначе соотносены с самим этим латышским словом и его этимологией, и лежащие дальше от сравнительно-исторической проблематики вопросы близнечных (и — шире — дуалистических) представлений, которые с этим латышским мифологическим образом соотносены семантически. В данном случае целесообразно начать с более очевидного этимологического плана.

Этимологии лтш. *jumis* 'двойной плод, два сросшихся вместе плода, двойной орех, двойной картофель, двойное яблоко, двойчатка' (засвидетельствовано у авторов XVII в. и позднее)¹, *Jumis* — название мифологического существа, связанного с сельскохозяйственным циклом, — начиная с Фика (1890 г.), искали в направлении сравнений с др.-инд. *yama-* 'близнец'. Развивая наблюдение Педерсена² о возможном отражении в лтш. *jumis* (в отличие от ср.-ирл. *emuin* 'близнецы') раннеиндоевропейской редукции гласного, это слово сопоставил с авест. *Yima* 'Близнец', др.-исл. *Ymir*, мифологический герой *Имир* (< прагерм. **iūmīaz* < и.-е. **i^em(i)jós*), лат. *imago* 'образ' Гюнтерт, давший и тонкий семантический анализ всех этих слов³.

¹ См.: *L. Neuland. Jumis, die Fruchtbarkeitsgottheit der alten Letten // Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in comparative religion*, 15. Stockholm, 1977. S. 13 et al. (там же детальная история вопроса и литература). Обстоятельное и весьма полно документированное исследование Л. Нейланд, к которому приложена своего рода антология текстов о Юмисе, делает практически необязательным обращение к истории изучения Юмиса. Тем не менее целесообразно назвать несколько важных для своего времени работ: Э. А. Вольтер. Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии. Ч. 1. СПб., 1890. С. 81—87; *D. Ozoliņš. Jumis // Etnografiskas siņas par latweescheem*. 1892; *A. Meillet. Lettone Jumis // Studi baltici*. 1931. 1. P. 115 et al.; *L. Adamovičs. Jumis latviešu folklorā // Rakstu krājums*. 1940. 23A; *Idem. Der Acker und sein Ertrag in der altlettischen Volksüberlieferung // Conventus primus historicum Balticorum Rigae 16—20. 8. 1937. Actae et relatae. Rigae*, 1938; *P. Šmits. Latviešu mītoloģija. Rīgā*, 1935; *Idem. Latviešu tautas ticējumi. I. Rīgā*, 1940. 1. 739—743; *Idem. Jumis // Latviešu tautas teikas un pasakas*. 1969. XIII; и др. — Ниже латышские тексты о Юмисе в основном цитируются по книге Л. Нейланд.

² См.: *H. Pedersen. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. Bd. 1. Göttingen*, 1909. S. 175; позже ср.: *R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen*, 1923. S. 110 et al.

³ См.: *H. Güntert. Der arische Weltkönig und Heiland. Bedeutungsgeschichtliche Untersuchungen zur indo-iranischen Religionsgeschichte und Altertumskunde. Halle (Saale)*, 1923. S. 334, 337, 364, 370, 376. — Ср.-ирл. *emuin* 'близнецы' нуждается не только в этимологическом комментарии, но и в указании мифопоэтического контекста этого слова в архаичной ирландской традиции. Связь с тем же корнем, который отражен в др.-инд. *yama-*, авест. *yəta-*, лтш. *jumis*, была установлена для др.-ирл. *emain* 'близнецы' еще в прошлом веке Р. Турнейzenом (*KZ* 32. 1893. 566: сближение с лат. *aemulus* 'соревнующий/ся/, не уступающий, равный, подобный' и т. п. — из **ad-yemo-lo-*). Не менее существенно, что это слово входит в состав обозначения столицы древних языческих правителей Ирландии *Emain Macha* (ср. ирландскую топографическую легенду о «трех Маха», трех соседних географических объектах на юге Ольстера (Ulster), страны уладов, — *Mag Macha, Emain Macha, Ard Macha*, см.: *G. Dumézil. Trio des Macha // RHR* 1954. Т. 146. P. 5—17; *Idem. Mythe et Epopée. Paris*, 1968. P. 602, 609 s.). Слово же *Macha* указывает на мотив близнечества-подобия не

Несмотря на поддержку Мейе, эта точка зрения благодаря авторитету Эндзелина, высказывавшегося против фонетической вероятности развития лтш. *jum-* < **jom-* в ступени редукции и против семантической стороны сравнения⁴, до сих пор остается дискуссионной. Как таковую ее высказала в качестве лишь одной из двух возможных этимологических альтернатив и Л. Нейланд в недавней специальной монографии об этом мифологическом латышском имени⁵. Этот гиперкритицизм вызвал справедливейшее осуждение В. Шмида, вернувшегося к этимологии Гюнтерта⁶, но не предложившего всех тех доводов, которые в настоящее время можно привести в ее пользу. Поэтому следует рассмотреть их детально.

Как позволили установить историко-фонологические исследования последнего времени, лтш. *Jumis* фонологически точно соответствует группе, родственной индоиран. *yama-* 'близнец'⁷. В балтийских словах этого типа, к которым относятся лит. *upė*, лтш. *upe* 'река', начальный слог содержит *u*, восходящее к индоевропейскому редуцированному гласному (*^o) в позиции между ларингальным **H* и/или сонантом и следующим согласным или группой согласных⁸. В частности, предложенное на основании этой закономерности сопоставление *wumprnis* 'хлебная печь' с хет. *ḫappina* 'печь' и греч. *ἰπνός* 'печь', др.-англ. *ofen* 'очаг, печь', др.-в.-нем. *ovan*, др.-исл. *ofn*⁹ со стороны

только в свете его этимологии, но и в сюжете, где прекрасная юная женщина по имени Маха, вынужденная беременной участвовать в с о р е в н о в а н и и, обгоняет королевских коней, но умирает сразу же после этого, преждевременно родив пару близнецов — мальчика *Fir* и девочку *Fial* (соотв. — 'Истинный' и 'Скромная'), ср. легенду о «Недуге уладов» (Harleian manuscript 5280. British Museum. XV в. ср. 53b), русский перевод в кн.: Ирландские саги / Пер. А. А. Смирнова. М.; Л., 1961. С. 35—37. Один из вариантов этого сюжета известен по англо-нормандской поэме Марии Французской (XII в.) о Ланвале, имевшей в свою очередь ряд продолжений и переделок. Легенда же о «трех Маха» отражает, по Дюмезилю, трехчленную схему социальных функций.

⁴ См.: *K. Mühlenbachs.* (J. Endzelin). *Latviešu valodas vārdnīca*. I. Rīgā, 1925—1927. № 1. P. 117—118.

⁵ См.: *L. Neuland.* Op. cit. S. 18.

⁶ *W. P. Schmid.* Lett. *Jumis*, eine sprachwissenschaftliche Nachprüfung // *Humanitas religiosa*. Festschrift für H. Biezais dargebracht von Freunden und Kollegen. Stockholm, 1979. S. 261—267.

⁷ *В. В. Иванов.* Проблема происхождения *u* в начальном слоге в балтийском в свете этимологических данных // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 77—90 (в дальнейшем сокращенно: Этим.).

⁸ См.: *Chr. S. Stang.* *Ergänzungsband. Register, Addenda und Korrigenda zur Vergleichenden Grammatik der Baltischen Sprachen*. Oslo; Bergen; Tromsø, 1975. S. 45.

⁹ См.: *В. В. Иванов.* Указ. соч. С. 78—81.

семантической можно подтвердить известием о Гераклите, гревшемся (*ἑρρόμενον*) у печи (*πρὸς τῷ ἰπνῶ*)¹⁰ или восседавшем (*ἑρρόμενον*) у печи для уничтожения мусора (*ἰπνός* = *κοπρῶν* ‘выгребная яма’)¹¹, что соотносится с ритуальной ролью хет. *ḥappina* ‘печь’, ‘пламя печи’ как способа уничтожения вещества, которое передается «ритуально чистому» жрецу или царю, бросающему вещество в печь: LUGAL-*uš ḥa-ap-pí-e-ni pí-eš-ši-e-iz-zi* ‘Царь в пламя печи бросает’ (Bo 2866 Vs. IIIq 14—15)¹², *šū-up-pí-iš*^{LU} SANGA *ḥa-ap-pí-e-ni-pí-eš-ši-e-iz-zi* ‘ритуально чистый жрец в пламя печи бросает’ (Там же, III 11—12; 18—19); с этим согласуется и ритуальная роль *ḥappina* в среднехеттском тексте архаической военной присяги: *na-aš-ta GAB. LĀL*^{UZU} *Ī.UDU-ia I. NA QA. TI. ŠU. NU da-a-i na-aš-ta ḥa-ap-pí-na pí-eš-ši-ia-az-zi* ⟨...⟩ *nu-uš-ta-aš*^{UZU} SA MUN-*an I. NA QA. TI. ŠU. NU da-a-i na-at ḥa-ap-pí-na pí-eš-ši-ia-zi* ‘Потом он кладет им в руки воск и бараний жир и бросает (это) в пламя печи (очага) ⟨...⟩ потом он кладет им в руки сухожилия и соль и бросает это в пламя печи (очага)’ (Первая военная клятва, I 47—51, II 1—15)¹³. Во всех цитированных хеттских обрядовых текстах повторяется формула *ḥappin-* (*ali*: направительный/местный падежи) *reššij-azi* ‘в пламя печи (очага) бросает’, согласующаяся с упомянутым архаичным словоупотреблением по отношению к греч. *ἰπνός*. Эта этимология, как и другие аналогичные (ср. из той семантической сферы — лит. *ugnīs*, лтш. *uguns* при слав. **огнь*), подтверждает, что с фонетической стороны возведение лтш. *Jumis* к *(H)i° *m-i-os*) не вызывает сомнений. Что же касается семантической истории лтш. *Jumis*, для более полного ее понимания необходимо рассмотреть основные употребления латышского слова в качестве мифологического термина, связанного с сельскохозяйственным циклом.

В латышских народных песнях сохранились отзвуки обрядов, в которых *Jumis* выступает в качестве божества, которое приглашается в дом, где ему приносятся дары, связанные с сельскохозяйственным культом:

<i>Nāc, Jumīti, mūs mājās,</i>	‘Приходи, Юмис (уменьш. ф.), в наш дом,
<i>Še bus laba dzīvošana:</i>	Здесь будет хорошая жизнь,

¹⁰ В. В. Иванов. К мифологическому истолкованию одного изречения Гераклита // Структура текста — 81. М., 1981. С. 62—63.

¹¹ См.: D. S. Robertson // Proceedings of Cambridge Philological Society. 1938. V. 69—70. P. 10; С. Н. Муравьев // Вестник древней истории. 1974. № 4. С. 209, № XIX; 1975. № 1. С. 35—36. Пользуемся случаем принести благодарность С. Н. Муравьеву за обсуждение греческих текстов.

¹² См.: V. Haas, M. Wafler. Bemerkungen zu ^EHešī/ā. 1 Teil // Ugarit—Forschungen. 1976. Bd. 6. S. 98, ср. там же IZI ‘огонь’ в аналогичном контексте.

¹³ См.: N. Oettinger. Die Militärischen Eide der Hethiter (Studien zu den Boğazköy-Texten. H. 22). Wiesbaden, 1976. S. 73—76.

<i>Došu maizi, došu zirņus</i>	Я дам хлеба, я дам гороха,
<i>Saldu alu nodzerties</i>	Я дам сладкого пива для питья’.

LTdz ¹⁴ I, 1751

При описании ритуальных подношений Юмису упоминаются те основные виды злаков, с которыми это божество связывалось, причем в некоторых текстах выделялись специальные «ипостаси» Юмиса, связанные с каждым из этих злаков, в частности, «ржаной» Юмис. Юмису подносят соответственно пироги из ржаной, ячменной муки и из озимой пшеницы:

<i>Jumītim rausi cepu</i>	‘Для Юмиса (уменьш. ф.) я испек(ла) пироги
<i>No trijām labībām:</i>	Из трех видов злаков:
<i>No rudziem, no miežiem,</i>	Из ржи, из ячменя,
<i>No baltiem pūrīšiem</i>	Из белой озимой пшеницы’.

LTdz I, 1763

Дарения Юмису сопровождаются благодарностью за урожай и богатство в доме, им приносимое:

<i>Paldies saku Jumītim</i>	‘Я приношу благодарность Юмису (уменьш. ф.)
<i>Par labo birumiņu:</i>	За хороший урожай (уменьш. ф.),
<i>Pilnas klētis rudzu, miežu,</i>	Полные клетки с рожью, с ячменем,
<i>Pilnas ķešas sudrabiņa</i>	Полные чаши с серебром (уменьш. ф.)’.

LTdz I, 1928

Из общетипологических соображений, касающихся этнологической теории дара (в смысле Мосса) и обмена, подобные тексты, посвященные взаимным дарениям (от сельскохозяйственного божества земледельцу и обратно) и благодарениям, можно признать отражающими достаточно древние особенности культа Юмиса. Но особый интерес латышской народной песенной традиции заключается в том, что в ней сохранены и сопряженные с этим культом черты сезонной цикличности и архаического сюжета преследования и пленения божества.

Юмис представляется спящим на протяжении всего долгого лета — до сбора урожая, с которым его соотносят. В песнях, вопросной формой напоминающих архаическую загадку, выспрашивают о его возможном месте сна-укрывания:

<i>Kur gulēji tu, Jumeiti,</i>	‘Где ты, Юмис (уменьш. ф.), проспал
<i>Vysu garu vasariņu?</i>	Все долгое лето (уменьш. ф.)?’

¹⁴ Здесь и далее LTdz — сокращенное обозначение издания: *Latviešu tautasdziesmas. Rīgā, 1955* (первая — римская — цифра обозначает том, вторая — арабская — номер песни).

<i>Vai bruoliša mīžu dryvā, Vai muosiņas lynu laukā?</i>	На ячменном поле у брата (уменьш. ф.), На льняном поле у сестры (уменьш. ф.)? ¹⁵ BW 50251 ¹⁵
<i>Kur, Jumīti, tu gulēji Šo garo vasariņu? Tīrumiņa vidiņā Zem pelēka akmentiņa.</i>	‘Где, Юмис (уменьш. ф.), ты проспал Все это долгое лето (уменьш. ф.)? В середине (уменьш. ф.) пашни (уменьш. ф.) Под серым камнем (уменьш. ф.)’. BW 28543, 69f

Сон Юмиса, скрывающегося (спящего) под камнем (что сближает его с действующими лицами мифа, где речь идет о разного рода воплощениях счастья-доли, скрытых камнем¹⁶), может быть ограничен временем дня (дневным сельскохозяйственным циклом): он спит до вечера, когда заканчивается дневная уборочная работа:

<i>Pļauņit rudzus, pļauņit rudzus, Vjāl ir tuoļi vakareņis; Vjāl ir tuoļi vakareņis, Jumeits guļi zam akmiņi</i>	‘Жните рожь, жните рожь, Еще далеко до вечера (уменьш. ф.) (повторено дважды), Юмис (уменьш. ф.) спит под камнем’. BW 50263
--	---

Известны и распространенные (продуктивные, следовательно, вторичные) трансформации того же древнего мотива, где за тем же вопросом о местопребывании Юмиса летом следует ответ о его нахождении в клети, очевидно, заимствованный из разбираемых ниже других частей раннего сельскохозяйственного цикла песен (BW 28542 с вариантами 239b, 276a, 279’c, 293’, 298a, c, 301’, 302, 317, 360).

Основными моментами древней аграрной ритуальной драмы (действия), которые вслед за Л. Нейланд удастся реконструировать на основании ряда латышских песен, является обнаружение скрывающегося Юмиса в поле, его преследование, пленение и привод в дом (в клеть). Едва ли не наиболее интересным в первом из перечисленных этапов представляется то, что обнаружение Юмиса должна осуществить особая для этого предназначенная Хозяйка, в которой легко угадываются черты древней Жрицы:

<i>Lai nāk pati saimēiece Juta ņemtū tīrumā. Ja nenāca saimēiece, Lai ligoja tīrumā</i>	‘Пусть придет сама хозяйка, Чтобы взять Юмиса на пашне. Если хозяйка не придет, Пусть он остается (качается) на пашне’. BW 28545, 134c
---	--

¹⁵ Здесь и далее BW — сокращенное обозначение собрания Барона-Виссендорфа: Latvju Dainas. Sakārt. Kr. Varons. Rīgā, 1922.

¹⁶ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

*Ej tu poša, saimineica,
Juma jīmti teirumā;
Ka nāisi poša jīmtu
Guļēs Jums teirumā* 'Приди ты сама, хозяйка,
Взять Юмиса на пашне.
Если ты сама не придешь его взять,
Он останется спать (лежать) на пашне'.
BW 28545, 427'a

*Meitas, Juma neņemiet,
Lai ņem pate saimenīca;
Ja neņem saimenīca,
Lai līgoja tīrumā* 'Девушки, не берите Юмиса,
Пусть его возьмет хозяйка.
Если хозяйка его не возьмет,
Пусть он будет оставаться (качаться) на пашне'.
BW 28545, 88b

Варианты той же песни, обращенные к «матери совместных уборочных работ», сохраняют отчетливые следы архаического аграрного ритуала, позволяющего твердо отождествить *Jumis* как имя мифологического персонажа обрядового действия (драмы) с латышским названием сдвоенного колоса (или плода)¹⁷.

*Nāc ārāi, talkas māte,
ko es tev pārādīšu:
Es tev došu jumju kroni
Ar tiem Jumja ziediņiem* 'Выходи, мать уборочных работ,
что я тебе покажу:
Я тебе дам венок из двойных колосьев (j u m j u),
С тем цветочком (уменьш. ф.) Юмиса'.
LTD¹⁸, 2, 1615

Этот текст существует в очень большом числе вариантов: ср. BW 28551, 298h с другой последней строкой — LTdz I, 1780 с введением украшающих эпитетов, относящихся к благородным металлам: *Tīra zelta juma* 'двойные колосья из чистого золота', *sudrabiņa galviņa* 'на серебряные головки' BW 28552, 290f, h с вопросо-ответным вариантом *Kur es likšu jumju kroni* 'Где я тебе положу венок из двойных колосьев?' с двумя ответами: *Vai pie sienas klētiņā*, | *Vai tavā galviņā* 'Либо на стену клетки (уменьш. ф.), либо на твою го-

¹⁷ Ср. прямые свидетельства в описаниях Юмиса типа: *Par jumī sauc divas vārpas uz viena salma, divus riekstus viemā čaumalā, tāpat divas saaugušas sēnes, ogas, ābolus un citas līdzīgas lietas. Kas jumī atrod, tam ir laime.* Šmits I, 739 (N 11988); *Divas varpas, kas saaugušas uz viena salma, ari saukuši par Jumī.* Ibid., N 11991; *Di vžuburainā vārpa, jumī s, jāglabājot (...).* Ibid., N 12003; *Divus ābolus, divas bekas, sēnes un t.t. kopā saaugušas saucot par jumī j e m.* Ibid., N 12024 и т. п. Ср. также тексты типа: *Kūlām, kūlām, apkūlām* | *Palika rudzīši divvārpiņas* (...) и т. д. с появлением *miezīši divvārpiņas, auziņas divvārpiņas* (см.: K. Pētersons. Rija, kulšana, apkūlas // Rigas latveeschu beedribas Zinību komisijas rakstu krahjums, 17. Rīgā, 1914. P. 35) там, где выступает и слово *jumis*.

¹⁸ Здесь и далее LTD — сокращенное обозначение издания *Latvju tautas daihas / Red. J. Endzelīns, sakart. R. Kļaušņš. Rīgā, 1928* (первая арабская цифра обозначает том, вторая — номер дайны в этом собрании).

лову (уменьш. ф.)'; иногда те же две возможности развиваются дальше с предпочтением второго (собственно обрядового) варианта и отрицательной трансформацией всей конструкции:

<i>Labāk lieku galviņāi,</i>	‘Лучше положу на голову (уменьш. ф.),
<i>Ne tavāi klētiņāi</i>	(А) не в твою клеть (уменьш. ф.)’.
	BW 28552, 270d

Именно подобные ритуальные (и тем самым наиболее архаичные) варианты удается прямо соотнести с сохранившимися обрядами почитания двойного колоса. В частности, речь идет о двойном семени льна, которым в одном из вариантов разбираемой песни предлагают украсить жрицу — ‘мать совместных уборочных работ’:

<i>Lai es tevi appušķoju,</i>	‘Чтобы я тебя украсил (а)
<i>Lai es tevi appušķoju</i>	(повторяется дважды)
<i>Ar tiem linu jumīšiem</i>	Тем двойным льняным семенем’.
	BW 28553, 279a, 283, 303b

Живучесть соответствующего обряда подтверждается документальными свидетельствами, судя по которым он сохранялся до середины нашего века (а возможно и позднее)¹⁹: Хозяйке надевали на голову венки из колосьев. Несомненно, что первоосновой обряда, сохранявшегося, в частности, в Латгалии и Аугшземе, был венок из двойных колосьев (*jumis*), но в позднейших вариантах этнографических записей фигурирует венок из последних сжатых колосьев. Венки вешали позднее в клетки на стену (или затыкали за балку). Иначе говоря, оба местоположения венка, в песне (в ответах на ритуальный вопрос-загадку), выступающие в качестве альтернативных, в сохранившихся обрядах оказываются параллельными: венок из двойных (позднее из последних снятых) колосьев сперва надевали на голову хозяйке и/или хозяину (на поле, если они сами участвовали в уборочных работах, в противном же случае — в доме, что сопровождалось ритуальным угощением участников обряда), а позднее вешали на стену как знак сохраняющегося до будущего года плодородия.

Древняя культовая драма, финалом которой служило одевание венка на хозяйку-жрицу, началась преследованием прячущегося на поле и убегающего от преследователей Юмиса (в конкретной интерпретации — двойного колоса, который все вместе искали в поле). К Юмису обращались с заклинанием:

<i>Bēdz, Jumīti, tec, Jumīti,</i>	‘Беги, Юмис (уменьш. ф.), торопись, Юмис
	(уменьш. ф.),
<i>Nu nāk tavi ķērājiņi,</i>	Сейчас приходят твои поимщики (уменьш. ф.),

¹⁹ L. Dumpe. Ražas novākšanas veidu attīstība Latvijā // Latvijas PSR Vēstures muzeja raksti. Etnografija. Rīgā, 1964. Ср.: L. Neuland. Op. cit. S. 74 f.

<i>Nu nāk pati: saimlniece</i> <i>Jumi ķert fūrumā</i>	Теперь приходит сама хозяйка, Чтобы поймать Юмиса на пашне’.
	DELTDz I, 1749

Словоупотребление этой дайны может быть весьма архаичным, потому что *pati* ‘сама’ по отношению к хозяйке имеет общеиндоевропейские источники (элемент *pati* отсылает к архаичному обозначению жены бога как *г о с - п о ж и* при том, что сам бог обозначается словом этого же корня *pat-* — *г о с п о д ь*). В варианте той же песни в поле должен прийти хозяин, к которому относится то же архаичное *pats* ‘сам’:

<i>Lai nāk pats saimenieks</i> <i>Juma ņemtu fūrumā</i>	‘Пусть сам хозяин придет, Чтобы взять Юмиса на пашне’.
	BW 28545

Таким образом, в текстах актуализируется идея парности (Хозяин — Хозяйка), соотносимая с таковой у Юмиса-юмиса и в реконструкции отсылающая к мотиву супружеской божественной пары, который образует ядро сюжета небесной свадьбы и имеет продолжение в основном мифе (мотив Хозяина и Хозяйки, преследующих Юмиса [возможно, попеременно], см. ниже, находит многочисленные аналогии в других традициях, где также актуализируется тема вовлеченности и мужского и женского начала в обряд, посвященный возрастанию плодородия).

Хозяйке — в древней культовой сельскохозяйственной драме жрице — ‘матери совместных уборочных работ’ — помогают девушки, ловящие Юмиса:

<i>Bēdz, Jumīti, bēdz, Jumīti,</i>	‘Беги, Юмис (уменьш. ф.), беги, Юмис (уменьш. ф.),
<i>Meitas dzina pakaļā!</i> <i>Ja nevari citur bēgt,</i> <i>Bēdz gubiņas galiņā</i>	Девушки спешат вдогонку! Если тебе некуда больше бежать, Беги на верхушку (уменьш. ф.) копны (уменьш. ф.)’.
	BW 28521, 2

Это архаическое обращение представлено в нескольких вариантах (BW 28521, 141; 254), в части которых за Юмисом бегут не девушки, а парни (*puiši*, BW 28521, 141’; 125a, b). Особенно показательна формула *Nebēdz purā, nebēdz mežā* ‘Не беги в болото, не беги в лес’ (BW 28521, 125b; ср. LTdz I, 1750: *Ne purvā, ne mežā* ‘Не в болото, не в лес’), связывающая этот тип ритуальных песен с заговорами и подтверждающая близость Юмиса к тому классу мифологических существ, которые (как преследуемый персонаж мифа, прячущийся под камнем) могут быть соотнесены с *н и ж н и м* (водным) миром.

В вариантах той же песни, где Юмиса заклинают не убежать в нижний мир (в природу, противопоставляемую возделанной пашне), ему оставляют

только такие места укрытия, которые связаны с уборочными работами, — ко п ну, клет ь. Иначе говоря, в культовой драме уборка урожая отождествляется с таким преследованием Юмиса, которое соответствует правилам ритуальной игры, не дающей ему возможности уйти от преследователей.

Согласно дайнам, все должны выйти в поле, чтобы поймать Юмиса:

<i>Eita visi nu uz lauka,</i>	‘Все теперь идут в поле,
<i>Juma kert tīrumā!</i>	Чтобы на пашне поймать Юмиса.
<i>Kas saķers rudzu Jumi</i>	Кто схватит ржаного Юмиса,
<i>Tam būs laime citu gadu</i>	У того будет счастье на будущий год’.

BW 28523, 141’

Этнографический комментарий к этой дайне, дополнительно подтверждающий тождество Юмиса как мифологического персонажа и лтш. *jumis* ‘двойной плод’, представляет многократно записанное поверье, согласно которому «*kad atrod rieksta, rudzu vārpas vai citu kādu jumi, tam būs laime*» (Т²⁰ 12009; 12007; 12008) ‘кто найдет двойной орех, двойной ржаной колос или какой-нибудь другой сдвоенный плод (*jumis*), тому будет счастье’; формула *tam būs laime* в этой записи дословно совпадает с цитированной дайной. К тому же кругу представлений относятся и такие этнографические данные, которые связывают поедание двойного плода с рождением близнецов и тем самым доказывают полную семантическую оправданность разбираемой этимологии, связывающей лтш. *jumis* с общеиндоевропейским названием близнеца (что вызывало недоумение Эндзелена, не знавшего еще об этих дополнительных аргументах, полностью снимающих его возражения): *Ja jumjus (divi āboli kopā saaguši, vai dibas vārpas uz viena stiebra u. t. t.) ēd, tad tam dvīnīšī dzimst* (Т 12027, 12028—12032) ‘Если кто съест двойной плод (*jumis*), например, два сросшихся вместе яблока или два колоса на одном стебле и т. п., у того родятся близнецы’; *Jumjus nedrīkstot ēst augļu diviniekus, jo tad tām laulībā dzimstot dvīņi*. Т 12025; *Ja ēd jumiķa riekstu, sēnes, kartupeļus, tad dzimst dvīņi* (Т 12026) и т. п. Само по себе это представление встречается у очень большого числа разных народов мира и может считаться этнологической универсалией²¹. Поэтому сомнения в семантической пра-

²⁰ Под сокращением Т цитируются материалы фольклорного архива Латвии, А-6-9. Ср. также в этом плане о лтш. *jumis*: P. Šmits. *Latviešu tautas ticējumi*. II. Rīgā, 1940. 1. P. 739—743. № 6238, 6239 и др.

²¹ Богатый иллюстративный материал, подтверждающий эту универсалию, был собран английским этнологом Харрисом: R. Harris. *Boanerges*. Cambridge, 1913. P. 128, 129, 168, 301, 386—387, 401. Библиографические сведения и обзорные данные, подтверждающие распространенность той же универсалии в Африке, см. в статье: В. В. Иванов. Близнечный культ и двоичная символическая классификация в Аф-

вильности сопоставления латышского названия 'сдвоенного плода' с индоевропейским названием 'близнеца', высказывавшиеся Эндзелином и вслед за ним другими лингвистами, могли бы быть отведены уже ссылкой на типологические доводы, как собственно этнологические, так и языковые, ср. груз. *t̃qu-b* 'двойня, близнецы': *t̃qu-č̃* 'пара сросшихся плодов' (с этимологическими сближениями, предполагающими возможность возведения и этого слова, и родственного ему афразийского названия 'близнеца' к ностратическому или, во всяком случае, западно-ностратическому названию 'близнеца'²²). Но наличие этнографических данных о соотношении *jumis* 'сдвоенный плод' и идеи близнечного рождения в латышской народной традиции, как представляется, переводят рассматриваемую этимологию лтш. *jumis* из вероятной по семантико-типологическим критериям в достоверную по критериям историческим. В то же время этнографические данные, касающиеся лтш. *Jumis-jumis*, дают возможность объяснить семантическое развитие названия сельскохозяйственного мифологического образа Юмиса: именно потому, что изначально *jumis* 'сдвоенный плод' был соотнесен с близнецством, божество (обоже-ствляемый близнец, точнее — мифологический персонаж — двойчатка, которого в свете приводимых данных можно реконструировать для балтийской традиции²³), носившее это имя, стало символизировать плодородие, урожай, достаток в целом. Для доказательства этого можно сопоставить этнографические данные о латышских поверьях, по которым сдвоенный плод (*jumis*) приносит разного рода благополучие и плодородие, обряды, в которых с целью приобретения и в особенности сохранения на следующий год (при возобновлении аграрного цикла) изобилия и плодородия используются двойные колосья и венки, из них сплетаемый, и дайны (первоначально ритуально-мифологического характера), где выступает Юмис. Близнечное рождение в связи со сдвоенным плодом понимается как символ благополучия и в сфере животноводческой. Расширительное понимание близнечного культа (при другом его осмыслении) обнаруживается и в ведийской традиции и поэтому особенно важно для окончательного доказательства полного изначально-ного семантического тождества лтш. *jumis* и др.-инд. *yama-* 'близнец', ср.

рике // *Africana*. Африканский этнографический сборник. (Труды Ин-та этнографии АН СССР). Л., 1978; *Он же*. Близнечные мифы // *Мифы народов мира*. Т. 1. М., 1980.

²² Этимологическое сближение впервые предложил Н. Я. Марр в своих исследованиях по картвело-семитским параллелям. Ср.: *Н. Я. Марр*. Предисловие // *Языковедные проблемы по числительным*. Л., 1927.

²³ Ср.: *В. В. Иванов, В. Н. Топоров*. Балтийская мифология в свете сравнительно-исторических реконструкций индоевропейских древностей // *Zeitschrift für Slawistik*. 1974. Bd. XIX. N. 2. S. 150—151; *Они же*. Балтийская мифология // *Мифы народов мира*. Т. 1. М., 1980 (с дальнейшей литературой вопроса).

yaminī ‘родившая двойню’ — о корове в ритуале. Согласно латышскому обычаю, *ja atrod divas vārpas viena salma galmā, tad tās dod aitai, lai atnes parītī* (Т 12035) ‘если найдут два колоса на конце одного стебля, то их дают овце, чтобы она принесла двойню’.

В латышской традиции это последнее представление лишено того негативного смысла, который характерен для соответствующего гимна «Атхарваведы» (III, 28)²⁴, но амбивалентность представлений, связанных с близнечным плодом, из которой можно вывести семантическое развитие древнеиндийского скотоводческого обряда очищения и сходного с ним литовского²⁵, засвидетельствована и латышскими поверьями: *Ja atrod miežu Jumi (2 vārpas 1 salmā), tad būs bērēs vai kāzas* (Т 12042; 11987) ‘Если найдется ячменный сдвоенный плод (*Jumis*) (2 колоса, на 1 стебле), то будут либо похороны, либо свадьба’. Свадьба, влекущая за собой плодородие, рождение, богатство, и похороны, предполагающие смерть, образуют своего рода рамку, границы которой выступают как члены символического противопоставления рождение — смерть²⁶. Это противопоставление (включая также его нейтрализацию) и разыгрывается на разных уровнях культового действия (драмы), посвященного Юмису.

Но для латышской традиции (в отличие от древнеиндийской и отчасти от литовской) характерно сосредоточение не столько на возможных зловещих последствиях близнечного рождения, сколько на благоприятных результатах. Это видно из таких поверий, как: *Ja meitas, rudzus pļaujot, atrod jumīti, tad sagaidāma apprecēšanās* (Т 12018; 12019—12023) ‘Если девушка, убирая ячмень, найдет сдвоенный колосок (уменьш. ф. от *jumis*), то нужно ожидать замужества (свадьбы)’. Непосредственно с приводимыми дайнами, воспроизводящими древнюю культовую драму, основным персонажем которой был Юмис, можно соотнести также латышские поверья, как: *Ja saimnieks*

²⁴ См.: R. Harris. Op. cit. P. 183—185 (с диахронической интерпретацией, во многом предвосхищавшей последующие исследования). См. перевод гимна: Атхарваведа. Избранное. М. С. 151—152, 354.

²⁵ См. параллельный литовский и белорусский тексты, приводимые в статье: Этим. С. 86.

²⁶ В более широком плане речь идет о противопоставлении начала и конца, первого и последнего, столь важном для мифопоэтической и ритуальной традиции вообще и, в частности, именно для обрядов уборки урожая (см. особенно: C. Sydow. Die Begriffe des Ersten und Letzten in der Volksüberlieferung mit besonderer Berücksichtigung der Erntebräuche // Folk-Liv. Acta ethnologica et folkloristica Europea. 1939. 3; Idem. Erstes und Letztes in der Volkstümlichen Überlieferung besonders in Hinsicht auf die Erntebräuche // Congrès International des sciences anthropologiques. Copenhagen, 1938). К о н е ц (последнее) преодолевается лишь присоединением новых циклов, возвращающих к н а ч а л у и актуализирующих положительные аспекты.

atrada Jumi, tad viņam bija gaidama liela laime (Т 11996) ‘Если хозяин найдет двойной колос (*jumis*), то его ждет большое счастье’; *Divžuburaino vārpu (jumi)glabā, jo tā esot atradēja laime un esot arī uz bagātību* (Т 12007, ср. 12015, 12016, где говорится о большом урожае) ‘Двойной колос (*jumis*) сохраняют, потому что он приносит счастье нашедшему его и предсказывает (предстоящее) богатство’; *Jumja vārpu vajagot glabāt klētī aiz sijas tad tur guļot klāt pūķis, kas velk bagātību klētī* (Т 11998) ‘Двойные колосья нужно хранить в клети под потолочными перекладинами, потому что тогда там может рядом расположиться змей, который приносит в зернохранилище (ригу) богатство’ (ср. аналогичные представления у славян о змее, приносящем в дом богатство²⁷).

Приведенные этнографические данные (и целый ряд других, им аналогичных, публиковавшихся ранее в фольклорных собраниях²⁸) дают комментарий к дайнам, воспроизводящим культовую драму поимки убегающего от преследователей Юмиса. Когда миф (как это характерно для многих древневосточных традиций, типологически сходных с той общеиндоевропейской, которая достаточно полно, хотя и фрагментарно, отражена в латышских дайнах) еще не отделен полностью от породившего его ритуала (циклически воспроизводящего миф в соответствии с сезонным и хозяйственным циклом), в нем можно наблюдать смешение мифологических персонажей и их ипостасей (или символов), конкретизирующих мифологический образ (знак) в драме. Так и в описываемой культовой драме главный преследуемый мифологический персонаж — Юмис в некоторых из текстов заменяется конкретным знаком — с д в о е н н ы м к о л о с о м, носящим то же название (иначе говоря, разница между именем собственным *Jumis* и нарицательным *jumis*, которую не всегда легко провести при интерпретации и переводе латышских текстов²⁹, соответствует различию между мифологическим аспектом текста и аспектом обрядово-театральным). По той же причине в отличие от того аналогичного мифа, где добывание спрятанного под камнем богатства осуществ-

²⁷ См.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.

²⁸ P. Šmits. Op. cit.

²⁹ Собственно говоря, на некоем архаичном уровне различие между *Jumis* и *jumis* (между мифологическим персонажем и ритуальным объектом) вообще должно быть снято. Речь должна идти скорее о едином элементе, выступающем то в персонифицированной ипостаси, то в ритуально-объективном виде. Латышские дайны как осколки культовой драмы еще сохраняют эту двойственность воплощений и, главное, обнаруживают иногда сознательную игру тождества-различия этих двух воплощений: то мифологический персонаж как бы оборачивается ритуальным символом, то последний как бы возрастает до уровня персонификации, включаемой уже в мифологический сюжет.

влетает мифологический герой — Громовержец или другие эквивалентные ему персонажи, являющиеся его трансформами, в качестве преследователя в дайнах выступают древние жрец и жрица (Хозяин и Хозяйка) с их помощниками и помощницами. Здесь собственно мифологический план оттеснен обрядовым.

Иногда для наглядности вводится прямая речь ³⁰ говорящего-преследователя:

<i>Visu dienu Jumi dzinu</i>	‘Я преследовал(а) весь день Юмиса
<i>Pa lielo tīrumiņu.</i>	На большой пашне.
<i>Nu sadzinu, nu paņācu</i>	Теперь я (его) догнал(а), теперь я (его) поймал(а)
<i>Tīrumiņa galiņā</i>	На конце (краю, уменьш. ф.) пашни (уменьш. ф.) ³¹ .

BW 28558

Эта дайна, представленная во множестве вариантов (BW 28554; 50270; LTD II, 1576, 1577; LTdz I, 1752 и др.), иногда сообщает, что Юмиса удалось найти под большим камнем (*Pie lielā akmentiņa*, LTdz I, 1752, или под серым камнем: *zam pelēka akmintiņ* BW 28543, 4 и др., или даже под каменной печкой: *Akmistenī krosneiti* Вольтер, с. 86, Вар. 4а, и т. п.), что подтверждает сходство с мифом о преследовании противника, прячущегося под камнем или скрывающегося под камнем богатство.

В самом деле, культовая драма, где главным героем выступал Юмис, обнаруживает такое исключительное сходство с мотивами и внутренним смыслом основного мифа, которое ни в каком случае не может игнорироваться исследователем. Уместно отметить лишь некоторые из существенных элементов на разных уровнях, все время помня о том духе и игре, метамор-

³⁰ Значение таких перволичных фрагментов прямой речи для реконструкции архаичной ритуальной драмы трудно переоценить. В данном случае существенно не только языковая форма фрагмента, но и сама его тема, всегда берущаяся из набора ключевых мотивов, характеризующих, в частности и прежде всего, сюжет основного мифа. Не приходится говорить об исключительной важности кодирования в латышских дайнах о Юмисе некоторых центральных понятий (мотивов, объектов) словами того же корня, что и в других традициях, употребляющих соответствующие слова в тексте основного мифа. Ср. ниже лтш. *dzinu* (*dzīt*) или *pie liela akmentiņa* при лит. *giñti*, прусск. *guntwei*, слав. **gъnati*, **žęti*, др.-инд. *hānti*, др.-греч. *θεῖνω* (*φόνος*) и т. п. и лит. *akmuõ*, др.-инд. *ásman-*, авест. *asman-*, слав. **kamenъ* и т. п. См. также ниже.

³¹ В свете темы начала и конца в связи с Юмисом (см. выше) важно подчеркивание конца пашни (*tīrumiņa galiņā*): Юмиса настигают именно тогда, когда он пробежал (пересек) в свою пашню, передав ей все свое плодородие. Следовательно, имеет смысл только такая поимка Юмиса, когда он успеет исчерпать всю свою плодородную силу. Отсюда тот характер игры в ловлю-убегание, который присущ ритуалу и его отражению в песнях: преследующий «ловит» Юмиса так, чтобы он не попался, всегда мог убежать от преследователя, кроме одной ситуации — на конце пашни.

фоз, оборотничества, двоения-троения, который пронизывает все действие. Эти особенности проявляются уже на персонажном уровне. Исключительное разнообразие форм имени, произведенного от корня **jum-* (ср. в мужском роде: *Jumis*, *Jums*, *Jumītis*, *Jumīts*, *Jumits*, *Jumeits*, *Jumiķis*, *Jumiķītis*, *Jumaleņis*, *Jumīlenš*, *Jumēdz*, *Jumeidz* и в женском роде: *Jume*, *Juma*, *Jumīte*, *Jumeite*, *Jumala*, *Jumaleņa*, *Jumaliņa*, *Jumaliene*, *Jumalniece*, *Jumelīte*, *Jumaleite*, *Jumanīte*³²), в дайнах стало той основой, на которой сложилось — в результате чисто языковой игры и разного рода содержательных притяжений и аналогий — представление о семье Юмиса: о нем самом, о его жене (Nom. propr. fem.) и его сыне (Nom. propr. masc. dimin.) или даже детях. Ср. хотя бы несколько примеров, в которых члены семьи Юмиса обретают уже и некоторые связи с Юмисом и входят в простейшие мотивы:

<i>Jumīts kļiedze, Jumīts brēce,</i>	‘Юмис (уменьш. ф.) кричит, Юмис (уменьш. ф.) вопит
<i>Tīrumiņa galiņā.</i>	В конце пашни.
<i>Atsaucēsi jumaleņi</i>	Дети Юмиса (<i>jumaleņi</i>)
<i>Arodiņa dibenā</i>	Отзываются из глубины закрома’.
	BW 28532 401
<i>Jumīts kūla Jumalīti,</i>	‘Юмис (уменьш. ф.) бил (лупил) Юмалу (уменьш.)
<i>Aiz matiēm turēdams (...)</i>	За волосы (ее) держа (...)’ ³³ .
	BW 28533 141 (вар.: <i>Jumaliņu, Jumanīti</i>) ³⁴
<i>Jumīts sauca Jumaliņas,</i>	‘Юмис (уменьш.) звал Юмалу (уменьш.)
<i>Kalnīņā stāvēdams (...)</i>	На холме (уменьш.) стоя (...)’ ³⁵ .
	BW 28535 111f
<i>Jumīts saucja Jumaliņu,</i>	‘Юмис (уменьш.) звал Юмалу (уменьш.),
<i>Pa teirumu staigodams;</i>	По пашне расхаживая;

³² См.: *L. Neuland*. Op. cit. S. 12—13. Здесь же данные о Юмисе в источниках XVIII в. Интересно, что в словарях Манцелия, Лангия, Адольфи (XVII в.) слово отсутствует.

³³ О мотиве в о л о с, связанном между прочим с женским персонажем основного мифа, см.: *В. В. Иванов, В. Н. Топоров*. Исследования (...). С. 49—50, 200 (ср. *Волосыни, Власожелици* с дальнейшими связями с *Волосом*, противником Громовержца, в реконструкции — возможным похитителем его жены).

³⁴ В свете основного мифа и связанных с ключевым его мотивом лексем особенно показателен вариант: *Jumeits pēre Jumaleņi* ‘Юмис бьет (*per-*, ср. слав. **per-ti*, **per-ati* : **Per-итъ* и т. п.) Юмаленя’ (ср.: *Jumēdz pāra jumaleņ*. Вольтер, с. 87, № 8).

³⁵ Ср. нахождение Громовержца на холме или горе в разных традициях, в частности в балтийской (ср. лит. *Perkūnas gyveno žemėje, aukštame neprieiname kalne* и т. п.), о чем подробно писалось в другом месте.

<i>Jumaliņa atsasaucja</i> <i>Orūdiņa dybynā</i>	Юмала (уменьш.) откликалась В глубине закрома’.	BW 50245
<i>Jumeits sovu Jumaleņu</i> <i>Ap teirumu dancynuoja;</i> <i>Jumaleņa rikšiem skrēja,</i> <i>Jumeits lēkšiem pakaļā</i>	‘Юмис (уменьш.) повел Юмалу (уменьш.) Танцевать по пашне; Юмала (уменьш.) побежала рысцой, Юмис (уменьш.) — за ней галопом’.	BW 50246
<i>Jumīts meklēj Jumaliņas</i> <i>Pa tīrumu staigādams;</i> <i>Bralīts meklēj’ līgaviņas</i> <i>No māsiņām vaicādams</i>	‘Юмис (уменьш.) ищет Юмалу (уменьш.) По пашне расхаживая; Братец ищет невестушку, У сестриц спрашивая’, и т. п.	L2

В ряде случаев выступает и мать Юмиса:

<i>Jumīšam kreklu devu,</i> <i>Juma matei paladziņu</i>	‘Юмису (уменьш.) я дал рубашку, Матери Юмиса покрывало’	L6 и др.
--	--	----------

Некоторые характеристики Юмиса и членов его семьи достаточно диагностичны именно в контексте сюжета основной схемы мифа. Так, например, Юмису, находящемуся на пашне или на холме (см. выше), противопоставлены его жена Юмала и дети, находящиеся в глубине закрома, в нizu. Юмис и Юмала в принципе разъединены: он зовет свою жену, не видя ее; она откликается ему³⁶. Лишь в ритуальной пляске на пашне они должны соединиться³⁷. Другой мотив, связывающий Юмиса с членами его семьи, — битие их как ритуальное наказание за какой-то проступок, в результате чего увеличивается плодородие (ср. возможную интерпретацию под этим углом зрения слав. **obilje* как обозначения богатства, в частности и хлеба, при **biti* ‘бить’, что, конечно, никак не противоречит и «технологической» мотивировке: оббивание колосьев с целью получения зерен). Ср.:

³⁶ Не исключено, что в реконструкции речь может идти даже о некоем подобии диалога между Юмисом и его женой.

³⁷ В некоторых традициях (напр., в америндских) существуют ритуальные танцы («мужские» и «женские»), сюжет которых с достаточной надежностью связывается со схемой того типа, что отражена в основном мифе. Вместе с тем мотив танца, в котором участвуют мужской и женский мифоритуальные персонажи, отсылает к теме свадьбы и всему комплексу рождения-плодородия. Наконец, указанный мотив приурочивается в латышской традиции и непосредственно к Перконсу (ср.: *Danco Dievs ar Pērkonī* ⟨...⟩ BW 24044 или *Līgo Dievs ar Pērkonī* ⟨...⟩ BW 32955, 1 и др.) или к сыновьям бога (*Dieva dēli danci veda* ⟨...⟩ BW 33924).

Jumēits kowa Jumalēh
Aiz mateņu wolkōdams

‘Юмис колотил Юмаленя,
За волосы (его) таская (волоча) ⟨...⟩’.
Вольтер, с. 87, № 9

Мотив битья обнаруживается и в более общей теме преследования Юмиса, во многих отношениях перекликающейся с аналогичной темой основного мифа. Прежде всего подчеркивается мотив бегства Юмиса, пытающегося уйти от погони. Некоторые тексты, содержащие этот мотив, допускают понимание этого бегства как последовательного перебежания от одного объекта, связанного с урожаем хлеба, к другому с попыткой спрятаться, укрыться от преследования. Ср. такую цепь, как сноп → скирда → копна → клеть → закром (извне → внутрь, поле → хозяйственное помещение)³⁸:

Jumis bēdza runiņā,
No runiņas gubiņā,
No gubiņas klētiņā,
No klētiņa apcirknī

BW 28531 125b³⁹

В отличие от текстов этого типа, описывающих перемещение Юмиса в пространстве через указание мест, где он укрывается (и, следовательно, с точки зрения объекта преследования, т. е. самого Юмиса)⁴⁰, другие тексты подчеркивают тему преследования⁴¹ с точки зрения преследователя и поэтому более подробно останавливаются на тех действиях, которые преследователь направляет против Юмиса. Особенно показательны в этом отношении дайны о так называемом «льняном» Юмисе. Ср.:

Ne vinam cik nav labi,
Kai tarn lynu Jumēišam:

‘Никому не бывает так нехорошо,
Как этому льняному Юмису (уменьш.):

³⁸ С характерной повторяющейся конструкцией ‘от’ (‘из’) → ‘в’ (Loc).

³⁹ Сюда же относятся такие случаи, как: *Bēdz, Jumīti, tec Jumīti, | Nu nāk tavi ķērājiņi, | Nu nāk pati saiminiece, | Jumi ķert tīrumā* (LTdz I, 1749); *Bēdz, Jumīti, bēdz, Jumīti, | Meitas dzina pakaļā!* BW 28521, 2 141) и др.

⁴⁰ Ср. еще: *Kur, Jumīti, glabajies | Šādu garu vasariņu? | Klētiņa aizdurvē, | Jaunu meitu pūriņā.* BW 28542; 239b; 276a; 279c; 293; 298a, c; 301; 302; 317c; 369 ‘где, Юмис, ты скрывался | Этим долгим летом? | В клетки за дверью, | В ларе у молодой девицы’. Иногда это скрывание себя рисуется как сон: *Kur, Jumīti, tu gulēji šo garo vasariņu ⟨...⟩?* BW 28543 69 ‘где, Юмис (уменьш.), ты спал | Этим долгим летом ⟨...⟩?’ и т. п.

⁴¹ Ср.: *Vysapleik Jumi dzynu, | Ap tū ūša ezeriņu; | Še sadzynu, še sajēmu, | Lela kunga teirumā.* BW 50269 ‘Я повсюду преследовал Юмиса, | Вокруг ясеневое озерца; | Здесь я (его) догнал, здесь я (его) поймал, | На пашне большого хозяина’; *Visu dienu Jumi dzinu | Pa lielo tīrumiņu ⟨...⟩* BW 28558 ‘Я весь день преследовал Юмиса | По большой пашне ⟨...⟩’ или: *Steidzies mātē ar meitām | Jumi ņemt tīrumā ⟨...⟩* BW 50267 ‘Спешу, Мать, с девицами | Юмиса поймать на пашне ⟨...⟩’ и т. п.

<i>Plēš aiz motu, grīž jo golvu, Velju bož iudinī</i>	Рвали за волосы, отрезали ему голову, И потом еще засунули в воду' ⁴² . BW 28354, 9 434a
<i>Nadūd, Dīviņ, taidas dzeives Kaida dzeive lynu Jumēi: Raun aiz motu, car par kaklu, Gryuž uz golvas yudenī</i>	'Не дай, боже, такой жизни, Как жизнь льняного Юмиса: Рвут за волосы, перерезают шею, Толкают по голову в воду'. BW 50259

Ср. также существенный мотив плетения (скручивания, перекручивания) Юмиса: *Ai, meitiņas, ai māsiņas, | Piniēt Jumi pīnītē* <...> (BW 28514 290ef, 293, 298h, 300a, 360 4) 'Ой, девицы, ой, сестрицы, | Сплетайте Юмису в плетеницу (косы) <...>'

Все эти детали мотива преследования Юмиса, касающиеся, в частности, операций, с помощью которых преследователь деформирует Юмиса (изменяет его облик), позволяют не просто соотнести их с тем же мотивом общей схемы основного мифа, но и связать эти детали с совершенно конкретной версией основного мифа, в которой преследуемым оказывается персонифицированный образ некоего растения (точнее — плода), являющегося или основной пищевой культурой (злаки и т. п.), или материалом для приготовления хмельного напитка (пиво, вино, галлюциногенные напитки и т. п.), ср., напр., сюжетную схему таких текстов, как «Джон — Ячменное зерно», и т. д. Эта версия основного мифа, к которой, несомненно, принадлежит и значительная часть текстов о Юмисе, была проанализирована в другом месте ранее⁴³.

В ней также акцентируются мотивы ловли и следующих за поимкой мотивов битья, трепания, разминания, трения, скручивания, сплетания, вытягивания, резания, размельчения, бросания в воду.

Известная амбивалентность персонажей основного мифа (преследователь = преследуемый), о чем писалось ранее, очевидна и в текстах о Юмисе. Уже указывалось, что он не только преследуемый, но и преследователь (напр., в отношении Юмаленя). Более завуалированной оказывается связь Юмиса с образом Громовержца и его трансформациями на уровне атрибутов и некоторых мотивов. Так, Юмис связан с камнем. Когда его преследуют,

⁴² Существенна связь преследуемого Юмиса с водой (ср. такую же связь с водой противника Громовержца; в частности, он прячется в воду). Ср. трансформированный мотив бани (вода × огонь) в BW 50261: *Pierī vīņ izapēre* 'В бане его выкупа-ли' (о Юмисе).

⁴³ См.: В. Н. Топоров. Заметки о растительном коде основного мифа // Балканский лингвистический сборник. М., 1976. С. 196—207; *Он же*. Семантика мифологических представлений о грибах // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979. особенно С. 270 и сл.; и др.

он прячется под камень (см. выше). Но вместе с тем он в ряде дайн куёт шпоры на камне, т. е. делает то, что приписывается божественному Кузнецу, изготавливающему для Громовержца оружие и металлические части конского снаряжения. Ср.:

<i>Jumis piešus kaldināja</i>	‘Юмис ковал шпоры
<i>Tīrumā uz akmeņā</i>	На камне на пашне’.
	BW 28534 41c

Мотив кования важен и сам по себе, тем более что нередко он появляется в диагностически важном окружении. Ср., с одной стороны:

<i>Jumīts vāgus kaldināja</i>	‘Юмис (уменьш.) ковал колесницу
<i>Deviņiem ratiņiem,</i>	С девятью колесами,
<i>Kā varētu rudzus miežus</i>	Чтобы можно было рожь и ячмень
<i>Klētiņā ritināt</i>	Перекатить в клеть’.
	BW 50244

(ср. варианты: *Jumeits rotus kaldināja*; *Jumīts važas kaldināja*), где сочетаются мотивы кования, девяти (колес) и злаков, и, с другой стороны:

<i>Es atradu rudzu Jumi</i>	‘Я нашел ржаного Юмиса
<i>Deviņām varpiņam:</i>	С девятью колосьями:
<i>Šogad būs tautu dēls</i>	В этом году будет парень
<i>Deviņiem kumeļiem</i>	С девятью лошадьми’.
	LTdz I, 1746

где представлено несколько иное сочетание мотивов — девять (колосьев и лошадей), злаки; о девяти или шести конях (ср. BW 28544 216b; 28548 293ab) Юмиса уже говорилось. Кони и колесница в связи с Юмисом отсылают к аналогичным атрибутам Громовержца; как и последний, Юмис выезжает на колеснице, запряженной конями, в поле. И число девять и злаки, как хорошо известно, также соотносятся с образом Громовержца в ряде версий основного мифа, особенно с такими его ипостасями, которые наиболее тесно связаны с идеей плодородия, урожая (ср. Ярилу). Юмис обладает еще рядом атрибутов, которые, вероятно, должны быть сопоставлены с характеристиками Ярилы и всего этого класса божеств. Речь идет прежде всего о золотой метле, которую, видимо, следует понимать как пучок колосьев, и о венке. Ср.:

<i>Jam, Jumīt, zalta slūtu,</i>	‘Возьми, Юмис (уменьш.), золотую метлу,
<i>Slauki vuorpos pakaļā</i>	Вымети колосья вослед’.
	BW 50250, 5—6 (вар.: <i>zam pelēka akmintiņ</i>)

(ср. то же — В 50252 и несколько иначе 50253—50254)

<i>Jumīts nāk, Jumīts nāk,</i>	‘Юмис (уменьш.) едет, Юмис (уменьш.) едет,
<i>Vārpu kušķis rociņā;</i>	С пучком колосьев в руке (уменьш.),

<i>Vārpu kušķis rociņā,</i> <i>Vainadziņš galviņā</i>	С пучком колосьев в руке (уменьш.), С венком на голове (уменьш.). BW 50243
⟨...⟩ <i>Kur es likšu jumju kronī</i>	‘⟨...⟩ куда я положу венок юмиса’. BW 28582 290 ⁴⁴ (вещественный план)

Эти атрибуты Юмиса в точности совпадают с описанием внешности Ярилы в белорусской традиции (ржаные колосья в левой руке, венок из полевых цветов на голове⁴⁵), отчасти — с описаниями Юрия — Егория.

Еще более очевидная отсылка к характеристикам, связанным с Громовержцем, обнаруживается в ограничениях на дни недели, когда можно иметь дело с Юмисом. Четвергу как дню Громовержца соответствует тот же день, избираемый для того, чтобы взять Юмиса. Ср.:

<i>Ne piektdien Jumi ņēmu,</i> <i>Ne bez saules vakarā;</i> <i>Otradien, ceturdien,</i> <i>Ka saulīte launagā.</i>	‘Ни в пятницу Юмиса не возьму, Ни вечером, после захода солнца; Во вторник, в четверг, Когда солнышко в зените (на полдень)’ ⁴⁶ . BW 50258 (вар.: <i>Piektdien Juma neņemiet</i>)
---	---

Жертвенное животное Юмиса, как можно судить по BW 50253, то же, что и у Громовержца — козел. В указанной дайне после призыва к Юмису замести золотой метлой зерна в кучу сообщается:

<i>Vokōra u ozi kausim</i> <i>Dzaltōnim radzinim</i>	‘Вечером заколем козла С золотыми рожками’.
---	--

Особый интерес представляет обнаруживаемый в дайнах мотив пира (точнее — его подготовки) по случаю того, что дети Матушки поймали Юмиса. Этот мотив и сам по себе и особенно в связи с языковой формой его выражения находит убедительные аналогии в ритуалах (и соответствующих описаниях их) пира, устраиваемого в честь победы Громовержца над противником и — в контексте комплекса плодородия — в связи с уборкой урожая (ср. данные балтийской традиции о пиршественных обрядах по случаю осенних праздников уборки урожая)⁴⁷. Типовыми для описываемого мотива являются тексты следующего вида:

⁴⁴ Ср. также В 28551 298h и др.

⁴⁵ См.: *Древлянский*. Белорусские народные предания // ЖМНП. 1846. Прилож. 1.

⁴⁶ Существует и суточное ограничение на взятие Юмиса — ни утром, ни вечером делать этого нельзя. Удобное время — полдень. Ср.: *Laiku Jumeiti sajēmu*, | *Nireita tā vokorā*, | *Poša dīnas videnā* | *Siltejā sauleitē* BW 28546 425. К связи солнца с Юмисом ср. BW 50265: *Sauļa svīdrus tacuņio*, | *Jumaleņis gaideidama* ‘Солнце заставляет струиться пот, | (Когда) ожидают Юмаленя’.

⁴⁷ См.: *W. Mannhardt*. Letto-Preussische Götterlehre. Rīgā, 1936. — Здесь же уместно упоминание сообщения Д. Фабрициуса (1610 г.) о праздничном пиршестве, по-

*Cep, māmiņa, kviešu maizi,
Dari saldu alutiņu* ⁴⁸.
*Nu sanāca tavi bērni
Rudzu Jumi saņēmuši*

‘Пеки, Матушка, пшеничный хлеб,
Делай сладкое пиво.
Вот приехали твои дети,
Ржаного Юмиса поймавши’.

BW 28559 87

(вар.: *Tavas meitas atnākušas* — дочери и др.)

или:

*Voi, māmiņa, maizi cepi,
Voi dariji olūteņu?*

*Jau saīt tovi bērni,
Rudzim Jumi sajamuši*

BW 50268

со сходным смыслом. Несколько иначе разворачивается тот же мотив в других дайнах:

*Nāc, Jumīti, mūs mājās,
Še būs laba dzīvošana:
Došu maizi, došu zirņus,
Saldu alu nodzerties*

‘Приди, Юмис (уменьш.), в наш дом,
Здесь будет хорошая жизнь:
Я дам хлеба, дам гороху,
Сладкого пива напиток’.

LTdz I, 1751

или:

*Jumītim rausi cepu
No trijām labībām:
No rudziem, no miežiem,
No baltiem pūrīšiem*

‘Для Юмиса (уменьш.) пирог я испек
Из трех хлебов:
Из ржи, из ячменя,
Из белой озимой пшенички’.

LTdz I, 1763

свящаемом Перконсу, чтобы избавиться от засухи. Ср.: *Observant quoque hanc consuetudinem in hodiernum usque dieni, quando magna et siccitas terrae, in defectu pluviae, solent in collibus inter densissimas sylvas tonitrua adorare, eique immolare juvencam nigram, hircum nigrum et gallum nigrum, quibus mactatis ritu suo conveniunt plurimi ex vicinia, ibidem convivantes et potiantes, invocando Percunum, i. e. deum tonitru, omnium primo infudent craterem cerevisiae, quem ter circumferentes circa ignem ibidem excitatum, postremo effundunt in ignem orantes Percunum, ut pluvias fundat et imbres*. См. также: *H. Biezais. Die himmlische Götterfamilie der alten Letten. Uppsala, 1972. S. 141 et al.*

⁴⁸ Связь варения пива с жатвой (ср. жатву как образ преследования Юмиса), как и с ссорой-примирением, постоянно подчеркивается в русских народных играх типа «Пиво», «Варить пиво» и т. п. Ср.: *Ой ладу-ладу, ой ладу-ладу, | А што будем делать? | Мы сделаем пива <...> | А што будем делать с этого пива? | Усе жать, жать, жать <...>* (Игры народов. Сборник материалов, составленный В. Н. Всеволодским-Гернгресс и др. М.; Л., 1933. С. 319—320); *Мы пива наьемся, все и придеремся <...> | Мы пива наьемся, все и помиримся <...>* (Там же. С. 321) и др. Известны и балтийские параллели.

Иногда мотив печения хлебов, варения каши и под. дается в негативном модусе и к тому же сопровождается мотивировкой, объясняющей, почему эти обычные кулинарные операции не были выполнены:

<i>Júmedz pāra jumal'eñ</i>	‘Юмис (уменьш.) колотил Юмаленя,
<i>Pa teirum' dzanōdams:</i>	По пашне гоняясь:
<i>Kam nawira bīzes putres,</i>	Отчего не сварил он густой каши,
<i>Kam nasaře plōceñeīšu!</i>	Отчего не испек он пирогов!’

Вольтер, с. 87, № 8

или:

<i>Juñeits kōwa jumal'eñ</i>	‘Юмис (уменьш.) колотил Юмаленя,
<i>Aiz mateñu wolkōdams:</i>	За волосы таская (его):
<i>Kam mawira lelos maizes,</i>	Почему не испек большие хлебы,
<i>Kam plōceñes plikšinoj</i>	Почему ватрушки не приготовил’.

Вольтер, с. 87, № 9

Указанные мотивы выступают в некоторых русских поэтических текстах детского фольклора, которые на независимых основаниях были проанализированы раньше как вырожденный вариант наказания Громовержцем своего младшего сына («наказание» мизинца — чаще всего). На поверхностном уровне речь идет о распределении неких благ всем кроме одного (последнего, самого маленького), кому в этих благах отказано за то, что он:

(А ты мал малёнок:
За водицей не ходил,
Дров не носил,
Кашки не варил (...) и т. п.

(Шейн. Великорусс I. Вып. 1. С. 11. № 45; ср. и далее), т. е. за неучастие в подготовке пиршества.

Наконец, глубинная связь двойного плода и Юмиса с сюжетной схемой основного мифа и прежде всего с самим Громовержцем может быть подтверждена целым рядом типологических параллелей, причем некоторые из них были известны уже давно и приводились как раз в связи с Юмисом. К ним относятся обычаи перуанских индейцев, описанные еще в XVII в. и связанные с двойным плодом маиса («Зара-мама», маисовая матка). Эти двойчатки считались священными, их хранили особым образом, устраивались в связи с ними ритуальные пиршества, где важное место занимали пляски; в заключение двойчатки маиса жертвовались молнии, богу грома по имени *Libiac*: они сжигались в надежде на еще лучший урожай в будущем⁴⁹. Разу-

⁴⁹ См.: *W. Mannhardt. Mythologische Forschungen. Aus dem Naehlasse von Wilhelm Mannhardt hrsg. von H. Patzig. Berlin, 1884. S. 343—344; Idem. Roggenwolf und Roggenhund. Danzig, 1865.* — В связи с Юмисом см.: *Э. А. Вольтер. Указ. соч. С. 82—83.*

меется, при обсуждении вопроса об отношении Юмиса к схеме основного мифа нужно помнить о довольно широко распространенном объяснении происхождения двойных колосьев, спорыньи от удара молнии (ср. мотив поражения молнией противника Громовержца, в качестве которого мог выступать и его младший сын).

Подобные параллели помогают вспомнить один важный факт, постоянно выпадающий из поля зрения многих исследователей, а именно: Громовержец, как правило, выступает не только (и не столько) в функции бога-воина, бога-победителя, но и в функции бога плодородия, совпадая в этом отношении (при всех различиях) с Юмисом. В балтийской и славянской традициях функция плодородия в связи с Громовержцем оказывается несколько отнесенной на периферию. Поэтому нужно отдать должное проницательности и настойчивости Биезайса в раскрытии именно этой функции у латышского Перконса⁵⁰ (ср.: *Ko dosim Pērkoņam | Par vasaras gaudumiņu? | Lasti rudzu, lasti miežu, | Pusbirkavu apinišu* BW 28818 'Что мы дадим Перкону | За летний раскат грома? | Тяжесть (груз, ношу) ржи, тяжесть ячменя, | Полберковца хмеля'; характерно притяжение *gaudums* \supset *melnie gaudi* 'спорынья', т. е. 'раскат грома' \supset 'спорынья'). Анализ текстов о Юмисе все время возвращает исследователя к продолжениям и трансформациям образов Громовержца и его противника в основном мифе. Изменчивость и амбивалентность Юмиса составляют оригинальную черту этого мифопоэтического персонажа, нередко весьма близкого к типу трикстера в других традициях. Это двоеение «двойного» Юмиса проявляется во многих мотивах, с ним связанных, но в контексте темы плодородия (в частности, в комплексе «смерть» — «новое рождение» — «возрастание плодородия») стоит отметить еще одну важную особенность: как преследуемый своими преследователями Юмис прячется в скирде, снопе, клети, засеке или под камнем, но как «умирающий и воскресающий» дух жизни⁵¹, Юмис «спит на конце пашни под серым дерном»

⁵⁰ См.: *H. Biezais*. Op. cit. S. 136 f. (6. Pērkons und der Fruchtbarkeitskult). Ср. также: *S. Hopkins*. Indra as a God of Fertility // *JAOS*. 1916. V. 36. P. 242—268; *J. J. Meyer*. Trilogie altindischer Mächte und Feste der Vegetation. Zürich; Leipzig, 1937 и др. (на древнеиндийском материале).

⁵¹ Связь смерти, умирания с удвоенной жизнью (ее символ — двойчатка) в латышской традиции иллюстрируется и примерами иного типа. Ср.: *Jāņa māte rudzus brida, | Samta svārkus pacēluse; | Kur nolūza vien' vārpiņa, | Tur uzauga div' vārpiņas*. BW 32543 'Мать Яниса бродила по ржи, | Подняв бархатную юбку; | Где один колос (уменьш.) сломала, | Там вырастали два колоса (уменьш.)'. В аналогичном контексте вместо *Jāņa māte* может выступать и *Saule* 'солнце', ср. BW 32545, 32532. 6, где, в частности, объясняется символическое значение юбки: (...)*Kad izbrida rudzu lauku, | Tad nolaida samta svārkus* 'Когда оно (Солнце) прошло через

(*Kur, jumēit'(u), tu gulēja* ⟨...⟩? | *Teirumeņa galēna* | *Zam palaks weleņēn*. Вольтер, с. 85, № 4), т. е. в земле. Чрезвычайно интересно, что слово для обозначения дерна лтш. *velēna* (лит. *velėnà*), о котором см. ME 4, 529; LEW 1218, может быть соотнесено не только с и.-е. **uel-* ‘рвать’ (ср.: *пов : вал*), ‘рушить’, но и с обозначением нижнего царства, его повелителя и его обитателей-покойников (ср. лтш. *Vels, Vielona, Wälla-Mānes, Velns*, лит. *Vėlnias, vėlė, veliōnis* (ср. *vėlinės*, день поминовения мертвых), рус. *Велес* и т. п.)⁵². Таким образом, к уже указанным корням, кодирующим элементы основного мифа (**per-*, **g^hen-*, **ak'men-* и др.), следует присоединить еще один из числа самых важных — **uel-*, поскольку именно им обозначался противник Громовержца в основном мифе. Не раз отмечавшаяся игра такого рода в звуковые столкновения, притяжения, *figura etymologica* и т. п. равно характеризует и уже восстановленные фрагменты языковой формы основного мифа, и реально засвидетельствованные фрагменты латышских дайн о Юмисе⁵³.

При несомненном сходстве разбираемой здесь архаичной культовой драмы, сохраненной в латышских дайнах (отчасти и в прозаических описаниях-пересказах жатвенных ритуалов с участием Юмиса), и реконструированного балтийского (также славянского) мифа о преследователе (в основном варианте — Громовержца), восходящего, бесспорно, к индоевропейской сюжетной схеме, остается необходимым доказать, что и в первоначальном индоевропейском и в балтийском близнечном мифе можно реконструировать ту же самую исходную схему (мотивы же, в которых участвует Юмис, отражают только одну из целого ряда версий близнечного мифа). В противном случае

ржаное поле, | То оно спустило юбку, или: *Pacel, Saule, lindraciņus*, | *Lai ziediņi nenobira* ‘Подними, Солнце, юбочки, | Пусть цветочки не осыпаются’. Ломание колоса («смерть») в BW 32543 выступает как мотивировка появления двойного колоса («удвоенная жизнь»).

⁵² Это наблюдение могло бы быть подтверждено еще одной интерпретацией-реконструкцией. Как известно, Юмис прячется не только *zam palaks weleņēn*, но *dzil'(a) orūda dibuñā*, т. е. на дне глубокого закрама (засеки). Как писалось в другом месте, с обозначениями дна типа лтш. *dibens, dubens*, лит. *dūgnas* (: *dūbti*, лтш. *dubt*), слав. **dъno* и т. п. — из **dub-* (< и.-е. **dheubh-*) могли быть связаны названия таких хтонических персонажей, как ведийский «змей глубин» *Āhi Budhnyā*, др.-греч. Πύθων, с.-хорв. *Bǎdnjāk* и т. п., представляющие собой инвертированные варианты того же корня.

⁵³ Не ставя здесь себе целью выяснение полного состава таких звуковых фигур, можно лишь отметить те из них, что связаны с именем Юмиса (напр., *Wisu dīnu Jumī jatu* ⟨...⟩ Вольтер, с. 84, № 2a ‘Весь день я юмиса-спорынью брала ⟨...⟩’ или *Jumēit'⟨...⟩ teirumēnu* ⟨...⟩. Там же, № 2b и т. п.) или с некими важными мотивами, часто помещаемыми в самое начало (ср.: *Wisu dīnu Jumīt dzīnū* ⟨...⟩. Там же, № 2b — типовая формула), а также подчеркнуть их обилие.

можно было бы думать о контаминации двух разных мифов, а не о возможности выведения одного мифа (близнечного) из другого (о Преследователе) путем трансформации, связанной с требованиями конкретного сезонного ритуала⁵⁴.

В пользу этого последнего допущения можно привести типологические параллели. Согласно ацтекскому мифу, во многих деталях совпадающему с балтийской культовой драмой, когда бог Ветра начал приносить в жертву остальных богов (америндский вариант мотива разных поколений богов, умертвляющих друг друга, ср. греческую теогонию и ее древневосточные — хурритскую, хеттскую — прототипы), бог Близнец (Ксолотль) не захотел умирать и стал молить оставить его в живых. Он так плакал, что глаза у него выскочили из орбит. Когда пришла ему очередь умирать, он убежал в кукурузное поле и там превратился в куст с двойным стеблем, который крестьяне называют поэтому *Xolotl* (по имени бога). Но его там открыли между двумя кустами. Тогда он убежал вторично, спрятался среди агав и превратился в агаву с двойным стеблем, которую поэтому называют *Mexolotl*. Снова его нашли, на этот раз он бежал в воду и превратился в аксолотля (ацтек. *a* 'вода' + *xolotl* 'близнец'). Там его схватили и принесли в жертву⁵⁵. Сходство эпизода превращения божественного Близнеца, которого преследуют, в куст с двойным стеблем (или плодом) в ацтекской и балтийской (латышской) версиях настолько велико, что в этой части мифа следует усмотреть один из тех универсальных мифологических мотивов, которые объединяют мифологии Старого и Нового Света. Это сходство простирается и на сходство имени бога (*Jumis*, *Xolotl*) и имени соответствующего двойного сельскохозяйственного растения (с двойным стеблем или колосом). Возможное продолжение мифа отсекается теми дайнами, которые заклинают Юмиса не бежать в водную стихию, о чем говорилось выше. В одной из дайн Юмиса ловят у озера (*ezeriņu*, BW 50269). Выводы типологического сравнения оказывается возможным соотнести с данными сравнительно-исторической индоевропейской мифологии. В отличие от благополучного окончания («счастливого конца») латышской культовой драмы, вообще отличающейся оптимистической настроенностью, духом легкой игры, тот мифологический герой, который по

⁵⁴ Еще один вариант объяснения — наличие в индоевропейской древности некоего набора мотивов, реализующих тему плодородия, на множестве которых строятся две сильно пересекающиеся схемы — основного мифа и близнечного мифа. Реальность мотивов сочетается с импровизационным (или близким к нему) характером сюжетных схем.

⁵⁵ См.: *W. Krickeberg. Märchen der Azteken und Inka-Peruaner. Maya und Muisca, übersetzt, eingeleitet und erläutert. Jena, 1928. S. 18—19, 321—322.* Ср. выше другой вариант перуанской мифологемы о двойном плоде и соответствующего ритуала.

этимологии имени совпадает с Юмисом, в других индоевропейских традициях погибает так же, как ацтекский Ксолотль: его приносят в жертву. Это — участь первочеловека *Имира* (*Ymir*) в древнеисландской традиции и *Йимы* (*Yima*) в древнеиранской. Типологическое сходство двух последних индоевропейских традиций с раннемексиканской удостоверяет большой архаизм этих последних по сравнению с латышскими фрагментами драмы. Юмис остается в живых для того, чтобы возродиться на следующий год. Но само его возрождение от зимней спячки в дайнах описывается как бегство, выход из клетки, где его держат:

<i>Ej, Jumīti, nu uz lauku!</i>	‘Иди, Юмис (уменьш.), теперь на поле!
<i>Garu ziemu izgulējis,</i>	Ты проспал целую зиму.
<i>Sāci jaunu vasariņu,</i>	Начни новое лето (уменьш.),
<i>Svētī mūsu labībiņu</i>	Освяти наши злаки (уменьш.).’

BW 28524, 144’

Новое рождение связано для Юмиса с обрядом омовения. Уже отмечавшаяся связь Юмиса с водной стихией обнаруживается и в том, что перед тем как выпустить Юмиса из заточенья, его омывают (вероятный отзвук ритуального очищения):

<i>Nivīnam tai nabeja</i>	‘Никому так не бывает,
<i>Kei tam rudzu Jumeišam!</i>	Как ржаному Юмису (уменьш.)!
<i>Piērti vīņ izapēre,</i>	В бане его выкупали,
<i>Otkon leida tīrumā</i>	И снова в поле его отпустили’.

BW 50261

Аналогичный мотив возникает и по отношению к другой «ипостаси» Юмиса — льняной, о чем отчасти уже говорилось ранее. Ср.: BW 28354, 9; 434a; BW 50259. При возможности технологической интерпретации дайн как поэтического описания обработки льна сравнение с приведенными параллелями позволяет дать и более глубинную интерпретацию, при которой можно было бы видеть в двух последних вариантах и архаизм: переосмысленное описание гибели погружаемого в воду, но затем оживляемого Юмиса. Независимо от правильности подобной интерпретации (остающейся, конечно, необязательной), бесспорно, что во всей культовой драме бегство Юмиса повторяется (возобновляется) ежегодно: как только наступает новый сельскохозяйственный цикл, Юмиса выпускают (освобождают) из его заточения.

То, что исходная культовая драма, фрагменты которой сохранились в дайнах, была близка ко всему архаическому циклу балтийских песен (о них можно судить, в частности, и по их отражениям в латышском песенном фольклоре), воспроизводящих общеиндоевропейский близнечный миф, видно из целого ряда важных деталей. Так, привлекает к себе внимание объеди-

нение женского образа Юмалы⁵⁶ с мужским образом Юмиса, которое в уже упоминавшейся дайне посредством параллелизма соотнесено с разговором брата и сестриц о б р а к е:

<i>Jumīts meklēj Jumaliņas</i>	‘Юмис (уменьш.) ищет Юмалу,
<i>Pa tīrumu staigādams;</i>	По пашне расхаживая;
<i>Brālīts meklēj līgaviņas</i>	Братец ищет невестушку,
<i>No māsiņām vaicādams</i>	У сестриц спрашивая’ ⁵⁷ .

L2

В дайне обнаруживается разительная параллель к ведийскому разговору Ямы (божественного близнеца, имя которого *Yama* родственно имени *Jumis*) и Ями (*Yamī*, производное от *Yama*), его сестры, убеждающей его вступить с ней в брак⁵⁸. В дайне тот же сюжет дан параллелизмом, но сравнение с ведийским гимном напрашивается само собой. Мотив инцеста в индоевропейском близнечном мифе доказывается, в частности, кельтскими и хеттскими параллелями⁵⁹, а отчасти и славянскими аналогиями (ср. двойной цветок *Иван-да-Марья* и соответствующую мотивировку его происхождения).

Другие детали менее существенны для сюжета близнечного мифа, но важны для установления тождества исходного прототипа дайн о Юмисе (и Юмале) и прототипа цикла дайн о «сыновьях бога», ухаживающих за своей сестрой — «дочерью Солнца»⁶⁰. К ним относятся частые упоминания лошадей Юмиса (и его ‘матери’):

⁵⁶ Форма имени *Jumala* и другие, содержащие элемент *Jumal-*, не вполне ясны в своем происхождении, прежде всего, из-за явной параллели в балтийско-финских языках, где, впрочем, возможно и раннее балтийское заимствование. Однако более архаичные и редкие формы имени женского персонажа (*Jume*, *Juma* и производные уменьшительные типа *Jumīte*, *Jumeite*, *Jumanīte*) не вызывают никакого сомнения в плане их соотнесения с *Jumis*, *Jums*. Вместе с тем *Jumala*, *Jumaleņa* соотносимы с мужскими именами с элементом *-l-* типа *Jumaleņis*.

⁵⁷ См.: *L. Neuland*. Op. cit. S. 172; интерпретация этого мотива здесь, к сожалению, отсутствует.

⁵⁸ См.: *U. Schneider*. *Yama und Yamī* (RV X 10) // *Indo-Iranian Journal*. 1967. № 1. P. 3—31.

⁵⁹ См.: *В. В. Иванов, В. Н. Топоров*. Индоевропейская мифология // *Мифы народов мира*. Т. 2. М., 1981; *G. Dumézil*. *Mythe et épopée. Types épiques indo-européens: un héros, un sorcier, un roi*. Paris, 1971. P. 244—280; *В. В. Иванов*. К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений // *Труды по знаковым системам*. VIII. Тарту, 1977; Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М., 1977.

⁶⁰ См.: *В. В. Иванов*. Отражение индоевропейской терминологии близнечного мифа в балтийских языках // *Балто-славянский сборник*. М., 1972. С. 202 и сл. (там же

Kur tu brauci rudzu Jumi 'Куда ты едешь, ржаной Юмис,
Seši bēri kumeliņi? На своих шести бурых лошадях (уменьш.)?'
 BW 28544, 216b

Kas piesēja melnu zirgu 'Кто привязал черного коня
Pie kulava durvītiņām? У ворот (уменьш.) зернохранилища?
Rudzu Jumis i piesēja, Ржаной Юмис его привязал,
Miežu Jumis atrašja Ячменный Юмис привязал'.
 BW 28539, 407k

В близком контексте упоминается 'бурый конь' (*bēru zirgu*) матери Юмиса (BW 28538, 288, ср. выше о титуле «Мать» по отношению к Хозяйке-жрице в ритуальной драме). Число коней, на которых ездит Юмис, как указывалось выше, колеблется между шестью и девятью (ср. девять голов Юмиса, девять закровов для него и т. п.):

Linu Jumis Rīgā brauca 'Льняной Юмис поехал в Ригу
Ar deviņi melni zirgi <...> На девяти черных конях <...>'.
 BW 28548. 293a, b

Некоторые из приведенных формул, описывающих в дайнах коней Юмиса, почти дословно совпадают с описанием коней, привязываемых божественными близнецами — «сыновьями бога», в дайнах, посвященных этим последним. Это сближение делает возможным связать последний мотив в цикле дайн о Юмисе с индоевропейским представлением о конях в связи с божественными близнецами — древнеиндийскими Ашвинами, названными по слову *aśva-* 'конь'⁶¹, греческими Диоскурами, древнегерманскими близнецами, чьи

литература вопроса). Ср. также специальное исследование: *H. Biezais. Die himmlische Götterfamilie <...>*. Параллели к мотиву «дочерей Солнца» см.: *J. Puhvel. Filles du Soleil: folklore estonien et mythologie indoeuropéenne // Studies in Estonian language and literature presented to Ants Oras. Stockholm, 1965. P. 155—165.*

⁶¹ См.: *В. В. Иванов. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva- 'конь' // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974; U. Chakravarty. The Heavenly Twins and a Maiden // Fifth World Sanskrit Conference. Varanasi, India, October 21—26. 1981. Summaries of Papers. Delhi, 1981, P. 130—132. — В последней работе в центре внимания отношения Ашвинов к «Солнцевой дочери» Сурье, которая стала их женой, и аналогичные отношения близнечной мужской пары к женскому персонажу, часто — их сестре или матери, ср. Кастор и Полидевк (Кастор и Поллукс) — Елена; Геракл и Ификл — Алкмена; Амфион и Зет — Антиопа; Хаурватат и Амеретат — Арамайти; Баларама и Кришна — Субхадра; Рама и Лакшмана — Сита и др. В связи с вышеупомянутым мотивом рождения близнецов во время соревнования с конями («Недуг уладов») ср. сходную тему в несколько инвертированном виде: близнецы-кони Ашвины, выиграв соревнование, доказали, что они достойны быть мужьями Сурьи (AB XVII, 1).*

изображения в виде коньков⁶² на крыше тождественны балтийским, в частности латышским и литовским⁶³. Данные сопоставления представляются тем более существенными, что традиция, связывающая с конями те же функции (целительные) близнецов, которыми отличались древнеиндийские Ашвины, до сих пор оказывается живучей в литовских деревнях⁶⁴.

Несмотря на то, что в литовской традиции до сих пор не обнаружено этимологически точного соответствия лтш. *jumis*, весь круг связываемых с Юмисом представлений выявлен в литовском фольклоре, для обозначения сходных образов и обрядов использующем другие термины⁶⁵. Здесь нет необходимости анализировать соответствующие литовские материалы, но тем не менее целесообразно указать наиболее распространенное название двойчатки — двойного плода (обозначаемого в латышском как *jumis*) и — шире — двусоставной вещи, а именно — лит. *keimarỹs*, *keimerỹs*, *keĩmaris*, *keĩmeris*. Исключительно показательным является глагол *keimariũotis*, *keimariũotis*, *keimeriũotis*, *keimeriũotis*, среди значений которого особенно важны в свете разбираемой темы такие, как 'жениться', 'выходить замуж' (ср.: *Anuodu keimarũote apsiķeimarãvo*, т. у. *apsižanijo*, см. LKŽ V, 489—490). Этимологическая родня этих слов, восходящая к и.-е. **k'eim-/k'oim-*, обнаруживает не менее интересные значения. Ср. лит. *kãimas* 'деревня', *kãima*, *kãime*, *kiẽmas*, лтш. *ciems* (диал. *ciema*), прусск. *caumis* (при том, что для периода XII—XIV вв. деревня, как правило, объединяла, видимо, членов семьи землевладельца, обрабатывающих соответствующий земельный надел⁶⁶), лит. *kaimũnas* 'сосед' (*kaimũne* 'соседка', *kaimũna*, *-ija* 'соседство'), лтш. *kaĩmiņš* (*kaĩmiņiẽne*, *kaĩminiẽte*, *kaĩmĩte* и т. п.), прусск. *kaimĩnan* и др., но и с сатемной трактовкой — лит. *šeimà* 'семья', лтш. *sàime* 'семья', 'домочадцы', прусск. *seimĩns*, слав. **šemnja*, **sěmь* (русск.-ц.-слав. *сѣмь* 'persona'), **sębrь* 'сосед', 'член одной общины' (**sěm-ro- <*k'oim-ro-*), ср. русск. диал. *сябрá*, *себрá*

⁶² Ср. «конские» имена мифологических родоначальников племени — англосакс. *Hengist* и *Horsa*. См. подробнее: *D. Ward. The divine Twins. An Indo-European Myth in Germanic Tradition. Berkeley and Los Angeles, 1968*; ср.: *Idem. An Indo-European mythological thema in Germanic traditon // Indo-european and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970. P. 405.*

⁶³ См.: *M. Gimbutas. Ancient symbolism in Lithuanian folk art (Memoirs of the American Folklore Society. V. 49). Philadelphia, 1958. P. 43. (fig. 68—76), 69 (fig. 99—109), 121 (fig. 157).* Подробнее см. ниже.

⁶⁴ Этим. С. 87—88.

⁶⁵ См.: *J. Petrus. Ruginapiūtės papročiai // Mūsų Tautosaka. 1934. 8; J. Balys. Javų dvasia ir derliaus papročiai // Žemės Ūkis. 1942. 8; L. Neuland. Op. cit. S. 28—52.*

⁶⁶ См.: *J. Lingis. Išnykę ir pasikeitę socialinės reikšmės žodžiai lietuvių kalboje // Donum Balticum. To Prof. Chr. S. Stang at the occasion of his seventieth birthday 15 March 1970. Stockholm, 1970. P. 297 et al. Ср. также: Прусский язык. Т. III. М., 1980. С. 152 и сл.*

‘община’, ‘артель’, ‘общее дело’, *сябёр* ‘крестьянин, участвующий в общественных собраниях’ и т. п., не говоря уже о более далеких параллелях. Можно полагать, что широкое использование корня **keim-/*kaim-* в балтийской социальной терминологии в известной степени способно объяснить, почему он не используется в мифопоэтических и ритуальных персонификациях двойного плода (вместе с тем для латышского характерно отсутствие глагола с корнем *jum-*, который непосредственно был бы связан с *jumis-Jumis*).

Балтийский близнечный культ в тех формах, которые особенно отчетливо обнаруживаются в латышских дайнах, позволяет лучше понять и соотношение славянского мифо-ритуального персонажа, обозначаемого производными от корня **spor-* с другими славянскими мифами (ср. русск. *Спорыши*, *Спорышень*, *спорышенчик*; белор. *Спарыши*⁶⁷; ср. заимствованное лит. *sparyžius*, часто применяющееся в Гервях к обозначению айтвара (о чем см. далее), ср. LTR 4151/55/; 4154/28/; 4155/292/; 4161/308/; 4232/511/ и др., как и двойчатки — двойного колоса или двойного ореха⁶⁸; в Гервях *sparyžius-keimeris* превратился, как показывают этнографические материалы, в духа, умножающего богатства; подобное же мифологическое существо в украинской традиции называется *спориж*, *шпорих*⁶⁹). Как было ранее предположено, мотивы, связываемые со Спорышем, выводятся путем трансформации из мифа о Преследователе. Далеко идущий и сохраняющийся и поныне в местах интенсивного контакта в пограничье параллелизм вост.-слав. **Sporyšъ* и его производных и соответствующих восточнобалтийских обозначений типа лтш. *Jumis-jumis*⁷⁰ позволяет лучше понять характер этой трансформации. Повидимому, она полностью аналогична преобразованию исходного индоевропейского мифа в балтийской культовой драме, связанной с Юмисом. Параллелизм с мифом о преследовании выявляется в обеих традициях. В то же время несомненно, что они продолжают и общеиндоевропейское соотношение мифа о близнецах, приносящих благоденствие или приносимых в жертву, с мифом о преследовании. Особенностью балтийских и славянских традиций

⁶⁷ Интересно, что в белорусских колядках *Спорыши* чередуется с *Богом* и *Раем*, *раем* (ср. *рай* в украинских коровайных песнях). Рай в свою очередь связан с короваем, который иногда называется еще *вырапай* (ср.: *Ой караваю, караваю, які-жа ты вырапаю. Носович. 1870. № 12. С. 162; вар. — верапай*). Слово же *вырапай*, несомненно, отсылает к лит. *vārpa* ‘колос’ (переносно — *membrum virile*), лтш. *vaīra*, *vaīriņa* ‘колосок’ и ‘penis’, т. е. к тому элементу, который фигурирует в объяснениях *jumis* как *divvārpiņas*. Ср. также лит. *varpūti* ‘точить’, *viīptis, -as* ‘тычина’, ‘шест’, русск. *воротисчина* ‘дубина’, ‘оглобля’. Эти параллели знакомят нас с сексуальными образами разбираемой мифологемы.

⁶⁸ См.: *N. Vėlius. Mitinės lietuvių sakmių būtybės. Vilnius, 1977. P. 172—173.*

⁶⁹ Ср.: *J. Balys. Aitvaras // Gimtasai kraštas. 1934. № 2. P. 105; N. Vėlius. Op. cit. P. 172.*

⁷⁰ Этим. С. 85—86 (с литературой вопроса).

является сохранение до настоящего времени связи этих циклов и их фольклорных продолжений, что в конечном счете (при всех последующих дополнительных наложениях) продолжает традицию индоевропейской эпохи.

Поскольку типология отражений близнечных представлений в балтийской традиции разнообразна, уместно — прежде чем перейти к обзору других типов близнечества, — сформулировать в виде своего рода резюме специфику Юмиса среди других близнечных типов. Она, видимо, может быть охарактеризована двумя важными признаками. Один из них очевиден: Юмис представляет собой элемент вегетативного кода близнечного мифа, сублимированный до персонажного уровня⁷¹. Второй менее очевиден или, во всяком случае, обычно не формулируется. А дело в том, что Юмис не просто двойня близнецов, одинаковых во всех отношениях и практически не различимых (известно и другое соотношение близнецов, составляющих двойню⁷²): существенно, что Юмис-юмис представляет собой двойню, занимающую одно (и только одно) место⁷³. Эта ситуация отсылает к идее перенасыщенности, опасной избыточности (ср. двойчатка в гаданиях — смерть или свадьба, т. е. благо или зло), своего рода «уродства». Как писалось выше, весь цикл Юмиса тяготеет к сфере положительно-оптимистических трактовок, но следы чреватой неожиданностями исключительности, некоей ненормальности, сверхъестественности⁷⁴ тем не менее остаются. Латышские тексты, собственно, и предлагают рецепт нейтрализации этих неожиданностей и неприятностей и сохранения и реализации благих потенций, кроющихся в Юмисе.

⁷¹ Впрочем, в латышских источниках задается своего рода процедура перехода к другим кодам — животному (съедение двойного плода ⊃ рождение двойни овец, понимаемых как «животный» символ богатства) и человеческому (съедение двойного плода ⊃ рождение двойни детей).

⁷² Правда, существует мнение Гюнтерта (основанное как на случаях типа *yama-jumis*, так и на этнологических исследованиях), согласно которому в случаях, подобных двойчатке, следует видеть отражение идеи андрогинизма в результате объединения первоначально разнополых близнецов (нейтрализация оппозиции мужской — женской). См.: *H. Gūritert. Op. cit. S. 334—337*; ср. также: *H. Baumann. Das doppelte Geschlecht. Berlin, 1955*; *M. Eliade. Méphistophélès et l'Androgyne. Paris, 1962*.

⁷³ Выше приводились примеры определения референционного значения юмиса, построенные по схеме «два плода — на одном колосе».

⁷⁴ Ср. описание той же ситуации в «Пиковой даме»: «Две неподвижные идеи не могут существовать в нравственной природе, так же как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место». Смещенное сознание Голядкина-старшего возмущено стремлением его двойника вытеснить его со своего собственного места, «ибо всякий должен быть доволен своим собственным местом»: два человека на одном месте, особенно если эти двое во всем подобны друг другу, воспринимается как катастрофическая ситуация, требующая немедленного разрешения.

Оказывается, что для Юмиса есть как бы два разных режима: зимой он дремлет, т. е. неподвижен, иначе говоря, в этом состоянии опасные потенции не могут быть приведены в действие, а благие сохраняются, хотя и не реализуются; летом на пашне, особенно во время жатвы, Юмис предельно подвижен: он бежит, прячется в разных местах, т. е. как бы размещает свою «двуместность», меняя свое местоположение; именно в движении, спасаясь от преследований, Юмис реализует свои излишки, рассыпает-распространяет их по всей пашне; чем больше его преследуют, тем быстрее и дальше он бежит, тем более богатый урожай ожидает участников культового действия. Лишь в этот момент Юмису удастся сбросить излишек, избавиться от «уродства», обменяв его на урожай (ср. тождество исходного элемента в этих словах: **u-rod-* [ср. **u-bog-*] — **u-rod-j-*). Но для «раздвоения» этого близнечества—парности нужно умереть с тем, чтобы в следующем сезонном цикле осуществилось возрождение, новая жизнь (ср. также *jauna vasariņa*), когда формула «два плода — на одном месте» сменяется другой («нормальной») — «множество одиночных плодов, каждый из которых занимает одно, свое собственное, место».

Среди других балтийских воплощений близнечного культа и соответствующих представлений уместно начать с упоминания тех явлений, которые наиболее близко стоят к описанным выше представлениям о Юмисе (если не считать, конечно, того, что уже говорилось о лит. *keimarys* и под. и *sparųzius*). Речь пойдет об айтварасах (лит. *aitvaras*), духах, связанных с богатством и упоминаемых уже Мажвидасом, Бреткунасом, Даукшей, автором «Вольфенбютельской постиллы» (1573 г.), Ласициусом, Ширвидасом и в более поздних источниках (XVIII—XIX вв.). Типологически айтварасы принадлежат к той же разновидности мифологических существ, которая представлена у латышей как *pūķis*, у русских как *летучий* змей, у поляков как *latawies* и т. п. Поскольку существуют подробные описания особенностей и функций айтвараса⁷⁵, здесь можно указать лишь на недавно выдвинутую гипотезу Н. Велюса о связи айтвараса с индоевропейским близнечным культом, в частности о его близости к образу Юмиса. Своего рода отправным пунктом всей гипотезы было, видимо, наблюдение Л. Адамовича⁷⁶ об известной функциональной близости Юмиса как божества урожая и пукиса (ср. айтвараса), приносящего продукты сельского хозяйства и увеличивающего их, особенно зерно (позднее эта особенность пукиса была отчасти оттеснена, а отчасти трансформирова-

⁷⁵ См.: N. Vēlius. Op. cit. P. 171 f.

⁷⁶ См.: L. Adamovičs. Pūķis latviešu folklorā un senlatviešu mitoloģija // Rīkas Latviešu Biedrības Zinātņu Komitejas Rakstu Krājums. 1940. kr. 23A. Humānilari raksti. 1. P. 305—307, 339—343 et al.

на). Н. Велюс убедительно показывает, что сходные черты характеризуют иногда и айтвараса (который, кстати, тоже претерпел значительные трансформации, более или менее существенно отойдя от исходного образа), особенно в ипостаси «*aitvaras skalsintojas*», ср. элемент *skals-*, очень показательный в терминологии литовского близнечества в его сельскохозяйственном (уже — «зерновом») аспекте, ср. лит. *skalsė* 'спорынья' (!: *спорыш*), 'Mutterkorn', *skalsà* 'обилие', 'достаток', 'сытность', 'экономность', *skalsùs*, *skalsėti* 'дольше хватать', 'становиться более обильным', 'богатеть', *skalsinti* 'делать более обильным', *skalsti* и т. п. (ср. также *skals(a)grūdis, -as*, в связи с зерном-хлебом) — при *skelsti* 'надолго хватать', *skelsėti*. Указывается иногда, что айтварас *duoda skalską*, т. е. «дает изобилие» (LTR 293/971), в других случаях он сам обозначается как *skalsinas* или *skalsininkas* (напр., в Гервятах, ср. LTR 4154/196/; 4160/280/; 4161/373/). По мнению литовского исследователя, информация об айтварасах, полученная из Гервят, дает ключ к выяснению вопроса о происхождении этого класса мифологических существ (там же айтварас может обозначаться и как *sparųžius*, см. выше, что открывает путь к дальнейшим связям с *keimeriūs* и под., поскольку и 'двойчатка', и 'айтварас' выступают как два значения гервятск. *sparųžius*). Судя по анализируемым данным из Гервят, первоначально и айтварас воплощался как некий вещественный фетиш, что представляет интерес в связи с тем, что материальными символами подобных существ в латышской традиции и предметами, с которыми соотнесен айтварас у литовцев, являются объекты, связанные с конской темой, — упряжь, дуга, дышло, путы, обрывок веревки, чека и т. п. Еще показательнее, что, судя по некоторым литовским данным, айтварас вообще мог воплощаться в виде коня⁷⁷ и что с айтварасом нередко сочетается идея парности, двоичности, — ср. актуальность тех частей конского убранства (упряжи), которые или двусоставны (два конца дуги), или объединяют двух лошадей (валек, дышло)⁷⁸. Наконец, как сообщает Н. Велюс, по литовским поверьям (LMD I 294/3/; LTR 893/23/; VCh II 318—319), айтварас может влетать в дом и вылетать из него через гребень крыши («*pro kraiga*»), к которому в старину прикрепляли вырезанных из дерева коньков — символ двоичности (кстати, сюда же иногда вешали и венки, ср. выше о венке Юмиса). Парность присуща айтварасу и в ряде других проявлений: он дважды рождается, дважды приобретает (сначала его покупают или находят, а потом вводят в дом), нередко айтварасы вдвоем прислуживают человеку (в случае, если речь идет об одном айтварасе, он приносит двойное благо — деньги и зерно). Подобная двоичность-двойственность распростра-

⁷⁷ Ср.: A. J. Greimas. *Kaukai ir aitvarai. Antroji dalis: Aitvaras // Metmenys*. 1974. № 28. P. 43.

⁷⁸ См.: N. Vėlius. *Op. cit.* P. 174.

няется и на некоторые другие черты поведения айтвараса и/или его внешний вид. Более того, эти же особенности позволили Н. Велюсу обрисовать круг индоевропейских параллелей и связей (Ашвины, Диоскуры) и указать некоторые общие близнечным божествам мотивы (ср. айтварас на дороге или у дороги; айтварас под деревом (грушей или яблоней), айтварас и болезни; ср. временн ые характеристики появления айтвараса — восход солнца, утро и т. п. Все эти наблюдения действительно дают основания говорить как о связи айтвараса с индоевропейскими образами божественных близнецов, так и о сильной деформации архаичных близнечных представлений, связанных с этим образом литовской н и з о в о й мифологии (впрочем, способность айтвараса л е т а т ь также объединяет его с божественной парой типа Ашвинов).

Следы парности-двоичности айтвараса делают правдоподобным предположение о том, что именно он мог некогда выступать как образ близнечности, данный в животном (или анимально-демонологичном) коде. Но более бесспорны в этом отношении так называемые «коньки» (лит. *kraĩgas*, лтш. *čukurs, jumta kore*), т. е. два нередко сильно стилизованных деревянных конских изображения, помещаемых как навершие крыши, обычно на хозяйственных сооружениях (хранилищах богатства), но и на домах-жилищах (избы). Вообще следует подчеркнуть, что литовское народное изобразительное искусство в изображениях на прялках, предметах обстановки, в орнаментах на тканях, в рисунках на изделиях из теста, в формах надгробных крестов, в многочисленных придорожных крестах и часовенках и т. п. постоянно подчеркивает идею парности-двоичности, в частности, через парные образы животных или птиц, обычно симметрично расположенных относительно некоей центральной вертикали. В качестве такой вертикали может выступать изображение дерева или реальное дерево, на котором (обычно на развилке, где ствол переходит в ветви) находятся парные объекты. Особенно интересны украшения на окнах и дверях домов (парные или двусоставные архитектурные детали), реже на крыше, которые воспроизводят, как правило, стилизованно, но почти всегда достаточно наглядно композицию м и р о в о г о д е р е в а, по сторонам которого находятся две птицы, две куницы, парные коньки и под., а над деревом или в его верхней части — образы солнца и месяца; нижней границей композиции нередко бывает з м е е о б р а з н а я линия, отсылающая к хтоническим мотивам (змей при корнях мирового дерева)⁷⁹. Насыщенность, с которой воспроизводится подобная схема или ее фрагменты всюду, где только принято помещать изображения (в самой различной техни-

⁷⁹ См.: В. Н. Топоров. Об одном локальном варианте основного мифа (*Dieveniškės*). — *Σημειωτική*. Материалы симпозиума по вторичным моделирующим системам I (5). Тарту, 1974. С. 37. Многочисленные примеры собраны в серии «Lietuvių liaudies menas».

ке и материалах), убедительно свидетельствует о том, что в данном случае представлена универсальная и основная для традиции сюжетная схема. Характерно, что она восходит к сюжету основного мифа, которому подчинена и идея парности, возможно, отсылающая в ряде случаев к мотиву близнечности. Многочисленные параллели, в частности, из архаичных древневосточных традиций⁸⁰ подтверждают, что и в сходных балтийских фактах (парные животные или птицы, фланкирующие вход в дом — ворота, двери, окна и т. п. или сакрализованные объекты — трон, кресло, алтарь и т. п.) следует видеть отражение тех же мифоритуальных идей⁸¹. Впрочем, известны и более непосредственные примеры связи между двусоставными элементами жилища (напр., дверьми) и двойными плодами. В ритуальном тексте, записанном на Фиджи, обращаются к хлебному дереву: «Открой дом с двумя дверьми, близнечные (*rua-rua* 'двойные') плоды хлебного дерева, два путешественника (...) прибыли, мы ушли два дня назад» (с повторением *rua* 'два')⁸².

Идея парности и даже близнечества в балтийской традиции знает и целый ряд антропоморфных отражений, о которых уже писалось⁸³. Поэтому здесь достаточно лишь напомнить об основных случаях этого рода. В свое время в результате анализа описания знамени древних пруссов, содержащегося у Симона Грунау, было установлено, что из трех изображений богов на знамени два составляют пару — Потримпс и Патолс (он же — Бардойтс; это слово, видимо, первоначально было эпитетом к имени бога — «бородатый»). Эти два божества противопоставлены в описании по признаку молодой — старый. Ср.: *das eine war ein man junger gestalt ane bardt, gekronet mit saugelen und frolich sich irbot und der golt vom getreide und hies*

⁸⁰ Иногда такие параллели весьма точны. Ср., напр., подставку в виде стилизованного дерева с парными изображениями конских голов (Армения, эпоха бронзы). См.: С. А. Есаян. Скульптура Древней Армении. Ереван, 1980. С. 38. № 3 и др. Не менее часты подобные изображения птичьей пары — как на дереве, шесте и т. п., так и на человеческой фигуре; ср. бронзовую фигурку женщины-факелоносицы, на голове которой находятся две птицы (Сирия, VI в. до н. э.), см.: H. Klengel. Geschichte und Kultur Altsyriens. Leipzig, 1979. Abb. 77 et al.

⁸¹ Наиболее известное древневосточное воплощение такой парности — изображение львов у ворот или дверей (ср. «Львиные» ворота в Микенах или в Хаттуше) или изображение божества (героя) на основе, поддерживаемой или фланкируемой львиной парой. Многочисленные примеры такого рода сакральной парности отражены в книге: E. Akurgal. Die Kunst der Hethiter. München, 1961.

⁸² См.: A. M. Hocart. The Northern States of Fiji. London, 1952. P. 76, 78.

⁸³ См. В. Н. Топоров. Заметки по балтийской мифологии // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 301 и сл.; Он же. Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 61 и сл.; и др.

*Potrimppo*⁸⁴; *Das dritte bilde war ein alter mahn mit einem langen groen bardt und seine farbe ganz totlich, war gekronet mit einem weissen tuche wie ein morbant unde sag von unden auff die andern an unde his Patollo mit namen <...>* (LPG 195 A)⁸⁵. Как видно, борода (прусск. *bordus*, лит. *barzdà*, лтш. *bàr(z)da*) — ее наличие или отсутствие и ее цвет — была важнейшим диагностическим показателем возрастной иерархии и функциональных различий трех божеств. Не случайно Патолс выступает и как *Bardoits*, т. е. 'бородатый' (прусск. **bardot-s*). Молодой Потримпс и старый Патолс-Бардойтс выступают именно как пара, члены которой образуют единство. Понятно, что они глоссированы в источнике как *Castor* и *Pollux*, т. е. как знаменитая пара античной мифологии. В данном случае нет оснований сомневаться, что Потримпс и Патолс-Бардойтс составляли пару божественных близнецов, различавшихся между собой примерно так же, как весенний Ярила и осенний Ярила или весенний Никола и осенний Никола⁸⁶. Интересно, что возможность наличия в прусском пантеоне таких близнецов предполагал уже Краппе, который, однако, не знал, каким образом объяснить появление Бардойтса в описании именно на этом месте. Тем не менее важно пронизательное указание Краппе на ряд существенных параллелей⁸⁷: 1) образ божественных близнецов, один из которых изображается как юноша, а другой — как старец, соответственно связанные с жизнью и смертью⁸⁸; 2) приурочение одного из близнецов к весеннему циклу, а другого — к осенне-зимнему (ср. весеннего и зимнего Сатурна)⁸⁹; 3) связь с небес-

⁸⁴ Ср. сходные описания Юмиса, Ярилы и других божеств плодородия.

⁸⁵ Третий персонаж изображен в виде гневного мужчины среднего возраста, увенчанного пламенем, «sein bart craus und schwarz». Речь идет об образе Перкунса.

⁸⁶ К имени Потримпса и его плодородным функциям ср. лит. *treñti* как обозначение топанья, топтанья, попиранья ногой (ср.: *eik po Trimpa!*), действий, вызывающих плодородие. Ср. о Яриле: *A gdje ž on naگو, | Tam žыто капою <...>* (то же о козе и т. п.).

⁸⁷ См.: *A. H. Krappe. Les dieux jumeaux dans la religion germanique // Acta Philologica Scandinavica. Tidsskrift for Nordisk Sprogforskning. 1931—1932. Bd. VI. S. 6—8.*

⁸⁸ Ср. изображения спартанских Диоскуров, или известных миланских близнецов Протасия и Гervasия, или, наконец, близнецов на митраических монументах и т. п. См.: *J. R. Harris. Op. cit. P. 46 f.*; *F. Cumont. Textes et monuments relatifs aux mystères de Mithra. I—II. Bruxelles, 1896—1899*; *J.-J. Bachofen. Versuch über die Gräbersymbolik der Alten. Bâle, 1925. S. 14 et al.*

⁸⁹ Ср. весенние и осенние праздники Ярилы или Яровита у славян, Марса у римлян (весеннее изгнание *Mamurius'a Veturius'a* и осенний *Equus October*) и др. Существенно при этом, что обе ипостаси перечисленных персонажей противопоставлены друг другу по тем же праздникам, что и *Potrimps* и *Patois*. Поэтому последовательность *Potrimps—Perkuns—Patols*, учитывая отнесенность Перкунса к лету, одновре-

ным богом (ср.: *Διὸς κοῦροι* как обозначение сыновей Зевса и по смыслу имени и по соответствующему мотиву — связь Зевса с Ледой и рождение Диоскуров, ср. лтш. *Dieva dēļi*)⁹⁰; 4) наличие культа близнецов у германского племени наханарвалов, обитавших в начале нашей эры где-то между Одером и Вислой, т. е., видимо, в близком соседстве с пруссами (Tacitus. *Germ.*, 43). Следует указать еще одно далеко идущее совпадение, игнорируемое исследователями. Речь идет о том, что изображения прусских богов, двое из которых тракуются как близнецы, находились на священном дубе, почитавшемся пруссами и являющемся, очевидно, трансформацией образа мирового дерева (ср.: «Die grosse dicke und mechtige hohe eiche, in welcher der teuffel sein gespenst Rette und die bilde der abgötte ynne woren, halt ich ausz vorplendungk des teufels, war stetis grün, winter und sommer, und war obene weit und breit so dicke von lobe, damit kein regen dadurch kunt fallen, und umb und umb woren hubsche tuchir vorgezogen ein schrit aber 3 von der eichen wol 7 elen hoch, do mocht niemandt eingehn ag der kirwaito und die obirsten waiolotten (...) Und die eiche war gleich in 3 teil geteilet (...)» *S. Grunau. Von der gelegenheit der eichenn* (...) LPG 196). С описываемым здесь культом у пруссов можно сравнить почитание в Риме близнецов в связи с «римским деревом» *Ficus Ruminalis*, образом мирового дерева⁹¹, или же так называемые *δῶκαλα*, священные столбы, представлявшие в Спарте небесных близнецов⁹². Эти символы изображались в виде Н или П (ср. П как знак созвездия Близнецов) и, как можно думать, были вариантами сходным образом изображаемых (стилизуемых) «двойных» («близнечных») деревьев, которые в разных традициях связывались с идеей плодородия, в частности и конкретнее — с близнецами⁹³.

менно отражает и структуру соответствующих изображений, и очередность сезонных празднеств, посвященных этим богам.

⁹⁰ Ср. также имя спартанских близнецов Тиндаридов, от др.-греч. *τύδαρος* 'гром', ср. лат. *tundere*, или обычное наименование для близнецов в Мозамбике *Bana ba Tilo* 'дети Неба' (где *tilo* обозначает и 'небо', и 'гром', и 'молнию', и даже 'дождь'), что, видимо, может объяснить связь Потримпса и Патолса в описании Грунау.

⁹¹ См.: *G. Dumézil. La religion romaine archaïque*. Paris, 1966. P. 187; *В. В. Иванов. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // Труды по знаковым системам*. 1969. Т. IV. С. 65—66. Из других параллелей ср. римский обряд *Nonae Capritinae*, название дерева *caprificus* и роль козла в прусских ритуалах.

⁹² См.: *А. Н. Кrappe. Op. cit.* P. 8—9.

⁹³ Ср. двойные *тууру* у эвенков, спаренные тотемные столбы у индейцев, двойные *джеды* в Древнем Египте, двусоставные *porta triumphalis* в Риме и т. п. Новое этимологическое объяснение лит. *aitvaras* (см.: *N. Vėlius. Op. cit.* P. 181) соответствует образу материальных символов идеи близнечества описываемого типа. Тем не ме-

Чрезвычайно интересно в этой связи другое сообщение С. Грунау — о том, что во многих местах пруссы устанавливали столбы с изображениями двух братьев — прусских вождей Видевута и Брутена, и эти столбы почитались как боги, причем один из них называли *Worskaito* (т. е. 'Старший'), а другой — *Iszwambrato* (т. е. *swais brati* 'его брат'⁹⁴); характерно, что они считались покровителями скота. Образ этих персонифицированных столбов-близнецов прежде всего, конечно, напоминает парные колонны, следы которых впервые отмечены еще в ранненатуфийском поселении X тысячелетия до н. э. в Иерихоне (перед входом в храм), широко использовались позже в Передней Азии (Ассирия, Урарту, Тир, Хазор)⁹⁵. Но особенно удивительную параллель к прусским столбам-братьям образуют парные колонны перед храмом Соломона в Иерусалиме: «И поставил столбы к притвору храма; поставил столб на правой стороне, и дал ему имя Иахин, и поставил столб на левой стороне, и дал ему имя Воаз. И над столбами поставил венцы, сделанные наподобие лилии» (3-я Кн. Царств 7, 21—22)⁹⁶. Разумеется, интерес представляет не только наличие вторично персонифицированных материальных воплощений в виде парных столбов, но и то обстоятельство, что Видевут и Брутен рассматриваются как родоначальники-учредители прусской социально-религиозной традиции. По сообщениям источников XVI в. именно Видевут (*Widewuto*, *Widowuto*, *Witowudi*) учредил у пруссов социальную организацию, светскую власть и был избран «королем», тогда как Брутен (*Bruteno*, *Brudeno*) первенствовал в религиозной сфере: он основал главный прусский культовый центр Ромове (*Romowe*), воздвиг там «жилище» для уже упоминавшейся в связи с тем же близнечным культом триады (Потримпс—Перкунс—Патолс) и стал первым верховным жрецом криве-

нее, в данном случае речь может идти и о народно-этимологических мотивировках семантической структуры слова.

⁹⁴ Ср.: *An vielen Stellen stellte man die Bildsäulen des Widewuto und Bruteno auf und verehrte sie als Götter, als solche nannte man der ersteren Worskaito, den letzteren Iszwambrato; wer sie in Not seines Volkes anrief, dem war gehoffen*. LPG 195, а также 197—198, ср.: *Wurschaito abir Borsskayto war der fierde abgot (...)* *Szwaybrotto war der funfte gott (...)*.

⁹⁵ См.: Б. Брентъес. От Шанидара до Аккада. М., 1976. С. 32.

⁹⁶ Есть предположение, что колонны этого храма отражали отцовскую и материнскую линии царского рода (ср. толкование Лукианом парных колонн перед сирийскими храмами как поднятых фаллосов). Во всяком случае, в Библии упоминаются деревянные столбы, в которых ханааняне видели изображения материнского божества Ашеры. См.: Б. Брентъес. Указ. соч. С. 32. К символике парности-двойственности ср. двойные топоры и секиры, спаренные жезлы, тирсы и т. п. — вплоть до дуальной структуры коллектива и его поселения.

кривайтисом. Подобное распределение функций между братьями-близнецами (или трактуемыми как близнецы) очень характерно для мифов об основании некоей культурной традиции (власти, храма, ритуала, города и т. п.).

Двойное имя жреца хорошо известно и в мифологических и ранне-исторических мифологизированных преданиях о начале Вильнюса (ср. лит. *Krivė-Krivaitis*). Последним звеном мифа об основании Вильнюса был рассказ о жреце Лиздейке и всей линии верховных жрецов при святилище Перкунаса на Швинтороге, сакральном ядре «прото-Вильнюса». Эпизод, посвященный Лиздейке, важен в нескольких отношениях. Сюжетно и идейно он составляет основу мифа: выступающий во всей полноте сокровенных знаний, Лиздейка объясняет Гедимину вещий сон, после чего закладывается город, которому суждена великая слава. Вместе с тем этот эпизод обращает нас к теме ритуала, к структуре отношений между жреческой и княжеской (воинской) функциями. Наконец, эпизод с Лиздейкой, видимо, может приоткрыть занавес, скрывающий от нас картину раннего социально-топографического членения города.

Не останавливаясь на частностях двух версий легенды о Лиздейке, важно выделить в них основу — нахождение князем Гедимином во время охоты плачущего мальчика в орлином гнезде (ср. *lizdas* 'гнездо', откуда и имя *Lizdeika*), видимо, на высоком дереве («na drzewie zawie-szonego», согласно версии Стрыйковского I. 371). Сочетание мотивов подкинутого мальчика в орлином гнезде с «даром предсказания» (мистические способности Лиздейки: он был искушен «w naukach gwiazdarskich»), описывающее ядро сюжета о Лиздейке, весьма напоминает схему многочисленных рассказов о воспитании шаманов, особенно великих (отверженность, сидение на дереве или в гнезде орла, приобретение шаманских способностей, толкование снов и т. д.). Нередко эта схема включается в более обширную, где у мальчика, ставшего великим шаманом, появляется брат-близнец, оказавшийся неудачником. Наконец, та же схема выступает и в мифах о братьях-близнецах, один из которых становится основателем города, ср. рассказ Тита Ливия об основании Рима (I. 4—8) и его многочисленные толкования⁹⁷. Римские аналогии неоднократно возникают в связи с историей Литвы и особенно Вильнюса (прежде всего у Стрыйковского). Значение римской истории для версии рассказа о Лиздейке не подлежит сомнению. Тем не менее важно, не ограничиваясь

⁹⁷ Из них стоит отметить важнейшие, в частности, в связи с интересом к близнечной теме: *Th. Mommsen. Die Remus-Legende // Hermes. 1881. Bd. 16. S. 1—23* (= *Gesammelte Schriften. Bd. IV. Berlin, 1906. S. 1—21*); *P. Kretschmer. Remus und Romulus // Glotta. 1909. Bd. 1. S. 283—303*; *W. Soltau. Рωμως und Remus // Philologus. 1909. Bd. 68. S. 156 f.*; *R. Schilling. Romulus l'élú et Rémus le retrouvé // REL. 1960. T. 38. P. 182—199*; *J. Puhvel. Remus et Frater // History of Religion. 1975. V. 15. P. 146—157 et al.*

наиболее броскими и поверхностными аналогиями с рассказом о двух римских близнецах, выявить типологически сходный слой, который едва ли целиком выводим из влияния римской легенды. Роль римской версии в сложении предания об основании Вильнюса во многих случаях вторична и, кажется, преувеличена. Дело в том, что в самих преданиях о начале Вильнюса хотя и отдаленно, но довольно настойчиво возникают ходы, которые не позволяют исключать предположение о наличии и здесь следов близнечного мифа.

Уже отмечалось, что само двойное имя жреца Криве-Кривайтиса⁹⁸ весьма характерно именно в контексте близнечных представлений, в частности балтийских (ср. о прусских братьях Видевуте и Брутене, последний из которых как раз и был установителем жреческой традиции, и о паре Потримпс — Патолс). В этом контексте, характеризуемом наличием двух богов-близнецов (старшего и младшего), двух братьев, из которых один — вождь, а другой — жрец, принявший титул Криво-Кривайто, двух столбов, изображающих этих братьев, и т. п., — кажется, нетрудно заполнить и последнюю лакуну, высказав предположение, что двойное имя литовского первожреца относится к обоим братьям. Вильнюсская ситуация, когда имя *Krivė-Krivaitis* относится к одному человеку, к верховному жрецу, связанному с Перкунасом⁹⁹, причем о брате жреца нам ничего неизвестно, должна рассматриваться как вторичная, обязанная своим происхождением трансформации конвергентного типа («склеивание» братьев-близнецов в единый образ с сохранением двойственности и указанием на близнечность только в имени). Реконструкция предыдущего этапа приводит к правдоподобному постулированию пары близнецов **Kriv-* & **Krivait-* (не исключено, что параллельно существовала и, может быть, позже была как-то переосмыслена другая пара основателей — светского и духовного — (**Gedimin-* & **Lizdeik-*). Аналогичная структура близнечных имен (т. е. наличие общего корня в обоих именах, наличие деминутивного образования во втором имени и, наконец, последовательность, при которой более короткое имя предшествует более длинному) обнаруживается и во многих других случаях. Ср. лат. *Remus et Romulus*, осет. *Xsart-Xsærtæg* и т. п. Преимущество, отдаваемое форме **Kriv-* перед **Kriv-ait-*, также, возможно, находит параллель в употреблении имени *Remus* для обозначения обоих братьев — и Рема и Ромула (ср.: *regnave prima Remi, signa Remi, domus alta Remi, de plebe Remi* и т. п.). Наконец, особенно показательно, что по имени героя-основателя, одного из близнецов, город получает свое обозначение: *Roma* при *Romulus*. Таким же образом следует, вероятно, объяс-

⁹⁸ Ср. его «разъединенные» варианты: *Criwe* у Дюсбурга и Николауса из Ерошина, но *kirwait, kirwaido* и т. п. у Симона Грунау.

⁹⁹ Кстати, Патолс и Потримпс, как и Брутен, также связаны с Перкуномсом.

нять название старого Кривого города в Вильнюсе (*Кривой городъ, Кривый, Криву, Krziwy horod, Krziwgorod, Curwum castrum* и т. п. — при *Krive, Kриве*). Едва ли такая серия совпадений может оказаться случайной или, напротив, быть результатом сознательной ориентации на римские источники. Сказанное на тему Криве-Кривайтиса и его истоков, как и глубоко укорененная в балтийской традиции идея близнечества, проявляющаяся столь многообразно, побуждает сделать вывод о том, что и парное имя литовского первожреца отражает действительно некогда актуальный близнечный образ. Допустив возможность такого вывода, приходится обратить внимание на довольно частую ситуацию в подобных близнечных мифах, когда один из братьев фактически никак не участвует в сюжете¹⁰⁰ (отчасти это относится и к Рему, чья роль в основном сводится к так называемому «*Vauopfer*»). Можно предполагать, что в предании об основании Вильнюса, дошедшем до нас в позднем виде, брат Криве (Кривайтис) исчез из сюжета именно ввиду его пассивной роли¹⁰¹. Удивляться этому предположению не приходится: существует нема-

¹⁰⁰ На этом основании второму брату иногда вообще отказывают в существовании, ссылаясь на то, что он возник исключительно «aus lautlichen Gründen». В этом контексте и при учете пары божественных кузнецов Козьмы и Демьяна возникает соблазн видеть и в образе балтийского мифологического кузнеца (ср. мотив Юмис-кузнец, Телявель и т. п.) редукцию возможной пары кузнецов. — Теперь, вероятно, появляется возможность добавить сюда еще один пример, который может рассматриваться как некая аналогия к близнечной паре, связанной с Вильнюсом (: **цel-* : **цal-* : **цl-*). Речь идет о недавно выдвинутой точке зрения, подробнее здесь не анализируемой; согласно которой Велес и Волос составляли в славянском пантеоне «диоскурическую пару», персонажей близнечного мифа. См.: *M. Shapiro. Neglected Evidence of Dioscurism (Divine Twinning) in the Old Slavic Pantheon. Univ. of California, Los Angeles, 1981. P. 1—43.* Если выдвинутое предположение верно, то оно оспаривает обе имеющиеся точки зрения: Велес/Волос — единый бог и Велес и Волос — два разных бога (см. А. Л. Погодин, отчасти М. Фасмер). Согласно М. Шапиро, эта близнечная пара — дети Перуна в рамках сюжета основного мифа. В связи с темой Юмиса существенны такие мотивы, как Велес-Волос и кони или Велес-Волос и вода.

¹⁰¹ В свое время была высказана гипотеза о том, что Швинторог мог быть заменой одного из близнецов. В самом деле, труп Швинторога был сожжен на месте Кривого города жрецом Перкунаса *К р и в е*, и Швинторог, конечно, мог пониматься как род «строительной» жертвы (основание «предгорода», его ядра — святилища). В таком случае один близнец (условно — Кривайтис) трактовался как основатель города (через собственную смерть), а другой — как основатель жреческой традиции. Ср. также предложенное недавно Я. Пухвелем различение двух типов близнечной пары — «Twin» и «Man». См.: *J. Puhvel. Op. cit. P. 153—157* (ср. др.-инд. *Yama* : *Mānu*, др.-герм. *Ymir* : *Mannus*, проторимск. **Yemos* : **Viros* и т. п.). Один из близнецов выступает при этом как первый смертный, тот, кто приобщился к иному царству, и вопло-

ло примеров именно такого исчезновения одного из близнецов или замены одного из них другим, хронологически более поздним образом, который лишь отчасти имитирует отдельные черты уцелевшего близнеца, к которому он подстраивается.

Несмотря на разнообразие типов воплощения идеи близнечества в балтийской традиции, сама эта тема не может считаться исчерпанной. Однако ссылки на пополнение ее дополнительными материалами едва ли достаточно для того, чтобы не попытаться уже на теперешнем уровне знаний заняться последовательной реконструкцией наиболее архаичного слоя балтийских близнечных представлений.

1983

щает собой «жизнь смертную», а другой — как основатель религиозного закона, учредитель ритуала.

О НЕКОТОРЫХ АРХАИЗМАХ ПРУССКОГО СУФФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ*

1. Прус. *smun-ent-s* 'человек' (им. п. ед. ч.), *smun-ent-in(-an)* 'hominem' (вин. п. ед. ч.), *smun-ent-ins* (вин. п. мн. ч.) представляет собой производное древнего общеиндоевропейского типа с суффиксом имени деятеля (quasi-эргатива или актива) *-nt- одушевленного (> мужского) рода от основы на -n-, представленной в *smun-i* 'личность' (с производным прилагательным *smūnenisku* и по Эндзелину, *Darbi izlase*, III₁, 117, — глаголом *smūnint*), ст.-лит. *žmū* 'человек', *žmūnį* (вин. п. ед. ч.), *žmūne* (им.-вин. п. дв. ч.) при диал. *žmuo' i* (*Lazūnai*, *žmuōi*, прус. *smou*). Основа на *-n- образована от прус. *semnē*, лит. *žemė*, латыш. *zeme* из общеиндоевропейского *dh(e)ǵhoN* 'земля' (хет. *tekan*, тох. А. *tkaṃ*, В *kaṃ*) аналогично др.-ирл. *duine* 'человек' : *du* 'земля', *don* (род.-вин. п. ед. ч.) при параллелях в других древнеевропейских языках: лат. *homō*, *nēmo* < *ne-hemō*, умбр. дат. п. мн. ч. *homonus*, оск. имп. п. мн. ч. *humuns* от **homōn-*, *guta*, др.-англ. *zuta*, др.-сакс. *guto*, др.-в.-нем. *gomo*, др.-исл. *gumi*, ср. предполагаемый архаизм ст.-сл. **ЗЕМЬНЪ**, ц.-сл. **ЗЕМЬНИИ** 'люди, смертные'. Присоединение quasi-эргативного (активного) суффикса -nt- к гетероклитической основе на -n- в слове с близкой семантикой обнаруживается в хет. *antuḫš-ann-ant-s* 'население' (субъект переходного глагола) от *antuḫša-* 'человек' + собирательный суффикс ср. р. -atar/-ann + активн. -ant-. К другим свидетельствам наличия в прусском того же типа основ принадлежит *kl-ent-e* 'бык' < **il-ent-*, родственное слав. **tel-ęt-* 'теленок' и восходящее к переднеазиатскому миграционному скотоводческому термину (хуррит. *tilla* 'бык'); к

* Издано: Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане. Тезисы докладов второй балто-славянской конференции. Москва 29 ноября — 2 декабря 1983 г. М., 1983.

суффиксу **-nt-* в слове с этой семантикой ср. др.-в.-нем. *hrind* (> *Rind*), др.-сакс. *hrīth*, др.-фриз. *hrīther*, др.-англ. *hrīðer* 'бык'. Суффикс **-nt-* того же типа в названии домашнего животного может быть отражен также в прус. *swintian* 'свинья' (лат. *sū-s* и т. п.), ср. лтш. *suvēns* 'поросенок', и в прус. *pars-tian* 'поросенок' (форма искажена при передаче, ср. слав. **porsete?*). Представляется весьма вероятным тождество **-nt-* в приведенных словах с тем же суффиксом в названиях персонифицированных гидронимов типа латыш. *avuōtis* 'родник': лит. *Avantà*, др.-инд. *avatá-h* 'источник', латыш. *aluots* 'родник', лит. *Alantà*, *Ālantas* с широким кругом древнеевропейских, анатолийских и общеиндоевропейских соответствий, ср. хет. *witen-ant-s* 'вода' (quasi-эргатив при переходном глаголе в ритуальных формулах) и латыш. *ūdens* 'вода', а также точное морфологическое соответствие прус. *emmens*, *emnes* в иероглифическом лувийском. Прус. *panno* 'огонь' (с производными в мифологическом значении), как и латыш. *asins* 'кровь' и другие приведенные балтийские формы, восходит к гетероклитической основе на **-n(t)-*, которая (в отличие от пассивной основы на **-r-*, с ней чередовавшейся) могла иметь активное значение, архаичность которого удостоверяется ностратическими (в частности, дравидийскими) параллелями.

В общебалтийском представлен тот же суффикс как в прилагательных, так и в причастии действ. зал. наст. вр., в частности, в том архаическом употреблении, из которого позднее развивается косвенное наклонение, ср. близкое предикативное использование форм на *-nt-* типа др.-хет. *gangant-eš* 'висящие', лат. *dicent-es* 'говорящие', где формы мн. ч. говорят в пользу гипотезы Эндзелина о причинах отсутствия формы 3 л. мн. ч. на *-nt* в балтийском глаголе.

2. Прус. **-sn-* как исключительно продуктивный суффикс абстрактных (в частности, отглагольных) имен находит ближайшую параллель в хет. *-ešš-ar/-eš-n-*, в чем можно видеть одну из ярких балто-анатолийских изоглосс (с отдельными аналогиями в праславянском).

3. Запутанная проблема индоевропейских производных от **sH-i-u-* 'связывать, сшивать' проясняется благодаря несомненному тождеству хет. *ishi-mana-* 'веревка, ремень' и прус. *schumeno* 'Schusterdracht' (с исходным значением **-meno-* как медиопассивного причастия, отраженным в архаических балтийских и анатолийских формах), ср. др.-инд. *suī-man* 'нить' (древняя баритонированная основа).

ПРУС. *EMNES, EMMENS* 'ИМЯ' : ИЕРОГЛ. ЛУВ. *ATLMAZA* : ХЕТ. *LÁMAN**

Западнобалтийский отличается от восточнобалтийского сохранением общеиндоевропейского названия имени: прус. *emnes, emmens* (им. п.) 'имя', вин. п. *emnen, emnan, emmen*. Форма представляет собой несомненный архаизм, вытесненный в восточнобалтийском семантическим новообразованием (лит. *vardas*, лтш. *vārds* 'имя, название, слово'), в котором сохраняется более древнее значение 'слово', засвидетельствованное в западнобалтийском (прус. *wīrds*), германском (гот. *waurd*, др.-исл. *orð*, др.-англ. *word*, др.-в.-нем. *wort*) и латинском (лат. *verbum*, ср. умбр. *verfall* 'templum' с другим семантическим развитием), западноиндоевропейское именное производное с суффиксом *-dho-*, ср. глагольную основу с *-dh-* (первоначально, вероятно, с медиопассивным значением): др.-греч. *ἔρδει φδέγγεται*. (Гес.)¹ при глагольном производном на **-jo-* в др.-греч. *ἔϊρο* < **Φερωω*, хет. *weriya-* 'звать' и корневой основе в пал. *wer-*². Прусская форма обычно объясняется в работах последнего времени как результат перестройки *emne-* < **emnen-* род. п. **emnes* > *emnes*, откуда далее по аналогии вин. п. *emnen* (реально засвидетельствованный в прусских текстах) и им. п. *emnes*³. Но последнюю форму как активное производное

* Издано в: Балто-славянские исследования. 1982. М.: Наука, 1983.

¹ См. о лингвистической географии слов этого корня: В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964. С. 306 (к перечисленным там же диалектным названиям 'слова' ср. хет. *uttar* < **uk^w-tar*, др.-инд. *vak-*, *vac-as*, др.-греч. *ἔπος* и хет. *temiya-* 'слово, дело', производное от *temiya-* 'говорить', лув. *tammana-*, редупликация к и.-е. **men-*).

² В. В. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. М., 1981 (в дальнейшем сокращенно: Глагол). С. 11.

³ Chr. S. Stang. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966. S. 225; В. Н. Топоров. Прусская язык. Словарь. Е—Н. М., 1979. С. 28—29.

(несреднего рода) от **(e)m-m(e)n* можно признать и достаточно древней ввиду нового чтения иерогл. лув. *á-ti-ma-z(a)* 'имя'⁴, происходящего (при характерной для лувийской графики передаче носового тембра гласного [a], возникающего из сочетания *-an-* перед шумным согласным) из **atimans* > **atimāz*. Для последней части лув. **atiman-s* приходится предположить исходное **-m(e)n-s* (лув. **an* < **ēn* или лув. **-an* < **ñ?*), достаточно близкое к прус. **-mn(e)-s*. Поскольку в лувийском еще сохранялась архаичная двухродовая система, где имя ср. р. типа им.-вин. п. на **-men* могло противопоставляться имени неспр. р. типа им. п. ед. ч. на *-m(e)n-s*, последняя форма может быть западнобалтийско-лувийским морфологическим архаизмом. В лувийском еще не осуществилось полностью развитие и.-е **-s* как активного (эргативного в широком смысле слова) падежа в род. п. имен такого типа, поэтому исторически лув. им. п. неспр. р. *atimaz(a)*, как и прус. им. п. неспр. р. *emnes, emmens* можно отождествить с выступающей позднее в функции род. п. формой **ñ-mn-os, *ñ-men-s*⁵, ср. хет. род. п. *la-am-na-aš* Во 5698, с. 5, *lam-na-aš*, там же, 8 (видимо, отражает ударение */lamnáš/* < **nomnós*), а также в н.-хет. КВо XIII 34 IV 2. Иначе говоря, форма на *-s* от имени ср. р. на **m(e)n-* могла либо приобрести функции им. п. неспр. р., как в прус. *emnes, emmens* и лув. *atimaza*, либо функции род. п., как в других индоевропейских диалектах. Представляется вероятным, что первый способ образования имени неспр. р. мог использоваться в роли, аналогичной хет. *-nt-* как способу активной морфологической трансформации имен ср. р., выступавших в таких синтаксических контекстах, где требовалась активная именная форма. Однако позднее форма была обобщена и на все другие употребления, что, по-видимому, произошло не только в прусском, но и в иероглифическом лувийском.

Начальный гласный *a-* в лув. *atimaz(a)*, скорее всего, тождествен начальному гласному арм. *anun*, греч. *ἄνονα* и поэтому говорит в пользу реконструкции в начальном слоге редуцированного начального гласного (а не ларин-

⁴ В. В. Иванов. Глагол. С. 154; N. Oettinger. Die Stammbildung des hethitischen Verbums (Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kunstwissenschaft. № 64). Nürnberg, 1979. S. 457. — Слово в качестве эквивалента финик. *šm* 'имя' повторяется в следующих частях надписи из Каратепе: fr. XLI, LXX, LXXI (ср.: P. Meriggi. Manuale di eteo geroglifico. Pt II; Testi — 1ª serie. Roma, 1967. P. 86 89, со старым чтением знака *-za-*), в последнем случае, несомненно, как им. п. О *-za-* ср.: Y. Arbeitman. Cuneiform and Hieroglyphic Luwian *-za-* // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1976. Bd. XC; Y. Arbeitman, G. Rendshurg. Adana revisited: 30 years later // Archiv Orientalní. 1981. T. 49. P. 146, примеч. 7.

⁵ W. Cowgill. Evidence in Greek // Evidence for laryngeals. The Hague; Paris, 1965. P. 113; O. Szemerényi. Syncope in Greek and Indo-European and the nature of Indo-European accent. Naples, 1964. P. 110, 244 (с ошибкой в отношении падежной функции прус. *emnes*).

гального, как предполагали вслед за Бенвенистом для греческо-армянского в ряде работ по ларингальной теории⁶). Согласный *-t-* в лувийском, как и *l-* в хет. *láman* 'имя' (и как фонетически сходное зап.-мар. *ləm*, вост.-мар. *lüm*, мокша-морд. *lēm*, эрзя-морд. *läm*: параллельное развитие к хеттскому, судя по другим финно-угорским параллелям с начальным *n-*) и как *j-* в начале слав. **jьтę*, — либо является результатом диссимиляции носовых (как обычно считают), либо отражением особой фонемы. Для установления характера начального согласного в других анатолийских диалектах, родственных хеттскому, интерес представляют формы *za-am-ni-ša-an*, *za-am-na-ās* в КВо Ш 8 III 10—12; 29—30 в контексте ритуального связывания и развязывания UR.МАҢ *za-mni-šan hamikta* ⟨...⟩ UR.МАҢ *zamnaš lattat*, который можно понять как 'льва по имени его'⁷ связала (заворожила) ⟨...⟩ отпустила льва (в отношении — род. п. — его) имени' судя по параллельному сочетанию UR.МАҢ *lam-ni-ša-an* 'лев в имени его', KUB XXXV 148 IV 11, ср. LUGAL-aš *la-am-ni* 'имени царя' (совершают жертвоприношение), KUB XXX 41 IV 4—5, 17—18 (др.-хет. текст, н.-хет. пошиб), написание *lam-ni* 'имени', мест. п. (безударность энклитической формы имени, ср. перенос ударения на предлог в диал. рус. *во́йма* 'наименование, название') также и в др.-хет. тексте KUB XXX 11 rev. 16 (ср.-хет. пошиб?) параллельно с *la-am-ni* KUB XXX 41 IV 5, 18 (н.-хет. пошиб, др.-хет. текст). В цитированном ритуале форму *zamni-šan*, вероятно, происходящую из диалекта, близкого к древнехеттскому, так же как и др.-хет. *lamni-šan*, нужно понимать в качестве сочетания древнего локатива имени существительного на *-i* с окостеневшей формой притяжательного постпозитивного местоимения *šan* (в вин. п.); такие неточно согласованные формы были обычны для условно архаизирующего языка лувийских писцов, плохо знавших древнехеттский язык времени перехода от древнехеттского, где обычны были сочетания типа *lamma-ššet* [*laman-šet*] 'имя его' (в двуязычном тексте Хаттусилиса I), к новохеттскому, где эти сочетания выходят из употребления и сохраняются только в копиях старых текстов или в подражаниях им. Чередование *l-/z-* в *lamni/zamni* напоминает о передаче собственных имен хаттского происхождения *Lihzina* : *Zihzina*, причем для *zamni/lamni* не исключено и влияние семитских форм типа финик. *šm* 'имя'. Поэтому и соотношение хет. *l-* : лув. *-t-* в хет. *laman* : лув. *atimaz(a)* можно сравнить с соотношением хет. *labarna-* : хат. *tabar-na* 'правитель' : лув. *tapar-ḫa* 'правил'. В этом случае кажется возможным, что *l-* (вместо *t-*, получающегося из **n* при диссимиляции, ср. название неба с лув. *t-* : лит. *d-*, лтш. *d-* : и.-е. **n-*) является (как и *z-* в *zamni*) результатом позднейшего диа-

⁶ Ср.: O. Szemerényi. Op. cit. P. 110.

⁷ Ср к такому толкованию *-šan* 'его': H. Hoffner, H. G. Güterbock. Hittite dictionary. V. III. L—M. Chicago, 1980. P. 39.

лектного развития. Особый интерес представляет огласовка лув. *ati-maz(a)*; если она не объясняется графически, то в ней можно было предположить отражение и.-е. $*\bar{e} >$ лув. *i* (при и.-е. $*\bar{e} >$ лув. *a*), ср. в клин. лув. *iššari* < $*\bar{g}^h\bar{e}sr-$, иерогл. лув. *ist(a)r-*, лик. *izre* 'рука'; хет. *keššar*, греч. $\chi\epsilon\acute{\iota}\rho$, и.-е. $*\bar{g}^h\bar{e}/esr-$ 'рука', лув. *wid-anza* 'воды'⁸. В таком случае возможная праформа лув. *atimaz(a)* восстанавливается как и.-е. $*_o n\bar{e}m\eta-s$, ср. $*n\bar{e}m\eta$, восстанавливаемое для тох. *A ñem*, *B ñom*⁹; слово является, следовательно, одним из общетохарско-лувийских архаизмов. Нельзя считать исключенным, что урал. $*nime-$ 'имя', сходство которого с и.-е. $*en-men$ общепризнано¹⁰, в случае, если оно является не исконно родственным ностратическим словом, а доисторическим заимствованием из индоевропейского¹¹, отражает форму с вокализмом первого слога типа $*\bar{e} > i$, если не с метатезой $*in > *ni$, ср. $*\eta > *in$, предполагаемое для прусских форм, что особенно любопытно ввиду совпадения с прусским *e* во втором слоге, ср. слав. $*j\epsilon m\epsilon < *in-m\bar{e}n$, зап.-балт. $*inme-$: урал. $*nime$, но хронологически сомнительна возможность заимствования в общепрусском из балтийского. С формами типа финно-угорских или с их источником (будь то общеностратическая диалектная праформа или диалектная индоевропейская типа балт. $*inme$ или о.-тох. $*n'\bar{e}m$) могут быть сопоставлены и кит. *min*, тиб. *min* 'имя'¹² (устное сообщение С. А. Старостина; метатеза?). Слово может быть либо (что более вероятно) культурным миграционным термином, либо остатком еще более древних (родственных?) связей разных языковых семей.

⁸ В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963; N. Oettinger. Op. cit.

⁹ W. Krause, W. Thomas. Tocharisches Elementarbuch. Bd. I. Heidelberg, 1960. S. 57; ошибочны возражения: O. Szemerényi. Op. cit. P. 406, так как лувийский дает независимо ту же реконструкцию.

¹⁰ В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М., С. 191.

¹¹ В. В. Иванов. Рец. на кн.: В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков // Этимология 1979. М., 1981; Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 8. М., 1981. С. 228. Альтернативное объяснение предполагает общеностратический характер слова (В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (1—3). М., 1976. С. 82—83, слово № 317), но в таком случае стоило бы поставить вопрос не о семит. *nḥ* 'звать', достаточно далеком семантически, а о семит. *šm* 'имя', что, возможно, пролило бы свет и на загадочные колебания в характере и.-е. *n-*: слав. *j-* (как при ностр. $*\acute{n}-$); хет. *l-/z-*, лув. *t-*, ф.-у. $*n-/l-$.

¹² По гипотезе Р. Миллера, тиб. *min* заимствовано из кит. *min* (см. об этом в написанной автором главе о тибетском языкознании в кн.: История лингвистических учений. Средние века. М., 1981, там же литература вопроса).

Реконструкция и.-е. **_onē/ōm(e)n-* ставит вопрос о древнейшей морфологической структуре слова. Гипотеза о позднейшем переходе др.-греч. *ἄνομα* в тип на **-nt-* (ср. род. п. *ὀνόματος, ἐνύματος*¹³ могла возникнуть только до того, как был выявлен (благодаря внешнему ностратическому сравнению, в частности, с дравидийским)¹⁴ исключительный архаизм этого типа имен среднего рода. В хеттском этот тип склонения (возможно, в связи с преобладанием активного значения у именного суффикса *-nt-*) разрушен и реконструируется только по отдельным архаизмам. К их числу в хеттском могут относиться и некоторые из форм с исходом на *-n*, поскольку конечное *-nt* в абсолютном исходе дает *-n* (как в причастиях им.-вин. п. ед. ч. ср. р. на *-an < *-ant*). Однако ср. др.-хет. им.-вин. п. ед. ср. р. *la-a-ma-an* (очевидно, с ударением на первом слоге — *lámam*): КВо XIX 152 I 20 (др.-хет. текст среднехеттского пошиба?), КВо III 21 III 19.

В. Н. Топоров недавно обратился к параллелям с общеиндоевропейскими формами давания—установления имени¹⁵. Рассмотрим материал, позволяющий восстановить для общеиндоевропейского сочетание **e/o nom(e)n d^heH-* 'установить (дать) имя'. В дополнение к фактам, в свое время исследованным в этой связи¹⁶, в настоящее время можно указать на целую серию хеттских свидетельств¹⁷, говорящих в пользу этой реконструкции. Самые ранние из этих свидетельств встречаются в таких древнехеттских текстах (дошедших в копиях новохеттского времени), которые могут быть отнесены к наиболее ранним произведениям писцов (хеттских или приехавших из Вавилона и помогавших созданию хеттской письменной литературы), которые занимались переводами аккадских текстов на хеттский язык. К таким текстам относится гимн Ададу, содержащий фразу ^{URU}KA. DINGIR. RA-*ma-ššan kuedani URU-ri d^dAniš la-a-ma-an daiš* 'Вавилон, город, которому (букв.: которому городу, архаическая конструкция) бог Ану установил (*daiš*) имя' КВо 21 IV 18—19 (= 2 Во TU 6). В новохеттской молитве царицы Пудухепы Солнечной богине Аринны при описании характерного для позднехеттского синкретизма тождества разных имен богини это же сочетание *laman dai-* 'установить имя' по

¹³ O. Szemerényi. Op. cit. P. 244.

¹⁴ В. В. Иванов. Праязыки как объекты описания в изд.: Языки мира // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980 (там же библиография).

¹⁵ В. Н. Топоров. Прусский язык. Словарь. Е—Н. М., 1979.

¹⁶ В. В. Иванов. Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллель в греческой традиции // Древняя Индия. М., 1964. С. 85—94; *Он же*. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976. С. 41—46; *Он же*. Архаизмы в глагольных флексиях древнебалканских и албанского языков // Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979. С. 62; см. также: *Он же*. Глагол. С. 140—142.

¹⁷ H. Hoffner, H. G. Güterbock. Op. cit. S. 31—35 (там же библиография).

отношению к богине употребляется с возвратной частицей *-za* (потому что божество само себе устанавливает имя: *nu-za-kan I.NA KUR^{URU}Hatti-^dUTU^{URU}TÚL-na ŠUM-an daišt(a) namma-za kuit KUR-e^{GIŠ}ERIN-aš iyat nu-za-kan^dHebat ŠUM-an daišta* 'В стране Хатти ты себе установила (*daišta*, форма более поздняя, чем *daiš*¹⁸) имя Солнечной богини города Аринны, но в той стране, которую (букв: в которой стране) ты сделала страной кедр, (там) ты себе установила имя Хебат' KUB XXI 27 I 3—6. К тому же царствованию Хаттусилиса III (мужа Пудухепы) относится фрагментированный текст KUB XXI 37 obv. 11, где встречается сочетание *ŠUM-an tehhi* 'я устанавливаю имя'. По отношению к божеству (как в приведенных выше примерах) то же сочетание [*š*]UM-an *dait[ti]* 'ты устанавливаешь имя' встречается в молитве KBo IX 101 13. В среднехеттском тексте об Анну сочетание *laman dai-* 'имя определить' относится к герою, дающему имена своим сыновьям: *nu-šši-šan šanizzi laman^{LU}HUL-lu daiš* 'и он ему установил подходящее имя: Злой' KUB XXIV 8 III 7 + XXXVI 60 III 8; *nu-šši-kan NÍG.SI.SÁ-an ŠUM-an daiš* 'и он ему установил имя: Справедливый (Праведный)', там же, 13 (19). Следует отметить, что и у Гомера засвидетельствовано употребление родственного сочетания *ὄνομα τίθεσθαι* по отношению к установлению имени ребенка.

1982

Постскриптум

Карруба, давно установивший активный характер суффикса *-sa/-za[s]* в лувийском¹⁹, возвращаясь к этой проблеме в недавней работе об именных классах в анатолийском, приводит в качестве примера лув. *a-maⁿza á-ti-maⁿza* 'мое имя' (указывается параллель в лид. *ētams*²⁰ (в лидийском имена делились на класс средний с показателем *-t* и класс активный с суффиксом *-š*);

¹⁸ В. В. Иванов. Сравнительно-исторический анализ категорий определенности-неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979; *Он же*. Глагол. С. 65—66, 202—204.

¹⁹ O. Carruba. Der Kasus auf *sa* des Luwischen // *Investigatives philologicae et comparativae. Gedenkschrift für H. Kronasser* / Ed. E. Neu. Wiesbaden, 1982. S. 1—15.

²⁰ O. Carruba. Genere e classe en anatolico. La 'mozione in *-i*' e il 'caso in *-sa/-za* del luvio // *Anatolisch und Indogermanisch. Anatolico e Indoeuropee. Unter des Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft*. Paris 22.—25. September 1998 / Ed. O. C. und W. Meid. Innsbruck, 2001. Bd. 100.

возможность возведения к и.-е. **-t/d* в среднем роде и **-s* как показателю не-среднего класса кажется возможна)²¹.

²¹ Вяч. Вс. Иванов. Лингвистика III тысячелетия. М., 2004. С. 39.

VII

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ СЛАВЯНСКИХ СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ДАР И ОБМЕН *

Ранние этапы истории славянских терминов, связанных с даром и обменом, в настоящее время могут быть исследованы со значительно большей степенью точности, чем это было возможно до недавнего времени. Это определяется выводами, полученными при изучении соответствующих слов в других индоевропейских языковых традициях, а также в общеиндоевропейском. Успехи, достигнутые в этой области прежде всего в замечательных трудах Бенвениста по изучению индоевропейских древностей¹ и в исследованиях ученых, продолживших это направление², оказались возможными благодаря успешному соединению результатов собственно лингвистической реконструкции с привлечением данных этнологии и истории соответствующих периодов. В последних гуманитарных дисциплинах теория дара как универсального социологического явления оказалась в последнее время хорошо

* Издано: Славянское и балканское языкознание. Проблема интерференции и языковых контактов. М., 1975. С. 50—78.

¹ *E. Benveniste. Don et échange dans le vocabulaire indo-européen // Problèmes de linguistique générale* (далее — Benv. Don). Paris, 1966; *Idem. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. I. Economic, parenté, société*. Paris, 1969 (далее — Benv. Voc.; рус. пер.: Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. М., 1995, особенно с. 60—64), особенно с. 81—86.

² См. прежде всего: *L. R. Palmer. Achaeans and Indo-Europeans*. Oxford, 1955 (далее — Palmer. Ach.); *Idem. The concept of social obligation in Indo-European // Hommages à Max Niedermann*. Bruxelles, 1956 (далее — Palmer. Soc.) и ряд других, указанных ниже работ.

разработанной благодаря трудам Мосса и его школы. Как замечает крупный современный специалист по истории раннего средневековья А. Я. Гуревич, для историка Европы этого периода существенное значение представляют выводы Мосса, согласно которым на определенном раннем этапе развития «обмен и договоры (...) принимали характер обмена подарками. По форме эти дары были добровольными, по существу же — строго обязательными (...). В результате между дарителем и одаренным устанавливалась тесная связь: на последнего налагались обязательства по отношению к первому. Таким образом, обмен дарами имел в глазах этих людей магическую силу. Он представлял собой одно из средств социальных связей, наряду с браками, взаимными услугами, жертвоприношениями и культовыми действиями; во всех этих формах также осуществлялся обмен между племенами, семьями и индивидами, либо между людьми и божествами. Обмен дарами служил средством поддержания регулярных контактов в обществе между составлявшими его группами»³. В качестве одного из доказательств приложимости выводов этнологической школы Мосса к фактам средневековых индоевропейских традиций А. Я. Гуревич ссылается на лингвистическую статью Бенвениста, давшего интерпретацию индоевропейского корня **dō-* (< **doH-*) в свете идей Мосса⁴. Понимание дара как акта, предполагающего взаимный обмен, позволяет объяснить наиболее характерную черту этого индоевропейского корня, проявляющуюся в наличии у его производных обоих значений, конверсии по отношению друг к другу, — ‘давать’ (в большинстве индоевропейских языков, в том числе в славянских) и ‘брать’ (в анатолийских языках). Гипотеза Бенвениста, согласно которой одно из двух этих значений в индоевропейском определялось синтаксическим контекстом, может быть доказана благодаря (им самим не отмеченному) наличию такого контекста, где это противопоставление (в древних медиопассивных формах на *-r*) нейтрализуется: лат. *datur* ‘дано’, «дается, позволено» непосредственно отождествляется с хет. 3 л. ед. ч. наст. вр. *dattari*⁵, ср. типологически сходное значение возвратных сла-

³ А. Я. Гуревич. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970 (далее — Гур.). С. 67—68; *Он же*. Богатство и дарение у скандинавов в раннем Средневековье // Средние века. Вып. 31. М., 1968; *Он же*. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 202 и сл.

⁴ Benv. Don; ср. Гур. С. 69—70.

⁵ См. подробнее об этих и других формах этого общеиндоевропейского глагола в предшествующих работах автора: В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, М., 1965 (далее — Сист.). С. 129; В. В. Иванов. Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968. С. 256. Там же предшествующая литература.

вянских форм типа др.-рус. *датися*. Если принять предположение⁶ о возможной доисторической связи этих медиопассивных форм на **t* с именами среднего рода на **t* типа др.-инд. *dātr-* (откуда позднейшее вед. *dātrá* при вед. *dātra* с другим ударением⁷), то для этого последнего следует реконструировать первоначальное значение 'имеющий отношение к обмену дарами', ср. в «Ригведе» *dātre víśvā adhithā indra kṛṣṭiḥ* 'О Индра, ты поставил все племена под власть дара' (RV, IV, 176) (где 'дар' употреблено в том именно широком смысле, какой имеется в виду в описанной выше этнологической теории).

Сравнение ведийских⁸ и греческих⁹ терминов для дара, образованных от этого общеиндоевропейского корня, со славянскими позволяет отчетливее выявить архаичность этих последних. В славянских языках хорошо сохранена разветвленная система этих производных от корня **do-*, которую можно возвести к общеиндоевропейскому. В частности, в общеславянском **datъ*, к которому возводится ц.-слав. *даты* 'дар, δόςις', др.-рус. *подать*, *даты*¹⁰ (с архаическими производными *датывыи*, *податыныи*), О. Н. Трубачев справедливо усматривает след той же дославянской именной парадигмы, к которой восходит и инфинитив корневого глагола **dati*¹¹. С древним именным производным на **-tъ < -ti* связано словообразовательно и существительное **datja*¹², архаичность которого с семантической стороны удостоверяется с.-хорв. *dàha* «поминки», словен. *dáča* 'подать', укр. *дача* 'принесение в дар', др.-рус. *дачка* 'дар', ср. *подачка* при значении др.-рус. *дача* 'дарованная князем земля' с характерным позднейшим переосмыслением терминологии дарения для обозначения дарений земли, идущих от высших социальных рангов к низшим. Дославянский характер именной основы **dōti* подтверждается не столько

⁶ Сист. С. 130.

⁷ Функции этих существительных в «Ригведе» разобрал Л. Рену: *L. Renou. Etudes védiques. I. Les noms pour 'don' dans le Rgveda // BSOAS. 1957. XX. P. 473.*

⁸ Ibid. P. 471—475.

⁹ Benv. Don. P. 318—319; Benv. Voc. P. 66—70.

¹⁰ *Ж. Ж. Варбот. Древнерусское именное словообразование*, М., 1969 (далее — Варбот). С. 78, 206. На роль семантики формы *подать* в данной связи автору любезно указал А. А. Зализняк.

¹¹ Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Вводные статьи. М., 1963. С. 44. К указанным здесь соответствиям следует добавить и приводимое ниже ведийское; о необходимом исправлении по отношению к литовскому см. ниже.

¹² Связь последнего с общеиндоевропейским **dō-ti* в лат. *dōs* отмечена в исключительно ценном недавнем словаре индоевропейских корней, составленном К. Уоткинсом: *C. Watkins. Indo-European Roots // The American Heritage Dictionary of the English Language. New-York, 1971. P. 1514.*

балтийскими данными, остающимися менее ясными¹³, сколько совпадением с авест. *dāiti* 'дар', тождественным, в свою очередь, с вед. *dāti*, изолированный характер которого (в сложении *havyádāti* 'дар жертвоприношений') подтверждает архаичность индоиранского термина, с греч. *δόσις*; (у Гомера обозначающим акт дарения, воплощающийся в самом даре¹⁴: *καί οἱ δόσις ἔσσεται ἐσθλή*, к, 213 'и ему дар в награду будет сделан') и греч. *δωτίνη*, являющимся главным обозначением взаимного обмена дарами, и с лат. *dōs*, *dotis* 'приданое'.

Удостоверяемое упомянутыми формами наличие термина в праславянском представляет интерес для индоевропейской диалектологии, так как в данном случае в славянском представлен архаический термин, существующий, с одной стороны, в греческом и индоиранском, с другой стороны, в латинском (в других случаях совпадение юридических и религиозных терминов в индоиранском и латинском часто рассматривается как пережиточное сохранение архаизмов). Другие древние славянские производные от данного корня давно уже были отмечены в качестве исключительно архаических, поскольку в них обнаруживается гетероклитическое чередование *-r/-n*, представленное лишь в наиболее древних славянских именных основах. При этом в данном случае в славянских языках сохранились производные обоих типов, тогда как в других индоевропейских языках есть либо основы на *-r* (гр. *δώρον*, обозначающее почетный дар, и *δωρεά*, обозначающее совокупность даров; арм. *tur* < **do-ro*¹⁵; ст.-сл. *дарь*, находящее соответствие только в греческо-армянской диалектной группе, если не считать недостаточно ясного сикул. *durom*, относимого Пизани к этой же группе¹⁶), либо основы на *-n* (ирл. *dán*, лат. *dōnum*, оск. *đunum*, умбр. *dunu*, алб. тоск. *dhënë*, гег. *dhënë* 'дар', др-инд. *dānam*, наряду с которым в «Ригведе» существуют основы на *-na-* мужского рода, при ст.-сл. *дань*). На эту архаическую особенность славянских языков за последние пятнадцать лет неоднократно обращалось внимание в статьях, посвященных следам гетероклитических основ в праславянском¹⁷. В них же указыва-

¹³ Часто цитируемое по традиции лит. *duotis*, видимо, должно быть отнесено к числу едва ли реально существовавших именных образований, ср.: *K. Būga. Rinkiniai raštai*. Т. II. Vilnius, 1959. С. 249; лит. *duotín(ai)* соответствует лтш. *duotín* (усиленная форма глагола *duot*). О лит. *duoti* < **dóti* в соотношении с *dō-tas* см.: *P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba*. Vilnius, 1943. С. 479.

¹⁴ *E. Benveniste. Noms d'agent et noms d'action en indo-européen*. Paris, 1948. P. 76.

¹⁵ *Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование*, М., 1955. С. 36; *Г. Б. Джаукян. Система склонения в древнеармянском языке и ее происхождение* (на арм. языке). Ереван, 1959. С. 233.

¹⁶ *V. Pisani. Sulla lingua dei siculi // Saggi di linguistica storica*. Torino, 1959. P. 251.

¹⁷ См., в частности, работу автора: *В. В. Иванов. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков // Вопросы славяноско-*

лось и на то, что с синхронной точки зрения в славянском **da-rь* принадлежит к тому же типу основ на **-rь*, что и **pi-rь*¹⁸. Но это верное наблюдение осталось неразвитым из-за того, что в работах по сравнительно-исторической грамматике славянских языков недостаточно учитывалась архаичность типа именных основ на **-rŭ*, образованных от древних именных основ с гетероклитическими суффиксами *-r/-n*. Между тем наличие ряда закономерных соответствий удостоверяет то, что в балтийских языках этот последний тип нашел продолжение в архаических основах на *-rŭ* типа лит. *ėdrūs* 'прожорливый, всеядный', ср. ст.-слав. *оцмрь*: лит. *aštrūs* от индоевропейского имени гетероклитического типа¹⁹. Поскольку по отношению к **darь** : **danь* наличие этого типа в самом славянском не вызывает сомнений, представляется оправданной реконструкция основы на **-rь* < **-ru*, которая хорошо согласуется с давно уже отмеченными собственно славянскими особенностями словообразования этого имени (ср. рус. *даровóй*, *даровáть* и т. д.), как и других производных на *-rь* типа **pirь*, **žirь*²⁰, два последних по своей семантике очень близки к лит. *ėdrūs*, так как производные от глаголов со значениями 'пить', 'есть', 'кушать' сходны не только в древних индоевропейских языках, но и в ряде неиндоевропейских²¹, а для **žirь* и его производных реконструируется значение 'корм' (< 'то, чем живут').

Изучение группы слов, к которой с синхронной точки зрения в позднем праславянском должны быть отнесены не только **darь*, **pirь*, **žirь*, но и **mirь*, препятствовала лингвистическая традиция, которая не позволяла видеть в **darь* основу, по своему типу (**-rŭ* от **-r/-n*) более архаическую, чем соответствующее тематическое производное в греческом. Между тем в пользу точки зрения, противоположной традиционной, говорит совпадение выводов, полученных на основе аргументов разного рода. С одной стороны, реконструкция типа на **-ru* > **rь* для **darь* вытекает из современных представ-

го языкознания. 2. 1957. С. 14; ср.: R. Eckert. Reste indo-europäischer Nominal-stämme in Slawischen und Baltischen // Zeitschrift für Slawistik. Bd. VIII. Hf. 6. Leipzig, 1963. S. 878—892; H. Birnbaum. Indo-European nominal formations submerged in Slavic // The Slavic word. The Hague, 1970. P. 9.

¹⁸ См., в частности: N. Birnbaum. Op. cit. P. 9; также P. Эккерт. Основы на *-ŭ* в праславянском языке // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. Т. XVII. М., 1963. С. 76—81; С. Б. Бернштейн. К проблеме именных основ в праславянском // Сборник за филологију и лингвистику. Кн. XII. Нови Сад, 1969. С. 9.

¹⁹ Сист. С. 45.

²⁰ Ср.: Варбот. С. 76 (там же литература).

²¹ Из особенно ярких типологических параллелей ср. абхазское *крыфа* — *крыже* в нартовском эпосе: Нарт сасыркуеи цшындафэи зежефык иара иашьцэеи. Акуа, 1962. С. 48.

лений о древних типах гетероклитических основ. С другой стороны, отнесение односложных слов с долготным корнем этого типа к одной группе подтверждается и их акцентуационными характеристиками. Анализ этих последних привел Х. Станга к выводу, что конечное ударение во всех русских формах множественного числа типа *дар*, *тир*, *жир*, *мир*²² засвидетельствованных к XVII—XVIII вв., может быть объяснено только как вторичный результат развития, осуществившегося в ту эпоху, «когда основы на -*ŷ* еще образовывали относительно хорошо очерченную группу»²³. Для более раннего времени Станг восстанавливает праславянскую подвижную парадигму с чередованием баритонированных форм им. п. ед. ч. **dârŷ*, род. п. ед. ч. **dâru* (предположительно из более древнего окситонированного **darù*), дат. п. ед. ч. **dârovi*, вин. п. ед. ч. **dârŷ*, им. п. мн. ч. **dârove*, вин. п. мн. ч. **dâry*, им.-вин. п. дв. ч. **dâry*, и форм тв. п. ед. ч. **darŷ#mь*, мест. п. **darù*, род. п. мн. ч. **daròvь*, тв. п. мн. ч. **darŷ#mь*, мест. п. мн. ч. **darŷ#xь* с колонным ударением на 2-м слоге и окситонированной формы мест. п. мн. ч. **darъmi*²⁴. Как показал В. М. Иллич-Свитыч, сходные процессы осуществились и в других восточнославянских языках, в частности украинском и сербо-хорватском, а также и в западнославянских языках, ср. укр. *жир*, им. п. мн. ч. *жир*, с.-х. *жър*, *ж рови*, чеш. *žír*, словац. *žír* 'корм' (где долгота объясняется обобщением окситонезы некоторых падежей). Поэтому предполагается возможность отнесения ранней стадии этих процессов еще к общеславянскому²⁵, что хорошо согласуется с гипотезой Станга, объясняющего эти процессы наличием основ на -*u* как достаточно четко замкнутой группы. Вместе с тем отмеченные Стангом²⁶ факты типа наличия в памятниках XVI—XVII вв. (и отчасти XVIII в.) форм типа *дары*, ср. укр. *дар* (при *дару*), с.-х. *дъррови*, заставляет относить окончательное формирование акцентуационных парадигм этого типа к относительно поздним этапам истории отдельных языков²⁷. Таким обра-

²² Тип 1с по А. А. Зализняку, см.: А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 159, 310.

²³ Ch. S. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957. P. 82.

²⁴ Ibid. P. 81. Относительно форм, образованных по типу на -*ŷ* от *дар* и *тир* в церковнославянских текстах русского извода см.: Ibid. P. 80; ср. В. В. Колесов. История древнерусского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972. С. 181—190.

²⁵ В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963. С. 144. Относительно гипотезы о еще более древнем типе акцентуационной парадигмы, предшествовавшей изменению баритонированной парадигмы в подвижную, см.: Там же. С. 155.

²⁶ Ch. S. Stang. Op. cit. P. 77.

²⁷ В. М. Иллич-Свитыч. Указ. соч. С. 144.

зом, реконструкция истории акцентуационных парадигм подтверждает отнесение рассматриваемой группы слов к особому типу на **-rь < *-rŭ* на протяжении длительного периода в истории праславянского языка и его диалектов. Этот вывод согласуется и с давно уже отмеченными фактами, указывающими на принадлежность ст.-сл. *дарь* к типу основ на **-rŭ*, ср. мест. п. ед. ч. *дароу*, им. п. мн. ч. *дарове*, род. п. мн. ч. *даровь*, тв. п. мн. ч. *дарьми*, ср. также формы род. п. ед. ч. и мест. п. ед. ч. *мироу* от ст.-сл. *миръ*²⁸ при древнерусских формах типа *въ миру* (грамота 1229 г.)²⁹. Поэтому и явные многочисленные словообразовательные следы основ на **-ŭ* в производных как от этих двух существительных (тип рус. *дарово́й* — *мирово́й*), так и от двух других — *piрь*, *žirь* (ср. параллелизм производных типа рус. *дарово́й* — *жирово́й*, *пировать* — *жировать* — *даровать* и т. п.), приобретают значительно больший вес, чем если их рассматривать (как это часто делается, в частности, в упомянутых выше работах) вне других указанных фактов.

Согласие выводов, касающихся древнего гетероклитического типа, словообразовательных и словоизменительных (в частности, акцентуационных) особенностей существительных **darь*, **pirь*, **žirь*, **mirь* (при всех хронологических оговорках, которые ниже будут сделаны в отношении последнего слова) представляется особенно важным ввиду наличия глубоких семантических связей между всеми указанными словами. С точки зрения современной этнологической теории дара «близость пира и обмена дарами — несомненна»³⁰. У древних германцев «вожди постоянно устраивали угощения для своих дружинников и приближенных. Собственно, дружинники конунга, когда они не находились в походе, проводили время в его усадьбе за пирами и застольными беседами. Так было и у германцев времен Тацита, и у скандинавов эпохи викингов, и много позже. Пиршественная горница была центром дома знатного человека. Пир и тинг — важнейшие узлы социальной жизни германской знати, из которых первый едва ли не был главным. Подданные со своей стороны приглашали покровителей и вождей на пиры, одаривали их, рассчитывая на поддержку и возвратные дары»³¹. Эта картина вполне соответствует той, которая отражена в русских былинах. Как показал в своем

²⁸ Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957. С. 244, 246 (более ранняя литература вопроса).

²⁹ Отмечено: Н. П. Дурново. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924. С. 273, — где дается близкая (с отступлением в том, что касается производного характера) к приведенной выше характеристика данной группы слов как «имен неодушевленных предметов с односложной (преимущественно непроемной) основой с ударением в остальных косвенных падежах на основе» при конечноударности *-ŭ* в мест. п. ед. ч.

³⁰ Гур. С. 78. См. там же о фактах германских языков, подтверждающих этот тезис.

³¹ Гур. С. 78

мастерском анализе структуры былин о Владимире А. П. Скафтымов, непрерывно продолжающийся в них пир имеет и собственно сюжетную функцию, так как пир создает наиболее благоприятную ситуацию для выделения героя и его оценки³². Но то обстоятельство, «что слагатели былин не знали и не мыслили князя иначе как только на пиру»³³, соответствовало и определенной исторической и этнологической закономерности. Недавнее специальное исследование, посвященное этой проблеме, выявило возможность раскрытия социальной, в частности, ритуальной функции пира в восточнославянском эпосе³⁴, где пир выступает в качестве древней формы вознаграждения³⁵, ср. характерные формулы одаривания на пиру («Стану я вас дарить, жаловать»). Эти выводы согласуются и с типологическими данными о тех обществах, для которых детально описан механизм взаимного обмена при наличии иерархической структуры социальных рангов (как у германцев и славян для разбираемого периода). Согласно А. Хокарту, на Фиджи различаются два основных вида обмена дарами — обмен изготовляемыми предметами (*iyau*), которые могут быть переданы или унесены, и взаимные угощения — пиры (*mangiti*)³⁶. В описаниях других типологически сходных обществ отмечается исключительно важное значение пиров для всей социальной организации³⁷.

В этих обществах, как в описанном Хокартом на Фиджи, правила взаимного обмена съедобными продуктами «естественно предопределяют характер свадебных пиров, которые являются частью социальных взаимоотношений»³⁸ между двумя дуальными половинами. Подобные типологические сопоставления представляют несомненный интерес для интерпретации использования славянского *pirь* в качестве термина, обозначающего свадебные празднества, что отражено в многочисленных восточнославянских и некоторых южнославянских производных³⁹. Поскольку свадебный ритуал в различ-

³² А. П. Скафтымов. Статьи о русской литературе. Саратов, 1968. С. 66.

³³ Там же. С. 65.

³⁴ Р. О. Лунец. Эпос и древняя Русь. М., 1969. С. 127 и сл., 233.

³⁵ Там же. С. 246, ср. с. 239, 123—124.

³⁶ А. М. Hocart. The Northern States of Fiji. London, 1952. P. 292—294. Из типологических параллелей к роли слагателей былин на пиру у князя ср., напр., данные о Руанда, где поэты и вассалы царя образовывали один высший ранг, см.: D. J. Reek. Рец. на кн. A. Coupez, *Th. Kamanzi. Littérature de cour au Rwanda* // Bulletin of the School for Oriental and African Studies (сокращенно BSOAS). Vol. XXXIII. Part 3. 1970. P. 293—294.

³⁷ S. H. Riesenbergh. The native polity of Ponapo (Smithsonian contributions to anthropology. Vol. 10). Washington, 1968. P. 82—110.

³⁸ А. М. Hocart. Op. cit. P. 44.

³⁹ R. Eckert. Zur slawischen Hochzeitsterminologie // Zeitschrift für slawistik. Bd. X. 1965. S. 185 Там же соответствующие контексты. Отсутствие соответствующих за-

ных славянских традициях может быть представлен как правила взаимоотношений двух брачующихся социальных групп («партии жениха» и «партии невесты») ⁴⁰, каждая из которых соотнесена с полярно противоположными рядами двоичных символов ⁴¹, в славянском свадебном обряде можно видеть следы архаической индоевропейской социальной организации, реконструированной Бенвенистом (Ben. voc.). Для общеиндоевропейского периода восстанавливается система обмена, в которую наряду с обменом предметами (материальными благами) и взаимным угощением (пирами) входил и обмен брачными партнерами, если воспользоваться терминологией, введенной при описании этих типов обмена Леви-Стросом ⁴². Поэтому представляется закономерным то, что в индоевропейской терминологии обмена дарами у слов, обозначающих 'дар' и 'пир', обнаруживаются и значения, относящиеся к браку, свадебному дару и свадебному пиру. В частности, реконструируемое в качестве общеславянского значение сочетания глагола 'давать' с превербом **pro-*: **prodati* 'продать', находит соответствие не только в др.-инд. *pra-da-* 'отдавать, выдавать замуж' ⁴³ (в «Ригведе» — 'передавать или отдавать кого-нибудь кому-нибудь'), но и в вед. *pārā-dā-* 'кого-нибудь отдавать за определенную цену' ⁴⁴, ср. также *pari-dā-* с близким значением. Сходное развитие значений термина, обозначающего первоначально обмен дарами, в частности

паднославянских данных не должно вызывать удивления, так как следы многих других дохристианских ритуалов (а также тексты, в том числе метрические) лучше сохранились в восточнославянской и южнославянской традиции. По поводу возможности постановки вопроса о включении **surь* в ту же группу терминов ср. о сыре в связи со свадьбой: Устав князя Ярослава о церковных судах // Памятники русского права. Вып. 1. М., 1952. С. 269; Э. Н. Щанов. Брак и семья в древней Руси // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 217.

⁴⁰ Ср.: А. Байбурин. Несколько замечаний о структуре русского свадебного обряда // Тартуский гос. ун-т. Мат-лы XXVI Научн. студенч. конф. Тарту, 1971. С. 6.

⁴¹ См., в частности, о соотношении бинарных признаков 'правый' — 'левый' в кн.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 94.

⁴² К типологии «обменов брачными партнерами», в частности, при наличии социальных рангов, ср.: С. Lévi-Strauss. Les structures élémentaires de la parenté. 2 ed. The Hague; Paris, 1967; E. P. Leach. Political systems of highland Burma. 2 ed. Boston, 1965. P. 83 ff.; N. Yalman. Under the Bo Tree. Berkeley; Los Angeles, 1967. P. 177 ff.; J. van Baal. The part of women in the marriage: objects or behaving as objects // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde, deel 126. 1970. P. 301 и сл.

⁴³ Этимологический словарь славянских языков. Проспект, пробные статьи. С. 74. Несомненный интерес представляла бы и реконструкция значения *pridati* на основе обозначения приданого.

⁴⁴ H. Grassmann. Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1873. S. 587.

свадебными, а позднее куплю-продажу или денежные операции, можно видеть и в словах др.-рус. *куна* 'денежная единица', *кун(ь)ное* 'приданье невесты'⁴⁵, *куницик* 'сборщик податей'. По отношению к **pirь* значения, связанные со свадебным обрядом, возможно, объясняют и самую этимологию, так как представляется возможным, что в основе этого производного лежит не значение 'пить', а более специальное типа рус. *запить девку* 'пропить, сговорить' (ср. *запóй невесты* и т. п.).

Давно уже замеченный словообразовательный параллелизм терминов **pirь : piti*, **žirь : žiti*⁴⁶ заставляет с особым вниманием отнестись к тому, что второе из этих существительных на *-rь* наряду с древними конкретными значениями, связанными с едой и кормом, имеет и значения типа *жир* 'богатство' (как в «Слове о полку Игореве»), диал. *жира* 'домохозяйство'⁴⁷, ср. ниже о связи значения 'хозяин дома' со всем рассматриваемым кругом терминов.

Чрезвычайно существенным для этого семантического поля в общеиндоевропейском было значение 'договор', 'мир, согласие', которое всегда соотносилось с взаимным обменом дарами. Исследования последних лет выявили глубокие связи общеславянского **mirь* с соответствующим иранским термином⁴⁸ (**mitra-* > **miθra-* > **mihra-* и т. п.); обращает на себя внимание, в частности, и сходство в употреблении славянской и иранской основ в личных именах⁴⁹. Но при очень далеко идущем характере этих сходств здесь (как и по отношению к терминам типа **bogь*) наряду с заимствованием следует постоянно иметь в виду результаты семантического влияния сходно звучащих слов одного корня в двух контактировавших традициях. Использование корня **mei-* для обозначения взаимного обмена дарами (ср. ст.-слав. *м на* и родственные слова) было общеиндоевропейским⁵⁰. Поэтому истоки славянского употребления производного от этого корня, построенного по типу **žirь, *pirь*,

⁴⁵ Об истории этого значения в связи с символом куницы в славянских свадебных обрядах см. подробнее в статье: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К семиотическому анализу мифа и ритуала (на белорусском материале) // *Sign. Language. Culture. The Hague*, 1970.

⁴⁶ Параллелизм исходных глаголов в семантическом отношении мог быть и еще бóльшим, если бы оказалась верной гипотеза, связывающая **žirь* с *žbrati* (ср.: R. Jakobson. *Selected writings*. Vol. II. The Hague, 1971. P. 627).

⁴⁷ А. Подвысоцкий. *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. СПб., 1885. С. 44.

⁴⁸ В. Н. Топоров. *Parallels to ancien Indo-Iranian social and mythological concepts // Pratiḍānam*. The Hague, 1969. P. 110.

⁴⁹ О согдийских именах в этой связи ср.: В. В. Иванов. Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема // *Народы Азии и Африки*. 1967. № 3.

⁵⁰ Benv. Don.; Benv. Voc.; Palm. Soc.; Palmer. Ach.

могли быть собственно праславянскими. Иранское влияние могло лишь способствовать развитию всего того комплекса значений, который связывается с **mitra*- как обозначением мира в индоиранском. Согласно выводам Тиме⁵¹, вед. *mitrá* в качестве имени нарицательного имеет значение 'договор', как и авест. *miθra*- и соответствующие ему слова в других иранских языках, в частности, в согдийском (*mydr*), где употребление имени Митры как «божества, олицетворяющего договор»⁵² двумя тысячелетиями спустя отражает ту же тенденцию, которая впервые засвидетельствована упоминанием имени Митры в договоре хеттов с Митанни⁵³. Значение Митры как «объединителя людей в социальную структуру»⁵⁴ связано с целым рядом более общих его функций, которые все могут быть сведены к регулированию обмена внутри коллектива (в него на определенном этапе включались и боги, ср. существенную роль дарений богам как средства регуляции отношений между ними и

⁵¹ P. Thieme. Mitra and Aryaman // Transactions of the Connecticut Academy of arts and sciences. Vol. 41. 1957; Remarks on the Avestan hymn to Mitra // BSOAS. Vol. XXIII. 2. P. 256—274; ср. *Idem*. «Aryan» gods of the Mitanni treaties // JSAOS. Vol. 80. 1960. № 4.

⁵² В. А. Лившиц. Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. М., 1962. С. 42.

⁵³ Ср.: В. В. Иванов. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // Труды по знаковым системам, IV. Тарту, 1969 (далее: Заметки). С. 70—71 (здесь же указаны и типологические параллели в древних индоевропейских традициях).

⁵⁴ В. Н. Топоров. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера // Этимология 1967. М., 1969. С. 19; ср. также: *Он же*. Еще раз о природе ведийского Митры в связи с проблемой реконструкции некоторых древних индоиранских представлений // Тезисы докладов во второй летней школе по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1966. С. 50—52. — См. также изложение идей В. Н. Топорова в очень интересной статье С. Бочарова, где показано отражение архаических значений рус. *мир* в романе Льва Толстого: С. Бочаров. Мир в «Войне и мире». 1970. № 8, особенно с. 78 и 85 (там же соответствующие цитаты). С этим подходом, удачно объединяющим результаты анализа архаических представлений с исследованием структуры позднейших текстов, можно было бы сопоставить метод статьи: J. Ehrmann. Les structures de l'échange dans Cinna // Les temps modernes, 22 année. 1966. № 246. P. 929—960, но в этой последней не учтены результаты собственно лингвистических работ, посвященных изучению конверсных отношений между глаголами типа 'давать' и 'брать' методами современной комбинаторной семантики (ср. в этой связи литературу в кн.: Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974; а также интересную статью: V. Stehlik. Es gibt = Il y a? // Časopis pro moderní filologii, r. 51. 1969. С. 200—208). Кроме того, для Льва Толстого несомненна непосредственная связь соответствующих эстетических структур с архаическими значениями слова *мир*; в отношении Корнеля сходный вывод не доказан.

людьми). Как показал Бенвенист⁵⁵ и вслед за ним Палмер⁵⁶, это исходное значение корня **mei-* хорошо отражено в западных индоевропейских языках, в частности в лат. *mīnus* 'обязанность, служба'. В свете типологических данных о взаимных услугах, которые оказывали друг другу две дуальные половины коллектива, в частности, при похоронах⁵⁷, весьма архаическими следует признать такие значения термина *mīnus*, как 'погребение, похороны', ср. *munere fungi* 'отдать кому-либо последний долг'⁵⁸, *suprema munera*, *aliquem amplo munere* и т. п. Вместе с тем дуальные половины обычно участвовали в играх и состязаниях, что легко объясняет значение *mīnus* 'праздничная игра, в особенности состязания гладиаторов'. Следует подчеркнуть, что без принятия гипотезы об отражении в термине *mīnus* системы взаимных услуг, оказывавшихся друг другу дуальными половинами, объединение всех этих значений латинского слова оказалось бы крайне затруднительным. Согласно этнологической теории дара, центральное значение *mīnus* было сохранено в свидетельстве Феста: *donum quod officii causa datur*. Значение 'дар' должно быть возведено ко времени существования изоглосс, объединявших италий-

⁵⁵ Benv. Don. P. 322; Benv. Voc. P. 96—97.

⁵⁶ См.: Palmer. Soc. P. 262 и сл. Резкая полемика по поводу интерпретации лат. *gratus* и *gratia* в статье Палмера, данная в работе: G. Williams. Some uses of *gratus* and *gratia* in Plautus: evidence for Indo-European? // The Classical Quarterly. Vol. IX. 1959. № 2. P. 155—163, ничего не меняет в том, что касается общепринятого понимания *mīnus* (в том числе у Плавта). То понимание истории приводимых латинских слов, которое связано с концепцией Бенвениста, отражено и в цитированном словаре Уоткинса: C. Watkins. Op. cit. P. 1528.

⁵⁷ См. подробнее об этом в этнологических работах: A. M. Hocart. Kings and councillors. Cairo, 1936; A. M. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология М., 1964; (ср. также о хранящейся в рукописи работе А. М. Золотарева, касающейся реконструкции таких же социальных отношений в Риме — Заметки. С. 57 и сл.); В. В. Иванов. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний // Советская археология. 1968. № 4. С. 285—286 (там же — литература вопроса). Следы древнейшей терминологии обмена между двумя половинами можно еще видеть в «Беовульфе» в замечании (отмеченном в свое время Суитом) о том, что «обмен» не хорош, если обе «половины» платят за него смертью.

⁵⁸ Палмер (Palmer. Soc. P. 263) полагал, что все это сочетание может восходить к общеиндоевропейскому, так как *fungor* может быть родственно иранскому *baog* 'освободиться'; в этом случае *munere fungor* может возводиться к более древнему 'освободиться от обязанности'. Но помимо чисто филологических трудностей, указанных Уильямсом (см. об обязательности винительного падежа при *fungi* в архаической латыни: G. Williams. Op. cit. P. 56, примечание), следует иметь в виду, что с этнологической точки зрения взаимное погребение является обязанностью не по отношению к индивиду, а по отношению к той дуальной половине, в которую он входит; от этой обязанности нельзя освободиться единокртно.

ские языки не только с кельтскими, но и с германскими, ср., с одной стороны, ирл. *moin* (*main*) 'драгоценности', *dag-moini* 'дары, благодеяния', с другой — гот. *maipms* (< **mait-mo*) 'дар, обмен'. Несомненный интерес представляет то, что от этого архаического корня **mai-* 'менять(ся), обмениваться дарами' в славянском представлены те же два типа производных на *-n-* и *-r-*, что и от корня **dō-* (< **-doH-*) 'дарить'. Производное на *-n-*, отраженное в обозначениях типа ст.-сл. *мѣна* 'συνάλλαγμα, сношение, договор, сделка', др.-рус. *мѣна* 'permutatio, обмен', *мъновѣнаа грамота* 'договор мены', *мъньнаа грамота* 'договор мены'⁵⁹, несомненно сохраняет еще семантическую связь с слав. **mirь* 'договор'. Если производные типа рус. диал. ол. *мень* 'пляска с песнями: (становятся друзьями в круг, делая проход)' связаны с той же основой⁶⁰, то в них можно было бы видеть отражение производного на **-ni* типа **danь*, ср. др.-инд. *menih* 'мечь' от **mei-*. В балтийских языках родственные слова на *-n-* (лит. *maiņas*, латыш. *maiņa*) связаны с тем же значением 'обмен, изменение', что и славянские, ср. особенно показательные латышские фольклорные контексты: *meitu te#vs*, *mainīsim kumeliņus* (BW, 14611) 'отец девушки, поменяемся лошадами', ср. также употребление в сходном значении непроизводного латышского глагола *mīt* (*Zirgus mīt* или *ar zirgiem mīt: ar čiganu zirgu miju*, BW 2227, 13286 'с цыганом меняюсь конем'), а также производное на **-ti* (типа **do-ti*, ср. выше с гот. *maipms*) *mieti* в сочетании *zirgu miētus* 'обмен конями'. Из значений этого последнего производного следует особенно отметить *brāils un māsa izgāja mietuos* 'брат и сестра вступили в брак с братом и сестрой (из другой семьи)'⁶¹, которое разъясняется только при допущении пережитков архаичной дуально-экзогамной организации, в пределах которой обмен брачными партнерами обозначался тем же корнем **mei-*. Гаспарини убедительно показал, что и для праславянского **mirь* реконструируется дуальная схема⁶². Основы на *-n-*, в словообразовательном отношении близкие к ст.-сл. *мѣна*, лит. *maiņas*, латыш. *maiņa*, по значению сходны со слав. **mirь* как обозначением замкнутой социальной группы (в древности скреплявшейся воедино благодаря системе взаимных обменов): *communis* 'принимающий участие в исполнении взаимных обязанностей'⁶³, гот. *gamains* 'общий', *gimain-*

⁵⁹ См.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. М., 1958 (далее — Материалы). С. 242.

⁶⁰ См.: В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб., 1914. С. 830. — С семантической стороны ср. отмеченное выше значение *pirь*, связанное со свадьбой, а также употребление лат. *mītus* как обозначение игр.

⁶¹ K. Mülenbacha, J. Endzelīna. Latīviēsu valodas vardnīca. II. Rīgā, 1925—1927 (далее — ME). С. 565.

⁶² E. Gasparini. L'orizzonte culturale del «mir» // Ricerche slavistiche. X. 1962. P. 3—21.

⁶³ Benv. Don. P. 322; Benv. Voc. P. 96.

dupš, др.-в.-нем. *gimein* 'общий, совместный', др.-англ. *gemæne* 'общий, обычный' < др.-герм. **gamainiz* < **ko(m)-moini-*⁶⁴ (ср. выше о типе на *-ni* в слав. **danь*, рус. *мень*). Обращает на себя внимание параллелизм производных, образованных от корня **mei-* (представленного непроизводными глаголами только в латышском и древнеиндийском) и от корня **dō-* < **doH-*: в германских (гот. *maidjan* 'меняться', *maipms* 'дар', 'обмен') и итальянских языках (лат. *mūtō* 'быть связанным отношением взаимного обмена'), а также в индоиранском (др.-инд. *mithu* 'ложный', авест. *miθwara-* 'парный', ср.-перс. *mēhmān* вин. п. **maēθmānam* 'гость') представлено производное на *-t-*, ср. выше о латыш. *mi-eti*, *mietus*, тогда как в славянском наряду с общей для балтийского и ряда западных индоевропейских («древнеевропейских» по Краэ) основой на **-n(o)-* представлено и производное на *-r-* (**mirь* с другой огласовкой корня). Соотношение между **mirь* и сходными по значению именами на *-tr-* в индоиранском (**mitr-*) полностью аналогично рассмотренному выше соотношению между **darь* и аналогичными именами на *-tr-* в ведийском (*dātr-*, *datr-*). В период позднейших славяно-иранских контактов значения соответствующих славянского *mirь* и родственного иранского слова могли сблизиться еще больше, что отчасти затемняет реконструкцию семантики термина для более раннего периода. Но в тех употреблениях др.-рус. *мирь*, где отражается еще наиболее архаичное значение, в самих контекстах достаточно определенно засвидетельствована связь заключения мира с принесением даров или дани: *царь же Леонъ с Александром мирь створиста с Ольгом, имъшеса по дань и роте заходивше межю собою*, Повесть временных лет (Ипатьевск. спис.), 6415 г.; *Варагомъ дань даюти от Новагорода гривен т. не лѣт мира дѣла, еще до смрти Арославл даѣше Варагомъ*, Повесть временных лет, 6390 г.; *Даша дары церкви, и отпуостиша на с миромъ*, Новг. I летопись, 6763 г. и т. п.

Если семантические связи между словами *darь*, *danь*, с одной стороны, *mirь* (и *тѣна*), с другой, с достаточной определенностью вытекают из подобных контекстов, то в отношении слов *pirь* и *mirь* несомненно длительное сохранение их связей как семантических, так и формальных. В восточнославянской фольклорной традиции чрезвычайно широко представлены контексты типа: *В миру, как в пиру: всего много. В миру, что на пьяном пиру; И в пир, и мир, все в одном* (вариант: *что в пир, что в мир...*); *Ни в пир, ни в мир, ни в добрые люди*⁶⁵; *пир на весь мир*, где сочетание *весь мир* является весьма архаическим и может быть возведено к общеславянскому⁶⁶: ср. ст.-сл. *вѣсь*

⁶⁴ В деталях реконструкции следую за словарем: С. Watkins. Indo-European roots. P. 1527.

⁶⁵ В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 866.

⁶⁶ См. указанные выше статьи В. Н. Топорова, в частности: V. N. Toporow. Parallels to Ancient Indo-Iranian social and mythologique concepts. P. 109; ср.: Заметки. С. 71.

миръ, в частности, в метрическом тексте «Тайной службы», переведенной Константином: *наоучи вьсь миръ языки вьспѣвати*⁶⁷, др.-чеш. *špǫse v(ь)sego mira* (в песне Войтеха), *mir ves* в древнечешских глоссах на Евангелие от Иоанна. Поскольку в западно-славянском термин *pirъ* не представлен, для доказательства архаичности сочетаний типа *mir na vesъ mir* исключительно важными представляются два обстоятельства. Во-первых, в западнославянском можно найти точное отражение таких сочетаний, где *pirъ* заменено другим производным от разбираемого ниже слова того же семантического поля: чеш. *Dobří lidé kvûli míru druhdy pobrojí; lec po smíru hostinku si vystrojí*⁶⁸, где характер двойных рифм (*míru-smíru, pobrojí-vystrojí*) позволяет предположить вторичную замену более древней типа **miru — *piru*. Во-вторых, в восточнославянской традиции достаточно широко представлены свидетельства того, что связь слов **mirъ* и **pirъ* определялась не столько их созвучием и принадлежностью к одному типу основ, сколько реальным обычаем, восходящим к древнему ритуалу, скреплявшему мир выпиванием напитка или взаимным угощением: ср. рус. *мировая на пиве*; С кумом бранюсь, *на пиве мирюсь*⁶⁹. Поскольку вместе с тем в значении слова **pirъ* достаточно ясно отражена его связь с глаголом **piti*, несомненна древность того контекста, в котором могли сочетаться **mirъ* и *pirъ*.

Конкретное пространственное употребление термина **mirъ* как обозначения замкнутой социальной единицы позволяет сравнить это производное на **-r-* и с другим словом этого типа *žirъ*, которое в значении 'жилой дом', 'жильё' выступало как наименование первого термина в ряду социальных обозначений типа авест. *dam-*, др.-инд. *dam-* 'дом', авест. *vis*, др.-инд. *viś-* 'группа семей, живущих в селении'⁷⁰, ср. показательное сходство славянских основ на **-ŷ > -*ъ*: **domъ* и **žirъ*, отраженное в архаических обозначениях мифологических существ — хранителей дома: рус. *домово́й*, укр. *домові́к*

Архаичность этого сочетания и наличие инославянских, в частности, западнославянских, параллелей отмечено еще в словаре И. И. Срезневского (Материалы. II. С. 149).

⁶⁷ См.: Р. Якобсон. *Таинная служба* Константина Философа и дальнейшее развитие старославянской поэзии // Сборник радов Византологического Института. Кн. VIII. Белград, 1963. Ср. 159—160.

⁶⁸ F. L. Čelakovský. *Mudrosloví národu slovanského ve přialovích*. Praha, 1949. С. 447.

⁶⁹ В. Даль. *Пословицы русского народа*. СПб., 1853. С. 270.

⁷⁰ Benv. Вос. Р. 294 и след. Ввиду наличия ряда параллелей к образованию наименования всей социальной совокупности от слова со значением 'весь' (ср. лат. *totus* и **teuta* 'племя' в западных индоевропейских языках и в балтийском) представляется вероятной этимологическая связь др.-инд. *viś-*, ст.-сл. **вьсь** 'κόμμη' и др.-инд. *viśva-*, ст.-сл. **вьсь** 'ὄλος'. В этом случае упомянутое выше сочетание **vьсь mirъ* могло быть особенно архаическим.

при олон. петрозаводск. *жировік*, *жировой чорт* при *жировая изба* 'жилой дом', *жира* 'дом, жилище'⁷¹. В то же время в словах, возводимых к слав. **žirь*, обнаруживаются, по-видимому, и следы значения взаимности (в частности, при игре), объяснимые при допущении связи с тем кругом значений, который выше был описан по отношению к корню **mei-*, в частности, в балтийском: укр. *жировання* 'заигрывания парней с девушками и наоборот' (ср. выше с латыш. *mietus*).

С обозначениями взаимности (которые иногда понимаются и как аналог взаимного залога, хотя эта последняя интерпретация⁷² и не представляется обязательной) в славянских языках связываются выражения типа ст.-слав. **ДРОУГЪ ДРОУГА С** 'ἄλλήλους', рус. *друг друга*, чеш. *druh druha*, образованные от слав. *drugъ* 'друг', ср. ст.-сл. **ДРОУГЪ** 'ψίλος'. Для этого общеславянского обозначения взаимности Бенвенист⁷³ указал точную семантическую параллель в хет. *araš aran* 'друг друга' (см. ^{LÜ}*a-ra-aš* ^{LÜ}*a-ra-an*, КВо II 5 = 2 ВоТУ 62, IV 16), связанном с *araš* 'друг, товарищ' (в частности, по отношению к исполнению обряда). В хеттских законах это существительное встречается в архаической конструкции с притяжательным местоимением: *a-ri-iš-ši-ma-at* U.UL *te-iz-zi* ^{LÜ}*a-ra-aš-ša*. U.UI *ša-ak-ki*⁷⁴ 'он же своему товарищу об этом (буквально: это) не расскажет и товарищ (его) не знает', § 48*; точно такая же конструкция в комбинации с глаголом говорения засвидетельствована в ритуалах предания огню тела царя: [*nu*^S]ALŠU.GI^{SAL} *a-re-eš-ši me-na-aḥ-ḥa-an-da ki-iš-ša-an te-ma-i* 'и жрица — Старая Женщина своей напарнице следующее говорит',

⁷¹ См. более подробно об этих словах: *P. Эккерт*. Указ. соч. С. 84. Из других значений производных от основы *žigъ* заслуживает специального исследования значение 'добывать себе пищу (о животных)'; обращает на себя внимание параллелизм глаголов *žirovati* — *pirovati*, сходных и в словообразовательном и в семантическом отношении, ср., например, выражение *Луса жирует, выходит на жировку на мышей по ночам* (*В. Даль*. Толковый словарь. Т. 1. С. 1351), и его вероятное отражение при замене глагола *жирует* глаголом *пирует* в стихах Мандельштама: *После полуночи сердце пирует, Взяв на прикус серебристую мышь* (см.: *День поэзии*, 1962. М., 1962. С. 286).

⁷² Ср.: *Т. Д. Корельская, Е. В. Падучева*. О возвратных, личных и указательных местоимениях в русском языке // Информационные проблемы семиотики, лингвистики и машинного перевода. Вып. 1. М., 1971. С. 47.

⁷³ *E. Benveniste*. Hittite et indo-européen. Paris, 1962. P. 109. К типологии соотношений между рус. *друг* и *другой* ср. параллели в бушменских языках: *J. S. Gruber*. No kinship terms // *Linguistic Inquiry*. Vol. IV. 1973. № 4. P. 447.

⁷⁴ Цит. по: *J. Friedrich*. Die hethitischen Gesetze. Leiden, 1959. P. 74. Если в этом месте законов речь идет о магическом обряде очищения скота, на который воздействовали боги (см.: *Ibid.* P. 109—110), то этот контекст полностью аналогичен другому ритуальному контексту, приводимому ниже из ритуалов предания огню тела царя.

[SAL] *a-ra-aš-ši-ša te-ez-zi* 'и ее напарница говорит'⁷⁵. Как видно из приведенных отрывков, сопоставление с семантикой славянских слов может быть проведено дальше, чем это предложил Бенвенист: во всех цитированных текстах *araš* можно переводить как 'другой' (то есть другой из пары людей — мужчин или женщин⁷⁶), хотя в отличие от славянского при этом значении *araš* не теряет специфических грамматических особенностей существительного и не приобретает грамматических признаков местоимения. Поэтому, в частности, и в том сочетании типа *araš ari*, которое можно считать эквивалентом рус. *друг другу*, при *araš* может находиться согласованный с ним местоименный атрибут: *na-aš-ma-kán LÚ a-ra-aš LÚ a-ri ku-iš-ki ku-ru-ra-aš me-mi-an pi-ra-an pi-e-ḫu-te-ez-zi* 'или кто-нибудь другому (буквально какой-нибудь друг другу), слово вражды (враждебное слово) передаст'⁷⁷. Согласно мысли Бенвениста, представляющейся несомненной, хет. *ara-* как в значении 'друг', так и в значении 'право, благо' (встречается в тех же ритуалах предания огню тела царя, в том числе в метрическом тексте в строке *nu-ṣar-at-ši ara ešdu*⁷⁸ 'все де это ему на благо да будет') и божество «Благополучия, Права, Правопорядка»⁷⁹ имеют одинаковое происхождение. Сравнивая хеттское сочетание *araš aran* со славянским, Бенвенист отмечает, что славянские обозначения 'друга' и 'другого' связаны точно так же, как хеттские и индо-иранские образования типа хет. *ara-*, др.-инд. *arí-*. Развивая более детально свою интерпретацию др.-инд. *arí* в недавно изданных лекциях об индоевропейских древностях, Бенвенист отмечает, что в согласии с выводами П. Тиме значения 'друг' и 'враг' *yarí* (которое в «Ригведе» может относиться и к богам, например, к Индре, RV, X, 28, 1, ср. также индо-иранское имя бога *Arya-man*) следует связы-

⁷⁵ H. Otten. *Hethitische Totenrituale*. Berlin, 1958. S. 68 (цит. по клинописному тексту, приведенному в кн.: J. Friedrich. *Hethitisches Keilschrift — Lesebuch*. T. 1 *Lesestücke*. Heidelberg, 1960. S. 33, строки 29, 31 и 32). Представляется, что сопоставление этого ритуального текста с цитированным выше местом хеттских законов позволяет прояснить это последнее. Две жрицы могут быть связаны с дуальной структурой ритуала, где наряду с людьми Хатти упомянуты люди *Uruḫḫi* (хурритское образование от *Uru-?*).

⁷⁶ Ср. об особенностях употребления *araš* безразлично по отношению к мужчинам и женщинам пронизательные замечания в книге: F. S. Sommer. *Die Aḫḫijava-Urkunden*. München, 1932. S. 174. Ср. также об описательном выражении взаимности в предложениях типа *araš aran aušzi* 'друг (на) друга смотрят': И. Фридрих. *Краткая грамматика хеттского языка*. М., 1952. С. 140, § 256.

⁷⁷ Отрывок из фрагмента, впервые опубликованного и комментированного в статье: H. Ehelolf. *Zum hethitischen Lexikon // Kleinasiatische Forschungen*. Bd. I. Hf. 3. Weimar, 1930. S. 397—398.

⁷⁸ H. Otten. *Op. cit.* P. 98.

⁷⁹ Там же. Примеч. 2. Ср. также: E. Laroche. *Hommages G. Dumézil*. P. 124 et suiv.

вать друг с другом так же, как значения лат. *hostis* 'хозяин' и 'враг'⁸⁰ и других родственных слов типа рус. *гость*.

Но из этих типологических сопоставлений неизбежно вытекает необходимость новой этимологии слав. **drugъ* 'друг, другой', лит. *draiŭ-gas* 'друг, товарищ', латыш. *draugs* 'друг, другой (второй в паре)'⁸¹. Согласно указанной типологической закономерности с этими словами должно быть связано др.-инд. *druh-* 'враждебное демоническое существо, чудовище' (в «Ригведе»), авест. *druхš* 'Друг — демоническое существо, олицетворение злых сил' (основа DRUG в морфологической записи внутренней реконструкции по Бенвенисту — Соколову⁸²), н.-перс. *durōy* 'ложь' (ср. значение 'обманывать', характерное для многих слов, восходящих к **mei-n-o-* в балтийских и славянских языках). Предлагаемая этимология должна заменить распространившееся в последнее время объяснение указанных славянских и балтийских слов посредством их сближения с корнем **d(e)reu-* 'дерево' либо путем исключения ранее предлагавшегося сближения с гот. *driu-gan* 'воевать'⁸³, либо путем объединения этой предлагавшейся ранее этимологии (иногда толкуемой как свидетельство происхождения слав. **drugъ* из обозначения товарища по оружию, члена боевой княжеской дружины, ср. гот. *gadrauhts* 'воин', др.-в.-нем. *truht* 'боевой отряд, дружина'⁸⁴ при рус. *дружина* — *друг* и т. п.) с этимологией, связывающей все указанные слова и другие германские обозначения 'веры', 'уверенности', типа гот. *triggws* 'вера' с основой **d(e)reu-*, значение которой 'дерево' выводилось из более отвлеченного 'твердый, прочный'⁸⁵.

⁸⁰ Benv. Voc. P. 370—373. О выводах монографии Тиме ср.: В. И. Абаев. Из истории слов // ВЯ. 1958. № 2. С. 113—115. См.: В. В. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания. II // Этимология. 1971. М., 1973. С. 303 и след.

⁸¹ ME. I. P. 4—92.

⁸² С. Н. Соколов. Авестийский язык. М., 1961. С. 47. Иранские формы представляются особенно существенными для обоснования фонетической вероятности предлагаемой этимологии, так как они удостоверяют вторичность *h < gh* в древнеиндийском.

⁸³ О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959. С. 172—173, где явной ошибкой была реконструкция начального придыхательного **dh-* в индоевропейском названии дерева (ср. непридыхательное **d-* отраженное в греч. *δῶρον*, др.-инд. *d ru* и т. п.). Идеи О. Н. Трубачева отчасти близки к мыслям, изложенным в лекциях Бенвениста (Benv. Voc. P. 108 и сл.).

⁸⁴ M. Leumann. Baltisch und Slawisch // Kleine Schriften. Zürich; Stuttgart, 1959. S. 396 (впервые напечатано в 1955 г.); V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957. С. 97.

⁸⁵ Benv. Voc. P. 108—110. Частично (без привлечения славянских и балтийских данных, как в более поздних лекциях) эта гипотеза была намечена уже в статье: E. Benveniste. Problèmes sémantiques de la reconstruction // Problèmes de la linguistique générale. Paris, 1966. P. 298—301.

Но в последнее время были выдвинуты возражения против сближения абстрактных значений германских слов со значением 'дерево', так как соответствующие германские слова (в частности, гот. *triggwa* 'договор, завет, верность, согласие', представляющее особый интерес для сопоставления с производными от **mei-*) все могут рассматриваться как более поздние собственно германские образования от сильного глагола⁸⁶. Но независимо от этого сближения с **d(e)reu-* 'дерево', 'дуб', представляющегося недостаточно обоснованным, предположение о связи гот. *triggwa* 'завет, верность, согласие', *gadrauhts* 'воин', др.-исл. *drót* 'боевая дружина, свита (князей)' со слав. **drugъ* 'друг, дружина, товарищи, община, дружина', можно было бы принять, исходя из гипотезы об отражении во всех этих словах значения взаимности (откуда и 'договор', как в **mirъ* и в индо-иранском **mi-tra-*), исполнения взаимных обязательств. Особенно наглядно это последнее значение выступает в ряде архаических славянских производных, связанных со свадьбами и иными обрядами типа рус. *дружка* (на свадьбе), ср. др.-рус. *дружки... царицыны*, Псков. 1 л. 7156 г., чеш. *družebná neděle* 'день совместной обрядовой еды молодых девушек (*družek*, чеш. *družka*), для которой пекли особые ритуальные пирожки — *družbanci*'⁸⁷ и т. п. Связь значений взаимности, членства в дружине и враждебности, предполагаемая данной этимологией **drugъ*, хорошо согласуется с тем кругом значений, который устанавливается для слов, родственных ст.-слав. *гость*, др.-рус. *гость* 'гость, чужеземец, иноземный купец' при значении производного др.-рус. *гостьба* (тот же тип, что и *дружба*) 'convivium, пир', ср. выше о термине **pirъ*. Значение 'член дружины', 'иноземец' предполагается для родственного германского др.-северн. рун. *gestr*, если верна гипотеза о том, что этим словом обозначается член дружины в Норвегии, набравшейся из иноземцев⁸⁸. Сближение рунического слова со славянскими представляет тем больший интерес, что рунические имена типа *hlewagastiR*⁸⁹ с точностью до порядка составных частей (обратного) соответствуют этимологически славянским типа *Гостеслав(ъ)*⁹⁰. Эта германо-сла-

⁸⁶ Со ссылкой на устное сообщение Е. Куриловича эту точку зрения обсуждает: P. Friedrich. Proto-Indo-European Trees. Chicago, 1970. P. 142—143; *Idem*. Proto-Indo-European Trees // Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970. P. 31 (в последней статье, однако, эта точка зрения изложена более категорически, чем в монографии того же автора).

⁸⁷ V. Machek. Op. cit. С. 97 (там же литература об этих чешских обрядах).

⁸⁸ Э. А. Макаев. Язык древнейших рунических надписей. М., 1965. С. 125.

⁸⁹ Ср.: Там же. С. 130, 70, 72—73. Об этимологии частей этого имени ср.: А. И. Смирницкий. К вопросу о языке старших северных рунических надписей // Вестник МГУ. 1947. № 8. С. 84—85, 78.

⁹⁰ См.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание. М., 1963. С. 127, 129 (табл. 4, 5 и 64).

вянская ономастическая изоглосса представляет тем больший интерес, что в микенском греческом собственном имени *e-ri-ke-re-we*, которое правдоподобно истолковано как **Ερικλως*, родственное составным частям вед. *aryáḥ*... *śravām śi*⁹¹, можно видеть собственное имя с тем же порядком составных частей и с тем же вторым компонентом, что и *Гостеславъ*. Из этого следует, что **eri-/ori-* (др.-инд. *ari*) и **ghosti-* могли в определенных контекстах выступать в качестве близких синонимов.

Наиболее отчетливо связь **gostь* с взиманием дани княжеской дружиной свидетельствуется употреблением термина *погост*, разные значения разобраны с этой точки зрения еще Потебней⁹², в «Повести временных лет», 6455 г.: *Иде Вольга Новугороду и оустави по Мьстѣ погосты и дани по Лузь ѡброки и дани; ловища ея суть по всеи земли, знаманна и мѣста и погосты*⁹³. Как верно заметил Потебня, можно установить определенную иерархию значений термина: 'стан для князей и княжеской дружины, наезжавшей для собирания дани' — 'подать, которую платили князю' — 'совокупность поселений вокруг стана — главного поселения'.

В посмертно опубликованной статье Махека высказано предположение, согласно которому значение слав. **gospodь* может быть объяснено обычаем получения князем даров и дани во время путешествия, которое с этой целью совершал князь⁹⁴. Для подтверждения этой мысли Махек ссылается на сопоставление с древнеисландским, где *gestr* 'гость' употребляется по отношению к богу именно потому, что зимой его принимают как гостя, которому платят дань⁹⁵. Это объяснение функций Одина-Вотана согласуется и с объяснением его имени (**Wodanaz*) как обозначения предводителя разъяренного войска, ср. также прозвание *Herjan*, образованное от **koryo-nos* 'предводитель войска'⁹⁶. Но представление о боге как госте является более древним, чем те

⁹¹ R. Schmidt. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967. S. 132—133, § 242.

⁹² А. А. Потебня. К истории звуков русского языка. Этимологические заметки, 4. Варшава, 1883. С. 40. — За Потебней следовали авторы последующих этимологических словарей от Преображенского до Фасмера.

⁹³ Форма *повосты*, находящаяся в Лавр. лет., по Шахматову, принадлежит к числу тех, что характеризуются наличием *во* вместо южнорусского «*уо* в словах, заимствованных из южнорусского» (А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. С. 295).

⁹⁴ V. Machek. Sl. *gospodь*, lat. *hospes* et lit. *višpats* // Slavica. VIII. Debrecen, 1968. С. 156; ср.: Заметки. С. 46. — Работа Махека вполне согласуется с современной этнологической концепцией обмена, хотя ее и не учитывает.

⁹⁵ G. Dumézil. Mythes et dieux des Germains. Paris, 1939. P. 29, 142.

⁹⁶ Benv. Voc. P. 112, 302. См. также об имени Вотана-Одина: O. Höffler. Der Sakralcharakter des germanischen Königstums // Le regalità sacra. Leiden, 1959. P. 697—698.

феодалные обычаи, которые отражены в этих древнеисландских и соответствующих древнерусских текстах. Мысль Махека о том, что для объяснения термина **gospodь* целесообразно использовать сходное обозначение бога Одина как гостя (*gestr*), представляется верной не столько в силу предложенных им социальных объяснений, сколько потому, что и в германских фактах, и в славянских отражены явления той глубокой древности, когда обычаи гостеприимства, связанные с системой взаимных обменов, сказывались и в поверьях. В южнославянской фольклорной традиции, сохранившей значительное количество общеславянских архаизмов, сквозь иногда христианизированное обличье соответствующих рассказов о неузнанном боге-госте⁹⁷ отчетливо проступает более древний мотив. В южнославянских и соответствующих им восточнославянских фольклорных текстах отчетливо выражается и роль угощения при приеме божественного гостя (в формулах типа «сыт и я и мой гость» и т. п.). Представление о госте, приходящем в дом, как о боге, отражено в целом ряде пословиц типа чеш. *Host do domu, Bůh do domu*, польск. *Gość w dom, Bóg w dom*⁹⁸. Совпадение разных славянских фольклорных и языковых традиций позволяет реконструировать мотив, который следует возвести к общеиндоевропейскому. Как установил Хокарт, гость в наиболее архаических греческих и ведийских текстах наделен божественными атрибутами; общим оказывается мотив бога-гостя (иногда вовремя неузнанного). Приведя типологические параллели, касающиеся божественного характера гостя на Фиджи, Хокарт в своей работе⁹⁹, впервые опубликованной еще в 1927 г., но оставшейся тогда незамеченной, предвосхитил идеи Тиме и Бенвениста¹⁰⁰, дав истолкование обычаев гостеприимства, совпадавших в гомеровской Греции и в Индии.

— В лингвистическом отношении для реконструкции древнейших функций Вотана-Одина исключительное значение имеет его культовая связь с термином типа др.-исл. *vargr* 'волк', который применялся одновременно для обозначения разъяренного воина (др.-англ. *heoro-wulf* 'кровавый волк; воин') из войска Вотана и 'изгоя', которого вешали на посвященном Вотану 'волчьем дереве' ('дерево волчьей головы' — виселице), см.: *M. Jacoby. Wargus, Vargr. Uppsala, 1974*, ср. об объяснении связи двух этих значений: *M. R. Gerstein. Warg; The outlaw as werwolf in Germanic myth, law, and medicine // Dissertation Abstracts International. 33. 1972. P. 1681 A.*

⁹⁷ *B. Krader. Hospitality customs as reflected in Balkan folk narratives // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Т. VI. М., 1969. С. 336.*

⁹⁸ *Fr. Čelakovský. Op. cit. С. 498.*

⁹⁹ *A. M. Hocart. The divinity of the guest // A. M. Hocart. The life-giving myth and other essays. London, 1970; ср.: Idem. The caste. London, 1950. P. 79.*

¹⁰⁰ В частности, с одной из основных идей цитированных выше лекций Бенвениста совпадает предложенное Хокартом объяснение этих отношений из более древних дуально-экзогамных, что согласуется и с такими современными индийскими данными, как обозначение свойственника как гостя (*pahunā*), ср.: *L. Dumont. Les mariages Nayar comme faits indiens // L'homme. Vol. I. 1961. № 1. P. 48.*

На собственно языковом уровне общеиндоевропейский характер мотива бога-гостя представляется возможным подтвердить благодаря отождествлению ослав. **gos-podь*, в котором, как и в лат. *hospes*, большинство исследователей видит сложное слово с преобразованным первым компонентом **gostь* < **ghosti*¹⁰¹, не только с др.-исл. *gestr* в качестве обозначения Одина, но и с родственным лув. *kašši* 'посещение, угощение' в тексте ритуала Туннави, где вслед за хеттской фразой *ni*^{SAL} ŠU.GI *še-er ap-pa-an-na-aš hu-uk-ma-in hu-uk-zi* 'И говорит жрица заклятие держания вверху'¹⁰² следует лувийская формула¹⁰³, где *kašši* < **ghosti* относится к Тархунту-богу грозы, который назван также термином *arijaddalis*, возможно, сопоставимым с гомеровск. *ἔριθηνλής* 'пышный, роскошно распускающийся, в полном цвету' Е 90 (из 'предоставляющий гостю сень, усладу, освежение'¹⁰⁴). Следовательно, можно думать, что обе синонимичные основы **ghosti* и **eri*-(**ori*-) объединены в этом ритуальном контексте.

Для доказательства того, что и вторая из этих основ, относившихся к взаимному обмену дарами, могла относиться к божеству, особый интерес представляет *ἔρι-ούος* 'раздатель благ' в качестве эпитета Гермеса (Ω 360), по Тиме¹⁰⁵ соответствующего вед. *riśades* 'пекущийся о госте'. Наименование бога

¹⁰¹ С формальной стороны эта проблема очень детально рассмотрена с обсуждением различных существующих точек зрения в монографии: *O. Szemerényi. Syncope in Greek and Indo-European and the nature of the Indo-European accent. Naples, 1964. P. 382—386. Ср. также: C. Watkins. Op. cit. P. 1518, где реконструкция значений осуществляется на современном уровне.*

¹⁰² О понимании этой хеттской ритуальной формулы в данном ритуале, следующей за жестом поднятия вверх (над человеком, для которого совершается ритуал) черной овцы, см.: *H. M. Kümmel. Ersatzrituale für den hethitischen König. Wiesbaden, 1967. S. 15.*

¹⁰³ Сист. С. 39; см. также: *В. В. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания. П. С. 302—306; ср. Он же. [Рец.] В. Čop. Indogermanica minora // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. XXXIII. 1974. № 2. С. 172.*

¹⁰⁴ *P. Thème. Der Fremdling im Rgveda. Leipzig, 1938. P. 165;* Этимология не является общепризнанной: *Mayarhofer. I. P. 49.* В случае если будет принято полное тождество греч. *ἔριθηνλής* и *arijattališ*, при сохранении этимологии Тиме, пришлось бы это слово, встречающееся только в одном месте ритуала Туннави, скорее всего, считать не лувизмом, а результатом взаимодействия хеттского языка через лувийский с языком греческого населения Малой Азии или шире — Эгейского мира в целом; ср. сходное объяснение, возможное по отношению к SAL.MEŠ *dammaranza* (*H. G. Güterbock. Notes on Luwian Studies // Orientalia. Vol. 25. 1956. P. 124*), где связь с греч. *δάμαρ* 'жена, супруга' оправдывалась бы контекстом, включающим упоминание Аххиявы и имени Антарауас (из греческого?), См. о сопоставлении этого слова с мик. греч. *da-ma-te*: *В. В. Иванов. Древнейшие культурные и языковые связи южнобалканского и малоазийского ареалов. М., 1974. С. 2—3.*

¹⁰⁵ *P. Thieme. Der Fremdling im Rgveda. S. 158.*

как «дарителя благ» было бесспорно характерно для целого ряда индоевропейских диалектов, ср. греч. гомер. *δατορ εαων* 'даритель благ' (Θ 335) по отношению к тому же Гермесу, *δατῆρες εαων* (Θ 325), совпадающее с вед. *dāt* *vasūnām* (RV VIII, 51,5), *d ta vasu* (RV, VI, 23, 3; VII, 20, 2; X, 55, 6; II, 22, 3), авест. *dāta(r) vohuṇam*; *data(r) vanhuṇam*¹⁰⁶. Соответствующее представление отражено и в индоиранском наименовании бога основной **bhaga-*, обозначающей 'богатство, состояние'; в славянских языках это наименование связывается с иранским влиянием¹⁰⁷, ср. сказанное выше о соотношении между слав. **mirь* и иранск. **mitra-* и характерные сочетания слов **bogь* и **mirь* в текстах архаического типа. Судя по согд. *Vay*, видимо, в некоторых текстах функционально соответствующему др.-инд. *Bhaga*¹⁰⁸, в иранском употреблении основы *bag-* как имени бога сохранялось достаточно долго (что важно и для датировки соответствующих фактов славянских языков, объясняемых иранским воздействием). Но следует подчеркнуть, что общим для славянского и иранского было только данное конкретное наименование, внутренняя же его форма характерна не только для индо-иранского, но и для двух теснейшим образом с ним связанных диалектов — греческого¹⁰⁹ и армянского¹¹⁰. Для хетт-

¹⁰⁶ R. Smitt. Op. cit. P. 142, 146—147.

¹⁰⁷ См.: О. Н. Трубачев. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. М., 1967. С. 25—31 // К собственным именам, указанным в этой работе, ср. также о бактрийском в упомянутой выше статье: В. В. Иванов. Языковые данные о происхождении Гутанской династии; R. Schmitt. Zur angeblich iranischen Herkunft des altrussischen Gottesnames *Stribog* // Die Welt der Slaven. Bd. XVI. Hf. 2. 1971. S. 195; К имени *Bagābigna* ср. с хорезм. **βynk* < **bigna*: D. N. MacKenzie. The Khwarezmian glossary, III // BSOAS. Vol. XXXIV. 1971. P. 326 (пункт 427.8).

¹⁰⁸ W. Henning. A Sogdian god // BSOAS. Vol. XXVIII. 1965. P. 249 ff.; о совмещении этого значения с более общим значением согдийск. *by* 'бог' см.: С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып. X. М., 1971. С. 133—134, примеч. 18. Ср. также: P. Ramat. I problemi della radice indoeuropea *bhag-* // AION. 1963. С. 48 и след. Относительно ирано-славянского соответствия в основе слав. **pora*, иранск. *p r*, синонимичной **bogь*, **baga*, см.: Заметки. С. 50—51 (там же о греческом). Относительно др.-инд. *Bhaga* в связи с *Aryaman* ср.: G. Dumézil. Mythe et épopée. L'idéologie des trois fonctions dans les épopées des peuples indoeuropéens. Paris, 1968. P. 149 et suiv.

¹⁰⁹ L. R. Palmer. The Indo-European origin of Greek justice // Transactions of the Philological Society. 1950. P. 165; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 68—69; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. О правосудии по греческим мифам ср. также: G. Vlastos. Equality and justice in early Greek cosmologies // Classical philology. V. 42. 1947. P. 168—178. Ср. представляющие в этой связи значительный интерес данные о германском термине типа др.-в.-нем. *ur-teil*: F. Metzger. MNHMEZ XAPIN Gedenkschrift P. Kretschmer. Wien, 1957. S. 62—68; E. P. Hamp. *Doom and do* //

ского языка обозначение бога как доли следует из прилагательного *a-šičant* 'бедный', типологически совпадающего со слав. **ne-bogъ* > **u-bogъ*¹¹¹. Это хеттское прилагательное, как и оба славянских слова, представляет собой древнее сложное слово с первым компонентом-отрицанием (хет. *a-* < **n-*). Второй компонент хеттского слова восходит к индоевропейскому **deiu-* 'бог', которое в славянском сложном слове (как и в большинстве других случаев в славянских языках) было заменено основой **bogъ*, близкой к иранск. **baga-*. Но тождество самих моделей образования обоих слов, обозначающих 'убогого', 'обездоленного', подтверждает то, что в славянском осуществилась лишь замена лексем, обозначавших соответствующие концепты, а эти последние сохранили древние семантические черты, сложившиеся еще до периода славяно-иранских контактов.

Эта гипотеза подтверждается совпадением не только структуры и первого компонента (общего со славянским), но и второго компонента приведенного хеттского прилагательного с греч. *ἄθεος* 'оставленный богами', встречающегося в этом значении только один раз в «Царе Эдипе» Софокла (строка 661), но явно восходящего к более древнему **ṇ-deiu-*¹¹². Несомненный интерес представило бы выявление отношений между этим архаическим названием 'обездоленного, нищего, убогого', представленным в славянском, хеттском и греческом, и другими терминами, обозначающими 'лишенного доли' (в том

Lingua Poznaniensis XVI. 1972. P. 87—90; ср. о германо-балто-славянском соответствии, касающемся ст.-сл. *дѣль* 'часть': Chr. S. Stang. Lexikalische Sonderüberstimmungen Zwischen dem Slawischen, Baltischen und Germanischen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1971. S. 17—70; ср. приводимую там же мысль Н. С. Трубецкого, объединявшего западноиндоевропейские соответствия, касающиеся рассматриваемой группы слов: «Старым социальным бытом веет от слов *гость* (нем. *gast*, лат. *hostis*), *мѣна*, *дльзь* (долг), известных лишь славянам, италийцам и германцам, м. б. и от слова *дѣль* (делить, удел, надел), имеющего точную параллель лишь на германской почве (нем. *Teil*)».

¹¹⁰ V. Pisani. Der Gott als «Verteiler» und armenisch *astuac* // Handes Amsorya. Vienne, 1961. № 75. S. 562. Ср. также о семантике сходного италийского (если не вообще западноиндоевропейского) имени бога: J. Knobloch. Osk. **aiz* «Vermögen» und die Beteiligung mit irdischen Gütern // Antiquitates Indogermanicae. Studien zur Indogermanischen Altertumskunde und zur Sprach- und Kulturgeschichte der indogermanischen Völker, Gedenkschrift für H. Güntert. Innsbruck, 1974. S. 351.

¹¹¹ E. Laroche. Les noms anatoliens du «dieu» et leur dérivée // Journal of Cuneiform Studies. Vol. 21 (1967). New Haven, 1969. P. 174. Ср. * > *a* в *kuask-*, **g^whn-sk* и в дат.-род. мн. ч. *-as* < **s* (?). С семантической стороны эту этимологию подтверждает и упоминание 'доли' (шумерограмма *HA.LA*) богов в хеттском гимне Солнцу.

¹¹² Хеттскую форму также следует возвести к подобному архетипу с дифтонгом **ei*, поскольку в древнехеттских текстах основа *šiu-* пишется с гласным (*i* или *e*) после знака *ši*.

числе наследственной), позднее 'раба' (**orbho-*, для которого обнаруживаются более отдаленные анатолийские соответствия¹¹³, **seruo-* > лат. *seruus* и т. д.).

Представление о боге как дарителе благ согласно гипотезе Р. О. Якобсона¹¹⁴ отражено в имени др.-рус. *Дажьбога*. Представляется несомненной древность сочетания глагола **dati* с именем существительным **bogъ* в качестве субъекта действия, ср. общеславянское сочетание этого типа, лежащее в основе таких речений, как с.-хорв. *Бог је стариј давалац*, рус. *Бог дал живот, Бог даст и здоровье; Бог даст день, Бог даст и пищу; Вам Бог дал, а нам посулил; Бог даст, и в окошко подаст; Бог дал, Бог взял* и т. п. Соответствующее личное имя может быть реконструировано на семантическом уровне для общеиндоевропейского на основании сопоставления данных славянской, греческой¹¹⁵ и древнеиндийской традиций (где в именах этого типа обычно употребление производных от корня **dō* < **doH-*) и позднеанатолийских традиций, где в функции более древнего **deiu-o-* выступает основа типа лув. *maššana-* 'бог', а в значении **do-* выступает глагол *pai-*, общий для анатолийских языков и тохарского, ср. угар. *Mašna-pi, Mašnapija-*, кар. *mesnab, msnb*¹¹⁶. То обстоятельство, что в этих двух разошедшихся друг с другом традициях сохраняется самый тип соединения имени 'бога' с глаголом 'давать', подтверждает надежность семантической реконструкции. Удостоверяемое этими данными обозначение бога как дарителя¹¹⁷, с одной стороны, соответствует его же обозначению как гостя, получающего дары, с другой стороны, отвечает всей реконструируемой на основе рассмотренных терминов системе взаимных обменов дарами.

1975

¹¹³ См.: В. В. Иванов [Рецензия на кн.: *E. Benveniste. Hittite et Indo-européen*] // ВЯ. 1963. № 3.

¹¹⁴ Из последних его работ см. в частности: *R. Jakobson. Retrpsêct // R. Jakobson. Selected writings. Vol. IV. The Hague, 1966. P. 701* (со ссылкой на цитированные выше статьи Палмера о даре в других индоевропейских традициях).

¹¹⁵ Для позднейшего периода вероятно греческое влияние на бытование славянских имен типа рус. *Богдан*, которые могли восприниматься как греческие кальки. Но весь комплекс данных, о котором здесь идет речь, заставляет возводить архетип этих имен ко времени, предшествовавшему христианизации. Ср. характерные соотношения личных имен типа польск. *Bogdan : Bogdal (T. Gołębiowska. Antroponimi Orawy. Kraków, 1971. С. 65)*.

¹¹⁶ Сист. С. 223 и примеч. 135.

¹¹⁷ Дарение имен и других словесных текстов стоит в одном ряду с другими видами дарения и обмена, ср. об обмене вопросами и загадками в свете общей теории дара: В. Н. Топоров. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева // *Σημειωτική. Труды по знаковым системам. V. Тарту, 1971. С. 35* и примеч. 50.

К РЕКОНСТРУКЦИИ *МОКОШИ* КАК ЖЕНСКОГО ПЕРСОНАЖА В СЛАВЯНСКОЙ ВЕРСИИ ОСНОВНОГО МИФА*

В предыдущих исследованиях, связанных с реконструкцией основного мифа о боге Грозы и его противнике¹, главное внимание уделялось участникам поединка, мужским персонажам, тогда как женский персонаж оказался в значительной степени в тени, хотя данные, относящиеся к основному мифу в других индоевропейских традициях (в частности, в балтийской), как и многочисленные параллели типологического характера, недвусмысленно указывали на «пустую клетку», которая должна быть заполнена именно женским персонажем, еще точнее — женой Громовержца. В настоящей статье предпринимается попытка заполнить эту лауну и предложить конкретное описание реконструируемого женского образа, данное, правда, в относительно кратком и суммарном варианте.

Реконструкцию уместно начать с тех мотивов, которые уже и раньше в той или иной связи привлекали внимание исследователей. Так, например, в архаических южнославянских песнях мифологического цикла след такого женского персонажа можно видеть в образе Солнцевой сестры и двоюродной сестры Месяца (с.-хорв. *Мјесечева првобрат-учеда*), появляющемся в весьма характерном контексте:

* Издано: Балто-славянские исследования. М., 1983. С. 175—197. Эта статья была написана в первом варианте в 1975 г. и предназначалась для юбилейного сборника, посвященного Э. Гаспарини. К сожалению, этот сборник остался неопубликованным. В «Балто-славянских исследованиях» статья была напечатана в несколько расширенном виде.

¹ См.: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Тамо кажу зору јавеороеу,
 И у гори воду Босиљкову,
 И код воде Босиљку дјевојку
 <...>
 Доведоше Босиљку дјевојку,
 Прије цара ријеч говорила:
 «Што си царе, за ме поручио?
 «Ја сам сунцу рођена сестрица,
 «А мјесецу првобратучеда» <...>
 (Сунчева сестра и цар²).

Этот пример не является ни единичным, ни изолированным. Он отражает некий стандартный мотив, с разными вариациями представленный в целом цикле так называемых «женских» песен, ср.: «Сунце и Мјесец просе дјевојку» (<...> *Ал' су у град девет братах, | Деветина сестру 'мају, | Но их сестру сунце проси, | <...> С друге стране мјесец проси, | Ни један је брат не даје <...>* № 229, с. 152; характерно в контексте имен женского персонажа основного мифа имя сестры — *Маре*), «Женидба сјајнога Мјесеца» (одна из наиболее очевидных переключек с сюжетом небесной свадьбы в балтийском мифологическом фольклоре; ср. рамку текста: *Фалила се звијезда даница: | О женићу сјајнога мјесеца, | Испросићу муњу од облака, | Окумићу Бога јединога <...> | Стаде муња даре дијелити: | Даде Богу небесне висине, | <...> А Илији муње и стријеле* № 230, с. 153), «Опет женидба Мјесечева» (№ 231, с. 153—154; вариант предыдущего текста с важными новыми деталями — *Огњена Морија, огањ живи, стр'јеле и громове* и др.), «Сунчева сестра и паша тирании» (ср.: <...> *Јесте млада риеч говорила: | «Фала богу, чуда великога! | Да ли је се паша помалио? | Кога хоће да узме за љубу, | Да он узме сунчеву сестрицу, | Мјесечеву првобратучеду, | Даничину Богом посетриму <...>»* № 232, с. 154—155, ср. № 233), «Цар и дјевојка» (№ 234, с. 155—156, с мотивами солнца, змия и т. п., ср.: *Светли царе, огријано сунце!; Љутом га је змијом зауздала, | Још га љућом змијом ошибује <...>*), «Нечувени послови» (*Ни сам сунцу косе плела, | Нит' мјесецу дворе мела, | Ван стајала, те гледала, | ће се муња с громом игра <...>*. № 235, с. 157) и др.³ Сходные мотивы в том же жанре

² См.: Српске народне пјесме, скупил их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Кн. I. Београд, 1976. № 233. С. 155.

³ Переключку с текстами этого цикла можно обнаружить и в таких песнях, как «Љуба огњевита» (*Ни смо браћа, нити братучеди | <...> Имали смо и трећег друга, | Лудо, младо, не далек' залете, | <...> Там' га кажу и оженио се, | Узео је љубу огњевиту, | <...> Месеца греје цару на вечеру; | Она куне јаснога месеца: «О месеце, царев неверниче! <...>* (№ 238. С. 158) или «Љуба Змаја Огњенога»

мифологических женских песен известны (чаще всего в виде осколков или трансформированных вариантов) и в других славянских традициях, прежде всего — южнославянских. Один из наиболее полных и известных образцов — болгарский текст «Слънчева женитба за хубава Грозданка», опубликованный еще в середине XIX в.⁴ В контексте трансформаций основного мифа особенно показательно приурочение женитьбы в этой песне к дню св. Георгия (*На личен ден, на Гергьовден, | Злати се люлки спуснали | На Грозданкини дворове* (...)), т. е. того христианизированного персонажа, который в разных традициях продолжал образ Громовержца в более архаичных вариантах сюжетной схемы основного мифа.

Учитывая рассмотренные ранее балтийские мифологические тексты о небесной свадьбе, где, в частности, Громовержец (лит. *Perkūnas*, лтш. *Pērķōns*), разгневавшись на Месяц из-за его измены, разрубает его мечом⁵, можно предположить, что и в славянском мифе сходная тема была мотивировкой дальнейшего поединка Громовержца с его противником. Но еще важнее в связи с темой этой статьи то обстоятельство, что через этот мотив еще яснее становится круг женских персонажей, которые должны рассматриваться как результат трансформации образа жены Громовержца в основном мифе. Наряду с обозначенным здесь образом девицы, связанной в мотиве свадьбы с Солнцем и/или Месяцем, можно назвать и другой тип замены, в некоторых отношениях более верно передающий отдельные черты жены Громовержца. Уже писалось о сказочном образе *царицы Маланьицы*, жены *царя Огня*, в сюжете, где участвует и *царь Змиулан*, трансформация образа противника Громовержца (Афанасьев I, № 164). Имя *Маланьица*, персонификация молнии, отсылает к основному атрибуту Громовержца (ср. имя самого царя [*< Громовержца*] — *Огонь*); показательно, что имя *Маланья* довольно часто встречается в восточнославянских текстах, так или иначе связанных с мифом и ритуалом; в нем во многих случаях с достаточным основанием можно видеть дальнейшие результаты десакрализации (профанизации) архаичного образа и

(№ 239. С. 159), которые и сами по себе образуют сюжетное целое, связанное, как показано авторами в другом месте, с основным мифом.

⁴ См.: Г. С. Раковски. Показалец или Ръководство как да се издираят най-стари чърти нашего бития. Ч. първа. Одеса, 1859. С. 127—128.

⁵ Ср. укр. *перекрій* как обозначение месяца (и р а з р е з а), на что было обращено внимание в связи с соответствующим мифологическим мотивом еще А. А. Потебней. Ср. в литовской песне жалобу Месяца: *Aš kardu perdalytas, | Smūtnas mano veidelis* (Rēza I. № 81. P. 292—293) или изложение этого же мотива: *Perkūns, didžiai supukęs, | Ji* (т. е. Месяца) *kardu perdalijo* (...) (Rēza I. № 27. P. 92—93) и т. п., т. е. в обоих случаях говорится о рассечении Месяца мечом в одном из центральных мотивов сюжета небесной свадьбы.

связанных с ним мотивов (ср. *Маланьина свадьба* в связи со свадьбой Громовержца). Еще один тип трансформации образа того же женского персонажа из основного мифа представлен существами более низких уровней славянской мифологической системы, которые нередко принадлежат к групповым персонажам почти демонологического характера (ср. *мары*, *русалки*, укр. *Нічки* и т. п.); утратив большую часть атрибутов, связывавших их с более высокими уровнями системы, они тем не менее иногда сохраняют следы связи с формой более старого имени исходного божественного женского персонажа или с диагностически важными мотивами основного мифа (ср. связь с водой, в частности, через вхождение в обряды вызывания дождя)⁶. Эти позднейшие трансформации сами по себе и обычно вне связи с основным мифом описаны достаточно подробно, тогда как божественный женский персонаж остается в контексте этого мифа еще почти не исследованным. Его изучение представляет интерес как для славянской мифологии и ее индоевропейских истоков, так и для исследования роли женского начала в славянской культурно-социальной традиции, чему посвящены многие работы Э. Гаспарини⁷.

Но, видимо, есть все основания говорить о более точных соответствиях образу жены Громовержца уже в пределах уровня божеств (об этом упоминалось в ряде прежних статей). Речь идет о *Мокоши*, которая в восточнославянской традиции засвидетельствована как единственный женский персонаж Владимирова пантеона, появляющийся в древних списках богов и их изображений на последнем месте — после всех мужских богов пантеона. Ср.: *И нача княжити Володимерь въ Киевѣ единъ · и постави кумиры на холму · внѣ двора теремнаго · Перуна древана · а главу его сребрену · а оусъ златъ · и Хърса Дажьба · и Стриба · и Симарьгла · и Мокошь [и] жраху имъ наричюще б[о]гъ [и] привожаху сны своя и дщери · и жраху бѣсомъ · [и] осквернаху землю теребами своими · оскверниса кровьюи земля Руска*. Лавр. летоп., за 980 г., л. 25 (с. 79). Сходное противопоставление *Мокоши* всем мужским богам наблюдается и в тех (обычно более поздних) текстах, где ее имя стоит в начале списка: *⟨...⟩ иже молятся огневи под овинѣмъ, виламъ, Мокоши, Симоу, Рьглоу, Пероуноу, Волосу скотью богу, Хърсоу, родоу, рожаницямъ и всѣмъ проклятымъ богамъ ихъ ⟨...⟩* («Слово некоего Христолюбца», окончат. ред.⁸). Перечисление *Мокоши* в списке официальных богов

⁶ Ср.: E. Gasparini. I riti popolari Slavi. Venezia, 1951—1952, особенно третью главу — «La scacciata dei morti e la morena», а также: Э. В. Померанцева. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С. 49 и сл.; и др.

⁷ Ср. особенно недавнее его исследование: E. Gasparini. Il matriarcato slavo. Antropologia culturale dei Protoslavi. Firenze, 1973.

⁸ См.: Е. В. Анчиков. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 377. — О дистрибуции имени *Мокоши* в списках (в частности, о ее отмеченном соотношении с именем

(даже если сам список отражает не только [или не столько] истинную картину, но и отчасти нарочитое, искусственное конструирование) и ее преимущественное соотнесение с Перуном (Перун & другие мужские боги & Мокошь в первом примере и Мокошь & Перун & другие мужские боги во втором примере; раздвоенное *Симоу, Рьглоу* вставлено после Мокоши явно по ошибке, ср. обычное распределение этого бога в списках) уже образуют тот важный исходный пункт дальнейшей реконструкции, который сохранился исключительно в древнерусских памятниках. Это исключение в известном отношении не может быть признано случайным, так как, во-первых, и позже непосредственные данные о Мокоши как женском мифологическом персонаже сохраняются только у восточных славян и, во-вторых, среди всех богов древнерусских списков именно Мокошь, пожалуй, наиболее прочно сохранила свои позиции в более позднее время (с ней может соперничать, по данным недавних исследований, только Волос).

Даже после принятия христианства и первых попыток искоренения язычества, описанных, кстати, позже в «Проложном житии князя Владимира» (ср.: *пришедь въ Киевъ изби вся идолы и Перуна, Хурса, Дажьбога и Мокошь* (...)), Мокоши продолжали молиться женщины не только бедного, но и богатого сословия, причем существовали особые служительницы этого культа, жрицы-идоломольцы, о чем сообщается, между прочим, в одной русской рукописи XIV в.; ср.: (...) *и Мокошь и да ище ся не явѣ молятъ, да отаи призываюче идоло-мольцѣ бабы, то же творят не токмо худіи людіе, нѣ и богатыхъ мужии жены* (О требокладении идольском. Пергам. рук. XIV в. Моск. синод. б-ки, № 954, л. 33 об.⁹). Собственно говоря, о популярности Мокоши среди женщин в течение многих веков после принятия христианства можно судить и по целому ряду других свидетельств, среди которых особое место занимают обличительные Слова против сохраняющихся языческих верований. Контексты, в которых упоминается Мокошь, более или менее однообразны, хотя существуют и некоторые нюансы, позволяющие включить представления о Мокоши в более широкую картину. Составитель окончательной редакции Слова некоего Христолюбца, обличая «хрьстьянь двовѣрно живущихъ», которые в своих заблуждениях «на хоужьше соуть живодъ и еретикъ и болгаръ, иже в вѣрѣ и въ хрыщеніи соуще, а тако творять», помещает в текст вставку, представляющую собой целую картину продолжающего свое существование язычества: *И вѣроуютъ въ Пероуна, и въ Хърса*

Перуна) см.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 25.

⁹ См. также: С. Смирнов. Бабы богомерзкие // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 224 и др.

и въ Сима, и въ Рьгла, и въ *Мокошь*, и въ вилы, ихже числомъ тридесате сестрениць, — глаголють — оканьнии — невѣгласи, и мнять богинями, и тако кладоуть имъ требы и — короваи имъ молятъ — коуры рѣжють; и огневи молятъ же ся, зовуще его сварожичьмъ; и чесновитокъ, богомъ же творять, егда же боудеть оу кого пиръ, тогда кладоуть въ вѣдра и въ чашѣ и пьютъ, веселящеса о идолѣхъ своихъ. — И егда же оу кого ихъ боудеть бракъ, творять съ боубьны и съ сопѣльми, и со многыми чудесы бѣсовськыми; и ино же сего горѣ есть: устроившие срамоту моужьскоую и въ вѣдра и въ чашѣ, пьютъ и, вынемьше, осморкывають и облизывают и цѣлоуютъ (...) (374—375); ср. уже цитировавшуюся вставку (377). Во второй редакции этого же Слова после описания языческих заблуждений, которым подвержены «елени оканьнии» (*И Семелино требокладенъе грому і моланьямъ* и далее — фаллических обрядах), находится вставка, вводящая и *Мокошь* у славян в контекст тех же эротических излишеств: *И Мокашь чтуть і маланию велми почитают, рекуще Буякини!* (382), ср. в окончательной редакции Слова некоего Христолюбца: *І Мокошь чтут и Кылоу і Малакию иже есть роучьный блоудъ велми почитают, рекуще Буякини!* (385). В этой же редакции отмечено еще несколько вставок с именем *Мокоши*. Ср. (после упоминания эллинов, «иже бѣсятся жруще Матери бѣсовствѣи *Афродитѣ богинѣ*, и *Корунѣ* ~ *Коруна* же будеть *Антихрисця мати* ~ и *Артемидѣ проклятѣи Деомисѣ, стегнороженію*» и «еленьския любви»): *Тѣмъ же богомъ требоу кладоуть и творять и словеньскыи языкъ: виламъ и Мокошьи, Дивѣ, Пероуноу, Хърсу, роду и рожаницам, упиремъ и берегинямъ и Переплуту и верьтящеса пьютъ емоу въ розѣхъ. И огневи сварожцию молятся и навѣмъ мѣвь творять и въ тестѣ мосты дѣлають и колодязѣ и ина многая же (...).* (384—385); — *Такоже и до словѣнъ доиде се слово. І ти начаша требы класти роду и рожаницам преже Пероуна, бога ихъ [А преже того клали требы оупирем і берегиням]. По святѣмъ же крещеньи Пероуна отринута, а по Христа был нашего яшася. Но і ноне по оукраинамъ молятся ему проклятому богу Пероуноу [и Хърсоу и Мокоши и виламъ] то творят отаі; сего же не могут ся лишиити начение въ поганьствѣ, даже и до селѣ проклятого ставленія вторья трапезы, нареченные роду и рожаницамъ (...)* (385—386). Показателен фрагмент из Устава преп. Саввы (рукоп. XVI в. Публ. б-ка, № 100). В одном из так называемых «исповедных вопросов» священнику предписывается спросить у исповедуемой женщины: *ли сплутила еси з бабоми богомерьскыя блуды, ли молилася еси виламъ, ли роду і роженицамъ и Перуноу, и Хорьсу, и Мокоши, тила и ела* (наказание — *3 лѣта постѣ съ поклон/ы!*). Та же практика отражена и в Худых сельских номоканунцах XVI в. — в вопросе, обращенном священником к женщине на исповеди: *Не ходила ли еси к Мо-*

кошь?¹⁰ Ср. также в Притчах и заповедях господних указание таких «душевных грехов», как веры «в устряю и в Мокошь и в сносудць»¹¹. Более стандартно сообщение Слова Иоанна Златоустого: *а друзии [поклонялись] Перуну, Хурсу, виламь и Мокоши*¹². Имя Мокоши отмечено и в ряде других текстов — всегда вторичных в отношении соответствующих сведений и обычно передающих само имя с искажением. Ср.: *Мамаи же царь <...> нача призывать боги своя: Перуна <...> Мокоша, Ракля* (Сказание о Мамаевом побоище. Летописная редакция, по списку ГИМ. Синодальное собрание, № 485)¹³ или: *но имеяху еще и болей богов, си ест Хорса, Дажбога, Стрибога, Семаргла, Мокоша <...>; вопервых постави Перуна <...> на том месте, идеже ныне церков святого Василия, потом Хорса, Дажбога, Стрибога, Семаргла, Мокоша <...>* (Густынский. лет. ПСРЛ2. 1843. С. 250, 256—258) и т. п. Тема искажения имени Мокоши (вплоть до мены грамматического рода) и ее функций и характеристик заслуживает особого внимания. Не останавливаясь на ней здесь, в связи с основной темой этой статьи, все-таки целесообразно привести ряд поздних примеров, упоминающих Мокошь. Ср.: *Разве тех бесовских Кумир, еще и иныи идолы мнози бяху по имени, Усляд или Осляд, Корша или Хоре, Дашуба или Дажб, Стриба или Стрибов, Симаергля или Семаргл, и Макош, или Мокошо, имъте бесом помраченныи людие, аки Богу жертвы, и хваления воздаваху* (Гизель. Сиопсис. 1680. С. 29); *<...> а мѣли еще их много, которым имена суть тьи: Хорс, Дажбог, Мокоша, Стрибог, Семаргл* (Украинское житие Владимира. Простр. ред. XVII в., XII); *<...> которым имена суть тьи: Хоре, Дажб, Мокоша, Стрибог, Семаргл* (Там же, XIII); *Прииол до Киова и побил у си боги свое, Перуна, Хорса, знову бог его был Мокош, и потом вся боги побил и у Днепру потопил <...>*. (Украинское Проложное житие Владимира, по списку XVII в. Румянц. Музей, № 325); 1) *Перун <...>* 2) *Стрибо*, 3) *Мокош*, 4) *Хорс <...>* (Татищев. История. Т. 7. Изд. 1968, 97 — в пересказе Стрыйковского); *Перуна <...> и Хорса бога, и Дажбу бога, Стриба бога, и Семаргла, и Мокош <...>* (Там же. Т. 4. 1964, 132); 1) *Перун <...>*; 2) *Стрибог*; 3) *Моко-с-скотов*; 4) *Хорс <...>* (Там же. Т. 2. 1963, 307)¹⁴; *<...> поставил <...> кумир Перуна <...> да и других богов:*

¹⁰ См.: А. Н. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Т. III. СПб., 1894. С. 320.

¹¹ См.: Летописи русской литературы. VI. С. 100 (Н. С. Тихонравов).

¹² Там же. С. 107.

¹³ См.: Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959. С. 103. В других списках упоминание Мокоши отсутствует вообще.

¹⁴ Ср. *Моко-с, бог скотов* (Там же. Т. 1. 1962. С. 101).

Хорса, Дажбу, Стриба, Семаргла и Мокоша (...) (Там же, 56); *Перун, Стрибо, Мокос, Хоре* (...) (Татищев. Лексикон. Т. 1. 1973. С. 166); *Piorun zasię Strybę, Chorsa, Mokossa, Ruś własnie chwaliła* (...) (Kromer. O sprawach. 1611. P. 43); *Drugie bałwany byli mianowane: Uslad, Korssa, Dassuba, Stribla, Symaergla, Makosz, etc., ktorych Russacy kumerami jednostajnie nazywali* (...). (Strykowski. Kronika polska. 1582. P. 132); (...) *I kazal zarazem lamać, thuć, y z gruntu wywracać Bałwany Charsa, Stryba, Mokosa* (...) (Там же. P. 140); *Chwalili nad to y Ruskie Bogi, to iest Pioruna, Striba, Mokossa, Chorsuma* (Там же. P. 147); (...) *ихже имяна Перун* (...), *Услад, Корса, Дазва, Стриба, Зимцерла, Макош* (...) (Орбини. Книга историография. 1722. С. 74)¹⁵.

Как правило, большая часть этих вторичных, третичных и т. д. свидетельств отражает естественный процесс утраты и деформации старых характеристик *Мокоши* или процесс компиляции, сопровождаемый выдвиганием характерных для поздней «кабинетной» мифологии «новых» интерпретаций, которые основывались на легких сдвигах, контаминациях, аналогиях с античными пантеонами, общих представлениях о структуре божественных функций. Во всяком случае, этот по сути дела первый этап в реконструкции мифологических представлений славян характеризовался бесспорной умышленностью. Иногда она помогала угадывать весьма вероятные черты реконструируемых объектов, но чаще приводила к еще большей путанице. Именно поэтому наука о славянской мифологии с середины XIX в. редко обращалась к этим поздним источникам и, как правило, относилась к ним весьма критически.

Другое дело — живые следы культа *Мокоши*, сохранившиеся в сельской среде на Севере и Северо-Западе России по меньшей мере до начала XX в. и фиксирующие целый ряд особенностей этого персонажа, которые неизвестны старым текстам. Эти сведения, количество которых постепенно увеличивается, относятся к трем важным сферам — к внешности *Мокоши*, ее функциям и связанным с нею обрядам. Почти ничего из этой области не было известно о *Мокоши* ранее. Между тем именно эти факты, в той или иной степени удерживаемые живой традицией, образуют ту необходимую основу реконструкции, без которой она оказалась бы и неглубокой и, главное, малодостоверной. В Череповецком у. отмечено представление о нечистом духе по имени *Мокошá*, живущем в избе, но не принадлежащем к категории домовых (не «домовиха»!). Это существо представляли в образе женщины с большой головой и длинными руками; *Мокоша* любит пряхть по ночам кужли, если над

¹⁵ Соответствующие фрагменты приведены в книге: *M. T. Znayenko. The Gods of the Ancient Slav. Tatishchev and the Beginnings of Slavic mythology. Columbus, 1980 (appendix).*

ними не произнесена женщинами молитва, откуда и присказка: «*Не оставляй кужля, а то Мокоша опрядет*»¹⁶. В Олонецкой губ. в ряде мест существовало поверье, согласно которому «Мокуша великим постом обходит дома и беспокоит прядущих женщин. Если пряжи дремлют, а веретено вертится, то говорят, что за них пряла Мокуша»¹⁷. При стрижке овец там же принято класть в ножницы по клочку шерсти, понимаемому как жертва Мокуше. При линьке неостриженных овец говорили: *Ой, Мокуша стрижет овец*. По сведениям того же Е. В. Барсова, относящимся к тем же местам, *Мокушу* (или *Макушу*) боятся женщины: они распознают ее присутствие по урчанью веретена и стершейся шерсти овец¹⁸. Боязнь Мокоши связана, очевидно, с рядом запретов в той сфере, где она действует. О них можно судить косвенно и по приведенным выше речениям, и по аналогичным запретам, связанным с Пятницей (см. ниже), и, конечно, по данным типологических параллелей.

Сопоставляя общую схему основного мифа с приведенными данными, можно прийти к выводу, что старый украинский эпический текст, упоминающий Мокошу, содержит, вероятно, косвенный след в а ж н о г о мотива основного мифа. Речь идет о записанном в середине XIX в. в с. Красиловка Козелецкого у. от восьмидесятилетней старухи текста о языческом боге Посвистаче, связанном с погодой и вызыванием бури, ветра и служившем (как Перун, по свидетельству договоров русских с греками) предметом поклонения княжеской дружины. Это сочетание качеств естественно для богов с функцией Громовержца и обнаруживается из славянских богов только у Перуна, а из балтийских — у Перкунаса-Перконса или его специфицированного двойника литовского *Bangputỹs*, прусского *Bangputtis*, т. е. «Волнодува» (ср. еще литовское божество Вейопатис, букв. 'Господин ветра')¹⁹. Тем интереснее, что в упоминаемом украинском тексте Посвистач (ср. *свистеть*, о ветре) непосредственно связан с Мокошью, осмысляемой здесь негативно:

*Не ест се бог наш П о с в и с т а ч Бог настоящий,
Що вин сѣси бури не в т и ш и в,*

¹⁶ См.: М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора // Сб. ОРЯС. 1910. Т. 87. № 3. С. 56. Ср. также пожню *Мокóшево* в том же Череповецком у. См. также: СРНГ 18. 1982. С. 207.

¹⁷ См.: Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 1. М., 1887. С. 360.

¹⁸ Ср. также: В. П. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896. С. 258; его же статью в кн.: А. Н. Пономарев. Указ. соч. С. 320.

¹⁹ Разумеется, очень важно, что с ветром и соответствующими божествами обычно связаны и эротические значения (ср. образцы Вих[о]ря или Ветров, к которым обращаются в любовных разговорах).

*Да наши корабли в такій силі потопив*²⁰.
Деся наш бог Посвистач спав,
Чи в Мокоши гуляв <...>
Есть-то Бог настоящий —
*Бог християнський*²¹.

Против предположения о подложном характере этого текста помимо ряда других соображений говорит и параллелизм мотива настоящего-ненастоящего бога в связи с Мокошью и глаголами одного корня — *у-тиши-ить* — *по-теши-ить* в русской поговорке *Бог не Макешь, чем-нибудь да потешит* (*Даль. Посл. I. Изд. 3? 3; Даль. Слов. s. v.*), в связи с чем восстанавливается сочетание *Мокоши-Мокеша* с глаголом типа *тешить-тишить* (в положительном осмыслении для языческой среды)²². Более того, существуют старые «вторичные» тексты, которые в известной мере отражают ту же ситуацию, что и приведенный выше фрагмент о Посвистаче, и дают еще одно основание для реконструкции. Несомненно, *Посвистач* украинского текста связан с божеством *Похвист*, *Позвизд* и т. п. в поздних списках («кабинетных») богов. В Густынской летописи в статье «О идолах Руских» встречается любопытный отрывок: *Третий Позвизд, Ляхи его нарицаху Похвист; сего верили быти бога аеру, си ест воздуху, а иныи погоды и непогоды, иныи его вихром нарицаху, и сему Позвизду, или вихру, яко Богу, кланяющесе моляхуся. Четвертый Ладо <...> сего верили быти богом женитвы, веселия, утешения*²³ *и всякого благополучия, якоже Еллины Бахуса; сему жертвы приношаху хотяци женитися, дабы его помощью брак добрый и любовный был. Сего Ладона, беса, по некаких странах, и доньне на крестинах и на брацех величают, поюще своя некия песни, и руками о руки или о стол плещуще. Ладо, Ладо, преплетающе песни своя,*

²⁰ С этим мотивом уместно сравнить особого бога кораблей у пруссов и того же Бангпутиса, определяемого в некоторых старых источниках как бог моря и бури.

²¹ См.: П. А. Кулиш. Записки о Южной Руси. Т. 1. СПб., 1856. С. 171. — Правда, Н. И. Костомаров выдвигает некоторые сомнения в подлинности этого текста, которые в свете новых сопоставлений отпадают, по крайней мере в том, что касается самого мотива связи Посвистача и Мокоши и соответствующей фразеологии. См.: Н. И. Костомаров. Историческое значение южнорусского народного песенного творчества // Собр. соч. Кн. 8. Т. 21. СПб., 1905. С. 684.

²² Стоит отметить, что П. А. Кулиш (Указ. соч. С. 117) считал Мокошь богиней тишины.

²³ К *утешения* ср.: *Макешь <...> потешит и Посвистач <...> не втишив.* — Л. Нидерле трактовал Мокошь как покровительницу брака, подобную Астарте или Афродите (*Život starých Slovanů. Díl. II. Sv. 1. Praha, 1916. S. 122*), против чего выступил А. Брюкнер.

*многожды поминают*²⁴. — Характерно, что в этом месте Мокошь отсутствует: она, как и другие старые боги (Хорс, Дажбог, Стрибог²⁵, Семаргл), упоминается позже и совершенно особо в числе «неактуальных» богов, унаследованных из древности и, видимо, уже не связываемых с четко осознаваемыми функциями (ср. способ введения этого второго списка à propos: *но имеяху еще и болей богов*). Самым важным в приведенном отрывке нужно считать соседство бога в и х р я Позвизда (: *Посвистач*) с богом-бесом ж е н и т ь б ы, брака. То, что в качестве последнего выступает мужской персонаж по имени Ладо, менее существенно, особенно при отсутствии в этом списке Мокоши (кстати, и сам Ладо обнаруживает в этом месте свою непервичность; его функции в известной степени выводятся «этимологически»: *Ладо* — *лад*, *ладить*). В «Синописе» в значительной степени повторяется описанная ситуация (О идолах. С. 26): *Третий Позвизд, инии же прозваша его Похвист, неции нарицаху в ихром <...> Четвертый Идол Ладо <...> Жертвы ему приношаху, готовящиеся к Браку, помощью Лада мяше себе добро веселие и любезное житие стяжати*. Ср. также: *Третий Позвизд, ляхи его звали Похвист, а нѣкотори и Вихром его називали <...> Четвертый Ладо <...> Тому офѣры приносили, котори женилися мѣли <...>* (Украинское житие Владимира. Простр. ред. XII). В списках, где нет Посвиста, наблюдается удивительное соответствие предложенной выше реконструкции: бог ветра Стрибог оказывается в непосредственном соседстве с Мокошью, вслед за которой вскоре появляется и богиня брака и любви. Ср.: <...> 2) *Стрибо*, 3) *Мокоос*, *скотов* <...>, 5) *Дидо*, *богиня брака и любви*, б) *ея сын Ладо*, или *Лело*, *равный Купиде* <...>²⁶. (*Татищев*. История.

²⁴ Ср.: *М. Т. Знаменко*. Op. cit. P. 181, а также 12, 17—18, 20—21, 27, 34, 41, 106, 171, 178, 184, 187, 189.

²⁵ Его связь с ветром восстанавливается по цитате из Слова о полку Игореве о ветрах как «Стрибожьих внуках».

²⁶ Из этого отрывка видно, что соседство функций (хотя бы в реконструкции) важнее соседства имен. Функция любви и брака (то Дидо, то Ладо, то Купала) может соединяться с богами разных именованных, и некогда, очевидно, она могла быть закреплена и за Мокошью. Ср.: «Как персонификация полового акта Мокошь должна была быть особенно популярна у сводниц, и кто знает, не одну ли из них имел в виду исповедник, спрашивая духовную дочь: Не ходила ли ты к Мокуше? То, что Мокошь имела отношение к половой жизни, вытекает из ее соседства с малакией или рукоблудием» (*Г. А. Ильинский*. Из истории древнеславянских верований // Изв. Об-ва археологии, истории, этнографии при Казанском ун-те. Т. 34. Вып. 3—4. С. 8). — В. Ягич ошибочно считал (*AfslPh*. 1881. Bd. 5. S. 7), что *мокошь* представляет собой амплификацию или перевод греч. *μалаκία*. Тем не менее характерно, что значения 'изнеженность', 'расслабленность', 'мягкость' (*μалаκία*) соседят в тексте с именем Мокоши, с которой связан глагол *тешитъ* (: *тихий*).

Т. 4. С. 409), ср. также вариант: История. Т. 1. С. 101 (Стрибо-Мокос-⟨...⟩Дидо, «богиня любви и брака, подобна Венере») ²⁷. Наконец, и в пьесе Феофана Прокоповича «Владимир» те же языческие боги оказываются в непосредственном соседстве. Сокрушенный решением Владимира уничтожить кумиры, жрец Пеяр взывает: ⟨...⟩ *О благие бози! | Болею за вас зело. Чи не скоро се, друже? | Ла до не может уже плясати, емуже | Сие дело от богов всех есть порученно. | Но токмо лакте движет всуе, недейственно. | Мош ко же отнюд кадил не возмозжет чути, | А Подвизд (о скорб моя! о жал мой вселютий!) | Пребиту голень имать и храмлет, стеная! ⟨...⟩* (Мошко — Мокошь).

Наконец, существуют и характерные языковые свидетельства связи Мокоши со сферой пола. В говорах Подмосковья известно слово *мокосья*, обозначающее женщину легкого поведения (ср.: *Таких у нас нимногъ былъ и звали их или мокосьями или пътаскухъми*) ²⁸. Разумеется, необходимо считаться с «ухудшением» значения слова, связанным с переменой статуса Мокоши: имя собственное богини, жены Громовержца в реконструкции превращается в имя нарицательное, обозначающее женщину недостойного поведения. Тем не менее само это «ухудшение» имело своим отправным локусом представление о носительнице идеи пола в положительном или нейтральном смысле, о неких специфических женских функциях, наконец, о нарушении и некоего status quo, идеального поведения в половой сфере. Стоит заметить, что в работах по реконструкции основного мифа как один из главных (ключевых) мотивов, объясняющих движение сюжета в мифе, выявляется мотив *измены* жены Громовержца своему божественному супругу (разумеется, известны и иные, обычно менее выразительные, мотивировки действия) с его противником. Результатом разрешения конфликта в божественной семье как раз и является в очень большом числе версий основного мифа *наказание* Громовержцем жены-изменницы, лишение ее божественного и супружеского статуса, ссылка ее с неба на землю, в преисподнюю, в хтонические воды (как и убийство противника Громовержца, с которым оказалась в преступной связи его жена). В этом контексте эволюция по схеме «имя богини» → «обозначение отрицательного женского персонажа» не только не уникальна, но типологически весьма распространена.

Впрочем, конечный результат развития может быть и иным, хотя общий оттенок некоторой отрицательности непременно присутствует в значении

²⁷ Ср.: *Pochuist, Pochuiscel* (Kromer. De origine ⟨...⟩. 1558. P. 45; O sprawach ⟨...⟩. 1611. P. 42), *Pochwist, Poshwiściel* (Bielski. Kronika polska. 1597. S. 52); *Strykowski. Kronika*. 1582. S. 147), *Похвист (Орбини*. Книга историография. 1722. С. 45).

²⁸ См.: *А. Ф. Иванова*. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969. С. 267; СРНГ 18. 1982. С. 207.

слова. Ср., напр., в говорах на территории бывшей Новгородской земли *мокош*, *мокуш* как обозначение нечистой силы или *мокоша* 'хлопотливый человек', отмеченное в ярославских говорах²⁹. Промежуточное положение отражено в персонаже словенской сказки — колдунье по имени *Мокошка*³⁰, которая, естественно, напоминает тех русских колдуний — «богомерзких баб», что были, видимо, связаны с Мокошью (см. выше). То же, но с подчеркиванием большей мифологичности, можно сказать о Мокуше (см. выше) и нередко предельно близкой к ней кикиморе-шишиморе, персонаже русской демонологии, само имя которого содержит то же консонантное ядро (*м-к-ш*), что и *Мокуша-Мокошь* (ср. также *Мокруша*, *Макрешь* и под.). Связь с пряжей, сырым местом («подызбцами»), темнотой, принадлежность к женскому (обычно — злему) началу, некоторые внешние черты объединяют кикимору с Мокушей. То же можно сказать, видимо, о некоторых поверьях, относящихся к кикиморе, и об отдельных речениях (ср., напр.: *спи, девушка: кикимора за тебя спрядет*)³¹ — они вполне могли связываться и с образами Мокуши и ее предшественницы Мокоши. Интересно, что, как и бывшая жена Громовержца, наказанная огнем и сама соотнесенная с сыростью (водой), кикимора обитает в сыром месте и боится огня. В заговоре на выживание кикиморы ей грозят: *Ах, ты гой еси, кикимора домовая, выходи из горюнина дома скорее, а не то задерут тебя калеными прутьями, сожгут огнем полымем* (Майков, № 369).

Еще одним источником сведений о Мокоши нужно считать топонимические данные. Основное их значение состоит, правда, не в раскрытии каких-то деталей образа Мокоши или связанных с нею мотивов, а в бесспорном удостоверении праславянского (и общеславянского) статуса Мокоши как мифологического женского персонажа — **Мокошь*. Этот вывод позволяет существенно расширить пространственно-временные рамки, в пределах которых можно ожидать новых сведений о Мокоши. Разумеется, не все топонимиче-

²⁹ Ср.: В. П. Строгова. О слове *мокош* (*мокуш*) в древнерусском языке и новгородских говорах // Программа и тезисы докладов к 7-й Научно-методической конференции северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. Л., 1965. С. 103; П. И. Якушкин. Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1896. s. v. СРНГ не включает указанных слов (?). — Заслуживает внимания то, что вятск. *шишимора* обозначает работающего человека.

³⁰ См.: J. Mal. Slovenske mitološke starine // GMDS XXI. 1940, no и: F. Bezljaj. Nekaj besedi o slovenski mitologiji v zadnjih desetih letih // Slovenski etnograf. Letn. III—IV. Ljubljana, 1951; и др.

³¹ Ср.: С. В. Максимов. Нечистая сила, неведомая сила // Собр. соч. Т. 18. СПб. С. 66.

ские данные достаточно надежны. Уже Г. А. Ильинский (Указ. соч. С. 6) указал типовые случаи ошибок в установлении связи топонимов с именем Мокоши. По его мнению, *Макуши*, *Макушенки*, *Макушево*, *Макушино*, *Мокуши*, *Мокишино*, *Мокишица* (Псковск. губ.), *Макушино* (Костромск.), *Макушино* (Яросл. губ.), *Макишица* (Тверск. губ.), *Мокишино* (Моск. губ.), *Макушиха*, *Макушино* (Нижегородск. губ.), *Макушевская* (Арханг. губ.), *Мокшейково*, *Макшино*, *Макшея* (Новгородские писцовые книги), вопреки мнению А. Л. Погодина (ЖСт XX. С. 426), «не имеют ничего общего с именем богини, но образованы от *ток-*, *так-* ‘мочить’, либо от *макушка*, либо от *мак*, либо от *Мокей*» (ср. черепов. *Макшаниха* : *Максим*). В целом с подобным критицизмом следует согласиться, хотя каждый из приведенных топонимов нуждается в особом объяснении (в частности, *Макуши* вполне может быть связан с *Мокуша*, *мокуш*). Важнее наличие местных названий, которые едва ли могут быть отделены от имени Мокоши (речь идет не только о «теофорных» топонимах, но и об использовании общего лексического элемента и общей словообразовательной характеристики как в имени Мокоши, так и в топониме), ср.: *Мокóшево*, пожня (черепов.), починок *Мокушиха* (Новгородские писцовые книги. Т. 6, под 1545 г.), являющийся в записи 1551 г. как *Мокошина*, название деревни³², и др. вплоть до возможных случаев упрощения, сопровождавшихся переменой (или сдвигом) семантической мотивировки, ср. блр. *Мóкшава балóта*, урочище (< **Мóкошево*?), *Мóкiш* (при *Мóкрец*, *Мóкрица*) и т. п.³³ В известной степени можно подкрепить трактовку подобных имен наличием собственных типа *Мокоша* и *Макоша Хлопун* (имя принадлежало пушкарю и отмечено в Псковской писцовой книге под 1585 г.)³⁴. Уже сам факт распространения «мокошеобразных» имен преимущественно (точнее — в огромном большинстве случаев) на Севере России, а в пределах всего Севера — на Северо-Западе, т. е. там, где культ Мокоши держался наиболее полно, стойко и долго, а следы его практически сохраняются и в XX в., дает веские основания думать, что в основе многих современных топонимов типа *Макуш-*, *Мокиш-* и под. лежал тот же элемент, что и в имени Мокоши. Такое понимание представляется более правдоподобным и трезвым, чем нигилистический или даже скептический взгляд на возможность связи этих названий с именем Мокоши. Общеславянское распространение лексемы *токош-* в топонимии, с одной стороны, и бесспорные случаи отражения в русской топонимии,

³² Ср.: В. П. Строгова. Указ. соч. С. 103.

³³ См.: Мікратапанімія Беларусі. Матэрыялы. Мінск, 1974. С. 158; В. А. Жучкевич. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974. С. 239 и др.

³⁴ А. И. Соболевский, видимо, справедливо усматривал здесь отголосок имени Мокоши (Slavia. 7. 1928. 176), иначе — Г. А. Ильинский (Указ. соч. С. 7).

мике других теофорных имен (*Волос, Перун* и т. п.), с другой стороны, делают невероятной ситуацию, при которой следы лексемы *mokoš-* отсутствовали бы именно там, где наиболее полно сохранились следы культа *Мокоши*.

Не останавливаясь здесь на отражениях имени *Мокоши* в топонимической сфере у южных славян (ср. выше о словен. *Mokoška*, или с.-хорв. *Мокош*, личное имя, или, наконец, топоним *Mokošica* Rječn. JAZU VI, 906 и т. п.), — тема, о которой уже писалось особо, — уместно отметить достаточную густоту соответствующих примеров у всех западных славян. Ср. чеш. *Mokošín* (простореч. в *Mokošíně, do Mokošina, Mokošák*), название деревни, отраженное в текстах с XI в. (!): *Vratislaus rex monio Opatovic. donat villam Mocossin, villam inter Mocossin et Priluche* (1073); *zboží kl. Opatovského jménem Přielučí měčko a vsi (...). Jankovice, Mokošny* (!) (1454); в *Mokošíně* (1493); *ves Makušín, od Makušina*³⁵ и т. п.³⁶ (ср. *Mokošín Vrch*); польск. *Mokoszyn* (ср. *Mąkoszyn*), *Mokosznicza, Mokos*, (ср. *Mąkosy*), *Mokosko* и др.³⁷; с.-луж. *Mococize* (< **Mokošitji*), 1091; *Mockschiez*, 1484 (ср. *Mobschatz*)³⁸; полаб. *Muuks/Mukus* и под.³⁹ Но в связи с задачей настоящей статьи наиболее важным оказывается не количество отражений лексемы *Mokoš-*, а удивительный случай «топонимической» мифологии, отмеченный Т. Витковским, а именно соседство в округе Stralsund двух топографических объектов, от-

³⁵ Превращение типа *Mokošín* → *Makušín*, документально подтверждаемое в чешской топонимии, хорошо объясняло бы многочисленные русские топонимы типа *Макушино, Макошино*. — О связи чеш. *Mokošín* с именем *Мокошь-Мокошь* впервые см.: *J. Janko. O pravěki slovanském. Praha, 1912. S. 223* (Мокоши как покровительнице прядения посвящались высоко расположенные пастбища для овец; предлагается трактовать *Mokošín* как обозначение верха [*vrch, kopec*], посвященного Мокоши). Ср., однако: «*Mokošín. MJ vzniklo asi ze jm. osoby, nikoli ze jm. bohyně*», см.: *Místní jména v Čechách. Jejich vznik, původní význam a změny. Díl V. Dodatky k dílu Antonína Profouse napsali Jan Svoboda, Vladimír Šmilauer a další. Praha, 1960. S. 242.*

³⁶ *A. Profous. Místní jména v Čechách. díl III. Praha, 1951. S. 125.*

³⁷ Ср.: *Słownik Geograficzny. 1885. 6. S. 621; S. Kozierowski. Nazwy gnieźnieńskie. S. 166; Pawiński. Księgi łączycyckie и др.*

³⁸ См.: *T. Witkowski. Mythologisch motivierte altpolabische Ortsnamen // ZfSl. 1970. 15. S. 364 и сл.; S. Respond. Stratygrafia słowiańskich nazw miejscowych. T. 1. Wrocław; Warszawa, 1974. S. 29; E. Eichler. Slawistische Paläolinguistik und Frühgeschichte // Symposium International et pluridisciplinaire sur le paganisme slave. 21—23 Mai 1980. Bruxelles. — Формы типа *Mockschiez* или польск. *Mokszany* (луг), если только не из **Mokrzany* (нем. *Mocksche*, ок. Дрездена; *acker in der Mockisch*, 1544, объясняют из **mokr-* ср.: *W. Fleischer. Namen und Mundart im Raum von Dresden. II. Berlin, 1963. S. 158*), объясняют и многочисленные русские топонимы с элементами *Мокуш-*, которые, следовательно, не всегда должны связываться с этническим именем мордвы.*

³⁹ См.: *R. Trautmann. Die Elb- und Ostseelavischen Ortsnamen. 1. Berlin, 1948. S. 108; T. Witkowski. Op. cit. S. 369; E. Eichler. Op. cit.; и др.*

ражающих в конечном счете имена Перуна и Мокоши, т. е. Громовержца и его жены в реконструкции, — *Prohn* (< **Perunъ*) и *Muiks/Mukus* (< **Mokosъ*). Разыгрывание мифологических сюжетов применительно к структуре данного конкретного ландшафта, отдельные объекты которого носят теофорные имена, принадлежит к числу тех нередких воплощений мифопоэтических образов, о которых уже писалось, в частности, авторами этих строк.

Восстанавливаемая сюжетная пара **Perunъ* & **Mokosъ* имеет целый ряд продолжений в виде трансформированных образов, каждый из которых довольно надежно связывается с соответствующим элементом реконструированной божественной пары. Поскольку об этих трансформациях уже говорилось подробно в книге «Исследования в области славянских древностей», здесь можно ограничиться кратким напоминанием о таких трансформированных парах. В принципе речь идет о таких парах, которые реализуют как минимум две пары противопоставленных друг другу смыслов: мужской — женский и огонь — вода. Характерный пример — *Громовит Илија* и *Огњена Марија* из сербской народной песни мифологического характера, ср. менее достоверную русскую пару огненного Ильи и мокрой Марии (Макрины) (при этом содержательно важна линия бесспорной преемственности: Перун → Илья и, по меньшей мере, формально — сходство анлаута обоих имен: *Мокошь* — *Мария*, ср. сходную игру — *В день Мокия мокро, и все лето мокро*). Но обычно четкость противопоставлений в подобных парах утрачена или же эти противопоставления проявляются более сложным образом. В ряде славянских (как и некоторых других) традиций Илью и Марию почитают в смежные праздничные (воскресные) дни во второй половине июля: сначала — Илью, потом — Марию (этому соответствует распределение дней недели между Громовержцем и женским персонажем, соотношенным с ним, чаще всего его женой: четверг — день Громовержца, в частности, славянского Перуна, балтийского Перкунаса-Перконса, пятница — день жены Громовержца, ср. Пятницу, Венеру и т. п.). Противопоставление мужской — женской, естественно, сохраняется в той же форме, что в идеальном случае, но оба члена связаны с водой (мокротой), а иногда и с огнем (сухостью). Ср.: *Илья сухой* и *Илья мокрый* (им ставились отдельные храмы; ср. также *Сухого Николу* и *Мокрого Николу*; одна из функций Николы — спасение гибнущих в море, ср. мотив моря и кораблей в связи с Посви-стачем); *Мария*, *Марина*, *Макрина*, *Макрита*, *Маргарита*, *Морена-Марена* как *мокрые*, но и с.-хорв. *Огњена Марија*, болг. *Огњана Мария*⁴⁰ как *ог-*

⁴⁰ Характерны ее родственные отношения в болгарской хороводной песне со св. Ильей и св. Георгием: *Прошетнася Огњана Мария*, | (...) *На срешта ю брат светы Иляя*, | *А по него брат светы Гѣргие* (...) (Качановский. 1882. № 45. С. 117—118).

ненные (ср. обряды, связанные с сожжением или потоплением ритуальных персонажей типа Морены). Тем не менее существуют некоторые правила и запреты, регулирующие распределение признаков. Так, исключается ситуация, при которой мужской персонаж был бы соотнесен с водой, в то время как женский — с огнем и наоборот. Не случайно, что большая часть женских имен по своей форме обнаруживает притяжение к корню **mok-*, **mokr-* 'мокрый', 'сырой' (ср. святую Макрину, связываемую по украинским народным приметам с длительным дождем, т. е. с ритуальным аспектом основного мифа и его составным мотивом — вызыванием дождя; русское название подобного обряда мокрида еще непосредственнее соотнесено с темой мокрого). Особенно ярка эта связь у имени Мокоши. Поэтому нет никаких оснований сомневаться в этимологии этого имени, в частности, в его семантической мотивировке: *Mokošъ* — **moknŋti*, **močiti*, **mokrъ* и т. п.⁴¹ В этом контексте многое проясняет древнерусское название Водолея, знака зодиака между Козерогом и Рыбами, известное в нескольких вариантах — *Мокрошь*, *Мокрешъ*⁴² (т. е. **Mok-r-ošъ* : **mok-r-ъ*, **Mok-r-ešъ*) с тем же элементом -(o)š- и поддерживаемое балканскими топонимическими и гидронимическими данными типа *Макреш*, *Макрешане*, *Мáкрѣсти*, *Мажрѣста* и под.⁴³ К сравне-

⁴¹ Категорически должна быть отвергнута этимология имени *Мокошь*, объясняющая это слово из финских языков (Строев, Костомаров, Корш, Гальковский, Аничков и др.), ср. теперь модифицированный вариант (*Н. Ф. Мокиши*. О теониме *Мокошь*, гидрониме и этнониме *Мокиша* // Ономастика Поволжья. 4. Саранск, 1976. С. 325—333), опирающийся на элементарно безграмотную этимологию, предложенную в статье: *Н. Р. Гусева*. К вопросу о значении имен некоторых персонажей славянского язычества // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970. С. 334. То же следует сказать о попытке этимологического объяснения имени *Мокошь* в кн.: *Б. А. Рыбаков*. Язычество древних славян. М., 1981. С. 383—384 (*Макошь* как «Мать счастливого жребия») и в статье: *Н. И. Зубов*. О теониме Мокошь // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 149—160 (особенно 154—157).

⁴² Ср.: *А. С. Архангельский*. К истории южнославянской и древнерусской апокрифической литературы. СПб., 1899. С. 33—35. Среди сообщаемых Далем многочисленных речений и примет, в которых соединяется прилаг. *мокрый* с именами *Макрины*, *Мокия* (и, безусловно, *Мокоши* в прототипе этих текстов), есть такие, где Р. О. Якобсон по справедливости усматривал «парономастическую и мифопоэтическую связь между именем святого и сезонными сельскохозяйственными обязанностями и предсказаниями, по календарю сопряженными с днем святого» (см.: *R. Jakobson, L. R. Waugh*. The sound shape of language. Bloomington; London, 1979. P. 229; *B. Tedlock*. Sound texture and metaphors in Quiché Maya ritual language // Current anthropology. 1982. V. 23. № 3. P. 272. Там же ср. о древнецентральноамериканских типологических параллелях, подтверждающих архаичность этого явления).

⁴³ См.: *I. Duridanov*. Die Hydronymie des Vardarsystems als Geschichtsquelle. Köln; Wien, 1975. S. 132, 195, 201, 361; *Он же*. Принципы установления славянских топо-

нию со слав. *-oš-* или даже *-os-* (ср. *мокосья* и под.) уместно привлечь целый ряд балтийских слов того же корня и сходной словообразовательной структуры. Поскольку эта статья не ставит целью исследование этимологического аспекта проблемы, достаточно обозначить лишь некоторые ключевые позиции — ср. лит. *makāsyti* ‘слякотить’, ‘ходить по грязи (по мокрому)’; *makasūnė* ‘слякоть’, ‘грязь’, ‘мешанина’, ‘неразбериха’; *makāsyti* ‘ходить по грязи’, но и ‘бить’, ‘ударять’ (ср. LKŽ VII. 1966. S. 773—774) и т. п., предполагающие глагольное **mak-as-(aš)* при слав. **mok-oš-(os)*⁴⁴. Впрочем, и рус. *мокоша* вполне могло бы рассматриваться как отглагольное образование (**mok-oš-iti*, которое, в частном случае, можно было бы понимать как ‘суетиться’, ‘хлопотать’, чему отвечали бы и рус. диал. (яросл.) *мокоша* ‘хлопотливый человек’, и лит. *makāsyti* : *makasūnė* как обозначение чего-то смешанного, спутанного, бестолкового). В этом случае и *мокишить* (см. выше) можно было бы интерпретировать как дегенерированную форму от реконструируемого **mok-oš-iti* (: **Mok-ošb*).

На этом этапе внутренней реконструкции образа *Мокоши* и ее места в схеме основного мифа по сути дела проясняется уже такое количество деталей, что принадлежность *Мокоши* к распространенному и хорошо известному типу женских персонажей, являющихся результатом подтверждаемого особым сюжетом «ухудшения», не должна вызывать ни сомнений, ни удивления. Поэтому именно теперь можно более смело и с сознанием достаточной надежности обращаться к внешним по отношению к самой *Мокоши* данным, обогащая ими ее образ.

Одно из таких обогащений может быть получено при сопоставлении пары **Perunb* & **Mokošb* (ср. *Prohn* & *Muuks*) с другой ранее реконструированной парой, в которую также входит *Перун*, а именно: **Perunb* : **Perunb* (< **Per-ūn-i-*; ср. упоминаемое в Третьей Новгородской летописи место *Перынь*, где стоял идол Перуна, а также *на Перынь, на Перуни*). Имя *Perunb* (ср. ПР ГЫНИ, русск. **перегыни*), понимаемое как имя жены Громовержца (точнее — как женский вариант того же самого имени), находит самые точные соответствия в других архаичных языковых и мифологических индоевропейских традициях, ср., напр., лит. *Perkūnija* как персонифицированная гроза, др.-исл. *Fjörgyn*, имя матери Тора, др.-инд. *Parjanya-*, имя бога (при *parjanya-* ‘дождевая туча’), галльск. *ʼAρχύλια ὄρη*, галло-лат. *Hercynia silva*,

нимических ареалов на Балканском полуострове // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 41—42; ср. также: В. Н. Топоров. Из индоевропейской этимологии. II (1—3) // Этимология 1980. М., 1982. С. 145 и др.

⁴⁴ Остается не вполне ясным рус. диал. (новг., тверск.) *мокишить* ‘плача, выпрашивать что-либо’, ‘навязчиво добиваться чего-либо’, ‘канючить’ (СРНГ 18. С. 214), ср.: Н. Ф. Мокишин. Указ. соч. С. 329. См., однако, ниже.

герм.-лат. *Fergunna* = др.-в.-нем. *Virgunnia* и т. п. Поскольку *Перынь*, ПР ГЫНИ по типу образования совпадают с такими обозначениями горы, как гот. *fairguni* (ср. хет. *peruna*- 'скала', др.-инд. *parvata*- 'гора' и т. п.), и сама *Перынь* представляла собой возвышенное место, напрашивается сопоставление *Перыни*, горы, понимаемой в реконструкции как жена Громовержца Перуна, с такими сакрализованными объектами, как чеш. *Mokošín Vrch*, которое также следует толковать как возвышенность Мокоши и самое Мокошь. Иначе говоря, сопоставленность, соотнесенность горы Перуна (и, следовательно, самого Перуна) и горы Перуновой жены — *Перыни* или Мокоши можно рассматривать как свидетельство той стадии эволюции славянской мифологии, когда Мокошь находилась на том же уровне мифологической системы, что и Перун, и, вероятно, должна была пониматься как член его семьи — жена или мать (ср. *mons /petra/ genetrix*). Другой этап, так сказать, после развенчания Мокоши отражен парами топонимов типа *Перунова гора*⁴⁵, но *Мокошево болото* (низина, вода и т. п.). Примеры обоих этих типов хорошо известны и в балтийской традиции, ср. *Perkūno kalnas*, *Perkūnkalnis* и т. п. — *Laumės kalnas*, *Laumiakalnis* и т. п., но *Perkūno kalnas* — *Laumės bala*, *Laumupis*, *Laumės dauba* и т. п.⁴⁶

⁴⁵ Примеров такого рода много. См. литературу, приведенную авторами в их книге: Исследования в области славянских древностей. С. 8.

⁴⁶ Образ Лауме, несомненно, обнаруживает наибольшее количество параллелей с Мокошью-Пятницей-Бабой-Ягой. Ср. длинные волосы, большую грудь, женские занятия (тканье, пряжа, стирка), нанесение вреда (стрижка овец, кража и подменивание детей), отношения с мужчинами, связь с рельефом, многообразные мотивы связи с водой — утопление женщины, осмелившейся пряхь в неурочный час, запираение — запруживание воды, между прочим, куделью, и т. п.) и т. п. Особенно существен «этимологический» мотив плодородия (*Laumė* < и.-е. **leudh-/*loudh-*, ср. рус. *люди*, лат. *Liber*, божество вегетации, особо ср. связь Лауме с детьми), который, оказывается сильно завуалирован как в связи с Лауме, так и в связи с Мокошью и ее продолжениями. Есть основания и в Лауме видеть трансформированный образ жены Громовержца (ср. лит. *laūmės papas*, *laūmės pirštas/spėnys* как обозначение громовой стрелы, оружия Громовержца).

См. теперь: *N. Vėlius. Mitinės lietivių sakmių būtybes. Vilnius, 1977. P. 83—128; Idem. Laumių dovanos. Lietuvių mitologinės sakmės. Vilnius, 1977.* Рассмотрению Лауме как трансформации жены Громовержца из основного мифа посвящено обстоятельное исследование: *Т. М. Судник, Т. В. Цивьян. К реконструкции одного мифологического текста в балто-балканской перспективе // Структура текста. М., 1980. С. 240—285.* Приведенные здесь данные, по сути дела, помогают заполнить лакуны в развитии единого женского мифологического образа между стадиями — женой Громовержца в основном мифе и Мокошью по русским (преимущественно) данным.

Балтийские данные представляют исключительную ценность при реконструкции славянских мифологических структур в силу особой генетической, ареальной и типо-

Другое обогащение сопряжено с обращением к мифологическим и религиозным образцам, которые исторически продолжали образ Мокоши или являются точными его типологическими параллелями. Особое внимание приобретает здесь использование характерных черт св. Пятницы в русской, инославянских и некоторых неславянских традициях. Но и об этом может быть сказано лишь в самом общем виде. Оба мотива, связываемые с Мокошью, т. е. мокрота-влага и прядение, соединяются и проявляются с особой наглядностью и подробностью в образе св. Пятницы, принадлежащей к числу самых популярных и любимых (прежде всего женщинами) сакральных персонажей и являющейся результатом позднейшего преобразования культа Мокоши⁴⁷. Некоторые из запретов, упоминавшихся в связи с Мокошью, повторяются и в связи со св. Пятницей (запрет на оставление недопряженного пучка льна на ночь). Образ Пятницы обычно изображался на колодцах, куда в дар Пятнице бросались льняная кудель, выпряденные овечья шерсть и ткани. Культу Мокоши как главного женского божества соответствует и особая роль Пятницы в восточнославянской традиции и св. Петки у южных славян, ср. выделенность образа Пятницы в русской иконографии (где отдельные ее атрибуты можно сопоставить с характерными чертами Мокоши), в частности, ее обособленность (периферийное положение на иконе) в ряду других святых (что сказывается и в духовных стихах о Пятнице). В таком ряду Пятница является не только заместительницей и трансформацией Мокоши, но и параллелью к Богоматери, что наглядно проявляется в ряде севернорусских икон (в том числе для женских монастырей), где на лицевой стороне изображается Богоматерь, на оборотной — св. Параскева-Пятница (само имя Богоматери *Мария* могло в некоторых контекстах соотноситься с именами *Марена*, *Марина*, *Макрина*, которые в свою очередь соотносимы с именем Мокоши). Характерно, что Пятница, как писалось раньше, является персонификацией од-

логической близости. В частности, место славянской Мокоши в божественной семье достаточно точно определяется в свете возможностей, предоставляемых хорошо засвидетельствованной балтийской схемой небесного семейства. См. о ней: *H. Biezais*. Die himmlische Götterfamilie der alten Letten. Uppsala, 1972. — Уточнение места Мокоши ставит перед исследователем — в рамках основного мифа — вопрос о ее отношениях с Велесом, противником Громовержца. Об этом будет говориться в другом месте особо. Во всяком случае, полная реконструкция образа Мокоши и ее места в основном мифе для своего завершения требует ответа и на этот вопрос.

⁴⁷ См.: *В. В. Иванов*, *В. Н. Топоров*. Славянские системы ⟨...⟩. С. 150—151 и др., а также некоторые другие работы этих авторов. К иконописному аспекту ср.: *В. В. Иванов*. Мотивы восточнославянского язычества в их трансформации в русских иконах // Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. М., 1976. Б. А. Рыбаков предполагает изображение Мокоши на одной севернорусской вышивке (Указ. соч. С. 391).

ного из нечетных дней недели, а именно того, который следует за четвергом — днем Громовержца. Тем самым и через Пятницу как позднейшую свою ипостась Мокошь связывается с Громовержцем как персонажем основного мифа. Важность пятницы (вариант — другой нечетный день среда) проявляется в том, что с этим днем связаны специфические и очень строгие запреты, например, на половое общение с мужем (есть этнографические данные, относящиеся к Владимирской губ., которые свидетельствуют о последовательном соблюдении такого предписания), на определенные виды работ, на некоторые особенности поведения, на еду, посуду, одежду и т. п. В других странах требуется значение особых правил при производстве тех или иных видов домашней работы. Как бы то ни было, именно в пятницу следует особенно бдительно избегать ошибок, так как они строго караются св. Пятницей. Известны довольно многочисленные былички, в которых фиксируется вмешательство св. Пятницы, когда в пятницу стирают белье. Особенно чреват опасностью момент кипячения белья, на низком уровне «разыгрывающий» то прение огня и воды, которое сопровождает решающий момент ссоры Громовержца с его женой (опосредованно — и с его противником). В связи с этим мотивом в некоторых текстах выступает другая важная тема, отраженная в довольно многочисленных версиях основного мифа, — гибели в огне детей женщины, не выполнившей предписаний, в результате вредоносной деятельности св. Пятницы⁴⁸ (ср. 12 пятниц — 12 лихорадок). Данные других традиций, может быть, в первую очередь румынской, содержат богатейший материал по этому сюжету и еще прочнее включают Пятницу и через нее сходные с ней женские образы в схему основного мифа⁴⁹.

Более подробные описания румынской Пятницы — *Sfinta Vineri* — в том, что касается ее внешности, делают надежными и те относительно скудные описания внешнего вида Пятницы, которые известны в восточнославянской традиции⁵⁰, и позволяют уверенно сопоставить ее с мифологическими и ска-

⁴⁸ Вредоносность и святость Пятницы вполне уживаются друг с другом: святость — знак ее прежнего достоинства, супружеской принадлежности Громовержцу; вредоносность — знак ее нынешнего отверженного безмужнего состояния.

⁴⁹ Большой материал по этой теме собран и проанализирован (между прочим, в рамках схемы основного мифа) в статье: Т. Н. Свейникова, Т. В. Цивьян. К исследованию семантики балканских фольклорных текстов. Румынские тексты о персонифицированных днях недели // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973. С. 197—241, особенно — 205—206, 218—222, 227—234.

⁵⁰ Ср.: «Во многих местах Малороссии существовал обычай еще в мое время водить по деревням женщину с распущенными волосами, под именем Пятницы» (А. А. Потебня. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий // ЧОИДР. 1865. июль—сентябрь. Кн. 3. С. 216 (здесь же — данные исторических источников).

зочными персонажами этой же самой традиции, имеющими более развернутое и специализированное описание. Обычно эти сходства распространяются и на функции таким образом сопоставляемых персонажей.

Целым рядом своих атрибутов Пятница (а тем самым и Мокошь) отождествляется с Бабой-Ягой, в частности, в тех сказочных мотивах, которые обозначаются как сюжет ткачихи в колодце, сочетающий в себе оба основных мотива (тканье-пряденье и вода), сопряженных с Мокошью. В соответствующих русских сказках о падчерице постоянно Баба-Яга дает задание падчерице ткать, прясть, стирать, мыть в бане (Афанасьев. № 102—103 и др.). В связи с основным мифом обращает на себя внимание и мотив *мышей*, помогающих прясть; в них можно видеть отражение мотива *детей*, превращенных Громовержцем в хтонические существа⁵¹.

Для славянских сказок этого типа характерен мотив реки как некий эквивалент пряжи. Иногда река возникает из ткани: *бросила полотенце: сделалась река такая широкая-широкая* (Афанасьев, № 103), ср. аналогичный параллелизм между волосами, заплетаемыми в три косы, и тремя ручьями разных цветов в чувашской сказке «Старикова дочь». Подобные мотивы объясняют наличие единого обозначения волны реки и волны шерсти: рус. *волна* с индоевропейскими соответствиями в обоих значениях, ср., в частности, уже древнехеттское название реки *Ḫulana* при *ḫulana-* ‘шерсть’, *ḫulali-* ‘веретено’ и лит. *vilna* ‘шерсть’ при многочисленных названиях рек с корнем *viln-*: *Vilnėlė*, *Vilnia* и т. п. То же представление о ткани или пряденье в связи с водой, лежащее в основе культа Мокоши и Пятницы, прямо сформулировано по отношению к Космическому Ткачу в древнеиндийской литературе: *yad idam sarvam apso otam ca protam ca, kasmin nu khalv āpa otāśca protāś ceti* ‘все здесь выткано вдоль и поперек на воде; на чем же выткано вдоль и поперек вода?’ (Брихадараньяка-Упанишада, III, 6, 1).

Приведенные факты позволяют более широко взглянуть и на самое этимологию имени *Мокоши*, внося в нее уточнения и расширения: при бесспорной связи с **mok-* ‘влага’, ‘влажный’, ‘мокрый’, ‘мокнуть’, нужно думать, следует реабилитировать (с соответствующими коррективами) и старое сопоставление Ильинского с **mokos-* ‘пряденье’, ‘плетенье’⁵². Такое же соединение двух этих значений можно наблюдать в балтийских языках: лит. *māzgas* ‘узел’, *mėgzi* ‘вязать’, ‘завязывать’ при *mazgóti* ‘мыть’, **mak-*, **mask-/ *mazg-*, ср. речные названия с корнем *Mazg-* при любопытных гидронимах типа лтш. *Maķāšani* и т. п. (ср. также название реки *Сновь*, сопоставляемое с

⁵¹ О Бабье-Яге см. теперь: *M. Shapiro. Baba-Jaga: a Search for mythopoeic origins and affinities. Univ. of California. Los Angeles, 1979. P. 1—47.*

⁵² См.: *Г. Л. Ильинский. Указ. соч. С. 7.*

др.-инд. *snāuti* 'течь, струиться', греч. *ῥοα* · *πυγή* (Гесихий), с одной стороны, и рус. *сновать*, *основа* как древние ткацкие термины, с другой). Вместе с тем участие Мокоши в основном мифе объясняет то, что ее могут приурочивать к горе, макушке горы или вершин (ср. *Mokošín Vrch*), т. е. к возможным верховьям реки, что отражено и в балканском ареале, в частности, в румынской традиции, для которой можно предполагать сильное влияние славянского элемента. В славянской системе двоичных противопоставлений, определявших структуру основного мифа, как и славянскую модель мира в целом⁵³, Мокошь входила в ряд женский — мокрый — вода — нечет — низ — дол — ночь — смерть⁵⁴, но сохранила и следы связи с элементами противоположного ряда огонь — верх — гора — жизнь, что лишней раз возвращает к теме ее первоначальной связи с Громовержцем, характеризующимся этими последними признаками. В свете сказанного представляется правдоподобным, что Жива (*Siwa*) как главное женское божество полабов не что иное, как обозначение Мокоши в ее прежней (в е р х н е й) ипостаси (ср. идол Мокоши в Киеве наверху на княжеском холме)⁵⁵, что можно было бы подтвердить и следами имени Мокоши в древнеполабской топонимике.

Имя Живы, как и имя самой Мокоши, для более древнего периода, можно считать не столько собственно именем, сколько устойчивым эпитетом, обозначающим наиболее характерный признак божества. Многочисленные аналоги этому встречаются именно при обозначении женских божеств этого типа и в других индоевропейских традициях, в частности, в иранской, которая и в отношении самого этого божества представляет наиболее близкие аналогии славянской. Речь идет прежде всего об *Arədvī Sūrā Anāhitā*, ранее сопоставленной со славянской *Мать Сыра Земля*⁵⁶, где *Сыра* соответствует авестийск. *Arədvī* ('сырая') по смыслу и авест. *Sūrā* ('сильная') — этимологически. В свою очередь, *Мать Сыра Земля* через *Сыра* может быть сопоставлена с *Мокошью* (ср. *сырой* как синоним *мокрого*). Непосредственное сравнение иранской *Arədvī Sūrā Anāhitā* — имени мифологической реки — с

⁵³ E. Gasparini. L'orizzonte culturale del «mir» // Ricerche Slavistiche. 1962. Т. X, а также ряд работ авторов статьи.

⁵⁴ Здесь нужно отдать должное интуиции А. С. Хомякова, считавшего Мокошь богиней смерти. См.: А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. II. М., 1868. С. 267.

⁵⁵ О связи Мокоши и Живы см.: Б. А. Рыбаков. Святовит — Род // Liber Iosepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus. Wrocław, 1968. С. 391; Он же. Указ. соч. С. 386.

⁵⁶ См.: R. Jakobson. Slavic Mythology // Funk and Wagnall's standard dictionary of folklore, mythology and legend. V. I. N. Y., 1950.

Мокошью подкрепляется также и славянским фольклором, где в связи с мотивом ткачихи в колодце выступает «река широкая-широкая». В «Авесте» *Arədvī Sūrā Anāhitā* представляется как «тысячерукая» (ср., с одной стороны, представление сети рек и рукавов как пряжи, а с другой стороны, подчеркнутость длинных рук у Мокоши и у Пятницы). *Arədvī Sūrā Anāhitā* увеличивает силу, в частности мужское семя и женскую производительную силу (и молоко женщины), скот и землю. Те же качества можно предполагать и у первоначального славянского божества, супруги Громовержца.

Следы этого иранского культа, сохраняющегося до настоящего времени в Средней Азии, позволяют говорить о еще большем сходстве со славянскими традициями. В Хорезме сохраняется домусульманский культ колодцев, восходящий к культу Анахиты, к которой обращаются прежде всего бездетные женщины, гадающие о поле будущего ребенка по отражению небесных светил в воде колодца⁵⁷ (ср. мотив колодцев в связи с Пятницей, рассматриваемой как повивальная бабка; ср. практику родов в бане, по преданию связываемую с Параскевой-Пятницей). У таджиков те же мотивы сохранились в культе Биби Се-Шамбе — персонифицированного дня недели — «Госпожи Вторник» (ср. *Пятницу* у славян и румынскую *Martole* — святую «Вторницу», типологически совпадающую с таджикской), покровительницы ткачества и пряденья, к которой обращаются за помощью бесплодные женщины. Во время женских ритуальных собраний в ее честь читали сказку о Золушке, воспроизводящую тот же мотив ткачихи в колодце⁵⁸.

Как и славянская Мокошь, иранская *Anāhitā* относится к числу женских божеств с хозяйственной функцией, которую абстрактно можно сформулировать как увеличение материи посредством повторения циклов. В этом смысле сама структура пряжи и процесс пряденья может рассматриваться как образ умножения жизненной ткани и воспроизведения человека и рода в потомстве⁵⁹, ср. также поток как образ жизни. Связь жизни с водой принадлежит к числу универсалий, что позволяет заключить, что если Мокошь — женский персонаж, связанный действительно с водой (ср. воду как детородную влагу), то она не может не быть связанной с идеей рождения, плодородия, жизни (ср. мифологему рождения Афродиты, как и многих других бо-

⁵⁷ См.: Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 231 и др.

⁵⁸ См.: Д. К. Зеленин. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок // Сергею Федоровичу Ольденбургу. Л., 1934. С. 232; С. М. Андреев. Среднеазиатская версия Золушки-Сандрильоны // По Таджикистану. Ташкент, 1921. С. 60—61; Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки. М., 1958. С. 207 и др.

⁵⁹ Ср. слав. **vьrvь* 'вервь' как образ переплетенности (пряжа) в сопоставлении с хет. *warṭalan-* 'семья', 'потомство', лув. *warwala-/i-* 'семья', 'зародыш', 'потомство' и т. п.

гинь любви и красоты, из воды, воплощенную, напр., в известной картине Боттичелли); все дело, однако, в том, что Мокошь в сюжете основного мифа должна оказаться дурной женой и дурной матерью; поэтому соответствующие функции предельно затемнены в имеющихся источниках.

Возвращаясь же к теме прядения-пряжи, нужно сказать, что типологически к этой же группе женских божеств принадлежат такие специализированные их варианты, как древнегреческие парки, мойры и древнескандинавские норны — женские божества, прядущие судьбу, т. е. последовательность жизней и смертей, и сходные женские персонажи других традиций. Тот же архаический образ божеств, держащих в руках веретено, упоминается в архаическом хеттском ритуале KUB XXIX 1 в контексте, где речь идет об измерении жизни царя, т. е. о его жизни и смерти. Подобными контекстами определяется существенная роль веретена и пряжи в мифах, сказках, загадках (где названия частей человеческого тела зашифровываются названиями частей прялки) и обрядах (ср. гадания с помощью прялок в связи с гаданиями у колодцев в описанных культах в Средней Азии)⁶⁰.

Весь комплекс перечисленных представлений вновь был синтезирован (с учетом соответствующих традиций) в «Фаусте» Гете, где одной из ведьм, выступающей как пряха, принадлежит заклинание:

*In Lebensfluten, im Tatensturm
Wall'ich auf und ab,
Webe hin und her!
Geburt und Grab,
Ein ewiges Meer,
Ein wechselnd Weben,
Ein glühend Leben,
So schaff'Inh am sausenden Webstuhl der Zeit
Und wirke dei Gottheit lebendiges Kleid.*

Приведенные данные позволяют с большой степенью вероятности предположить не только общеславянский характер Мокоши и ее вхождение в основной миф в качестве женского соответствия Громовержцу, но и индоевропейские истоки ее образа. Перед сравнительно-исторической наукой об индоевропейской мифологии возникает задача обнаружения того первоначального имени этого женского божества, которое в отдельных традициях было заменено или эпитетами или родовыми названиями целых классов существ (ср. в славянских традициях *двенадцать Пятниц*, укр. *Нічки*). В первоначальной схеме основного мифа эта богиня в части своих атрибутов могла совпадать с противником Громовержца — его соперником в отношении самой богини,

⁶⁰ Подробнее см. статью: Пряжа // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 343—344.

ср., в частности, связь его с шерстью, скотом (*Велс* — *Волос* и волосатость некоторых из образов богини, Пятницы с распущенными волосами и т. д.). С этим могло быть связано то, что в позднейших версиях мифа он в большой степени сводится к поединку, а причины его остаются в тени, как и сама богиня, реконструкция образа которой сильно затруднялась этим обстоятельством. Несмотря на значительное внимание, уделяемое Мокоши в последнее время⁶¹ в науке, приходится констатировать, что многое в этом образе пока еще неясно, а то, что начинает проясняться, заставляет думать об исключительном (гораздо большем, чем принято думать) значении Мокоши и ее генетических предшественниц в славянской и индоевропейской мифологии. Включенность Мокоши в схему основного мифа, если это удалось показать и доказать в данной работе, открывает новые возможности для более углубленных и широких исследований.

1975—1983

⁶¹ Помимо уже упоминавшихся работ, часто, к сожалению, малосостоятельных, стоит отметить внимание к Мокоши в серьезных трудах, ср.: *H. Łowmiański. Religia Słowian i jej upadek* (w. VI—XII). Warszawa, 1979. S. 123—126, 132—134 et al.; *S. Urbanchuk. Mokošъ // Słownik starożytności słowiańskich*. Т. 3. Cz. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1976. S. 278.

К ТИПОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ПРАСЛАВ. *ČELOVĚKЪ ‘ЧЕЛОВЕК’ *

Этимология праслав. *čelo-věkь, объясняющая первую часть этого сложного слова как соответствие греч. τέλος ‘отряд’, ‘толпа’ < *k^welo-s (индоевропейское¹ обозначение родового объединения, откуда и праслав. *čeljadь), а вторую часть — как соответствие лит. vaikas ‘ребенок’, признается в настоящее время многими исследователями². Недавно данная В. В. Мартыновым критика этой этимологии не представляется убедительной, в частности, потому, что он исходит из недопустимости «непосредственного приравнивания» праславянской основы к литовской³. Однако это вполне совместимо с идеей архаического характера балтийских форм, поздним преобразованием которых можно считать славянские⁴: в данном славянском сложном слове в

* Издано: Этимология 1973. М., 1975. С. 17—22.

¹ О дальнейших ностратических соответствиях с тем же значением см.: В. М. Илич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971. С. 362—363.

² См. обзор точек зрения в статье Е. Н. [avlová] об этом слове; V. Čapková, E. Havlová, F. Kopečný, A. Mátl, H. Pleváčová. Etimologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo. Brno, 1966. С. 13—19.

³ В. В. Мартынов. Славянские этимологические версии // Русское и славянское языкознание. К 70-летию Р. И. Аванесова. М., 1972. С. 185 (далее — В. В. Мартынов). К проблеме ареальных инноваций в названии человека ср.: В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964. С. 241—242 (где следует иметь в виду и загадочное сходство начал греч. ἄνδ-ροπος, мик. atoroqo и хет. ant-uhša-).

⁴ К постановке этого вопроса в общем виде ср. принятие той точки зрения, которая ранее была предложена В. Н. Топоровым и автором, в трудах: H. Birnbaum. Problems of typological and genetical linguistics viewed in a generative framework. The

связанном виде сохраняется морфема, в литовском еще функционирующая в несвязанном виде. Также недостаточно обоснован с этимологической точки зрения и тезис В. В. Мартынова о том, что праслав. *celo-věkъ было противопоставлено форме *ludьje по семантическому различительному признаку несобирательности⁵. Последнее слово находит наиболее точное этимологическое соответствие в балтийском и германском: для всех трех групп восстанавливается им. пад. мн. ч. *leudhejes⁶.

Реконструируемое на основании лит. *liáudis* и родственного лтш. *ļaudis* (в диалектах 'свои люди', ср. русск. *свои люди*) значение *leudho- 'свободный земледелец, принадлежащий к своей замкнутой социальной группе' подтверждается явственно земледельческим характером архаических римских ритуалов типа *Liberalia* и слов других индоевропейских языков, родственных лат. *liber* 'свободный' от *leudh- 'расти'⁷. Поэтому развитие более общего значения *ludьje 'люди' и соотнесение этого слова с *čelo-věkъ могло осуществиться лишь на столь позднем этапе развития праславянского, который не может быть существен для выяснения первоначального значения последнего слова. Гипотеза о его исконном местоименном характере не подтверждается, а опровергается приводимой В. В. Мартыновым параллелью герм. *liuđi: *manu, так как второе слово приобрело значение неопределенно-личного ме-

Hague; Paris, 1970. P. 117; *Idem.* Zur Problematik der zeitlichen Abgrenzung des Urslavischen // *ZfslPh.* XXXV. 1970. 1. S. 18 (там же дальнейшие ссылки на новейшую литературу); *Idem.* O możliwości odtworzenia pierwotnego stanu języka prasłowiańskiego za pomocą rekonstrukcji wewnętrznej i metody porównawczej // *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists.* Warsaw. August 21—27, 1973. Vol. 1. Linguistics and Poetics / Ed. by L. Matejka. The Hague; Paris, 1973. P. 50—51.

⁵ В. В. Мартынов. С. 187. Сходным образом К. Уоткинс предполагает для германского развитие значений 'масса', 'множество' > 'люди', но детали семантического развития от корня *leudh- он признает неясными: *C. Watkins.* Indo-European Roots // *The American Heritage Dictionary of the English Language.* Boston, 1971. P. 1526.

⁶ *Chr. S. Stang.* Lexikalische Sonderüberstimungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972. S. 32, cp. s. 74.

⁷ *E. Benveniste.* Le vocabulaire des institutions indo-européens. 1. Economie, parenté, société. Paris, 1969. P. 321—325 (см. рус. пер.: Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. М., 1995. С. 212—215). Для более раннего периода в соответствии с гипотезой Я. Вакернагеля (см.: *R. Schmitt.* Dichtung und Dichtersprache der indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967; В. В. Иванов. Язык как один из источников этногенетических исследований и проблематика славянских древностей // *Советское славяноведение.* 1973. № 4. С. 69) можно думать о происхождении оппозиции 'свободный' : 'раб' (лат. *liber* : *seruus*) из 'земледелец' : 'скотовод' (ср. авест. *pasuš. hauriuō* 'сторожащий скот' при лат. *seruare pecus*).

стоимения в результате длительного процесса, находящего себе параллели в большем числе языков⁸, ср. франц. *on* < *homme*, лик. *uwe* 'man', 'Mann', заведительствованное в сочетаниях с отрицанием *uwe neu* 'man nicht', *ne uwe* 'niemand', типологически сходных с англ. *nobody* 'никто', и, вероятно, родственное хет. *ица-*, встречающемуся в качестве архаизма в древнехеттской песне в значении 'предок, старый человек, дед'⁹; в пользу такой интерпретации этих анатолийских слов говорит и истолкование лик. *Б uwe-dri* 'руководство' ('совет старейшин', 'собрание'?), лик. *А huwedri* как производного от той же основы. Заслугой В. В. Мартынова является то, что он указал на необходимость типологического подхода к этимологии слова «человек» с учетом частой этимологической связи названия человека и неопределенноличного местоимения (типа *ате* 'Mensch; Person; jemand; man; einer' в языке эве¹⁰). Но наиболее существенным при этом представляется то, что во всех

⁸ К. Е. Майтинская. Местоимения в языках разных систем. М., 1969. С. 44, 286. — Ср. об аналогичном развитии возвратных местоимений из слов со значением 'человек', 'тело' там же, с. 271 (гольд. *beje* 'человек', маньчж. возвр. мест. *beje* с японским соответствием *mi* по Е. Д. Поливанову, шиллук *ré* 'человек', ср. ненецкие и другие параллели там же, с. 269). К семантике ср.: S. Kuno. Pronominalization, reflexivization, and direct discourse // Linguistic Inquiry. Vol. III. 1972. № 2. В. В. Мартынов, в другой связи цитирующий богатую фактами книгу К. Е. Майтинской, не обратил внимания на данную закономерность. В связи с проблемой древности местоименного значения у герм. **man-* ср. еще др.-исл. *mange* 'никто' < **mann-gi* при хет. *man-k(i)* > *tanga* в отрицательной конструкции: В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, анатолийская и праславянская языковые системы. М., 1965. С. 193, примеч. 37, где следует, однако, иметь в виду, что с ностратической точки зрения и.-е. **m/o/n-* 'муж' и *то-* как вопросительное местоимение — первоначально неодушевленного класса — восходят к разным корням: В. М. Иллич-Свитыч. Указ. соч. С. 9, 21. Кейперс предлагает сблизить с той же индоевропейской группой слов лат. *mānēs* 'духи предков, маны' и имя предков германцев *Mannus* по Тациту: А. Н. Kuipers. The Squamish Language. The Hague, 1967. P. 402, № 5.

⁹ В. В. Иванов. Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике // To honor Roman Jakobson. The Hague, 1967 (к предложенному там же типологическому сопоставлению с хауса ср. также еще более разительное сходство с протоамериканско-индейским **uwā* 'человек': E. Matteson. Toward Proto Amerindian // Comparative Studies in Amerindian Languages. The Hague; Paris, 1972. P. 68. N 522); C. Watkins. A Latin-Hittite etymology // Language. 45. 1969. N 2. P. 241; F. Josephson. The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite. Uppsala, 1972. P. 318, примеч. 6, где значение определяется сходно с двумя предшествовавшими работами, которые остались автору книги неизвестными.

¹⁰ В. В. Мартынов. С. 187; К. Е. Майтинская. Указ. соч. С. 256; D. Westermann. Wörterbuch der Ewe-Sprache. Berlin, 1954. S. 482 (из примеров, приводимых в словаре, очевидна первичность значения 'человек') — Пользуюсь случаем принести благодарность О. Н. Трубачеву, указавшему на роль этого вопроса для темы данной статьи.

достоверных случаях слово 'человек' вторично получает значение местоимения (ср. местоименный характер слова *человек* в ряде конструкций в современном русском языке), а не наоборот. Поэтому если зап.-слав. *-kolvěkь, выступающее в сложении с предшествующим местоимением (польск. *ktokolwiek* 'кто-либо, кто-нибудь', чеш. *kdokolivěk*, словц. *ktokol'vek* 'кто-нибудь, кто бы ни'), связано с *čelověkь¹¹, то и в этом случае по общей типологической закономерности следует предполагать развитие сочетания местоимения с архаическим суффиксом *-li-¹² со словом, первоначально бывшим нарицательным именем, как и в параллельном нем. *jemand*. Как и в диахронической фонологической типологии, для реконструкции важно не просто наличие типологической связи двух значений ('человек' и 'кто-то'), а наличие направленного необратимого отношения во времени между этими значениями.

Для доказательства вероятности объяснения -věkь > в *čelověkь* из слова, родственного лит. *vaikas* 'ребенок', существенна типологическая универсальность подобных обозначений. Речь идет о семантической структуре, одним (чаще всего вторым по месту) компонентом которой является морфема со значением «ребенок», «маленький», а другим компонентом — либо общее обозначение племени или рода, либо конкретное указание на данное племя или на один половой класс (обычно мужской) внутри этого племени, или же, наконец, на одного представителя этого класса (мужчину). Такую внутреннюю форму имеют, в частности, 1) шумерские составные слова типа *dumu.nam.lú.ulù*.^{lu} (эквивалентное аккад. *mār aqīlūti* 'сын человечества, сын человеческий' = 'человек'), иногда переводимое (буквально по смыслу час-

Пример развития значения «человек» из указательного местоименного обозначения конкретного денотата (типа пушкинского «Стоял Он», где Он — Петр) можно было бы видеть в новозаветном «се человек», ср. (со ссылкой на А. А. Зализняка): Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский. Миф — имя — культура // Труды по знаковым системам. VI. Тарту, 1973. С. 285, примеч. 2 (имеется в виду, очевидно, арамейск. *hāhū* из *hā* 'вот' и *hū* 'он', откуда позднейшее ессе homo). Но в данном случае речь идет о развитии при переводе (а не внутри одного языка) при наличии сугубо определенного значения (а не неопределенного, как в других случаях).

¹¹ В. В. Мартынов. С. 187.

¹² К существенным доказательствам архаического характера местоименных форм на -li ср. хеттское имя божества *Anzili-* < **ons-ili-* 'наш' при известном древнехеттском *Šiu-šmi-* 'наш бог', семантически связанном с первым именем. О других доказательствах архаизма местоименных форм на -li- в анатолийских языках, родственных славянским формам типа **toli*, **koli*, см.: E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Paris, 1962. P. 67—68. Относительно хеттской богини *Anzili-* см.: H. G. Güterbock. A view of Hittite literature // Journal of the American Oriental Society. Vol. 84. 1964. №2. P. 114 ff.; E. Laroche. Textes mythologiques hittites en transcription. I partie. Mythologie anatolienne // Revue hittite et asianique. T. XXIII. 1965. Fasc. 77. P. 135 ff.

тей, в шумерском и аккадском расположенных, однако, в обратном порядке по сравнению с немецким переводом) как ‘Menschen-kind’ (где *kind*=*dumu*, ср. этимологически, но не семантически близкое к разговорному немецкому слову англ. *man-kind*); 2) шумерские же конструкции типа *dumu lagas^{ki}* ‘сын Лагаша’ в смысле ‘жители Лагаша’¹³, что соответствует аккад. *mâr Bâbili* ‘сын Вавилона, вавилоняне’¹⁴ и т. п.; 3) совпадающие с последним сложения типа *eβe-vi* ‘человек (буквально: ребенок) народа эве’ в языке эве¹⁵; 4) сложения со вторым элементом *no* ‘ребенок’ в айнском языке¹⁶, имеющие индивидуализирующее значение (близкое к функции дейктического местоимения или артикля), что видно из противопоставления этих айнских словосложений в таких контекстах, как *tan-an okkaï-no* ‘сей мужчина’¹⁷, *nea okkaïno* ‘тот юноша’¹⁸, в отличие от обобщенного употребления слова *okkaïo* без *no* в таких контекстах, как *eani nejakka okkaïo e-ne kuś e-poro-wa nejak* ‘что ты тоже, как мужчина, подросши’¹⁹, *okkaïo-ne-hike-he* ‘те, что мужчины’, рядом с *meno-ko-ne-hike-he* ‘а женщины’²⁰ (где *меноко* — японское заимствование в айн-

¹³ А. П. Рифтин. Из истории множественного числа // Уч. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Вып. 10. Л., 1946. С. 38.

¹⁴ F. Delitzsch. Assyrisches Wörterbuch. Leipzig, 1896 (2 изд. 1968). P. 391. А. А. Зализняк любезно указал автору на распространенность таких обозначений в семитских языках. Ср., например *jšr'l wmrz'* (Дан. I, 1 и сл.) и т. п. Разительным представляется сходство этих семитских оборотов с такими гомеровскими, как *υἱες Ἀχαιῶν* ‘сыны Ахейцев’ = ‘Ахейцы’, *κοῦροι Ἀχαιῶν* ‘сыны Ахейцев’, см. о значении последних: H. P. Gates. The Kinship Terminology of Homeric Greek // Supplement to «International Journal of American Linguistics». Vol. 37. № 4. October, 1971. P. 66, 67, примеч. 28, 30. В свете других данных (ср.: E. Masson. Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en grec. Paris, 1967) можно было бы думать о калькировании семитских оборотов в древнегреческом.

¹⁵ D. Westermann. Op. cit. P. 720.

¹⁶ См. подробнее об этой морфеме в айнском и параллелях в других языках мира в статье автора: В. В. Иванов. Семантическая категория малости — величины в некоторых языках Африки и типологические параллели в других языках мира // Проблемы африканского языкознания. М., 1972. С. 79—80, 85, 87 и др. — Цитируемые далее материалы Невского еще не могли быть учтены в этой статье.

¹⁷ Н. А. Невский. Айнский фольклор. М., 1972. С. 49, строка 1.

¹⁸ Там же. С. 64, строка 461

¹⁹ Там же. С. 79, строки 196—198. Ср. с. 143, 145, типологически сходное *меноко a-ne kuśu* ‘так как я женщина’. Ср. также формы *jun-no (ohai)* ‘О (мой) братец!’, *hok-no ohai* ‘О, муженек мой’ там же, с. 126, 128, строки 212—213 и 279—280, где сохраняется уменьшительное значение *no*.

²⁰ Там же. С. 83. Относительно возможности построения формы мн. ч. *меноко-но-но* ‘дочери, женщины’ по типу мн. ч. *okkaï-no-no* ‘сыновья, мужчины’, где *-но-но* — редуцированное множественное число, см. соответствующие словарные статьи в

ском), ср. также сходное сочетание *нерок меноко утарǎ нерок оккајо утарǎ* 'Те женщины и те мужчины'...²¹. Это противопоставление, являющееся в айнском живым, позволяет предполагать, что морфема со значением «ребенок» могла служить для выделения индивидуального представителя (отдельного человека или мужчины) внутри всего множества, понимаемого без этого выделителя как нерасчлененное целое (откуда и возможность родового или предикативного употребления в случаях, подобных цитированному выше: «как мужчина»). Поскольку в большинстве приведенных типологических параллелей другой компонент чаще обозначает мужчин, чем людей вообще, можно было бы думать, что и для праславянского **čel-o-* исходным могло послужить значение типа греч. *τέλος* 'военный отряд' = 'множество мужчин'²².

1973

книге: *М. М. Добротворский. Айнско-русский словарь. Казань, 1875. С. 56, 169 (меноко-по-по 'молодая женщина' или 'женщины'), 221, а также с. 9—10 Приложений к словарю (с особой пагинацией). Ср. такие типологические параллели, как объединение значений уменьшительности и множественности в кетском суффиксе -г'эт, видимо, родственном имени существительному *клт'* 'дети' и т. п.: *Е. А. Крейнович. Медвежий праздник у кетов // Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969. С. 62. Другие примеры превращения имени существительного 'ребенок' в морфему уменьшительности и/или множественности отмечены в статье автора, названной выше, примеч. 16. Согласно любезному сообщению А. А. Холодовича, для языка айнских сахалинских текстов, изданных Б. Пилсудским, такие редуцированные формы множественного числа нехарактерны.**

²¹ *Н. А. Невский. Айнский фольклор. С. 163, строки 109—110.*

²² Рассмотренный тип обозначений представлен под вероятным шумерским и аккадским влиянием не только в гомеровском греческом, но и в древнехеттском, где идеограмма $DUMU^{MES} URU$ *Ḫatti* 'сыновья (города=страны) Хатти' не только соответствует рассмотренному выше шум. *dumu Lagas^{ki}*, акк. *mâr Bâbili*, но и проливает свет на происхождение (в древнееврейском, видимо, уже переосмысленных) оборотов типа 'сыновья Хета' = 'хетты' в книге Бытие, 23, 3 и др., ср. также: *В. В. Иванов. Древнейшие культурные и языковые связи южнобалканского и малоазийского ареалов // Доклады и сообщения советской делегации: III Межд. съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1974. С. 7 (см. также перепечатку полного текста работы выше в этом томе); см. о сочетаниях типа $DUMU^{MES} URU$ *Ḫatti* в значении 'сыновья Хатти' = 'жители Хатти' в древнехеттском тексте завещания Хаттусилиса I (II 68, II 76): *F. Sommer, A. Falkenstein. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Ḫattušili I. (Labarna II). (Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Abteilung. Neue Folge. Heft 16). München. 1938. S. 57.**

Автор признателен А. А. Зализняку, А. А. Королеву, О. Н. Трубочеву и А. А. Холодовичу за критические замечания и советы.

К ЭТИМОЛОГИИ РУССКОГО ПАСТИ*

Изучение расшифрованных в XX в. памятников древних индоевропейских языков, ранее неизвестных — клинописного хеттского (неситского) и тохарских (кучанско-карашарских)¹, — позволяет привлечь новые данные для решения многих неясных и спорных вопросов сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков. К числу таких сложных проблем принадлежит и этимология русского *пасту*, старосл. *пасти*, *паст*. Этимология этих слов (и родственных им слов в других славянских языках) долгое время представлялась затруднительной². Наиболее вероятным было сопоставление с латинским *pāscō*, *pāvī*, *pāstum*, *pascere* ‘пасти’. Но присущее младограмма-

* Издано в: Сб. статей по языкознанию памяти засл. деятеля науки проф. М. В. Сергиевского. Изд-во Моск. ун-та, 1961.

¹ До настоящего времени не выработана единая терминология в отношении названий «тохарских» языков. Ввиду того что термин «тохарский» применительно к этим языкам является научно неправомерным (см.: А. А. Фрейман. Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке // Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковедч. наук. Вып. 3. Л., 1952. С. 123—135), в настоящей статье «тохарские» языки называются соответственно с областью их распространения: «тохарский А» («восточнотохарский», или «турфанский») «карашарским», а «тохарский В» («западнотохарский») «кучанским» (последний термин стал в настоящее время широко употребительным). Вся группа в целом (так называемая «тохарская» группа индоевропейской семьи языков) называется «кучанско-карашарской» (этот термин еще 30 лет назад употреблялся выдающимся советским востоковедом акад. Б. Я. Владимирцовым: *Mongolica* 1. Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам Средней Азии // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук. Т. I. Л., 1925. С. 310).

² См., например, А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Вып. 10. М., 1914. С. 23.

тическому языкознанию стремление прямолинейно сопоставлять формы родственных языков, объясняя различия между ними чисто фонетически, в данном случае приводило к непреодолимым трудностям. Языковеды начала века пытались доказать исконное тождество славянского **pās* и латинского *pāsc-*, предполагая фонетическое развитие *sk̂ > s* в славянском. Противоречащее этой фонетической гипотезе старосл. **искаѣти**, русск. *искать* и т. п., пробовали объяснить, как германское заимствование. Когда было показано, что допущение о заимствованном характере глагола *искать* должно быть отвергнуто, была выдвинута новая гипотеза, согласно которой **sk̂* давало в славянском *s*, а **sk > sk*, чем объясняли различие между **пасж** (**с** из **sk̂*) и **искж** (**ск** из **sk*)³. Но и это предположение лишено достаточных оснований. Индоевропейский суффикс *-sk̂ (e/o)* — в славянских языках отражается как *-sk-*⁴, поэтому нельзя видеть в *пасты* этот же суффикс. Основу этого глагола следует возводить к древнему *pas-*, и объяснить соотношение этой основы с латинским *pāscō* посредством фонетических гипотез нельзя. Ошибочным являлся фонетический подход к этой проблеме, которая может быть решена только с помощью морфологического анализа древних индоевропейских глагольных основ. В начале XX века языковеды не располагали необходимым для такого анализа материалом, который стал доступным лишь в настоящее время благодаря изучению хеттского и кучанско-карашарских языков.

Для сопоставления с фактами хеттского языка существенно то, что в славянских языках наряду с **пасты**, **пасж** и другими производными от той же основы, имеющими специальное отношение к скотоводству, существуют многочисленные древние производные, доказывающие существование у основы *pās* значения ‘защищать, охранять’: старосл. **съпасты** = греч. *σώζειν* — ‘спасати’, отглагольное существительное *съпась* — ‘спаситель’ (в более позднюю эпоху⁵ ‘спасение’); др.-русск. *опась* — ‘охрана, защита’ и т. п. (соответственно *пасты* — ‘охранять, защищать (скот)’). Аналогичные значения обнаруживаются у хеттского глагола *paḥš-*, родство которого со славянским **pās > пас-* было установлено вскоре после того, как польский лингвист Курилович показал, что хеттскому сочетанию *ah* в ряде случаев соответствует долгое *ā* в других индоевропейских языках⁶. Значение хеттского глагола *paḥš-* опреде-

³ См.: *W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik. B. I. Göttingen, 1924. S. 440—441.*

⁴ См.: *А. Ме́йе. Общеславянский язык. М., 1951. С. 172.*

⁵ См.: *А. Байан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 229.*

⁶ Сам Ю. Курилович предложил только связь хеттск. *paḥš-* с лат. *pasco*. На то, что более точное соответствие хеттскому глаголу имеется в славянских языках, обратил внимание голландский ученый: *W. Couvreur. De Hettiische Hattien bijdrage tot de studie van het Indo-Europeesche vocalisme (Bibliothèque du Muséon 5). Leuven, 1937. P. 184—*

ляется с большой точностью, так как это слово встречается в двух хеттско-аккадских двуязычных надписях. Одна из них — так называемое «завещание» Хаттусилиса I (около XVII в. до н. э.) — является древнейшим памятником хеттского языка, вторая — договор Мурсилиса II (XIV в.) с Дуппи-Тешупом — относится к более поздней эпохе Нового царства. В обоих билингах хеттскому *paḫš-* соответствует аккадское *naṣaru-* ‘защищать’, см. завещание Хаттусилиса, III 72 73⁷, (договор Мурсилиса II с Дуппи-Тешупом, A7—B7⁸). Из этого следует вывод, что как в древнехеттский, так и в новохеттский период *paḫš-* имело значение ‘защищать’. Этот вывод подтверждается также и тем, что фонетическое написание *paḫ(a)š-* часто чередуется с идеографическим PAP или полуидеографическим, полуфонетическим PAP-*aš* (например, в KUB⁹). Поэтому можно утверждать, что *paḫš* равнозначно идеограмме PAP ‘защищать’. Установленное таким образом значение ‘защищать’ соответствует контексту, в котором встречается слово *paḫš-*. В государственных договорах Нового царства *paḫš* ‘защищать’ употребляется чрезвычайно часто, когда речь идет о том, что хеттский царь и его союзник обязуются защищать друг друга. Глагол *paḫš* и производный от него *paḫšamu* неоднократно употребляются также и тогда, когда говорится о защите страны, например, *nu-ṣa ud-ni-e pa-aḫ-ša-nu-ṣa-an e-eš-du* ‘и страна (де) должна быть защищена’¹⁰. Многократно встречается *paḫš* в сочетании с *uttar* ‘слово’: *uttar paḫš* ‘охранять (хранить, соблюдать) слово (наказ царя)’ (несколько раз употребляется в древнейшем памятнике-завещании Хаттусилиса, III, 28, 47, 29); это выражение, как и некоторые другие сочетания с глаголом *paḫš-*, имеет характер сакральной формулы.

Особенностью хеттского глагола *paḫš-* является то, что в большинстве случаев его употребления параллельно используются в одном и том же значении активные и медиопассивные формы. Но в некоторых случаях *paḫš-* в

185. После этого сопоставление хеттск. *paḫš-* и старосл. *паст* стало упоминаться почти в каждой работе, посвященной ларингальной гипотезе. Но обычно это сопоставление рассматривается только с фонетической стороны.

⁷ Завещание Хаттусилиса. III — 72/73 = IV — 71/72. Изд. Sommer und Falkenstein. «Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I (Labarna 11)» (Abh. d. Bayer. Ak. d. Wiss., Philos.-hist. Abt. Neue Folge 16). München, 1938 (в дальнейшем сокращенно НАВ).

⁸ См.: J. Friedrich. Staatsverträge des Hatti-Reiches (сокращенно Staatsv.) 1 // Mitteilungen der Vorderasiatisch-Agyptischen Gesellschaft (сокращенно MVAG). 31, 1. Leipzig, 1926. S. 6.

⁹ Сокращенное обозначение серии Keilschrifturkunde aus Boghazköy. Berlin, XXVI 12 + XXI 4212=18 и 36=29.

¹⁰ Keilschrifttexte aus Boghazköi. B. 3 (Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft. 30). Leipzig, 1923. 7. Kol. 1, 5—6.

медиопассиве означает ‘отдавать себя под защиту, переходить под покровительство’¹¹ (ср. соотношение между *спасать* и *спасаться*). С этим следует связать то, что производный от *paḥš-* глагол *paḥšanu-* может иметь значение ‘быть в безопасности’: *zi-ik NUR.SAG an-da-an pa-aḥ-ḥa-as-ša-nu-ut* ‘ты оставайся в безопасности в горах’ (буквально ‘в горе’¹²). Употребление хеттск. *paḥšanu-* очень существенно для сопоставления с развитием значений таких производных от основы *pas* в славянских языках, как русск. *опасный*, *опасаться* и т. п. В некоторых случаях *paḥšanu* означает ‘быть настороже, опасаться’: *paḥḥašnuanteš šešten* ‘будьте настороже!’ синонимично *paḥḥanteš esten* ‘бойтесь!’¹³. Для установления семантической связи между хеттск. *paḥš-* (и *paḥšanu*) и слав. **pās-* особенно показательны значения производных от этой основы в славянских языках: так, значению *defendere, tueri* («защищать, охранять»), устанавливаемому для древнерусского *упасту*¹⁴, соответствует перевод хеттск. *paḥš-* посредством лат. *tueri*, данный известным хеттологом Ф. Зоммером¹⁵.

Со стороны семантической, как и со стороны фонетической, сопоставление хеттск. *paḥš-* со старосл. *съпасту*, *съпасѣ*, *пасту*, *пасѣ* и т. п. следует считать вполне обоснованным. Поэтому славянская основа **pās-* не может считаться возникшей только на славянской почве, как думали те лингвисты, которые выводили слав. **pās-* из **pāsĕ-*. Славянское *s* в общеславянском **pās-* и хеттск. *š* — в *paḥš-* является частью корня, не может быть выделено в качестве суффикса. Но означает ли это, что и с исторической точки зрения эти глагольные основы являются неразложимыми? К такому выводу пришел норвежский лингвист С. Станг, ограничившийся сопоставлением хеттской и славянской форм¹⁶. Однако данные кучанско-карашарских языков, не использованные Стангом, позволяют сделать другие выводы.

В карашарском языке имеется глагол *pās-*, в точности соответствующий хеттск. *paḥš-* и слав. *pās-*. В хеттском языке *paḥš-* имеет значение ‘защищать’,

¹¹ J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Teil II. Heildelbegr, 1952. S. 153.

¹² KUB XIX, I, 1, 15—16. Ср.: B. Schwartz. A. Hittite Ritual Text // *Orientalia*, Nova Series. Vol. XVI. № 1. Roma, 1947. P. 25. Нельзя считать достаточно обоснованным другое толкование этого текста, предложенное P. Meriggi. I miti di Kumarpi, il Kronos currico // *Athenaeum*. Vol. XLI. Nova Series XXXI. Pavia, 1953. P. 113, примеч. 18.

¹³ См.: J. Friedrich. Staatsv. II (MVAH, 34, 1). Leipzig, 1930. С. 25, примеч. 1; F. Sommer. Die Ahhiyava. Urkunden 2. München, 1932 (Abh. d. Bayer. Akad. d. Wiss. Philos.-Hist. Abt. NF 6). С. 63, примеч. 5.

¹⁴ См.: А. Дювернуа. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894. С. 219.

¹⁵ См.: F. Sommer und Falkenstein. HAB. S. 200, 240.

¹⁶ См.: Chr. S. Stang. Das slavische und baltische Verbum (Skrifter utgitt av det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, 1942. II. Historisk-filologisk Klasse). Oslo, 1943. S. 30.

‘охранять’; в славянских языках у слов этого корня имеется наряду со значениями, близкими к значениям хеттск. *paḥš-*, значение ‘пасти’; значение карашарского *pās-* служит как бы промежуточным звеном между значениями этих славянских и хеттского слов, так как это карашарское слово имеет значения ‘охранять, защищать, пасти’¹⁷. Значение ‘защищать, охранять’, засвидетельствованное у карашарского глагола *pās*, объясняет употребление в сложных словах отглагольной основы *pase* ‘защитник’, например *cu-paṣeñ* ‘тебя защищающие’ (129a 1¹⁸). Со значением ‘защищать’ связываются значения ‘избавить, спасти’ (ср. русск. *спасти*, старосл. **спасти** и т. п.) *klopāslī[s]*¹⁹ (*m*)*o(sam)* ‘чтобы спасти от зла (от беды)’ (277a 8). Случаи, когда глагол *pās-* употребляется в значении ‘защищать имущество, владение’ (например, страдательное причастие *pās tam* ‘защищаемое’ в 2 в 3), близки к тем случаям, где *pās-* употребляется в значении ‘пасти’. Сочетание отглагольного прилагательного на *l* от *pās-* *pāṣal* с существительным *śemāl* ‘скот’ употребляется в значении ‘скотоводство’: карашарское *śemal pās- l* выступает (3 а 5) в качестве эквивалента *raṣurāḷa* ‘скотоводство’ в параллельных санскритских текстах²⁰. Таким образом, по своему значению карашарское *pās-* близко соответствует как **пасти, пасж, съпасти, съпасж**, так и хеттск. *paḥš-*. Совершенно несомненно, что карашарское *pās-* исторически тождественно слав. **pās-* и хеттск. *paḥš-*. Эти славянские, хеттская и карашарская глагольные основы легко возводятся к индоевропейской основе, оканчивающейся на *s*. Но если обратиться к кучанскому языку, входящему вместе с карашарским языком в одну (кучанско-карашарскую или «тохарскую») ветвь индоевропейской семьи языков, то окажется, что карашарскому *pās-* в кучанском языке соответствует *pāsk-*.

Кучанское *pāsk-* по своим значениям близко к карашарскому *pās-*. В двуязычных кучанско-санскритских текстах кучанское *pāsk-* соответствует санскритскому *raks* ‘охранять, защищать, хранить’ (Udānavarga, Varga XXXI,

¹⁷ Ср.: *George S. Lane. Vocabulary to the Tocharian Puṇyavantajātaka // Supplement to Journal of the American Oriental Society. 1948. № 8. P. 22.*

¹⁸ При цитировании карашарских текстов все ссылки даются на издание *Sieg und Siegling. Tocharische Sprachreste. Berlin; Leipzig, 1921.*

¹⁹ Следует анализировать как *klop pāslis: Sieg, Siegling, Schulze. Tocharische Grammatik. Göttingen, 1931 (сокращенно SSS). S. 447.*

²⁰ О санскритских параллелях карашарскому тексту 3 а 5 см.: *E. Sieg. Übersetzungen aus dem Tocharischen I (Abh. d. Preuss. Ak. d. Wiss. Jahrgang 1943, Philos.-hist. Kl. Nr. 16). Berlin, 1944. S. 6, примеч. 4. Об употреблении отглагольного прилагательного на *l* (родственно славянскому *l > л* в русских формах прошедшего времени) в значении существительного ср.: *W. Thomas. Die Tocharische Verbaladjektive auf -l. Eine syntaktische Untersuchung (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Institut für Orientalforschung, Veröffentlichung № 9). Berlin, 1952.**

23 в 4, 26 в 5²¹). В опубликованных до настоящего времени кучанских текстах, являющихся переводами буддийских сочинений, *pāsk-* чаще всего употребляется в специальном религиозно-этическом значении «хранить, блюсти (закон, заповедь)». Аналогичное значение засвидетельствовано и у карашарского *pās-* в буддийских текстах на карашарском языке. Следует указать на сходное употребление хеттск. *paḥš-* в сакральных формулах типа *uttar paḥš-* «хранить слово (наказ царя)». Не исключена возможность, что соответствующие кучанско-карашарские глаголы уже в древности, до периода воздействия буддизма на носителей кучанско-карашарских языков, получили сходное значение и именно поэтому позднее были использованы для передачи буддийской терминологии санскритских, тибетских и китайских текстов. В деталях употребления в буддийских текстах карашарского *pās-* и кучанского *pāsk-* (и производных от этих глаголов) есть много общего. Среди карашарских сложных слов со вторым компонентом *pāṣe* «защитник» наиболее употребительным является *pālska-pāṣe* «защитник мысли» (99 а 4, 319 в 8, 348 в 3). Точно так же и кучанский глагол *pāsk* — неоднократно сочетается с *palsko* «мысль»: Udānavarga, Varga XXXI, 24 в 5²²; Udānālaṅkāra 31 в 5²³. Так как в большинстве случаев кучанское *pāsk-* употребляется в значении «блюсти, хранить, блюсти нравственность», производное от *pāsk-* существительное *paṛāṣṣorñe* получает значение «соблюдение нравственности» (соответствует санскритскому «нравственный строй души» в двуязычных текстах). Часто употребляется сочетание *paṛāṣṣorñe pāsk* «блюсти нравственность». Но в некоторых текстах сохраняется значение *pāsk* «защищать, охранять», не в такой степени осложненное буддийскими религиозно-этическими представлениями, например, *indr[i] ntaṣṣi [t]w(e) [r(i)] passalyi* «врата (буквально «двери» — кучанское *twere*, ср. русск. *дверь*) органов чувств нужно защищать» (Udānālaṅkāra, 67 в 5). Для сопоставления со славянскими и хеттскими производными от данной основы существенно употребление *pāsk-* в кучанском в значении «беречься, опасаться»: *(na) [ka] nma palskalñentamts, yolaina toṃ teṃ pāssat* «дурные ошибки представлений, которых вы должны опасаться» (Udānālaṅkāra, 8 в 5). Таким образом, по своим значениям кучанское *pāsk-* соответствует рассмотренным выше карашарской, хеттской и славянской глагольным основам. Тесная связь между карашарским *pās-* и кучанским *pāsk-*, обнаруживающаяся в значении и употреблении этих глаголов, заставляет предположить, что они образованы от одного и того же корня. Обращает на

²¹ См.: S. Lévi. Fragments des textes Koutchéens. Paris, 1933. S. 54, 55 (сокращенно Fr.).

²² См.: S. Lévi. Fr. P. 55.

²³ Текст «Udānālaṅkāra» цитируется по изданию: Sieg und Siegling. Tocharische Sprachrische. Sprache B. Heft 1: Die Udānālaṅkāra — Fragmente. Göttingen, 1949.

себя внимание и то, что как карашарское *pās-*, так и кучанское *pāsk-* представлены главным образом медиальными формами (ср. частое употребление хеттск. *paḥš-* в медиопассиве); карашарской форме 3 л. мн. ч. медиального залога *pāsantār*, *pāsantra* (ср. хеттск. *paḥsantaru* ‘они должны защищать’) соответствует кучанское *paskentra* и т. п. (ср. медио-пассивное *pascuntur* в латинском языке). Но основы этих глаголов являются различными: кучанский глагол имеет основу на *-sk*, карашарский глагол — основу на *s*. Это различие следует связать с особенностями развития системы классов кучанско-карашарского глагола. К периоду создания письменных памятников на кучанско-карашарских языках (V—VIII вв. н. э.) как кучанское *pāsk-*, так и карашарское *pāsk-* стали непроизводными глаголами. Кучанское *pāsk-* спрягается по II классу (тематические непроизводные глаголы), что находит соответствие в спряжении карашарского *pas-* по IV классу (также тематические непроизводные глаголы)²⁴. Но по происхождению кучанское *pāsk-* следует считать глаголом с суффиксом **-ske/o*. Давно уже была замечена близость кучанского *pāsk-* и лат. *pāscō*, *pāvī*, подтверждающая это предположение²⁵. В настоящее время установлено, что не только *pāsk-*, но и некоторые другие кучанские глаголы II класса восходят к образованиям на *ske/o*²⁶. Поэтому для понимания происхождения кучанского *pāsk-* необходимо учесть особенности развития кучанско-карашарских глаголов на **ske/o* в соотношении с другими глагольными классами²⁷.

Как показывают новейшие исследования, в области глагола (как и в области именного склонения) существуют очень важные различия между кучанским и карашарским языками. Более архаичную систему сохраняет кучанский язык; в карашарском языке эта древняя система значительно измени-

²⁴ Классы кучанских глаголов указываются по классификации: *W. Krause. West-tocharische Grammatik. В. I. Das Verbum. Heidelberg, 1952* (сокращенно: *Krause. Das Verbum*); классы карашарских глаголов даются согласно классификации Зига, Зиглинга и Шульца.

²⁵ См.: *W. Petersen. Hittite and Tokkarian // Language. Vol. IX. № 1. 1933. P. 27.*

²⁶ См.: *G. S. Lane. [Рец. на:] W. Krause. Das Verbum // Language. Vol. XXIX. № 4. 1953, October — December. P. 487.*

²⁷ До настоящего времени кучанское *pāsk-* и карашарское *pās-* в связи с историей кучанско-карашарского глагола не рассматривалось, что отчасти объяснялось плохой изученностью кучанского глагола (систематически исследованного только в последние годы). Поэтому замечания по этому поводу Ван-Виндекенса, впервые сопоставившего кучанско-карашарские глаголы с хеттским и славянским, были ошибочными (*Van Windekens. Lexique étymologique des dialectes tokhariens. Louvain, 1941. P. 88*). Х. Педерсен ограничился чисто фонетической интерпретацией этой этимологии в связи с вопросом об отражении долгого *ā* в кучанском (*H. Pedersen. Zur tocharischen Sprachgeschichte. København, 1944. S. 43*).

лась. В частности, это относится и к глаголам на **-ske/o*. В кучанском языке эти глаголы являются весьма употребительными и продуктивными (IX, X, XI классы кучанских глаголов). С помощью суффикса *-sk-* в кучанском образуются каузативные глаголы. Но параллельно с глаголами на *-sk-* в кучанском существуют глаголы на *-s-* (VIII класс кучанских глаголов). Значение суффикса *-s-* в кучанском очень близко к значению суффикса *-sk-*. Как правило, с помощью этого суффикса в кучанском образуются каузативные глаголы; например, *luks* ‘освещать’ от корня *luk* ‘светить’ (лат. *lux-* ‘свет’, хеттск. *luk* ‘светать’ и т. п.). Благодаря тому что суффиксы *-sk-* и *-s-* очень близки друг к другу, от одного и того же глагола могут быть образованы синонимичные каузативные глаголы с суффиксами *-s-* и *-sk-*: таковы, например, каузативные образования на *-s-* и *-sk-* от глагола *tsärk* ‘жечь, мучить’²⁸. В карашарском языке глаголы на *-s* получили необычайное распространение (VIII—XI классы карашарских глаголов). Карашарские глаголы на *-s* полностью вытеснили глаголы на *-sk*, которые в карашарском языке отсутствуют. Только в некоторых формах конъюнктива и претерита сохранились следы бывшего различия между глаголами на *-sk* и глаголами на *-s*, причем на основании этих форм можно утверждать, что и в карашарском существовали параллельные образования на *-s* и на *-sk* от одного и того же корня²⁹. В карашарском благодаря палатализации *k* некоторые формы глаголов на *-sk* и *-s* фонетически совпали, что при синонимичности этих образований привело к смешению основ на *-sk* и основ на *-s* и к позднему вытеснению глаголов на *-sk* глаголами на *-s*, получившими преобладание. Таким образом, для общекучанско-карашарского («общетохарского») следует восстанавливать наличие двух параллельных типов глагольных образований на *-sk* и на *-s*. В кучанском языке сохранились оба эти типа. В карашарском языке глаголы на *-sk* были вытеснены глаголами на *-s*, причем в карашарских глаголах на *-s* совпали древние глаголы на *-s* и глаголы, относившиеся в общекучанско-карашарском к образованиям на *-sk*. Установленную таким образом картину можно пояснить следующей таблицей:

Общекучанско-карашарский	глаголы на <i>-s</i>	глаголы на <i>-sk</i>
Кучанский	глаголы на <i>-s</i>	глаголы на <i>-sk</i>
Карашарский	глаголы на <i>-s</i>	

Сопоставим с этой картиной соотношение кучанское *pāsk-*: карашарское *pās-*. Поскольку известно, что кучанское исторически является глаголом на **-ske/o* и вместе с тем установлено, что кучанское *pāsk-* по своему значению и

²⁸ См.: *W. Krause. Das Verbum. S. 81.*

²⁹ См.: *Ibid. S. 80—81, 177—178.*

употреблению близко к карашарскому *pās-*, не подлежит сомнению, что карашарское *pās-* исторически является глаголом на *-s*. Суффикс *-s-* в карашарском *pās-* исторически связан с суффиксом *-sk-* в кучанском *pāsk-* так же, как связаны друг с другом суффиксы *-s-* и *-sk-* в кучанских образованиях от одного и того же корня, например кучанское *trik-s* (VIII класс): *trik-(a)sk-* (IX класс) от корня *trik-* ‘заблуждаться’.

Ввиду того что карашарское *pās* этимологически связано с хеттск. *paḥš-* и слав. *pās-* (пасти), а кучанское *pask-* этимологически связано с лат. *pascō*, возникает вопрос: в какой мере можно привлекать соотношение кучанско-карашарских суффиксов *-s-* : *-sk-* для объяснения фактов других индоевропейских языков, то есть в какой мере это соотношение отражает общеиндоевропейское состояние?

Общеиндоевропейский характер суффикса *-sk-* не вызывает сомнений. Немецкий лингвист В. Краузе в новейшей работе о кучанском глаголе утверждает, что и кучанско-карашарский суффикс *-s-* унаследован от общеиндоевропейского; для подтверждения этого предположения В. Краузе приводит такие факты, как греч. ἀέξω ‘умножаю’, лат. *augeo*, др.-инд. *rakṣati* ‘он защищает’, греч. ἄλεξω ‘отражаю’, греч. ἀλκή ‘защита’, др.-англ. *ēalzian* ‘защищать’³⁰ (попутно следует отметить, что эта глагольная основа относится к тому же семантическому кругу, что и хеттск. *paḥš* и т. п.). Эти давно уже хорошо известные³¹ факты свидетельствуют о том, что в общеиндоевропейском существовал суффикс *-s-* со значением, близким к значению кучанско-карашарского *-s-*. Но В. Краузе (как и другие современные зарубежные лингвисты) не обратил внимания на значение вопроса о соотношении *-s-* : *-sk-*. Между тем еще К. Бругманн указывал, что индоевропейский суффикс **-sk(o)-* тесно связан с суффиксом **-s-* (в ἄλεξω и т. п.)³². К. Бругманну и другим лингвистам начала XX в. не были известны факты кучанско-карашарских языков, подтверждающие это предположение. Поэтому К. Бругманн и шведский лингвист Перссон основывались только на таких данных, как соотношение ср.-в.-нем. *lūschen* (с **-sk-*) ‘слушать’: др.-инд. *cruṣ* (с **-s-*) от корня **kleu-* (с этим можно сопоставить в настоящее время кучанское *klyaus-* ‘слышать’ и карашарское *klyos-*, входящее в ту же группу глаголов на *-s*, что и карашарское

³⁰ W. Krause. Das Verbum. S. 77.

³¹ См. раздел об основах на *s* и *so* у К. Бругманна (K. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. B. 2, 3. T. 1. S. 336—350).

³² См.: K. Brugmann. Op. cit. S. 350—351. Следует отметить, что и для примера глаголов на *-s*, приводимого Краузе— греч. ἀ[-]έξω (ср.: K. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. B. 2. T. 3. 1 Lf. S. 339), можно найти параллельное (инхоативное) образование на **-ske/o* в латинском языке: *augesco* ‘увеличиваться, прибавляться’, хотя суффикс здесь присоединяется к *-e-*.

pās-)³³. В настоящее время гипотеза о тесном параллелизме суффиксов *-s-* и *-sk-* подтверждается указанными выше фактами кучанско-карашарских языков. Но необходимо обратить внимание и на то, что веские доказательства правильности этой гипотезы можно извлечь из данных хеттского языка.

В употреблении глагольных образований с суффиксом **-ske/o* существуют черты, общие хеттскому и кучанско-карашарским языкам, что уже отмечалось в научной литературе³⁴. Но до настоящего времени оставалось незамеченным то обстоятельство, что параллелизму каузативных суффиксов *-s* : *-sk-* в кучанско-карашарских языках соответствует употребление в одинаковом значении суффиксов *-šk-* и *-š(š)-* в хеттском языке. Глагольный суффикс *-šk-* в хеттском языке имеет чаще всего значение длительности и многократности. Аналогичное значение имеет и глагольный суффикс *-šš-*, представленный, например, в *halzešša* ‘повторно звать, читать’ (от *halzai*), *ešša* ‘делать’³⁵ (от *iša-*, соответствующего карашарскому *ya* ‘делать’). В статье, опубликованной в 1953 г., немецкий хеттолог Б. Розенкранц писал по поводу хеттских глаголов на *-šš-*: «соответствия в других индоевропейских языках не установлены»³⁶. Между тем в настоящее время совершенно очевидно, что соотношение синонимичных глагольных суффиксов *-šk-* и *-š(š)-* в хеттском языке генетически тождественно соотношению кучанско-карашарских глагольных суффиксов *-sk-* и *-s-*. Точно так же как в кучанско-карашарских языках от одного и того же глагольного корня могут быть образованы глаголы на *-s-* и на *-sk-*, в хеттском языке параллельно употребляются глаголы *halzešša* (образование от *halzai* с суффиксом *-šš-*) и *halzešk* (или *halzišk*) с суффиксом *-šk-*. Но суффикс *-šk-* в хеттском языке является исключительно употребительным и продуктивным, тогда как суффикс *-šš-* встречается редко. В этом отношении хеттский язык ближе к кучанскому языку, чем к карашарскому. Но все же и в кучанском языке глаголы на *-s-* играют гораздо большую роль, чем в хеттском. В хеттском языке формы на *-sk-*, образование которых стало возможным поч-

³³ Зиг, Зиглинг и Шульц относят *klyos* и *pās* к числу карашарских «сигматических корней» (SSS. S. 355). На общие черты этих глаголов с «корневым расширителем» *s* обращает внимание и *H. Pedersen. Tocharisch. Vom Gesichtspunkt der Indoeuropäischen Sprachvergleichung. København, 1941. S. 180*; ср. также: *W. Thomas. Die Tocharische Verbaladjektive auf -l. 1952. S. 12.*

³⁴ См.: *Couvreux. Les dérivés verbaux en -ske/o du hittite et du tocharien; Revue des études indo-européennes. Janvier — mars. Bucuresti, 1938. T. I. F. 1. P. 89—101.*

³⁵ См.: *И. Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952. С. 83*; *E. H. Sturtevant, E. A. Hahn. A. Comparative Grammar of the Hittite Language. Vol. 1. New Haven, 1951. P. 135.*

³⁶ *B. Rosenkranz. Die Hethitische hi — Konjugation // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. B. II. Heft 3. Januar 1953. S. 342.*

ти от каждого глагола, получили полное преобладание над синонимичными формами на *-s-* (ср. прямо противоположный процесс в карашарском языке). То обстоятельство, что в хеттском языке глагольный суффикс *-šš-* принадлежит к числу отмирающих словообразовательных средств, делает вероятным предположение, что к этому суффиксу восходит окаменевший формант *-š-*, выделяемый в некоторых глагольных основах³⁷. В этом отношении особый интерес представляет глагол *au-/u-* ‘видеть’. В некоторых формах этого глагола выступает основа *auš-*. Давно уже обращено внимание на то, что основы *au-* и *auš-* во многих случаях равнозначны основе *ušk-(au-/u-+šk-)*³⁸. Различие между *au-* и *ušk-* сказывается только в спряжении: *au-* принадлежит к спряжению на *-hi*, *ušk* — к спряжению на *-mi*.

Такое морфологическое различие характерно для противопоставления хеттских глаголов на *-sk-* и на *-šš-*: все глаголы на *-sk-* принадлежат к спряжению на *-mi*, все глаголы на *-šš-* принадлежат к спряжению на *-hi*. Поэтому соотношение глаголов *au-/u-* : *auš-* (спряжение на *-hi*) : *ušk-* (спряжение на *-mi*) тождественно соотношению *halzai-* : *halzešš(a)* (спряжение на *-hi*) : *halzešk* (спряжение на *-mi*).

Таким образом, анализ системы хеттского глагола позволяет, не прибегая к сравнению с другими индоевропейскими языками, сделать вывод, что окаменевший формант *-š-* в глаголах на *-hi* может быть по происхождению тождествен суффиксу *-š(š)*, который представлен в глаголах *halzešša*, *ešša*. Это предположение подтверждается в отношении одного из глаголов спряжения на *-hi* глагола *paḥs-* благодаря сравнению его с родственными словами других индоевропейских языков.

Различие между *-s* в карашарском *pās-* и *-sk* в кучанском *pāsk-* нельзя не связать с историей кучанско-карашарских суффиксов *-s-* и *-sk-*. Кучанско-карашарское соотношение суффиксов *-s-* : *-sk-*, аналогичная связь хеттских суффиксов *-š-* и *-šk-* и давно уже замеченный параллелизм суффиксов **-s(o)-* и **-sk(e/o)-* в других индоевропейских языках позволяет сделать вывод, что индоевропейские суффиксы **-s-* и **-ske/o-* были очень близки по своим функциям. В древних индоевропейских языках встречаются случаи, когда образованию на *-s* в одних языках соответствует образование на *-sk* в других языках (ср. выше о ср.-в.-нем. *luschen*), в кучанско-карашарских и хеттском языках такие параллельные основы на *-s* и на *-sk* встречаются в пределах одного языка (хеттск. *halzešš* : *halzešk* и т. п.). В свете этих фактов оказывается возможным

³⁷ Формант *-es/s-* в хеттском глаголе исследовал *H. Pedersen*. Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. København, 1938. S. 94—97, которому, однако, оставались неизвестными хеттско-кучанско-карашарские соответствия в отношении суффикса *-s-*. К числу глаголов с формантом *-s-* *X. Педерсен* относил *paḥš-* (Ibid. P. 97, 187).

³⁸ См.: *W. Couvreur*. Les dérivés verb aux en *-ske/o* du hittite et du tocharien. P. 95.

объяснение соотношения между хеттск. *paḥš-*, слав. **pās-* и карашарским *pas-*, с одной стороны, кучанским *pask-* и латинск. *pasco*, с другой стороны. В одних из этих глаголов представлена основа с суффиксом *-s-*, в других — основа с суффиксом *-sk-*. Происхождение хеттск. *paḥš-* из *paḥ-š* (где *-š-* суффикс, синонимичный с *-šk-*) объясняет принадлежность этого хеттского глагола к спряжению на *-hi* (характеризующего глаголы на *-š*, в отличие от глаголов на *-šk-*).

Предложенное объяснение рассматриваемых явлений может быть применено и к фактам латинского языка. Давно уже было замечено, что латинские формы *pāstum* и *pāstor* трудно объяснимы, если исходить из глагольной основы, представленной в *pā-sco*, *pā-vi* (по образцу (*g*)*nō-sco* и *nō-tor*, *sci-sco* и *sci-tum* следовало бы ожидать **pā-tum* и **pā-tor*).

Делались попытки объяснить неправильное образование форм *pāstum* и *pāstor* тем, что они были образованы от основы настоящего времени (на *-sc-*), причем сочетание **sct* упростилось в *st* (**pāscetos* > *pāstus*)³⁹. Но это объяснение нельзя признать сколько-нибудь удовлетворительным, так как предполагаемые здесь процессы не подтверждаются другими данными. Поэтому А. Мейе и А. Эрну пришли к выводу, что следует исходить из двух форм корня: *pā-* в *pāscō*, *pāvī* и *pā-bulum* ‘корм, пища (то, что служит для пастьбы)’⁴⁰ и *pās* в *pās-tum* и *pās-tor*. Поскольку рассматриваемые в настоящей работе факты не были известны А. Мейе и А. Эрну, они пришли к выводу, что основа *pās-* нигде, кроме латинского языка, не засвидетельствована⁴¹. Но известные в настоящее время данные позволяют связать латинскую основу *pās-* с соответствующими глагольными основами хеттского, карашарского и славянских языков. Сходство латинских фактов с кучанско-карашарскими и хеттскими тем более понятно, что давно уже замечена близость морфологии италийских и кучанско-карашарских (а отчасти и хеттского) языков. Установленные соотношения между родственными формами индоевропейских языков можно представить следующим образом:

Группа языков	Основа на <i>-s</i>	Основа на <i>-sk</i>
Славянская	старосл. пас-ти, пас-ж русск. <i>пас-ти, пас-у</i>	—
Хеттская («анатолийская»)	хеттск. <i>paḥš-</i>	—
Кучанско-карашарская	карашарск. <i>pās-</i>	кучанск. <i>pāsk</i>
Италийская	лат. <i>pās-tum</i>	лат. <i>pās-tor</i>

³⁹ См.: F. Sommer. Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1914. S. 256, 501; Roland Kent. The Forms of Latin. Baltimore, 1946. P. 133; O. Szemerényi. Archivum linguisticum. V. 6. F. 1. 1954. P. 34, 35.

⁴⁰ «Propreraent ce que sert a nourrir ou à faire paitre», A. Meillet, A. Ernout. Dictionnaire étymologique de la langue latine. 3 ed. Paris, 1952. P. 861.

⁴¹ См.: A. Meillet, A. Ernout. Op. cit. C. 862.

При сопоставлении этих фактов, естественно, возникает вопрос об относительной хронологии этих образований. К. Бругманн склонен был истолковывать связь суффиксов **-s(o)-* и **-sk(e/o)-* как свидетельство происхождения **-sk e/o-* из **-s + ko-*. В пользу этого предположения говорит то, что в некоторых индоевропейских языках **-ske/o-* мало употребительно и в аналогичной функции выступает **sto*; в особенности показательны в этом отношении факты балтийских языков⁴². Характерно также и то, что суффикс *-s-* и в хеттском и в кучанском языке является малоупотребительной архаичной словообразовательной морфемой; в других индоевропейских языках этот суффикс становится мертвым формантом. Исключение представляет только карашарский язык, но распространение суффикса *-s-* в этом языке является поздним явлением, объясняемым особенностями фонетического развития карашарского. Таким образом, имеются доводы, говорящие в пользу большей древности суффикса **-s-* (по сравнению с суффиксом **-sk-*). Но в настоящее время было бы преждевременным делать окончательные выводы по этому вопросу. Предстоит еще внимательно изучить соотношение этих суффиксов, их функциональную связь и различия между ними.

Следует заметить, что в рассматриваемой группе слов (*paḥš-* и т. п.) различия в основообразующем суффиксе (*-s-* или *-sk-*) не связаны с различиями в значении (что вполне понятно, так как этот суффикс во всех приведенных словах уже сросся с корнем). Все слова данного корня имеют значение «защищать, охранять»; кроме того, во всех языках, за исключением хеттского и кучанского, засвидетельствовано специализированное значение «защищать, охранять скот > пасти». Возможно, что это специализированное значение, представленное в славянских, карашарском и латинском языках, следует признать очень древним (так как предположение о параллельном семантическом развитии, давшем идентичные результаты по отношению к стольким языкам, являлось бы менее вероятным).

В кучанском языке глагол *pāsk-* представлен в буддийских текстах; не исключена возможность, что значение «пасти» оказалось незасвидетельствованным именно в силу специфического характера этих текстов (но возможна и утрата этого значения под влиянием того, что глагол *pāsk-* в кучанском стал употребляться почти исключительно для передачи религиозно-этических понятий). Что же касается хеттского языка, отсутствие значения «пасти» у глагола *paḥš-* объясняется наличием другого глагола с этим значением: хеттск. *uešija* «пасти», *ueši* «пастбище», *ueštar* «пастух» (ср. авест. *vāstar* «пастух»,

⁴² См.: Chr. S. Stang. Das slawische und baltische Verbum. S. 136—137; подробная библиография этого вопроса дана в книге: J. Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Rīga, 1951. S. 751—752.

vāstra ‘пастбище, корм для скота’, *vāstrya* — ‘скотовод, крестьянин’, *vāstrya*, *vāstraya* ‘пасты, заниматься сельским хозяйством’). Вопрос о соотношении этого корня, общего хеттскому и авестийскому, с хеттск. *paḥš-*, старосл. **пасты**, карашарским *pās* и лат. *pāscō*, *pāstor* относится к области изучения географического распределения индоевропейской лексики по диалектальным областям. Во всяком случае, не случайно в хеттском языке, где представлены оба эти корня, один из них не имеет специального значения «защищать скот — пасты» (возможно, утратил это значение). Для окончательного решения вопроса о древнем значении этих основ существенным может быть привлечение фактов других индоевропейских языков.

В латинском языке наряду с основами на *-s* и на *-sk* представлена и непроизводная основа *pā-* (в *pā-vī* и *pābulum*). Вполне вероятной является связь этого корня с др.-инд. *pā-* (и др.-иран. *pā-*): др.-инд. *p ti* ‘бережет, защищает’, которое часто сближают со старосл. **пасты** и лат. *pāscō*. В пользу этой этимологии говорит то, что др.-инд. *pā* ‘защищать’ часто употребляется, когда речь идет о защите скота, ср. сложные слова *go-pā* ‘пастух, защитник’ (часто употребляется в «Ригведе») и *pa u-pā* ‘пастух’ (оба сложных слова буквально означают ‘защитник скота’). Но для окончательной проверки этой этимологии следует изучить функции *u*, часто выступающего в древних индоиранских языках в качестве последней фонемы корня *pā/pāu* ‘защищать, охранять’. Что же касается греч. *πάυ* ‘стадо’, сближаемого иногда с др.-инд. *pāti* и лат. *pāscō*, это сопоставление нельзя считать достаточно достоверным, так как индоевропейские **ō-* и **ā* не могут быть непосредственно приравнены друг к другу.

Таким образом, индоиранские и греческие соответствия в рассматриваемой группе слов остаются в известной мере гадательными. Древняя непроизводная основа *pā* достоверно засвидетельствована только в латинском. Но производные основы *pā-s-* и *pa-sk-*, представленные в ряде древних индоевропейских языков, свидетельствуют о широком распространении корня *pā* ‘защищать, охранять (> пасты)’.

Произведенный анализ слов индоевропейских языков, родственных русскому *пасту*, показывает, насколько необходимым для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков (в том числе и таких хорошо изученных языков, как славянские и латинский) является привлечение данных хеттского и кучанско-карашарских языков. Соотношение *s* в *пасту* и *sk* в *pāscō*, которое тщетно пробовали объяснять чисто фонетически, можно понять, только учитывая древние связи индоевропейских суффиксов **-s-* и **-sk-*. Славянские языки сохраняют в данном случае древний тип образования основы, представленный также в хеттском и карашарском языках. Поэтому данные славянских языков должны учитываться при исследовании проблемы развития индоевропейского суффикса *-s-* в его соотношении с *-sk-*.

Изучение этой проблемы в настоящее время может стать особенно плодотворным благодаря открытию языков (кучанско-карашарских и хеттского), в которых суффикс *-s-* сохраняется наряду с *-sk-*. Дальнейшее исследование этих фактов может пролить свет на историю некоторых индоевропейских глагольных основ.

Корректирующее примечание

В последние годы был опубликован ряд работ, доказавших наличие параллельных классов глаголов на *-s-* и *-sk-* в налайском языке и глаголов на *-s-* в лувийском и ликийском языках (см., в частности: *A. Kammenhuber. Esquisse de grammaire palaite // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. T. 55. 1959. Fasc. 1. P. 40—41*) и тем самым общеанатолийский характер этих классов. Славянская параллель к хеттской и «тохарской» сакральной формуле была указана В. Н. Топоровым (*Slovenica // Вопросы славянского языкознания. Вып. 4. М., 1959. С. 92—93*). С гипотезой о наличии в хеттском *paḥš-* древнего суффикса *-š-* хорошо согласуется анализ этого глагола как «статического», данный в книге: *G. Bechtel. Hittite verbs in -sk- // Ann Arbor, 1936. P. 31, 47, 98—99* (книга была недоступна автору при написании статьи). О возможной параллели в лувийском ср. статью автора: К изучению лексики лувийского языка: Исследования в честь на акад. Д. Дечев. София, 1958. С. 146—147. С рассмотренными формами может быть также связано отглагольное хеттск. *paḥḥeškiuḫar* (*A. Kammenhuber. Stud. z. heth. Infinitivs. II. S. 246, fn. 1*) и *paḥḥur* ‘огонь’ (см. о формуле *paḥh-ur paḥ-š-* статью автора: Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии // Вестник МГУ. 1957. № 2).

1959

Постскриптум

Более подробно этимология рассмотрена в: Этимология. Т. I.

К ПРОБЛЕМЕ 'ЛЮТОГО ЗВЕРЯ' *

Основным остается вопрос, не является ли слово *лютый* в его древнерусской форме и литовском соответствии этимологически независимым следом древнего названия льва (см.: *Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 2. Тбилиси, 1984. С. 508, 511*). При допущении древности основы типа **liu-* (общегерм. **liuaz*), которая может быть общей для германского, балтийского и славянского или ранним заимствованием в балтийском и славянском, по этимологическим причинам было бы вероятно считать, что эта основа обозначала 'льва', но достаточно рано (в частности, при присоединении суф. *-to-* или при контаминации с формами, имеющими этот суф.) стала обозначать и других хищников, относившихся к тому же семантическому полю. В этом случае нужно вернуться ко многим выводам В. Ф. Миллера.

1984

* Издано в: АН СССР. Институт славяноведения и балканистики. Балто-славянские исследования. 1984. Отв. редактор доктор филологических наук Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1986.

РАННИЕ КОПТСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СЛАВЯНСКОМ*

Проблема коптско-славянских (и древнеегипетско-славянских) языковых связей была уже 30 лет назад поставлена Н. А. Мещерским¹, который соединял в своем лингвистическом пути профессиональные познания в двух этих областях. Справедливость его общей идеи можно попробовать доказать некоторыми новыми лексическими сближениями.

Ст.-слав. **аш#**ѣръ ‘ящерица’² < **jasterь* тождественно коптск. *АЩІРА* ‘хамелеон, ящерица’³. Хотя несоответствие гласных во втором слоге может вызывать известные трудности, развитие на старославянской почве можно было бы объяснить влиянием предшествующего согласного. В остальном же соответствие представляется настолько точным, что случайность практически исключается. По географическим и культурно-историческим причинам прямой устный контакт носителей двух традиций маловероятен. Скорее всего, речь может идти о достаточно раннем заимствовании книжного характера (заметим, что коптское происхождение с большим основанием предполагалось для входящего в написание слова знака для **ш#**; Фортунатов думал и о коптском происхождении глаголицы в целом). Если коптское слово рано через книжную монастырскую среду проникло в старославянский, оно потом

* Издано: Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 2002.

¹ О коптском и древнеславянском как о языках «восточносредиземноморского цикла» см. [Мещерский 1979; 1995: 13—19, 24; Иванов 2000: 287].

² *Slovník jazyka staroslovenského* 1959. S. 66; [Severjanov 1956: 272—570] (Супрасльская рукопись. Слово Иоанна Златоустого в Великую Среду).

³ [Crum 1939: 23a; Černý 1976: 16], там же дальнейшая литература о коптском слове, его значении и вероятных египетских истоках.

было уже в устной и поэтому более подвижной форме заимствовано в другие славянские языки, испытав изменения анлаута, в восточных и части западных славянских языков приведшие к протетическому *j*- (др.-русск. **ящѣръ**, русск. *ящѣр-ица*, *ящѣр*, укр. *ящѣрка*, белорус. *ящѣрка*; ст.-чеш. *ješčer* > чеш. *ješter*, ст.-чеш. *ješčerka* > чеш. *ještěrka*), перед которым может появляться *h*- (диалектн. морав. *hiščerka*), а в полабском и севернолехитском — начальное *v*-/*u*- (полабск. *vjestaréica* ‘ящерица’, *vistāraiica*, кашубск. *vješčeřéca*, словинск. поморск. *vješčeräcä*); в южнославянском перед сходным *u*- образовался согласный *g*-/*lk*- : болг. *гущѣр*, серб. *гущѣр*, хорв. *gušcer*, словен. *kuščar*⁴. В западнославянском, откуда слово было заимствовано и в прусский⁵, оно в части диалектов изменило и вокализм второго слога и развило и в нем *-u-* (ср. *u-* в анлауте в других диалектах). По существу общеславянскую форму восстановить можно лишь совершенно условно. Некоторые наиболее вдумчивые исследователи предполагали даже возможность реконструкции двух разных исходных форм для южнославянского и для других языков, но этому бы противоречило наличие консонантной структуры согласных внутри слова, которая объединяет все формы разных языков, хотя их и нельзя свести вместе по обычным законам сравнительной фонетики. Представление о диалектной трансформации древнего заимствования кажется значительно более реалистичным⁶.

Число аналогичных заимствований, в конечном счете восходящих к коптскому или древнеегипетскому источнику, может быть умножено. При неясности первоначального прототипа слав. **goloNbv* ‘голубь’ и признании его вероятной (но фонетически незакономерной) связи с лат. *columba* и с балтийскими названиями лебедя⁷ давно высказывалось предположение о субстратном (или неиндоевропейском) происхождении слова⁸. Самым близким соответствием представляется коптск. ΣΡΟΟΜΠΕ ‘голубь’ < древнеегип.

⁴ [Skok 1971: 638].

⁵ [Топоров 1979. Т. Е—Н: 98—100] (с детальным обзором литературы вопроса).

⁶ Если попробовать распространить подобное объяснение и на отчасти сходное слав. **aštelú* (> в.-луж. *ješčel* ‘самец ящерицы’; с чередованием **-l- ~ -r-*, ср.: [Трубачев 1974: 86—87]), то ближайшим соответствием могло бы стать если не диалектное преобразование того же коптского слова (ср. ниже о плавных сонорных), то египетск. демотич. *sdyl* ‘ящерица’ ([Černý 1976: 263]).

⁷ Ср. обзор возможных объяснений и вероятной связи с балтийскими названиями голубя: [Топоров 1979. Т. Е—Н: 74—75]; неточность соответствий в балтийском со свойственной ему осторожностью неоднократно отмечал в цикле своих работ о славянских названиях птиц Л. А. Булаховский (1978: 259, 262, ср. о старом типе основ на *-i* там же, 270).

⁸ [Machek 1957: 137]. Ср.: [Трубачев 1979: 216—217].

**grmp*⁹ (чередование *-l- ~ -r- при первичности первого плавного сонанта наблюдается в значительном числе случаев¹⁰).

Оба эти случая относятся к семантической сфере названий животных, где поиск других аналогичных заимствований имеет смысл продолжить¹¹. Но в случае голубя следует иметь в виду аксиологическую ценность этого образа как на Древнем Востоке, так и в христианской символике¹², с которой можно было бы связывать распространение коптского названия.

К другому семантическому полю должно относиться коптское название дрожжей, закваски, молозива, масла ΣΙΡ, демотич. егип. *sur* 'масло', которое в качестве миграционного культурного термина было уже ранее сопоставлено, с одной стороны, с семитским $\sqrt{s'r}$ 'дрожжи', представленным в древнееврейском и арамейском, с другой же стороны — со славянским **surь*, далее сравниваемым с греч. *τυρός*, авест. *tūri* 'кислое молоко'¹³. Особый интерес этого сопоставления определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, наряду с этой формой с начальным *s*- в коптском в близком значении засвидетельствовано и слово ТΡΟΥΑΝ 'сыр (?)', непосредственно сопоставимое по значению и звучанию с греческо-авестийским названием кислого молока, сыра¹⁴. Во-вторых, форма этого последнего значительно уточняется и

⁹ [Černý 1976: 335].

¹⁰ [Kuentz 1938; Коростовцев 1967: 34—35; Korostovtsev 1973: 10; Loprieno 1995: 31, 246, п. 56].

¹¹ В настоящем коротком сообщении я не касаюсь более поздних заимствований в отдельные славянские языки таких восточных миграционных терминов, которые могут быть в конечном счете возведены к коптскому: так, в сфере названий культурных растений русск. *инжир* в относительно позднее время было заимствовано через тюркские языки, где слово персидского происхождения ([Дмитриев 1962: 534]). Новоперсидское (фарси) слово *andžir* 'инжир, фи́га, винная ягода', в свою очередь распространившееся как миграционный термин в других иранских ([Стеблин-Каменский 1982: 85]) и индоарийских языках ([Laufer 1919: 411; Turner 1989: 9. № 174]), вероятно, может быть возведено в конечном счете (при семантическом изменении, возможно, связанном с экологическими ботаническими и собственно культурно-историческими различиями) к коптск. *ANIЦ/CIPI* 'phaseolus. фасоль' < др.-егип. 'ndr 'фасоль, боб' [Černý 1976: 10; Crum 1939: 12b].

¹² [Cirlot 1971: 85; Becker 2000: 86—87]; ср. о фольклоре: [Фрейденберг 1997: 206].

¹³ [Dévaud 1922: 50—51; Crum 1939: 353a; Erichsen 1954: 442, 3; Černý 1976: 160].

¹⁴ [Crum, Evelyn White 1926: 217, № 256, п. 3; Černý 1976: 195]. Приводя в обеих цитируемых частях своего словаря сопоставление с одним и тем же греческим словом (во втором случае, *ibid.*, предполагая наиболее близкое сходство с греч. уменьшительным *τυρίον* 'сырок'), Черни не связывает тем не менее две эти коптские формы между собой и, во всяком случае, не дает перекрестных ссылок (ср., однако, о греческих формах в индексе, *ibid.*, 374).

удревняется прежде всего из-за обнаружения микен. греч. *tu-ro*₂ < **tur-yo*-¹⁵. Благодаря которому прояснился архаический характер авест. *tūirya*- ‘превращенный в сыр’¹⁶. В-третьих, это греческо-авестийское (т. е. восточноиндоевропейское) название нашло соответствие также в восточной части северо-западноиндоевропейского: в древнегерманском (др.-англ. *ge-þweor* ‘сырная масса’) и славянском: русск. *творог*, производное от которого впервые засвидетельствовано в Смутное время в записях Ричарда Джеймса, чеш. *tvaroh*, польск. *twaróg*, н.-лужицк. *tvarog*, заимствованное в позднеср.-в.-нем. *twarc*, *quarc*¹⁷.

Поэтому название творога теперь включают в число реконструируемых (во всяком случае, для достаточно древнего диалектного состояния) индоевропейских терминов¹⁸. Остается загадочным соотношение между этим словом и частично синонимичным названием сыра, представленным в слав. *сыръ*. В последнее время получило распространение высказанное Махеком (приведшим и убедительные соответствия названию творога из неиндоевропейских языков евразийского языкового союза) предположение, по которому слав. *сыръ* и *tvor(o)gъ* происходят из одного источника¹⁹. Но ни Махек, ни ученые, за ним следовавшие, не могли удовлетворительно объяснить разницу между начальными согласными в двух этих словах²⁰. Коптские формы и с ними связанные другие афразиатские (семито-хамитские) слова²¹, обнару-

¹⁵ [Chantraine 1984: 1146—1147].

¹⁶ [Bartholomae 1979: 655].

¹⁷ [Bellmann 1971; Steinhauser 1978: 57—58; Seebold 1999: 659]. Намеченная в этих работах биография славянского заимствования в немецком, в частности в его венском варианте, нашла продолжение в современном международном физическом термине *quark* ‘кварк’, историей которого перед самой своей смертью занимался Роман Якобсон в докладе, прочитанном перед физиками: по Якобсону, Джойс усвоил это слово в свою бытность в Вене из немецкого языка города, после чего использовал его в своем романе «Finnegans Wake». Создатель теории кварков Гел Манн, найдя это слово в романе и считая его заумным, применил его как термин для названия мельчайших элементов творения. Это представлялось Якобсону особенно интересным в свете принимавшейся им (как теперь многими: [Черных 1993: 231]) этимологической параллели слав. *tvor-ogъ* : *tvor-iti* и франц. *fromage* ‘сыр’ < *formage* < вульгарно-лат. **formaticum* : *formāre* ‘творить, придавать форму’.

¹⁸ [Delamarre 1984: 151] (приводится соответствие между авестийским, греческим и славянским).

¹⁹ [Machek 1957: 491; Черных 1993: 221].

²⁰ В качестве параллели (скорее всего, чисто типологической) можно было бы привести соотношение начального *č*- в иранских названиях масла (осет. *carv*) и *s*- в соответствующих формах многих других индоевропейских языков.

²¹ Соотношение **t*-/*s*- могло быть следствием изменения согласных в египетском и коптском: [Kuentz 1935; Vergote 1945; Коростовцев 1967; Korostovtsev 1973; Schenkel 1990; Ehret 1995].

живающие сходное соотношение, могли бы содействовать решению при предположении о заимствовании разных рефлексов одной и той же миграционной основы. Заимствование могло быть связано с технологией изготовления продукта и передаваться вместе с этим нововведением через промежуточные звенья; отсутствие пространственного соседства языков не должно было этому препятствовать. Но время, место и пути распространения и заимствования слова остаются неизвестными.

Литература

- Булаховский 1978 — *Булаховский Л. А.* Славянские наименования птиц // *Булаховский Л. А.* Избр. труды: В 5 т. Т. 3. Киев: Наукова думка, 1978. С. 189—299.
- Дмитриев 1962 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // *Дмитриев Н. К.* Строй тюркских языков. М.: Изд-во вост. лит., 1962.
- Иванов 2000 — *Иванов Вяч. Вс.* Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т. 2: Статьи о русской литературе. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Коростовцев 1967 — *Коростовцев М. А.* Фонологическая система новоегипетского языка // *Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. История и филология: Сб. в честь 70-летия Н. В. Пигулевской.* М.: Наука, 1967. С. 25—43.
- Мещерский 1979 — *Мещерский Н. А.* Египетские имена в славяно-русских месяцесловах // *Ж. Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов.* М.: Наука, 1979. С. 117—128.
- Мещерский 1995 — *Мещерский Н. А.* Избранные статьи. СПб.: СПбГУ, 1995.
- Северьянов 1904 — *Северьянов С.* Супрасльская рукопись. СПб., 1904. (Памятники старославянского языка. Т. 2. Вып. 1).
- Стеблин-Каменский 1982 — *Стеблин-Каменский М. И.* Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М.: Наука, 1982.
- Топоров 1979 — *Топоров В. Н.* Прусский язык. Е—Н. М.: Наука, 1979.
- Трубачев 1974, 1979 — *Трубачев О. Н.* (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1, 6. М.: Наука, 1974, 1979.
- Фрейденберг 1997 — *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.
- Черных 1993 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1993.
- Bartholomae 1979 — *Bartholomae C.* Altiranisches Wörterbuch. Berlin: de Gruyter, 1979.
- Becker 2000 — *Becker U.* The Continuum Encyclopedia of Symbols. New York; London: Continuum, 2000.
- Bellmann 1971 — *Bellmann G.* Slavoteutonica. Berlin, 1971.
- Chantraine 1984 — *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris: Klincksieck, 1984.
- Cirlot 1971 — *Cirlot J. E.* A Dictionary of Symbols. New York: Philosophical Library, 1971.
- Crum 1939 — *Crum W. E.* A Coptic Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1939.
- Crum, Evelyn White 1926 — *Crum W. E., Evelyn White H. G.* The Monastery of Saint Epiphanius at Thebes. Part 2. New York: Metropolitan Museum of Art, 1926.

- Černý 1976 — Černý J. Coptic Etymological Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Delamarre 1984 — Delamarre X. Le vocabulaire indo-européen. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve, 1984.
- Dévaud 1922 — Dévaud E. Études d'étymologie copte. Fribourg, 1922.
- Ehret 1995 — Ehret Cgr. Reconstructing Proto-Afroasiatic (Proto-Afrasian). Vowels, Tones, Consonants, and Vocabulary // University of California Publications Linguistics. 1995. Vol. 126.
- Erichsen 1954 — Erichsen W. Demotisches Glossar. Copenhagen, 1954.
- Korostovtsev 1973 — Korostovtsev M. Grammaire du Neo-égyptien. Moscou: Nauka, 1973.
- Kuentz — Kuentz Ch. Les deux mutations consonantiques de l'égyptien // International Congress of Linguists. Atti. Firenze, 1935. P. 193—199.
- Kuentz 1938 — Kuentz Ch. L'égyptien avait-il deux /l/, ou un seul, ou aucun? // Actes du quatrième congrès international des linguistes. Copenhague, 1938. P. 272—273.
- Laufer 1919 — Laufer B. Sino-Iranica // Field Museum of Natural History Publication 201. Anthropological Series. Vol. 15. № 3. Chicago, 1919.
- Loprieno 1995 — Loprieno A. Ancient Egyptian. Cambridge: University Press, 1995.
- Machek 1957 — Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1957.
- Schenkel 1990 — Schenkel W. Einführung in die altägyptische Sprachwissenschaft. Orientalistische Einführungen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1990.
- Seebold 1999 — Seebold E. (bearb.). Kluge Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin: de Gruyter, 1990.
- Severjanov 1956 — Severjanov S. (ed.). Codex Suprasliensis. Vol. 1. Graz: Akademische Drucke u. Verlagsanhang, 1956 (переиздание см.: [Северьянов 1904]).
- Skok 1971 — Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knjiga 1. A—J. Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1971.
- Slovník jazyka staroslovenského 1959 — Slovník jazyka staroslovenského. 3. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1959.
- Steinhauser 1978 — Steinhauser W. Slawisches in Wienerischen. 2 Aufl. Wien, 1978.
- Turner 1989 — Turner R. L. A Comparative Dictionary of Indo-Aryan Languages. London: Oxford University Press, 1989.
- Vergote 1945 — Vergote J. Phonétique historique de l'égyptien. Les consonnes. Louvain, 1945.

ПОЗДНЕ(ВУЛЬГАРНО)ЛАТИНСКИЕ И РАННЕРОМАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СЛАВЯНСКОМ*

Проблема латино-славянских связей включает и вопросы, касающиеся более ранних периодов, начиная со связей отдельных индоевропейских диалектов друг с другом¹. Настоящая статья ограничена только таким значительно более поздним временем, по отношению к которому непросто разграничить вульгарную латынь и ее диалекты и берущие в них начало романские языки. Другая трудность, существенно осложнявшая решение этой задачи, состоит в возможности предположения германского (в частности, готского) посредничества между латинским и славянским. Для некоторых слов, которые могли бы относиться к числу позднелатинских или раннероманских элементов в славянском, нередко раньше предполагалось именно заимствование из готского (или из других германских языков), хотя это далеко не всегда было доказано лингвистически (с историко-культурной и географической точки зрения оба предположения равновероятны). Якобсон и Бонфанте² обратили внимание на вероятность интенсивного славяно-романского контакта в период распада вульгарной латыни, исходя из разительного структурного сходства праславянской и прароманской фонологических систем. С этой точки зрения можно переинтерпретировать и приводимые ниже лексические данные, излагаемые в соответствии с классификацией слов по смысловым полям.

* Издано: Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002.

¹ См. обзор: [Pohl 1977].

² [Bonfante 1973]. Ср.: [Иванов 1989].

1. Названия блюд, вкусовых ощущений, растений и утвари

К вульгарнолатинским заимствованиям в этих семантических полях представляется возможным отнести о.-слав. **oskomina*. Для общеславянского можно восстановить два основных значения этого слова: 1) неприятное ощущение в зубах, вызванное кислой пищей; 2) аппетит, сильное желание. Первое значение является общеславянским, второе известно во всех славянских языках, кроме русского, македонского и некоторых сербохорватских диалектов³. Др.-русск. **оскоми́на** засвидетельствовано в нескольких церковнославянских и древнерусских текстах в первом из этих значений, делающим его эквивалентным греч. *ἀμοδία*⁴. Во всех ранних контекстах слово употребляется вместе с названием зубов: **ѡЦН ѡЗѡБАША ПАРѡДЪКЫ, А ЗЖБѡМ ЧАД НХ ѡСКОМНЫ БЫША** = *oi ὀδόντες τῶν τέκνων ἐγομφίασαν*⁵; **ЗѡГЪБЪ ЧАДОМЪ НХЪ ѡСКОМИНА БЫТЬ** = *oi ὀδόντες τῶν τέκνων ἠμοιδίασαν*⁶; **ТАКО ЖЕ ОТ ѡСКОМНЫ ПАКОСТЬ ЗѡГЪБОМЪ** = *ὡσπερ ὄμφαξ ὀδοῦσι βλαβερόν*⁷. Для выявления связи этих ранних примеров употребления слова с последующей традицией особый интерес представляет фраза: **ИЖЕ ГРЫЗЕТЪ ЗЕЛЕНИНОУ, ТО ТОГО БОУДЕТЪ ЗѡГЪБОМЪ ѡСКОМИНА**⁸. Ее вариация на псковском русском диалекте начала XVII в. записана Фенне как *Что кислого яблока не грызет, втovo oskomina не жivet* (= *De se suhre appell nicht eht de hefft och dat tehnen slee nicht*)⁹, что его издатели (Хаммерих и Якобсон) истолковали как построенное по фольклорной модели двустипшие :

*Кто кислого яблока не грызет,
У того оскоми́на не живет.*

³ Этот семантический вопрос, как и предлагаемая этимология этого слова, кратко излагаемая в настоящей статье, подробно рассмотрены в другой работе автора: [Ivanov 1997].

⁴ Лат. *stumor dentium* [Miklosich 1963: 517].

⁵ = лат. *obstuperunt*. Копия выполненного в 1047 г. попом Упырем Лихим перевода Иезекиля. XVIII. 2. Рук. отд. Нац. б-ки, ф. 304. 1. № 89; [Срезневский 1958, II: 719], там же вариации этого текста: Изборник Святослава 1073 г. 146 об.; *Арсений Грек*. Скрижаль 1656. IV. 81.

⁶ Хроника Григория Амартола, переведена не позднее середины XI в. [Истрин 1920. I. С. 157; 1930. III. С. 126, 277].

⁷ Копия перевода «Пчель» XII в., сделанная в XIV—XV вв. [Семенов 1893].

⁸ Изборник Святослава 1076 г. [Гольшенко, Дубровина, Демьянов, Нефедов 1965: 527].

⁹ [Hammerich, Jakobson 1970: 447, № 473. 6, и р. XXIV]; ср. [Корнев, Лебедев, Лютовина, Мжельская 1990: 58] (там же о значении глагола *грызти* в псковском диалекте). Метафорический смысл существительного *оскоми́на* свидетельствуется I Новгородской летописью [Насонов 1950: 93, 6566 г.], как и Ипатьевской летописью и Златоуструем [Срезневский 1958, II: 719—720].

Подобное архаическое словоупотребление отражено в XVII в. и у Аввакума: *оскомина на зубы пала*¹⁰.

В других восточнославянских языках, как и в западнославянском и в большинстве южнославянских, слово имеет одновременно и положительное значение ‘аппетит’: в древнепольском оно засвидетельствовано уже в 1472 г.¹¹, в старочешском уже известно производное *laskominy*, вызванное звуко-смысловым отождествлением с производными от *láska* ‘любовь’¹².

Сопоставление значений в разных славянских языках приводит к выводу, что слово должно было первоначально означать острый вкус пищи, возбуждающей аппетит, но иногда и чрезмерно резкой или острой. Поэтому оно может быть заимствованием из вульгарнолатинского *oxycomina*. Слово встречается в «Сатириконе» Петрония при описании пира Тримальхиона: *etiam in alveo circumlata sunt oxycomina, unde quidam etiam improbeli ternos pugnos sustulerunt* ‘Да, еще на блюде тминные семечки с приправой разносили, так иные бессовестные туда трижды пригоршни запускали’¹³. Слово означало острое и возбуждающее аппетит блюдо из (семечек) кумина под уксусом. Оно принадлежало к позднелатинскому продуктивному типу *oxy-piper, oxugarum, oxy-melle, oxy-zacara / zucarum* и было собственно латинским по происхождению, хотя и состояло из элементов с греческой этимологией.

Фонетический облик предполагаемого раннероманского источника этого славянского заимствования ближе всего к западнороманской (предсеверно-итальянской или ретской) форме слова, история которого может быть предположительно восстановлена как **oxy-comina > *os(s)i-komina > os(i)-komina > oskomina*. Заимствование можно приблизительно отнести ко времени около 750 г. н. э. Среди относимых к этому же времени ранних романских или вульгарнолатинских заимствований по меньшей мере одно могло принадлежать к тому же семантическому полю: славянское **осьть* ‘уксус’ заимствовано из лат. *acetum*¹⁴. Подчас делалось предположение, что латинское слово могло быть заимствовано через посредство готских солдат, с ним познакомившихся во время службы в римской армии. Фонетически гот. *aket(is)/ akeit(-is)* достаточно близко к латинскому первоисточнику (который видят одновременно в *acētum* ‘уксус’ и в *acidus* ‘кислый’, по гласному второго слога, возможно, бо-

¹⁰ [Аввакум 1679/1927: 647].

¹¹ [Urbańczyk 1969: 652].

¹² [Holub, Kopečný 1952: 199; Machek 1957: 259; Трубочев 1987: 39, 41].

¹³ [Гаврилов 1989: 169].

¹⁴ [Lehr-Splawiński 1929; 1957: 197] (там же о других латинских заимствованиях этого времени в праславянском). Ср. также о названиях растений близкого семантического круга и их славянских соответствиях: [Pellegrini 1980: 112—113].

лее близкого к готскому и славянскому¹⁵) и к реконструируемой форме, к которой можно возвести славянское слово до палатализации, осуществившейся еще в диалектах праславянского. Но именно эта близость и делает затруднительным решение вопроса о том, имело ли место германское (готское) посредничество: поскольку в готский оно было заимствовано столь поздно, что характерные германские изменения консонантизма типа передвижения согласных в нем не сказались, его можно было бы считать и проникшим в славянский непосредственно из латыни (минуя гипотетическое германское промежуточное звено). Как показывают новейшие материалы Общеславянского лингвистического атласа, это заимствование характерно для всех славянских языков, кроме русского, который заимствовал еще в древнерусский период **оуксоусть** (совр. *уксус*) из греческого *ὄξος*. Совпадение этой изоглоссы с отмеченным выше различием между славянскими языками в отношении семантики слов, восходящих к общеславянскому **oskomina*, заставляют предположить общую (вкусовую и/или религиозно-диетическую) основу для двух этих явлений. Те области внутри *Slavia Orthodoxa*, которые отражают только негативное значение последнего слова, заимствовали греческое, а не латинское название уксуса. Можно было бы предположить различие восточнохристианской и западной (в *Slavia Romana*) традиций по отношению к этой детали употребления приправ и вкусовых пристрастий.

К числу подобных слов «кухонного» семантического крута, заимствованных в славянский либо непосредственно из латинского (*catillus* ‘блюдо, миска’, аффективная уменьшительная форма, возможно, указывающая на просторечный характер слова; предположение об изменении **-n- > l-* в производном слове *catinus* кажется менее вероятным), либо через посредство готского (или другого германского диалекта), принадлежит также слав. **kotьlъ* (> ст.-слав. **КОТЬЛЪ** ‘*χαλχίον*'). Предположение о том, что слово было заимствовано в славянский (откуда оно далее проникло в балтийские и финно-угорские языки) непосредственно из латыни, высказывалось рядом ученых начиная с Мейе и находит подкрепление в его акцентуации, но вопрос остается открытым¹⁶. К названиям утвари примыкает также славянск. **korьbjъ*

¹⁵ [Stender-Petersen 1927: 369; Jellinek 1929: 129]. Однако славянский и готский вокализм второго слога можно объяснить и как отражение латинского *ē* долгого: [Lehmann 1986: 23], ср. также о возможном времени заимствования в готский [Schwarz 1951: 48—53; Corazza 1969: 13—14, 72—73; Scardigli 1973: 80—81]. Часть германских языков рано осуществила метатезу в децессивной последовательности смычных: др.-исл. *edik*, нем. *Essig* [Seebold 1999: 235] (с дальнейшей библиографией).

¹⁶ [Топоров 1975—1980. Т. I—K: 267—268] (с подробной библиографией); [Stender-Petersen 1927: 100, 400—401; Jellinek 1929: 129; Mossé 1933; Lehmann 1986: 215—216; Seebold 1999: 439].

‘корзина’, для которого вероятный источник можно видеть в лат. *corbis*, хотя и здесь высказывалось предположение о германском посредничестве (имелось в виду др.-в.-нем. *Korb/f*¹⁷). Слово получило также распространение в балтийских языках¹⁸ и поэтому принадлежит к числу миграционных терминов, распространявшихся вместе с названием соответствующего предмета.

Среди названий растений лат. *lactuca* (> *lattuca*, СІЛ, III, 807, 6) является источником слав. **lotica*¹⁹ > др.-чеш. *lotica*, польск. *locyka/locyga*, словен. *locika*, с.-хорв. *locika* (слово не имеет надежных соответствий в восточнославянском и в восточной ветви южнославянского, ср. выше о возможных объяснениях подобных лексических особенностей языков, входивших в ареал *Slavia Orthodoxa*). Это растение распространялось из средиземноморской области²⁰ вместе со своим названием латинского происхождения. Позднелат. *cannapis*, *ca(n)napus*, *can(n)ape*, *canapa* ‘конопля’ (более раннее *cannabis* из миграционного термина, широко распространенного в иранских и других языках) было источником слав. **konopl’l’a* > русск. *конопля*, укр. *коноплі*, с.-хорв. *конопља*, словен. *konoplja*, др.-чеш. *konopě*, польск. *konopie*²¹.

К возможным поздне(вульгарно)латинским или раннезападнороманским заимствованиям в славянском принадлежит название тополя **topol’ь/a*, весьма важное для определения (по его фонетическим особенностям) того раннезападнороманского (ретского или предсеверноитальянского, см. выше о происхождении из этого же диалекта слав. *oskomina*), из которого делались заимствования в праславянский.

2. Названия домашних животных и транспорт

В качестве первоначального источника слав. **osъbъ* ‘осел’ предполагается латинская уменьшительная форма (см. выше о названии котла) *asellus* от лат. *asinus* (миграционный термин, для которого предложено несколько этимологий²²).

3. Названия официальных зданий

Семантически, возможно, наиболее интересной формой является позднелат. *palatium* ‘дворец’ (из собственного имени *Palatium*), безусловно явля-

¹⁷ Об этимологии германских слов ср.: [Seebold 1999: 477; Schulze 1933: 497—508].

¹⁸ [Топоров 1975—1980. Т. I—K: 217—218] (с литературой вопроса).

¹⁹ По Махеку, из слав. **loktika*, более близкого к латинской форме [Machek 1954: 233—234], но изменение группы согласных, судя по данным надписей, могло осуществиться и в вульгарной латыни, откуда заимствовалась славянская форма.

²⁰ [Haudricourt, Hedin 1987: 139, 146].

²¹ [Machek 1954: 93—94].

²² О наиболее вероятных из них см.: [Ivanov 1999: 184—185].

ящееся источником слав. **polata* ‘дворец’ (ср. сохранение архаического значения в современном русском в сочетаниях типа *Грановитая палата*).

4. Сфера народных верований

Позднелат. *paganus* ‘нехристианский, нехристь’²³ отражено в слав. **roganъ* ‘языческий, нехристианский’, русск. *поганый* ‘нечистый (в обрядовом смысле)’²⁴. Существуют народные названия некоторых растений, в частности грибов, образованные от славянской основы в этом последнем значении: ср. русск. *поганка* ‘несъедобный или ядовитый гриб’²⁵, чеш. *pohánka*²⁶ (обозначение, связанное, как и многие подробности языческих славянских представлений о грибах, исследованных В. Н. Топоровым²⁷, с общеевразийскими мифологическими мотивами и шаманистскими обрядами).

Сходное смешение христианских и языческих представлений можно обнаружить и в семантике славянских слов, происходящих из лат. *calendae* ‘праздник первого дня Нового года’. К этому латинскому источнику восходит слав. **kolęd-a* > русск. *Коляда* (название мифологического карнавального образа в низовой народной традиции) и связанные с ней ритуальные термины: *колядки, колядные песни, колядовщики*²⁸. К более позднему христианскому периоду относятся такие заимствования, как моравск. ст.-слав. *комъканик* ‘причащение’ от глагола **komъkati* из лат. *communicāre*²⁹.

5. Семантическое поле названий оружия

Славянское **sekyra* ‘секира, боевой топор’ восходит к латинскому термину *secūris* (первоначально древнеближневосточного происхождения). Заимствование осуществилось в эпоху, предшествовавшую делабиализации славянского *у.

Лат. *scūtum* ‘большой квадратный щит’ было заимствовано в ст.-слав. **ш#итъ** (моравск. **за-ш#итъ-ь**), хотя высказывалось и соображение об исконном родстве этих слов (маловероятное по соображениям культурно-исторического характера). В этом заимствовании обнаруживается поздний рефлекс палатализованного слав. **sk* перед **i*, которое передавало лат. *ī* долгое так

²³ [Loefstedt 1959: 75—78].

²⁴ [Зеленин 1991: 92, 280].

²⁵ [Белова 1995: 548].

²⁶ [Machek 1954: 88].

²⁷ [Топоров 1979]. Ср. также: [Белова 1995] (с дальнейшей библиографией).

²⁸ [Зеленин 1991: 370, 401—402].

²⁹ Об этом типе глаголов в вульгарной латыни ср.: [Vaeaeanaenen 1981: 91].

же, как и в лат. *iūdaeus* (итал. *Giudeo*) ‘еврей(ский)’ : слав. *židъ* > ‘еврей’, вульгарнолат. *crūs-em* ‘крест’ : слав. **kr’ižь* (> *kř’ižь*) ‘крест’, ср. также вульгарнолат. *Rōma(m)* = [*Rūma*] : слав. *Rimi* ‘Рим’³⁰.

Латинские заимствования более поздней эпохи ограничены отдельными славянскими диалектами и/или речевыми жанрами (преимущественно книжно-церковными)³¹.

Литература

- Аввакум 1679/1927 — *Аввакум*. Книга обличений, или Евангелие вечное // Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Л., 1927. С. 577—650. (Русская историческая библиотека. Т. 39).
- Белова 1995 — *Белова О. В.* Грибы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 548—551.
- Гаврилов 1989 — *Гаврилов А.* (пер.) Петроний. Сатириконт // Римская сатира / Под ред. М. Л. Гаспарова. 1989. С. 131—235.
- Голышенко, Дубровина, Демьянов, Нефедов 1965 — *Голышенко В. С., Дубровина В. Ф., Демьянов В. Г., Нефедов Г. Ф.* Изборник 1076 г. М.: Наука, 1965.
- Зеленин 1991 — *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.
- Иванов 1989 — *Иванов Вяч. Вс.* Латынь и славянские языки // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма / Под ред. Г. Г. Литаврина, Вяч. Вс. Иванова. М.: Наука, 1989. С. 25—35.
- Истрин 1920—1930 — *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе: Текст, исследование и словарь. Т. 1—3. Пг.; Л.: Типография изд-ва АН СССР. С. 1920—1930.
- Корнев, Лебедева, Лютовина, Мжельская 1990 — *Корнев А. И., Лебедева А. И., Лютовина И. С., Мжельская О. С.* Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 8. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990.
- Насонов 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: АН СССР, 1950.
- Семенов 1893 — *Семенов В.* Древнерусская Пчела по пергаменному списку // Сборник Отделения русского языка и словесности. 1893. Т. 54. № 4.
- Срезневский 1958 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. М.: Изд-во нац. и иностр. словарей, 1958 (воспроизведение изд.: СПб., 1893—1903).
- Топоров 1975—1980 — *Топоров В. Н.* Прусский язык: Словарь. М.: Наука, 1975—1980.
- Топоров 1979 — *Топоров В. Н.* Семантика мифологических представлений о грибах // *Balkanica*. М.: Наука, 1979. С. 234—297.
- Трубачев 1987 — *Трубачев О. Н.* (отв. ред.) Этимологический словарь славянских языков. Вып. 14. М.: Наука, 1987.

³⁰ О трех последних формах см.: [Stieber 1974].

³¹ [Birnbbaum, Schaeken 1997: 136—137].

- Birnbaum, Schaeken 1997 — *Birnbaum K., Schaeken J.* Das altkirchenslawische Wort. Bildung—Bedeutung—Herleitung. München: Otto Sagner, 1997 (Altkirchenslawische Studien; 1).
- Bonfante 1973 — *Bonfante G.* Influsso del protoromeno sul protoslavo // *Bonfante G.* Studi romeni. Roma, 1973. P. 235—258.
- Corazza 1969 — *Corazza V.* Le parole latine in gotico // *Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie.* Roma, 1969 (Classe di Scienze morali, storiche, e filologiche. Ser. 8. Vol. 14. fasc. 1).
- Hammerich, Jakobson 1980 — *Hammerich L. L., Jakobson R.* (eds). Toennies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1907. Vol. 2: Transliteration and Translation. Copenhagen: The Royal Danish Academy of Sciences and Letters, 1980. Commissioner: Munksgaard, 1907.
- Haudricourt, Hedin 1987 — *Haudricourt A., Hedin L.* L'homme et les plants cultivés. Paris: Metaille, 1987.
- Holub, Kopečný 1952 — *Holub J., Kopečný.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Statní nakladatelství ucebnic, 1952.
- Ivanov 1997 — *Ivanov V. V.* A neglected Early Romance Borrowing in Slavic // *Die Welt der Slaven.* 1997. S. 42,57—85.
- Ivanov 1999 — *Ivanov V. V.* Comparative Notes on Hurro-Urartian, Northern Caucasian and Indo-European // *UCLA Indo-European Studies / Ed. Brent Vine, V. V. Ivanov.* Vol. 1. Los Angeles, 1999. P. 142—263.
- Jellinek 1929 — *Jellinek M. H.* Gotica // *Zeitschrift für Deutsches Altertum und Deutsche Literatur.* Bd. 66. 1929. S. 117—140.
- Lehmann 1986 — *Lehmann W. P.* A Gothic Etymological Dictionary. Leiden: E. J. Brill, 1986.
- Lehr-Splawiński 1929 — *Lehr-Splawiński T.* Les empruns latins en slave commun // *Eos.* 1929. P. 32, 705—710.
- Lehr-Splawiński 1957 — *Lehr-Splawiński T.* Zapożyczenia łacińskie w języku prasłowiańskim // *Studia i szkice wybrane.* Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1957 (польский перевод работы Lehr-Splawiński 1929).
- Loefstedt 1959 — *Loefstedt E.* Late Latin. Oslo, 1959.
- Machek 1954 — *Machek V.* Česká a slovenská jména rostlin. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1954.
- Machek 1957 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1957.
- Miklosich 1963 — *Miklosich F. von.* Lexicon Paleoslovenico-greco-latinum. Aalen. 1963 (воспроизведение изд. 1862—1865).
- Mossé 1933 — *Mossé F.* Sur le nom d'homme *ketill* en scandinave // *Revue Celtique.* 1933. P. 50, 248—253.
- Pellegrini 1980 — *Pellegrini G. B.* Nomi di piante nell'area dalmatina e friulana // *Linguistica.* 20: In memoriam Milan Groselj oblata. 2. 1980. P. 73—123.
- Pohl 1977 — *Pohl H. D.* Slavisch und Lateinisch. Klagenfurter Beiträge zur Sprachwissenschaft. Beiheft 2. Klagenfurt, 1977.
- Scardigli 1973 — *Scardigli P.* Die Goten: Sprache und Kultur. München: Beck, 1973.
- Schulze 1933 — *Schulze W.* Kleine Schriften. Göttingen, 1933.

- Schwarz 1951 — *Schwarz E.* Goten, Nordgermanen, Angelsachsen. Studien zur Ausgliederung der germanischen Sprachen. Bern: Francke, 1951 (Bibliotheca Germanica; 2).
- Seebold 1999 — *Seebold E.* Kluge Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin: de Gruyter, 1999.
- Stender-Petersen 1927 — *Stender-Petersen A.* Slavisch-germanische Lehnwortkunde: Eine Studie über die ältesten germanischen Lehnwörter im Slavischen in sprach- und kulturgeschichtlicher Beleuchtung. Göteborg: Elander, 1927. (Göteborgs vetenskaps- och vitterhets-samhälles handlingar. Följden IV. 31/4).
- Stieber 1974 — *Stieber Z.* Świat językowy słowian. Warszawa, 1974.
- Urbańczyk 1969 — *Urbańczyk S.* (ред.). Słownik staropolski. T. 5. Z. 9 (33). 1969.
- Vaeanaenen 1981 — *Vaeanaenen V.* Introduction au latin vulgaire. Paris, 1981.

СЛАВЯНО-АРИЙСКИЕ (= ИНДОИРАНСКИЕ) ЛЕКСИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ*

Предлагаемая тема, во всяком случае, в той ее части, которая касается славяно-иранских лексических сопоставлений, рассматривалась давно и для славянских этимологических изысканий в определенном смысле стала традиционной. Тем не менее кажется возможным вернуться к ней еще раз — не столько для подведения итогов (что делалось уже неоднократно), сколько для того, чтобы коснуться хотя бы бегло некоторых ее сторон, прежде в малой степени занимавших исследователей.

1. Балто-славяно-арийские (= индоиранские) лексические сопоставления. I: гиппологические термины

Наиболее показательные ранние сходства, уже бегло отмеченные предшествующими исследованиями, шире славянского и иранского и включают вместе с ними также балтийский и иранский, т. е. речь может идти о взаимодействии балто-славянского и индоиранского (арийского), что отодвигает хронологический уровень достаточно далеко назад. Слав. **sivь* 'сивый' обозначает темно-серую с сизоватым оттенком (с сединой) масть коня в летописном др.-русск. и **ДАРЫ ЕМОУ ДАСТЬ ВЕЛНКЫН, И КОНЬ СВОИ БОРЗОИ СИВЫИ** (Ипатьевский список летописи 6721 г.) и в других аналогичных древнерусских примерах (**СИВЫИ ЖЕРЕВЕЦЬ**, Духовная новгородца Климента 1270 г.¹,

* Издано: Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002.

¹ Срезневский. 1867. Т. 1. Вып. 4. 38.

конь сивѣ, цена емоу четыре рубли, Духовная И. И. Салтыкова 1483 г.², кобылу сиву, Вкладная и Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря³; ср. архаическое *сивый мерин* в присказке), в украинском, в изолированных сербохорватских текстах, в польском и в чешском⁴.

По отношению к масти коня употреблялось и родственное лит. *šūvas* 'белый' (с семантическим изменением, ср. сохранение более древнего значения в др.-прусск. *suwan* 'grow = grau', Эльбингский словарь, 461⁵). Вед. *śūāvá-* (с архаической формой женского рода на *-ī* в отличие от более поздней на *-ā*⁶) обозначало и темно-коричневый цвет, и темную масть гнедого коня (например, в гимне Савитару, Ригведа, I, 35, 5⁷), и самого коня, и ночь (так же как и кобыла, называемую производным на *-ī* женского рода *Śūāv-ī*), метафорически названную по этому цветовому эпитету. Производное на *-ka* собственное имя *Śūāva-ka-* в «Ригведе»⁸, соответствующее скиф. *Σιαλακ'γος*⁹, по типу образования можно сравнить с архаическим русским фольклорным (и поэтическим — у Кольцова) именем коня *Сивк-а/-о* (ср. также форму *сивиць* 'сивый конь'¹⁰, «Слово о Задонщине», *хороврон пересвѣтътъ поскакивает на своемъ вѣщемъ сивицѣ*, тот же эпитет *вещий* употребляется по отношению к сказочному коню-помощнику *сивке-бурке*, *вещему каурке*, об этимологии формы *бурка* см. ниже) и с кашуб. *sivk* 'сивый'. Об индоиранском возрасте этого коневодческого употребления позволяет думать авест. *Sūāv-asp-ī* (< 'владеющий сивыми кобылицами'¹¹, женское имя, относящееся к продуктивному типу индоевропейских «лошадиных» личных имен, образованных посредством сложения с общеиндоевропейским названием «коня»). Сказочный мотив коня-помощника, подобного русскому сивке, связывается с этимологически тождественным цветовым эпитетом в ягнобских сказках. В од-

² Список XVII в. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. 1838. № 413.

³ Список первой половины XVII в. с рукописи, начатой в начале XVI в. [Колесов 1972: 206].

⁴ [Herne 1954: 115—116. § 169; Срезневский 1958, III: 344; Черных 1993. 2: 160].

⁵ [Endzelīns 1982: 306; Mažiulis 1981: 33, 302; Fraenkel 1962. I. Lief. 13: 996].

⁶ [Renou 1984: 280, § 211].

⁷ [Macdonell 1972: 14, 251]. См. о значении этого прилагательного: [Елизаренкова 1989: 564].

⁸ [Grassmann 1873: 1416]. О цветовых прилагательных в новых индоарийских языках, продолжающих ведийское слово, см.: [Turner 1989: 735, № 12672].

⁹ [Миллер 1886: 244; 1887: 80; Vasmer 1923: 52] (со ссылкой на предшествующие работы В.с. Миллера); [Абаев 1949: 182, 210] (об озвончении интервокального *-x- > -γ-*), 223 (суффикс *-ak*); [Zgusta 1955: 144, § 210].

¹⁰ [Срезневский 1958, 3: 344; Одинцов 1980: 100].

¹¹ [Bartholomae 1979: 1631].

ной из них герой — младший сын «сжег (волос) из хвоста (*dum-eš*¹²) черной лошади (*šow áspě*). Лошадь прибежала. Земля задрожала»¹³. Позднее в этой сказке (как и в других сходных с ней ягнобских и таджикских сказочных текстах) противопоставляется эта масть коня двум другим (обозначаемым в современном языке таджикскими заимствованиями): *Žúta safét áspě x^watč a-nós, surx áspěš bidónčik virote á-t^efár, šow áspe-š káttá viróte á-f^efár* 'Юноша белую лошадь взял себе, рыжую отдал среднему брату, черную (вороную) лошадь отдал старшему брату'¹⁴. В другой сказке в описании такой лошади ее черный цвет передается и связанной с ней сбруе: *Šow áspe yol pazd a-kun. Šow ásp a-vvów. A-džax. žúta, a-nós-š- afzólš tim šow, žúta afzól tim šow* 'Он сжег гриву вороной лошади. Появилась вороная лошадь. Юноша встал, сел на нее верхом (буквально: поймал ее), и сбруя у нее черная, и то снаряжение (которое она для юноши принесла) — черное'¹⁵. Значимость черного цвета волшебного предмета видна и в других сказках¹⁶.

Семантика и формальные особенности этого эпитета позволяют реконструировать две праформы прилагательного, при одинаковом значении различавшихся по диалектам внутри satəm-ного ареала, часть которого характеризовалась этой изоглоссой¹⁷. Из двух параллельных форм этой «двуслоговой

¹² Точный перевод: [Андреев, Пещерева 1957: 323] (в отличие от приблизительного там же, с. 95). Во многих ягнобских текстах и в секретном языке это название хвоста служит метонимическим обозначением коня, см. об этом ниже. Мотив сожжения волосков из хвоста коня, повторяющийся в ягнобских сказках (ср. волоски из гривы коня в сказке № 29: [Андреев, Пещерева 1957: 142, 145 и др.]), есть и в мунджанской сказке: [Грюнберг 1972: 122, 127].

¹³ [Андреев, Пещерева 1957: 93, 95 (сказка № 15)].

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 143, 146. О диалектологическом значении формы *pazd* 'грива' ср.: [Хромов 1972: 101, 103]. Те же выражения повторяются в конце этой сказки. [Андреев, Пещерева 1957: фразы 62 и др., 144, 148].

¹⁶ Там же. С. 188, 192. В согдийском родственное прилагательное *š'w* 'черный' [Gauthiol 1914—1923: 73, 117] используется обычно по отношению к людям: [Vessantara Jātaka: строки 39d, 1107; Benveniste 1946: 32, 67]. Ср. ягнобский оборот *rit (-em, -it, -išint) šow* 'лиц-о/-а (мое, твое, ваши) черн-ое = (я, ты, вы) несчаст-ен/-ны', [Андреев, Пещерева 1957: 313, 328].

¹⁷ [Порциг 1964: 246—247; Барроу 1976: 25] (там же в детальном перечислении арийско-балто-славянских изоглосс, в том числе лексических, см. о названии «черного» цвета, русск. *черный*, предположительно общего для того же диалектного индоевропейского ареала, но ср. о трудностях, связанных с фонетическим его обликом: [Herne 1954: 98—99, § 148]). В связи с гиппологическим употреблением из общих названий цветов особенно интересно лит. *raudas* 'красно-коричневый, бурый', используемое как название масти коня, но этот термин характерен не только для арийского и северо-западноиндоевропейского, т. е. балто-славянского и германского, но и

базы», или «бинома», в арийском используется только та, в которой его вторая часть всегда в нормальной полной ступени огласовки **k'y-eH-* (+ **wo-*), тогда как балто-славянский обобщил нулевую ступень огласовки этого «детерминатива», причем на первый слог, не включавшийся уже в чередования гласных, по «правилу Хирта» передвинуто ударение (откуда славянский циркумфлекс в начальном долготном слоге баритонированной парадигмы при литовском начальном акуте и окситонезе в арийском): **k'i-H-* (+ **-wo-*)¹⁸; в индоарийском ударение стояло на суффиксе **-wó-*, что характерно для архаического типа такого рода производных, позднее давших названия цветов в разных диалектах¹⁹.

Суффикс **-mo-*, часто выступающий в качестве параллельного к **-wo-*, представлен в лит. *šėmas* 'синева-серый (о животном)'²⁰, вед. *śyāmá-* 'черный, исине-черный' с многочисленными продолжениями в новых индоарийских языках, в том числе и с тем же суффиксом *-ka-*, что и в авестийском названии горы или горной местности *Syāmaka-*. В славянском, как и в некоторых других подобных случаях, из двух вариантных суффиксов предпочтен **-wo-*, тогда как в литовском более архаичное значение сохранено прилагательным с древним суффиксом **-mo-*, в связи с чем параллельная форма на **-wo-* в пределах семантического поля цветообозначений значение изменила (на «белый», ср. выше о сохранении архаического значения в прусском, где вариант с суффиксом **-m-* отсутствует). В восточнобалтийском в производном с суффиксом **-mo-* был представлен древний тип огласовки, благодаря чему преобразилась форма корня из-за регулярного упрощения начального сочетания **k'y-* > **šy-* > *š-*²¹. Праформа **k'y-eH-mo-*, реконструируемая для восточнобалтийского, показывает, что архаический тип образований от этого корня в балтийском (и раньше в балто-славянском) не отличался от арийского.

для латинского и греческого: [Herne 1954: 27, 32—33, § 39, 49—50]. Если германское существительное со значением 'вид, форма' (гот. *kiwi*, др.-англ. *hīew*) и связано с балто-славянским и арийским названием «сивой» масти (ср.: [Lehmann 1986: 185, Н 69], там же о возможном соответствии в кельтском существительном: ср.-ирл. *seō* 'туман'), то нигде в германских языках не засвидетельствованы цветочные эпитеты, от него образованные.

¹⁸ См. о данной основе: [Мейе 1951: 141]. О правиле Хирта (-Бонфанте): [Иллич-Свитыч 1963: 78—88, 156; Дыбо, Николаев, Замятина 1990: 50 (табл. 10), 53]. О дальнейших изменениях акцентуации и долготы корня в отдельных славянских языках ср.: [Stankiewicz 1993: 64, 273; Колесов 1972: 206].

¹⁹ [Lehmann 1964: 59—60].

²⁰ [Яунис 1916: 9, 125; Vūga 1959: 190, 422] (с указанием диалектных отличий в акцентуации), [Fraenkel 1962. I. Lief. 13: 972]. Параллелизм двух суффиксов в этих прилагательных отмечен: [Skardžius 1943: 202, § 123; Delamarre 1984: 239].

²¹ См. об этом изменении: [Stang 1966: 105].

Значительно более трудно определить точное время и место диалектных контактов, отраженных в другом гиппологическом термине. Др.-русск. уменьшительная форма **БАВУР-Ч-ЕНОК** выступает в сочетании с **МЕРИН**: **ДА ОТЪ МЕРИНА ОТЪ ВОБУРЧЕНКА ДАНО ОТЪ ЛИЧЕНИЯ 9 АЛТЫНЪ** (Книга расходная Болдина-Дорогобужского монастыря, 1586 г.²²); **ДАВАЛИ КОНСКОМУ МАСТЕРУ <...> МОНАСТЫРСКОЙ МЕРИНЪ ЧАЛОЙ БАВУРЧЕНОКЪ ЛЕЧИТЬ НА НЕМЪ БОЛЕЗНЬ** (там же)²³. Это слово, остающееся до сих пор загадочным²⁴, можно в качестве предполагаемого просторечного продолжения древнего названия масти коня сравнить с праслав. **ba-bur-ъ/-a* как названием ряда растений и животных, в том числе и с последующим **-k-* (русск. диал. *бабурк-а* ‘бабочка, особый род мелкой рыбы’ при *бабура* ‘рыба бычок, подкаменщик’; словацк. диал. *baburk-y* ‘сережки вербы’²⁵ и др.). В таком случае (при известных сложностях в объяснении корневого гласного второго слога: из **bhō-bhe/our-* ~ **bho-bhur-* ~ *bhru?*; о других возможных гипотезах, предполагающих более поздние контакты, см. ниже), слово может быть славянским соответствием редуцированного вед. *babhru-* ‘красно-коричневый’, которое в «Ригведе» в двух случаях выступает как название масти коня²⁶ (в частности, в гимне игроку в X мандале, где этот цвет проходит через весь текст как основной эпитет игральные кости из дерева вибхидака). В санскрите оно также служит для обозначения ихневмона (мангусты), в пали — кошки, в новоиндо-арийских языках (панджаби, пахари и др.) — медведя²⁷. О древности гиппологического употребления слова свидетельствует месопотамское арийское *p/bapru-nnu* — (с аккадизированной формой *-nn-i* хурритского постпозитивного определенного артикля *-nn-i*), используемое в аккадских текстах из Нузи как эпитет коня²⁸. По-видимому, можно считать достоверной связь основы этого арийского редуцированного прилагательного с подобным ей существительным, выступающим в качестве названия бобра в западноиндоевропейских

²² Русская историческая библиотека 1871. Т. 37. С. 302.

²³ Там же. С. 45; Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1. 1975. С. 62; [Одинцов 1980: 130].

²⁴ За пределами индоевропейского у этого семантически неясного гиппологического термина может быть соответствие в тюркском: ср. др.-тюрк. *bürčäk* ‘(конская) грива’ [Наделяев, Носилов, Тенишев, Щербак 1969: 132], но редупликации в этом последнем слове нет.

²⁵ [Трубачев 1974, 1: 113—114] (с другой этимологией).

²⁶ [Macdonell 1972: 192—193] (ср. с. 59—67, 148, о других случаях употребления прилагательного, которое, в частности, характеризует бога Рудру как коричневого быка); [Grassmann 1873: 899; Елизаренкова 1972: 218—220, 368—369; 1999].

²⁷ [Turner 1989: 516, № 9149].

²⁸ [Kammenhuber 1961: 20; Mayrhofer 1979: 67; 1982: 76].

(«древнеевропейских») диалектах, балтийском²⁹, славянском³⁰ и иранском. Авест. *bawra(-y)* ‘бобр’³¹ подтверждает, что эта изоглосса некогда могла включать и остальные арийские диалекты; перенос имени на мангусту в индоарийском мог зависеть от конкретных экологических условий после миграции индоариев в Индию³².

Можно предположить (вопреки другим часто предлагавшимся этимологиям³³), что славянское существительное родственно цветовому эпитету **burъ* > др.-русск. **бѹрин**, относящееся к масти животных (волос в «Молении Даниила Заточника»), в том числе и коней: **прося ѹ НИХЪ ДЕСЯТИНЫ ВО ВСЕМЪ <...> И В КОНЕХЪ, ДЕСЯТОЕ В БѢЛЫХЪ, ДЕСЯТОЕ В БѹРЫХЪ, ДЕСЯТОЕ ВЪ РЫЖИХЪ**, Троицкая летопись, 6745 (1237) г.³⁴, ср. выше о фольклорном коне *сивка-бурка*. Для этого слова ближайшее соответствие обнаруживается в иранском. В восточноиранском **bur-/bor-* отражено в скифском личном имени *Вор-аотод* ‘имеющий буланых коней’³⁵ и в соответствующем его первой части осетин. *bor-/bur-* ‘желтый’³⁶; ягноб. *vur* ‘серый, бурый’³⁷, шугнанск. *vür* ‘бурый, коричневый’, язгулямск. *bar*, мунджанск. *vür* ‘светло-красный (о крупном рогатом скоте)’³⁸.

В западноиранском с этими словами могут быть сопоставлены перс. *bür-/bör* ‘бурый, желтый’ предположительно из **barwa*³⁹, *bor* ‘лиса’ (< **baβr-?*). Кажется возможным предположение, что, если вся эта группа слов имеет индоевропейское происхождение⁴⁰, она в конечном счете родственна лит.

²⁹ [Fraenkel 1962, I: 38; Топоров 1975: 203—205] (с дальнейшей литературой); [Seebold 1999: 107]. Славянские (с.-хорв. *dabar*) и литовские варианты слова с начальным *d-* (лит. *debras*) напоминают кельтские названия воды и выдры (др.-ирл. *dobor-chъ* ‘собака воды = выдра’) и могут иметь не чисто фонетическое объяснение в отличие от обычно приводимого.

³⁰ [Трубачев I: 174—175; II: 144—147].

³¹ [Bartholomae 1979: 925].

³² О других возможных выводах из географии распределения названий выдры и бобра в индоевропейских диалектах см.: [Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 529—530].

³³ Н. К. Дмитриев, включая слово *бурый* в дополнительный список русских тюркизов, сделал ошибочную литературную ссылку: [Дмитриев 1962: 566; Черных 1993, I: 126].

³⁴ [Срезневский 1958, I: 194].

³⁵ [Миллер 1962: 19; Vasmer 1923: 36; Абаев 1949: 161; 1958, I: 271].

³⁶ [Абаев 1958, I: 271—272] (с указанием мифологических контекстов употребления слова).

³⁷ [Андреев, Пещерева 1957: 349].

³⁸ [Грюнберг 1972: 372].

³⁹ [Bartholomae 1925: 5].

⁴⁰ Распространение же по Евразии, предположенное В. И. Абаевым [Абаев 1958, I: 271—272], объясняется в таком случае позднейшими многократными заимствованиями, скорее всего, связанными с иранским источником (ср. ниже об аналогичном предположении в отношении названия богатыря).

bēr-a-s 'коричневый' (используется как название масти коня и в этом смысле прямо сопоставимо с приведенными выше ведийским и месопотамско-арийским редулицированным словом и со скифским сложным именем), *bēr-v-a-s* 'коричневатый'⁴¹, германск. **ber-ōn* 'медведь' > др.-исл. *björn* (основа на *-u*)⁴², германск. **brūna* — 'коричневый' > др.-исл. *brúnn*, др.-англ. *brūn*⁴³, греч. *φούνη* 'жаба', ср. др.-русск. **броныи** 'белый (о коне)'⁴⁴ и родственные слова других славянских языков. Краткое или долгое **u* (*/-ū*), появляющееся после корня в приведенных формах, в некоторых из иранских и славянских слов характеризует корневой вокализм. Если эти формы с корневым *-u-* не являются сравнительно более поздними славянскими заимствованиями из иранского, можно думать о параллельных изменениях (типа метатезы, предположенной выше по отношению к редулицированному существительному **babur-a-* в славянском).

К семантическому полю гиппологических терминов относится объединяющее индоарийский со славянским название конской шеи и гривы, на ней растущей: специальное значение санскрит. *grīvā* 'шея или загривок коня'⁴⁵ при более общем 'шея, затылок' в «Ригведе» и в некоторых современных индоарийских языках⁴⁶, а также в авестийском *grīvā* 'затылок'⁴⁷; праслав. **grīvā* 'грива животного, в частности коня' (русск. *грива*, др.-русск. **имяше гриву лвову**, Александрия, Список XV в.⁴⁸; **емъ же его за гриву үкרותи его**, там же⁴⁹; **имъ льва (...)** и **потомъ постригъ его гриву**, Пчела, список XIV—XIV вв.⁵⁰), польск. *grzywa*, чешск. *hříva*⁵¹, с.-хорв. *grīva* с производными, семантика которых позволяет предположить также достаточно раннее значение 'ворот, воротник'⁵², что прямо соотносится с соответствующим восточноиранским аф-

⁴¹ Также 'гнедой': [Явнис 1916: 126; Fraenkel 1962. I. Lief. I: 39].

⁴² [Seebold 1999: 79—80; Havers 1946: 35—37].

⁴³ [Seebold 1999: 132; Schwentner 1915: 56—59; Öhmann 1951: 137—142].

⁴⁴ [Срезневский 1958, I: 180; Herne 1954: 106, § 160; Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 530]. Барроу (1976: 25) относит слово к числу арийско-балто-славянских изоглосс.

⁴⁵ [O'Flaherty 1978: 476].

⁴⁶ [Grassmann 1873: 419; Turner 1989: 235—236, № 4387—4390, 4394—4397].

⁴⁷ [Bartholomae 1979: 530]. См. ниже о специфике употребления этого слова в авестийском.

⁴⁸ [Истрин 1883: 3; Срезневский 1958, I: 587]; ср.: [Срезневский 1879].

⁴⁹ [Истрин 1883: 17] (= греч. *τοῦ τένοντος*); [Срезневский, там же].

⁵⁰ [Семенов 1893: 10 (= греч. *χομήν*), 10]; [Срезневский 1958, III: Дополнения: 79; Черных 1993, I: 217]. Перевод относят ко 2-й половине XII в.: [Сперанский 1904: 329; 1960; Дурново 1969: 79, 107].

⁵¹ [Machek 1957: 149].

⁵² [Skok 1971, I: 620].

ганским *gréləwa* 'воротник, ключица' / *gərwá* 'ключица'⁵³. Метафорическое использование слова и по отношению к географическим понятиям в славянском (в том числе в древнерусском) согласуется со значением родственного латышск. *grīva* 'устье реки' и восточно- и западнобалтийских и палеобалканских (фракийских и «дакских») гидронимов и топонимов, образованных от этой основы⁵⁴ (их самым близким структурным соответствием в этой ветви индоевропейских диалектов может быть и албан. *grykë* < **grīwīka* 'горло')⁵⁵.

В работах по индоевропейской диалектологии установлено, что это слово как название шеи, затылка, гривы и производного от него «ожерелья» в балто-славянском и арийском⁵⁶ (а возможно и в албанском и «палеобалканском»-фракийском) заменило более древний термин, еще сохранявшийся в архаичных формах. Во II тыс. до н. э. в целом ряде древнеближневосточных языков в заимствованиях представлено месопотамское арийск. *mani-nnu* 'ожерелье' (засвидетельствовано в аккадских текстах из Эль-Амарны, Алалаха и Катны, аккадизированная форма с хурритским *-nni*, см. выше об однотипном *p/babru-nnu*), гибридное месопотамско-арийско-хуррит. > хетт. *manni-nni*- 'драгоценное ожерелье' (в качестве заимствованного слова с хеттской геминацией первого *-n-* > *-nn-* в корне в хеттских инвентарных текстах и текстах оракулов⁵⁷, а также собственное имя *Manninni*, иероглифическое лувийское *Ma-ni-na* в Угарите⁵⁸). Соответствующее основе этого слова вед.

⁵³ [Эдельман 1986: 145, 2.1.3.84]. Во второй форме (как и во многих других случаях. изученных В. А. Дыбо) афганская окситонеза может отвечать индоарийской и восходить к индоиранскому и диалектному индоевропейскому ударению (см. о балто-славянской и индоевропейской акцентуации слова: [Иллич-Свитыч 1963: 73, 153, § 30, 63]. В некоторых других восточноиранских языках (ваханском, ягнобском) слово вытеснено персидско-таджикским заимствованием *yol* 'грива'.

⁵⁴ [Топоров 1979: 295—299; Vanagas 1981: 123; Duridanov 1969: 25—26].

⁵⁵ [Orel 2000: 18 (1.1.4.6), 133 (2.1.2.5: предполагается подвижно-конечноударный тип исходной индоевропейской парадигмы), 157 (2.3.1.7: реконструируется суффикс *-iko-), 239 (изменение окончания в зависимости от типа ударения)]. Наиболее близкое соответствие суффиксу можно было бы видеть в ср.-персид. *grīvak* и в нуристанских формах: кати *grāk*, прасун *gīk*, но при словообразовательном сходстве они могут восходить не к этому же слову, а к общенуристанскому названию горла из **ghātā-*, см. о двух этих объяснениях: [Turner 1989: 235, 827 (№ 4387; 14463)]; однако возможность наличия последнего слова в нуристанском ослабляется гипотезой о заимствовании всей группы слов этого типа из мунда или дравидского в индоиранский, см. об этом в связи с санскрит. *kañṭha-* 'глотка, горло, шея' ниже.

⁵⁶ [Порциг 1964: 247, 255, ср. 170—171; Ernout, Meillet 1994: 412].

⁵⁷ [Güterbock, Hoffner 1983: 3, 2, 170 (с библиографией); Laroche 1980: 166; Maurohofer 1982: 76, 87].

⁵⁸ [Laroche 1966: 112—113, № 746—747; Beckman 1983: 625].

maṇi- ‘драгоценное ожерелье’ и многочисленные санскритские и позднейшие индоарийские производные сложные слова восходят к той же исходной форме, что и *māṇyā* ‘затылок’, встречающееся в «Атхарваведе»⁵⁹. В ведийском удается проследить достаточно ранний этап взаимодействия двух синонимичных основ, соединенных в сложном слове *maṇi-grīvā* ‘несущий драгоценное ожерелье на шее’, представленном в 1-й мандале «Ригvedы»⁶⁰. Позднее в сходном значении в лексикографических санскритских сочинениях засвидетельствовано сложное слово *kaṇṭha-maṇi* ‘драгоценность, которую носят на шее’ с обратным порядком по отношению к ведийскому словосложению⁶¹. В этом более позднем слове (в новом индоарийском продолженном также в сингальском *kaṭamina* с тем же значением) в качестве названия шеи выступает *kaṇṭha-* ‘глотка, горло, шея’, в котором (как и в целой группе синонимов, обнаруживающих фонетические вариации: **ghāṭṭā* и т. п.) усматривают древнее заимствование из мунда (или — шире — из аустро-азатских диалектов древней Индии), проникшее в дравидский (каннада *kattu/gaṇṭlu* ‘глотка, горло, шея’) и в индоарийский⁶². В этом последнем судьба всех этих слов изменилась благодаря воздействию туземных неиндоевропейских языков Индии.

Еще более интересный аспект позднейшей диалектной предыстории индоиранского корня раскрывается в авестийском. Образованное от той же индоиранской основы авест. *manaθri* ‘шея, затылок’ известно и в сочетании с *mini-* ‘ожерелье’, которое можно понять как след древней *figura etymologica*: *m i n u m barat hvāzāta arədvī sūra anāhita upa taṃ srīraṃ m a n a o θ r i m* (Yast V = Ardvīsūr Yašt, 127) ‘(Драгоценное) ожерелье было надето на прекрасную шею весьма благородной Ардвиг-Суры-Анахиты’⁶³. Это авестийское

⁵⁹ [Turner 1989: 557—558, 566, № 9731, 9733—9734, 9858]. Скептическое отношение к этой этимологии у Тернера, как и у ряда других индологов ([Thumb, Hauschild 1958, I: 1, 238, § 84, с библиографией; 1953, II: 280]), не подтверждается фактами других языков, обнаруживающих семантически параллельные формы ([Ernout, Meillet 1994: 412]), ср. ниже о славянском и других диалектах индоевропейского.

⁶⁰ 122, 14: Aufrecht 1955, I: 111; Grassmann 1873: 974; ср. о типе словосложения: [Барроу 1976: 203]; [Wackernagel 1905: 277, 109a]; *a: ṛkṣa-grīvā* ‘den Nacken eines Bārs habend (Bez. eines gespenstigen Wesens)’. Т. Я. Елизаренкова (1989: 153) переводит ‘с драгоценными камнями на шее’.

⁶¹ Ср. *kaṇṭha-* на первом месте в сложном слове *kaṇṭha-daghna* ‘до шеи’ в брахманической прозе: [Wilman-Grabowska 1928: 172].

⁶² [Turner 1989: 134, № 2680—2682; Burrow, Emenau 1984: 127, № 1366]. Независимое заимствование из аустро-азиатского в индоарийский и дравидский предположено также в этимологическом словаре: [Thumb, Hauschild 1953: 11, 196].

⁶³ [Reichelt 1978: 304 (§ 630), 392; Bartholomae 1979: 1126, 1186 (и 205—206 в дополнениях с особой пагинацией)]; ср. стихотворный русский перевод: [Стеблин-Каменский 1990: 46]; ср. также в контексте популярного пересказа: [Рак 1998: 144].

слово могло относиться только к шее (или затылку) ахуровского (благодетельного) существа. Оно противопоставлялось *grīvā* как названию шеи или затылка дэвовского (враждебного) существа: в соединении с именем дэва Арэзура (Эрэзура, сына Ахри-мана) *grīvā* означает гору, где собираются дэвы согласно «Видевдату» (3.7)⁶⁴.

Представляется вероятным, что использование этого слова по отношению к дэвовским существам представляет собой авестийское зороастрийское семантическое новообразование, как и другие подобные смысловые трансформации в иранском. Исходным было наличие двух синонимичных терминов, отраженное в ведийском сложном слове, где соединены их производные. Славянский, как и ведийский, свидетельствует о том, что термин мог относиться к существам разного рода (в гимне 1-й мандалы «Риг-Веды» — ко Всем Богам и изобилию, с ними связанному⁶⁵), но главным образом к коням. Можно думать, что подобные изоглоссы сформировались внутри *satəm*-ной группы индоевропейских диалектов задолго до специфического дуалистического развития иранской религии и соответствующей части словаря. Следовательно, данная изоглосса намного древнее предполагаемого позднейшего влияния иранского дуализма и дуалистического словаря на славянский.

Исходное сосуществование двух этих синонимичных основ в славянском подтверждается наличием двух типов названия драгоценного ожерелья. Более архаический тип представлен в ст.-слав. **монисто**. Уникальность суффикса, встречающегося только в этом слове⁶⁶, гарантирует древность образования, которое семантически сходно с лат. *monīle* ‘ожерелье’⁶⁷, др.-исл. *men* ‘ожерелье’ (основа на *-ja-*), др.-англ. *mene* при германских названиях гривы: др.-англ. *manu* и др.⁶⁸; др.-ирл. *muin-torc* ‘ожерелье’ при *mong* ‘грива’ < **monk-*, *mu(i)nēl* ‘шея’ = валл. *mwngl*⁶⁹. Кельтский, германский и арийские языки сохраняют слова этого корня в обоих значениях — ожерелья и части тела, на которую оно надевалось; диалектное распределение говорит в пользу сохранения в них индоевропейского архаизма, в анатолийском и тохарском не обнаруживающегося (значение ‘грива’ могло меняться по тем же экологиче-

⁶⁴ [Bartholomae 1979: 292—293]. О горе Арэзур у ворот ада в позднейшей зороастрийской традиции ср.: [Чунакова 1997: 194, 197, 277—278, 329 (примеч. 120)]. Ср. использование слова **grīvā* как топонима в балто-славянском и палеобалканском.

⁶⁵ К истолкованию этого места гимна: [Renou 1958: 30—31].

⁶⁶ [Birnbäum, Schaeken 1997: 48].

⁶⁷ [Ernout, Meillet 1994: 412] (с указанием целой серии аналогичных соотношений между производными от разных корней с подобными значениями в индоевропейских языках).

⁶⁸ [Seebold 1999: 533; Sievers, Brunner 1951: 232, § 263.1; Krause 1948: 56, 82.a].

⁶⁹ [Thurneysen 1946: 79, § 125; Льюис, Педерсен 1954: 26; Королев 1984: 179].

ским и техническим причинам, что и другие термины, связанные с конями и колесным транспортом). Латинский и ранний славянский сохраняют только производное со значением 'ожерелье', которое в более поздних славянских языках утрачивается. Балтийский в этом семантическом поле отличен от славянского и сближается с западноиндоевропейским (древнеевропейским), где побеждает форма, скорее всего, связанная с корнем **kwel-* 'вертеть'⁷⁰. Значительный интерес представляет распространение в славянских диалектах нового названия «ожерелья, драгоценности > монеты», образованного от диалектного индоевропейского слова для «гривы»: праслав. **grīvьn-a* > др.-рус. **гривьна** 'ожерелье; мера веса (серебра, золота); денежная единица'; с.-хорв. *grivna* 'браслет, перстень, кольцо', чешск. *hřivna* при **grīvьn-ъ* > др.-рус. **гривьныи** 'шейный'⁷¹. Аксиологическая и позднее финансовая значимость ожерелий представляется такой характеристикой, которая позволяет соотнести языковые данные с археологическими и дать типологическую характеристику имущественных отношений в обществе, где обнаружено это явление.

Исходное употребление индоевропейского корня **g^wer-* (правда, в полной, а не нулевой, как в цитированных формах, ступени огласовки) уже с суффиксом **-wa* и в значении, близком к этой изоглоссе, но еще без суффикса (женского рода, если не более древнего собирательного) **-ī-* < **-iH-*, позднее объединившего значительную часть языков *satəm* (кроме армянского, который мог утратить слово), засвидетельствовано в др.-греч. (арк.) *δερ-α* < **gwer-wā*⁷². Можно, следовательно, датировать начало формирования изоглоссы концом восточноиндоевропейского (греко-армяно-арийского) единст-

⁷⁰ Ср. сходную внутреннюю форму в славянском производном типа русск. *ворот*, *воротник* от синонимичного корня **wert-*: [Порциг 1964: 170]; см.: [Lehmann 1986: Н 17; Delamarre 1984: 102] (см. о других производных от этого корня ниже). В восточнобалтийском форма редуцированная с *satəm*-ным отражением лабиовелярных как простых велярных: лит. *kāklas*, латыш. *kakls* (при отсутствии редупликации в древнепрусском названии колеса и производных от него и в латышском названии двуколки от того же корня: [Ivanov 1999: 219]). Если эти балтийские слова сопоставимы с нередуцированными западноиндоевропейскими формами с таким же развитием лабиовелярных, то в последних можно усмотреть воздействие восточных диалектов. Появление этих инноваций изменило соотношения между словами этого семантического поля в западноиндоевропейском. Характерна, например, древнеисландская фраза *hann batt menit á háls sér* 'он надел (повязал) ожерелье себе на шею' [Zoega 1910: 294], где (в отличие от сходного авестийского места, цитированного выше) древнее название ожерелья сочетается с новым названием шеи.

⁷¹ [Срезневский 1958, I: 588—591; Machek 1957: 149; Skok 1971: 620; Черных 1993, I: 217—218]. Интересную семантическую параллель к славянскому представляет в нуристанском вайгали *girīw* 'воротник', *grēw-aṭī* 'ключица' < **grīw* [Turner 1989: 235, № 4387].

⁷² [Lejeune 1987: 159, 235 (§ 159, 235)].

ва, из арийской части которого она распространилась далее на большинство satəm-ных диалектов.

К числу сходств в ведийской и славянской гиппологической лексике может принадлежать также обозначение яиц (ядер) жеребца метафорой, сопоставляющей их с мышью. Выражение *ṛju-muṣkā* 'обладающий тугими = сильными ядрами' как обозначение мощного жеребца дважды встречается в «Ригведе» (IV. 2, 2; 6, 9); в обоих случаях речь идет о конях бога Огня Агни⁷³. Использование этой метафоры в индоарийском⁷⁴ нередко сравнивается с тем общеиндоевропейским описанием мускулов как мышей, бегающих под кожей (ст.-слав. *мышька* 'рука', *мышница*, др.-рус. *мышьца* > *мышца*), которое начиная с известной статьи Гюнтерта вошло в обиход составителей этимологических словарей⁷⁵. Но ведийское словоупотребление прямо совпадает с такими гиппологическими славянскими оборотами, как отраженный в позднейшем фразеологическом сочетании рус. *мышинный жеребчик* (в смысле 'деятельный молодой человек', ср. антоним: *жеребчикъ безмудъ* 'молодой мерин'⁷⁶). Не исключено, что с подобными индо-арийскими оборотами, но в значении (также отраженном в санскрите), относящемся не к мужским символам, а к женщинам или самкам (кобылицам), сопряжено и название авест. *Mūš-* — злой паирики (женского дэвовского существа)⁷⁷, в позднейшей традиции *Mūš-par(-īk)*. В «Бундахишне» она называется «разбойничьей» (пехлев. *duž-den*, авест. *duž-daēnā* 'враждебный по отношению к религии = зороастрийскому вероучению'). По словам этого памятника, она была привязана к колеснице солнца⁷⁸ (как лошадь?), с которым, как и с луной и звездами она, как и Гозихр (созвездие Дракона), соотнесена в качестве их «полководца». Истолкование этого персонажа, сопоставляемого с названием мыши, достаточно затруднительно. Но в пользу предлагаемого сравнения с гиппологическими терминами могло бы говорить наличие у этого дэвовского существа хвоста, имевшего название общеиранского происхождения: пехлев. *dumb-ōmand-* 'хвостатый'⁷⁹, *dum(b)-ak* (> арм. *dmak*), перс. *dum* 'хвост', белуджск.

⁷³ [Grasmann 1973: 280, 1052]. К переводу ср.: [Елизаренкова 1989: 359, 368].

⁷⁴ [Turner 1989: 589, № 10218—10219].

⁷⁵ См., например, [Преображенский 1958: 577].

⁷⁶ Засвидетельствовано в XVII в.: [Одинцов 1980: 127], см. о слове *жеребчик*: Там же. С. 54—55.

⁷⁷ [Bartholomae 1979: 1189].

⁷⁸ [Чунакова 1997: 185, 272, 327, примеч. 54—55]; ср. популярный пересказ, цитирующий прежние переложения (иногда далекие от подлинника): [Рак 1998: 92, 491]. Из вероятных архетипических аналогий ср. у Маяковского: «Привяжи меня к кометам, как к хвостам лошадиным».

⁷⁹ Ср.: [Bartholomae 1979: 1189].

dummag, курдск. *duw*, авест. *duma*, афган, (пушту) *ləm*, йидга *lim*, мунджан. *lum*⁸⁰, язгулям. *dot*, шугнан. *đum*, сарыкол. *đыт*, ишкашим. *дытм*⁸¹, вахан. *дытм* (в двух последних памирских языках заимствования?); хотано-сакск. *dumaa-*, хорезм. *đwm*, осет. *ды/умаег* ‘хвост, курдюк’⁸², согд. *дwпp’k* (= [*dumbāk*]!) ‘хвостатый’⁸³, ягноб. *ду(у)т* ‘хвост’. В ягнобском секретном языке и в некоторых фольклорных текстах лошадь называлась *rubč-điyta* < ‘веник, метла’ + ‘хвост’⁸⁴. Другое секретное название лошади *дыт-зір*⁸⁵ отличается обратным порядком элементов словосложения (‘хвост’ + ‘веник, метла’) и тем, что второй из них представляет собой таджикское слово (со значением ‘метла из ветвей дерева’⁸⁶). Сочетание этого названия конского хвоста с обычным обозначением коня часто встречается в ягнобских фольклорных текстах⁸⁷.

В «Бундахишне» в мифологическом контексте эти же слова соединяются при описании коней как ипостасей Гиштара и Апоша⁸⁸. При этом этимология названия хвоста, связывающего общеиранское слово с др.-верх.-нем. *zumpfo*

⁸⁰ [Грюнберг 1972: 320]. О возможных истолкованиях отношения к афганской и сходным ареальным формам ср.: [Эдельман 1986: 169—170] (согласно [Соколова 1973: 60] афганское развитие могло повлиять на мунджанский).

⁸¹ [Пахалина 1959: 197; Соколова 1967: 46, 125; 1973: 210 (32), 222—223 (15), примеч. 5], где отмечена возможность двоякого истолкования ишкашимского слова как исконного (с развитием **u* > *ь* [Соколова 1967: 124—125]) или заимствования. По отношению к ваханскому слову с аналогичным гласным [Там же] объяснение из таджикского принято в словаре: [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976: 340] (ср. *дытм/а/о* ‘курдюк’, *дытмыр* ‘бесхвостый’ [Пахалина 1975: 196]), в значении ‘(конский) хвост’ в ваханском обычно используется *біčкām* ([Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976: 306; Пахалина 1975: 184]), ср. ниже о ваханском табуистическом названии медведя с этим вторым элементом.

⁸² [Абаев 1958, I: 381; Миллер 1962: 39, § 7.1].

⁸³ Реконструкция произношения по [Gauthiot 1914—1923: 88, 109, 131 (§ 96, 112, 130); 1920—1928: 140]. В согдийской грамматике [Benveniste 1929: 94, § 75, 2] Бенвенист предполагал наличие того же элемента во второй части слова *p’r-đwпpн*, встречающегося только один раз (при описании роскошного убранства слонов) в Vessantara Jātaka, 1419, но в своем издании этого текста он ограничивается переводом «подхвостник», основанном на приводимом в особом примечании сравнении с персид. *pār(II)dum* (> арм. *Aprdum* = **pardum*) [Benveniste 1946: 81, 98—99, 115].

⁸⁴ [Андреев, Пещерева 1957: 315] (там же о параллельных табуистических названиях животных с тем же вторым элементом в других памирских языках: вахан. *n((/o/u)γ((/o/u)r)-dum* — ‘медведь’ и др.).

⁸⁵ [Хромов 1972: 167 (без объяснения)].

⁸⁶ [Андреев, Пещерева 1957: 368].

⁸⁷ [Андреев, Пещерева 1957: 88, № 10, фраза 26; 94, № 14, фраза 43; 189, № 41, фраза 71; 206, № 44, фраза 65]; см. также: [Ivanov 1999: 230, примеч. 390; 2000: 357], ср. мотив хвоста жеребенка: [Андреев, Пещерева 1957: 193—194].

⁸⁸ [Чунакова 1997: 189 (18v), 274].

‘пенис’⁸⁹, остается в том же семантическом кругу, который предположен выше для совпадающего родственного санскритского и славянского гиппологического термина.

2. Балто-славяно-арийские (= индоиранские) соответствия. II: транспортные и пространственно-временные термины, образованные от корня **wert-* ‘вертеть’

С гиппологическими терминами по своему употреблению прямо связаны некоторые из индоиранских слов, образованных от индоевропейского корня **wert-* ‘вертеть’. Их формальные соответствия в славянском передают значения, связанные с категориями пространства и времени:

А. Основа с суффиксом **-men-*: диалектное индоевропейское **wert-men-*. В ведийском существительное *vart-man-* имеет значение ‘след колеса, путь, дорога’⁹⁰ в гимне Марутам: *vartmāni ēṣām ānu rīyate ghytām* ‘следом за ними на их пути струится жир’⁹¹ («Ригведа», I, 85, 3). Это значение сохраняется в более поздних индоарийских языках у самого слова и многочисленных его производных, в частности, в сложных словах, его включающих⁹².

В славянском аналогичное имя существительное через представление о ‘коловороте’ получает значение ‘время’ (а в некоторых контекстах — ‘отклонение’ > ‘супружеская измена’)⁹³.

Давно уже было отмечено М. М. Покровским [Покровский 1928] точное семантическое соответствие в развитии исходного значения корня **wert-* в слав. **verme* и лат. *annus vertens*⁹⁴. Семантические параллели латинскому и славянскому можно обнаружить как в древнеиндийском, так и в иранском: санскрит. *ṛtu-ṛtti* ‘год’, *ṛtūm parivarta-* ‘длительность периода времени’ и хотано-сакск. *bada* < **varta-* ‘время’⁹⁵. Но при полном семантическом сходстве в этих словах использованы другие суффиксы.

⁸⁹ [Buck 1988: 210 (библиография)].

⁹⁰ [Grassmann 1873: 1223 (единственный пример); Macdonell 1972: 24, 274]. Ударение может реконструироваться на основании сравнения ведийского со славянским, где в парадигме *c* в восточнославянских диалектах отражена акцентуация энклитических форм: [Зализняк 1985: 256, 283].

⁹¹ [Елизаренкова 1989: 103].

⁹² [Turner 1989: 662—663, № 11366].

⁹³ [Jakobson 1971, II: 652]. См. об исследовании этого развития значений у Флоренского и Якобсона: [Иванов 1995: 212—213].

⁹⁴ [Покровский 1928]; ср. о других сходствах в употреблении этого корня в латинском и ведийском: [Haudry 1979: 256—257 (3.2.6.6)].

⁹⁵ [Leumann 1966: 472; Bailey 1967: 223]. К глаголу *bad-* < **varta-*: [Emmerick 1968: 92].

Временное значение этого корня связано со специфической восточно-иранско-славянской изоглоссой, обнаруживаемой в ягнобск. *xur a-zi-wort* 'солнце повернулось' (о зимнем солнцестоянии)⁹⁶, буквально совпадающей по внутренней форме и смыслу с русск. *солнце-ворот*. Ягнобская глагольная основа исторически тождественна согд. будд. *z(y)wrt-* 'повернуться'⁹⁷ < **uz-vart-*. Из других ирано-славянских параллелей в сочетаниях превербов с этим корнем ср. также: согдийск. *prw'rt* [= **par-wart*] 'соглашение, договор, документ'; *prw'rt* 'повернуть, изменить'⁹⁸; ср. славянские сочетания типа русск. *пере-вернуть*.

Б. Основа с суффиксом *-*t-i-*: диалектное индоевропейское *vrt-ti-*. В древнеиндийском и в среднеиндийском и новоиндоарийских языках⁹⁹ это имя существительное имеет значение 'способ или средство к существованию, закон, возможность'. В славянском и здесь обнаруживается преимущественно временное значение: ст.-слав. **връстѣ** 'возраст, ряд'.

В. Основа, произведенная посредством суффикса *-*to-* и сложных суффиксов, от него образованных: диалектное индоевропейское *vri-to-*. Можно полагать, что со славянским **vr̥sta* (ст.-слав. **връста**) можно соотнести индоарийск. *vṛta-* > пали *vatta*.

Архаическая русская система *верстовых столбов*, расположенных вдоль дороги через определенные промежутки (длиной в *версту*), отражена не только в достаточно ранних документах и прозаических текстах, но и в русской поэзии от Пушкина до Цветаевой. В том виде, в каком она функционировала в позднейший период, она испытала влияние транспортной организации Орды. Но начальными истоками эта система и связанная с ней терминология уходит к гораздо более далеким корням. В частности, ее прототип можно видеть в иранском 'лесе кругов', сооружаемых во время конных скачек. Он отражен, в частности, в авестийских выражениях типа *nava fr̥šwār̥sama razur̥am* 'лес девяти кругов', который упоминается при описании состязания колесниц, запряженных лошадьми, в *Yašt 5.50*¹⁰⁰. Славянская система, сложившаяся еще до последующих степных воздействий на восточных славян, могла объясняться исторически влиянием этих иранских обычаев и обрядов на те древние славянские, для которых можно предположить более ранний балто-славянский и индоевропейский прообразы. О значительной близости ранних балто-славянских обозначений пространства и времени и соответ-

⁹⁶ [Андреев, Пещерева 1957: 368].

⁹⁷ [Benveniste 1946: 71—72, строка 1201].

⁹⁸ [MacKenzie 1976: 123].

⁹⁹ [Turner 1989: 699, № 1207].

¹⁰⁰ [Hauschild 1959; Гамкрелидзе, Иванов 1984, II: 547, примеч. 2].

вующих индоиранских терминов свидетельствует западнобалтийск. древнепрусское сложное слово, включающее в качестве второго члена производное от *wert-: др.-прусск. *aina-wārst* 'единократно'. Только суффикс числительного (в древнепрусском имеющий форму, характерную для западноиндоевропейских языков) отличает этот древнепрусский термин от сходного по смыслу индоиранского слова, отраженного в ведийск. *eka-vṛi-*, новоиндоарийск. непал. *yeutā*, ассамск. *etā*¹⁰¹: месопотамск. арийск. *a-i-ka(-) wa-ar-ta-an-na* 'один поворот (на стадионе); круговая дорожка на стадионе для тренировки коня'¹⁰². Сходным образом построено сложное слово, лежащее в основе ведийск. *tri-vart-(u)-* 'тройной' (в «Ригведе»), 'тройная веревка' (в «Атхарваведе»); среднеиндоарийск. *tri-vṛt-* (откуда название растения *Convolvulus turpethum* в различных новоарийских языках¹⁰³), *tri-vart-man* 'хождение по трем путям' (*Śvetāśvatara-Upaniṣad*), *tri-vart-ma-ga* в эпическом санскрите (*Mahābhārata*); месопотамск. арийск. *tr-(u)vart-anna-* 'три поворота (на стадионе); три круговых дорожки на стадионе для тренировки коня'. В этом хронотопе пространственные меры обозначались производными от *wert-.

В месопотамском арийском все сложные слова, обозначающие по этому типу нечетное число поворотов или круговых дорожек (1 — *aika-wartanna*, 3 — *tr-(u)vart-anna*, 5 — *panza-vart-anna*, 7 — *ṣat-vart-anna*, 9 — *na-vart-anna*), включают в качестве второго члена месопотамск. арийск. *wart-a(n)n-a* 'поворот, круг, круговая дорожка для тренировки коня на стадионе'. Это существительное, переводящееся хеттской глоссой *wahnuwar* 'поворот' (от глагола *wahnu-* 'поворачивать'), произведено от месопотамск. арийск. глагола *wart-* 'поворачивать', который встречается в гибридной хеттско-месопотамско-арийской конструкции *anda wartemzi* 'они заворачивают (внутри)'¹⁰⁴ с хеттским глагольным окончанием, присоединенным к месопотамско-арийской основе, которой предшествует хеттский преверб.

Этой месопотамской арийской основе в восточноиранском соответствует в скифском осетинск. *aewwerdyn* 'тренировать коня перед скачками'¹⁰⁵, ср. перс. (фарси) *gardūn* и др.-(зап.)-иранск. **Varta-aspa* 'тренер лошадей', переданное в аккадской клинописи как *U-ma-ar-ta-as-pa*¹⁰⁶. Родственное имя существительное используется в качестве названия колесной повозки, колесни-

¹⁰¹ Текст конноводческого трактата митаннийца Киккули, [Turner 1989: 119, № 2477]. [Ivanov 1975; Иванов 1979; 1980].

¹⁰² [Kammenhuber 1961: 80, 294; Starke 1995]. Во II таблице, I, 17, написано как одно слово, в I, 22 как 2 слова.

¹⁰³ [Turner 1989b: 345, № 6055].

¹⁰⁴ Текст конноводческого трактата митаннийца Киккули, [Kammenhuber 1961].

¹⁰⁵ [Bailey 1957: 64].

¹⁰⁶ [Zadok 1975].

цы: авест. *vāša* 'повозка', зап.-иранск. парфянск. *wardyūn* 'повозка, колесница', вост.-иран. согд. *wrtn* 'колесница'¹⁰⁷, осетинск. *waerdon* 'повозка'; из скифо-кавказского атанского диалекта термин был заимствован в северокавказские нахские языки (чеченск. *varda[n]*, ингушск. *vorda* 'повозка'), лакский (*warda*) и абхазо-адыгские языки: абхазск. *a-wardən* 'повозка', абазинск. *wandər* < **wardən*¹⁰⁸. В славянском соответствующее существительное имеет значение 'веретено': русск. *веретено*, ср. аналогичное значение у восточноиранских производных от того же корня с другим суффиксом орудий действия: осетин. *waedaert(t)* 'массивное деревянное кольцо, надеваемое на веретено для придания ему тяжести и вращательной инерции', 'прясло'¹⁰⁹; ягнобск. *watra* 'ручное веретено'¹¹⁰.

К общим славяно-индоиранским временн м терминам можно отнести также и обозначение полнолуния посредством сложного слова с первым элементом, восходящим к индоевроп. **pl̥-H-n-* 'полный': др.-инд. *pūrṇā-mās*: авест. *paṛəṇō-mah*¹¹¹, вост.-иранск. скифск. *Μύσπ[ε]λ[λ]η ἢ Σελήνη παρὰ Σχύδαϊς* (Гес.); русск. *полн-о-луние*; похожее тохарское обозначение может быть заимствованным из иранского.

3. Славяно-индоарийские лексические сопоставления

Прямые славяноиндо-арийские связи считаются сомнительными по географическим причинам¹¹². Однако никак нельзя быть уверенным в том, что нам хотя бы приблизительно известно расположение этих диалектов в то время, к которому могут относиться предполагаемые изоглоссы этого рода (в них может входить и часть отмеченных выше гиппологических терминов в той мере, в какой они больше представлены в индоарийском, чем в иранском,

¹⁰⁷ См. некоторые контексты употребления слова в буддийском согдийском в связи с колесницами, запряженными конями: [Benveniste 1946: строки 7516, 9866, 1170]; о манихейском согдийском: [Gershevich 1954: 4, 157, 184].

¹⁰⁸ [Абаев 1979, IV: 92; Ivanov 1999: 229, примеч. 364].

¹⁰⁹ [Абаев 1979, IV: 84—85].

¹¹⁰ [Андреев, Пещерева 1957: 351]; ср. о семантических параллелях: [Ivanov 1999: 134—135, примеч. 406].

¹¹¹ [Scherer 1953: 61—62].

¹¹² См., например, [Витчак 1994: 28]; предлагаемая в этой статье этимология при всем ее остроумии более чем сомнительна, во-первых, из-за недостоверности имени древнерусского бога: скорее всего, речь идет о части имени (*Семаргла*), к тому же морфологически не обособляемой; во-вторых, из-за изолированности того фонетического развития (*-*gl-* < *-*dl-* > -*dr-*), которое предполагается этой этимологией, основанной только на созвучии.

хотя в этих случаях в последнем они могли быть и утрачены позднее). При предположении индоарийской компоненты в тех северокавказских названиях (в частности, гидронимах), которые были обнаружены еще Усларом, а потом Кречмером и за ним следовавшими учеными, в частности О. Н. Трубачевым¹¹³, нельзя считать исключенной индоарийскую принадлежность хотя бы части обитателей той области, которая соотносится с майкопской культурой. Для ранней эпохи складывания *satəm*-ного диалектного ареала славянский мог соседствовать с индо-арийскими диалектами этой территории или, во всяком случае, мог быть связан с ними достаточно устойчивыми торговыми путями. Одна из наиболее ярких изоглосс этого рода может помочь именно прояснению экологической характеристики ареала этих контактов.

Особо близкое сходство может быть видно в санскрит. *pra-hlāda* 'остывание, прохлада' (: *hlāda-te* 'остывает') и ст.-слав. **про-хлада** (< **xold-*). Соответствие др.-инд. *h-* и загадочного слав. *x-* напоминает то объяснение славянской фонемы из (восточно-)иранского, которое в последнее время предлагалось для нескольких отчасти сходных случаев¹¹⁴. Хотя санскритское слово допускает сближение с греч. *χάλαζα* 'град', в этом последнем случае возможно другое славянское соответствие: ст.-слав. **жлѣдица** 'слякоть'. Разница может определяться разной хронологией: первый термин мог быть заимствован из (индоиранского, тогда как второй может быть достаточно древним (диалектным восточно-) индоевропейским наследием.

В одном случае специфическое славяно-индоарийское соответствие как будто указывает на восточные пути заимствования, в случае славянского в переводном тексте соотносимые с Красным морем. Санскритское *kṛmi* 'красная краска, произведенная шелковичным червем', *kṛmi-raga-* 'окрашенный в красный цвет (с помощью лака, производимого червем)', *kṛmi-varṇa* 'красная краска, красная одежда', *kṛmi-ranga-* 'пурпурный, темно-красный цвет' (ср. семантически сходное согдийск. *krm'yr* и армянск. *karmir*, заимствованное из иранского, который в данном случае представляет меньшее число прямых соответствий славянскому, чем индоарийский) имеет точное соответствие в ст.-слав. **чръмьное море** «ἡ ἐρυθρὰ θάλασσα» — 'красное море', **чръмьноуѣтъ сѧ небо** 'πυρράζει γὰρ ὁ οὐρανός' — 'небо стало багровым', **чръвленъ** 'красный', ср. рифменное слово в белорусск. *вермяний*¹¹⁵. Близкие соответствия этому рифменному образованию с тем же значением обнаруживаются и в некоторых балтийских и германских языках: прусск. *wormyan*, *urminan* 'красный цвет', др.-англ. *wurta* 'mugex', др.-фриз. *worma* 'пурпурный' при др.-англ. *wurm* > *worm* 'червь', готск. *waurms* 'червь'; ср. лат. *vermis* и возможно

¹¹³ [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 2: 917—918 (с библиографией); Трубачев 1998].

¹¹⁴ [Абаев 1965; Golab 1973; Reczek 1968].

¹¹⁵ См. дальнейшие примеры и источники: [Herne 1954: 33—48].

беот. *ῥάριμος* (< **ṛim*), а также *ῥόμος* (Гес). Культура насекомых, производящих (как шелковичный червь) красную краску, была распространена в древности в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европе и считается заимствованной с Востока.

Но в большинстве индоевропейских диалектов слова, родственные приведенной рифменной паре, означают мифологического червя, предстающего в поэтическом обликах миниатюрного дракона — противника бога Грозы или же самого дракона в образе огромного червя¹¹⁶: **k^w rmi* > др.-ирл. *cruim(i)*, корнуэл. *pryf*, брет. *precv*; албанск. *krimbh*, ст.-литовск. *kirmis* (откуда соврем. лит. *kirm-elė*), латыш. *šerms*, слав. **čьrm-čьrv-* (с чередованиями согласных в конце основы того же типа, что и в приведенных рифменных парах); др.-инд. *kṛmī-*, восточноиранск. язгулемск. *karm*, шутганск. *čirm*, новоперс. (фарси) *kirm*. Сдвиг значений в иранском, в этом семантическом развитии отличающегося от индоарийского и славянского, особенно отчетливо обнаруживается не только в пехлевийск. *kirm* 'дракон', приводимом в данной связи Уоткинсом¹¹⁷, но и в аналогичном осетинск. *kalm-***kṛm-* 'червь, змей'¹¹⁸ и в сходном двойном значении ягнобск. *kirm* (из согдийского)¹¹⁹. На фоне этой иранской семантической инновации более отчетливо проступает сходство славянских и древнеиндийских производных от этого корня.

4. К славяно-иранским лексическим связям

А. Религиозный и фольклорно-мифологический словарь. Возможности сопоставлений славянского словаря (и отдельно древневосточнославянского дописьменного времени) с иранским со времен известной работы Мейе обсуждались и уточнялись много раз¹²⁰. Вслед за Мейе и Якобсоном особое внимание было обращено на вероятное воздействие иранских религиозных представлений (в частности, митраистических) на славян¹²¹. То, что заимствованными у славян оказываются парные названия дуалистически противопоставленных названий основных полюсов мироздания, позволяет думать, что у славян следы давнего индоевропейского дуализма¹²² оживились благо-

¹¹⁶ [Watkins 1995: 416, 521—522].

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ [Миллер 1962: 66; Абаев 1958, I: 569].

¹¹⁹ [Андреев, Пещерева 1957: 273].

¹²⁰ [Meillet 1926]. Из обширной литературы достаточно назвать: [Зализняк 1962; 1963; Абаев 1965; Торогов 1968; Топоров 1973—1995; Поль 1975; Reczek 1985; Cornillot 1994].

¹²¹ [Торогов 1968; Топоров 1973; 1983; 1989; 1995].

¹²² [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 2: 116—119, 791, 885].

даря последующим иранским воздействиям, шедшим в том же направлении. Как и по отношению к языку, особенно глубокое влияние в сфере религии оказалось возможным именно из-за изначального родства взаимодействовавших традиций.

Особенно интересными представляются слова, обозначающие общий дуалистический взгляд на мир иранских племен, которые повлияли на религию своих славянских соседей. Негативное обозначение дурного ряда явлений — вост.-слав. **xudъ* — до сих пор объяснялось обычно сравнением с др.-инд. *kṣud-ra-* ‘маленький’¹²³. Однако представляется возможным объяснить слово как славянское заимствование из скифск. **fud-* > осетин. *fyd/fud* ‘плохой, дурной’. Это осетинское имя, как и его славянское соответствие, особенно часто выступает в качестве составной части сложных слов. Семантические обертоны русск. *худой* ‘тощий’ сопоставимы с аналогичным значением осетин. *fyd-xayz* ‘дурно выглядящий, истощенный’. Русская поговорка *нет худа без добра* близка к осетин. *fyd, xorz aem ma sdzur* ‘ни плохого, ни хорошего ему не говорите’. По употреблению русскую сравнительную степень хуже можно сопоставить с осетин. *fyddaer/fuddae*. В славянском можно предположить перекодирование заимствованного скифск. **fu-* > *xu-*, ср. к фонетической мене согласных передачу скиф. **huška* (осетинск. *xusk'ael/x,sk'* ‘сухой’) посредством греч. Φυσχη в качестве названия Высохшего Устья реки у Птолемея. Функция и этимология второй именной основы в согдийском сложном слове *βυζ'krtyh = *aβiza-kar-ti* ‘плохое/ злое действие’ аналогичны структуре осетин. *fyd gandae* ‘злое посвящение животных, не подходящих для жертвы, памяти умерших людей’, ср. подобное сходство между согд. *ze-kar* < **dus-kara* и осетин. *fulyd-gaeneg* ‘злодей’.

Предполагаемое заимствование этого отрицательного обозначения из иранского в славянский согласуется с ранее установленным заимствованием соответствующего положительного термина: русск. *хорош-ий* и древнерусское имя *Хорса*, одного из тех языческих богов, чьи идолы у своего дворца в Киеве поставил Владимир, возводятся к скифск. **xors-*. Эта основа отражена в осетин. *xorz/xwarz* ‘хороший, добрый’, *xwarz Nikkola* ‘добрый святой Николай’ (эпитет святого в осетинском фольклоре), аланск. *Hurz* в язигском собственном имени служившего у монголов аланского военного, которое передается в китайской транскрипции как [*k'əw-rɿ'-tɕ'i*]¹²⁴. Возможно, что то же имя

¹²³ См. о сопоставлении со старославянским: [Schwartz 1989: 119, § 190]. Семантическая сторона этой традиционной этимологии сомнительна, как и фонетические соотношения, ею предполагаемые.

¹²⁴ Раннемандаринская фонетическая значимость иероглифических знаков дается согласно реконструкции: [Pulleyblank 1984: 113 (3, 4, 7, Liu I k), 241 (№ 188 и 227), 252 (№ 1451)]. Восстанавливая звуковую структуру этого слова, Абаев (1949: 254,

входит в состав массагетск. *Χαρσάμαντις* = осетин. *chorz-* + *amond* 'наделенный хорошей судьбой'¹²⁵. Если предлагаемые объяснения славянских терминов правильны, то оба названия полярно противоположных характеристик, выражающих дуальную картину мира, были заимствованы из восточноиранского. У восточных славян оба эти названия восходят к скифскому-осетинскому. Можно также заметить, что и другая славяно-иранская изоглосса (к которой может быть примыкает и соответствующее слово в германском) связана с выражением одного из главных негативных понятий в дуалистической системе: ст.-слав. *срамъ* < **sormъ* : иран. **fsarma-* > авест. *fšarəta*, перс. *šarm*, белуджск. *šarm*, пашту *šarm*, осетин. *aefšarm*, согд. *šβ'r* 'стыд, скромность'¹²⁶, йидга *fšarm/šfarm*, мунджанск. *šfyrəm*¹²⁷, хотано-сакск. *kšārmā*¹²⁸.

Если принять гипотезу, по которой скифские и осетинские слова того корня, к которому возводится рус. *хороший*, восходят к терминологии солнечного культа, они могут быть тогда связаны со скифск. *Χορ* /**hvar-*/ осетин. *chor-/xur-* 'солнце'. С этой точки зрения др.-русск. имя бога Хорса можно сравнить также с перс. *Xurset*, авест. *xvarə xšaētəm* 'Солнце-правитель, Солнце как Царь'¹²⁹.

Из слов этого семантического круга, сохранившихся преимущественно в фольклорном употреблении, особый интерес представляет русск. *жар-птица*, точно отвечающее осетин. *zaer-vatykk* 'ласточка' (в нартовском эпосе *adanlimaen zar-batyg* 'друг людей ласточка') < **zara-patuka-* (от *zaerin* 'золото', ср. культовое имя солнца *Xur Zaerin* и хотано-сакск. *ysarra* 'золото', с которым связывают и название куропатки), ягнобск. (из согдийского) *murγ-e zarrin* жар-птица¹³⁰.

В восточнославянском предполагаются и другие иранские заимствования в этом семантическом поле: др.-русск. *Бемар(ъ)гль*, один из богов пантеона Владимира, представляет вероятное славянское соответствие перс. *Simurg/γ*.

примеч. 4) ссылаясь на предположение Драгунова о возможном северо-западном проношении спиранта *x-*, ср. о диалектном изменении **k* > *x-*: [Norman 1974; Старостин 1989: 55, 116].

¹²⁵ [Абаев 1949: 254, 594; 1989. IV: 219]. Объяснение русск. *хороший* из осетинского было предложено в работе [Обнорский 1929]; относительно объяснения слав. *x-* по Абаеву см. выше.

¹²⁶ [Абаев 1958, I: 482—483; MacKenzie 1976: 25, 133]. Славянская форма обнаруживает фонетическое упрощение начальной группы согласных того же типа, что и осуществившееся преимущественно в западноиранском.

¹²⁷ [Грюнберг 1972: 359].

¹²⁸ [Bailey 1967: 54—55].

¹²⁹ [Топоров 1989; 1995: 208].

¹³⁰ Так переводится в русском тексте сказки, буквально «золотая птица»: [Андреев, Пещерева 1957: 54—55, 58—59, сказка № 5].

пехлеви *Sēnmurv*, авест. *saēna-marəga*¹³¹, осетин. *saw-maelgae*, которое как название птицы сближается со скифск. *Μυρρητοί* в качестве тотемистического названия племени, и иранским заимствованием в армян. *sira-marg* ‘павлин’¹³².

Р. Яacobсон, одним из первых смело развивший идеи Мейе об иранском влиянии на славянскую мифологию, несколько раз писал об имени чешского и словацкого демона огня и золы (пепла), чей образ можно возвести к древнему мифологическому символу. По Яacobсону, разные варианты этого западнославянского имени — чешск. *Rarog, Rarax, Rarašek* — сопоставимы с др.-русск. **Бварогъ** (имя бога, входившего в пантеон Владимира). В этот круг вероятных сближений включается русское имя мифологической птицы *Рах-Страх* и мифологические птицы *Вострогор, Вострогот* в архаической духовной Голубиной книге, содержащей наряду с вероятными следами представлений индоевропейской древности также разительные аналогии с индоиранскими поверьями. Указанные имена сопоставимы с авест. *Vərəθraγna*¹³³. Вместе с тем хотя бы часть этих славянских мифологических имен можно сопоставить и с осетин. *aert-xutaeg/aert-xotug* ‘зола = прах огня’. Для сравнения со славянским *Svarož-ič* > др.-русск. **Бварожичь** (производное от **Бварогъ** с суффиксом происхождения **-ичь**) особенно примечательно осетин. сложное слово *Aert-xū/oron* ‘божество огня и солнца’ (которое может быть благодетельным, но отвечает и за кожные болезни); посвященный этому богу священный новогодний пирог съедает вместе за общей трапезой вся семья, не приглашая чужих; в праскифско-согдийском диалекте восточноиранского можно восстановить общий источник для этого слова. Он отражен в согдийском слове, тождественном осетинскому по составу элементов, расположенных в обратном порядке: согд. *ywr’rd* [*xōr-arḡ]. На этом архаическом сочетании основано древнее осетинское имя бога *Xur-at-xuron* ‘Огонь, товарищ Солнца’¹³⁴. Другие следы иранского по происхождению культа огня, распространившегося на большой территории Юго-Восточной Европы, на которой обитали и славяне, сохранены в сакральных терминах типа сербск. *жива*

¹³¹ [Тревер 1937; Борт 1978; Топоров 1995: 209].

¹³² Есть и некоторые другие названия птиц, являющихся вероятными славянскими заимствованиями из иранского: русск. *сыч*, укр. *січ* : согд. *сус* ‘утка’.

¹³³ [Jakobson 1985, VI: 7, 26—28, 47—52; Топоров 1983; 1989; Ivanov 1999: примеч. 364].

¹³⁴ [Dumézil 1978: 141—142; Ivanov 1999: 159, примеч. 75]. Согласно Дюмезилю, это имя в архаической осетинской молитве, записанной Гатиевым (1876), нужно понимать, «солнечный огонь, сын Солнца» (см. об этом уже [Миллер 1882, II: 266—267]). В авестийской религии Огонь считается сыном Ахура Мазды (именем последнего в хотано-сакском и иш-кашимском называется Солнце).

vatra с соответствиями в широком карпато-балканском ареале¹³⁵: албан. *va/otër* ‘очаг’, венгер. *vatra*, румын. *vatră* ‘огонь’, цыган. *vatr-o/-a* ‘костер на месте лагеря > лагерь’, словен. *vatra*, чешск. *vatra*, польск. *watra*, *watrysko*, укр. *ватра*, *ватрыще*, русск. *ватрушка* (ср. выше об осетинском обрядовом пироге). Хотя пути распространения этого термина остаются дискуссионными, появление начального **v*- кажется возможным связать с воздействием тех славянских диалектов, где наблюдается подобное явление. Поскольку культ огня составлял одну из важнейших черт древней иранской религии¹³⁶, а иранск. **ātar* ‘огонь’ (авест. *ātar*, пехлеви *ātaxš*, курдск. *ār*, пушту *or*, мунд-жан. *yūr*, йидга *yūr*, ягноб. *ol*, шугнан. *uōc*, язгулем. *uес*, хорезм. ‘*dr*, бактр. *AθOŠO*, согд. ‘*rδ*, осет. *aert*¹³⁷) играет ключевую роль в соответствующем семантическом поле, распространение этого слова может пролить свет на пути влияния.

Пользуясь термином, который Е. Д. Поливанов ввел для описания современных среднеазиатских диалектов, славянские языки, во всяком случае в отношении таких семантических полей словаря, как религиозное, можно признать иранизованными (как можно считать иранизованными некоторые другие индоевропейские языки: армянский, тохарские). Более половины известных нам богов Владимира носят имена, которые предположительно заимствованы из иранского. Вероятными иранскими заимствованиями было не только основное слово со значением ‘бог’, но и ряд от него образованных слов и оборотов: например, мидийск. *Bag-ā-farnah* ‘величие, слава, сияние бога’ отождествляется с праславянской фразой **xvala* ⟨...⟩ *bog(u, Dat. Sg)*, которая восстанавливается на основе др.-русск. **Бог-оу-хвалъ** = чешск. *Bohuxval* = польск. *Boguchwal*¹³⁸. Такие обороты входят во множество сочетаний с иранским и праславянским именами бога, как, например, др.-перс. *bagahya rādiy*,

¹³⁵ [Клепикова 1973; Nampp 1976; 1981; Huld 1974; Orel 2000: 37]. Не кажется вероятным происхождение слова из иранского заимствования в цыганском [Machek 1957: 124]: цыганское слово (см. о его диалектных чешских вариантах [Ješina 1886: 97, 105]) считается в свою очередь заимствованным из румынского: [Wolf 1989: 239, № 3648; Borctzky, Iglá 1994: 298].

¹³⁶ [Hertel 1925—1931; Kramers 1954; Boyce 1968; Периханян 1983: 161, 335, 337]. Автору настоящей статьи посчастливилось еще в годы учебы в аспирантуре узнать от своего учителя В. И. Абаева вариант того описания древнеиранского культа огня и его терминологии, которое им предполагалось к изданию во 2-м томе «Осетинского языка и фольклора» (набор книги, которую я читал в рукописи, был рассыпан).

¹³⁷ [Benveniste 1929: 91; Соколова 1967: 14, 125; 1973: 9, 48; Хромов 1972: 121, 127; Грюнберг 1972: 391; Стеблин-Каменский 1981: 321; Эдельман 1986: 172—175].

¹³⁸ [Milewski 1969: 222]. Анализ Милевского был позднее развит Витчаком и Решком.

ст.-слав. **Бога ради**¹³⁹. Использование в христианском контексте таких древних дохристианских оборотов представляет значительный интерес для понимания значимости этого иранизованного слоя лексики в позднейших переводах с греческого. Именно потому, что славяне уже были знакомы с достаточно развитой религиозно-философской системой и ее терминологией, усвоение новых христианских смыслов не оказалось трудным.

Среди старых восточно- и западнославянских сложных имен существительных с первым элементом **bog-a-* иранского происхождения особый интерес представляет название богатыря. Богатырский сказочный и повествовательный эпос у иранских, тюркских, монгольских и других народов Средней Азии и Кавказа имеет общие черты со славянским, что было показано Стасовым, Потаниным, Вс. Миллером, Жирмунским¹⁴⁰. Представляется, что эти фольклорные связи отражены и в названии богатыря, которое в качестве миграционного культурного термина переходило из одной семьи языков Евразии в другую. Оно представляет собой сложное слово, первой частью которого было иранское название бога. Для второй части словосложения исходным можно было бы считать общеиндоевропейское название «мужа, носителя силы мужественности». В южноанатолийском и греческо-армянском диалектном ареале слово выступает с протетическим *a-* (лувийск. *annar-* : *annari-* 'могущество, мужественность', *annar-ummi-* 'могучий, мужественный', др.-греч. *ἀνήρ*, арм. *ayr* 'мужчина'), которому в северноанатолийском соответствует *i-* в *innar-* : хеттск. *innar-aw-atar* 'сила, мощь, мужественность', *innar-aw-ant-* 'сильный, мощный, могучий, наделенный половой силой'. В других индоевропейских диалектах начальный гласный (по-видимому, из сочетания ларингального с последующим редуцированным гласным, т. е. **(ə)*), исчезает: др.-инд. *nar-*, авест. *nar*; алб. *njer* 'мужчина'. Произведенная от этого имени основа на **-t-* (словосложение др.-инд. *sū-ṇṛ-t-ā* 'жизненная сила' [с долгим *ū* в начальном слове, вызванном исчезнувшим ларингальным в начале корня] = др.-ирл. *so-nir-t* 'сильный'; *ner-t* 'мужество; войско'; вост.-иранск. хотан-сакск. *nadaun* < **ṇṛ-t-ā-van*¹⁴¹; лит. *ner-tėti* 'сердить(ся)', др.-прусск. *ner-t-ien* 'гнев') известна также и в фольклорном и мифологическом употреблении как имя осетинских героев-нартов, распространившееся по всему Кавказу, и древне-германских богов: др.-исл. *Njorðr*, ср. имя др.-герм. богини

¹³⁹ Структурная параллель была отмечена в замечательном для своего времени труде: [Kossowicz 1872 (Glossarium 44); Meillet 1926]. В фарси древняя конструкция преобразована в *khodārā*, где *rā* из *rādiy*.

¹⁴⁰ [Миллер 1892; Стасов 1894; Потанин 1899; Жирмунский 1974; 1979].

¹⁴¹ [Bailey 1967: 127].

Nerthus. Следуя предположению Бэйли, принятому Винтером¹⁴², можно допустить, что от основы, родственной осет. *nart* ‘эпический герой, один из 100 братьев-нартов’, при метатезе группы **rt* > *-tr-* и изменении начального слогового **ŋ* > *a/ä*, могла образоваться незасвидетельствованная иранская основа **atr-*. Подобной трансформацией исходной формы можно было бы объяснить (при допущении в нем иранского заимствования или же слова неизвестного индоевропейского языка с соответствующими звуковыми изменениями) тохар. *A atär/aträ* ‘герой’, сложное слово *atra-tampe* ‘обладающий мощью героя’; *B etre* ‘герой’. В сочетании с заимствованным иранским **bag-a-* ‘бог’ тохарское слово образовало словосложение, которое распространилось по разным ‘степным’ евразийским языкам (в частности, монгольским) в своей тюркизованной форме: *baγ-atur* (> др.-тюркск. *batur* ‘герой, богатырь’), *baγ-adur*. Уже в качестве евразийского миграционного термина слово было снова заимствовано в восточноиранский осетинский (скифский): в форме *baeγatyr* оно известно из грузинской хроники «*Kartlis Sxovreba*», тогда как еще раз метатезированную форму *qaebatyr* сохранил иранский диалект осетинского¹⁴³. Средневековая восточноиранская форма типа раннеосетинской близка к заимствованным восточно- и западнославянским и могла послужить источником русск. *богатырь*, украинск. *богати́р*, чешск. *bahatýr*, польск. *bohатыr*, *bohater*, др.-польск. *bohaterz* ‘могучий воин, эпический герой’. Это языковое соответствие подтверждает общее происхождение давно замеченных аналогичных жанровых черт (в том числе и относящихся к герою песни — богатырю) славянского эпоса (русских былин) и сходных фольклорных композиций тюркских и монгольских сказителей, с одной стороны, осетинского нартовского эпоса и его кавказских ответвлений — с другой.

5. К славяно-иранским лексическим и деривационно-фразеологическим связям

В. Словообразовательные параллели и глагольные сочетания с провербами

I. Из именных суффиксов, обнаруживающих особенно далеко идущие параллели, следует отметить несколько общих для иранского и славянского образований с суффиксом **-āk*, продуктивных в скифско-согдийской части восточноиранского: 1. Ст.-слав. *зънакъ* ‘σημείον’, согд. *zn'kh* [*zanak*] ‘знак’ (*'wrn'zn'k* ‘знак доверия’¹⁴⁴); ‘наука; знание’¹⁴⁵, от корня *z'n/zn* [*zan-*] ‘знать =

¹⁴² [Winter 1984: 41].

¹⁴³ [Абаев 1958, II: 278; III: 231].

¹⁴⁴ [Лифшиц 1962: 63].

распознать', осетин. *zonyn*, привативное осетин. *aeznagon* < **a-zn-a-ka-* 'чужой, не обладающий различительным знаком племени', язиг. (XIV в.) *Znagan*: суффикс **-k-* присоединяется к долгому гласному, на который кончается производная глагольная основа от этого корня. Большинство славянских производных с этим суффиксом относятся к слою аффективных существительных, отмеченных в социолингвистическом плане¹⁴⁶; 2. Русск. *пис-ака-* (*написать*), согд. *pr's'k*; осетин. *nyffysaeg*: ср. бактрийск. глагольную форму ΝΙΒΙΧ-ΤΙΓΕΝΔΙ в длинной бактрийской надписи, относительно недавно найденной в Рабатаке на Северном Гиндукуше; 3. Этот семантический тип отражен в согд. *γур'к* 'глупый'¹⁴⁷, *'ntr'k* [*anadrik*] 'евнух, слуга' (< 'принадлежащий к внутренней части дома'); 4. Словообразовательный тип русск. *родн-ик*, *источн-ик* тождествен тому, который обнаруживается в согд. *γ'γ'ук* 'принадлежащий источнику' (согд. *γ'γ*, язгулям. *xex* 'вода', авест. *ха*).

II. Более древние словообразовательные связи можно предполагать в случае таких собирательных именных форм, которые известны не только в славянском и иранском, но и в тохарском. Славянск. **-t(-)va* в формах типа русск. *плотва* может быть древним суффиксом иранского происхождения, ср. вост.-иран. *-twa*, перс. *-ha*¹⁴⁸. Но в этом случае сходство распространяется и на тохарский. Можно ли думать о приобретенном («аллогенетическом», по Г. В. Церетели) сходстве двух иранизованных индоевропейских диалектов, объясняемом в конечном счете иранским влиянием? Аналогичное распределение (в восточноиранском, славянском и тохарском) можно установить и по отношению к употреблению префикса **pe-/po-* с императивом (тип русск. *пойд-ем-те*). К лексическим изоглоссам, объединяющим те же диалекты, принадлежит ст.-слав. *рѣтъ*, пехлеви *ratak* 'порядок', тохар. *A ratak*, *B retke*.

III. В славянском и иранском обнаруживается значительное число одинаковых или предельно близких друг к другу сочетаний глаголов с провербами и производных образований от этих последних (см. выше о словах и сочетаниях с корнем **wert-*). Слав. **pro-dati* тождественно согд. *pr'dt*, *pr'dn* 'проданный'¹⁴⁹, шугнан. *pardad-*, саглич. *parde*, йидга *plar-*, мунджан. *p(ə)lor*, пушту *prōlalai* < **parādataka*, название правящей скифской династии, по Геродоту *Παράλαται*¹⁵⁰, осетин. *raeddyn* 'дать' < **fra-da-* 'дать' (с отделяемым

¹⁴⁵ [MacKenzie 1976: 17, 182].

¹⁴⁶ На этот суффикс в данной связи обратил особое внимание [Абаев 1949: 221—224].

¹⁴⁷ Этимологически из 'темный': [Bailey 1967: 62; MacKenzie 1976: 105].

¹⁴⁸ [Смирнова 1974: 37, 62—92; Молчанова 1975; Эдельман 1990: 152 след].

¹⁴⁹ [Benveniste 1946: строка 1252].

¹⁵⁰ [Benveniste 1929: 13].

превербом в дигорском диалекте), ср. также, возможно, *raedaw* ‘великодушный’ (в случае, если и это слово восходит к аналогичному сочетанию с превербом **fra-*, к которому в качестве иранского заимствования возводится также и армян. *arat*). В этих сходных славянских и иранских сочетаниях отразилась история отношений обмена — дарения — купли — продажи, представляющая значительный интерес для социально-экономического и этнологического изучения соответствующих периодов эволюции установлений этих народов.

Параллелизм в использовании славянского преверба и его иранского соответствия отчетливо виден в славянских производных от **pro-* + **ster-* (русск. *про-стор*, *про-стирать-ся*) и таких иранских форм¹⁵¹, как согд. *prstrt* [*parst^art*] ‘расстелить, разостлать ковер’. От этого согдийского корня было образовано несколько названий ковров и фраз, их обозначающих: согд. *bγnyk prstrn* ‘божественный¹⁵² ковер’, *δnn 'nytch prst'k* ‘со множеством ковров’¹⁵³, ср. хотано-сакск. *bastarra* ‘ковер’, *ba-starr* < **upa-str-n-* ‘расстилать, покрывать ковром’¹⁵⁴.

Хотя при полном семантическом тождестве согд. *wpr's* ‘вопрос’¹⁵⁵ и праславянского существительного **vъprosъ* > ст.-слав. **въпросъ** возможно исходное различие в вокализме (ср. приведенные выше формы от основы со значением ‘писать’), тем не менее сходство типов образования несомненно. Первичный индоевропейский глагол с основой на **s-*, от которой образована эта префиксальная форма, вошел в семантическое поле слов, соотносимых с чтением, что могло сделать его источником для заимствования или префиксального калькирования.

Разительно (типологически?) сходны, с одной стороны, слав. **po-ved-tъ* > ст.-слав. **повѣсть**, русск. *повесть*, *по-вест-ка*, с другой — согд. *pwstik* ‘книга, договор’¹⁵⁶. Так же структурно аналогичны ст.-слав. **на-пасти** : **въ-пасти**, согд. *'np't* [**an-pat*] ‘упасть’ (иранск. преверб **ham* < *som*, др.-инд. *som*, хет. *-šan*) и согд. *wp't* [**wapat*] ‘упасть вверх тормашками’ (иранск. преверб **awa*)¹⁵⁷.

В связи с отмеченными выше разительными сходствами в гиппологической терминологии и в свете выявления особой роли иранских терминов верховой езды¹⁵⁸ представляется особенно примечательным найденное еще Бен-

¹⁵¹ Ср.: [Зализняк 1963].

¹⁵² О прилагательном см.: [MacKenzie 1976: 92].

¹⁵³ [Benveniste 1946: строки 846, 39с].

¹⁵⁴ О родственных глагольных формах ср.: [Bailey 1967: 20].

¹⁵⁵ [Mackenzie 1976: 140].

¹⁵⁶ [Gauthiot 1914—1923: 69, 101—102, 126, 136].

¹⁵⁷ [Benveniste 1929: 15, 58—59].

¹⁵⁸ [Ivanov 1999: 169—170, 232—233].

венистом¹⁵⁹ противопоставление согд. $\beta'zud = *[\beta azad]$ 'вскочить на коня' (иран. **ava-* + **zga-*, основа пушту *zḡāstāt*) и согд. *w'zgd* 'соскочить с седла'. Сравнимая согдийские префиксальные формы типа *ptsm'r = *[patsmar]* 'число' (хорезм. *pct'r*)¹⁶⁰, *ptḡwš* 'слышать' (ягноб. *duḡuš-*¹⁶¹), *ptswc* 'поджечь, зажечь' с аналогичными скифо-осетинскими типа осетин. *fae-* (< *pati-*) + *dzaexsyn* 'обучать' (возможно, родственно согд. *ptxs'wn = *[pat-xsawan]* 'учитель', авест. *xswa-/čaxs-* 'обучать'), можно восстановить прасогдийско-скифский тип префиксальных конструкций, весьма сходных со славянским употреблением префикса **podъ* (ср. тип русск. *под-считатъ*, *под-слушатъ*, *под-жечь* и т. п.). Словообразовательные модели при интенсивном взаимодействии языков могут складываться под влиянием уже усвоенных слов или конструкций, включающих соответствующие элементы. За лексическим взаимовлиянием следует в этих случаях и структурное.

Литература

- Абаев 1949 — *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. 1. М.; Л.: АН СССР, 1949.
- Абаев 1958—1989 — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. 1; 3; 4. М.: АН СССР; Наука, 1958—1989.
- Абаев 1965 — *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965.
- Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства 1838 — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб.: Изд. Археологической комиссии, 1838.
- Андреев, Пещерева 1957 — *Андреев М. С., Пещерева Е. М.* Ягнобские тексты. М.; Л.: АН СССР, 1957.
- Барроу 1976 — *Барроу Т.* Санскрит. М.: Прогресс, 1976.
- Витчак 1994 — *Витчак К. Т.* Из исследований праславянской религии. 1. Новгородское *Ръгль* и ведийское *Rudra* // *Этимология 1991—1993*. М.: Наука, 1994. С. 23—31.
- Ворт 1978 — *Ворт Д.* Div=Simurg // *Восточнославянское и общее языкознание* / Под ред. О. Н. Трубачева и др. М.: Наука, 1978. С. 127—132.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. 1—2. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
- Гатиев 1876 — *Гатиев Б.* Суеверия и предрассудки у осетин: Сборник сведений о кавказских горцах. 9. 3.1. Тифлис, 1876.
- Грюнберг 1972 — *Грюнберг А. Л.* Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Л.: Наука, 1972.

¹⁵⁹ [Benveniste 1929: 19, 61—62].

¹⁶⁰ [MacKenzie 1976: 126].

¹⁶¹ [Андреев, Пещерева 1957: 249].

- Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976 — *Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский М. И.* Ваханский язык. Тексты, словарь. Грамматический очерк. М.: Наука, 1976.
- Дмитриев 1962 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // *Дмитриев Н. К.* Строй тюркских языков. М.: Наука, 1962. С. 503—569 (впервые напечатано в 1958 г.).
- Дурново 1969 — *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка / Подг. текста, редак. и коммент. Л. Л. Касаткина, Т. С. Сумниковой. М.: Наука, 1969 (переизд. изд. 1927 г.).
- Дыбо, Николаев, Замятина 1990 — *Дыбо В. А., Николаев С. Л., Замятина Г. И.* Основы славянской акцентологии. М.: Наука, 1990.
- Елизаренкова 1972 — *Елизаренкова Т. Я.* (пер., коммент.). Ригведа. Избранные гимны. М.: Наука, 1972.
- Елизаренкова 1989—1999 — *Елизаренкова Т. Я.* (пер., коммент.). Ригведа. Мандалы I—IV; V—VIII; IX—X. М.: Наука, 1989—1999.
- Жирмунский 1974 — *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974.
- Жирмунский 1979 — *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука, 1979.
- Зализняк 1962 — *Зализняк А. А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. 1962. Т. 6. С. 28—45.
- Зализняк 1963 — *Зализняк А. А.* О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами // Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР. Вып. 38. М., 1963. С. 3—22.
- Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к древнерусской. М.: Наука, 1985.
- Иванов 1979 — *Иванов Вяч. Вс.* К истории коневодства и колесных повозок у иранских и индо-иранских племен // *Annali della facoltà di lingue e letterature straniere di Ca' Foscari.* 1979. 18. № 8.
- Иванов 1980 — *Иванов Вяч. Вс.* К индоевропейским названиям колеса и колесницы // В чест на акад. Владимир Геориев. Езиковедски проучвания. София, 1980. S. 112—117.
- Иванов 1995 — *Иванов Вяч. Вс.* Флоренский и проблема языка // П. А. Флоренский и культура его времени. Marburg: Blaue Hörner Verlag, 1995. S. 207—251.
- Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. М.: АН СССР, 1963.
- Истрин 1883 — *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. М., 1883.
- Клепикова 1973 — *Клепикова Г. П.* Из карпато-дунайской терминологии высокогорного скотоводства: *vatra* // Балканское языкознание. М.: Наука, 1973.
- Колесов 1972 — *Колесов В. В.* История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.
- Королев 1984 — *Королев А. А.* Древнейшие памятники ирландского языка. М.: Наука, 1984.
- Лифшиц 1962 — *Лифшиц В. А.* Юридические документы и письма. Согдийские документы и письма / Ред. К. В. Тревер. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962.
- Льюис, Педерсен 1954 — *Льюис Г., Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1954.

- Мейе 1951 — *Мейе А.* Общеславянский язык. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1951.
- Миллер 1882—1887 — *Миллер Вс. Ф.* Осетинские этюды. 2—3. М., 1882—1887.
- Миллер 1886 — *Миллер Вс. Ф.* Эпиграфические следы иранства на Юге России // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Октябрь.
- Миллер 1892 — *Миллер Вс. Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса. 1—8. М.: Тип. И. К. Кушнерева; Товарищество А. А. Левензон, 1892.
- Миллер 1962 — *Миллер Вс. Ф.* Язык осетин. М.; Л.: АН СССР, 1962 (пер. нем. 1-го изд. 1903 г.).
- Молчанова 1975 — *Молчанова Е. К.* Категория числа // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. 2: Эволюция грамматических категорий / Ред. В. С. Расторгуева. М.: Наука, 1975. С. 200—259.
- Наделяев, Носилов, Тенишев, Щербак 1969 — *Наделяев В. М., Носилов В. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М.* Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.
- Обнорский 1929 — *Обнорский С. П.* Прилагательное *хороший* и его происхождение в русском языке // Язык и литература. Т. 3. Л.: РАНИОН, 1929. С. 241—258.
- Одинцов 1980 — *Одинцов Г. Ф.* Из истории гиппологической лексики в русском языке. М.: Наука, 1980.
- Пахалина 1959 — *Пахалина Т. Н.* Ишканимский язык. Очерк фонетики и грамматики, тексты и словарь. М.: АН СССР, 1959.
- Пахалина 1975 — *Пахалина Т. Н.* Ваханский язык. М.: Наука, 1975.
- Периханян 1983 — *Периханян А. Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М.: Наука, 1983.
- Покровский 1928 — *Покровский М. М.* Etymologica // Studia grammaticae in honorem Ioannis Rozwadowskii. 2. Kraków, 1928. S. 224—226.
- Поль 1975 — *Поль Х.* Слова иранского происхождения в русском языке // Ricerche Linguistiche. 1975. 2. P. 81—90.
- Порциг 1964 — *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области. М.: Прогресс, 1964.
- Потанин 1899 — *Потанин Г. Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе / Изд. Географического Отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М.: Типо-лит. товар. И. Н. Кушнерев, 1899.
- Преображенский 1958 — *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. М.: Гос. изд. иностр. и национальн. словарей, 1958 (репринт выпусков 1910—1914 гг. и выпуска, напечатанного в 1949 г.).
- Рак 1998 — *Рак И. В.* Зороастрийская мифология. СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 1998.
- Русская историческая библиотека 1871 — Русская историческая библиотека. Т. 1—39. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1871.
- Семенов 1893 — *Семенов В.* Древнерусская Пчела по пергаменному списку // Сб. Отд. русск. яз. и словесности Имп. Росс. Акад. наук. 1893. Т. 54. № 4.
- Словарь русского языка XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1—4. М.: Наука, 1974—.
- Смирнова 1974 — *Смирнова И. А.* Формы числа имени в иранских языках. Л.: Наука, 1974.

- Соколова 1967 — *Соколова В. С.* Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л.: Наука, 1967.
- Соколова 1973 — *Соколова В. С.* Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской группы. Л.: Наука, 1973.
- Сперанский 1904 — *Сперанский М. Н.* Переводные сборники изречений. М., 1904.
- Сперанский 1960 — *Сперанский М. Н.* К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур // *Сперанский М. Я.* Из истории русско-славянских литературных связей / Ред. В. Д. Кузьмина. М.: Наука, 1960. С. 7—54 (переизд. статьи 1923 г.).
- Срезневский 1867—1879 — *Срезневский И. И.* Сведения и замечания о малоизвестных и неизвестных памятниках. 1867—1879. Т. 1, вып. 4; Т. IV.
- Срезневский 1958 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1958 (репринт изд. 1893—1903 гг.).
- Старостин 1989 — *Старостин С. А.* Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М.: Наука, 1989.
- Стасов 1894 — *Стасов В. В.* Происхождение русских былин // *Собрание сочинений.* Т. 3. СПб.: Тип. М. М. Станюлевича, 1894.
- Стеблин-Каменский 1981 — *Стеблин-Каменский М. И.* Бактрийский язык // *Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки* / Под ред. В. С. Расторгуевой. М.: Наука, 1981. С. 314—346.
- Стеблин-Каменский 1990 — *Стеблин-Каменский М. И.* (пер., коммент). Авеста: Избранные гимны. Душанбе: Адиб, 1990.
- Топоров 1973 — *Топоров В. Н.* О семиотическом аспекте митраической мифологии в связи с реконструкцией некоторых древних представлений // *Semiotyka i struktura tekstu.* Warszawa: Ossolineum, 1973. P. 357—374.
- Топоров 1975; 1979 — *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь. А—D; Е—Н. М.: Наука. 1975, 1979.
- Топоров 1983 — *Топоров В. Н.* Русск. Святогор: свое и чужое (к проблеме культурно-языковых контактов) // *Славянское и балканское языкознание. 7. Проблемы языковых контактов* / Под ред. Л. А. Гиндина, Г. П. Клепиковой, Л. Г. Невской. М., 1983. С. 89—126.
- Топоров 1989 — *Топоров В. Н.* Об иранском элементе в русской духовной культуре // *Славянский и балканский фольклор.* М.: Наука, 1989. С. 23—60.
- Топоров 1995 — *Топоров В. Н.* Боги // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь.* М.: Междунар. отношения, 1995. С. 204—215.
- Тревер 1937 — *Тревер К. В.* *Senmurv-Paskudž.* Л., 1937.
- Трубачев 1967 — *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // *Этимология* 1965. М.: Наука, 1967. С. 3—81.
- Трубачев — *Трубачев О. Н.* (ред.). *Этимологический словарь славянских языков.* Т. 1— М.: Наука, 1974—.
- Трубачев 1998 — *Трубачев О. Н.* Фрагменты этимологического словаря индоарийских реликтов Северного Причерноморья // *ПОЛФТРОПОН: К 70-летию В. Н. Топорова.* М.: Индрик, 1998. С. 53—60.
- Хромов 1972 — *Хромов А. Л.* Ягнобский язык. М.: Наука, 1972.

- Черных 1993 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1—2. М.: Русский язык, 1993.
- Чунакова 1997 — *Чунакова О. М.* Зороастрийские тексты. Суждения духа разума (Даде-стан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. М.: Вост. лит., 1997 (Памятники письменности Востока; 114).
- Эдельман 1986 — *Эдельман Дж. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М.: Наука, 1986.
- Эдельман 1990 — *Эдельман Дж. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М.: Наука, 1990.
- Яунис 1916 — *Яунис К. О.* Грамматика литовского языка / Пер. К. К. Бути под ред. Ф. Ф. Фортунатова. П.: Тип. Императорской Академии наук, 1916.
- Aufrecht 1955 — *Aufrecht T.* Die Hymnen des Rigveda. Bd. 1—2 (3. Aufl.). Berlin: Akademie Verlag, 1955.
- Bailey 1957 — *Bailey H. W.* A Problem of the Indo-Iranian Vocabulary // *Rocznik Orientalistyczny*. 1957. P. 21, 59—70.
- Bailey 1967 — *Bailey H. W.* Prolexis to the Book of Zambasta. Khotanese Texts. Vol. 6. Indo-Scythian Studies. Cambridge: University Press, 1967.
- Bartholomae 1925 — *Bartholomae Ch.* Zur Kenntniss der mitteliranischen Mundarten. 6 // *Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Philolog.-Histor. Klasse*, 1925.
- Bartholomae 1979 — *Bartholomae Ch.* Altiranisches Wörterbuch zusammen mit Nacharbeiten und Vorarbeiten. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1979.
- Beckman 1983 — *Beckman G.* A Contribution to Hittite Onomastic Studies // *Journal of the American Oriental Society*. 1983. Vol. 103. № 3. P. 623—627.
- Benveniste 1929 — *Benveniste E.* Essai de grammaire sogdienne. 2 partie. Morphologie, syntaxe et glossaire. Mission Pelliot en Asie Centrale. Série in-octavo. T. 3. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1929.
- Benveniste 1946 — *Benveniste E.* (éd.) Vessantara J-taka. Texte sogdien. Mission Pelliot en Asie Centrale. Série in-quarto. 4. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1946.
- Birnbaum, Schaeken 1997 — *Birnbaum H., Schaeken J.* Das altkirchenslavische Wort. Bildung—Bedeutung—Herleitung. München: Verlag Otto Sagner, 1997.
- Boretzky, Iгла 1994 — *Boretzky N., Iгла B.* Wörterbuch Romani Deutsch English mit einer Grammatik der Dialektvarianten. Wiesbaden, 1994.
- Boyce 1968 — *Boyce M.* On Sacred Fires of Zoroastrians // *Bulletin of the School for Oriental Research*. 1968. 31 (1). P. 52—68.
- Buck 1988 — *Buck C. D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago: The University of Chicago Press, 1988 (1 ed. — 1949).
- Būga 1959 — *Būga K.* Rinkiniai Raštai. Vilnius: Politinės ir mokslinės literatūros leidykla, 1959.
- Burrow, Emenau 1984 — *Burrow T., Emenau M. B.* A Dravidian Etymological Dictionary. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1984.
- Cornillot 1994 — *Cornillot F.* L'aube scythique du monde slave // *Les mystères de l'aube: Scythes et Slaves, Mongoles, Arméniens. Slovo. Revue de CERES*. 1994. Vol. 14. P. 77—260.

- Cvetko-Orešnik 1983 — *Cvetko-Orešnik V.* Zu neueren Iranisch-Baltoslawischen Isoglossen-Vorschlägen // *Linguistica*. 23. 1983. S. 175—256.
- Delamarre 1984 — *Delamarre X.* Le vocabulaire indo-européen. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, 1984.
- Dumézil 1978 — *Dumézil G.* Romans de Scythie et d'alentour. Paris, 1978.
- Duridanov 1969 — *Duridanov I.* Thrakisch-Dakische Studien. 1. Teil. Die Thrakisch- und Dakisch-Baltischen Sprachbeziehungen. *Linguistique Balcanique*. 13; 2. Sofia: Verlag der Bulgarischen Akademie der Wissenschaften, 1969.
- Emmerick 1968 — *Emmerick R. E.* Saka Studies. London Oriental Series. Vol. 20. London: Oxford University Press, 1968.
- Endzelīns 1982 — *Endzelīns J.* Senprūšu valoda // *Endzelīns J.* Darbu izlāse. 4; 2. D. Rīgā: Zinatne, 1982. P. 9—351.
- Ernout, Meillet 1994 — *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris: Éditions Klincksieck, 1994 (retirage de la 4 éd.).
- Fraenkel 1962—1965 — *Fraenkel E.* Litauisches Etymologisches Wörterbuch. 1—2. Heidelberg: Göttingen: Carl Winter, 1962—1965.
- Gauthiot 1914—1923 — *Gauthiot R.* Essai de grammaire sogdienne. 1 partie. Phonétique. Mission Pelliot en Asie Centrale. Série in-octavo. T. 1. Paris: Librairie Paul Geuthner, 1914—1923.
- Gauthiot 1920—1928 — *Gauthiot R.* (éd.). Sūtra des Causes et des Effets. Mission Pelliot en Asie Centrale. Paris: Librairie Paul Geuthner, 1920—1928.
- Gershevich 1954 — *Gershevich I.* A Grammar of Manichaean Sogdian / Publications of the Philological Society; 16. Oxford: B. Blackwell, 1954.
- Goląb 1973 — *Goląb Z.* The initial *x-* in Common Slavic: a Contribution to prehistorical Slavic-Iranian Contacts // *American Contributions to the VIIth International Congress of Slavists*. Vol. 1: Linguistics and Poetics / Ed. L. Matejka. 1973.
- Grassmann 1873 — *Grassmann H.* Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1873.
- Güterbock, Hoffner 1983 — *Güterbock H. G., Hoffner H. A.* The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. 3. Fasc. 2. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1983.
- Hamp 1976 — *Hamp E.* On the Distribution and Origin of *vatra* // *Opuscula Slavica et Linguistica* / Ed. H. D. Pohl, N. Salnikow. Klagenfurt, 1976. P. 201—210.
- Hamp 1981 — *Hamp E.* Autochthonous *vatra* // *Revue roumaine de linguistique*. 1981. P. 24, 315.
- Haudry 1979 — *Haudry J.* L'emploi des cas en védique. Introduction à l'étude des cas en indo-européen. Thèse présentée devant l'Université de Paris. Lille: Service de reproduction des thèses Université de Lille III, 1979.
- Hauschild 1959 — *Hauschild R.* Die Tirade von den Wagenwettfahrt des Königs Haosrah und des Junkers Nərəmanah (Yašt 5, 50) // *Mitteilungen des Institute für Orientalforschung*. Bd. 7. H. 1. Berlin: Akademie Verlag, 1959. S. 1—78.
- Havers 1946 — *Havers W.* Neuere Literatur zum Sprachtabu. Wien, 1946.
- Herne 1954 — *Herne G.* Die slavische Farbenbenennungen. Eine semasiologisch-etymologische Untersuchung. Uppsala: Almqvist & Wiksells Boktryckeri AB, 1954.

- Hertel 1925 — *Hertel J.* Die arische Feuerlehre // Indo-iranische Quellen und Forschungen. H. 6. Leipzig: H. Haessel, 1925.
- Hertel 1927 — *Hertel J.* Sonne und Mitra in Awesta, auf Grand der awestischen Feuerlehre dargestellt // Sächsische Forschungsinstitute zu Leipzig. Forschungsinstitut für Indogermanistik. Indische Abteilung. Veröffentlichung № 6. Indo-iranische Quelle und Forschungen. H. 9. Leipzig: H. Haessel, 1927.
- Hertel 1929 — *Hertel J.* Beiträge zur Erklärung des Awesta und des Vedas. Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig // Philologisch-historische Klasse. Bd. 40. № 2. Leipzig: S. Hirzel, 1929.
- Hertel 1931 — *Hertel J.* Die awestischen Herrschafts- und Siegesfeuer: mit Text, Übersetzung und Erklärung von Yašt 18 und 19 // Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse. Bd. 41. Leipzig: S. Hirzel, 1931.
- Huld 1974 — *Huld M.* Basic Albanian Etymologies. Columbus (Ohio), 1974.
- Ivanov 1975 — *Ivanov V.* Aryen du Mitanni *aika(-)vartanna* et védique *ekavṛt-* // Mélanges linguistiques offerts à Émile Benveniste // Collection Linguistique publiée par la Société de linguistique de Paris. 70. Paris, 1975. P. 283—288.
- Ivanov 1999 — *Ivanov V.* Comparative notes on Hurro-Urartian, Northern Caucasian and Indo-European // UCLA Indo-European Studies. Vol. 1 / Ed. V. Ivanov, B. Vine. Los Angeles: UCLA Program in Indo-European Studies, 1999. P. 147—264.
- Ivanov 2000 — *Ivanov V.* Early Slavic/Indo-Iranian Lexical Contacts // Proceedings of the Eleventh Annual UCLA Indo-European Conference. JIES Monograph № 35 / Ed. K. Jones-Bley, M. E. Huld, A. Delia Volpe. Washington, D. C.: Institute for the Study of Man, 2000. P. 355—370.
- Jakobson 1971, 1985 — *Jakobson R.* Selected Writings. Vol. 2; 6. Berlin; The Hague: Mouton de Gruyter, 1971, 1985.
- Ješina 1886 — *Ješina P. J.* Románi Čib oder die Zigeuner-Sprache: Grammatik, Wörterbuch. Chrestomatie. (3. Aufl.). Leipzig, 1886.
- Kammenhuber 1961 — *Kammenhuber A.* Hippologia Hethitica. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1961.
- Kossowicz 1872 — *Kossowicz C.* Inscriptiones Paleo-Persicae Achaemenidarum quot hujusque repertae sunt ad apographa viatorum. Petropoli: Caesareae Universitatis Impensa. Excusum im Tyrographo Wladimiri Golowin (с отдельной пагинацией приложенного к книге словаря, цитируемого как Glossarium), 1872.
- Kramers 1954 — *Kramers J. H.* Iranian Fire-Worship // Analecta Orientalia: Posthumous Writings and Selected Minor Works. Vol. 1. Leiden: E. J. Brill, 1954. P. 342—363.
- Krause 1948 — *Krause W.* Abriss der altwestnordischen Grammatik. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1948.
- Laroche 1966 — *Laroche E.* Les noms des hittites. Études linguistiques. 4. Paris: Librairie Klincksieck, 1966.
- Laroche 1980 — *Laroche E.* Glossaire de la langue hourrite. Études et commentaires. 93. Paris: Éditions Klincksieck, 1980.
- Lehmann 1964 — *Lehmann W. P.* On the Etymology of «black» // Taylor Starck Festschrift. The Hague: Mouton & Co, 1964. P. 56—61.
- Lehmann 1986 — *Lehmann W. P.* A Gothic Etymological Dictionary. Leiden: E. J. Brill, 1986.

- Lejeune 1987 — *Lejeune M.* Phonetique historique du mycénien et du grec ancien. Tradition de l'humanisme. 9. Paris: Éditions Klincksieck, 1987.
- Leumann 1966 — *Leumann E.* (ed.). Das Nordarische (sakische) Lehrgedicht des Buddhismus / Aus dem Nachlass hrsg. von M. Leumann. Nendeln, Lichtenstein: Kraus Reprint Ltd., 1966 (reprint of 1922—1936 ed.).
- Machek 1957 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1957.
- Macdonell 1972 — *Macdonell A. A.* A Vedic Reader for the Students. Madras: Oxford University Press (8th impression), 1972.
- MacKenzie 1976 — *MacKenzie D. N.* The Buddhist Sogdian Texts of the British Library. Acta Iranica. Troisième série. Textes et mémoires. Leiden: Brill, 1976.
- Mayrhofer 1979 — *Mayrhofer M.* Ausgewählte kleine Schriften. Wiesbaden, 1979.
- Mayrhofer 1982 — *Mayrhofer M.* Welches Material aus dem Indo-Arischen von Mitanni verbleibt für eine selektive Darstellung? // *Investigationes Philologicae et comparativae.* Gedenkschrift für Heinz Kronasser / Hrsg. E. Neu. Wiesbaden: Harrassowitz, 1982. S. 72—90.
- Mažiulis 1981 — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos paminklai. Vilnius: Mokslas, 1981.
- Meillet 1926 — *Meillet A.* Le vocabulaire slave et le vocabulaire indo-iranien // *Revue des études slaves.* 1926. 6. 3—4. P. 165—174.
- Milewski 1969 — *Milewski T.* Indoeuropejskie imiona osobowe. Oddział w Krakowie // *Prace Komisji Językoznawstwa.* 18. Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1969.
- Norman 1974 — *Norman J. L.* The Initials of Proto-Min // *Journal of Chinese Linguistics.* 1974. 2. P. 1, 27—37.
- O'Flaherty 1978 — *O'Flaherty A.* Contributions to an equine lexicology with special reference to frogs // *Journal of the American Oriental Society.* 1978. Vol. 98. № 4. P. 475—478.
- Orel 2000 — *Orel V.* A concise historical Grammar of Albanian. Reconstruction of Proto-Albanian. Leiden: Brill, 2000.
- Öhmann 1951 — *Öhmann S.* Wortinhalt und Weltbild. Stockholm, 1951.
- Pulleyblank 1984 — *Pulleyblank E. R.* Middle Chinese: A Study in Historical Phonology. Vancouver: University of British Columbia Press, 1984.
- Reczek 1968 — *Reczek Y.* Iranische Beziehungen im Urslavischen // *Folia Linguistica.* 1968. 9. P. 85—91.
- Reczek 1985 — *Reczek Y.* Najstarsze słowiańsko-irańskie stosunki językowe. Kraków, 1985.
- Reichelt 1978 — *Reichelt H.* Awestisches Elementarbuch. Heidelberg: C. Winter Universitätsverlag, 1978 (3. Aufl.).
- Renou 1958 — *Renou L.* Études védiques et pâninéennes. T. 4. Publications de l'Institut de civilisation indienne. Série in -8e, fasc. 6. Paris: E. de Brocard, éditeur, 1958.
- Renou 1984 — *Renou L.* Grammaire sanscrite. T. 1—2. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, 1984.
- Scherer 1953 — *Scherer A.* Gestirnnamen bei der indogermanischen Völkern. Heidelberg: C. Winter-Universitätsverlag, 1953.
- Schwartz 1989 — *Schwartz M.* Part 2 // Schwartz, Flattery 1989.

- Scwartz, Flattery 1989 — *Schwartz M., Flattery D. S.* Haoma and Harmaline. The Botanic Identity of the Indo-Iranian Sacred Hallucinogen «Soma» and its Legacy in Religion, Language and Middle Eastern Folklore / University of California Publications. Near Eastern Studies. Vol. 21. Berkeley: University of California Press, 1989.
- Schwentner 1915 — *Schwentner E.* Farbenbezeichnungen. München, 1915.
- Seebold 1999 — *Seebold E.* Kluge Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin: Walter de Gruyter, 1999.
- Sievers, Brunner 1951 — *Sievers E.* Altenglische Grammatik / Neubearbeitet von Brunner K. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1951.
- Skardžius 1943 — *Skardžius.* Lietuvis kalbos žūdžius daryba. Vilnius: Lietuvos Mokslas Akademija; Lietuvis kalbos Institutes, 1943.
- Skok 1971 — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1971.
- Specht 1947 — *Specht F.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947.
- Stang 1966 — *Stang Ch.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo: Universitetsforlaget, 1966.
- Stankiewicz 1993 — *Stankiewicz E.* The Accentual Pattern of Slavic Languages. Stanford: Stanford University Press, 1993.
- Starke 1995 — *Starke F.* Ausbildung und Training von Streitwagenpferden: ein hippologisch orientierte Interpretation der Kikkuli-Textes // StBoT; 41. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1995.
- Thumb, Hauschild 1953; 1958 — *Thumb A.* Handbuch des Sanskrit / Bearb. bei R. Hauschild. Teil 2: Texte und Glossar; Teil 1: 1. Einleitung und Lautlehre. 2. erweiterte Aufl. Heidelberg: C. Winter Universitätsverlag, 1953; 1958.
- Thurneysen 1946 — *Thurneysen R.* A Grammar of Old Irish. Dublin: The Dublin Institute of Advanced Studies, 1946.
- Toporov 1968 — *Toporov V. N.* Parallels to the ancient Indo-Iranian Social and Mythological Concepts // Pratiḍānam. Indian, Iranian and Indo-European Studies presented to F. B. J. Kuiper. The Hague; Paris, 1968. P. 108—120.
- Turner 1989 — *Turner R. L.* A comparative dictionary of the Indo-Aryan Languages. London: Oxford University Press, 1989 (reprint; 1 ed. 1966).
- Urbutis 1981 — *Urbutis V.* Etimologijas etiudai. Vilnius: Mokslas, 1981.
- Vanagas 1981 — *Vanagas A.* Lietuvis hidronims etimologinis žodinas. Vilnius: Mokslas, 1981.
- Vasmer 1923 — Untersuchungen über die älteste Wohnsitze der Slaven. 1: Die Iranier in Südrußland. Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Institute an der Universität Leipzig / Hrsg. G. Gerullis, M. Vasmer. 3. Leipzig: In Kommission bei Markert & Petters, 1923.
- Wackernagel 1905 — *Wackernagel J.* Altindische Grammatik. 2. 1. Einleitung zur Wortlehre. Nominalkomposition. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1905.
- Watkins 1995 — *Watkins C.* How to Kill a Dragon. Aspects of Indo-European Poetics. New York: Oxford University Press, 1995.
- Willman-Grabowska 1928 — *Willman-Grabowska H.* Les composés nominaux dans le Śatapathabrāhmaṇa. 2 partie: Le rôle de la composition nominale dans le Śatapathabrāhmaṇa // Prace Komisji orientalistycznej Polskiej Akademii Umiejętności; 12. Kraków: Nakładem Polskiej Akademii Umiejętności, 1928.

- Winter 1984 — *Winter W.* *Studia Tocharica; Selected Writings.* Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1984.
- Wolf 1989 — *Wolf S. A.* *Grosses Wörterbuch der Zigeunersprache (Romani Tšiw): Wortschatz deutscher und anderer europäischer Zigeunerdiialekte.* Hamburg, 1989.
- Zadok 1975 — *Zadok R.* *Iranian Names in Old Babylonian Documents // Indo-Iranian Journal.* 1975. 17. № s. P. 245—247.
- Zgusta 1955 — *Zgusta L.* *Die Personennamen griechischen Städte der nördlichen Schwarzmeerküste.* Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1955.
- Zoega 1910 — *Zoega G. T.* *A concise Dictionary of Old Icelandic.* Oxford: Clarendon Press, 1910 (reprint 1988).

VIII

К ИСТОРИИ ЗНАЧЕНИЙ САНСКРИТСКОГО *MLECCHA* *

Для древнейшей истории Индии (в особенности ранней культуры городов долины Инда) чрезвычайно существенно давно уже предложенное отождествление санскритского *mlecchá* — ‘варвар’ и шумерского географического названия *Meluh̄ḥa*, получившее обоснование в ряде работ по следних лет¹. Для оценки этой гипотезы важным представляется прежде всего анализ значений санскритского слова. Наиболее известным является его лингвистическое значение (впервые засвидетельствованное по отношению в асурам в «Шатапатхабрахмана». III. 28 и сл.)², в котором *mlecchá* — ‘варвар, чужеземец, не знавший ведийского туземного языка’ противопоставлялось *árya* — ‘индоарийцу’, носителю или знатоку древних индоарийских диалектов³ (ср.

* Издано в: АН СССР. Институт востоковедения. Санскрит и древнеиндийская культура (сб. статей и сообщений сов. ученых к IV Всемирной конференции по санскриту. Веймар, ГДР. 23—30 мая 1979 г.) I. М.: Наука, Гл. ред. восточн. лит. М., 1979.

¹ *A. Parpola, S. Parpola. On the relationship of the Sumerian toponym Meluh̄ḥa and Sanskrit mleccha // Studia Orientalia. V. 46. (Festschrift A. Salonen). Helsinki, 1975. P. 205—238* (там же предшествующая литература вопроса); *R. Thapar. A possible identification of Meluh̄ḥa, Dilmun and Makan // Journal of the Economic and Social History of the Orient. V. XVIII. Pt. 1. P. 10—11, n. 34* (там же предшествующая литература вопроса).

² Упоминание божества речи *Vāk* в «Шатапатхабрахмане» в связи с этим словом, скорее всего, связано с обычными контекстами (мета) языкового употребления слова и едва ли прямо связано (вопреки мнению Парпола) с доарийским субстратным воздействием на древнеиндоарийскую религию.

³ См., например, *T. Burrow. Санскрит / Пер. с англ. М.: Прогресс. С. 7. К описанию языковой ситуации ср.: T. Burrow. Sanskrit and Pre-Aryan Tribes and languages // Bulletin of the Ramakrishna Mission. Calcutta, 1958. February. 17. 1—12.*

различие *mleccha-vāk* и *ārya-vāk* ‘арийская речь’, Manu. X. 45). От слова в этом значении (в близком к нему — ‘плохой человек, грешник, незнание языка страны’) образован и ряд производных (*mlecchati* ‘говорит по-варварски’; *mliṣṭa* ‘варварская речь’, уже у Панини, VII, 2, 18), что подтверждает продуктивность и распространенность именно этого значения в классическом санскрите. Но наряду с этими и с некоторыми близкими (ср. *mleccha-jāti* ‘горец’) значениями *mleccha* в мужском и женском роде известно и значение *mleccha* (существительное среднего рода) как обозначения металла — меди (в этом же значении известны и производные *mlecchāśya*, *mlecchākya*, *mleccha-mukha*) и сплава с оловом⁴ (в последнем смысле употреблено в «Rāgani-ghaṇṭu» 13, 57). Поскольку из самого санскритского употребления связь двух значений не выводится⁵, представляется оправданным считать, что интерпретация санскритского слова через шумерское будет оправдана в том случае, если благодаря этому сопоставлению окажется разъясненной семантика санскритского слова (наличие двух омонимов разного происхождения исключается ввиду явной аномальности звуковой формы слова; характерны и попытки осмысления связи значений посредством народной этимологии в самом санскрите).

Шумерское *Meluhḥa* относится к стране, из которой в Шумер везли товары либо (с середины III тысячелетия до н. э.) посредством кораблей, пливших по Персидскому заливу (впервые корабли из *Meluhḥa* упомянуты Саргоном), либо (и раньше, и позднее) по суше с помощью караванных путей⁶. Этот термин обозначал, по-видимому, не столько конкретную страну, сколько направление движения или область (в широком смысле слова)⁷. Большинство исследователей сходится в настоящее время в локализации *Meluhḥa* как наиболее отдаленной (по сравнению с *Dilmun* и *Makan*) области либо (что представляется наиболее вероятным) в долине Инда⁸, либо в Гуджарате и приле-

⁴ O. Böhtlingk. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. T. 5. St. Petersburg, 1884. S. 113.

⁵ Объяснение *mlecchākya* и *mlecchāśya* как названных из-за медного цвета позднейших (греческих и мусульманских) пришельцев в страну (см., например: A. M. Monier Williams. A Sanskrit-English Dictionary. Oxford, 1872. P. 800) обходит целый ряд необъяснимых с этой точки зрения проблем, в частности, значение самого *mleccha*- ‘сплав с оловом’. Речь идет явно о позднейшей народной этимологии.

⁶ Г. Комороци. Гимн о торговле Тильмуна // Древний Восток 2. Ереван: Изд. АН АрмССР, 1976. С. 17—18; примеч. 48, см. предшествующую литературу вопроса о географическом приурочении *Meluhḥa*.

⁷ I. J. Gelb. *Makkan* and *Meluhḥa* in Early Mesopotamians sources // Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale. V. 64. 1970. № 1. P. 1—8 (см. вывод на p. 5).

⁸ J. A. Hansman. Periplus of Magan and *Meluhḥa* // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. V. XXXV. Pt. 3. 1973. P. 554—587; J. A. Hansman. Further note on

жащих областях Индии⁹. Как представляется, для окончательного решения проблемы много может дать шумерский гимн «Энки и мировой порядок», содержащий специальную часть, посвященную стране *Meluh̄ḫa* (строки 217—230):

- kur me-luḫ-ḫa^{ki} nam-[m]i-i[b-dib]*
^den-ki-lugal-abzu-ke₄ nam-[mi-ib-tar-re]
 220 *kur-gi₆ giš-zu^{giš} esi-[z]u giš: [kur-ra ḫé-em]*
^{giš}gu-za-bi é-gal-lugal-la-ka₄ [ḫé-em-mi-ib-gál]
gi-zu gi-gal ḫé-em gi-[kur-ra ḫé-em]
er-sag-e ki-mè-ka^{giš} tukul-[bi ḫe-em-mi-ib <...>]
gu₄-zu gu₄-gal ḫé-em gu₄-kur-r[a ḫé-em]
gù-bi gù-am-[kur-ra ḫé-em]
 225 *me-gal-dingir-re-e-ne-ke₄ šu ḫe-[mu-ra-ni-in-du₇]*
dar^{mušen}-dar^{mušen}-kur-ra su₆-na₄ g[ug ḫe-em-lal]
mušen-zu^d ha-jà mušen [ḫe-e]m
ara_x-ara_x-bi é-lugal-la-ka [ḫ]é-em-mi-ib-gal
kù-zu guškin ḫé-em
 230 *urudu-zu nanga-zabar-(r[a] ḫé-em]*

‘Он пошел тогда к стране *Meluh̄ḫa*,
 Энки, царь Апсу, и определил ей свой дар:
 «Черная чужеземная страна, твои черные деревья — это
 большие деревья, это эбеновые деревья нагорий!
 Из них сделаны в изобилии престолы в царском дворце!
 Твои тростники — это могучие тростники, это тростник
 нагорий! Герои на поле сражения да крутят
 палицами (из них сделанными)!
 Твои быки — это большие быки, это быки нагорий!
 Их крик как крик диких быков нагорий!
 Великие божьи законы да воплотятся в тебе!

Magan and Meluh̄ḫa // Bulletin of the School for Oriental and African Studies. V. XXXVIII. Pt. 3. 1975. P. 609—610.

⁹ R. Thapar. Op. cit. P. 1—42. Но см. резкую критику (во многом убедительную и заставляющую вернуться к отождествлению с долиной Инда в целом): C. L. Elisabeth. During Caspers and Govindakutty. R. Thapar’s Dravidian hypothesis for the locations of *Meluh̄ḫa*, *Dilmun* and *Makan* // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 21. 1978. P. 11, 14, 114—145 (ср. особенно любопытные расчеты о реальном расстоянии от Шумера до *Meluh̄ḫa* на p. 134—135); ср. также обсуждение в статье: D. K. Chakrabarti. Gujarat Harappan connections with West Asia: A reconsideration of the evidence // Journal of the Economic and Social History of the Orient. V. 18. 1975. Pt. III. P. 337—342.

Да носят петухи чужеземной страны бороду из сердолика!
 Твоя птица — это павлин!
 Его крик да раздастся в царской дворце!
 Твое серебро (= благородный металл) да будет золотом!
 Твоя медь — это олово бронзы»’.

Основные выводы из этого места были уже намечены при его переводе и разборе и издателями — И. Бернхардт и С. Крамером и комментатором текста А. Фалькенштейном¹⁰. Гимн «Энки и мировой порядок» перечисляет ряд основных достопримечательностей и товаров страны *Meluh̄ḫa*, называемой в этом гимне, как и в некоторых других шумерских текстах, *kur-gi₆*, ‘черной чужеземной страной’¹¹ (или ‘черной горой’). Среди этих достопримечательностей перечисляются большие горные деревья, идущие на изготовление тронов в царском дворце из черного (эбенового) дерева (по исправлению Фалькенштейна *gis^{is} esi* ср. в гимне, строка 219: *gis^{is} esi-[z]u* GIŠ: *-kur-ra ḫé-em* ‘[тв]ои черные (эбеновые) деревья — это горные деревья!’; ср. сказанное выше о значении *mleccha-jāti* ‘горец’); большие горные быки (в этой связи стоит отметить, судя по недавно предложенным толкованиям имени одного из жителей селения людей *Meluh̄ḫa*, возможно колонии городов долины Инда в Шумере, в самом этом имени — шум. *lu-sin -zi-da* сказывается почитание быка: *sú-zi* ‘справедливый буйвол’¹²), диковинные птицы — индейский петух (индюк, шумерское *dar^{mušen}-Melluh̄ḫa*, строка 226 гимна) с «бородой из сердолика» (ср. «бороду из лазурита» в том же и многочисленных других шумерских гимнах¹³) и павлин (шумерское *ḫa-ja^{mušen}*), чей крик слышен во дворце (строка 228: *é-gal-lugal-la-ka*). Этот набор характерных примет страны или области *Meluh̄ḫa* полезен для отождествления этой страны с Индией¹⁴.

¹⁰ I. Bernhardt, S. N. Kramer. Enki und die Weltordnung. Ein sumerischer Keilschrift-Text über die «Lehre von der Welt» // Hilprecht-Sammlung und im University Museum of Pennsylvania. — «Friedrich-Schiller Universität. Jena. Wissenschaftliche Zeitschrift. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe». Jena. Jahrgang 9 (1959—1960). Heft 1/2. S. 231—256; A. Falkenstein. Sumerische religiöse Texte. 5. «Enki und die Weltordnung» // Zeitschrift für Assyriologie. NF. Bd. 22 (56). S. 44—113.

¹¹ Толкование этого выражения ср.: E. Soliberger. The problem of *Magan* and *Meluh̄ḫa* // Bulletin of the Institute of archaeology. № 8—9. London, 1970. P. 249.

¹² S. Parpola, A. Parpola, R. H. Jr. Brunswig. The *Meluh̄ḫa* village. Evidence of acculturation of Harappan traders in late Third Millenium Mesopotamia // Journal of the social and economic history of the Orient. V. XX. 1974. Pt. 11. P. 160—164.

¹³ См.: B. B. Иванов. К архаичным формулам в хеттских гимнах // Archiv Orientalní. V. 46. 1978. № 1.

¹⁴ Данные о деревьях (*giš.a.ab.ba*) из *Meluh̄ḫa* были использованы в этой связи в статье: J. Kansman. Further note (...). Чрезвычайно интересны также свидетельства в

Но обычный интерес для сопоставления с санскритским *mleccha* представляет то место гимна (строка 230), где речь идет о характерном металле страны: *urudu-zu nanga-zabar* (-r [a] *hé-em*) 'твоя медь (металл) — это олово бронзы'. По-видимому, текст должен пониматься как указание на то, что медь из *Meluhha* содержала олово, необходимое для выплавки бронзы. Поэтому сочетание *urudu-meluhha* 'медь из Мелухха' (видимо, судя по тексту металлургического характера, в значении «медь, идущая на изготовление оловянной бронзы») может связываться с теми шумерскими контекстами, в которых речь идет о различных металлах и минералах (в том числе о золоте, лазурите, сердоликах) из *Meluhha*¹⁵. В этом случае может быть предложена и гипотеза, объясняющая второе значение санскритского *mleccha* 'медь'; 'олово' именно из шумерского *Meluhha* в контексте *urudu-meluhha*. Таким образом, рассматриваемый вопрос оказывается связанным с проблемой первоначальной территории появления бронзы, в частности оловянистой, до сих пор остающейся загадкой.

Если бы гипотеза о восточном происхождении олова и оловянистых бронз подтвердилась, то это могло бы пролить свет и на процесс наращивания температурного потенциала разных культур¹⁶. В то время как Анатолия и прилегающие к ней области наиболее раннего развития металлургии меди к V тысячелетию до н. э. должны были уже достичь такого температурного потенциала, который делал возможной плавку и литье меди (1083°), для выплавки оловянистой бронзы требовалась меньшая температура (порядка 1000° и ниже), которая могла быть достигнута в юго-восточно-азиатском культурном ареале. Распространение бронзы в III—II тысячелетии до н. э. в Западной Азии (до наступления железного века) не способствовало быстрому

старовавилонском гимне о растениях и животных, которые из разных стран привозят в Аккад люди из *Meluhha*: *A. Falkenstein. Fluch über Akkade // Zeitschrift für Assyriologie. Bd. 23 (57). Neue Folge, 1965. S. 43 и сл.*

¹⁵ См.: *H. Limet. Le travail du métal au pays de Sumer au temps de la IIIe Dynastie d'Ur // Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et lettres de l'Université de Liège. Fasc. CLV. Paris: Belles lettres, 1960. P. 35, 82, 88; Å. Sjöberg. [Рец.] H. Limet. La travail du métal au pays de Sumer au temps de la IIIe dynastie d'Ur // Zeitschrift für Assyriologie. Bd. 21 (55). 1963. S. 257—258.*

¹⁶ См. об этом понятии в связи с историей древних металлов: *В. В. Иванов. Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики // Историко-филологический журнал. Ереван, 1976. С. 69—86; В. В. Иванов. О происхождении некоторых балтийских названий металлов // Baltistica XIII (I). 1977. С. 223—236; В. В. Иванов. К истории древних названий металлов в южнобалканском, малоазийском и средиземноморском ареалах // Славянское и балканское языкознание. М., 1977. С. 3—27.*

росту температурного потенциала цивилизации. Своеобразие этой частичной задержки в развитии можно было бы объяснить из модели взаимодействия двух очагов металлургии — более быстро развивавшегося западно-азиатского и медленнее эволюционировавшего юго-восточноазиатского, воздействие которого могло сказаться в данном случае и на темпах развития первого центра.

Основным каналом, по которому могло идти взаимодействие двух центров металлургии, представляется путь, по которому осуществлялись ранние контакты цивилизаций древней Месопотамии и долины Инда¹⁷. Давно уже предположено, что древние города долины Инда могли быть одним из источников оловянистых бронз для Месопотамии¹⁸ (не исключена при этом и транзитная роль городов долины Инда). В Шумере к III раннединастическому периоду использовались предметы из бронзы, содержащей от 6 до 10 % олова¹⁹. Предметы из меди и бронзы отливались уже по модели из воска. К числу таких изделий, находящих частичные (и при этом более примитивные) аналоги в культуре долины Инда, относятся долота, пилы, спаренные бритвы, пинцеты, щипцы, ложечки, иглы, остроги и рыболовные крючки, топоры, тесла, кинжалы, наконечники стрел, дротиков, копий и различные украшения. Соответствующие предметы из Мохенджо-Даро²⁰ своей примитивностью могли свидетельствовать о более раннем этапе эволюции.

Характерное для ранних металлургических опытов экспериментирование с разными сплавами меди включало и выплавку бронзы с примесью никеля (Ni) до 2—3 % и даже до 8 %. Такие примеси никеля были обнаружены в древнешумерских бронзовых предметах из ранних погребений Ура (рубеж IV и III тысячелетия до н. э.), что объясняли характером содержания никеля в медных рудниках²¹. Вместе с тем не исключено, что примеси никеля (как и примеси мышьяка) являются не простым следствием использования определенных природных соединений (которые могли быть первичным стимулом

¹⁷ Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. Proto-Indica. 1973 / Под ред. Ю. В. Кнорозова. М.: Наука, 1975. С. 3, 65—70; *During Caspers*. Harappan trade in the Arabian Gulf in the third millenium B. C. // Mesopotamia.VII. 1972. P. 167—191.

¹⁸ L. Aitchison. A history of metals. V. I. London: Macdonald Evans Ltd, 1960. P. 42—43. Ср.: D. K. Chakrabarti. The problem of tin in Early India—a preliminary survey // Man and environment. V. III. 1979. P. 61—74.

¹⁹ C. G. Desch. et al. Reports of the Committee on Sumerian copper // The Annual Reports of the British Association for the Advancement of Science. V. 1—7. 1928—1936; C. G. Desch. The origin of bronze // Transactions of Newcomen Society. V. XIV. 1933—1934. P. 95; Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок / Пер. с англ. М.: Изд. иностр. лит-ры, 1956. С. 240.

²⁰ Г. Чайлд. Указ. соч. С. 269—271.

²¹ C. G. Desch. et al. Op. cit.

при изобретении никелистых бронз), а результатом дальнейшего сознательного подбора руд и экспериментировались с этими соединениями и другими, им по добным²². Бронзовые предметы с высоким содержанием никеля (до 3,3 %) известны и в Мохенджо-Даро, причем в Индии же известны и медные руды с содержанием около 5 %²³. В свете сказанного о древних восточных связях шумерских металлургов представляется вероятным ввоз в Шумер из Индии никелистых бронз или руды, шедшей на их изготовление. Полное согласие приведенных археологических и историко-культурных данных с языковыми позволяет предположить наличие точного соответствия между *Meluhḥa* именно в сочетании *urudu-Meluhḥa* 'медь, оловянистая или никелистая бронза из *Meluhḥa*' и санскритского *mleccha* 'медь, сплав с оловом'. Но именно поэтому с точки зрения семантики не окажутся окончательными обе предложенные до настоящего времени и сходные в основном друг с другом дравидские этимологии для *Meluhḥa*: ни возведение термина к дравидскому *mēl-akam* 'верх > страна' (Парпола), ни гипотеза (Р. Тхапар) о связи с тамильским *mēlukku* 'вверху, наверху' (наречие), прадрavidским **mēlukku*, ср. тамильское *mērku* (соответствующее существительное)²⁴. Для принятия этого объяснения, в пользу которого говорит явно горный характер *Meluhḥa* шумерских текстов, нужно было бы объяснить специфику передачи санскритским *-cch-* (в других случаях исторически возводимого к и.-е. **-sk-*) того (предположительно дравидского) сочетания, которое в шумерском передавалось сдвоенным *-ḥḥ-*, ср. также праkritскую форму *milakkhu*, *milakkha*²⁵, которая может быть ближе к дравидийской исходной. Особенно существенно представляется то, что приводимый в *Jaminī Dharmasāstra*, I, 3, 10²⁶ список слов *Mleccha* (*pika*, *śata*, *tamaras*) содержит целый ряд явно дравидских слов, данных в немного санскритизированной форме. Установление дравидской праформы для санскритского *mleccha* и соответственно для шумерского *Meluhḥa* имеет большое значение в свете предполагаемого в настоящее время рядом исследователей дравидского характера языка древней письменности долины Инда.

²² И. Р. Селимханов. Указ. соч. С. 54—58.

²³ J. R. Forbes. *Studies in ancient technology*. V. IX. P. 75. Относительно географического распространения бронз с высоким содержанием никеля в Западной Евразии ср.: Е. Н. Черных. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // Советская археология. 1978. № 4. С. 63.

²⁴ Ср.: R. Thapar. *Op. cit.* P. 10; C. L. Elisabeth. *et al.* *Op. cit.* P. 118 (со скептическим выводом). R. Thapar, p. 31, отмечает в другой связи значение названий 'меди', но не обращает внимания на это значение у данного слова.

²⁵ R. L. Turner. *A comparative dictionary of Indo-Aryan languages*. London, 1967.

²⁶ Ср.: Т. Барроу. Указ. соч. С. 360.

Наличие специального «переводчика *Meluhha*» (*eme-bal me-luh-ha*^{K1}), засвидетельствованное цилиндрической печатью времени Нарам-Сина, удостоверяет различие шумерского (и аккадского) языков и языка *Meluhha* и вместе с тем наличие контактов между ними²⁷. Поэтому заимствование из языка протоиндийской цивилизации термина, ставшего в Шумере ее обозначением, не вызывает удивления.

Необходимо поставить вопрос о причинах того, что это слово (как и большинство дравидизмов) в санскрит проникло в период, непосредственно следующий за эпохой составления «Ригведы» (в которой термин *mleccha* отсутствует). Одним из наиболее простых объяснений было бы допущение, по которому ко времени индоарийского вторжения в Индию (к концу II тысячелетия до н. э.) города Инда давно уже пришли в упадок (что соотносится с династией Ур III в. Месопотамии²⁸). Лишь позднее продвижение индоарийцев вглубь Индии привело их к контактам с носителями культуры, продолжавшей (в частности, в металлургии бронзы) традиции цивилизации городов Инда; в этот период слово *mleccha*- проникает в санскрит.

1979

²⁷ E. Solberger. Op. cit. P. 248; C. L. Elisabeth. et al. Op. cit. P. 131; S. Parpola, A. Parpola, R. H. Jr. Brunswig. Op. cit. P. 131 (там же о других предлагаемых объяснениях надписи), 158.

²⁸ R. H. Brunswig. Radiocarbon dating and the Indus civilisation // East and West. 25. 1975. P. 111—145; ср.: R. Thapar. Op. cit. P. 5 (с дальнейшей библиографией).

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ НАЗВАНИЯ «ТОХАРСКОГО В» ЯЗЫКА *

Вопрос о названии «тохарского В» языка, обсуждавшийся на протяжении нескольких десятилетий и вызвавший появление обширной литературы¹, получает новое освещение благодаря последним публикациям «тохарских В» текстов. Особое значение имеют в этой связи данные хранящегося в собрании Института востоковедения АН СССР санскритско-«тохарского В» словаря (из коллекции Н. Ф. Петровского), фрагменты которого были исследованы несколько лет назад безвременно умершим замечательным нашим востоковедом В. С. Воробьевым-Десятовским². Как установил В. С. Воробьев-Десятовский, в этом словаре санскритское слово *tokharika* 'тохарец' переводится «тохарским В» словосочетанием, в которое входит прилагательное *k"caññe* 'кучанский'³. Из этого В. С. Воробьев-Десятовский сделал правильный вывод о том, что *k"caññe* 'кучанский' следует считать «тохарским В» самоназванием; он также справедливо указал на то, что к этому же слову должно восходить древнетюркское (уйгурское) *küsän*⁴.

* Издано в: Академия наук СССР. Проблемы востоковедения. № 5. 1959.

¹ См.: А. А. Фрейман. Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке // Учен. зап. ЛГУ. № 128. Сер. востоковедческих наук. Вып. 3. 1952. С. 123—135; см. также библиографию в кн.: Тохарские языки: Сб. статей / Под ред. В. В. Иванова. М., 1959.

² Публикация исследования В. С. Воробьева-Десятовского задержалась на несколько лет; оно было напечатано лишь через два года после смерти автора, см.: В. С. Воробьев-Десятовский. Памятники центральноазиатской письменности // Учен. зап. Ин-та востоковедения. Т. XVI. М.; Л., 1958. С. 304—308.

³ См.: Там же. С. 306.

⁴ Там же. С. 306, 307.

Правильность открытия В. С. Воробьева-Десятовского подтверждается данными другого недавно опубликованного центральноазиатского памятника — манихейского гимна на «тохарском В» языке, снабженного древнетюркским переводом. В переводе имеется слово *kyus'n* (-*küsän*-) 'кучанский', обоснованно реконструируемое издателями памятника как указание на язык (т. е. «тохарский В» язык), с которого сделан перевод⁵. Таким образом, оба напечатанных в 1958 г. «тохарских В» двуязычных текста — фрагменты санскритско-«тохарского В» словаря и древнетюркский перевод «тохарского В» манихейского гимна — показывают, что и в самом «тохарском В», и в древнетюркском «тохарский В» язык назывался кучанским. Древнетюркское *küsän*, правильно отождествляемое с согдийским *'kwč'n'y = 'kučāne* 'кучанский'⁶, несомненно, происходит из «тохарского В». Источником древнетюркского и согдийского слов было «тохарское» самоназвание, поскольку суффикс («тохарское В» -*ññe*), с помощью которого это прилагательное образовано от названия Кучи, может быть объяснен только на почве «тохарского».

Термин *küsän* употребляется в качестве названия языка еще в одном древнетюркском (уйгурском) тексте — в колофоне уйгурской рукописи, которая, как сказано в колофоне, *Ugu-Küsän tilintin, Toxrī tilinčä äwirmiš, Toxrī tilintin* ⟨...⟩ *yangirtī türkcä äwirmiš*⁷ 'с угу(?)-кучанского языка переведена (букв. переведенная) на тохарский язык, с тохарского языка переведена (букв. переведенная) заново на тюркский'. Нет сомнения в том, что название языка *ugu-küsän* связано с термином *küsän* (*küsän*), встречающимся в других древнетюркских текстах. Однако смысл элемента *ugu-* остается неясным (как, впрочем, остался неизвестным и смысл «тохарского В» слова, сочетающегося с прилагательным *k'caññe* в указанном месте санскритско-«тохарского В» словаря). Значительно менее понятным нужно признать термин *Toxrī* в этом колофоне; очевидно, что этот термин употребляется в значении, отличном от значения санскритского *tokharika* в словаре, где эквивалентом последнего слова является сочетание с *k'caññe*. Но остается загадкой, является ли тюркское *Toxrī* названием «тохарского А» языка, как это предполагалось ранее на основании известного колофона к рукописи «Maitreyasamiti», или же это сло-

⁵ A. v. Gabain, W. Winter. Türkische Turfantexte IX. Ein Hymnus an den Vater Mani auf «Tocharisch B» mit alttürkischer Übersetzung (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. № 2. Jahrgang, 1956.). Berlin, 1958. S. 15, 29; ср. также s. 7—8, 21, 38.

⁶ A. v. Gabain. Altürkische Grammatik. Aufl. 2. Leipzig, 1950. S. 318. Это согдийское соответствие не было учтено в работе В. С. Воробьева-Десятовского.

⁷ F. W. K. Müller, A. v. Gabain. Uigurica. IV // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse XXIV. Berlin, 1931. S. 678; ср.: A. v. Gabain. Altürkische Grammatik. S. 259.

во относится к восточноиранскому «тохарскому» языку⁸. Таким образом, если вопрос о том, как назывался «тохарский В» язык на самом этом языке и в древнетюркском, можно считать решенным, то по отношению к «тохарскому А» старые споры еще нельзя считать окончательными.

Изложенные данные могут быть представлены в следующей таблице:

Название языка или его носителя	На «тохарском В»	На древнетюркском	На санскрите
«Тохарский В»	<i>k^ucaññe</i>	<i>küsän (ugu-kūšän)</i>	<i>tokharika</i>
«Тохарский А» или «тохарский» иранский	?	<i>toχri</i>	?

Наиболее существенными выводами из этой таблицы являются следующие: 1. Название «тохарского В» (кучанского) языка было одинаковым в самом «тохарском В» и в древнетюркском. 2. В древнетюркском и в центральноазиатском санскрите термины *Toχri* и *tokharika* относились к разным языкам (второй — к носителю «тохарского В», первый — к какому-то другому языку). Оба эти вывода представляют интерес не только для решения рассматриваемого вопроса, но и для определения лексических взаимовлияний различных языков, входивших в центральноазиатский языковый союз («тохарско»-древнетюркские лексические связи можно отметить и в ряде других случаев, причем обычно оператором, т. е. влияющим языком, был «тохарский»).

В свете упомянутых фактов несомненной нужно признать правильность применения термина «кучанский» к «тохарскому В» языку (в этом смысле вполне правыми оказываются С. Леви и А. Мейе и следовавшие за ними исследователи). Но правомерность применения термина «тохарский» по отношению к «тохарскому А» и «тохарским» языкам в целом нельзя оспаривать до тех пор, пока не будет выяснен точный смысл указаний двух древнетюркских колофонов. Во всяком случае, санскритско-кучанский словарь показывает, что носители некоторых мертвых языков Центральной Азии (но не самих «тохарских» языков) использовали термин «тохарский» в том же значении, что и многие исследователи в XX в.⁹

1959

⁸ Ср.: А. А. Фрейман. Указ. соч.

⁹ Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность своему покойному другу В. С. Воробьеву-Десятовскому, впервые познакомившему его со своим открытием еще в 1955 г., и проф. В. Винтеру, с которым автор обсуждал эту проблему во время VIII Международного съезда лингвистов в Осло.

ТОХАРСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ К СЛАВЯНСКИМ УМЕНЬШИТЕЛЬНЫМ ФОРМАМ*

Исследование тохарских языков показывает, что в этих языках имеется значительное число явлений, общих со славянскими¹. Поскольку ряд уже установленных тохарско-славянских изоглосс относится к области словообразования, могут представить интерес также и факты, свидетельствующие о сходстве типов образования уменьшительных форм в тохарских и славянских языках.

В тохарском В уменьшительные формы обычно образуются посредством присоединения суффикса *-ške* (муж. р.), *-ška* (жен. р.), ср. *soṃške*, *sauške* 'сыннок', *sasūškaṃ* 'сыночки', *ṣerška* 'сестричка' (от *ṣer* 'сестра') и т. п.² В тохарском А этот способ образования уменьшительных форм засвидетельствован

* Издано в: АН СССР. Советский комитет славистов. IV международный съезд славистов. Славянская филология: Сб. статей II. Отдельный оттиск. М.: Изд. АН СССР, 1958.

¹ См.: *E. Fraenkel*. Tocharu kalbos gramatika ir baltu kalbos // Archivum philologicum. III. 1932; *Idem*. Zur tocharischen Grammatik // Indogermanische Forschungen. Bd. 50. 1932; *E. Benveniste*. Tokharien et Indo-Européen // Germanen und Indogermanen. Hirt-Festschrift. Bd. II. Heidelberg, 1936. S. 232; *W. Thomas*. Die tocharische Verbaladjektive auf *-l*. Berlin, 1952. S. 8—9, 11 (примеч. 1); *W. Thomas*. Die Infinitive im Tocharischen // Asiatica. Festschrift F. Weller. Leipzig, 1954. S. 705—706; *W. Porzig*. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954. S. 182—183; *W. Krause*. Tocharisch, Handbuch der Orientalistik, herausgegeben von B. Spuler. Bd. 4 // Iranistik. 3 Abschnitt. Leiden, 1955. S. 33—34; *Milan Grošelj*. O posesivnem adjektivu v slovanščini in toharščini // Linguistica. 1955. Št. 1 (прил. к: Slavisticna revija, VIII. letnik 1—2. 1955); *V. Pisani*. Gospodb // Die Welt der Slaven. II. H. 2. 1957.

² Ср. также примеры, приводимые Педерсеном: *H. Pedersen*. Zur tocharischen Sprachgeschichte. København, 1944. S. 35. § 44 (4).

только в одном слове: *warpiške* ‘сад’ (варианты *warpaške*, *warwiške*)³, ср. тохарское В *werpiške* ‘сад’ (и производное тохарское В *werpiškatsē* ‘садовник’). Х. Педерсен предположил, что данное слово в тохарском А является заимствованием из тохарского В⁴. Однако этому противоречат результаты анализа словообразовательных связей тохарского А *warpiške*. Как тохарское В *werpiške*, так и тохарское А *warpiške* образовано посредством уменьшительного суффикса *-ške* от именной основы *warpi-*. Эта именная основа является отглагольным именем на *-i*⁵, образованным от общетохарского корня *wārp-* ‘окружать, обносить (стеной)’ (тохарское А и тохарское В — *wārp-*), ср. родственное тохарское А *warp-* ‘ограда’ (засвидетельствовано в форме локатива *warpaṇi*). Отглагольное имя *warpi-* в значении ‘сад’ засвидетельствовано именно в текстах на тохарском А (род. п. *warpyis*, перлатив *warpyā*, локатив *warpyan-āk*). Поэтому представляется спорным, что образованное от этого имени уменьшительное заимствовано из тохарского В (где соответствующая основа на *-i* не засвидетельствована)⁶, хотя в пользу гипотезы о заимствовании говорит наличие конечного *e* в *warpiške*. Вероятно предположение о том, что суффикс уменьшительных форм *-ške* был общетохарским. В тохарском В он остался продуктивным, тогда как в тохарском А в сходной функции встречается также суффикс *-äly-*, ср. параллельные образования от одного и того же корня — тохарское В *lyk-aške* ‘тонкий’ и тохарское А *lyk-äly-*⁷, где *-äly-* является точным соответствием общебалтийского суффикса уменьшительных форм *-eli-*, ср. литовские имена на *-elis*, *-elė*⁸, латышские формы на *-elis*, *-ele*⁹ и прусские слова типа *patowelis*¹⁰.

³ См.: P. Poucha. Institutiones linguae tocharicae. Pars I // Thesaurus linguae tocharicae dialecti A. Praha, 1955. S. 287. О чередовании *p/w* в тохарском (которое можно объяснить тохарским передвижением согласных, ср. *p > w* в интервокальном положении в армянском и *p > w* в хеттских заимствованиях из языка хатти) ср.: W. Krause. West-tocharische Grammatik. Bd. I (Das Verbum). Heidelberg, 1952. S. 16—17. § 8.

⁴ H. Pedersen. Op. cit. S. 36.

⁵ E. Sieg, W. Siegling, W. Schulze. Tocharische Grammatik. Göttingen, 1931. S. 4. § 3 с, ср. о сходном типе имен в тохарском В: W. Krause. Westtocharische Grammatik. S. 46. § 38, 2 а.

⁶ Для доказательства своей гипотезы Педерсен (см.: H. Pedersen. Op. cit.) ссылается на тохарск. А *omäskem*, сопоставляемое с тохарск. В *amiškaññe* (ср.: P. Poucha. Op. cit. S. 48). Заимствованным считает тохарское А *warpiške* также и В. Куврёр, см.: W. Couvreur. Zum Tocharischen // Revue des études indo-européennes. T. IV. Fasc. 3—4. 1947. P. 351 (ср.: Ibid, p. 351, 344—345, p. 357—358, о других словах этого типа в тохарском В).

⁷ E. Sieg, W. Siegling, W. Schulze. Op. cit. S. 12. § 19.

⁸ P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943. S. 176 и сл.

⁹ J. Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951. S. 343—344. § 172 с.

¹⁰ J. Endzelīns. Baltu valodu skaņas un formas. Rīgā, 1948. P. 92. § 136 в; Idem. Senprūšu valoda. Rīgā, 1943. S. 48.

Общетохарский суффикс *-śke*, *-śka* часто встречается в тохарских собственных именах: как в тех, которые образованы от тохарских корней (*Lariśka* от *lare* ‘любовь’ и т. п.)¹¹, так и в тех, которые образованы от санскритских основ (*Priśka* от *priya*- ‘милый’ и т. п.)¹². В. Краузе справедливо отмечает, что с «гибридными» санскритско-тохарскими собственными именами типа *Priśka* следует сопоставить имена *Sumaiśe* и *Vinaiśe*, где выделяются санскритские основы *sumāy*- и *vinay*- и суффикс *-śe*, не являющийся индийским¹³, но не засвидетельствованный в других тохарских словах. Можно думать, что суффикс *-śe* в этих двух именах имел функцию, одинаковую с функцией *-śka*, *-śke*. Эта гипотеза согласуется как с результатами анализа тохарских собственных имен, так и с выводами, к которым пришел Ю. Р. Курилович в своем теоретическом исследовании о собственных именах. Как показал Ю. Р. Курилович, в суффиксации собственных имен часто можно обнаружить древние уменьшительные суффиксы, вышедшие из употребления¹⁴. Представляется возможным, что суффикс *-śe* в собственных именах родствен первой части сложного суффикса *-śka*, *-śke* уменьшительных форм.

Согласно законам тохарской палатализации, *ś* возникло из палатализованного **k*¹⁵. Это означает, что суффикс *-śk*- можно возвести к **k-ik*-, где *-*i*- редуцировалось после того, как оно палатализовало первое **k* (конечное *e* в *-śe* также может быть результатом редукции, ср., например, *ānte* при древнеисландск. *enni* < **antiō*- ‘лоб’ и т. п.). Такой анализ суффикса *-śk-e* подтверждается его параллелизмом с суффиксом *-šk-e* (например, в тохарском В *sanmīr-ške*), где *š* объясняется воздействием исчезнувшего *-i*- на предшествующее *s*.

А. Гатерс, исходя из этого объяснения *-šk*-, предположил, что тохарский суффикс *-sk*- является результатом фонетического развития суффикса *-šk*-, где произошла частичная ассимиляция (по месту артикуляции)¹⁶. Однако *ś* в уменьшительных суффиксах не может объясняться воздействием *k* уже потому, что в суффиксе *-śe*- отсутствует *k*. Предположение А. Гатерса, Х. Педерсена¹⁷ и Э. Швицера¹⁸ о связи тохарского *-śk*- с греческим *-σχ*- не обосновано

¹¹ W. Krause. Eigennamen in tocharischen Texten // Ural-Altische Jahrbücher. Bd. XXV. Hf. 1—2. Wiesbaden, 1953. S. 12—13.

¹² Ibid. S. 11—12.

¹³ Ibid. S. 12.

¹⁴ Jerzy Kuryłowicz. La position linguistique du nom propre // Onomastica. R. 11, z. 1. Wrocław, 1956, особенно p. 11—12.

¹⁵ Ср.: W. Krause. Westtocharische Grammatik. Bd. 1. S. 18.

¹⁶ A. Gätters. Indogermanische Suffixe der Komparation und Deminutivbildung // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Bd. 72. 1954. Hf. 1/2. S. 51, примеч. 3.

¹⁷ H. Pedersen. Op. cit. S. 36.

¹⁸ E. Schwyzler. Griechische Grammatik. Bd. 1. München, 1939. S. 541, примеч. 6.

с фонетической стороны. Вопреки мнению Педерсена, развитие $*-sk > -\acute{s}k$ нельзя объяснить влиянием предшествующего $-i$, тем более что во многих тохарских уменьшительных на $-\acute{s}k$ это i отсутствует. Индоевропейское $*-sk-$ отражается в тохарском либо как $-sk-$ (без палатализации), либо (с палатализацией) как $-\acute{s}s-$, ср. тохарские глаголы на $-sk-$, $-\acute{s}s-$, суффикс прилагательных $-\acute{s}i$ (в тохарском А), $-\acute{s}se$ (в тохарском В), соответствующий славянскому $*-ьskъ-$ ¹⁹ и т. п. Поэтому $-\acute{s}$ в $-\acute{s}ke$, $-\acute{s}ka$ (и $-\acute{s}e$) не может восходить к $*s$, а должно быть возведено к $*k$.

Тохарский суффикс уменьшительных форм $-\acute{s}ka$, $-\acute{s}ke$ обнаруживает исключительное сходство с теми суффиксами, которые особенно характерны для образования уменьшительных форм в славянских языках. Одной из наиболее характерных черт славянских уменьшительных форм является нанизывание уменьшительных суффиксов друг на друга, что приводит к образованию новых уменьшительных суффиксов²⁰. Общими для тохарских и славянских языков являются не только типы образования новых уменьшительных суффиксов путем агглютинации, но и сами суффиксы, из которых образуются сложные суффиксы; ср. сочетания суффиксов $-ьць$, $-ica$, $-икъ$, $-ькъ$ с последующими суффиксами $-ьka$, $-ькъ$ в славянском, с одной стороны, и тохарские суффиксы $-\acute{s}e$, $-\acute{s}ke$, $-\acute{s}ka$, с другой. Следует отметить, что агглютинация суффиксов в тохарском вообще является наиболее характерной чертой морфологии имени²¹. Однако в сложном суффиксе $-\acute{s}ke$, $-\acute{s}ka$ первоначальные его компоненты не выделяются (так как $-\acute{s}e$ уже не был продуктивным суффиксом), что свидетельствует об относительной древности этого образования по сравнению с другими сочетаниями суффиксов. Если для тохарских языков агглютинация суффиксов является нормой, а неразложимость их сочетания свидетельствует о древности данного явления, то в славянских языках нанизывание суффиксов друг на друга является отличительной чертой именно уменьшительных форм. Отступление от морфологической нормы, имеющее место в данном случае, позволяет с большей уверенностью сравнивать эти явления, так как аномалии всегда удостоверяют надежность сравнения.

В связи с этим следует обратить внимание и на фонетические особенности данных суффиксов. Для славянских языков характерно обобщение в сложных уменьшительных суффиксах палатализованной формы заднеязычного в первом компоненте суффикса (типа $-i\acute{s}ka$)²². Это можно сравнить с палатализацией в тохарских суффиксах $-\acute{s}e$, $-\acute{s}ke$, $-\acute{s}ka$. Следует отметить, что в

¹⁹ Ср. функционально тождественное лувийское $-\acute{s}\acute{s}i$ и ликийское $-hi$.

²⁰ A. Belié. Zur Entwicklungsgeschichte der slavischen Deminutiv und Amplikativsuffixe // Archiv für slavische Philologie. Bd. 23. 1901. Hf. 1—2. S. 139—140.

²¹ Ср. об этом: W. Krause. Tokharian Studies in Germany // Word. V. 4. 1948. № 1. P. 52.

²² A. Belié. Op. cit. S. 153.

целом тохарская палатализация может быть сопоставлена с палатализацией в славянских языках (и с аналогичным процессом в балтийских языках)²³. Поэтому представляет несомненный интерес сходство в использовании результатов палатализации в родственных морфологических единицах славянских и тохарских языков.

Обе отмеченных выше особенности сложных уменьшительных суффиксов — агглютинативное строение и палатализация — свидетельствуют об отражении в этих суффиксах процессов, относящихся к эпохе самостоятельного развития тохарских и славянских языков. Для определения относительной хронологии этих суффиксов показательным противопоставление форм мужского рода типа тохарского *-ske* и славянского *-ĉ-ikъ*²⁴ и форм женского рода типа тохарского *-ska* и славянского *-ĉ-(i)ka*. Для тохарских языков противопоставление мужского и женского родов является вторичным по сравнению с древним противопоставлением среднего и одушевленного родов, на котором основана система тохарского склонения. Поэтому можно утверждать, что морфологические (как и фонетические) особенности сложных уменьшительных суффиксов позволяют датировать их относительно поздней эпохой самостоятельного диалектного развития. Сходный вывод делается и в отношении славянских сложных суффиксов²⁵. Нельзя с уверенностью говорить здесь о существовании изоглоссы, так как в тот период диалектного развития, когда складывались эти суффиксы, реальные связи между носителями тохарских и славянских языков давно были прерваны. Но общие тенденции, связанные со структурной близостью этих индоевропейских диалектов, продолжали действовать, чем объясняется далеко идущий параллелизм рассматриваемых форм²⁶.

1958

²³ Относительно палатализации как процесса, общего для славянских и балтийских языков, см.: *J. Kurylowich. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956. P. 235—237.* Из других языков палатализующего языкового союза наиболее близкую параллель к тохарским языкам представляют финно-угорские, где противопоставления *n : n'*, *l : l'*, *s : ś*, *t : č* идентичны тохарским оппозициям *n : ñ*, *l : ly*, *s : ś*, *t : c*.

²⁴ О первоначальности значения мужского (а не среднего) рода в формах на *-ikъ* см.: *A. Belié. Op. cit. S. 156.*

²⁵ Там же. С. 138: «Alle zusammengesetzten Suffixe sind einzelsprachlich».

²⁶ Вместе с тем, при объяснении указанных фактов следует учитывать и наличие типологически сходных явлений палатализации согласных в уменьшительных (экспрессивных) формах в различных языках, ср., например, тонкий анализ латышских форм в статье: *V. Ruķe-Draviņa. Zur Konsonanten erweichung bei Diminutiven im Lettischen // Commentationes balticae. Jahrbuch des Baltischen Forschungsinstituts. 1953. Bd. I. Bonn, 1954. S. 141—165.*

Постскриптум

Особый интерес представляет тохарская уменьшительная форма от древнего названия 'сестры', совпадающая с праславянским архетипом рус. *сестричка*. Но некоторые из производных, внешне совпадающих с рассматриваемым текстом, могли быть и древними иранскими заимствованиями. Такая точка зрения высказывалась по отношению к имени Канишки и сходным именам других кушанских правителей, см. истолкование их как тохарских: Вяч. Вс. Иванов. Языковые данные о происхождении Кушанской династии // Народы Азии и Африки. 1967. № 3. С. 106—118.

ЕЩЕ О СЛАВЯНО-ТОХАРСКИХ ИЗОГЛОССАХ*

Вероятные контакты праславянского с (пра)тохарским были предметом многочисленных исследований¹. Тем не менее оказывается возможным вернуться к этой теме потому, что недавние находки в Китайском Туркестане недостававших фрагментов тохарской А буддийской мистериальной пьесы о будущем Будде-Майтрейе² расширили знание словаря этого архаичного тохарского диалекта и сделали возможной гипотезу о еще одном лексическом сближении, которое может представить значительный интерес для обнаружения уникальных связей тохарского со славянским и балто-славянским.

Речь идет о тохарском А сложном слове *mälkartem*, которое много раз встречается во вновь найденных фрагментах пьесы в значении³, эквивалентном древнетюркскому *tüzün-üm* 'сдержанный, благородный, скромный'⁴ в древнетюркском (древнеуйгурском) переводе пьесы. Пино предположил для тохарского значение типа 'великодушный, милосердный' и с полным основанием определил древнюю структуру слова как сложного, имеющего во второй части продолжение индоевропейского названия сердца⁵. Сомнение в его реконструкции вызывает только неясность первого элемента, который он не вполне убедительно сопоставляет с греч. *μέλε*, не имеющим ясного исторического объяснения⁶ и употребляемого как обращение в просторечии, что

* Издано: Славянская языковая и этноязыковая система в контакте с неславянским окружением / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 2002.

¹ Некоторые из них отмечены в одной из последних обзорных работ, написанных на эту тему автором: [Иванов 1998].

² [Xianlin, Winter, Pinault 1998].

³ Там же, индекс, s. v.; [Pinault 1993: 163—166].

⁴ [Наделяев, Насилов, Тенишев, Щербак 1999: 583].

⁵ [Pinault 1993: 174—179].

⁶ [Chantraine 1984: 681].

весьма отлично от особенностей употребления тохарского А слова, выступающего при почтительном величании собеседника в языке вежливости.

В тохарском А дифтонги монофтонгизировались. Многие из тех, которые вторым элементом имели *-i*, могли (в особенности при долгой ступени огласовки корня) развиваться в *e*. Поэтому, принимая предположение Пино о происхождении второй части тохарского сложного слова, можно предположить его отождествление в целом со ст.-слав. **милосьрьдъ**. Первый элемент является общим для славянского и балтийского. От него образуются такие производные, как **милость**, которые могли употребляться в почтительных обращениях того же типа, что и в тохарском.

Часто предполагалось, что ст.-слав. **милосьрьдъ** было калькой либо лат. *mi-seri-cor-s* (морфологическая структура которого далека от славянской), либо гот. *arma-hairt-s*⁷. Но это последнее слово само признается калькой с латинского⁸.

Историческое объяснение этих сложных слов в разных индоевропейских традициях следует пересмотреть, учитывая наличие в предыстории хеттского языка сложного слова *šall-a-kart-* ‘великодушие > гордость, надменность’, от которого образованы производные *šall-a-kart-ae-* ‘оскорбить (гордостью, надменностью)’⁹, *šall-a-kart-ah-* ‘задеть, оскорбить (гордостью, надменностью)’, *šall-a-kart-atar* ‘гордость, небрежение’. Производные этого типа крайне редко встречаются в хеттском языке; это обстоятельство, вместе с исчезновением самого исходного сложного слова, которое может быть только реконструировано на основании приведенных выше производных, изменивших вероятное первоначальное значение, позволяет видеть в *šall-a-kart-* остаток древнего словосложения. Это предположение подтверждается и сравнением с древнехеттским сложным словом с тем же первым элементом *šall-a-ḫ(a)ššuwa* ‘велико-царский’: оно засвидетельствовано в древнехеттском названии города и в аналогичном топониме в староассирийском тексте из Малой Азии¹⁰.

Сравнение этого архаического хеттского словосложения со славяно-тохарскими и сложными словами других индоевропейских языков, производными от названия сердца, позволяет прийти к предположению о наличии уже в диалектную пору распада праязыка сложного слова этого типа. Во всех перечисленных диалектах слово имело название «сердца» в качестве второго элемента. Ему предшествовало прилагательное с достаточно общим положительным значением. Тохарский и праславянский объединяются сохранением одного и того же

⁷ Ср., например: [Мейе 1951: 301 (§ 430), 411 (§ 582)].

⁸ Или греческого: [Lehmann 1986: 42—43 (с библиографией)]. См. о нем. (b) *arm-herz-ig*: [Seebold 1999: 82].

⁹ [Oettinger 1979: 34; Van den Hout 1998: 132—133] (DINGIR-LUM ⟨...⟩ *pa-ra-a* [š] *al-la-kar-ta-an ḫar-ku-un* ‘я оскорбил божество’).

¹⁰ [Иванов 2001: 44]. Поэтому несостоятельны предположения о калькированном характере хеттского словосложения: [Gusmani 1968: 88].

первого прилагательного (кроме этих двух диалектов оно есть еще и в литовском и других балтийских). Что же касается хеттского, германских языков и латыни, в каждом из них представлены разные прилагательные; возможно, что хеттская форма архаичнее других, но она не сохранена ни в одном из этих языков.

Эта изоглосса вместе с несколькими другими подобными удостоверяет наличие связей между праславянским и тохарским в эту раннюю эпоху.

Литература

- Иванов 1998 — *Иванов Вяч. Вс.* Контакты славянского с тохарским // Доклады русских ученых на XII Международном съезде славистов в Кракове. М.: Наука, 1998.
- Иванов 2001 — *Иванов Вяч. Вс.* Древнейшие индоевропейские собственные имена из Анатолии // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2001. С. 42—48.
- Мейе 1951 — *Мейе А.* Общеславянский язык. М.: Изд-во иностр. лит., 1951.
- Наделяев, Насилов, Тенишев, Щербак 1999 — *Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. П., Щербак А. М.* Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1999.
- Chantraine 1984 — *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grècque. Histoire des mots. Paris: Éditions Klincksieck, 1984.
- Gusmani 1968 — *Gusmani R.* Il lessico ittito // Collana di studi classici. 5. Napoli: Libreria Scientifica Editrice, 1968.
- Lehmann 1986 — *Lehmann W. P.* A Gothic Etymological Dictionary. Leiden: Brill, 1986.
- Oettinger 1979 — *Oettinger N.* Die Stammbildung hethitischen Verbuns. Nürnberg: Verlag Carl Hans, 1979.
- Pinault 1993 — *Pinault G.-J.* Tocharien A *mälkartem* et autres mots // Tokharian and Indo-European Studies. 1993. Vol. 6. P. 133—188.
- Seebold 1999 — *Seebold E.* (bearb.). Kluge Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin: De Gruyter, 1999.
- Van den Hout 1998 — *Van den Hout Th.* The Purity of Kingship / An Edition of CTH 569 and related Hittite Oracle Inquiries of Tudhaliya IV. Documenta et Monumenta orientis Antiqui (DMOA). Vol. 25. Leiden: Brill, 1998.
- Xianlin, Winter, Pinault 1998 — Xianlin J., Winter W., Pinault G.-J. (eds). Fragments of the Tocharian A «Maitreya-samiti-Nātaka» of the Xinjiang Museum, China. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.

2002

Постскриптум

В свете разысканий Блажка и других ученых число славяно-тохарских изоглосс в настоящее время увеличивается и требует объяснения с точки зрения индоевропейской лингвистической географии.

ИЗ ЗАМЕТОК О ТОХАРСКИХ БУДДИЙСКИХ ТЕКСТАХ*

Александр Пятигорский для востоковедов и философов стал примером ученого, внимательно и вдумчиво сопоставляющего буддийские тексты. Его научные труды, равно как и философская проза, свидетельствуют о проникновении в суть учения, их вдохновившего. В его честь кажется уместным собрать вместе разрозненные заметки, касающиеся одной из ранних центральноазиатских традиций, сыгравшей немаловажную роль в распространении идей и символов буддизма.

Тохарские тексты (на более архаичном тохарском А языке, ко времени его письменной фиксации около VII в. н. э. уже становившемся сакральным языком книжной проповеди и монастырского общения, и на тохарском В языке, по всей видимости дольше сохранявшемся в живом употреблении) послужили одним из главных промежуточных звеньев в передаче индо-арийско-язычного (санскритского и палийского) литературного и философского наследия на восток Азии через ее центр. Уже ко времени фиксации в начале I тыс. н. э. текстов на крорайнском пракрите в южных оазисах Центральной Азии существовала та языковая буддийская традиция, которая потом отражается в тохарских текстах. Это видно, в частности, из наличия специальных терминов типа имен на *-ṃc* в крорайнском пракрите, которые, скорее всего, соответствуют тохарским монастырским терминам типа обозначений особ женского рода на В *-āñca*, А — *añc* (В *upāsakāñca* ‘мирянка-буддистка’, А *wāskāñc* : санскритск. *upasikā*, от основы В *upāsaka*, А *wāsak* : санскритск. *upāsika*-). Наиболее близкое соответствие в крорайнских пракритских формах на *-m* обнаруживается в тохарск. А *sankastery-āñč* ‘настоятельница в мона-

* Издано: А. М. Piatigorskij. Festschrift. Wien, 1989. S. 81—84.

стыре', 414 а 1, текст наставлений о монашеской дисциплине, свидетельствующий, как и самый гибридный термин, о санскритско-тохарском двуязычии в среде, где санскрит, как позднее тохарский А, был искусственным са-кральным языком монастырского общения. Данный термин, имеющий родит. падеж *sankasteryañč-e* [Sieg-Siegling-Schulze 1931. §§ 53: 122], отвечает пали *samgatheri*, санскритск. *samghasthavirā* при термине мужского рода тохарск. В *sankastere*, часто встречающемся в монастырской переписке. Как давно установлено [Sieg, Siegling, Schulze 1931: § 53; Couvreur 1947: § 37a: 25; Krause-Thomas 1960, 1: 12], аналогию или источник тохарск. А *-ñč*, В *-ñca* в этих производных женского рода можно видеть в согдийском *-nčh* при родственных живых восточноиранских: сарыкольск. *āns*, ваханск. *-unj-* (суффикс заимствован и в другие центральноазиатские языки). Кажется возможным предположить, что формы этого типа восходят к периоду тохарско-санскритско-иранского (согдийского) многоязычия в буддийских монастырях начала нашей эры. О тохарском посредничестве может говорить и звуковой облик иных иранских слов в пракрите крорайни.

Другой характерной чертой крорайнских пракритских текстов являются некоторые заимствования, возводимые к источникам типа тохарск. А *kālyme*, В *kalymie* 'область, направление'. Тохарское слово имеет индоевропейскую этимологию, и поэтому направление заимствования здесь — прямо из тохарского в пракрит (тогда как в первом случае более вероятно тохарское посредничество при согдийском источнике). Значительный интерес представляет также и то, что уже в крорайнском пракрите засвидетельствовано употребление календарных символов двадцатичленного животного цикла, которые позднее встречаются в оригинальных тохарских текстах (в частности, в одном из писем собрания бывшего Азиатского музея, позднее петроградского Института востоковедения), а также в двуязычном перечислении этих животных на санскрите и тохарском В (В N 549. 5—6. Lüders, 1933). Ввиду последующего широчайшего распространения этого цикла от Восточной Азии до Кавказа (где он до сих пор сохраняется в кабардинской языковой традиции, если ограничиваться одним лишь примером), свидетельства ранних центральноазиатских источников представляются драгоценными.

Хотя большинство дошедших до нас тохарских (А и В) сочинений фрагментарно, они дают тем не менее возможность представить себе, какие основные части буддийского канона и что из произведений последующих авторов существовало в тохарских переложениях, о тщательности которых говорят многократно уже (вслед за создателями тохарской филологии Зигом и Зиглингом) изучавшиеся жалобы тохарского переводчика на трудность стоящей перед ним задачи. До открытия центральноазиатских (в том числе и тохарских) текстов реконструкция древнего облика буддийской литературы

могла производиться главным образом на основании сличения друг с другом тех периферийных — прежде всего южноазиатских, в том числе цейлонской, и восточноазиатских, прежде всего японской, — версий, которые (в согласии с географическим принципом сохранения архаизмов, в том числе и семиотических, на периферии) сохранили многие черты первоначального ядра. Теперь пути передачи на Восток проясняются. Близость некоторых из тохарских переложений к сохранившимся в китайской традиции разительна. Это, например, относится к дисциплинарным текстам *Pratimokṣa*, описывающим проступки, заслуживающие наказания. История распространения сюжетов джатак, важная и для буддологии, и для сравнительного литературоведения, становится более документированной благодаря заманчивым сближениям тохарских переводов с китайскими, а отчасти также и тибетскими. Вероятно правы ученые, отмечающие значимость сведений о том, что Кумараджива, с чьим именем связана большая часть ранних китайских переложений буддийских сочинений, был юэ-чжийцем, т. е. тохаром. Но в этом случае нужно было бы полагать, что ко времени Кумарадживы (задолго до VII в. н. э., к которому по палеографическим данным относятся тохарские памятники письменности, вероятно, восходящие к значительно более ранним прототипам) уже существовали тохарские тексты, скорее всего, на тохарском А, позднее уже вышедшем из употребления. Это кажется возможным и по той хронологии, которую предполагают следы тохарских буддийских текстов в крорайнском пракрыте.

Исследование тохарской буддийской терминологии заставляет полагать, что наряду с давно выработанными стандартными эквивалентами существовали и опыты новых переводов: при передаче *samskāra* ‘санскара’ посредством тохарск. В *skeye* ‘усилие’ в некоторых тохарских В фрагментах, относящихся к формуле *Pratityasamutpāda*; в другом тексте того же типа этот санскритский термин переводится как тохарск. В *yāmor* ‘действие’ [Pinault 1988: 100—101, 123], которое в других случаях может передавать санскритск. *karman* ‘дело’, в том числе и в этимологических сочетаниях с тохарск. В *yām* ‘делать’: *yāmor yamos*, *yāmorsa yamantia*, *yāmu yāmor* (все три сочетания из *Karmavibhariga*).

Как заметили еще в своих замечательных изданиях тохарских текстов Зиг и Зиглинг [Sieg, Siegling 1921] и позднее детально исследовал Вернер Винтер [Winter 1955], в тохарской драме (буддийском театрализованном действе) встречаются ремарки, обозначающие границы ее частей, напр., *lcār poñś Maitreyasamitra* [+ *kam Guru*] *darśam ñomā śak-sapint nipā(t)ār* ‘Все уходят’. У пьесы (*nātaka*) «Майтрейясамити» одиннадцатое действие по имени «Видение учителя» — *Gurudarśana* — «окончилось» А 253 6; в тохарском В соответствующая ремарка имеет вид *latem poñc* ‘Все уходят’. Из подобных ре-

марок, а иногда и пояснений, выявляемых в драматических текстах, некоторые прямо отождествимы с философскими буддийскими формулами, что существенно для выявления отношений между жанрами буддийской литературы. В частности, обращает на себя внимание повторяющаяся ремарка, включающая модальную форму на *-l* типа тох. В *Kärsaralya*: ⟨...⟩ *ñakciye saissene Kärsaralya*- ‘в божеском мире (санскритск. *deva-loka*) должно (это) пониматься (как происходящее)’ (В 99а, 2, драматизованный вариант *Subhāsita-gavesin-Jā taka*). Аналогичный оборот с теми же модальными формами встречается и в таком философском тексте, как трактат *Udānālankara* (41 а, 3, 10): *naisyandik no sār yente kärsanalya* — ‘потому что ветер нужно понимать как принадлежащий к истечению телесному’ (санскритск. *naisyandikā*). Эта текстологическая параллель дает представление о том, в какой мере буддийская религиозная драма (не только ежегодная мистерия Майтрейи, о значимости которой говорят и китайские источники, но и театрализованные формы джатак) в тохарской традиции образует единое целое с текстами философскими: зрители мыслили (представляли себя) находящимися в определенном мире или месте мира так же, как мыслилось (представлялось) и любое другое понятие в системе буддийских ценностей. Термины для уяснения сути иллюзии в театральных ремарках совпадают с философскими, что лучше позволяет понять тохарский вариант буддийской мировой драмы.

Литература

- Couvreur 1947 — *Couvreur W.* Hoofdzaken van de Tocharse Klank-en Vormleer (Katholieke Universiteit te Leuven, Philologische Studien, Teksten en Verhandelingen, IIe Reeks; Deel 4). Leuven: Beheer van Philologische Studiën, 1947.
- Lévi 1916 — *Lévi S.* Xuchean fragments (of Pratimoksa, Prayaseittika, and Pratidesaniya) // *A. F. R. Hoernle.* Manuscript Remains of Buddhist Literature found in Eastern Turkestan I. Oxford, 1916. P. 357—376.
- Lüders 1940 — *Lüders H.* Zur Geschichte des Ostasiatischen Tierkreises // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1933. S. 998—1022 (также: *Philologica Indica.* Göttingen, 1940. S. 727—751).
- Schulze, Sieg, Siegling 1931 — *Schulze W., Sieg E., Siegling E.* Tocharische Grammatik. Göttingen, 1931.
- Sieg 1938 — *Sieg E.* Die Kutschischen Harmavibhanga-Texte der Bibliothèque Nationale in Paris (zu Prof. Sylvain Lévi's Ausgabe und Übersetzung) // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen.* Bd 65. 1938. S. 1—54.
- Sieg, Siegling 1921 — *Sieg E., Siegling W.* Tocharische Sprachreste. Bd I. Die Texte, A. Transkription. Berlin; Leipzig, 1921 (тохарские А тексты цитируются по этому изданию).

Sieg, Siegling 1949—1950 — *Sieg E., Siegling W.* Tocharische Sprachreste, Sprache B. Heft 1; Die Udānānkara-Fragmente, Text, Übersetzung und Glossar; Heft 2, Fragmente NH-633. Göttingen, 1949—1950.

Winter 1955 — *Winter W.* Some aspects of «Tocharian» Drama: Form and technique // Journal of the American Oriental Society. V. 75. № 1. 1955. P. 26—35.

1989

ТИБЕТСКИЕ КАЛЬКИ В ТОХАРСКИХ ТЕКСТАХ*

1. Проблема тибето-тохарского языкового контакта

Влияние тибетского языка на тохарские было впервые предположено Э. Херманом¹ в связи с тем, что в тохарском А имеются две серии форм личного местоимения 1-го лица единственного числа, различающиеся по роду. Формы мужского рода (именительный-косвенный падеж *ñäṣ*, родительный падеж *ñi*, перлатив *nṣā*, дательный падеж *nṣac*, аблатив *ñšäṣ*, локатив *nṣam*) по основе, предшествующей окончаниям, отличаются от соответствующих форм женского рода (*ñuk*, *nāñi*, *ñkā*, *ñ^ukac*, *ñ^ukäṣ*, *ñ^ukaṃ*). Противопоставление форм женского и мужского рода в личном местоимении 1-го лица единственного числа не встречается в других индоевропейских языках², и поэтому появление этого противопоставления в тохарском естественно объяснить влиянием какого-либо неиндоевропейского языка. Таким языком мог быть древнетибетский, в котором имеются две основы личного местоимения 1-го лица единственного числа: основа мужского рода *kho. wo.* и основа женского рода *kho. mo.*

* Издано в: Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. Изд. Восточной лит. (сб. памяти Ю. Н. Рёриха). 1961.

¹ E. Hermann. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen (сокращенно KZ). Bd 50. S. 309.

² Различение мужского и женского рода в древнеиндийских формах личного местоимения 2-го лица множественного числа ограничено винительным падежом (м. р. *yusmān*, ж. р. *yusñāh*) и проводится во множественном числе (а не в единственном, как в тохарском А). Поэтому в этих формах можно видеть лишь отдаленную аналогию приведенным выше тохарским, ср.: Тохарские языки. М., 1959. С. 154. Возможно, что и в древнеиндийском языке в данном случае могло отразиться влияние какого-либо неиндоевропейского языка.

Общие соображения культурно-исторического характера делают гипотезу о тибетском влиянии на тохарский весьма вероятной. Поэтому заслуживают внимания и те доводы, которые были приведены в пользу этой гипотезы Э. Сэпиром³. В частности, сходство синтаксических функций тибетских и тохарских именных форм, совпадающих по своей структуре, делает правдоподобной гипотезу Сэпира о том, что тибетское воздействие могло сказаться в употреблении тохарских абсолютивов, хотя типологические параллели этому синтаксическому явлению могут быть приведены и из древних индоевропейских языков (ср. использование отглагольных имен в функции придаточных предложений в ведийском и древнеирландском)⁴.

Сопоставление тохарского *A oñkalām* (кучанское⁵ *oñkolmo*) ‘слон’ с тибетским *glan* ‘слон’, ‘бык’⁶, которое Сэпир проводил с точки зрения внутренней структуры этих слов, быть может, следовало бы осуществить в ином плане. Как указывал в своих лекциях по тибетскому языку Ю. Н. Рёрих, тангутская форма [γǎлаң]⁷ и другие диалектные формы тибетского названия быка, слона (типа [γлаң]) свидетельствуют о двусложности этого слова в древнетибетском, ср. восстановление двусложной нормы в современном разговорном [лаң. ко] (как справедливо замечал Ю. Н. Рёрих, соблюдение двусложной нормы благодаря присоединению второй морфемы сопоставимо с аналогичными явлениями в современном китайском языке). Двусложное тибетское [γǎлаң] не только по значению, но и по звучанию может быть сопоставлено с тохарским *A oñkalām*, если предположить, что это тохарское слово содержит два элемента, второй из которых (*-kalām*) по происхождению

³ E. Sapir. Tibetan influence on Tocharian // *Language*. V. 12. 1936. № 4. P. 259—271 (см. также: E. Sapir. Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality / Ed. by D. Q. Mandelbaum. Berkley; Los Angeles, 1961. P. 273—284).

⁴ В. В. Иванов. Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков // *Тохарские языки*. С. 33.

⁵ Для обозначения «тохарского В» в данной статье используется термин «кучанский» (см.: В. В. Иванов. К определению названия «тохарского В» языка // *Проблемы востоковедения*. 1969. № 5).

⁶ Сопоставление со славянским названием слона, недавно предложенное Р. О. Якобсоном (см.: R. Jakobson. Marginalia to Vasmer's dictionary // *International journal of Slavic linguistics and poetics*. V. 1/II. 1959. P. 271), возможно лишь при допущении развития начального заднеязычного в свистящий.

⁷ Квадратными скобками вводится фонетическая транскрипция современных тибетских слов, которая дается по системе, принятой Ю. Н. Рёрихом. Ср.: Ю. Н. Рёрих. Тибетский язык. М., 1961 (о диалектном произношении названия быка см.: Там же. С. 42). О двусложной норме имени в современном тибетском ср.: Там же. С. 42; R. K. Sprigg. The tonal system of Tibetan (Lhasa dialect) and the nominal phrase // *BSOAS*. 1955. V. XVII. Pt. I. P. 133—153.

тождествен тибетскому названию слона. Однако в этом случае остается загадочным первый элемент тохарского слова.

Наиболее плодотворной мыслью, высказанной в статье Сэпира, была гипотеза о том, что ряд тохарских сложных слов является кальками соответствующих тибетских слов, чем объясняется совпадение их внутренней структуры. Это предположение согласуется с тем, что многие тохарские буддийские тексты являются, по-видимому, переводами с тибетского (этим, в частности, объяснилось бы и сходство в синтаксических явлениях, подобных употреблению абсолютивов в тохарском). Из этого не следует, что тибетско-тохарский языковой контакт осуществлялся только посредством письменных каналов передачи информации. Не исключено, что сходство фонологических систем тохарских и тибетского языков (в частности, наличие одинаковых противопоставлений согласных фонем по твердости — мягкости типа $n : \acute{n}$, ср. также палатализацию типа $m > m\acute{y}$ ⁸) объясняется вхождением их в один языковой союз. Но доказательство наличия фонологических связей между этими языками представляет собой значительно более сложную задачу ввиду отсутствия непосредственных свидетельств, говорящих об устном контакте носителей тохарских и тибетского языков. По отношению к лексическим связям, обусловленным переводным характером тохарской буддийской литературы, дело обстоит иначе, так как письменные каналы коммуникации между носителями тибетского и тохарских языков оказываются зафиксированными в виде буддийских текстов на этих языках. Некоторые из таких лексических связей рассматриваются далее.

2. Эпитет Будды в тохарском А

Ряд имен и прозваний Будды в тохарском А (как и в кучанском) заимствован из санскрита: ср., например, *Buddha* (ср. параллельную основу *putt-* в тождественных сочетаниях *Buddhiśparāṃ* ‘величие [достоинство] Будды’, *puttiśparāṃ*), *ārānt* ‘достойный’ = ‘Будда’ (кучанское *ar(a)hānte*; из санскритского *arhant*) и т. п. В некоторых случаях к имени Будды, заимствованному из санскрита, присоединяется собственно тохарское слово: так образовалось тохарское А *Ptāñkät* (*Pättañkat*), кучанское *pudñäkte*. Тохарское слово, выступающее во второй половине этого тохарского имени Будды, является древ-

⁸ См. об этом явлении в древних тибетских диалектах и в тохарском: выступление В. В. Иванова по докладу Дж. С. Лэйна о тохарских языках // *Proceedings of the Eight International Congress of linguists. Oslo, 1958*, а также: В. В. Иванов. Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков. С. 10—11.

ним тохарским названием бога (тохарское *A ñkät, ñäkt* — 'бог', кучанское *ñakte*). Можно думать, что это последнее слово восходит к исконному слову, унаследованному от эпохи диалектной общности, в которую входил не только общетохарский, но и другие индоевропейские диалекты. Давно уже предложенное сопоставление этого тохарского слова с греческим (*w*)*άναξ* 'царь'⁹ находит новое подтверждение в данных древнейших греческих микенских текстов линейного письма В. В этих текстах, в частности в так называемых «табличках оливкового масла», термин *wa-na-ke-te* употребляется в качестве имени бога¹⁰ (а не в значении «царь», характерном для (*w*)*άναξ* в позднейших греческих текстах). Этим подкрепляется сопоставление греческого слова с тохарским, хотя исчезновение начального *w* в тохарском нельзя считать закономерным¹¹.

Если в слове *Ptāñkät* к первому компоненту, который восходит к санскритскому *Buddha*, присоединен второй — собственно тохарский, то в тохарском *A prattikapättāñkät* (перевод санскритского *pratyekabuddha*) к первому иноязычному компоненту (ср. санскритское *Pratyeka-*) присоединен второй, представляющий собой гибрид санскритского имени Будды с тохарским названием бога. Обозначив собственно тохарские элементы символом T, а иноязычные элементами символом S, можно представить слово *Ptāñkät* в виде формулы ST, а *prattikapättāñkät* в виде формулы S (ST). Такие гибридные санскритско-тохарские образования можно сопоставить с другими буддийскими гибридными языковыми формами, характерными для центральноазиатского буддийского языкового союза (ср. в особенности характерные колофоны древнетюркских буддийских сочинений, написанных на гибридном языке, в котором древнетюркские слова перемежаются с гораздо более многочисленными санскритскими собственными именами и терминами).

От обычных центральноазиатских буддийских текстов, в которых санскритские слова и формы составляют значительную часть всех слов (и часто оттесняют на второй план слова того языка, на котором написан данный текст), существенно отличаются тибетские сочинения, где не только санскритские термины, но и санскритские собственные имена переводятся, а не включаются в тибетский текст (в этом смысле положение тибетского языка

⁹ H. Pedersen. Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachverglei-
chung. Kopenhagen, 1941. S. 31, 44.

¹⁰ E. Bennet. The Olive oil tablets of Pilos // Supplem. «Minos». № 2. Salamanca,
1958. P. 27. О термине *wa-na-ke-te* в качестве имени бога см. также: M. Lejeune.
Mémoires de philologie mycénienne. Paris, 1958. P. 342, п. 33; N. van Brock. Notes mycé-
niennes // Revue de philologie. T. 34. Fasc. 2. 1960. P. 230—231.

¹¹ Ср. о судьбе начального *w*- в тохарском: V. Pisani. Thrakisches // KZ. Bd. 75.
1—2. 1957. S. 78, 79.

среди санскритизованных языков буддийских литератур Центральной Азии сопоставимо с уникальным положением современного исландского языка, где в отличие от остальных европейских языков международные термины греческого и латинского происхождения регулярно переводятся, а не включаются в словарь в качестве заимствований). Специфическое отношение к санскритским собственным именам настолько отличает тибетский язык от других языков этой области, что калькирование санскритских собственных имен в каком-либо из этих языков заставляет в каждом из таких случаев предположить промежуточное влияние тибетского.

Именно такой случай обнаруживается при изучении тохарских эквивалентов санскритского имени Будды *Tathāgata*. Это имя, в санскрите состоящее из двух элементов (наречие *tathā* ‘так’, образованное от основы указательного местоимения посредством суффикса *-thā*, + причастие *gata-* ‘пришедший’), имеет два тохарских эквивалента, одинаковых по своей структуре и отличающихся только по форме первого элемента: *tām-ne-wāknā-kakmu*, *tāṣ-ne-wāknā-kakmu* (где причастие *kakmu* точно соответствует санскритскому *gata-*). Первые два элемента этих двух сочетаний представляют собой формы, образованные от основы указательного местоимения (*tām*, *tāṣ*), в комбинации с частицей *ne*. Эти комбинации (*tām-ne*, *tāṣ-ne*) в тохарском А функционировали в качестве целостных единиц со значением «так», «таким образом». Особенно существенно то, что *tām-ne* само по себе было эквивалентом санскритского *tathā*¹². Поэтому для точной передачи санскритского *tathāgata* не было необходимости в прибавлении слова *wāknā* ‘способом’ (перлатив от *wkām* ‘способ’), так как *tathā* достаточно точно передается тохарским А *tām-ne*. Остается предположить, что тохарский эпитет Будды переведен не непосредственно с санскрита, а с другого языка, где эквивалентом *tathāgata* было более чем двучленное сочетание, которое точно передано в тохарском. Поскольку сама идея перевода (а не фонетической передачи) санскритского эпитета Будды заставляет думать о тибетском посредничестве, естественно заключение, что непосредственным прототипом тохарского эпитета был тибетский эквивалент санскритского *Tathāgata*. Действительно, тибетским соответствием данного санскритского слова является эпитет *de-bzin-gśegs-pa*, весьма близкий по своей структуре к указанным тохарским эпитетам. Первый элемент тибетского сочетания (*de*) представляет собой указательное местоимение, которое в сочетании с морфемой *bzin* образует единицу со значением «так», «таким образом»¹³, тогда как *gśegs-pa* точно соответствует тохарскому *kakmu* и санскритскому *gata-*. Поэтому можно предположить, что оба тохар-

¹² P. Poucha. *Institutiones linguae tocharicae*, pars 1. Praha, 1955. P. 121, 122.

¹³ Ср.: H. A. Jäschke. *A Tibetan-English dictionary*. London, 1949. P. 256.

ских эквивалента изучаемого эпитета Будды возникли благодаря знакомству составителей тохарских текстов с тибетской передачей этого эпитета. Тибетский эквивалент санскритского *Tathāgata* подсказал как саму идею калькирования санскритского слова, так и количество и характер элементов, из которых состоит калька. Следует отметить, что тибетская и тохарская А кальки числом своих элементов отличаются не только от санскритского прототипа, но и от его иероглифического соответствия в китайских¹⁴ и японских буддийских текстах. Это соответствие ??? — состоит из двух частей: ??? (ср. *tathā*) и ??? (ср. *-gata-*).

3. Тохарское название восхода

Для тохарских языков (в отличие от большинства древних индоевропейских) характерно почти полное отсутствие сложных слов архаичных типов. Даже в тех немногих случаях, когда такие слова обнаруживаются, они могут оказаться кальками сложных слов неиндоевропейских языков, некогда взаимодействовавших с тохарскими¹⁵.

Примером может служить тохарское название солнечного восхода. Оно представлено в обоих тохарских языках сложными словами, которые (если не считать нормальных фонетических соответствий) совпадают во всем, кроме формы конечного суффикса второго компонента: кучанское *kaum-park-i*¹⁶ ‘при восходе солнца’, тохарское А *kom-pärk-ant*¹⁷ ‘восход солнца’. Первым компонентом обоих слов является основа со значением «солнца» (*kaum*, *kom*), вторым — отглагольное имя от *park-* ‘подниматься’. Более архаичный тип сложного слова, в котором основа определяющего имени принимает суффикс *-i-*, представлен в кучанском *kaum-park-i*. Тот же суффикс засвидетельствован в тождественной по происхождению авестийской основе *bərəzi-*, встречающейся в сложных словах, ср. замечание Мейе: «Когда первая часть сложения — прилагательное, то какой бы ни был суффикс прилагательного, он может заменяться через *-i-*, так, ⟨...⟩ ав. *bərəzi-čaxra* ‘высококолесный’ при *bərəzant-* ‘высокий’, ср. санскр. *bṛhánt-*, др.-ирл. *Brigit* (имя собственное, бук-

¹⁴ Ср.: *W. E. Soothill, L. Hodous. A Dictionary of Chinese Buddhist terms. London, 1937. P. 210; H. Hackmann, J. Nobel. Erklärendes Wörterbuch zum chinesischen Buddhismus. Lief. 5. Leiden, 1952. S. 289.*

¹⁵ См. сб.: Тохарские языки. С. 21, 80—81, 107. Ср. также указанную выше статью Сэпира.

¹⁶ *W. Krause. Westtocharische Grammatik. Bd. I. Das Verbum. Heidelberg, 1952. S. 49, 259.*

¹⁷ Ср.: *A. J. Windekens. Notes tokhariennes // ArOr. 18. 1—2. P. 520, п. 1.*

вально ‘высокая’)»¹⁸. Основа на *-nt*, по происхождению тождественная авест. *bərəzant-*, санскритск. *bṛhánt-* и древнеирландскому *Brigit*, представлена в тохарском А *pärkant*. То, что в тохарском А *kom-pärkant* определяющая основа на *-nt* не заменена основой на *-i*, показывает, что принцип, сформулированный Мейе, уже не действовал в тохарском А, хотя его следы и обнаруживаются в соответствующем кучанском слове.

В отличие от характерных для большинства древних индоевропейских языков сложных слов типа авестийского *bərəzi-čaxra* оба тохарских сложных слова обладают той особенностью, что в них определяющее имя следует за определяемым, а не предшествует ему. Этот тип образования сложных слов находит точное соответствие в хеттском языке. Сохранившееся в архаичных текстах оракулов хеттское название священной птицы *pattar-palḫi-* (букв. ‘крылоширокая’) построено точно по такому же типу из индоевропейских составных частей. Первый компонент этого слова *pattar* ‘крыло’ родствен армянскому *t’ir* (из *pter*), немецкому *Feder*, староваллийскому *eterin*, мн. ч. *atar*, нововаллийскому *aderyn*, мн. ч. *adar*, старокорнуэльскому *hethen*, староваллийскому *etn* и т. п. Для сопоставления с хеттским названием птицы, используемой при гаданиях¹⁹, особенно показателен древнебретонский отыменной глагол *etn-coil-ha-am* ‘гадаю’ (ср. древнебретонское *coel*; в глоссах *haruspicem*). Второй компонент хеттского *pattar-palḫi-* замечателен тем, что эта основа прилагательного, имеющего индоевропейскую этимологию (ср. латинское *plānus* ‘плоский’), представлена формой на *-i-*, как и кучанское *park-i* в *kaum-park-i*²⁰. Сложные слова, в которых основа существительного предшествует основе прилагательного, не являются исключительной особенностью тохарских и хеттского языков: параллели были указаны Зоммером в кельтских и некоторых других индоевропейских языках²¹.

Таким образом, по типу образования и по оформлению второго компонента, а также по его этимологии тохарские названия солнечного восхода можно считать индоевропейскими. Однако образование этих сложных слов нельзя отнести к периоду, достаточно далеко отстоящему от эпохи создания

¹⁸ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: Л., 1936. С. 297—298.

¹⁹ Тексты, где встречается это слово, указаны в статье: J. Friedrich. Die hethitischen Bruchstücke des Gilgames-Epos // ZAS. Bd 5. S. 36. Anm. 2.

²⁰ Ср.: В. В. Иванов. Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков. С. 21; Он же. Хеттское словообразование в сравнительно-историческом освещении (доклад на 25 Международном конгрессе востоковедов). М., 1960.

²¹ F. Sommer. Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 56. Тохарские факты в данной связи Зоммаром не привлекались.

письменных текстов: различие в оформлении второго компонента показывает, что эти слова возникли не в общетохарском, а в каждом из двух языков порознь. Вместе с тем их структура является очень сходной. В обоих языках первым компонентом является название солнца, а вторым — определяющее имя, образованное от глагола *park-* ‘подниматься, восходить (о солнце)’, кучанское *park-i-* принадлежит к классу отглагольных имен на *-i-*, тохарское А *pärk-ant* — к числу индоевропейских отглагольных имен на *-nt-*.

Можно предположить, что по своей семантической структуре оба эти слова восходят к одному общему источнику — к тибетскому названию восхода солнца. Тибетское *nyi. śar* ‘восход солнца’ образовано путем соединения названия солнца *nyi* с морфемой *śar*, по происхождению связанной с глаголом *c’ar.ba* ‘появляться’, ‘подниматься’ (ср. перфектную основу *śar.ba* от этого глагола)²². Сходство строения тибетского *nyi. śar.* со структурой указанных тохарских слов разительно. Особенно же показательно то, что второй компонент тибетского слова связан с глаголом, который семантически соответствует тохарскому *park-*. Это делает вероятным предположение, что в обоих тохарских языках мы в данном случае имеем дело с тибетскими кальками. Эти кальки в особенности интересны тем, что при их создании были использованы древние индоевропейские модели словосложения, еще сохранившиеся в тохарских языках.

1961

Постскрипtum

Часть обсуждаемых параллелей скорее всего является чисто типологической, т. к. хронологически наличие подобных контактов пока не подтверждено филологическим сравнением текстов.

²² См.: *H. A. Jasohke. A Tibetan-English dictionary.* P. 107, 557, 168; ср. также: *Idem. Dictionnaire thibétain — latin — français par les missionnaires catholiques du Thibet.* Nonckong, 1899. P. 372. См. также о сочетании *nyi. ma. śar. ba* ‘восход солнца’ в словаре: *S. C. Das. A Tibetan-English Dictionary.* Calcutta, 1902. P. 480; о *nyi. śar. ba* в словаре: *Dge-bśes-čhos-ki-grags-pa. Brda-dag-ming-tsig-gsal-ba-bzugs-so.* Пекин, 1957. С. 309.

К ПРОБЛЕМЕ ТОХАРО-АЛТАЙСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ*

Вопрос о вероятных алтайско-тохарских лексических связях был поставлен достаточно давно [1]. Но его решению препятствовала прежде всего недостаточная разработанность хронологии развития взаимодействовавших языков — как алтайских, так и тохарского.

Рассмотрим суммированные в специальной статье венгерского алтаиста А. Рона-Таша [2] возможные тюрко-тохарские параллели:

Пратюрк. **altun* ‘золото’ предполагается сравнить с тох. В *eñciwo* ‘железо’, *eñcwañne* ‘железный’, тох. А *añcwaši* ‘железный’ (предполагается значение «металл», ср. также осет. *aendon* ‘сталь’). Можно думать, что речь идет о субстратном центральноазиатском названии выплавляемого металла, ср. хорезм. *hñw* ‘сталь’ [3] со значением, близким к осетинскому.

Со стороны семантики, а также и формы конца слова наиболее близкое соответствие тюркское слово находит в чжурчжэньском *‘an-č’un* ‘золото’ [4], которое представляет значительный интерес в силу данных о металлургии золота у чжурчжэней [5, 6].

Пратюрк. **bē#š* ‘пять’ выводится из тох. В *piš* < **pēs* ‘пять’, тох. А *pāñ* ‘пять’, и.-е. **penk^ve*. Сильная сторона этой тохарской этимологии числительного «пять» в пратюркском заключается в том, что внутри алтайских языков это числительное не получает объяснения [7].

Пратюрк. **biš-* ‘пахтать масло’ сопоставляется с тох. В *peške* ‘масло’ (семантически соответствует скр. *Sarpis-*). Но само тохарское слово, скорее всего, сближается с перс. *māskā* ‘масло’ [8] и является поэтому миграционным

* Вопросы языкознания. М., 1988. Из докладов, прочитанных на XXIX сессии ПИАК.

культурным термином. Тем не менее фонетически тюркская форма ближе к тохарской, чем к иранской.

Пратюрк. **bil-* ‘знать’ сопоставляется с тох. А, В *pälsk-* ‘думать’, представляющим собой старую общетохарскую форму каузатива с суффиксом индоевропейского происхождения **-sk̂-* (случай, где этот суффикс еще в доисторическое время соединился с корнем, в тохарском не является единичным, ср. тох. В *pa-sk-* : лат. *pā-sc-ō* и т. п.). В тохарском А часть форм этого глагола образуется от основы *pält-*. Согласно обычно принимаемой в тохароведении точке зрения, этот общетохарский глагол, как и, вероятно, ему родственный тох. А, В *pälk-* ‘видеть’ и тох. А, В *pälk-* ‘блистать’, может быть соотнесен с и.-е. **bhel-* ‘сиять’. Но независимо от этих дальнейших объяснений тохарского глагола сближение с тюркским с семантической стороны хорошо обосновано. При принятии этой этимологии следовало бы думать, что слово было заимствовано в тюркский еще до слияния суфф. **sk̂-* с корнем в тохарском.

Пратюрк. **čäk-* ‘тащить, тянуть’ сближается с тох. А *tsäk-, tsak-, śak-*, тох. В *tsāk-* ‘тащить, тянуть, вытаскивать’. Как дальнейшие этимологические объяснения тохарского глагола, так и возможность его сопоставления с пратюркским зависят от весьма спорной проблемы объяснения начального тохарского согласного, который восходит к одному из палатализованных древних пратохарских дентальных.

Пратюрк. **küñ, quñ* ‘день, солнце’ давно уже было сопоставлено с тох. А *kom*, В *kaum* ‘день, солнце’ [9]. Совпадают и детали употребления этих слов (в частности, в мифологических и других специальных контекстах в сочетаниях типа «Солнце-бог» и т. п.). Хотя предполагаемое В. Винтером заимствование из тохарского в пратюркский кажется более вероятным, чем допускаемое А. Виндекенсом обратное направление воздействия, тем не менее вопрос не решен окончательно: во всяком случае, этот тип названия «дня, солнца» (от предполагаемого и.-е. **keu-*) в индоевропейских диалектах явился бы исключительным и сам требовал бы объяснения если не заимствованием, то каким-то существенным изменением мифологических представлений.

Пратюрк. **ōt* ‘трава’ еще проницательным Педерсеном [10] было сближено с тох. А *āti*, тох. В *atīyai* ‘трава’. В данном случае решение о направлении заимствования из тюркского в тохарский (а не наоборот, как полагал Рона-Таш) может считаться установленным, во-первых, потому что в тохарском при предположении древности слова следовало бы ждать палатализации дентального согласного, во-вторых, потому что сопоставимые с тохарским индоевропейские ботанические термины соотносятся с культурными, а не дикорастущими растениями. Семантика этого тюркского заимствования в тохарский может представить интерес для реконструкции той экологической сферы лексики, где вероятны были заимствования в этом именно направле-

нии (в тохарский из тюркского при большем числе слов, заимствованных в обратном направлении).

Пратюрк. *qarši* ‘дворец’ в качестве культурного термина может быть сопоставлено с тох. В *kerçiye*, но происхождение самого этого тохарского слова остается загадочным: фонетически возможны сближения с индоевропейскими названиями «крепости, огороженного места», но они не являются единственным возможным объяснением.

Пратюрк. **iām* ‘стена’ сопоставляется с тох. А *štām*, тох. В *stām* ‘дерево’, которое представляет собой диалектную специализацию значения древнего индоевропейского отглагольного имени, произведенного от корня «стоять». Принятие этого сближения могло бы иметь интересные следствия для изучения древнейших связей пратюрков и пратохар в сфере строительства.

Пратюрк. **iō#r(e)* ‘переднее почетное место (напротив двери)’ объясняется как обычная при заимствовании специальной лексики специализация значения. Исходное значение сохранено в тох. В *twere* ‘дверь’, и.-е. **dhworos* (тохарское слово в формальном плане ближе всего к таким основам мужского рода в диалектах типа славянского, как русск. *двор*, ср. также основы среднего рода на тематический гласный типа лат. *forum*). Данное заимствование из тохарского в тюркский, представляющееся весьма вероятным, предполагает достаточно интенсивные связи в обрядово-социальной сфере.

Сопоставление пратюрк. **tīmen* ‘десять тысяч’ и тох. А *tmām*, тох. В *tmāne*, *tumane* ‘десять тысяч’, давно уже вошедшее и в справочные издания (например, в связи с объяснением русск. *тьма* [12] и т. п.), тем не менее все еще нуждается в систематическом изучении всех связанных друг с другом форм — от иранских (в которых обычно ищут непосредственный источник тохарских) до восточноазиатских [13], где тохарский мог послужить передаточным звеном.

Особого внимания заслуживает проблема тохарско-корейских параллелей. К важнейшим из них относятся: кор. *pxul* ‘год’ : тох. А *pikul*, тох. В *pukal*, *pkul* ‘год’; кор. *maim* ‘чувство’ : тох. В *maim* ‘чувство’.

Несколько фонетически и семантически вероятных пратюркско-тохарских сближений касается форм с начальным *у-:

Пратюрк. *yat* ‘путь’ сопоставляется с тох. А *yom* ‘след’ (что же касается тох. В *yoīiya* ‘дорога’, в нем., как и в тох. А *yoīi*, видят прямое заимствование из скр. *yōni-*). Суффиксы, однако, здесь могут и не совпадать точно, хотя вероятность связи пратюркского слова с тохарским отражением индоевропейской основы со значением «идти» весьма велика.

Пратюрк. **yap-* ‘делать’ бесспорно заимствовано из тох. А *yp-* ‘делать’, производное с характерным тохарским лабиальным аффиксом от общей для тохарского и анатолийского глагольной основы со значением «делать»: тох. А *ya-*, тох. В *yam-* ‘делать’, ср. лув. *aya-*, хет. *iya-* ‘делать’.

Кроме форм этого типа, ранее указанных Рона-Ташем и другими исследователями, кажется возможным указать и на разительное соответствие др.-тюрк. *yaŋluq, yaŋuq, yalaŋuq, yalīnuq* ‘человек’ [14] и тох. А *oŋk*, тох. В *eŋkwe* ‘человек’. Соотношения в анлауте сопоставимы с др.-тюрк. *yaŋa (n), yaŋan* ‘слон’: тох. А *oŋkalam, oŋkolmo* ‘слон’. В последнем случае вероятно происхождение из субстратного австроазиатского слова, ср. др.-кит. *ya < *ng(r)a* ‘бивень слона’, протомыонгск. **ngo'la* ‘бивень слона’, вьетнам. *ngà* ‘слоновая кость’ [15]. Подобные случаи, где удается в деталях восстановить пути заимствований через промежуточные звенья, делают вероятным допущение, что и некоторые другие из не вполне проясненных тохаро-тюркских (и других тохаро-алтайских, в том числе тохаро-корейских) сближений могут объясняться достаточно сложными миграциями слов и субстратными отношениями.

Литература

1. *Ramstedt G.* The relation of the Altaic languages to other language groups // JSFOu. 1946—1947. LIII.
2. *Róna-Tas A.* Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen // Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker. Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients V. Protokollband der XII. Tagung der PIAG 1969 in Berlin / Hrsg. von Hazai G. und Zieme P. Berlin, 1974.
3. *Schwartz M. S.* Irano-Tocharica // Memorial J. de Menasce. Louvain, 1974. P. 409.
4. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. Л., 1975.
5. *Леньков В. Д.* Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке. Новосибирск, 1974.
6. *Иванов Вяч. Вс.* История славянских и балканских названий металлов. М., 1983. С. 48—49.
7. *Hamp E.* On the Altaic numerals // Studies in general and Oriental linguistics, presented to S. Hattori on the occasion of his sixtieth birthday / Ed. by Jakobson R., Kawamoto S. Tokyo, 1970.
8. *Van Windekens A. J.* Le tokharien confronté avec les autres langues indoeuropéennes. V. 1. La phonétique et le vocabulaire. Louvain, 1976. P. 637.
9. *Winter W.* Tocharians and Turks // Aspects of Altaic civilisation (UAS 23). Bloomington, 1963.
10. *Pedersen H.* Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung. Köbenhavn, 1941. S. 64. Anm.
11. *Isabaert L.* Notes de la lexicologie tokharienne. III // Orbis, 1978. T. XXVII.
12. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1973. С. 134.
13. *Ramstedt G.* Paralipomena of Korean etymology. Helsinki, 1982.
14. Древнетюркский словарь. Л., 1969.

-
15. *Norman J., Tzu-lin Mei.* The Austroasiatics in ancient South China. Some lexical evidence // *Monumenta Serica.* 1978. Vol. XXXII.

1988

Постскрипtum

Содержавшееся в первоначальном тексте рассуждение об этимологии тохарского прилагательного 'левый' опущено здесь из-за спорности интерпретации слова в тохарском.

**РЕЦЕНЗИЯ НА: A. VAN WINDEKENS.
LE TOKHARIEN CONFRONTE AVEC
LES AUTRES LANGUES INDO-EUROPÉENNES.
V. 1. La phonétique et le vocabulaire**
(Travaux publiés par le Centre International
de Dialectologie générale de l'Université Catholique
Néerlandaise de Louvain, fasc. XI). Louvain, 1976*

Книга А. Ван Виндекенса будет встречена с удовлетворением всеми, кто следил на протяжении многих лет за публикациями бельгийского ученого, в значительном числе своих работ давшего новое освещение ряда проблем сравнительной фонетики и этимологии тохарских языков. В вышедшей первой части труда кратко суммируются основные выводы сравнительной фонетики (с. 9—135) и дается полный список слов с индоевропейскими этимологиями (с. 139—614), их группировка с точки зрения индоевропейской диалектологии (с. 614—619) и выборочный перечень слов, заимствованных из других азиатских языков (с. 620—646), преимущественно санскрита и среднеиранских.

Из отдельных фонетических законов, сформулированных Ван Виндекенсом, заслуживает особого внимания правило, по которому группы, где за **d* следует сонант, упрощаются благодаря исчезновению первого согласного элемента: тох. В *paṅyue* 'нога' (**podjo-*, с. 82) и т. п. В таком случае в тох. В *on(u)wāññe* 'бессмертный' за вычетом префикса *on-* (скорее всего, привативного) остается основа с начальным **dɰ-* (с. 336), что допускает сравнение не

* Издано в: Этимология 1977 (отдельный оттиск). АН СССР. Ин-т русского языка. М.: Наука, 1979.

только с др.-ирл. *duine* ‘человек’ (‘смертный’)¹, но и с хетт. *dandukki-* ‘смертный’, ‘человек’ (древняя редуцированная форма).

Словарь включает большинство наиболее достоверных этимологий тохарских слов. Несомненной заслугой словаря является то, что в нем можно найти целый ряд давно уже найденных, в том числе и автором словаря (но иногда не принимаемых во внимание в научной литературе), этимологий тохарских слов, напр. тох. А *ātāl* ‘мужчина’ (родственно др.-исл. *adal* ‘имение’, др.-в.-нем. *adal* ‘благородный’, что установлено еще в 1929 г. Зигом², с. 171), тох. А *kāntu*, В *kantwo* ‘язык’ (метатеза из и.-е. **d̥ḡʰuā*, открытая Бенвенистом и Пизани, с. 204) и т. п.

В тех случаях, где тохарские языки заменяют общеиндоевропейское имя существительное новообразованием от другого индоевропейского корня, могло бы представить интерес указание на подобные замены в других индоевропейских языках: к тох. А *klots*, В *klausto* ‘ухо’ (от **kleu-* ‘слышать’, с. 221) целесообразно привести в качестве семантической параллели хетт. *ištamana-* ‘ухо’ (от *ištam-aš-* ‘слышать’, корень, общий у хеттского с семитохамитским и картвельским). В связи с образованным от той же индоевропейской основы **kleu-* тох. А (*ñom*)*klyum* ‘славный (именем)’ (с. 223), В *ñem klāwis(s)u* (с. 218) имело бы смысл отметить явный параллелизм с греч. *ᾀνομα κλυτός* ‘знаменитый именем’, др.-инд. *śrutyam nāma*, позволяющий допустить и в тохарском след устойчивого фразеологизма, восходящего к общеиндоевропейскому³.

Тох. В *lesto* ‘гнездо’, во второй половине которого угадывается сложение с корнем **-st-* (с. 261), очевидно, трудно отделить от других индоевропейских форм, возводимых к **ni-sd-* (> *-zd*), в том числе и с такими преобразованиями анлаута, как в балто-славянском.

Для семантики родственных форм в других индоевропейских языках важны приводимые Ван Виндекенсом параллели к тох. В *pällent* ‘полнолуние’, сравниваемого с х.-сакс. *purra* ‘луна’, *purra* ‘полный’ (с. 357), ср. др.-рус. **и не доиде луны своєю полнения**, рус. *полнолуние* и т. п.

Отвергаемое Ван Виндекенсом (с. 310) объяснение тох. А *nas-*, В *nes-* ‘быть’ из сочетания и.-е. **es-* с начальным **n-*, намеченное еще Педерсеном, следует принять как соответствующее современным представлениям о струк-

¹ См.: о возможных этимологиях: *W. Meid. Zur Etymologie des Wortes für ‘Mensch’ im Irischen // Studies in Greek, Italic, and Indo-European linguistics offered to L. R. Palmer. Innsbruck, 1976. S. 173—179.*

² Ср. попытку сохранения этой этимологии и при принятии связей с приставкой (*at-*) и корнем *al-* ‘расти’: *O. Szemerényi. The etymology of German Adel // Word. 1952. V. 8. № 1. P. 46* (в словаре Ван Виндекенса не учтено).

³ *R. Schmitt. Indogermanische Dichtersprache. Wiesbaden, 1967. S. 91.*

туре индоевропейских сочетаний с начальными элементами, вводящими предложение⁴.

На с. 563 в связи с проблемой возведения тох. *A wäs*, В *yasa* 'золото' к шумер. *guškin* 'золото'⁵ форма последнего слова дана неточно.

Специалисты по этимологии отдельных индоевропейских языков, в частности славянских и балтийских, найдут много полезного в приложенных к словарю списках соответствий между тохарским и каждой из подгрупп индоевропейских языков.

Список заимствований в тохарском отличается большей трезвостью, чем те публикации последних десятилетий (в том числе и принадлежащие перу автора словаря), где предполагалось очень существенное воздействие языков северной и восточной Евразии на тохарский. Более сдержанный подход в этой книге делает и заключительный ее раздел неоценимым подспорьем при исследовании тохарской этимологии.

1977

⁴ F. Bader. Viell-irlandais *no*, *no-* et les formes tokhariennes apparantées // *Études celtiques*. 1976. V. 14. № 2. P. 391—403; *Idem*. Le present du verbe «être» en indoeuropéen // *BSL*. 1976. T. LXXI. Fasc. 1. P. 29.

⁵ Ср.: В. В. Иванов. Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики // *Историко-филологический журнал*. Ереван, 1976, (75). С. 85; к приведенным здесь формам этого миграционного термина следует прибавить даг. **misid* 'золото': Б. К. Гигинейшвили. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977. С. 26, 119.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИМЕНИ КУХУЛИНА *

Внутренняя форма имени мифологического или эпического героя часто может быть объяснена ситуацией (или набором ситуаций), с которой прежде всего связывается этот герой. В таких случаях это имя может рассматриваться как минимальный текст, являющийся переводом соответствующей ситуации¹. Эта ситуация может быть полностью (или почти полностью) восстановлена благодаря анализу более обширных мифологических и эпических текстов, в которых употребляется соответствующее имя (это последнее можно рассматривать как минимальный текст, включенный в состав более пространственных текстов, соотносящихся с той же ситуацией). Если в родственной языковой и мифологической традиции сохраняется имя, по внутренней форме совпадающее с исследуемым именем, то и для этой второй традиции можно реконструировать соответствующую ситуацию, хотя она в этой второй традиции отражена лишь в имени — минимальном тексте, но не в более обширных текстах. Следовательно, сравнение имен — минимальных текстов — и более обширных текстов, включающих эти имена, оказывается средством для сравнения и реконструкции ситуаций, с ними соотносимых. Такие выводы, в частности, можно сделать при сравнении имени Кухулина и связанных с ним ирландских преданий, с одной стороны, и соответствующих элементов других индоевропейских языковых и мифологических систем — с другой.

* Издано в: Проблемы сравнительной филологии: Сб. статей к 70-летию чл.-кор. АН СССР В. М. Жирмунского. М.; Л.: Наука, 1964.

¹ В. В. Иванов. Лингвистика как теория отношений между языковыми системами и ее современные практические приложения. Лингвистические исследования по машинному переводу. М., 1961. С. 8—9. О переводе между ситуацией и текстом см.: Х. И. Ульдалль. Основы глоссематики // Новое в лингвистике. М., 1960. С. 428—431.

Имя Кухулина объясняется в рассказе о подвигах, совершенных им в детстве². Мальчик, носящий неирландское имя Сетанта (*Setanta*)³, убил напавшего на него страшного пса, принадлежащего кузнецу Кулану, после чего, согласно одному из вариантов саги, он сам предложил Кулану возмещение: до тех пор, пока Сетанта не воспитает пса, который мог бы заменить убитого пса Кулана, Сетанта сам будет «боевым псом» (*árchú*)⁴ Кулана. Присутствующий друид замечает, что в таком случае Сетанте отныне нужно зваться «собакой Кулана» — *Cuchulainn*; Сетанта с неохотой соглашается на это. Этот рассказ, где имя Кухулина впервые дается друидом, можно было бы сопоставить с рассказами о том, как благодаря чарам друидов люди превращаются в собак⁵. В сагах о Кухулине он часто именуется просто «псом».

В том, что Кухулин назван псом, многие исследователи давно уже обоснованно видели «след тотемизма»⁶. Тотемический характер этого имени особенно отчетливо проявляется в табуистическом запрете — гейсе, согласно которому Кухулин не может есть «мяса своего тезки», т. е. собачьего мяса⁷.

² *C. J. Guyonvarc'h. Les exploits d'enfance de Cuchulainn // Ogam. T. XI. F. 2—3. 1959. P. 211—215.*

³ Относительно происхождения этого имени, связываемого со словом *sét* 'дорога', см.: *C. J. Guyonvarc'h. Les exploits...* P. 215, note 31; *T. F. O'Rahilly. Early Irish history and mythology. Dublin, 1946. P. 295.* О возможности объяснения имени *Setanta* как бриттского ср.: *M. L. Sjoestedt-Jonval. Légendes épiques irlandaises et monnais gauloises // Etudes celtiques. Vol. I. F. 1. 1936. P. 54; A. Even. La conception de Cuchulainn // Ogam. 1952. № 23. P. 275, note 7.*

⁴ Относительно различия между *árchú* 'боевой пес' (валл. *aer-gi*) и *archú* 'сторожевой пес' ср.: *C. J. Guyonvarc'h. Les exploits...* P. 213, note 27; *J. Vendryes. Lexique étymologique de l'irlandais ancien. Paris, 1959. A—81, A—82.* В одном из описаний чудесного преображения Кухулина биение его сердца сравнивается с лаем «боевого пса» (*árchon*), ср.: *M. L. Sjoestedt-Jonval. Légendes épiques...* P. 10. Но образный стиль этих описаний заставляет думать скорее о случайности этого сравнения, которое не обязательно должно быть связано с тем, что Кухулин сам был «боевым псом» Кулана.

⁵ Ср. литературу, указанную в книге: *T. P. Cross. Motif-Index of Early Irish Literature. Bloomington, Indiana, 1952. P. 107; ср.: Ibid. P. 65, 106* (о превращении собаки и человека в собаку в кельтских преданиях).

⁶ *А. И. Веселовский. Историческая поэтика / Ред., вступит. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. Л., 1940. С. 525.*

⁷ О тотемическом характере этого гейса ср., например: Ирландские саги. Примечания к кн. А. А. Смирнова. М.; Л., 1933. С. 348 (примеч. 12); История западноевропейской литературы / Под ред. В. М. Жирмунского. М., 1947. С. 24; *M. Dillon. The archaism of Irish tradition (The Sir John Rhys memorial lecture). London, 1947. P. 8; M. Dillon. Early Irish literature. Chicago, 1948. P. XV; D. Greene. Early Irish Society // Early Irish society / Ed. by M. Dillon. Dublin, 1954. P. 89; T. P. Cross. Motif-Index of*

Кухулин нарушил этот запрет перед самой своей смертью, когда три старухи угостили его собачьим мясом и он не мог отказаться от угощения в силу другого гейса, по которому он не мог отклонить приглашения отведать пищу⁸. Отведав собачьего мяса, Кухулин утратил прежнюю силу: ослабела его левая рука, которой он ел собачье мясо, и потеряла крепость левая ляжка, под которую он клал его.

Вся сага о смерти Кухулина проникнута символами, связанными с мифом о собаке. Важнейшим из них, с точки зрения сравнительной мифологии, является символ трех псов, появляющийся в прозвании убийцы Кухулина — Лугайда. Лугайд и в саге о смерти Кухулина, и в ирландских летописях⁹ носит название *Mac Tri Con* ‘сын трех псов’. Ж. Вандриес, исследовавший единство тройных героев в кельтской литературе, отмечал, что, поскольку Лугайд «был сыном Ку Роя, можно думать, что Ку Рой, легенда о котором полна мифологических элементов, некогда обладал тройственной личностью»¹⁰. Первым элементом имени Ку Роя является ирландское название пса *cú*. Для доказательства гипотезы Вандриеса существенно то, что наряду с прозвищем *Mac Tri Con* ‘сын трех псов’ в древней ирландской литературе встречается и прозвище *Mac Con* ‘сын пса’; это последнее объясняется легендой, по которой человек, носящий это имя, был вскормлен собакой¹¹ (ирл. *cú*, род. п. *con* может обозначать и кобеля, и суку¹²).

В одном из вариантов саги о смерти Кухулина собака появляется перед самой смертью Кухулина в виде выдры, которая в ирландском, как и в других кельтских языках, называется «собакой воды» (ирл. *dobor-chu*, валл. *dyfr-gi*¹³).

Early Irish Literature. P. 88. Пользуюсь случаем принести благодарность проф. М. Диллоу за помощь, оказанную им в получении новых кельтологических изданий.

⁸ См.: Ирландские саги. С. 209; *W. Stokes. Cuchulainn's Death // Revue celtique. T. III. № 2. 1877. P. 176—177; H. d'Arbois de Jubainville. L'épopée celtique en Irlande. T. I. Paris, 1892. P. 335—336.*

⁹ Ср.: *Mors Conchulaind fortissimi herois Scottorum la Lugaid mac tri con* ‘Смерть Кухулина, мощнейшего героя ирландцев, от руки Лугайда, сына трех псов’ (*W. Stokes. The Annals of Tigernach // Revue celtique. T. XVI. № 4. 1895. P. 407.*)

¹⁰ *J. Vendryes. L'unité en trois personnes chez les celtes // Choix d'études linguistiques et celtiques. Paris, 1952. P. 237.*

¹¹ *M. Dillon. The cycles of the kings. London; New York, 1946. P. 16, note 3.* Относительно кельтского мотива человека, вскормленного собакой, ср.: *T. P. Cross. Motif-Index of Early Irish Literature. P. 498.*

¹² Употребление *cú* в качестве существительного мужского и женского родов является архаизмом, ср. об этом: *J. Vendryes. [Рец. на кн.] C. O'Rahilly. Eachtra Uilliam // Etudes celtiques. Vol. V. F. 2. 1950—1951. P. 450.*

¹³ Сходная внутренняя форма названия выдры обнаруживается и в баскском и грузинском языках; ср.: *N. Marr. Postface // Яфетический сборник. Т. III. М.; Л., 1925.*

Истекающий кровью Кухулин видит, что выдра пьет его кровь. Далее в рассказе слово *doborchú* ‘выдра’ заменяется словом *cú* ‘пес, собака’ (входящим в сложное слово *dobor-chú* в качестве его второго элемента): «⟨...⟩ и когда Кухулин увидел, что собака пьет кровь, текущую из тела, он нанес собаке такой удар, что она от него подохла»¹⁴. Таким образом, Кухулин перед самой смертью снова убивает пса (в виде «собаки воды» — выдры), как бы повторяя подвиг, совершенный им в детстве.

Последний раз мифологический символ собаки в саге о смерти Кухулина появляется в рассказе о мщении за Кухулина. У коня, принадлежащего Коналу и мстящего за Кухулина, была *ceud con* ‘голова пса’, и он грыз людей в сражениях (как боевые псы). В более поздней версии того же рассказа конь носит имя *Con-chenn* ‘песья голова’¹⁵; это же название встречается и в качестве имени человека в саге о посещении Кухулином того света («Болезнь Кухулина») ¹⁶. Древность мотива собачьей головы доказывается сравнением с галльскими собственными именами типа *Cuno-pennus* ‘собакоголовый’, ср. с *Cuno-barrus* с предполагаемым аналогичным значением¹⁷. Это представляет тем больший интерес, что в галльских отображениях коней с человеческими головами усматривали параллель с чудесной лошадей, мстящей за Кухулина¹⁸. Следует отметить также, что и хозяин этой лошади — мститель Конал

С. 168, ср. о параллели в латинском: *E. Schwentner. Irisch dobor-chú «Biber» // KZ. Bd. 76. Hf. 1/2. 1959. S. 77.* Следует отметить, что сага о смерти Кухулина свидетельствует о живом восприятии этой внутренней формы; о том же говорит и уменьшительная форма названия выдры *dobran*, образованная посредством суффикса *-an* от первого компонента *dobor* (*dobur* ‘вода’), ср.: *R. Thurneysen. A. Grammar of Old Irish. Dublin, 1946. P. 173.*

¹⁴ См.: *F. Le Roux. De la lance dangereuse, de la femme infidèle et du chien infernal // Ogam. T. X. F. 6. 1958. P. 406.*

¹⁵ *M. L. Sjoestedt-Jonval. Légendes épiques... P. 36.*

¹⁶ *C. J. Guyonvarc'h. La maladie de Cuhulainn et l'unique jalousie d'Emer // Ogam. T. X. F. 4—5. 1958. P. 298, note 60.* В указанной статье приводится ряд других параллелей к мотиву «собакоголовых» в кельтской литературе, но часть этих мест может объясняться позднейшими литературными (в частности, античными) влияниями. К мотиву песиглавцев в кельтской литературе ср.: *T. P. Cross. Motif-Index of Early Irish Literature. P. 54—55; ср.: Ibid. P. 55* (о случае, когда песьеголовый человек имеет лошадиную гриву, как конь Конала, мстящий за Кухулина). В связи с истолкованием имени Кухулина как тотемического пережитка следует отметить, что А. Н. Веселовский относил поверья о песиглавцах к числу «легендарных сюжетов из области тотемизма», см.: *А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. С. 522, 524.*

¹⁷ *K. H. Schmidt. Die Komposition in gallischen Personennamen // Zeitschrift für celtische Philologie. Bd. 26. Hf. 3/4. 1957. S. 186; ср.: Hf. 1/2. S. 55, 56.*

¹⁸ *M. L. Sjoestedt-Jonval. Legendes épiques... P. 37—38.*

носит общекельтское имя, древним первым компонентом которого было кельтское название собаки, пса: ирл. *Conall*, кимрск. *Cynwall*, галльск. *Cuno-vali*¹⁹.

Таким образом, уже саги о Кухулине позволяют установить роль древнего кельтского мифа о волшебном псе²⁰ в формировании этого цикла сказаний. Но особенно отчетливые результаты можно получить благодаря сравнению саг о Кухулине с сагой о смерти Кельтхара, которая лишь в самое недавнее время была подвергнута внимательному анализу²¹. В этой саге повествуется о том, как Кельтхар совершил подвиг, избавив уладов от пса, ежедневно совершавшего нападения на их жилища. Кельтхар варит состав, по-видимому обладающий магической силой; ветвь, пропитанная этим составом, приманивает пса, когда он возвращается в свое логово. Кельтхар, спрятавшийся в логове пса, с помощью этой ветви убивает пса и уносит с собой его голову. Как справедливо замечает автор последнего перевода этого предания, Кельтхар здесь выступает не только как воин, но и как волшебник²². Его подвиг сопоставим с тем подвигом, благодаря которому Кухулин получил свое имя, однако в саге о Кельтхаре отчетливо выступает архаичный мотив победы над чудовищем, которое наносило ущерб уладам. Но особенно замечательна последняя часть саги, где повествуется о чудесном появлении трех щенков, в которых, судя по контексту, можно видеть магическое перевоплощение героя Конганкнеса²³. Один из этих псов был отдан кузнецу Кулану, следовательно, убийство этого пса и дало потом имя Кухулину²⁴. Другого из трех волшебных псов отдал Кельтхару. Однажды, когда Кельтхара не было дома, его пес вырвался на волю. С тех пор он стал бедствием для уладов, на стада которых этот пес нападал. Снова (как и в рассказе о первом подвиге Кельтхара, убившем пса с помощью ветви) Конхобар обращается к Кельтхару с просьбой избавить его от этой беды. Кельтхар с сотней воинов отправляется в долину, где находился его пес. Он зовет пса три раза (что следует отметить ввиду роли числа 3 в сагах о Кухулине и Кельтхаре). Пес приходит и узнает хозяина, которому он лижет ноги. Кельтхар убивает пса и сам умирает оттого, что на

¹⁹ *K. H. Schmidt*. Die Komposition... S. 186, Fußnote 1. Об исчезновении *w* в форме *Conual* > *Conall* ср.: *R. Thurneysen*. A grammar of Old Irish. P. 19; *Г. Льюис, Х. Педерсен*. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. [Русск. пер.]. М., 1954. С. 37.

²⁰ Относительно волшебного пса в кельтской литературе ср.: *T. P. Cross*. Motif-Index of Early Irish Literature. P. 65.

²¹ *C. J. Guyonvarc'h*. La mort violente de Celtchar, fils d'Utchechar // *Ogam*. T. X. F. 6. 1958. P. 371—380; *F. Le Roux*. De la lance dangereuse...

²² *C. J. Guyonvarc'h*. La mort violente de Celtchar, fils d'Utchechar. P. 377, note 25.

²³ *Ibid.* P. 378, note 29. Ср. выше о мотиве оборотничества (превращения человека в собаку) у кельтов.

²⁴ *F. Le Roux*. De la Jance dangereuse... P. 383—384.

него падает капля крови собаки (ср. кровь Кухулина, которую пьет выдра в саге о смерти Кухулина). Снова, как и в сказаниях о Кухулине, смерть героя оказывается связанной со смертью пса (ср. выше о «собаке воды»).

Как уже отмечалось в литературе, Кухулин не появляется в этих повествованиях о сражениях Кельтхара с двумя волшебными псами²⁵. Сравнивая сагу о Кельтхаре с сагами о Кухулине, естественно высказать предположение, что речь идет о двух вариантах одного и того же мифа. Общим для обоих вариантов является мотив пса (чудовища, ежедневно убивающего уладов или их скот в саге о Кельтхаре), которого поражает герой, мотив собачьей головы (в саге о Кельтхаре герой уносит голову пса с собой) и мотив трех псов. С точки зрения структурного анализа, выделяющего в синтагматической последовательности эпизодов мифа повторяющиеся символы — парадигматические элементы мифологической знаковой системы, можно было бы считать, что последовательность появления этих элементов не является существенной. Часто появление новых однотипных символов (например, «собаки воды» в варианте саги о смерти Кухулина) объясняется избыточностью языка мифа, где один и тот же символ (собаки, убиваемой героем) кодируется несколькими последовательными эпизодами; точно так же один символ может кодироваться в виде нескольких действующих лиц. По отношению к мотиву трех псов сага о Кельтхаре подтверждает гипотезу о том, что три пса могут рассматриваться как одно мифологическое существо (ср. приведенное выше мнение Вандриеса). Поэтому все три перечисленных выше мотива, объединяемых общим дифференциальным признаком связи с мифом о псе, можно было бы соединить вместе, реконструировав миф о чудовище с тремя собачьими головами, которое было убито героем. Третьим отзвуком того же мифа (наряду с сагами о Кухулине и Кельтхаре) можно было бы считать рассказ о Ку Коингелте, получившем свое имя потому, что он убил чудовище на полуострове (*coingelt*)²⁶. Исходя из такой реконструкции кельтского мифа, можно было бы думать, что в именах Кухулина и Ку Коингелта безусловно древним является первый элемент (*cú* 'собака'), указывающий на чудовищного пса, убитого героем. Второй же элемент может быть либо именем хозяина пса (*Culann*), либо названием места, где произошел поединок героя с чудовищем (*coingelt*).

В саге о Кухулине древний миф выступает в преобразованном виде, так как убитый героем пес Кулана является не чудовищем, которое грозит всем уладам, а боевым псом, роль которого была в кельтском обществе весьма почетной²⁷. Как позволяет судить сага об изгнании сыновей Уснеха, псы

²⁵ C. J. Guyonvarc'h. La mort violente de Celtchar fils d'Uthechar. P. 378, note 29.

²⁶ M. Dillon. The cycles of the kings. P. 87, note 1.

²⁷ Ср. о роли псов у кельтов: F. Le Roux. De la lance dangereuse... P. 404, note 79.

занимали промежуточное положение между женщинами и слугами, т. е. упоминались в качестве третьего по значению социального слоя (после воинов и женщин)²⁸. Однако мотив пса в сагах о Кухулине нельзя непосредственно вывести из особенностей кельтского общества в историческую эпоху; эти последние помогают лишь понять причины трансформации древних мифологических мотивов (битвы с чудовищем о трех собачьих головах и оборотничества — превращения человека в собаку) в богатырской сказке о Кухулине²⁹.

Исследование кельтского эпоса и, в частности, саг о Кухулине давно уже позволило обнаружить отражение в нем общеиндоевропейских мотивов³⁰. Для сопоставления с изложенными выше данными особый интерес представляют результаты исследований Ж. Дюмезиля, сравнивавшего саги о Кухулине с мифами других индоевропейских народов. Анализируя подвиги Кухулина, Дюмезиль пришел к выводу, что в них в преображенном виде отразился индоевропейский миф о победе героя (бога) над чудовищем о трех головах³¹. Однако Дюмезиль совсем не исследовал тех (как представляется, чрезвычайно архаичных) мотивов в богатырской сказке о Кухулине, которые связаны с мифом о его имени. Поэтому выводы Дюмезиля основаны лишь на более поздних элементах этой сказки, где трехглавое чудовище предстает в виде трех противников, последовательно убиваемых Кухулином³². Привлечение всех проанализированных выше фактов, которых Дюмезиль вовсе не касается, дает блестящее подтверждение его гипотезы и позволяет внести в нее уточнение: в кельтском варианте индоевропейского мифа у чудовища было три песьих головы. Особенно замечательно то, что Дюмезиль на основании индоиранских фактов и типологического сопоставления их с мифами североамериканских индейцев предположил участие бога-ремесленника или

²⁸ См.: Ирландские саги. С. 66.

²⁹ Ср. аналогичные замечания применительно к славянскому и германскому эпосу: В. М. Жирмунский. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. Исследования по славянскому литературоведению и фольклору. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960; *Он же*. Германский героический эпос в трудах Андреаса Хойслера // А. Хойслер. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960. С. 43—44.

³⁰ G. Murphy. Saga and myth in ancient Ireland. Dublin, 1955. P. 44; J. De Vries. Le conte irlandais Aided Óenfir Aife et la thême dramatique du combat du père et du fils dans quelques traditions indo-européennes // Ogam. T. IX. F. 2. 1957. К. Уоткинс показал отражение в древнейших кельтских метрических текстах индоевропейских метров, см.: С. Watkins. Indo-European origins of a Celtic metre // Poetics. Warszawa, 1961; *Idem*. Indo-European metrics and archaic Irish Verse // Celtica. Vol. VI. P. 194—249.

³¹ G. Dumézil. Horace et les curiaces. Paris, 1942. P. 50—52, 103.

³² *Ibid.* P. 103.

кузнеца (подчеркнуто Дюмезилем)³³ в мифе о трехголовом чудовище, которого поражает герой (или бог). Эта гипотеза находит подтверждение в мотиве кузнеца Кулана, который, по предположению ряда кельтологов, может быть эквивалентом бога-кузнеца *Goibniu* (валл. *Govannon*, ср. ирл. *gobann* ‘кузнец’ из **gobenn*, *gobnecht* ‘кузнецкое дело’, галльск. *Gobanillo*, др.-брит. *Gobannio*)³⁴. Следует подчеркнуть, что само имя кузнеца, представленное в ирландском двумя разными словами (*Culann* и *Goibniu*), нельзя считать достаточно древним, но мотив кузнеца, участвующего в мифе о трехголовом чудовище, оказывается архаичным.

Дюмезиль полагал, что этот миф отразился и в римской мифологии, хотя в еще более преобразованном виде, чем в ирландской³⁵. В связи с этим следует отметить, что тотемический по происхождению запрет прикасаться к собаке или называть ее имя, сопоставимый с гейсом Кухулина, обнаруживается среди табу, наложенных на римского *Flamen Dialis*³⁶ — жреца Юпитера или *Dius Fidias* — бога права, заговоров и клятв, который частично заменил в этой функции Юпитера³⁷. В римских ритуалах обнаруживаются и другие следы культа собаки, в частности, коронавание собак на празднествах в честь Дианы³⁸, сопоставляемое Фрейзером с аналогичным обрядом у малоазиатских кельтов-галатов, который, по мнению Фрейзера, был вынесен с их общекельской прародины³⁹. Наконец, кельтский мотив человека, воспитанного собакой (*Mac Con* ‘сын собаки’), у самих кельтов чередуется с мотивом человека, воспитанного волчицей⁴⁰; некоторые кельтологи полагают даже, что *cú* ‘пес’ часто используется как обозначение волка⁴¹ (ср. в приведенных выше сагах использование этого слова как названия чудовища, убивающего

³³ Ibid. P. 132.

³⁴ R. Thurneysen. A grammar of Old Irish. P. 209. Относительно бога *Goibniu* ср.: G. Dumézil. Naissance de Rome. Paris, 1944. P. 25.

³⁵ G. Dumézil. Horace et les curiaces; ср. также о следах трехголового чудовища в римской мифологии: G. Dumézil. Jupiter, Mars, Quirinus, [p.] IV. Paris, 1948. P. 149.

³⁶ Отмечено уже в классических работах о табу: J. G. Frazer. Taboo and the perils of the soul. London, 1922. P. 13; S. Freud. Totem und Tabu // Gesammelte Werke. Bd. 9. London, 1948. P. 59.

³⁷ См. об этом боге: G. Dumézil. Les dieux indo-européens. Paris, 1952. P. 28.

³⁸ J. G. Frazer. The magic art and the evolution of kings. Vol. I. London, 1922. P. 14.

³⁹ Ibid. Т. II. 1922. P. 125—128 (ср. там же сравнение со сходным непальским праздничным обрядом почитания собак).

⁴⁰ T. P. Cross. Motif-Index of Early Irish Literature. P. 16, 498; ср.: Ibid. P. 5 — о боге в образе собаки (волка). Ср. также о связи между оборотнями-волками и оборотнями-собаками: W. Stokes. Mythological notes // Revue celtique. Т. II. 1873—1875. P. 203 (о глоссах к слову *conoel*, *conel*).

⁴¹ K. H. Schmidt. Die Komposition... S. 186 (со ссылкой на Покорного).

скот и людей и угрожающего уладам). Поэтому кельтский мотив «сына собаки» сопоставим с легендой о Ромуле и Реме.

Но наиболее отчетливые параллели кельтскому мифу о Кухулине можно обнаружить не у потомков италийских племен, а у иллирийцев, некогда входивших вместе с кельтами и италийцами в западноиндоевропейскую языковую общность (языковой союз близкородственных индоевропейских диалектов, называемых Краэ «древнеевропейскими»).

Иллирийское (или фракийское) имя бога *Καν-δάων*⁴² и другие связанные с ним иллирийские имена (*Can-davia* — название южноиллирийской горной области) может получить точное истолкование благодаря его сравнению с родственным лидийским именем бога *Καν-δαύλης*⁴³. Это последнее Гиппонакт объясняет как лидийское (меонийское) имя Гермеса — душителя собак: 'Ερμῆ κυνάρχα, Μηιονισται Κανδαύλα⁴⁴ 'Гермес — душитель псов, у лидийцев — Кандаулес'. Имя *Καν-δαύλης*, как было установлено еще в XIX в., состоит из сочетания индоевропейского названия собаки (*κav* — ср. кельтск. *con*, *cú*, греч. *κύων*, лат. *canis* и т. п.) с производным от корня со значением 'давить' (ср. русск. *давить* и производное со значением 'волк', в иллирийском *daunus*); следовательно, его внутренняя форма точно соответствует греческому переводу *κνάρχης*. Согласно глоссе Гесихия *Κανδαυλας*. 'Ερμῆς ἢ 'Ηρακλῆς⁴⁵, Кандаулас сопоставлялся не только с Гермесом, но и с Гераклом. Это обстоятельство, а также использование этого слова в качестве имени последнего лидийского царя из династии Гераклидов нашло истолкование еще в классической работе П. Кретчмера⁴⁶. Кретчмер указал, что имя «душителя псов» должно было первоначально принадлежать богу, который одержал победу над чудовищем, имевшим вид пса. Этот бог считался мифологическим родоначальником лидийской династии, которого греки отождествляли с Гераклом; поэтому вся династия, последний представитель которой носил почетный титул по имени ее родоначальника, получила наименование династии Гераклидов. Эта хорошо аргументированная гипотеза позволяет предложить сравнение внутренней формы лидийского и иллирийского имен богов с

⁴² H. Krahe. Die Sprache der Illyrier. Bd. I. Wiesbaden, 1955. S. 56 (с указанием литературы вопроса); E. Fraenkel. Baltische, slavische und iranische Beiträge // Münchener Beiträge zur Slavenkunde. Bd. IV («Festgabe für Paul Diels»). München, 1953. S. 115.

⁴³ Ср.: В. В. Иванов. Новая литература о диалектном членении общеиндоевропейского языка // Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 112; W. Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954. S. 75.

⁴⁴ Anthologia lyrica graeca. Fasc. 3 / Ed. E. Diehl. Lipsiae. 1954. P. 82.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ P. Kretschmer. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896. S. 389.

внутренней формой имени Кухулина. Так же как и Кухулин, которого давно уже сопоставляли с Гераклом⁴⁷, иллирийский и лидийский боги получили свои имена потому, что они одержали победу над чудовищем-псом. Сравнение с реконструированным выше кельтским мифом позволяет предположить, что это чудовище было о трех собачьих головах; понятно, что его победитель для греков был тождествен Гераклу, который привел из ада Кербера — чудовище с тремя собачьими головами, сторожившее вход в потусторонний мир⁴⁸ (ср. сторожевую роль пса Кулана, убитого Кухулином, и появление человека по имени *Conchenn* ‘песьеголовый’ в рассказе о путешествии Кухулина на тот свет). Сходство кельтского мифа с предполагаемым иллирийским и лидийским можно было бы рассматривать как типологическое, но этому препятствует, во-первых, генетическое тождество первых элементов сложного слова, выступающего в качестве имени бога, и, во-вторых, относительная редкость самого рассказа о поединке бога (или героя) с песьеголовым чудовищем⁴⁹. Поэтому более вероятным представляется предположение о том, что мы имеем дело с вариантами одного индоевропейского мифа о боге, первым элементом имени (или прозвания) которого было индоевропейское название собаки (второй элемент этого имени был преобразован, возможно под влиянием табу).

Для выяснения границ распространения этого мифа важно было бы выяснить точную языковую принадлежность лидийского имени *Καυδαίλης*. Кретчмер, исходивший из гипотезы о том, что лидийский язык был неиндоевропейским, рассматривал это имя как не собственно лидийское⁵⁰. Эта точка зрения по традиции сохраняется и теми учеными, которые уже не считают лидийский язык неиндоевропейским⁵¹. Однако в настоящее время это имя

⁴⁷ Ср.: *G. Dottin*. Les littératures celtique. Paris, 1924. P. 81.

⁴⁸ Относительно интерпретации Кербера как чудесного змея, над которым одерживает победу герой, ср.: *В. Я. Пропп*. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 245—246. Однако В. Я. Проппу остался неизвестен приводимый в настоящей работе материал, поэтому мотив собачьих голов в его работе ошибочно признается греческим нововведением.

⁴⁹ На основании труда С. Томпсона (*S. Thompson*. Motif-index of folk literature. Vol. 1—6. Bloomington, 1955—1958) можно сделать вывод, что мифы, связанные с собаками и песиглавами, в Старом Свете распространены лишь в некоторых областях (Ирландия, Эстония, Израиль, Индия); относительно очень распространенных мотивов волшебных псов у американских индейцев см.: *E. W. Voegelin*. Dog // Funk-Wagnalls standard dictionary of folklore, mythology and legend. Vol. I. New York, 1949. P. 319.

⁵⁰ *P. Kretschmer*. Einleitung in die Geschichte... S. 389.

⁵¹ См., например: *В. И. Георгиев*. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958. С. 117. Ср. там же о надписи, где упоминается фракийское

можно было бы рассматривать и как чисто лидийское, так как отражение индоевропейского палатального в этом слове можно объяснить особенностями фонологического развития анатолийских языков⁵², а суффикс *-l* в имени деятеля нашел бы параллель в хеттском суффиксе *nomina agentis -ala*⁵³, что представляет особый интерес ввиду наличия специальных хетто-лидийских изоглосс. В этом случае можно было бы связать приведенные выше данные с ролью собак и «волчьих» людей⁵⁴ в хеттских и лувийских ритуальных текстах. Тогда к ряду черт, объединяющих лингвистически анатолийские языки с кельтскими и италийскими и истолковываемых отчасти как общие архаизмы, отчасти как инновации (ср. относительное местоимение, медиопассив на *-r*, название дороги **i-ter* и т. д.), присоединилось бы сходство культурно-исторического характера.

1964

божество, имеющее отношение к собаке. Имя *Καυ-δάων* В. И. Георгиев (как и некоторые другие ученые) считает фракийским, а не иллирийским.

⁵² В. В. Иванов. Проблема языков *centum* и *satəm* // Вопросы языкознания. 1958. № 4. С. 21; В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963. С. 92.

⁵³ Ср. относительно палайского суффикса: *A. Kammenhuber. Esquisse de grammair palaité // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. T. 54. F. 1. Paris, 1959. P. 34.*

⁵⁴ Ср.: В. В. Иванов. Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 1. С. 47, примеч. 23. Следует отметить, однако, что эти хеттские факты могут найти параллель в данных о роли тотема волка на территории древнего Закавказья, собранных в недавнее время грузинскими лингвистами и этнографами. Поэтому их генетическое (а не чисто типологическое) сопоставление с указанными итало-кельтскими явлениями и со следами тотема волка в славянском эпосе о Змее — Огненном Волке было бы преждевременным, так как хетты могли усвоить соответствующие культы уже после своего отделения от других индоевропейских племен (неиндоевропейские — восточные — влияния возможны и по отношению к легенде о Змее — Огненном Волке, ср.: В. В. Иванов. Хеттский язык. С. 23; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 139—140, 156). Отражение тотемических представлений, связанных с собакой и волком, обнаруживается и в осетинских и абхазских версиях нартского эпоса. Отражение культа Кандаулеса Ханфман видит в сожжении щенят, видимо, имевшем ритуальные цели, которое обнаружено во время последних раскопок в Лидии, см.: *G. M. A. Hanfmann. The fifth campaign at Sardis // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. № 170. April 1963. P. 10.*

КЕЛЬТСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ВЗАИМНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ*

По мере того как исторические и этнографические исследования все убедительнее подтверждают значимость принципа обмена как целостного социального факта по отношению и к древним и архаичным обществам, и к позднейшим (в том числе и к средневековым кельтским), вырастает роль изучения терминов дарения и взаимности. Применительно к кельтской терминологии необходимо выяснить причины замен ряда древних терминов, которые, как правило, сменились западноевропейскими («древнеевропейскими», в частности, общими для кельтского, италийских и германского). Из общеиндоевропейских терминов старое значение сохраняет только др.-ирл. *dán* ‘дар’, валл. *dawn*, тогда как др.-ирл. *nem* ‘дар’ из архаических производных от синонимичного индоевропейского корня ближе всего соответствует авест. *nəmah* ‘дача взаймы, одалживание’. Др.-ирл. *móláin* ‘ценность, сокровище’, *dag-móini* ‘благие дары’ в исторический период засвидетельствованы в более специализированных значениях, чем в других родственных диалектах, где, как в лат. *munus* ‘обязанность, служба, повинность, дар’, можно вслед за Пальмером искать связь латинской семантики с предполагаемой общеиндоевропейской; сочетание этой основы с приставкой **kom-* в сложении **kom-moini-* (лат. *commūnis*, гот. *ga-mains* при бесприставочном производном в оскск. *múinikú* ‘*commūnis*’ обозначало «обязанного к исполнению одинаковых повинностей»; в германском и италийских — «по отношению к общине»), как и аналогичные новые производные от других корней с той же приставкой **kom-*: др.-ирл. *coithenn*, валл. *cyffred* (сама приставка является раннеиндоевропейской в том субстантивном употреблении, которое для этого или исходного

* Издано: Язык и культура кельтов. Материалы рабочего совещания. М., 1988. С. 7—9.

значения засвидетельствовано в греч. *κοινός*, показывающем, что с точки зрения общеиндоевропейского все приведенные слова можно считать настоящими словосложениями, но уже для хеттского несомненно превращение *-kan* в служебную энклитическую частицу с грамматическим значением). Др.-ирл. *aire* ‘благородный, свободный’, *airech* ‘благородный’ если и связано (как и название *Ériu* ‘Ирландия’) с древним термином со взаимным значением — хетт. *ara-* ‘друг’ (*araš aran* семантически точно соответствующем рус. *друг друга*, где в том же значении использован специфический балто-славяно-германский термин), др.-инд. *ārya-* ‘хозяин дома’ (а также ‘арий’, развитие значений, сходное уже в общеиндоиранском с кельтским и, как представляется, позволяющее опровергнуть сомнения Семереньи относительно соотношения кельтских слов с этим общеиндоевропейским гнездом основ), греч. **ἄρι* (по Тиме), то в кельтском можно предположить переосмысление слова с позднейшим формированием системы социальных рангов и их обозначений.

Специализацию старого общеиндоевропейского слова можно предположить, если принять вслед за А. Г. Периханян сравнение ср.-перс. *drang-* ‘виновность, ответственность’ и других родственных ему иранских юридических терминов с гот. *dulgs* ‘долг’, ст.-сл. **длъгъ** и кельтским глаголом, хорошо отражающим исходную двойственность значений: др.-ирл. *dligid* ‘взыскивает, ищет, имеет право на что-либо’ при пассивном значении *dleg(a)ir* ‘должен, взыскивается, принадлежит кому-либо’; ср.-валл. *dyly-af* ‘имею право на’, ср.-корн. *dyllu* ‘заслуживать, быть должным’, ср.-брет. *dellit* ‘имеет право на’. На основании двойного значения глагола Бинчи (*D. A. Binchy. Féchem, fethem, aigne // Celtica. 1976. XI. P. 18—19*) предлагает исходную двойственность значений и у древнеирландского существительного *dliged* ‘долг, иск, закон’; ср.-валл. *dylyet* ‘заслуга, право, требование’; нововалл. *dled*. Та же первоначально свойственная всем терминам взаимности двойственность удостоверяется наиболее архаическими текстами и по отношению к термину *fiach* позднее в канонических ирландских правовых текстах означающего ‘долг’, ‘штраф, наказание’. Исходное значение, связанное в западноиндоевропейском с обменом в широком смысле, реконструируется на основании сравнения с др.-исл. *vixl*, др.-в.-нем. *wehsal* ‘Wechsel’, лат. *uice*. В производном имени существительном — др.-ирл. *féchem* еще отражается предполагаемая и для *fiach* первоначальная двойственность значений: оно означало и ту и другую сторону в суде, и истца и ответчика, и взаимодавца и должника, *Ver-rad Airechta, § 49—51; Cid ara n-eperr fe i c h e m? Ni anse, arindi dliges no dligther de; ar is fe i c h e m cehtar n-ai* ‘Почему feichem так называется? Ответ: потому что он — истец или есть иск на него, он для каждого из них двоих feichem’; ср.: *Ceist, cia da lina ciado-naisc for alaile? ni anse, inti dliges ni* ‘Вопрос: который из двух сперва свяжет другого? Ответ: тот, кто истец’.

Предпринятые в последние годы опыты реконструкции (с учетом новейших типологических выводов социальной антропологии) древнейших отношений взаимности в раннекельтских обществах (из которых возможно раньше других в сторону резко асимметричного соотношения между рангами стало меняться галльское, что делает проблематичным использование его материалов для общекельтской и тем более общезападноиндоевропейской реконструкции) привели к выводу об особой пространственно-социальной роли др.-ирл. *túath*, в частности, в связи с выраженной в древнеирландской поэзии идеей «границ пастбища», достигаемых каждой коровой (*F. Crevatin. Order and disorder: Notes on some aspects of social ideology // Sprachwissenschaftliche Forschungen, Festschrift für J. Knobloch. Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. Bd. 23. Innsbruck, 1985. S. 67—80*). В связи с этим указывается и на существенный параллелизм в употреблении западно-европейского **teutā* в кельтской и древнегерманской традициях, к которым несомненно примыкают не только италийские, но и балтийские. По-видимому, анализ терминологии взаимности, общий для этих западноиндоевропейских (общеевропейских времени после отделения анатолийского, тохарского и арийско-греческо-армянского) традиций позволяет установить некоторые из таких социальных особенностей западноиндоевропейского племенного союза (или ранней общности типа, еще более близкого к позднейшей кельтской), которые у отдельных групп, из нее выделившихся, продолжались достаточно долго. В позднейшем кельтском некоторые из мотивов, возводимых к этой более древней социальной структуре, сохраняются и на собственно языковом (лексическом и фразеологическом) уровне, и на более высоком уровне основных сюжетов текстов (похищение быков — *táin bó* и т. п.), и в самих установлениях («безголовое, т. е. лишенное выделенного центра управления, общество» с сакральным царем), продолжающих общезападноиндоевропейские.

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА ХАТТСКО-ХЕТТСКОГО СТРОИТЕЛЬНОГО РИТУАЛА
(в свете данных внешнего сравнения)***

Предлагаемая работа представляет собой часть более общего исследования структуры текстов строительных обрядов балкано-эгейско-малоазиатского ареала. Предметом рассмотрения в настоящей статье является древнейший из дошедших до нас текстов этого типа — текст хаттского строительного ритуала, сохранившегося в нескольких копиях с достаточно подробным хеттским переводом — пересказом¹. Благодаря наличию перевода и ряда параллельных хаттских и хеттских текстов с отчасти сходной структурой было давно уже произведено достаточно детальное исследование отдельных его форм, слов и конструкций на основе комбинаторного метода. При несомненности отдельных успехов, достигнутых на этом пути, многие места и смысл целых выражений остались загадочными. Новые возможности открываются благодаря систематическому сравнению хаттского языка с северо(-западно)кавказскими, родство которых с ним предполагалось и ранее, но не было выявлено. Ниже предлагается интерпретация каждого из предложений текста и всего текста в целом на основе внешнего сравнения. Текст мифологического зачина хаттского ритуального текста вводится хеттской обрядовой формулой: *ma-a-an I. NA É. GAL^{LIM} GIBIBIL^{GIŠ} ḥa-at-tal-wa-aš GIŠ-ru ti-it-ta-nu-wa-an-zi U^{LÚ}zi-li-pu-ri-ya-tal-la-aš a-pi-ya-ak-ku a-ni-ya-zi ta ki-e INIM^{MES} me-ma-i* (A II 37—39) ‘Когда в новом дворце устанавливают запор из дерева (буквально: дерево запора), тогда жрец бога Цилипури осуществляет там именно обряд и

* Издано: Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 5—36, 296—297.

¹ H.-S. Schuster. Die Ḥattisch-hethitische Bilinguen. I. Einleitung, Texte und Kommentar. T. 17. Leiden, 1974.

говорит такие слова!». Практически та же самая формула повторяется и в заключительной хеттской части обряда с незначительными графическими различиями (хет. *ni* вместо акк. \dot{U} ‘и’, что характерно для более ранних текстов) в середине и существенным уточнением в конце: *ki-i ud-da-a-a [r ha-â] t-ti-li me-ma-i* ‘такие слова по-хаттски говорит’ (IV 14—15). Иными словами, решительно утверждается, что весь основной текст, анализируемый нами далее, произносился только по-хаттски. Следовательно, функция хеттского текста, как процитированного вводящего и заключающего, так и переводящего или пересказывающего хаттский, была чисто прикладной. Этот вспомогательный текст объяснял назначение и смысл канонического хаттского текста. Характерно и то, что главный жрец, совершающий обряд, обозначается посредством хеттского производного от хаттского имени бога *Zilipuri (Zilibure)*, который далее действует в ритуале. Имя жреца, часто встречающееся в хеттском тексте, образовано посредством продуктивного хеттского суф. *-tala-* (соответствует слав. **-tel-*²). Поскольку в других случаях хат. *zil-* служит для передачи латерального, соответствующего адыг. *чл*, кабард. *цл*, авар. *q#*, семантика ритуала позволяет гипотетически сопоставить первую часть имени *Zili-bure* с адыг. *члэ-* в префиксальных глаголах типа *члэфэн* ‘поместиться’ (*унэм члэфэн* ‘поместиться в комнате’), кабард. *цлэ-* в *цлэгъ-этлысхъэн* ‘вселять’ (*унэцлэм цлэгъ-этлысхъэн* ‘вселить в новый дом’). Вторая половина слова, скорее всего, содержит в начале либо классный показатель **w-* (**v=?*) 1 класса (одушевленных предметов), либо сочетание корня (ср. убых. *-w-* ‘входить’ = ‘быть помещенным’) с суф. *-ril-re* (ср. адыг. *-p* как падежный суффикс?). Хаттский текст ритуала начинается фразой, позволяющей определить его мифологический фон: *wa_a-aš-ḥa-ab-ma eš-wu_a-ur aš-ka-aḥ-ḥi-ir šu-ú-wa_a*. Согласно хеттскому переводу фраза означает: DINGIR^{MEŠ} KUR^{MEŠ} *ma-ni-ya-aḥ-ḥi-ir da-a-ir-ma-at* ‘Боги страны роздали для управления, и это (или эти) они установили’. Первая конструкция содержит хаттское название бога в формуле с классным показателем *wa-*, писавшимся посредством особого знака ‘полуалфавитного’ типа³,

² Из существенных для славянского языкознания соответствий следует отметить тождество польск. *rytel* ‘частое сито для муки’, *rytlować* ‘просеивать муку для пеклеванного хлеба’ (: др.-новгор. *пѣкль/еница* ‘пекарня’ с характерным развитием **tl > *kl*; лит. диал. *pikliavoti*: *Z. Zinkevičius. Lietuvių kalbos istorinė gramatika*, I. Vilnius, 1980. P. 146. § 214 с литературой); хетт. *pittalwan* ‘пеклеванный’ < **p_ek^w-tl-w-ónt* (в частности, о муке и хлебе, также о мясе и масле); ‘просушенный, прочищенный’ (о сене, а также о платье и колеснице), ср. к развитию группы **k^wt-* > *-tt-* в хеттском *lutta-* ‘окно’ < **l(e)uk^w-to-* и т. п.

³ Знак представляет собой сочетание обозначения *w* (непосредственно предшествующего и по форме, и по функции соответствующей «букве» угаритского клинописного алфавита) с последующим проясняющим знаком для гласного *a*.

встречающегося только в хаттских и хурритских, но не в хеттских текстах богазкёйского архива и означающего, скорее всего, спирант типа /v/. Этот показатель мог, как и в ряде восточнокавказских языков, означать ед. ч. 1 класса и мн. ч. того же класса. В данной фразе согласно хеттскому переводу его надо понимать во второй функции. Наличие соответствия хат. *wašḥab* в абхазо-адыгских языках (адыг. *уашхьо* ‘небесный свод’, кабард. *уашхьуэ* ‘вышина неба, небесная синева’, убых. *wašx^oa* ‘гром и молния, бог’, в том числе в архаических заклитиях, находящих параллель и в абхазо-абазинском: абх. *Уашхо* и т. п.) обратило на себя внимание еще на первых порах изучения хаттского языка и тем не менее было позднее отвергнуто по существу только из-за наличия народной этимологии у соответствующего адыгейского слова⁴ (ср. *уашьор шхьуантIэ* ‘небо голубое’, но это прилагательное в адыгском означало ‘зеленый, серый’: *шхьонтIагь* ‘нелепый, серый’; *шхьонтIашьу* ‘зеленоватый, сероватый’, кабард. *шхьуэ* ‘серый, стальной’, *шхьуантIэ* ‘зеленый’). Наличие префикса в хаттском слове не только не противоречит хаттской этимологии, а позволяет ее поддержать, так как дает возможность установить гипотетическую связь приведенных абхазо-адыгских названий неба, бога и хат. *wa-šḥab/w-* с праадыгским *šx^oa ‘волшебство’⁵ (адыг. *ушьухьаныгь* ‘волшебство, колдовство’, *ушьухьэ* ‘волшебный’, *ушьухьан* ‘колдовать’, *шхьоепхьн* ‘отравить’, кабард. *шхьуэ* ‘отрава, яд’), ср. убых. (из адыг.⁶) *šx^oawə* ‘колдовство’, *sx^oax-* ‘околдовывать’: *as sx^o axə n* ‘я его околдовываю.’ Хат. *-ab/w* может соответствовать убых. *-aw-* и лабиализации в праадыгском. Восстанавливаемое на основе этих соответствий абх.-адыг. *šx-⁷ сопоставимо с хат. *eš-tan* ‘бог солнечного неба’ (сложное слово?) и с вост.-кавк. *(h)Vs- (цез. хварш. гинух. *as* ‘туча, туман, дождь, небо’, бежт. гунз. *has*, хуррит. *ezi*, урарт. *ešə* ‘небо’⁸) и

⁴ А. Камменхубер. Хаттский язык // Древние языки Малой Азии: Сб. ст. под ред. И. М. Дьяконова, В. В. Иванова. М., 1980. С. 36 (там же история вопроса изучения связей хаттского с северо-западнокавказским). — За той гиперкритической точкой зрения, которую вслед за Деетерсом принимала А. Камменхубер, последовали Г. А. Климов и А. К. Шагиров (в его этимологическом словаре адыгских языков, там же см. библиографию спорных этимологий адыгских слов, которая здесь опущена для экономии места).

⁵ А. Н. Kuipers. A dictionary of Proto-Circassian roots. Lisse, 1975. № 76.

⁶ G. Dumézil. Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. III. Nouvelles études oubykh (Travaux et mémoires de l’Institut d’ethnologie. LXXI). Paris, 1965. P. 244.

⁷ К соответствиям и реконструкции здесь и далее см.: С. А. Старостин. Реконструкция праабхазоадыгской системы согласных / Конференция «Проблемы реконструкции»: Тезисы докладов. М., 1978. С. 96—101.

⁸ И. М. Дьяконов. Хуррито-урартский и восточнокавказские языки // Древний Восток, 3. Ереван, 1978. С. 31 (соответствие 10).

кет. *eš* ‘небо, бог’ (котт. *êš* ‘небо, бог’), *êšxai* ‘облако’ (объяснение из сложения с названием горного хребта является народной этимологией). Значение последнего енисейского слова заставляет допустить и древность ст.-адыг. *схыiě#* ‘град’⁹), *вуро#ише* ‘дождь’, адыг. *оуцхы* ‘дождь’, кабард. *уэ-иш* ‘дождь’, убых. *-š'χ* в *t°á-š'χ* ‘град’, где в первой части возможно соответствие хат. *tu-mil/n* ‘град’ (деление предлагается на основе этой этимологии и наличия морфы *-mil-* в имени бога грозы *Haša-mil-*).

Название *wa-šħab* ‘боги’ засвидетельствовано в нескольких падежных формах, в частности, в форме *ħa-wa-šħaw-i* ‘среди богов’ в текстах, обозначающих наименование на языке богов (хет. DINGIR^{MEŠ}-*naš ištarna*, ср. точное типологическое соответствие в айнск. *kamuj-amma* ‘среди богов’ в контексте, где речь идет о языке богов). В разбираемом хаттском тексте строительного обряда использована форма *wa-šħab-ma*, играющая роль эргатива, непосредственно сопоставимого с адыгским эргативом на *-m* в сочетаниях типа адыгейск. *тхьэм ылуаьэр* ‘бог сказал’ (= богом сказано)¹⁰. Однако нельзя исключить того, что адыгский эргатив на *-m*¹¹ и хаттские формы на *-ma* не исходно родственны друг другу именно как падежные, а возникли в результате параллельного развития однотипных сочетаний с постпозитивным указательным местоимением типа кабард. *мы/o*, адыгейск. *мы*.

Наличие такого указательного местоимения в хаттском доказывається билингвой-заклятием, в которой хат. *[i]-ma-le-n zar-du* переведено хет. *kel*

⁹ Л. Люлье. Словарь русско-черкесский или адыгский. Одесса, 1846. С. 47 (помета ст.-адыг. в тексте далее отсылает к этому источнику).

¹⁰ Из текста нартовского эпоса: И. Ф. Яковлев, Д. Аишхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1941. С. 452.

¹¹ Грузинский повествовательный падеж на *-ma(n)*, охарактеризованный еще Ф. Мюллером как «определенный номинатив» (ср.: Г. А. Климов, М. Е. Алексеев. Типология кавказских языков. М., 1980. С. 101 и сл.), может восходить к ностратическому показателю определенности **-m(ɔ)* в части западноностратических языков (в частности, в семитском), получившему именно значение определенного падежа (в том числе именительного: сем. **-im*, и.-е. им.-вин. п. ср. р. **-om*: В. В. Иванов. Сравнительно-исторический анализ категории определенности-неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. С. 11—18). В этом случае прямой связи с северо-западнокавказскими и хаттскими формами ожидать нельзя. Сван. *-em* как падежный показатель, аналогичный груз. *-ma(n)*, может либо иметь общее с ним происхождение (и в таком случае возводится к той же ностратической праформе, ср. сван. *ežn-em* ‘он’ и груз. диал. *e-ta-* при монг. *i-ma-da* ‘ему’ и *-m-* в косвенных падежных формах индоевропейских местоимений), либо быть одним из ранних результатов свано-абхазо-адыгского языкового контакта (не исключено и то, что унаследованное **-m* в сванском могло видоизмениться под влиянием сходной функции адыг. **-m*).

UDU-un ZI. ŠU¹² ‘(этой овцы) мясо’. В этом сочетании хат. *le-* ‘мясо’ (с окончанием объекта *-n*, ср. убых. *-n* и следы падежа на *-n* в абхазо-абазинском и падеж на *-n* в восточнокавказском) соответствует адыгейск. *лы* ‘мясо’, кабард. *лы* (сван. *le/aγw-* ‘мясо’ — древнее заимствование из производной основы типа адыгейск. *лыгъо* в *лыгъо-лыбжь* ‘мясные блюда’, *лыгъ-эъугъ* ‘сушеное мясо’, кабард. *лыгъэгъуа*, ср. также чечен. *лахъа* ‘мясозаготовки’, *лахъа-нан* ‘мясной’ и т. п.), убых. *γ’a* абхаз. *жэы* (при латеральном геминированном абруптивном аффрикативном и префиксе *r-* в дагестанском: авар. диал. *ри-млъи*, анд. *ракъи*, цез. *релI*, лак. *дикI*, лезг. *йак*, удин. *экъ*, хин. *лыкк*). Хат. *zar-* ‘овца’ (с суф. род. пад. *-du*, для которого параллели обнаруживаются в восточнокавказском, енисейском и тибето-китайском) принадлежит к группе слов, имеющих наиболее четкие соответствия в нахском: чечен. *уъстагI(ий)* овца (при согласовании по III классу: *уъстаг бахара* ‘овца пошла’) фонетически соотносится с хат. *zar-* ‘овца’ с префиксом III класса *wa_a wa_a-za-ri-el*¹³ и абхаз. *(a-)уаса* ‘овца’ (ср. отражение древнего классного показателя в абх. *у-* в *Уаихо* согласно изложенному выше) точно так же, как чечен. *стаг* ‘человек’ (согласование по I классу: *стаг вахара* ‘человек пошел’, *в-оккха стаг* ‘большой-старый человек’) с хат. *zari* ‘человек, люди’ с префиксом (ед. и мн. ч.) I класса *wa_a-zari* (ср., в частности, *wa_a-zari-un* ‘человечества’ в том же контексте, что и *wa_a-shaw-un* ‘богов’), ср. арчин. *bo-šor* ‘мужи’ (I класс). Выделение классного показателя **b-* в дагестанском названии ‘овцы’, сопоставимом с хат. *wa_a-zar*, допускал еще Н. С. Трубецкой: «аң. Plur. *ruc#u* (wo *-r* das Klassenelement der “Genus plurale” ist) “Schafe” ~ bag. *beçur*, tindi *boc#ar*, çam. *boc#aldā* (wo *b-* das Klassenelement des “Genus singulare neutrum” ist) “Schaf”»¹⁴. Сходство начального и конечного элементов лезг., хиналуг. *вукъар*, агул. *укъар*, крыз. *викъер*, будух. *викъер* ‘овца’ с разбираемыми словами представляется весьма вероятным. Для восстановления исходного фонетического облика слова значительный интерес может представлять древнее армянское заимствование *woçxar* ‘овца’ (где анлаут указывает на связь с северокавказским) при груз. *cxwar*, мегр. *šxur*, чан. *(m)šxur*, *mcxur-*, *mškur-* (разнообразие рефлексов может говорить о заимствовании; согласно реконструкции С. Н. Николаева и С. А. Старостина, группа с ларингальным в середине слова может быть восстановлена в северокавказском).

Сочетание *ta-le-* в приведенной билингве тождественно адыгейск. *мó лы-р* ‘вот то мясо’, *мь лы-р* ‘это мясо’¹⁵. Указательное местоимение *мы/о-* в

¹² P. Laroche. Une conjuration bilingue hattî-hittite // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. I. November 1950. Heft 2. S. 175.

¹³ А. Камменхубер. Указ. соч. С. 59, 84.

¹⁴ N. Trubetzkoy. Studien auf dem Gobierte der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen // Caucasia. 1926. Fasc. 3. S. 21.

¹⁵ Ср. об ударении: Н. Ф. Яковлев, Д. Аихамаф. Указ. соч. С. 290.

адыгском имеет соответствия в восточнокавказском и хурритском (*ma* ‘ille’ по Ларошу)¹⁶. При положении этого элемента в постпозиции образуется (как в адыгском и хаттском, так и в восточнокавказском) эргатив. В качестве типологической параллели можно напомнить давно намеченную Шухардтом¹⁷ интерпретацию индоевропейского «эргативного» («активного») падежа на *-s (позднее ставшего именительным падежом единственного числа и родительным падежом в тематическом типе на *-o-). Еще Шухардт обратил внимание на то, что активный падеж указывает на нечто новое (в том же смысле, в каком о «новом» — реме говорят в лингвистике текста и в теории актуального членения) и поэтому может иметь при себе местоимение (тип *Der Väter-er ruft*). Соответственно индоевропейский активный падеж на *-o-s может быть возведен к указательному местоимению *-s(o), хеттское -aš. Правильность такой интерпретации подтверждается типологическим сопоставлением с северо-западнокавказским, где эргативный падеж на *m в адыгском (как и родственные формы эргатива на -m в восточнокавказском) бесспорно восходят к сочетанию основы с постпозитивным указательным местоимением *mə/*ma. В настоящее время это представляется возможным благодаря сравнению современных адыгских языков с родственным им хатти, где представлены и формы с постпозитивным -ma после имени в функции эргатива: *ṽa-aš-ḥa-ab-ma* ‘seitens der Götter’ «tritt in die Rolle eines Agens»¹⁸ и формы с препозитивным указательным местоимением типа (i)-ma-al-li-en ‘(ему, для него: i-, северо-западнокавказский префикс объекта) это’. Если в адыгском и хаттском рема выражена не постпозицией* -ma- в эргативной конструкции, а глаголом (без локальных превербов), то обычна конструкция с препозитивным m (e)- (явно того же местоименного происхождения¹⁹): зап. *s°əzər ma-ṭhač’ e* ‘женщина моет’, хаттское *titaḥ-zilat ma-zilat*²⁰ ‘великий престол стоит’. Типологи-

¹⁶ Фонетически сходный элемент есть и в картвельском, но он может иметь ностратическую этимологию: В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (I-5#). М., 1976. С. 70. — В конечном счете именно местоименные элементы могут иметь наибольшую древность, допускающую сравнение праязыков макросемей, типа ностратической и северокавказской; но этот глоттогонический аспект в настоящее время предпочтительно еще не рассматривать до завершения предварительной работы над реконструкцией отдельных праязыков.

¹⁷ Г. Шухардт. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950. С. 252.

¹⁸ H.-S. Schuster. Op. cit. S. 106. § 1.4. P. 732 (К сожалению, автор не обратил внимания на роль -ma в этой конструкции).

¹⁹ G. Dumézil. Le verbe oubykh. Études descriptives et comparatives (Mémoires de l’Académie des inscriptions et belles-lettres, nouvelle série. T. I). Paris, 1975.

²⁰ Текст согласно копии разбираемого ритуала (Шустером не учтенной) КВо XIX 162 (936/z) Vs. 5—6; *te-et-ta [ḥ-zi-la-at] ma-zi-la-a-at*, реконструкция согласно: W. Haas. [Рец. на кн.] H.-S. Schuster. Die hattisch-hethitischen Bilinguen // Wiener Zeitschrift für

ческое сопоставление с такими северо-западнокавказскими (и родственными хаттскими) конструкциями позволяет считать, что индоевропейские конструкции типа **so* + глагол (безударный) были их типологическим аналогом в такой же мере, как и конструкции с эргативом на *-s* в индоевропейском были типологической параллелью адыгским и хаттским эргативным конструкциям.

Иначе говоря, с точки зрения соотношения темы и ремы (данного и нового) положение указательного местоименного элемента можно описать следующим образом. Если выделяется в качестве нового эргативная конструкция имени, то за именем следует (диахронически) указательное местоимение: *wašhab-ma*; позднее из такой конструкции возникает эргативный падеж. Не представляется возможным определить в точности, были ли хаттские формы на *-ma* (особенно часто встречающиеся в текстах без хеттских переводов, где интерпретация затруднена) уже падежными формами (как адыгские) или еще сочетаниями с постпозитивным местоименным элементом. Косвенным аргументом в пользу первого истолкования можно было бы считать эргативообразное использование форм на **-nt-* в хеттском, в чем можно было бы видеть след древнего хаттского субстрата. Если в качестве нового — ремы в неэргативной конструкции выделяется не имя, а глагол, то ему предшествует тот же местоименный элемент: адыгейск. *ма-джэ* ‘кричит’ (вторичность залоговых употреблений этого префикса была предположена еще Н. Ф. Яковлевым). Таким образом, хаттские факты в сопоставлении с адыгскими позволяют подойти к проблеме эргативной конструкции (которой в последние годы посвящено множество исследований) в свете основных положений текстовой лингвистики.

С эргативной конструкцией в данном хаттском предложении связана глагольная форма *aš-ka-aḥ-ḥi-ir*. Гипотеза о соотношении хаттского именно с (прото)адыгским, соответствующая приведенным соображениям об эргативе (и возможно объясняемая не столько специальными диалектными связями адыгского с хаттским, сколько архаичностью обеих этих ветвей северо-западнокавказского, ср. приведенные выше формы с сохранением латеральности начального хат. *le-*, адыг. *лы-* ‘мясо’ и т. п.), позволяет предположить, что хатт. *-ḥi-* (при обычном для хеттской и хаттской графики употреблении *-i-* для гласного переднего ряда типа *-e-* закрытого) функционально соответствует адыг. *-хэ-* как суффиксальному показателю мн. ч. объекта 3 л. в глаголе. В таком случае и конечное *-r* легко было бы интерпретировать по аналогии с адыгскими формами, имеющими этот конечный суффикс. Корнем следует признать *-ka*, имеющее точное соответствие в убых. *-q'a-* ‘давать’ при мн. ч.

объекта. Начальное *a-* в *a-š-ka-ħhi-r* следует, судя по роли начального *a-* в абхазо-адыгских глагольных формах, признать возможным показателем объекта (тогда отличие от современного адыгского состояло бы в одновременном выражении объекта в префиксе *-a-* и числа объекта в суффиксе *-ħhi-*). Наиболее спорной остается интерпретация *-s-* в этой форме. Судя по другим хаттским формам, соотнесение с глагольными корнями, предполагавшее бы сочетание корней или деривационных морфем (ср. убух. *š'* 'делить' с последующим *-q'a-* как суффиксом и т. п.) не кажется вероятным. Очень гадательно можно было бы предположить на основании функции **s-* как префикса 1 л. ед. ч. в абхазо-адыгском отнесение *š-* к 1 л., что соответствовало бы текстам хеттских молитв и обрядов, где царь в аналогичных случаях говорит о себе в 1 л. (ср. 1 л. мн. ч. ниже в хеттском пересказе аналогичной хаттской глагольной формы).

Представляется вероятным, что *-š-* в *a-š-ka-ħhi-r* должно быть соотнесено с *(e)š-* в объекте *eš-wur* в анализируемой эргативной конструкции. В хаттском основой существительного является *-wur* 'страна, земля', соотносимое с хуррит. *ħaw(u)ri* 'земля'²¹ и, по-видимому, восходящее к общесеверокавказскому²² лексическому слою в хаттском и хурритском. Однако остается не вполне ясным, насколько этот термин сохранился в современных западнокавказских языках (фонетически сравнение с протоадыгским **ħak'ə* 'страна, область' остается весьма проблематичным, т. к. неясна судьба **-k'ə* при хатт. *-w-*), как и в языках восточнокавказских (ср., однако, арч. *xlor* 'селение' при соответствиях со значениями 'село, поле' в других дагестанских языках). Не исключено, что термин был утерян, заменен новообразованиями и заимствованиями при изменении социальной структуры носителей северокавказских языков. Что же касается префикса *eš-* в *eš-wur*, то на основании аналогий с другими хеттскими текстами этого типа можно высказать допущение, что и в тексте строительного ритуала *e-š-* имеет то же значение, что и показатель *a/e-* (*-š-*) в глагольной форме *a/e-š-ka-ħhi-r*. Иначе говоря, в конструкции *e-š-wur a/e-š-kaħhir* имеет место согласование по морфам *-a/e-*.

В глагольной форме есть несколько возможностей интерпретации *aš-*. Одна из них кажется наиболее вероятной с точки зрения грамматической (в

²¹ W. Haas. Op. cit. S. 203.

²² Условность термина «северокавказский» применительно к хаттскому (распространенному в III тыс. до н. э.) в северной части Малой Азии и хурритскому, уже на рубеже III и II тыс. до н. э. (если не много ранее) взаимодействовавшему с лувийским на юго-востоке и юго-западе Малой Азии, а также и применительно к этрусскому (см. статью автора в сборнике), представляется очевидной, тем более, что еще Услар предположил южный путь миграции носителей абхазо-адыгских языков (согласующийся и с бытующими у них до сих пор преданиями).

том числе и согласовательной) структуры и лучше всего соответствует истолкованию хаттского в свете абхазо-адыгского. Во всех северо-западнокавказских языках есть глагольный префикс объекта 3 л. *a-*, который (в частности, в убыхском и в адыгском) может относиться и к 3 л. мн. ч.: адыгейск. *a-p-ety* ‘им он дает’. В таком случае это же значение следует приписать и хат. *a-*. В пользу этого предположения говорит, в частности, то, что в адыгейском *a-* соотносится с *u-* в притяжательной функции: *a-шыхэр* ‘их братья’; *u-тхыль* ‘его книга’. Что же касается префикса объекта 3 л. ед. ч. *i-* (тождественного абхазо-адыгскому), его наличие в хаттском бесспорно доказывается формами типа *i-tu-ú-ə* ‘мы едим’, ср. абхаз. *u-f-eut* ‘он что-то съел’ (убых. *f-* ‘есть’; адыг. *-m-*, 1 мн. ч., нах. *m-xo* ‘мы’, ср. табас. *č-* эксклюз. при *x-* инклюз.: абх. *χ-*). Следует отметить обычный для абхазо-адыгского порядок «аффикс объекта + аффикс субъекта» (OS) в этой форме.

Значительно более сложной является интерпретация *-š-* в форме *a-š-ka-ħħi-r*. Контекст делает возможным сопоставление с убых. *-š'-(g'a)*, часто встречающимся в сложениях в качестве первого элемента, где речь идет о разделении, распределении (ср. в особенности *aq̄asna š'ax'azana : š'q'an* ‘ils nous repartirent sur les villages’, ср. у Дирра **xes-* ‘распределить’; убых. *-š'q'a-* может соответствовать хат. *-ška-*). В таком случае не только убых. *š'-*, но и хат. *-š-* сравнимы с енис. **-es-* > котг. *és-* *tajan*, кет. *д'-эс'-аб-дақ* ‘класть’. Однако, как уже отмечалось, сочетание глагольных основ для хаттского пока что не выявлено, сопоставление же хат. *-ka-* с глагольным суффиксом типа убых. *-q'a* (показатель завершенности действия — перфекта и «будущего в прошлом») пока не находит других параллелей в хаттском (ср. ниже о другом возможном соответствии). Поэтому можно предположить и другую функцию *-š-* как префикса 1 л. ед. ч. (что соответствует общеабхазо-адыгскому).

Эту гипотезу кажется возможным подтвердить другими текстами. Различие между конструкцией *tauwa_a tupi ta-ħ- kuwa-t* ‘охватил его Страх, охватил его Ужас’ в повествовательной начальной части мифа о Луне, упавшей с неба, и *ša-ħ-kuwa-t* (с теми же существительными) в части, где о тех же событиях рассказывает богиня Каттах-Цифури (хат. *Kattah-Zifuri* ‘Царица Ц.’), объясняется, очевидно, тем, что глагол *-kuwa-* (тождественный убых. *q^o'a-* ‘хватать, брать’, авар. *kkveze* ‘хватать, ловить, брать, держать’²³ с начальной сильной неглотализованной аффрикатой), во втором случае употреблен в прямой речи богини, которая (как следует из продолжения мифа) ведает Страхом и Ужасом (подобно Афродите, приносящей соответствующие грече-

²³ Относительно предполагаемых дагестанских этимологий, едва ли фонетически верных в свете точного соответствия в убыхском, ср.: *Б. Я. Гигинейшвили*. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977. С. 98.

ские мифологические символы Аресу в «Теогонии» Гесиода, 933—934; малоазиатское происхождение эпизода не вызывает сомнений). В таком случае хат. *ša-ḥ-kuwa-t* имеет ту же префиксальную структуру, что и убых. *a-s-q°'á-n* ‘я его беру’. Предлагаемое истолкование, позволяющее прибавить к ранее выявленным хаттским префиксам (2 л. ед. ч. *u-*, 1 л. мн. ч. *t-*, ср. выше), которые совпадают с адыгскими (и в целом северокавказскими), еще и префикс 1 л. ед. ч. *š-(*-)*, в отношении семантики опирается на тождество описания лунного затмения посредством убых. *q°'a-* в сочетании *andya q°'aq'a* ‘он схватил солнце’ = ‘произошло затмение солнца’, где и первое слово — название ‘солнца’ *ndya*, как и его адыгские (ст.-адыгейск. *ттого*, *тыгъэ*, кабард. *дыгъэ* ‘солнце’) и восточнокавказские соответствия (арч. *iq* ‘день’, агул. *йагъ*, рутул. *йыг*, цахур. *йу/ыгъ*, табас. *йигъ* ‘день’ при предполагаемом родстве с названием солнца²⁴ типа авар. *baq*), находит точную параллель в хатт. *yaḥ* ‘солнечный блеск’; дальнейшие связи есть в енисейском: кет. *íg, íx* ‘день’, *éga* ‘солнце’ при превращении конечного согласного в ларингализованный тон в кетском²⁵. Сочетание, аналогичное хаттскому контексту, в котором выступает глагол *-kuwa-* в мифе о лунном затмении, может быть реконструировано для общесеверокавказского на основании совпадения этого хаттского контекста и хат. *yaḥ* с убых. *andya q°'aq'a* ‘он схватил солнце = произошло затмение солнца’ и авар. *baq- kkvej* ‘затмение (солнца)’, *baq kkun bugo* ‘солнце затмилось’, *тозз kkvej* ‘лунное затмение’ (с другим названием луны). При другой глагольной основе тот же образ²⁶ выражен и в адыгейск. *тыгъэм иубытычыгъ* ‘затмение солнца’, *мэзэ убытыныгъ* ‘лунное затмение’, *убытын* ‘взять, схватить, захватить, поймать’, кабард. *дыгъэр иубыдычыгъэ* ‘затмение солнца’, *убыдын* ‘поймать, схватить’. Наконец, в примыкающей к хурритскому циклу стихотворных повестей о Кумарби поэме о Серебре, известной по хеттскому переводу, этот мифологический герой стаскивает с неба Луну и Солнце, что опять-таки соответствует этому общесеверокавказскому кругу представлений о лунном и солнечном затмении.

Согласно предлагаемой интерпретации хаттских текстов мифа о Луне, упавшей с неба, и начальной фразы строительного ритуала хат. *eš-wur* ближе

²⁴ Т. Е. Гудава. Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси, 1979. С. 166—167, 170—171.

²⁵ См. об этом процессе в енисейском, в частности в данных словах: В. В. Иванов. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными или фарингализованными тонами // Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.

²⁶ Типологически отличны представления об умирании луны или поедании, встречающиеся в других традициях. Именно специфичность описания затмения как результата схватывания луны и солнца делает сопоставление более рельефным.

всего соответствует др.-хет. *utne-mit* ‘страна моя’ (= ‘страны мои’) в аналогичном контексте. Но неполное соответствие хаттского ритуала и хеттского пересказа этим не ограничивается. Одной хаттской глагольной форме *aškahhir* в хеттском пересказе-комментарии соответствуют две глагольные формы *ma-ni-ya-aḥ-ḥi-ir da-a-ir-ma-at* ‘передали в управление, это (= эти) же дали’. Местоименное уточнение *at-* в хеттском пересказе, как и глагол *da(i)-* ‘давать’, явно относится к морфам формы *aš-kahhir*, поэтому остается предположить, что глагол *maniyahhir* добавлен хеттским писцом ради эффектного созвучия с хаттской формой (лишь затрудняящего ее интерпретацию). В таком случае последнее слово первой фразы строительного ритуала *šuwā*, которое у всех комментаторов вызывало удивление, следует понимать не как глагол (что и было бы маловероятно по его структуре), а как наречие места ‘там, здесь’, родственное убых. *š^oa*, ср. *t^o’as-š^oa* ‘место для сидения’; *səšač’ afaṅ g’əntxq’an x^oaš^oa q’a : məx* ‘нет способа уйти (*x^oa-*) от того, что он написал мне на лбу (от судьбы)’ (о богах и человеке, в контексте, напоминающем хаттский), *la š^oá ak’aq’a* ‘он пошел на зайца’, ср. адыгейск. *цэ/ы-* глагольный префикс места (*цэ-тхагъ* ‘он там писал’, *цэ-джэгу* ‘там играет’), кабард. *цы/э-* (*ку эбжем идей сы-цы-Іауц* ‘я был в городе’).

Согласно предложенным толкованиям, первая фраза строительного ритуала должна пониматься так: ‘Богами мне (= царю) моя земля (= моя страна, мои земли) даны = даются (для царствования) здесь’ (или: ‘Богами земли даются здесь’). В таком случае полный текст следующей фразы следует восстанавливать по дубликату КВо XIX 162 (963 / z с реконструкцией Хааса): ^{URU}*ḥa-at-tu-uš te-et-ta [ḥ-zi-la-at] ma-zi-la-a-at šu-ú-wa_a*. — Глагольная форма, разобранный выше при анализе функций хат. *ma-*, в тексте, сопровождаемом хеттским переводом, опущена. Перевод повторяет условное глагольное разъяснение из первого предложения, но дает объяснение основному хаттскому имени: ^{URU}*ḥa-at-tu-ši šal-li* ^{GIS}*SU.A da-a-ir-ma-at* ‘они же это (эти) поставили в городе Хаттусасе (= Хаттуше) большой престол’. Поскольку в этой копии хаттский глагол опущен, условность хеттского глагола, взятого из предыдущего предложения, не вызывает сомнений. Наибольший интерес представляет объяснение хат. *tetaḥ-zilat* как ‘большой престол’. Согласно приведенному в связи с этимологией *Zilipuri* фонетическому правилу хат. *zil-* соответствует адыг. *чІ-*, кабард. *цІ-*, поэтому основа *zilat* непосредственно сопоставима с адыгейск. *чІэ-т* ‘находится, стоит под’, *чІэтІысхъан* ‘сесть (под чем-либо)’, *чІэтІысхъэ* ‘садиться под чем-либо, вселяться, поселиться’, кабард. *цІэттын* ‘стоять где-либо’, ‘в чем-либо’, *цІэт* ‘подставка’. Судя по адыгским соответствиям, основным является значение ‘под, под покрытием’. Поэтому (в соответствии с отмеченным фонетическим соотношением) представляется вероятным сближение и с общедагестанским обозначением ‘низа’ (грамматика-

лизованным в показателе локативной серии *-t* ‘под’) ²⁷. Адыгейск. *чIэ-т* ‘находится под, стоит под’ позволяет понять приведенную выше глагольную форму *ma-zila-t*, имеющую то же самое значение и совпадающую как с этой глагольной формой, так и с адыгейскими же бесприставочными глагольными формами с префиксом *m-* (см. выше). В хаттском *ma-zila-t* в отличие от адыгского префикс *ma-* может предшествовать другому префиксу. Связь хат. *zilat* ‘престол’ с почти одинаково с ним звучащим этрус. *zilat/θ*, давно уже предположенная этрускологами, допускает двойное объяснение. Во-первых, эти слова могут быть исконно родственными, но для этого нужно было бы найти другие аналогичные случаи отражения в этрусском древнего сильного латерального абруптива. Во-вторых, слово может принадлежать (как и ряд столь же близких по звучанию слов, общих для хаттского и хурритского) к ареальной малоазиатской терминологии, заимствованной в этрусский в достаточно древний период. Во всяком случае, значение, связанное с государственной властью, удостоверяемое для основы *zilac* (явно связанной с *zilat*) финикийско-этрuscoй билингвой, делает почти несомненным то, что *zilat* функционировало в этрусском почти в том же смысле, что и в хаттском.

Хат. *titah-zilat* ‘большой (великий) престол’ представляет собой сложное слово, сохраняющее обычный для хаттского и для архаических атрибутивных сочетаний в абхазо-адыгском порядок слов «определяемое + определение». В определяемом *titah-* ‘большой’ возможно содержится суф. *-h-*. Не исключено, что в других случаях *-h-* в прилагательных (как бесспорно *-h-* в существительных) связан с женским родом, что сделало бы возможным сравнить с данным словом хат. *tete-kuzzan* ‘очаг’. Но если считать этот суффикс характерным именно для прилагательных, то с известными оговорками можно было бы предложить сравнение с не имеющим отношения к роду хуррит. *-hhe*, урарт. *-hə < *-ha* в таких прилагательных, как хуррит. *turo-hhe* ‘мужской’, урарт. *šuloḥə* ‘новый’ с гипотетическими восточнокавказскими соответствиями (лезг. *-γ-* как соединительный элемент в склонении) ²⁸. Однако не исключено, что в хаттском этот суффикс относился вообще к именному роду (или классу?), ср. ниже.

Что же касается основы *tit(a)-* ‘большой’, она имеет широкий круг соответствий в абхазо-адыгском (кабард. *дыдэ* ‘очень’, *дыдэц* ‘совершенный’, адыгейск. *дэд* ‘очень’) и картвельском (грузино-занском: др.-груз. *did-* ‘вели-

²⁷ См. об истории слов этого корня, к которым предположительно относят и авар. *q#ibil* ‘корень, происхождение, род’: Т. Е. Гудава. Указ. соч. С. 187.

²⁸ И. М. Дьяконов. Указ. соч. С. 36; I. M. Diakonoff. Hurrisch und Urartäisch (Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. Beiheft 6. Neue Folge). München, 1971. S. 70—71. (Anm. 72), 169.

кий', мегр., чан. *did-*), а также в восточнобалтийском²⁹. По своей звуковой структуре она могла бы быть и ономатопоэтической — идеофоном, связанным с теми универсальными категориями, которые выявляются и в сходных редупликациях в детском языке.

Значительный интерес представляет употребление неоформленного названия города — хат. *Ḥattuš* при хет. мест. п. *Ḥattuš-i*, ср. аналогичное хат. *Lahzan* при хет. *Lihzini* 'в (священном городе) Лихцина' (к названию ср. абхаз. *Лыхны* как наименование одного из древнейших культовых центров). Эти формы хаттских имен с нулевым окончанием оказываются частичным подтверждением идей Н. Ф. Яковлева, полагавшего, что подобные «неоформленные» имена в адыгском восходят к древнему состоянию языка³⁰. Этимология названия *Ḥattuš-* в связи с названием языка хет. *ḥatt-ili* 'по-хаттски' и страны KUR^{URU} *Ḥatti* 'страна Хатти' представляет особый интерес в силу наличия сходно звучащих адыгских топонимов и этнонимов, а также близкого звучания енисейского имени 'человек'.

Согласно предлагаемой интерпретации хаттское предложение означает: 'В (городе) Хаттуше большой престол стоит здесь'; хеттский перевод-пересказ скорее передает общий смысл этого предложения вместе с предшествующим.

Значительно ближе к тексту фрагментарный хеттский перевод следующего хаттского предложения: хат. *ta-ba-ar-na ka-a-at-ti ta-ni-wa_a-aš*, хет. *nu-za la-ba-ar-na-aš LUGAL-**luš** an-da-an e-eš-zi* '(и) Повелитель царь на нем сидит'. В глагольной форме *taniwaš* выделяется корень *-š*, соответствующий корню, выступающему в связанном виде в адыгейск., кабардин. *те- с -ын* 'сидеть на чем-либо' (напр., на стуле — адыгейск *пхъэнтIэкIум*), *дэ-с-ын* 'сидеть в чем-либо, где-либо'; убых. *wa-s* 'быть среди, быть в чем-либо'. Особенно разительными представляются сходства приставочного *wa-s* в убыхском, где *wa/ə*- выделяется уже в качестве архаического форманта ед. ч. (при *k'a*- во мн. ч.) и аналогичного *-wa-š* в хат. (*a-*) *ta-ni-wa-š*, *ḥa-ni-wa-š* (при адыг. *хэ-с* 'сидит где-либо в чем-либо', *хэсын* 'посидеть в массе чего-либо'); хаттская форма завершает две строки с грамматическим параллелизмом хаттских (строфических) песнопений (KUB XXVIII 18 Vs. 8 = Rs. 6). Сравнение с

²⁹ Картвело-балтийское соответствие разъясняется из ностратического (как редупликация корня **di-*): *L. Palmaitis. Proto-Indo-European vocalism and the development of the Indo-European declensional models // Indogermanische Forschungen. 1979. Bd. 84. S. 24. Anm. 7.* В этой связи стоит отметить и предложенное Марром сопоставление с араб. ??? (цитата на арабском — надо смотреть оригинал статьи) 'крепкий, сильный': *Н. Я. Марр. Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими // Н. Я. Марр. Избранные работы. Т. I. 1933. С. 28.*

³⁰ *Н. Ф. Яковлев, Д. Ашхамаф. Указ. соч. С. 47—48, 281; Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.; Л., 1948. С. 112.*

убых. *n-*, играющим роль глагольного префикса в формах типа *č'abyanəw'sq'a* 'он его посадил на лошадь', удостоверяет точность разделения хаттских форм на префиксы. Родственный префикс в адыгском обозначает направление действия: адыгейск., кабардин. *нэсын* 'достичь, доехать', абаз. *на-(ны-?)* в *nà-йра* 'двигаться туда', абхаз. *анеира*. Таким образом, каждый из трех превербов (*ta-ni-wa-*, *ħa-ni-wa-*), выделяемых в хаттских формах с *-š*, находит соответствия в абхазо-адыгском. Форма *taniwaš* представляет интерес и в том отношении, что для хаттского оказывается возможным установить различие переходных глаголов, имеющих длинные цепочки местных превербов, которым (как в абхазском и других родственных северо-западнокавказских языках) противопоставляются формы переходные с префиксами местоименными. В параллельной форме *a-an-ni-wa_a-aš* (КВо XIX 162 Vs. 7) вместо локативного префикса *ta-* выступает префикс объекта *a-*, очевидно, при значении 'сидит на нем' ('= на великом троне').

Термин *katte* 'царь' представляет особый интерес ввиду наличия соотношенного с ним *katta-ħ-* 'царица', бесспорно родственного абх. *-x-*, адыг. *-xь-у* в абх. *aŋ-x-a* 'дочь' (адыг. *n-xь-у*, убых. *px'á*): абх. *aŋ-a* 'сын'; во всех языках этот суффикс выделяется в ограниченном числе случаев. Но, по-видимому, наличие этого суффикса свидетельствует о том, что ко времени его возникновения префикса класса женщин (или старых женщин, как в некоторых дагестанских языках) в хаттском и праабхазо-адыгском не было (что могло бы быть доводом и в пользу относительно более позднего времени становления II класса в восточнокавказском).

Этимология хат. *tabarna-* 'правитель' (заимствованного в хеттский и палайский) подвергалась оживленному обсуждению, но пока его возможные связи остаются не вполне ясными, как и морфологическая структура слова. На этой фразе кончается первый раздел текста — мифологическое вступление, отделенное писцом от остального текста.

В следующей фразе строительного ритуала повторяется глагольная форма первого предложения, но в существенно ином контексте: хат. *an-na eš-ka-a-ħé-er-bi*, хет. *ma-a-na-at ta-pa-ri-ya-u-e-ni-ma* 'Когда же этим мы владычествуем (= правим)'. Начальное *an-na* 'когда' тождественно основе убых. *aná-(n)* 'тогда, в то время как' и абхазо-абазин. *-an* : в абхаз. префикс *-an-* 'когда', в абазинском суф. *-(a)n* — показатель со значением 'во время совершения действия'. Конечное *-bi*, повторяющееся и в следующем предложении, в точности по функции и по вероятному фонетическому облику соответствует убых. *-ba* как показателю гипотетичности: *səyk'ába* 'если (= когда) я приду', *wəγ°ag'á da : γ°á awq'aq'áytba* 'если бы ты этого не сказал' и т. п.³¹ Этому

³¹ С чисто фонетической точки зрения объяснение с абхаз.-адыг. **b >* убых. *b* более вероятно при хат. *bi*. Поэтому предлагаемое сопоставление следует предпочесть

обозначению условности предшествует та же форма, что и разобранный выше, но с начальным (объектным?) аффиксом *e-*, а не *a-*, что, очевидно, связано с различием в конструкции. Примерный возможный перевод ‘Когда они (= боги) мне(= царю) дали ее (= страну, хат. *e-*, ср. хет. *at = udne*)’. Первое лицо и глагол хеттского пересказа при таком истолковании понятны, употребление же мн. ч. скорее объясняется тем, что до этого речь шла о богах, если не объясняется спецификой употребления множественного вместо единственного в «вежливых» формах, как в убыхском. Следующая фраза, сохраненная в дубликате, содержит тот же хат. *-bi* (гипотетичность): хат. *da-ba-ar-na kat-te-e li-e-we_e-e-el ni-i-bu-bi-e zi-i-iš pa-la*, хет. [LUGA] I[-*u-*] *a-aš É-ir i-ya-u-e-ni-ma-aš* HUR. SAG^{MEŠ} ‘если (= когда) будем делать дом повелителя-царя ими — горами’. Как и *-bi* в предыдущем предложении, *-bi-e = [bi]* как суффикс условности присоединяется к глагольной форме в целом. Форма содержит тот же суф. *ni-*, что и *ta-ni-wa-š*, *ha-ni-wa-š*. Выделение за *n-* объектного показателя *-i-* возможно, но второе *-i-* после *ni-* может объясняться и графическими причинами. В основе *bu-* ‘делать’, содержащейся и в других хаттских глагольных словоформах, целесообразно выделить корень *-u-*, совпадающий с корнем абхаз. *a-y-pa* ‘делать’, и предшествующий ему классный показатель *v-* того же типа, что в восточнокавказских глаголах типа лак. *б-унни*, *унни* (III кл.), аорист от *б-у-в-ач* ‘сделать’, авар. *ha-b-u-na*, *ha-v-u-na*, *ha-j-u-na*, *ha-r-u-na*. Конструкция *tabarna katte li-wel* ‘повелителя-царя его дом’ характеризуется сочетанием неизменяемых форм двух первых титулов с нулевым окончанием (ср. выше о форме *Hattuš*) с комбинацией притяжательного местоименного префикса *li-*, соответствующего абхаз. притяж. ест. 3 л. ед. ч. ж. р. *л-* и убых. *-l* некоторых убыхских притяжательных формах (особенно множественного числа), архаичность которых давно была правильно предположена Месарошем³², и имени существительного *p/wel* ‘дом’ (к интерпретации ср. хат. *li-e-we_e-e-el*, хет. *É-ir-se-it* ‘дом-его’, 412/b + Vs. 7a/6b). Хат. *b/wael* ‘дом’ представляется родственным хуррит. *pur^uli* ‘дом’, но, скорее всего, в качестве миграционного слова, так как в нем не наблюдается закономерного соответствия для **ç*, реконструируемого в дагестанском³³. В пользу гипотезы о миграционном характере термина говорят и его дальней-

другому возможному с **f*> убых. *f* в *-fa* со значением потенциальности, ср. адыг. *-фэ* ‘пока’, кабард. *-ху* < **f*-, в этом случае фонетически более вероятно было бы хаттское написание *wi-/fi/*.

³² J. von Mészáros. Die Pächy-Sprache (Studies in Ancient Oriental Civilization. № 9). Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1934. Следует отметить исключительную ценность этой книги и в интуитивно верном (хотя в то время еще почти недоказуемом) подходе к характеру хаттского языка, и в стремлении к морфному анализу убыхских и других родственных северокавказских форм.

³³ Т. Е. Гудава. Указ. соч. С. 183.

шие связи как с египетским *pr*, так и с хет. *pir/parn-* ‘дом’ и родственными словами в других анатолийских языках³⁴.

Для понимания фразы ключевое значение имеет хат. *pala* ‘подобно, подобный, такой же как’, в точности совпадающее с праадыг. **p^hala* ‘подобный’ (кабардин. *палъэ* ‘подобный, такой же’, ‘равный, равнозначный’; адыгейск. *ар лӀэгъэ нӀлыт* ‘он подобен мертвому’). Сложное обрядовое соотношение между строительством царского дома и горой (или горами) занимает первостепенное место в тех архаических хеттских строительных ритуалах (как KUB XXIX I), для которых давно предполагалось наличие хаттского прототипа. Поэтому, принимая отождествление хат. *ziš* в этом тексте с хет. HUR. SAG^{MEŠ} ‘горы’ в переводе-пересказе, можно понять смысл хаттской формулы: ‘когда повелителя-царя дом будут делать подобный горам’ (или: ‘подобным горам’; в хеттском переводе то же условное множественное число³⁵, что и в предыдущей фразе). Предлагаемое объяснение хат. *ziš* позволяет объяснить и казавшееся загадочным место текста хаттского мифа о божестве луны, упавшем с неба: хат. *каp ka-iyah-du Kašku dukzik zuduhan zišim*, хет. ^dXXX-*aš-kan nepišaš maušta n-aš-kan kilamni maušta* ‘Бог Луны упал с неба, и он упал на портик — на вход во храм’.

Хат. *Kašku* ‘бог Луны’ родственно хуррит. ^D*Kušuh* ‘Луна-бог’³⁶ и, вероятно, также адыгейск. *къызжлечы* ‘светает’, *къэ-зыгъэ-нэфырэр*, *нэфынэ къэзыгырер* ‘светило’, *дунаир къэзыгъэнэфырэр* ‘небесное (мира) светило’; возможно также северокавказское (адыгское?) происхождение осет. *kæsyn* ‘сверкать (о луне, солнце, звездах)’, лишь внешне совпавшего с *kæs-* ‘казаться, видеть = выглядеть’. Этому имени героя мифа предшествует разобранная выше основа *yaḥ-* ‘солнечный блеск’ с локативным преф. *ka-* (ср. адыг. *къэ/а/ы-*, глагольный префикс направления) и падежным суф. *-du*: *ka-yaḥ-du* ‘от солнечного блеска’ (= от солнечно-блестящего). Как давно правильно предположено, ту же падежную форму в другом обрядово-мифологическом тексте — заклинании ветра (KUB XVII 28 II 4) имеет слово *каp*: *каp-tu* ‘с неба’³⁷. В продолжении цитированного мифа о луне, упавшей с неба, тот же

³⁴ В. В. Иванов. Об одном миграционном термине в хауса (хауса *birni* ‘город’) // Языки Африки. М., 1966.

³⁵ Альтернативным объяснением было бы предположение о наличии инклюзивного префикса *ni* (типа авар. личн. мест. 1 л. инкл. *nił* ‘мы с вами’; тогда перевод ‘мы с вами будем делать’).

³⁶ W. Haas. Op. cit. S. 203.

³⁷ E. Laroche. Op. cit. P. 177. — Как и в восточнокавказских языках типа табасаранского и как в енисейском, функции падежа на **-d-*, от которого в этих языках могут и образовываться целые серии вторичных падежных форм, достаточно широки. Поэтому в данном случае перевод Лароша условен.

мотив падения в повторном рассказе Богини описан следующим образом: хат. *ka-ap-ḥu zi-ya-aḥ-du* ^d*Ka-a-aš-ku du-uk-zi-ik*, где за формой *kap* следует частица очевидности (пересказывания) *ḥu-*, возможно связанная с соответствующим глагольным корнем как в хаттском (хат. *uk-ḥu-ba* ‘она сказала’ в мифе о Луне непосредственно перед разбираемым местом) и абхазо-адыгском (абхаз. абаз. *xIvara* ‘говорить’, адыгейск. шапсуг. *Луэн, кIъуэн*, терск. *жыЛуэч*, кабардин. *жыIэч* ³⁸); вероятно, возникновение древпехеттской частицы *wa(r)* в той же функции из общеанатолийского глагола (**wer-*, ср. греч. **Fερ-γο* > *εἶρω*, лат. *ver-bum*, нем. *Wor-t* и т. п.), еще отраженного в палайском, может объясняться доисторическим влиянием хаттского языка на хеттский. В цитированном сочетании за *kap* следует только эта частица, тогда как показатель *-du* стоит лишь после определения (приложения?): *kap-ḥu zi-yaḥ-du* ‘с неба, мол, солнечно-блестящего’ (*zi* — локативный префикс, легко сопоставимый с локативными префиксами с начальным свистящими или шипящими типа адыгейск. *цэ-* ‘где-либо’ в абхазо-адыгском), но это позволяет думать о явлении типа групповой флексии, обычной для агглютинативных языков, к которым хаттский следует отнести на основании структуры последовательностей цепочек аффиксов (в восточнокавказских языках типа табасаранского ³⁹ от именной основы падежа на *-d-*, как и в енисейском, образуются агглютинативным способом косвенные падежи; ср. также функцию кит. *-ды*). Очевидно, сходным образом следует анализировать и последовательность *kap ka-yaḥ-du* ‘с неба солнечно-блестящего’, где *kap* выступает в форме нулевого падежа, а падежное окончание *-du* присоединяется к атрибуту (*ka-*) *yaḥ-*.

Согласно предлагаемому описанию, *kap* должно означать ‘небо’. В этом случае слово может содержать наблюдающийся в ряде хаттских имен начальный (окаменевший классный?) показатель *k-*, а основа *-ab* — та же, что и в *wa-šḥ-ab* ‘боги’ (и в родственной второй части приведенных выше современных абхазо-адыгских слов, в адыгском означающих ‘небо’); ср. также в дагестанском авар. (*z-*) *ob*, дарг. *zub-ri* и т. д. Глагольная форма (*duk-*)*zik*, встречающаяся в обоих приведенных вариантах мифа о боге Луны, упавшем с неба, по-видимому, может быть связана с убых. *č'a-ká-* ‘падать’ (о предметах, падающих на землю, в том числе о садящемся во время заката солнце ⁴⁰): *səus^o'anuč'akánan* ‘бросая нас на землю’. Глагольной непереходной основе,

³⁸ Ср.: Г. В. Рогова. К составу основы кабардинского глагола *жыIэн* ‘говорить’ // Учен. зап. Кавказ. ун-та. Сер. Филол. науки. 1959. Т. XVI. № 1. С. 105.

³⁹ Ср. недавно опубликованное изложение описания Услара: А. А. Магомедов. П. К. Услар — исследователь дагестанских языков. Махачкала, 1979. С. 41.

⁴⁰ J. von Meszaros. Op. cit. S. 266, 284, 287; H. Vogt. Op. cit. P. 105 (N 426), 214 (N 2229) и др.

очевидно, предшествуют два локативных префикса: *du-k-* (ср. адыг. *дэ-* ‘в’ и адыг. *къэ-*, но чисто фонетически возможны и другие сближения). За предложением *kap(-h̄u)* (*ka-/zi-*) *iyah̄-du* ^D*Kašku dukzik* ‘с неба (мол) солнечного бог Луны упал’ в обоих повторяющихся рассказах следует вызывавшее недоумение исследователей *zu-du-uh̄-a-an zīšim*, переведенное хет. *n-aš-kan šer* KI. LAM-ni (*kilamni*) *maušta* ‘и он упал на портик храма’. Глагольная форма может быть отождествлена с убых. *z°a-t°a-* ‘опуститься’ (ср. *z°a-* ‘небо’: авар. *zob* ‘небо’ и т. п.): *aš’x’az°anət°aq’ayla* ‘все вещи, которые он (бог) опускает (с неба) для вас’, *ándya z°at°aq’a* ‘солнце начало садиться’; последняя форма может быть полностью тождественна хат. *zu* (= убых. *z°a-*, авар. *zob*) *-du* (= убых. *t°a-*, ср. адыгейск. *тлысын* ‘сесть’ в *тыгъэр тысыгъэ* ‘солнце село’) *-h̄a* (ср. убых. *-q’a* суффикс завершенности⁴¹) *-n* (ср. общее для северокавказских языков окончание перфекта *-n*). Хат. *zīšim* может быть объяснено благодаря обнаружению формы *zīš* ‘гора, горы’ в вышеразобранном месте дубликата строительного ритуала (к этимологии ср. вост.-кавк. формы типа лезг. *суб*). В этом предложении хат. *zīšim* выступает в форме падежа на *-m* типа адыг. *-m* в таких конструкциях, как *кӀэлэцӀыкӀур джэхаишьо-м цэ-кӀо* ‘ребенок по полу ходит’. Это служит веским аргументом как в пользу того, что и в формах типа *wašhab-ma* хат. *-ma* уже падеж, а не постпозитивное указательное местоимение, так и в пользу архаичности формы и функции (не только собственно эргативной, но и локативной) адыгского падежа на **-m* (вопреки часто излагавшейся точке зрения). Хаттское предложение означает ‘он упал на гору (на горы)’. Хеттский перевод *kilamni*, очевидно, связан с тем пониманием хет. *kilammar*, род. п. *kilamnaš* не только как названия портика храма (ср. лат. *columen*), но и вообще как обозначения возвышенности. Но это уточнение в хеттский перевод оказывается возможным внести только после прояснения хаттского текста.

Следующая хаттская фраза, завершающая согласно делению писца второй раздел текста, по-хеттски была не переведена, а пересказана: хат. *ya-a-ya* (*/-e*) *i-ma-al-h̄i-ib*, хет. *na-aš-ši pi-ú-e-ni* SIG₅-*an-du-uš* NA₄^{HI.A} ‘и ему дадим хорошие камни’. Хаттская форма *imalh̄i-b* явно представляет собой глагольную форму 2 л. (инклюзива?, что могло бы объяснить хеттский перевод), так как есть значительное число хаттских форм этого типа, которые выступают в качестве параллельных явно глагольным формам. Хат. 2 л. пов. накл. *ti-ša-a* переводится хет. *eḫu* ‘иди’ в мифе о строительстве домов (храмов) богами в контексте, где призывают бога-кузнеца, ср. *kašmeša* ‘иди! зови!’ как хаттское восклицание-призыв в хеттских придворных ритуалах. Контекст употребле-

⁴¹ В этом случае окончательно отпадает (маловероятное и по другим соображениям) сопоставление убых. *-q’a-* в этом значении с хат. *-ka-* в *-a-š-ka-h̄hi-r*.

ния делает несомненным сближение с праадыг. **mārž'a* > кабард. *маржа* 'клич, призыв к движению вперед', адыгейск. *мардж*, понимаемым и для праадыгского как междометие⁴², но восходящего к такой же глагольной форме, как и хат. *miša*. Параллельно известно *mi-i-ši-ib*⁴³. Обилие таких параллелей делает весьма вероятным, что *-b* в подобных формах является окончанием 2 л. либо ед. ч., в таком случае сравнимым с адыг. *-n/-b/-nI* (префикс 2 л. ед. ч.), либо мн. ч. (быть может инклюзива, судя по хеттскому переводу разбираемого места), ср. особенно показательное *i-la-a mi-li-ib* (Во 394/с +, 39'), где *ila* (написанное с глоссовым клином в списке заглавий гимнов Во 6627 Rs б'б) представляется возможным древнесемитским заимствованием⁴⁴. У предполагаемого окончания 2 л. мн. ч. *-b* в хаттском есть два возможных объяснения: либо развитие исходного **z°* в губной (типа того, что позднее произошло в кабардинском и удинском), либо отражение в хат. *-b* (в инклюзиве?) того же исходного губного, который имеется в анд. 2 л. мн. ч. **б-ишдэ* (ср. працез. **вэньжэ*) и в других местоименных формах с начальным губным в личном местоимении 2 л. мн. ч. в ряде дагестанских языков. В пользу второго предположения говорит то, что в сложном слове *hantip-šuwā* 'повар' хат. *suwa-* соответствует убых. *z°a-* 'варить', кабард. *вэн* 'варить', адыгейск. (*гъэ-*)*жъон* 'варить', абхаз. *а-жэ-ра* (бзыб. *ажъв-ра*), абаз. *а-жвра* при параллельном развитии хат. *ha-ga-zzu-el* 'дающий пить': адыгейск. *е-гъэ-шъон*, кабард. *е-гъэфэн* 'поить'; где хат. *ga-* = адыг. *-гъэ-*; ср. убых. *z°a-* 'пить', абхаз. *а-р-жэ-ра* 'поить'; хат. *zzuwa-* 'жена': убых. *s°á-*, кабардин. *фыз*, адыгейск. *шъвы(зы)* (> абаз. *чвыз*) при таком же, как отмеченное выше, развитии *-st-* в нахском: бацб. *пстлуин*, откуда объясняется и родственное хуррит. *ašti* 'женщина', этрус. *ruia* 'женщина'. Поскольку зап.-кавк. **š°*, **z°*, **ž°* в этих формах соответствуют хат. *zzuw-*, *šuw-*, развитие иного типа в грамматическом аффиксе хотя и не исключено (ввиду различия позиции в слове и функции), но не вполне обязательно. Поэтому сохранение в качестве грамматического архаизма губной фонемы (в инклюзивной форме) кажется возможной. Последней альтер-

⁴² А. Н. Kuipers. Op. cit. № 88 (interjection). Автор обязан С. А. Старостину за обсуждение этой и ряда других этимологий при дискуссии по настоящей работе на семинаре им. В. М. Иллич-Свитыча. Неясным фонетически остается отношение к убых. *meša* 'звать'.

⁴³ Н.-S. Schuster. Op. cit. S. 95—96.

⁴⁴ Другим таким заимствованием могло быть хат. *b-inu* 'сын', ср. адыгейск. *быны* 'семья, ребенок', кабард. *бынхэр* 'дети (сыновья и дочери)' (предлагавшаяся иранская этимология неубедительна). Проблема представляет исключительный интерес как один из способов подтверждения пути движения абхазо-адыгов с юга. Контакт хаттов с западносемитским населением Эблы удостоверяется для середины III тыс. текстами из Эблы. В *p-/b-inu* мог быть вторично выделен хаттский классный показатель.

нативой (наименее доказуемой функционально) было бы использование в этом и многих других случаях формы типа адыгейск. *-ба* в роли префикса подтвердительно-наклонения (*сэ-тхэ-ба* ‘я ведь пишу’ и т. п.).

Анализ всех остальных морф глагольной формы *i-ma-lhi-b* не вызывает трудностей: в *i-* тот же (общесеверокавказский, но имеющий и картвельские аналоги, ср. абхаз. *и-с-фойт* ‘я его съем’: *и-и-фойт* ‘он его ест’: сван. *i-tre* ‘он пьет’ с соответствиями в других картвельских языках) аффикс объекта, что и в хат. */i-t-f-e/* ‘мы его едим (= съедим)’, в *ma-* — (запретительное) отрицание, общее для всех северокавказских языков, включая хурритский, в *-lhi* точная запись праформы, восстанавливаемой для праадыгского на основании сравнения кабард. *илъхъан* ‘класть, положить, уложить’, адыгейск. *илъхъан* ‘класть’. Следовательно, форма в целом означает ‘(для него = царя) это не клади(те)’. Аналогия с адыгейск. *е пилэу шлу уцымыгучьу* ‘делая зло, не рассчитывая на добро’, кабард. *е мыццлэ флы мыццлэ* ‘не делающий ни зла, ни добра’ делает очень вероятной интерпретацию предшествующей *imalhib* именной формы *ya-a-ya*, *ya-a-e* как соответствующей адыгейск. *е* ‘зло’, *Iae* ‘некрасивый, плохой, испорченный’, кабард. *е* ‘зло’, *ебжын* ‘лечить заговор’, *ебжыныгъэ* ‘заговор’, *ебишн* ‘враждовать’, *леижь* ‘очень плохой’. Фонетическая проблема, связанная с этой этимологией, заключается в том, что для праадыгского восстанавливается **q'aua*. Можно, однако, думать, что хаттское соответствие адыг. **q'- > I-* представляло собой глубокозаднеязычный, фарингальный или ларингальный такого типа, который в хаттской клинописи в начале слова или вообще не передавался, или передавался условно начальным знаком типа *ya-* (= **q'y?*). В точности аналогичное фонетическое (и графическое) соответствие обнаруживается и между хат. *ippi-zinar* ‘небольшая лира’ и ст.-адыгейск. *лэпэ-пцын* ‘лира, арфа’, кабард. *лэпэ пшынэ* ‘горская балалайка, пальцевый струнный инструмент, ручная гармонь’. Первая половина сочетания представляет собой общеадыгское название пальца **q'a-p^ha*, ср. убых. *q'a : p'á* ‘рука’ при абаз. *на-пль*, абхаз. *а-на-пль* ‘рука’; к древней форме с абруптивом ср. цез. **VpIV* ‘лапа’, по Е. А. Бокареву, которое можно было бы считать и одной из альтернативных праформ для хат. *ippi-*, если предположить для этого слова, как и для хат. *ya-a*, отсутствие начального согласного (префикса), который в общеадыгском мог присоединиться так же, как начальное *k-* в хат. *k-ap* ‘небо’ (другие примеры ср. ниже). Все предложение *ya-a imalhib* понимается как ‘злого (ему) не клади’. Детализованный хеттский пересказ именно этой мысли содержится в начале третьего раздела хеттского пересказа: *i-da-lu-uš-ma-aš-ši-kán NA₄ an-da li-e ki-it-ta-ri* ‘плохой же камень да не будет ему положен’.

Соответствующий хаттский текст практически не сопровождается хеттским переводом. Наиболее сложный вопрос представляет начальная хаттская

форма *bi-i-ib*, которая согласно сказанному выше может иметь начальный префикс III класса *b-* и глагольное окончание 2 л. (ед. или мн. ч.) *-b*. Судя по приведенным примерам, *i-* как объектный показатель не предшествовал классному префиксу, хотя это еще не доказано для разных типов спряжения, поэтому *-i-i-* может быть и реальной последовательностью префикса и корня (или корня и начала графической передачи окончания *-ib*). Из адыгских глаголов, близких к семантике хеттских строительных ритуалов хаттского круга (типа KUB XXIX 1), можно было бы упомянуть адыг. *ич* ‘мазать, обмазывать’. Восклицание ‘штукатурьте!’ вполне соответствует обычным текстам архаических хеттских строительных ритуалов, но не находит подкрепления в хеттском пересказе этого места. Поэтому предлагаемый перевод, хотя и остается возможным, еще очень гипотетичен. Следующая формула, вводимая этим не вполне ясным кратким глагольным обращением, должна быть прочитана по-новому благодаря дубликату: *a-ša-aḥ* (вариант: *i-ša-aḥ*) *ta-aš-te-eḥ-ka zi-ya*. Первое слово представляет собой по значению соответствие хет. *idaluš* ‘плохой, злой’ в приведенном выше хеттском пересказе. Этот вывод следует как из сопоставления различных других мест данного строительного ритуала, так и в особенности из тех хаттских текстов, где говорится о ‘злом языке’ *wu_a-(a)šaḥ alip* различных категорий говорящих. В KUB XXVIII 24 Vs 4’—5’ подряд упоминаются *wa_a-šhaw-un wa-(a)šaḥ alip* ‘богов злой язык’ и *wa_a-zari-un wa_a-(a)šaḥ alip* ‘людей злой язык’ с явным согласованием по классу между первыми двумя членами конструкции, хотя не исключено, что конечное *-ḥ* может связывать между собою второй член с третьим. Хат. *alip(aleb)* ‘язык’ родственно котт. *alip* ‘язык’, арин. *ál’ap*, ассан. *alip*⁴⁵ и является, следовательно, весьма древним словом для всей северокавказско-енисейской языковой семьи. Однако возможность его фонетического соотнесения с общесеверокавказским названием языка (абхаз. *абыз*, адыг. *бзэ-зу*, авар. *тазз* и т. п.) упирается в чрезвычайно сложные проблемы, как морфологические (возможность выделения начального губного согласного как классного показателя, если не соотнесение его с последним согласным хаттско-енисейского слова), так и фонетические (предыстория абруптивных аффрикат), которые еще только могут быть намечены; нельзя исключать и возможности общесеверокавказской инновации при сохранении древнего слова в периферийных языках — хатти и праенисейском. Слово *ali-šaḥ* ‘злой’, по-видимому, содержит местоименный префикс *ali-* (ср. выше) и возможно префикс прилагательного (или рода-класса) *-ḥ*. При такой малой длине предполагаемой основы и при

⁴⁵ А. П. Дульзон. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям // Учен. зап. Томского Гос. пед. ин-та. Т. XIX. Вып. 2. Лингвистические науки. Томск, 1961. С. 189. В кетском и некоторых других енисейских языках слово вытеснено новообразованием.

семантике, делающей табуистические замены более чем вероятными, любые этимологические сближения представляются пока что преждевременными. Глагольная форма *ta-aš-te-eḥ-ka* содержит в начале отрицательный префикс *taš-*, имеющий соответствие в нахском (чечен. *ца : барзо а ца доу деттина* ‘и волк не ест жареное’, ср. суф. *-ац-* : *церан да цкъа-а таллан водацара* ‘и отец никогда не ходил на охоту’), тогда как следы подобного западнокавказского отрицания Дюмезиль предполагал в формах типа абхаз. *зын-за* ‘совершенно’; возможно, что именно из абхазо-адыгского заимствована и одна из внешне сходных с хат. *taš-* форм сванского отрицания (сходство было ранее отмечено Т. В. Гамкрелидзе). На основании всех этих данных можно предположить, что хаттский сохранил противопоставление по меньшей мере двух отрицаний (*taš-* : *ma-*), тогда как в современных западнокавказских языках первое из этих отрицаний было утрачено и в его функции выступают формы с тем же *m-*. На втором месте в *taš-te-ḥ-ka* можно предполагать локативный преверб *te-* (ср. хет. *anda* ‘в’ в пересказе и выше о возможных аналогах в абхазо-адыгском), на третьем — аффикс *-ḥ-*, который может соотноситься с *-ḥ-* в *ali-š(a)-ḥ*, где в этом случае следует ожидать значение класса, по которому глагол согласован с именем. Если *-ka-* в этой форме связано с *-ka-* ‘давать’ в первой фразе, то примерный перевод мог бы быть: ‘злое да не (будет) дано (= положено)’, ср. сходный хеттский пересказ в начале этого раздела. Конечное *zi-ya* содержит, скорее всего, локативное указание типа адыг. *щы/э-* (с широким местным значением); по своему месту в конце предложения *ziya* сходно с *šuwā* (но не исключено, как заметил в своей транслитерации дубликата текста В. Г. Ардзинба, что *-zi-ya* прямо продолжает глагольную форму⁴⁶). Примерное значение всего предложения: ‘Злое да не будет положено здесь’. Конечная *ta-aš-te-eḥ-ka(-)zi-y[a]* повторяется и в конце третьего раздела хаттского текста, но предшествующие ему слова неясны и остаются еще менее понятными из-за того, что здесь и хеттский пересказ состоит из не вполне понятных редких слов: хат. *ú-ra-na te-a-ta-an-na pa-la pa-še-iz-zi-i-it ta-aš-te-eḥ-ka (-)zi-y[a]*, хет. *ta-at-ra-an-za-ya-aš-ši-kán al-ḥa-ri-eš wa-al-aḥ-ḥa-an-za-aš-ša anda li-e* ‘внутри да не (будет) заостренный (?) и режущий (?) камень (?)’. Хеттский пересказ явно не точно следует хаттскому, где содержится уподобление, завершающееся *pala*, как в предшествующем разделе. Форма *urana* внешне сходна с хат. *urali-* ‘источник’ (имеющим соответствия в названии воды, общем для северокавказско-енисейского и ностратического, в том числе индоевропейского). На это стоит обратить внимание потому, что в более позднем месте хеттского пересказа, не имеющем явного эквивалента в хаттском, упо-

⁴⁶ Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить В. Г. Ардзинбу за целый ряд советов и за постоянную помощь в работе над абхазским языком и хаттскими текстами.

мянуты 4 источника. Но значение отдельных хаттских слов и их сходных друг с другом форм (последовательность концов слов *-ana -anna* перед завершающим *pala* ‘подобно, подобный’) остается неясным.

Благодаря обнаружению дубликата вполне ясным становится значение сначала следующего хаттского раздела, который хорошо соответствует хеттскому переводу: хат. [z]i?-i?-iš-pa ša-ak-tu nu-ú-wa zi-e-ḥar wa_a-ša-aḥ ḥa-mu-ru-ú-wa wa_a-a-ša-aḥ te-wa-aš-ši-ne wa_a-ZA-ša-aḥ ta-al-wi-it wa_a-aḥ-zi-i-ḥé-ir-ta, хет. I.NA. ḤUR. SAG ša-ak-du-nu-wa [i-da-lu GIŠ-ru] i-da-lu-un^{GIŠ} UR i-da-lu-un^{GIŠ} [ḥi-it-ta-aš-ša-an?] i-da-lu ḥu-im-pa-an mu-un [-na-an-du] ‘В гору Шакдунува да скроют они плохое дерево, плохое бревно, плохой потолок (?), плохую крышу (?)’. Хат. *ziš-* ‘гора’ представляет собой в начале предложения точный аналог хет. HUR.SAG, которое соответственно нужно интерпретировать как идеограмму, а не как детерминатив (что делалось раньше). Но название *Šaktumuwa*, хотя оно и встречается в хеттских текстах в качестве единого имени собственного, скорее всего, следует считать подобием «дарвалдая» (если воспользоваться классическим примером из Андрея Белого) — переименования уже непонятного словосочетания, в хаттском написанного раздельно: *ša-ak-tu nu-ú-wa*. Первая его часть представляет собой падежную форму на *-du*, которая (как и в разобранных выше случаях) образуется по принципу групповой флексии, так как окончание присоединяется ко второму из двух слов, образующих именную аппозитивную группу; за первым из них следует локативная частица *-pa* (ср. кабард. *-бы*, суффикс наречий места). Основа *šak-* может быть отождествлена с праадыг. *š^heg^{oə} ‘вершина горы’⁴⁷, ср. убых. *šäk^o* ‘вершина’, абхаз. *ашьха* ‘гора’. Сочетание *ziš-pa šak-du* можно было бы передать ‘с одной горы на другую = дальше в горы’. Далее перечисляются плохие, негодные для изготовления царского дома предметы, которые должны быть отправлены в горы; это действие передано глаголом *nuwa*, имеющем точное соответствие в убых. *ba-y-na-wə* ‘удаляться’, *sebaynawən* ‘я удаляюсь’, где выделяется общий для хаттского и современных западнокавказских языков глагольный локативный префикс *n-*, означающий движение от говорящего, и корень глагола *-w-*⁴⁸. Таким образом, начало раздела означает: ‘С горы на гору = в далекие горы (пусть) уйдут отсюда’. Затем перечислены ‘плохие’ (*wa_a-ša-aḥ*) предметы, отсылаемые в горы. На первом месте *-zi-e-ḥar* ‘дерево’, соответствующее адыг. *чыгы* ‘дерево’, кабард. *жыг* ‘дерево’, ср. абаз. *джъчвы* ‘дуб’ (древнее заимствование из адыгского?⁴⁹). Форма на *-p*,

⁴⁷ A. H. Kuipers. Op. cit. P. 41. № 57.

⁴⁸ J. von Meszaros. Op. cit. S. 203, 294, 308 (с исторически правильным морфемным анализом); H. Vogt. Op. cit. P. 89; G. Dumézil. Documents anatoliens. P. 219.

⁴⁹ За обсуждение этого и ряда других соответствий автор признателен С. А. Старостину.

сходная с хаттской, из абхазо-адыгского (возможно, что именно из адыгского) была заимствована в древний период в сванский, что давно было отмечено Марром⁵⁰. Значительный интерес представляет чечен. *де-чиг* ‘дерево, дрова’, где в пользу предлагаемого разложения говорит согласование *доккха де-чиг* ‘большое дерево’, *дечиг ду* ‘дерево есть’.

Следующий из терминов, относящихся к строительству дома из дерева, — хат. *ħaturiva* ‘бревна’, имеющее точное соответствие в таких словах, как адыг. *пхъэмбру* ‘засека’ (при неясности в этом и других случаях соотношения между начальной праадыгской группой *Pх- и хаттским анлаутом ħ-: упрощение группы в хаттском?), ср. *пхъэмбгъу* ‘доска’, *пкъэу* ‘бревно, столб’ при абхаз. *ахыбра* ‘здание’ (развитие -бр- < *mbr < *mr-, как в местоимении *абр-* при адыг. *m-r-, ср. *Абр-скил* : *Амран-* и т. п.); ср. в дагестанском гунз. *гъем* ‘столб’, бежит. *гъем* и т. п.; но неясным остается соотношение с картв. **т̃qe(n)* ‘лес, дерево’ при абхаз. *чхъэм*, *атчымаџаху* ‘лес как материал’, чечен. *хе* (общекавказский миграционный термин с изменениями анлаута?).

Два других термина менее ясны из-за нечеткой семантики хеттских соответствий, хотя эти хеттские эквиваленты достаточно часто встречаются в строительных ритуалах. Хат. *tewa-ššine* (= хет. *ħitta-šša*) можно было бы предварительно сопоставить с основой убых. *sə* ‘лес’ (ср. авар. *si* ‘башня’?), *t'a-sə* ‘разновидность дерева’, но возможно и сближение начального *te-* с адыг. *те-* ‘на, сверху’ или абхаз. *аџуан* ‘потолок’; возможность выделения конечного хат. -*ne* в имени представляла бы особый интерес для сближения с хурритским, но материал пока недостаточен. Хат. *talwit* (= хет. *ħuimpa*) по окончанию сближается с *ħa-n-w-aš-wit* ‘трон’, образованным от основы *ħa-ni-wa-š* ‘сидит’ (см. выше); основа *tal-* может быть сопоставлена с дагестанскими строительными терминами типа авар. *ṭala* ‘слой, ярус, этаж, улей, труба’ (к последовательности хат. *tewaššine talwit* ср. авар. *ṭab- ṭalajab si* ‘трехэтажная башня?’). Грамматически наиболее сложную форму представляет конечное *wa_a-aħ-zi-i-ħé-ir-ta*. Начальное *wa_a-aħ-* в этой форме явно согласовано (по двум показателям типа классовых?) с предшествующими *wa_a-a-ša-aħ* ‘плохой’, *zi-* может быть уже встречавшимся локативным префиксом, непереходная глагольная основа убых. *qarda-* (аномальную фонетическую структуру которой отмечает Дюмезиль) могла бы точно соответствовать хат. -*ħerta*. Тогда общий перевод был бы достаточно близок к хеттскому пересказу: ‘С горы в горы (да) уйдет отсюда дерево плохое, балка плохая, потолок(?) плохой, крыша(?) плохая (да) будет скрыта’. Но возможны и другие толкования заключительной формы, которая могла бы и содержать в себе инкорпорированное название *ziħer* ‘дерево’ и заключительный суф. -*ta*, которому на-

⁵⁰ Н. Я. Марр. Язык и история абхазов. М.; Л., 1938. С. 67, 121.

шлись бы аналоги в хеттском. Однако предложенное выше понимание более вероятно из-за повторения той же формулы в последующем разделе.

Следующий раздел хаттского ритуала, достаточно точно переданный в хеттском переводе, повторяет то же перечисление в другом грамматическом оформлении: хат. *i-ma-al-ḥi-ib-bi zi-i-ḥar i-ma-a [l-ḥi-ib] ḥa-a-mu-ru-ú-wa i-ma-al-ḥi-ib t[e-wa-aš-ši-ne] i-ma-al-ḥi-ib ta-al-wi-i-it [ta-ba-]ar[-na] ka-at-te-ya-a-[ya]*, хет. SIG₅-in-ma GIŠ-ra SIG₅-an-ta-an [GIŠU]R GIŠ ḥi-it-ta-aš-ša SIG₅-m GIŠ ḥu-i[m-ra-a]n SIG₅-i[n] la-ba-ar-na-i LUGAL-i pi-y[a-an-d]u ‘Хорошее же дерево, хорошее бревно, хороший потолок(?), хорошую крышу(?) повелителю-царю пусть дадут’. В хаттском, как во втором разделе, использовано сочетание *yaya imalḥib* ‘плохое не клади(те)’. Но первая его часть названа только один раз в конце, а глагол повторен перед каждым из членов перечисления, причем первый раз — с той же частицей-суффиксом *-bi*, которым характеризуются и две первых глагольных формы того же второго раздела (*eskaḥer-bi, nibu-bi*). Соответственно пятый раздел хаттского текста может быть понят так: ‘Не клади же дерево, не клади бревно, не клади потолок(?), не клади крышу(?) повелителю-царю во зло’.

Шестой раздел хаттского ритуала содержит в начале характерную для подобных заговоров отсылку: хат. [i#] š-[tar]-ra-zi-il-bi [wa_a]-a[-š]a#a[h wa_a]-aḥ-zi-ḥe-ir-ta, хет. *da-an-ku-wa-i-ma ták-ni-i[i-da-la-u-wa(?)]* mu-un-na-an-du ‘В темную же землю пусть они скроют плохое’. Два последних хаттских слова, повторяющие заключительную конструкцию четвертого раздела, должны согласно предложенной выше интерпретации означать ‘плохое (да) скроется’. Первое же сложное слово содержат хат. *išta-* ‘темный’, соответствующее убых. *ž’a* ‘черный’, адыгейск. *шлү-цлэ* ‘черный, темный’, кабардин. *флЫ-цлэ* ‘черный, темный’, абхаз. *ацкуацда* ‘черный’ (при соответствиях в дагестанском: авар. *be-з* ‘темный’ и др.), и хат. *(a)rrazil* ‘земля’, соответствующее адыгейск. *члЫ* ‘земля’, кабардин. *цлэ* ‘земля’, авар. *raq#* ‘земля’, дид. *rilu* ‘земля’. Все сочетание в целом, отраженное в хат. *išta-rrazil* с обратным порядком составных частей (ставшим обычным в современных адыгских языках в конструкциях с качественным прилагательным), встречается в кабардинском фольклоре; *цлЫ флЫцлэри* ‘земля черная’⁵¹. Хат. *-razzil* архаично в двух отношениях. В нем (как и в *zilat*, см. выше, и, вероятно, в *walibizil* ‘проливной дождь’: кабард. *уфэн-цлын* ‘мочить дождем’, ср. адыгейск. *члэон* ‘погружается в воду’, *члэбы* ‘тонет в воде’, *члэбын* ‘тонуть в воде’) отражается древний латеральный. В начале слова представлен такой же (омертвевший?)

⁵¹ В песне «Сосрыкьюэ и уэруд», записанной экспедицией Н. Ф. Яковлева в 1920 г.: Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. С. 367 (сочетание в песне повторяется).

классный показатель, как в аварском, ср. также хат. *arinna* ‘источник’ (откуда название древнего хаттского культового центра *Arinna* и богини солнца города Аринна⁵²), соответствующее удин. *ор-эин* ‘источник’, свидетельствующее о наличии классного префикса *-r- в хаттском (ср. хуррит. *arinna* ‘источник’⁵³, являющееся либо ареальным миграционным словом, либо исконно родственное хаттскому и удинскому; соотношение с другим восточнокавказским названием источника со сходным концом слова нуждается в дополнительном исследовании, в современных западнокавказских языках слово заменено эвфемистическими описательными выражениями явно позднего происхождения). Следующее за *istarrazil -bi* может иметь то же локативное значение, что *-ba* после *ziš*, или то же, что модальное *-bi* после глагольных форм. Перевод хаттского предложения близок к хеттскому пересказу: ‘В темную землю плохое (да) скроется’. В следующей фразе, завершающей шестой раздел и, по-видимому, кончающей всю первую часть ритуала, вновь повторяется та же формула, что и в конце пятого раздела: хат. *i-m[a-al-h][i-] lib-bi* [*ta-ba-a*]r-[*na kat-te-y*]a-a-ya, хет. *aš-šu-u-ma LUGAL-i la-ba-ar-n* [*a-i pi-ya-an-du*] ‘добро же царю-правителю пусть они дадут’. Хаттский текст означает ‘Не клади(те) правителю-царю плохого’.

Седьмой раздел начинается фразой: хат. *a-an-ta-ḥa-an ka-aš-ti-ib-AN z[i-li-bu-ri]-e-u ka-at-ti (pa-la)*, хет. *KÁ-aš-ma-za-kán^Dzi-li-pu-ra-aš LUGAL-uš t[a-]aš* ‘Ворота же дал царь бог Цилибури’. При спорной интерпретации хет. *taš* как формы типа *daš* ‘он взял’ (*dais* ‘он поставил’) проясняется форма *antahan*, разъясняемая как «перфект» на *-n* (ср. выше о подобной форме в мифе о луне и ее восточнокавказских соответствиях) от корня *ta-*, родственного убых. *ta-* ‘давать’ (в формулах типа *wán cáyada awəntáx!* ‘чтобы бог тебе дал прежде всего!’), адыгейск. *тын* ‘дать’, кабардин. *тын* ‘дарить, подарить’. Начальное *a-* может быть префиксом 3 л. ед. ч. объекта, *n-* — префиксом движения (ср. выше), характер *-h-* в этой форме, как и в других, с ней сходных, нуждается в разъяснении. Хат. *kaškaštipa-*, в данном предложении переводимое как ‘ворота’, представляет собой сложное слово (в форме падежа на *-n?*). Первая его часть *kaška-*, по-видимому, содержала (локативный?) преф. *k-* (ср. выше о *k-ap*), так как к нему восходит доисторическое хеттское заимствование: др.-хет. *aška* ‘ворота’ (в частности, царские, упоминаемые в древнехеттских законах); наиболее близкое соответствие обнаруживается в первой части абхаз. бзыб. *асхá-мвиш* ‘порог’, ср. также убых. *q'əša* ‘порог’. Вторая

⁵² В. В. Иванов. Вурунсему // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1: А—К. М., 1980. С. 254 (с библиографией). — Исправлением, касающимся родственной удинской формы, автор обязан любезности С. А. Старостина.

⁵³ W. Haas. Op. cit. S. 203.

часть сложения *-štip-* может быть хаттским названием двери (ср. также *tabarna-n le-stup* ‘правителя — его дверь(?)’, 510/S IV, 18’), ср. абхаз. *a-шэ* ‘дверь’; лабиальный гласный в ауслауте предполагается в восточнокавказском, где представлен преф. *n-*⁵⁴, ср. убых. *n-t^o* ‘дверь’. Не вполне ясно, принадлежит ли хат. *pala* ‘подобно’ конструкции *katti pala* ‘подобно царю’ или же начинается следующее предложение. Перевод хаттского текста: ‘Бог Цицибури подобно царю (или: царь) подарил (поставил) ворота’.

Следующая фраза и по-хаттски, и по-хеттски может начинаться одним словом раньше, чем в предложенном разборе, если понимать хет. *ta-aš* не как глагол, а как сочетание союза *ta-* ‘и’ с местоимением *-aš* ‘он’ и видеть в хат. *pala* соответствие хеттскому союзу в значении ‘и’. При предложенном выше толковании первой фразы вторая фраза начинается позднее: хат. (*pa-la*) *a-am-bu li-e-w* [*a_a?-el? ?am-mi-i*] *š ka-a-ħa-a-an wa_a-šū-it-tu-u* [n], хет. (*t[a]-aš*) ^{GIŠ} *ħal-ma-aš-šū-it-ta-an i-e-it* ‘(и он) сделал трон’. Форма *a-am-bu* содержит тот же объектный преф. 3 л. ед. ч. и преф. **-n- > -m-* (в позиции перед последующим губным), классный показатель *-b-* и корень *-u-* ‘делать’, ср. выше о форме *ni-i-bu-bi-e*. Перевод *le-wael* (если восстановление верно) ‘его дом’ позволяет дать перевод ‘он (бог) сделал его дом’ (‘его’ относится к *katti* ‘царь’). Реконструкция Шустера [*am-mi-i*] *š* предполагает использование глагола со значением ‘класть’ (ср. ниже), но определить его форму в данном фрагментированном тексте не представляется возможным. Этот глагол употреблен в конструкции с последующим именем *ka-a-ħa-a-an wa_a-šū-id-du-ú-un* (в двух случаях написано раздельно, в одном вместе) с локативным преф. *ka-* к корню (ср. выше о *ħa-ni-wa-š*, *-ta-ni-wa-š*). По-видимому, имеется в виду, что бог положил на трон нечто.

Следующий раздел, кончающийся аналогичной формулой, начинается с глагола ‘брать’: хат. *a-an-tu-uh li-e-zu-u-uh li-eš-te-ra-aħ ba-la li-[e-še-ib-] [še]-ib b/pa[-l]a an-ne-eš ka-a-ħa-an(-)wa_a-su-id-du-ú-un*, хет. *dā-a-aš-mā-aš-za* ^{HI.A} ^{KUŠ} *TUG* ^{HI.A} ^{KUŠ} *BARA* ^{HI.A} ^{KUŠ} *E.SIR* ^{HI.A} *-ya [n]a-aš-ša-an da-a-iš* ^{GIŠ} *DAG-ti* ‘Он же взял себе одежду его, покрывало его и обувь его и положил их на трон’. Первая глагольная форма *antuħ* явно связана с *antaħan* в начале предшествующего раздела, хотя детали в соотношении между этими формами не вполне ясны (чередование *u* : *a*, согласно гипотезе В. Г. Ардзинбы, соотносящееся с типологически сходным адыгским?). Именная основа *-zuħ* ‘одежда’ может быть соотнесена либо с убых. *žá-γ-* ‘одеваться’, либо с праадыг. **š^hake-* > адыгейск. *шэҭы* ‘материя’⁵⁵, либо, наконец, с адыг. *цыгъын* ‘одежда’. Выбор из этих возможностей (как и в ряде других подобных случаях) можно будет сделать

⁵⁴ Т. Е. Гудава. Указ. соч. С. 161—162.

⁵⁵ А. Н. Kuipers. Op. cit. P. 41. № 51.

лишь по мере накопления других фонетических соответствий. Для выяснения этого фонетического вопроса существенно было бы и определение морфологического характера последнего *-h* в последовательности *antu(-h) le-zuh le-štera-h*. Если, как иногда предполагают, форму *a-n-ta-ha-n* следует считать содержащей морфу *ha-*⁵⁶, то с известным вероятно можно было бы видеть сходную морфу и в *a-n-tu-h*. Остается неясным, не может ли быть конечное *-h* во всех трех формах — глагольной *antu-h* и именных *le-zuh* ‘его одежда’, *le-štera-h* ‘его покрывало’ согласованным (классным?) показателем, ср. выше о суф. *-h* в именных формах. От решения этого вопроса зависит и то, как связаны между собой *-zu-h* и *-štera-h*. Показательно, что *b/pala* ‘подобно, подобный’ стоит (как обычно предполагается, в функции соединительного союза) после второго из этих имен. Нельзя считать исключенным, что одно из них является уточняющим определением (аппозитивным или атрибутивным) к другому. На основании фонетических соответствий, приведенных выше, можно было бы допустить сопоставление хат. *-štera-h* ‘покрывало’ с тем же убых. *-žá-* ‘одежда’ в сочетаниях типа *ž’a-γ-* ‘быть одетым’, *ž’a-γa-* ‘одеваться’, *ž’a-t’o-* ‘раздеваться’, *ž’adəγaza* ‘одежда’ (полная), ср. выше о соответствии хат. *-št-* : убых. *-ž’* — в названии ‘черного’ цвета; другим возможным и фонетически, и семантически соответствием могло бы быть кабардин. *цЫрхъ* ‘редкая’ (ткань), *цЫрхъыч* ‘быть редким (о ткани)’, адыгейск. *цЫрхъы хъун* ‘редеть’, но в этом случае *-h-* следовало бы считать частью основы хаттского слова, а не суффиксом.

Хат. *šebšeb* ‘обувь’ представляет собой редупликацию, структурно напоминающую не только абхаз. *a-qanqan* ‘род обуви’⁵⁷, но и убых. *bž’atabž’a* ‘зимняя обувь’ от *bža* ‘зима’⁵⁸. Исходный корень, лежащий в основе этой редупликации, тождествен первой морфеме, предположительно выделяемой (в соответствии с гипотезой Н. Ф. Яковлева об односложности на определенном хронологическом уровне исходных черкесских корней) в адыгейск. (зап.-черкес.) *цуакъэ* < *c^oa-qe* ‘чувяки, обувь’ (ст. адыгейск. *цюа#кё* ‘башмак’⁵⁹), кабард. *вакъэ* < *va-qe*. В таком случае фонетическое и графическое соответствие хат. *šeb(-šeb)* : адыгейск. *c^o(a)-*, кабард. *va-* полностью аналогично соотношению хат. *(i)zzibina* ‘кислый’ (в разбираемой билингве дальше *li-e-iz-zi-bi-*

⁵⁶ Ср. о соотношении этих форм: В. Г. Ардзинба. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгского языков // Переднеазиатский сборник III. История и филология стран Древнего Востока. М., 1979. С. 30—31. — Там же о чередовании *a* : *u* (что, однако, могло бы пониматься и как соотношение разных морфологических показателей, ср. восточнокавказские и енисейские параллели в глаголе).

⁵⁷ В. Г. Ардзинба. Указ. соч. С. 34.

⁵⁸ Н. Vogt. Op. cit. P. 93 (№ 180).

⁵⁹ Л. Люлье. Указ. соч. С. 3.

i-na соответствует аккад. *IM-ZU* ‘кислый’ и адыгейск. (*гъэ-*)*шлуэлуэн* ‘квасить’, кабард. *флэлу* ‘кислый’, абхаз. *а-ц#эц#эы* ‘кислый’ (с возможной албанской параллелью), *арц#эра* ‘квасить’ (к фонетическому соответствию ср. также хатт. *izzi* ‘хороший, благой’: адыгейск. *флы* ‘добрый’, кабард. *шлу* ‘благой’); ср. выше о хат. *-štib* ‘дверь’: абхаз. *а-шэ*; хат. *kaška-štipa* ‘порог двери’: абхаз. бзыб. *асха-мви* ‘порог двери’. Следовательно, в клинописи, служившей для передачи хаттского языка, написание *-(i)b* могло передавать либо отдельную губную фонему, либо признак огубленности, как в хат. *-šeb-* согласной предлагаемой адыгской его этимологии.

Греч. *σύχχοι ὑποδήματα Φρύγια* ‘башмаки фригийские’ (иногда переводится ‘сандалии’⁶⁰) содержит указание на Фригию, т. е. на область древнего распространения хаттского, а позднее хеттского (только потом, после падения хеттского царства, фригийского) языка. В этой области имела особая обувь, по-хеттски называвшаяся ^{KUS}E.SIR *hattileš* ‘хаттская обувь’⁶¹, где идеограмма совпадает с той, которой по-хеттски переводится хат. *šebšeb*, а прилагательное *hattili-* (в форме мн. ч.) — с хет. *hattili* ‘по-хаттски, на хаттском языке’⁶². Этот необычный вид обуви (сохранившийся в адыгской традиции, откуда и рус. *чувяки, чевяки*) в греческом назывался либо *σύχος*, мн. ч. *σύχοι*, либо переименованными формами *συκχάς, συκχίς*, объясняемыми позднейшим влиянием народной этимологии; отсюда и лат. *soccus* ‘легкая обувь’ (уже у Плавта). Само же изначальное греческое название обоснованно признается связанным с приведенными адыгскими словами, в частности с праадыг. **ž°eqe-*, имеющим и восточнокавказские соответствия⁶³, ср. каратин. *цлцлункла* ‘носок обуви’⁶⁴ с аффрикатой того же типа, что и в восточнокавказских соответствиях приведенного выше хат. *-zzibina* ‘кислый’: авар. *ce,ḡkab* ‘кислый’⁶⁵, хат. *b-izzi* ‘хороший’; авар. *baç,ḡ-ine* ‘чистый’: гунзиб. *b-dⁿc,ḡka* ‘очистить’ с таким же классным показателем *b-*⁶⁶, как в хат. *b-izzi*; хат. *ka-štib* ‘дверь’: авар. *nu-ç,ḡa*⁶⁷. Данный факт показывает, что такие более поздние обозначения, как «фригийский», могли скрывать в себе в действительности ссылки не только на

⁶⁰ В. П. Нерозник. Палеобалканские языки. М.: Наука, 1978. С. 153.

⁶¹ Н. Оттен. Fußbekleidung bei den Hethitern // Reallexikon der Assyriologie. Lief. 3. Berlin, 1959. S. 124.

⁶² В. В. Иванов. Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике // To Honor R. Jakobson. The Hague; Paris, 1967. P. 979.

⁶³ J. Knobloch. Ein kaukasisches Lehnwort in den klassischen Sprachen // Die Sprache. 1958. Bd. IV. S. 198—200.

⁶⁴ Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971. С. 214.

⁶⁵ Т. Е. Гудава. Указ. соч. С. 159—160.

⁶⁶ Там же. С. 162.

⁶⁷ Там же. С. 161—162.

хеттскую традицию (ср. предысторию Кибелы-Кубабы), но и на предшествовавшую ей хаттскую, в лексическом отношении обнаруживающую значительную близость к адыгской. Этим же объясняется и отмеченный еще А. Тромбетти факт отдельных лексических совпадений у лидийского языка (наиболее непосредственно из всех позднеанатолийских продолжающего собственно хеттскую традицию) с адыгскими⁶⁸.

Предполагаемый перевод первого хаттского предложения: ‘Он взял как его одежду (и) его (редкое?) покрывало, так и обувь’ (*pala ... pala* имеет значение типа рус. ‘как..., так’). В следующем (и последнем) предложении восьмого раздела перед уже разобранный формулой со значением ‘на трон’ употреблена глагольная форма *an-ne-eš* ‘положил’, возможно содержащая объектный преф. 3 л. *a-*, локативный преф. *-n-* (ср. выше) и, возможно, ту же основу *-š*, что и в глаголе ‘сидеть’ и его производных (в том числе и в слове ‘трон’), часто соединяющемся и в хаттском, и в современных абхазо-адыгских языках с преф. *n-*. Перевод ‘и его (их) (он) положил на трон’.

Другая категория предметов перечисляется в следующем разделе, имеющем синтаксическую структуру, весьма сходную с разобранный выше: хат. *?[a-am-m] i-iš li-e ú-it-ta-nu pa-la li-e-iz-zi-bi-nā pa-la a-an-ne-eš ka-a-ḥa-an-wa_a-šū-id-du-ú-un*, хет. *[d]a-at-l-i-i [š-ma-z]a GA.KIN[.A G] IM.ZU-ya na-at-ša-an da-a-iš* (варианты: *[d]a-a-iš-ma-za GA.K[IN.AG] na-at-ša-an da-a-iš*; *d[a-z]a GA.KIN.AG[I]M.ZU-ya na-at-ša-an da-iš*) ‘он взял (буквально: положил) сыр и кислое (молоко = творог) и положил их на него’. Хеттский перевод говорит в пользу того, что в начале должен быть глагол типа *antuh*, поэтому реконструкция Шустера *[am]iš* ненадежна; возможно, что имеется в виду другая глагольная форма от корня *-š-* ‘сидеть, садиться, класть’ (ср. выше). Для слова *wittanu* ‘сыр’, как автору любезно указал С. А. Старостин, соответствия обнаруживаются в восточнокавказском (ср., например, авар. *beta* ‘простокваша’, *betize* ‘скисаться, давать осадок’, *betarab raḥ* ‘кислое молоко’); является ли *w-* классным показателем на основании имеющихся хаттских форм, сказать трудно (в этой связи можно было бы упомянуть такие нахские формы, как чечен. *yta* ‘скисать (о молоке)’, *emma* ‘скисшее’, но ср. также *mlo* ‘сметана’ с иными фонетическими соответствиями). Соответствия для хат. *-zzibina* ‘кислый’ (= ‘творог’?) рассмотрены выше. Перевод всего хаттского предложения: ‘Он положил как сыр, так и кислое (молоко); он положил его (= их) на трон’.

Десятый раздел хаттского текста (четвертый раздел второй его части) начинается с мифологического вступления: хат. *pa-la a-an-da-ab-bu(-nu) bi-iz-zi-*

⁶⁸ См.: *J. Knobloch*. Op. cit. S. 199. Anm. 2 (с дальнейшей литературой). Должен заметить, что существенная роль Тромбетти как первооткрывателя и в других областях подчеркивалась В. М. Иллич-Свитычем.

w/pa-aš-ḥa-ab, хет. *na-aš-ta* DINGIR^{MEŠ} *ù-us-* [ki] [-*e-ir-pát* ??] ‘И это у [видели??] боги’. Хат. *andabbul/andabnu*, по-видимому, можно связать с рассмотренными формами типа *ni-b-u-bi*, *a-m-b-u*. Возможно выделение объектного преф. *a-*, локативных *-n-* и *-da-* и гласного показателя *-b-* (или еще одного преф. *-n-*). Тогда хаттская форма скорее означает ‘сделал(и)’ (хеттское восстановление Шустера недостоверно). Субъект (неэргативный) выражен сложным словом *b-izzi-w-ašḥ-ab* ‘хороший бог; хорошие (благие) боги’, ср. *izzi-eštan* ‘благой Эштан-Солнечный день’ (хет. *aššu-šiwatt* как имя божества с тем же значением и хет. *aššu* в древних контекстах типа начала надписи Анитты, где говорится, что божество милостиво, «благосклонно» — *aššuš* — к царю). Согласование прилагательного с существительным по классу аналогично восточнокавказскому (об этимологии (*b-*)*izzi* см. выше). Перевод хаттского текста: ‘Как сделал(и) благие боги /благое божество’.

Следующая фраза: хат. *pa-la a-aš-ši-ya* ^D*wa_a-šu-ú-ul ta-ba-ar-na(-an) ka-a-at-te-e*, хет. *ni pí-i-e-ir i-ya-ta ta-me-e-ta* [a-]bq[r-na-i] LUGAL-i ‘и они дали правителю-царю изобилие и полноту’. Хат. ^D*Wašul* представляет собой имя бога изобилия с классным показателем *wa-*. Корень хат. *-šul* можно гипотетически сравнить с абхаз. *ацсыла, ицсылоу* ‘жирный’, ср. адыгейск. *тицэр* ‘жирный’, кабардин. *тицэр* ‘жир’ (к соответствию абхаз. *-l* : адыг. *-r* : хат. *-l* ср. то же соотношение в падежных окончаниях). В соответствии с хеттским переводом кажется возможным видеть и в хат. *aššiya* существительное-синоним ^D*Wašul* (или его определение). Тогда слово *aššiya* сопоставимо с абхаз. *аиша* ‘жир’, *ишишаха* в составе выражений, означающих ‘жирный’. Перевод всего десятого раздела хаттского текста ‘Как сделал(и) благие боги/благой бог, так жир (и) божество Изобилия у правителя-царя (есть)’.

Одиннадцатый раздел содержит аналогичную формулу, частично разрушенную: хат. *pa-la-aḥ ta-wa-an-na-an-na-an kat-ta-aḥ pa-la li-e-bi-nu pa-la li-e-zi-* (<...> *-tu*, хет. [na]m-ma A.N[A S]AL.LU [GAL DUMU^{MEŠ}]^S DUMU. [DU] [MU]^{MEŠ} *ḥa-aš-šu-uš* [ḥa-a]n-za [aš-s]u-u[š-ša?] *pí-an-du* ‘далее царице, детям, внукам и правнукам они пусть дадут’. Хат. *pala-ḥ* явно согласуется по роду с *katta-ḥ* ‘царица’, что удостоверяет преддуктивность в хеттских прилагательных типа *pala* согласования. Хат. *b-inu* ‘сын’ (древнее семитское заимствование?) обсуждалось выше, название внука-правнука в других текстах фрагментировано (*li-ib-zi-bi* (<...>)). Хаттский текст вероятно не содержит глагола, что соответствует и структуре предшествующей синтагмы, примерный перевод ‘Подобной же (да будет) владычица-царица, подобным — его (ее) сын, подобным его(ее) внук(и) и правнук(и)’.

В двенадцатом разделе нарушается соответствие хаттского текста и хеттского пересказа. Возможно, что членить надо так: хат. [pa-]a a-ab-ta-ka-a-wa-a-aḥ, хет. *an-da-ma-aš-ši-iš-ša-an wa-a-tar-na-aḥ-ḥi* ‘и ему он (бог) повелева-

ет'. Хаттская форма *abtakawaḥ* содержит возможно суффиксальное *-ḥ*, уже встречавшееся выше. Очевидно хат. *pala* употреблено в значении, близком к акк. *UM.MA* 'так (говорит)', но принадлежит ли *abtakawaḥ* к той же синтагме, не вполне ясно. Начало следующих отрезков хаттского и хеттского текстов сопоставимо: хат. ^D*šū-li-in-kat-ti [kat-t]e#-e tu-u-ḥu-ul tu-wa-aḥ-ši te-di-i-ib*, хет. ^D*U.G[U]R LUGAL-i IV-aš šar-ḥu-li-uš [KU-] <...>*. 'Богу Сули-царю четыре источника <...>.' Судя по хаттскому тексту, предложение кончалось глагольной формой 2 л. на *-ib* с преф. *te-* и основой *-d-* (ср. кабард. *тетын* 'стоять на' или *дэт* 'стоящий'). Скрывается ли под формой *tuḥul* числительное, родственное адыг. *плы*, а под *tuwaḥši* — одно из названий колодца (ср. выше об *ura-*, *arinna*), остается неясным (к мифологическим 4 колодцам в царском дворе есть любопытные типологические параллели, например, в древнеперуанской мифологии).

Последняя фраза этого хаттского раздела, возможно, имеет полное хеттское соответствие: хат. *[bi]-e-ka-aš-ši-il iš-ka-a-te-iḥ*, хет. *ku-ut-ta-an pa-aḥ-sa-lru* 'стены да будут охранены'. Если последняя хаттская форма — модальная, то в *-ḥ* можно было бы видеть соответствие либо убыхскому *-g'a* — энклитической частице повелительного наклонения, либо другим фонетически сходным модальным окончаниям в абхазо-адыгском (ср. также в нахском чечен. *-xь-?*). К формам типа *be-ka-šil* с возможным классным показателем и локативным префиксом любопытную аналогию представляет убых. *šat* 'покрывало', *be :če'le* 'находящийся внизу' (ср. семантику хаттских имен существительных в предшествующих и последующих разделах), однако хат. *-l* может быть и падежным окончанием.

Следующий раздел имеет точный хеттский перевод. Первая фраза — хат. *a-šca-aḥ ta-aš-te-nu-wa*, хет. *nu-wa-kán i-da-lu-u [š? an-da]li-e ú-iz-zi* 'И мол пусть не войдет злой'. Составные части этой формулы — имя *ašah* 'плохой, зло' и глагольные морфы *taš-* 'да не', *te-*, *n-*, *uw(a)-* выше уже встречались. Частица косвенной речи в хаттском тексте, целиком передающем чужую речь, отсутствует. Перевод 'Зло(й) пусть не войдет'. В следующей фразе сходной глагольной форме предшествуют два имени типа *be-ka-šil*: хат. *bi-e-wi-il iš-bi-e-el ta-aš-te-e-ta-nu-u-šI*, хет. *i-da-lu-uš-wa-kán UN-aš É-ri an-da li-e ú-iz-zi* 'плохой человек внутри дома пусть не войдет'. В форме *be-wil* содержится название 'дома' (см. выше) с классным префиксом, в форме *iš-bel* выделяются морфы, внешне сходные с *be-ka-šil*, но точное членение и понимание формы затруднительно, ср. убых. *jeł-šél*, 'то, что внизу — то, что вверху, кровать и покрывало'.

В следующем разделе повторяется тот же глагол *antuḥ* с новыми объектами: хат. *a-an-tu-uḥ* ^D*šū-li-in-kat-ti kat-te-e li-e-wa_a-e(-) tu-a?-nu*, хет. *da-a-aš-ma-za* ^D*šū-li-in-kat-te-eš LUG[AL-]uš Ú.NU.TE^{MES}* 'Но бог Сули-царь взял себе

утварь'. Значение и структура хат. *-waetuanu* не вполне ясно, возможно, что (как полагает Шустер) основа *wae-* связана со словом 'дом'.

В следующем отрывке раздела содержится параллельная конструкция с *pala*: хат. *pa-la a-an-da-ḥa ak-ka-tu-uḥ pa-la a-an-ta-ḥa ka-a-wa_a-aḥ-bi ḥa-lu-ḥa-lu-u-tu*, хет. *na-at ša-rā-a da-a-aš na-at-kán an-da da-a-iš ḥa-at-tal-wa-aš* [GIŠ]-*ru-i* 'И это (их) он взял вверх (поднял) и это (их) он положил на деревянный замок'. В хаттском тексте между двумя *pala* стоят две связанные друг с другом формы с префиксом объекта *a-*, за которым в первом случае следуют глагольные морфы *-n-*, *-da-*, *-ḥa* (см. выше), во втором *-ka-tu-ḥ* (членение спорно, см. выше). Форма *ka-waḥ-bi* содержит аффикс *-bi*, относящийся к локативному уточнению (ср. выше о формах этого типа), но членение основы *-waḥ-* не вполне ясно, так как в ней возможны случайные созвучия с морфами *wa-* и *-ḥ*.

Предпоследний раздел начинается фразой хат. *ma-al-ḥi-ib [-h]u te-e-ta-aḥ-šū-ú-ul*, хет. *na-aš-ta a-aš-šu an-da tar-ni-eš-ki-DA-du* 'Благое пусть всегда войдет'. В хаттском запретительная конструкция: 'Не клади(те) де того, что не в избытке'. Можно думать, что *teta-ḥ-šul* — форма типа *dida-ḥ-zilat*, но с негативным лексическим значением первой или второй части. Это подтверждается следующей синонимичной фразой — хат. *a-ša-aḥ-bi* [t] *a-aš-tu-u-ta*, хет. *i-da-lu-ma-kán an-da li-e tar-na-a-i* 'Плохое же да не будет допущено'. За формой *ašah* 'плохое' следует локативное уточнение *-bi* и форма с отрицательным *taš-*, за которым следует местный преф. *t-* (или корень *-tu-*?) и корень *t-* (или синтаксический элемент *-ta*). Значения, по-видимому, близко к хеттскому переводу.

Заключительная фраза предпоследнего раздела по-хеттски передана неточно: хат. *šu-u-la* ^D*šu-li-in-kat-ti ka-at-ti a-* [f] *a-ni-wa_a-aš ú-un-ḥu-bi*, хет. ^D*Šu-li-in-kat-ti-iš-ša-an LUGAL-uš an-da e-eš-zi* 'Бог Сули-царь внутри сидит'. В хаттском, по-видимому, использована форма глагола *-ḥu-* 'говорить' (см. выше) с префиксами *u-* (субъектный и объектный 2 л. ед. ч., ср. параллели во всех северокавказских языках) и *n-* и суф. *-bi* (как в *nibu-bi*). Примерное значение: 'Изобилие Сули-царь кладет, тебе говоря' (преф. объекта *a-* в *a-ta-ni-wa-š* относится к *šula*).

Последняя фраза заключительного раздела текста: хат. *ú-e-ut-ta-a ú-da-nu bi-iz-z [i-i?]*, хет. *[n]u zi-g a-wa-kán nam-mā ku-[i]t-'UD an- d[a]p[a-]i-ši* 'и ты де дальше когда угодно(?) внутрь будешь входить'. В хаттском использована форма преф. 2 л. ед. ч. *we-* в сочетании с локативным превербом *ta-* и не вполне ясным корнем (гласным *-a-*?) в глагольной (?) словоформе *wetta*, за которой следует форма *udanu* с тем же преф. 2 л. ед. ч. *u-*, что и в *u-n-ḥu-bi*. Последнее слово *bizzi* 'благой' согласовано по классу с тем лицом (I класса), к которому обращается бог.

Предлагаемый разбор содержит много предварительных гипотез, которые со временем должны быть уточнены по мере выяснения характера соответствий между хаттским и абхазо-адыгским. Но уже сейчас очевидно, что многие места разбираемого текста становятся более ясным в свете данных живых северокавказских языков.

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ И ХАТТСКОЙ ТРАДИЦИЙ*

После того как исследование хаттского языка и хаттских текстов вступило в новый этап благодаря установлению места хаттского языка среди родственных ему северо(-западно)кавказских, начинает проясняться и целый ряд вопросов, связанных с влиянием хаттской традиции на раннюю греческую.

1. Хатты — греч. *χαλυβες*. В отчетливой форме отождествление хаттов как кавказского по своим языковым связям народа с древнегреческими «халибами» — железоделателями впервые предположил еще в 1915 г. Марр¹ (единственной существенной, но по тем временам — до дешифровки Грозного — простительной его ошибкой было название и индоевропейцев хаттов, позднее так же неверно долго называвшихся «протохаттами», и индоевропейцев хеттов одним термином «хетты»). Этот же вывод оказалось возможным удостоверить благодаря сопоставлению металлографических данных о неметеоритном происхождении железа кинжалов из погребений Аладжа-Хю-

* Издано в: Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1983.

¹ *Н. Я. Марр*. О религиозных верованиях абхазов // Христианский Восток. Т. IV. СПб., 1915. С. 113—140; перепечатано: *Н. Я. Марр*. О языке и истории абхазов. М.; Л., 1938. С. 98—125. Из объяснений Марра (подтвержденных в настоящее время хаттским материалом), содержащихся в этой статье (см. вторую из названных публикаций, с. 120—125), стоит выделить этимологию сванского названия 'дуба, дубовой рощи' с суф. *-ra* (абхазского типа) из западнокавказской формы, родственной адыгейск. *жиг-ей* 'дуб', *жиг* 'дерево', что согласуется с хат. *ziher* 'дерево для строительства, лес'.

юк (начало III тыс. до н. э. по Мелаарту²), обычно соотносимых со временем хаттского владычества, и лингвистических сведений о хаттском названии железа *ḥa-wa-lki* ‘из железа’. Проникновение и распространение этого последнего в различные языки Евразии относится примерно к тому же времени (конец II — начало I тыс. до н. э., иногда и раньше), которым датируется и распространение знаний о плавке и ковке железа (и стали) у соответствующих народов, постепенно перенимавших это новое достижение у хаттов, и потом и хеттов — наследников их духовной и материальной культуры³. Из числа недавно полученных особенно наглядных подтверждений синхронности диффузии технологии изготовления железа (и стали) и его названия следует обратить особое внимание на восточноазиатский ареал, где отражение и в тибето-китайском (др.-кит. **thiet* < < **ḡek*, тибет. *l̥cags*, диалект. *ɽ(ɕ)tɕak*⁴, яо *lhiak*, мяо *lh'ɔi*), и в неродственном ему тайском (*lek*) форм типа **khlek* ‘железо’⁵ свидетельствует о раннем распространении миграционного термина типа хат.

² J. Mellaart. Egyptian and Near Eastern chronology: a dilemma? // *Antiquity*. 1979. V. 53. № 207. P. 12—14, 18.

³ В. В. Иванов. Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики // Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. 1976. № 4 (75). С. 74—75; *Он же*. К истории древних названий металлов в южнобалканском, малоазийском и средиземноморском ареалах // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977. С. 23—24; *Он же*. Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 26—29; *Он же*. О происхождении некоторых балтийских названий металлов // *Baltistica*. 1977. XIII (1). P. 223—231; *Он же*. О некоторых переднеазиатских параллелях к картвельским лексемам // Лингвистический сборник АН Груз. ССР. Тбилиси, 1979. С. 111—117; *Он же*. Славянские названия металлов и проблемы восстановления ранних этапов истории металлургии у славян // *Сов. славяноведение*. 1979. № 5. С. 82—95; *Он же*. Железо // *Всеобщая история химии. Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века*. М., 1980. С. 61—71.

⁴ R. K. Sprigg. The Golor dialect and written Tibetan pasttense verb forms // *Bulletin of the school of Oriental and African research*. 1979. V. XLII. Pt. 1. P. 58.

⁵ Chang Kun. Sino-Tibetan ‘Iron’: **q^hteks* // *Journal of the American Oriental Society*. 1972. V. XVII. P. 430—446. Хотя некоторые из названных языков (в частности, тибето-бирманские, мяо-яо и др.) могут быть в конечном счете родственны северокавказским, тем не менее не только в тайском (куда слово могло попасть из тибето-китайского), но и во всех других этих языках скорее вероятно древнее общее заимствование по семантическим причинам (допустить, что слово обозначало в древности метеоритное железо, нет оснований). Относительно слов со вторым элементом *-l-* типа тибет. *kluñ*, таи *khl'ɰŋ* ‘канал’, заимствованных из австро-азиатского, см.: J. Norman, Mei Tsu-lin. *The Austro-asiatics in Ancient South China* // *Monumenta Serica*. November 1978. V. XXXII (1976). P. 282.

(*ha-wa-iki*), которое может датироваться достаточно ранним периодом. С этим согласуются новейшие археологические данные, по которым железный век в Восточной Азии сильно отодвигается назад: плавка железа осуществлялась еще около 1400 г. до н. э.⁶ (дата, близкая к той, на которую указывают и собственно лингвистические данные).

Другим примером, показывающим, насколько хорошо данные металлографического и археологического анализа согласуются со сведениями, почерпнутыми из древнемалоазиатских письменных источников, может быть связь железоделательного производства с получением железных шлаков при выплавке меди. Этот последний факт, известный в археологии древней Малой Азии⁷ и Закавказья⁸, не был учтен историками. Поэтому, например, исследователь староассирийских торговых колоний рубежа III и II тыс. до н. э. (времени конца хаттско-хеттского симбиоза) удивлялся пожеланию автора письма получить «медь, которая не содержит гематит» (*URUDU ŠA ŠA-AD-WA-NA-AM LA Ú-KÀ-LÙ*), что «указывает на удивительный факт: железо было шлаком при изготовлении меди»⁹. Но для тех, кто знает указанные выводы археологов, ничего удивительного в этом нет.

Хотя хатты и были изобретателями сознательно направленной (а не случайной) выплавки железа и стали, тем не менее почти до конца Хеттского царства железо оставалось предметом роскоши. Из многочисленных топоров, найденных в Центральной Анатолии, только один, относящийся уже к 13 в. до н. э., сделан из железа (найден в нижней части столицы хеттов — Хаттуса и принадлежит к широко распространенному типу IV¹⁰, что подтверждает неуникальность этого изделия).

Примерно к тому же времени относятся и первые свидетельства выплавки стали и ее закалки (с целью получения твердого металла) в Эгейском мире (на Кипре, в области, за обладание которой боролись последние хеттские ца-

⁶ Early South East Asia, Essays in archaeology, history and historical geography / Ed. by R. B. Smith, W. Watson. N. Y.; Kua la Lumpur; Oxford University Press, 1979.

⁷ M. J. Mellink. Archaeology in Asia Minor // American Journal of Archaeology. 1974. V. XLII. № 2. P. 115.

⁸ К. Х. Кушнарёва, Т. Н. Чубиншвили. Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.). Л., 1970. С. 132. Табл. 11. Строка 27.

⁹ M. T. Larsen. The Old-Assyrian city-states and its colonies. Copenhagen, 1976. P. 91—92.

¹⁰ R. M. Boehmer. Die Kleinfunde vom Boğazköy. Berlin, 1972. S. 138. № 1255. Taf. 14; H. Erkanal. Die Axte und Beile des 2. Jahrtausends in Zentralanatolien // Prähistorische Bronzefunde. Abteilung IX. Bd. 8. München, 1977. S. 6. Taf. 3—27. Из свидетельств хеттских письменных источников, описывающих (как и хаттские ритуалы) изделия из железа, стоит отметить текст KUB II 2 II 9, где говорится о железном яреме на паре быков из железа.

ри), где наиболее ранние свидетельства появления железа датируются концом 13—12 в. до н. э.¹¹ След знакомства с подобными приемами специалисты по истории металлургии усматривают в гомеровском тексте, относящемся к ослеплению Полифема¹².

Греки, к этому периоду уже познакомившиеся с малоазиатской техникой изготовления железа и стали, еще долгое время сохраняли память не только о восточном происхождении этой техники, но и о народе — халибах (*χάλιβεζ*, «железоделателях», самое имя которых, говорящее о характере их металлургических открытий¹³, отражается в названиях мест вплоть до византийского времени и даже возможно в современной топонимике Малой Азии¹⁴).

2. Хат. *ḥa-p-rašš-* ‘леопард, барс’; греч. гомер. *πάρδαλις, παρδαλέη, πόρδαλις*. Если сравнение греч. *χάλιβεζ* : хат. *ḥa-wa-lki* может быть соотнесено с археологическими данными, касающимися III и II тыс. до н. э., то при сопоставлении хат. *ḥa-p-rašš-un* ‘леопарда, леопардово’ (ср. хет. *Paršana-*) и заимствованного (как и фонетически сходные др.-инд. *ṛd-aku*, афг. *ṛāng*, согд. *pwrδvk* ‘леопард, пантера’, перс. *palang* при зап.-ир. *pārs-* ~ *fārs-* сары-кол. *pis*) либо из хаттского, либо из языка, близкого к хаттскому, греч. гомер. *πάρδαλις (πάρδαλις), πάρδος*; ‘леопард, барс’ оказывается возможным сближение лингвистических фактов с гораздо более древними археологическими, восходящими к традиции Чатал-Хююка и Хаджилара (VII—VI тыс. до н. э.)¹⁵. У Гомера это слово используется в перечислениях, где речь идет либо о божестве, в качестве одного из грозных воплощений принимающего образ леопарда

¹¹ E. Tholander. Evidence of the use of carburized steel and quench-hardening in the late Bronze age Cyprus // *Opuscula Atheniensiа*. 1971. V. 10, 3. P. 18—22; R. Pleiner. Technology of three Assyrian iron artifacts from Khorsabad // *Journal of Near Eastern Studies*. 1979. V. 38. P. 97. № 12; H.-G. Buchholz. Vassos Karageorghüs. Excavations at Kition // *Gnomon*. 1979. Bd. 51. H. 7. S. 675.

¹² J. E. Curtis, T. S. Wheeler, J. D. Muhly, K. Maddin. Neo-Assyrian iron working technology. *Proceedings of the American Philosophical society*. 1979. V. 123. № 6. P. 381.

¹³ X. de Planhol. *Geographica pontica*. II. Les Khalybes: nom du peuple ou qualificatif professionnel? // *Journal asiatique*. 1963. T. CCLI. № 3—4. P. 298—309.

¹⁴ T. Y. Cannody. Remarques sur la toponymie anatolienne actuelle // *Orbis*. T. XXVII. 1978. № 1. P. 109. N. 1.

¹⁵ В. В. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания // *Этимология* 1976. М., 1978. С. 153—158; *Он же*. Чатал-Хююк и Балканы. Проблемы этнических связей и культурных контактов // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979. С. 21—22; *Он же*. Анатолийские языки // *Древние языки М. Азии*. М., 1980. С. 135; Е. В. Антонова. О характере религиозных представлений неолитических обитателей Анатолии // *Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье*. М., 1979. С. 22, 23, 26, 31.

вслед за образом льва (δ 457), либо о хищниках — *δῶων παρδαλίων δε λύκων* (N 103) — ‘шакалах, пантерах и волках’, которые угрожают лесным травоядным животным. Но наибольший интерес представляют два тождественных по функции употребления греч. *παρδαλέη* ‘барсовая шкура’ в «Илиаде» как обозначения атрибута сражающегося героя-троянца (Александра) в начале 3-й песни (Г 17) и ахейца-Менелая в начале 10 песни (К 29). Это использование названия ‘барсовой шкуры’ заставляет обратиться, с одной стороны, к изображениям мужчин в таких шкурах на фреске начала VI тыс. до н. э. из Чатал-Хююка, с другой, к кавказским традициям, прежде всего к той, которая представлена в поэтической обработке Руставели. О. М. Фрейденберг писала о герое грузинского эпоса, как бы предвосхищая недавние выводы Р. О. Якобсона и К. Леви-Стросса о двойственности роли мифологического гонимого гонителя: «за ним гонятся и его ищут, но сам он, в барсовой шкуре, одновременно и барс, как лев-Геракл в львиной шкуре»¹⁶. Груз. *tqaw* ‘шкура, кожа’, выступающее в названии поэмы «*Verxis tqaosani*», и родственные ему мегрело-чанские слова имеют соответствия в качестве ареального термина как в общеиндоевропейском **twek-* (что может объясняться очень древними контактами¹⁷), так и специально в греческом (куда слово в другой форме **kowo-s* было заимствовано, очевидно, из западно-картвельского¹⁸). Но не исключено, что наиболее ранняя форма того же слова (позднее проникшего как в индоевропейские диалекты, так и в картвельские, откуда потом в греческий) представлена в таких северо(–восточно)кавказских языках, как нахские: чечен. *цлока* ‘шкура’ при *цлоькъан цлока* ‘барсова шкура’, где, возможно, древняя этимологическая фигура или анаграмма: *цлокъ* (иначе *цлокъберг*) ‘барс’, *цлокъберган* (*цлоькъан*) ‘барсовый’. Для северо-западнокавказских языков характерно общее слово в значении ‘шкура’, ‘кожа, кора’: адыгейск. *шьо* (староадыгейск. *сю#ë*¹⁹), кабард. *фэ*, убых. *с°á* (*tát-с°а* ‘внешний вид человека’), абхаз. *А-цэа* (*ауас-цэа* ‘овечья шкура’, *абжьас-цэа* ‘тигровая или барсовая’²⁰

¹⁶ О. М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936. С. 261. Ср. так же: Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1982.

¹⁷ В. В. Иванов. О некоторых переднеазиатских параллелях к картвельским лексемам. С. 121—122.

¹⁸ Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Картвело-«догреческие» заимствования и проблема мифа об аргонавтах // *Balcano-balto-slavica*. Симпозиум по структуре текста. М. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1979. С. 21—22.

¹⁹ Л. Люлье. Словарь русско-черкесский или адыгский. Одесса, 1846. С. 240.

²⁰ На последнее значение (делающее возможным хотя бы весьма гипотетическое сближение с абхаз. *абжьас* ‘тигр, барс’ и хат. *ḥa-p-rašš-*) автору любезно указал Ш. Д. Инал-ипа, чья помощь была очень важной и при разборе значений других абхазских слов.

шкура'), абхаз. *чва*. Фонетический облик западнокавказского слова позволяет сближать его с восточнокавказским и вместе с тем предположить, что если и.-е. **t^wek-* могло быть заимствовано из формы с конечным **k-* типа чечен. *цлок-*, то анлаут индоевропейского (но не картвельского, существенно преобразовавшегося по сравнению с исходным) слова близок к общезападнокавказскому. Адыгские языки позднее заменили древнее название тигра, родственное абхаз. *абжьас* (и возможно хат. *ḥa-prašš-*), тюркским заимствованием: староадыгейск. *каплан* 'тигр'²¹, кабард. *къапльэныфэ* 'тигровая шкура'. Но исходное сочетание с семантикой грузин. *verxis t̃q̃aosani*, чечен. *цлъкъан цлока*, абхаз. *абжьасцъаа*, по-видимому, можно считать характерным для всего кавказского ареала. В отличие от большинства живых кавказских языков греческий гомеровский сохраняет в этом значении производное (на *-l*, ср. хатт. *-el?*) от имени барса, заимствованного из хеттского, а не соответствующее наименование 'шкура', в греческом имеющее две разные по хронологии формы — общеиндоевропейскую **twek-* > греч. *σάκος* 'шит' < 'кожаный шит' (ср. хет. *twekk-* 'тело', др.-инд. *tvac-* 'кожа, шкура') и более позднюю, заимствованную в Колхиде (микенск. греч. *ko-wo* 'руно' = **kowos* < **t̃q̃ow-*), но в обоих случаях достаточно далекую от исходного значения.

3. Хат. *šebšeb* 'обувь' : греч. *σίμχοι*. Хат. *šebšeb* 'обувь' (в сочетании *li-e-še-ib-še-ib* 'его обувь', соответствующем идеограмме KUŠ E.SIR^{H1.A} 'обувь' в билингве Vo2030²²) представляет собой редупликацию, структурно напоминающую не только абхаз. *A-qanqan* 'род обуви'²³, но и убых. *bž'atabž'a* 'зимняя обувь' от *bž'a* 'зима'²⁴. Исходный корень, лежащий в основе этой редупликации, тождествен первой морфеме, предположительно выделяемой (в соответствии с гипотезой Н. Ф. Яковлева об односложности на определенном хронологическом уровне исходных черкесских корней) в адыгейск. (зап.-черкес.) *цуакъэ* < *č^oa-če* 'чувяки, обувь' (старо-адыгейск. *цюа#кӕ* 'башмак'²⁵), кабард. *вакӕэ* < *va-če*.

В таком случае фонетическое и графическое соответствие хат. *šeb(-šeb)*: адыгейск. *č^o(a)*-, кабард. *va-* полностью аналогично соотношению хат. *(i)zzibina* 'кислый' (в той же билингве *li-e-iz-iz-zi-bi-i-na* соответствует аккад. *IM-ZU*

²¹ Л. Люлье. Указ. соч. С. 213.

²² H.-S. Schuster. Die hattisch-hethitischen Bilinguen. 1. Einleitung. Texte und Kommentar. T. 1 // Documenta et monumenta Orientis Antiqui. V. septimum decimum. Leiden, 1974. S. 70—71, 115.

²³ В. Г. Ардзинба. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгского языков // Переднеазиатский сборник. III. М., 1979. С. 34.

²⁴ H. Fogt. Dictionnaire de la langue oubykh. Oslo, 1963. P. 93 (морфема № 180).

²⁵ Л. Люльс. Указ. соч. С. 3.

‘кислый’²⁶) и адыгейск. (гъэ-)шIуэIуэн ‘квасить’, кабард. фIэIу ‘кислый’, абхаз. а-цэ-цы ‘кислый’ (с возможной албанской параллелью), арыра ‘квасить’ (к фонетическому соответствию ср. также хатт. izzī ‘хороший, благой’: адыгейск. фIы ‘добрый’, кабард. шIу ‘благой’); хат. (ka-) štib ‘дверь’: абхаз. А-шэ; хат. kaška-štira ‘порог двери’ (к первой части ср. хет. aška ‘ворота’, заимствованное из хаттского и удостоверяющее префиксальный характер k-): абхаз. бзыб. Асхá-мвиш ‘порог двери’. Следовательно, в клинописи, служившей для передачи хаттского языка, написание -(i)b могло передавать либо отдельную губную фонему, либо признак огубленности, как в хат. šeb- согласно предлагаемой адыгской его этимологии.

Греч. σύχχοι · ὑποδήματα Φρύγια ‘башмаки фригийские’ (иногда переводится ‘сандалии’²⁷) содержит указание на Фригию, т. е. на область древнего распространения хаттского, а позднее хеттского (только потом, после падения Хеттского царства, фригийского) языка. В этой области имелась особая обувь, по-хеттски называвшаяся^{KUSE} .SIR ḫattilēs ‘хаттская обувь’²⁸, где идеограмма совпадает с той, которой по-хеттски переводится хат. šebšeb, а прилагательное hattili- (в форме мн. ч.) — с хет. ḫattili ‘по-хаттски, на хаттском языке’²⁹. Этот необычный вид обуви (сохранившийся в адыгской традиции, откуда и рус. чувяки, чевяки) в греческом назывался либо σύχχος мн. ч. σύχχοι, либо переименованными формами συχχάς, σύχχης, объясняемыми позднейшим влиянием народной этимологии; отсюда и лат. soccus ‘мягкая обувь’ (уже у Плавта). Само же изначальное греческое название обоснованно признается связанным с приведенными адыгскими словами, в частности, с пракабардин. *ž°eje-, имеющем и восточнокавказские соответствия³⁰, ср. каратин. цIуIункIа ‘носок обуви’³¹, с аффрикатой того же типа, что и в восточнокавказских соответствиях приведенного выше хатт. -zzibina ‘кислый’: авар. сәеқав ‘кислый’³², хат. b-iz-zi ‘хороший’; авар. баç-ine ‘чистый’: гунзиб. b-a"сэка ‘очистить’ с таким же классным показателем в-³³, как в хат. b-izzī; хат. ka-štib

²⁶ H.-S. Schuster. Op. cit. S. 70—71, 115.

²⁷ В. П. Нерознак. Палеобалканские языки. М., 1978. С. 153.

²⁸ H. Otten. Fußbekleidung bei den Hethitern // Reallexikon der Assyriologie. Lief. 3. Berlin, 1959. S. 125.

²⁹ В. В. Иванов. Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике // To Honor R. Jacobson. The Hague; Paris, 1967. P. 979.

³⁰ J. Knobloch. Ein kaukasisches Lehnwort in den klassischen Sprachen // Die Sprache. 1958. Bd. IV. S. 198—200.

³¹ Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971. С. 214.

³² Т. Е. Гудава. Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси, 1979. С. 159—160.

³³ Там же. С. 162.

‘дверь’: авар. *пи-са*³⁴. Данный факт показывает, что такие более поздние обозначения, как «фригийский», могли скрывать в себе в действительности ссылки не только на хеттскую традицию (ср. предысторию Кибелы-Кубабы), но и на ей предшествовавшую хаттскую, в лексическом отношении обнаруживающую значительную близость к адыгской. Этим же объясняется и отмеченный еще А. Тромбетти³⁵ факт отдельных лексических совпадений у хаттского и лидийского языка (наиболее непосредственно из всех позднеанатолийских продолжающего собственно хеттскую традицию).

4. Обозначения Страх и Ужаса. В некоторых случаях хаттские термины, имеющие соответствия в северо-западнокавказских языках, не заимствовались, а переводились греками. В таких случаях, где непосредственный источник заимствования менее очевиден, вероятен и хеттский язык как промежуточный (как это возможно и по отношению к перенятию в греческом эпосе различия «языка богов» и «языка людей», известного по хаттско-хеттским билингам, а также и применительно к возможному заимствованию имени хаттского и хеттского бога Телепину — греческого Телефа; в сванский обряд имя *Telepia* могло проникнуть и из северо-западнокавказского). Так давно уже замеченное³⁶ сходство пары божеств *Δείμος τε Φόβος τε* (‘Страх и Ужас’) у Гомера в «Иллиаде» (где они упомянуты и в описании щита Агамемнона, Λ 36—37, и как слуги и возницы бога, связываемого с малоазиатским кругом Ареса, Δ 440, Ο 119) с хеттскими аналогичными божествами *Naḫṣarateš* (мн. ч.) ‘Страхи’ и *Weritemaš* (мн. ч.) ‘Ужасы’ объясняется воздействием хаттской традиции, где в той же функции выступают *tauwa_a tup/wii* ‘страх и ужас’³⁷. Различие между конструкцией (*uduwaa*) *tauwa_a tupi ta-ḫ-kuwa-t* ‘охватил его Страх, охватил его Ужас’ в повествовательной начальной части мифа о Луне, упавшей с неба, и *ša-ḫ-kuwa-t* (с теми же существительными) в

³⁴ Там же. С. 161—162.

³⁵ См.: *J. Knobloch*. Op. cit. S. 199. Anm. 2 (с дальнейшей литературой). Должен заметить, что существенная роль Тромбетти как первооткрывателя и в других областях подчеркивалась В. М. Иллич-Свитычем.

³⁶ *J. Friedrich*. «Angst» und «Schrecken» als niedrige Gottheiten bei Griechen und Hethitern // *Archiv für Orientforschung*. 1944. Bd. 14.

³⁷ *Вяч. Вс. Иванов*. Гомер. греч. *Δείμος τε Φόβος τε* : хатт. *tauwa_a tup/wii*; хетт. *naḫṣaratt-ḫeritema* // *Античная балканистика 3. Языковые данные и этнокультурный контекст Средиземноморья*. М., 1978. С. 23—25; *Он же*. Чагал-Гююк и Балканы. С. 15—18; *J. Puhvel*. *Devatā-dvandva in Hittite, Greek, and Latin* // *American Journal of Philology*. 1978. P. 396—405 (ссылка на более раннюю работу Фридриха здесь отсутствует); *Ibid*. P. 397, см. об использовании в «Теогонии» Гесиода также в связи с Аресом и в «Щите Геракла», сопоставимом с гомеровским щитом Агамемнона.

части, где о тех же событиях рассказывает богиня Каттах-Цифури (хат. *Kattah-Zifuri* ‘Царица Ц.’), объясняется, очевидно, тем, что глагол *-kuwa-* (тождественный убых. *q^o’a-* ‘хватать, брать’) во втором случае употреблен в прямой речи богини, которая (как следует из продолжения мифа) ведаёт Страхом и Ужасом (подобно Афродите, приносящей соответствующие греческие мифологические символы Аресу в «Теогонии» Гесиода, 933—934; малоазиатское происхождение эпизода не вызывает сомнений). В таком случае хат. *ṣah-kuwa-t* имеет ту же префиксальную структуру, что и убых. *a-s-q^o’a-n* ‘я его беру’³⁸, *aṣa-a-q^o’á-n* ‘я его держу’³⁹. Предлагаемое истолкование, позволяющее прибавить к ранее выявленным хаттским префиксам (2 л. ед. ч. *u-*, 1 л. мн. ч. *t-*), которые совпадают с адыгскими (и в целом северокавказскими), ещё и префикс 1 л. ед. ч. *s-* (**ḍ-*), в отношении семантики опирается на тождество описания лунного затмения посредством хат. *-kuwa-* в этом мифе и солнечного затмения посредством убых. *q^o’a-* в сочетании *ándya q^oaq’á* ‘он схватил солнце’ = ‘произошло затмение солнца’⁴⁰, где и первое слово — название ‘солнца’ *ndya*, как и его адыгские (староадыгейск. *ттого*⁴¹, *тыгъэ*, кабард. *дыгъэ*) и восточнокавказские (и дальнейшие енисейские) соответствия со значениями ‘день, солнце’, находят точное соответствие в хат. *iaḥ* ‘солнечный блеск’. Иногда встречающееся использование формы с классным показателем хат. *waatu-u-bi* в значении обоих хеттских и хаттских слов⁴² объясняется тем, что префикс *wa-* обозначает и собирательность, и именной класс персонифицируемого отвлеченного понятия, как в хат. *^DWa-sul* ‘Изобилие’. Хат. *tauwa_a turí* точно соответствует кабард. *цтэIэ-цтаблагъэ* ‘робость’, *цтэIэ-цтаблэ* ‘робкий’, староадыгейск. *цтауо#*, *цтапхе* ‘боязливый’, *цтэ* ‘испуг’⁴³.

5. Хат. *tuh-* : греч. *θεός* ‘бог’. Многократно предлагавшееся и вновь отвергавшееся (как и некоторые другие сближения, теперь оправдываемые в свете открывшейся исторической перспективы) сопоставление греч. *θεός* ‘бог’, не имеющего удовлетворительной индоевропейской этимологии, с адыг. *тхьэ-* ‘бог’ подтверждается двумя группами фактов. Во-первых, внутри самого адыгского рядом ученых (по-видимому, независимо друг от друга)⁴⁴ выявляе-

³⁸ *H. Vogt*. Op. cit. P. 170. N 1503 (*-t* соответствует абхазскому финитному *-m*).

³⁹ Там же. С. 176. № 1606.

⁴⁰ Там же. С. 170.

⁴¹ *Л. Люлье*. Указ. соч. С. 199.

⁴² *H.-S. Schuster*. Op. cit. S. 99.

⁴³ *Л. Люлье*. Указ. соч. С. 10, 84 и др.

⁴⁴ *К. С. Шакрыл*. Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухуми, 1971. С. 84; *J. Knobloch*. Probleme der Nordkaukaschen Etymologie // Zeitschrift für Mundartforschung. Beihefte. Neue Folge. № 4 (Verhandlungen des Zweiten Internationalen Dialektolo-

на связь с адыг. *тхьэ*- ‘бог’ таких производных от него, как кабард. *тхьэ-мадэ* ‘старейший’ (с дальнейшими переосмыслениями). Во-вторых, в хат. *wa-tuḥ-kante-n* ‘царевича’ удастся выявить точно такое же древнее словосложение, где за классным показателем *wa-* (напоминающим принадлежность родственного второму элементу словосложения чеченск. *кIант* ‘парень’ к *в-*: *кIант вахара* ‘Парень пошел’) следует наименование ‘царя — бога — старейшего’ *tuḥ-* и общесеверокавказское название ‘парня, маленького’ (кабард. *кIантIэ*- ‘маленький’, абзах. *кьантатыр* ‘мальчишка’). Особенно характерно чечен. *паччахьан-кIант* ‘царевич’ с более поздней заменой первого элемента заимствованием, но ср. кабард. *пац-тыхь* ‘король, царь’, первый элемент которого иногда возводится к древнему обозначению ‘феодального князя’. Из хат. *wa-tuḥ-kante-n* следует, что хат. *tuḥ-* имело значения, достаточно близкие как к адыг. *тхьэ*-, так и к греч. *θεός*. Существенно и то, что данное сближение ставится в ряд других аналогичных сближений типа греч. *ψυχή*, адыг. *псы*, греческого названия Ахеронта и адыг. Ахэрэта (реки мертвых) и т. п.

В настоящей статье ввиду ее предельной краткости оставлены в стороне много раз обсуждавшиеся темы (Телепинус — Телеф, язык богов) и рассмотрены лишь некоторые вопросы, показывающие, как много нового для исследования предыстории греческого языка и культуры, а также и для уточнения того, что греки имели в виду под терминами типа «фригийский», может дать дальнейшее сравнительное исследование хаттского языка.

1983

Постскриптум

Об этимологии чеченского названия ‘шкуры’ см.: *S. Nikolaev, S. Starostin. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow, 1994. P. 358, 1091—1092*; о чеч. *сoḷ* ‘снежный леопард’ < *‘пантера’ см.: *Ibid. P. 228—229*. О северокавказских словах со значениями ‘кваситься’, ‘кислый’ см.: *Ibid. P. 521*. О названии ‘двери’ (примеч. 35) ср.: *Ibid. P. 218*. К убыхскому глаголу со значением ‘братъ, держать’ см.: *Ibid. P. 646*.

gen-kongresses) / Hrsg. von K. E. Schmitt. Bd. 2. Wiesbaden; Steiner, 1968. S. 466 (там же дальнейшая литература). В последней статье Кноблоха отчетливо сформулирован подтверждаемый хаттским материалом принцип сведения всего исконного словаря к сочетаниям примерно 80 исходных односложных морфем, продолжающий идеи Яковлева (к которым близок и Кейперс).

ХУРРИТСКИЕ И ХАТТСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ*

1. Хурр. *p/wandi* 'правый' : *šaphali* 'левый'. Хурр. *p/wandi*, *p/wanda-n(n)i* 'правый'¹ (форма с суффицированным артиклем *-ni*) родственно урарт. *anda-ni*² и ахвах. *гъанцIуллI*, чамал. *гъансI-сIуцIсIаллI*, багул. *гъаншел*, андийск. *гъанчIул*, лакск. *урчIа-*, лезг. *ерчIи*, табас. арчул. агул. *гIулджан-*, рутул. *гъарчаь-д* 'правый', арчин. *оIрчIу-ши* 'направо', удин. *ача*, чечен. *аьтту*³ из о.-вост.-кавк. **(+#)VnžžV-* (здесь и далее общевосточнокавказские реконструкции даются согласно С. А. Старостину, которому автор приносит благодарность за ознакомление с результатами его работы). Начальное *w-* в *w-anda-ni*, если оно не объясняется фонетически, можно сравнить со структурно схожим префиксом в убых. *wa-žq'o:mə* 'справа' : *žq'a* 'правый'. Значительно более сложную проблему представляет хурр. *šaphali* 'левый', представленное в нескольких формах, часть которых можно считать результатом позднейшего уподобления *p/wandi*, с которым оно часто соотносится в текстах: *šaphal-di*, *šaphadi*, также *šawulda*⁴. Урарт. *šalmathi* 'левый', сопоставляемое с хурритским словом⁵, скорее напоминает последние его (уже преобразованные) формы и в то же время несет следы уподобления семитским

* Издано: Этимология 1981. М.: Наука, 1983.

¹ E. Laroche. Glossaire de la langue hurrite. Deuxième partie // RHA. 1977.

² M. Salvini. Einige neue urartäisch-hurritische Wortgleichungen II // Orientalia. 1970. Nova Series. V. 39. Fasc. 3. S. 409.

³ E. А. Бокарев. Смычногортанные аффрикаты прадагестанского языка (опыт реконструкции) // ВЯ. 1958. № 4. С. 8; Он же. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1966. С. 73; Б. К. Гигинейшвили. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977. С. 108.

⁴ E. Laroche. Glossaire... 2. P. 214.

⁵ M. Salvini. Op. cit. S. 409—411.

формам типа аккад. *šumēlu* ‘левый’, ср. сокотри *s^himḥal* ‘левый’ и другие семитские прилагательные⁶, по фонемному составу близкие к хурр. *šaphali*. Но для последнего слова обнаруживаются весьма примечательные параллели в лув. *ipala/ i-* ‘левый’ (ср. *ipal-ati* ‘левизна’)⁷. Как показывает сравнение с тох. А *śālyi* ‘левый’, *śālyās* ‘слева’, В *śwālyai* ‘слева’⁸ (при тох. А *pāci*, В *āpat* ‘справа’, быть может, сопоставимом с хурр. *pand-*), лув. *ipala/ i-* утратило в начале и.-е. **ǵ^h* согласно общему правилу, действовавшему в лувийском⁹. Иначе говоря, лувийское и тохарские слова восходят к общей форме типа **ǵ^h(ē)b^h-ē/ōl-/ *ǵ^h(ē)b^h-ē/ōl-* с развитием *-*bh-* > **p-* > **w-* и упрощением начальной группы в тохарском. Хурр. *šaphal-i*, по-видимому, является древним заимствованием из того же индоевропейского источника, но испытавшего спирализацию **ǵ^h* по типу языков *satəm*; вокализм говорил бы в пользу языка типа индоиранского; если маньч. *žebele* ‘правый’¹⁰ связано (при полярном изменении значения) с той же основой, то речь идет об очень широко распространенном миграционном термине. Следует отметить, что в северокавказских языках родственные слова со значением ‘левый’ пока не обнаружены. Замена слова с этим значением иноязычным заимствованием — явление, типологически достаточно часто встречающееся (ср. заимствование баскского слова в иберо-романские языки¹¹ и т. п.).

2. Хурр. *ti/ella* ‘бык’. Установление значения ‘бык’ для хурр. *tilla* (в частности, по отношению к двум быкам бога Грозы Тешшуба, хетт. *ti-el-la* с детерминативом GUD ‘бык’, ср. также на звание горы *še-e-nu-ti-el-la* ‘два быка’¹²) имеет значительный интерес для исследования миграционных названий

⁶ C. Brockelmann. Semitische Reimwortbildungen // Paideuma. 1967.

⁷ E. Laroche. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959. P. 51—52; P. Meriggi. Schizzo grammaticale dell anatolico (Atti della Accademia Nazionale dei lincei. Serie VIII. V. XXIV. f. 3. Anno CCCLXXVII). Roma, 1980. P. 292. § 55. — Ср. также хетт. GUB-*la* ‘левый’, где в качестве фонетического компонента после идеограммы представлен сходный суффикс.

⁸ B. Čop. Indogermanica minora. I. Sur les langues anatoliennes (Slovenska Akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede. Razprave, VII), ср. рецензию на эту книгу: В. В. Иванов // ИАН СССР. Сер. лит. и яз. 1974. Т. XXXIII. 2. С. 172.

⁹ V. V. Ivanov. On the reflex of the Indo-European voiced palatal aspirate in Luwian // Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz. Wrocław, 1965. P. 131—134.

¹⁰ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1. Л., 1975. С. 280.

¹¹ Ср.: Y. Malkiel. Semantic universals, lexical polarization, taboo. The Romance domain of «left» and «right» revisited // Festschrift for O. Szemerényi on the occasion of his 65th birthday. Amsterdam, 1979.

¹² V. Haas, H. J. Thiel. Ein Beitrag zum Hurritischen Wörterbuch // Ugarit-Forschungen. Bd. 11. Neukirchen; Vluyn, 1979. S. 346.

домашних животных. Представляется вероятным, что с тем же термином соотносится слово, общее для славянского (о.-слав. **tele*¹³, основа на *-t-*, др.-рус. *теля* ‘теленек’, укр. *теля*, польск. *ciele*, чеш. *tele*, с.-хорв. *тѣле*, болг. *телѣ* и т. п.) и балтийского (лит. *tēlias*, лтш. *telš*, *telens*, прус. *klente* ‘бык’¹⁴ с характерным для прусского развитием **tl- > kl-*, ср. *clocis* [*klokis*] ‘медведь’: лит. *lokū̃s*, лтш. *lācis* при архаическом западнобалтийском топониме *Tlokun-pelk* ‘медвежье болото’¹⁵). Суффиксация объединяет прус. *klente* < **tlent-* с о.-слав. **tel-ē(t)-*; при этом представляется вероятным, что суффикс **-ent-* до включения в семантическое поле обозначений детенышей животных первоначально мог сохранять то архаическое значение показателя деятеля, которое достаточно явно свидетельствуется германскими фактами (ср. *-nd-* < **-nt-* как суффикс деятеля) и на основании анатолийских и других данных возводится к общеиндоевропейскому (активное причастие на **-nt-*, анатолийские активные именные формы на *-nt-*).

3. Хурр. *šawali* ‘год’. Хурр. *šawali* ‘год’ (соответствует шумер. MU. КАМ ‘год’ в словаре из Рас Шамры), им. п. мн. ч. *šawalla*, род. п. *šawallaši*, дат. п. *šawallaše*¹⁶, представляет собой точное соответствие этр. *avil* ‘год’, лемнос. *avis* ‘год’ при допущении соответствия хурр. *š* : этр. *ø*, подтверждаемого (не для начальной, как в первом случае, а для интервокальной позиции) и в случае хурр. *aštelī*¹⁷ : этр. *puia* ‘жена’, для которого, кроме соответствий в нахском (ингуш. *исти* ‘женщины’, собират. бацб. *псmlun*)¹⁸, обнаруживается соответствие в хатт. *zzuwa-* ‘жена’, кабард. *фыз*, адыгейск. *шьвы(зы)*, убых. *s’ə-*, тогда как для первого слова, кроме нахских¹⁹ (чечен., бацб. *шо*) и дагестанских²⁰ параллелей (цахур. *сен*, арчин. *сан*, удин. *усен*), позволивших вос-

¹³ О. Н. Трубачев. Славянские названия домашних животных. М., 1960. С. 44. — Другую версию о.-слав. **tele* < **uet-el-* от названия года см.: *Machek*². С. 638 — *Примеч. ред.*

¹⁴ J. Endzelīns. Senprūšu valoda. Rīgā, 1943. P. 195; *Idem*. Darbu izlase, II, 2 daļa. Rīgā, 1980. P. 149.

¹⁵ Z. Zinkevičius. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. I. Vilnius, 1980. P. 146. § 214. — Изменение этого же типа характерно для лехитского и северо-западно-великорусского, что могло бы объясняться и балтийским субстратом или ранними контактами с балтийскими диалектами этого ареала. Предположение о заимствовании прусского слова из славянского исключается по семантическим и фонетическим причинам.

¹⁶ E. Laroche. Glossaire... 2. P. 62.

¹⁷ E. Laroche. Glossaire de la langue hourrite. Première partie (A—L) // RHA. 1976. T. XXXIV.

¹⁸ И. М. Дьяконов. Хуррито-урартский и восточнокавказские языки // Древний Восток, 3. Ереван, 1978. С. 31.

¹⁹ Там же. С. 33.

²⁰ Б. К. Гигинейшвили. Указ. соч. С. 135; Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971. С. 182—183.

становить о.-вост.-кавк. * $\acute{s}(\bar{u})nV$ 'год', можно указать убых. $\acute{s}^{\circ}á$ 'год' и производное $\acute{\gamma}á.s.^{\circ}ala$ 'третий год', 'двумя годами позднее'²¹, где $-s^{\circ}ala$ прямо соотносимо с хурр. $\acute{s}awal-$: этр. $avil$. Предполагаемое этими соответствиями хуррито-этрусское языковое родство подкрепляется и рядом других сближений; хурр. $ki-g$ 'три': этр. ci 'три' (по финикийско-этрусской билингве) при бацб. kxo , чечен., ингуш. $kxoh$ ²², о.-вост.-кавк. $\acute{k}elb$ 'три', убых. $\acute{s}a$ (<* \acute{k} -²³) и т. п.; хурр. $-ah\dot{h}i$ в производных от названий мест типа $lul-ah\dot{h}i$ (с вероятным широким кругом северокавказских соответствий, обсуждавшимся еще Трубевским); этр. $-ax$ в аналогичных производных типа $Rum-ax$. Некоторые из наиболее очевидных грамматических сопоставлений объединяют между собой этрусский и северо-западнокавказские языки. Это относится, в частности, к именной классификации. СобираТЕЛЬНЫЙ суффикс мн. ч. $-xva$ в этр. $pulum-xva$ 'звезды' (в финикийско-этрусской билингве), $fler-xva$ 'плоды' выполняет ту же функцию, что и соответствующий ему суффикс класса вещей абхаз. $-qya$ в $ašyqys-qya$ 'годы', $xut\#a-qya$ 'доли', $ašyqyr-qya$ 'плоды' и т. п.

4. Хурр. $dagi$ 'красивый'. Очевидная параллель к хурр. $dagi$ 'красивый' обнаруживается в адыгейск., кабард. $дахэ$ 'красивый', ср. адыгейск. $Цумнэ$ $Іэрамэхэр дахэх$ 'Гроздь клубники красивы', хурр. $Inu-me uš\dot{h}uni šihala hišma tagi-ma kiraši-ma$ 'как серебро чисто, блестяще, красиво и прочно'²⁴, KUB XXIX 8 IV 27. Представляется возможным сопоставить и соответствующие имена женских персонажей: хурр. $Da-a-ki$ 'Прекрасная' (атрибут богини Хебат), адыгейск. $Дахэ$ 'Красавица' (женское имя).

5. Хатт. $-zip-$ 'маленький, младший'. Несмотря на то, что (или, вернее, благодаря тому, что) билингва KUB XXVIII 6 с самого начала изучения хаттского языка была использована Э. Форрером, из нее до сих пор не извлечены некоторые наиболее очевидные слова, проясняющие и этимологические связи хаттской лексики. Во времена Форрера знания хеттского словаря были недостаточны, оттого и некоторые хаттские слова остались непереуведенными. В частности, в строках I 15a—15в, 16a—16в до настоящего времени не было выявлено соответствие хатт. $pa-zi-ip-lu a-li-nu-en$, хетт. $am-mi-an-za-ma-kán$ DUMU-aš 'маленький же сын' (в хатт. $al-inu-en$ выделяется притяжательное $l-$

²¹ G. Dumézil. Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. III. Nouvelles études oubykh (Travaux et mémoires de l'Institut d'ethnologie. LXXI). Paris, 1965. P. 242.

²² И. М. Дьяконов. Указ. соч. С. 32.

²³ С. А. Старостин. Реконструкция праабхазо-адыгской системы согласных // Конференция «Проблемы реконструкции». М., 1978. С. 99.

²⁴ E. Laroche. Glossaire... 2. P. 249.

‘его’, предшествующее *inu* ‘сын’), хатт. *Zi-pi-iš zi-pi-nu*, хетт. *am-mi-an-za DUMU-aš* ‘маленький сын’ (в хаттском словосложении *zip-inu* ‘маленький сын’ *inu* предшествует основа *zip-* ‘маленький’), к форме *inu* ‘сын’, ср. трижды повторяющееся в той же билингве (Vs. 20a—b, Rs. 1a—b, 3a—b) соответствие хатт. ^D*Wú_i-ru-kat-ta-i-nu*, хетт. *DUMU-aš^D za-ba₄-ba₄-aš* ‘сын бога Забаба’ (хатт. ‘царь страны’, имя Забаба известно в III тыс. до н. э. в культурном ареале Эблы). Наиболее близкую параллель представляет убых. *č’a : p’q’a* ‘молодой’, ср. *sacá*, *č’asá* с тем же значением, адыгейск. *цлыклу*, абхаз. *аит#бы* при сложении *ам#a-eum#бы* ‘младший сын’; менее ясны возможности сравнения с восточно-кавказскими терминами типа арчин. *ч’eln* ‘люлька’, *ч’elna lo* ‘младенец’ (ср. к семантике убых. *c^oa : pá* ‘люлька’).

6. Хатт. *zuḥ-* ‘одежда’. В той же хаттско-хеттской билингве KUB XXVIII 6 I 12a—b—13a—b удастся выявить следующую последовательность, точно совпадающую в обеих версиях: хатт. *wa_a-aḥ-ku-un wú_i-ru-še-mu ta-az-zi-ya-aḥ-du ta-zu-u-ḥa-aš-ti*, хетт. ^{URU}*TÚL-na-aš^D UTU-[u]š nu [Dm]i-iš-ri-[wa-an-⟨...⟩]* *TÚG-ZU še-ir ka-a-ri-aš?-ḥ[a-aš]* ‘Солнечная богиня города Аринны сверху покрыта своей блестящей одеждой’. Как и в предыдущем случае, понимание текста становится возможным благодаря выяснению значений хеттских слов, первым исследователям билингвы неизвестных. Хетт. *mišriwant-* ‘блестящий’ точно соответствует корню *yaḥ-* ‘блеск’, известному из других билингв, а в данном случае выступающему с префиксами *ta-* и *zi-* и падежным показателем *-du*, ср. *ka-iyah-du* ‘с неба’ в билингве о боге Луны, упавшем с неба²⁵; *kašbaru-yaḥ* ‘лучезарный’ в качестве хаттского эквивалента хетт. *lalukkima-* ‘светозарный’ по отношению к божеству Солнца²⁶ в контексте, близком к разбираемому. Конструкция *šer kariyari* в хеттском означает ‘покрыт(а) сверху’ (медиопассив); производное *kariyašḥa-* в контексте, где речь идет о попытке богини Иштар соблазнить чудовище Улликумми²⁷, может иметь значение ‘покрытие, одежда’; слово употреблено и в молитве KUB XIV 7 IV 5, 7, обращенной к той самой Солнечной богине Аринне²⁸ (хатт. *Wurušemu*), которая описывается и в разбираемом месте хаттско-хеттской билингвы. Шумерограмма *TÚG* ‘одежда’ в сочетании с этой глагольной формой соответствует хатт. *ta-zuḥ-asti*, где префикс *ta-* аналогичен первому префиксу в хатт. *ta-zi-*

²⁵ В. В. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол // Индоевропейские истоки. М., 1981. С. 227, там же см. об этимологии.

²⁶ В. В. Иванов. К архаичным формулам в хеттских гимнах // АО. 1978. V. 46. № 1. С. 71.

²⁷ H. Otten. Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950. S. 21—22. Anm. 2.

²⁸ В. В. Иванов. Вурусему // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.

yah-du, а основа *zuh-* в значении 'одежда' известна из строительного ритуала KUB II 2+, где она имеет то же шумерское соответствие (*TÚG*^{III.A} 'одежды'). Возможные соответствия можно было бы видеть в пра-адыг. **š^hake* 'платье, одежда', адыгейск. *цыгъын* 'одежда' (но ср. также убых. *ža-γ-* 'одеться'), о.-вост.-кавк. **čoqqajV* 'одежда'. При наличии нескольких параллельных начальных фонем в словах этой семантики (возможно и несводимых друг к другу) в северо-западнокавказском точный выбор одного из них затрудняется многозначностью возможных интерпретаций хатт. *z-* в анлауте, хотя наиболее вероятно соответствие хатт. *zuh* : адыгейск. *цыгъын*.

7. Хатт. *hawit* 'быть как яблоня'. Другой хаттско-хеттской билингвой, данные которой ранее недостаточно использовались из-за невыясненности значений хеттских слов, является текст KUB XXVIII 1 Rs. IV (где хаттская и хеттские части, соответствующие друг другу, чередуются небольшими группами фраз в отличие от разбиравшейся выше билингвы, в которой каждой хаттской строке слева соответствует хеттская справа). Особый интерес представляет глагольная форма хатт. *ta-a-ḫa-a-ú-e-it* (последний знак по графическим причинам размещен в конце строки вертикально, а не горизонтально), переводимая хетт. *na-aš ša-am-ma-al-li-ya-zi* 'и он становится как яблоня, приносящая яблоки' (IV 35—37). Это значение в ритуале магии уподобления можно предположить благодаря выявлению связи данной глагольной формы с именной *šamalluwa-nt-*²⁹, для которой достоверно установлено значение 'яблоко'³⁰. Эта интерпретация подтверждается соответствием хатт. *ḫa-a-u-it-ra* (в дубликate В параллельная форма *a-an-ḫa-ú-[i]t-pa*), хетт. *Ša-am-ma-al-eš-zi-ma-aš* 'делается яблоне подобным же он' в строках IV 25—26 того же текста, где в хеттской части стоит идеограмма *ḫASHUR* 'яблоня, яблоко' непосредственно за приведенной формулой, включающей глагольную форму *šamaleszi* 'он делается подобным яблоне' от основы *šamal-*, общей с глаголом *šamaliyazi* 'становится как яблоко' и с самим названием яблока *šamluwa-nt-*, где таким образом в самом хеттском языке удается выделить суффикс, в чем состоит исключительное значение излагаемых фактов для этимологии индоевропейского названия яблока. Что же касается хатт. *-hawit* (с грамматическим показателем объекта *a-* и превербом *-n-* в форме *a-n-ḫawit*), *ta-ḫawit* (с префиксом *ta-*, ср. выше об этом префиксе в других формах), их семантиче-

²⁹ N. Oettinger. Die Stammbildung des hethitischen Verbuns (Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kunstwissenschaft. Bd. 64). Nürnberg, 1979. S. 245 (значение не указано, намечена только связь форм).

³⁰ В. В. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания // Этимология 1976. М., 1978. С. 160—161.

ская интерпретация как 'быть подобным яблоне, приносящей яблоки' может быть поддержана и вычленением префикса *-ḥa-* (ср. обычное *-ḥa-* как именной и глагольный префикс), благодаря чему *-ḥa-wit* оказывается сопоставимым с хатт. [š]a-a-wa-at(-ma) 'яблоня', соответствующим идеограмме 𒀭ASHUR в билингве KUB XXVIII 6 Vs. 10a—b; обломки того же слова можно предположить в хатт. *-ti-i*, соответствующем хетт. ^{GIŠ}𒀭ASHUR в поврежденной билингве KUB XXVIII Vs. 2a—b, где следующая хеттская строка 3b содержит форму ^{GIŠ}ša-ma-lu-ú-[wa] 'яблоко, яблоня', тогда как остаток последнего знака *-ḥu* хаттской строки 3a позволяет только предполагать возможность наличия суффиксального показателя, присоединенного к хаттской основе *-wat/-wit-* 'яблоко, яблоня', 'быть подобным яблоку'; вероятно сопоставление с такими формами, восходящими к общеджуганскому, как авар. *weč* 'яблоко', лакск. *hiwč*, табас. *weč*, хиналуг. *meč*³¹, но при этом возможно, что сопоставление с хаттским потребует внесения исправлений в предлагавшиеся ранее реконструкции.

8. Хатт. *wašḥab-ma* 'богами'. Хаттский текст ритуала KUB II 2+ начинается фразой, позволяющей определить его мифологический фон: *wa_a-aš-ḥa-ab-ma eš-wu_u-ur aš-ka-aḥ-ḥi-ir šu-ú-wa_a*. Согласно хеттскому переводу фраза означает: DINGIR^{MEŠ} KUR^{MEŠ} *ma-ni-ya-aḥ-ḥi-ir da-a-ir-ma-at* 'Боги страны роздали для управления, и это (или эти) они установили'. Первая конструкция содержит хаттское название бога в форме с классным показателем *wa-* (писавшимся посредством особого знака «полуалфавитного» типа³², встречающегося только в хаттских и хурритских, но не в хеттских текстах богазкёйского архива и означающего, скорее всего, спирант типа /v/). Этот показатель мог, как и в ряде восточно-кавказских языков, означать ед. ч. I класса и мн. ч. того же класса. В данной фразе согласно хеттскому переводу его надо понимать во второй функции. Наличие соответствия хатт. *wašḥab* в абхазо-адыгских языках (адыгейск. *уашхъо* 'небесный свод', кабард. *уашхъуэ* 'вышина неба, небесная синева', убых. *wašx^oa* 'гром и молния, бог', в том числе в архаических заклитиях, находящихся параллель и в абхазо-абазинском: абхаз. *Уашхо* и т. п.) обратило на себя внимание еще на первых порах изучения хаттского языка и тем не менее было позднее отвергнуто по существу только из-за наличия народной этимологии у соответствующего адыгейского слова³³ (ср. *уашъор ихъуантIэ* 'небо голубое', но это прилагательное в адыг-

³¹ Б. К. Гигинейшвили. Указ. соч. С. 72, 91.

³² Знак представляет собой сочетание обозначения (непосредственно предшествующего и по форме, и по функции соответствующей «букве» угаритского клинописного алфавита) с последующим проясняющим знаком для гласного *a*.

³³ А. Камменхубер. Хаттский язык // Древние языки Малой Азии. М., 1980. С. 36 (там же история вопроса изучения связей хаттского с северо-западнокавказским). —

ском означало 'зеленый, серый': *шхьонтIагъ* 'зеленый, серый', *шхьонтIашьу* 'зеленоватый, сероватый', кабард. *шхъуэ* 'серый, стальной', *шхъуантIэ* 'зеленый'). Наличие префикса *wa-* в хаттском слове не только не противоречит хаттской этимологии, а позволяет ее поддержать, т. к. дает возможность установить гипотетическую связь приведенных абхазо-адыгских названий 'неба', 'бога' и хатт. *wa-šhab/w* с праадыгским **šx^oa* 'волшебство'³⁴ (адыгейск. *ушъухъаныгъ* 'волшебство, колдовство', *ушъухъэ* 'волшебный', *ушъухъан* 'колдовать', *шхъо епхын* 'отравить', кабард. *шхъуэ* 'отрава, яд', ср. убых. (из адыгейск.³⁵) *šx^oawé* 'колдовство', *šx^oax-* 'околдовывать': *asšx^oáxən* 'я его околдовываю'). Хатт. *-ab/w-* может соответствовать убых. *-aw-* и лабиализации в праадыгском. Восстанавливаемое на основе этих соответствий абхаз.-адыг. **šx-*³⁶ сопоставимо с хатт. *eš-tan* 'Бог солнечного неба' (сложное слово?) и с вост.-кавк. *(*h*)*Vs-* (цезск., хварш., гинух. *as* 'туча, туман, дождь, небо', бежт., гунзиб. *has*, хурр. *eše*, урарт. *ešə* 'небо'³⁷) и кетск. *eš* 'небо, бог' (котт. *éš* 'небо, бог'), *ésxai* 'облако' (объяснение из сложения с названием горного хребта является народной этимологией). Значение последнего енисейского слова заставляет допустить и древность ст.-адыгейск. *схъие* 'град', *вудъше* 'дождь'³⁸, адыгейск. *оцхы* 'дождь', кабард. *уэ-шх* 'дождь', убых. *-š'χ* в *t^oá-š'χ* 'град', где в первой части возможно соответствие хатт. *tu-mil/n* 'град' (деление предлагается на основе этой этимологии и наличия морфы *-mil-* имени бога Грозы *Haša-mil-*).

Название *wa-šhab* 'боги' засвидетельствовано в нескольких падежных формах, в частности, в форме *ha-wa-šhaw-i* 'среди богов' (ср. о *ha-* выше: *hawit*) в текстах, обозначающих наименование на языке богов (хатт. DINGIR^{MES}-*naš ištarna*, ср. точное типологическое соответствие в айн. *камужамма* 'среди богов' в контексте, где речь идет о языке богов). В разбираемом хаттском тексте строительного обряда использована форма *wa-šhab-ma*, играющая роль эргатива, непосредственно сопоставимого с адыгским эргати-

За той гиперкритической точкой зрения, которую вслед за Деетерсом принимала А. Камменхубер, последовали Г. А. Климов и А. К. Шагилов (в его этимологическом словаре адыгских языков, там же см. библиографию спорных этимологии адыгских слов, которая здесь опущена для экономии места).

³⁴ A. H. Kuipers. A dictionary of Proto-Circassian roots. Lisse (Netherlands): The Peter de Ridder Press, 1975. № 76.

³⁵ G. Dumézil. Op. cit. P. 244.

³⁶ К соответствиям и реконструкции здесь и далее см.: С. А. Старостин. Указ. соч. С. 96—101.

³⁷ И. М. Дьяконов. Указ. соч. С. 31 (соответствие 10).

³⁸ Л. Люлье. Словарь русско-черкесский или адыгский. Одесса, 1846. С. 47 (помета ст.-адыгейск. в тексте далее отсылает к этому источнику).

вом на *-м* в сочетаниях типа адыгейск. *тхэм ылуагъэр* ‘бог сказал’ (= ‘богом сказано’) ³⁹. Однако нельзя исключить того, что адыгский эргатив на *-м* ⁴⁰ и хаттские формы на *-та* не исходно родственны друг другу именно как падежные, а возникли в результате параллельного развития однотипных сочетаний с постпозитивным указательным местоимением типа кабард. *мы/о*, адыгейск. *мы*.

Наличие такого указательного местоимения в хаттском доказываемся билингвой-заклятием, в которой хатт. *[i]-та-le-n zar-du* переведено хетт. *kel UDU-un ZI.ŠU* ⁴¹ ‘(этой овцы) мясо’. В этом сочетании хатт. *le* ‘мясо’ (с окончанием объекта *-n*, ср. убых *-н* и следы падежа на *-н* в абхазо-абазинском и падеж на *-н* в восточнокавказском) соответствует адыгейск. *лы* ‘мясо’, кабард. *лы* (сван. *le/aγw-* ‘мясо’ — древнее заимствование из производной основы типа адыгейск. *лыгъо* в *лыгъо-лыбжь* ‘мясные блюда’, *лыгъ-эьугъ* ‘сушеное мясо’, кабард. *лыгъэгъуа*, ср. также чечен. *лахъа* ‘мясозаготовки’, *лахъа-нан* ‘мясной’ и т. п.), убых. *γ’а*, абхаз. *жэы* (при латеральном геминированном абруптивном аффрикативном и префиксе *r-* в дагестанском: авар. диал. *ри-тл’ыи*, андийск. *рикъи*, цезск. *релI*, лакск. *дикI*, лезг. *йак*, удин. *экъ*, хиналуг. *лыкк*). Хатт. *zar-* ‘овца’ (с суффиксом род. пад. *-du*, ср. выше о *-yah-du*, параллели обнаруживаются в восточнокавказском, енисейском и других родственных языках) принадлежит к группе слов, имеющих наиболее четкие

³⁹ Н. Ф. Яковлев, Д. Аухамар. Грамматика адыгейского литературного языка. М.: Л., 1951. С. 452.

⁴⁰ Грузинский повествовательный падеж на *-та*, охарактеризованный еще Ф. Мюллером как «определенный номинатив» (ср.: Г. А. Климов, М. Е. Алексеев. Типология кавказских языков. М., 1980. С. 101 и сл.), может восходить к ностратическому показателю определенности **-m(a)*, в части западно-ностратических языков (в частности, в семитском), получившем именно значение определенного падежа (в том числе именительного: семит. **-um*, и.-е. им.-вин. п. ср. р. **-om*): В. В. Иванов. Сравнительно-исторический анализ категории определенности—неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики // Категория определенности—неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. С. 11—18. В этом случае прямой связи с северо-западнокавказскими и хаттскими формами ожидать нельзя. Сван. *-ет* как падежный показатель, аналогичный груз. *-та(n)*, может либо иметь общее с ним происхождение (и в таком случае возводится к той же ностратической праформе, ср. сван. *еžn-ет* ‘он’ и груз. диал. *e-та-* при монг. *i-та-da* ‘ему’ и *-т-* в косвенных падежах индоевропейских местоимений), либо быть одним из ранних результатов свайно-абхазо-адыгского языкового контакта (не исключено и то, что унаследованное **-m* в сванском могло видоизмениться под влиянием сходной функции адыг. **-m*).

⁴¹ E. Laroche. Une conjuration bilingue hattî-hittite // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. November. 1950. Bd. I. H. 2. P. 175.

соответствия в нахском: чечен. *уьстагI(ий)* ‘овца’ (при согласовании по III классу: *уьстаг бахара* ‘овца пошла’) фонетически соотносится с хатт. *zar-* ‘овца’ с префиксом III класса *wa_a wa_a-za-ri-el*⁴² и абхаз. *(a-)уаса* ‘овца’ (ср. отражение древнего классного показателя в абхаз. *у-* в *Уаихо* согласно изложенному выше) точно так же, как чечен. *стаг* ‘человек’ (согласование по I классу: *стаг вахара* ‘человек пошел’, *в-оккха стаг* ‘большой—старый человек’) — с хатт. *zari* ‘человек, люди’ с префиксом (ед. и мн. ч.) I класса *wa_a-zari* (ср., в частности, *wa_a-zari-un* ‘человечества’ в том же контексте, что и *wa_a-šhaw-un* ‘богов’), ср. арчин. *bo-šor* ‘мужи’ (I класс). Выделение классного показателя **b-* в дагестанском названии ‘овцы’, сопоставимом с хатт. *wa_a-zar*, допускал еще Н. С. Трубецкой: «аṅ Plur. *ruṣu* (wo *-r* das Klasselement der “Genus plurale” ist) “Schafe” @ @ bag. *beṣur*, tindi *boṣar*, čam. *boṣaldā* (wo *b-* das Klasselement des “Genus singulare neutrum” ist) “Schaf”»⁴³. Сходство начального и конечного элементов лезг., хиналуг. *вукьар*, агул. *укьар*, крыз. *вукьер*, будух. *викьер* ‘овца’ с разбираемыми словами представляется весьма вероятным. Для восстановления исходного фонетического облика слова значительный интерес может представлять древнее армянское заимствование *wošxar* овца (где анлаут указывает на связь с северокавказским) при груз. *схвар*, мегрел. *šxur*, чан. *(m)šxir*, *тсхур-*, *тškur-* (разнообразие рефлексов может говорить о заимствовании). Сочетание *та-ле-* в приведенной билингве тождественно адыгейск. *мò лы-р* ‘вот то мясо’, *мьì лы-р* ‘это мясо’⁴⁴. Указательное местоимение *мы/о-* в адыгском имеет соответствия в восточнокавказском и хурритском (*та* ‘ille’ по Ларошу)⁴⁵. При положении этого элемента в постпозиции образуется (как в адыгском и хаттском, так и в восточнокавказском) эргатив. В качестве типологической параллели можно напомнить давно намеченную Шухардтом⁴⁶ интерпретацию индоевропейского «эргативного» («активного») падежа на *-*s* (позднее ставшего именительным падежом единственного числа и родительным падежом в тематическом типе

⁴² А. Камменхубер. Указ. соч. С. 59, 84.

⁴³ N. Trubetzkoy. Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen // Caucasia. 1926. Fasc. 3. S. 21.

⁴⁴ Ср. об ударении: Н. Ф. Яковлев, Д. Ашхамаф. Указ. соч. С. 290.

⁴⁵ Фонетически сходный элемент есть и в картвельском, но он может иметь ностратическую этимологию: В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (*l—ž*). М., 1976. С. 70. В конечном счете именно местоименные элементы могут иметь наибольшую древность, допускающую сравнение праязыков макросемей, типа ностратической и северо-кавказской, но этот глоттогонический аспект в настоящее время предпочтительно еще не рассматривать до завершения предварительной работы над реконструкцией отдельных праязыков.

⁴⁶ Г. Шухардт. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950. С. 252.

*-o-). Еще Шухардт обратил внимание на то, что активный падеж указывает на нечто новое (в том же смысле, в каком о «новом» — реме говорят в лингвистике текста и в теории актуального членения) и поэтому может иметь при себе местоимение (тип *Der Väter-er ruft*). Соответственно индоевропейский активный падеж на *-o-s может быть возведен к указательному местоимению *-s(o), хеттское -aš. Правильность такой интерпретации подтверждается типологическим сопоставлением с северо-западнокавказским, где эргативный падеж на *m в адыгском (как и родственные формы эргатива на -m в восточнокавказском) бесспорно восходит к сочетанию основы с постпозитивным указательным местоимением *mə/*ma. В настоящее время это представляется возможным благодаря сравнению современных адыгских языков с родственными им хатти, где представлены и формы с постпозитивным -ma после имени в функции эргатива: *ṡa-aš-ḥa-ab-ma* 'seitens der Götter' «tritt in die Rolle eines Agens»⁴⁷, и формы с препозитивным указательным местоимением типа (i)-ma-al-li-en 'ему, для него (i-, северо-западнокавказский префикс объекта) это мясо'. Если в адыгском и хаттском новое (рема) выражено не препозицией *-m- в эргативной конструкции, а глаголом (без локальных превербов), то обычна конструкция с препозитивным m(e)- (явно того же местоименного происхождения⁴⁸): зап.-черкес. *s#^oəzər me-ṡaç'e* 'женщина моет', хатт. *titaḥ-zilat ma-zilat*⁴⁹ 'Великий престол (хатт. *zilat*, ср. этр. *zilaθ*) стоит'. Типологическое сопоставление с такими северо-западнокавказскими (и родственными хаттскими) конструкциями позволяет считать, что индоевропейские конструкции типа *so + глагол (безударный) были их типологическим аналогом в такой же мере, как и конструкции с эргативом на s в индоевропейском были типологической параллелью адыгским и хаттским эргативным конструкциям.

Иначе говоря, с точки зрения соотношения темы и ремы (данного и нового) положение указательного местоименного элемента можно описать следующим образом. Если выделяется в качестве нового эргативная конструкция имени, то за именем следует (диахронически) указательное местоимение: *wašḥab-ma*; позднее из такой конструкции возникает эргативный падеж. Не представляется возможным определить в точности, были ли хаттские формы

⁴⁷ H.-S. Schuster. Die ḥattisch-hethitische Bilinguen. T. I. Leiden, 1974. S. 106. § 1, 4, 732; к сожалению, автор не обратил внимания на роль -ma в этой конструкции.

⁴⁸ G. Dumézil. Le verbe oubykh. Études descriptives et comparatives // Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. Nouvelle série. T. I. Paris, 1975.

⁴⁹ Текст согласно копии разбираемого ритуала (Шустером не учтенной) КВо XIX 162 (936/Z) Vs. 5—6 *te-et-ta[h-zi-la-at]ma-zi-la-a-at*, реконструкция согласно V. Haas. [Рец. на кн.] H.-S. Schuster. Die ḥattisch-hethitischen Bilinguen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. 68. Wien, 1976. S. 206.

на *-ta* (особенно часто встречающиеся в текстах без хеттских переводов, где интерпретация затруднена) уже падежными формами (как адыгские) или еще сочетаниями с постпозитивным местоименным элементом. Косвенным аргументом в пользу первого истолкования можно было бы считать эргативообразное использование форм на **-nt-* в хеттском, в чем можно было бы видеть след древнего хаттского субстрата. Если в качестве нового — ремы в неэргативной конструкции выделяется не имя, а глагол, то ему предшествует тот же местоименный элемент: адыгейск. *ма-джэ* ‘кричит’ (вторичность залоговых употреблений этого префикса была предположена еще Н. Ф. Яковлевым).

С эргативной конструкцией в данном хаттском предложении связана глагольная форма *aš-ka-aḥ-ḥi-ir*. Гипотеза о соотношении хаттского именно с (прото)адыгским, соответствующая приведенным соображениям об эргативе (и возможно объясняемая не столько специальными диалектными связями адыгского с хаттским, сколько архаичностью обеих этих ветвей северо-западнокавказского, ср. приведенные выше формы с сохранением латеральности начального хатт. *le-*, адыгейск. *лы-* ‘мясо’ и т. п.), позволяет предположить, что хатт. *-ḥi-* (при обычном для хетт. и хатт. графики употреблении *-i-* для гласного переднего ряда типа [e] закрытого) функционально соответствует адыгейск. *-хэ-* как суффиксальному показателю мн. ч. объекта 3 л. в глаголе. В таком случае и конечное *-r* легко было бы интерпретировать по аналогии с адыгскими формами, имеющими этот конечный суффикс. Корнем следует признать *-ka-*, имеющее точное соответствие в убых. *-q̄a-* ‘давать’ при мн. ч. объекта. Начальное *-a-* в *a-š-ka-ḥi-r* следует, судя по роли начального *a-* в абхазо-адыгских глагольных формах, признать возможным показателем объекта (тогда отличие от современного адыгского состояло бы в одновременном выражении объекта в префиксе *-a-* и числа объекта в суффиксе *-hi-*). Наиболее спорной остается интерпретация *-š-* в этой форме. Судя по другим хаттским формам, соотношение с глагольными корнями, предполагавшее бы сочетание корней или деривационных морфем (ср. убых. *š'-* ‘делить’ с последующим *-q̄ a-* как суффиксом и т. п.) не кажется вероятным. Очень гадательно можно было бы предположить на основании функции **s-* как префикса 1 л. ед. ч. в абхазо-адыгском отнесение *š-* к 1 л. (царя), что соответствовало бы текстам хеттских молитв и обрядов, где царь в аналогичных случаях говорит о себе в 1 л. (ср. 1 л. мн. ч. в хеттском пересказе аналогичной хаттской глагольной формы).

Представляется вероятным, что *-s-* в *a-š-ka-ḥi-r* должно быть соотносено с (e)š- в объекте *eš-wur* в анализируемой эргативной конструкции. В хаттском основой существительного является *-wur* ‘страна, земля’, соотносимое с хурр. *ḥaw(u)ri* ‘земля’⁵⁰ и, по-видимому, восходящее к обще«северо»кавказскому⁵¹

⁵⁰ V. Haas. Op. cit. S. 203.

лексическому слою в хаттском и хурритском. Однако остается не вполне ясным, насколько этот термин сохранился в современных западно-кавказских языках (фонетически сравнение с протоадыгским **hak*'*o* 'страна, область' остается весьма проблематичным, т. к. неясна судьба **-k*'*o* при хатт. *-w-*), как и в языках восточнокавказских (ср., однако, арчин. *xlor* 'селение' при соответствиях со значениями 'село, поле' в дагестанских).

1983

Постскрипtum

Дальнейшее уточнение хаттских этимологий: *Вяч. Вс. Иванов*. Об отношении хаттского языка к северо-западнокавказским. Древняя Анатолия. М., 1985. С. 26—59.

⁵¹ Условность термина «северо»кавказский применительно к хаттскому (распространенному в III тыс. до н. э. в северной части Малой Азии) и хурритскому, уже на рубеже III и II тыс. до н. э. (если не много ранее) взаимодействовавшему с лувийским на юго-востоке и юго-западе Малой Азии, а также и применительно к этрусскому (см. выше) представляется очевидной, тем более что еще Услар предположил южный путь миграции носителей абхазо-адыгских языков (согласующийся и с бытующими у них до сих пор преданиями).

УРАРТСК. *MARI*, ХУРРИТСК. *MARIANNE*, ХАЙАССК. *MARIJA*-*

В изданном И. М. Дьяконовым урартском тексте, перечисляющем состав людей царского хозяйства, упомянуто 1113 людей *mari*: I LIM I ME XIII ^{LÜ}*ma-re-ji*¹. И. М. Дьяконов в своем переводе текста предложил перевод 'знатных'², основываясь на сопоставлении с хурритским *marianne*, обычно переводившимся «знатный», и на том, что урартский список людей царского храмового хозяйства начинается с людей *magi*³. Соответственно урартское прилагательное ^[LÜ]*ma-ri-ḫe* в другом сильно поврежденном урартском тексте И. М. Дьяконовым интерпретировалось как притяжательное прилагательное к ^{LÜ}*mari* 'знатный'⁴. Гипотеза И. М. Дьяконова о связи урарт. *magi* с хуррит. *marianne* представляется исключительно плодотворной. Но для более узкого определения вероятного значения *magi* собственно в урартском следует обратить внимание на соотношения терминов внутри упомянутого документа, перечисляющего людей царского хозяйства. В этом тексте вначале следуют одна за другой две наиболее многочисленные категории перечисляемых людей — 1113 людей *mari* и 3784 евнуха, за которыми следуют другие категории лиц — обычные воины и рабочие⁵. Противопоставление людей *mari* — «знат-

* Издано: Переднеазиатский сборник Ш. М., 1978. С. 101—112.

¹ И. М. Дьяконов. Урартские письма и документы. М., 1963. С. 39. № 12, стк. 9; написание *ma-re-GI* толкуется как *ma-re-(i)*.

² Там же. Ср.: I. M. Diakonoff. Die Arier im Vorderen Orient: Ende eines Mythos // *Orientalia*. Vol. 41. Fasc. 1. 1972. S. 115.

³ И. М. Дьяконов. Урартские письма и документы. С. 81, 89; ср.: Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи // ВДИ. 1971. № 3. С. 231; № 4. С. 286.

⁴ И. М. Дьяконов. Урартские письма и документы. С. 85.

⁵ Там же. С. 39, 81. Общесоциологический интерес в этом случае, как и в других типологически с ним сходных в странах Древнего Востока и Мусульманского Востока

ных» и евнухов едва ли семантически можно считать понятным, тогда как оппозиция типа 'молодой мужчина (из знатных) в возрасте после совершеннолетия' — 'евнух' кажется вполне оправданной. Если верно предположенное И. М. Дьяконовым определение одной из двух подгрупп внутри урартских *mari* — *tardašhe* (значение неясно) и *kirine* (по И. М. Дьяконову, 'чашники', 'чашеносцы', ср. урартск. *kiri* 'чаша', гетерограмму SIL. ŠU. DU₆, шумерск. *sagi* 'чашеносец' = 'приближенный', 'личный слуга'⁶), то значение 'молодой человек' во всяком случае не исключает значения 'чашеносец' у подгруппы группы (знатных) молодых людей.

Это же значение ('знатный) молодой мужчина' кажется подходящим и для истолкования до сих пор остающегося неясным термина *Marja-*, встречающегося с детерминативом мужского собственного имени в государственном договоре между хеттским царем Суппилулиумасом и правителем Хайасы Хуккана. Как уже отмечалось в научной литературе, в этом государственном договоре имя ¹*Marja-* встречается в трех его разделах (всего четыре раза). Первый раз оно упомянуто в повествовании о *Marja*, сочиненном в духе характерного еще для более ранней хеттской литературы (в частности, для древнехеттской дворцовой хроники или «книги анекдотов») назидательного рассказа о покаранном придворном:

nu-za ki-i ŠA É.GAL^{LIM} [A.]WA.AT SAL me-ik-ki a-ru-ma-uš-g[(a-aḥ-ḥu-ut)]
¹Ma-ri-ja-aš ku-iš e-eš-ta na-aš-ku-e-da-ni u-d[a-ni-i še-ir BA.UG₆ Ú.UL SAL.
 SUHUR.LAL i-ja-at-ta-at a-pa-a-ša-an-kán an-da a-uš-zi A.BI^dUTU^{SI}-ma-kán im-
 ma^{GIS}AB-az ar-ḥa a-uš-zi na-an-kán IŠ.BAT zi-ik-wa-kán a-pu-u-un an-da ku-wa-
 at a-uš-ta na-aš a-pi-e-da-ni ud-da-ni-i še-ir BA.UG₆, nu ku-e-da-ni ud-da-ni-ja še-
 ir an-tu-uḥ-ša-aš ḥar-ak-ta nu-za zi-ik-ka [me-ik-ki uš-ga-aḥ-ḥu-ut] 'и ради своей
 пользы будь в высшей степени осмотрителен (во всех случаях, подобных)

ка (ср. число евнухов при дворе, доходившее до 14 тыс.: *A. Мей.* Мусульманский Ренессанс. М., 1973. С. 129), могло бы представить возможное объяснение значительного относительного числа евнухов (3784 из общего числа 5507 человек, названных в документе), что едва ли выводится только из сакрального характера популяции при храме; возможны и косвенно действующие (хотя бы и через сакральные ограничения) факторы демографического характера, искусственно сдерживавшие рост населения (ср. роль демографических факторов в тех кризисах голода, которыми в большей степени определился крах Хеттского царства, и т. п.).

⁶ *И. М. Дьяконов.* Урартские письма и документы. С. 81 и примеч. 134; *Г. А. Меликишвили.* Урартские клинообразные надписи // ВДИ. 1971. № 4. С. 286 (под вопросом). Ввиду того, что контекст, в котором употребляется урартское *mariaḥini*, гипотетически сближаемое с человеком *mari*, если не с *mari* «укрепление» (*Н. В. Арутюнян.* Новые урартские надписи Кармир-Блур. Ереван, 1966. С. 100), остается неясным (см.: Там же. С. 24, 39, 41; *Г. А. Меликишвили.* Там же. С. 267—268, 286), приходится оставить это свидетельство без рассмотрения.

этому рассказу о дворцовой женщине. Кто был ¹*Marijaš*, который погиб из-за следующего дела? Разве не проходила мимо иеродула? А он на нее загляделся. Отец же Солнца (царя, т. е. Суппилулиумаса. — *В. И.*) выглянул как раз из окна (и увидел это). И он его схватил (, сказав:) «Почему, мол, ты на нее посмотрел?» И тот погиб из-за этого дела. (Так) ты будь [очень осмотрителен] относительно дела, из-за которого погиб человек' (КВо V 59, III 51— 58⁷). Существенными представляются два обстоятельства. Во-первых, в конце приведенного отрывка хет. *antuhšaš* 'человек' является соответствием того слова — быть может, нарицательного, а не собственного имени существительного, которое на языке Хайасы могло звучать *Marijaš* (если знак детерминатива мужского собственного имени употреблен здесь и в других цитируемых ниже местах не в совсем обычном смысле). Во-вторых, этот отрывок следует за разделом⁸, в котором излагаются запреты каких бы то ни было посягательств правителя Хайасы в отношении женщин из Хаттусаса. В таком же контексте употреблено имя существительное ¹*Marijaš* в следующем разделе договора: *A.NA. Ma-gi-ja-kán DUMU. SAL.KA ar-ḫa da-a na-an ŠEŠ-ni ra-a-i* (III, 65—66) 'и возьми свою дочь прочь от ¹*Marija-* и отдай ее брату'⁹. Единственное естественное толкование этого места возможно в случае, если ¹*Marijaš* здесь — передача хайасского нарицательного, означающего 'молодой человек такого класса, в брак с членами которого могли вступать дочери правителя'. Из этого же государственного договора видно, что в Хайасе практиковался брак между братьями и сестрами внутри царского рода¹⁰, что соответствует кровосмесительным бракам, обнаруживаемым в качестве предельной формы эндогамии высшего социального ранга (при эндогамии других рангов) в таких обществах, как древнеегипетское, где «фараон считался законным обладателем престола только в том случае, если он был женат на той царевне или царице, которая являлась представительницей древней линии цариц-наследниц. Преимущественное же право на брак с такой наследницей (а сле-

⁷ Цитируется по изданию: *J. Friedrich. Hethitische Keilschrift-Lesebuch. T. I. Heidelberg, 1960, S. 17.*

⁸ Этот раздел здесь опущен, так как он дан в русском переводе в кн.: *И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. С. 91.* См. также немецкий перевод: *J. Friedrich. Staatsverträge des HattiReiches. T. 2 // MVAG. 34. 1. 1930. S. 103 und folgende* (ср. в комментарии к переводу Фридриха существенные замечания о термине *Marija-*).

⁹ Таково буквальное толкование текста; о других возможных интерпретациях ср.: *И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. С. 92.*

¹⁰ Новейший перевод соответствующих мест договора см.: *E. von Schuler. Die Kaškäer. Ein Beitrag zur Ethnographie des alten Kleinasien. Berlin, 1965 (Ergänzungsbände zur «Zeitschrift für Assyriologie». N. F. 3).*

довательно, на обладание престолом в будущем) из всех сыновей царя в первую очередь имел сын главной жены — наследницы, который женился, таким образом, на своей единокровной и единоутробной сестре»¹¹. Точно таким же образом объясняется аналогичное установление в древнем Перу, культура которого «с полным правом может быть сопоставлена с обществами Древнего Востока, в особенности с Древним Царством Египта»¹²: когда «возникло стремление задержать должность правящего инки в пределах одной фратрии (Ханан), инки ввели обычай брака с собственной сестрой и таким образом закрепили должность за своей фратрией и своими сыновьями»¹³. Так же и на Гавайях кровосмесительные браки (*pi'o*), в частности браки брата и сестры¹⁴ у высшей знати, служили для повышения ранга первенца¹⁵. Во всех этих случаях и других, им подобных, кровосмесительный брак при наличии социальных рангов служит пределом изоляции высшего ранга¹⁶. Давно уже высказывалась мысль о том, что позднейшая кара — смертная казнь за такой брак у хеттов в Новом царстве — позволяет предположить его наличие в древности¹⁷. Действительно, в среднехеттскую эпоху царица Асмуникал была одно-

¹¹ М. Э. Матье. Из истории семьи и рода в древнем Египте // ВДИ. 1954. № 3. С. 56. Ср. об аналогичном обычае в древней Мономотапе: Л. А. Фадеев. Мономотапа. Древняя африканская цивилизация в междуречье Замбези — Лимпопо // Африканский этнографический сборник. IV. История, этнография, языкознание. М.; Л., 1962. С. 79. Из других африканских параллелей можно указать также на инцест разнополых близнецов, носивших царские имена, у куаньямо амбо: E. M. Loeb. The Twin Cult in the Old and New World // *Miscellanea Paul Rivet Octogenario Dicata*, XXXI Congreso Internacional de Americanistas. I. México, 1958. P. 162.

¹² А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 186.

¹³ Там же. С. 192.

¹⁴ The legend and myth of Hawaii by his Hawaiian majesty Kalakaua / Ed. by R. M. Daggett. New York, 1888. P. 53; A. Fornander. An account of the Polynesian race. Vol. 2. London, 1880. P. 113, 126—127, 310; Kelepino's traditions of Hawaii / Ed. by M. W. Beckwith // Bishop Museum Bulletin. 95. Honolulu, 1932. P. 10—13, 124—128, 130—143, 195—198; M. W. Beckwith. Hawaiian mythology. New Haven, 1940. P. 376—378; D. Male. Hawaiian antiquities. 2 ed. Honolulu, 1951. P. 54—55; M. Kamakau. Ka Po'e Kahiko, The people of old. Honolulu, 1964. P. 7—8.

¹⁵ W. Davenport. The «Hawaiian cultural revolution», some political and economic considerations // American anthropologist. Vol. 71. 1969. № 1. P. 7. Известия этого же характера, сообщаемые в старояпонских источниках, в последнее время оживленно обсуждаются в японоведческой литературе.

¹⁶ См. об этом в связи с кандийским царством на Цейлоне, где в поздний период отмечался такой обычай: N. Yalman. Under the Bo Tree. Berkeley; Los Angeles, 1967. P. 349—350.

¹⁷ Г. Кананян. Историко-лингвистические работы. Ереван, 1956. С. 118. Там же см. о древнеармянской параллели к царским кровосмесительным бракам; сопостав-

временно и сестрой, и женой царя¹⁸. Возможно, именно наличием в древности подобного установления объясняется то, что в цитированном государственном договоре хеттская сторона отчетливо формулирует само это установление у правителя Хайасы и его невозможность у хеттов (II 28—34); *A.NA KUR*^{URU} 𐎠 a-at-ti-ma-kán ša-a-ak-la-iš du-uk-ka-ri ŠEŠ-ŠU NÍN-ZU^{SAL} a-a-an-ni-in-ni-ja-mi-in Ú.UL da-a-i Ú.UL-at a-a-ra ku-iš-ma-at i-e-zi a-pi-ni-iš-šu-u-ц [a-an-na ut-tar na-aš^{URU} 𐎠a-at-tu-ši Ú.UL 𐎠u-u-iš-šu-u-iz-zi a-ki-pa [nu-uš-ša-an] šu-me-in-za-an KUR-e dam-pu-u-pí ku-it an-da-at za[-lu-ga-nu-]an-ta ŠEŠ-SU-za NÍN-ŠU^{SAL} a-an-an-ni-in-ni-ja-mi-in da-aš-kán-zi^{URU} 𐎠a-at-tu-ši-ma-at Ú.UL a-a-ra 'для страны хеттов обычай важен: брат сестру свою (или) двоюродную сестру не берет (в жены). Это не соответствует правильному закону¹⁹. Кто же это сде-

ление с Хайасой, однако, в данном случае остается чисто типологическим, так как в каждом из указанных обществ предполагается определенный уровень социальной организации, который едва ли выводим из культурной или этнической преемственности (возможной по отношению к Хайасе и Армении). Ср., однако, об ареале распространения подобных браков вокруг Малой Азии в связи с проблемой их наличия у хеттов: Г. И. Довгяло. К истории возникновения государства. Минск, 1968. С. 140—141, там же более ранняя литература; ср. о древнехеттском периоде также: В. В. Иванов. Интерпретация древнехеттского фрагмента 2 Во TU 103 // IV сессия по древнему Востоку. М., 1968. С. 71—72; O. R. Gurney. Anatolia c. 1750—1600 B. C. // The Cambridge Ancient History. 3 ed. Vol. II. Pt. I. Cambridge, 1973. P. 236—237, 667—668 (со ссылкой на работу Г. И. Довгяло).

¹⁸ A. Kammenhuber. Die Sprachstufen des Hethitischen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd. 83. H. 2. Göttingen, 1969. S. 262.

¹⁹ Хет. *ara* родственно др.-инд. *ari-*, *r-* (**er*), в частности, в *r-ta* с тем же значением, что и *ara*, ср. подробно об этом корне: В. В. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания. 2 // Этимология 1971. М., 1973; Он же. Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен // Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975. Этот же термин по отношению к кровосмесительному браку братьев и сестер употреблен в древнехеттской повести о тридцати близнецах — сыновьях царицы Канеса (-Несы). Повесть может отражать общеиндоевропейский близнецный миф об инцесте близнецов (брата и сестры в индоиранской традиции, трех братьев-близнецов и сестры в древнеирландской традиции, см.: G. Dumézil. Mythe et épopée. Types épiques indo-européens: un héros, un sorcier, un roi. Paris, 1971. P. 346 et suiv.). В ней рассказывается, как тридцать братьев, брошенных после рождения в горшке в реку (архаический обычай расправы с близнецами, ср.: А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология, ср. мотив сына, брошенного в море, известный из античной литературы), вернулись в родной город, но мать их не узнала и дала им в жены тридцать их сестер. Последний из братьев сказал: «Не будем мы брать в жены своих сестер. Вы не совершите такого проступка. Это не по нашему закону (*ara*)», см.: H. Otten. Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa // Studien zu der Boğazköy-Texten. 17. Wiesbaden, 1973. В хеттском мифе, как и в преданиях и сказках многих других наро-

лает, подобное дело (сговорит)²⁰, тот в городе Хаттусасе не живет, его убивают. А ваша страна грубая. В ней обычно, что брат себе (в жены) сестру свою (или) двоюродную сестру берет. В городе же Хаттусасе это не соответствует правильному закону'. Ссылка на эти различия в законах Хайасы и Хаттусаса повторяется и в разделе, следующем за приведенным рассказом о гибели ¹*Marijaš* и предшествующем цитированному месту о передаче (дочери правителя) от ¹*Marijaš* к ее брату. Во всем контексте договора речь может идти о разрешении специфичных для Хайасы браков между братом и сестрой, но не между дочерью правителя и ¹*Marijaš*.

Для разъяснения значения последнего слова существенны и два других его упоминания в последнем разделе цитируемого текста. В отношении будущего времени хеттский царь дает обещание защищать 'вас, людей Хайасы, человека ¹*Marija-* и свойственников страны Хайасы' (IV 26—27): šu-me-eš LU^{MEŠ} URU^{URU} Һа-ја-ša ¹Ma-ri-ja-an LU^{MEŠ} ga-e-ni-eš ŠA KUR URU Һа-ја-ša. Поскольку *gaena*-²¹ означает свойственников-родственников по браку, естественно предположить, что между людьми Хайасы и всеми их свойственниками находится название потенциального мужа дочери — ближайшего родственника по браку. Это же предположение может быть использовано и для объяснения заключительных строк договора (IV 41—43): nu-uš-ša-an ara-mu-uk A.NA LU^{URU} KUR URU^{URU} Һа-ја-ša ¹Ma-ri-ja URU^{URU} Һа-ја-ša-ја i-da-lu Ú.UL tág-ga-aš-һи 'и я не причину зла человеку страны Хайасы и (человеку) ¹*Marija* города Хайасы'²². Как отметил И. М. Дьяконов, из текста с очевидностью вытекает,

дов, младший (хет. *apezzijaš* «последний» = «младший») брат в отличие от старших (хет. *һantezzijaš* 'первый' = 'старший') играет роль героя, учреждающего социальный порядок. Наиболее близкой типологической аналогией является роль То Кабинана в меланезийском мифе; этот культурный герой во втором поколении вводит запрет на кровосмесительные браки между братьями и сестрами, которые в первом поколении осуществлялись после того, как мифологическая героиня родила культурных героев и первых женщин, см.: Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки. М., 1958. С. 70 и сл.

²⁰ Эта часть текста опущена в указанных выше переводах И. Фридриха и И. М. Дьяконова, между тем — это отдельное предложение (именное), начинающееся энклитическим союзом *-a: apiniššuwana-uttar* 'и подобное дело'.

²¹ Хеттское *gaena-*, быть может, родственно лат. *gener* 'зять' с таким же *-n-* < **-m-*, ср. отсутствие конечного *-r* в авест. *zāmaoya*, афг. *zum* 'зять' при авест. *zāmātar*, др.-инд. *jamatar*; Е. Benveniste. Vocabulaire des institutions indo-européennes. I: Economie, parenté, société. Paris, 1969. P. 256 (Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 175) (судя по греч. *γαμβρός*, прямо связано с корнем **gmə* в названии 'брака', хотя вокализм, как и в хеттском *gaena-*, вызывает трудности).

²² По близкому пути в интерпретации текста шел И. М. Дьяконов, но он считал это собственное имя принадлежностью соправителя Хайасы, который позднее стал правителем Хайасы, см.: И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. С. 92, примеч. 43.

что ¹*Marijaš* «по-видимому, рассматривается как возглавляющий свойственников Хайасы»²³. А поскольку вместе с тем ¹*Marijaš* относится в одном и том же тексте к нескольким денотатам — к различным лицам и употребляется, следовательно, в обобщенном смысле, то естественно предположение, согласно которому речь идет о наименовании целого класса отличных от сиблингов родственников (высшего социального ранга) по браку, т. е. брачного класса, на представителях которого могли жениться дочери правителя (хотя предпочтение отдавалось их собственным братьям по отмеченной закономерности). Иначе говоря, при браках дочерей правителя Хайасы выбор мог делаться между братьями и людьми категории *Marija-*.

Выведенное из всех словоупотреблений в рассмотренном тексте предполагаемое значение хайасского собственного имени *Marija* согласуется и с предположенным выше употреблением *mari-* в урартском тексте.

Урартское слово обоснованно сближалось И. М. Дьяконовым с хурритск. *marjanni* = *mari-anne*, мн. ч. *mari-anna* (форма с суффиксированным артиклем *-nni*, аккадизированное *-nnu* в *marjannu*), которое выступает в различных источниках²⁴ (из Египта, архивов Богазкея = Хаттусаса, Угарита, Алалаха) в качестве обозначения социального класса. На основании некоторых косвенных данных для этого слова принималось значение 'воины-колесничие', предполагавшееся и для его употреблений в угаритских текстах, но позднее для текстов из Угарита было определено более общее значение одного из высших социальных классов, представители которого получали от царя землю (а из царских конюшен и складов коней, повозки, оружие) и не включались в число общинников, а должны были нести службу, соответствующую их должности «при царе» (угаритск. *bnš mlk*, аккадск. *a:ad šarri*)²⁵.

Как и по отношению к другим обществам, где имеется система иерархических социальных рангов, представители которых получают земельные дарения в обмен на несение службы²⁶, название конкретного ранга может быть

Другое же упоминание Мариаса он считал относящимся к его родичу, см.: Там же. С. 91, примеч. 41. Последняя фраза может быть понята и как трехчленная, если сочетание ^{URU}*Hajaša* (за которым следует энклитический союз *-ja* 'и') не считать атрибутом к ¹*Marijaš*: 'человеку страны Хайасы, человеку ¹*Marija-* и городу Хайаса', но это менее вероятно.

²³ Там же. С. 92.

²⁴ R. T. O'Callaghan. New light on the *maryannu* as «chariotwarrior» // *Jahrbuch für kleinasiatische Forschung*. Bd. I. N. 3. Heidelberg, 1951. S. 309—324 (там же вся предшествующая литература). Следует отметить, что в ряде приводимых им текстов отмечается значительное число людей *maryannu* (на что обратил внимание еще Олбрайт), что могло бы представить интерес и для объяснения урартского контекста.

²⁵ I. M. Diakonoff. *Die Arier im Vorderen Orient*. S. 114, примеч. 91.

²⁶ К типологии таких систем ср.: В. В. Иванов. Бинарные структуры в семиотических системах // *Системные исследования* 1972. М., 1972. С. 229; ср. подход, исполь-

лишь символически связано с выполнением соответствующих ритуальных и социальных функций. До того как А. Камменхубер пришла к крайнему скепсису в своих работах о месопотамском арийском²⁷, она предполагала для слова *marjannu* первоначальное значение 'колесничий' и расширительное употребление типа образного использования нем. *Ritter*, рус. *рыцарь*²⁸, ср. также употребление латинских производных от *equus* типа *equitus*, *equitas* и т. п.²⁹ В дальнейшем А. Камменхубер и И. М. Дьяконов поставили под сомнение арийское происхождение этого слова, хотя ввиду наличия ярких индоиранских параллелей И. М. Дьяконов не исключает возможности значительно более древних «бореальных» (ностратических) связей³⁰ (сообщение в

зующий идеи Мосса, по отношению к Шумеру в недавних лекциях: *J. Bottéro. Antiquités assyro-babyloniennes // Ecole pratique des Hautes Etudes. IVe section. Annuaire 1970—1971. Paris, 1971. P. 88—89 et suiv.*; обобщение работ по проблеме собственности на землю на древнем Востоке см.: *И. М. Дьяконов. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // ВДИ. 1973. № 4 (126), там же литература вопроса; ср.: I. J. Gelb. From Freedom to Slavery // Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland und in den angrenzenden Gebieten — XVIII. Rencontre assyriologique internationale. München, 29. Juni bis 3 Juli 1970 (Bayerische Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse, Abhandlungen, N. F. H. 75. Veröffentlichungen der Kommission zur Erschließung von Keilschrifttexten. Serie A/6, Stück). München, 1970. S. 90. Ср. о дарении земли и рангах: М. В. Крюков. Социальная дифференциация в древнем Китае (Опыт сравнительно-исторической характеристики) // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968; А. М. Hocart. The Northern States of Fiji. London, 1952, особенно р. 240, 248 (там же соответствующие схемы, аналогичные тем, которые разобраны в других указанных работах).*

²⁷ *A. Kammenhuber. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968. S. 211—232.* Ср. сочувственную развернутую статью-рецензию: *И. М. Дьяконов. Арийцы на Ближнем Востоке — конец мифа // ВДИ. 1970. № 4. С. 58—59; I. M. Diakonoff. Die Arier im Vorderen Orient. S. 114—115. См. дальнейшую литературу вопроса: A. Kammenhuber. Die Arier im Vorderen Orient und die historischen Wohnsitze der Hurriter // Orientalia. Vol. 46. Fasc. 1. 1977. S. 129—143.*

²⁸ *A. Kammenhuber. Hippologia hethitica. Wiesbaden, 1961. P. 16.* О толковании слова ср. также: *И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. С. 68.* Пользуюсь случаем принести благодарность И. М. Дьяконову за любезно высказанные в письме советы по этому вопросу и ряду других, затрагиваемых в настоящей статье.

²⁹ См. об этих латинских социальных терминах и их итальянских соответствиях: *В. В. Иванов. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969.*

³⁰ Связь этого хайасского имени (сопоставленного им с урартским) с индоевропейскими терминами предположил Г. Б. Джаукян, см.: *Г. Б. Джаукян. Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам. Ереван, 1964. С. 35—37,* где в связи с этим упомянуто и арм. *mari* 'самка', лат. *marītus* 'женатый' (возводится к **mari-to-* 'имеющий невесту', см.: *C. Watkins. Indo-European roots // The American Heritage dic-*

письме к автору от 21 мая 1972 г.). Однако образование от хурритского термина *marjanni* хурритского *marijannardi* ‘знать, рыцарство’³¹, ‘высший социальный ранг’ ничего не говорит против индоиранского его происхождения, так как это хурритское производное явно вторично: это видно уже из того, что оно образовано от формы имени с суффиксированным артиклем. Но несомненно достаточная древность такого существительного, от которого могло образоваться это производное. Что же касается рассмотренных выше значений хурритского, урартского и хайасского терминов, они хорошо согласуются с древнейшими употреблениями ведийского *márya-*.

Др.-инд. *márya-* в наиболее архаических текстах выступает в качестве социального термина, обозначающего ‘молодого человека’³², ср. в «Ригведе» значение ‘жених, молодой супруг’³³, в позднейшем санскрите значение ‘юноша в расцвете сил, любимый жених’. Ритуальное значение ведийского *márya-* как термина, употребляемого, когда речь идет ‘о мужчинах, объединенных для совершения жертвоприношения’³⁴, делает вероятным предположение, что *márya-* означало первоначально ‘юношу, прошедшего инициацию и вступившего в мужской союз’. В свете работ Викандера о древнеиндийском и древнеарийском мужском союзе, развитых в недавних исследованиях Ж. Дюмезиля³⁵, проясняется и первоначальное значение *márya-*. Исходное значение названия мужского возрастного социального класса кажется весьма правдоподобным для общегреческо-арийского диалектного термина, так как др.-греч. *μείραξ*, *μειράχιον*, родственное др.-инд. *marya-ka* ‘человек’ (ср. также тип уменьшительных на *-k* в армянском), относилось первоначально преимущественно к юношам от 14 до 20 лет (другие употребления *μείραξ* выводятся из характерной для многих языков мира типологической универсалии, согласно

tionary of the English language. New York, 1971. P. 1527). Но Г. Б. Джаукян оставил без рассмотрения контексты, в которых употребляются эти хайасские и урартские имена, поэтому и проблема их связи с древнеиндийским словом осталась нераскрытой.

³¹ E. Laroche. Fragment hourrite provenant de Mari // *Revue d'assyriologie*. LI. 1957. P. 105 et suiv. Ср. об этом слове: В. В. Иванов. О языковой принадлежности арийских элементов в ближневосточных текстах 2-го тысячелетия до н. э. // *Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона: Материалы научной конференции 18—20 января 1965 г.* М., 1968.

³² L. Renou. *Etudes védiques et paniniéennes*. X. P. 10, 64 (2); IV. P. 49; A. Minard. [Рец. на кн.:] L. Renou // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. T. 59. Fasc. 2. 1964. P. 55.

³³ H. Grassmann. *Wörterbuch zum Rig-Veda*. Leipzig, 1873. S. 1010 (значение 4).

³⁴ Там же. Значение 3.

³⁵ См. о пионерском значении исследования Викандера, намного опередившего свое время (книга шведского ученого вышла 30 лет назад): G. Dumézil. *Heur et malheur du guerrier*. Paris, 1969. Préface.

которой значение уменьшительности связывается со значением женского класса существ³⁶). Сам по себе этот временной отрезок, обнаруживаемый в первоначальном уменьшительном производном, может быть несколько более приближен к младшему возрасту, но связь с понятием возрастного мужского класса представляется весьма возможной. С др.-инд. *maryaká* сопоставлялось также и афганск. *mrayáyu* (м. р.) ‘раб’, ‘невольник’, семантически точно соответствующее йидга *mari* ‘раб, невольник’; оба эти слова подтверждали бы возможность развития значений в сторону обозначения социального класса (низшего в обоих восточноиранских языках, что представляет интерес и для окончательного истолкования значения урартского термина в тексте, где перечисляются люди царского хозяйства); афг. *mrayáyu* ‘раб, невольник’ (муж. р.) возводится к иран. **marya-ká*-³⁷, этимологически тождественному др.-инд. *maryaká*- ‘самец’ (от разобранного выше *márya*-); предполагается тождество афганского акцентного типа В с окситонезой в древнеиндийском³⁸.

В пользу предложенной интерпретации предыстории ведийского *márya*-говорит и предполагаемое Дюмезилем сближение этого слова и родственного ему авест. *mairyu*- в качестве обозначений ‘лишнего’ (готового к переселению) молодого человека с ведийским именем *Marít*-, обозначавшим «военных сотоварищей Индры, мифологический “Männerbund” (мужской союз) ведийских гимнов»³⁹; для рассматриваемого круга вопросов особенно существенно то, что уже около XVII в. до н. э. это имя засвидетельствовано в касситском (*Maruttas*⁴⁰, *Murutas*, *Marattas*), чем доказывается его наличие в еще более древнем месопотамском (индо)арийском. Как отмечает Дюмезиль⁴¹, этот же суффикс *-ut* представлен и в некоторых других ведийских производных, но не древнее ведийского, чем удостоверяется индоарийский характер термина.

Любопытную параллель к вероятному перенятию индоиранского *maryu*- в хурритский, урартский и хайасский (если этот последний был отличен от двух предшествующих) представляет позднейшее заимствование этого же

³⁶ В. В. Иванов. Семантическая категория малости-величины в некоторых языках Африки и типологические параллели в других языках мира // Проблемы африканского языкознания. М., 1972. С. 52, 59—60, 71—72, 86.

³⁷ G. Morgenstierne. An etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927. S. v. *mrayáyu*.

³⁸ В. А. Дыбо. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии // Балто-славянские исследования. М., 1974. С. 93, 105.

³⁹ G. Dumézil. La religion romaine archaïque. Paris, 1966. P. 214.

⁴⁰ G. Dumézil. Dieux cassites et dieux védiques à propos d'un bronze du Louristan // Revue hittite et asiatique. Fasc. 52. P. 18 et suiv. Cp. : I. M. Diakonoff. Die Arier im Vorderen Orient. S. 98.

⁴¹ G. Dumézil. La religion romaine archaïque. P. 215.

слова в финно-волжский язык древнего племени, известного в древнерусских текстах под именем меря и отождествляемого Фасмером вслед за Кастреном с современными марийцами⁴². Название этого племени, видимо, разъясняется не с помощью самодийской основы (ненецк. *mar* 'самец северного оленя')⁴³, которая связана с рассматриваемой индоиранской согласно ностратической гипотезе⁴⁴. Самодийское и марийское слова семантически и формально слишком разобщены, чтобы было возможным возведение их к одному прауральскому источнику.

Марийское луговое *mari*', горное *ma'rə* 'муж, мужчина, мариец' было признано заимствованием из арийских языков еще в основополагающем тру-

⁴² *M. Vasmer. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tschereimisen // SPAW. 1935.* Признавая индоиранское происхождение имен *меря* и *марий*, А. И. Попов отказывался, однако, от отождествления народов меря и марийцев: *А. И. Попов. Названия народов СССР. Введение в этнонимистику. Л., 1973. С. 106.* Следует, однако, заметить, что А. И. Попов слишком увлекся поисками этнонимов, связанных с иранск. (точнее индоиранск.) *mar*-; упоминаемое им на с. 103, примеч. 70, название киммерийцев — основных врагов лидийцев — прямых наследников хеттской языковой традиции — скорее можно сравнить с хет. *gimra* 'степь', ср.: *V. V. Ivanov. On the reflex of the Indo-European Voiced Palatal Aspirate in Luwian // Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kurylowicz. Wrocław, 1965. P. 132;* см. о хет. *gimra* и лув. *immar* также: *В. Їор. Indogermanica minora. I. Sur les langues anatoliennes // Slovenska Akademija znanosti in umetnotsei. Razred za folološke in literarne vede. Razprave, VIII. Ljubljana, 1971. См. также рецензию автора (Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 33. Вып. 2. 1974. С. 172).*

⁴³ Эта этимология была предложена еще Сетэлэ и принималась Фасмером, см. *М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967. С. 606.* Относительно ненецкого («юракского») слова ср. уже: *A. Castrèn. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. SPb., 1855. S. 40, 463 (mar' 'wildes Renntiermännchen').*

⁴⁴ Это соответствие — ненецк. *mar*' < **mar(j)l* 'самец дикого оленя', индоевр. **mer-jo-* 'молодой мужчина' — указывается вместе с тунг. *miarä-* 'выходить замуж', дравид. **marl/marl* (вариант с вторичным *l*), картв. *māra* 'мужчина' (сван. *māre*), семито-хамит. *m(j)r* 'мужчина, детеныш мужского пола' в качестве отражений ностратического названия 'юноши': *В. М. Иллич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семито-хамитский) // Этимология 1965. М., 1967. С. 373; Он же. Опыт сравнения ностратических языков // Славянское языкознание. М., 1968. С. 416, табл. 7; Он же. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971. С. 21, см. там же, с. IV, в предисловии В. А. Дыбо о характере *l* в этом слове в дравидском; [Т. II]. М., 1976. С. 39—41. Если принять допущение И. М. Дьяконова об исходной «бореальной» (ностратической) связи хурритско-урартского (и хайасского) термина с индоиранским, то отношение между ними должно войти в круг всех указанных ностратических параллелей.*

де Яacobсона⁴⁵. Леви, неоднократно отмечавший важность этого заимствования, свидетельствующего о большем влиянии, чем обычно культурное⁴⁶, обратил внимание на наличие чередований в этой основе: дат. *mar-lan*, эссив *mar-la* 'по-марийски'⁴⁷, *ma'rla* в недавно записанном акцентуированном горно-марийском тексте⁴⁸. Эта особенность, видимо, отражает историю слова, как и конечное ударение в луговом марийском *mari'*, характерное для ряда заимствований (в частности, тюркских)⁴⁹, при обычном для заимствованных слов ударении на пенультиму в горном марийском *ma'rə*⁵⁰. Если, действительно, характер ударения этого слова еще позволяет его отделять от других исконно уральских слов марийского языка, то это позволяет дать относительную хронологию заимствования.

Как и урартское *mari* и хайасское ¹*Marija-*, марийское заимствование сохранило связь со специфическим для древне-индоиранского значением 'мужчина, муж'. В то же время превращение этого слова в этноним в марийском напоминает то семантическое развитие, которое, видимо, имело место в языке Хайасы, чем и объясняется использование хеттского клинописного детерминатива мужского собственного имени перед ¹*Marijaš* в рассмотренном договоре.

Вся совокупность рассмотренных слов предстает по-новому в свете открытий, сделанных в цитированных выше работах И. М. Дьяконова.

1978

⁴⁵ H. Jacobson. Arier und Ugrofinnen. Göttingen, 1922. S. 245. См. также: A. J. Joki. Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen (Suom.-ugr. seurantoim., 151). Helsinki, 1973.

⁴⁶ E. Lewy. Kleine Schriften. Berlin, 1961. S. 374 (впервые напечатано в 1936 г.), ср. s. 411.

⁴⁷ Ibid. S. 371. Anm. 2.

⁴⁸ Е. И. Коведяева. Проблемы акцентуации марийского языка. М., 1970. С. 82, ср. там же на с. 16 об отмеченном Рамstedтом явлении утраты основного ударения в *marla'n* в горно-марийском.

⁴⁹ Там же. С. 54.

⁵⁰ Там же. С. 81. Утверждение иранского (а не индоиранского) источника для этого слова едва ли здесь правомерно. Согласно исследованиям Е. А. Хелимского, мар. *mari* 'мариец' произносится с конечным акутом (повышением тона в ударном слоге).

О НЕКОТОРЫХ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ К КАРТВЕЛЬСКИМ ЛЕКСЕМАМ *

1. Груз. *rḳina* ‘железо’, мегр. (*r*)*ḳina*- : хетт. (хурр.) *ḫawarkina*-, хатти *ḫapalki*- ‘железо’

Груз. *rḳina* ‘железо’, мегр. (*r*)*ḳina* (с проблематичным чанским соответствием)¹ было сопоставлено Г. А. Меликишвили с хетт. *kuwan*-(*na*)², но это последнее (как и родственное лув. *kuwanzu*-, прилагат. *kuwanzana/i*- = ‘медный’) имеет значение ‘медь’ и ‘драгоценный камень’ (второе, в частности, в хеттском переложении хурритской поэмы «Песнь об Улликумми») при возможном происхождении из шум. KUG. AN ‘металл (цвета?) неба’; из хетто-лувийских языков заимствовано мик-греч. *ku-wa-no* ‘стекло(м) синего цвета’³, греч. гом. *κύαλος*. Выведение *rḳina* ‘железо’ из *kuwan*- ‘медь’ наталкива-

* Издано в: Лингвистический сборник. Тбилиси: Мецниереба, 1979.

¹ Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964. С. 156—157 (в дальнейшем страницы этого словаря указываются в тексте в скобках после сокращения К.).

² Г. А. Меликишвили. О некоторых наименованиях металлов в древневосточных и кавказских языках // Вестник древней истории. 1968. № 4. С. 125.

³ R. Halleux. Lapis-lazuli, azurite ou pate de verre? A propos de *kuwano* et *kuwanoko* dans les tablettes myceniennes // Studi micenei ed egeo-anatolici. Fasc. 9 (Incunabula Graeca. V. XXXIX). Roma, 1969. P. 47—65; *Idem*. [Рец. на кн.] J. D. Muhly. Copper and tin. The distribution of mineral resources and the nature of the metal trade in the Bronze Age // Journal of Economic and Social History of the Orient. V. XVII. 1974. Pt. 1. P. 103. Более подробно об истории всей группы слов, связанных с хетт. *kuwan*, греч. *κύαλος*, см.: В. В. Иванов. Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики (в дальнейшем сокращенно Металлы I) // Историко-филологический журнал. 1976. № 4 (75). Ереван. С. 74—75; *Он же*. К истории древних названий ме-

ется на семантические и фонетические трудности (при объяснении анлаута и при истолковании корневого гласного *i*).

Значительно более простым представляется объяснение грузино-занской основы при ее отождествлении с основой малоазиатского названия города, известного из хеттских источников в форме *Hawarkina* (КВо II 4 rev. IV 36; Hat. III 9) с вариантом (видимо, фонетическим, объясняемым характерным для хурритского чередованием *r/l*⁴) *Hawalkina*⁵ от хатти *hapalki* (фонетически [xaw/flki-] 'железо' (к семантике названия ср. зап. груз. *Sarḳin-et-i* в Раче и т. п.)). Заимствование названия железа именно из хатти представляется вероятным потому, что древняя область обитания носителей этого языка совпадает с наиболее ранним очагом металлургии железа, начавшейся в Малой Азии не позднее 2100 г. до н. э. и через тысячу лет оттуда распространившейся по Евразии⁶. Этот факт, недавно установленный

таллов в южнобалканском, малоазийском и средиземноморском ареалах (в дальнейшем сокращенно Металлы II) // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977. С. 23—24; *Он же*. Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 26—29; *V. I. Abaev*. Contribution à l'histoire des mots. 2. Le deuxième metal i.-e. // Melanges linguistiques offerts a Emile Benveniste (Collection Linguistique publiée par la Société de Linguistique de Paris. LXX). Louvain, 1975. В греческом *χάλκος* получает позднее и значение 'сталь', но это происходит в период, более поздний, чем начало металлургии железа в Грузии (ср. ниже), что говорит против обсуждаемой этимологии.

⁴ *H. H. Hoffner*. A Hittite text in epic style about merchants // *Journal of Cuneiform Studies* (сокращенно JCS). V. XXII. 1968. № 2. P. 42; *V. Haas*. Der Kult von Nerik. Ein Beitrag zur hethitischen Religionsgeschichte (Studia Pohl. Dissertationes scientificae de rebus Orientis Antiqui). Roma, 1970. S. 293, 309.

⁵ Как указал автору И. М. Дьяконов, суффикс мн. ч. *-na* обычен в хурритских топонимах, о хурритском посредничестве может свидетельствовать и самое чередование *r/l*, см. о нем в хурритском: *I. M. Diakonoff*. Hurrisch und Urartäisch // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. Beiheft 6. Neue Folge. München, 1971. S. 55. ср. s. 59 о хурритском прилагательном **habalgine* (**hawalginne?*), которое (по мысли И. М. Дьяконова) могло бы лежать и в основе приводимого топонима, см.: Металлы I. С. 80. Примеч. 50. Пользуюсь случаем выразить благодарность И. М. Дьяконову, прочитавшему статью в рукописи и сделавшему ряд ценных замечаний.

⁶ См, подробно: Металлы I. С. 76—84; Металлы II. С. 8—21 (там же литература вопроса). Следует подчеркнуть, что исследование ранних этапов истории металлургии железа представляет особый интерес в настоящее время, когда на новом уровне энергетических возможностей (при использовании электрических печей и атомных реакторов, ср.: *R. S. Barnes*. The role of nuclear steelmaking // *Ironmaking and Steelmaking*. V. 2. 1975. № 4. P. 271—278) и с использованием руд высокого качества осуществляется возврат к методам прямого восстановления железа из железной руды:

археологами, согласуется с результатами исследования хеттских и хаттских текстов⁷.

Культовая значимость железа в ритуальной традиции хатти выделяет эту последнюю (и отчасти продолжающую ее хеттскую) из числа других древневосточных и сближает ее с такими позднейшими кавказскими, как нартовская абхазская, где героя Саскрыкву бог-кузнец кует из железа (как царя в хеттском ритуале KUB XXIX 1 III 52—53); текст нартовского эпоса, как и описания абхазских обрядов, изобилует упоминаниями железных обрядовых предметов⁸. Из этого следует, что именно в традиции хатти отсутствовала та аксиологическая преграда для осознанного использования железа как ценимого металла (а не только как шлака, получаемого в качестве отходов при производстве других металлов — бронзы или меди⁹ или ке-

J. R. Miller. The direct reduction of iron ore // Scientific American. V. 235. July, 1976. № 1. P. 68—81.

⁷ Ср., в частности, надпись Аниттаса: *E. Neu. Der Anitta — Text // Studien zu den Boğazköy-Texten (сокращенно StBoT). Heft 18. Wiesbaden, 1974. S. 14, 15, 36, 75. См. о хеттских ритуалах: A. Kammenhuber. Orakelpraxis, Träume und Vorzeichenschau bei den Hethitern (Texte der Hethiter. Heft 7). Heidelberg, 1976. S. 96; Он же. Historisch-geographische Nachrichten aus der althurrischen Überlieferung, dem Altelamischen und den Inschriften der Könige von Akkad für die Zeit vor dem Einfall der Gutäer (ca. 2200/2136) // Wirtschaft und Gesellschaft im Alten Vorderasien. Budapest, 1976. S. 170, 171. Другие данные и литературу вопроса см.: Металлы I. С. 78—79, Металлы II. С. 10—13.*

⁸ *И. А. Анджиджал. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969. С. 234—275, ср. там же, с. 234—244, о семиликости божества кузнецов Шашвы (и семи- или четырехчленности соответствующих обрядов), в чем можно видеть типологическое подтверждение аналогичному объяснению символики восьми железных предметов (хат. *amputtu*, ср. аккад. *amūtu* 'железная крица'?) в культовом тексте хатти: E. Laroche. Hattic deities and their epithets // JCS. V. I. 1947. № 3. P. 190, 197, 198, 201, 203, 205.*

Сравнение языковой абхазско-адыгской традиции с хатти приобретает особенно серьезный характер благодаря обнаружению в последнем языке местоименной и глагольной морфемы 2 л. ед. ч. *u-* (*H. S. Schuster. Die hattisch-hethitischen Bilinguen. I. Einleitung. Texte und Kommentar. Leiden, 1974. S. 91, 96, 143, 146*), что подтверждает ранее высказанную догадку: *И. М. Дьяконов. Языки Древней Передней Азии. М., 1967. С. 175. Ср.: И. М. Дунаевская. О структурном сходстве хаттского языка с языками северо-западного Кавказа // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь акад. И. А. Орбели. 1960. С. 73 и сл.*

⁹ *T. A. Wertime. Pyrotechnology; man's first industrial uses of fire // American Scientist. V. 61. 1973. № 6. В недавно найденной древней медеплавильной печи (ок. XVIII в. до н. э.) из Аладжа Хююк обнаружено значительное количество железа в качестве шлака; M. I. Mellink. Archaeology in Asia Minor // American Journal of Archaeology. V. 72. 1974. № 2. P. 115; Ср. отчасти сходные данные: К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубиншвили. Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.). Л., 1970. С. 132, табл. II, строка 27 (много меди и железа в остатках металла в тигле по данным спектрально-химического анализа).*

рамики), которая задержала начало металлургии железа в других областях¹⁰.

Вывод о распространении металлургии железа из области культуры хатти подтверждается тем, что хатт. *ḫapalki* ‘железо’ было заимствовано не только в хеттский язык и в хурритский¹¹ (ср. в богазкейских текстах также показательные примеры, как *É ḫabalki* ‘дом железа’ в ритуале Иштар, KUB, XXIX 73, 12; 76, 3), но и через хурритское посредство в западные (левантийские) диалекты аккадского, где оно выступает в хурритизованной форме *ḫabalginnu*¹², практически совпадающей с приведенной формой топонима *Ḥawalkina*: по гипотезе И. М. Дьяконова для хурритской формы названия железа возможно чтение [*ḫawalgi*], в таком случае аккад. *ḫabalginnu*, *ḫabalkīnu* можно объяснить из хур. **ḫawalgine* (прилагательное) или из аналогичной хурритской формы существительного с определенным постпозитивным артиклем. Наблюдающийся, по-видимому, в аккадском слове переход *-w-* > *-b-* возможен после утери аккад. *-w-*, ср. ассир. *abātu* < *awātum* ‘слово’.

Формы типа хур. **ḫawalgine*, аккад. *ḫabalkīnu* и малоазиатского топонима *Ḥawalkina* достаточно близки к грузино-занскому названию железа. Но в этом последнем, как и в связываемых с ним, но не имеющих суффикса *-n-*, арм. *erkat*¹³ (к суффиксу *-at*‘ ср. др.-арм. *arṣat* ‘серебро’ при лат. *argentum*, др.-ирл. *argat*, авест. *arəzata-*, др.-инд. *rajata*, греч. *ἄργυρος* с многочисленными параллелями в кавказских языках типа основы косвенных падежей в аг. *arsur-*, таб.

¹⁰ A. L. Kroeber. Anthropology. Rev. ed. New York, 1948. P. 726—727.

Ценностный сдвиг в понимании железа не как шлака, а как полезного металла аналогичен превращению сорняка в культурный злак (процесс, роль которого, в частности, на примере ржи была установлена акад. Н. И. Вавиловым), ср. к другим параллелям из истории науки и техники Металлы II. С. 4, 5, примеч. 2, ср. также фонологизацию варианта фонемы (и канонизацию низшего жанра в истории литературы), представляющую собой аксиологически сходное явление.

¹¹ I. M. Diakonoff. Op. cit. S. 79; E. Laroche. Etudes hourrites // Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale (сокращенно RA). V. LXVII. № 2. 1973. P. 130. К числу хурритских слов, общих с хатти, при надлежит также хур. *kate* ‘зерно’, хатти *kait* ‘зерно’, ср. лик. *xada-wāti* ‘богатый зерном’, топоним *Кадзеца* (вероятное хурритское заимствование в ликийском).

¹² The Assyrian Dictionary. Ч. Chicago, 1956. P. 3a; I/J. 1960. P. 321b; S. 1962. P. 203e (s. v. *šippatu*); W. von Soden. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1959. S. 301b.

¹³ Сближение хетт. *ḫapalki-* с арм. *erkat*‘ в недавнее время независимо от автора было предположено также в статье: A. Ancillotti. Un antico nome del ferro nel Vicino Oriente // Асме. V. 28. 1975. 1—2. P. 27—48. Но предложенное там же сравнение с этими словами и названия орудия или оружия (др.-инд. *parśu-*, мик. *pa-ra-ku-*) остается по семантическим причинам сомнительным.

arsr 'серебро'¹⁴, албан. (*h*)*ekur* 'железо'¹⁵ (с диссимиляцией *-kur* < **-urk*?) и дагестанских терминах типа табас. *rukl* 'железо', лезг. *rakl*, отражен вариант, этого миграционного слова с *-r-*, как в топониме *Ḥawarkina* (а не с *-l-* типа *ḥapalki*).

Представляется, что если чередование *r/l* может объясняться хурритским посредничеством, то особенности анлаута (отсутствие *h-* и *-w-*, ср., однако, возможный след начального **u* при метатезе в алб. *ekur*, табас. *rukl*) могли бы объясняться и структурой самих исходных форм хатти. Хатти *-ḥa-* в *ḥa-p/walki-an* ('из) железа' может быть префиксом, что подтверждается параллелизмом с такими формами, как известные из билингв и параллельных текстов на хеттском и хатти *ḥa-p/wi-wuna-n* 'среди людей' (= 'на языке людей'), *ḥa-prašš-un*, 'леопардово, как у леопарда' (где членение подтверждается тождеством *-prašš-* с основой хетт. *parš-ana-* 'леопард', перс. *pārs* ~ *fārs* 'пантера, барс', сарык. *pis* 'барс, леопард'¹⁶) и в особенности *ḥa-wa-šḥap* 'среди богов', допускающее и вычленение *-wa-* как второго префикса в *ḥa-wa-lki(-an)*¹⁷. В таком случае в грузино-занском могла быть отражена основа, остающаяся после вычленения этих префиксов (если не предположить фонетического перекодирования в промежуточном источнике заимствования).

Значительный интерес представляет наличие в сванском другого слова в значении 'железо': сван. *berež* 'железо', род. п. *berža*¹⁸, заимствованное из другого переднеазиатского источника, ср. заимствованные в семитские языки аккад. *parzillu* 'железо' (> араб. *parzāl*), др.-евр. *barzāl*, угар. *bršl*, ю.-ар. *przn*, манд. *parzla* при возможных связях с лат. *ferrum*, греч. *βίρρον* «*πυράρα, οί δέ δρέπαλον*»¹⁹ и др.

¹⁴ Б. К. Гугинейшвили. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977. С. 90—91, ср.: Там же. С. 26, 28. Предшествующую литературу см.: Металлы I. С. 73. При соответствии дагест. **c* и.-е. **ǵ* в этом слове дагест. *č* (с озвончением в *ǰ*) отвечает и.-е. **k* в дарг. *tučur*, арч. *močor* 'борода' (Б. К. Гугинейшвили. Указ. соч. С. 135); др.-инд. *śmaśru*. Оба слова заимствованы из индоевропейского диалекта *satəm*-ного типа.

¹⁵ V. Pisani. Lexikalische Beziehungen des Albanischen zu den anderen indogermanischen Sprachen // V. Pisani. Saggi di linguistica storica. Torino, 1959. P. 120.

¹⁶ См. об этой этимологии и ее культурно-исторической значимости: В. В. Иванов. Миграционные термины в языках Евразии. Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». М., 1977. С. 67, ср. о названии железа: Там же. С. 68.

¹⁷ Ср. Металлы I. С. 80.

¹⁸ Ср.: К. Н. Schmidt. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962. S. 24. К ритуальному использованию сван. *berež* ср.: И. Ницарадзе. Сванетские тексты // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 31. Тифлис, 1902. С. 60 (поверье № 52).

¹⁹ G. A. Alessio. Le lingue indoeuropee nell' ambiente mediterraneo. Bari, 1955. P. 534. § 69; E. J. Furnée. Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague; Paris, 1972. S. 65, 232, 251, 252, 355; Металлы I. С. 81.

Расхождение между сванским, объединяемым с семитскими и некоторыми другими средиземноморскими миграционными терминами, и грузино-занским, в который другой термин проникает из хаттско-хурритского (по-видимому, малоазиатского) ареала, представляет значительный интерес ввиду датировки; начала металлургии железа в Западной Грузии около XII в. до н. э.²⁰ Грузинский и занский объединяются и такими металлургическими терминами, как **kwr̥deml̥* 'наковальня' (груз. *gr̥deml-*, др.-груз. *kwirdeml-*, мегр. *kulamur*, *kulamor*²¹, возможно, древнее иранское заимствование; ср. к первой части **kwr̥* перс. *kūra* 'кузнечный горн, кузница, очаг', арм. *k'arak* < **k'urak* 'огонь' и т. д.; к *-d* ср. быть может аналогичный суффикс в сходной звуковой форме в осет. *k_oyr̥d* || *kurd* 'кузнец', ср. ст.-слав. *кръчиш*, др.-рус. *корчій* 'кузнец'²² (хотя хронология озвончения *-d-* в осетинском может и воспрепятствовать сближению с грузино-занским).

2. Груз. *seri*, *seroba* 'вечеря', мегр. *seri* 'ночь': хуррит. *Šerri-*

Картвельское (или, во всяком случае, грузино-занское) название 'ночи, вечера' **ser-*, отраженное в др.-груз. *seri* 'ужин' < 'вечер' *ser-oba* 'вечеря', мегр. *seri* 'ночь' < **sari* (ср. мегр. *o-sar-e* 'ночная рубаша'²³), представляет собой один из примеров соответствия грузинского свистящего занскому сви-

²⁰ D. H. Khakhutaishvili. A contribution of the Kartvelian tribes to the mastery of iron metallurgy in the Ancient Near East // *Wirtschaft und Gesellschaft im Alten Vorderasien*. Budapest, 1976. P. 337—348.

²¹ Г. А. Климов. Дополнения к этимологическому словарю картвельских языков // *Этимология* 1971. М., 1973. С. 364 (ср. к проблеме хуррито-картвельских сопоставлений, важной для *r̥qina*: Там же. С. 360).

²² В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка (сокращенно ИЭС). Т. I. А—К'. М.; Л., 1958. С. 610; *Он же*. Из истории слов. Древнерусское *кръчий* кузнец и топоним *Керчь* // *Вопросы языкознания*. 1959. № 1. С. 97. Ср. относительно возможной связи с той же индоевропейской основой слав. **kovarь* 'кузнец': В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Этимологическое исследование семантически ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции славянских текстов // *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов*. М., 1973. С. 156—157.

²³ Мегрельская форма *seri* объясняется развитием **a* > *e* благодаря умлауту, сходному со сванским: Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры (на груз. яз.). Тбилиси, 1965. С. 164—165. Неосновательно допущение заимствования из ясно не этимологизируемого лат. *serum* (Г. В. Рогава. Греческо-латинская древняя лексика в картвельских языках // *Античные византийские и местные традиции в странах Восточного Средиземноморья* (сокращенно АТ). Тбилиси, 1975. С. 23).

стящему, согласующегося с общей закономерностью, сформулированной Г. И. Мачавариани²⁴. Эту грузино-занскую (или общекартвельскую, если отсутствие ее в сванском объясняется утратой) основу можно отождествить с хурритским *šerri-*, названием мифологического быка бога Грозы²⁵. У этого бога — хурритского Тешуба два быка, носящих соответственно имена *Hurri-* и *šerri-*, которые обычно вслед за фон Бранденштейном истолковывались как названия Дня и Ночи²⁶. С этим истолкованием значения всей пары можно согласиться, но не кажется оправданным при этом отождествление именно быка *šerri* с Днем, а *Hurri* — с Ночью, основанное только на параллелизме в хурритском тексте ритуала омовения рта (хуррит. *idgaḥi-*, *itkalzi-*, хетт. *aiš šuppiyaḥuwar*, аккад. *mēš pī*, KUB XXVII 23 II 6—7, 9—10) выражений *šinta* [] *šera* и *šintatai šijai* ‘семь²⁷ вод’, но первое выражение с равным успехом может означать и ‘семь дней’ и ‘семь ночей’²⁸. При втором переводе хуррит.

²⁴ См. об этом слове: Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани. Указ. соч. С. 132. Ср.: Г. И. Мачавариани. О трех рядах сибилантных спирантов и аффрикат в картвельских языках // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; *Он же*. Общекартвельская консонантная система (на груз. яз.). Тбилиси, 1965. С. 24 и сл., § 8.

²⁵ Ср.: В. В. Иванов. Хеттский язык (сокращенно ХЯ). М., 1963. С. 30. Предлагая это сближение, автор сохранял принимаемое по традиции значение хур. *šeri-*, что не является обязательным.

²⁶ G. G. von Brandenstein. Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen in Keilschrifttexten (Mit. d. Vorderasien—Ägypt. Gesel. 46, 2). Leipzig, 1943. S. 71. Fn. I; E. Laroche. Recherches sur les noms des dieux hittites. Paris, 1947. P. 49. 59; *Idem*. Le panthéon de Yazihkaya // JCS. V. VI. 1952. № 3. P. 120, n. 47 (К общей интерпретации этих изображений Язылыккайя ср.: *Idem*. Les dieux de Yazihkaya // Revue hittite et asianique (сокращенно RHA). T. XXVII. 1959; H. G. Güterbock. Yazilikaya: à propos a new interpretation // Journal of Near Eastern Studies (сокращенно JNES). V. 34. 1975. № 4. В хеттско-хурритской песне об Улликумми имя второго быка — Tella).

²⁷ Хур. *šinta = sinta (šitta)* ‘7’ связано с *šin = šin* ‘2’ (см.: A. Götz. Рец. на КВо Х // JCS. V. XVI. 1962. № 1. P. 28, n. 9, там же о возможной связи и с хурритским термином гаданий *šentahiš*. KI GUB, ср. о последнем: E. Laroche. Sur le vocabulaire de l’haruspicine hittite // RA. 1970. № 2. P. 28, см. также примеч. 4 о *sitta* ‘7’), что, очевидно, свидетельствует об обозначении числительных в хурритском по аддитивному принципу (7 = 5 + 2), аналогичному шумерскому (*u-mun < i-min* ‘7’ при *min* ‘2’, А. П. Рифтин. Система шумерских числительных // Языковедные проблемы по числительным. Л., 1927. С. 183), ср. к типологии: A. F. Majewicz. Some observations concerning various structures of cardinal numbers and the possibility of their classification (I) // Lingua Poznaniensis. XIX. 1976. P. 97—98; В. В. Иванов. К типологии числительных первого десятка в языках Евразии // Сб. статей по типологии восточных языков памяти проф. А. А. Холодовича. Л., 1977.

²⁸ Типологически сходную сакральную роль числа 7 в связи с омовением можно видеть в хеттском тексте, включающем хурритские сакральные термины и описы-

šer- ‘ночь’ оказывается точным соответствием грузино-зан. **ser-* ‘ночь’, а также нахс. *seri, sayr(o)* ‘вечер’, в связи со сравнением с которым И. М. Дьяконов также давно предположил значение ‘вечер’ для хур. *seri*²⁹ (тогда как для *hurri-* им предположено значение ‘утро, восток’, соответственно люди, называемые прилагательным *hurrohe*³⁰ — ‘восточные’, отсюда этноним хурритов).

3. Груз. *pir-* ‘рот’, мегр. *piž-*, чан. *piž-*, ‘рот’, сван. *pil-* ‘губа’ : хет. *puri* ‘губы’, хуррит. *puri*

Общекартвельское обозначение ‘рта, губ’, отраженное в груз. *pir-* ‘рот, лицо, край’, мегр. *piž-*³¹, чан. *piž-* ‘рот’, сван. *pil-* ‘губа’³², лашх. диал. *bil-* — с вторичным озвончением древнего абруптива (К. С. 153—154), было уже ранее сопоставлено автором с хет. *puri* ‘губы’³³. Следует отметить, во-первых,

ваушем лечение царя Мурсилиса II, который семь дней совершал омовение в чистой воде, а ночью исполнял обряд воздержания, ср. об этом тексте и ритуалах замещения царя, во многом ему аналогичных: В. В. Иванов. Из заметок о строении и функциях карнавального образа // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 43—44); *Он же*. Из семиотических комментариев к клинописным хеттским текстам // *Philologia Orientalis IV*. In memoriam acad. G. V. Tsereteli. Tbilisi, 1976. P. 130—132. Названия ‘ночи’ — ‘дня’ и ‘воды’ часто сочетаются в хеттских и хурритских ритуалах, ср., в частности, хуррит. *šin(i)a-i šinta t-a-i šey(a)-a-i* буквально ‘по отношению ко второму (*šini*) (дню), по отношению к воде (*šey(a)*), которая была в семиричном количестве’ (пояснительная конструкция), чему в параллельном хеттском тексте соответствует предложение со значением ‘когда на второй день приносят семь вод’ (ср. выше о связи 2—7); *Das Churritologische Archiv*. Berlin, 1975.

²⁹ *I. M. Diakonoff*. Op. cit. S. 166—167. В дагестанском в том же значении представлена другая основа: ав. *rel’eda* ‘вечер’, анд. *rel’o* ‘ночь’ (*Б. К. Гугинейвили*. Указ. соч. С. 68).

³⁰ *I. M. Diakonoff*. Op. cit. S. 11 ff.

³¹ К мегр. **pinž-* В. А. Абаев (ИЭС. I. С. 497) склонен возводить и ареальные формы типа осет. *fyŋz* ‘нос’, груз. *p’inčvi*, арм. *p’inž* ‘ноздря’, абх. *a-pənc’a*, убых. *fac’á* ‘нос’ (см. о последнем слове: *H. Vogt*. *Dictionnaire de la langue oubykh*. Oslo, 1963. P. 117. № 622), считая созвучие со словами других иранских языков случайным.

³² *Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани*. Указ. соч. С. 14, 85; см. о чередовании **pir-* : **pr-*: Там же. С. 311. К исконности **-r* см.: Там же. С. 331; *Г. В. Рогава*. Из области звукосоответствий в картвельских языках (на груз. яз.) // Вопросы структуры картвельских языков. I. Тбилиси, 1959. С. 277—280. О семантике сванского слова (мн. ч. *pilar* ‘уста, губы’, ед. ч. *pil* ‘губа’, ‘край, берег, конец’), см.: *Н. Мэпп*. Извлечение из сванско-русского словаря. П., 1922. С. 27.

³³ ХЯ. С. 209.

полное семантическое совпадение хеттской основы со сванской³⁴. Во-вторых, значительный интерес представляет наличие слова, передаваемого в клинописи точно так же, как хеттское название 'губ', в хурритском³⁵. Для семантики хуррит. *pu-u-ri* особенно существенно употребление его в ритуале омовения рта (10-я табличка, KUB XXIX 8 III 54), а также во фрагменте этого ритуала в сочетании *pu-u-ri-ip-pa-aš* 'мои губы' (KUB XXXII 7 II 9) = [*pur-ij(f)-aš*] в транскрипции И. М. Дьяконова³⁶. Если бы верным оказалось предположение о заимствовании этого слова из хурритского в хеттский, то можно было бы поставить вопрос о вычленении в исходной хурритской форме суффикса *-ri-*, который выделяется в таких хурритских именах существительных, как *šau-ri* 'оружие'³⁷ (урарт. *šuri*, арм. *sur* 'меч'³⁸), ср. также из названий частей тела хуррит. *ukri-*, урарт. *kuri-* 'нога'(?). Невыясненность отношений хуррито-урартского и картвельских языков делает преждевременным установление того, является ли хуррит. *puri* (как и *šerri*) источником древнего заимствования или же можно думать о следах далеких родственных связей³⁹.

³⁴ Сходство конкретной семантики сванского *pil* с хеттским заставляет усомниться в целесообразности допущения абстрактных пространственных значений ('край', см. выше о значении ед. ч. в сванском), которые для праформы этого слова принимались не только для общекартвельского (К. С. 153), но и для ностратического: В. М. Илич-Свитыч. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков // Этимология 1965. М., 1967. С. 345.

³⁵ Отмечено уже в статье: J. Friedrich. Zum hethitischen Lexikon // JCS. V. I. 1947. № 4. S. 288 (о хеттском слове см.: Ibid. S. 286—290); из хеттских примеров, Фридриху оставшихся неясными, следует отметить отрывок из магического ритуала богу Грозы, KUB XXX III 68 III 17 (см.: E. Laroche. Textes mythologiques hittites en transcription (сокращенно ТМ) 1 partie // RHA. Т. XXIII. Fasc. 77. 1965. P. 129, ср. параллели к этому месту в архаических стихах богу Пирве: Ibid. P. 174, строки 8—9). Для фонетического сопоставления существенными могут быть чередования написанной одной и той же формы с *i* и *u* в хурритском.

³⁶ И. М. Дьяконов. Указ. соч. С. 144; I. M. Diakonoff. Op. cit. S. 109. Предлагаемое сближение с картвельским согласуется с интерпретацией хуррит. *p* как абруптива (*p*).

³⁷ V. Haas, C. Wilhelm. Zum hurritischen Lexikon. I // Orientalia. n. s. V. 41. 1972. Fasc. I. S. 4—5. Fn. 7. К обсуждаемому там же сближению с *šau-ška* (Иштар вооруженной), см. об этой последней: E. Laroche. Études de linguistique anatolienne. III. Bilingues hurro-hittites // RHA. Т. XXVIII. 1970. P. 61.

³⁸ См.: И. М. Дьяконов. Указ. соч. С. 135; ср. альтернативное объяснение из индоевропейского: V. Bănăteanu. Problema lexicului urartie din limba armenă // Studii Și cercetări lingvistice. An. XIII. 1962. № 2. P. 268—269; I. M. Diakonoff. Op. cit. S. 85 (ср. о хур. *ugri/ukri* : Ibid. S. 56).

³⁹ И. М. Дьяконов в этой связи обратил внимание автора на нахские формы: чеч. *balda*, инг. *bord* (с неясным. *b-*: классный показатель?).

**4. Груз. *tqav*- ‘шкура’, ‘кожа’, мегр. *tqeb*-, чан. *t(k)eb*- :
хетт. *twekk*- ‘тело’, ‘туловище’,
др.-инд. *tvac*- ‘шкура’, ‘кожа’**

Грузино-занская основа **tqaw*-, отраженная в груз. *tqav*- ‘шкура’, ‘кожа’, мегр. *tqeb*- ‘шкура’, *tqab-aria* ‘сдирать шкуру’, чан. *t(k)eb*- ‘шкура’ (К. С. 183—184) представляется исторически тождественной хетт. *twekk*- ‘тело’, ‘туловище’ (логограмма NF. TE, акк. *ramānu*⁴⁰; ср. также активную форму др.-хетт. *twekkant*- ‘корпорация’ в законах, § 49). По своей семантике это грузино-занское слово тождественно, однако, не хеттскому слову, а этимологически с ним связанному др.-инд. *tvac*- ‘шкура’, ‘кожа’, ср. греч. *σάκος*, ‘щит’ (из *‘кожаный щит’), что согласуется с принятым в индоевропеистике и хеттологии допущении первоначального значения именно в древнеиндийском слове⁴¹. Картвельское заимствование может восходить к эпохе, когда это значение сохранялось еще и в анатолийском, или к еще более древнему периоду, которым датируются связи, объясняемые либо как древние индоевропейские заимствования в картвельском⁴², либо как общеностратическое наследие (но в других подгруппах ностратической семьи соответствия не обнаружены). И в картвельском, и в индоевропейском представлены специфические комплексы в анлауте⁴³ — с различным размещением признака лабиальности — в начале слова в индоевропейском⁴⁴, в конце — в картвельском, что можно было бы объяснить «преодолением» чуждого комплекса при заимствовании.

⁴⁰ A. Kammenhuber. Die hethitischen Vorstellungen von Seele und Leib, Herz und Leibesinnerem, Kopf und Person // ZA. NF. Bd. 22. 1964. S. 153, 158—160, 167, 188—191; ZA. NF. Bd. 23. 1965. S. 184—222.

⁴¹ R. Gusmani. Il lessico ittito (Collana di studi classici. 5). Napoli, 1968. P. 50; там же (п. 42) литература вопроса.

⁴² Т. В. Гамкрелидзе. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки // Вопросы языкознания. 1971. № 3. С. 37.

⁴³ Ср. о *tq* — в картвельском слове: Т. В. Гамкрелидзе, Т. И. Мачавариани. Указ. соч. С. 282, ср. о вокализме там же, с. 305, 169, 170, о *-w-* || *-b-* с. 111, примеч. 4.

Маловероятно отражение в слове более широкого миграционного термина, но ср. др.-кит. **khwak* : тиб. *skog, skok* ‘шкура’: И. И. Пејрос, С. А. Старостин. О генетическом сравнении китайского и тибетского языков (Фонетические соответствия) // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977. С. 213.

⁴⁴ Индоевропейское сочетание может восходить к древней лабиализованной фонеме **t^o = *t^w*, ср. Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1979 (в печати).

**5. Груз. *uṣq-* ‘ведать’, мегр. *orṣq-* ‘видеть’, чан. *oṣ(k)* ‘смотреть’ :
хетт. и *ušk-* ‘смотреть, видеть’**

Грузино-занская основа, реконструируемая на основе др.-груз. *uṣq-* ‘ведать’ (*ṣep uṣqi* ‘ты ведаешь’, масдар *uṣqeba*), мегр. *orṣq-* (с вторичным *r*) ‘видеть’, чан. *oṣ(k)* (с не вполне ясной огласовкой и развитием *ṣq > ṣk*, см. К. С. 186) — представляется сходной с хетт. *ušk-* ‘видеть’ — древним глаголом (от *au-*, *u-* ‘видеть’) с суффиксом **-sk-*, архаизм которого предполагается на основании этимологического сопоставления с др.-инд. *ucchati* ‘пылает, загорается’ (о заре), авест. (*vī-*)*usaiti* ‘светает’ и другими родственными словами⁴⁵. При спорности некоторых деталей реконструкции в картвельском семантическое и фонетическое сходство основ несомненно, хотя при допущении анатолийского заимствования отражение *-šk-* в *-ṣq-* может вызвать сомнения (хотя об особом характере **-s-* перед палатальным **-ḥ-* может говорить др.-инд. *-ccha-*).

**6. Внутренняя форма груз. *sa-smen-eli* ‘ухо’ :
хетт. *ištamana* ‘ухо’ и сван. *šdim* ‘ухо’**

Груз. *sa-smen-eli* ‘ухо’ понимается как ‘орудие слуха’⁴⁶ и образовано от общекартвельской основы **sm-in* ‘слушать’ : груз. *sm-in-*, *sm-en-*, мегр. *sim-in-*, чан. *sim-in*, *sib-in*, сван. *sm-in-* (К. С. 164—165), в свою очередь, производной по отношению к общекартв. **sm-* ‘слышать(ся)’ : груз. *m-e-sm-i-s*, мегр.-чан. *m-a-sim-e-(n)*, сван. *m-e-sm-i* ‘слышу’. Точно такую же внутреннюю форму имеет хетт. *ištam-(ali)na-* ‘ухо’, соотносящееся с глаголом *ištam-aš* ‘слышать’ (ср. также неясную по структуре и значению форму *ištama-ḥura* ‘серьга’ (?)); суффикс *-s-* в хеттском глаголе представляется неотделимым от такого же суффикса в общеиндоевропейской основе **kleu-s-* ‘слушать’ : тох. А *klyos-* ‘слышать’, тох. В *kluays*, вед. *sruṣ-* < и.-е. **kleu-s-*⁴⁷. В тохарском с этим гла-

⁴⁵ В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы (сокращенно Системы). М., 1965. С. 154—155.

⁴⁶ Ср.: Н. Я. Марр. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических // Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. М.; Л., 1938. С. 25 (по поводу абхаз. *а-лымхIа* ‘ухо’, выводимого Марром из сванского, см. о связи с адыг. *тхьакIум* ‘ухо’: К. С. Шакрыл. Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухуми, 1971. С. 78). Из интуитивных прозрений Марра, представляющих интерес в связи с обнаружением хетто- (и шире индоевропейско-) картвельских параллелей, особенно любопытно восстановление им (Там же. С. 37) на основе груз. *sisxl-* ‘кровь’ и т. п. (К. С. 87) названия ‘крови’ в нередуцированной форме, практически совпадающей с хетт. *ešhar* ‘кровь’ (неверна лишь реконструкция **-ir-* и гипотеза о вхождении его в корень).

⁴⁷ См. об общеиндоевропейской праформе: С. Watkins. Indogermanische Grammatik. Bd. III. Formenlehre. T. I. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969. S. 190, 182.

голом на *-s* соотносится образованное от того же корня название уха, к которому может присоединяться суффикс двойственного (парного) числа *-n*: тох. А *klots*, дв. ч. *klošäm*, В *klauts*, дв. ч. *klautsane*, что аналогично ситуации в хеттском при различии корня (от того же общеиндоевропейского корня, что и в тохарском, названия уха засвидетельствованы в др.-ирл. *chlúas*, ср.-валл. *clust*, др.-исл. *hlust*⁴⁸, др.-инд. *śrotra*). Это позволяет думать, что в хеттском основа *ištam-* вытеснила индоевропейскую основу **kleu-*, войдя в те же словообразовательные структуры. Этот процесс осуществился в общепанатолійском, если, как предположил Боссерт, хетт. *ištamana-* соответствует лув. *tumman-* 'ухо' (?), *tumma(n)taimmiš* 'слышимый' (?), *tummantiya-* 'послушание' (?)⁴⁹.

Для основы хетт. *ištam-* до настоящего времени единственно реальной параллелью было егип. *šdm-* 'слышать'⁵⁰. Но при неясности связей Египта с Малой Азией в дописьменную эпоху развития хеттского языка (в пользу которых, однако, могут говорить данные истории культуры, удостоверяющие наличие таких связей на рубеже III и II тысячелетий до н. э.⁵¹) наряду с возможным (но необязательным) объяснением хетт. *ištama-* из егип. *šdm* следует учитывать и другое вероятное истолкование хеттской основы как заимствования из семитской формы корня *šm'* (ср. аккад. *šemû'* < **samā'um*) с инфиксальным *-t-*, в частности, в аккадском перфекте на *-ta-* (и других много-

⁴⁸ См. об этих формах в связи с семантической типологией хетт. *ištamaš-*, *ištamana-*: С. Watkins. Indo-European origins of the Celtic verb. Dublin, 1962. P. 83—84; В. В. Иванов. Системы. С. 167; А. J. Van Windekens. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. V. I // La phonétique et le vocabulaire (Travaux publiés par le Centre International de Dialectologie Générale de l'Université Catholique Néerlandaise de Louvain. Fasc. 14). Louvain, 1976. P. 221. Ср. также о лат. *aus-cultare*: В. Н. Топоров. Прусский язык. Словарь А—Д. М., 1975. С. 168.

⁴⁹ E. Laroche. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959. P. 99. Соответствия в анлауте между хеттским и лувийским типологически сходны с соответствием сван. *št* грузино-занскому *t*.

⁵⁰ Впервые указано вместе с другими хетто-египетскими сближениями в ст.: E. Forrer. Stratification des langues et des peuples dans Je Proche-Orient préhistorique // Journal asiatique. V. 207. 1930. P. 243, ср. p. 227—252; ср.: В. В. Иванов. О возможном отражении одного миграционного термина в хауса (хауса *birni* 'город') // Языки Африки. М., 1966.

⁵¹ J. V. Canby. The Walters Gallery Cappadocian tablets and the Sphynx in Anatolia in the second millennium B. C. // JNES. V. 34. 1975. № 4. P. 236, 246. В той же связи следует отметить возможность объяснения хеттского написания *Ḫatti* посредством логogramмы KÜ. BABBAR (ср. о хронологии написания: С. Kühne, H. Otten. Der Saušgamuwa-Vertrag (Eine Untersuchung zu Sprache und Graphik) // StBo I. Heft 16. Wiesbaden, 1971. S. 33—36) из егип. *ḥd* 'серебро': Металлы I. С. 72, примеч. 15. Относительно давно отмеченных связей египетской и анатолійской (хетто-лувийской) иероглифики см.: В. Rosenkranz. Nicht alphabetische Schriften der antiken Welt. Köln, 1975. S. 8, 55.

численных префиксальных образованиях типов *Gt, Dt, Št*) и в соответствующих формах в языке Эблы второй половины III тысячелетия до н. э., ср. в собственных именах *Ištama-Malik (Jištama-Malik)* при угарит. *Aštamešarri*⁵² и т. п.

Вместе с тем разительным представляется совпадение основы хетт. *ištamana-* ‘ухо’ с картвельским названием **s,tim*, восстановленным на основании сванского *šdim-* ‘ухо’⁵³, ср. также и сопоставляемое в последнее время с тем же словом (в другой огласовке) грузино-занское название ‘изголовья’ — груз. *sa-stun-al-* ‘изголовье’, др.-груз. *stunit* ‘у изголовья’, *sastunlad* ‘изголовье’, ср. мегр. *ortumel*, чан. *omtunal* (ср. К. С. 170), к семантике ср. рус. *подушка* и т. п.

При несомненности связей хеттской, афразийских (семитских и египетской) и картвельских форм историческая интерпретация этих связей остается дискуссионной.

⁵² I. J. Gelb. Thoughts about Ibla: A preliminary evaluation. March, 1977 // Syro-Mesopotamian studies. V. I, issue I. March 1977. P. 22 (тип. *Gt*), ср. p. 18 о форме *Iš-ma-Il/Jišma’-’Il/* ‘Бог услышал меня’, аккад. (*jišma’*) и т. п. О связи Эблы с Малой Азией (ср.: Ibid. P. 15) свидетельствуют как факты истории культуры (*P. Matthiae*. Ebla nel periodo delle dinastie amorree e della dinastia di Akkad. Scoperte archeologiche recenti a Tell Mardikh // *Orientalia*. n. s. V. 44. 1975. F. 3. P. 348 ff.), так и упоминания Эблы в древнехеттских (KUB XL 4 П 6) и древнехурритских текстах (KUB XLIV 84 Vs. 15) из Богазкея.

⁵³ Ср.: Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани. Указ. соч. С. 14. О развитии **s,t* — сван. *šd* см.: Г. И. Мачавариани. Общекартвельская консонантная система. С. 95. § 27. Предлагаемые сопоставления с хеттским (а возможно, и с афразийскими языками: семитским и египетским) исключают гипотезу о связи сван. *šdim* с названием головы и его гипотетическими производными (сван. *šdul* ‘глазок’, *šda* ‘колос’, *šdik* ‘зубок’, ср. попытку связать между собой все эти слова: Х. Фенрик. Об одной картвельской этимологии // *Этимология* 1973. М., 1975. С. 174), к которым относили и название изголовья (К. С. 170) в других картвельских языках, в последнее время сопоставляемое со сванским именем уха, ср.: Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Указ. соч.

Там же см. о возможном сопоставлении со второй частью упомянутого хетт. *ištama-ḥura* картв. **qur-* ‘ухо’ (К. С. 213, 214), для которого ранее предлагались и ностратические параллели (и.-е. **kleu-* ‘слышать’, ностр. **qul-*): В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971. С. 18.

7. К семантическим типологическим параллелям: название 'выдры' — 'собаки воды'

Наличие семантических параллелей таким архаическим образованиям, как груз. *γwtisšvili* 'дитя бога' (*γmert*), в древних неиндоевропейских языках Малой Азии, в частности хатти, было отмечено еще В. В. Бардавелидзе⁵⁴.

Такие архаические выражения живых языков могут быть использованы для истолкования соответствующих мест в древних текстах. В частности, представляется вероятным, что груз. *m-ṣaw-ṣayli* 'выдра', в котором Н. Я. Марр видел архаическое обозначение 'собаки воды'⁵⁵, может вместе с другими подобными обозначениями в таких различных языках, как баскский, кельтские и латинский⁵⁶, китайский и некоторые тунгусо-маньчжур-

⁵⁴ См. в этой связи о хаттском боге Талипину: В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957. С. 3—4, примеч. 9 (приводимое там же груз. *saxlis-švili* 'домочадец' 'дитя рода' представляет яркую параллель выражениям разных языков, рассмотренным в статье: В. В. Иванов. К типологическому анализу внутренней формы праслав. **čelověkь* 'человек' // Этимология 1973. М., 1975. С. 17—22). В этой связи особенно интересно хатти имя бога *Wurun-katte-inu* 'дитя бога по имени Страны — царь', ср. о (*p*)*inu* 'сын': Н. S. Schuster. Op. cit. Из других вопросов, связанных с параллелями хат. Талипину в картвельском, В. В. Бардавелидзе обсуждала вопрос об имени сванского божества Плодородия Мелиа-Телепия, упоминающемся в обрядовой песне сванского праздника Лимурквამал и привлекая внимание последующих исследователей в связи с хет. *melit* 'мед'. Из новейших работ ср. в этой связи детально: А. И. Бендукидзе. Хеттский миф о Телепину и его сванские параллели // Вопросы древней истории. Кавказско-ближневосточный сборник IV. Тбилиси, 1973. С. 95—100; В. Н. Топоров. К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями // Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975. С. 28 и сл.

⁵⁵ N. Marr. Postface // Яфетический сборник. III. М.; Л., 1925. С. 168—169.

⁵⁶ E. Schwentner. Irisch dobor-chú 'Biber' // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd. 76. H. 1/2. 1959. S. 77; J. Vendryes. Lexique étymologique de l'irlandais ancien // MNOP. Paris, 1960. P. 0—23 (др.-ирл. *on-chú* 'дикое морское животное'); В. В. Иванов. Происхождение имени Кухулина // Проблемы сравнительной филологии: Сб. статей в честь В. М. Жирмунского. Л., 1964. С. 453—454, примеч. 13; к разительным совпадениям, касающимся выдры, водяной собаки или волка в древнеирландском и кавказском эпосе (В. В. Иванов. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах // АТ. С. 11), следует добавить абхазский рассказ о «Ала зшыиз» — кузнице, уничтожившей пса (И. А. Анджиджал. Указ. соч. С. 263), близкий к саге о Собаке Кулана (кузнеца), см. обо всех этих эпических параллелях: В. В. Иванов. К балкано-балтославяно-кавказским параллелям // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 156—163.

ские⁵⁷, объяснить вероятное значение *ID-aš UR. ZIR*^[H1.A] ‘воды собак(и)’, засвидетельствованного в хеттском переводе хурритского стихотворного мифологического рассказа о чудовище Хедамму, входящем в эпический цикл Кумарби⁵⁸, и относящегося, скорее всего, к *Lutra* или подобным видам речных животных.

В хеттском переводе — вероятной фразеологической кальке с хурритского — использовано слово несреднего (общего рода) *hap-* ‘вода, поток’ (логограмма ID), восходящее к индоевропейскому активному обозначению ‘воды-потока’, в хеттском языке нередко употреблявшемуся как сакральное (в особенности в связи с ордалиями)⁵⁹.

Такие семантические сопоставления, носящие типологический характер, мало показательны для выявления реальных исторических связей между языками (в отличие от приведенных выше конкретных лексических сближений), но существенны для выяснения типологического фона, на котором эти связи устанавливаются. Так, для заключения о том, в какой мере соответствие внутренней формы чан. *çkar-toli* ‘родник, источник’ (< ‘вода’ + ‘глаз’) и адыг. *псына* важно для установления специфических чанско-абхазо-адыгских связей⁶⁰, следует иметь в виду и такие сходные с ними обозначения, как хетт. *šakuni* ‘родник, источник’ при *šakuwa* ‘глаза’ с параллелями в значительном числе языков (индоевропейских, семитских⁶¹ и т. п.). Чем ближе такое соот-

⁵⁷ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. 1. А—Н. Л., 1975. С. 369 (маньчжурское *ХайХун* ‘выдра’, *Хайлун* ‘бобр, выдра’, как возможная параллель к кит. *шуй гоу* ‘выдра’ — ‘собака воды’).

⁵⁸ KUB VIII 67 IV 17, См.: TM. 2 Partie. Mythologie d'origine étrangère // RHA. T. XVI. F. 82. 1968. P. 55; J. Friedrich. Der churritische Mythos vom Schlangendämon Hedammu in hethitischer Sprache. Archiv Orientalní. V. XVII. 1949. P. 1. S. 233. Fn. 8. S. 248; J. Siegelová. Appu-Märchen und Hedammu-Mythus // Studien zu den Boğazköy-Texten. 14. Wiesbaden, 1971. S. 34 ff.; там же см. о выражении *IKU-aš (-ma)KU*^[H1.A] ‘рыб полей’, построенном как противоположное выражению ‘собаки воды’. Русский перевод в сб.: Луна, упавшая с неба. М., 1977. С. 150.

⁵⁹ E. Laroche. Fleuve et ordalie en Asie Mineur Hittite // Fest schrift Heinrich Otten. Wiesbaden, 1973. P. 186 ff. (там же см. о соответствии этого значения старой идее А. Мейе о значении индоевропейских слов «одушевленного рода» древнего активного класса); C. Watkins. Une désignation indo-européenne de l'eau // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. V. 68. 1972. Fasc. 1. P. 39—46. В данном контексте речь может идти о воде как активной стихии нижнего мира, типичным животным которого выдра является в сибирских шаманистских космологиях.

⁶⁰ Г. А. Климов. [Рец. на:] G. Dumézil. Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. IV // Этимология 1968. М., 1971. С. 259.

⁶¹ В. В. Иванов. Категория видимого и невидимого в тексте // Structure of texts and semiotics of culture. The Hague; Paris. 1973; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 129—130.

ветствие к семантической универсалии, тем менее оно значимо для определения связей между языками⁶².

1979

Постскрипtum

К этимологии названий металлов (в частности, железа) см.: *Вяч. Вс. Иванов*. История славянских и балтийских названий металлов. М., 1983.

⁶² Так, особенно занимавшая Н. Я. Марра и его последователей семантика названий руки типа груз. *xel-* 'рука', 'власть' (второе значение явственно выступает во многих средневековых грузинских вотивных и иных надписях с изображением руки) представляется универсальной ввиду типологических параллелей в таких традициях, как африканские (*В. В. Иванов*. Об одном типе архаических знаков искусства и пиктографии // Ранние формы искусства. М., 1972. С. 129, см. о кавказских изображениях: Там же. С. 110, примеч. 8). Поэтому сходство с хетт. *maniyaḫḫ-* 'управлять, передавать во власть, вручать' при лат. *manus* 'рука', 'статус' (в частности, власть мужа над женой) является чисто типологическим.

МАТЕРИАЛЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ДРЕВНЕЙ МАЛОЙ АЗИИ. III *

Настоящая статья продолжает публикацию материалов к сравнительно-этимологическому словарю анатолийских языков, начатую уже вышедшими из печати выпусками, где собраны слова с начальными лабиальными (первый выпуск)¹ и дентальными (второй выпуск)² согласными. В данную публикацию включены слова с начальными велярными (заднеязычными) фонемами. При этом рассматриваются и начальные индоевропейские палатальные (в том числе и *ǵh, исчезнувшее в части лувийских диалектов), за исключением только позиции палатальных перед *u. Вероятное (хотя до сих пор рядом лингвистов либо оспариваемое, либо признающееся результатом заимствования) отражение этих фонем в виде начального *su-* (*sù-/śu-*) < *k̑u- (типа хет. *šucci-*, пал. *šuppa-* 'наполнять' и т. п.) должно быть проанализировано вместе с аргументами за и против принятия этого развития в особой публикации. В исторических хетто-лувийских языках в словах этого типа выступает уже спирант (*s-* или *ś-*), поэтому и представляется целесообразным рассмотреть эту группу слов особо.

* Совместно с А. Ю. Айхенвальд, Л. С. Баюном. Впервые опубликовано где-то там.

¹ См. А. Ю. Айхенвальд, Л. С. Баюн, Вяч. Вс. Иванов. Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса в древней Малой Азии. I // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985.

² Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса в древней Малой Азии. II // Исследования по эпиграфике и языкам древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987.

Как и в предыдущих публикациях, приводится лишь часть слов преимущественно с наиболее достоверными этимологиями. Проблеме иноязычных влияний в таких словах, как *kurša-* 'руно' (вероятно, северокавказское слово, в свою очередь из хеттского заимствованное в греческий), будет посвящена отдельная работа.

Обозначения языков и диалектов

авест. — авестийский; акк. — аккадский; алб. — албанский; англ. — английский; арм. — армянский; брет. — бретонский; валл. — валлийский; герм. — германский; гомер. — греческий гомеровский; гот. — готский; греч. — греческий; д.-в.-н. — древневерхненемецкий; др.-инд. — древнеиндийский; др.-ирл. — древнеирландский; др.-исл. — древнеисландский; др.-перс. — древнеперсидский; др.-русск. — древнерусский; др.-хет. — древнехеттский; и.-е. — индоевропейский; иер. — лувийский иероглифический; ирланд. — ирландский; кар. — карийский; картв. — картвельский; кимр. — кимрский; корн. — корнуэльский; кучан. — кучанский; лат. — латинский; лид. — лидийский; лик. — ликийский; лит. — литовский; лтш. — латышский; лув. — лувийский клинописный; мил. — милийский; ностр. — ностратический; о.-слав. — общеславянский; оск. — оскский; пал. — палайский; прусск. — прусский; русск. — русский; серб.-хорв. — сербохорватский; слав. — славянский; ст.-лат. — старолатинский; ст.-слав. — старославянский; тох. — тохарский; укр. — украинский; умбр. — умбрский; хет.-лув. — хетто-лувийский; хет. — хеттский; чеш. — чешский.

Обозначения источников и словарей

- ABoT — Ankara Arkeoloji Müzesinde bulunan Boğazköy Tabletleri. Istanbul, 1948.
 (2) BoTU — *Forrer F.* Die Boghazköy—Texte in Umschrift. Bd. 2. Lpz., 1926.
 HAV — *Sommer F., Falkenstein A.* Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I. München, 1938.
 IBoT — Istanbul Arkeoloji Müzelerinde bulunan Boğazköy Tabletlerinden seçme metinler. Istanbul, I—1944, II—1947, III—1954.
 KBo — Keilschrifttexts aus Boghazköi. Leipzig—Berlin, 1916 ff.
 KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi. Berlin, 1926 ff.
 LTU — *Otten H.* Luvische Texte in Umschrift. B., 1953.
 TL — *Kalinka E.* Tituli Lyciae lingua Lycia conscripti // Tituli Asiae Minoris I. Wien, 1901.
 VBoT — *Götte A.* Verstreute Boghazköy-Texte. Marburg, 1930.
 Зак. — *Friedrich J.* Die hethitischen Gesetze. Leiden, 1959.
 DLL — *Laroche E.* Dictionnaire de la langue louvite. 1959.
 HW — *Friedrich J.* Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954.
 LW — *Gusmani R.* Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964.
 Kadd. — *Goetze A.* Madduwattas. Lpz., 1929.
 Pok. — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Wien, 1959.

Материалы I — Айхенвальд А. Ю., Баюн Л. С., Иванов Вяч. Вс. Материалы к реконструкции культурно-исторического процесса в древней Малой Азии // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический лингвистический источник. М., 1985.

**galgal-* ‘звучать’: хет. *galgalināi-* ‘петь; оплакивать’, *galgalturi* ‘цимбалы’ // и.-е. **gal-* ‘кричать’ (Рок. 350 f.): кимр. *galw* ‘кричать, звать’; (др.-инд. *gargarah* ‘разновидность музыкального инструмента’); ст.-слав. *glagolja* ‘говорят’ (о.-слав. **gol-gol-iti*)³.

Хеттский редуцированный глагол *galgalināi-* употребляется в погребальных ритуалах в значении ‘петь, оплакивать’, ср. (Heth. Totenrit. S. 68): *nu gal-ga-li-na-i [z-z]i nu* ^{SAL}*tap-ta-ra-aš-ša u-e-iš-ki-u-an da-i* ‘...и оплакивает, и женщина *-tap-tara* (плакальщица?) начинает стенать’⁴. Хет. *gal-gal-* содержит тот же тип архаической глагольной интенсивной редупликации, что и слав. **gol-gol-*⁵.

Была высказана идея, что с хет. *galgal-* сопоставим армянский глагол *gelgelel* ‘петь трелью’, а также, судя по описаниям похоронных обрядов армян V в. — ‘оплакивать умершего’⁶. С точки зрения регулярных фонетических соответствий от одной из параллелей — славянской или армянской — надо отказаться, поскольку первая из них предполагает начальный звонкий **g-* (др.-исл. *kalla* ‘кричать; говорить’, кимр. *galw* ‘звать, призывать’⁷), а вторая — начальный звонкий придыхательный **gh-* (арм. *golgel-*, др.-сев. *gala* ‘звучать; петь (о петухе)’). Колебания в анлауте могут, с другой стороны, объясняться звукоподражательным характером слова.

Именное производное от **galgal-* в хеттском — *galgalturi*⁸ — обозначало металлический или деревянный музыкальный инструмент типа цимбал, ср.

³ Этимологический словарь славянских языков. Вып. 6. М., 1979. С. 204 сл.

⁴ Хет. *ueškinuān* (супин) < *uešk-* < *uija-* ‘кричать (в ритуале), стенать’ < **eu-/iū-*, ср. греч. *αἶω* ‘кричу’, ст.-слав. **ВЫТИ** < **ī-ti*, д.-в.-н. *ūwila* ‘сова’.

⁵ О славянских корнях этого типа см., в частности, *Ch. Stang. Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942. S. 38; Вяч. Вс. Иванов. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. М., 1981. С. 103 и сл.*

⁶ *Н. А. Мкртчян. Редупликация глаголов в хеттском и армянском // Древний Восток. Т. 2. Ереван, 1976. С. 79.* Там же указаны сходные по звучанию и значению формы семитских языков (ср. араб. *qalqala* ‘шуметь’) и все они (вместе с индоевропейскими) определены как звукоподражательные, ср. аналогичное русск. *колокол* (с начальным и.-е. **k-*) и т. п.

⁷ Фасмер. I. С. 431.

⁸ Ср. суффикс *-turi* в хет. *ikturi* ‘огонь; место кремации’ < **ueḡ-* (др.-инд. *īra-vājayati* ‘добывать огонь’ и др.): *Вяч. Вс. Иванов. Разыскания в области анатолийско-го языкознания. 17—19 // Этимология. 1978. М., 1980. С. 176.*

ритуал Иштар из Тамининги (KUB XII 5 IV 15): GIŠ-*aš-ša-an gal-gal-[tu-u-ri]* [P]A-NI DINGIR^{LIM} *ti-an-zi* ‘перед богиней кладут музыкальный инструмент — *galgalturi* ‘из дерева’⁹; Во 8691 (*Hedammu*) Vs I 17: *gal-gal-tu-u-ri-ia-za ZABAR* ‘музыкальный инструмент — *gal-galturi* из бронзы’. Сопоставление с древнеиндийским названием музыкального инструмента *gargara-* (Ригведа VIII 58 9)¹⁰ и с редуцированными славянскими формами позволяет реконструировать и.-е. редуцированную основу **gol-gol-* с общей семантикой ‘звучания’, ‘производства звуков’¹¹.

[У Лароша приведена форма *kal-ga-li-en-na* (RA 47. P. 41), которая, по мнению Кронассера, может быть производным с суффиксом *-na-* от *gal-galiia-*¹². Некоторые сомнения возникают в связи с тем, что в тексте KUB I 17, где встречается это слово, есть вставные хеттские фрагменты; однако нельзя не заметить, что у *kalgalenna* скорее хурритский, чем хаттский облик.]

***g(a)nes-** ‘узнать’: хет. *kaneš(š)*, *ganeš(š)*- ‘узнать’ // и.-е. **ĝen-*, **ĝenə-*, **ĝnē-*, **ĝnō-* ‘знать, узнать’, др.-инд. *jānāmi* ‘я знаю’, авест. *paiti-zānanti* ‘представлять’, др.-перс. *a-dānā* ‘он знал’; арм. *caneay* ‘я узнал’, др.-ирл. *asagninaim* ‘знаю’, гот. *kunnon* ‘знать’, д.-в.-н. *kunnan* ‘знать’, лит. *žinaũ*, *žinóti* ‘знать’, праслав. *znat*; тох. АВ *knā* ‘знать’; с расширителем *-sk-* в презенсе: др.-перс. *xšnāsatiy* ‘он должен узнать’, греч. *γῆνώσκω*, *γῶσκω*; лат. *nōsco*, *-gnosco* ‘знать’, алб. *njoh* ‘я знаю’, ср. лит. *pažinaũ*, *pažistu* ‘знать’ (Пок. 373 ff.).

Хет. *kaneš(š)*- не имеет параллелей в других хетто-лувийских языках. Вероятно, в хет. *kaneš(š)*- отражена общеиндоевропейская модель презенса на **-s(k)-* (ср. лат. *gnosco*, лит. *pažiutu*). Хет. *kaneš(š)*- встречается начиная с древних текстов, ср. пример вхождения *kaneš-* в древнехеттском повествовании о городе Цальпе (КВо XXII 2 A 17): *ma-a-an^{URU} Ne-e-ša pa-a-ir nu-uš-ma-aš DINGIR^{DIDL} -eš ta-ma-i-in ka-ra-a-ta-an da-i-ir nu ANA-ŠU-NU na-at-ta ga-ni-eš-zi* ‘Когда они пошли в Несу, боги им вложили другую внутренность и их мать не узнала’.

kaneš(š)- ‘часто употребляется в тексте хеттских законов, ср. КВо VI 3 45—47: [*ta*]k-ku... LÜ-an LÜ-an-na-ku SAL-na-ku^{URU} Ha-at-tu-ša-az ku-i[š-ki]

⁹ Данманвиль: ‘tambourin de bois’ (*J. Danmanville. Iconographie d’Ištar-Saušga en Anatolie ancienne // Revue d’assyriologie et d’achéologie orientale. 1962. V. 56. № 3. P. 178 suiv.*

¹⁰ См.: *Вяч. Вс. Иванов. Разыскания в области анатолийского языкознания // Этимология. 1979. М., 1981. С. 132.*

¹¹ О хет. *galgalturi* см. еще: *O. R. Gurney. Some aspects of Hittite religion // The Schweich lectures of the British Academy. Oxford, 1977. P. 34 f.*

¹² *H. Kronasser. EHS. S. 481.*

LÚ^{URU} Lu-ú-i-ya-[aš] ta-a-i-iz-zi na-an A-NA KUR^{URU} AR-ZA-U-UA pi-e-hu-te-iz-z[i i]š-ha-aš-ši-ša-an ga-ne-eš-zi nu Š-ir-še-it-pat ar-nu-zi 'Если какой-нибудь лу-виец украдет человека, женщину или мужчину из Хаттусы и возьмет его в страну Арцаву, (а) его хозяин найдет его (т. е. опознает) и в дом свой доставит...'

Отглагольное имя *ka-ni-eš-šu-u-ua-ar* 'милость, признательность' встречается в Апологии Хаттусилиса, I, 31: ŠA^DIŠTAR GAŠAN.IA ka-ni-eš-šu-u-ua-ar 'милость моей госпожи Иштар'.

Анлаут хет. *g/kaneš-* обычно не записывается посредством асриптио plena, поэтому можно считать, что *-a-* в *ka-/ga-* имеет чисто графический характер.

**gast-*, **k/gista-* (< *-e-) 'голод; гаснуть; чахнуть': хет. *k/gašt-* 'голод', *kištant-* 'ид.', *kišta-* 'гаснуть, угасать', *kištanu-* 'гасить'; пал. *kištan-* 'гасить' // и.-е. **g^hes-* (/ **ges-* ') 'голодать; гаснуть': др.-инд. *jásuri-* 'изголодавшийся, тощий'¹³; греч. *σβέννυμι* (< **s-g^hes-nu-*) 'гасить'; тох. А *kašt*, В *kest* 'голод'; д.-в.-н. *quist* 'уничтожение'¹⁴; о.-слав. **gasiti* и др.

Для обозначения 'голода' в хеттском используются два родственных слова — *k/gašt* и *kištant-*. Первое из них, засвидетельствованное формами им. пад. ед. ч. *ka-a-aš-za/ga-aš-za*, вин. пад. ед. ч. *ka/ga-aš-ta-an*, дат.-мест. пад. ед. ч. *ka-(a)-aš-ti* (основа **gašt-*; асриптио plena отражает место удара и полноту огласовки корня) обозначает 'голод' как состояние, которое наступает подобно другим явлениям, например, временам года, ср. сходные синтаксические конструкции с локативом: A-NA ERIN^{MEŠ} ka-aš-ti a-a-ri 'в войска приходит голод (мест. пад.)' ср. М. Фридрих 'es kommt für die Truppen zu einer Hungersnot': AfK, 2, 122, и *ha-me-eš-hi ki-ša-a-ri* (KUB X 27 I 33) 'наступает весна' (букв. 'весной', мест. пад.).

Хет. *kištant-* (< **k/gista-* < *-e-) противопоставляется *k/gašt-* как семантически активное, персонифицированное имя инактивному¹⁵, ср. очень показательный пример из мифа о Телипину (KUB XVII 10 I 17—18): nu KUR-ia an-da-an ka-a-aš-za ki-i-ša-ti DUMU.LÚ.ULU.LU^{MEŠ} D^{MEŠ} -ša ki-iš-ta-an-ti-it *har-ki-ia-an-zi* 'и в стране наступает голод (как состояние, хет. *k/*gašt-*); люди и боги гибнут от голода (голод как активное начало, *kištant-*)'.

Родственную хет. *kišt-ant-* основу содержит хет. глагол *kišta-* (мед.) 'угасать, чахнуть', каузатив *kištanu-* 'гасить', ср. в тексте 2-й военной присяги

¹³ Гамкрелидзе-Иванов. С. 701 сл.

¹⁴ H. Kronasser. EHS. S. 255.

¹⁵ О широко распространенном в хеттском явлении трансформации исходно инактивных имен в активные посредством суффикса *-nt-* см.: E. Laroche. Un 'ergatif' en indo-européen d'Asie Mineure // BSL. 1962. Т. 57. Ф. 1. Р. 23 suiv.; C. Tchekhoff. Le double cas-sujet des inanimés: un archaïsme de la syntaxe hittite // BSL. 1978. Т. 73. Ф. 1. Р. 225 suiv.

(KUB XLIII 38 Vs 21'—24'): ^{GIŠ}zu-up-pa-ri^{HLA} š]u-me-eš ki-iš-ta-n[u-ut-ten] [ku-i-š]a-ya ki-e ud-d[a-a-ar šar-ra [] [na-aš QA.DU NUMUN (') -š]U É-ŠU DAM-ŠU [] [QA-TAM-MA k]i-iš ta-r[u] 'факелы вы погасите! (Если же) кто эти слова (присяги) нарушит, то он со своим потомством, со своим домом, своей женой [] так же пусть угаснет!'

Хеттское причастие *kišduyant-* 'голодный' восходит к незасвидетельствованной глагольной основе **kišd/tuça-*. Корневой вокализм хеттских форм (ср. ниже палайский) со ступенью **-e-* в глагольном корне (как и в производном *kištant-*, совпадающем с причастием на *-nt-*) и ступенью **-o-* в именном отражает индоевропейские закономерности¹⁶.

Возможно, что пал. **kišta(n)-* имеет значение, сходное с хет. *kištanu-* 'гасить'¹⁷. Этот палайский глагол встречается в ритуальном фрагменте KUB XXXV 164 Vs II 8', 9': -] x (-) tar-ta-kat ki-iš-ta-a-am-mu [ki-iš-t]a-a-am-mu ya-a-ar-ra-kat. Форма **kištan-* морфологически не ясна: **kištan-* (2 л. ед. ч. императива?) + *mu* (вин./дат. пад. личного местоимения 1 л.)? Смысл этого фрагмента может быть прояснен благодаря предшествующим строкам, написанным по-хеттски (6'-7'): -] x NA₄^{HLA}-aš-ša KAŠ GEŠTIN-it [ki-]iš-ša-an me-e-ta-aḥ-ḥi '...] на камень (?) пивом (и) вином, (и) так говорю' (далее следует палайский текст). Хеттскому творительному падежу KAŠ GEŠTIN-it 'пивом (и) вином' синтаксически соответствуют палайские формы на *-at* () *tartakat*, *yarrakat*). Это не противоречит интерпретации пал. *kištammu* 'как погаси (для) меня!'

Клинописная графика не позволяет однозначно определить характер начального согласного в хет. *k/gašt-* и родственных словах. Судя по чередованию знаков *ka-/ga-*, это мог быть звонкий велярный; лабиовелярный абсолютно исключен — в хеттском не могло не остаться следов *y*. Впрочем, древнеиндийская и тохарские формы допускают реконструкцию с начальным велярным.

**genu*, **g^anu* 'колено*': хет. *gi/enu(-)* 'колено' (? *gi/enuš-* 'коленный сустав'); пал. *ginuka* 'коленный' // и.-е. **gē/onu-* 'колено': др.-инд. *janu-*, авест. *žnut*; греч. γόνυ, и др.

Хет. *gi/enu(-)* обычно записывается как *gi-e-nu*, *gi-nu*¹⁸, с этим же корнем Э. Ной связывает хет. *ga-nu-*, *ka-nu*, где предполагается нулевая ступень кор-

¹⁶ Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955. С. 209 сл.

¹⁷ См.: А. Kammenhuber. Esquisse de grammaire palaïte. P. 29, 78. Более осторожно по этому поводу высказывается Карруба.

¹⁸ Ср. еще старую форму двойственного числа (синхронно воспринимаемую как им.-вин. пад. мн. ч. ср. р.) *gi-e-nu-ya* 'колени', сопоставимую с такими формами, как хет. *šakuça* 'глаза', лув. GIR^{MES}-ta (= pata) 'обе ноги', и др.

ня (ср. гот. *kniu*, д.-в.-н. *kneo* и др.)¹⁹. В некоторых случаях отмечаются колебания в роде: наряду с *gi-e-nu* (ср. р.) можно встретить, например (в партитивной аппозиции), ^D*U-an gi-e-nu-uš-šu-uš* 'колени бога Грозы', букв. 'бога Грозы (вин. пад.) его колени (вин. пад. мн. ч. общ. р.)'. Возможность неоднозначной интерпретации последовательностей типа *gi-e-nu-uš-ši-in* позволила Эйхнеру постулировать форму *gi-e-nu-uš-* со значением 'коленный сустав'²⁰. Вайтенберг, хотя и считает выделение основы *ginuš-* «необязательным»²¹, тем не менее признает наличие в хеттском глаголов *ginuš(ša)rija-*, *kanušarija-* 'становиться на колени'²², что требует допущения исходной основы *ginuš-*, к которой присоединен архаичный суффикс *-(a)rija-*, ср. *gimman tarija-* 'зимовать' < *gimmant-* 'зима' и др.²³.

Пал. *ginukat*, обозначающее какую-то часть жертвенного животного, как неоднократно отмечалось, может быть родственно хет. *genu-*²⁴. Карруба понимает форму *ginukat* как им.-вин. пад. ср. р., но морфологически это трудно объяснимо: консонантная основа среднего рода? — Едва ли; в контексте, где встречается слово, на протяжении двух строк перечислено пять имен на *-at*, и это, видимо, не случайно²⁵, см. KUB XXXV 165 Rs 11—13: *nu-ku^Dza-pár-ṽa_a-az aš-ku-za-a-u-ṽa-ga ṽa-aq-qa-kán-ta ḥu-ṽa-aš-s-[a-a]n-ni-kat* KI.MIN *ḥu-ṽa-an-ḥu-ṽa-ni-kat* KI.MIN *qa-aš-šu-ú-ta-at* KI.MIN *ḥa-a-ri-ša-at* KI.MIN *gi-nu-kat ṽa-aq-qa-kán-ta* 'вот, Цапарва, жертвенное мясо они откусывали. От *ḥuuaš*, также, от *ḥuuan*, также, от *q*, также, от *ḥar*, также, от коленной части откусывали'. Формы на *-at* в этом фрагменте, скорее всего, выступают как аблатив-инструменталь (хет. *-Vt/-Vz*, лув. *-Vti* и др.)²⁶. Суффикс *-k-* в формах *ginu-k-at*, *ḥuṽanḥuṽani-k-at*, *ḥuṽašanni-k-at*, а также в пал. *ṽulašini-k-eš* 'разновидность

¹⁹ E. Neu. KZ. 1972. № 86. S. 288 ff.

²⁰ H. Eichner. Hethitisch *genuššuš*, *ginušši*, *ginuššin* // Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979. S. 41 ff.

²¹ J. Weitenberg. U-Stämme. S. 36.

²² Ibid. S. 38.

²³ Вайтенберг предполагает в качестве исходной основы незасвидетельствованное **genuššar* (Ibid. S. 38), что крайне сомнительно с точки зрения хеттских глагольных словообразовательных моделей.

²⁴ См., в частности, O. Carruba. Das Palaische. Texte Grammatik, Lexikon. Wiesbaden, 1970 (StBoT 10). S. 59.

²⁵ А. Камменхубер предлагает проводить границу перед *-at* и рассматривать всю последовательность как 'имя + местоимение «это»' (Очерк палайской грамматики // Древние языки Малой Азии. С. 207), однако с этим нельзя согласиться, так как в хетто-лувийских языках личные местоимения легко присоединялись к любой глагольной форме, но не к именной.

²⁶ К этой точке зрения склоняется и Карруба (Das Palaische. S. 42), хотя в явной форме она в книге не высказана.

хлебов' и в других отыменных производных имел, очевидно, то же значение, что и лув. *-šš-*, формируя адъективы или имена со значением 'относящийся, имеющий отношение к тому, что выражено корневой морфемой'²⁷. Таким образом, пал. *ginuka-* означает 'коленный', 'коленная часть' и по модели образования сходно с хет. *gi/enuš-* 'коленный сустав'.

В эпоху создания письменных памятников основа хет. *genu-*, пал. *ginu-* уже была непроизводной. Однако исторически в этой основе можно выделить суффикс *-u-*, так как вторичные производные от **ġenu-* в древних индоевропейских языках по своей структуре тождественны архаичным производным от основ с суффиксом *-u-*. Для таких вторичных производных характерно присоединение к основе на *-u-* суффиксов **-k-*, **-g-*, **-gh* или **-r/-n-*²⁸. Для анатолийского **genu-* особенно существенным является наличие форм на **-r/*-n(t)-* в греческом, древнеиндийском и армянском: в греческом и древнеиндийском сохранена основа на **-n(t)-* (др.-инд. *jānu-n-ī* 'колени', двойств. ч.; греч. *γούνα-τος*), в армянском — на **-r* (*cunr* 'колени' < **gon-u-r*), иначе говоря, структура **genu-* оказывается аналогичной структуре таких производных на **-u-* как **doru-* 'дерево' и др.²⁹

**gharbh-* (?) 'держат, поднимать': хет. *karp-(ija)-* 'поднимать; прекращать' // и.-е. **ghrebh-*, **gherbh* 'хватать' (Pok. 455): др.-инд. *grabh-* 'хватать', авест. *grab-*; др.-сев. *grāpa* 'grasp'; лит. *grabùs*, *grabniùs* 'fingerfertig'.

Хеттский глагол *karp(ija)-* отличался довольно широкой семантикой, в основе которой лежало значение 'держат' → 'поднимат' (< 'хватат'), ср. Во 6069 (42) Rs III 10 (Appu): ^{SAL}[UM-ME-]DA-aš-za DUMU.NITA-an *kar-ap-ta* 'кормилица сына подняла'; ср. еще КВо XXI 22 Vs 19': *ka-a-aš* ^{GIS}ERIM *kar-pi-i-e-mi* 'вот, я (ритуальные) веса поднимаю'.

Присущий семантике хет. *karp(ija)-* смысловой оттенок '(снизу) вверх' приводит к развитию у этого глагола значения 'оканчивать(ся)', 'прекращать(ся)' (также 'исполнять', ср. КВо II 12 V 8: *lu-uz-zi kar-pi-e-iz-zi* 'повинность выполняет', синоним — *i-e-iz-zi* 'делает'), 'покончить', 'уничтожить' (например, город: KUB V 1 I 70)³⁰, ср. KUB XXXV 139 Vs I 6—7: [GIM-an-ta] *ha-me-eš-ḫi ku-ua-pi hé-e-un kar-ap-zi* [*kiš-*] *ša-an ŠĪR^{ru}* 'когда весной

²⁷ А. Камменхубер. Очерк палайской грамматики. С. 208.

²⁸ В армянском, например, основы на *-g* и *-r* объединены в одной гетероклитической парадигме: др.-арм. *cunr* 'колени', им. пад. мн. ч. *cung-k'*, род. пад. *cng-ac* (Г. Б. Джаукян. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван, 1982. С. 120).

²⁹ Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955. С. 76 сл.

³⁰ Сходное семантическое развитие ('верх' → 'завершение', 'конец') прослеживается в ряде языков, ср. англ. *to be over* (*with smth.*).

дождь (вин. пад.) (он, т. е. божество ?) прекращает/ задерживает, (то) таким образом поют...

С хет. *karp-* может быть связана группа имен со значением 'ярость, гнев': хет. *karpī-* 'ярость, гнев' (ср. DINGIR^{MEŠ}-*aš kar-pī-in* 'гнев богов'), *karpīuāla-* 'яростный, гневный', ср. Во 10204 II 11 ff.: *kar-di-mi-ja-at-ta-an-ma ar-ḥa tar-na kar-di-mi-ja-at-ta-aš* IGI^{HL.A}-*ua kar-pī-ua-a-la ḥa-an-ta* 'гнев прочь отведи; гнева яростные глаза успокой!' ³¹. Возможный ход семантического развития: 'поднимать' → 'высокомерный, надменный' ³² → 'гневный'.

**ghim-ant-* 'зима': хет. *gim(m)-*, *gimm-ant-* 'зима' // и.-е. **ghei-*, **ghi-* 'зима, снег' с расширителем *-mn-*: **gheim(e)n-*, ср. др.-инд. *hēman* 'зимой', греч. *χέτηα* 'зима', алб. *dimen*; лит. *žiemà*, прусск. *semo*, ст.-слав. *zima*; без расширителя: авест. *zayan-*, *zaēn-* 'зима', арм. *zūā* 'снег', греч. *χιών* 'снег', лат. *hiems* 'зима' и др.

Хет. *gim(m)-* представлено в двух вариантах — с суффиксом *-ant* и без него, ср. *pir* и *parnant-* 'дом', *peruna-* и *perunant-* 'скала' (см. И. Фридрих. Краткая грамматика. § 53). Основа *gim(m)-* представлена формами косвенных падежей: дат.-мест. ед. ч. *gimmi* (KUB XIII 2 IV 23, варианты: *gi-im-mi* KUB XIII 1 IV 12, *ge-im-mi* I ВоТУ III 66 III 10). Ср. пример употребления *gim-mant-*, KUB XIII 2 IV 24: IGI^{HL.A}-*ua ḥar-ak gi-im-ma-an-da-aš* BURU-*aš* GUB-*aš* 'беспокойся о... зимнем урожае'. От основы *gimmant-* образуется отыменной глагол *gimmandarija-* (*gemman-tarija-*) 'перезимовать' (записывается в некоторых случаях идеограммой ŠE₁₂-*ja-* (КВо III 4 III 26/38, KUB XVIII 12 I 1.7)).

**ghim-r-* 'поле, свободное пространство': хет. *gimra-* 'поле, свободное пространство; поход'; лув. *immara* 'поле' // и.-е. **gheim-*?, (связано с предыдущим корнем ?) ³³.

Основное значение хет. *gimra-* — 'поле, земельное имущество', ср. употребление его в Законах: КВо VI 3 § 53 10—11: *ták-ku gi-im-ma-ra* [(-*aš-ša-aš* IO SAG.DU₇ SAG.DU)] LÚ^{GIS}-TUKUL *da-a-i* 'если за его поле 10 голов дает (букв. 'кладет') человек оружия...'; 'земля, свободное пространство'. В значении 'поход' ср. KUB XVII 5 I 23 *gi-im-ra pa-a-u-ar* 'идти в поход'; KUB XXXI 84 III 69—70: *gi-im-ra-aš-ša ku-in-e[eš u]a-al-ḥu-u-ua-an-te-eš nu-uš-ma-aš-an ú-e-tu-ma-aš ud-d[a-n]i-i* IGI^{HL.A}-*ua ḥar-ak* 'те, которые заперты в полях, за ними наблюдай особенно при строительстве'.

³¹ Букв. 'приведи в порядок'; хет. *ḥanda-* означало 'приводить в (божественный) порядок', 'упорядочивать', *ḥandant-* — 'тот, на кого обращена божественная сила'.

³² Ср. лат. *sublātus* 'высокомерный, надменный, гордый' < *tollo* 'поднимать'.

³³ См. из последних работ: A. J. Van Windekens. Zum indogermanischen Ursprung von heth. *gim(ma)ra* // KZ. 1981. 95. S. 249—250.

Основное значение лув. *immara-* — ‘поле’, ср. *im-ma-ra-aš-ša-an*³⁴ D¹ISKUR-un-ti ‘богу Грозы полей’.

Хет.-лув. основа **ghim-r-* выявлена в анатолийской ономастике: лик. *ipresida* сопоставлено с лув. *immaraziti*³⁴.

**ghrdha-/gherdh-* ‘крепость’: хет. *gurta-* ‘крепость’; лик. *A kerθθi* ‘город’ // и.-е. **gherdh-* ‘поселение’: др.-инд. *grhá* (< **grdhá-*) ‘дом, жилье’; гот. *gards* ‘дом’; ст.-слав. *gradŭ* ‘крепость’, ‘город’, ‘сад’, чеш. *hrád* ‘крепость; дворец’; фриг. (балкан. ?) *gordum* ‘город’ (см. Manegordum).

Хет. *gurta-* (Анналы Мурсилиса II, КВо IV 4 II 61; Деяния Суппилулиумаса I), в отличие от более нейтрального URU = хет. *happira-* ‘город’, обозначает ‘укрепленное поселение’. Развитие слогового сонанта **r* в *ur* было специфическим для некоторых анатолийских диалектов³⁵ (ср. еще иер. *šurna-* ‘рог’ < **k̄rno-*³⁶); что касается угарит. *krđš* ‘укрепление’, заимствованного из анатолийского без какой-либо фиксации *-u-*, то оно должно было иметь своим источником диалект, в котором **r* давало *-ar-* или *-²r-*.

Лик. *A kerθθi* (< **kerd(e)-* + адъективный суффикс *-hi* < **-si*, корень **gherdh-*) встречается рядом с совместным упоминанием городов *ar̄nna* ‘Коанф’, *tuminehi* ‘Тимнес’, *xākbi* ‘Кандиба’, ср. TL 44 в 53—55: ...*ar̄nna tuminehija: kumezija: xākbiya: kumezija: se tukedri: kerθθi: ade: urublijē* ‘...святилище Ксанфа, Тимнеса, святилище Кандибы; и статую³⁷ федерация городов поставила в качестве ритуального объекта (?)³⁸’; ср. еще в 49: *ar̄nna: tuminehi: kerθθi: xākbi* ‘федерация городов Ксанфа, Тимнеса, Кандибы’. Лик. *A kerθqi*, как следует из контекстов, используется в собирательном значении ‘союз/федерация городов’ (в отличие от лик. *A meñne* ‘город’). Важно отметить, что производные от и.-е. **gherdh-* со значением ‘огороженное место’, ‘дом, дворец’ (< **gher-/gher-* ‘огораживать’) широко представлены в различных индоевропейских языках, однако значение ‘город’ засвидетельствовано, не считая «фриг.» *-gor-dum*, только в анатолийской и славянской группах.

³⁴ O. Carruba. Contributi al licio. II // SMEA. 1980 (1981). 22. P. 278; Л. А. Гиндин. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 72 сл.

³⁵ В хеттском, лувийском, палайском рефлексом **r* обычно было *ar*; в ликийском **r* часто давало *ri*.

³⁶ См.: Вяч. Вс. Иванов. Хеттский язык. М., 1963. С. 90 сл.

³⁷ К хет. *tuekka-* ‘тело’; значение ликийского слова подтверждается контекстами типа ‘эту t. поставил X’ (в надгробных надписях).

³⁸ Перевод условен. Лик. *urublijē*, судя по контекстам, обозначало какое-то оружие культового назначения (к хет. *uarp-* ‘мыть, омывать’, *uarp-pan(n)ala-* ‘омывать (в ритуале)’ ? : HW. S. 246.

**ghesr(-)* 'рука': хет. *keššar/kišše/ira-* 'рука'; лув. *iššari-* 'ид.', *išaruili-* 'правый', лик. *izre* 'рука' // и.-е. **ghesr(-)* 'рука, Hand' (Pok. 447): греч. гомер. *χεῖρ*; арм. *jeṛn*; тох. А *tsar*, тох. В *šar* 'рука'.

Хет.-лув. **ghesr(-)* 'рука'³⁹ в хеттском функционирует как основа на сонант среднего рода или тематическая основа общего рода, ср. вин. пад. ед. ч. ср. р. *ŠU-šar* (= *keššar*), общ. р. *ki-iš-si/še-ra-an*. В сочетании имени *keššar* с притяжательным местоимением часто нарушено согласование в роде обеих форм, ср. (Зак. § 3) *ki-eš-šar* (ср. р.) *-ši-iš* (общ. р.) [*ya-aš-t*]a-a-i [??] (§ 11) *ŠU-aš* (= *ki-eš-ši-ra-aš*, общ. р.) *-še-it* (ср. р.) *ya-aš-ta-a-i* 'его рука согрешит'. Сравнение с арм. *jeṛn* и родственными и.-е. формами, содержащими суффикс *-t* (ср. др.-инд. *hástah* 'рука') позволило Френкелю высказать гипотезу, что хет. *keššar* восходит к древним существительным гетероклитического типа⁴⁰.

Лув. *iššari-* (< **ghesar-* с закономерным исчезновением палатализованного придыхательного заднеязычного) в именительном падеже записывалось как (*i-*)*iš-ša-ri-iš* и *iš-ri-iš* (последняя форма важна для интерпретации иер. лув. *i/astara-* 'рука'). В клинописном лувийском сохранялась архаическая форма двойственного числа *iššara* '(две) руки' в тексте заклинаний *Mondbeschwörung KUB XXXV 103 III 12: GİR^{MES}-ta-du* (= *pata-du*) *tar-ú-e-ja i-iš-šara-d[u* 'ноги (двойств. ч.) у тебя из дерева'⁴¹, руки (двойств. ч.) у тебя [...]'.

От имени *iššari-* в лувийском образовано прилагательное *i-šar-ú-i-li-iš*⁴², предполагающее наличие исходной атематической основы *iššar-*⁴³.

³⁹ Палатализованный звонкий придыхательный в анлауте восстанавливается из соответствия хет. *k*: лув. *ø* (и.-е. **gh*). Существенно, что **gh* исчезал не во всех лувийских диалектах: наряду с хрестоматийным примером лув. иер. *takama* 'земля' при лув. клин. *tijammi-* < **iheghom* можно привести еще мил. *kiki-* 'бить; ломать' (хет. *kinu-*) < **ghei-*.

⁴⁰ E. Frankel. Morphologisches und Etymologisches // *Lingua Foznaniensis*. IV. Poznań, 1953. S. 93 ff.

⁴¹ Т. е. 'крепки как дерево'? В анатолийском вполне ощутима исходная связь понятий 'дерево' и 'крепкий', о чем свидетельствуют производные от хет. *d/taru* 'дерево' со значением 'укреплять' (хет. *tarranu-*, см. Материалы II. Слов. ст. **daru*).

⁴² Представляются неоправданными сомнения Н. ван Брок относительно генетической связи лув. *iššari* и *išaruili-*: последнее автор выводит из незасвидетельствованного **išaru-* (N. Van Brock. *Dérivés nominaux en I du hittite et du louvite* // *RHA*. 1962. № 71. P. 22).

⁴³ В лувийских ритуалах отражено противопоставление 'правой руки' как функционально активной 'левой руке' как более пассивной, неполноценной, широко распространенное в различных культурных традициях (см., в частности, J. Cuillandre. *La droite et la gauche dans les poèmes homériques en concordance avec la doctrine pythagoricienne et avec la tradition celtique*. P., 1944; Вяч. Вс. Иванов. Из семиотических комментариев к клинописным хеттским текстам // *Philologia Orientalis*. Тбилиси, 1977;

Мер. *il-a-a³-ta-ra* 'рука' содержит эпентетическое *-t-*, появившееся в последовательности 'дентальный спирант + *r*' в пралувийск. **ġhisri*⁴⁴.

К праформе **ġhisri* восходит и лик. А *izre* 'рука' (ср. TL 44 а 35: *izredi pededi*, букв. 'руками (и) ногами'), однако, в отличие от лувийского иероглифического, в ликийском А в сочетании **sr* не появлялся вставной элемент.

К хет.-лув. **ġhesr-* может восходить и лид. *qisre-* 'охранять, защищать, беречь'⁴⁵ (LW. S. 187), которое в текстах противопоставлено глаголу *fēnsl-ibi-* 'причинять вред'. Это сопоставление вполне приемлемо как с точки зрения семантики, так и фонетически: *qisre-* < **ġhisrija-*⁴⁶. Карруба предлагает выделять в лид. *qisre-* префикс **qis-* (как он считает, из *kata-* 'низ', что фонетически маловероятно) и корень *-re*⁴⁷. Другими словами, если принять его точку зрения, придется рассматривать лид. *katare-* и *qisre-* как дублетные формы, что вызывает различные возражения. Вообще выделение префиксального **qis-* представляется искусственным — если префикс *kata-* действительно широко распространен в лидийском (см. слов. статью: **ka/nta* 'низ(-); под(-)'), то **qis-* обнаруживается только в составе *qisre-* и *qistori-*, где он может быть частью корневой морфемы.

**-k-* указательная частица (?): хет. *-kan* (аспектуальная частица); лид. *ak-* (частица, вводящая предложения) // и.-е. **-ki-*, **-ke*: арм. артикль *-s*; греч. (ἐ)κεῖ 'там', лат. *-ce* в *cedo-*, *hi-c*, *his-ce*, *illi-c* и др. (см. Pok. 609 ff.), см. также статью о хет.-лув. **ki*, **ka*).

В хетто-лувийских языках рефлексы и.-е. указательной частицы-клитики **-k-* (см. **ki-*, **ka-*; см. также частицу **-k^helo-*, местоимение **k^he/o-* в связи с соотношением этимологически тождественных полно-ударных корней и клитик на хетто-лувийском и индоевропейском уровнях) в свободном виде сохранились только в лидийском *ak-* (см. ниже). В хеттском *-kan* имеет модаль-

Гамкрелидзе-Иванов. С. 784 сл.), ср. лув. ритуал «Старой женщины» KUB XXXV 43 Vs II 16—18: *i-pa-la-a-ti-du-ṡa-an ḫu-i[-n]u-ṡa-aḫ-ḫa a-du-ut-ta i-pa-la-a-ti-en la-at-ta i-ṡar-ú-i-la-t[i-p]a²-du-ṡa-an ḫu-u-i-nu-ṡa-aḫ-ḫa a-du-ut-ta-at-tu-ṡa-li-in a²[-a]t²-ta-aṡ-ta-ri-in la-at-ta* 'левой (рукой) я ее (ритуальную овцу) погнала, и она «левое» (= 'неполноценность', 'слабость' ?) взяла; правой (рукой) я ее погнала, и она злой страх взяла'. Об оппозиции 'правый : левый' в представлении хеттов см. В. Г. Ардзинба. Ритуалы и мифы древней Анатолии. С. 134 сл.

⁴⁴ Ср. аналогичное явление в русск. *струя* при лит. *sraujà* 'течение' (но лтш. *strauja*) < **sreju-*, см. еще А. А. Копелев. ХЛЯ. С. 33.

⁴⁵ Возможно, сходное значение лежит в основе лик. А личного имени *izraza*.

⁴⁶ Лид. *q* может отражать старый ларингал и веларный смычный (очевидно, придыхательный).

⁴⁷ O. Carruba. Studi sul verbo lidio // Athendenum NS. 1960. № 38. S. 26 ff.

но-аспектуальные функции⁴⁸; как этимологически, так и функционально ее можно сопоставить с вед. *kat*, греч. (ἐ)καί. Основное значение *-kan* — перфективность; *-kan* может относиться к глаголу, одновременно указывая на совпадение действия, обозначаемого этим глаголом, с моментом произнесения текста, как, например, в среднешеттском тексте KUB II 2 II 27—29: *nu-ki-iš-ša-an te-ez-zi ka-a-ša-ṽa-aš-ma-aš tar-pa-al-li-iš nu-ṽa-aš-ma-aš tu-ig-ga-aš tar-pa-i-iš e-eš-tu* КА x U-i EME-i *ḫu-u-ur-ta-a-uš nu-uš-ši-kán iš-ši-i an-da al-la-ra-aḫ-ḫa-an-zi* 'И она говорит так: это замена для вас, и пусть это будет замена для вашего тела, для рта и языка проклятие. И они плюют в его рот'; может характеризовать два последовательных действия: KBo VI 3 III 60: *ták-ku GUD ták-ku ANŠU.KUR.RA ták-ku ANŠU GİR.NUN.NA-an ták-ku ANŠU-in ku-iš-ki ta-a-i-iz-zi iš-ḫa-aš-ši-ša ga-ni-eš-zi na-an-za š-ku-wa-aš-ša-ra-an-pát da-a-i an-da-ṽa-aš-ši-kán 2-ki pa-a-i* 'Если кто-нибудь украдет быка или лошадь или..., или осла, и владелец найдет его, он берет его в сохранности и (он, т. е. «укравший») дает вдвойне'.

Примеры глагола в сочетании с *-kan*, характеризующие законченное, «всеохватное» действие KBo VI 34 III 9—11: *na-an kán DUMU^{LU} ULU.LU QA.DU DAM.[ŠU DUMU. ^{MEŠ}ŠU NUM]UN-ŠU pa-an-kur-ši-it iš-tar-na [ar-ḫa ḫar-ni]-in-kán-du* 'И пусть они уничтожат его, смертного, вместе с его женой, детьми, потомками и семьей!'; KUB XIII 9, 2: *ma-a-an ^{URU}ḫar-ni-in-k[u-u]n a-ar-pa-ma ^{URU}ḫa-at-tu-ši [ú-wa]-nu-un nu-kán DINGIR^{MEŠ} aš-ša-nu-un* 'Когда я уничтожил город, я возвратился в Хаттусу и богов (т. е. 'статуи') установил'.

Семантическая связь *-kán* с демонстративной частицей **k* остается не до конца понятной⁴⁹ (ср. типологически сходное аспектуальное значение у превербов, исторически являющихся указательными местоимениями или наречиями, в германских языках).

В лидийском языке частица *ak-* используется в функции соединительной частицы (ср. хет. *nu, ta, šu*) или союза; напр., 17, 1—3 *ak-it qis[esva]v antolav fēnslibidvkatsarlokid* 'кто эту часть гробницы испортит, (того) уничтожит (?)'.

***kī-, *kā-** 'этот' (см. предыдущую статью): хет. *ka, ki* 'этот'; пал. *ka-, ki-* 'этот'; лик. *ki* 'этот' // и.-е. **kī-, *kē-, *k(e)i-, *k(i)jo-* 'этот' : арм. *-s* (артикл), др.-инд. *-s, ast-* 'здесь', греч. **kē* в *καίνοσ, ἐκαίνοσ, (ἐ)καί* 'там', лат. *ce: cedo, hi-c,*

⁴⁸ См. о функции и семантике хет. *-kán*: P. Josephson. The Function of the Sentence Particles in Old and Middle Hittite. Uppsala, 1972. О сопоставлении по функциям хет. *-kán* и лув. *-tta* см. там же, а также А. А. Копелев. Хетто-лувийские языки // Языки Азии и Африки. Т. 1. М., 1976. С. 24.

⁴⁹ О. Карруба (см.: O. Carruba. Die satzeinleitende Partikeln in den indogermanischen Sprachen Anatoliens. Roma, 1969) выводит *-kán* из преверба *kat-tar*, однако такая точка зрения представляется неоправданной.

his-ce, si-c, illī-c, illū-c, nun-c ‘сюда, здесь’, гот. *himma* ‘huic’, *hina* ‘hunc’; лит. *šis*, ст.-слав. *сь* ‘этот’ (Рок. 609 ff.).

В парадигме хеттского указательного местоимения, как и палайского, основы *ki-* и *ka-* распределены морфологически: ср. хет. им. общ. ед. ч. *kāš*, мн. ч. *kē, kūš*; вин. общ. р. ед. ч. *kūn*, мн. ч. *kūs* им.-вин. ср. р. *kī, kē*, мн. ч. *kē, kī*, род. ед. ч. *kēl*, мн. ч. *kēnzan*, дат.-мест. ед. ч. *kēdani*, мн. ч. *kēdaš*, абл. ед. ч. *kez(za)*, мн. ч. (?) *kizza*, INSTR. ед. ч. *kēt*⁵⁰.

Основное значение *kā-* в хеттском — это значение указательного местоимения, например, KUB XXIX 4 Vs II 13: *nu-uš-ša-an ki-i ḫu-u-ma-an pi-di ḫa-an-da-a-an-zi* ‘Затем они устанавливают все это на (своем) месте’; KUB XXI 38 15—16: *nu-mu-kán DINGIR.LIM ku-iš ki-e-da-ni pi-di ti-it-ta-nu-ut nu-mu-kán Ú-UL ku-it-ki ši-ṽa-ri-ja[zi* ‘Бог, который меня поставил на это место, ни в чем мне не отказывает’; в значении демонстратива «вот»: KBo XVI 61 15: *nu ka-a-aš MU.VII. KAM ku-i-ta-aš A-NA LÚMEŠ SI[PAD EGIR-an* ‘вот уже седьмой год, с тех пор как это (?) вернулось к пастухам’. Хет. *kāš* употребляется в конструкции *kāš ... kāš* ‘один — другой’, напр., KUB XXIX 16 IV 34—36: II КАК ZABAR *na-aš-kán ŠA É DINGIR LIM Éḫi-i-la-aš KA-aš an-da I-EN ki-e-iz I-EN-ma-ki-e-iz ṽa-la-aḫ-ḫa-an-za* ‘(Затем они берут) два бронзовых гвоздя и вбивают их в двери храма, один с одной стороны, другой — с другой’. Конструкция *kāš ... kāš* может быть и неопределенное значение, как в примере KBo III 7 I 12 21—22: UM-MA ^d*I-na-ar* ^m*Hu-u-pa-ši-ja ka-a-ša-ṽa ki-i-ṽa ki-i-ṽa ut-tar i-ṽa-mi* ‘говорит Богиня Инора Хупасийе: я сделаю то-то/что-нибудь’; *ara ... ka ...* имеет регулярное значение ‘тот — этот’, ср. конструкции KUB XXXIII 118, 24 *a-pi-e-ed-pa-an-ta-la-az* ‘с этого момента’ (BoTU 23 A II 34) *ki-i-ed-pa-an-ta-la-az* ‘с того момента’ (документ Телипинуса).

Хет. *ki/a-* встречается в целом ряде образований наречного характера (см. выше, *kēd*), напр., *kēdani* ‘затем, после этого’, напр., KUB XIII 4, 2.43: *ki-e-da-ni-ṽa-ra-at-ši A-NA EZEN x ŠE SUM-ir ku-ut-ru-ṽa-aš-ši* ‘И после этого пусть свидетели сядут’; *keda* ‘так’ BoTU 10 11: 5 *ke-e-da-am-mu a-pa-a-aš i-iz-zi* ‘и он обошелся со мной так’; *kiššan* ‘так’ (ср. оск. *e-kss* ‘так’, с удвоением *s*, как в хеттском), напр., Mušiliš Sprachlähmung Vs 31: MUŠEN.ḪI.A-*ma-za ki-iš-ša-an ṽa-ar-nu-ut* ‘птиц она (жрица) сжигала следующим образом’. Основа *ki-* представлена также в хет. *kinun* ‘теперь’, представляющим собой сложное образование *ki-*nun* (см. Рок. 609 ff.) (ср. хет. *nu* ?#? и.-е. **n-*, **nun*, лат. *nun-c* ‘теперь’), напр., Bo 6069/421 (легенда об Аппу), Vs I 29, 30: *(nu-)ṽa ki-nu-un kat-ta e-ip-ta* ‘теперь он обхватывает (меня)’. (В связи с другими возможными

⁵⁰ См.: *H. Ten Cate. The Ending -d of the Hittite possessive pronouns // RHA. 79. 1966. P. 123—133; F. Josephson. The Ironominal Adverbs of Anatolian: Formation and Function. Ibid. 133—155; H. Kronasser. EHS. S. 160.*

рефлексами **kālī* см. статью о рефлексах и.-е. частицы-клитики **ke* в хеттском *-kan*, лид. *ak*.)

kalla-*, **kle-* ‘призывать; заклинать’: хет. *kalleš-* ‘звать, зазывать’, *kallar(-)* ‘колдовской, зловещий’, лув. **\\ (клинопись!! см. оригинал) *gallar* ‘id.’, *kiklima-* ‘призывать’; лик. *kleima* ‘слава’ // и.-е. **kel-*, **k_(e)lē-*, **k_(e)lā-*, ‘кричать, звать; шуметь’ (Рок. 548 ff.): др.-инд. *kalakala-* ‘беспорядочные крики; шум’; греч. *καλέω* ‘кричу, зову’, *καλέωμαι* ‘взываю, молю’, лат. *calō*, *aīe* ‘взываю’, *clāmō* ‘кричу’; д.-в.-н. *halōn* ‘кричать, звать’; лтш. *kaluot* ‘болтать’; прусск. *kaltzā*, *kelsāi* ‘звучать’ (лит. **kalsōti*); ст.-слав. **КЛАКОЛЪ**.

Хет. *kalleš-* обычно употребляется в значении ‘зывать, заманивать’ — применительно к божеству, часто — подземного мира⁵¹, ср. инфин. *I kal-li-eš-šu-ua-an-zi* ‘(к божествам) звать’ (КВо X 45 I 38: ритуал, обращенный к божествам Нижнего мира); KUB XVII 5 Vs 5—6 (Миф об Иллуянке): *na-aš-ta^{MUS} il-lu-ia-an-ka-[an] ha-an-te-eš-na-az ša-ra-a kal-li-iš-ta* ‘и змея Иллуянку из логова он наверх стал вызывать’.

В качестве непосредственной параллели хет. *kalleš-* кроме следов основы на **-s-* в древнегреческом (*καλεσ-αι*)⁵² уже приводились прусские формы *kaltzā*, *kelsāi* ‘звучать’⁵³, также содержащие суффиксальный элемент **-s-*. Чистая глагольная основа **kalla-*, **klē-* в анатолийском не сохранилась.

В лувийско-ликийской группе известны формы с суффиксом *-m-* (лув. *kiklima-* < **ki-klē-m-o-* ‘призывать’, мил. *kleima* ‘слава’)⁵⁴, сопоставимые с лат. *clāmō*, др.-англ. *hlimman* ‘кричать, звать’ и др. Суффикс **-m-* (несомненно, причастного происхождения) в исторический период переосмысливается уже как часть основы и может сочетаться с продуктивным суффиксом причастий *-m(i)-*, ср. лув. причастие *ki-ik-li-ma²-i-me-en-zi* ‘призванные (т. е. ‘посвященные божеству’): KUB XII 1 IV 26 — инвентарь, включающий описание культовых предметов. Существенно, что, как и в хеттском, лув.-лик. производные от **kle-i-m-* нередко появляются в контекстах ритуального характера,

⁵¹ В отличие от семантически более нейтрального хет. *halzai-* ‘звать, призывать’.

⁵² Вяч. Вс. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковая системы. М., 1965. С. 168 и примеч. 120. О греческом см. F. Kuiper. Beiträge zur griechischen Etymologie und Grammatik // Glotta. 1932. Bd. 21. Hft. 3—4. S. 285 (реконструируется праформа **qll-és*, разительным образом сходная с хеттской и отражающая ту же закономерность, что и другие архаические глагольные «биномы» с нулевой огласовкой безударного корня и ударением на суффикс, которые могут передавать очень древние соотношения, ср. Гамкрелидзе-Иванов. С. 225, 261, примеч. 1).

⁵³ В. Н. Топоров. Прусский словарь. I—К. М., 1980. С. 182 сл.

⁵⁴ О значении этого термина см.: А. А. Королев. ХЛЯ. С. 88. Сопоставление с и.-е. **kleu-* предполагало бы слишком большие фонетические изменения.

ср. мил. TL 44 с 55—60: *xradi ... trujele : mēmi mavili kleimedi: alβānalax :*) ‘предрекает’⁵⁵ ... милийцам (букв. ‘труйцам’) на малийском языке славу жрецу’⁵⁶.

Функционирование хет.-лув. **kalla-*, **klē-* в ритуальной сфере обусловило сохранение (или развитие) у его производных специфического значения, связанного с магией, колдовством. Это хет. *kallar* (-); ‘неблагоприятный; зловещий, колдовской’ (им.-вин. пад. ед. ч. *kal-la-ar*, также *gal-la-ar*, мн. ч. *kal-la-a-ra-ja-kán*); *kallaratar* ‘несчастье, рок’; *kallareš-* ‘становиться неблагоприятным, злым’. Именно эта активная ритуальная соотнесенность отчетливо противопоставляет хет. *kallar* (лув. *ga-lar*) таким прилагательным, как хет. *marša-* ‘плохой (по качеству), фальшивый’, *huцappa-* ‘плохой, злой’ и *idalu-* ‘плохой (в широком смысле)’.

Формально хет. (-лув.) *k/gallar* образовано по той же модели, что и греч. *τέμνω* ‘граница; предел’; ср. еще греч. (Hesych.) *κέλω* · *φονή*.

**kank-* ‘висеть’ хет. *g/kank-* ‘висеть; взвешивать’, *gankuцar* ‘вес’, *kankur* ‘сосуд для вина’, лув. *g/kangati* ‘висеть’ (прич. *gan-gataimi-* < **kankatai-*) // и.-е. **ke/onk-* ‘качаться; висеть’ (Рок. 566): др.-инд. *śáṅkatē* ‘колеблется’; лат. *cunctor* ‘медлительный’ (< *concitor* < прич. **concito-* < **conco*); гот. *hāhan* ‘висеть’; д.-в.-н. *hengēn* ‘висеть’.

Глагол *hi-* спряжения *g/kank-* появляется уже в древнехеттских текстах, ср. КВо III 27 10.12 (Указ. Телепину) *kán-kán-du*, 3 л. мн. ч. императ. ‘пусть повесят’. Варианты 3-го лица ед. ч. презенса *ga/ka-an-ki* (ритуал, KUB IX 1 II 1) и *ga-an-ga-i* (ритуал, KUB VII 60 II 6), а также формы типа 1 л. ед. ч. претерита *ga-an-ki-ja-nu-un* (45/q IV 23) свидетельствуют о наличии у данного глагола, наряду с атематической, также основы на *-i*. Элемент *-u-* в *ka-an-gúr* ‘сосуд для вина’ (отл. пад. ед. ч. *ka-an-gúr-az*) может быть интерпретирован и как самостоятельный суффикс (в таком случае можно говорить о чередовании основ *kank-/kanki-/kanku-*, сходном с *park-/park-/parku-* ‘высокий’ и др., и как результат развития слогового сонанта **r*. Первая точка зрения более

⁵⁵ Индийский ритуальный термин *xra-/qre-* ‘изрекать, предрекать’ содержит тот же корень, что и мил. *q/xrbbla* ‘святилище; алтарь’ (< **har-b-*). Происхождение этого слова неясно, индоевропейские параллели отсутствуют. Представляют интерес данные внешнего сравнения: урал. *arpa-* ‘колдовать; волшебное орудие колдуна’, алт. *arba-* ‘колдовать’, семит. *’rb* ‘быть хитрым, предусмотрительным’ (‘колдовать’): nostr. *’arba* ‘колдовать’ (Иллич-Свитыч. I. С. 261 сл.). Ностратическая фарингальная фонема *’* отражена в анатолийском как ларингал, ср. нотср. *’asa* ‘огонь’: и.-е. **hes-* ‘очаг; сушить’: хет.-лув. **hasa-* ‘очаг’. В то же время отсутствие лабиального суффикса у глагола *zra-/qre-* пока не может быть объяснено.

⁵⁶ К хет.-лув. **alu-* ‘молитва, заклинание’. О хеттском *aluzanza-* см.: J. Puhvel. Hittite Etymological Dictionary. Berlin; New York; Amsterdam, 1984. P. 43 ff.

предпочтительна (конечный **-r* в хеттском обычно развивается в *-ar*); последовательность *-u-r* сопоставима с суффиксами, выделяемыми, например, в лат. *nocturnus* 'ночной' < **noctu-r* (ср. *noctu-a*) или лит. *visūr* 'все' (*u*-основа, как и др.-инд. *viśva-*)⁵⁷.

Наряду с *kunkur* в хеттском встречается обозначение 'сосуда для вина' *gangati*. Такая интерпретация хет. *gangati* с очевидностью следует из контекста KUB IX 6 + XXXV 39 Vs II 20—22⁵⁸: *nu IŠ-TU ga-an-ga-ti GEŠT[IN] iš-ta-na-ni EGIR-pa A-NA DINGIR^{MES} me-na-aḫ [-ḫa-an-da] pa-ap-pár-aš-ki-u-ṣa-an-da-a-i* 'и вино из сосуда на жертвеннике вновь перед богами начинает разбрызгивать'.

Апеллатив *gangati* содержит дентальный суффикс, который представлен в лувийском (отыменном?) глаголе, в конечном счете восходящем к **kank-*, сохранилось 3-е лицо ед. ч. презенса *kán-ga-ti-ti*⁵⁹. Формы с суффиксом *-t* исторически являются причастными, ср. лат. *cunctor* 'медлительный' < **concito-r*. Лувийское причастие с суффиксом *-mi-* *gangataimi-* (ритуальный текст, KUB XXXV 67 Vs II 2, 6): *ga-an-ga-ta-im-mi-iš a-aš-d[u]*, *ga-an-ga-ta-a-im-ma-an a-a[š-du]* 'взвешен/о (подвешен/о) пусть будет!', несомненно, связано с корнем **kank-*; это подтверждается, помимо формальных соображений, наличием в следующих строках текста апеллатива *ga-an-ga-ti*, обозначающего предмет, с которым жрица производила символические действия (возможно, весы?). В соответствии с широко распространенной в хетто-лувийских ритуалах системой ассоциативных представлений, качество или состояние «ритуально чистого» предмета (здесь — *gangati*) жрица «переносит» на предметы, требующие очищения (*ḫal-ma-aš-šu-ú-it-ti-iš* 'трон', *ḫa-aš-ša-ni-it-ti* 'очаг' и др.), называя их производным от обозначения этого предмета⁶⁰.

**kar-s/t-* 'резать': хет. *karš-* 'отрезать, нарезать', *kartāi-* 'устранять, удалять'; лув. *karš-* 'отрезать, нарезать'; пал. *karš-* 'id.'; лид. *fa-kars-* 'разрушать' //

⁵⁷ H. Kronasser. EHS. S. 277.

⁵⁸ Иначе у Фридриха: HW. S. 98.

⁵⁹ Мнение Лароша о хурритском происхождении этого глагола (DLL. P. 54) никак не аргументировано; в любом случае, едва ли возможно отделить его от хет. *g/kank-*, семантическая и формальная близость с которым представляется бесспорной. Поэтому надо либо придерживаться идеи об индоевропейском происхождении хет. *g/kank-* и всех слов, производных от него (на чем мы настаиваем), либо эту идею в целом отвергнуть.

⁶⁰ Н. А. Мкртчян сопоставляет хет. *gangat-* с армянским *gongatel* 'жаловаться; шептать; сетовать' (Редупликация глаголов в хеттском и армянском. С. 81) и интерпретирует хеттский глагол как 'исповедоваться'. Предлагаемое им значение не подтверждается контекстами (см. выше). Нет никаких сомнений, что упоминание в ритуалах сосудов рядом с глаголом *gangatāi-* не может быть случайным.

и.-е. (*s*)*ker* ‘отрезать’ (Пок. 938 ff.), с дентальным суффиксом **ker-t* : др.-инд. *kṛntāti* ‘отрезает’; алб. *kjēth* (**kerto*) ‘стригу’; с суффиксом *-s* **ker-s* : греч. *κερσώω* ‘стригу’; тох. А *kärst-*, В *kärst-* ‘отрезать; разрушать’.

Хет. *karš-/karšija-* означает ‘отрезать, срезать’ и переносно — ‘прекращать’, в медиопассиве — ‘прекращаться, переставать’, ср. KUB XXVII 16 I 9 ff. (описание праздника Иштар): *nam-ma* ^{GIŠ}*IN-BI* ^{HLA}*la-a-ap-pi-ja-an[-zi ?* ⁶¹ *ni ma-a-an ha-meš-ja-an-za na-at mi-ja-an [ar-ja ?? [ka]r-ša-an-da* ‘затем плодовые деревья они ...т, и когда (наступает) весна, и они (плоды) созревают, (их) срезают’; KUB VIII 19 I 15 f. (текст гаданий) *he-e-u-e-eš [ka-i]i-iz-za-aš-ša kar-aš-ša-a-n-da ?*] ‘дожди и наводнения прекратятся’.

Родственный хет. *karš-* глагол *karbāi-* (ср. 1 л. ед. ч. прет. *kar-ta-a-nu-un*) используется в более отвлеченном значении ‘устранять; удалять; отделять’, которое, несомненно, выводимо из ‘отрезать’ ⁶². Варьирование основ с сибилантным и дентальным суффиксами достаточно распространено в анатолийском, ср. хет. *takī-* ‘связывать, соединять’ : лид. *taqt-* (см. соответствующую статью), хет. *parš-* ‘ломать’ : *partai-* ‘делить на части’ (лув. *parta-* ‘сторона; часть’) и др.

Не вполне ясно морфологическое соотношение хет. *karš-* ‘отрезать’ и прилагательного *karši-* ‘беспрепятственный; свободный’. Исходный корень в хеттском, как и в других и.-е. языках, был, очевидно, глагольным, а соответствующее прилагательное (возможно, первоначально — адverb при более обычном противоположном направлении развития) могло оформиться по одной из наиболее распространенных моделей прилагательных на *-i-* типа *šalli-* ‘большой’, *mekki-* ‘многочисленный’ и др.

Лув. *karš-* (в форме причастия *kar-ša-am-mi-iš* и инфинитива *kar-šu-na*) встречается в ритуальных текстах обычно рядом с причастием *ku-ra-am-mi-iš* (< **ku(e)r-* ‘отрезать’, см. соответствующую статью), но также и самостоятельно, ср. KUB XXXV 21 Vs 3—4 (ритуал *šalli aniur*) : *ha-la-a[-li-iš t(a-lu-up-pi-i)š] ka[r-ša-]am-mi-iš* ‘(ритуально) чистый кусок хлеба нарезан (на части)’.

Пал. *karš-* засвидетельствовано в форме императива 3 л. мн. ч. *kar-ša-an-du* (KUB XXXV 159 Vs II 8’) в очень поврежденном контексте ⁶³, где не сохранились ни субъект, ни объект этого глагола.

⁶¹ Авторы Чикагского словаря хеттского языка (*H. Güterbock, H. Hoffner. The Hittite Dictionary. Vol. 3. F. 1. Chicago, 1980. P. 45*) полагают, ‘что это — ошибочное написание вместо *kar-ap-pi-ja-an[-zi?]* ‘они поднимают’ (ветви?), что более вероятно, чем гапакс **lappiānzi*, так как имя *lappiā-* имеет мало подходящее здесь значение ‘жар; горящая лучина, головня’ (ibid.).

⁶² *H. Kronasser. EHS. S. 473.*

⁶³ Высказывалось даже предположение (ничем, правда, не подтвержденное), что это может быть не палаяская, а хеттская форма: *O. Carruba. Das Palaische. Texte,*

В лидийском известен префиксальный глагол *fa-kars-*, обозначающий какое-то «негативное» действие типа ‘разрушать’⁶⁴ (LW 24, 8): *bukmlis fakarsed qik* ‘или же он разрушит (?) что-нибудь’; не исключено также значение ‘отделять’ или ‘отрезать’, учитывая появление в одной из следующих строк апеллатива *qira-* ‘участок (земли)’, ср. хет. (Законы) *kar-aš-ši-i-iz-zi* ‘отделит’ (об участке).

**kar(a)ru(-)* ‘рано; раньше, прежде’: хет. *karū* ‘раньше, прежде; уже’, *karu(i)li-* ‘прежний’, *karuṣariṣar* ‘утро’: иер. *ruwan* ‘раньше’ // и.-е. **kor-u-* ‘ранний’: вед. *śarvarī-* ‘тьма; ночь’; (?) лат. *crās* ‘завтра’⁶⁵.

Хет. *karū* употребляется обычно как наречие, значение которого можно описательно передать как ‘предшествование моменту речи’. В конкретных языковых ситуациях это значение реализуется как ‘уже’, ‘раньше’, ‘до тех пор, пока’ и т. п., ср. KUB II 11 Rs 9: [*ki-n*]u-un-ma-an ka-ru-ú ZAG-an ḫar-mi ‘до сих пор он (мой путь) был удачен’⁶⁶ (соотнесенность с моментом речи фиксируется наречием *kinun* ‘(по)ныне’); KUB VII 53 + KUB XII 58 I 39—40: *ku-e-it-ma-an-ma SAL.ŠU.GI ki-e da-aš-ki-iz-zi EGIR-an-ma-aš-ša-an ÍD-i pí-ra-an*^{GIŠ}ZA.LAM.GAR^{III.A} ŠA GI ka-ri-ú i-ia-an-ta ‘но когда жрица «Старая женщина» эти (вещи) берет, у реки тростниковые навесы уже сделаны.’

От наречия *karū* образовано прилагательное *karu(i)li-*⁶⁷ ‘прежний, старый’, ср. *karuileš šiu-neš* ‘прошлые боги’ (= греч. *πρότεροι θεοί*)⁶⁸. Отложительный падеж от *karuili-* используется как обстоятельство времени ‘с давних пор, издавна’, ср. KUB XIII 2 III 11: *ka-ru-ú-li-ja-az-ja [ma]-aḫ-ḫa-an KUR.KUR-kán an-da ḫu-ur-ki-la-aš iš-ḫi-ú-ul i-ja-an* ‘и с давних пор, когда в странах договор относительно преступлений заключен...’.

Хет. *ka-ru-ú-i-li-ja-at-ta* ‘раньше, прежде’ М. Фридрих предложил интерпретировать как дательно-местный падеж существительного с суффиксом

Grammatik, Lexikon. Wiesbaden, 1970. S. 33; но ср. А. Камменхубер. Очерк палайской грамматики // Древние языки Малой Азии. М., 1980. С. 214.

⁶⁴ R. Guarni. LW. S. 119.; O. Carruba. Lydisch und Lyder // MIO. 1963. 8. Hft. 3. S. 14.

⁶⁵ См.: J. Weitenberg. U-Stämme. S. 116.

⁶⁶ F. Sommer. Die Ahhijava-Urkunden. ABhBAW. NF. 6. 1932. S. 247.

⁶⁷ Ср. аналогичные формы о *i* и без *i*: *lu-ú-i-li/lu-i-li* (U-Stämme. S. 115; H. Güterbock, H. Hoffner. The Hittite Dictionary (далее — Chicago Hittite Dictionary). Vd. 3. F.1. Chicago, 1980. P. 73.

⁶⁸ См.: M. L. West. Hesiod Theogony. Oxford, 1966. P. 301; *Idem*. Early Greek philosophy and the Orient. Oxford, 1971. P. 50 ff.; E. Laroche. Glossarie de la langue hourrite. Ire partie: A—L // RHA. 1976. T. 34. P. 47; Вяч. Вс. Иванов. Древние культурные и языковые связи южнобалтийского, эгейского и малоазийского (анаатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 36.

Слово *kəramā* в других контекстах не обнаружено⁷⁸, но совпадение как значения, так и формы делает эту этимологию несомненной.

Хет. *kalmi-*, *kalmi-šana-*, *kalmu-* в более широком смысле представляет собой ритуальный символ бога Грозы, типологически сходный с др.-инд. *vájra* 'ваджра' и в этом плане вполне отождествимый с хет. *kalmu-* как ритуальным символом царя⁷⁹.

Регулярное появление хет. *kalmu-* в ритуальных текстах, связанных с символикой плодородия, позволяет возвести к данной основе и лид. *qa m u-* 'царь' (< **kalm-su-*) с семантическим развитием, аналогичным хеттскому *haššu-* 'царь' при *haš-* '(по)рождать'.

kēr-/kard-* 'сердце; сердцевина': хет. *kir*, *kardi-* 'сердце', *karat-* 'внутренность', *karti-miia-* 'сердиться'; пал. *kart-* 'сердце'; мил. *kri-desi* 'дружественный'; лид. *karda-* 'доверять (?)' // и.-е. **kērd-*, **k̑rd-* 'сердце' (Рок. 579 ff.) : арм. *sirt* (kērdi-*) 'сердце'; греч. *κῆρ* 'сердце', *καρδια* 'сердце; желудок'; др.-ирл. *críde* 'сердце; сердцевина'; гот. *hairto* 'сердце'; прусск. *seyr* (< **kērd-*) 'id.', и т. д.

Хеттское корневое имя *kir* (< **ker*, ср. с той же ступенью вокализма греч. *κῆρ*, прусск. *seyr* 'сердце') синхронно противопоставляет основу прямых падежей без дентального элемента основе косвенных падежей с нулевой огласовкой и суффиксом *-d-*, ср. др.-хет. им.-вин. пад. ед. ч. *gi-ir-ši-it* 'его сердца' (НАВ. S. 96), им.-вин. пад. мн. ч. *ki-ir-ša-ma-it* 'ваши сердца' (исторический текст, КВо VIII 35 II 21), но род. пад. ед. ч. *kar-ta-aš*, твор. пад. ед. ч. *kar-dt-it* и т. д. В парадигме *kir* : *kar-d-* (структурно соответствующей парадигме хет. *pir* : *par-n-* 'дом') можно видеть следы старше гетероклитических чередований, различные типы которых широко распространены в хеттском⁸⁰.

В хеттском представлена также основа *k(a)rat-* (к и.-е. **k̑(e)r(e)d-*): им. пад. ед. ч. *ka-ra(-a)-az* (-*t-s*)⁸¹, мест. пад. ед. ч. *kar-ta* (НАВ. III. 58), отл. пад. ед. ч. *kar-ta-az* (KUB XXXI 127 III 10), им. пад. мн. ч. *ka-ra-a-te-eš*⁸². Особенностью основы *kar(a)t-* в хеттском является ее принадлежность к числу имен существительных общего (несреднего) рода в отличие от родствен-

⁷⁸ Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Heidelberg, 1904. S. 459.

⁷⁹ В. Г. Ардзинба. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. С. 102 сл. О хет. *kalmu-* в свете балтийских данных см.: В. Н. Топоров. Прусский словарь. I—K. М., 1980. С. 171 сл.

⁸⁰ Использование деятельного суффикса характерно для архаических и.-е. имен типа др.-инд. *yak-r-t* 'печень' (где этот суффикс присоединяется к гетероклитическому элементу), см., в частности, Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955. С. 209 сл.

⁸¹ Ehelolf. ZANF. Bd. 9. S. 176; НАВ. S. 94 f.

⁸² Friedrich. Staatsverträge. II. S. 147.

ных слов среднего рода в других индоевропейских языках. Вместе с тем эта основа только в некоторых случаях имеет значение «сердце», в других же случаях несомненно значение «внутренности, чрево» (ср. значение «сердцевина, средоточие» у слов того же корня в других и.-е. языках), например, *ma-a-am-mu-kán an-na-az kar-ta-az* DINGIR-IA GUL-aš-ta (гимн Солнцу, KUB XXXI 127 III 10) 'когда ты (это) мне, мой бог, предназначил (еще) из чрева матери'⁸³.

Хет. *k(a)rat-* входит в словосочетание *karatan dāi* 'вложить сердцевину' (ср. семантику др.-ирл. *críde* и др.). В древнехеттской повести о детях царицы Канеса (КВо XXII 2 I 16) говорится: *nu-uš-ma-aš* DINGIR^{DIDL}-eš *ta-ma-i-in ka-ra-a-ta-an da-i-ir* 'и им (братьям) боги другую сердцевину вложили' (и далее в тексте сообщается, что их не узнали ни их мать, ни сестры); здесь очевидно восприятие *kar(a)t-* как внутренней сущности человека, изменение которой ведет к изменению всей его личности⁸⁴.

Наряду с **kard-* в хеттском, как и во многих других индоевропейских языках, представлена основа, образованная от **kērd-* с помощью суффикса **-i-*. Основа *kardi-* в хеттском появляется в форме родительного падежа *kardijaš* '(чьего-либо) сердца', часто употребляющейся в переносном значении '(чьего-либо) желания', 'желанный, любимый', ср. КВо III 34 III 17 (древнехеттские дворцовые хроники): *ki-i kar-di [-ja-aš-ša-a]š* DUMU^{MEŠ} *e-še-ir* 'эти (= 'они') были его любимыми детьми'. Известно также фразеологическое выражение *kardijaš ija-* 'делать согласно (чьему-либо) желанию', ср. КВо III 7 I 25—26 (мифологический отрывок): *n]u-ua ú-ua-mi kar-di-aš-ta-aš-ta-aš i-ja-mi* 'и я приду (и) сделаю то, что ты пожелаешь'. Ср. еще производные *kardi-mija-* 'гневаться, сердиться' и *kardimijat-* 'гнев'⁸⁵ (ср. русск. *сердиться* : *сердце*⁸⁶). Употребление *kardi-* и его производных свидетельствует о том, что, в отличие от *k(a)rat-*, служившего в хеттском языке главным образом анатомическим термином, основа *kardi-* получила дополнительные значения, связанные с пониманием сердца как средоточия желаний, чувств.

⁸³ *annaz kartaz* — партитивная аппозиция (букв. 'из матери, из чрева'); см.: J. Friedrich. Zum hethitischen Lexicon // JCS. 1947. Vol. 1. № 4. S. 283.

⁸⁴ О хет. *kar(a)t-* (идеогр. ŠÁ) см.: A. Kammenhuber. Die hethitische Vorstellung von Seele und Leib, Herz und Leibesinneren, Kopf und Person // ZA. 1964. Bd. 22. S. 164 ff. О выражении SA-it šakk- см. C. F. Justus. Semantic and Syntactic Aspects of 'Knowing in one's Heart' // FS A. Kammenhuber. 1983. P. 107—115.

⁸⁵ О связи этого слова с *kardi-* см.: E. Laroche. Recueil d'onomastique hittite. P., 1952. P. 135.

⁸⁶ Ср. также отмеченную Педерсеном семантическую параллель в албанском: H. Pedersen. Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. København, 1938. S. 40.

В значении, близком хет. *kardiiš-taš* (род. пад. ед. ч.) *тебе по душе, по сердцу' в палайском засвидетельствована партитивная аппозиция *tū kār̄ti* букв. 'тебе, сердцу', ср. KUB XXXV 165 Vs 15: *ku-i-ša tu-ú u_u-[la]-a-ši-na-aš ka-a-ar-ti* 'какой тебе хлеб по сердцу...'

Мил. *kridesi* (< **kṛd-e-si*)⁸⁷ 'дружественный' выступает в качестве определения к топонимам *kāzbi* *χάζβι* и *tuminesi* *τουμεσσις*.

Не исключено, что к рассматриваемой хет.-лув. основе относится и лидийская глагольная форма *kardal* (3 л. ед. ч. претерита), которая встретилась в краткой надписи на терракотовой вазе (LW. 32): [*ralu-lis' kardal*'] ралулис...-л'. Здесь более естественно было бы ожидать глагола со значением 'сделал' (из иранск. **kard-* < **kṛ-ta-*?) или 'подарил'. Последнее можно было бы представить как результат развития семантики 'сердце; расположенность', хотя параллели в других и.-е. языках не обнаружены).

Внешние связи и.-е. **kērd-* (ср. картв. *m-kerd-* 'грудь') ранее рассматривались как свидетельство ностратического характера этой основы⁸⁸. Отсутствие родственной лексики в других семьях ностратических языков заставляет отнести это слово к довольно многочисленной группе индоевропейских заимствований в южнокартвельском, восходящих к праязыковому уровню. Предполагается, что и.-е. **kērd-* и ряд других слов могли проникнуть в картвельский в результате его древнейших контактов с некоторыми и.-е. диалектными объединениями в определенном ареале Ближнего Востока. Учитывая семантику хет. *k(a)rat-* 'сердцевина, чрево' как 'вместилище' (ср. выше, *annaz kartaz*) при более обычном значении 'сердцевина' как 'содержимое' в других и.-е. языках⁸⁹, можно предположить, что этими древними и.-е. диалектами были анатолийские.

**ki-* 'лежать': хет. *ki-* 'лежать'; пал. *ki-* 'id.' // и.-е. **kei-* 'лежать': др.-инд. *śéte* 'лежать'; греч. кипр. *κειτοι*.

Хеттский корневого атематический глагол медиопассивного спряжения *ki-* обозначал 'находиться, лежать' и вследствие неконкретности, обобщенности своей семантики широко употреблялся с различными превербами типа *anda ki-* 'быть вложенным', *piran ki-* 'лежать впереди', *kattan ki-* 'находиться под чем-л.' и др., ср. (КВо V 3 III 43, *Ḫuqq.*) *ŠAPAL (= kattan) NI-IŠ DINGIR-LIM-ī[a]-at-ta ki-it-ta-ru* 'пусть это будет поставлено под присягу для тебя'; ср. еще

⁸⁷ Лик. *ri* < **r*, ср., например, мил. *zriq/gali* 'воин' < **srh-* 'нападать' (см.: Л. С. Баюн. Позднеанатолийские языки как источник по хетто-лувийской дописьменной истории // ВДИ. 1980. № 2. С. 15.

⁸⁸ В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. I. С. 324 сл.

⁸⁹ Возможно, кроме славянского, ср. ст.-слав. *сръѣда мѣсон*: Фасмер. III. С. 607.

др.-хет. текст договора KUB XXXVI 109 I 11: *li-in-ki-ia ka-at-tan ki-i-ia* 'под присягой находится' (о форме *kija* см. ниже).

Парадигма хет. *ki-* представляет исключительный интерес с точки зрения сравнительно-исторической глагольной морфологии. Форма 3 л. ед. ч. презенса *ki-it-ta* 'лежит', как показал Вернер⁹⁰, полностью тождественна др.-инд. *śéte*, авест. *saēte*, греч. имперф. *κειτο*, кипр. през. *κειτοι* < **kei-to*, **kei-toi*. К хронологически более раннему слою относятся формы типа др.-хет. 3 л. ед. ч. през. *ki-i-ia*, др.-инд. *śáy-e* (вторичн. *ásayat*) < **kei-o*, **kei-oi*⁹¹.

Древность хеттской дублетной медиопассивной формы *ki-it-ta-ri* (3 л. ед. ч. през. < **kei-to-r-i*) удостоверяется палайским медиопассивом *ki-i-ta-ar* (< **kei-to-r*)⁹², обе формы восходят, по крайней мере, к древнеанатолийскому. Важно еще раз подчеркнуть, что хеттские медиопассивные формы *kitta/kattari* отражают состояние, из которого могли развиваться как греко-индо-иранский, так и итало-кельтский тип медиопассива⁹³.

[Следует особо остановиться на лик. А 3 л. през. *sijēni* 'покоится', сопоставленном Педерсеном с хет. *ki-* 'лежать', греч. *κει-*⁹⁴. Принятие этого сопоставления означает признание ликийского А сатемным языком, однако это не подтверждается фактическим материалом и общеязыковыми соображениями. В близкородственном ликийском А миликийском есть вполне надежные примеры отсутствия ассимиляции прилагательных, ср. мил. *kride-* 'сердце' < **kɹd-*, *ekāne* 'надгробная плита' (< **ek-/ak-* 'острый' 'камень') и др. Более того, в обоих диалектах известно числительное '12' — мил. *qñpātba*, лик. А *qñnakba*, где первая часть, несомненно, восходит к **d°kmt* (с упрощением начальной группы 'дентал + веллярный'). Не исключено, что лик. А числительное *kñmasñta* (*kñmas* + суффикс *-ñta*) обозначало '100'. Таким образом, за исключением гипотетичной формы *sijēni*, нет ни одного ликийского примера, который бы доказывал сатемный характер этого языка (как, впрочем, и других анатолийских языков)⁹⁵, поэтому, несмотря на семантическую близость *sijēni* и хет. *kitta*, принять это сопоставление невозможно.]

⁹⁰ R. Werner. OLL. 1953. № 5/6. S. 242.

⁹¹ См.: C. Watkins. Indogermanische Grammatic. Bd. III/I. Heidelberg, 1969. S. 85 f.

⁹² N. Oettinger. Die Hammildung des hethitischen Verbuns. Nürnberg, 1979. S. 525, 556; Вяч. Вс. Иванов. Глагол... С. 38, 54.

⁹³ См. подробно (с литературой): Вяч. Вс. Иванов. Глагол... С. 51 сл.

⁹⁴ H. Pedersen. Lykisch und Hittitisch. København, 1945. § 26. Это сопоставление было принято А. М. Десницкой (ВЯ. 1952. № 4. С. 46).

⁹⁵ Мы сейчас не останавливаемся на переходе **k̂* > *s* перед *u* в некоторых анатолийских диалектах; см. об этом ниже.

**kisa-* (< *-e-) 'чесать; царапать': хет. *kiša* (*i*)- 'чесать'; лув. *kiša-* 'id.' // и.-е. **kes-* 'царапать; скрести; чесать' (Рок. 585 f.); греч. *κεσῆιον* 'пакля; очес'; ср.-ирл. *cir* (< **kēs-rā*) 'гребень', ст.-слав. *češo, česati*.

Вследствие особой роли символики 'шерсти' и 'прядения' в системе представлений древних анатолийцев хет.-лув. **kisa-* 'чесать' широко используется в ритуальных текстах, ср. хет. ритуал Туннави KUB XII 26 II 1 ff.: ^DUTU-*uš-ua* ^DKam-*ru-ši-pa-aš-ša* UDU^{HI.A} *ki-iš-kán-zi* 'Бог солнца и Камрусепу овцам шерсть вычесывают'. Нередко в качестве объекта выступают не 'шерсть' или 'овцы', а какие-то другие значимые в ритуале предметы или понятия, ср. (Туннави, KUB VII 53 + XII 58 III 3) *nu-uš-ši-kán kat-ta ki-ša-an e-eš-du i-da-lu pa-ap-ra-tar al-ua-za-tar* 'и для него/для нее пусть будет «вычесано» зло, ритуальная нечистота, колдовство'.

Хет. *kiša(i)-* может также употребляться в значении 'причинять боль', 'мучать', ср. KBo I 30 Rs 14: *ŠA(G)-kán ku-iš an-da ki-aš-ki-iz-zi* 'кто скребет внутри (т. е. 'мучает') сердце'. Это значение (при исходной семантике 'чесать') обнаруживается в самых различных и.-е. языках, ср. словен. *česati* 'рвать, драть; скрести', чеш. диал. *česat* 'чесать, причесывать; бить'⁹⁶, греч. *κεάζω* 'раскалываю' (< **kesa-*), др.-инд. *śásti, śásati* 'режет, убивает' и др.⁹⁷

В лувийском в круг значений глагола *kiša-* входило также представление об 'окружении', 'проведении границы', ср. лув. заговор от болезней KUB XXXV 88 Rs III 13—17: *la-la-a-i-ua* [(IX-*un-za*)]^{GIŠ}GA.ZUM-*za* (...) *ki-ša-am-ta-an a-aš-du* SAG-DU-*za* GIG-*za* IGI^{HI.A}-*za* GIG-*za*[(a)]^{UZU}GEŠTUG-*za* GIG-*za*^{UZU}KA x U-*za* GIG-*za*^{UZU}*hu-ḫar-ta-*.[GIG-*za* ŠU^{HI.A}-*za* GIG-*za* nu ÚR^{HI.A}*hu-ut-ta-an-an-ta ir-ḫ* (-*a-a-iz-zi*)] '(Она) берет девять гребней. (...) (Все) «причесано» пусть будет: болезнь головы, болезнь глаз, болезнь ушей, болезнь рта, болезнь горла, болезнь рук; и все (эти) части тела (жрица) обводит (гребнями) (хет. *irḫaiz-zi*)', и, особенно, магический текст KUB XXXV 108 20: *a-ia-an-ni-iš ki-i-ša-am-m[i-iš]* 'борозда/межа проведена'⁹⁸.

Лув. *kiša-* — старый тематический глагол с корневым гласным в ступени редукции⁹⁹. Тематическую основу содержат и отдельные хеттские формы типа *ki-ša-a-an*, ср. *ka-at-ta ki-ša-a-an e-eš-du* (Tunnawi. P. 113) 'пусть (все зло) будет «вычесано!»' (< **kisá-*). В большинстве случаев, однако, используется основа *kišai-*, характерная для спряжения на *-hi*, хотя засвидетельствованные

⁹⁶ См.: Этимологический словарь славянских языков. Вып. 4. М., 1977. С. 85 сл.; В. Н. Топоров. Прусский словарь. I—K. С. 355.

⁹⁷ См. обширный материал по этому корню в статье: А. С. Мельничук. Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других и.-е. языков // Этимология. 1966. М., 1968. С. 194 сл.

⁹⁸ Лув. *aianni-* (лик. А *ejēti*) < **eḡh-en(t)-*.

⁹⁹ Лув. *i* может исторически восходить к **i*, **e*, **a*.

формы образованы по спряжению на *-mi*, ср. (Tunpawī. P. 115) *ka-at-ta ki-ša-a-iz-zi* 'причесывает' (ритуальную фигурку из глины).

Хет. именное производное ^{SIG}*kišri*- 'шерстяное изделие' образовано от атематической основы **kiš-* с суффиксом *-ri-* по модели хет. *etri* 'еда' < *ed-* 'есть', *ešri* 'образ, существо' < *eš-* 'быть'. Архаизм хет. *kišri* подтверждается сопоставлением с ср.-ирл. *cīr* 'гребень' < **kēs-rā* и др. (хетским именам с суффиксом *-ri* могут соответствовать имена с суффиксом **-ro/*-rā-* в других родственных языках). Сравнение хет. *kišri-* (*ki-eš-ri*) и ср.-ирл. *cīr*, хет. *etri* и лит. *ēd-ra* позволяет установить, что в именных основах на **-r-o-*, **-r-ā-*, соответствовавших хетским основам на *-r-i*, в некоторых индоевропейских языках гласный *e* был в ступени удлинения. Но поскольку в хетском за суффиксом *-r-* следовал другой вторичный суффикс (*-i*), данные образования могли быть не полностью тождественными, т. е. огласовка корня в хет. *kišri* могла отличаться от огласовки ср.-ирл. *cīr*.

Факты внешнего сравнения свидетельствуют о глубокой древности рассматриваемого корня, сопоставляемого с семит. *qš* 'скрести; обдирать', дравид. *kaṣṣ-* 'чесаться; чесотка'¹⁰⁰. По своей семантике индоевропейские формы ближе к древнеиндийским, что представляет интерес для проблемы соотношения восточно- и западно-ностратического ареалов¹⁰¹.

**ku*, **ki*, **ka* усилительная и соединительная частица: хет. *-kku*, *-ki*, *-ka* лув., пал. *-kuwa*, лув. *-ḫa*, иер. *-ha* (в сочетании с относительным местоимением **k^ui-*; лид. *-k* (в *qis-k*), лик. *-ke* в *it-ke* // и.-е. **k^ui-*; усилительная, соединительная, подчинительная¹⁰² частица): др.-инд. *ca*, авест. *ča*, др.-перс. *ča* 'и' (клитика); греч. *τε* 'и'; оск., умбр. *-p* в *q*, *nap* 'и не', лат. *que* в *neque*, *atque*, *quisque* и др. (Рок. 635 ff., см. также статью **k^ui-*).

Частица **ku-*, (**ki-*, **ka-*), по-видимому, является клитикой как на общехетто-лувийском, так и на общеиндоевропейском уровне (об этом свидетельствует регулярное расположение ее в безударной позиции)¹⁰³. Для рефлексов хетто-

¹⁰⁰ В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. I. С. 343 сл.

¹⁰¹ См.: Вяч. Вс. Иванов. О предполагаемых соотношениях между восточно-ностратическими и западно-ностратическими языками // Урало-алтаистика. М., 1985. С. 147 сл.

¹⁰² О возможности реконструкции функции, близкой к подчинительной, у и.-е. **-k^ue* см.: Indogermanische *q^we* als alte nebensatzeinleitende Konjunktion // WZ. 67. 1943. S. 1—5.

¹⁰³ См.: Рок. 635, а также А. Hahn. The Origin of the Relative *kwi/kwo* // Language. 22. 1946. P. 230—241; В. Durnford. Some Evidence for Syntactic Stress in Hittite // AS. 25. 1975. P. 5—20; С. Watkins. Preliminaries to a historical and comparative analysis of the Old Irish Verb // Celtica. 6. 1963. P. 1—50.

лувийского *ku-, *ki-, *ka- характерны следующие функции, восходящие к языку (интересно, что на общехетто-лувийском уровне варианты этой частицы, отличающиеся вокализмом, оказываются дополнительно распределенными):

1. Общехетто-лув. *ki-, *ka- и.-е. *k^ui/e- в качестве основного значения имеет значение усилительной частицы, сочетающейся с формами относительного местоимения *k^ue/i-, *k^uo-, ср. хет. *ku-iš-ki* 'кто-то', *ku-ṣa-pi-ik-ki* 'куда-то', *ku-e-da-ni-ik-ki* 'где-то', *ku-ṣa-at-ka* 'почему-то', лув. *ku-iš-ḥa* 'кто-то', иер. **hwas-ka*; лид. *qis-k* 'id.' в *u-k* 'или'; лик. *tike* (ср. употребление рефлексов и.-е. *k^ue- в других родственных языках в аналогичной функции: др.-инд. *kás-ca*, авест. *čiš-ca* 'кто бы ни', арм. -*k*', -*ok*', греч. *τε*, лат. *quom-que*, гот. -*h* в *hvah* и др.). Сочетание *k^ui- с частицей *-k^ue выступает обычно в отрицательных конструкциях, ср. хет. *Ú-UL ku-iš-ki, li-e ku-iš-ki*, лув. *na-ṣa-ku-iš-ḥa*. Распределение вариантов *ki/ka* в плане синхронии хеттского языка регулируется правилом фонологического характера: если в последнем слоге словоформы гласный *i*, то выбирается вариант *-ki*, если другой гласный, то выбирается *-ka*, ср. *kuiški, kuiñki, kuinki, kuitki, kuelka, kuedanikki, kuella, kuezqa*. Рефлекс *-ka* представлен также в хет. *ma-a-an-ka (Ú-UL ma-an-ka)* '(ни)как'¹⁰⁴.

2. Общехетто-лув. *-ku (и.-е. *-k^uo) в качестве основного значения имеет значение соединительной и усилительной частицы, как, напр., в хеттском в сочеланиях *immakku* 'же', *nattakku* '(и) не'¹⁰⁵; *apiṣakku* 'даже там'; также в сочетании с отрицательной частицей *ni-* (?): *nikku* '(и не) (?)'¹⁰⁶; *akku-akku* 'или ... или', *takku* (< *to — *k^uo-).

Самостоятельно *-kku* в хеттских текстах употребляется очень редко¹⁰⁷, в значении, близком к хет. *ta*, но всегда как клитика, напр., КВо XII 128 IX 6 *nu-kku ka-ru-uš-te-en GEŠTU-te-en* 'теперь вы молчите и слушайте!', 533/f 9: *it-te-en-ku a-uš-te-en* 'идите (и) смотрите',

Рефлексы *-k^uo в этом употреблении сохранились в палайском (ср. *nu-ku in-na-aš-ša-aš*), а также в лувийском и палайском в частице *-kuwa* (с неясной семантикой; в лувийском — 'как, подобно?'), ср. пал. *ti-ya-az-ku-ṣa-ar u-er-ti ka-at-ku-(u)a-at ku-it a-ta-an-ti* 'и Т. говорит: поскольку они все (?) едят'; лув. XXXV 103 II 15—18 *an-ni-iš ku-wa-at-ti pâr-na-an-za mad-du-[n]-an pa-ap-pa-*

¹⁰⁴ О семантике хет. *ma-an-ka* см.: E. Benveniste. Une expression négative: Hittite *UL mānka* // RHA. 5. P. 125—131; J. Friedrich. HW. S. 136.

¹⁰⁵ См.: J. Friedrich. JCS. I. S. 303; HW. S. 149.

¹⁰⁶ Отрицательное значение для *nikku* предлагается в работе: A. Hahn. Language. 12. 110 ff.; H. Kronnasser. EHS; ср. J. Friedrich. HW. S. 151, на основании соображений этимологического характера, так как контексты, в которых встречается *nikku*, неясны (напр., KUB XXIV 8 II 16 ff., XXX 10 II 11).

¹⁰⁷ См. об этом, напр., O. Carruba. Die satzeinleitende Partikeln in den indogermanischen Sprachen Anatolien. Roma, 1969. S. 169.

ar-ku-ua-at-ti ta-ti-ia-pa-ua-ti-ia-[*ta* 'Как мать чистит дома с/из *m.*, и как отец чистит их...']. Возможно, рефлексы **k^uo-* представлены в пал. *nik* 'не' (с императивом), в лид. *ak* (частица, вводящая предложения); однако в последнем случае не исключено, что здесь лид. *ak* этимологически тождественно и.-е. **-ke* (см. Рок. 609) — указательной частице (см. статью о **-ke*; ср. тот же демонстративный элемент *-k* в хет. *-kan* (аспектуальная частица), *kiššan* 'так' и др.).

Частица **-k^ue/i* как на общехетто-лувийском, так и на индоевропейском уровне этимологически тождественна местоимению **k^ui/e-* (см.) (ср. соотношение указательного местоимения **kē-* и частицы **-kē*). Их основное противопоставление — противопоставление клитики (частицы **-ke*, **-k^ue*) и полноударного корня (**ke-*, **kui-*).

**kuen-/k^un-* 'бить; убивать': хет. *kuen-/kun* 'бить, убивать' // и.-е. **g^hen-* 'убивать; преследовать': др.-инд. *hánti* 'он бьет, убивает' (3 мн. *ghnánti*); греч. *δαίνω* 'бить, ударять; убивать'; лит. *genù* 'гоню': слав. *žьnъ, ženъ* тох. А *kunaš-* 'сражение'¹⁰⁸ и т. д.

Хет. *kuen-* принадлежит к числу общеиндоевропейских корневых атематических глаголов спряжения на *-mi*¹⁰⁹. В хеттском хорошо сохранились древние морфологические особенности этого глагола: огласовке *-e-* в формах единственного числа презенса (типа 1 л. *ku-e-m-*, 3 л. *ku-(s-)en-zi*, др.-хет. *ku-i-en-zi*) противопоставлена нулевая ступень огласовки в формах множественного числа (3 л. *ku-na-an-zi*). Противопоставление хет. *kuenzi* : *kunanzi*, генетически тождественных др.-инд. *hánti* : *ghnánti* (**g^hen-ti* : **g^hen-enti*), стало уже классическим примером отражения индоевропейского анлаута в хеттском¹¹⁰. Но следует отметить, что противопоставление по огласовке форм единственного и множественного числа хет. *kuen-* (как и некоторых других хеттских глаголов того же типа)¹¹¹ выдерживалось только в формах 3-го лица, причем вся парадигма множественного числа настоящего времени данного глагола в письменный период развития хеттского языка перестраивалась по иному типу. Наряду с архаичной формой 3 л. мн. ч. *ku-na-an-zi* встречается новообразование *ku-en-na-an-zi* (KUB XVII 35 I 32) с огласовкой единствен-

¹⁰⁸ A. J. Van Windekens. Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. Vol. 1. Lonvain, 1976. P. 243.

¹⁰⁹ Глагол с подвижной акцентной парадигмой, как и в индоиранском, 1-й парадигматический класс по Николаеву-Старостину, см.: С. Л. Николаев, С. А. Старостин. Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982. С. 327, 338 сл.

¹¹⁰ См., например, F. Sommer. Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947. S. 52.

¹¹¹ Вяч. Вс. Иванов. Глагол... С. 14, примеч. 4; 113 сл.; там же детальный морфологический анализ хет. *kuen-* и родственных и.-е. форм.

ного числа. Старые формы 1 л. и 2 л. мн. ч. презенса не засвидетельствованы, в памятниках встречаются только формы с огласовкой *-e-*: 1 л. мн. ч. *ku-en-nu-um-me-e-ni* (вариант *ku-en-nu-um-mi-e-ni*), 2 л. мн. ч. *ku-en-na-at-te-mi*¹¹². Характерно, однако, что в 3 л. мн. ч. императива сохраняется архаичная огласовка, ср. *ku-na-an-du*, соответствующее вед. *ghnántu* 'пусть бьют' (но 2 л. мн. ч. хет. *ku-en-tin* 'бейте'). Эти факты показывают, что количественное чередование в личных формах глагола было архаичным явлением, постепенно устранившимся в процессе развития хеттского языка.

К архаизмам парадигмы хет. *kuen-* надо отнести и сохранение формы 3 л. ед. ч. медиопассива *ku-na-ti* 'он убит' (< **g^hhn-o-dhi*)¹¹³, совпадающей с авест. 3 л. ед. ч. мед. (*ni-*)*yne* (< **g^hhn-oi*)¹¹⁴. (Обычно в качестве пассива к *kuen-* в хеттском супплетивно используется глагол *ak-* 'умирать' с возможной неиндо-европейской (северокавказской) этимологией).

От хет. *kuen-* образован ряд производных глагольных основ: *kuṣašk-* (архаический итератив на *-šk-* с древней структурой корня в нулевой ступени **g^hhn-sk* > *k^hask*), *kuennai-/kuenniija-* 'разбивать'. В новохеттских текстах (например, в анналах Мурсилиса) *kuen-* и его производные чаще всего употребляются в качестве специального военного термина в значении 'разбить (противника), нанести полное поражение врагу'. Образование от корня **g^hhen-* производных, играющих важную роль в специальной военной лексике, характерно и для других индоевропейских языков, в особенности древнегерманских, ср. др.-англ. *gið-* 'битва, война' и родственные ему слова, восходящие к **g^hhñjā*¹¹⁵: др.-исл. *gunnr*, *giðr*, др.-сакс. *gūdea* 'битва; война' (в «Песне о Хильтибранте», ср. там же сложное слово *gūduamo* 'боевая одежда': д.-в.-н. **gund-hamo*, и др.); ср. также тох. *A kunaś* 'сражение'.

В хеттском известно также производное от *kuen-* имя существительное *kunkunuzzi* 'смертоносное каменное орудие, убийца'. По своей структуре это существительное является редуцированным образованием от *keun-* с суффиксом *nomina instrumenti -uzzi-*.

¹¹² Э. Стертевант без достаточных оснований приводит формы 1 и 2 л. мн. ч. с огласовкой *-e-* в парадигме глагола *kuennai-* (E. Sturtevant. A Comparative Grammar of the Hittite Language². New-Haven, 1952. § 318. P. 162; ср. § 301. P. 151). Более точную картину спряжения глагола *kuen-* дает И. Фридрих (Краткая грамматика... § 171. С. 90).

¹¹³ Эттингер без оснований считает эту форму поздней инновацией (N. Oettinger. Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Nürnberg, 1979. S. 119).

¹¹⁴ Вяч. Вс. Иванов. Глагол... С. 113.

¹¹⁵ Относительно архетипа данных слов ср.: Э. Прокоп. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954. С. 50; K. Brugmann. Grundriß... Bd. 2. T. I. § 305. S. 44. Ср. о значении, связанном с войной и поражением орудием в германских и индоевропейских словах этого корня: J. Haudry. L'emploi des ces en védique. Paris, 1979. P. 212 ff.

На редупликацию этого корня следует обратить особое внимание потому, что в «Ригведе» встречается аналогичное редуплицированное именное образование от **g^hhen-* : *ghanāghana* ‘сильный в сражении’, ср. также ведийские интенсивные причастия с тем же типом удвоения *jāñg- hanat-*, *jāñghnat-*, *ghánighnat-*. Существительное *kunkunuzzi* в хеттских текстах употребляется по отношению к камню, из которого изготовлялась головка жезла (булавы); ср. употребление производных от *kuen-* для обозначения орудий в других индоевропейских языках: вед. *ghána-* ‘тот, кто уничтожает, разрушает; палица, дубина’; др.-исл. *gandr* ‘палка, шест’, лит. *giñklas*.

Наряду с обозначением каменного орудия и камня, из которого это орудие сделано, хет. *kunkunuzzi* имело особое употребление в мифологических текстах. В поэме «Песнь об Улликумми» *kunkunuzzi-* — это прозвище каменного чудовища Улликумми, которое бог Кумарби породил для уничтожения своих соперников. В некоторых местах поэмы встречается сочетание существительного *kunkunuzzi-* с глаголом *kuen-*, указывающее на живую связь между этими словами, ср. (Ullikummi, 3 табл., I, 32—33) [*ku-e*]n-ta-*qa-ra-an-kán ku-u[a-at-qa]*^{NA}₄ *ku-un-ku-n[u-zi-iš* ‘он-де, *kunkunuzzi-* (т. е. ‘Улликумми’, ‘каменное чудовище’), возможно, убил (*kuenta*) его’. С этим значением хет. *kunkunuzzi-* сопоставимо авест. *vərəθraγna-* < **vṛtra-ghna-* ‘уничтожающий сопротивление’ (название мифологического существа)¹¹⁶, и те лежащие в основе этого словосложения сочетания типа др.-инд. *áhann áhim* ‘он убил дракона’, *vṛtram jaghanvān* ‘убил Виртру (Змея)’, лит. *Perkunas išganioja velnius* ‘Перкунас изгонял чертей’, позволяющие восстановить мифологический и мифопоэтический контекст, в котором глагол **g^hhen-* употреблялся в общеиндоевропейском¹¹⁷. К этому архаическому индоевропейскому употреблению глагола для обозначения убийства врага посредством орудия (типа индийской ваджры) восходит и использование формы *ku-en-ta* ‘убил’ (о боге Грозы и драконе — хет. *illu-yanka*) в обоих вариантах (III A III, 32; B I 18)¹¹⁸ мифа о двух этих

¹¹⁶ См. об этом древнеиранском слове: E. Benveniste, L. Renou. *Vṛtra et Vrθraγna* // Cahiers de la société asiatique. P., 1934. III.

¹¹⁷ Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 40—41, 99—101. В недавнее время на основании тех же или отчасти сходных индоиранских примеров и подтверждая тем самым идею указанной книги, Уоткинс реконструирует общеиндоевропейский миф об ‘убийстве’ (**guhen-*) дракона как основной для всей индоевропейской морфологии: C. Watkins. The name of Meleager. — *O-o-pe-ro-si* // Festschrift für E. Risch zum 75. Geburtstag. Berlin; New York, 1986. S. 320—328, особенно s. 320—321.

¹¹⁸ E. Laroche. Textes mythologiques hittites en transcription. 2 partie: Mythologie d’origine étrangère // RHA. 1965. T. 23. Fasc. 77. P. 12, 72 (текст 321 по каталогу Лароша: KBo III 7 + KUB XVII 55,6 + KUB XXXVI 54).

персонажах (независимо от весьма вероятного неидоевропейского источника данного конкретного текста ¹¹⁹ его языковая форма, в частности, использование данного глагола, бесспорно отражает древний индоевропейский узус).

***kuer-/kur-** ‘(от)резать’ : хет. *kuer-/kur-* ‘отрезать’, *ku(e)ra-* ‘поле’, *kurur* ‘враг’; лув. *kurammi-* ‘отрезанный’; мил. *keri* ‘поле’; лид. *qilyra-* ‘недвижимость’ // и.-е. (?) ***k^uer-** ‘делать; обрабатывать; придавать форму’ (Рок. 641 f.): в анатолийском контаминация о ***(s)ker-** ‘(от)резать’ (Рок. 938 ff.) ? или и.-е. ***k^uer-** ‘резать’ ? (см. ниже).

Глаголу *karš-* в хеттском близок по семантике *kuer-/kur-* ‘(от)резать’, содержащий количественный аблаут ***k^uer-** : ***k^ur-1** ¹²⁰ (3 л. ед. ч. презенса *ku(e)-ir-zi* и *ku-ir-ri*, 3 л. мн. ч. *ku-ra-(u)an-zi*, др.-хет. 3 л. ед. ч. прет. *ku-e-ir-ta* и т. д.). Нулевая ступень основы характеризует редуцированный глагол *kurkurija-* ‘изувечить’ и именные производные ^{TUG}*kureššar* (имя с гетероклитическим суффиксом *-šar/-šnaš*) ‘платок, косынка’ (ткань, используемая как женский головной убор), *kurkurima-* ‘увечье’ — отглагольное имя с суффиксом **-mo-* ¹²¹. К этому же корню, вероятно, восходят обозначение поля, участка земли А.ŠÀ *ku(e)ra-* ¹²², а также категории людей, свободной от повинностей, хет. ^{LÚ}*kuriçana-/* ^{LÚ}*kureçana-/* ^{LÚ}*kuiçana-* ‘независимый; освобожденный от повинностей’ ¹²³.

Кронассер допускал, что с основой *kuer-/kur-* может быть связан и хет. *kuçakuçark-* ‘(от)резать’ ¹²⁴, ср. 1 л. ед. ч. презенса (магический текст КВо XI 11 I 5) *ar-ḫa ku-ça-ku-ça-ar-ki-mi* ‘я резаю’. Распространение глагольной основы посредством гуттурального суффикса — вполне обычное явление, но остаются неясности семантического плана при истолковании группы слов с формально адекватной основой *kurk-* ‘хранить (?)’, *kurk(a)-* ‘жеребенок’ ¹²⁵.

Исходная основа (*kuer-/*)*kur-* дает в хеттском ряд производных со специфической семантикой. Это хет. *kurur* ‘враг, враждебный’, *kururatar* ‘врада’,

¹¹⁹ J. Fontenrose. Python. A study of Delphic myth and its origins. Berkeley; Los Angeles, 1959.

¹²⁰ К этому же типу относятся в хеттском парадигмы *ḫuek-/ḫuk-* ‘заклинать’, *kuen-/kun-* ‘убивать’ и т. д., а также, вероятно, *eš-/aš-* ‘быть’, *ek-/ak-* ‘умирать’ и др., где *a-* — ступень редукции апофонического **-e-*.

¹²¹ В хеттском имена с этим суффиксом часто формируются от редуцированных основ, ср. *lalukima-* ‘свет; лучезарность’ < *luk-* ‘светить, рассветать’.

¹²² А. Ю. Милитарев обратил наше внимание на тот факт, что хет. *kuera-* может восходить к хурр. */q^wra/* ‘земля’.

¹²³ См. об этой категории: F. Sommer. AU. S. 342—348, 392—395.

¹²⁴ H. Kronasser. EHS. S. 570.

¹²⁵ О значении этого слова см.: B. Forssman. ZfS. 1980. № 84. S. 70—74.

‘состояние войны’, *kururijaḥ-* ‘враждовать’ и т. п.¹²⁶, ср. в тексте Законов (КВо VI 3) § 23, 61—62: *na-aš ku-ru-ri-i KUR-e pa-iz-z[i* ‘и он во враждебную страну пойдет’; KUB XIV 3 IV 4—5 (письмо хеттского царя царю Ахийявы): *nu-ṣa-za da-me-da-za KUR-e-za ku-ru-ur e-eš am-me-ta-za-ma-ua-za-kán KUR-e-za ar-ḥa li-e ku-ru-ur* ‘ты другой страны врагом будь, моей же страны не (будь) врагом!’.

Хет.-лув. характер основы **k^her-* удостоверяется лув. *kurammi-* ‘отрезан(ный)’ — медиопассивным причастием от нулевой ступени основы **kur(a)-* (ср. нулевую ступень в хеттском причастии *kurant-*, инфинитиве *kuranna* и др.). Лув. *kurammi-* употребляется обычно в ритуальных текстах рядом с близким по значению причастием *karšammi-*. Учитывая регулярную последовательность (*ta-lu-up-pi-iš*) *ku-u-ra-am-mi-iš kar-ša-am-mi-iš*, можно предположить, что первое слово означало ‘отрезанный’ (о ломте хлеба), а второе — ‘нарезанный (на кусочки)’.

Лик. *keri* ‘полю’ (ср. хет. *ku(e)ra-* ‘id.’) содержит в анлауте закономерный для этого языка рефлекс и.-е. **k^h* (ср. лик. *ke* ‘и’ < и.-е. **k^he*). Этот термин используется, во-первых, для обозначения ‘поля’ в широком смысле (хет. *gimra*, лув. *im(ma)ra-*), в частности, как места, где проходит сражение: TL 44 с 51 *sede kerī trisu : qñnātbisu : prete laxadi : zrētēni* ‘и на поле трижды двенадцать (т. е. ‘множество’) раз он был боем врага’. Во-вторых, в узком смысле — это обозначение ‘участка земли’ (с прозрачной внутренней формой), где расположены памятник (*sbirte*, 44 с 39), святилище (*qrbbli*, d 25—26), стена (*kuti*, d 23).

А. Хойбек связывает с хет. *ku(e)ra-* лидийское наименование ‘недвижимого имущества’, *qira-/qyra-*¹²⁷ (относительно начального согласного ср. лид. *qi-/qy-* ‘который’ : хет. *kuiš*), которому в лидийско-арамейской билингве соответствует арамейское *qin* ‘недвижимое имущество’ (включая скот). Лид. *qi/yra-*, в отличие от хет. *ku(a)ra-* и лик. *keri*, может относиться не только к земле (хотя это значение первоначально), но ко всем видам недвижимого имущества, ср., например, заключительные строки билингвы, где термин *qira-* обобщает перечисление различных владений (LW. S. 7—8): *aaral biral kklidal koful k qiral qellk bill vcbaqēnt* ‘двор и дом, землю и воду, и всякую его (т. е. нарушителя) недвижимость (Артемиду) погубит’.

Глагол, соотносимый с хет. *kuer-*, в позднеанатолийских языках не сохранился.

¹²⁶ Ср. сходное семантическое развитие у лик. *zrētēni* ‘враг’ при хет. *šarra-* ‘ломать, разламывать’. Бенвенист, однако, категорически отрицает связь *kurur* и *kuer-* (Индоевропейское именное словообразование. С. 62).

¹²⁷ А. Heubeck. Lydiaka. Untersuchungen zu Schrift, Sprache und Götternamen der Lyder. Erlangen, 1959. S. 44.

Хет. *kuer-/kur-* возводили к и.-е. **k^uer-* 'делать; обрабатывать; придавать форму' (Рок. S. 642), что хотя бы вероятно с точки зрения семантики, но не исключает других возможностей. В частности, представляется перспективным сопоставление со славянским, балтийским и индоиранским материалом: русск. *корный* 'коротенький, куций', *корнать* 'подрезать, усекать, укорачивать', ц.-слав. **кърнѣ** *ῥτότμητος*; лтш. *kurñs* 'глухой', лит. *kuĩsti* 'глохнуть' при др.-инд. *kīrnás* 'раненый, убитый', *karnás* 'корноухий', авест. *karəna-* 'глухой' < **k^uor-no-*, **k^ur-nó-*. Можно было бы считать, что непроизводная глагольная основа **k^uer-* в значении '(от)резать' сохранилась только в хетто-лувийском; в других и.-е. языках основа с данной семантикой содержит суффикс **-n(o)-* и имеет явно производный характер. Что касается и.-е. **k^uer-* 'делать', то вполне вероятно развитие его значения из более конкретного 'резать' (если только это не два разных глагола), ср. типологическую параллель в нем. *machen* 'делать' 'мазать, обмазывать глиной').

kui-*, **ku-*: хет. *kuiš* 'который, кто', *kuit* 'что, ибо', *kuišša* 'каждый', *kuiški* 'кто-то', *kuu-ari* 'куда', 'куда, когда', *kuu-arija* 'повсюду', *kuu-ariikki* 'куда бы ни', *kuuati* 'почему', *kuuatika* 'как-нибудь'; лув. *kuiš* 'который', *kuišha* 'кто-то', *kuuati* 'как', иер. **hwa-* (идеограмма REL/OTH) 'который'; пал. *kuiš* 'который'; (?) лув., пал. (частица), *kuu-*; лид. *qis* 'который', *nāqis* 'кто бы ни', *qisk* 'кто-то', *kud* 'где', *kot* 'так как' // и.-е. **k^uo-*, **k^ue-* (fem. **k^ua-*); **k^uei-*, **k^uu-* 'вопросительно-неопределенное и относительное местоимение типа 'кто, который': основа *k^uei-*: др.-инд. *ná-kiḥ* 'кто-то', авест. *čiš*, *čišca* 'кто', др.-перс. *čis-ciy* 'кто бы ни', греч. *τις*, *τι*; лат. *quis* 'кто, который', оск. *pīs*, *píd*, умор. *sve-pīs*, тох. А *kus*, тох. В *kuse* 'который', ст.-слав. **къ-то; др.-инд. *ká-ḥ* 'кто', авест. *kō*, др.-перс. *kaš*, арм. *o-k* 'кто-то'; греч. атт. *τοῦ* 'чей'; лат. *quī*, *quod*, умбр. *porse* 'что', оск. *puí*, *paí* 'id'; лат. *quo*, умбр. *pu-e* 'куда', гот. *hvan* 'когда', *hva-* 'кто'; ст.-слав. *ko-gьda* и др. (Рок. 644 f.).

В хетто-лувийских языках сохраняются две общеиндоевропейские основы относительно-указательного местоимения **k^ue-*, **k^uo-*: **k^ui-* (в хеттском *kuiš*, *kuiški*, *kuel*, *kuadani* и др., лув. *kuiš(ha)*, пал. *kuiš*, лид. *qis*, *nāqis*, *qisk*) и **k^ua-* (в хеттском *kuwapi* (< **k^uo* + **bhi*), *kuwat* (< **k^uo* + **-t*) лув., пал. *-kuu-*, лув. *kuuati*, возможно, лид. *kud*, *kot*). Эти основы распределены таким образом, что вариант **k^ua-* выступает преимущественно в формах наречного характера. Местоимения с основой **ku-* в хетто-лувийских языках не имеют значения вопросительных, за исключением хет. *kuuati*, см. ниже (в отличие от ряда и.-е. языков)¹²⁸.

¹²⁸ О семантике и.-е. **k^ue*, **k^uo* как вопросительного, относительного и неопределенного местоимения см.: J. Gonda. The history and original function of the i.-e.

В хеттском языке сохраняется полная парадигма словоизменения относительного и указательного местоимения *kuiš* (им. общ. р. мн. ч. *kuēš*, вин. общ. р. ед. ч. *kuin*, мн. ч. *kuēuš*, им.-вин. ср. р. ед. ч. *kuit*, мн. ч. *kuē*, род. ед. ч. *kuēl*, дат.-мест. ед. ч. *kuēdani*, *kuēti*, мн. ч. *kuēdaš*, абл. ед. ч. *kuēz(za)*). В сочетании с частицей *ki*, *ka* (из общеи.-е. **k^he*, см. ниже) образуется составное местоимение *kuiš-ki* (но ср. род. ед. ч. *kuēlqa*, мн. ч. ед. ч. общ. *kuēsqa*, ср. также лув. *kuiš-ḫa*, лид. *qis-k* (см. выше: лат. *quisque*, др.-инд. *čisčit*, авест. *čišca* и др.)). В сочетании с частицей *-a* образуется составное местоимение *kuiš-a* 'каждый, кто бы ни'. Посредством редупликации основы *kuiš* образуется составное обобщающее местоимение *kuiš kuiš* (ср. лат. *quisquis* 'кто бы ни' (часто встречается в сочетании с усилительной частицей *imma* 'же': *kuiš imma kuiš*)).

В хеттском языке *kuiš* используется для оформления относительных предложений «архаичного» типа¹²⁹. *kuiš* выступает в функции подчинительного местоимения, тогда как в функции синтаксически нейтральных местоимений могут выступать местоимения *apaš* 'тот', *uni-*, *eni-*, *-aš* 'этот'; местоимение *kāš* 'этот' в такой функции выступает в основном в древних текстах. Регулярно сохраняется противопоставление двух основных значений *kuiš*: неопределенного и определенного (последнее близко к значению определенного артикля). Имеет индетерминированное значение в позиции абсолютного начала предложения и в препозиции к определяемому слову: КВо III 22 Rs 49—51: *ku-iš am-me-el a-ap-pa-an LUGAL-uš ki-i-ša-ri nu*^{URU} *Ḫa-at-tu-uš-ša-an a-ap-pa a-ša-a-ši na-an ne-pi-ša-aš*^D*İŠKUR-aš ḫa-az-zi-e-it-ti* 'Всякий кто после меня царем станет и город Хатгуссу снова заселит, (пусть) того поразит небесный бог бури' (надпись Анниты); KUB XXVI 9 18—20: *na-aš-šu LÚ. UGULA LI-IM na-aš-ma ku-iš im-ma BE-LU ḫa-an-da-it-ta-ri na-aš-ta NA₄ KIŠIB A-NA KA ták-ša-an kat-ta ú-ḫa-an-du* 'и офицер, и какой бы господин не был приведен, пусть они вместе проверяют печати на двери'. К индетерминированному употреблению близко употребление *kuiš* в значении, близком к ограниченному квантору общности ('какой бы ни был из определенного множества'), напр., билингва Хатгусилиса, 2, 9—10, *LUGAL-aš ut-tar Ú-UL da-a-aš nu an-na-aš MUŠ-aš ku-it ut-tar nu a-pa-a-at da-a-aš* 'Слово царя он не воспринимал, а матери-змеи какое бы ни было слово, то воспринимал'. *kuiš* в детерминированном значении ставится в постпозиции к определяемому слову или в конце предложения, напр., 2 ВоТУ 10—19: *ut-tar-še-et DUMU. É.GAL*

**kwe-*. Mnemosyne, 1956. 4. P. 1—75; The original character of the indoeuropean relative pronoun *kwi* and *kwo* // Lingua. 3—4. 1954. P. 240—241.

¹²⁹ Об этом термине см.: А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. К типологии относительного предложения // Семантика и информатика. 1976. 6. С. 1—50.

ku-iš hu-ur-ta-li-iz-zi kap-ru-uš-še-et ha-at-ta-an-du 'Тому дворцовому слушателю, который нарушит закон, они должны перерезать горло'. Противопоставление двух значений *kuiš* отражает древнее общеиндоевропейское явление (ср. противопоставление детерминированного и индетерминированного значений у общей.-е. местоимения **io-*)¹³⁰.

Иногда местоимение *kuiš* может иметь значение, близкое к значению указательного местоимения, напр., Документ Телепинуса § 29, 44 *par-ku-nu-ši-ma-za Ú-UL ku-it* 'но ты не очистишься никак'. Местоимение *kuiša* выступает в индетерминированном, обобщающем значении, напр., KUB XIII 2 22: *ku-i-ša-kán ú-e-ta-na-za ša-ḥa-a-ri na-an-kán ša-an-ḥa-an-du* '(всякий) кто был осквернен водой, пусть они его очистят'. *kuiš kuiš* может иметь индетерминированное значение, напр., KUB XXVII + KUB XXXI 55: *nu-ku-iš A-NA^dUTU^{š1} Ú A-NA^{URU} Ḥa-at-ti LÚ.KUR e-eš-zi šu-me-e-ša A-NA^dUTU^{š1}-pat kat-ta-an ni-ni-iktum-ma-at* 'кто бы ни был врагом моего Солнца и города Хатти, вы должны для моего Солнца уничтожить (?) (его)'. В детерминированном употреблении *kuiš kuiš* обычно относится к *nomina collectiva* или к множественному референту, напр., KBo III 22 10: *^DUTU-az ut-ne-e ku-it ku-it-pat a-ra-iš nu-nu-u-ta-an-da hu-ul-la-an-na* 'с помощью богини Солнца, какая бы страна (из известных) не восставала, я ее разбил'. Неопределенное местоимение *kuiški* встречается как в постпозиции, так и в препозиции к определяемому слову, напр., KUB XIII 3 II 28—29: *ku-it-ki É* 'какой-то храм', но KUB XIII 19 I 16—17: *EL.LAN ku-iš-ki* 'какой-то свободный (человек)'.¹³⁰

Хет. *kuit* имеет значение подчинительного союза 'ибо, поскольку' (ср. лат. *quod*, лид. *kud, kot*), напр., Маддувата, Vs 59: *nu-uš-ša-an A-NA¹Ma-ad-du-ḡa-at-ta ku-it še-ir za-aḥ[-ḥi-]ir [ma-a]n-kán še-e-ir A-NA¹Ma-ad-du-ḡa-at-ta ku-e-nir* 'Поскольку они воевали на стороне Маддуватты, их тоже убили (бы) за Маддуватту'. Сложный союз *kuitman* имеет значение 'когда, в то время как, тогда', напр., KUB XXIX 4 Vs § 1: *nu-kán ku-it-ma-an ú-e-tum-ma-an-zi hu-u-ta-an-ta-az-zi-ja aš-nu-zi* 'и когда/тогда для строительства он все должен подготовить'.

¹³⁰ См. об этом: Вяч. Вс. Иванов. Сравнительно-исторический анализ категории определенности — неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики // Категория определенности/неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. С. 11—64. О детерминированном и индетерминированном употреблении хет. *kuiš* см. также: W. Held. The Hittite Relative Sentence. Language monographs. 33. 1959; C. F. Raman. The Old Hittite Relative, Sentence Language monographs. 33. 1959; Idem. The Old Hittite Relative. Sentence Construction. Austin, 1973. Опыт семантического анализа употребления хеттского *kuiš* и его роли в оформлении актуального членения предложения см. в работе: C. Justus. Relativization and Topicalization in Hittite-Subject and Topic. ed. Ch. II. Cal., 1976.

Союзные слова *kuṣari*, *kuṣatt-a* используются в сложноподчиненных предложениях, ср. 363/e II 34: [ke-e]z-za-ma-aš ku-ṣa-pi i-ṣa-at-t[a-a]t [nu-u]t-ta ke-ez-za HUR.SAG ša-kad-da-un-ṣa [ku-r]u-ur e-eš-ta 'Куда бы он оттуда ни шел, (страна) по ту сторону горы Ш. была к нему враждебна'; документ Телепинуса, кол. 2, § 2, 6: ku-ṣa-at-ta-aš la-aḥ-ḥa-ma pa-iz-zi [(nu^{LÜ}KUR-an ut-ne-e ku-it)]-ta-ni-it tar-aḥ-ḥa-an ḥar-ta 'Куда бы он в поход ни отправился, он одолевал врага оружием'. Вопросительное значение сохраняется у *kuṣat*, ср. KUB XXI 38, 8: ku-ṣa-at-ṣa-ra-an-mu ki-nu-un Ú-UL pi-eš-ta 'почему ты мне ее не дал?'. Это употребление уникально для хетто-лувийских языков и представляет собой архаизм.

[Основа *kuṣa-* в хеттских текстах сохраняется в целом ряде глоссированных лексем, таких как *kuṣaja-* 'каждый', *kuṣajam(m)a*, *kuṣajamant-* 'кто-то (?) (хотя, скорее всего, это лувизмы), *kuṣajata-*, *kuṣajataza* 'повсюду'.]

Для лувийского не представляется возможным с достоверностью установить противопоставление детерминированного и индетерминированного значения относительного местоимения *kuiš*, хотя *kuiš* встречается в различных позициях, ср. *kuiš* в позиции начала предложения: KUB IX 6 + KUB XXXV 36 III 25—26: ku-iš-tar ma-al-ḥa-aš-ša-aš-ša-an-za-an EN-ṣa a-as-du-ṣa-la a-an-ni-ti a-an DINGIR^{MEŠ}-in-zi a-aḥ-ḥa na-a-ta-at-ta ta-ta-ar-ḥa-an-du 'кто причинит зло господину ритуала, пусть боги сломают его, как тростник'; в постпозиции к определяемому слову (контекст неясен): KBo IV II 16—17: za-an-ni-in (Acc. Sg.) KAS-an ku-in a-at-ti ku-i-iš ni-mi-ṣa-an-ni an-na-a-an i-li du-du-um-ma-ni-šā-an; в препозиции к предикату в KUB XXXV 43/k I 14—19: ^{UZU}EME-in p]a-ri-pa ku-in iš-ša-ra-a-ti.

Ср. употребления *kaṣati(n)* (*kuṣatin ... apatin* 'как ... так'): KUB XXXV 54 II 42—44: pa-a-ti ku-ṣa-a-ti-in [.]ša ti-ṣa-am-mi-iš na-a-ṣa a-a-ṣa-ri ti-ṣa-am-miš-pa-ti na-a-ṣa a-a-ṣa-ri za-a-ḥa SISKUR SISKUR-aš-ša a-pa-ti ni-iš a-ṣa-ri 'Как эта земля ... не становится, так и жрец ... не становится'.

В иероглифическом лувийском используется относительное местоимение **hwa-*; обобщенное местоимение **hwa hwi*, ср. хет. *kuiš kuiš*¹³¹.

В ликийском и палайском известна частица *kuwa-* (неясной семантики). В палайском языке местоимение *kuiš(a)* используется в функции подчинительного местоимения, в различных позициях в предложении, ср. (ритуал, KUB XXX 165 § 3 15: ku-iš-a tu-u ṣu-la-ši-na-aš kar-ti a-ti-a-pa-an az-zi-ki-i 'Какой хлеб тебе по сердцу, ешь его, поглощай!'; § 17 Rs 9—10: la-a-al-an-ta ku-iš tar-ar-tan ma-ri-iš-ši ma-aš-pa-ši mu-u-uš-ši ta-a-an-i-du-ut-ta ku-iš a-ni-it-ti ma-aš-ta a-ni-i-ṣa-ša 'кто разделит t., тогда себя насыщает, кто ему делает t. ..., тогда

¹³¹ См. об этом: A. Kammenhuber. Esquisse de grammaire palalte // BSL. 54. I. 1959. P. 60—154; P. Meriggi. Manuale di eteo geroglifico. Vol. 1—2. Roma, 1966—67.

ты делаешь... (?)'. По-видимому, имеется относительное местоимение *kuiš* *kuiš* 'кто бы ни', ср. § 5 Rs 25—26: *ḫi-in-mi-du ku-iš ku-iš ma-ri-iš-ši ma-aš-pa-ši tu-u-ši* 'должен погибнуть, кто разбивает, ... насыщается (?)' (если это не два отдельных вхождения *kuiš*?). Встречается *kuit* в значении, близком к хеттскому *kuit*, ср. 2 § 38 9: *ti-ja-az-ku-ṽa-ar ú-e-ir-ti ka-a-at-ku-ṽa-a-at ku-it a-ta-a-an-ti ni-ip-pa-ši tu-ša-a-an-ti a-ḫu-ua-an-ti ni-ip-pa-aš ḫa-ša-a-an-ti* 'Т. говорит: ибо едят — не наедаются, пьют — не напиваются'.

В лидийском языке относительное местоимение может занимать позицию начала предложения, напр., 3 4—5: *qisit fēnslibid esλ vānaλ buk esλ mruλ fakml levś vbaqēnt* 'кто принесет вред этой гробнице или этой стеле, тому бог (Зевс) принесет несчастье'. Представлено местоимение *nāqis* 'кто бы ни' (ср. лат. *nequid*), напр., I 3—8: *akit nāqis esλ mruλ buk esλ vānaλ buk esvav laqirisav bukit kud ist esλ vanaλ bλtarvod aktin nāqis qelk fenslibid ...* 'Кто этой стеле, или этой гробнице, или этой стене, или тому, что принадлежит этой гробнице, нанесет какой-либо вред ...'.

Лид. *qida* 'что бы ни' по структуре сходно с хет. *kuit-a*, напр., 2 4—11: *aktin nāqis fēnslibid esvav mlθendav iskon qida tamv buk vānaλ esλ buk mruλ buk blasol esλ buk laqrisav bukin alēv aθlāv qisk dcdid ist esλvānaλ karolλ sablall karolaś śfēndav arθol akml artimul ibsimvav kulumvak sivraλmḡ []ānu* 'Кто этой части гробницы нанесет вред, всей, как бы ни было ее имя, или стеле, или гробнице, или стене, или *blasod*, или другой части, принадлежащим К., сыну С., то его Артемида Эфесская и Колоэсская ...'. В качестве синтаксически нейтрального местоимения при подчинительном *qis* используется *a-*.

Словоформы местоимения *qis*, *qisk* в лидийском могут использоваться в функции неопределенных и подчинительных местоимений; в качестве неопределенного местоимения преимущественно используется местоимение *qisk*, ср. 24 21—23: (в сочетании с отрицанием, ср. выше о хет. *Ú-UL ku-iš-ki*): *akml alaś nid qisk dēt ifrlis mitridastal [-is]itad mitridastas* 'И ему никто другой не дает, [...] имущество, Митридат'.

Лид. *kud* имеет значение 'где, что' (ср. хет. *kuit*, *kuṽapi*), напр., I 1—3: *mruλ eśšk vānaś laqrisak qelak kudkit ist esλ vānaλ bλtarvod akad manelid kumλilid silukalid* 'Эта стела и эта гробница, и стена, и пол, что бы ни было в этой гробнице (?), это теперь принадлежит М., сыну К., сыну С., *kot* (ср. хет. *kuit*) имеет значение 'поскольку, как', ср. 13, 3—8: *nav isqasaniv qiraad kottin asfāk'cesv* 'Я владею имуществом; и поскольку я владею имуществом...' ¹³² (или: 'поскольку я право собственности установил').

¹³² Об относительном местоимении в лидийском и других позднеанатолийских языках см.: R. Gusmani. LW; *Idem.* Zur Frage des lykischen Relativpronomens // IF. 67. 1962. S. 159—176. Ср. также карийск. *kudś-* словоформа абл. ед. ч. относительного

Таким образом, рефлексy общеи.-е. $*k^u e$, $*k^u o$ - в хетто-лувийских языках сохраняют общую структуру; архаичное противопоставление индетерминированной и детерминированной функций словоформ относительного местоимения $*k^u e/o$ не прослеживается нигде, кроме хеттского материала.

$*kulali$ - 'толпа; войско; род (?)': хет. *ku-la/ē* 'объединение людей', пал. *kuliḡali*- 'родовой (?)'; лув. *kula*- 'толпа; войско'; мил. *kuli* 'толпа' // и.-е. $*k^u el$ - 'род; толпа': др.-инд. (вед.) *kula* 'семья; род; собрание; стадо; множество'; (??) греч. *τέλος* 'конец; предел'¹³³; [о.-слав. $*čelověk < *čelo-věk$ ¹³⁴].

Основа *kulē* встречается в хеттском в формах типа. им. пад. *ku-li-e-i* 'объединение людей, совершающих раздел полей', 'сообщество землевладельцев' (Зак. § 46: *ku-li-i*) и относится Кронассером к разряду основ на *-e*¹³⁵. Основа на *-a* содержится в производном *IR ku-la-ḡa-an-ni* 'Untervasali' (*J. Friedrich. HW. S. 115*).

Часто формы с основой *kula*- в хеттских текстах сопровождаются глоссовым клином и имеют лувийские грамматические показатели, ср. глагол *kulani*:- 1 л. ед. ч. презенса \backslash (клинопись!!) *ku-la-ni-ḡi*, 3 л. ед. ч. претерита \backslash (клинопись!!) *ku-la(-a)-ni-it-ta*. Было высказано предположение, что лув. *kula*- имело значение 'толпа; войско; множество'¹³⁶. Возможно, в хеттском слово *kula* не является исконным, но имеет лувийское происхождение.

Значение 'толпа, множество людей' вполне допустимо для мил. *kuli*. Это слово встречается в надписи из Антифеллоса (55, 4) в конструкции *kuli-ke mrββ-assi* (*mrββa*- 'слово'), с точки зрения семантики и синтаксиса аналогичной лув. *kur-ša-aš-ša-an tu-li-ḡa-an*, обозначающей '(злые) речи толпы'.

Пал. *kuliḡali*- выступает в качестве эпитета богини Катахципури (= хет. *Kamrušepa*), ср. KUB XXX 165 Vs 16: *nu-ku^Dka-taḡ-zi-pu-r[i-iš] ku-li-ḡa-li-iš ku-ḡa-ni-iš* 'вот, богиня Катахципури, покровительница общины (?), справедливая'¹³⁷. Анатолийские формы восходят к основе с нулевой огласовкой $*k^u i$ -. В то же время нельзя исключать индоарийское происхождение этого слова.

местоимения (см.: *A. A. Королев. Хетто-лувийские языки. Языки Азии и Африки. Т. 1. М., 1976*).

¹³³ См.: *V. Pisani. Un termino per 'esercito', 'folla' // Athenaeum. 1984. 62. 1—2. P. 260; ср.: M. Poetto. Ancora sulla parola del 'esercito' in Iuvio // Kadmos. 21. P. 101—103.*

¹³⁴ Этимология славянского слова до настоящего времени надежно не установлена, см. *Этимологический словарь славянских языков. Вып. 4. М., 1977. С. 48 сл.*

¹³⁵ *H. Kronasser. EHS. S. 253.*

¹³⁶ *V. Pisani. Un termino... P. 260.*

¹³⁷ Пал. *kuḡani*-, возможно, к хет. *kunna*- 'правый; справедливый'.

**k̄er-u-*, **k̄r-n-* ‘рог’: хет. *karaṣar* ‘рог’; иер. *aṛ(a/i)ni* ‘id.’ // и.-е. **k̄er-u/n-* ‘рог; рогатый’ др.-инд. *śṛṅga-*, авест. *srū-* ‘рог’; греч. *κεραός* ‘рогатый’; лат. *ceruas* ‘олень’; лит. *kárvė* ‘корова’, и др.

Существительное *ka-ra-a-ua-ar* (также *g-*) ‘рог’ (идеограмма SI) встречается уже в древнехеттских текстах, например, в «Рассказе о быке, сдвинувшем горы» (KUB XXXI 4 Vs + KBo III 41), хет. *karaṣar* обозначает (согнутый) рог мифического быка, сдвинувшего гору и открывшего хеттам путь к морю.

Иер. *s̄ura/inì* — форма со старым палатальным, ассимилированным перед *-u-*¹³⁸, которая соотносится с хет. *karaṣar* так же, как русск. *серна* и *корова*, лит. *stīrua* ‘серна’ и *kárvė* ‘корова’ и т. п. Сопоставление хет. *karaṣar* с иер. *s̄ura/inì* позволяет утверждать, что ассимиляция палатального осуществилась на протяжении истории отдельных анатолийских диалектов в период, следующий за изменением **ɣ* > *ur* (также носившим диалектный характер)¹³⁹.

[Высказывавшиеся сомнения относительно этимологической связи иер. *s̄ura-inì* и хет. *karaṣar*¹⁴⁰, объединяемые «ненадежностью чтения знака *s̄u*», выглядят необоснованными, так как для того же знака *s̄u* в слове *s̄u²-wā/i-ni-* ‘собака’ Вайтенбергом признается значение [*su*] (хотя само слово объявляется заимствованным!).]

¹³⁸ О развитии слоговых сонантов в хеттском см.: O. Szemerényi. Hittite pronominal inflection and the development of syllabic liquids and nasals // KZ. 1955. Bd. 73. H. 1—2.

¹³⁹ J. Weitenberg. U-Stämme. S. 407; ср.: O. Szemerényi // FS Bonfante II. 1976. S. 1068 f.

¹⁴⁰ U-Stämme. S. 406.